This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

KPG 803

Harvard College Library

BEQUEST OF

JEREMIAH CURTIN

(Class of 1863)

RECEIVED SEPTEMBER 3, 1913

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Jeremiah Curtin Slav 4338.12.7

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ
за 1873 г.
(ИЗЪ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИНЪ»).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Пантелѣева. Подольская, 34.
1906.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ
за 1873 г.
(ИЗЪ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИНЪ»).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Пантелѣева. Подольская, 34.
1906.

Digitized by Google

KPG 533

Mar 4335.2.7

Harvard College Library
Sept. 3, 1913
Bequest of
Jeremiah Curtin

BOUND SEP 4 1914

Digitized by Google

Въ составъ настоящаго тома включены нѣкоторыя статьи, которыя не имѣлись въ виду при первоначальномъ распредѣленіи по томамъ сочиненій Ѳедора Михайловича. Первую половину тома занимаютъ (съ особою нумераціей) критическія статьи изъ журнала «Время», издававшагося, какъ извѣстно, Михайломъ Михайловичемъ Достоевскимъ при непосредственномъ участіи брата. Хотя подъ статьями этими и нѣтъ подписи, но свидѣтельство столь близкаго сотрудника журнала, какъ Н. Н. Страховъ, дѣлаетъ принадлежность этихъ статей перу Ѳедора Михайловича несомнѣнною. Къ тому-же и выраженные въ статьяхъ взгляды, а равно и сказывающіеся въ нихъ пріемы такъ и выдаютъ Ѳедора Михайловича. Читатель замѣтитъ, что тутъ (въ 1861 г.) уже проглядываетъ въ зародышѣ то, что было окончательно выражено въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній Ѳедора Михайловича — въ Пушкинской рѣчи.

Вслѣдъ за «Дневникомъ Писателя» 1873 г., печатавшимся въ «Гражданинѣ», въ настоящемъ томѣ помѣщены политическія статьи изъ того-же журнала, которыя сохранились въ черновыхъ, писанныхъ рукою Ѳедора Михайловича, а потому и принадлежатъ несомнѣнно ему. Наконецъ, въ приложеніи къ настоящему тому помѣщены «Маленькія Картинки», появившіяся въ 1874 г. въ сборникѣ «Складчина», изданномъ въ пользу пострадавшихъ отъ самарскаго голода.

Digitized by Google

Digitized by Google

РЯДЪ СТАТЕЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ИЗЪ

ЖУРНАЛА „ВРЕМЯ“

ЗА 1861 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Jeremiah Curtin

I.

Введеніе *).

I.

Если есть на свѣтѣ страна, которая была-бы для другихъ, отдаленныхъ или сопредѣльныхъ съ нею странъ болѣе неизвѣстною, неизслѣдованною, болѣе всѣхъ другихъ странъ непонятою и непонятною, то эта страна есть, безспорно, Россія для западныхъ сосѣдей своихъ. Никакой Китай, никакая Японія не могутъ быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, какъ Россія, прежде, въ настоящую минуту и даже, можетъ быть, еще очень долго въ будущемъ. Мы не преувеличиваемъ. Китай и Японія, во первыхъ, слишкомъ далеки отъ Европы, а во вторыхъ, и доступъ туда иногда очень труденъ; Россія-же вся открыта передъ Европою, Русскіе держатъ себя совершенно на распашку передъ европейцами, а между тѣмъ характеръ Русскаго, можетъ быть, даже еще слабѣе обрисованъ въ сознаніи европейца, чѣмъ характеръ Китайца или Японца. Для Европы Россія — одна изъ загадокъ Сфинкса. Скорѣе изобрѣтется perpetuum-mobile или жизненный элексиръ, чѣмъ постигнется Западомъ русская истина, русскій духъ, характеръ и его направленіе. Въ этомъ отношеніи даже луна теперь изслѣдована гораздо подробнѣе, чѣмъ Россія. По крайней мѣрѣ, положительно извѣстно, что тамъ никто не живетъ; а про Россію знаютъ, что въ ней живутъ люди и даже Русскіе люди, но какіе люди? — Это до сихъ поръ загадка, хотя, впрочемъ, европейцы увѣрены, что они насъ давно постигли.—Въ разное время употреблены были пытливыми сосѣдями нашими довольно большія усилія для узнанія насъ и нашего быта; были собраны матеріалы, цифры,

---

*) Напечатано въ журналѣ „Время" за январь 1861 г.

Digitized by Google

факты; производились изслѣдованія, за которыя мы чрезвычайно благодарны изслѣдователямъ, потому что эти изслѣдованія для насъ самихъ были чрезвычайно полезны. Но всевозможныя усилія вывесть изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, цифръ, фактовъ что нибудь основательное, путное, дѣльное собственно о Русскомъ человѣкѣ, что нибудь синтетически-вѣрное,—всѣ эти усилія всегда разбивались о какую-то роковую, какъ будто кѣмъ-то и для чего-то предназначенную невозможность. Когда дѣло доходитъ до Россіи, какое-то необыкновенное тупоуміе нападаетъ на тѣхъ самыхъ людей, которые выдумали порохъ и сосчитали столько звѣздъ на небѣ, что даже увѣрились, наконецъ, что могутъ ихъ и хватать съ неба. Все доказываетъ это, начиная съ мелочей до самыхъ глубокомысленныхъ изслѣдованій о судьбѣ, значеніи и будущности нашего отечества. Кое-что, впрочемъ, о насъ знаютъ. Знаютъ, напримѣръ, что Россія лежитъ подъ такими-то градусами, изобилуетъ тѣмъ-то и тѣмъ-то и что въ ней есть такія мѣста, гдѣ ѣздятъ на собакахъ. Знаютъ, что кромѣ собакъ въ Россіи есть и люди, очень странные, на всѣхъ похожіе и въ то-же время какъ будто ни на кого не похожіе; какъ будто европейцы, а между тѣмъ какъ будто и варвары. Знаютъ, что народъ нашъ довольно смышленый, но не имѣетъ генія; очень красивъ, живетъ въ деревянныхъ избахъ, но неспособенъ къ высшему развитію по причинѣ морозовъ. Знаютъ, что въ Россіи есть армія и даже очень большая; но полагаютъ, что русскій солдатъ—совершенная механика, сдѣланъ изъ дерева, ходитъ на пружинахъ, не мыслитъ и не чувствуетъ и потому довольно стоекъ въ сраженіяхъ, но не имѣетъ никакой самостоятельности и во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ Французу. Знаютъ, что въ Россіи былъ императоръ Петръ, котораго называютъ великимъ,—монархъ не безъ способностей, но полуобразованный и увлекавшійся своими страстями; что женевецъ Лефортъ воспиталъ его, сдѣлалъ его изъ варвара умнымъ и внушилъ ему мысль завести флотъ и обрѣзать Русскимъ кафтаны и бороды; что Петръ дѣйствительно обрѣзалъ бороды, и потому Русскіе тотчасъ-же сдѣлались европейцами. Но знаютъ и то, что не родись въ Женевѣ Лефортъ, Русскіе до сихъ поръ ходили-бы съ бородами, а слѣдовательно, не было-бы и преобразованія Россіи. Но, впрочемъ, довольно и этихъ примѣровъ; всѣ остальныя познанія то-же, или почти то-же самое. Мы говоримъ совершенно серьезно. Сдѣлайте одолженіе, разверните всѣ книги, объ насъ написанныя разными заѣзжими виконтами, баронами и преимущественно маркизами,—книги, разошедшіяся по Европѣ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; прочтите ихъ внимательно и увидите, правду-ли мы говоримъ, шутимъ мы или нѣтъ?

Digitized by Google

И что̀ всего любопытнѣе,—нѣкоторыя изъ этихъ книгъ написаны людьми безспорно замѣчательно умными. То-же самое безсиліе, какъ и въ этихъ попыткахъ заѣзжихъ путешественниковъ бросить высшій взглядъ на Россію и усвоить ея главную идею, видимъ мы и въ полнѣйшей неспособности почти всякаго иностранца, котораго обстоятельства заставляютъ жить въ Россіи иногда даже пятнадцать и двадцать лѣтъ, хоть сколько нибудь оглядѣться, прижиться въ Россіи, понять хоть что нибудь окончательно, выжить хоть какую нибудь идею, подходящую къ истинѣ. Возьмемъ сначала ближайшаго сосѣда нашего, Нѣмца. Пріѣзжаютъ къ намъ Нѣмцы всякіе: и безъ царя въ головѣ, и такіе, у которыхъ есть свой король въ Швабіи, и ученые, съ серьезною цѣлью узнать, описать и такимъ образомъ быть полезнымъ наукѣ Россіи, и неученые простолюдины съ болѣе скромною, но добродѣтельною цѣлью печь булки и коптить колбасы,—разные Веберы и Людекенсы. Иные даже принимаютъ себѣ «разъ навсегда за правило и даже за священную обязанность» знакомить русскую публику съ европейскими рѣдкостями и потому являются съ разными великанами и великаншами, съ ученымъ суркомъ или обезьяною, нарочно выдуманною Нѣмцами для русскаго удовольствія. Но какая-бы ни была разница между ученымъ Нѣмцемъ и простолюдиномъ въ понятіяхъ, въ общественномъ значеніи, въ образованіи и въ цѣли посѣщенія Россіи, — въ Россіи всѣ эти Нѣмцы немедленно сходятся въ своихъ впечатлѣніяхъ. Какое-то больное чувство недовѣрчивости, какая-то боязнь примириться съ тѣмъ, что̀ онъ видитъ рѣзко на себя не похожаго, совершенная неспособность догадаться, что Русскій не можетъ обратиться совершенно въ Нѣмца и что потому нельзя его мѣрить на свой аршинъ, и, наконецъ, явное или тайное, но во всякомъ случаѣ безпредѣльное высокомѣріе передъ Русскими, — вотъ характеристика почти всякаго нѣмецкаго человѣка во взглядѣ на Россію. Иные пріѣзжаютъ служить у помѣщиковъ Буеракиныхъ *), управлять вотчинами; другіе являются въ видѣ естествоиспытателей, ловятъ русскихъ жуковъ, пріобрѣтаютъ этимъ безсмертную славу и обращаются въ какихъ нибудь засѣдателей. Другіе, съ успѣхомъ засѣдая лѣтъ пятнадцать, рѣшаются, наконецъ, быть современными и полезными и для этого подробно опишутъ, изъ какихъ горныхъ породъ будетъ состоять цоколь будущаго памятника тысячелѣтію Россіи. Есть изъ нихъ чрезвычайно добрые; такіе почти всегда начинаютъ спеціально учиться по русски, очень полюбятъ русскій языкъ и русскую литературу, получаютъ, на-

*) «Губернскіе очерки» Щедрина.

Digitized by Google

конецъ, употребленіе русскаго языка, конечно, не безъ тяжкихъ усилій, и, въ припадкѣ восторга, желая принести себѣ, Русскимъ и человѣчеству несомнѣнную пользу, рѣшаются—«перевести Россіяду Хераскова на санскритскій языкъ». Впрочемъ, не всѣ переводятъ Россіяду Хераскова. Иные пріѣзжаютъ писать свою Россіяду и издаютъ ее уже въ Германіи. Есть знаменитыя сочиненія въ этомъ родѣ. Читаешь эту Россіяду—серьезно, дѣльно, умно, даже остроумно. Факты вѣрны и новы; глубокій взглядъ брошенъ на иныя явленія, взглядъ оригинальный и мѣткій именно потому, что иныя русскія явленія удобнѣе наблюдать не-Русскому, а со стороны, и вдругъ на чемъ нибудь самомъ важномъ, коренномъ, безъ чего никакія познанія о Россіи, никакіе факты, пріобрѣтенные трудомъ самымъ добросовѣстнымъ, не дадутъ никакого о ней понятія, или дадутъ самое сбивчивое, чтобъ не сказать безтолковое,—вдругъ нашъ ученый становится въ тупикъ, обрывается, теряетъ нитку и заключаетъ такою нелѣпостью, что книга сама вырывается изъ рукъ вашихъ и падаетъ, иногда даже подъ столъ.

Пріѣзжіе Французы совершенно не похожи на Нѣмцевъ; это что-то обратно противоположное. Французъ ничего не станетъ переводить на санскритскій языкъ, не потому чтобъ онъ не зналъ санскритскаго языка,—Французъ все знаетъ, даже ничему неучившись;—но потому, во первыхъ, что онъ пріѣзжаетъ къ намъ окинуть насъ взглядомъ самой высшей прозорливости, просверлить орлинымъ взоромъ всю нашу подноготную и изречь окончательное, безапелляціонное мнѣніе; а во вторыхъ, потому, что онъ еще въ Парижѣ зналъ, что̀ напишетъ о Россіи; даже, пожалуй, напишетъ свое путешествіе въ Парижѣ, еще прежде поѣздки въ Россію, продастъ его книгопродавцу, и уже потомъ пріѣдетъ къ намъ—блеснуть, плѣнить и улетѣть. Французъ всегда увѣренъ, что ему благодарить некого и не за что̀, хотя-бы для него, дѣйствительно, что нибудь сдѣлали, не потому, что въ немъ дурное сердце, даже напротивъ; но потому, что онъ совершенно увѣренъ, что не ему принесли, напримѣръ, хоть удовольствіе, а что онъ самъ однимъ появленіемъ своимъ осчастливилъ, утѣшилъ, наградилъ, удовлетворилъ всѣхъ и каждаго на пути его. Самый безтолковый и безпутный изъ нихъ, поживя въ Россіи, уѣзжаетъ отъ насъ совершенно увѣренный, что осчастливилъ Русскихъ и хоть отчасти преобразовалъ Россію. Иные изъ нихъ пріѣзжаютъ съ серьезными, важными цѣлями, иногда даже на 28 дней, срокъ необъятный, цифра, доказывающая всю добросовѣстность изслѣдователя, потому что въ этотъ срокъ онъ можетъ совершить и описать даже кругосвѣтное путешествіе. Схвативъ первыя впечатлѣнія въ Петербургѣ, которыя

Digitized by Google

выходятъ у него еще довольно удачно, и, кстати, разсмотрѣвъ при этомъ критически англійскія учрежденія, выучивъ мимоходомъ русскихъ бояръ (les boyards) вертѣть столы или пускать мыльные пузыри, что̀, впрочемъ, очень мило и гораздо лучше величавой и чванной скуки нашихъ собраній, онъ рѣшается, наконецъ, изучить Россію основательно, въ подробностяхъ, и ѣдетъ въ Москву. Въ Москвѣ онъ взглянетъ на Кремль, задумается о Наполеонѣ, похвалитъ чай, похвалитъ красоту и здоровье народа, погруститъ о преждевременномъ его развратѣ, о плодахъ неудачно привитой цивилизаціи, о томъ, что изчезаютъ національные обычаи, чему найдетъ немедленно доказательство въ перемѣнѣ дрожекъ-гитары на дрожки-линейки, подходящія къ европейскому кабріолету; сильно нападетъ за все это на Петра Великаго и тутъ-же, совершенно кстати, разскажетъ своимъ читателямъ свою собственную біографію, полную удивительнѣйшихъ приключеній. Съ Французомъ все можетъ случиться, не причинивъ ему, впрочемъ, никакого вреда, до такой степени, что онъ послѣ своей біографіи тотчасъ-же начинаетъ разсказывать русскую повѣсть, конечно, истинную, взятую изъ русскихъ нравовъ, подъ названіемъ Petroucha, имѣющую два преимущества, во первыхъ, что она вѣрно характеризуетъ русскій бытъ, а во вторыхъ, что она въ то-же время вѣрно характеризуетъ и бытъ Сандвичевыхъ острововъ. Кстати ужь обратитъ вниманіе и на русскую литературу; поговоритъ о Пушкинѣ и снисходительно замѣтитъ, что это былъ поэтъ не безъ дарованій, вполнѣ національный и съ успѣхомъ подражавшій Андрею Шенье и мадамъ Дезульеръ; похвалитъ Ломоносова, съ нѣкоторымъ уваженіемъ будетъ говорить о Державинѣ, замѣтитъ, что онъ былъ баснописецъ не безъ дарованья, подражавшій Лафонтену, и съ особеннымъ сочувствіемъ скажетъ нѣсколько словъ о Крыловѣ, молодомъ писателѣ, похищенномъ преждевременною смертію (слѣдуетъ біографія) и съ успѣхомъ подражавшему въ своихъ романахъ Александру Дюма. Затѣмъ путешественникъ прощается съ Москвой, ѣдетъ далѣе, восхищается русскими тройками и появляется, наконецъ, гдѣ нибудь на Кавказѣ, гдѣ вмѣстѣ съ русскими пластунами стрѣляетъ черкесовъ, сводитъ знакомство съ Шамилемъ и читаетъ съ нимъ «Трехъ Мушкетеровъ»...

Повторяемъ, говоря это, мы вовсе не шутимъ, вовсе не преувеличиваемъ. Между тѣмъ мы сами чувствуемъ, что слова наши какъ будто отзываются пародіей, каррикатурой. Правда вѣдь и то, что нѣтъ такого предмета на землѣ, на который-бы нельзя было посмотрѣть съ комической точки зрѣнія. Все можно осмѣять, скажутъ намъ, сказать то да не такъ, передать почти тѣ-же самыя

Digitized by Google

слова, да не такъ ихъ выразить. Согласны. Но возьмите-же сами самое серьезное мнѣніе о насъ иностранцевъ, и вы убѣдитесь, что все сказанное нами нисколько не преувеличено.

II.

Но надо оговориться. Послѣдніе нелѣпые возгласы о насъ иностранцевъ были бо̀льшею частію произнесены въ состояніи неспокойномъ, во время недавнихъ раздоровъ, теперь уже слава Богу поконченныхъ надолго, если не навсегда, во время войны, среди яростныхъ боевыхъ криковъ. А впрочемъ, если взять эссенцію всѣхъ прежнихъ мнѣній, до раздоровъ и войны, то выводъ былъ-бы почти тотъ-же самый. Книги на лицо; можно справиться.

Что-жь? Будемъ-ли мы обвинять за такое мнѣніе иностранцевъ? Обвинять ихъ въ ненависти къ намъ, въ тупости; смѣяться надъ ихъ недальновидностью, ограниченностью? Но ихъ мнѣніе было высказано не одинъ разъ и не кѣмъ нибудь; оно выговаривалось всѣмъ Западомъ, во всѣхъ формахъ и видахъ, и хладнокровно и съ ненавистью, и крикунами и людьми прозорливыми, и подлецами и людьми высоко-честными, и въ прозѣ и въ стихахъ, и въ романахъ и въ исторіи, и въ premier-Paris и съ ораторскихъ трибунъ. Слѣдственно это мнѣніе чуть-ли не всеобщее, а всѣхъ обвинять какъ-то трудно. Да и за что̀ обвинять? За какую вину? Скажемъ прямо: не только тутъ нѣтъ никакой вины, но даже мы признаемъ это мнѣніе за совершенно нормальное, т. е. прямо выходящее изъ хода событій, не смотря на то, что оно, разумѣется, совершенно ложное. Дѣло въ томъ, что иностранцы и не могутъ насъ понять иначе, хотя-бы мы ихъ и разувѣряли въ противномъ. Но неужели-жь разувѣрять? Во первыхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, Французы не подпишутся на «Время», хотя-бы нашимъ сотрудникомъ былъ самъ Цицеронъ, котораго, впрочемъ, мы-бы, можетъ быть, и не взяли въ сотрудники. Слѣдственно не прочтутъ нашего отвѣта; остальные, Нѣмцы, и подавно. Во вторыхъ, надо признаться, въ нихъ дѣйствительно есть нѣкоторая неспособность насъ понять. Они и другъ друга-то не совсѣмъ хорошо понимаютъ.

Англичанинъ до сихъ поръ еще не въ состояніи допустить разумности существованія Француза; Французъ платитъ ему совершенно тою-же монетою, даже съ процентами, не смотря ни на какіе союзы, ententes cordiales и проч. и проч. А между тѣмъ и тотъ и другой—европейцы, настоящіе, главные европейцы, предста-

Digitized by Google

вители европейцевъ. Гдѣ-жь было имъ разгадать насъ, Русскихъ, когда мы и сами-то для себя загадка, по крайней мѣрѣ, постоянно задавали другъ другу о себѣ загадки. Развѣ славянофилы не задавали загадокъ западникамъ, а западники славянофиламъ? У насъ даже до сихъ поръ любятъ ребусы. Читайте объявленія объ изданіи журналовъ, и вы въ этомъ совершенно убѣдитесь. И какъ-же-бы, наконецъ, они насъ постигли, когда одна изъ главнѣйшихъ нашихъ особенностей именно та, что мы не европейцы, а они не могутъ мѣрить иначе, какъ на свой аршинъ. Да главное еще то, что мы сами почти вплоть до сихъ поръ, постоянно и упорно рекомендовали имъ себя за европейцевъ. Что-жь могли они разобрать въ такой путаницѣ, особенно глядя на насъ? Виноваты-ли они, что до сихъ поръ у нихъ недостаетъ даже фактовъ, чтобъ составить о насъ безпристрастное мнѣніе. Чѣмъ заявили мы себя особеннымъ, оригинальнымъ? Мы, напротивъ, даже какъ-то боялись сознаться въ нашихъ оригинальностяхъ, прятали ихъ не только предъ ними, но даже передъ собою; стыдились, что мы еще носимъ на себѣ хоть какой нибудь свой отпечатокъ и никакъ не можемъ стать вполнѣ европейцами, укоряли себя за это, а слѣдственно имъ-же поддакивали, торопливо соглашались съ ними и даже не пробовали ихъ переувѣрять. Да и кого изъ Русскихъ они видѣли? По комъ судили? Правда, они встрѣчались со многими изъ нашихъ, цѣлыхъ полтора вѣка сряду. Вмѣстѣ съ прочими ѣздилъ къ нимъ и господинъ Гречъ и писалъ оттуда парижскія письма. Вотъ про господина Греча мы знаемъ, что онъ пытался было переубѣдить Французовъ, разговаривалъ съ Сент-Бёвомъ, съ Викторомъ Гюго, что явствуетъ изъ его собственныхъ парижскихъ писемъ. «Я *напрямки* сказалъ Сент-Бёву», выражается онъ. — «Я *напрямки* объявилъ Виктору Гюго». Дѣло, видите-ли въ томъ, что Сент-Бёву или Виктору Гюго, не помнимъ (надо-бы справиться), г. Гречъ сказалъ *напрямки*, что литература, проповѣдующая безнравственность, и проч. и проч. ошибается и недостойна называться литературой (можетъ быть, слова не совсѣмъ тѣ, но смыслъ тотъ-же самый. За это ручаемся). Вѣроятно, Сент-Бёву надо было дожидаться лѣтъ пятьдесятъ г. Греча, чтобъ услышать отъ него подобную истину изъ прописей. То-то, должно быть, Сент-Бёвъ выпучилъ глаза! Впрочемъ, успокоимся: Французы народъ чрезвычайно вѣжливый, и мы знаемъ, что г. Гречъ воротился изъ Парижа благополучно и невредимо. Притомъ-же мы, можетъ быть, и не ошибемся, если скажемъ, что по г. Гречу нельзя-же было судить о всѣхъ Русскихъ. Но довольно о г. Гречѣ. Мы упомянули о немъ только такъ. Къ дѣлу! Ѣздили въ Парижъ и другіе, кромѣ г. Греча. Являлись туда

Digitized by Google

съ незапамятныхъ временъ и отставные наши кавалеристы, народъ веселый и добродушный, изумлявшій на нашихъ парадахъ публику красотой своихъ формъ, обтянутыхъ лосиною, и проводившихъ потомъ остатокъ дней своихъ уже не въ тягостяхъ службы, а въ свое удовольствіе. Толпами валили за границу и молодые вертопрахи, нигдѣ не служившіе, но сильно заботившіеся о своихъ помѣстьяхъ. Ѣздили туда и коренные наши помѣщики, со всѣми семействами и картонками; добродушно и серьезно взбирались на башни Нотр-Дамъ, осматривали оттуда Парижъ и, въ тихомолку отъ своихъ женъ, гонялись за гризетками. Доживали тамъ свой вѣкъ оглохшія и ослѣпшія старухи-барыни и уже окончательно лишались употребленія русскаго языка, котораго, впрочемъ, не знали и прежде. Возвращались оттуда къ намъ и наши матушкины сынки (что̀ по французски переводится: enfants de bonne maison, fils de famille), знавшіе всю подноготную о Пальмерстонѣ и о всѣхъ мелкихъ дрязгахъ во Франціи, до послѣдней бабьей сплетни, и которые, за обѣдомъ, просили своихъ сосѣдей приказать лакею налить имъ стаканъ воды, единственно для того, чтобъ не проговорить и двухъ словъ по русски, хотя-бы и съ лакеемъ. Объ одномъ изъ такихъ фактовъ лично свидѣтельствуетъ г. Григоровичъ, написавшій недавно «Пахатника и бархатника». Но бывали и такіе изъ нихъ, которые знали по русски, даже занимались зачѣмъ-то русской литературой и ставили на русскихъ сценахъ комедіи, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, подъ названіемъ, ну хоть, напримѣръ, *Раканы* (названіе, конечно, выдуманное). Такъ какъ сюжетъ Ракановъ характеризуетъ цѣлый слой общества, занимающагося такими комедіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ типъ и другихъ произведеній въ такомъ-же родѣ, то позвольте вамъ въ двухъ словахъ разсказать его. Когда-то въ Парижѣ, въ прошломъ столѣтіи, процвѣталъ одинъ пошлѣйшій рифмоплетъ, подъ названіемъ Раканъ, негодившійся даже чистить сапоги г. Случевскому. Одна идіотка, маркиза, прельщается его стихами и желаетъ съ нимъ познакомиться. Три шалуна сговариваются между собою явиться къ ней, одинъ за другимъ, подъ названіемъ Ракана. Не успѣваетъ она проводить одного Ракана, какъ тотчасъ-же передъ ней является и другой. Все остроуміе, вся соль комедіи, весь паѳосъ ея заключается въ остолбѣненіи маркизы при видѣ Ракана въ трехъ лицахъ. Господа, разрѣшавшіеся (иногда въ сорокъ лѣтъ отъ роду) такими комедіями послѣ «Ревизора», совершенно были увѣрены, что дарятъ русской литературѣ драгоцѣннѣшіе перлы. И такихъ господъ не одинъ, не два; имя имъ—легіонъ. Разумѣется, никто изъ нихъ ничего не пишетъ. Авторъ *Раканова* почти исключеніе; но зато каждый изъ

Digitized by Google

нихъ такъ ужь съ виду смотритъ, что какъ-будто сейчасъ сочинитъ Ракановъ. Кстати (простите за отступленіе), премиленькая вышла-бы статейка, еслибъ кто нибудь изъ нашихъ фельетонистовъ взялъ на себя трудъ разсказать всѣ сюжеты такихъ комедій, повѣстей, пословицъ и проч. и проч., мелькающихъ даже до сихъ поръ въ русской литературѣ. Становые, отказывающіеся, по принципу, жениться на генеральскихъ дочеряхъ, — развѣ это не тѣже *Раканы*, разумѣется, въ своемъ родѣ и немного только позлокачественнѣе? Я знаю, напримѣръ, сюжетъ одной повѣсти о проглоченныхъ кѣмъ-то маленькихъ часахъ, продолжавшихъ чикать въ желудкѣ, — это верхъ совершенства! Разумѣется, она написана, или будетъ написана тоже по принципу, именно: что искусство должно служить само себѣ цѣлью. Ужь наше время такое: даже сочинители *Раканов* не могутъ теперь обходиться безъ «принциповъ» и «современныхъ вопросовъ». Но къ дѣлу. Спрашиваемъ: что̀ могли до сихъ поръ заключить о насъ иностранцы по такимъ господамъ? Но, скажутъ намъ,—развѣ только одни такіе господа ѣздили къ иностранцамъ? Развѣ не видали, хоть-бы, напримѣръ, Французы, такихъ-то, или вотъ, пожалуй, такихъ-то? То-то и есть, что они ихъ до сихъ поръ не замѣтили. А еслибъ и замѣтили, то опять стали-бы втупикъ. Ну что̀-бы, напримѣръ, могли сказать они человѣку, пріѣхавшему Богъ знаетъ откуда и который-бы имъ вдругъ объявилъ, что они отстали, что свѣтъ ужь теперь на Востокѣ, что спасеніе не въ légion d'honneur'ѣ и такъ далѣе и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Они просто-бы не стали его слушать.

— Да, вы многое въ насъ проглядѣли, — сказали-бы мы имъ, еслибъ только они могли не проглядѣть, ну и... и еслибъ они насъ стали слушать.—Вы совершенно ничего въ насъ не знаете, повторили-бы мы имъ, не смотря на то, что вашъ Мериме знаетъ даже нашу древнюю исторію и написалъ что-то въ родѣ начала драмы le Faux Demetrius, изъ которой, впрочемъ, столько-же можно узнать о русской исторіи, какъ изъ Марфы Посадницы Карамзина. Замѣчательно, что самъ le Faux Demetrius вышелъ у него ужасно похожъ на Александра Дюма, не на героя романа Александра Дюма, но на самого Дюма, настоящаго, Маркиза Davis de la Pailletterie. Ничего-то вы не знаете ни въ насъ, ни въ нашей исторіи, повторили-бы мы имъ въ третій разъ, и до сихъ поръ знаете только одно: что женевецъ Лефортъ и т. д., и т. д. Этотъ женевецъ Лефортъ до того необходимъ въ вашихъ познаніяхъ о русской исторіи, что, я думаю, каждая дворничиха въ Парижѣ уже знаетъ его, и, вѣроятно, при взглядѣ на Русскаго, требующаго у ней въ поздній часъ le cordon s'il vous plaît, бормочетъ про себя: «Вотъ не родись

въ Женевѣ женевецъ Лефортъ, то былъ-бы ты до сихъ поръ варваромъ, не пріѣзжалъ-бы въ Парижъ, au centre de la civilisation, не будилъ-бы ты теперь меня ночью и не оралъ-бы во все горло: le cordon s'il vous plait! Но не смотря на троекратное повтореніе, что вы вовсе ничего о насъ не знаете, мы вовсе не ставимъ вамъ въ вину, что вы знаете только одного Лефорта. Ну, Лефортъ вамъ даже простителенъ, потому что многихъ изъ васъ онъ спасъ отъ голодной смерти. Сколько гувернеровъ, учителей — всякихъ Сенъ-Жеромовъ и Монъ-Ревешей, пріѣзжало къ намъ въ старину изъ-за Рейна для образованія Россіи, ровно ничего не зная ни изъ какой науки, кромѣ того, что женевецъ Лефортъ и т. д., и за это единственное познаніе, которое они передавали дѣтямъ Русскихъ (boyards), они получали отъ насъ и деньги и соціальное положеніе. Ну, къ чему, въ самомъ дѣлѣ, стали-бы вы изучать насъ? Гдѣ разумное къ тому основаніе? Такъ развѣ, для искусства? Но вы народъ дѣловой, практичный, и, вѣроятно, не станете тратить времени на такіе пустяки, какъ искусство для искусства, хотя и посадили Понсара въ академію (впрочемъ, можетъ быть, по тому соображенію, что туда ему и дорога). Ну такъ, для науки? Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что мы такой народъ, что до сихъ поръ ни подъ какую науку не подходимъ. Вотъ почему, господа, вы до сихъ поръ не знаете, что еслибъ у насъ только и было, что одна ваша цивилизація, такъ для насъ это было-бы ужь слишкомъ жидко и даже обидно. Мы ужь это испробовали и теперь знаемъ все это на опытѣ.

Вотъ почему мы знаемъ, а вы не знаете, что ваша цивилизація явилась у насъ какъ плодъ натуральный, потребованный нашей почвой, а не потому только, что былъ на свѣтѣ женевецъ Лефортъ и т. д. Мало того: что цивилизація уже совершила у насъ весь свой кругъ; что мы уже ее выжили всю; приняли отъ нея все то, что̀ слѣдовало, и свободно обращаемся къ родной почвѣ. Нужды нѣтъ, что не велика еще у насъ масса людей цивилизованныхъ. Не въ величинѣ дѣло, а въ томъ, что уже исторически законченъ у насъ переворотъ европейской цивилизаціи, что наступаетъ другой, и важнѣе всего то, что это уже сознали у насъ. Въ сознаніи-то и все дѣло. У насъ сознали, что цивилизація только привноситъ новый элементъ въ народную нашу жизнь, нисколько не повредивъ ей, нисколько не уклонивъ ея съ ея нормальной дороги, а, напротивъ, расширивъ нашъ кругозоръ, уяснивъ намъ-же самимъ наши цѣли и давая намъ новое оружіе для будущихъ подвиговъ. Пусть, пусть сознающая наша масса невелика; но дѣло въ томъ, что это уже не *Раканы*. Повторяемъ, не въ величинѣ

Digitized by Google

дѣло, а въ томъ, что уже совершился процессъ сознанія; объ массѣ этой вы не имѣете еще никакого понятія. Вы до сихъ поръ (по крайней мѣрѣ, всѣ ваши виконты) убѣждены, что Россія состоитъ только изъ двухъ сословій: les boyards и les serfs. Но вы долго еще не будете убѣждены, что у насъ давно уже есть нейтральная почва, на которой все сливается въ одно цѣльное, стройное, единодушное, сливаются всѣ сословія, мирно, согласно, братски — и les boyards, которыхъ, впрочемъ, у насъ никогда не было въ томъ смыслѣ, какъ у васъ на западѣ, т. е. въ смыслѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, и les serfs, которыхъ опять тоже не было, въ смыслѣ настоящихъ serf'овъ, такъ, какъ вы понимаете это словечко. И все это сливается такъ легко, такъ натурально, мирно,—главное: мирно, и этимъ именно мы отъ васъ и отличаемся, потому что вы каждый шагъ свой добывали съ бою, каждое свое право, каждую свою привиллегію. Если и есть несогласія, то они только внѣшнія, временныя, случайныя, легко устранимыя и не имѣющія корней въ почвѣ нашей и мы очень хорошо это понимаемъ. И начало этому порядку положено еще давно, съ незапамятныхъ временъ; оно заложено самой природой въ духѣ русскомъ, въ идеалѣ народномъ, и послѣднее внѣшнее къ тому препятствіе уже уничтожается въ наше время премудрымъ и благословеннымъ царемъ, благословеннымъ изъ благословенныхъ на вѣки за то, что онъ для насъ дѣлаетъ. Нѣтъ у насъ сословныхъ интересовъ, потому что и сословій-то, въ строгомъ смыслѣ, не было. Нѣтъ у насъ Галловъ и Франковъ, нѣтъ ценсовъ, опредѣляющихъ внѣшнимъ образомъ, чего стоитъ человѣкъ; потому что у насъ только одно образованіе и одни нравственныя качества человѣка должны опредѣлять—чего стоитъ человѣкъ; это сознаютъ и это въ убѣжденіяхъ, потому что русскій духъ пошире сословной вражды, сословныхъ интересовъ и ценсовъ. Новая Русь уже по маленьку ощупывается, уже по маленьку сознаетъ себя и опять-таки нужды нѣтъ, что она не велика. Зато она, хоть и безсознательно, живетъ во всѣхъ сердцахъ Русскихъ, во всѣхъ стремленіяхъ и позывахъ всѣхъ людей русскихъ. Наша новая Русь поняла, что одинъ только есть цементъ, одна связь, одна почва, на которой все сойдется и примирится, — это всеобщее, духовное примиреніе, начало которому лежитъ въ образованіи. Эта новая Русь уже засвидѣтельствовала себя явленіями органическими и цѣльными, а не неудавшимися копіями и перепадками, какъ вы думаете. Она засвидѣтельствовала себя начинающеюся въ молодомъ поколѣніи новою нравственностью, ревниво и строго слѣдящею за собою, — что есть признакъ величайшей силы и неуклоннаго стремленія къ своему идеалу. Каждый день она

1917!! 1917!! Да? Да! 1917 года

Digitized by Google

разъясняетъ себѣ все болѣе и болѣе свой идеалъ. Она знаетъ, что она еще только что начинается, но вѣдь начало-то и главное; всякое дѣло зависитъ отъ перваго шага, отъ начала; она знаетъ, что она уже кончила съ вашей европейской цивилизаціей и теперь начинаетъ новую, неизмѣримо широкую жизнь. И теперь, когда она обращается къ народному началу и хочетъ слиться съ нимъ, она несетъ ему въ подарокъ науку, —то, что отъ васъ съ благоговѣніемъ получила и за что вѣчно будетъ поминать васъ добромъ,—не цивилизацію вашу несетъ она всѣмъ русскимъ, а науку, добытую изъ вашей цивилизаціи, представляетъ ее народу, какъ результатъ своего длиннаго и долгаго путешествія отъ родной почвы въ нѣмецкія земли, какъ оправданіе свое передъ нимъ, и передавая ее ему, будетъ ждать, что сдѣлаетъ онъ самъ изъ этой науки. Наука, конечно, вѣчна и незыблема для всѣхъ и каждаго въ основныхъ законахъ своихъ, но прививка ея, плоды ея именно зависятъ отъ національныхъ особенностей, т. е. отъ почвы и народнаго характера.

Но позвольте, скажутъ намъ, что-же такое ваша-то національность? Что-же такое вы сами, Русскіе? Вотъ вы хвалитесь, что мы васъ не знаемъ; но знаете-ли вы-то себя? Вы собираетесь перейдти къ народному началу и объявляете объ этомъ въ газетахъ, разсылаете при афишахъ? Стало быть, признаетесь, что до сихъ поръ не имѣли никакого понятія о вашемъ «народномъ началѣ», а если и имѣли, то имѣли ложное и отвергали его, именно потому, что до сихъ поръ не переходили къ нему. Теперь-же вздумали и кричите объ этомъ на всю Европу. Позвольте васъ спросить, что дѣлаетъ курица, когда снесетъ яйцо?

Повторяемъ читателю, что все это говоритъ иностранецъ (ну, хоть-бы, напримѣръ, Французъ), не настоящій, но воображаемый, безплотный, фантастическій. Никакого Француза мы и въ глаза не видали, когда писали нашу статью.

— Вотъ еще, продолжаетъ онъ,—въ вашемъ объявленіи вы изволили помѣстить слѣдующее: вы надѣетесь, что русская идея станетъ современемъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя Европа такъ долго и съ такимъ упорствомъ вырабатывала въ отдѣльныхъ своихъ національностяхъ. Это что за новость? Что вы подъ этимъ подразумѣваете?

— То есть, отвѣчаемъ мы,—вы хотите, милостивый государь, чтобъ вамъ объявили прямо и безъ околичностей, во что мы вѣруемъ?

— Нѣтъ, я вовсе этого не хочу, восклицаетъ нашъ Французъ съ нѣкоторымъ испугомъ, предчувствуя, что ему опять придется выслушать нѣсколько страницъ;—я вовсе этого не хочу. Я только хотѣлъ...

Digitized by Google

— Нѣтъ, милостивый государь, прерываемъ мы,—вы хотѣли отвѣта и вы выслушаете нашъ отвѣтъ.

— Онъ заслужилъ розга и получитъ розга! — подхватываетъ Иванъ Карлычъ, вѣроятно, вспомнивъ то время, когда онъ управлялъ вотчинами господина Буеракина. Теперь-же Иванъ Карлычъ, предчувствуя скорую перемѣну въ бытѣ крестьянъ, вышелъ въ отставку и безъ мѣста; онъ, впрочемъ, надѣется, что его опять позовутъ! Въ настоящую минуту онъ стоитъ подлѣ насъ (тоже въ качествѣ иностранца), куритъ свою трубочку, съ которой, бывало, расхаживалъ по крестьянскимъ работамъ, и молча, но очень серьезно прислушивается къ нашему разговору, въ полномъ убѣжденіи, что выражаетъ въ своей физіономіи чрезвычайно много самой тонкой ироніи.

— Мы вѣруемъ, повторяемъ мы...

Но позвольте, читатель, позвольте намъ еще разъ одно отступленіе; позвольте сказать только нѣсколько постороннихъ словъ, не потому, чтобъ они были здѣсь очень необходимы, а такъ... потому что они сами просятся на бумагу. Простите за искренность.

Всегда есть въ ходу нѣсколько такихъ мнѣній и убѣжденій, въ которыхъ современники какъ-будто боятся признаться и отрекаются отъ нихъ передъ свѣтомъ, не смотря на то, что потихоньку ихъ раздѣляютъ. Особенно это бываетъ въ иныя эпохи, такъ что становится замѣтно снаружи даже совершенно постороннему наблюдателю. Мы понимаемъ, что можетъ быть много и хорошихъ къ тому побужденій: можно, напримѣръ, слишкомъ бояться за истину, за ея успѣхъ; бояться ее компрометтировать, высказавъ ее не впопадъ. Можно быть благородно-мнительнымъ, недовѣрчивымъ. Все это бываетъ. Но часто и даже бо́льшею частію мы любимъ *умалчивать* изъ какого-то внутренняго, затаившагося въ насъ іезуитизма, главный рычагъ котораго—наше самолюбіе, раздраженное до тщеславія. Одинъ скептикъ сказалъ, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ раздраженныхъ самолюбій. — Обвинять цѣлый свѣтъ — это слишкомъ; но нельзя не согласиться, что все на свѣтѣ снесетъ иной современный человѣкъ, какое хотите безчестіе,—даже названія подлеца, мошенника, вора, если только эти названія не совсѣмъ ясно, не совсѣмъ осязательно высказаны, облечены, такъ сказать, въ мягкія свѣтскія формы... Одной только насмѣшки надъ умомъ своимъ онъ не снесетъ, не проститъ, никогда не забудетъ и съ наслажденіемъ отмститъ за нее при случаѣ. Спѣшимъ оговориться. Я говорю про *иного* современнаго человѣка, а не про всѣхъ современниковъ. Можетъ быть, это именно оттого происходитъ, что въ наше время всѣ начинаютъ все сильнѣе и больнѣе чувствовать

Digitized by Google

и даже понемногу сознавать, что всякій человѣкъ, во первыхъ-самого себя стòитъ, а во вторыхъ, какъ человѣкъ, стòитъ и всякаго другого именно потому, что онъ тоже человѣкъ, во имя своего человѣческаго достоинства. А потому и начинаетъ требовать отъ профессоровъ гуманности и отъ общества ими руководимаго — къ себѣ уваженія. А такъ какъ сила ума есть единственное незыблемое и неоспоримое преимущество одного человѣка передъ другимъ, то никто и не хочетъ склониться передъ этимъ преимуществомъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока одаренные преимуществомъ ученики не перестанутъ гордиться имъ и не будутъ считать скудоумія за что-то позорное и достойное ѣдкой насмѣшки. Вотъ почему никто и не хочетъ быть дуракомъ и такимъ образомъ невольно впадаетъ въ ошибку противъ своего-же человѣческаго достоинства. Дуракъ-то именно и не долженъ-бы былъ краснѣть за свою глупость, потому что не виноватъ, если природа родила его дуракомъ... Но, видно, инициатива должна выйдти отъ привиллегированныхъ умниковъ; дураку-же простительно, если онъ не умнѣе умныхъ людей. Я знаю, напримѣръ, одного... ну хоть промышленника (вѣдь нынче въ ходу промышленность, даже въ литературѣ. Къ тому же промышленникъ—это такое общее, безобидное слово, почти отвлеченное)... Такъ вотъ, еслибъ кто спросилъ этого промышленника, чтò ему будетъ пріятнѣе: названіе мошенника или дурака? То онъ, я увѣренъ въ этомъ, немедленно согласился-бы на мошенника, не смотря на то, что онъ хоть и въ самомъ дѣлѣ мошенникъ, но всетаки гораздо болѣе дуракъ, чѣмъ мошенникъ, и самъ это знаетъ и знаетъ еще, что и всѣ это знаютъ. Вотъ почему люди въ нашъ вѣкъ бываютъ иногда уже слишкомъ робки на выраженіе иныхъ убѣжденій, даже самыхъ задушевныхъ. Они именно боятся, что ихъ назовутъ отсталыми, неумными. Умъ, умъ, самая тревожная боязнь за свой умъ, — вотъ въ чемъ главное дѣло! Умалчивая о своихъ убѣжденіяхъ, они охотно и съ яростію будутъ поддакивать тому, чему просто не вѣрятъ, надъ чѣмъ втихомолку смѣются, — и все это изъ-за того только, что оно въ модѣ, въ ходу, установлено столпами, авторитетами. Какъ-же можно пойдти противъ авторитетовъ! А, между тѣмъ, кто искренно убѣжденъ, тотъ, кажется, долженъ-бы уважать свои убѣжденія; а уважающій свои убѣжденія долженъ хоть что нибудь для нихъ сдѣлать. Всякій честный человѣкъ обязанъ... и т. д. и т. д. Ну, ужь это пошлò у васъ изъ прописей, скажетъ читатель и, пожалуй, броситъ читать.

Въ самомъ дѣлѣ, только что захочешь высказать, по своему убѣжденію, истину, тотчасъ выходитъ какъ-будто изъ прописей!

Digitized by Google

Что̀ за фокусъ! Почему множество современныхъ истинъ, высказанныхъ чуть-чуть въ патетическомъ тонѣ, сейчасъ-же смахиваютъ на прописи? Отчего въ нашъ вѣкъ, чтобъ высказать истину, все болѣе и болѣе ощущается потребность прибѣгать къ юмору, къ сатирѣ, къ ироніи; подслащать ими истину, какъ-будто горькую пилюлю; представлять свое убѣжденіе публикѣ съ оттѣнкомъ какого-то высокомѣрнаго къ нему равнодушія, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неуваженія, — однимъ словомъ, съ какой-то подленькой уступочкой. По нашему мнѣнію, честному человѣку не слѣдуетъ краснѣть за свои убѣжденія, даже еслибъ они были и изъ прописей, особенно если онъ въ нихъ вѣруетъ. Мы говоримъ: *особенно*, потому что вѣдь есть и такіе убѣжденные, которые сами въ свои убѣжденія не вѣруютъ и, убѣждая другихъ, поминутно задаютъ себѣ вопросъ: да ужь не врешь-ли ты, братецъ? А между тѣмъ горячатся за эти убѣжденія до ярости, и иногда вовсе не потому, чтобъ хотѣли обманывать людей. Я зналъ одного господина, одного убѣжденнаго, который самъ въ этомъ сознавался. Онъ принадлежалъ къ тому разряду безспорно-умныхъ людей, которые всю жизнь только и дѣлаютъ, что одни глупости. Кстати: люди ограниченные, тупые, гораздо меньше дѣлаютъ глупостей, чѣмъ люди умные,— отчего это? И когда мы стали спрашивать этого сознавшагося господина: для чего-жь онъ убѣждаетъ другихъ, если самъ не вѣруетъ? И откуда онъ беретъ весь этотъ жаръ, всю эту ярость убѣжденія, если самъ въ своихъ словахъ сомнѣвается, — то онъ отвѣчалъ, будто оттого и горячится, что все пробуетъ самого себя убѣдить. Вотъ что̀ значитъ полюбить идею снаружи, изъ одного къ ней пристрастія, не доказавъ себѣ (и *даже боясь* доказывать), вѣрна она или нѣтъ? А кто знаетъ, вѣдь можетъ и правда, что иные всю жизнь горячатся даже съ пѣною у рта, убѣждая другихъ, единственно чтобъ самимъ убѣдиться, да такъ и умираютъ неубѣжденные... Но довольно!.. Мы убѣдили себя окончательно. Пусть-же теперь про насъ думаютъ, что мы увлекаемся своей идеей, что она невѣрна, неосновательна; что мы преувеличиваемъ; что въ насъ слишкомъ много юношескаго жара или, пожалуй, старческаго скудоумія; что въ насъ мало такта и проч. и проч. Пусть думаютъ! Вѣдь мы увѣрены, что не можемъ никому повредить, высказавъ прямо то, во что̀ вѣруемъ. Отчего-же не говорить? Отчего-же именно непремѣнно молчать?

Digitized by Google

III.

а, мы вѣруемъ, что русская нація — необыкновенное явленіе въ исторіи всего человѣчества. Характеръ русскаго народа до того не похожъ на характеры всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ, что европейцы до сихъ поръ не понимаютъ его и понимаютъ въ немъ все обратно. Всѣ европейцы идутъ къ одной и той-же цѣли, къ одному и тому-же идеалу; это безспорно такъ. Но всѣ они разъединяются между собою почвенными интересами, исключительны другъ къ другу до непримиримости, и все болѣе и болѣе расходятся по разнымъ путямъ, уклоняясь отъ общей дороги. Повидимому, каждый изъ нихъ стремится отыскать общечеловѣческій идеалъ у себя, своими собственными силами и потому всѣ вмѣстѣ вредятъ сами себѣ и своему дѣлу. Повторяемъ теперь серьезно то, что̀ сказали выше въ шутку: Англичанинъ до сихъ поръ не можетъ понять никакой разумности во Французѣ, и обратно Французъ въ Англичанинѣ, и это не только у нихъ сборное мнѣніе, инстинктивное чувство всей націи, но замѣчается даже въ первыхъ людяхъ, въ предводителяхъ обѣихъ націй. Англичанинъ смѣется надъ своимъ сосѣдомъ при всякомъ случаѣ, и съ непримиримою ненавистью глядитъ на національныя его особенности. Соперничество лишаетъ ихъ, наконецъ, безпристрастія. Они перестаютъ понимать другъ друга; они раздѣльно смотрятъ на жизнь, раздѣльно вѣруютъ и поставляютъ это себѣ за величайшую честь. Они все упорнѣе и упорнѣе отдѣляются другъ отъ друга своими правилами, нравственностью, взглядомъ на весь Божій міръ. И тотъ и другой во всемъ мірѣ замѣчаютъ только самихъ себя, а всѣхъ другихъ — какъ личное себѣ препятствіе, и каждый отдѣльно у себя хочетъ совершить то, что̀ могутъ совершить только всѣ народы, всѣ вмѣстѣ, общими соединенными силами. Что-же? Неужели это только остатки старинныхъ соперничествъ? Неужели причины разъединенія надо искать во времена Жанны д'Аркъ или крестовыхъ походовъ? Неужели цивилизація такъ безсильна, что не могла одолѣть до сихъ поръ эти ненависти. Не искать-ли ихъ скорѣе въ самой почвѣ, а не въ случайностяхъ, въ крови, въ цѣломъ духѣ обоихъ народовъ? Большею частью таковы и всѣ европейцы. Идея общечеловѣчности все болѣе и болѣе стирается между ними. У каждаго изъ нихъ она получаетъ другой видъ, тускнѣетъ, принимаетъ въ сознаніи новую форму. Христіанская связь, до сихъ поръ ихъ соединявшая, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу. Даже наука не въ силахъ

Digitized by Google

соединить все болѣе и болѣе расходящихся. Положимъ, они отчасти правы въ томъ отношеніи, что эти-то исключительности, это взаимное соперничество, эта-то замкнутость отъ всѣхъ въ самихъ себя, эта гордая надежда на себя одного — и придаютъ каждому изъ нихъ такія исполинскія силы въ борьбѣ съ препятствіями на пути. Но тѣмъ самымъ эти препятствія все болѣе и болѣе увеличиваются и умножаются. Вотъ почему европейцы совершенно не понимаютъ Русскихъ и величайшую особенность въ ихъ характерѣ назвали безличностью. Мы согласны, что выговариваемъ все это бездоказательно. Доказывать все это теперь мы считаемъ не въ предѣлахъ нашей статьи. Но съ нами согласятся, по крайней мѣрѣ, что въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность, что въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности. Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому внѣ различія національности, крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько нибудь есть общечеловѣческаго интереса. У него инстинктъ общечеловѣчности. Онъ инстинктомъ угадываетъ общечеловѣческую черту даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ; тотчасъ-же соглашаетъ, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко открываетъ точку соединенія и примиренія въ совершенно-противоположныхъ, соперническихъ идеяхъ двухъ различныхъ европейскихъ націй,—въ идеяхъ, которыя сами собою, у себя дома, еще до сихъ поръ, къ несчастью, не находятъ способа примириться между собою, а, можетъ быть, и никогда не примирятся. Въ то-же самое время въ русскомъ человѣкѣ видна самая полная способность самой здравой надъ собой критики, самаго трезваго на себя взгляда и отсутствіе всякаго самовозвышенія, вредящаго свободѣ дѣйствія. Разумѣется, мы говоримъ про русскаго человѣка вообще, собирательно, въ смыслѣ всей націи. Даже физическими способностями Русскій не похожъ на европейцевъ. Всякій Русскій можетъ говорить на всѣхъ языкахъ и изучить духъ каждаго чуждаго языка до тонкости, какъ-бы свой собственный русскій языкъ, — чего нѣтъ въ европейскихъ народахъ, *въ смыслѣ всеобщей народной способности*. Неужели-же это не указываетъ на что нибудь? Неужели это только одно случайное, безцѣльное явленіе? Неужели по такимъ явленіямъ нельзя осмыслить и хоть отчасти предугадать хоть что нибудь въ будущемъ развитіи нашего народа, въ его стремленіяхъ и цѣляхъ? И вотъ эта-то на-

Digitized by Google

ція, осиленная обстоятельствами, столько вѣковъ враждебно смотрѣла на Европу и упорно не хотѣла жить съ нею и не предчувствовала своей будущности! Петръ почувствовалъ въ себѣ какимъ-то инстинктомъ новую силу и угадалъ потребность расширенія взгляда и поля дѣйствія для всѣхъ Русскихъ—потребность, скрытую въ нихъ безсознательно и безсознательно вырывавшуюся наружу, и которая была въ ихъ крови еще съ славянскихъ временъ. Говорятъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Россіи только Голландію? Не знаемъ; лицо Петра, не смотря на всѣ историческія разъясненія и изысканія послѣдняго времени, до сихъ поръ еще очень для насъ загадочно. Мы понимаемъ только одно: что нужно было быть слишкомъ оригинальнымъ, чтобъ, бывъ Московскимъ царемъ, вздумать—не только полюбить, но даже поѣхать въ Голландію. Неужели-жь одинъ женевецъ Лефортъ былъ и въ самомъ дѣлѣ всему причиною? Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ Петра мы видимъ примѣръ того, на что̀ можетъ рѣшиться русскій человѣкъ, когда онъ выживетъ себѣ полное убѣжденіе и почувствуетъ, что пора пришла, а въ немъ самомъ уже созрѣли и сказались новыя силы. И страшно, до какой степени свободенъ духомъ человѣкъ русскій, до какой степени сильна его воля! Никогда никто не отрывался такъ отъ родной почвы, какъ приходилось иногда ему, и не поворачивалъ такъ круто въ другую сторону, вслѣдъ за своимъ убѣжденіемъ! И кто знаетъ, господа иноземцы, можетъ быть, Россіи именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цѣли, характеръ стремленій вашихъ; согласить ваши идеи, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія и, наконецъ, свободной духомъ, свободной отъ всякихъ постороннихъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, двинуться въ новую, широкую, еще невѣдомую въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите, и увлечь васъ всѣхъ за собою. Сравнилъ-же нашъ поэтъ Лермонтовъ Россію съ Ильей-Муромцемъ, который тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ и вдругъ пошелъ, только лишь созналъ въ себѣ богатырскую силу. Къ чему-же даны такія богатыя и оригинальныя способности Русскимъ? Неужели-же для того, чтобъ ничего не дѣлать? Можетъ быть, намъ скажутъ: откуда въ васъ столько хвастливости, откуда такое высокомѣріе? Гдѣ-же ваша способность самоосужденія, гдѣ вашъ трезвый взглядъ, которыми вы такъ хвастались? Но, отвѣтимъ мы, если мы начали съ того, что вынесли столько самоосужденія, которому сами такъ долго себя подвергали, то можемъ вынесть и другую правду, хотя-бы она была и совершенно обратна самоосужденію. На нашей памяти, какъ мы бранили себя Славянами за то, что не могли сдѣлаться теперешними евро-

Digitized by Google

пейцами. Неужели-жь нельзя сознаться теперь, что мы тогда говорили вздоръ? Мы не отвергаемъ способности самоосужденія, любимъ ее и именно признаемъ ее за лучшую сторону русской природы, за ея особенность, за то, чего у васъ вовсе нѣтъ. Мы знаемъ, что еще много намъ предстоитъ упражняться въ самоосужденіи, даже, можетъ быть, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Попробуйте, однакожь, затронуть Француза, ну хоть въ храбрости, или въ его légion d'honneur'ѣ. Затроньте Англичанина хоть-бы въ самой малѣйшей домашней его привычкѣ, и увидите, что̀ они вамъ скажутъ. Почему-же не похвалиться, что въ насъ русскихъ нѣтъ такой щепетильности и обидчивости, исключая, можетъ быть, однихъ, такъ называемыхъ литературныхъ генераловъ нашихъ. Мы вѣруемъ въ силу русскаго духа не менѣе, чѣмъ кто-бы то ни было. Неужели онъ не вынесетъ похвалы? Нѣтъ, господа европейцы! Не спрашивайте пока отъ насъ доказательствъ нашего мнѣнія о васъ и о себѣ и постарайтесь прежде получше узнать насъ, если только вамъ будетъ на это досугъ. Вотъ, вы увѣрены, что мы свистали при вашихъ неудачахъ, надменно радовались имъ и плевали на ваши усилія, когда вы такъ мужественно и великодушно ринулись было на новый путь прогресса. Нѣтъ, нѣтъ, старшіе братья наши, любезные и дорогіе, мы вамъ не свистали, не радовались неудачамъ вашимъ. Мы иногда даже плакали вмѣстѣ съ вами. Вы, конечно, сейчасъ-же удивитесь и спросите: да чего-же вы-то плакали? Вамъ-то что̀ было за дѣло? Вѣдь вы тутъ совершенно были съ боку припека? Ахъ, господа, отвѣтимъ мы вамъ, да вѣдь въ томъ-то все и дѣло, что съ боку припека, а между тѣмъ вамъ сочувствовали! Въ томъ-то вся и загадка. Вотъ вы, напримѣръ, откуда-то взяли, что мы фанатики, то есть, что нашего солдата у насъ возбуждаютъ фанатизмомъ. Господи Боже! Еслибъ вы знали, какъ это смѣшно! Если есть на свѣтѣ существо вполнѣ не причастное никакому фанатизму, такъ это именно русскій солдатъ. Тѣ изъ насъ, кто бывалъ и живалъ съ солдатами, знаютъ это до точности. Еслибъ вы знали, какіе это милые, симпатичные, родные типы! О, если-бъ вамъ удалось прочесть хоть разсказы Толстого; тамъ кое-что̀ такъ вѣрно, такъ симпатично схвачено! Да что̀! Неужели Севастополь Русскіе защищали изъ религіознаго фанатизма? Я думаю, ваши храбрые зуавы хорошо познакомились съ нашими солдатиками и знаютъ ихъ. Много-ли они отъ нихъ видѣли ненависти? И какъ хорошо знаете вы тоже нашихъ офицеровъ! Вы задали себѣ, что у насъ всего только два сословія: les boyards и les serfs; на томъ и сидите. Какіе тутъ boyards! Положимъ, что у насъ довольно цѣльно опредѣлены сословія. Но во всѣхъ сословіяхъ нашихъ го-

Digitized by Google

раздо болѣе точекъ соединенія, чѣмъ разъединенія, а въ этомъ все и дѣло. Это залогъ нашего всеобщаго мира, спокойствія, братской любви и процвѣтанія. Всякій Русскій прежде всего Русскій, а потомъ уже принадлежитъ къ какому нибудь сословію. Не такъ у васъ, и мы васъ сожалѣемъ. У васъ бываетъ даже совершенно обратно. Изъ сословнаго интереса у васъ предавалась иногда въ жертву вся нація, и даже очень недавно, даже иногда и теперь, даже, навѣрно, еще много разъ будетъ. Значитъ, еще очень сильны у васъ сословія и всякія корпораціи. Вы съ удивленіемъ спрашиваете: но гдѣ-же ваше-то хваленое развитіе, въ чемъ прогрессъ вашъ? Кажется, на дѣлѣ не видно того? Нѣтъ, видно, отвѣчаемъ мы, да вамъ-то не видно; вы не туда смотрите. Довольно ужь и того, что оно въ духѣ и въ потребностяхъ всего народа; довольно и того, что хоть самое маленькое меньшинство наше начинаетъ соглашаться между собою хоть въ общемъ, хоть въ цѣломъ. Не называйте насъ надменными и недальновидными скороспѣлками. Нѣтъ, мы давно уже во все вглядываемся, все анализируемъ; задаемъ себѣ загадки; тоскуемъ и мучаемся разгадками. Анализъ начался у насъ недавно, но по нашему очень давно, и мы даже самимъ себѣ надоѣли этимъ до тошноты. Вѣдь мы тоже жили и много прожили. А, кстати: не разсказать-ли вамъ нашу *собственную* повѣсть, повѣсть нашего развитія, нашего роста? Разумѣется, мы не начнемъ съ Петра Великаго; мы начнемъ съ недавняго времени, именно съ того, когда во все образованное сословіе наше вдругъ сталъ проникать анализъ. Извольте. Бывали минуты, что мы, т. е. цивилизованные, и въ себя не вѣрили. Поль-де-Кока мы еще тогда читали, но съ презрѣніемъ отвергали Александра Дюма и всю компанію. Мы набросились на одного Жоржъ-Занда и — Боже, какъ мы тогда зачитались! Андрей Александровичъ купно съ г. Дудышкинымъ, поселившимся въ «Отечественныхъ Запискахъ» послѣ Бѣлинскаго, еще до сихъ поръ вспоминаютъ Жоржъ-Занда; прочтите объявленіе объ ихъ журналѣ на 61 годъ. Тогда мы смиренно выслушивали ваши приговоры о насъ самихъ и вамъ-же усердно поддакивали. Да; мы поддакивали и — не знали, что дѣлать. Отъ нечего дѣлать мы основали тогда натуральную школу. И сколько у насъ проявилось талантливыхъ натуръ! не писателей талантливыхъ, — тѣ особо; а натуръ, талантливыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Господинъ надворный совѣтникъ Щедринъ знаетъ, что означаетъ это словечко. И какъ эти талантливые натуры ломались и кривлялись тогда передъ нами, а мы ихъ разглядывали, пересуживали, осмѣивали ихъ въ глаза и заставляли ихъ-же смѣяться надъ самими собою. И они смѣялись надъ собою, но какъ-то по принципу

Digitized by Google

и съ какой-то отвратительной затаенной злобой. Тогда все дѣлалось по принципу, мы и жили по принципу, и ужасно боялись сдѣлать что нибудь не по новымъ идеямъ. Родилось у насъ тогда какое-то усиленное самообвиненіе и самоуличеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ наперерывъ уличали и обличали другъ друга; и, Господи, какъ они всѣ тогда сплетничали! И вѣдь все это было большею частію искренно. Конечно, являлись между ними и промышленники; но были и самые искренніе, такъ, съ дуру, изъ прекраснаго чувства. Случалось, что иной искренній господинъ вдругъ, на единѣ, какъ нибудь вечеркомъ, вломится въ душу другого искренняго господина и начнетъ ему повѣствовать о своихъ погибельныхъ дняхъ и «какой, дескать, я выхожу подлецъ». Другой разчувствуется и начнетъ со своей стороны то-же самое. И вотъ пустятся одинъ передъ другимъ наперерывъ, даже клевещутъ на себя отъ излишняго жара, точно хвалятся. И наговорятъ они оба взаимно столько о себѣ самихъ мерзостей, что на другой день даже стыдно имъ встрѣтиться другъ съ другомъ; такъ и избѣгаютъ другъ друга. Были у насъ и байроническія натуры. Онѣ бо̀льшею частію сидѣли сложа руки и... даже ужь и не проклинали. Такъ только лѣниво иногда осклаблялись. Онѣ даже смѣялись надъ Байрономъ за то, что онъ такъ сердился и плакалъ, что лорду ужь и совсѣмъ неприлично. Онѣ говорили, что и не стоило сердиться и проклинать,—что ужь такъ все гадко, что даже пальцемъ пошевелить не хочется, и что хорошій обѣдъ всего дороже. И когда онѣ говорили это, — мы съ благоговѣніемъ внимали ихъ словамъ, думая видѣть въ ихъ мнѣніи о хорошемъ обѣдѣ какую-то таинственную, тончайшую и ядовитѣйшую иронію. А тѣ уплетали себѣ въ ресторанахъ и жирѣли не по днямъ, а по часамъ. И какіе изъ нихъ бывали краснощекіе! Иные-же не останавливались на ироніи жирнаго обѣда и шли все дальше и дальше; они преусердно начали набивать свои карманы и опустошать карманы ближняго. Многіе пошли потомъ въ шулера. А мы смотрѣли съ благоговѣніемъ, разиня ротъ и удивляясь. Чтожь? говорили мы другъ другу, вѣдь это у нихъ тоже по принципу; надо-же взять отъ жизни все, что̀ она можетъ дать. И когда они, на нашихъ глазахъ, воровали платки изъ кармановъ, то мы даже и въ этомъ находили какую-то утонченность байронизма, дальнѣйшее его развитіе, еще неизвѣстное Байрону. Мы ахали и грустно качали головами. — «Вотъ до чего, говорили мы, можетъ довести отчаяніе; человѣкъ сгораетъ добромъ, преисполненъ благороднѣйшаго негодованія, кипитъ жаждой дѣятельности, но дѣйствовать ему не даютъ, его обрѣзали, и вотъ—онъ съ демоническимъ хохотомъ передергиваетъ въ карты и воруетъ платки изъ кармановъ». И какъ

Digitized by Google

чистосердечны, какъ ясны душой вышли многіе изъ насъ изъ всего этого срама. Куда многіе!—почти всѣ, кромѣ, разумѣется, Байроновъ. Были у насъ и высоко-чистые сердцемъ, которымъ удалось высказать горячее, убѣжденное слово. О, тѣ не жаловались, что имъ не даютъ высказаться, что обрѣзаютъ ихъ поле дѣятельности, что антрепренеры высасываютъ изъ нихъ послѣдніе соки, т. е. они и жаловались, но не складывали рукъ и дѣйствовали какъ могли, а и всетаки дѣйствовали, хоть что нибудь да дѣлали и... многое, очень многое сдѣлали! Они были невинны и простодушны, какъ дѣти, и всю жизнь не понимали своихъ сотрудниковъ-Байроновъ, и умерли—наивными страдальцами. Миръ праху ихъ! Были у насъ и демоны, настоящіе демоны; ихъ было два, и какъ мы любили ихъ, какъ до сихъ поръ мы ихъ любимъ и цѣнимъ! Одинъ изъ нихъ все смѣялся; онъ смѣялся всю жизнь и надъ собой и надъ нами, и мы всѣ смѣялись за нимъ, до того смѣялись, что, наконецъ, стали плакать отъ нашего смѣха. Онъ постигъ назначеніе поручика Пирогова; онъ изъ пропавшей у чиновника шинели сдѣлалъ намъ ужаснѣйшую трагедію. Онъ разсказалъ намъ въ трехъ строкахъ всего рязанскаго поручика,—всего, до послѣдней черточки. Онъ выводилъ передъ нами пріобрѣтателей, кулаковъ, обирателей и всякихъ засѣдателей. Ему стоило указать на нихъ пальцемъ, и уже на лбу ихъ зажигалось клеймо на вѣки вѣковъ, и мы уже наизусть знали: кто они и. главное, какъ называются. О, это былъ такой колоссальный демонъ, котораго у васъ никогда не бывало въ Европѣ и которому вы-бы, можетъ быть, и не позволили быть у себя. Другой демонъ,—но другаго мы, можетъ быть, еще больше любили. Сколько онъ написалъ намъ превосходныхъ стиховъ; писалъ онъ и въ альбомы, но даже самъ Г.—бовъ посовѣстился-бы назвать его альбомнымъ поэтомъ. Онъ проклиналъ и мучился, и вправду мучился. Онъ мстилъ и прощалъ, онъ писалъ и хохоталъ—былъ великодушенъ и смѣшенъ. Онъ любилъ нашептывать странныя сказки заснувшей молодой дѣвочкѣ и смущалъ ея дѣвственную кровь и рисовалъ передъ ней странныя видѣнія, о которыхъ еще ей не слѣдовало-бы грезить, особенно при такомъ высоконравственномъ воспитаніи, которое она получила. Онъ разсказывалъ намъ свою жизнь, свои любовныя продѣлки: вообще онъ насъ какъ будто мистифировалъ; не то говоритъ серьезно, не то смѣется надъ нами. Наши чиновники знали его наизусть и вдругъ всѣ начали корчить мефистофелей, только что выйдутъ, бывало, изъ департамента. Мы не соглашались съ нимъ иногда, намъ становилось тяжело, и досадно, и грустно, и жаль кого-то, и злоба брала насъ Наконецъ, ему наскучило съ нами; онъ нигдѣ и ни съ кѣмъ н

Digitized by Google

могъ ужиться; онъ проклялъ насъ и осмѣялъ «насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ», и улетѣлъ отъ насъ,

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.

Мы долго слѣдили за нимъ, но, наконецъ, онъ гдѣ-то погибъ—безцѣльно, капризно и даже смѣшно. Но мы не смѣялись. Намъ тогда вообще было не до смѣху. Теперь дѣло другое. Теперь Богъ послалъ намъ благодѣтельную гласность, и намъ вдругъ стало веселѣе. Мы какъ-то вдругъ поняли, что все это мефистофельство, всѣ эти демоническія начала мы какъ-то рано на себя напустили, что намъ еще рано проклинать себя и отчаяваться, не смотря на то, что еще такъ недавно господинъ Ламанскій среди всего Пассажа доложилъ намъ, что мы не созрѣли. Господи, какъ мы обидѣлись! Господинъ Погодинъ прискакалъ изъ Москвы на почтовыхъ, запыхавшись, и тутъ-же началъ всенародно утѣшать насъ и, разумѣется, тотчасъ-же насъ увѣрилъ (даже безъ большаго труда), что мы совершенно созрѣли. Съ тѣхъ поръ мы такіе гордые. У насъ Щедринъ, Розенгеймъ... Помнимъ мы появленіе г-на Щедрина въ «Русскомъ Вѣстникѣ». О, тогда было такое радостное, полное надеждъ время! Вѣдь выбралъ-же г. Щедринъ минутку, когда явиться. Говорятъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прибавилось вдругъ столько подписчиковъ, что и сосчитать нельзя было, не смотря на то, что почтенный журналъ ужь и тогда начиналъ толковать о Кавурѣ, объ англійскихъ лордахъ и фермерствѣ. Съ какою жадностью читали мы о Живоглотахъ, о поручикѣ Живновскомъ, о Порфиріѣ Петровичѣ, объ озорникахъ и талантливыхъ натурахъ,—читали и дивились ихъ появленію. Да гдѣ-жь они были, спрашивали мы, гдѣ-жь они до сихъ поръ прятались? Конечно, настоящіе живоглоты только посмѣивались. Но всего болѣе насъ поразило то, что г. Щедринъ едва только оставилъ сѣверный градъ, Сѣверную Пальмиру (по всегдашнему выраженію г. Булгарина—миръ праху его!), какъ тотчасъ-же у него и замелькали подъ перомъ и Аринушки, и несчастненькіе съ ихъ крутогорской кормилицей, и скитникъ, и матушка Мавра Кузьмовна, и замелькали какъ-то странно, какъ-то особенно... Точно непремѣнно такъ ужь выходило, что какъ только выѣдешь изъ Пальмиры, то немедленно замѣтишь всѣхъ этихъ Аринушекъ и заноешь новую пѣсню, забывъ и Жоржъ-Зандъ, и «Отечественныя Записки», и г. Панаева, и всѣхъ, и всѣхъ. И вотъ разлилась какъ море благодѣтельная гласность; громко звякнула лира Розенгейма; раздался густой и солидный голосъ г. Громеки, мелькнули братья Мелеанты, закишили безчестные иксы и зеты, съ жалобами

Digitized by Google

другъ на друга въ газетахъ и повременныхъ изданіяхъ; явились поэты, прозаики, и все обличительные... явились такіе поэты и прозаики, которые никогда-бы не явились на свѣтъ, еслибъ не было обличительной литературы. О, не думайте, гг. европейцы, что мы пропустили Островскаго. Нѣтъ; ему не въ обличительной литературѣ мѣсто. Мы знаемъ его мѣсто. Мы уже говорили не разъ, что вѣруемъ въ его новое слово и знаемъ, что онъ, какъ художникъ, угадалъ то, что́ намъ снилось еще даже въ эпоху демоническихъ началъ и самоуличеній, даже тогда, когда мы читали безсмертныя похожденія Чичикова. Грезилось и желалось все это намъ, какъ дождя на сухую почву. Мы даже боялись и высказать, чего намъ желалось. Г. Островскій не побоялся... но объ Островскомъ потомъ. Мы не располагали объ немъ говорить теперь; мы только хотѣли поговорить о благодѣтельной гласности. О, не вѣрьте, не вѣрьте, почтенные иноземцы, что мы боимся благодѣтельной гласности, только что завели—и испугались ея, и прячемся отъ нея. Ради Бога, пуще всего не вѣрьте «Отечественнымъ Запискамъ», которыя смѣшиваютъ гласность съ литературой скандаловъ. Это только показываетъ, что у насъ еще много господъ, точно съ ободранной кожей, около которыхъ только пахни вѣтромъ, такъ ужь имъ и больно; что у насъ еще много господъ, которые любятъ читать про другихъ и боятся, когда другіе прочтутъ что нибудь и про нихъ. Нѣтъ, мы любимъ гласность и ласкаемъ ее, какъ новорожденное дитя. Мы любимъ этого маленькаго бѣсенка, у котораго только что прорѣзались его маленькіе, крѣпкіе и здоровые зубенки. Онъ иногда не впопадъ кусаетъ; онъ еще не умѣетъ кусать. Часто, очень часто не знаетъ кого кусать. Но мы смѣемся его шалостямъ, его дѣтскимъ ошибкамъ и смѣемся съ любовью, что́-же? Дѣтскій возрастъ, простительно! Грѣшные люди—мы даже смѣялись за нимъ, когда онъ не побоялся «оскорбить своей насмѣшкой» даже самихъ братьевъ Мелеантовъ, столь почтенныхъ и столь невинныхъ, которыхъ имя такъ неожиданно вдругъ прогремѣло по всей Россіи... Нѣтъ; мы не боимся гласности, мы не смущаемся ею. Это все отъ здоровья, это все молодые соки, молодая неопытная сила, которая бьетъ здоровымъ ключемъ и рвется наружу!.. Все хорошіе, хорошіе признаки!..

Digitized by Google

IV.

о что̀ мы говоримъ о гласности! Всегда, во всякомъ обществѣ, есть такъ называемая золотая посредственность, претендующая на первенство. Эти золотые страшно самолюбивы. Они съ уничтожающимъ презрѣніемъ и съ нахальною дерзостью смотрятъ на всѣхъ неблистающихъ, неизвѣстныхъ, еще темныхъ людей. Они-то первые и начинаютъ бросать камни въ каждаго новатора. И какъ они злы, какъ тупы бываютъ въ своемъ преслѣдованіи всякой новой идеи, еще неуспѣвшей войдти въ сознаніе всего общества. А потомъ какіе крикуны выходятъ изъ нихъ, какіе рьяные и вмѣстѣ съ тѣмъ тупые послѣдователи этой-же самой идеи, когда она получаетъ предоминирующее значеніе въ обществѣ, не смотря на то, что они ее и преслѣдовали вначалѣ. Разумѣется, они поймутъ, наконецъ, новую мысль, но поймутъ всегда послѣ всѣхъ, всегда грубо, ограниченно, тупо и никакъ не допускаютъ соображенія, что если идея вѣрна, то она способна къ развитію, а если способна къ развитію, то непремѣнно современемъ должна уступить другой идеѣ, изъ нея-же вышедшей, ее-же дополняющей, но уже соотвѣтствующей новымъ потребностямъ новаго поколѣнія. Но золотые не понимаютъ новыхъ потребностей, а что̀ касается до новаго поколѣнія, то они всегда ненавидятъ его и смотрятъ на него свысока. Это ихъ отличительнѣйшая черта. Въ числѣ этихъ золотыхъ всегда бываетъ чрезвычайно много промышленниковъ, выѣзжающихъ на модной фразѣ. Они-то и опошливаютъ всякую новую идею и тотчасъ-же обращаютъ ее въ модную фразу. Они опошливаютъ все, до чего ни прикасаются. Всякая живая идея въ ихъ устахъ обращается въ мертвечину. Награду-же за нее получаютъ всегда они первые, на другой день послѣ похоронъ геніальнаго человѣка, ее провозгласившаго и котораго они-же преслѣдовали. Иные изъ нихъ до того ограниченны, что имъ серьезно кажется, что геніальный человѣкъ ничего не сдѣлалъ, а сдѣлали все они. Самолюбіе въ нихъ страшное. Мы сказали уже, что они чрезвычайно тупы и неловки, хотя кажутся толпѣ умными, все больше берутъ рѣзкими и азартными фразами, впадаютъ въ крайности, не понимая ни смысла, ни духовной постройки идеи и, такимъ образомъ, вредятъ ей даже и тогда, когда искренно раздѣляютъ ее. Напримѣръ: подымется между мыслителями и филантропами вопросъ, ну хоть-бы о женщинѣ, объ облегченіи ея участи въ обществѣ, объ уравненіи правъ ея съ правами мужчины, о деспо-

Digitized by Google

тизмѣ мужа и проч. и проч. Золотые непремѣнно поймутъ это такъ, что бракъ *немедленно* долженъ разрушиться; главное — немедленно. Мало того,—что всякая женщина не только можетъ, но даже *должна* быть невѣрною своему мужу и что въ этомъ-то и состоитъ настоящій нравственный смыслъ всей идеи. Всего смѣшнѣе смотрѣть на этихъ господъ, когда, напримѣръ, общество, въ какое нибудь хлопотливое, переходное время, раздѣляется на два убѣжденія. Тогда они не знаютъ къ кому, къ чему пристать; а между тѣмъ, нерѣдко считаются столпами, авторитетами; нужно высказать свое мнѣніе. Что̀ имъ дѣлать? Послѣ долгихъ колебаній золотой господинъ рѣшаетъ и всегда не впопадъ. Это уже законъ. Это тоже главнѣйшая черта золотаго господина. Такъ и прорвется на чемъ нибудь самымъ грубымъ, самымъ нелѣпымъ образомъ, такъ что, случалось, иныя изъ ихъ рѣшеній переходили въ потомство, какъ примѣръ тупоумія. Но мы отвлеклись отъ дѣла. Не одна гласность преслѣдуется въ наше время. Преслѣдуется и грамотность и даже именно тѣми, которые въ свое время казались намъ въ числѣ людей, если не передовыхъ, то не отсталыхъ и, главное, *страшно* благоразумныхъ. Мы говоримъ *страшно*, потому что многіе изъ нихъ до того авторитетно и свысока смотрѣли на всѣхъ людей темныхъ, до того чванились своимъ здравымъ смысломъ и такъ называемымъ яснымъ, *практическимъ* пониманіемъ вещей, что при нихъ даже неловко было сидѣть. Такъ и хотѣлось уйти въ другую комнату. Такой господинъ крѣпится иногда лѣтъ двадцать среди благомыслящихъ и передовыхъ и считается передовымъ, такъ что, наконецъ, и самъ увѣренъ, что онъ передовой, и вдругъ брякнетъ что нибудь до того неожиданное, что только одна помѣщица Коробочка могла бы такъ сбрякнуть въ какомъ нибудь случаѣ, ну хоть, напримѣръ, еслибъ ее пригласили рѣшить вопросъ о европейскомъ финансовомъ кризисѣ. Но мы заговорили о постороннемъ и отвлеклись отъ предмета. Перейдемъ къ дѣлу. Мы заговорили о грамотности.

Извѣстенъ фактъ, что грамотное простонародіе наполняетъ остроги. Тотчасъ-же изъ этого выводятъ заключеніе, не надо грамотности. Логически-ли это? Ножъ можетъ обрѣзать, такъ не надо ножа.—Нѣтъ, скажутъ намъ, не «не надо ножа», а надо давать его только тѣмъ, которые умѣютъ владѣть имъ и не обрѣжутся. — Хорошо. Слѣдственно по вашему надо сдѣлать изъ грамотности что-то въ родѣ привиллегіи. Но не лучше-ли было-бы вамъ, господа, обратить сперва вниманіе на тѣ обстоятельства, которыми обставлена въ нашемъ простонародьи грамотность, и посмотрѣть, нельзя-ли какъ устранить эти обстоятельства, а не лишать весь

Digitized by Google

народъ духовнаго хлѣба. Мы признаемъ вмѣстѣ съ вами, что грамотное простонародье наполняетъ остроги. Но разсмотрите, какъ и отчего это происходитъ? Мы разскажемъ вамъ это такъ, какъ сами поняли, послѣ долголѣтнихъ наблюденій надъ острожною жизнію. Во первыхъ, въ нашемъ простонародьи грамотныхъ такъ мало, что грамота дѣйствительно даетъ иногда человѣку передъ другими нѣкоторое преимущество, придаетъ ему бо̀льшее достоинство, болѣе солидности, отличія, возвышенія надъ своей средой. Простонародье не то, чтобъ считало грамотнаго лучше себя въ какомъ нибудь отношеніи,—нѣтъ, оно признаетъ въ грамотномъ только болѣе сильнаго человѣка, чѣмъ оно само, болѣе возвышающагося надъ многими хлопотливыми обстоятельствами обыденной жизни, однимъ словомъ—признаетъ въ грамотности житейскую пользу. Грамотнаго и бумагой какой нибудь не надуешь, и въ другомъ чемъ нибудь не проведешь. Съ своей стороны, грамотный какъ-то невольно наклоненъ считать себя выше всей окружающей его среды людей темныхъ и неграмотныхъ. Разумѣется, болѣе или менѣе. А считая себя выше, онъ уже не совсѣмъ спокойно относится къ этой средѣ, въ которой живетъ вмѣстѣ съ другими. У него естественно рождается мысль, что ему уже и не слѣдуетъ, что онъ и не долженъ третироваться такъ, какъ эти темные люди.—«Они, дескать, темные, а мы народъ грамотный».—Его такъ и подмываетъ, при случаѣ, *выйдти изъ рядовъ*. Къ нему-же почти всегда бываетъ нѣкоторый оттѣнокъ уваженія, иногда самый непримѣтный, а иногда и очень сильный, особенно если онъ умѣетъ вести себя, т. е. держать себя солидно, краснорѣчивъ, велерѣчивъ, немножко педантъ, презрительно молчитъ, когда всѣ говорятъ, и заговоритъ именно тогда, когда всѣ замолчатъ, не зная что̀ говорить, однимъ словомъ, если держитъ себя такъ, какъ держатъ себя нѣкоторые наши умники и нѣкоторые наши мыслители, передовые, практическіе люди и нѣкоторые литературные генералы, однимъ словомъ — всѣ тѣ, которыхъ вы такъ хорошо знаете. Та-же наивность, тѣ-же смѣшно-нетерпѣливыя выходки. Короче, во всѣхъ слояхъ общества одно и то-же, только въ каждомъ слоѣ въ своемъ родѣ. Потребность заявить себя, отличиться, выйти изъ ряду вонъ есть законъ природы для всякой личности; это право ея, ея сущность, законъ ея существованія, который въ грубомъ, неустроенномъ состояніи общества проявляется со стороны этой личности весьма грубо и даже дико, а въ обществѣ уже развившемся — нравственно-гуманнымъ, сознательнымъ и совершенно свободнымъ подчиненіемъ каждаго лица выгодамъ всего общества и обратно безпрерывной заботой самого общества о наименьшемъ стѣсненіи правъ всякой личности. Слѣдо-

Digitized by Google

вательно основаніе одно и то-же, разница только въ употребленіи правъ своихъ. Взгляните на такъ называемыхъ начетчиковъ между раскольниками и посмотрите, какое огромное деспотическое вліяніе они имѣютъ на своихъ единовѣрцевъ. Даже само общество заключаетъ въ себѣ какую-то инстинктивную потребность выдвинуть изъ среды себя какую нибудь исключительную личность; поставить ее какъ исключеніе передъ собою, внѣ обычаевъ и принятыхъ правилъ; признать за этой личностью что-то необыкновенное и преклониться передъ нею. Такимъ образомъ являются Иваны Яковлевичи, Мароуши и проч. Возьмемъ теперь совершенно другой примѣръ. Взгляните на иного лакея, двороваго. Хотя онъ гораздо ниже крестьянина-хлѣбопашца въ общественномъ своемъ положеніи, но такъ какъ ему кажется, что онъ выше, что фракъ, бѣлый оффиціанскій галстухъ и лакейскія перчатки благородятъ его передъ мужикомъ, то онъ ужь и презираетъ его. И не говорите, что эта гадкая, низкая черта свойственна только грубому народу, т. е. отрекаться отъ своихъ и пренебрегать ими при перемѣнѣ судьбы своей. Черта гадкая, это правда; но за нее некого обвинять. Лакей не виноватъ, если, по темнотѣ своей, видитъ привиллегію въ нѣмецкомъ платьѣ. Для него главное въ томъ, что онъ вошелъ въ соприкосновеніе съ господами, т. е. съ высшими; онъ обезъянничаетъ ихъ манеры, замашки; платье отличаетъ его отъ прежней среды... Такимъ образомъ и грамотность, какъ чрезвычайная рѣдкость въ народѣ, считаетъ себя тоже отличною и привиллегированною, и грамотный нерѣдко презираетъ неграмотнаго. Ему хочется показать себя. Онъ становится самонадѣянъ, нетерпѣливъ, превращается въ какого-то деспотика. Ему иногда можетъ показаться, что съ нимъ нельзя поступать такъ, какъ съ другими, темными. Онъ нетерпѣливъ; онъ дерзокъ на словахъ; ему неприлично перенести то, что всѣ переносятъ, — особенно при свидѣтеляхъ; онъ надмененъ. Надменность порождаетъ въ немъ легкомысліе, легкомысліе—заносчивость. Иногда онъ ужь слишкомъ на себя понадѣется, заберется не по силамъ, и—вдругъ обрывается, даже иногда совершенно нечаянно, и оттого, напримѣръ, что въ критическую минуту на него смотрѣли свои, передъ которыми онъ чванился, и ждали, что̀ отъ него въ эту критическую минуту будетъ. Вотъ онъ и показалъ себя и... попалъ въ острогъ. Разумѣется, мы говоримъ не про всѣхъ грамотныхъ. Мы говорили отвлеченно; и смѣшно-бы было утверждать, что только научится простолюдинъ грамотѣ, такъ ужь и попалъ въ острогъ. Мы хотѣли только выяснить, какимъ образомъ грамотность, какъ своего рода привиллегія, можетъ породить заносчивость и самонадѣянность, неуваженіе къ средѣ своей

Digitized by Google

и къ своему положенію, особенно если оно не совсѣмъ пріятное. Мы говорили теоретически и жалѣемъ, что предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ представить нѣсколько примѣровъ, какимъ образомъ, происходитъ все это на практикѣ, какъ развивается и къ какому приходитъ концу. Повторимъ опять, что мы говорили не про всѣхъ грамотныхъ; изъ грамотныхъ приходятъ въ остроги уже отчасти самой природой къ тому предназначенные при извѣстной обстановкѣ, т. е. люди отъ природы упрямые, горячіе, нервные, впечатлительные. На нихъ-то грамотность и дѣйствуетъ привиллегіальными своими неудобствами именно потому, что у насъ она и есть привиллегія...

— Чтожь изъ этого? скажутъ намъ.—Изъ вашихъ-же словъ выходитъ, что грамотность вредна и что наше простолюдье до нея не дозрѣло.—Напротивъ, отвѣчаемъ мы,—вмѣсто того, чтобъ дѣлать грамотность привиллегіей, исключеніемъ, уничтожьте исключительность. Сдѣлайте ея достояніемъ всѣхъ по возможности, и она не породитъ ни въ комъ и ни при какихъ обстоятельствахъ ни высокомѣрія, ни заносчивости. Не передъ кѣмъ и заноситься-то будетъ,—всѣ будутъ грамотные. А потому, чтобъ уничтожить вредныя послѣдствія грамотности, нужно какъ можно болѣе распространять ее: въ этомъ все лекарство. Тѣмъ болѣе, господа противники грамотности, что вы вашей-то системой (т. е. стѣсненіемъ грамотности) не только не достигнете цѣли, но даже противъ себя дѣйствуете. Разсудите: вѣдь вы стѣсненіемъ грамотности никогда не уничтожите ея совершенно. Правительство первое воспротивилось-бы вашимъ рьянымъ усиліямъ и защитило-бы народъ отъ вашей филантропіи. Слѣдственно всетаки будутъ между народомъ грамотные; а если будутъ, то всетаки будутъ наполнять остроги, слѣдовательно, вы никого не излечите, ничего не достигнете. Мало того, тѣмъ вѣрнѣе будутъ наполняться остроги; потому что чѣмъ меньше будетъ грамотности, тѣмъ болѣе будетъ она имѣть видъ привиллегіи. Согласитесь еще съ этимъ: грамотность есть первый шагъ къ образованію; какъ-же достигнуть образованія безъ этого перваго шага? Вѣдь не можемъ-же мы серьезно представить себѣ, что вы нарочно хотите держать народъ въ темнотѣ, въ порокахъ и въ невѣжествѣ, однимъ словомъ—убить и развратить въ немъ душу? Или, можетъ быть, это тоже входитъ въ вашу систему? Да, это правда! Нѣтъ человѣка упрямѣе, капризнѣе и вреднѣе иного кабинетнаго филантропа! Но довольно. Мы увѣрены съ своей стороны совершенно, что грамотность нравственно улучшитъ народъ и придастъ ему чувство собственнаго достоинства, которое въ свою очередь уничтожитъ многія злоупотребленія и безпорядки, уничтожитъ даже ихъ воз-

Digitized by Google

можность. Все зависитъ отъ обстоятельствъ и все на свѣтѣ измѣняется только сообразно съ обстоятельствами. Была-бы только видна въ обществѣ прямая, насущная потребность, проявилось-бы только первое сознаніе этой потребности, — и она немедленно находитъ средство удовлетворить себя. Напротивъ того, никакое даже дѣйствительное улучшеніе не примется массой какъ улучшеніе, а напротивъ—какъ притѣсненіе, если въ массѣ не образовалась еще, хоть сколько нибудь сознательно, потребность этого улучшенія. Такъ и грамотность. Народъ уже созрѣлъ до нея, онъ желаетъ, ищетъ грамотности, и потому она должна и будетъ распространяться, не смотря на всѣ усилія филантроповъ. Взгляните на воскресныя школы. Дѣти наперерывъ приходятъ учиться, иногда даже тихонько отъ своихъ хозяевъ. Родители сами приводятъ своихъ дѣтей къ учителямъ. Да, не смотря на то, что уже давно изучаютъ у насъ народъ, что многіе изъ нашихъ литераторовъ посвятили изученію его свои досуги и таланты, мы всетаки до сихъ поръ очень плохо знаемъ народъ. Мы увѣрены, что лѣтъ десять, двѣнадцать назадъ многіе передовые тогдашніе люди не повѣрили-бы, что народъ самъ будетъ хлопотать объ основаніи обществъ трезвости и толпиться въ воскресныхъ школахъ. Мы серьезно говоримъ это, потому что наше мнѣніе иные могли-бы принять за шутку. Но наше цивилизованное общество достигнетъ, наконецъ, того, что пойметъ народъ—этого неразгаданнаго сфинкса, какъ выразился недавно одинъ изъ нашихъ поэтовъ. Оно пойметъ народное начало и проникнется имъ. Оно уже сознало, что это необходимо, какъ основаніе нашего будущаго развитія и прогресса: оно сознало, что за нимъ первый шагъ, и—найдетъ, наконецъ, какъ сдѣлать этотъ шагъ.

V.

Итакъ все дѣло теперь въ первомъ шагѣ, все дѣло въ томъ, чтобъ догадаться, какъ сдѣлать этотъ первый шагъ, какъ выговорить это первое слово, чтобъ народъ услышалъ насъ и обратилъ къ намъ свое ухо и недовѣрчивое лицо свое. Разумѣется, найдутся еще очень многіе господа, которые расхохочутся на слова наши.

Ну, чтожь имъ отвѣчать? Мы сами знаемъ, что такихъ господъ—легіонъ, да вѣдь до нихъ намъ и дѣла нѣтъ. Кстати: кто-то удостовѣрялъ, что мы, т. е. именно нашъ журналъ, беремъ на себя примиреніе цивилизаціи съ народнымъ началомъ. Мы счита-

Digitized by Google

емъ этотъ отзывъ не болѣе какъ за милую шутку. Не одному человѣку сказать это неизвѣстное слово и разгадать всю эту загадку. Въ программѣ нашего журнала мы только выставили главную мысль, которая будетъ руководить насъ. Мы будемъ искать разгадку вмѣстѣ со всѣми. Мы будемъ только неустно повторять и доказывать, что искать—надо; будемъ слѣдить, разбирать, обсуживать, спорить и передавать наши результаты публикѣ. Вотъ вся будущая дѣятельность наша. Слово — та же дѣятельность, а у насъ—болѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Слово, сказанное кстати, полезно; потому и мы имѣемъ надежду, что и мы будемъ полезны. Журналъ нашъ назначается для чтенія образованнаго общества, такъ какъ за образованнымъ обществомъ до сихъ поръ еще первое слово и первый шагъ ко всякой дѣятельности. Мы знаемъ, что для народнаго чтенія у насъ еще до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Хоть и было-бы что́ читать, но то, что̀ есть, недоступно народу. Всякую попытку устранить эту недоступность мы встрѣтимъ съ искреннею радостію. Но, повторяемъ, мы и въ мысляхъ не имѣли назначать нашъ журналъ прямо для народнаго чтенія. Но довольно объясняться; обращаемся къ нашему дѣлу. Мы потому считаемъ за образованнымъ сословіемъ нашимъ первый шагъ къ новой дѣятельности, что оно первое и отдалилось отъ народности. Трудовъ къ сближенію будетъ много; мы всѣ это чувствуемъ, хотя и не сознаемъ еще ясно, въ чемъ будутъ состоять они. Все дѣло въ устраненіи недоразумѣній. Всякое недоразумѣніе устраняется прямотою, откровенностью, любовью. Мы начинаемъ сознавать, что интересъ нашего сословія въ народномъ интересѣ, а народный интересъ въ нашемъ. Такое сознаніе, еслибъ сдѣлалось всеобщимъ, гарантировало-бы прочность дѣла. Но если и нѣтъ этого сознанія, то есть слѣды, что оно начинается, а теперь ужь довольно и этого. Человѣкъ можетъ ошибаться. Мы съ своей стороны знаемъ, что ошибку въ фальшь не ставятъ. Не въ ошибкахъ дѣло. Пусть желающіе сближенія сдѣлаютъ хоть тысячу ошибокъ; главное въ томъ, чтобъ народъ видѣлъ и угадалъ это желаніе, чтобъ онъ понялъ его и оцѣнилъ,—вотъ все, чего надо. Дѣло правое не погибнетъ и отъ нѣсколькихъ ошибокъ. По крайней мѣрѣ, идея, на которой все основано, останется незыблемой. Не удастся одинъ шагъ, удастся другой. Все состоитъ въ правдивости и прямотѣ побужденія, въ любви. Любовь есть основа побужденія, залогъ его прочности. Любовь города беретъ. Безъ нея-же ничего и никто не возьметъ, развѣ силой; но вѣдь есть такія вещи, которыя никогда не возьмешь силой. Любовь понятнѣе всего, всякихъ хитростей и дипломатическихъ тонкостей. Ее мигомъ узнаешь и отличишь. Народъ

USSR?

USSR?

Digitized by Google

понятливъ и признателенъ; онъ знаетъ, кто его любитъ. Въ народной памяти остаются только тѣ, кого онъ любилъ. Примѣръ къ сближенію намъ подалъ самъ Монархъ, устранившій послѣднія фактическія къ этому препятствія, и нѣтъ ничего выше, ничего святѣе Его дѣла во все тысячелѣтіе Россіи. И хотя мы полтора вѣка сряду пріучали народъ быть къ намъ недовѣрчивымъ, но вспомните басню — вѣдь не дождемъ, не вѣтромъ сдернуло плащъ съ путника, а солнцемъ. Много несчастій произошло на свѣтѣ отъ недоумѣній и недосказанности. Недосказанное слово вредитъ и вредило всегда. Неужели одному сословію бояться быть откровеннымъ съ другимъ? Чего бояться? Народъ съ любовью оцѣнитъ въ образованномъ сословіи своихъ учителей и воспитателей, признаетъ насъ за настоящихъ друзей своихъ, оцѣнитъ въ насъ не наемниковъ, а пастырей и будетъ уважать насъ. Мы должны, наконецъ, заслужить отъ него уваженіе. И какія великія силы возродятся тогда? Какъ все возрастетъ, возмужаетъ и обновится! Какъ измѣнятся наши взгляды и такъ называемые законченные выводы! Куда дѣнутся тогда наши «талантливыя натуры», не находившія себѣ мѣста, наши облѣнившіеся Байроны, слишкомъ много занимающіе мѣста, потому, надо полагать, что на досугѣ они страшно растолстѣли? Конечно, не даромъ жили и вы, господа Байроны, и не даромъ толстѣли. Вы жили и протестовали, вы заявляли ваши желанія... Мы смотрѣли на ваши скорбныя фигуры и спрашивали: «О чемъ они скорбятъ, чего хотятъ, чего ищутъ?» — Слѣдственно вы возбуждали наше любопытство; любопытство старалось отыскать отвѣтъ и – находило отвѣтъ. И такъ вы приносили хоть отрицательную пользу, хоть только тѣмъ, что жили между нами. Но теперь полно и вамъ горемычничать; сдѣлайте и вы хоть что нибудь. Вы все говорите, что у васъ нѣтъ дѣятельности. Попробуйте, не найдете-ли хоть теперь? Научите хоть одного мальчика грамотѣ; вотъ вамъ и дѣятельность. Но нѣтъ! Вы съ негодованіемъ отворачиваетесь... Какая-же это для насъ дѣятельность! — говорите вы, злобно улыбаясь: — мы таимъ въ груди нашей исполинскія силы. Мы хотимъ и можемъ сдвигать съ мѣста горы; изъ нашихъ сердецъ бьетъ чистѣйшій ключъ любви ко всему человѣчеству. Мы хотѣли-бы разомъ обняться со всѣмъ человѣчествомъ. Мы хотимъ работы соразмѣрно съ силами нашими; вотъ какой хотимъ мы дѣятельности и гибнемъ въ бездѣйствіи. Нельзя-же шагать вмѣсто семи миль по вершку! Великану-ль учить мальчика грамотѣ? — Справедливо, господа; но если вы ничего не будете дѣлать, то и умрете ничего не сдѣлавъ; а тутъ всетаки хоть капелька перваго шагу; одинъ атомъ, но всетаки больше, чѣмъ ничего. И знаете-ли

Digitized by Google

что? Вы желаете исполинской дѣятельности; хотите-ли мы вамъ дадимъ такую, которая выше всѣхъ ожиданій вашихъ? Даже горы сдвигать легче, чѣмъ исполнять эту дѣятельность. Вотъ она: пожертвуйте для всеобщаго блага всѣмъ вашимъ великанствомъ; шагайте вмѣсто семи миль по вершку; проникнитесь идеей, что если нельзя шагать дальше, то вершокъ всетаки больше, чѣмъ ничего. Пожертвуйте всѣмъ—и великой природой вашей и великими идеями, помня, что все это для всеобщаго блага; снизойдите, снизойдите до мальчика. Это будетъ колоссальнѣйшая жертва! Мало того: вы люди умные, талантливые, и если пожертвуете собой, снизойдете до обыденнаго, до маленькаго, то, можетъ быть, тутъ-же, съ перваго-же шага отыщете еще какую нибудь дѣятельность, болѣе сильную, а потомъ и еще и еще. Вѣдь дѣло только въ началѣ, только начните. Начните-ка! А?.. Но виноваты, можетъ быть, это не по вашимъ силамъ. Вы, пожалуй, можете пожертвовать и жизнію; но на такія усилія вы неспособны.

Конечно, мы внесемъ только одну десятую долю усилій; народъ самъ доставитъ остальныя девять десятыхъ. Но что-же, скажутъ намъ, вы хотите сдѣлать съ вашимъ образованіемъ? Чего достигнете? Вы хотите перейти къ народному началу и несете народу образованіе, то есть ту-же европейскую цивилизацію, которую сами признали за неподходящую къ намъ. Вы хотите *переевропеить* народъ?—Но возможно-ли, отвѣчаемъ мы, чтобъ европейская идея на совершенно чуждой ей почвѣ, принесла тѣ-же результаты, какъ и въ Европѣ. У насъ до того все особенно, все не похоже на Европу во всѣхъ отношеніяхъ: и во внутреннихъ и во внѣшнихъ, и во всевозможныхъ, что европейскихъ результатовъ невозможно добыть на нашей почвѣ. Повторяемъ, что подходитъ къ намъ — останется, что не подходитъ — само собою умретъ. Можно-ли сдѣлать изъ народа нашего Нѣмцевъ? Въ сравненіи съ нимъ мы самое крошечное меньшинство, самостоятельныхъ силъ и средствъ у насъ меньше, чѣмъ во всей громадной народной массѣ; а вотъ мы-же были у Нѣмцевъ, и въ цѣлыхъ полтораста лѣтъ не поддались-же европейскому вліянію, не сдѣлались Нѣмцами. Значитъ и мы, не смотря на наше меньшинство, на наши малыя силы, на исключительное положеніе наше передъ народомъ, всетаки заключали въ себѣ великія русскія начала общечеловѣчности и всепримиримости и не потеряли ихъ. Они сказались въ насъ, и мы поняли, что не можемъ сдѣлаться Нѣмцами, и сами захотѣли воротиться къ родному началу. Мы устыдились своей недѣятельности, своей несамоподвижности среди громадной дѣятельности европейскихъ племенъ, и поняли, что въ Европѣ намъ нечего дѣлать. Не безпокойтесь,

Digitized by Google

наука не наложитъ путъ на народъ нашъ; она только расширитъ его силы, и онъ скажетъ въ ней свое слово. До сихъ же поръ наука у насъ не прививалась и была у насъ, какъ дорогой оранжерейный цвѣтокъ. Особенной научной дѣятельности общество наше не выказало, ни теоретической, ни практической, потому что было разъединено съ родной почвой, а само по себѣ было слабо. Только казна строила мосты и дороги, да и то бо̀льшею частію заѣзжими инженерами.

Но привьется, наконецъ, и наука; все это совершится, можетъ быть, тогда, когда уже насъ не будетъ на свѣтѣ. Мы даже и угадать не можемъ, что̀ тогда будетъ, но знаемъ, что будетъ не совсѣмъ дурно. На долю-же нашего поколѣнія досталась честь перваго шага и перваго слова. Новая мысль уже не разъ выражалась русскимъ словомъ наружу. Мы начинаемъ изучать ея прежнія выраженія и открываемъ въ прежнихъ литературныхъ явленіяхъ факты, до сихъ поръ не замѣченные нами, но вполнѣ подтверждающіе эту мысль. Колоссальное значеніе Пушкина уясняется намъ все болѣе и болѣе, не смотря на нѣкоторыя странныя литературныя мнѣнія о Пушкинѣ, выраженныя въ послѣднее время въ двухъ журналахъ... Да, мы именно видимъ въ Пушкинѣ подтвержденіе всей нашей мысли. Значеніе его въ русскомъ развитіи глубоко знаменательно. Для всѣхъ Русскихъ онъ живое уясненіе, во всей художественной полнотѣ, что̀ такое духъ русскій, куда стремятся всѣ его силы и какой именно идеалъ Русскаго человѣка. Явленіе Пушкина есть доказательство, что дерево цивилизаціи уже дозрѣло до плодовъ и что плоды его не гнилые, а великолѣпные, золотые плоды. Все, что̀ только могли мы узнать отъ знакомства съ европейцами о насъ самихъ, мы узнали; все, что̀ только могла намъ уяснить цивилизація, — мы уяснили себѣ, и это знаніе самымъ полнымъ, самымъ гармоническимъ образомъ явилось намъ въ Пушкинѣ. Мы поняли въ немъ, что русскій идеалъ—всецѣлость, всепримиримость, всечеловѣчность. Въ явленіи Пушкина уясняется намъ даже будущая наша дѣятельность. Духъ русскій, мысль русская выражалась и не въ одномъ Пушкинѣ, но только въ немъ они явились намъ во всей полнотѣ, явились какъ фактъ, законченный и цѣлый...

О Пушкинѣ мы хотимъ сказать нѣсколько подробнѣе въ будущей статьѣ нашей и доказательнѣе развить нашу мысль. Въ будущей-же статьѣ мы перейдемъ, наконецъ, и къ русской литературѣ, будемъ говорить о теперешнемъ ея положеніи, о ея значеніи въ теперешнемъ обществѣ, о нѣкоторыхъ ея недоразумѣніяхъ, спорахъ, вопросахъ. Въ особенности хочется намъ сказать нѣсколько словъ и объ одномъ очень странномъ вопросѣ, который уже столько

Digitized by Google

лѣтъ раздѣляетъ нашу литературу на партіи и такимъ образомъ парализируетъ ея силы. Именно о знаменитомъ вопросѣ: искусство для искусства и проч.,—всѣ его знаютъ. Нечего выписывать заглавіе. Признаемся заранѣе, мы всего болѣе удивляемся, какъ не надоѣлъ еще этотъ вопросъ публикѣ окончательно и она еще не отказывается читать цѣлые о немъ трактаты? Но мы постараемся написать наше мнѣніе не въ формѣ трактата.

Digitized by Google

II.

Г. — Бовъ и вопросъ объ искусствѣ.*)

Мы сказали въ объявленіи о нашемъ журналѣ, что наша русская критика въ настоящее время пошлѣетъ и мельчаетъ. Мы съ грустію сказали эти слова: не отрекаемся отъ нихъ; это наше глубокое убѣжденіе. Многіе изъ наиболѣе читаемыхъ русскихъ журналовъ выразили почти ту-же мысль въ своихъ осеннихъ объявленіяхъ, при началѣ подписки на журналы на нынѣшній 1861 годъ. По крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ обѣщали обратить особенное вниманіе на этотъ отдѣлъ въ будущемъ году, слѣдовательно согласились, что до сихъ поръ онъ былъ плоховатъ. Если они исполнятъ свое обѣщаніе, то хорошо сдѣлаютъ. Не думаемъ, чтобъ насъ обвиняли въ хвастовствѣ, въ заносчивости, и изъ-за того только, что мы нашли критику измельчавшеюся, обвиняли насъ, что мы часто выставляемъ самихъ себя глашатаями новыхъ истинъ, провозвѣстниками новыхъ идей и т. д. и т. д. Мы не принимаемъ на себя такой роли. Мы знаемъ только одно: что любимъ свое дѣло и приступаемъ къ нему горячо и съ уваженіемъ. Нельзя не сознаться, что въ нашей критикѣ давно уже замѣтна какая-то всеобщая апатія, кромѣ, можетъ быть, одного исключенія. Не такъ, впрочемъ, думаютъ «Отечественныя Записки». Онѣ рѣшились объявить, — и, кажется, безъ малѣйшихъ колебаній, безъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти,—что вся блестящая дѣятельность Бѣлинскаго, правда, была блестящая, но... какъ-бы это сказать — нѣсколько поверхностна (entre nous soit dit) и что настоящая, громадная и спасительная дѣятельность русской критики началась именно съ того времени, какъ Бѣлинскій оставилъ этотъ журналъ. Мы помнимъ, что къ этому времени (т. е. какъ Бѣлинскій оставилъ этотъ журналъ) относится появленіе въ «Отечественныхъ Запискахъ»

*) Напечатано въ журналѣ «Время» за февраль 1861 г.

Digitized by Google

статьи г. Дудышкина о Фонъ-Визинѣ. Не съ нея-ли «Отечественныя Записки» начинаютъ новую эру русской критики? Правда, сейчасъ послѣ Бѣлинскаго занялся въ «Отечественныхъ Запискахъ» отдѣломъ критики Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, братъ всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимаго поэта, Аполлона Николаевича Майкова. Валеріанъ Майковъ принялся за дѣло горячо, блистательно, съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, съ первымъ жаромъ юности. Но онъ не успѣлъ высказаться. Онъ умеръ въ первый-же годъ своей дѣятельности. Много обѣщала эта прекрасная личность и, можетъ быть, многаго мы съ нею лишились. Но со смертію В. Майкова основался въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Дудышкинымъ, и мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что съ него-то и начинаетъ желтый журналъ новую блестящую эру своей дѣятельности. «Отечественныя Записки» именно ставятъ себѣ въ особенную заслугу, что послѣ Бѣлинскаго критика приняла у нихъ характеръ по преимуществу историческій, и что Бѣлинскій, который низвергалъ авторитеты и занимался Жоржъ-Зандомъ (слова о Жоржѣ-Зандѣ въ объявленіи «Отечественныхъ Записокъ»—верхъ совершенства, такъ кстати они помѣщены!), едва прикоснулся къ исторической части русской литературы. Во первыхъ, это несправедливо, а еслибъ и было справедливо, то въ двухъ страницахъ Бѣлинскаго (изданіе сочиненій котораго приводится къ окончанію) сказано больше объ исторической-же части русской литературы, чѣмъ во всей дѣятельности «Отечественныхъ Записокъ» съ 48 года до нашихъ временъ. А такъ какъ статья о Фонъ-Визинѣ считается въ «Отечественныхъ Запискахъ» началомъ этой пресловутой исторической дѣятельности, то и дѣятельность эта, вѣроятно, считается съ г. Дудышкина. Правда, статья о Фонъ-Визинѣ была еще довольно дѣльная, хотя очень скучная. Но послѣ нея наступила въ «Отечественныхъ Запискахъ» такая засуха, что страхъ вспомнить объ этомъ времени, даже въ сравненіи съ статьею о Фонъ-Визинѣ. Между тѣмъ «Отечественныя Записки» называютъ это время самой блестящей эпохой своей дѣятельности, да и всей русской литературы. Они утверждаютъ, что журналъ ихъ обратился въ то время къ народности. Мы припоминаемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» одну статью о метлѣ, ухватѣ и лопатѣ и о значеніи ихъ въ древней русской миѳологіи. Свѣденія, сообщенныя авторомъ этой статьи, были, конечно, полезныя; но не въ такихъ-ли статьяхъ видятъ «Отечественныя Записки» обращеніе къ народности? Если такъ, то взглядъ ихъ и понятіе о народности довольно оригинальны. Оригиналенъ тоже другой взглядъ, выраженный въ объявленіи «Отечественныхъ Записокъ» съ ужасающею отровенностію; именно: что все, что только есть исправно-мысля-

Digitized by Google

щаго, движущагося, идущаго къ какой нибудь цѣли, въ нашемъ теперешнемъ обществѣ, все—насколько развилось въ немъ сознанія и смысла, — все это сдѣлали «Отечественныя Записки», все это плоды трудовъ ихъ. Такъ какъ онѣ сами начинаютъ немного свысока смотрѣть на Бѣлинскаго, то позволительно заключить, что всѣ эти блестящіе результаты онѣ приписываютъ своей последующей дѣятельности, т. е. начиная съ статей о Фонъ-Визинѣ и о лопатѣ, до чудовищной статьи о Пушкинѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго 1860 года. Впрочемъ прошлогоднее объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» принадлежитъ исторіи русской литературы. Оно не умретъ; оно вѣковѣчно, монументально. Мы относимъ его къ литературѣ русскихъ скандаловъ и къ скандаламъ въ русской литературѣ.

Но мы увлеклись. Принимаясь за нашу статью, мы и въ виду не имѣли «Отечественныхъ Записокъ» и ихъ объявленій и вспомнили совершенно нечаянно, не смотря на то, что хотѣли сказать нѣсколько словъ о критической дѣятельности русскихъ журналовъ въ прошломъ году. Мы говоримъ: нѣсколько словъ, потому что написать полный отчетъ всей критической дѣятельности за весь прошлый годъ мы не беремся и готовы считать подобный трудъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже подвигомъ. Правда, въ этомъ отчетѣ намъ пришлось-бы указать и на нѣсколько пріятныхъ явленій въ нашей критикѣ... Но хотя мы и не беремся за этотъ *подвигъ*, мы видимъ, что намъ приходится въ настоящей статьѣ отчасти говорить, по поводу одного вопроса, объ одномъ изъ важнѣйшихъ представителей современной критики, котораго, — въ этомъ надо признаться откровенно,—только одного у насъ теперь и читаютъ, чуть-ли не изъ всѣхъ нашихъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, исключая три, четыре критическія статьи, мелькнувшія по разнымъ журналамъ за прошлый годъ и нѣсколько замѣченныя публикою,—всѣ остальныя прошли почти не оставивъ по себѣ слѣда. Читаютъ г.—бова, который-таки заставилъ читать себя, и ужь за это одно онъ стоитъ особеннаго вниманія... Но, впрочемъ, вотъ по какому собственно случаю мы хотимъ въ этотъ разъ говорить о г. —бовѣ.

Въ январьской книжкѣ нашего журнала, оканчивая наше введеніе въ «Рядъ статей о русской литературѣ», мы обѣщали говорить о современныхъ литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ литературныхъ вопросовъ мы считаемъ теперь вопроса объ искусствѣ. Этотъ вопросъ раздѣляетъ многихъ изъ современныхъ писателей нашихъ на два враждебные лагеря. Такимъ образомъ разъединяются силы. Нечего распространяться о

Digitized by Google

вредѣ, который заключается во всякомъ враждебномъ разногласіи. А дѣло уже доходитъ почти до вражды.

Разобрать эту вражду и ея причины, разъяснить весь споръ и высказать свое мнѣніе по поводу этого спора — соотвѣтствовало-бы и цѣлямъ нашего журнала и обязанностямъ, которыя мы сами приняли на себя передъ публикой. Но прежде всего оговоримся: Если мы и ввяжемся въ этотъ споръ, то вовсе не претендуя на роль окончательнаго судьи въ этомъ спорѣ. Да и примѣра мы не припомнимъ, чтобъ въ литературныхъ спорахъ нашихъ хоть когда нибудь одна партія подчинялась другой, согласилась-бы съ ней добровольно и по убѣжденію. Всякій литературный споръ кончается у насъ тѣмъ, что или выживаетъ изъ лѣтъ, надоѣдаетъ всѣмъ и каждому и прекращается самъ собою; или одна партія одолѣваетъ другую такъ, что другая замолкаетъ, но единственно отъ безсилія и истощенія; замолкаетъ, а не соглашается. Соглашеній мы какъ-то не помнимъ. Если-же они и бывали, то такъ рѣдко, что и припоминать не стоитъ.

И потому примирять и соглашать нашихъ спорщиковъ мы не беремся. Да и роль непріятная. Недавно г. Воскобойникову показалось, что русскіе литераторы слишкомъ много дерутся (литературнымъ образомъ, разумѣется); онъ и тиснулъ довольно забавную статейку: «перестаньте драться, гг. литераторы». Вышло такъ, что всѣ, кто только захотѣлъ замѣтить эту статью, напустились на г. Воскобойникова. Въ чемъ другомъ были несогласны, а въ этомъ тотчасъ-же между собой согласились.—Просто за просто: мы считаемъ теперешній вопросъ объ искусствѣ чрезвычайно важнымъ; а потому, какъ начинающій журналъ, хотимъ высказать и свое мнѣніе: какъ мы понимаемъ этотъ вопросъ и какому именно оттѣнку въ его рѣшеніи придерживаемся. Такимъ образомъ мы прямо выскажемъ свои убѣжденія и выкажемъ свое направленіе, тѣмъ болѣе, что насъ уже объ этомъ спрашивали. А такъ какъ высказать наши убѣжденія мы не можемъ, не разъяснивъ предварительно, на чемъ остановился этотъ споръ въ нашей литературѣ, то чтобъ опредѣлить современный характеръ этого спора, мы разберемъ предварительно ученія обѣихъ партій, чему и посвящаемъ эту статью. Одинъ изъ главныхъ представителей одного изъ этихъ ученій есть, безспорно, г. —бовъ, печатающій свои статьи въ «Современникѣ»; вотъ почему и статью нашу мы назвали: Г. *—бовъ и вопросъ объ искусствѣ.*

Еще одно замѣчаніе:

Намъ говорятъ и мы сами недавно читали въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ въ публикѣ журналовъ нашихъ, что пар-

Digitized by Google

тій въ русской литературѣ не существуетъ. Мы полагаемъ, что этотъ журналъ употребилъ слово: «партій» въ смыслѣ распрей личныхъ, до которыхъ собственно литературѣ не должно быть и дѣла. Разумѣется, мы всѣми силами желаемъ повѣрить этому журналу на̀ слово: нѣтъ, такъ тѣмъ и лучше. Но партіи въ смыслѣ несогласныхъ убѣжденій въ нашей литературѣ существуютъ. У насъ есть Аскоченскіе, Чернокнижниковы,—бовы. Даже самъ великолѣпный Кузьма Прутковъ, въ строгомъ смыслѣ, можетъ тоже считаться представителемъ цѣльной и своеобразной партіи. Вообще каждый журналъ нашъ чего либо да придерживается. Совершенно-же безцвѣтные журналы у насъ не держатся и умираютъ тихою и спокойною смертію. Разумѣется, литературныя партіи наши вообще неясно и какъ-то смутно обрисованы. Отъ иныхъ рѣшительно не дождешься яснаго изложенія ихъ убѣжденій; другія отдѣлываются какими-то намеками; третьи выражаются какъ будто по заказу, а между тѣмъ какъ будто сами себѣ не вѣрятъ; четвертыя удаляются въ туманную область нахмуренныхъ фразъ, головоломныхъ фразъ, тарабарскаго слога, — разбирай какъ знаешь. Винить за это, разумѣется, невозможно. Но по поводу вопроса объ искусствѣ, нѣкоторые изъ журналовъ нашихъ обозначились довольно рѣзко, особенно въ послѣднее время. Между ними первое мѣсто занимаетъ «Современникъ» съ прошлогодними статьями г.—бова.

Сдѣлавъ такое предисловіе, приступимъ къ самому дѣлу.

И во первыхъ, объявляемъ, что не придерживаемся ни одного изъ теперь существующихъ мнѣній и прямо говоримъ, что, по нашему мнѣнію, весь вопросъ въ настоящую минуту ложно поставленъ — именно отъ слишкомъ горячаго спора; именно оттого, что дѣло дошло почти до вражды. Мы надѣемся доказать это.

Но представимъ самую сущность вопроса; что̀ именно это за вопросъ и въ чемъ онъ заключается?

Одни говорятъ и учатъ, что искусство служитъ само себѣ цѣлью и въ самой сущности своей должно находить себѣ оправданіе. И потому вопроса о полезности искусства, въ настоящемъ смыслѣ слова, даже и быть не можетъ. Творчество—основное начало каждаго искусства, есть цѣльное, органическое свойство человѣческой природы и имѣетъ право существовать и развиваться уже потому одному, что оно необходимая принадлежность человѣческаго духа. Оно также законно въ человѣкѣ, какъ умъ, какъ всѣ нравственныя свойства человѣка и, пожалуй, какъ двѣ руки, какъ двѣ ноги, какъ желудокъ. Оно неотдѣлимо отъ человѣка и составляетъ съ нимъ цѣлое. Конечно, умъ, напримѣръ, полезенъ,—такъ можно выразиться: плохо безъ ума. Полезны въ этомъ-же смыслѣ человѣку

Digitized by Google

и руки и ноги! Въ этомъ-же смыслѣ полезно человѣку и творчество.

Но какъ нѣчто цѣльное, органическое, творчество развивается само изъ себя, неподчиненно и требуетъ полнаго развитія; главное—требуетъ полной свободы въ своемъ развитіи. Поэтому всякое стѣсненіе, подчиненіе, всякое постороннее назначеніе, всякая исключительная цѣль, поставленная ему, будутъ незаконны и неразумны. Еслибъ ограничить творчество, или запретить творческимъ и художественнымъ потребностямъ человѣка заниматься, — ну, чѣмъ-бы, напримѣръ?—Ну, хоть выраженіемъ извѣстныхъ ощущеній; запретить человѣку всю творческую его дѣятельность, которую-бы возбуждали въ немъ извѣстныя явленія природы: восходъ солнца, морская буря и проч., и проч.,—то все это было-бы нелѣпымъ, смѣшнымъ и незаконнымъ стѣсненіемъ человѣческаго духа въ его дѣятельности и развитіи.

Это говоритъ одна партія, — партія защитниковъ свободы и полной неподчиненности искусства.

«Разумѣется, все это было-бы нелѣпымъ стѣсненіемъ», отвѣтятъ утилитаристы (другая партія, учащая тому, что искусство должно служить человѣку прямой, непосредственной, практической и даже опредѣленной обстоятельствами пользой), — «разумѣется, всякое подобное стѣсненіе, безъ разумной цѣли, а единственно по прихоти,—есть дикая и злая глупость. Но согласитесь сами (могутъ они прибавить) — вдругъ, напримѣръ, идетъ сраженіе — вы одинъ изъ сражающихся; вмѣсто того, чтобъ помогать своимъ товарищамъ въ битвѣ, вамъ. какъ артисту въ душѣ, вдругъ понравилась картина сраженія; вы бросите оружіе, вынимаете карандашъ, бумагу и начинаете срисовывать поле битвы. Хорошо вы дѣлаете? Разумѣется, вы имѣете полное право предаваться вашимъ вдохновеніямъ; но разумна-ли будетъ ваша художественная дѣятельность въ такую минуту?

Однимъ словомъ, заключатъ они, мы не отвергаемъ вашей теоріи о свободѣ развитія творчества; но эта свобода должна быть, по крайней мѣрѣ, хоть разумная.

Г. Панаевъ, въ началѣ своихъ интересныхъ литературныхъ воспоминаній («Современникъ» 1861, книга I) упоминаетъ, что во время его молодости, между петербургскими литераторами одного круга, существовало убѣжденіе, что литераторы, поэты, художники, артисты не должны заниматься ничѣмъ насущнымъ, текущимъ, — ни политикой, ни внутреннею жизнію общества, къ которому принадлежатъ, ни даже ни какимъ нибудь важнѣйшимъ общенароднымъ вопросомъ, а заниматься только однимъ *высокимъ искусствомъ*.

Digitized by Google

Заниматься-же чѣмъ нибудь, кромѣ искусства, значитъ унижать его, низводить съ его высоты, глумиться надъ нимъ. По такому ученію значитъ надо было добровольно вырвать изъ-подъ себя всю почву, на которой всѣ стоятъ и которою всѣ живутъ, и, слѣдовательно, улетать все выше въ надзвѣздія, а тамъ, разумѣется, какъ нибудь испариться, потому что вѣдь больше-то ничего не оставалось и дѣлать. Эта теорія могла привести прямо къ тому, что, напримѣръ, во время двѣнадцатаго года, когда все русское занималось только однимъ спасеніемъ отечества, однимъ литераторамъ и поэтамъ было-бы гораздо приличнѣе заниматься—ну, хоть, напримѣръ, греческой антологіей. Въ литературной и художественной кучкѣ, о которой разсказываетъ г. Панаевъ, такъ и поступали: вопросами общественными не занимались. Одинъ изъ важнѣйшихъ членовъ этой кучки только и дѣлалъ въ то время, что писалъ драмы изъ жизни итальянскихъ художниковъ.

Возьмемъ еще примѣръ:

Положимъ, что мы переносимся въ восемнадцатое столѣтіе, именно въ день лиссабонскаго землетрясенія. Половина жителей въ Лиссабонѣ погибаетъ; домы разваливаются и проваливаются; имущество гибнетъ; всякій изъ оставшихся въ живыхъ что нибудь потерялъ—или имѣніе или семью. Жители толкаются по улицамъ въ отчаяніи, пораженные, обезумѣвшіе отъ ужаса. Въ Лиссабонѣ живетъ въ это время какой нибудь извѣстный португальскій поэтъ. На другой день утромъ выходитъ номеръ лиссабонскаго Меркурія (тогда все издавались Меркуріи). Номеръ журнала, появившагося въ такую минуту, возбуждаетъ даже нѣкоторое любопытство въ несчастныхъ лиссабонцахъ, не смотря на то, что имъ въ эту минуту не до журналовъ; надѣются, что номеръ вышелъ нарочно, чтобъ дать нѣкоторыя извѣстія о погибшихъ, о пропавшихъ безъ вѣсти и проч. и проч. И вдругъ — на самомъ видномъ мѣстѣ листа бросается всѣмъ въ глаза что нибудь въ родѣ слѣдующаго:

„Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыхань
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія и слезы
И заря, заря!“

Digitized by Google

Да еще мало того: тутъ-же, въ видѣ послѣдствія къ поэмкѣ, приложено въ прозѣ всѣмъ извѣстное поэтическое правило, что тотъ не поэтъ, кто не въ состояніи выскочить внизъ головой изъ четвертаго этажа (для какихъ причинъ?—я до сихъ поръ этого не понимаю; но ужь пусть это непремѣнно надо, чтобъ быть поэтомъ; не хочу спорить). Не знаю навѣрно, какъ приняли-бы свой Меркурій лиссабонцы, но мнѣ кажется, они тутъ-же казнили-бы всенародно, на площади, своего знаменитаго поэта, и вовсе не за то, что онъ написалъ стихотвореніе безъ глагола, а потому, что вмѣсто трелей соловья наканунѣ слышались подъ землей такія трели, а колыханіе ручья появилось въ минуту такого колыханія цѣлаго города, что у бѣдныхъ лиссабонцевъ не только не осталось охоты наблюдать —

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы

или

Отблескъ янтаря,

но даже показался слишкомъ оскорбительнымъ и небратскимъ поступокъ поэта, воспѣвающаго такія забавныя вещи въ такую минуту ихъ жизни. Разумѣется, казнивъ своего поэта (тоже очень небратски), они всѣ непремѣнно-бы кинулись къ какому-нибудь доктору Панглосу *) за умнымъ совѣтомъ, и докторъ Панглосъ тотчасъ-же и безъ большого труда увѣрилъ-бы ихъ всѣхъ, что это очень хорошо случилось, что они провалились, и что ужь если они провалились, то это непремѣнно къ лучшему. И доктора Панглоса никто-бы не разорвалъ за это въ клочки; напротивъ, дали-бы ему пенсію и провозгласили-бы его другомъ человѣчества. Вѣдь такъ все идетъ на свѣтѣ.

Замѣтимъ, впрочемъ, слѣдующее: положимъ, лиссабонцы и казнили своего любимаго поэта, но вѣдь стихотвореніе, на которое они всѣ разсердились (будь оно хоть и о розахъ и янтарѣ), могло быть великолѣпно по своему художественному совершенству. Мало того, поэта-то они-бъ казнили, а черезъ тридцать, черезъ пятьдесятъ лѣтъ поставили-бы на площади памятникъ за его удивительные стихи вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за «пурпуръ розы» въ частности. Поэма, за которую казнили поэта, какъ памятникъ совершенства поэзіи и языка, принесла, можетъ быть, даже и не малую пользу лиссабонцамъ, возбуждая въ нихъ потомъ эстетическій восторгъ и чувство красоты, и легла благотворной росой на души

*) Докторъ Панглосъ,—смѣшной философъ въ одной сказкѣ Вольтера, доказывающій, что все на свѣтѣ происходитъ къ лучшему.

Digitized by Google

молодого поколѣнія. Стало быть, виновато было не искусство, а поэтъ, злоупотребившій искусствомъ въ ту минуту, когда было не до того. Онъ пѣлъ и плясалъ у гроба мертвеца... Это, конечно, было очень нехорошо и чрезвычайно глупо съ его стороны; виноватъ опять-таки онъ, а не искусство.

Однимъ словомъ, утилитаристы требуютъ отъ искусства прямой, немедленной, непосредственной пользы, соображающейся съ обстоятельствами, подчиняющейся имъ, и даже до такой степени, что если въ данное время общество занято разрѣшеніемъ, напримѣръ, такого-то вопроса, то искусство (по ученію нѣкоторыхъ утилитаристовъ) и цѣли не можетъ задать себѣ иной, какъ разрѣшеніе этого-же вопроса. Если разсматривать это соображеніе о пользѣ не какъ требованіе, а только какъ желаніе, то оно, по нашему мнѣнію, даже похвально, хотя мы и знаемъ, что всетаки это соображеніе не совсѣмъ вѣрно. Если, напримѣръ, все общество озабочено разрѣшеніемъ какого нибудь важнаго внутренняго вопроса, то, разумѣется, пріятно было-бы желать, чтобъ и всѣ силы общества согласно направлены были къ достиженію всеобщей цѣли, а слѣдовательно, чтобъ и искусство прониклось этой-же идеей и тоже послужило-бы общей пользѣ. Какое нибудь общество, положимъ, на краю гибели; все, что̀ имѣетъ сколько нибудь ума, души, сердца, воли, все, что̀ сознаетъ въ себѣ человѣка и гражданина, занято однимъ вопросомъ, однимъ общимъ дѣломъ. Неужели-жь тогда только между одними поэтами и литераторами не должно быть ни ума, ни души, ни сердца, ни любви къ родинѣ и сочувствія всеобщему благу?

Служенье музъ, дескать, не терпитъ суеты.

Это, положимъ, такъ. Но хорошо-бы было, еслибъ, напримѣръ, поэты не удалялись въ эѳиръ и не смотрѣли-бы оттуда свысока на остальныхъ смертныхъ; потому что, хотя греческая антологія и превосходная вещь, но вѣдь иногда она бываетъ просто не къ мѣсту и вмѣсто нея пріятнѣе было-бы видѣть что нибудь болѣе подходящее къ дѣлу и помогающее ему. А искусство много можетъ помочь иному дѣлу своимъ содѣйствіемъ, потому что заключаетъ въ себѣ огромныя средства и великія силы. Повторяемъ: разумѣется, этого только можно желать, но не требовать, уже потому одному, что требуютъ большею частію, когда хотятъ заставить насильно, а первый законъ въ искусствѣ—свобода вдохновенія и творчества. Все-же вытребованное, все вымученное споконъ вѣку до нашихъ временъ не удавалось и вмѣсто пользы приносило одинъ только вредъ. Защитники «искусства для искусства» соб-

Digitized by Google

ственно за то и сердятся на утилитаристовъ, что они, предписывая искусству опредѣленныя цѣли, тѣмъ самымъ разрушаютъ само искусство, посягая на его свободу, а разрушая такъ легко искусство, стало быть не цѣнятъ его и, слѣдовательно, не понимаютъ даже, къ чему оно можетъ быть полезно, — они толкуютъ прежде всего о пользѣ. Потому, говорятъ защитники искусства, — еслибъ утилитаристы только знали, какая великая польза заключается въ искусствѣ для всего человѣчества, то они-бы нѣсколько болѣе цѣнили его и не обращались-бы съ нимъ съ такимъ неуваженіемъ. И въ самомъ дѣлѣ (продолжаютъ они), еслибъ даже смотрѣть на искусство съ одной вашей точки зрѣнія, то есть со стороны одной полезности, то вѣдь еще неизвѣстенъ въ подробности нормальный историческій ходъ полезности искусства въ человѣчествѣ. Трудно измѣрить всю массу пользы, принесенную и до сихъ поръ приносимую всему человѣчеству, напримѣръ, Илліадой или Аполлономъ Бельведерскимъ, вещами, повидимому, совершенно въ наше время ненужными. Вотъ, напримѣръ, такой-то человѣкъ, когда-то, еще въ отрочествѣ своемъ, въ тѣ дни, когда свѣжи и «новы всѣ впечатлѣнья бытія», взглянулъ разъ на Аполлона Белчведерскаго, и Богъ неотразимо напечатлѣлся въ душѣ его своимъ величавымъ и безконечно-прекраснымъ образомъ. Кажется, фактъ пустой: полюбовался двѣ минуты красивой статуей и пошелъ прочь. Но вѣдь это любованіе не похоже на любованіе, напримѣръ, изящнымъ дамскимъ туалетомъ. «Мраморъ сей вѣдь богъ», и вы сколько не плюйте на него, никогда у него не отнимете его божественности. Пробовали отнять, да ничего не вышло. И потому впечатлѣніе юноши, можетъ быть, было горячее, потрясающее нервы, холодящее эпидерму; можетъ быть, даже,—кто это знаетъ!—можетъ быть, даже при такихъ ощущеніяхъ высшей красоты, при этомъ сотрясеніи нервъ, въ человѣкѣ происходитъ какая нибудь внутренняя перемѣна, какое нибудь передвиженіе частицъ, какой нибудь гальваническій токъ, дѣлающій въ одно мгновеніе прежнее уже не прежнимъ, кусокъ обыкновеннаго желѣза магнитомъ. Впечатлѣній на свѣтѣ, конечно, множество, но вѣдь не даромъ-же это впечатлѣніе особенное, впечатлѣніе бога. Не даромъ-же такія впечатлѣнія остаются на всю жизнь. И кто знаетъ? Когда этотъ юноша, лѣтъ двадцать, тридцать спустя, отозвался во время какого нибудь великаго общественнаго событія, въ которомъ онъ былъ великимъ передовымъ дѣятелемъ такимъ-то, а не такимъ-то образомъ; то, можетъ быть, въ массѣ причинъ, заставившихъ его поступить такъ, а не этакъ, заключалось, безсознательно для него, и впечатлѣніе Аполлона Бельведерскаго, видѣннаго имъ двадцать лѣтъ назадъ.

Digitized by Google

Вы смѣетесь? Дѣйствительно, все это похоже на бредъ; но, во первыхъ, въ подобныхъ фактахъ, не смотря на всю эту положительность, вы сами еще ничего ровно не знаете. Можетъ быть, впослѣдствіи узнаете (мы вѣримъ въ науку), но теперь покамѣстъ не знаете. А во вторыхъ, есть историческіе признаки, есть нѣкоторые историческіе факты, по которымъ можно подумать, что наши мечты и не совсѣмъ вздоръ. Ну, кто-бы могъ подумать, что, напримѣръ, Корнель и Расинъ отзовутся своимъ вліяніемъ въ такія странныя и рѣшительныя минуты исторической жизни цѣлаго народа, что, казалось-бы, и немыслимо было сначала, что̀ дѣлать такимъ старымъ колпакамъ, какъ Корнель и Расинъ, въ такія эпохи. Оказалось, что души-то и не умираютъ. А потому, если давать заранѣе цѣли искусству и опредѣлять, чѣмъ именно оно должно быть полезно, то можно ужасно ошибиться, такъ что вмѣсто пользы можно принести одинъ вредъ, а слѣдовательно дѣйствовать прямо противъ себя; потому что утилитаристы требуютъ пользы, а не вреда. И такъ какъ искусство требуетъ прежде всего полной свободы, а свобода не существуетъ безъ спокойствія (всякая тревога уже не свобода), то слѣдственно искусство должно дѣйствовать тихо, ясно, не торопясь, не увлекаясь по сторонамъ, имѣя само себя цѣлью и вѣруя, что всякая дѣятельность его отзовется современемъ человѣчеству несомнѣнною пользою.

Вотъ что̀ говорятъ сторонники искусства для искусства своимъ противникамъ утилитаристамъ.

Во всемъ этомъ, конечно, ничего нѣтъ новаго; споръ старъ, но вотъ что̀ новое: что сами предводители обѣихъ партій говорятъ такъ, а на дѣлѣ поступаютъ обратно-противоположно своимъ-же словамъ. Слишкомъ ужь заспорились. Не распространяясь много, покажемъ одинъ примѣръ:

Обличительная литература возбуждаетъ негодованіе сторонниковъ чистаго искусства. Съ одной стороны, это имѣетъ нѣкоторое основаніе: бо̀льшею частію произведенія обличительной литературы до того худы, что болѣе вредны, чѣмъ полезны всеобщему дѣлу, и если мы съ своей стороны признаемъ, что нападки на эти произведенія отчасти и дѣльны, то единственно только въ этомъ смыслѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что нападки на нихъ идутъ не съ одной этой стороны и не въ этомъ смыслѣ. Негодованіе заходитъ далѣе: обвиняется самъ г. Щедринъ, родоначальникъ обличительной литературы, не смотря на то, что г. надворный совѣтникъ Щедринъ во многихъ изъ своихъ обличительныхъ произведеній— настоящій художникъ. Мало того: гонится весь обличительный родъ искусства, какъ будто между обличительными писателями даже и

Digitized by Google

не можетъ появиться истиннаго художника, геніальнаго писателя, поэта, самая спеціальность котораго именно и будетъ состоять въ обличеніи. Слѣдственно, изъ вражды къ противникамъ, сторонники чистаго искусства идутъ противъ самихъ себя, противъ своихъ-же принциповъ, а именно—уничтожаютъ свободу въ выборѣ вдохновенія. А за эту свободу они-то бы и должны стоять.

Съ другой стороны, утилитаристы, не посягая явно на художественность, въ то-же время совершенно не признаютъ ея необходимости. «Была-бы видна идея, была-бы только видна цѣль, для которой произведеніе написано, — и довольно; а художественность дѣло пустое, третьестепенное, почти ненужное». Вотъ какъ думаютъ утилитаристы. А такъ какъ произведеніе нехудожественное никогда и ни подъ какимъ видомъ не достигаетъ своей цѣли; мало того: болѣе вредитъ дѣлу, чѣмъ приноситъ пользы; то, стало быть, утилитаристы, не признавая художественности, сами-же болѣе всѣхъ вредятъ дѣлу, а слѣдственно идутъ прямо противъ самихъ себя; потому что они ищутъ не вреда, а пользы.

Намъ скажутъ, что мы это все выдумали, что утилитаристы никогда не шли противъ художественности. Напротивъ: не только шли, но мы замѣтили, что имъ даже особенно пріятно позлиться на иное литературное произведеніе, если въ немъ главное достоинство — художественность. Они, напримѣръ, ненавидятъ Пушкина, называютъ всѣ его вдохновенія—вычурами, кривляніями, фокусами и фіоритурами, а стихотворенія его—альбомными побрякушками. Даже самое появленіе Пушкина въ нашей литературѣ они считаютъ какъ будто чѣмъ-то незаконнымъ. Мы вовсе не преувеличиваемъ. Все это почти ясно выражено г. —бовымъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ его прошлаго года. Замѣтно еще, что г. —бовъ начинаетъ высказываться съ какимъ-то особеннымъ нерасположеніемъ и о г. Тургеневѣ, самомъ художественномъ изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. Въ статьѣ-же своей: «Черты для характеристики русскаго простонародья» («Современникъ» 1860, № IX), при разборѣ сочиненій Марко-Вовчка, г. —бовъ почти прямо выказываетъ, что художественность онъ считаетъ ничѣмъ, нулемъ, и выказываетъ именно тѣмъ, что не умѣетъ понять, къ чему полезна художественность. При разборѣ одной повѣсти Марка-Вовчка г. —бовъ прямо признаетъ что авторъ написалъ эту повѣсть нехудожественно, и тутъ-же, сейчасъ-же послѣ этихъ словъ, утверждаетъ, что авторъ достигъ вполнѣ этой повѣстью своей цѣли, а именно: вполнѣ доказалъ, что такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародьи. Между тѣмъ, этотъ фактъ (очень важный) не только не доказывается этой повѣстью, но даже вполнѣ под-

Digitized by Google

вергается сомнѣнію именно потому, что по нехудожественности автора, дѣйствующія лица повѣсти, выставленныя авторомъ для доказательства его главной идеи, утратили подъ перомъ его всякое русское значеніе, и читатель скорѣе согласится назвать ихъ шотландцами, итальянцами, сѣверо-американцами, — чѣмъ русскимъ простонародьемъ. Какъ-же въ такомъ случаѣ могли-бы они доказать собою, что такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародьѣ, когда сами они, дѣйствующія лица, не похожи на русское простонародье? Но г. —бову до этого рѣшительно нѣтъ дѣла: была-бы видна идея, цѣль, хотя-бы всѣ нитки и пружины грубо выглядывали наружу; къ чему-же послѣ этого художественность? Да и къ чему, наконецъ, писать повѣсти? Просто за просто написать-бы, что вотъ такой-то фактъ существуетъ въ простонародьѣ—потому-то и потому-то, — и короче, и яснѣе, и солиднѣе? «А тутъ еще сказки разсказывать! Вотъ людямъ-то нечего дѣлать!»

Кстати сдѣлаемъ еще одно нота-бене. Чѣмъ познается художественность въ произведеніи искусства? Тѣмъ, если мы видимъ согласіе, по возможности полное, художественной идеи съ той формой, въ которую она воплощена. Скажемъ еще яснѣе: художественность, напримѣръ, хоть-бы въ романистѣ, есть способность до того ясно выразить въ лицахъ и образахъ романа свою мысль, что читатель, прочтя романъ, совершенно также понимаетъ мысль писателя, какъ самъ писатель понималъ ее, создавая свое произведеніе. Слѣдственно, по-просту: художественность въ писателѣ есть способность писать хорошо. Слѣдственно тѣ, которые ни во что не ставятъ художественность, допускаютъ, что позволительно писать не хорошо. А ужь если согласиться, что *позволительно*, то вѣдь отсюда не далеко и до того, когда просто скажутъ: что *надо* писать не хорошо. Да чуть-ли и не говорятъ.

Въ этой статьѣ нашей мы намѣрены прослѣдить этотъ критическій разборъ сочиненій Марко-Вовчка, помѣщенный г.—бовымъ въ IX № «Современника» за прошлый годъ. Мы дѣлаемъ это особенно потому, что въ этомъ разборѣ довольно ярко высказывается характеръ литературныхъ убѣжденій г. —бова, а вмѣстѣ и взглядъ его на искусство. А г. —бовъ есть, какъ мы уже сказали, одинъ изъ предводителей утилитаризма. Слѣдственно, изучивъ хоть отчасти г.—бова, мы поймемъ и то, какъ поставленъ въ настоящую минуту вопросъ объ искусствѣ въ нашей литературѣ.

Извѣстно всей читающей русской публикѣ, что Марко-Вовчокъ написалъ двѣ книги разсказовъ изъ народнаго малороссійскаго и изъ народнаго великорусскаго быта. Г.—бовъ разбираетъ одни великорусскіе разсказы, вышедшіе въ переводѣ на русскій языкъ.

Digitized by Google

Всѣ разсказы разобраны имъ съ необыкновенною подробностію, слишкомъ на пяти печатныхъ листахъ мелкой печати. Этотъ разборъ особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ съ одной стороны выясняется, какъ понимаетъ г. —бовъ назначеніе и цѣль литературы, что отъ нея требуетъ и какія свойства, средства и силы признаетъ за ней, относительно вліянія на общество. Мы, впрочемъ, ограничимся только разборомъ одного перваго разсказа; и этого довольно, чтобъ ясно понять убѣжденія г. —бова. О самомъ-же Марко-Вовчкѣ мы въ настоящей статьѣ не намѣрены говорить подробно. Скажемъ только, что признаемъ за авторомъ большой умъ и превосходныя побужденія, въ сильномъ-же литературномъ талантѣ его сомнѣваемся. Мы особенно жалѣемъ, что высказываемъ такое мнѣніе, не доказавъ его, жалѣемъ еще болѣе, что какъ нарочно принуждены взять именно разборъ перваго разсказа: «Маша»,—надо признаться,—можетъ быть, самаго слабаго изъ всѣхъ разсказовъ автора. Но г. —бовъ, при разборѣ этого разсказа, наиболѣе высказался именно съ той стороны, на которую мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Разумѣется, мы не намѣрены разбирать *всѣ убѣжденія* г. —бова, хотя г. —бовъ, по нашему мнѣнію, стоитъ подобнаго разбора. Мы во многомъ совершенно съ нимъ несогласны и прямые его противники; но ужь одно то, что онъ заставилъ публику читать себя, что критическія статьи «Современника», съ тѣхъ поръ, какъ г. —бовъ въ немъ сотрудничаетъ, разрѣзываются изъ первыхъ, въ то время, когда почти никто не читаетъ критикъ, — уже одно это ясно свидѣтельствуетъ о литературномъ талантѣ г. —бова. Въ его талантѣ есть сила, происходящая отъ убѣжденія. Г. —бовъ не столько критикъ, сколько публицистъ. Основное начало убѣжденій его справедливо и возбуждаетъ симпатію публики; но идеи, которыми выражается это основное начало, часто бываютъ парадоксальны и отличаются однимъ важнымъ недостаткомъ, — кабинетностью. Г. —бовъ—теоретикъ, иногда даже мечтатель и во многихъ случаяхъ плохо знаетъ дѣйствительность; съ дѣйствительностью онъ обходится подчасъ даже ужь слишкомъ безцеремонно; нагибаетъ ее въ ту и другую сторону, какъ захочетъ, только-бъ поставить ее такъ, чтобъ она доказывала его идею. Пишетъ г. —бовъ простымъ, яснымъ языкомъ, хоть и говорятъ про него, что нъ ужь слишкомъ жуетъ фразу, прежде чѣмъ положить ее въ ротъ итателю. Ему все какъ-будто кажется, что его не понимаютъ. Впрочемъ, это еще небольшой недостатокъ. Ясность и простота зыка его заслуживаютъ особеннаго вниманія и похвалы въ наше ремя, когда въ иныхъ журналахъ вмѣняютъ даже себѣ въ осо-

Digitized by Google

бую честь неясность, тяжелизну и кудреватость слога, вѣроятно, думая, что все это способствуетъ глубокомыслію. Кто-то увѣрялъ насъ, что если теперь иному критику захочется пить, то онъ не скажетъ прямо и просто: принеси воды, а скажетъ навѣрно что нибудь въ такомъ родѣ:

— Принеси то существенное начало овлажненія, которое послужитъ къ размягченію болѣе твердыхъ элементовъ, осложнившихся въ моемъ желудкѣ.

Эта шутка отчасти похожа на правду.

Но обратимся къ дѣлу. Почти въ самомъ началѣ своего разбора г. —бовъ говоритъ:

„Въ малороссійскихъ разсказахъ мы видѣли злоупотребленія помѣщичьей власти, и злоупотребленія нерѣдко довольно крутыя. Это даже подало, говорятъ, поводъ одному извѣстному русскому критику объявить произведенія Марка Вовчка „*мерзостно отвратительными картинками*", и, причисливши ихъ къ обличительной литературѣ, *вслѣдствіе этого отвергнуть въ авторѣ ихъ всякій талантъ литературный*. Мы не читали статейки строгаго критика, потому что давно уже перестали интересоваться его литературными приговорами; но тѣмъ не менѣе *мы понимаемъ процессъ*, посредствомъ котораго онъ составилъ свое заключеніе. *Онъ — приверженецъ теоріи „искусства для искусства"*; разсказы Марка Вовчка нашли себѣ хвалителей тоже въ числѣ приверженцевъ этой теоріи. *Можете себѣ представить, что именно нравилось въ этихъ разсказахъ такимъ хвалителямъ*. Мы сами слышали, какъ двое художественныхъ цѣнителей восхищались необыкновенною прелестью и поэтичностью одного мѣста, которое, кажется, такъ читается: „геть, геть; далеко въ полѣ крестъ надъ его могилой виднѣется". Строгій критикъ, осудившій Марка Вовчка, *оказался даже нѣсколько благоразумнѣе подобныхъ цѣнителей*, понявши, что „геть, геть, далеко въ полѣ" еще не есть чрезвычайная высота художественности. *А что онъ ничего другаго не въ состояніи былъ понять въ „Народныхъ Разсказахъ", такъ это опять совершенно естественно, и весьма страненъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы ожидать отъ него такого пониманья. Тогда онъ сдѣлался бы отступникомъ теоріи „искусства для искусства"*; а можетъ-ли онъ отступить отъ нея? *Безъ нея, что бы онъ сталъ дѣлать на свѣтѣ, куда бы годился онъ?*"

Остановимся здѣсь. Это мѣсто въ статьѣ г. —бова какъ нельзя лучше оправдываетъ наши предыдущія замѣчанія о взаимныхъ сладкихъ отношеніяхъ обѣихъ литературныхъ партій, т. е. утилитаристовъ и приверженцевъ искусства для искусства. Вражда, преднамѣренныя недоразумѣнія, крайность обвиненій—вотъ что́ мы видимъ изъ этой выписки. Прежде всего г. —бовъ обвиняетъ *художественнаго* критика, что онъ, вслѣдствіе полезнаго направленія разсказовъ Марко-Вовчка, назвалъ ихъ *мерзостно-отвратительными картинками* и, причисливши ихъ къ обличительной лите-

Digitized by Google

ратурѣ, *вслѣдствіе этого* отвергнулъ въ авторѣ всякій талантъ литературный. Хоть это обвиненіе и очень рѣзкое, но мы въ этомъ случаѣ почти рѣшаемся вѣрить г. —бову *на слово*, потому что и мы не читали статейки *художественнаго* критика. Правда, что этотъ критикъ могъ отвергнуть литературный талантъ въ авторѣ разсказовъ и не по одному только поводу, что эти разсказы обличительные; мы признаемъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ могъ основываться и на другихъ данныхъ. Но г. —бовъ прямо подтверждаетъ наши слова, что приверженцы искусства для искусства, изъ ненависти къ утилитарному направленію, не только отвергаютъ обличительную литературу, всю безъ изъятія, но даже отвергаютъ возможность появленія таланта въ обличительной литературѣ. Повторяемъ, что этому нужно повѣрить. Зато самъ г. —бовъ впадаетъ съ своей стороны въ грубѣйшую крайность: онъ говоритъ, что еслибъ художественный критикъ могъ понять хоть что нибудь въ разсказахъ Марко-Вовчка, то измѣнилъ бы себѣ, потому что тотчасъ-же сталъ-бы отступникомъ *теоріи искусства для искусства*.

Въ ослѣпленіи, въ озлобленіи, а потому и въ несправедливости, еще можно обвинить нѣкоторыхъ приверженцевъ теоріи искусства для искусства. Но чтобъ сама теорія искусства для искусства обладала какимъ-то природнымъ свойствомъ дѣлать изъ своихъ приверженцевъ какихъ-то недоумковъ, умныхъ людей обращать въ отупѣвшихъ и ограниченныхъ — это ужь несправедливо. Мало-ли куда можетъ зайдти теорія, партія, ученіе въ какой нибудь данный моментъ! Не принимать-же всякое уклоненіе за общее правило!

Но будемъ продолжать наши выписки.

„Но дѣло не въ приговорахъ художественнаго критика: Богъ съ нимъ, — вѣдь его никто не принимаетъ серьёзно, стало быть художественныя потѣхи его остаются совершенно безвредными. Мы имѣемъ въ виду другіе толко, другія мнѣнія, о которыхъ считаемъ удобнымъ поговорить теперь, по поводу книжки Марка Вовчка. Мнѣнія эти довольно распространены въ извѣстной части нашего общества, называющей себя образованною, и между тѣмъ они обнаруживаютъ непониманіе дѣла и легкомысліе. Мнѣнія, о которыхъ мы говоримъ, касаются характеристики крестьянина и его отношеній къ крѣпостному праву. Крѣпостное право приходитъ къ своему концу. Но факты, существовавшіе въ теченіе столѣтій, не проходятъ даромъ, не остаются безъ всякаго слѣда. Какое нибудь мѣстничество держится въ нравахъ, спустя два столѣтія послѣ его уничтоженія закономъ; можно ли ожидать, чтобы внезапно пересоздались всѣ отношенія, бывшія слѣдствіемъ крѣпостнаго права? Нѣтъ, еще долго будетъ оно отзываться намъ — и въ книжкахъ, и въ гостинныхъ разговорахъ, и въ цѣломъ устройствѣ нашихъ житейскихъ отношеній. Понятія не только отживающаго поколѣнія, не только

Digitized by Google

того, которое теперь дѣйствуетъ, но и того, которое еще только готовится выступить на общественную дѣятельность,—сложились если не прямо на основаніи крѣпостнаго устройства, то во всякомъ случаѣ не безъ сильнаго его вліянія. Крѣпостное начало—было узаконено и принято государствомъ. Теперь это начало отвергнуто, и стало быть понятія и требованія, имъ порожденныя и воспитанныя, находятъ себѣ обсужденіе въ томъ самомъ, что прежде служило имъ оградою. Теперь дѣло литературы — преслѣдовать остатки крѣпостнаго права въ общественной жизни и добивать порожденныя имъ понятія. Марко Вовчокъ, въ своихъ простыхъ и *правдивыхъ* разсказахъ, является почти первымъ и *весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ*. Въ послѣднихъ своихъ разсказахъ онъ даже не старается, какъ въ прежнихъ, выставлять передъ нами преимущественно то, что называется обыкновенно „злоупотребленіемъ помѣщичьей власти". Что̀ ужь толковать о злоупотребленіи того, что само по себѣ дурно! Что ужь говорить о такихъ явленіяхъ, къ которымъ подавало поводъ крѣпостное право, но безъ которыхъ оно могло иногда и обходиться! Нѣтъ, авторъ беретъ теперь нормальное положеніе крестьянина у помѣщика, *не* злоупотребляющаго своимъ правомъ, - и кротко, безъ гнѣва, безъ горечи рисуетъ намъ это положеніе. И изъ этихъ очерковъ,—*въ которыхъ каждый кто хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаетъ знакомыя черты, - изъ этихъ очерковъ возстаетъ передъ нами характеръ русскаго простолюдина*, сохранившій основныя черты свои посреди всѣхъ обезличивающихъ, давящихъ отношеній, которымъ онъ былъ подчиненъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. На нѣкоторыя черты этого характера мы и хотимъ теперь обратить вниманіе".

Эту выписку мы сдѣлали потому, что она служитъ предисловіемъ и введеніемъ г. —бова въ его разборъ Марко-Вовчка. Здѣсь онъ отчасти излагаетъ свой взглядъ на Марко-Вовчка. Обратите вниманіе на строчки, отмѣченныя нами курсивомъ. Г. —бовъ признаетъ, что разсказы Марко-Вовчка *просты* и *правдивы*, что Марко-Вовчокъ является въ нихъ *весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ*, и что изъ этихъ очерковъ,—въ которыхъ каждый, *кто хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаетъ знакомыя черты, изъ этихъ очерковъ возстаетъ передъ нами характеръ русскаго простолюдина*. Замѣтьте эти слова г. —бова. Изъ нихъ видно, что онъ признаетъ за Марко-Вовчкомъ, *кромѣ ума* и *знанія дѣла*, и *умѣнье излагать свои знанія* и *наблюденія*, однимъ словомъ — признаетъ за нимъ талантъ литературный.

Затѣмъ, у г. —бова слѣдуютъ нѣсколько превосходныхъ страницъ, въ который излагаются разныя теоріи и воззрѣнія, существующія въ настоящее время между нѣкоторыми господами на счетъ русскаго протонародья. Это великолѣпное мѣсто (впрочемъ, еще не лучшее въ статьѣ г. —бова) могло-бы дать тѣмъ изъ

Digitized by Google

читателей нашихъ, которые незнакомы съ талантомъ г. —бова, понятіе о томъ, чѣмъ, какъ и почему этотъ писатель заставилъ публику читать себя. Не выписываемъ этого мѣста (хотя-бы намъ очень хотѣлось выписать его цѣликомъ), потому что не разбираемъ теперь всего г. —бова, а только взглядъ его на искусство. Постороннія-же выписки нарушили-бы единство нашей статьи. Но на слѣдующую выписку просимъ обратить особенное вниманіе. Въ ней г. —бовъ разсматриваетъ Марко-Вовчка отчасти и какъ художника. не признаетъ въ авторѣ рѣшительнаго художественнаго таланта, но тутъ-же говоритъ, что въ немъ замѣтна широта пониманія той жизни, которую онъ изображаетъ, и что тѣмъ-то эти разсказы и нравятся ему, г. —бову. Мало того, г. —бовъ даже увлекается: какъ умный человѣкъ, онъ могъ увидать пружины, замѣтить намеки и намѣренія автора; могъ даже, по нѣкоторымъ запутаннымъ и безсвязнымъ черточкамъ заключить, что авторъ говоритъ о томъ-то и о томъ-то, и вотъ, отъ радости, что заговорили о томъ-то и о томъ-то, онъ до того благодаренъ автору, что готовъ находить въ его разсказахъ и присутствіе русскаго духа, и знакомые образы (простонародья) и проч. и проч., а это уже есть признаки художественности, которой онъ самъ не признаетъ въ авторѣ. Главное дѣло. что г. —бовъ доволенъ и безъ художественности; только чтобъ говорили о дѣлѣ. Послѣднее желаніе, конечно, похвальное, но пріятнѣе было-бы, еслибъ и о дѣлѣ говорили хорошо, а не какъ нибудь *).

Но вотъ это мѣсто его статьи:

„Надо замѣтить прежде всего, что характеры эти не воспроизведены со всей художественною полнотою, а только лишь намѣчены въ коротенькихъ разсказцахъ Марка-Вовчка. Мы не можетъ искать у него эпопеи нашей народной жизни,—это было бы ужь слишкомъ много Такой эпопеи мы можемъ ожидать въ будущемъ, а теперь покамѣсть нечего еще и думать о ней. Сознаніе народа далеко еще не вошло у насъ въ тотъ періодъ, въ которомъ оно должно выразить все себя поэтическимъ образомъ; писатели изъ образованнаго класса до сихъ поръ почти всѣ занимались народомъ, какъ любопытной игрушкой, вовсе не думая смотрѣть на него серьёзно Сознаніе значенія народа едва начинается у насъ, и рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ появляются серьёзныя,

*) Спѣшимъ оговориться. Отзываясь такимъ образомъ о сочиненіяхъ Марко-Вовчка, мы имѣемъ въ виду только первую повѣсть въ его разсказахъ изъ великорусскаго быта «Маша». Мы не можемъ не согласиться, что въ другихъ его разсказахъ есть много чрезвычайно талантливыхъ страницъ, хотя въ цѣломъ ни одинъ разсказъ не выдержанъ. Дѣйствительность часто идеализирована, представлена неправоподобно, а между тѣмъ, вы сами знаете, что все это, представленное неправоподобнымъ, дѣйствительно можетъ быть въ жизни, и досадуете, что оно не оправдано. Мы, впрочемъ, говоримъ объ однихъ великорусскихъ разсказахъ и не трогаемъ разсказовъ изъ малороссійскаго быта.

Digitized by Google

искренно и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва-ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ Марка-Вовчка. Въ нихъ много отрывочнаго, недосказаннаго, иногда фактъ берется случайный, частный, разсказывается безъ поясненія его внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, не связывается необходимымъ образомъ съ обычнымъ строемъ жизни. Но строгой оконченности и всесторонности, повторяемъ, невозможно еще требовать отъ нашихъ разсказовъ изъ крестьянской жизни, она еще не открываетъ намъ себя во всей полнотѣ, да и то, что̀ открыто намъ, мы не всегда умѣемъ или не всегда можемъ хорошо выразить. *Для насъ довольно и того*, что въ разсказахъ Марка-Вовчка мы видимъ желаніе и умѣнье прислушиваться къ народной жизни: *мы чуемъ въ нихъ присутствіе русскаго духа, встрѣчаемъ знакомые образы*, узнаемъ ту логику, тѣ чувства, которыя мы и сами замѣчали когда-то, но пропускали безъ вниманія. *Вотъ чѣмъ и дороги для насъ эти разсказы; вотъ почему и цѣнимъ мы такъ высоко ихъ автора.* Въ немъ видимъ мы глубокое вниманіе и живое сочувствіе, въ немъ находимъ мы широкое пониманіе той жизни, на которую смотрятъ такъ легко и которую понимаютъ такъ узко и убого многіе изъ образованнѣйшихъ нашихъ экономистовъ, славянистовъ, юристовъ, нувеллистовъ и проч. и проч."

А теперь, послѣ этой выписки, мы перейдемъ къ самому разбору г. —бовымъ перваго разсказа Марка-Вовчка: «Маша». Мы рѣшаемся выписать этотъ разборъ цѣликомъ. Намъ хочется, чтобъ читатель самъ познакомился съ этимъ разсказомъ, не смотря на то, что передаетъ этотъ разсказъ и дѣлаетъ изъ него выписки самъ г. —бовъ, — сторонникъ, любитель и заступникъ таланта Марко-Вовчка.

„Мы помнимъ первое появленіе этого разсказа, говоритъ г.—бовъ. Люди, еще вѣрующіе въ неприкосновенность крѣпостнаго права, пришли отъ него въ ужасъ. А въ разсказѣ раскрывается естественное и ничѣмъ незаглушимое развитіе въ крестьянской дѣвочкѣ любви къ самостоятельности и отвращенія къ рабству. Ничего преступнаго тутъ нѣтъ, какъ видите; но на приверженцевъ крѣпостныхъ отношеній подобный разсказъ дѣйствительно долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе. Онъ залеталъ въ ихъ послѣднее убѣжище, которое они считали неприступнымъ. Видите-ли, они, какъ люди гуманные и просвѣщенные, согласились, что крѣпостное право въ основаніи своемъ несообразно съ успѣхами современнаго просвѣщенія. Но вслѣдъ за тѣмъ они говорили, что вѣдь мужикъ еще не созрѣлъ до настоящей самостоятельности, что онъ о ней и не думаетъ, и не желаетъ ея, и вовсе не тяготится своимъ положеніемъ,—развѣ ужь только гдѣ барщина очень тяжела и приказчикъ крутъ... „Да и помилуйте откуда заберется мужику въ голову мысль о свободѣ? Книгъ онъ не читаетъ вовсе никакихъ; съ литераторами незнакомъ; дѣла у него довольно, такъ что утопій сочинять и не досугъ... Живетъ онъ себѣ, какъ жили отцы и дѣды, и если его теперь хотятъ освобождать, такъ это чисто по милости, по великодушію .. И повѣрьте, что мужикъ нескоро еще очнется, нескоро въ толкъ возьметъ, что такое

Digitized by Google

и зачѣмъ даютъ ему... Многіе, очень многіе еще всплачутся по прежней жизни". Такъ увѣряли умные и просвѣщенные люди, и считали невозможнымъ всякое возраженіе. И вдругъ, представьте себѣ—прямо оспаривается дѣйствительность факта, на который они ссылаются. Имъ разсказываютъ случай, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи естественна любовь къ свободному труду и независимой жизни, и что развитіе этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой *простой* случай имъ разсказываютъ.

„У крестьянской старушки воспитываются двѣ сироты: племянница ея Маша и племянникъ Ѳедя. Ѳедя—какъ быть мальчикъ, веселый, смирный, покорный; а Маша съ малолѣтства выказываетъ большую своеобычливость. Она не довольствуется тѣмъ, чтобы выслушать приказаніе, а непремѣнно требуетъ, чтобы сказали ей, зачѣмъ и почему; ко всему она прислушивается и присматривается и чрезвычайно рано обнаруживаетъ наклонность имѣть свое сужденіе. Будь бы дѣвочка у стараго отца съ матерью, у нея эту дурь, разумѣется, мигомъ бы выбили изъ головы, какъ обыкновенно и дѣлается у насъ съ сотнями и тысячами дѣвочекъ и мальчиковъ, обнаруживающихъ въ дѣтствѣ излишнюю пытливость и неумѣстную претензію на преждевременную дѣятельность разсудка. Но къ счастью или несчастью Маши, тетка ея была добрая и простая женщина, которая не только не карала Машу за ея юркость, но даже и сама-то ей поддавалась и очень конфузилась, когда не могла удовлетворить разспросамъ племянницы или переспорить ее. Такимъ образомъ Маша получила убѣжденіе, что она имѣетъ право думать, спрашивать, возражать. Этого ужь было довольно. На седьмомъ году случилось съ ней происшествіе, которое дало особенный оборотъ всѣмъ ея мыслямъ. Тетка съ Ѳедей поѣхала въ городъ: Маша осталась одна караулить избу. Сидитъ она на заваленкѣ и играетъ съ ребятишками. Вдругъ проходитъ мимо барыня; остановилась, посмотрѣла и говоритъ Машѣ: „что это такъ разшумѣлась? Свою барыню знаешь? А? чья ты?" Маша оробѣла, что-ли, не отвѣтила а барыня то ее и выбранила: „дура растешь, не умѣешь говорить". Маша въ слезы. Барынѣ жалко стало. „Ну, поди, говоритъ ко мнѣ, дурочка". Маша нейдетъ: барыня приказываетъ ребятишкамъ подвести къ ней Машу. Маша ударилась бѣжать, да такъ и не пришла домой. Воротилась тетка съ Ѳедей изъ города,—нѣтъ Маши: пошли искать, искали-искали, не нашли; ужь на возвратномъ пути она сама къ нимъ вышла изъ чьего-то коноплянника. Тетка хотѣла ее домой вести,—нейдетъ. „Меня, говоритъ, барыня возьметъ, не пойду я". Кое-какъ тетка ее успокоила и тутъ же ей наставленіе дала, что надо барыню слушаться, хоть она и сурово прикажетъ.

„— А если не послушаешься? промолвила Маша.

„— Тогда горя не оберешься, голубчикъ, говорю *). Любо развѣ кару-то принимать?..

„А Ѳедя даже смутился, смотритъ на сестру во всѣ глаза.

„— Убѣжать можно, говоритъ Маша, убѣжать далеко... Вотъ Тростянскіе лѣтось бѣгали.

„— Ни, и поймали ихъ, Маша... А которые на дорогѣ померли.

---

*) Разсказъ веденъ отъ лица тетки.

Digitized by Google

„— А пойманныхъ-то въ острогъ посадили, распинали всячески, говоритъ Ѳедя.

„— Натерпѣлись они и стыда, и горя, дитятко,—я говорю; а Маша все свое: „да чего всѣ за барыню такъ стоятъ?"

„— Она барыня—толкуемъ ей,—ей права даны, у ней казна есть... такъ ужь ведется.

„— Вотъ что сказала дѣвочка.—А за насъ-то кто-жь стоитъ?

„Мы съ Ѳедей переглянулись: что это на нее нашло?

„— Неразумная ты головка, дитятко, говорю.

„— Да кто-жь за насъ? твердитъ.

„— Сами мы за себя, да Богъ за насъ, отвѣчаю ей (стр. 29).

„И съ той поры у Маши только и рѣчей, что про барыню. „И кто ей отдалъ насъ? и какъ? и зачѣмъ? и когда? Барыня одна, говоритъ, а насъ-то сколько! Пошли бы себѣ отъ нея, куда захотѣли: что она сдѣлаетъ?" Старушка-тетушка, разумѣется, не могла удовлетворить Машу и дѣвочка должна была сама доходить до разрѣшенія своихъ вопросовъ. Между тѣмъ, скоро пришлось ей примѣнить и на практикѣ свой образъ мыслей. Барыня вспомнила про Машу и велѣла старостѣ посылать ее на работу въ барскій садъ. Маша уперлась: „не пойду", говоритъ, да и только. Теткѣ стало жалко дѣвочку: сказала старостѣ, что больна Маша. За эту отговорку и ухватилась дѣвчонка: какъ только господская работа, она больна. Ужь барыня и къ себѣ ее требовала и допрашивала: „чѣмъ больна?"—„Все болитъ", отвѣчаетъ Маша. Барыня побранитъ, погрозитъ и прогонитъ ее. А на другой разъ опять тоже.

„Сколько ни уговаривалъ Машу братъ ея, сколько ни просила тетка—ничто не помогало. Маша не только не хотѣла работать, да еще при этомъ и держала себя такъ, какъ будто бы она была въ полномъ правѣ, какъ будто бы то, что она дѣлала, такъ и должно было дѣлать ей. Она не хотѣла, напримѣръ, попросить у барыни, чтобъ освободила ее отъ работы. „Стоило только поклониться, попроситься—разсуждаетъ тетка,—барыня ее отпустила бы сама: да не такая была Маша наша. Она, бывало, и глазъ-то на барыню не подниметъ, и голосъ-то глухо звучитъ.. А вѣдь извѣстенъ нравъ барскій: ты обмани—да поклонись низко, ты злой человѣкъ—да почтителенъ будь, просися, молися: ваша, молъ, власть казнить и мимовать—простите! и все тебѣ простится; а чуть возмутился сердцемъ, слово горькое сорвалось,—будь ты и правдивъ, и честенъ,—милости надъ тобой не будетъ: ты грубіянъ! Барыня наша за добрую, за жалостливую слыла а вѣдь какъ она Машу донимала! „Погодите,—бывало на насъ грозится,—я васъ всѣхъ проучу!" Хоть она и не карала еще, да съ такими посулками время невесело шло".

„А въ Машѣ отвращеніе отъ барской работы дошло до какого-то ожесточенія, вызывало ее на *безсознательный*, *безумный героизмъ*. Разъ братъ упрекнулъ ее, что она отъ работы отговаривается болѣзнью, а въ пляскахъ да играхъ передъ всей деревней отличается. „Развѣ, говоритъ, ты думаешь, до барыни не дойдетъ? Нехорошо, что ты насъ подъ барскій гнѣвъ подводишь". Послѣ этого Маша перестала ходить на улицу. Скучно ей, тоскливо смотритъ она изъ окошка на игры подругъ, слеза бѣжитъ у ней по щекѣ, а не выйдетъ изъ избы. Тетка стала посылать ее къ подругамъ, братъ сталъ упрашивать, чтобы она перестала сердиться на его попрекъ: „я, говоритъ, Ѳедя, не сердита, а только ты не упрашивай

Digitized by Google

меня понапрасну,—не пойду". Такъ и не ходила, а по ночамъ не спала, да по огороду все гуляла одна одинешенька и никому того не сказывала; да разъ невзначай тетка ее подстерегла. „Богъ съ тобой, Маша, говоритъ ей тетка. - Жить бы тебѣ, какъ люди живутъ. Отбыла барщину, да и не боишься ничего.. А то вотъ по ночамъ бродишь, а днемъ показаться за ворота не смѣешь". — „Не могу, шепчетъ, не могу! Вы хоть убейте меня—не хочу". Такъ и оставили ее.

„Между тѣмъ, Маша выросла, стала невѣстой, красавицей. Старуха-тетка начинаетъ ей загадывать о замужней жизни и пророчить счастье замужемъ Но Машѣ и то не по нраву: ,чтожь замужемъ-то, одинаково, говоритъ. - Какое счастье!.." Тетка толкуетъ, что не все горе на свѣтѣ, есть и счастье. „Есть, да не про нашу честь", отвѣчаетъ Маша. Слушая такія рѣчи, и Ѳедя начинаетъ задумываться. Но Ѳедя не можетъ предаваться своимъ думамъ: онъ отбываетъ барщину. Маша же продолжаетъ упорно отказываться отъ всякой работы. Всѣ на деревнѣ стали дивиться и роптать на бездѣлье Маши, а барыня однажды такъ разсердилась, что велѣла немедленно силою привести къ себѣ Машу. Привели ее. Барыня бросилась къ ней, бранится и серпъ ей въ руки суетъ: „выжни мнѣ траву въ цвѣтникѣ". Да и стала надъ нею: „жни!" Маша какъ взмахнула серпомъ—прямо себѣ по рукѣ угодила. Кровь брызнула, барыня перепугалась: „ведите ее домой скорѣе! вотъ платочекъ—руку перевязать!" Тѣмъ дѣло и кончилось; Маша не оцѣнила даже барской милости: какъ пришла домой, такъ сорвала съ руки барынинъ платочекъ и далеко отъ себя бросила...

„Упрямое сопротивленіе Маши всякому наряду на работу, ея тоска, ея странные запросы—дурно подѣйствовали на ея брата И онъ закручинился, и онъ отъ работы отбился. Старуха-тетушка нашла, что парня пора женить, и говоритъ ему разъ о невѣстахъ. „Коли свои, говоритъ, не по нраву, такъ бы въ Дерновку съѣздилъ, тамъ есть дѣвушки хорошія".—„Дерновскіе всѣ вольные", отозвалась Маша. - „Чтожь, что вольные, вразумляетъ тетка.—Развѣ вольные не выходятъ за барскихъ? Лишь бы имъ женихъ нашъ приглянулся".—„Еслибы я вольная была, заговорила Маша, а сама такъ и задрожала:—я бы, говоритъ, лучше на плаху головою". Ѳедя очень огорчился этимъ отзывомъ. „Ужь очень ты барскихъ-то обижаешь, Маша, проговорилъ онъ, и въ лицѣ измѣнился: - они тоже вѣдь люди Божіи; только-что безсчастные". Да и вышелъ съ тѣмъ словомъ. Тетка начала, по обычаю, уговаривать Машу, говоря, что кручиной да слезами своей судьбѣ не поможешь, а развѣ-что вѣку не доживешь. А Маша отвѣчаетъ, что оно и лучше умереть-то скорѣе. »Что мнѣ тутъ-то, говоритъ, на свѣтѣ-то?"

„Такъ живетъ бѣдная семья, страдая отъ неумѣстно-поднятыхъ и беззаконно разросшихся вопросовъ и требованій дѣвочки. У дурной помѣщицы, у сердитаго управляющаго подобная блажь имѣла бы, конечно, очень дурной конецъ. Но разсказъ представляетъ намъ добрую, кроткую помѣщицу, да еще съ либеральными наклонностями. Она рѣшилась дать позволеніе своимъ крестьянамъ выкупаться на волю. Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало это извѣстіе на Машу и Ѳедю. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь вполнѣ двухъ маленькихъ главъ, составляющихъ заключеніе этого разсказа Марка Вовчка.

„А Ѳедя все сумрачнѣй, да угрюмѣй, а Маша въ глазахъ у меня

Digitized by Google

таетъ... слегла. Одинъ разъ я сижу подлѣ нея—она задумалась крѣпко; вдругъ входитъ Ѳедя—бодро такъ, весело: „здравствуйте", говоритъ. Я-то обрадовалась: „здравствуй, здравствуй, голубчикъ!" Маша только взглянула: чего, молъ, веселье такое?

„— Маша, говоритъ Ѳедя: — ты умирать собиралась; молода еще, видно, ты умирать-то.

„Самъ посмѣивается. Маша молчитъ.

„— Да ты очнись, сестрица, да прислушайся: я тебѣ вѣсточку принесъ.

„— Богъ съ тобой, и съ вѣсточкой, отвѣтила.—Ты—себѣ веселись, Ѳедя, а мнѣ покой дай.

„— Какая вѣсточка, Ѳедя? скажи мнѣ, спрашиваю.

„— Услышь, тетушка милая! и обнялъ меня крѣпко-крѣпко и поцѣловалъ.—Очнись, Маша! за руку Машу схватилъ и приподнялъ ее.— Барыня объявила намъ: кто хочетъ откупаться на волю—откупайся...

„Какъ вскрикнетъ Маша, какъ бросится брату въ ноги! Цалуетъ и слезами обливается, дрожитъ вся, голосъ у ней обрывается: „откупи меня, родной, откупи! Благослови тебя Господи! Милый мой! откупи меня! Господи! помоги же намъ, помоги!"

„Ѳедя-то самъ рѣкою разливается, а у меня сердце покатилось, стою, смотрю на нихъ.

„— Погоди-жь, Маша, проговорилъ Ѳедя: —дай опомниться-то! Обсудить, обдумать надо хорошенько.

„— Не надо, Ѳедя! Откупайся скорѣй... скорѣй, братецъ милый!

„— Помѣхи еще есть, Маша, я вступилася:—придется продать почитай послѣднее. Какъ, чѣмъ кормиться-то будемъ?

„— Я буду работать .. Братецъ! безустанно буду работать. Я выпрошу, выплачу у людей... Я закабалюсь, куды хочешь, только выкупи ты меня! Родной мой, выкупи! Я вѣдь изныла вся! Я дня веселаго, сна спокойнаго не знала! Пожалѣй ты моей юности! Я вѣдь не живу—я томлюсь... Охъ, выкупи меня, выкупи! Иди, иди *къ ней*...

„Одѣваетъ его, торопитъ, сама молитъ-рыдаетъ... Я и не опомнилась, какъ она его выпроводила... Сама по избѣ ходитъ, руки ломаетъ... И мое сердце трепещетъ, словно въ молодости,—вотъ что̀ затѣвается! Трудно мнѣ было сообразиться, еще труднѣй успокоиться...

"Ждемъ мы Ѳедю, ждемъ не дождемся! Какъ завидѣла его Маша, горько заплакала, а онъ намъ еще издали кричитъ: „слава Богу!" Маша такъ и упала на лавку, долго, долго еще плакала... Мы унимать: „пускай поплачу, говоритъ, не тревожьте; сладко мнѣ и любо, словно я на свѣтъ Божій нарождаюсь съизнову! Теперь мнѣ работу давайте. Я здорова... Я сильная какая; еслибъ вы знали!.."

„Вотъ и откупились мы. Избу, все спродали... Жалко мнѣ было покидать и Ѳедѣ сгрустнулось: садилъ, ростилъ,—все прощай! Только Маша веселая и бодрая—слезки она не выронила. Какое! Словно она изъ живой воды вышла: въ глазахъ блескъ, на лицѣ румянецъ; кажется, что каждая жилка радостью дрожитъ... Дѣло такъ и кипитъ у нея... „Отдохни Маша!"—„Отдыхать? я работать хочу!"—и засмѣется весело. Тогда впервые узнала, что за смѣхъ у нея звонкій! Тогда Маша бѣлоручка слыла, а теперь Машу первой рукодѣльницей, первой работницей величаютъ. И женихи къ намъ толпой... А барыня-то гнѣвалась—Боже мой Сосѣди смѣются: „холопка глупая васъ отуманила! Она нарочно больной

Digitized by Google

притворилась... Вѣдь вы, небось, даромъ почти ее отпустили?" Барыня и вправду Машей не дорожилась.

„Поселились мы въ избушкѣ ветхой, въ городѣ, да трудиться стали. Богъ намъ помогалъ, мы и новую избу срубили... Ѳедя женился. Маша замужъ пошла... Свекровь въ ней души не слышитъ: „она меня словно дочь родная утѣшаетъ; что это за веселая! что это за работящая! больна съ той поры не бывала".

Къ этому первому разсказу г. —бовъ дѣлаетъ небольшое вступленіе. Но вы уже прочли его. Г. —бовъ утверждаетъ, что при появленіи этого разсказа люди, еще вѣрующіе въ неприкосновенность крѣпостнаго права, пришли отъ него въ ужасъ и что «въ разсказѣ разсказывается естественное и ничѣмъ не заглушимое развитіе въ крестьянской дѣвочкѣ любви къ самостоятельности и отвращенія къ рабству». Намъ какъ-то странно слышать про ужасъ людей, еще вѣровавшихъ въ неприкосновенность крѣпостнаго права и проч. Не понимаемъ, про какихъ это людей говоритъ г. —бовъ и много-ли онъ ихъ видѣлъ? И хотя наше замѣчаніе не касается прямо литературнаго вопроса, о которомъ идетъ наша статья, но мы не можемъ удержаться чтобъ не сдѣлать его. Кто хоть сколько нибудь знаетъ русскую дѣйствительность, тотъ согласится тотчасъ-же, что у насъ всѣ, рѣшительно всѣ, и цивилизованные и нецивилизованные, и образованные и необразованные, за немногими, быть можетъ, исключеніями, давнымъ давно и отлично хорошо знаютъ о степени того развитія, о которомъ говоритъ авторъ. Не говоримъ уже о нѣкоторомъ комизмѣ предположенія, что маленькій разсказъ могъ такъ потрясти такую огромную массу людей; мало того: привести ихъ въ ужасъ. «Имъ разсказывается случай, говоритъ г. —бовъ, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи естественна любовь къ свободному труду и независимой жизни и что развитіе этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой *простой* случай имъ разсказываютъ».

Разсказывать такіе случаи и разсказывать съ талантомъ, умѣючи, съ знаніемъ дѣла—всегда полезно, не смотря на то, что такіе случаи давнымъ давно извѣстны. На то и талантъ у писателя, чтобъ произвести впечатлѣніе. Можно знать фактъ, видѣть его самолично сто разъ и всетаки не получить такого впечатлѣнія, какъ если кто нибудь другой, человѣкъ особенный, станетъ подлѣ васъ и укажетъ вамъ тотъ-же самый фактъ, но только по своему, объяснитъ вамъ его своими словами, заставитъ васъ смотрѣть на его своимъ взглядомъ. Этимъ-то вліяніемъ и познается настоящій талантъ. Но если разсказывать теперь, въ настоящую минуту, о любви къ свободному труду и разсказывать для того, чтобъ дока-

Digitized by Google

зать, что такой фактъ существуетъ, такъ вѣдь это все равно, какъ еслибъ кто сталъ доказывать, что человѣку надобно пить и ѣсть. Теперь просимъ читателя обратить вниманіе на этотъ самый разсказъ, на этотъ *простой* случай, какъ выражается г. —бовъ. Скажите: читали-ли вы когда нибудь что нибудь болѣе неправдоподобное, болѣе уродливое, болѣе безтолковое, какъ этотъ разсказъ? Что̀ это за люди? Люди-ли это, наконецъ? Гдѣ это происходитъ: въ Швеціи, въ Индіи, на Сандвичевыхъ островахъ, въ Шотландіи, на лунѣ? Говорятъ и дѣйствуютъ сначала, какъ будто, въ Россіи; героиня — крестьянская дѣвушка; есть тетка, есть барыня, есть братъ Ѳедя. Но что̀ это такое? Эта героиня, эта Маша, — вѣдь это какой-то Христофоръ Колумбъ, которому не даютъ открыть Америку. Вся почва, вся дѣйствительность выхвачена у васъ изъ подъ ногъ. Нелюбовь къ крѣпостному состоянію, конечно, можетъ развиться въ крестьянской дѣвушкѣ, да развѣ такъ она проявится? Вѣдь это какая-то балаганная героиня, какая-то книжная, кабинетная строка, а не женщина? Все это до того искусственно, до того подсочинено, до того манерно, что въ иныхъ мѣстахъ (особенно, когда Маша бросается къ брату и кричитъ: «откупи меня!») мы, напримѣръ, не могли удержаться отъ самаго веселаго хохота. А развѣ такое впечатлѣніе должно производить это мѣсто въ повѣсти? Вы скажете, что надо уважать иныя положенія, и за идею простить нѣкоторую неудачу въ ея выраженіи. Согласны и увѣряемъ васъ, что мы не смѣемся надъ вещами священными, но и вы согласитесь сами, что нѣтъ такой идеи, такого факта, котораго бы нельзя было опошлить и представить въ смѣшномъ видѣ. Можно долго крѣпиться, но, наконецъ, и расхохочешься, не утерпишь. Теперь предположимъ, что всѣ защитники настоящаго крестьянскаго быта дѣйствительно, какъ увѣряетъ г. —бовъ, не вѣрятъ, что крестьянинъ желаетъ выйдти на волю. Убѣдитъ-ли хоть кого нибудь изъ нихъ подобный разсказъ въ томъ, что они ошибаются? «Да это неправдоподобно!» закричатъ они... но послушаемъ самого г. —бова.

„Фантазія! Идиллія! Мечты золотого вѣка!„—закричали послѣ этого разсказа практическіе люди съ гуманными взглядами, но съ тайною симпатіею къ крѣпостнымъ отношеніямъ. „Гдѣ это видано, чтобы въ простой мужицкой натурѣ могло въ такой степени развиться сознаніе личности? Если когда нибудь и бывало что нибудь подобное, такъ это эксцентрическій случай, обязанный своимъ происхожденіемъ какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствамъ... Разсказъ о Машѣ вовсе не представляетъ картины изъ русскаго быта; онъ есть просто заоблачная выдумка. Авторъ взялъ не типъ русской простой женщины, а явленіе исключительное, и потому разсказъ его фальшивъ и лишенъ художе-

Digitized by Google

ственнаго достоинства. Требованіе художественности состоитъ въ томъ, чтобы воплощать", и проч.

„Тутъ почтенные ораторы пускались въ разсужденія о художественности и чувствовали себя совершенно въ своей тарелкѣ.

„Но людямъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ, и въ голову не пришло возражать противъ естественности такого факта, какой разсказанъ въ „Машѣ". Напротивъ, онъ казался нормальнымъ для всякаго, знакомаго съ крестьянской жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, неужели возможно отвергать въ крестьянинѣ присутствіе того, что̀ мы считаемъ необходимой принадлежностью человѣческаго смысла у каждаго изъ людей? Это ужь было бы слишкомъ...

„Но, пожалуй, разсуждайте какъ угодно, факты докажутъ вамъ, что такія лица, какъ Маша и Ѳедя, далеко не составляютъ исключенія въ массѣ русскаго народа".

Пусть почтенный авторъ пускается въ разсужденія и въ доказательства того, что крестьянинъ дѣйствительно можетъ чувствовать потребность самостоятельности и сознать, что свободное состояніе лучше крѣпостнаго (въ чемъ ровно никто не сомнѣвается), пусть тратитъ на эти доказательства необыкновенное краснорѣчіе, какъ будто дѣйствительно нужно кому нибудь доказывать, что крестьянинъ можетъ мыслить, и пусть, въ восторгѣ своемъ, даже доказываетъ, что явленіе Маши нормально, и доказываетъ на томъ основаніи, что она могла замѣчать, разсуждать, мечтать, чувствовать и, наконецъ, сознать свое положеніе. Все это справедливо, г. —бовъ; мы вамъ и безъ краснорѣчія на слово вѣримъ, что все это справедливо, потому что сами знаемъ уже давно, что все это справедливо: крестьянская дѣвушка дѣйствительно можетъ и разсуждать, и догадываться, и сознавать, и чувствовать отвращеніе и проч., и проч. Но развѣ такъ все это должно проявиться, какъ представлено въ повѣсти? Развѣ въ ней не представлено все такъ, что вѣроятное сдѣлано невѣроятнымъ, что все это происходитъ на Сандвичевыхъ островахъ, а не въ Россіи. Вы говорите:

„Да, мы находимъ, что въ „Машѣ" разсказанъ не исключительный случай,—какъ претендуютъ землевладѣльцы и художественные критики. Напротивъ въ личности Маши схвачено и воплощено стремленіе, общее всей массѣ русскаго народа. А если потребность возстановить независимость своей личности существуетъ, то во всякомъ случаѣ она проявится въ фактахъ народной жизни".

Позвольте, г. —бовъ. Если мы рѣшились сдѣлать такія длинныя выписки изъ вашей критики, то это вовсе не для того, чтобъ оворить о Маркѣ-Вовчкѣ и о вопросахъ, которые онъ затрогиваетъ ъ своихъ разсказахъ. Мы замѣтили въ самомъ началѣ нашей татьи, что нигдѣ такъ ярко вы, предводитель утилитаризма въ

Digitized by Google

искусствѣ, не высказываете вашихъ идей объ искусствѣ, какъ въ этомъ разборѣ. Теперь мы именно пришли къ той цѣли, для которой дѣлали наши длинныя выписки. Мы хотѣли показать, что утилитаристы, презирая искусствомъ и художественностью и не ставя ихъ на первый планъ въ дѣлѣ литературы, идутъ прямохонько противъ самихъ себя. Мало того: вредятъ дѣлу, которому сами служатъ, и мы вамъ это докажемъ.

Посмотрите: вы утверждаете, что искусство для искусства дѣлаетъ человѣка даже неспособнымъ понимать необходимость дѣльнаго направленія въ литературѣ; вы сами говорили это художественному критику. Мало того: передразнивая художниковъ, которыхъ вы ставите всѣхъ (замѣтьте: всѣхъ) на одну доску съ плантаторами, вы кричите, будто бы ихними словами, послѣ прочтенія разсказа: «*Маша*»: «фантазія, идиллія! мечты золотого вѣка! Гдѣ это видано, чтобы въ простой мужицкой натурѣ могло въ такой степени развиться сознаніе своей личности?» Отвѣчаемъ: Въ простой мужицкой натурѣ развивались и не такія вещи, да не въ видѣ исключенія, а чуть не сподрядъ; все это мы знаемъ и всему этому вѣримъ. Но вѣдь видимъ-же мы, что вы сами чувствуете всю нелѣпость того, какъ представлено дѣло въ разсказѣ Вовчка, иначе не стали-бы вы пускаться въ такую горячую защиту разсказа, въ передразниваніе художниковъ, которыхъ вы выругали плантаторами. Выслушайте-ка теперь насъ, — не совѣты, не приговоры наши, а просто наши соображенія при настоящемъ случаѣ. Мы въ старинномъ спорѣ объ искусствѣ не участвовали, къ литературнымъ партіямъ доселѣ не принадлежали, пришли съ вѣтру и люди свѣжіе, по крайней мѣрѣ, безпристрастные. Благоволите-же выслушать:

Во первыхъ, прежде всего увѣряемъ васъ, что, не смотря на любовь къ художественности и къ чистому искусству, мы сами алчемъ, жаждемъ хорошаго направленія и высоко его цѣнимъ. И потому поймите наше главное; мы на Марко-Вовчка нападаемъ вовсе не потому, что онъ пишетъ съ направленіемъ; напротивъ, мы его слишкомъ хвалимъ за это и готовы-бы радоваться его дѣятельности. Но мы именно за то нападаемъ на автора народныхъ разсказовъ, что онъ не умѣлъ *хорошо* сдѣлать свое дѣло, сдѣлалъ его дурно и тѣмъ повредилъ дѣлу, а не принесъ ему пользу. Поймите-же насъ,—мы не хотимъ быть дурно понятыми и оклеветанными. Чему вы сами радуетесь въ этихъ разсказахъ? Что въ нихъ дѣльныя мысли; виденъ умъ, хорошій, правдивый взглядъ на вещи? Такъ? Но предположивъ только, что ваша идея справедлива, то есть, что защитники настоящаго крестьянскаго быта, какъ говорите вы, не вѣруютъ, что мужику хочется на свободу,

Digitized by Google

повторяемъ: неужели вы убѣдите ихъ этимъ разсказомъ? Вы прямо говорите, что этотъ разсказъ «залетаетъ въ ихъ послѣднее убѣжище», слѣдовательно вѣрите въ его *полезность*. А между тѣмъ ваши противники прямо отвѣтятъ вамъ: «Вы утверждаете, что это случай повсемѣстный, и выходите изъ себя, чтобъ доказать это; то-то и есть, что онъ разсказанъ такъ, что мы ясно видимъ его исключительность, доходящую до нелѣпости, почти невозможную. Ужь если вы, для доказательства вашей идеи, не нашли способа выразить ее въ русскомъ духѣ и русскими лицами, то согласитесь сами, вѣдь позволительно заключить, что и факта такого нѣтъ въ русскомъ духѣ и невозможенъ онъ въ русской дѣйствительности». Вотъ что̀ вамъ отвѣтятъ, а слѣдственно разсказъ, вмѣсто серьезнаго, дѣльнаго впечатлѣнія, возбудитъ только смѣхъ и напомнитъ басню: «Медвѣдь и Пустынникъ». «Вы даже не могли представить себѣ русскаго человѣка съ вашей идеей! прибавятъ ваши противники. Когда надо было указать, какъ осуществляется ваша мысль на дѣлѣ, въ жизни, русскій человѣкъ ускользнулъ отъ васъ. Вы принуждены были одѣть въ русскіе кафтаны и сарафаны какихъ-то швейцарцевъ изъ балета; это пейзане и пейзанки, а не крестьяне и крестьянки. У васъ почва выскользнула изъ подъ ногъ, только что вы шагъ первый ступили для доказательства вашего нелѣпаго парадокса. И послѣ этого вы хотите, чтобъ мы вамъ повѣрили, когда вы сами, защитники дѣла, не въ состояніи представить себѣ такого дѣла между русскими людьми? Нѣтъ, обманывайте себя, кабинетные мечтатели, а насъ оставьте въ покоѣ». Вотъ что̀ вамъ скажутъ и по своему будутъ правы. А между тѣмъ вѣдь мысль-то автора разсказовъ вѣрна. Представьте-же себѣ, что вмѣсто этой балаганной шутихи, вмѣсто этой строки, Маши, вышло-бы у автора разсказовъ яркое, вѣрное лицо, такъ что вы-бы сразу, на яву, увидали то въ дѣйствительности, о чемъ такъ горячо спорите,—неужели вы бы отвергли та̀кой разсказъ за то только, что онъ художественъ? Вѣдь такой разсказъ былъ-бы въ тысячу разъ полезнѣе. Въ сущности вы презираете поэзію и художественность; вамъ нужно прежде всего дѣло, вы люди дѣловые. То-то и есть, что художественность есть самый лучшій, самый убѣдительный, самый безспорный и наиболѣе понятный для массы способъ представленія въ образахъ именно того самаго дѣла, о которомъ вы хлопочете, самый *дѣловой*, если хотите вы, дѣловой человѣкъ. Слѣдственно художественность въ высочайшей степени полезна и полезна именно съ *вашей* точки зрѣнія. Что̀-же вы ее презираете и преслѣдуете, когда ее именно нужно поставить на первый планъ, прежде всякихъ требованій? «Прежде всякихъ требованій—нельзя,

Digitized by Google

говорите вы, потому что прежде всего нужно дѣло»; но вѣдь и о дѣлѣ нужно говорить дѣльно, умѣючи. Вѣдь и въ дѣльномъ человѣкѣ немного пользы, если онъ не умѣетъ высказаться. Это все равно, если у васъ, напримѣръ, подъ командой куча солдатъ, народъ надежный, хорошій; вдругъ тревога: всѣ вскакиваютъ, надѣваютъ ранцы, аммуницію, хватаются за оружіе: «Скорѣе! Скорѣе! командуете вы, бросайте ранцы, патроны, не нужно: только опоздаемъ со всѣми лишними сборами; и оружія не нужно, — кто что̀ успѣлъ захватить, съ тѣмъ и маршъ!» Вы дѣйствительно поспѣваете во время на мѣсто, занимаете его, но вѣдь ваши солдаты безъ оружія и безъ аммуниціи, куда они годятся? Дѣло-то сдѣлано, да вѣдь нехорошо сдѣлано. Или, напримѣръ, передъ вами крѣпость; вамъ нужно ее атаковать, и вотъ вы требуете непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ваши солдаты всѣ до одного были хромые. Писатель безъ таланта — тотъ-же хромой солдатъ. Неужели-же вы предпочтете для выраженія вашей мысли заику?

Но вы улыбаетесь, вамъ смѣшно слушать, что васъ-же какъ-будто учатъ тому, что̀ вы сами не только отлично знаете, но давнымъ давно уже въ своемъ мѣстѣ высказали. Въ одной изъ вашихъ статей вы говорите: «*пожалуй, пусть будетъ* произведеніе художественное, но будь оно и современное». И въ другой статьѣ: «Если вы хотите живымъ образомъ дѣйствовать на меня, хотите заставить меня полюбить красоту,—то умѣйте уловить въ ней этотъ общій смыслъ, это вѣяніе жизни, умѣйте указать и растолковать его мнѣ; тогда только вы достигнете вашей цѣли». Коротко и ясно; вы не отвергаете художественности, но требуете, чтобъ художникъ говорилъ о дѣлѣ, служилъ общей пользѣ, былъ вѣренъ современной дѣйствительности, ея потребностямъ, ея идеаламъ. Желаніе прекрасное. Но такое желаніе, *переходящее въ требованіе*, по нашему, есть уже непониманіе основныхъ законовъ искусства и его главной сущности — свободы вдохновенія. Это значитъ просто не признавать искусства, какъ органическаго цѣлаго. Въ томъ-то вся и ошибка въ этомъ сбивчивомъ вопросѣ, которая привела насъ къ недоумѣніямъ, несогласіямъ и, что̀ всего хуже, къ крайностямъ. Вы какъ-будто думаете, что искусство не имѣетъ само по себѣ никакой нормы, никакихъ своихъ законовъ, что имъ можно помыкать по произволу, что вдохновеніе у всякаго въ карманѣ по первому востребованію, что оно можетъ служить тому-то и тому-то и пойдти по такой дорогѣ, по которой вы захотите. А мы вѣримъ, что у искусства собственная, цѣльная, органическая жизнь и, слѣдовательно, основные и неизмѣнимые законы для этой жизни. Искусство есть такая-же потребность для человѣка,

Digitized by Google

какъ ѣсть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающаго ее,—неразлучна съ человѣкомъ, и безъ нея человѣкъ, можетъ быть, не захотѣлъ-бы жить на свѣтѣ. Человѣкъ жаждетъ ея, находитъ и принимаетъ красоту *безъ всякихъ условій*, а такъ, потому только, что она красота, и съ благоговѣніемъ преклоняется передъ нею, не спрашивая, къ чему она полезна и что можно на нее купить? И, можетъ быть, въ этомъ-то и заключается величайшая тайна художественнаго творчества, что образъ красоты, созданный имъ, становится тотчасъ кумиромъ, *безъ всякихъ условій*. А почему онъ становится кумиромъ? Потому что потребность красоты развивается наиболѣе тогда, когда человѣкъ въ разладѣ съ дѣйствительностью, въ негармоніи, въ борьбѣ, т. е. когда *наиболѣе живетъ*, потому что человѣкъ наиболѣе живетъ именно въ то время, когда чего нибудь ищетъ и добивается; тогда въ немъ и проявляется наиболѣе естественное желаніе всего гармоническаго, спокойствія, а въ красотѣ есть и гармонія и спокойствіе. Когда-же находитъ то, чего добивается, то на время для него какъ-бы замедляется жизнь, и мы видѣли даже примѣры, что человѣкъ, достигнувъ идеала своихъ желаній, не зная куда болѣе стремиться, удовлетворенный по горло, впадалъ въ какую-то тоску, даже самъ растравлялъ въ себѣ эту тоску, искалъ другаго идеала въ своей жизни, и, отъ усиленнаго пресыщенія, не только не цѣнилъ того, чѣмъ наслаждался, но даже сознательно уклонялся отъ прямаго пути, раздражая въ себѣ посторонніе вкусы, нездоровые, острые, негармоническіе, иногда чудовищные, теряя тактъ и эстетическое чутье здоровой красоты и требуя вмѣсто нея исключеній. И потому красота присуща всему здоровому, т. е. наиболѣе живущему, и есть необходимая потребность организма человѣческаго. Она есть гармонія; въ ней залогъ успокоенія; она воплощаетъ человѣку и человѣчеству его идеалы. «Но позвольте, скажутъ намъ, про какіе идеалы вы говорите? Мы хотимъ дѣйствительности, жизни, вѣянія жизни. У насъ все общество, напримѣръ, разрѣшаетъ какой нибудь современный вопросъ, оно стремится къ выходу, къ идеалу, который оно само себѣ поставило. Къ этому-то идеалу и поэты должны стремиться. Чѣмъ бы воплощать и уяснять передъ обществомъ этотъ идеалъ, вы вдругъ воспѣваете намъ Діану-охотницу или Лауру у Клавира». Все это безспорно и справедливо. Но прежде чѣмъ мы отвѣтимъ на это возраженіе, позвольте намъ сдѣлать одно постороннее, побочное замѣчаніе, такъ, чтобъ ужь разомъ, окончивъ со всѣмъ постороннимъ, перейдти къ главному отвѣту на ваше прекрасное и чрезвычайно справедливое замѣчаніе.

Мы уже сказали въ началѣ нашей статьи, что нормальные,

Digitized by Google

естественные пути полезнаго намъ не совсѣмъ извѣстны, по крайней мѣрѣ, не исчислены до послѣдней точности. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить, ясно и безспорно, что̀ именно надо дѣлать, чтобъ дойти до идеала всѣхъ нашихъ желаній и до всего того, чего желаетъ и къ чему стремится все человѣчество? Можно угадывать, изобрѣтать, предполагать, изучать, мечтать и разсчитывать, но невозможно разсчитать каждый будущій шагъ всего человѣчества, въ родѣ календаря. Поэтому, какъ и опредѣлить *совершенно вѣрно*, что̀ вредно и полезно? Но не только о будущемъ, мы даже не можемъ имѣть точныхъ и положительныхъ свѣдѣній о всѣхъ путяхъ и уклоненіяхъ, однимъ словомъ, о всемъ нормальномъ ходѣ полезнаго даже и въ прошедшемъ нашемъ. Мы изучаемъ этотъ путь, догадываемся, строимъ системы, выводимъ слѣдствія, но всетаки календаря и тутъ не составимъ, и исторія до сихъ поръ не можетъ считаться *точной* наукой, не смотря на то, что факты почти всѣ передъ нами. И потому, какъ, напримѣръ, вы опредѣлите, вымѣряете и взвѣсите—какую пользу принесла всему человѣчеству Иліада? Гдѣ, когда, въ какихъ случаяхъ она была полезна, чѣмъ, наконецъ, какое именно вліяніе она имѣла на такіе-то народы, въ такой-то моментъ ихъ развитія и сколько именно было этого вліянія (ну, хоть фунтовъ, пудовъ, аршинъ, километровъ, градусовъ и проч. и проч.)? А вѣдь если мы этого не можемъ опредѣлить, то очень возможно, что можемъ ошибиться и теперь, когда будемъ строго и рѣшительно опредѣлять людямъ занятія и указывать искусству нормальные пути полезности и настоящаго его назначенія. А только согласитесь, что можно ошибиться, вотъ уже и неизвѣстно станетъ: можетъ быть, Лаура-то у Клавира и окажется на что нибудь полезна? Правда, красота всегда полезна; но мы объ ней теперь умолчимъ, а вотъ что̀ мы скажемъ (впрочемъ, заранѣе предувѣдомляемъ,—можетъ быть, мы скажемъ неслыханную, безстыднѣйшую дерзость, но пусть не смущаются нашими словами; мы вѣдь говоримъ только одно предположеніе), что̀ скажемъ мы: а ну-ка, если Иліада-то полезнѣе сочиненій Марко-Вовчка, да не только прежде, а даже теперь, при современныхъ вопросахъ; полезнѣе какъ способъ достиженія извѣстныхъ цѣлей, этихъ-же самыхъ вопросовъ, разрѣшенія настольныхъ задачъ? Вѣдь и теперь отъ Иліады проходитъ трепетъ по душѣ человѣка. Вѣдь это эпопея такой мощной, полной жизни, такого высокаго момента народной жизни и, замѣтимъ еще, жизни такого великаго племени, что въ наше время,—время стремленій, борьбы, колебаній и вѣры (потому что наше время есть время вѣры.) однимъ словомъ, въ наше время наибольшей жизни, эта вѣковѣчная гармонія, которая воплощена въ Иліадѣ, мо-

Digitized by Google

жетъ слишкомъ рѣшительно подѣйствовать на душу. Нашъ духъ теперь наиболѣе воспріимчивъ, вліяніе красоты, гармоніи и силы можетъ величаво и благодѣтельно подѣйствовать на него, *полезно* подѣйствовать, влить энергію, поддержать наши силы. Сильное любитъ силу; кто вѣруетъ, тотъ силенъ, а мы вѣруемъ и, главное, хотимъ вѣровать. Вѣдь чѣмъ гнусно занятіе Иліадой и подражаніе ей въ искусствѣ въ наше время, по взгляду противниковъ чистаго искусства? Тѣмъ, что мы, точно мертвецы, точно все пережившіе, или точно трусы, боящіеся нашей будущей жизни, наконецъ—точно равнодушные измѣнники тѣхъ изъ насъ, въ которыхъ еще осталась жизненная сила и которые стремятся впередъ, точно энервированные до отупѣнія, до непониманія, то и у насъ есть жизнь,—въ какомъ-то отчаяніи, бросаемся въ эпоху Иліады и создаемъ себѣ такимъ образомъ искусственную дѣйствительность, жизнь, которую не мы создавали и не мы проживали, мечту, пустую и соблазнительную,—и, какъ низкіе люди, заимствуемъ, воруемъ нашу жизнь у давно-прошедшаго времени и прокисаемъ въ наслажденіи искусствомъ, какъ никуда негодные подражатели! Согласитесь сами, что направленіе утилитаристовъ, съ точки зрѣнія подобныхъ упрековъ, въ высшей степени благородно и возвышенно. Оттого-то мы имъ такъ и сочувствуемъ; оттого-то ихъ и хотимъ уважать. Бѣда только въ томъ, что это направленіе и эти упреки невѣрны. Не говоря уже о томъ, что̀ мы говорили о потребности красоты, и о томъ, что у человѣчества уже опредѣлились отчасти ея вѣковѣчные идеалы (такъ что все это уже стало всемірной исторіей и связано общечеловѣчностью съ настоящимъ и съ будущимъ, навѣки и неразрывно),—не говоря уже о томъ, замѣтимъ утилитаристамъ, что вѣдь можно относиться къ прошедшей жизни и къ прошедшимъ идеаламъ и не наивно, а исторически. При отысканіи красоты человѣкъ жилъ и мучился. Если мы поймемъ его прошедшій идеалъ и то, чего этотъ идеалъ ему стоилъ, то, во первыхъ, мы выкажемъ чрезвычайное уваженіе ко всему человѣчеству, облагородимъ себя сочувствіемъ къ нему, поймемъ, что это сочувствіе и пониманіе прошедшаго гарантируетъ намъ-же, въ насъ-же присутствіе гуманности, жизненной силы и способность прогресса и развитія. Кромѣ того можно относиться къ прошедшему и (такъ сказать) байронически. Въ мукахъ жизни и творчества бываютъ минуты не то чтобъ отчаянія, но безпредѣльной тоски, какого-то безотчетнаго позыва, колебанія, недовѣрія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умиленія передъ прошедшими, могущественно и величаво законченными судьбами исчезнувшаго человѣчества. Въ этомъ энтузіазмѣ (байроническомъ, какъ называемъ мы его), передъ идеалами красоты, созданными прошед-

Digitized by Google

шимъ и оставленными намъ въ вѣковѣчное наслѣдство, мы изливаемъ часто всю тоску о настоящемъ, и не отъ безсилія передъ нашею собственною жизнью, а, напротивъ, отъ пламенной жажды жизни и отъ тоски по идеалу, котораго въ мукахъ добиваемся. Мы знаемъ одно стихотвореніе, которое можно почесть воплощеніемъ этого энтузіазма, страстнымъ зовомъ, моленіемъ передъ совершенствомъ прошедшей красоты и скрытой внутренней тоской по такому-же совершенству, котораго ищетъ душа, но должна еще долго искать и долго мучиться въ мукахъ рожденія, чтобъ отыскать его. Это стихотвореніе называется «Діана», вотъ оно:

Діана.

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величіи блестящей наготы,
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами.
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами...
Высоко поднялось открытое чело,
Его недвижностью вниманье облегло,—
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ;
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ,—она пойдетъ сь колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы коллонадъ,
На стогны длинные... Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

Послѣднія двѣ строки этого стихотворенія полны такой страстной жизненности, такой тоски, такого значенія, что мы ничего не знаемъ болѣе сильнаго, жизненнаго во всей нашей русской поэзіи. Это отжившее, прежнее, воскресающее черезъ двѣ тысячи лѣтъ въ душѣ поэта, воскресающее съ такою силою, что онъ ждетъ и вѣритъ, въ моленіи и энтузіазмѣ, что богиня сейчасъ сойдетъ съ пьедестала и пойдетъ передъ нимъ,

Молочной бѣлизной мелькая межъ древами...

Но богиня не воскресаетъ и ей не надо воскресать, ей не надо жить; она уже дошла до высочайшаго момента жизни; она уже въ вѣчности, для нея время остановилось; это высшій моментъ жизни, послѣ котораго она прекращается. — настаетъ олимпійское спокойствіе. Безконечно только одно будущее, вѣчно зовущее, вѣчно новое, и тамъ тоже есть свой высшій моментъ, котораго нужно искать

Digitized by Google

и вѣчно искать, и это вѣчное исканіе и называется жизнію, и сколько мучительной грусти скрывается въ энтузіазмѣ поэта! Какой безконечный зовъ, какая тоска о настоящемъ въ этомъ энтузіазмѣ къ прошедшему!

Конечно, мы согласны, можетъ существовать и такой гаденькій антологическій червячокъ, который дѣйствительно потерялъ все чутье дѣйствительности, который не понимаетъ, что у него тоже есть жизнь, который перебрался въ прошедшее и поселился тамъ, гдѣ нибудь въ антологіи, не подозрѣвая ни себя, ни вопросовъ, ни жизненныхъ мукъ, ни здѣшняго прихода. Но, во первыхъ, вѣдь и червячку надо жить, а во вторыхъ: лучше что-ли его эти безчисленныя толпы грошовыхъ прогрессистовъ, съ убѣжденіями на прокатъ, съ совѣстью на прокатъ, съ осклабленіемъ надъ тѣмъ, чьего они праха не стоятъ, съ жалкимъ умишкомъ, вскочившимъ на фразу и выѣзжающимъ на ней подбоченясь? Чтожь дѣлать! И тѣмъ и этимъ жить надо. Дѣйствительность слишкомъ разнообразна. Чтожь дѣлать!

Теперь приступимъ къ нашему главному и окончательному отвѣту на вашъ справедливый вопросъ о томъ, почему искусство не всегда совпадаетъ своими идеалами съ идеаломъ всеобщимъ и современнымъ; яснѣе: почему искусство не всегда вѣрно дѣйствительности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ у насъ готовъ.

Мы сказали уже, что вопросъ объ искусствѣ, по нашему мнѣнію, не такъ поставленъ въ настоящее время, дошелъ до крайности и запутался отъ взаимнаго ожесточенія обѣихъ партій. То-же самое повторяемъ мы и теперь. Да, вопросъ не такъ поставленъ и по настоящему спорить не о чемъ, потому что:

Искусство всегда современно и дѣйствительно, никогда не существовало иначе и, главное, не можетъ иначе существовать.

Теперь постараемся отвѣтить на всѣ возраженія:

Во первыхъ, если намъ иногда кажется, что искусство уклоняется отъ дѣйствительности и не служитъ полезнымъ цѣлямъ, то это только потому, что мы не знаемъ навѣрно путей полезности искусства (о чемъ уже мы говорили), и кромѣ того, отъ излишняго жара въ нашихъ желаніяхъ немедленной, прямой и непосредственной пользы; т. е. въ сущности отъ горячаго сочувствія къ общему благу. Такія желанія, конечно, похвальны, но иногда неразумны и похожи на то, какъ еслибъ дитя, увидя солнце, потребовалъ, чтобъ ему сейчасъ его сняли съ неба и дали.

Во вторыхъ, потому намъ иногда кажется, что искусство укло-

Digitized by Google

няется отъ дѣйствительности, что дѣйствительно есть сумасшедшіе поэты и прозаики, которые прерываютъ всякое сношеніе съ дѣйствительностью, дѣйствительно умираютъ для настоящаго, обращаются въ какихъ-то древнихъ грековъ или средневѣковыхъ рыцарей и прокисаютъ въ антологіи или въ средневѣковыхъ легендахъ.

Такое превращеніе возможно; но поэтъ-художникъ, поступившій такимъ образомъ, есть сумасшедшій вполнѣ. Такихъ немного.

Въ третьихъ, наши поэты и художники дѣйствительно могутъ уклоняться съ настоящаго пути или вслѣдствіе непониманія своихъ гражданскихъ обязанностей, или вслѣдствіе неимѣнія общественнаго чутья, или отъ разрозненности общественныхъ интересовъ, отъ несозрѣлости, отъ непониманія дѣйствительности, отъ нѣкоторыхъ историческихъ причинъ, отъ несовсѣмъ еще сформировавшагося общества, оттого, что многіе — кто въ лѣсъ, кто по-дрова, и потому съ этой стороны призывы, укоры и разъясненія г. —бова въ высочайшей степени почтенны. Но г. —бовъ идетъ уже слишкомъ далеко. То, что̀ онъ называетъ погремушками и альбомными побрякушками, мы, съ другой точки зрѣнія, признаемъ и нормальнымъ и полезнымъ, и такимъ образомъ антологическіе поэты не всѣ до единаго сумасшедшіе (какъ признаетъ г. —бовъ), а только тѣ изъ нихъ, которые совсѣмъ отрѣшились отъ современной дѣйствительности, въ родѣ иныхъ нашихъ барынь, проживающихъ всю жизнь въ Парижѣ и потерявшихъ употребленіе русскаго языка (на что̀, впрочемъ, ихъ добрая воля). «*Побрякушки*» же тѣмъ полезны, что, по нашему мнѣнію, мы связаны и исторической и внутренней духовной нашей жизнью и съ историческимъ прошедшимъ и съ общечеловѣчностью. Чтожь дѣлать? Безъ того вѣдь нельзя; вѣдь это законъ природы. Мы даже думаемъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ откликаться на историческое и общечеловѣческое, тѣмъ шире его природа, тѣмъ богаче его жизнь и тѣмъ способнѣе такой человѣкъ къ прогрессу и развитію. Нельзя-же такъ обстричь человѣка, что вотъ, дескать, это твоя потребность, такъ-вотъ нѣтъ-же, не хочу, живи этакъ, а не такъ! И какіе ни представляйте резоны, — никто не послушается. И знаете еще что̀: мы увѣрены, что въ русскомъ обществѣ этотъ позывъ къ общечеловѣчности, а слѣдовательно и откликъ его творческихъ способностей на все историческое и общечеловѣческое и вообще на всѣ эти разнообразныя темы, — былъ даже наиболѣе нормальнымъ состояніемъ этого общества, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, и, можетъ быть, въ немъ вѣковѣчно останется. Мало того: намъ кажется, что этотъ всечеловѣческій откликъ въ русскомъ народѣ даже

Digitized by Google

сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ народахъ, и составляетъ его высшую и лучшую характерность. Вслѣдствіе петровской реформы, вслѣдствіе нашего усиленнаго переживанія вдругъ многихъ разнообразныхъ жизней, вслѣдствіе инстинкта всежизненности, и творчество наше должно было проявиться у насъ такъ характерно, такъ особенно, какъ ни въ какомъ народѣ. Вѣдь вы возстаете почти противъ нормальнаго нашего состоянія. Всѣ литературы европейскихъ народовъ были намъ почти родныя, почти наши собственныя, отразились въ русской жизни вполнѣ, какъ у себя дома. Вспомните: вѣдь и вы такъ воспитаны, г. —бовъ. Какъ вы думаете, вѣдь явленіе Жуковскаго невозможно, напримѣръ, у Французовъ, а Пушкина и подавно. Откликнется-ли кто нибудь изъ европейскихъ самыхъ великихъ поэтовъ на все общечеловѣческое такъ родственно, въ такой полнотѣ, какъ откликнулся представитель нашей поэзіи—Пушкинъ? Поэтому-то отчасти мы и называемъ Пушкина величайшимъ національнымъ поэтомъ (а въ будущемъ и народнымъ, въ буквальномъ смыслѣ слова), потому именно называемъ, что онъ есть полнѣйшее выраженіе направленія, инстинктовъ и потребностей русскаго духа въ данный историческій моментъ. Вѣдь это отчасти современный типъ всего русскаго человѣка, по крайней мѣрѣ, въ историческомъ и общечеловѣческомъ стремленіи его. Нельзя-же говорить (потому что такъ задалось въ кабинетѣ), что всѣ эти стремленія всего русскаго духа и безполезны, и глупы, и незаконны. И неужели вы, напримѣръ, думаете, что маркизъ Поза, Фаустъ и проч. и проч. были безполезны нашему русскому обществу въ его развитіи и не будутъ полезны еще? Вѣдь не за облака-же мы съ ними пришли, а дошли до современныхъ вопросовъ и, кто знаетъ, можетъ быть, они тому много способствовали. Вотъ почему хоть-бы, напримѣръ, всѣ эти антологіи, Иліады, Діаны-охотницы, Венеры и Юпитеры, Мадонны и Данте, Шекспиръ, Венеція, Парижъ и Лондонъ — можетъ быть, все это законно существовало у насъ и должно у насъ существовать — во первыхъ, по законамъ общечеловѣческой жизни, съ которою мы всѣ нераздѣльны, а во вторыхъ, и по законамъ русской жизни въ особенности.

— Но что̀ вы насъ учите! скажутъ намъ утилитаристы. Мы очень хорошо и безъ васъ знаемъ, насколько все это намъ было полезно, какъ связь съ Европой, когда мы вдвигались въ общечеловѣчество; знаемъ очень хорошо, потому что мы сами изъ всего этого вышли. Но теперь намъ покамѣстъ не надо никого общечеловѣчества и никакихъ историческихъ законовъ. У насъ теперь своя домашняя стирка, черное бѣлье выполаскивается, на бѣло передѣлывается;

Digitized by Google

теперь у насъ повсюду корыта, плескъ воды, запахъ мыла, брызги и замоченный полъ. Теперь надо писать не про маркиза Позу, а про свои дѣла, про извѣстные вопросы, про гласность, про полезность, про Крутогорскъ, про темное царство. Мы отвѣтимъ на это такъ: во первыхъ, опредѣлить, что̀ именно надо и что̀ не надо, на вѣсъ или цифрами, довольно трудно; можно загадывать, можно разсчитывать, позволительно и законно пробовать на дѣлѣ: такъ-ли выйдетъ по разсчету? желать, убѣждать и увѣщевать другихъ къ общей дѣятельности, — все это законно и въ высшей степени полезно. Но писать въ «Современникѣ» указы, но требовать, но предписывать— пиши, дескать, вотъ непремѣнно объ этомъ,а не объ этомъ, — и ошибочно и безполезно (хотя ужъ потому одному, что вѣдь не послушаются. Конечно, робкаго народу у насъ много; бѣда какъ иные боятся критики! Да и самолюбіе: отстать отъ передовыхъ не хочется,—вотъ и пишутъ съ направленіемъ, да такъ какъ пишутъ-то не по своему вдохновенію, то и выходитъ все почти дрянь; но деспотизмъ нашей критики пройдетъ; станутъ писать по охотѣ, будутъ болѣе сами по себѣ и, можетъ быть, и въ обличительномъ родѣ напишутъ что нибудь прекрасное. Давай-то Богъ!). Къ тому-же вѣдь можно ошибиться. Вѣдь, можетъ быть, именно то, что̀ наши прогрессивные умы считаютъ несовременнымъ и неполезнымъ, и есть современное и полезное. Больной не можетъ быть въ одно и то-же время и больнымъ, и врачемъ. Можно сознавать себя больнымъ, сознавать, что мнѣ нужно лекарство, даже вообще можно знать, какое именно нужно лекарство, но рецепта до послѣдней точности себѣ самому прописать нельзя. А если поэзія, слово, литература есть тоже лекарство, то вѣдь отчасти есть и мѣрка: что̀ именно въ поэзіи хорошо, а что̀ неподходяще? Эта мѣрка въ томъ: чѣмъ болѣе симпатіи возбуждаетъ въ массѣ поэтъ, тѣмъ, стало быть, онъ наиболѣе оправдываетъ свое явленіе. Конечно, тутъ могутъ быть большія ошибки, капитальныя уклоненія; примѣры были: масса иногда въ данный моментъ и не знаетъ, чего ей нужно, что̀ именно надо любить, чему симпатизировать. Но эти уклоненія сами собою скоро проходятъ и общество всегда само отыскиваетъ потерянный путь. А главное въ томъ, что искусство всегда въ высшей степени вѣрно дѣйствительности,—уклоненія его мимолетныя, скоропреходящія; оно не только всегда вѣрно дѣйствительности, но и не можетъ быть невѣрно современной дѣйствительности. Иначе оно не настоящее искусство. Въ томъ-то и признакъ настоящаго искусства, что оно всегда современно, насущно-полезно. Если оно занимается антологіей, *стало быть, еще нужна антологія*; уклоненія и ошибки могутъ быть, но, повторяемъ, они преходящи. Искусства-

Digitized by Google

же несовременнаго, несоотвѣтствующаго современнымъ потребностямъ и совсѣмъ быть не можетъ. Если оно и есть, то оно не искусство; оно мельчаетъ, вырождается, теряетъ силу и всякую художественность. Въ этомъ смыслѣ мы идемъ даже дальше г. —бова, въ его-же идеѣ: онъ еще признаетъ, что существуетъ безполезное искусство, чистое искусство, не современное и не насущное, и ополчается на него. А мы не признаемъ совсѣмъ такого искусства, и спокойны,—не зачѣмъ ополчаться; а если будутъ уклоненія, то безпокоиться нечего: сами собою пройдутъ, и скоро пройдутъ.

— Но позвольте, спросятъ насъ, на чемъ-же вы основываетесь, изъ чего именно вы заключаете, что настоящее искусство никакъ и не можетъ быть не современнымъ и невѣрнымъ насущной дѣйствительности?

Отвѣчаемъ:

Во первыхъ, по всѣмъ вмѣстѣ взятымъ историческимъ фактамъ, начиная съ начала міра до настоящаго времени, искусство никогда не оставляло человѣка, всегда отвѣчало его потребностямъ и его идеалу, всегда помогало ему въ отыскиваніи этого идеала, — рождалось съ человѣкомъ, развивалось рядомъ съ его историческою жизнію и умирало вмѣстѣ съ его историческою жизнію.

Во вторыхъ (и главное) творчество, основаніе всякаго искусства живетъ въ человѣкѣ, какъ проявленіе части его организма, но живетъ нераздѣльно съ человѣкомъ. А слѣдственно творчество и не можетъ имѣть другихъ стремленій, кромѣ тѣхъ, къ которымъ стремится весь человѣкъ. Еслибъ оно пошло другимъ путемъ, значитъ разъединилось-бы съ нимъ. А слѣдственно, измѣнило-бы законамъ природы. Но человѣчество еще покамѣстъ здорово, не вымираетъ и не измѣнитъ законамъ природы (говоря вообще). А слѣдственно, и за искусство опасаться нечего, — и оно не измѣнитъ своему назначенію. Оно всегда будетъ жить съ человѣкомъ его настоящею жизнію; больше оно ничего не можетъ сдѣлать. Слѣдственно, оно останется навсегда вѣрно дѣйствительности.

Конечно, въ жизни своей человѣкъ можетъ уклоняться отъ нормальной дѣйствительности, отъ законовъ природы; будетъ уклоняться за нимъ и искусство. Но это-то и доказываетъ его тѣсную, неразрывную связь съ человѣкомъ, всегдашнюю вѣрность человѣку и его интересамъ.

Но всетаки искусство тогда только будетъ вѣрно человѣку, когда не будутъ стѣснять его свободу развитія.

И потому первое дѣло: не стѣснять искусства разными цѣлями, не предписывать ему законовъ, не сбивать его съ толку, потому что у него и безъ того много подводныхъ камней, много соблазновъ

Digitized by Google

и уклоненій, неразлучныхъ съ исторической жизнію человѣка. Чѣмъ свободнѣе будетъ оно развиваться, тѣмъ нормальнѣе разовьется, тѣмъ скорѣе найдетъ настоящій и *полезный* свой путь. А такъ какъ интересъ и цѣль его одна съ цѣлями человѣка, которому оно служитъ и съ которымъ соединено нераздѣльно, то чѣмъ свободнѣе будетъ его развитіе, тѣмъ болѣе пользы принесетъ оно человѣчеству.

Поймите-же насъ; мы именно желаемъ, чтобъ искусство всегда соотвѣтствовало цѣлямъ человѣка, не разрознивалось съ его интересами, и если мы желаемъ наибольшей свободы искусству, то именно вѣруя въ то, что чѣмъ свободнѣе оно въ своемъ развитіи, тѣмъ полезнѣе оно человѣческимъ интересамъ. Нельзя предписывать искусству цѣлей и симпатій. Къ чему предписывать, къ чему сомнѣваться въ немъ, когда оно, нормально развитое, и безъ вашихъ предписаній, по закону природы, не можетъ идти въ разладъ потребностямъ человѣческимъ? Оно не потеряется и не собьется съ дороги. Оно всегда было вѣрно дѣйствительности и всегда шло на ряду съ развитіемъ и прогрессомъ въ человѣкѣ. Идеалъ красоты, нормальности у здороваго общества не можетъ погибнуть; и потому оставьте искусство на своей дорогѣ и довѣрьтесь тому, что оно съ нея не собьется. Если и собьется, то *тотчасъ-же воротится назадъ*, откликнется на первую-же потребность человѣка. Красота есть нормальность, здоровье. Красота полезна, потому что она красота, потому что въ человѣчествѣ — всегдашняя потребность красоты и высшаго идеала ея. Если въ народѣ сохраняется идеалъ красоты и потребность ея, значитъ есть и потребность здоровья, нормы, а слѣдственно тѣмъ самымъ гарантировано и высшее развитіе этого народа. Частный человѣкъ не можетъ угадать вполнѣ вѣчнаго всеобщаго идеала,—будь онъ самъ Шекспиръ, — а слѣдственно не можетъ *предписывать* ни путей, ни цѣли искусству. Гадайте, жалайте, доказывайте, подзывайте за собой, — все это позволительно; но предписывать непозволительно; быть деспотомъ непозволительно; а вѣдь вотъ хоть-бы съ г. Никитинымъ вы, г. —бовъ, обошлись почти деспотически. — Пиши про свои нужды, описывай нужды и потребности своего сословія, — долой Пушкина, не смѣй восхищаться имъ, а восхищайся вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то и описывай то-то.—Да Пушкинъ былъ мое знамя, мой маякъ, мое развитіе, восклицаетъ г. Никитинъ (или мы за г. Никитина); я мѣщанинъ,—онъ протянулъ мнѣ руку оттуда, гдѣ свѣтъ, гдѣ просвѣщеніе, гдѣ не гнетутъ оскорбительные предразсудки, по крайней мѣрѣ такъ, какъ въ моей средѣ; онъ былъ мой хлѣбъ духовный.—Не надо, вздоръ! Пиши про свои нужды.—Но вѣдь я самъ нуждающійся, продолжаетъ г. Никитинъ, физическій хлѣбъ есть у

Digitized by Google

меня, но мнѣ надобенъ хлѣбъ духовный. Не отнимайте-же у меня этого хлѣба, желая его всѣмъ. Всѣмъ-то желаете, а какъ къ дѣлу пришлось, у меня перваго и отнимаете. Вы хотите, чтобъ я описывалъ свой бытъ, свои нужды. Да я, можетъ, и буду описывать! Только теперь-то позвольте пожить высшей жизнью. Для васъ она не высшая, вы ее уже презираете, а для меня—знаете, какъ она еще соблазнительна!.. — Мы ручаемся за г. Никитина, прибавляемъ мы тутъ-же съ своей стороны, дайте ему пожить теперь, какъ онъ хочетъ. Пушкинъ для него теперь все. Вѣдь и мы къ современнымъ вопросамъ прошли черезъ Пушкина; вѣдь и для насъ онъ былъ началомъ всего, что̀ теперь есть у насъ. А г. Никитину онъ болѣе чѣмъ родной. Пушкинъ — знамя, точка соединенія всѣхъ жаждущихъ образованія и развитія; потому что онъ наиболѣе художественъ, чѣмъ всѣ наши поэты, слѣдовательно наиболѣе простъ, наиболѣе плѣнителенъ, наиболѣе понятенъ. Тѣмъ-то онъ и народный поэтъ, что всѣмъ понятенъ. Перейдетъ г. Никитинъ черезъ Пушкина, и если у него дѣйствительно есть талантъ, — повѣрьте, г. —бовъ, дойдетъ, какъ и мы, до современныхъ вопросовъ и будетъ писать съ направленіемъ. А требовать отъ него теперь, вѣдь это... вѣдь это будетъ... какъ-бы это выразиться: вѣдь это будетъ кабинетный скачокъ...

Но довольно! Мы не имѣемъ чести знать г. Никитина и соціальнаго его положенія; мы знаемъ только, что онъ мѣщанинъ, о чемъ онъ самъ публиковалъ при изданіи своихъ сочиненій. Если г. Никитинъ совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ которомъ мы его теперь представили, то просимъ у него извиненія. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто него, мы ставимъ лицо отвлеченное, сочиненное, г. N.

III.

Книжность и грамотность *).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Читать, читать, а послѣ—хвать!
Фамусовъ. «Горе отъ ума».

Въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году много говорили у насъ, и въ литературѣ и въ обществѣ, о необходимости книги для народнаго чтенія. Дѣлались попытки изданія такой книги, предлагались проекты, чуть-ли не назначались преміи. «Отечественныя Записки» напечатали въ своей февральской книжкѣ проектъ «Чи-

*) Напечатано въ журналѣ «Время» за іюль 1861 г.

Digitized by Google

тальника», т. е. книги для народнаго чтенія, и почти съ укоризною обращались къ нашимъ литераторамъ:—Вотъ, дескать, мы напечатали проектъ «Читальника», а кто отзовется на этотъ проектъ? Хоть-бы кто изъ литераторовъ сказалъ о немъ свое мнѣніе.—Мы именно хотимъ теперь заняться этимъ разборомъ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ нему, скажемъ нѣсколько словъ и о любопытномъ общественномъ явленіи, именно о появленіи подобныхъ проектовъ и о всеобщихъ хлопотахъ высшаго общества образовывать низшее. Мы говоримъ: «всеобщихъ», потому что *настоящее* высшее, т. е. прогрессивное общество, всегда увлекало за собой большинство всѣхъ высшихъ классовъ русскаго общества, и потому, если и есть теперь несогласные на народное образованіе, то ихъ скоро не будетъ: всѣ увлекутся за прогрессивнымъ большинствомъ, и если останутся крайніе упорные, то замолчатъ отъ безсилія.

Мы потому говоримъ объ этомъ такъ *навѣрно*, что въ обществѣ постиглась, наконецъ, полная необходимость всенароднаго образованія. Постиглась-же потому, что само общество дошло до этой идеи, какъ до необходимости, увидѣло въ ней элементъ и собственной жизни, условіе собственнаго дальнѣйшаго существованія. Мы этому рады: мы говорили еще въ объявленіи о нашемъ журналѣ: «грамотность прежде всего, грамотность и образованіе усиленныя,—вотъ единственное спасеніе, единственный передовой шагъ, теперь остающійся и который можно теперь сдѣлать. Мало того: даже при возможности и другихъ шаговъ грамотность и образованіе всетаки остаются единственнымъ первымъ шагомъ, который *надо* и должно сдѣлать». Мы обѣщались особенно стоять за грамотность, потому что въ распространеніи ея заключается единственное возможное соединеніе наше съ нашей родной почвой, съ народнымъ началомъ. Мы сознали необходимость этого соединенія, потому что не можемъ существовать безъ него; мы чувствуемъ, что истратили всѣ наши силы въ отдѣльной съ народомъ жизни, истратили и попортили воздухъ, которымъ дышали, задыхаемся отъ недостатка его и похожи на рыбу, вытащенную изъ воды на песокъ. Но обо всемъ этомъ скажемъ подробнѣе послѣ. Обратимъ сперва вниманіе на фактъ въ высшей степени поразительный и знаменательный, на фактъ, имѣющій даже глубокое историческое значеніе въ русской жизни, поразившій насъ уже давно, но проявившійся теперь въ чрезвычайно рѣзкомъ явленіи. Мы говорили объ этомъ фактѣ и прежде. Теперь-же видимъ яркое доказательство того, что мы не ошиблись въ его существованіи.

Digitized by Google

Этотъ фактъ—глубина пропасти, раздѣляющей наше цивилизованное «по-европейски» общество съ народомъ. Посмотрите: какъ дошло до дѣла, то и оказалось, что мы даже не знаемъ съ чѣмъ и подступить къ народу. Явилась идея о всенародномъ образованіи; вслѣдствіе этой идеи явилась потребность въ книгѣ для народнаго чтенія, и вотъ мы становимся совершенно втупикъ. Задача въ томъ: какъ составить такую книгу? Что̀ именно дать народу читать? Не говоримъ уже о томъ, что мы всѣ какъ-то ужь молча, безо всякихъ лишнихъ словъ, разомъ сознали, что все написанное нами, вся теперешняя и прежняя литература, не годится для народнаго чтенія. Вѣрно это или нѣтъ,—другой вопросъ; ясно только то, что мы всѣ какъ будто согласились, безъ спора, что народъ въ ней ровно ничего не пойметъ. А согласившись въ томъ, мы всѣ безмолвно признали фактъ разъединенія нашего съ народомъ.

— Въ этомъ фактѣ ровно ничего нѣтъ особенно поражающаго, могутъ намъ отвѣтить. Дѣло ясное: одинъ классъ образованный, другой нѣтъ. Необразованный классъ не пойметъ образованнаго съ перваго разу. Это случалось и случается всегда и вездѣ, и тутъ нѣтъ никакого особеннаго значенія.

Положимъ такъ, мы теперь не будемъ спорить объ этомъ. Но *мы* всетаки до сихъ поръ не придумали, что̀ дать народу читать. Это какъ вамъ покажется? Вѣдь надо-же согласиться, что промахи наши въ этомъ случаѣ пресмѣшные, удивительные. Посмотрите на всѣ проекты народныхъ «читальниковъ» (ужь одно то, что объ этомъ пишутъ проекты!). Написаны они людьми умными и добросовѣстными; а между тѣмъ ошибка на ошибкѣ. Нѣкоторыя-же ошибки доходятъ до комическаго.

А между тѣмъ, опять повторяемъ, всѣ эти читальники, всѣ эти проекты пишутся у насъ литераторами опытными и талантливыми. Иные изъ нихъ пріобрѣли себѣ славу знатоковъ народной жизни. Чтожь они до сихъ поръ сдѣлали?

Скажемъ болѣе: мы, съ своей стороны, въ высочайшей степени увѣрены, что даже самые лучшіе наши «знатоки» народной жизни до сихъ поръ въ полной степени не понимаютъ, какъ *широка* и глубока сдѣлалась яма этого раздѣленія нашего съ народомъ, и не понимаютъ по самой простой причинѣ: потому что никогда не жили съ народомъ, а жили другою, особенною жизнью. Намъ скажутъ, что смѣшно представлять такія причины, что всѣ ихъ знаютъ. Да, говоримъ мы, всѣ знаютъ; но знаютъ отвлеченно. Знаютъ, напримѣръ, что жили отдѣльной жизнью; но еслибъ узнали, до какой степени эта жизнь была отдѣльна, то не повѣрили-бы этому. Не вѣрятъ и теперь. Тѣ, которые дѣйствительно изучали народную

Digitized by Google

жизнь, даже *жили* съ народомъ, т. е. жили съ нимъ не въ особой помѣщичьей усадьбѣ, а рядомъ съ нимъ, въ ихъ избахъ жили, *смотрѣли* на его нужды, видѣли всѣ его особенности, прочувствовали его желанія, узнали его воззрѣнія, даже складъ его мыслей и проч. и проч. Они ѣли вмѣстѣ съ народомъ, его-же пищу; другіе даже *пили* съ нимъ. Наконецъ, есть и такіе, которые даже вмѣстѣ съ нимъ работали, т. е. работали его-же простонародную работу. Хоть мало такихъ, да есть. И чтожь? Эти люди вполнѣ убѣждены, что они знаютъ народъ. Они даже засмѣются, если мы будемъ имъ противорѣчить и скажемъ имъ: Вы, господа, знаете одну внѣшность; вы очень умны, вы много замѣтили, но настоящей жизни, сущности жизни, сердцевины ея вы не знаете. Простолюдинъ будетъ говорить съ вами, разсказывать вамъ о себѣ, смѣяться вмѣстѣ съ вами; будетъ, пожалуй, плакать передъ вами (хоть и не съ вами), но никогда не сочтетъ васъ за своего. Онъ никогда серьезно не сочтетъ васъ за своего родного, за своего брата, за своего настоящаго *посконнаго* земляка. И никогда, никогда не будетъ онъ съ вами довѣрчивъ. Пусть сами вы одѣнетесь (или судьба васъ одѣнетъ) во все посконное, пусть вы будете даже работать вмѣстѣ съ нимъ и нести труды его, онъ и этому не повѣритъ. Безсознательно не повѣритъ, т. е. не повѣритъ, еслибъ даже и хотѣлъ повѣрить, потому что эта недовѣрчивость вошла въ плоть и кровь его.

Разумѣется, причина тому, во первыхъ, вся предыдущая наша исторія, во вторыхъ, взаимная слишкомъ долголѣтняя отвычка другъ отъ друга, основанная на разности интересовъ нашихъ. Довѣренность народа теперь надо заслужить; надо его полюбить, надо пострадать, надо преобразиться въ него вполнѣ. Умѣемъ-ли мы это? Можемъ-ли это сдѣлать, доросли-ли до этого?

Нашъ отвѣтъ: доростаемъ и доростемъ. Мы оптимисты, мы вѣримъ. Русское общество должно соединиться съ народною почвой и принять въ себя народный элементъ. Это необходимое условіе его существованія; а когда что нибудь стало насущною необходимостью, то̀, разумѣется, сдѣлается.

Да; но какъ это сдѣлается?

Въ нынѣшнемъ году правительство высочайшимъ манифестомъ даровало народу новыя права. Такимъ образомъ призвало его къ наибольшей самостоятельности и самодѣятельности, однимъ словомъ — къ развитію. Мало того: оно до половины завалило ровъ, раздѣлявшій насъ съ народомъ, остальное сдѣлаетъ жизнь и многія

Digitized by Google

условія, которыя теперь необходимо войдутъ въ самую сущность будущей жизни. Въ то-же время высшее общество, проживъ эпоху своего сближенія съ Европой, свою эпоху цивилизаціи, почувствовало само собой необходимость обращенія къ народной почвѣ. Эта необходимость предчувствовалась уже задолго прежде, и при первой возможности выразиться—выразилась. Оба историческія явленія совершились вмѣстѣ и пойдутъ параллельно.

Кстати: наши журналы въ послѣднее время довольно много толковали о народности. Особенно выходили изъ себя «Отечественныя Записки». «Русскій Вѣстникъ», вступивъ благополучно на свою новую, булгаринскую дорогу, дошелъ, наконецъ, до того, что, по свидѣтельству «Отечественныхъ Записокъ», усомнился даже въ существованіи русской народности.

И кто-же вознегодовалъ на «Русскій Вѣстникъ», кто серьезно началъ защищать и отстаивать передъ нимъ дѣйствительность русской народности, т. е. доказывать ему, что она существуетъ? «Отечественныя Записки», тѣ самыя «Отечественныя Записки», которыя *ничего* не признаютъ народнаго въ Пушкинѣ. Что̀ за комизмъ!

Между прочимъ «Отечественныя Записки» говорятъ:

...Мысль, сказанная нами годъ назадъ (т. е. что въ Пушкинѣ ничего нѣтъ народнаго), не была плодомъ того яраго журнальнаго раздраженія, которое многихъ заставляетъ говорить вещи дикія, лишь-бы обратить на себя вниманіе: этимъ промысломъ, слава Богу, мы не имѣемъ надобности заниматься.

О, Боже мой! вѣримъ, вполнѣ вѣримъ! Вы такъ *добродушно* напали на Пушкина и съ такимъ *добродушіемъ*, вотъ уже цѣлый годъ, попрекаете литераторовъ въ томъ, что на статью вашу не обращаютъ серьезнаго вниманія, что мы никакимъ образомъ не можемъ принять васъ за яраго Герострата или кого нибудь въ этомъ родѣ. Такая слава вамъ не нужна. Вы люди «ученые», вамъ дороже всего «*истина*». По нашему—вы просто нѣмецкіе гелертеры, переложенные на петербургскіе нравы, серьезно отыскивающіе съ фонаремъ въ рукахъ русскую народность, которая отъ васъ спряталась, и не видящіе, что̀ у васъ происходитъ подъ самымъ носомъ.

А что̀, если къ довершенію комизма, покамѣстъ вы будете спорить съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и доказывать ему, что есть русская народность, а онъ обратно, что нѣтъ русской народности,—что̀, если вдругъ русская народность возьметъ да найдетъ васъ сама? Куда дѣнутся тогда всѣ *аглицкія* теоріи «Русскаго Вѣстника» и аглицкіе масштабы, подъ которые не подходила русская

Digitized by Google

народность! Воображаю я и защитника ея въ «Отеч. Запискахъ». Онъ будетъ чрезвычайно удивленъ.

— Но вѣдь это не русская народность? скажетъ онъ, смотря ей прямо въ глаза.

— Нѣтъ-съ, это русская народность, кто нибудь отвѣтитъ ему.

— Гм! «можетъ быть—да, а можетъ быть — нѣтъ»; во всякомъ случаѣ я не знаю ея.

— Очень можетъ быть, но только это она.

— Гм! Неужели?

— Да.

— Какъ-то не вѣрится... Во первыхъ, обусловлено-ли это явленіе? Совпадаетъ-ли оно съ извѣстными и принятыми наукой принципами? Между прочимъ г. Буслаевъ говоритъ въ своей книгѣ...

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, повторяется случай съ «метафизикомъ».

Да, они метафизики. Намъ говорятъ (и мы не одинъ разъ это слышали), что «Отечественнымъ Запискамъ» отвѣчать стыдно. Почему? Что за аристократизмъ? Намъ говорятъ, что нельзя говорить съ тѣми, которые самыхъ простыхъ вещей не понимаютъ, языка русскаго ни понимаютъ, такъ какъ нельзя говорить съ слѣпыми о цвѣтахъ, съ глухими о музыкѣ.

— Положимъ такъ: съ слѣпыми трудно говорить о цвѣтахъ; но мы вѣдь вовсе не хотимъ разувѣрять и переубѣждать *ученый* журналъ. Мы говоримъ для публики. Признаемся, мы намѣрены даже тиснуть особую статью въ отвѣтъ на всѣ мнѣнія г. Дудышкина. Конечно, отвѣчать г. Дудышкину чрезвычайно *трудно*, но вѣдь безъ труда ничего не дѣлается...

Вообразите, напримѣръ, хоть-бы образъ русскаго лѣтописца въ Борисѣ Годуновѣ. Вамъ вдругъ говорятъ, что въ немъ нѣтъ ничего русскаго, ни малѣйшаго проявленія народнаго духа, потому что это лицо выдуманное, сочиненное; потому что никогда не бывало у насъ, при царяхъ московскихъ, такихъ уединенныхъ, независимыхъ монаховъ-лѣтописцевъ, которые умерли для свѣта и для которыхъ истина въ ихъ елейномъ смиренно-мудромъ прозрѣніи стала дороже всего; лѣтописцы, говорятъ намъ, были люди чуть не придворные, любившіе интригу и тянувшіе въ извѣстную сторону. Да хоть-бы и такъ, вскрикиваете вы въ удивленіи: неужели пушкинскій лѣтописецъ, хоть-бы и выдуманный,—перестаетъ быть вѣрнымъ древнерусскимъ лицомъ? Неужели въ немъ нѣтъ элементовъ русской жизни и народности, потому что онъ исторически невѣренъ? А

Digitized by Google

поэтическая правда? Стало быть, поэзія игрушка? Неужели Ахиллесъ не дѣйствительно греческій типъ, потому что онъ, какъ лицо, можетъ быть, никогда, и не существовалъ? Неужели Иліада не народная древне-греческая поэма, потому что въ ней всѣ лица явно пересозданныя изъ народныхъ легендъ и даже, можетъ быть, просто выдуманныя?

А вѣдь «Отечественныя Записки» сплошь да рядомъ щеголяютъ подобными доказательствами. Ну что̀ послѣ этого имъ отвѣчать, когда главнаго-то дѣла, сердцевины-то дѣла онѣ не понимаютъ.

Онѣгинъ, напримѣръ, у нихъ типъ не народный. Въ немъ нѣтъ ничего народнаго. Это только портретъ великосвѣтскаго шалопая двадцатыхъ годовъ.

Попробуйте поспорить.

Какъ не народный? говоримъ, напримѣръ, мы. Да гдѣ-же и когда такъ вполнѣ выразилась русская жизнь той эпохи, какъ въ типѣ Онѣгина? Вѣдь это типъ историческій. Вѣдь въ немъ до ослѣпительной яркости выражены именно всѣ тѣ черты, которыя могли выразиться у одного только русскаго человѣка въ извѣстный моментъ его жизни, - именно въ тотъ самый моментъ, когда цивилизація въ первый разъ ощутилась нами какъ жизнь, а не какъ прихотливый прививокъ, а въ то-же время и всѣ недоумѣнія, всѣ странные, неразрѣшимые по тогдашнему вопросы, въ первый разъ, со всѣхъ сторонъ, стали осаждать русское общество и проситься въ его сознаніе. Мы въ недоумѣніи стояли тогда передъ европейской дорогой нашей, чувствовали, что не могли сойти съ нея какъ отъ истины, принятой нами безо всякаго колебанія за истину, и въ то-же время, въ первый разъ, настоящимъ образомъ стали сознавать себя русскими и почувствовали на себѣ, какъ трудно разрывать связь съ родной почвой и дышать чужимъ воздухомъ...

— Да съ какой стати вы находите это все въ Онѣгинѣ? прерываютъ насъ *ученые*.—Развѣ это въ немъ есть?

— А какъ-же? Разумѣется, есть... Онѣгинъ именно принадлежитъ къ той эпохѣ нашей исторической жизни, когда чуть не впервые начинается наше томительное сознаніе и наше томительное недоумѣніе, вслѣдствіе этого сознанія, при взглядѣ кругомъ. Къ этой эпохѣ относится и явленіе Пушкина, и потому-то онъ первый и заговорилъ самостоятельнымъ и *сознательнымъ* русскимъ языкомъ. Тогда мы всѣ вдругъ стали прозирать и увидѣли въ окружающей русской жизни вліянія странныя, не подходящія подъ такъ называемый европейскій нашъ элементъ и въ то-же время не знали, хорошо-ли это или дурно, уродливо или прекрасно? Это было первымъ началомъ той эпохи, когда наши передовые люди рѣзко раз-

Digitized by Google

дѣлились на двѣ стороны и потомъ горячо вступили въ междоусобный бой. Славянофилы и западники вѣдь тоже явленіе историческое и въ высшей степени народное. Вѣдь не изъ книжекъ-же произошла сущность ихъ появленія? Какъ вы думаете? Но при Онѣгинѣ все это еще только едва сознавалось, едва предугадывалось. Тогда, т. е. въ эпоху Онѣгина, мы съ удивленіемъ, съ благоговѣніемъ, а съ другой стороны—чуть не съ насмѣшкой стали впервые понимать, что̀ такое значитъ быть русскимъ, и, къ довершенію странности, все это случилось только тогда, когда мы только что начали настоящимъ образомъ сознавать себя европейцами и поняли, что мы тоже должны войдти въ общечеловѣческую жизнь. Цивилизація принесла плоды, и мы начали кое-какъ понимать, что̀ такое человѣкъ, его достоинство и значеніе,--разумѣется, по тѣмъ понятіямъ, которыя выработала Европа. Мы поняли, что и мы можемъ быть европейцами не по однимъ только кафтанамъ и напудреннымъ головамъ. Поняли и—не знали что дѣлать. Мало по малу стали понимать, что намъ и нечего дѣлать. Самодѣятельности для насъ не оставалось никакой, и мы бросились съ горя въ скептическое саморазсматриваніе, саморазглядыванье. Это уже не былъ холодный, наружный, кантемировскій или фонъ-визинскій скептицизмъ. Скептицизмъ Онѣгина въ самомъ началѣ своемъ носилъ въ себѣ что-то трагическое и отзывался иногда злобной ироніей. Въ Онѣгинѣ въ первый разъ русскій человѣкъ съ горечью сознаетъ или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ чувствовать, что на свѣтѣ ему нечего дѣлать. Онъ европеецъ: что̀жь принесетъ онъ въ Европу, и нуждается-ли еще она въ немъ? Онъ русскій: что̀-же сдѣлаетъ онъ для Россіи, да еще понимаетъ-ли онъ ее? Типъ Онѣгина именно долженъ былъ образоваться впервые въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ нашемъ, въ томъ обществѣ, которое наиболѣе отрѣшилось отъ почвы и гдѣ внѣшность цивилизаціи достигла высшаго своего развитія. У Пушкина это чрезвычайно вѣрная историческая черта. Въ этомъ обществѣ мы говорили на всѣхъ языкахъ, праздно ѣздили по Европѣ, скучали въ Россіи и въ то-же время сознавали, что тѣмъ есть дѣло, а намъ никакого, они у себя, а мы—нигдѣ.

Онѣгинъ—членъ этого цивилизованнаго общества, но онъ уже не уважаетъ его. Онъ уже сомнѣвается, колеблется; но въ то же время въ недоумѣніи останавливается передъ новыми явленіями жизни, не зная, поклониться-ли имъ, или смѣяться надъ ними. Вся жизнь его выражаетъ эту идею, эту борьбу.

А между тѣмъ, въ сущности, душа его жаждетъ новой истины. Кто знаетъ, онъ, можетъ быть, готовъ броситься на колѣна пред-

Digitized by Google

новымъ убѣжденіемъ и жадно, съ благоговѣніемъ принять его въ свою душу. Этому человѣку не устоять; онъ не будетъ никогда прежнимъ человѣкомъ, легкомысленно несознающимъ себя и наивнымъ; но онъ ничего и не разрѣшитъ, не опредѣлитъ своихъ вѣрованій; онъ будетъ только страдать. Это первый страдалецъ русской сознательной жизни.

Русская жизнь, русская природа пахнула на него всѣмъ обаяніемъ своимъ. Прошла передъ нимъ и русская дѣвушка, — типъ единственный до сихъ поръ во всей нашей поэзіи, передъ которымъ съ такою любовью преклонилась душа Пушкина, какъ передъ роднымъ русскимъ созданіемъ. Онѣгинъ не узналъ ея, и, какъ слѣдуетъ, сначала поломался надъ ней, отчасти оказался и хорошимъ человѣкомъ, и самъ не зналъ, что̀ сдѣлалъ: хорошо или дурно? Зато онъ очень хорошо зналъ, что сдѣлалъ дурно, застрѣливъ Ленскаго... Начинаются его мученія, его долгая агонія. Проходитъ молодость. Онъ здоровъ, силы просятся наружу. Что̀ дѣлать? За что̀ взяться? Сознаніе шепчетъ ему, что онъ пустой человѣкъ, злобная иронія шевелится въ душѣ его, и въ то-же время онъ сознаетъ, что онъ и не пустой человѣкъ: развѣ пустой можетъ страдать? Пустой занялся-бы картами, деньгами, чванствомъ, волокитствомъ. Чего-жь онъ страдаетъ? Оттого, что нельзя ничего дѣлать? Нѣтъ, это страданіе достанется другой эпохѣ. Онѣгинъ страдаетъ еще только тѣмъ, что не знаетъ что̀ дѣлать, не знаетъ даже что̀ уважать, хотя твердо увѣренъ, что есть что̀-то, которое надо уважать и любить. Но онъ озлобился, и не уважаетъ ни себя, ни мыслей, ни мнѣній своихъ; не уважаетъ даже самую жажду жизни и истины, которая въ немъ; онъ чувствуетъ, что хоть она и сильна, но онъ ничѣмъ для нея не пожертвовалъ—и онъ съ ироніей спрашиваетъ: чѣмъ-же ей жертвовать, да и *зачѣмъ?* Онъ становится эгоистомъ и между тѣмъ смѣется надъ собой, что даже и эгоистомъ быть не умѣетъ. О, еслибъ онъ былъ настоящимъ эгоистомъ, онъ-бы успокоился!

Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

восклицаетъ это дитя своей эпохи среди неразрѣшенныхъ сомнѣній, странныхъ колебаній, невыяснившихся идеаловъ, погибшей вѣры въ прежніе идолы, дѣтскихъ предразсудковъ и неутомимой вѣры во что̀-то новое, неизвѣстное, но непремѣнно существующее и никакимъ скептицизмомъ, никакой ироніей неразбиваемое. Да! Это дитя эпохи, это вся эпоха, *въ первый разъ* сознательно на себя взглянувшая. Нечего и говорить, до какой полноты, до какой художественности, до какой обаятельной красоты все это—русское,

Digitized by Google

наше, оригинальное, непохожее ни на что европейское, народное. Этотъ типъ вошелъ, наконецъ, въ сознаніе всего нашего общества и пошелъ перерождаться и развиваться съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Въ Печоринѣ онъ дошелъ до неутолимой, желчной злобы и до странной, въ высшей степени оригинально-русской противоположности двухъ разнородныхъ элементовъ: эгоизма до самообожанія и въ то-же время злобнаго самонеуваженія. И все та-же жажда истины и дѣятельности, и все то-же вѣчное роковое *нечего дѣлать!* Отъ злобы и какъ-будто на смѣхъ, Печоринъ бросается въ дикую, странную дѣятельность, которая приводитъ его къ глупой, смѣшной, ненужной смерти.

И все вѣдь это дѣйствительная правда, повторялось *дѣйствительно* въ нашей жизни. Явилась потомъ смѣющаяся маска Гоголя, съ страшнымъ могуществомъ смѣха, — съ могуществомъ, не выражавшимся такъ сильно еще никогда, ни въ комъ, нигдѣ, ни въ чьей литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ создалась земля. И вотъ послѣ этого смѣха Гоголь умираетъ предъ нами, уморивъ себя самъ, въ безсиліи создать и въ точности опредѣлить себѣ идеалъ, надъ которымъ-бы онъ могъ не смѣяться. Но время идетъ впередъ и послѣдняя точка нашего сознанія достигнута. Рудинъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда уже не смѣются надъ своей дѣятельностью и своими убѣжденіями: они вѣруютъ, и эта вѣра спасаетъ ихъ. Они только смѣются иногда надъ самими собою, они еще не умѣютъ уважать себя, но они уже почти не эгоисты. Они много, безкорыстно выстрадали... Въ наше время прошли ужь и Рудины...

— Да помилуйте! восклицаетъ ученый журналъ: гдѣ-же, въ чемъ тутъ народность?

— Какъ народность? говоримъ мы, разинувъ ротъ отъ недоумѣнія.

— Ну да, русская народность! говоритъ г. Краевскій, стараясь помочь г. Дудышкину: ну, тамъ сказки, пѣсни, легенды, преданія... ну и все прочее...

— То есть не совсѣмъ то, поспѣшно прерываетъ г. Дудышкинъ своего достойнаго сотрудника по критической части; а вотъ что: «вся-ли Русь исповѣдуетъ элементы поэзіи Пушкина, или только мы одни, образованные? Вѣдь народный поэтъ носитъ въ себѣ и политическія, и общественныя, и религіозныя, и семейныя убѣжденія народа». Ну, чтожь это за народный поэтъ, если ничего изъ его поэзіи не проникло въ народъ, въ *настоящій* народъ?

— А вотъ и договорились! Такъ, стало быть, вы ужь не признаете и за народъ высшее общество, такъ называемыхъ, «образованныхъ?» Чтожь они, по вашему,—ужь и не Русскіе? Да что

Digitized by Google

за дѣло *въ этомъ случаѣ*, что народъ, государственнымъ переворотомъ, такъ рѣзко раздѣлился на двѣ половины? Вся разница въ томъ, что одна половина образованная, другая нѣтъ.—Вѣдь образованная половина доказала-же, что она тоже русская, тотъ-же народъ; вѣдь дошла-же она до мысли о соединеніи съ народнымъ началомъ. А такъ какъ эта образованная половина болѣе развита, болѣе сознаетъ, чѣмъ необразованная, то въ ней и явился народный поэтъ. А вамъ-бы хотѣлось такого народнаго поэта, который заговорилъ-бы прямо народнымъ языкомъ, прежде совершившагося въ народѣ процесса развитія и сознанія? Да когда-же и гдѣ это бывало? Трудно и представить себѣ такого поэта. Если у Французовъ есть, напримѣръ, Беранже, то развѣ онъ для всего народа поэтъ? Онъ поэтъ только парижанъ: огромное большинство Французовъ и не знаетъ, и не понимаетъ его, потому что не развито и не можетъ понять, а сверхъ того, исповѣдуетъ и другіе интересы. А если Беранже всетаки не такъ далекъ отъ сознанія непонимающаго его большинства, какъ у насъ Пушкинъ отъ простонародья, то это потому, что подобнаго историческаго раздвоенія народа, какъ у насъ, во Франціи не было. Да позвольте, наконецъ: вы, кажется, прямо опредѣляете народность — простонародностью? Неудивительно послѣ того, что васъ никто не понимаетъ. Почему, съ какой стати народность можетъ принадлежать только одной простонародности? Развѣ съ развитіемъ народа исчезнетъ его народность? Развѣ мы, «образованные», ужъ и не русскій народъ? Намъ кажется даже напротивъ: съ развитіемъ народа развиваются и крѣпнутъ всѣ дары его природы, всѣ богатства ея, и духъ народа еще ярче выступаетъ наружу. Развѣ во времена Перикла Греки были уже не Греки, какъ триста лѣтъ назадъ? Вы думаете, мы себѣ противорѣчимъ, доказывая необходимость возвратиться къ народному началу, то есть сами признаемся, что мы Нѣмцы, а не Русскіе? Ничуть; мы именно тѣмъ-то и доказали, что мы Русскіе, что признаемъ необходимость воротиться на родную почву. Мы сознали только, что мы разъединились чисто внѣшними обстоятельствами. Эти внѣшнія обстоятельства не давали остальной массѣ народа слѣдовать за нами и такимъ образомъ принесть въ нашу дѣятельность *всѣ* силы русскаго народнаго духа. Мы сознаемъ только то, что мы слишкомъ уединенная и маленькая кучка, и если народъ не пойдетъ вслѣдъ за нами, по той-же дорогѣ, то намъ нельзя будетъ вполнѣ себя выразить, и мы выразимъ себя слишкомъ односторонне, слабосильно и даже — смѣло можно сказать, — даже не такъ, какъ выразили-бы мы себя, еслибъ весь русскій народъ былъ съ нами. Но изъ этого еще не слѣдуетъ,

Digitized by Google

чтобъ мы потеряли народный духъ, чтобъ мы переродились. Почему-же мы не народъ? Почему вы лишаете насъ этого почетнаго званія?

Нѣтъ, вы не правы. Вы правы только въ одномъ: что мы не весь народъ, а только часть его; но Пушкинъ, бывши поэтомъ этой части народа, былъ въ то-же время и народный поэтъ: это безспорно. Вамъ это непонятно? Но скажите, повторяемъ мы опять, гдѣ-же вы видѣли такого народнаго поэта, какъ вамъ онъ представляется? Былъ-ли онъ когда нибудь, возможенъ-ли онъ по вашему идеалу? Разсудите: если явится такой поэтъ, какъ вы воображаете, объ чемъ-же онъ будетъ говорить? Онъ выразитъ «всѣ политическія, общественныя, религіозныя и семейныя убѣжденія народа», говорите вы. Такъ, Беранже вотъ и выражалъ это-же, но выразилъ все это только для небольшой части Французовъ, сравнительно съ массой всего народонаселенія, именно для тѣхъ, которые жили, которые заинтересованы были въ политическомъ, общественномъ, религіозномъ и семейномъ движеніи націи. Остальные-же Французы даже, можетъ быть, и не слыхали о Беранже, потому что еще ни въ какомъ движеніи не участвовали. Когда-же будутъ участвовать, то хотя у нихъ и будетъ свой новый Беранже (непремѣнно), и выразитъ онъ что нибудь новое, что̀ нибудь такое что̀ самому Беранже и не грезилось, но, не смотря на то, и старый Беранже поймется ими. Они не могутъ его обойти: во первыхъ, онъ будетъ имѣть для нихъ историческое значеніе, а во вторыхъ, потому что онъ народенъ, потому что онъ всетаки выражалъ мнѣнія, вѣрованія и убѣжденія французскаго-же народа. Точно такъ и Пушкинъ. Одна часть (и самая большая) русскаго народа почти совсѣмъ не участвовала въ томъ, въ чемъ участвовала другая, и разъединеніе продолжалось чрезвычайно долго. Пушкинъ былъ народный поэтъ одной части; но эта часть, во первыхъ, была самая русская, во вторыхъ, почувствовала, что Пушкинъ первый сознательно заговорилъ съ ней русскимъ языкомъ, русскими образами, русскими взглядами и воззрѣніями, почувствовала въ Пушкинѣ русскій духъ.

Она очень хорошо поняла, что и лѣтописецъ, что и Отрепьевъ, и Пугачевъ, и патріархъ, и иноки, и Бѣлкинъ, и Онѣгинъ, и Татьяна—все это Русь и русское. Не одно современное, слегка офранцуженное и отрѣшившееся отъ народнаго духа увидѣло въ немъ общество. Общество знало, что такъ можетъ писать только Булгаринъ. Разумѣется, смѣшно отвѣчать на такіе вопросы: гдѣ-же это русское семейство, которое хотѣлъ изобразить Пушкинъ, въ чемъ

Digitized by Google

его русскій духъ, что̀ именно изобразилъ онъ русскаго? Отвѣтъ ясенъ: надобно хоть немножко понимать поэзію. Отбросимъ все, самое колоссальное, что̀ сдѣлалъ Пушкинъ; возьмите только его пѣсни западныхъ Славянъ, прочтите «Видѣніе короля»; если вы Русскій, то вы почувствуете, что это въ высочайшей степени русское, не поддѣлка подъ народную легенду, а художественная форма всѣхъ легендъ народныхъ, форма уже прошедшая черезъ сознаніе поэта, и главное—въ первый разъ намъ поэтомъ указанная. Въ первый разъ—это не шутка! Да, почти въ первый разъ вся красота, вся таинственность и все глубокое значеніе народной легенды было достигнуто массою нашего общества. Вы говорите, что въ простонародьи не отразился Пушкинъ? Да, потому что простонародье не двигалось въ своемъ развитіи, а не двигалось потому, что не могло двигаться. Оно и грамотѣ не умѣетъ. Но чуть только развитіе коснется народа, Пушкинъ тотчасъ-же получитъ и для этой массы свое народное значеніе. Мало того, будетъ имѣть для нея историческое значеніе и будетъ для нея однимъ изъ главнѣйшихъ провозвѣстниковъ *общечеловѣческихъ* началъ, такъ гуманно и такъ широко развившихся въ Пушкинѣ: а это-то самое и нужное, потому что раздвоеніе наше заключалось въ томъ, что одна часть общества пошла въ Европу, а другая осталась дома. Съ общечеловѣческимъ элементомъ, къ которому такъ жадно склоненъ русскій народъ, онъ, мы увѣрены, наиболѣе познакомится черезъ Пушкина.

Скажемъ болѣе: мы готовы признать, что можетъ явиться народный поэтъ и въ средѣ самаго простонародья, — не Кольцовъ, напримѣръ, который былъ неизмѣримо выше своей среды по своему развитію, но настоящій простонародный поэтъ. Такой поэтъ, во первыхъ, можетъ выражать свою среду, но не возносясь надъ ней отнюдь, а принявъ всю окружающую дѣйствительность за норму, за идеалъ. Его поэзія почти совпадала-бы тогда съ народными пѣснями, которыя сочинялись какъ-то созерцательно въ минуту самого пѣнія. Могъ-бы онъ явиться и въ другомъ видѣ, т. е. не принимая за норму все окружающее, а уже отчасти отрицая ее, и изобразить какой нибудь моментъ народной жизни, какое нибудь движеніе народное, какое нибудь желаніе его. Такой поэтъ могъ-бы быть очень силенъ, могъ-бы выразить неподдѣльно народъ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ-бы не глубокъ и кругозоръ его былъ-бы очень узокъ. Во всякомъ случаѣ, Пушкинъ былъ-бы неизмѣримо выше его. Что̀ нужды, что народъ, на теперешней степени своего развитія, не пойметъ всего Пушкина? Онъ пойметъ его потомъ, и изъ его поэзіи научится познавать себя. И зачѣмъ на-

Digitized by Google

родный поэтъ долженъ быть непремѣнно ниже развитіемъ, чѣмъ высшій классъ народа? По вашему, вѣдь непремѣнно выходитъ такъ. Пушкинъ на той степени своего развитія, на которой онъ стоялъ, никогда-бы не могъ быть понятъ простонародьемъ. Неужели ему, для того, чтобъ его понимало простонародье, слѣдовало непремѣнно идти къ нему и, заговоривъ его языкомъ (что̀ онъ очень-бы съумѣлъ сдѣлать), скрыть отъ народа свое развитіе? Народъ почти всегда правъ въ основномъ началѣ своихъ чувствъ, желаній и стремленій; но дороги его во многомъ иногда невѣрны, ошибочны и, что̀ плачевнѣе всего, форма идеаловъ народныхъ часто именно противорѣчитъ тому, къ чему народъ стремится, конечно, моментально противорѣчитъ. Въ такомъ случаѣ Пушкину пришлось-бы скрывать себя, вѣровать предразсудкамъ, чувствовать ложно. Какимъ-же хитрецомъ представляете вы себѣ народнаго поэта и даже какимъ пейзаномъ съ фарфоровой чашки!

Но положимъ, наконецъ, что совсѣмъ не надо скрывать свое развитіе и надѣвать маску. Что можно прямо и просто говорить народу истину, безъ лжи и безъ фальши, благородно и смѣло. Что народъ все пойметъ и оцѣнитъ, будетъ благодаренъ за правду, что стоитъ только выговорить эту правду простымъ и понятнымъ народу языкомъ.

Не будемъ спорить. Во всякомъ случаѣ такой поэтъ былъ-бы не сильнѣе Пушкина и далеко-бы не выразилъ того, что̀ выразилъ Пушкинъ. Для такой дѣятельности Пушкину надо-бы было бросить настоящее свое дѣло и свое великое назначеніе, часть силъ своихъ оставить втунѣ, намѣренно съузить свой кругозоръ и сознательно отказаться отъ половины своей великой дѣятельности.

А въ чемъ состояла его великая дѣятельность? Опять-таки повторяемъ: чтобъ судить объ ней, нужно прежде всего хоть немножко понимать поэзію.

«Русскій Вѣстникъ», между прочимъ, не отдаетъ чести Пушкину потому, что онъ не извѣстенъ въ Европѣ; потому что Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, проникли всюду въ европейскія литературы и много привнесли въ общечеловѣческое европейское развитіе, а Пушкинъ нѣтъ. Какое дѣтское требованіе!

Не говоримъ ужь о томъ, что и самый фактъ во многомъ невѣренъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительно-ли Шиллеръ и Гете извѣстны во Франціи? Они извѣстны во Франціи нѣсколькимъ ученымъ, нѣсколькимъ серьезнымъ поэтамъ и литераторамъ, да и то большею частью по переводамъ; въ оригиналѣ-же и того меньше. Шекспиръ тоже; развѣ въ Германіи и то только въ образованномъ кругу, Шекспиръ извѣстенъ; но во Франціи его слишкомъ мало

Digitized by Google

знаютъ. Не ихъ вина, разумѣется, но, конечно, они до сихъ поръ немного сдѣлали для общечеловѣческаго европейскаго развитія, а были полезны каждый у себя дома *). «Русскій Вѣстникъ» кажется, безсознательно впалъ въ ошибку: онъ, вѣроятно, судилъ объ общечеловѣческомъ вліяніи вышепоименованныхъ великихъ поэтовъ по русскому обществу. Да, Шиллеръ дѣйствительно вошелъ въ кровь русскаго общества, особенно въ прошедшемъ и въ запрошломъ поколѣніи. Мы воспитывались на немъ, онъ намъ родной и во многомъ отразился на нашемъ развитіи. Шекспиръ тоже. Даже Гете извѣстенъ у насъ несравненно болѣе, чѣмъ во Франціи, а, можетъ быть, и въ Англіи. Англійская-же литература, безспорно, несравненно намъ извѣстнѣе, чѣмъ во Франціи, а, можетъ быть, и въ Германіи. Но «Русскій Вѣстникъ» только плюетъ на эти факты; для него они не факты, потому что не подходятъ подъ его мѣрочку. Ему указываютъ на фактъ необыкновеннаго общечеловѣческаго стремленія русскаго племени, указываютъ на одного изъ провозвѣстниковъ этого стремленія — Пушкина, говорятъ ему, что явленіе это неслыханное и безпримѣрное между народами, что оно можетъ свидѣтельствовать о чрезвычайно оригинальной чертѣ русскаго характера, что оно, можетъ быть, есть главная сущность русской народности. Но «Русскій Вѣстникъ» не слушаетъ, а говоритъ, что и самой-то народности нѣтъ...

А главное, чѣмъ виноватъ Пушкинъ, что его покамѣстъ не знаетъ Европа? Дѣло въ томъ, что и Россію-то еще не знаетъ Европа: она знала ее доселѣ только по тяжелой необходимости. Другое дѣло, когда русскій элементъ войдетъ плодотворной струей въ общечеловѣческое развитіе: тогда узнаетъ Европа и Пушкина, и навѣрно отыщетъ въ немъ несравненно больше, чѣмъ до сихъ поръ могъ отыскать «Русскій Вѣстникъ». А вѣдь тогда стыдно будетъ передъ иностранцами-то!..

Россія еще молода и только что собирается жить; но это вовсе не вина.

«Отечественныя Записки», отстаивая передъ «Русскимъ Вѣстникомъ» русскую народность, указываютъ, какъ на доказательство ея дѣйствительнаго существованія, на чрезвычайное развитіе въ Россіи государственнаго начала.

По нашему, не этимъ однимъ, да и вообще не этимъ можно доказать дѣйствительность и особенность русской народности. Особенность ея: безсознательная и чрезвычайная стойкость народа въ

*) Мнѣ разсказывали достовѣрно о существованіи въ Парижѣ такихъ литераторовъ, которые не знаютъ Барбье. Не то что не читали, а даже имени-то не знаютъ. Гдѣ-жь имъ послѣ этого знать Шиллера?

Digitized by Google

своей идеѣ, сильный и чуткій отпоръ всему, что̀ ей противорѣчитъ, и вѣковѣчная, благодатная, ничѣмъ не смущаемая вѣра въ справедливость и въ правду.

Великъ былъ тотъ моментъ русской жизни, когда великая, вполнѣ русская воля Петра рѣшилась разорвать оковы, слишкомъ туго сдавившія наше развитіе. Въ дѣлѣ Петра (мы ужь объ этомъ теперь не споримъ) было много истины. Сознательно-ли онъ угадывалъ общечеловѣческое назначеніе русскаго племени, или безсознательно шелъ впередъ, по одному чувству стремившему его, но дѣло въ томъ, что онъ шелъ вѣрно. А между тѣмъ форма его дѣятельности, по чрезвычайной рѣзкости своей, можетъ быть, была ошибочна. Форма же, въ которую онъ преобразовалъ Россію, была, безспорно, ошибочна. Фактъ преобразованія былъ вѣренъ, но формы его были не русскія, не національныя, а нерѣдко и прямо, основнымъ образомъ противорѣчившія народному духу.

Народъ не могъ видѣть окончательной цѣли реформы, да врядъ-ли кто нибудь понималъ ее даже изъ тѣхъ, кто пошелъ за Петромъ, даже изъ такъ называемыхъ «птенцовъ гнѣзда Петрова»; они пошли за преобразователемъ слѣпо и помогали власти для своихъ выгодъ. Если не всѣ, то почти такъ. Гдѣ-же было тогда народу угадать, куда ведутъ его? До него и теперь-то достигла только одна грязная струя цивилизаціи. Конечно, невозможно, чтобы хоть что нибудь не прошло въ народъ живо и плодотворно, хоть безсознательно, хоть только въ возможности. Но то, что̀ было въ реформѣ нерусскаго, фальшиваго, ошибочнаго, то̀ народъ угадалъ разомъ, съ перваго взгляда, однимъ чутьемъ своимъ, и такъ какъ — повторяемъ — не могъ видѣть хорошей, здоровой стороны ея, то весь, однимъ разомъ отъ нея отшатнулся. И какъ стойко и спокойно онъ умѣлъ сохранить себя, какъ умѣлъ умирать за то, что̀ онъ считалъ правдой!

Но идея Петра совершилась и достигла въ наше время окончательнаго развитія. Кончилось тѣмъ, что мы приняли въ себя общечеловѣческое начало и даже сознали, что мы-то, можетъ, и назначены судьбою для общечеловѣческаго міроваго соединенія. Если не всѣ сознали это, то многіе сознаютъ. Но, по крайней мѣрѣ, всѣ сознаются, что цивилизація привела насъ обратно на родную почву. Она не сдѣлала насъ исключительно европейцами, не перелила насъ въ какую нибудь готовую европейскую форму, не лишила народности. «Русскій Вѣстникъ» безконечно неправъ, говоря, что «тамъ, гдѣ идетъ споръ о народности, тамъ значитъ ея нѣтъ», и «Отечественныя Записки» совершенно правы, отвѣчая ему на это:

Digitized by Google

На это отвѣтитъ вамъ исторія литературы въ Германіи въ началѣ XIX вѣка и во Франціи, гдѣ тѣ-же споры составили цѣлый періодъ литературы, только назывались не спорами о народности, а спорами о романтизмѣ. Эти споры были занесены и къ намъ, но слишкомъ преждевременно, и мы не были готовы принять ихъ и понять во всей глубинѣ. Извѣстенъ результатъ этихъ споровъ на Западѣ: крутой поворотъ европейскихъ литературъ къ самостоятельности, къ народности...

Цивилизація не развила у насъ и сословій: напротивъ, замѣчательно стремится къ сглаженію и къ соединенію ихъ воедино. Можетъ быть, «Русскому Вѣстнику» это очень досадно, но англійскихъ лордовъ у насъ нѣтъ; французской буржуазіи тоже нѣтъ, пролетаріевъ тоже не будетъ, мы въ это вѣримъ. Взаимной вражды сословій у насъ тоже развиться не можетъ: сословія у насъ, напротивъ, сливаются; теперь покамѣстъ еще все въ броженіи, ничто вполнѣ не опредѣлилось, но зато начинаетъ уже предчувствоваться наше будущее. Идеалъ этого слитія сословій воедино выразится яснѣе въ эпоху наибольшаго всенароднаго развитія образованности.

а 1917 годъ, дураки?

Образованность и теперь уже занимаетъ у насъ первую ступень въ обществѣ. Все уступаетъ ей; всѣ сословныя преимущества, можно сказать, таютъ въ ней... Въ усиленномъ, въ скорѣйшемъ развитіи образованія—вся наша будущность, вся наша самостоятельность, вся сила, единственный, сознательный путь впередъ и, что̀ важнѣе всего, путь мирный, путь согласія, путь къ настоящей силѣ.

Настоящее высшее сословіе теперь у насъ — сословіе образованное. Но безъ настоящаго, серьезнаго, правильнаго образованія тотчасъ-же является въ обществѣ феноменъ въ высшей степени вредный и пагубный: это *наука внѣ науки*. Такъ какъ жажда знаній и науки никакимъ образомъ не можетъ уничтожиться въ обществѣ, тѣмъ болѣе въ теперешнемъ нашемъ, то при маломъ развитіи настоящаго, правильнаго обученія, желающіе учиться начинаютъ учиться самоучкой, безъ системы, безъ правилъ, нерѣдко выбирая себѣ учителей неудачно или, что̀ еще хуже, односторонне знакомыхъ съ наукой. Такимъ образомъ ложныя идеи прививаются къ обществу, особенно молодому и неопытному, укореняются въ немъ и приносятъ впослѣдствіи, а иногда и въ скорости, непріятные, вредные результаты. Совершенно напротивъ происходитъ при правильномъ, широкомъ развитіи образованія. У настоящей науки [illegible]ть свои пріемы, преданія, системы. Настоящій хранитель такой [illegible]уки не даетъ молодому уму сбиться на ложную дорогу. Онъ пре[illegible]хранитъ учащагося отъ заблужденія, потому что дѣйствуетъ на [illegible]го всей силой науки, всѣмъ преданіемъ ея, всѣмъ тѣмъ, до чего [illegible]авильно и стойко дошелъ умъ человѣческій.

Digitized by Google

Только образованіемъ можемъ мы завалить глубокій ровъ, отдѣляющій насъ теперь отъ нашей родной почвы. Грамотность и усиленное распространеніе ея — первый шагъ всякаго образованія.

Когда-то «Отечественныя Записки» жестоко смѣялись надъ нами, что мы, провозглашая о необходимости соединенія общества съ народнымъ началомъ, несемъ ему ту-же самую европейскую цивилизацію, которую сами-же отвергаемъ.

Отвѣчаемъ:

Мы возвращаемся на нашу почву съ сознательно выжитой и принятой нами идей общечеловѣческаго нашего назначенія. Къ этой-то идеѣ привела насъ сама цивилизація, которую въ смыслѣ исключительно европейскихъ формъ мы отвергаемъ. Возвращеніе наше свидѣтельствуетъ, что изъ русскаго человѣка цивилизація не могла сдѣлать Нѣмца и что русскій человѣкъ всетаки остался Русскимъ. Но мы сознали тоже, что идти далѣе намъ однимъ было нельзя; что въ помощь нашему дальнѣйшему развитію необходимы намъ и всѣ силы русскаго духа. Мы приносимъ на родную нашу почву образованіе, показываемъ прямо и откровенно, до чего мы дошли съ нимъ и что оно изъ насъ сдѣлало. А затѣмъ будемъ ждать, что скажетъ вся нація, принявъ отъ насъ науку, будемъ ждать, чтобъ участвовать въ дальнѣйшемъ развитіи нашемъ, въ развитіи народномъ, настояще-русскомъ, и съ новыми силами, взятыми отъ родной почвы, вступить на правильный путь.

Знаніе не перерождаетъ человѣка: оно только измѣняетъ его, но измѣняетъ не въ одну всеобщую, казенную форму, а сообразно натурѣ того человѣка. Оно не сдѣлаетъ и русскаго не русскимъ; оно даже насъ не передѣлало, а заставило воротиться къ своимъ. Вся нація, конечно, скорѣе скажетъ свое новое слово въ наукѣ и жизни, чѣмъ маленькая кучка, составлявшая до сихъ поръ наше общество. Мы только отвергаемъ исключительно-европейскую форму цивилизаціи и говоримъ, что она намъ не по мѣркѣ.

Но перейдемъ къ народнымъ книжкамъ и преимущественно къ «Читальнику».

Digitized by Google

IV.

Книжность и грамотность.*)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Пожалуй, можно выписать длиннѣйшій рядъ заглавій всѣхъ сочиненій, составленныхъ для народнаго чтенія. Мы хоть и обѣщали въ прошлой статьѣ поговорить о всѣхъ этихъ книжкахъ особенно, но такъ какъ игра почти не стоитъ свѣчъ, то и хотимъ прямо перейти къ разбору «Читальника», какъ единственно сколько нибудь серьезнаго проекта для народной книги. Мысль нашу о «народныхъ книгахъ» читатель можетъ увидѣть и изъ этого разбора; слѣдственно онъ лишился только одного длиннаго перечня пустыхъ книжонокъ, существующихъ теперь для «народнаго чтенія». Въ иномъ книгопродавческомъ объявленіи можно ихъ всѣ найдти, а въ лавкахъ онѣ всѣ лежатъ особо, на отдѣльныхъ столахъ, не исключая и неудавшихся книжекъ г. Григоровича и «Краснаго яичка» г. Погодина.

Есть у насъ и еще одинъ «народный» писатель, г. Погосскій. Онъ, правда, пишетъ преимущественно для солдатъ. Но объ немъ мы намѣрены говорить особенно. Г. Погосскій довольно исключительное явленіе въ нашей «народной литературѣ». Объ остальныхъ же «народныхъ» книжкахъ можно сказать, что онѣ числятся десятками, но помянуть ихъ добрымъ словомъ нельзя. Объ одномъ только онѣ свидѣтельствуютъ: о необыкновенной потребности книги для народнаго чтенія; но объ этомъ свидѣтельствуетъ и «Читальникъ», а потому перейдемъ уже прямо къ «Читальнику».

«Читальникъ» не книга, а проектъ книги для народнаго чтенія, сочиненный г. Щербиною и представленный публикѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нынѣшняго шестьдесятъ перваго года, въ февралѣ мѣсяцѣ. Статья называется: «Опытъ о книгѣ для народа».

Взгляды автора, цѣльность его проекта, даже тонъ его статьи,— все это намъ показалось очень замѣчательно, во первыхъ, ужь потому, что умнѣе его проекта ничего еще у насъ въ этомъ родѣ не было, сколько намъ помнится. «Отечественныя Записки» замѣчаютъ, что «Опытъ» г. Щербины и обсужденіе этого «Опыта» въ нашей литературѣ принесло-бы пользу для составителей народныхъ книгъ. Ну, и то дѣльно.

*) Напечатано въ журналѣ «Время» за августъ 1861 г.

Digitized by Google

Г. Щербина начинаетъ свою статью тѣмъ, что сердится на одну брошюрку для народнаго чтенія, появившуюся въ концѣ прошлаго года подъ названіемъ «Хрестоматіи» и стоющую пять копѣекъ серебромъ. Похваливъ книжонку за то, что она не стоитъ болѣе пяти копѣекъ серебромъ, г. Щербина увѣряетъ, что ему «немыслимо», почему на первомъ планѣ ея напечатана сказка Пушкина о „*Кузьмѣ Остолопѣ*" и басня Крылова „*Демьянова Уха*".

Впрочемъ, такъ какъ мы хотимъ разобрать весь проектъ г. Щербины въ подробности (сообразно, разумѣется, силамъ нашимъ), то и выпишемъ изъ начала статьи его всю эту, исполненную негодованія тираду на недальновидныхъ и простодушныхъ издателей «Хрестоматіи».

„Намъ просто немыслимо, почему на первомъ планѣ ея напечатана сказка Пушкина *О Кузьмѣ Остолопѣ* или, далѣе, басня Крылова *Демьянова Уха*. Не говоримъ уже о названіи „Хрестоматія", непонятномъ народу: это могло произойти и отъ нѣкоторыхъ постороннихъ причинъ, независящихъ отъ издателя; но зачѣмъ было помѣщать сказку Пушкина? Она имѣетъ свой смыслъ и значеніе въ кругу нашемъ, но народу она покажется *дурашною* и скомпрометтируетъ, нѣкоторымъ образомъ, въ глазахъ его и самое ученіе грамотѣ. Попадись эта брошюрка въ руки ученика воскресныхъ школъ, то хозяинъ его, степенный шорникъ, мѣдникъ или слесарь, вѣроятно, со вздохомъ сказалъ бы: „чему ихъ тамъ въ школѣ учатъ!.. Только баловство одно..."

„Мужикъ услышитъ подобную сказку и въ кабакѣ, и на площади, мальчикъ—въ своей мастерской и отъ дворника. Книга, такъ зря составленная, не внушитъ уваженія къ грамотѣ и не придастъ ей серьезнаго и полезнаго значенія... А къ чему, напримѣръ, послужитъ для народа знаніе басни „Демьянова Уха?" Она, по содержанію своему, понятна только въ литературномъ и артистическомъ быту, существованія котораго народъ и не подозрѣваетъ... Да и что въ ней занимательнаго или поучительнаго собственно для народа?.. Что за большое зло добродушная назойливость тароватаго Демьяна!... Этого-ли народу нужно? Это-ли въ немъ вопіющая отрицательная сторона, которую нужно преслѣдовать сатирическою солью и насмѣшкою, выраженною въ образѣ?.. Подумаешь, что такая „Хрестоматія" издана не въ Петербургѣ, а гдѣ нибудь въ Аркадіи — такъ отъ нея вѣетъ младенческимъ незнаніемъ жизни, наивными понятіями, буколическимъ простодушіемъ; такъ и ждешь, что увидишь на заглавномъ листкѣ брошюры слова: изданіе Меналка или Тирсиса... Понятно, что болѣе распространяться о ней логически-невозможно; но, за всѣмъ тѣмъ, появленіе ея наталкиваетъ на мысль о книгѣ для народа, которая въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, оказывается крайне-необходимою.

„Опытъ показалъ, что книги, писанныя исключительно для народа не удались и не распространились въ немъ. Можно думать, что это отчасти произошло и оттого, что не было принято практическихъ мѣръ къ распространенію ихъ, но, главное, потому, что Россія для всѣхъ насъ terra incognita. Мы относились къ книгѣ для народа только

Digitized by Google

priori. Непосредственное наблюденіе, жизнь съ народомъ, проникновеніе его средой—были далеки отъ насъ!..

„Мы любимъ", по словамъ поэта:

Въ роскошно убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ...

„И поэтъ, послѣ этого, могъ невольно воскликнуть:

О, слово старое поэта:
Слова, слова, одни слова!".

Слова благородныя и сильныя; негодованіе тоже благородное. Нѣкоторыя изъ этихъ разсужденій, пожалуй, и очень дѣльны; замѣчаніе о томъ, что сказка о «Кузьмѣ Остолопѣ» писана для господъ и принимается народомъ съ пренебреженіемъ — очень вѣрно, такъ что даже вчужѣ начинаешь сожалѣть о благородныхъ, но близорукихъ составителяхъ «Хрестоматіи». Но съ разсужденіями о «Демьяновой Ухѣ» мы уже не такъ согласны. То есть, собственно говоря, намъ до самой «Демьяновой Ухи» и дѣла нѣтъ, а дѣло есть до нѣкоторыхъ взглядовъ г. Щербины, такъ сказать, до нѣкоторыхъ основныхъ его воззрѣній. «Что̀ за большое зло добродушная назойливость тароватаго Демьяна!» говоритъ онъ. «Этого-ли народу нужно? Это-ли въ немъ вопіющая отрицательная сторона, которую нужно преслѣдовать сатирическою солью и насмѣшкою, выраженною въ образѣ?»

То-то и есть. «Демьянова Уха», конечно, имѣетъ у Крылова значеніе частное; а безъ этого значенія, до котораго народу и дѣла нѣтъ, она не только для него не интересна, но даже могла-бы быть успѣшно замѣнена тысячью другихъ басенъ. Въ этомъ мы совершенно согласны, да вѣдь главное-то не въ томъ, а въ томъ именно, какъ увѣряетъ г. Щербина, что въ книгѣ для народа и, по возможности, въ каждой статейкѣ такой книги надо преслѣдовать разныя «отрицательныя стороны народа», преслѣдовать ихъ «сатирическою солью и насмѣшкою, выраженною въ образѣ». А «Демьянова Уха» ничего не *преслѣдуетъ* въ народѣ, слѣдственно «Хрестоматія», помѣстившая ее *на свои страницы*, до того невинна, до того, видите-ли, вѣетъ отъ нея «младенческимъ незнаніемъ» жизни, наивными понятіями и буколическимъ простодушіемъ, что такъ и ждешь на заглавномъ листкѣ словъ: «изданіе Меналка и Тирсиса».

Мы вовсе не хотимъ здѣсь защищать ни «Демьяновой Ухи», ни «Меналковъ и Тирсисовъ», хотя «сіи послѣдніе» и были намъ когда-то полезны и даже милы. Но для насъ то̀ важно, что намъ нужно соли, и непремѣнно «сатирической соли»; что непремѣнно

Digitized by Google

надобно «преслѣдовать насмѣшками, ниспровергать предразсудки». Надобно, такъ сказать, карать... Учить надобно, *главное*—учить...

Опять повторяемъ: цѣль во всякомъ случаѣ возвышенная и прекрасная, и соотвѣтствуетъ вполнѣ благородству нашего духа. Просвѣщенные должны учить непросвѣщенныхъ. Это обязанность, не такъ-ли? Но вотъ что̀ странно, и даже, пожалуй, скверно: мы и подойти не можемъ къ народу безъ того, чтобъ не посмѣяться надъ нимъ «безъ сатирической соли», а, главное, безъ того, чтобъ *не учить* его. И вообразить не можемъ, какъ это можно намъ появиться передъ этимъ посконнымъ народонаселеніемъ не какъ власть имѣющими, а запросто? Конечно, мы нашими солями и насмѣшками прежде всего имѣемъ въ виду принести пользу (хотя иногда и сами-то хорошо не знаемъ того, надъ чѣмъ въ народѣ насмѣхаемся. Ну, да это между нами). Мы только хотѣли скромно замѣтить, благо пришлось къ слову, что прежде непремѣнной, *немедленной* пользы народныхъ книжекъ, кромѣ всѣхъ солей, искорененій и нравоученій, очень-бы не худо было имѣть въ виду просто распространеніе въ народѣ чтенія, постараться заохотить народъ къ чтенію занимательностью книги, и потому пусть вещь будетъ хоть и безъ соли, да если чуть-чуть занимательна и положительно *невредна* (надѣюсь, поймутъ, что̀ мы подразумѣваемъ подъ словомъ: невредна), такъ и спасибо за нее...

«Придирка, да еще смѣшная!» скажутъ намъ просвѣтители. «Будто мы противъ занимательности, а, главное, противъ распространенія любви къ чтенію! Да о немъ-то мы и хлопочемъ! Только вмѣсто «Демьяновой Ухи» всетаки можно помѣстить пресмѣшную, презанимательную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преполезную, пренасмѣшливую вещь, «убивающую отрицательныя стороны»... Такимъ образомъ, всѣ цѣли будутъ достигнуты. Чѣмъ-же дурна полезность! Или, можетъ быть, вы противъ полезности, говорите вы намъ, противъ искорененія предразсудковъ и разогнанія мрака невѣжества?

— Ничуть, отвѣчаемъ мы, да и Боже насъ сохрани! Кому пріятны невѣжество и предразсудки, да еще не просто невѣжество, а «мракъ невѣжества»? Только вотъ что̀: *исключительное* напираніе на невѣжество и предразсудки и исключительная забота поскорѣе какъ можно искоренять ихъ въ народѣ,—по нашему мнѣнію (въ нѣкоторомъ смыслѣ, разумѣется)—тоже невѣжество и предразсудокъ. Не знаемъ, какъ-бы намъ яснѣе выразиться. Вотъ, напримѣръ, мы знаемъ, что народъ предубѣжденъ противъ насъ, господъ; до того предубѣжденъ, что даже хорошее-то будетъ слушать отъ насъ недовѣрчиво. Ну, а мы, несмотря на это, всетаки хотимъ подходить къ нему не иначе, какъ власть имѣющіе, какъ тѣ-же гос

Digitized by Google

пода,—однимъ словомъ, даже и не можемъ иначе поступить, т. е. поступить пообиходнѣе, помягче, получше узнавъ, въ чемъ дѣло. «Народъ *глупъ*, слѣдственно его надо учить» — вотъ только это одно мы и затвердили, и если ужъ господами намъ предстать предъ нимъ не удастся, то, по крайней мѣрѣ, мудрецами предстанемъ... Впрочемъ, прервемъ на время наши разсужденія. Мы никакъ не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать тутъ-же сужденіе самого г. Щербины о нѣкоторыхъ нашихъ прогрессистахъ и умникахъ и вообще о такъ называемыхъ «знатокахъ» нашей родной жизни, готовящихъ себя въ ея руководители. Это золотыя слова!

„Иная книга и была составлена, повидимому, весьма умно, но въ народѣ все таки не прививалась, оттого, что какъ-то невольно сбивалась на нѣмца или француза, переодѣтаго по-мужицки, а между тѣмъ на чувство простолюдина скорѣй подѣйствовали переводы „Потеряннаго Рая“ или „Франциля Венеціяна“, чѣмъ книги, писанныя соотечественниками собственно для народа, его языкомъ и почерпнутыя изъ его исторіи и быта. На это стоитъ обратить вниманіе. Мы были неспособны инстинктивно, прямодушно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практически стать твердою ногою на его почву, поставить себя на его мѣсто, перенестись на степень его развитія. сердцемъ и умомъ уразумѣть его понятія, вкусъ и наклонности. Въ этомъ намъ не помогли ни таланты, ни познанія, ни наше европейское образованіе, и это оттого, что Россію знаемъ мы всего менѣе, что *началу національности почти не входитъ въ наше воспитаніе*; отсюда у насъ недостатокъ практичности, физіономіи, самодѣятельности мысли. Примемся-ли мы за самихъ себя, за явленія, факты и данныя нашей жизни, мы непремѣнно посмотримъ на нихъ въ какія либо *цвѣтныя стеклышки*, купленныя нами или въ Палерояле или на лейпцигской ярмаркѣ, или на отечественномъ толкучемъ рынкѣ.

„Къ тому-жь, мы сами, не замѣчая того, люди рутины по преимуществу, и у всякаго небольшаго періода времени есть своя рутина. Попробуй-ка кто отнестись безъ предубѣжденія, не съ низкопоклоннымъ анализомъ къ какой нибудь модной и находящейся во всеобщемъ употребленіи идейкѣ, или къ какому ни на есть кумирчику, которымъ мы крѣпки въ данную минуту: онъ будетъ смѣшанъ съ грязью .. Зато ужь, когда прорвется — намъ и гиганты нипочемъ: мы представляемъ собою, съ одной стороны, раболѣпіе, находясь въ крѣпостномъ состояніи у идеекъ и кумирчиковъ, съ другой, нетерпимость и деспотизмъ: у насъ тотъ, кто разнится съ нами въ убѣжденіяхъ — или умственно-ограниченный или недобросовѣстный человѣкъ. Слова нѣтъ, у насъ много благородныхъ идеаловъ, просвѣтленныхъ европейской наукой, но нѣтъ знанія многихъ условій, самомалѣйшихъ данныхъ, духа и обстановки нашей народной и мѣстной жизни. Мы въ практической жизни идеологи, и это частію и потому, что тутъ не требуется большаго труда. Мы не воспринимаемъ знанія всецѣло, органически, не начинаемъ своего изученія ab vo; съ насъ довольно послѣднихъ результатовъ мысли, верхушекъ знанія. Большинство изъ насъ не болѣе, какъ „начетчики“. У насъ очень легко дѣлаться умниками и передовыми людьми, попасть въ литературные или другіе какіе либо общественные дѣятели. У насъ только и существуютъ

Digitized by Google

что двѣ крайности: или свой собственный, доморощенный „глазомѣръ", или безусловное, безотносительное, рабски-догматическое принятіе какого либо ученія извнѣ. У насъ еще считаютъ образованнымъ благороднымъ, современнымъ и, главное, умнымъ человѣкомъ того, кто пріобрѣлъ кое-какія знанія *въ абсолютномъ смыслѣ, въ абсолютной сторонѣ и сущности вещей* и кто, имѣя самый обиходный разсудокъ, формулируетъ ихъ, при случаѣ, и разводитъ модными фразами и европейскими общими мѣстами. Притомъ-же, подобныя добродѣтели даже и лично выгодны въ наше время. Мы еще далеки отъ того убѣжденія, что истинный *разумъ* только у того, кто въ каждый извѣстный моментъ найдется и сможетъ понять *относительную сторону и значеніе вещей*—этотъ омутъ безпрестанно вращающихся, измѣняющихся и возникающихъ данныхъ, кто въ состояніи схватить и невидимую связь ихъ съ идеаломъ, и связь между собою... Да, тутъ ужь требуется самостоятельность, самодѣятельность мысли и прочная крѣпость знанія. Этого ужь не у кого вычитать... Но что-же дѣлать? Таковъ общій и, можетъ быть, не совсѣмъ зависящій отъ насъ недостатокъ нашего воспитанія"...

Истинно золотыя слова, благородныя и золотыя! Тутъ что ни слово, то правда. То, что отмѣчено въ этой выпискѣ курсивомъ,—отмѣчено самимъ г. Щербиною. Мы было съ своей стороны хотѣли тоже отмѣтить нѣкоторыя, наиболѣе мѣткія и правдивыя его выраженія курсивомъ,—да и не отмѣтили, потому что тутъ что ни фраза, то и отмѣчай ее крестомъ. Такъ мѣтко и истинно, что мы рѣдко читали что нибудь умнѣе этого сужденія. Жаль только, что немного отвлеченно высказано. Мы и такія-то истины не умѣемъ какъ-то высказать въ болѣе близкомъ приложеніи къ дѣйствительности, т. е. и умѣемъ, да у насъ это *не принято*. У насъ все болѣе сбивается на теорію, на знаніе въ *абсолютномъ смыслѣ*, въ *абсолютной сторонѣ вещей*, говоря словами самого г. Щербины. Далѣе, продолжая свою тираду, г. Щербина даже увлекается слишкомъ сильнымъ гнѣвомъ. Гнѣвъ его, конечно, благороденъ, но не совсѣмъ справедливъ, потому что ужь слишкомъ силенъ. Вотъ что говоритъ г. Щербина.

„Подобныя, повидимому, ничтожныя явленія невольно наводятъ на мысль о необходимости кореннаго преобразованія въ нашемъ воспитаніи и просвѣщеніи. Несостоятельность, пустота и безплодность ихъ очевидны: нѣтъ въ нихъ корней своей народности, себязнанія, нѣтъ въ нихъ прочной и строгой науки. Мы еще просты до того, что пустозвонство модныхъ современныхъ фразъ принимаемъ за образованность; мы благонамѣренны до того, что слово прогрессъ не сходитъ у насъ съ языка, а на самомъ дѣлѣ это слово у насъ не имѣетъ никакого значенія. Чтобъ дѣйствовать, нужно любить, чтобъ любить, необходимо знать то, что любишь... Мы-же не знаемъ того.. И вотъ, всѣ наши благородныя стремленія, что называется, „съ вѣтру" привились модою, приняты извнѣ з

Digitized by Google

догматъ, по силѣ всеобщаго авторитета, и самое чувство любви къ нашему дѣлу мы на себя „напустили".

„То кровь кипитъ, то силъ избытокъ" — ибо любить невозможно не зная".

Г. Щербина тутъ слишкомъ строгъ. Не можетъ быть, что тутъ одна «кровь кипитъ и силъ избытокъ», чтобъ мы чувство любви къ нашему дѣлу на себя «напустили». Мы не вѣримъ въ строгость такого приговора. Настоящее движеніе идей будетъ имѣть современемъ свою строгую и безпристрастную исторію. Тогда, можетъ быть, дѣло объяснится поглубже и поотраднѣе. Если посмотрѣть на дѣло не такъ отвлеченно, а нѣсколько попрактичнѣе, основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ, то между фактами, противными нашему мнѣнію, мы навѣрно найдемъ нѣсколько и благопріятствующихъ. Къ чему «одно худое видѣть?» Можно безпристрастно смотрѣть на дѣло и, не будучи заклятымъ оптимистомъ, *смѣшнымъ* оптимистомъ, потому что у насъ, при обнаруженіи каждаго мнѣнія, чрезвычайно боятся смѣшнаго. Оттого-то такъ и много людей, держащихся мнѣній болѣе *общихъ*, взглядовъ *наиболѣе раздѣляемыхъ*. Походить на всѣхъ—самое лучшее средство радикально избѣгнуть смѣшнаго. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что г. Щербина тоже нѣсколько наклоненъ придерживаться *общихъ мнѣній*, походить на всѣхъ. Взглядъ г. Щербины дѣйствительно раздѣляется *большинствомъ* нашихъ людей, наиболѣе благородныхъ и передовыхъ, а наши передовые естественно не могутъ, во взглядахъ своихъ на наше поколѣніе, значительно разниться съ думою Лермонтова, хотя эта дума предупредила насъ четвертью столѣтія. Конечно, между передовыми людьми еще не положено теперь принимать, чтобъ въ двадцать пять лѣтъ между нами произошелъ хоть какой нибудь прогрессъ; но невозможно, чтобъ его совершенно и не было. Мы увѣрены, что г. Щербина не потребуетъ отъ насъ именныхъ фактовъ для доказательства мнѣній нашихъ. Представимъ ему хоть, напримѣръ, одинъ случай,— именно слѣдующій: тамъ, гдѣ самъ г. Щербина, въ своей тирадѣ, которую мы выписали, говоритъ: «*мы* не знаемъ», «*мы* не вѣдаемъ»... «*мы* не любимъ»... «*мы* чувство любви на себя напустили»... «У *насъ* кровь кипитъ, у *насъ* силъ избытокъ», — это словцо *мы* у г. Щербины, вѣроятно, вездѣ поставлено для учтивости. Вѣдь не считаетъ-же онъ себя въ самомъ дѣлѣ въ этой-же категоріи, то есть нелюбящимъ, недозрѣвшимъ, любить неумѣющимъ, напустившимъ и проч. и проч. Иначе не сталъ-бы онъ такъ горячиться, такъ укорять, презирать, давать такіе совѣты. Ну, а если такъ, то вотъ ужь одинъ и есть, умѣющій и любить, и цѣнить, и дѣйствовать...

Digitized by Google

— Но вы какъ будто неискренни, скажутъ намъ: говорите какъ будто иронически, критикуете... Вотъ давеча вы, кажется, замѣтили, что ненадобно *учить*, что исключительное напираніе на невѣжество и предразсудки и исключительная забота, *какъ можно скорѣе* искоренять ихъ въ народѣ,—тоже своего рода невѣжество и предразсудокъ. Какая дичь!

— То есть мы было и осмѣлились замѣтить, отвѣчаемъ мы, но теперь даже и раскаеваемся, что сдѣлали это замѣчаніе. Для насъ оно ужасно щекотливо. «Попробуй-ка кто отнестись безъ предубѣжденія, не съ низкопоклоннымъ анализомъ къ какой нибудь модной и находящейся во всеобщемъ употребленіи идейкѣ, и къ какому ни на есть кумирчику, которымъ мы крѣпки въ данную минуту: онъ будетъ смѣшанъ съ грязью». Вотъ собственныя слова г. Щербины и мы именно чувствуемъ себя теперь въ этомъ положеніи.—Какъ! закричатъ намъ: не учить народъ, то есть *распространять* предразсудки, невѣжество, безграмотность!.. Обскуранты! Преступники!

Ужасно трудно иногда объясняться!

Боже насъ сохрани! Мы вовсе не про то говоримъ, что *учить не надо*. Сами-же мы только одно и кричимъ, только объ одномъ и возвѣщаемъ: грамотность! Грамотность! Учить, напротивъ, надо. Только много, слишкомъ много надо имѣть, по нашему мнѣнію, самоувѣренности, чтобъ думать, что народъ такъ вотъ и разинетъ ротъ, слушая, какъ мы будемъ его учить. Вѣдь народъ не совсѣмъ-же стадо. Мы даже увѣрены, что онъ самъ про себя смекаетъ, а если не смекаетъ, то хоть чувствуетъ, что мы, господа, сами еще чего-то не знаемъ, идя къ нему въ учителя, такъ что намъ самимъ прежде надо-бы кой-чему у него-же поучиться, а оттого и дѣйствительно не уважаетъ и всю нашу науку, по крайней мѣрѣ, не любитъ ее.

Всякій, имѣвшій когда нибудь дѣло съ народомъ, можетъ провѣрить на себѣ это впечатлѣніе. Вѣдь чтобъ народъ дѣйствительно слушалъ насъ разиня ротъ, надо прежде всего это заслужить отъ него, т. е. войти къ нему въ довѣріе, въ уваженіе; а вѣдь легкомысленное убѣжденіе наше, что стоитъ намъ только разинуть ротъ, такъ мы и все побѣдимъ—вовсе не заслужитъ его довѣрія, тѣмъ болѣе уваженія. Вѣдь онъ это понимаетъ. Ничего такъ скоро не понимаетъ человѣкъ, какъ тона вашего обращенія съ нимъ, вашего чувства къ нему. Наивное наше сознаніе въ нашей неизмѣримой передъ народомъ мудрости и учености покажется ему только смѣшнымъ, а во многихъ случаяхъ даже оскорбительнымъ. Вотъ вы г. Щербина, кажется, совершенно увѣрены, что народъ этого не

Digitized by Google

замѣтитъ, то есть того необыкновеннаго нашего превосходства передъ нимъ, съ которымъ мы приступаемъ къ составленію для него книги по вашей программѣ. Вы, г. Щербина, любите народъ—мы въ этомъ увѣрены — и изъ любви къ нему работаете. Но вѣдь любить-то просто мало; надо умѣть выказать любовь. Вы вотъ и хотите выказать вашу любовь тѣмъ, что будете учить народъ, хвалить его за добро и смѣяться надъ его зломъ, особенно стараясь преслѣдовать насмѣшкою его «отрицательныя стороны» и проч. и проч. Э! мало-ли кто его не училъ и не учитъ, мало-ли кто не смѣялся надъ нимъ и не смѣется! Вѣдь этимъ любви не докажешь, по крайней мѣрѣ, неудобно, да и надоѣстъ, наконецъ, столько учителей! А вдругъ къ тому-же, если народъ узнаетъ (а не узнаетъ, такъ какъ нибудь почувствуетъ), что вѣдь и насъ, обратно, онъ могъ-бы многому научить, а мы-то и ухомъ не ведемъ и не подозрѣваемъ этого, даже смѣемся надъ этой мыслью и подступаемъ къ нему свысока съ своими указками. А научить-то народъ насъ могъ-бы, право, многому; вотъ хоть-бы тому, напримѣръ, какъ намъ его-же учить. Вѣдь между нами попадаются иногда удивительные учителя. Иной, знаете, этакъ отъ почвы-то давно ужь отдѣлился, еще прадѣдушка его администраторомъ былъ, съ народомъ никакихъ общихъ интересовъ не имѣлъ, и за стыдъ почиталъ имѣть; развитіе-то у внучка вышло по преимуществу свысока, общечеловѣческое, научно-теоретическое, истины пошли идеальныя,—однимъ словомъ, человѣкъ вышелъ благороднѣйшій, но необыкновенно похожій на стертый пятиалтынный: видно, что серебро, а ни клейма, ни года, ни какой націи, французская-ли, голландская-ли, русская-ли монета—неизвѣстно. Иной изъ такихъ станетъ вдругъ фертомъ середи дороги, и ну искоренять предразсудки. Всѣ эти господа чрезвычайно и какъ-то особенно любятъ искоренять предразсудки, напримѣръ, суевѣтство, дурное обращеніе съ женщинами, поклоненіе идоламъ и проч. и проч. Многіе изъ нихъ уже написали объ этомъ цѣлые трактаты, другіе изучали эти вопросы въ университетахъ, иногда заграничныхъ, у ученыхъ профессоровъ, по прекраснымъ книжкамъ. И вдругъ этотъ «дѣятель» сталкивается, наконецъ, съ дѣйствительностью, замѣчаетъ какой нибудь предразсудокъ. Онъ до того воспламеняется, что тотчасъ-же обрушивается на него всѣмъ своимъ хохотомъ и свистомъ, преслѣдуетъ его насмѣшками, и, въ благородномъ негодованіи своемъ, харкаетъ и плюетъ на этотъ предразсудокъ, тутъ-же при всемъ честномъ народѣ, забывая и даже не думая о томъ, что вѣдь этотъ предразсудокъ покамѣстъ всетаки дорогъ для народа; мало того,—что никогда былъ-бы народъ и недостоинъ ни малѣйшаго уваженія, еслибъ

Digitized by Google

онъ слишкомъ легко, слишкомъ *по научному*, слишкомъ *вдругъ* способенъ-бы былъ отказаться отъ дорогаго и чтимаго имъ предмета. «Ты, баринъ, не смѣйся и не плюй, скажутъ ему мужики: вѣдь это намъ отъ отцовъ и дѣдовъ досталось; это мы любимъ и это чтимъ».—Тѣмъ скорѣе надо искоренять въ васъ этотъ предразсудокъ! кричитъ просвѣтитель: значитъ, тѣмъ глубже онъ въ васъ сидитъ; вотъ я и плюю на вашъ предразсудокъ, во первыхъ, потому, что онъ мои благородныя чувства возмущаетъ, а во вторыхъ, чтобъ вамъ-же, дуракамъ, показать, какъ я его мало цѣню: вы и учитесь на меня глядя.—Ну, что̀ съ такимъ дѣлать? Вѣдь этотъ господинъ не только неспособенъ смотрѣть на предметъ *исторически*, въ связи съ почвой и съ жизнью, но и человѣколюбиво-то смотрѣть неспособенъ, потому что и человѣколюбивъ-то онъ теоретически, по книжному. А ужь о томъ, чтобъ быть почтительнѣе къ народу, съ нимъ и говорить нечего. Ему дѣла нѣтъ, что этотъ предметъ только для него одного ничего не значитъ, а для другихъ онъ свидѣтель и знаменіе прошлой жизни, что онъ и теперь, можетъ быть, *вся* жизнь и знамя этой жизни. Да что̀ говорить! Мы вѣдь совершенно увѣрены, что г. Щербина знаетъ все это гораздо лучше и основательнѣе насъ. Съ его умомъ какъ не знать. Да вѣдь одного знанія мало; не мѣшало-бы быть и поосторожнѣе. А вѣдь слишкомъ исключительное и поспѣшное желаніе—прежде всего «обучить», «осмѣять насмѣшками» и «напасть на отрицательныя стороны» тоже своего рода неосторожность. Не лучше-ли подступить къ народу на болѣе ровныхъ основаніяхъ? Когда онъ увидитъ въ васъ по-менѣе *исключительнаго желанія учить*, то скорѣе вамъ повѣритъ. Учить дѣло превосходное, да вѣдь не всякаго учителя любятъ. А ужь если на то пошло, чтобъ учить и болѣе *ничего*, такъ не лучше-ли-бы прямо, съ перваго раза объявить откровеннѣе: «Вотъ смотри, народъ: я ученый, а вы всѣ дураки. Васъ учить пришелъ: слушайте и слушайтесь?» Вѣдь это, право, лучше. А то вы даже и тутъ подступаете съ подвохомъ и даже скрываете, что вы *исключительно* хотите учить и больше *ничего*. Хитрите вы очень и—*слишкомъ* ужь считаете народъ глупымъ; а вѣдь это для него обидно. Впрочемъ, вамъ наши слова навѣрно покажутся непонятными и даже придирчивыми. Мы и сами видимъ, что нечего разсуждать a priori. Приступимъ лучше прямо къ разбору вашего проекта. А для этого намъ необходимо сдѣлать изъ вашей-же статьи значительныя выписки.

„*Хрестоматія*, о которой мы упомянули, какъ-бы вызываетъ каждаго думавшаго о книгѣ для народнаго чтенія, изложить и свой планъ изданія ея. Разумѣется, такая книга назначается только для извѣстнаго времени

Digitized by Google

и потому на планъ ея должно смотрѣть не иначе, какъ относительно... но, во первыхъ, назовемъ ее:

«Читальникъ».

„Предполагается, что эта книга должна распространиться и войти въ народъ, какъ нѣкогда извѣстный *Письмовникъ Курганова*, почему редакція „Читальника" отчасти имѣетъ его въ виду по предмету содержанія и расположенія статей въ книгѣ. Назначеніемъ для народа обусловливается также внѣшній видъ, объемистость и дешевизна изданія.

„Относительно самаго названія книги *Читальникъ* можно сказать, по крайнему нашему разумѣнію, то, что оно составлено въ духѣ русскаго языка и простонародья, какъ, напримѣръ, отъ молитва „Молитвенникъ", отъ поминать „Поминальница", отъ пѣсня „Пѣсенникъ", отъ письмо „Письмовникъ" и т. д. *).

„Къ тому-жь, какъ намъ кажется, это названіе легко запечатлѣется въ народной памяти и сознаніи по формѣ своей и по внутреннему смыслу... Не называть-же стать „Хрестоматіей" или прямо „Книгой для народнаго чтенія и воскресныхъ школъ": это было-бы не практически и показало-бы недостатокъ знанія народа: не слѣдуетъ ему говорить, что, молъ, эту именно книгу онъ читать долженъ.

„Сперва слѣдуетъ сказать о внутреннемъ содержаніи книги и расположеніи статей, составляющихъ ее.

„При составленіи „Читальника", издатель имѣетъ въ виду: 1) основываясь на *психологическихъ соображеніяхъ*, онъ такъ располагаетъ отдѣлы и статьи въ книгѣ, чтобъ одинъ отдѣлъ, развивая понятія и подстрекая любопытство въ читающемъ, подготовлялъ его незамѣтно къ другому отдѣлу; прочтеніе другаго отдѣла подготовляетъ къ третьему и такъ далѣе, въ психической постепенности.

„Начиная со случаевъ повседневной жизни простолюдина, выраженныхъ рядомъ басенъ, притчей, пословицъ и т. п. (что всего ближе къ его собственной личности) и переходя отъ нихъ къ предметамъ видимой, окружающей его природы (землѣ, воздуху, небу), онъ совокупностью этихъ и другихъ статей послѣдовательно приходитъ въ концѣ книги къ чтенію о духовно-нравственныхъ предметахъ: положимъ, отъ басни Крылова *Крестьянинъ въ бѣдѣ* до стихотворенія Хомякова: *По прочтеніи Псалма*. 2) Основываясь на *практическихъ соображеніяхъ*, издатель, принявъ къ свѣдѣнію, какіе именно коренные недостатки существуютъ въ народѣ, недостатки общіе или свойственные въ особенности только нашему народу, такъ и подбираетъ содержаніе статей въ своей книгѣ. Издатель, сверхъ того, долженъ замѣчать, какія именно знанія необходимы въ условіяхъ народнаго быта и чѣмъ народъ интересуется. Въ послѣднемъ случаѣ ему укажутъ на это предметы, упоминаемые въ народныхъ стихахъ, пѣсняхъ, легендахъ, въ древне-русской народной письменности, изъ чего онъ увидитъ, что можетъ быть любо народу въ книгѣ. Тутъ также необходимо издателю принять въ разсужденіе успѣхъ

*) Въ русской литературѣ до-петровскаго періода встрѣчаются названія книгъ въ такой же формѣ: «Травникъ», «Мысленникъ», Громникъ», «Волховникъ», «Колядникъ» и проч. *Авт.*

Digitized by Google

у народа книжекъ въ родѣ: *Битвы русскихъ съ кабардинцами*, *Милорда Георга*, *Анекдотовъ о Балакиревѣ*, *Старичка-Весельчака*, *Новѣйшаго Астрономическаго и астрологическаго Телескопа Мамаева побоища* и т. п.

„Въ статьяхъ, назначенныхъ для духовно-нравственнаго развитія, берется содержаніе, выражающее гуманизмъ, или содержаніе, направленное противъ жизни спуста-рукава, противъ бездушнаго своекорыстія, самодурства. безобщественности, неуваженія къ человѣческой личности, къ праву другаго и тому подобнаго, замѣчаемаго исключительно въ нашемъ народѣ, какъ слѣдствіе, независящихъ отъ него, разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Все это по большей части и по возможности берется для книги представленнымъ въ образахъ, а не въ дидактическомъ и догматическомъ изложеніи, принимая во вниманіе, что нашъ народъ находится еще почти въ эпическомъ состояніи.

„Ясно, что вся книга должна быть направлена къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1) чтобъ доставить народу, при развитіи понятій, *познанія*, необходимыя, какъ воздухъ, каждому человѣку вообще и русскому простолюдину въ особенности; 2) чтобъ содѣйствовать въ народѣ къ бо́льшему развитію нравственнаго, человѣческаго чувства, въ строгомъ соображеніи съ духомъ, нравами, обычаями, исторіею, обстановкой и бытомъ русскаго простонародья. Притомъ-же, для народа нужно такъ составить книгу, чтобъ было въ ней: „чего хочешь—того просишь“.

И кромѣ того вы приписываете, по поводу вашего мнѣнія, что нужно говорить съ народомъ простымъ, яснымъ и отчетливымъ языкомъ, а не поддѣлываться подъ тонъ народный и не стараться разговаривать маленько-мужицкимъ слогомъ, слѣдующее:

„Всякая поддѣлка въ книгѣ подъ народный тонъ, всякое балагурство, ломанье передъ народомъ компрометтируютъ какъ извѣстную книгу, такъ и грамоту вообще въ глазахъ народа. Нашъ народъ уменъ и тотчасъ смекнетъ, кто подходитъ къ нему не спроста, а съ подвохомъ; это въ глазахъ его нѣкоторымъ образомъ сбивается на переодѣтыхъ по мужичьи господъ, собирающихъ народныя пѣсни, или на баръ, читающихъ мужику-сиволапу наставленіе, которое, какъ обыкновенно всякое наставленіе, всегда и всѣми пропускается мимо ушей“.

Остановимся хоть здѣсь. Вотъ видите,—вы сами противъ всякаго подвоха и говорите объ этомъ превосходно, особенно тамъ, гдѣ упоминаете про переодѣтыхъ по мужичьи господъ и про наставленія, пропускаемыя мимо ушей. Теорія у васъ иногда выходитъ очень хорошо, но на практикѣ вы тотчасъ-же себѣ противорѣчите. Будто вы сами подходите безъ подвоха, будто все, что мы теперь выписали—не своего рода подвохъ, начиная съ самаго названія книги: Читальникъ? Почему Читальникъ? Потому, дескать, что въ прежней литературѣ до-петровскаго періода встрѣчаются названія: Травникъ, Мысленникъ, Громникъ, Волховникъ, Колядникъ и проч. Но вѣдь то было въ до-петровской литературѣ. Тогда

Digitized by Google

названіе это произошло наивно, тогда всѣ эти книги (назначаемыя и для сословія высшаго) иначе и не назывались. Теперь-же книги называются иначе; для всѣхъ иначе, а для народа такъ вотъ по старому: «Читальникъ». Эта особенность можетъ поразить народъ: «значитъ-де для насъ и составлена особая книга, потому тѣ книги, знать, не про нашу честь»... Вѣдь послѣ такого разсужденія не прибавится уваженія къ «Читальнику», да и любящіе чтеніе изъ народа захотятъ скорѣе барскихъ книгъ, запрещеннаго плода, и будутъ уважать ихъ не въ примѣръ больше своей обиходной *холопской*, посконной книги. «Народъ не замѣтитъ», скажете вы. Врядъ-ли. А ну, какъ замѣтитъ? Ну, да положимъ, не замѣтитъ; но согласитесь въ томъ, что ужь излишнее, исключительное, до *мелочи* доходящее стараніе сдѣлать книгу какъ можно больше народною даже самымъ названіемъ ея — ужь рекомендуетъ отчасти все изданіе. Мы уже предчувствуемъ его дальнѣйшій характеръ и — не обманываемся. Сейчасъ-же послѣ этого вы говорите: «Не называть-же стать (книгу) «Хрестоматіей» или прямо «Книгой для народнаго чтенія и воскресныхъ школъ»: это было-бы непрактически и показало-бы недостатокъ знанія народа: не слѣдуетъ ему говорить, что, молъ, эту именно книгу онъ читать долженъ». Вотъ вы ужь и *обманываете* народъ, положимъ, съ благородною и возвышенною цѣлью; но не говоря уже о томъ, что самое это излишнее и мелочное стараніе ваше скрыть обманъ и наведетъ народъ на догадку объ обманѣ (названіе «Читальникъ» до того необыкновенное и *маленько-мужицкое*, что онъ тотчасъ догадается, потому что онъ гораздо умнѣе и догадливѣе, чѣмъ, кажется, вы предполагаете) — не говоря уже о томъ, опять-таки это стараніе скрыть отъ народа истину и подобмануть его, выказываетъ, не смотря на все благородство цѣли, что-то непріятное для народа. Вѣдь говорите-же вы дальше въ одномъ мѣстѣ, что хоть статьи о физической природѣ и надо выбирать изъ дѣтскихъ книгъ, но такъ, чтобы не по чему было замѣтить, что первоначально это писано для дѣтей. «Народъ съ одной стороны тоже дитя», говорите вы.

Разсмотримъ далѣе вашу выписку. Вы пишете:

„Основываясь на психологическихъ соображеніяхъ, издатель такъ располагаетъ отдѣлы статьи въ книгѣ, чтобы одинъ отдѣлъ, развивая понятія и подстрекая любопытство въ читающемъ, подготовлялъ его незамѣтно къ другому отдѣлу; прочтеніе другаго отдѣла подготовляетъ къ третьему и т. д., въ психической постепенности“.

или:

„Основываясь на практическихъ соображеніяхъ, издатель, принявъ къ свѣдѣнію, какіе именно коренные недостатки существуютъ въ народѣ—

Digitized by Google

недостатки общіе или свойственные въ особенности только нашему народу, *такъ и подбираетъ* содержаніе статей въ своей книгѣ". (Это *такъ и подбираетъ*—верхъ совершенства!).

И далѣе;

„Издатель, сверхъ того, долженъ замѣчать, какія именно *знанія необходимы* въ условіяхъ народнаго быта и чѣмъ народъ интересуется...„

Кромѣ того, что довольно поздно замѣчать это уже при составленіи самой книги,—а надо-бы знать по раньше, кромѣ этого,—что̀ я за особенный такой человѣкъ, подумаетъ про себя простолюдинъ, что мнѣ и знанія-то надо особенныя? Да я вотъ хочу знать, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Врешь! Рано тебѣ это знать, отвѣчаетъ благоразумный опекунъ:—ты мужикъ, а потому и долженъ знать про свое, про мужичье. Вотъ мы тебѣ тутъ *подобрали*..

Отвѣтъ, конечно, благоразумный и справедливый, и мужикъ, конечно, долженъ съ нимъ согласиться, но вѣдь слишкомъ-то явно высказывать это обидно. Вѣдь извѣстно, за что̀ люди иногда обижаются. Вонъ у Гоголя одинъ герой назвалъ другаго поповичемъ. Тотъ хотя и дѣйствительно былъ поповичъ, а неизвѣстно почему обидѣлся. А за что̀-бы, кажется?

Правда, мужикъ не догадается, вы вѣдь на это разсчитываете (я все забываю). Но въ самомъ дѣлѣ, что̀ за щепетильность, что̀ за предосторожности! Вѣдь, пожалуй, бросится въ глаза. Старанья-то *подбиранія* слишкомъ ужь много. Право, поменьше-бы съ вашей стороны этой исключительной заботливости и даже какой-то подозрительности — и ей-Богу было-бы лучше. Вы были бы тогда болѣе за-просто, болѣе на равныхъ основаніяхъ къ вашему будущему ученику-народу. — Ему-бы вотъ что̀ могло тогда придти въ голову: что вы для денегъ, для спекуляціи составили вашу книжку, и самый-то подборъ вашъ, который всетаки въ книгѣ остался-бы, хоть и въ меньшей степени, — послужилъ-бы тогда на пользу. Народъ-бы сказалъ: «Вишь хитрецы! Какъ хорошо про все расписали: заманиваютъ, чтобъ книжку раскупить!» И пусть-бы онъ такъ думалъ и прекрасно бы вышло, потому что книжку-то онъ тогда-бы купилъ. Конечно, тогда ужь народъ не догадался-бы обо всѣхъ нашихъ великодушныхъ стремленіяхъ, о нашемъ безкорыстіи, о томъ, что мы добровольно убытокъ приняли, чтобъ только его научить; но вѣдь и къ чему это? Во первыхъ, ужь, конечно, лучше приготовить себѣ награду на небеси, а во вторыхъ, если народъ догадался, то и книжку-то пожалуй-бы не купилъ. Вѣдь народъ глупъ; пожалуй еще махнетъ рукой на всѣ наши труды

Digitized by Google

да и скажетъ: «Та-же опека!» Вѣдь онъ тоже ужасно какъ мнителенъ. Спекуляція лучше; въ видимомъ желаніи выманить у народа деньги, право, было-бы больше съ нимъ панибратства и равенства, а вѣдь оно-то въ этомъ случаѣ и нужно, потому что народъ это любитъ и ужь, конечно, скорѣе довѣритъ своему брату, чѣмъ опекуну. А вашъ «Читальникъ» точно какой-то заговоръ. По крайней мѣрѣ, объ закладъ побьюсь, что книга, составленная по вашей программѣ, не имѣла-бы успѣха въ народѣ, т. е., можетъ, и распространилась-бы опекунскими средствами, но самъ-то народъ цѣнить ее много не будетъ. Даже, сдается мнѣ, будетъ смотрѣть на нее съ нѣкоторымъ страхомъ, особенно когда-бы давали ему ее въ награду за хорошее поведеніе и прилежаніе, приговаривая, какъ сказано у васъ въ программѣ, что онъ можетъ ее потерять, истрепать и проч... Но объ этомъ послѣ.

Воображаю я себѣ иную нянюшку: сядетъ она въ саду на лавочку съ нянюшками другихъ дѣтей, и начнутъ всѣ эти нянюшки *про свое* разговаривать, а чтобъ по покойнѣе быть на счетъ дѣтей, то имъ предварительно острастку зададутъ: «Слышь, Петя, вотъ ты здѣсь гуляй, а туда въ кусты не ходи, тамъ *окаянный* сидитъ, тебя въ мѣшокъ возьметъ и съ собой унесетъ». Мальчишка слушаетъ, и хоть онъ всего еще пяти лѣтъ, а, можетъ, ужь и понимаетъ, что нянька-то вретъ, что никакого тамъ нѣтъ окаяннаго, а, напротивъ, есть гдѣ поразгуляться, и маленькимъ своимъ умишкомъ уже смѣется надъ своей нянькой. Еслибъ я былъ мужикъ, право, мнѣ-бы ужасно было досадно, что меня считаютъ еще такимъ маленькимъ мальчикомъ и что обо мнѣ цѣлымъ секретнымъ комитетомъ заботятся, чтобъ меня на помочахъ водить: ей-Богу мнѣ-бы тогда (на мужичьемъ мѣстѣ) сдуру это представилось. Разумѣется, этого-бы ничего въ сущности не было. Напротивъ, любили-бы меня искренно, желали-бы мнѣ счастья, но мнѣ-то бы тогда такъ представилось. Впрочемъ, я вѣдь только по себѣ сужу, и, можетъ быть, потому такъ сужу, что я ужь такое дурное и неблагодарное существо. Я-бы и самъ зналъ тогда (то есть на мѣстѣ мужика), что учиться мнѣ надо и что я еще ничего не знаю, да вѣдь и опека-то надоѣдлива. Ишь: все сообразно моимъ порокамъ и недостаткамъ такъ и подобрано, даже отмѣчено, какія мнѣ знанія необходимы и чѣмъ я интересуюсь. Это, дескать, знай, а это не знай, потому рано, обожжешься. Прибавлю еще, что кромѣ всѣхъ моихъ дурныхъ качествъ, я еще ужасно мнителенъ и подозрителенъ, и никакъ не могу теперь и на мужичьемъ мѣстѣ представить себя безъ мнительности и подозрительности. Я-бы очень задумался и непремѣнно подумалъ-бы про себя: «Такъ чтожь, что

Digitized by Google

обожгусь? Обожгусь я, а не ты, моя забота». Однимъ словомъ поступилъ-бы самымъ неблагодарнымъ образомъ.

— Да вѣдь для твоей-же пользы, сиволапый! закричалъ-бы мнѣ благодѣтельный опекунъ.

Я-бы, разумѣется, не могъ-бы съ такимъ ученымъ человѣкомъ говорить и тутъ-же согласился-бы съ нимъ во всемъ. Даже, пожалуй, самъ-бы отъ себя прибавилъ, изъ политики: «Посѣки, батюшка; мужикъ балуется, такъ ты его и посѣки»,—а книжку всетаки-бы не купилъ. Въ нутро-бы она мнѣ не пошла.

— Баринъ мой добрый человѣкъ, продолжалъ-бы я думать про себя: — и проказникъ большой. Возлюбилъ ужь онъ меня очень за что-то, ужь совсѣмъ и не знаю за что̀, кажется, ничего ему не сдѣлалъ... такъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего возлюбилъ, ажно жутко становится. Вонъ книжку для меня сочинилъ... сколько труда-то небось принялъ, сердечный! «Поди, дескать, обучись, чтобъ мнѣ было съ тобой о чемъ разсуждать и чтобъ я могъ съ тобой дѣла имѣть; а выучишься по одной книжкѣ всѣмъ наукамъ, другую такую-же дадутъ, тоже со всѣми науками». И имя ей «Читальникъ»: прямо, стало быть, объяснено, что читать ее надо. Вотъ тутъ-то и штука: У господъ книги, а у меня еще только «Читальникъ». Это значитъ до настоящей, заправской книги ты, братъ, еще не доросъ. И «Читальникъ»-то отъ тебя по тихоньку, цѣлымъ комитетомъ сочиняли, чтобъ ты не догадался, что для тебя нарочно его сочиняютъ, да еще, чтобъ милѣй тебѣ былъ этотъ самый «Читальникъ», справлялись, розыскивали и въ разсужденіе брали: почему тебѣ нравится «Милордъ Георгъ», да «Битва русскихъ съ кабардинцами». Ишь сколько объ тебѣ заботы было, о простомъ мужикѣ! Чувствуешь-ли это? — Спасибо господамъ, продолжаю я думать про себя: хорошо, что я вотъ, сиволапый мужикъ, ни объ чемъ объ этомъ не могу теперь догадаться; потому гдѣ-жь мнѣ, безъ университетскаго образованія, объ этомъ догадаться? А то, пожалуй, при университетскомъ-то образованіи, я-бы и отмочилъ такую штуку опекунамъ: «Неужели, дескать, вы, православные опекуны, думаете, что ужь если я знаю кто такой графъ Кавуръ, или про то, что въ болотной водѣ водятся инфузоріи, такъ ужь совсѣмъ я и глупъ и ужь больше ничего не пойму? Неужели-жь вы вправду думаете, что народъ не пойметъ, что вы хоть и ужасно хотите обучить его чему-то, но въ то-же время и ужасно хотите скрыть отъ него что-то, по той причинѣ, что онъ до того не доросъ? Нѣтъ, подлинно счастье, что я не получилъ университетскаго образованія (это я все продолжаю про себя думать), и потому ничего этого теперь не понимаю. А то-бы, при университет-

Digitized by Google

скомъ-то образованіи, помянулъ-бы вамъ одно словечко князя Талейрана: «Pas de zèle, messieurs, surtout pas de zèle!» Ну, да вѣдь вы знаете анекдотъ лучше меня, мужика»...

Написали мы все это теперь и сами испугались: что̀, если разсердятся на насъ читатели и закричатъ намъ: «Неужели вы всѣ эти «хитрости» признаете за г. Щербиной? Неужели онъ не хлопочетъ объ настоящемъ образованіи народа? Неужели-жь необходимую осторожность его вы признаете за умышленно-злонамѣренную скрытность? Да! Такъ всегда бываетъ у насъ въ литературѣ! Чуть только благородно-мыслящій и ищущій добра человѣкъ примется за какое нибудь полезное дѣло, тотчасъ-же заскрипятъ на него рецензенты, какъ ищейки начнутъ искать недостатковъ, начнутъ искать къ чему-бы придраться, что̀-бы такое обругать, — и вовсе не для общественной пользы, а просто рука зудитъ, хочется колкихъ словъ насказать, свое остроуміе показать, безъ дѣла свое знаніе дѣла выставить. La critique est aisée, mais l'art est difficile. Напишите-ка лучше сами свой проектъ, да прямо дѣломъ и разубѣдите насъ, а не голословными рецензіями. Тогда, можетъ, обратятъ и на васъ вниманіе»...

Вотъ этихъ-то криковъ мы и боимся. Главное, боимся того, чтобы не сказали, что мы хотимъ обругать проектъ г. Щербины. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ! Искренно говоримъ, что мы невиноваты ни въ чемъ передъ г. Щербиной и, при взглядѣ на превосходный трудъ его, кромѣ самой искренней благодарности и чувствовать ничего не можемъ. Мы только невольно перенесли себя въ темную и недовѣрчивую массу народа и намъ *показалось*, что все, что̀ мы выше написали, можетъ какимъ нибудь процессомъ придти ему на умъ, такъ что онъ встрѣтитъ книгу г. Щербины (когда онъ издастъ ее) не съ надлежащей симпатіею, а даже, можетъ быть, съ недовѣрчивостью. Повторяемъ: намъ это такъ *показалось*, а вѣдь мы, разумѣется, можетъ ошибиться (чего въ настоящемъ случаѣ и желаемъ себѣ). Приступимъ-же опять, оговорившись нѣсколько передъ публикой, къ продолженію подробнѣйшаго и обстоятельнѣйшаго изложенія всего проекта г. Щербины. Весь этотъ проектъ «Читальника» прелюбопытнѣйшая вещь, по цѣли своей необыкновенно замѣчательная. Объ чемъ-же болѣе значительномъ и занимательномъ и говорить, если ужь это не занимательно? Предупреждаемъ заранѣе: все это такъ умно, такъ хитро составлено, такъ подобрано, подведено, разсчитано, разлиневано, до такихъ мелочей обдумано и предусмотрѣно, что нѣтъ возмож-

Digitized by Google

ности не признать самаго совѣстливаго труда въ проектѣ г. Щербины, нѣтъ возможности не благодарить за этотъ трудъ и даже не полюбоваться невольно этой отдѣлкой, отчеканкой труда, его послѣдовательностью и отчетливостью. Впрочемъ, еще разъ повторяемъ: если намъ что̀ и не нравится въ этомъ проектѣ, если что̀ и смущаетъ насъ, такъ именно—это излишняя старательность; именно то, что это такъ излишне умно, излишне предусмотрѣно и разлиневано; то есть не нравится именно то, что ужь все это слишкомъ хорошо:—впечатлѣніе, конечно, нелѣпое, но въ природѣ иногда случающееся. Даже самыя психологическія основанія проекта, и тѣ точно циркулемъ вымѣрены, точно изъ души нашего мужичка извлеченъ квадратный корень. И все это такъ спокойно, съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ извлечено... Но къ дѣлу.

Проектъ раздѣляется на собственно проектъ и на предварительныя соображенія. Мы уже представили начало этихъ соображеній, этихъ основныхъ воззрѣній, на которыхъ зиждется все зданіе проекта, а вмѣстѣ съ тѣмъ представили и впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ началомъ. Далѣе г. Щербина, продолжая свои соображенія, говоритъ, что отъ *книги* народъ менѣе всего требуетъ паясничества и скоморошничества, какъ-то: завитковъ, прибаутокъ, простонародныхъ шутливыхъ реченій и проч. и что печатное слово для него какъ-бы святыня, а не гаерскій балаганъ, и что, наконецъ, ему по сердцу такъ называемый высокій чувствительный слогъ, вслѣдствіе чего «Битва русскихъ съ кабардинцами» и расходится у него въ тысячахъ экземпляровъ. Сдѣлавъ это превосходное и даже довольно вѣрное замѣчаніе (хотя и не всегда, потому что *настоящая* остроумная шутка тоже понимается народомъ и онъ отлично способенъ оцѣнить ее), г. Щербина предлагаетъ помѣщать въ «Читальникъ» статьи серьезныя и важныя, въ родѣ «покоренія Казани» изъ исторіи Карамзина. И чтеніе *важное* и *познаніе* одного изъ событій отечественной исторіи у народа останется. Но на фантастическое и сверхъестественное г. Щербина обрушивается всѣмъ своимъ гнѣвомъ и рѣшительно изгоняетъ изъ «Читальника» все «фантастическое», потому что у народа и безъ того много суевѣрій (и не смотря на то, замѣчаемъ мы отъ себя, что народъ страшно любитъ фантастическое и съ жадностью читаетъ его, или слушаетъ какъ читаютъ). По нашему, все это прекрасно, но опять то-же, что̀ и прежде, т. е. страшная заботливость, страшная разлиневанность, въ томъ что̀ надо и чего не надо, подозрительность и опасенія, доходящія до болѣзни. «Не подходи, не подходи! Ты съ вѣтру!» кричитъ Обломовъ. Конечно, книга для народа авторитетъ, автосъ-эфа, какъ выражается г. Щербина,

Digitized by Google

но вѣдь и не такой-же народъ ипохондрикъ, какъ *ипохондрикъ* г. Писемскаго—всего боится: дунетъ вѣтерокъ, такъ сейчасъ и смерть. Фантастическаго, конечно, отнюдь не надо. Но г.-то Щербина смотритъ на свою «книгу для народа» ужъ слишкомъ преувеличенно, точно воображаетъ, что въ ней начало и конецъ всей народной будущности, его образованіе, его университетъ, его счастье на тысячу лѣтъ впередъ; воображаетъ, что если народъ чуть-чуть прочтетъ и услышитъ хоть одну строчку неладную—тутъ ужъ тотчасъ ему и капутъ. Г. Щербина до того мнителенъ, что даже басенъ Крылова не хочетъ назвать баснями, а предлагаетъ прямо выставить одно названіе, напримѣръ: *Крестьянинъ и работникъ*, *Два мужика* и подписать подъ ними «Крыловъ». Все это на томъ основаніи, что басня, будто-бы, принимается въ народѣ какъ пустяки и что «это даже можно заключить изъ пословицы и поговорки: «соловья баснями не кормятъ», или «бабьи басни». Ну, ужъ это слишкомъ, да и басни-то вовсе не въ такомъ неуваженіи у народа. Сколько ихъ между нимъ ходитъ, да еще преостроумныхъ, съ намеками. Вѣдь народъ понимаетъ, что̀ такое басня. Иначе вы хоть и *скроете* отъ него, что это басня, но ужъ однимъ стихотворнымъ разсказомъ собьете его съ толку. Въ этомъ даже было-бы больше опасности. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ народъ былъ до такой степени недоумокъ, какъ вы о немъ предполагаете, то, конечно, остановился-бы на стихахъ: скоморошничество, дескать, не по человѣчески писано, въ рифму. Вы предполагаете даже выбирать басни, гдѣ дѣйствуютъ люди, а не животныя. «Говорящія животныя и деревья покажутся народу бахарьствомъ, мороченіемъ, чѣмъ-то шутовскимъ, въ ущербъ кредиту и авторитета книги», говорите вы. Будто? Да развѣ басня-то не изъ народа вышла? Народъ разберетъ, что это форма искусства, не безпокойтесь. Право, онъ не такъ глупъ и не до такой степени ограниченъ, какъ вы предполагаете.

Далѣе г. Щербина предполагаетъ изложеніе нужныхъ и общелюбопытныхъ предметовъ, особливо изъ физической природы, но съ тѣмъ, что издатель книги хотя и можетъ почерпать всѣ эти изложенія изъ дѣтскихъ книгъ, написанныхъ для старшаго возраста, но долженъ избирать такія мѣста, чтобъ не по чему было замѣтить, что писано для дѣтей. Ибо «народъ съ одной стороны то-же дитя», замѣчаетъ г. Щербина.

Какую щепетильную обидчивость сами вы предполагаете въ народѣ и какъ вы боитесь его! Какая микроскопическая предусмотрительность!

Далѣе долженъ слѣдовать отдѣлъ историческій. Отъ народной

Digitized by Google

исторической пѣсни и легко понятнаго по языку сказанія лѣтописи должно *постепенно* и *послѣдовательно* перейти къ мѣстамъ почерпнутымъ изъ отечественныхъ историковъ».

Во первыхъ, къ чему такая осторожная *постепенность* и *послѣдовательность?* Что̀ вы, въ университетъ, что-ли, народъ, готовите? Ну, а если онъ возьметъ да развернетъ книгу наразбивъ и «отечественныхъ-то историковъ» прочтетъ прежде *лѣтописей* и *народныхъ пѣсенъ?* Чтожь онъ, тутъ-же сейчасъ и пропадетъ отъ этого? Всѣ ваши труды тогда пропадутъ! Развѣ ужь на заглавномъ листѣ книги напечатать, что книгу сію нельзя читать наразбивъ. Всего-бы лучше черезъ земское начальство дѣйствовать и начальствомъ приказать непремѣнно читать сподрядъ, въ строгой *постепенности* и *послѣдовательности*, начиная отъ народной *исторической* пѣсни до отечественныхъ историковъ включительно и т. д.

Конечно, народу не по душѣ отрывочность, но для чего непремѣнно приводить въ «Читальникъ» *подлинную грамоту* о призваніи на царство дома Романовыхъ? Къ чему *подлинную* грамоту? Если вамъ хочется разсказать народу это событіе, то можно разсказать своими словами, теперешнимъ языкомъ, а не употреблять въ дѣло *грамоту*, собственно потому, что «она написана языкомъ народнымъ (какимъ это народнымъ?), въ смѣшеніи съ церковно-славянскимъ, уважаемымъ народомъ». Для чего это? И почему церковно-славянскій языкъ будетъ милѣе народу? Развѣ тѣмъ, что непонятнѣе? Но г. Щербина замѣчаетъ:

„Подобнаго рода составъ книги способенъ воспитывать народъ на положительной, коренной почвѣ его народности и исторіи, развивать и направлять его здорово и органически, чего, къ сожалѣнію, недостаетъ и намъ, освѣщаемымъ даже солнцемъ съ запада".

Вотъ то-то и есть, что вы, кажется, всего разомъ хотите достигнуть однимъ нашимъ «Читальникомъ»: и воспитанія, и образованія, и развитія народнаго—и все это одной вашей книжкой. Вы не для того составляете ее, чтобъ просто доставить пріятное и полезное чтеніе народу. Нѣтъ, вы разомъ хотите достигнуть чуть не университетскаго образованія. Мы не клевещемъ на васъ: это просто въ глаза бросается. Иначе не стали-бы вы такъ щепетильничать, выдумывать такія *послѣдовательности*, чтобъ одно выходило изъ другаго и изъ себя выпускало третье. Не боялись-бы, что народъ прочтетъ одну статью прежде другой. Нѣтъ, для такой цѣли не составляются Читальники, и непремѣнное желаніе достичь этой цѣли невольно придастъ вашей книгѣ педантизмъ, сбивчивость и, главное, нестерпимую сушь.

Мы вовсе не противъ вашихъ стремленій; мы восхищаемся ва-

Digitized by Google

шимъ умомъ и вашей старательностью искренно. Вотъ вы, напримѣръ, далѣе требуете, чтобъ въ «Читальникъ» вошли и юридическія статьи, для просвѣтленія народа и даже для поднятія его нравственности, и медицинскую статью «гигіеническаго содержанія», на томъ основаніи, что у насъ слишкомъ много «мретъ и калѣчится понапрасну народа отъ совершеннаго отсутствія самыхъ простыхъ, общихъ и необходимыхъ гигіеническихъ свѣдѣній». (Изъ этого слѣдуетъ, что народъ, прочтя «Читальникъ», тотчасъ-же перестанетъ умирать и «калѣчиться понапрасну», ибо будетъ уже имѣть гигіеническія свѣдѣнія. Мы не глумимся, мы понимаемъ, что и сами вы не разсчитываете на такое немедленное вліяніе на народъ вашего «Читальника», но какъ будто вы ожидаете этого вліянія: такое именно впечатлѣніе производитъ «Читальникъ»). Далѣе у васъ предположено помѣстить календарныя свѣдѣнія, словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ во всеобщее употребленіе (NB: когда еще множество русскихъ словъ, употребляемыхъ въ образованномъ обществѣ, неизвѣстно народу), и, наконецъ, къ довершенію всего, вы предполагаете растолковать народу: „*какія есть науки?*“, то есть разомъ растолковать ему сущность всѣхъ наукъ на свѣтѣ.

„Заключительнымъ отдѣломъ книги—говорите вы—будетъ отдѣлъ *нравственнаго содержанія*, къ послѣдовательному и психически-постепенному воспріятію которыхъ будетъ предпосланъ *отдѣлъ беллетристическій*, нѣчто въ родѣ *антологіи* для народа, въ которой, впрочемъ, по извѣстнымъ практическимъ соображеніямъ, не можетъ быть принята исключительно одна эстетическая цѣль. Въ пьесахъ, мѣстахъ и отрывкахъ этого отдѣла. подъ болѣе или менѣе художественной оболочкой, всегда будетъ заключаться или какое либо историческое и другаго рода свѣдѣніе фактъ или гуманическая и духовно-нравственная идея, нужная въ особенности нашему народу“.

Все это прекрасно и полезно, умно и великолѣпно; одно предшествуетъ другому, одно истекаетъ изъ другаго, однимъ отдѣломъ «душа простолюдина» подготовляется къ другому отдѣлу и т. д. Чего лучше? Начинается формулированіе нашего проекта. Вы говорите:

„Чтобъ яснѣе представить содержаніе, расположеніе, организмъ книги, необходимо здѣсь сформулировать ее въ *отдѣлы*, чѣмъ яснѣе можно усмотрѣть существенныя свойства логики, практическихъ и психологическихъ соображеній, которыя издатель кладетъ въ основу состава своего „Читальника“. Здѣсь, разумѣется, указаны будутъ *всѣ отдѣлы* и *нѣкоторыя*, *на первый случай*, статьи въ нихъ“.

Начинаются отдѣлы:

Первый отдѣлъ. «Настоящее жизни. Житейская мудрость, соб-

Digitized by Google

ственно практика жизни обиходной, изображенная въ художественныхъ формахъ».

Подъ такимъ пышнымъ заглавіемъ помѣщаются басни Крылова, Хемницера, Дмитріева, Измайлова, сказки въ родѣ «О правдѣ и кривдѣ» (NB: можно-бы и позанимательнѣе, и посовременнѣе) далѣ-изъ «Памятниковъ старинной русской литературы» Н. Костомарова, «О мудрецѣ Керимѣ» Жуковскаго, небольшіе разсказы Даля, какъ-то «Ось и чека», анекдоты (самые незамысловатые), притчи въ родѣ «Притча о хмѣлѣ», изъ «Памятниковъ Костомарова, народныя пословицы, *самыя стереотипныя* (т. е. вѣроятно, тѣ, которыя народъ и безъ «Читальника» знаетъ) загадки для гимнастики ума, изреченія и т. п.

„Этотъ отдѣлъ помѣщенъ въ началѣ книги съ разсчетомъ, чтобы завлечь на первый разъ читателя художественной приманкою поучительной мысли, съ перваго раза понимаемой, непосредственнымъ простодушіемъ формы, любопытною занимательностью, цѣлостною краткостью выраженія мысли и факта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ неискушенную душу заронить нравственно-практическія правила жизни въ повседневныхъ ея явленіяхъ".

Ну, чѣмъ это, кажется, не отдѣлъ? Народъ зачитается, да и только. Правда, на первый случай къ чему-бы, кажется, столько «памятниковъ» старинной русской литературы? Что нибудь по свѣжѣе было-бы пріятнѣе. Но какъ вспомнимъ, что безъ этого народъ «не будетъ воспитанъ на положительной, коренной почвѣ его народности и исторіи», то и увидимъ, что памятники эти необходимы.

Все это отлично хорошо; но всего лучше мысль г. Щербины, что какъ только народъ прочтетъ этотъ первый отдѣлъ, то тотчасъ же въ неискушенную душу его и заронятся нравственно-историческія правила жизни въ повседневныхъ ея явленіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приготовятъ ее ко второму отдѣлу. Съ этимъ-то разсчетомъ и помѣщенъ между прочимъ этотъ отдѣлъ, какъ увѣряетъ самъ г. Щербина. Ну, какъ-же не поблагодарить за такое стараніе и не пожелать успѣха?

Кстати, замѣтимъ кое-что о «неискушенной душѣ» народа, благо къ слову пришлось. Вообще душу народа какъ-то ужь давно принято считать чѣмъ-то необыкновенно свѣжимъ, непочатымъ и «неискушеннымъ». Намъ-же, напротивъ, кажется (т. е. мы въ этомъ увѣрены), что душѣ народа предстоитъ поминутно столько искушеній, что судьба до того ее *починала*, и нѣкоторыя обстоятельства до того содержали ее въ грязи, что пора-бы пожалѣть ее бѣдную и посмотрѣть на нее поближе, съ болѣе христіанскою мыслью

Digitized by Google

и не судить о ней по Карамзинскимъ повѣстямъ и по фарфоровымъ пейзанчикамъ.

Всѣ эти «отдѣлы»—рѣшительные «подвохи» и «подходы».

За этимъ первымъ отдѣломъ слѣдуетъ еще пять отдѣловъ, въ стройномъ порядкѣ, одинъ вызывая другаго. Но мы, для короткости, разскажемъ объ нихъ своими словами.

Второй отдѣлъ, это—*прошедшее жизни*, т. е. историческія свѣдѣнія, картины, разсказы, статьи географическаго содержанія. Онъ начинается русскими *историческими пѣснями*, затѣмъ слѣдуютъ мѣста изъ историческихъ лѣтописей, хронографовъ и проч. Затѣмъ *Акты и грамоты*. (Вы не вѣрите?—рѣшительный университетъ!). Затѣмъ... какъ вы думаете, что? «Слово о полку Игоревѣ» въ переводѣ Дубенскаго! Это ужь изъ рукъ вонъ! Да чѣмъ можетъ быть занимательно «Слово о полку Игоревѣ» *теперь* народу? Вѣдь оно занимательно для однихъ ученыхъ и, положимъ, для поэтовъ; но и на поэтовъ-то наиболѣе дѣйствуетъ древняя форма поэмы. Народъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи: чтожь пойметъ онъ въ «Словѣ»? Вѣдь онъ найдетъ въ немъ одну смертельную скуку, да бездну непонятнаго, необъясненнаго. Вотъ что значитъ жертвовать всѣмъ для *ученаго образованія* народа! «Иначе какъ-бы онъ воспитался на положительной коренной почвѣ его народности и исторіи?» Точно не было для этого чего нибудь несравненно занимательнѣе и не такъ страннаго!

Затѣмъ слѣдуютъ историческія стихотворенія русскихъ поэтовъ, какъ-то: «Малое слово о Великомъ (Петрѣ I)» Бенедиктова, и проч. Намъ кажется, лучше-бы сперва сообщить что нибудь народу о Петрѣ, а потомъ уже воспѣвать его.

Отсюда переходъ къ историческимъ разсказамъ и мѣстамъ изъ писателей отечественной исторіи (ну, это хорошо), потомъ біографіи: Ермакъ, Мининъ, Ломоносовъ, Кулибинъ; потомъ статьи русско-географическаго содержанія: Петербургъ, Москва, Кіевъ, Сибирь и проч. Наконецъ, разсказы изъ всеобщей исторіи и географіи (въ гораздо меньшемъ количествѣ статеекъ), въ родѣ: Александръ Македонскій, Наполеонъ, Колумбъ, Царьградъ.

Этимъ кончается второй отдѣлъ и наступаетъ третій: *Видимость*, т. е. среда жизни, окружающая человѣка природа.

Въ этомъ отдѣлѣ: о землѣ, о воздухѣ, о небѣ и—объ инфузоріяхъ! Къ чему смущать народъ безъ нужды инфузоріями? Къ чему прежде времени всѣ эти тайны нѣмецкой науки? Къ чему это нестерпимое желаніе учить—*поскорѣй*, *всему* научить? Не любитъ народъ такихъ учителей, прямо становящихся передъ нимъ его воспитателями и *владѣтелями-просвѣтителями*. Не въ инфу-

Digitized by Google

зоріяхъ дѣло, а въ этомъ желаніи скороспѣлаго обученія. Народъ *исторически* наклоненъ къ недовѣрчивости, къ подозрительности; не повѣритъ онъ *доброму* въ вашихъ желаніяхъ и не полюбитъ васъ: а вѣдь прежде всего надо-бы стараться заставить себя полюбить. Сушь, предписанія, ученость, система, инфузоріи; это, дескать, знай, это не знай—вотъ вашъ «Читальникъ»!

Въ IV отдѣлѣ—энциклопедія и справочное мѣсто. Тутъ помѣщено: какія есть науки? Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка (что̀ необходимо, замѣчаетъ г. Щербина, *при чтеніи газетъ* и *въ повседневномъ быту*.. для народа-то? и теперь?). Затѣмъ излагаются юридическія свѣдѣнія, необходимыя для крестьянина, затѣмъ гигіеническія, затѣмъ календарныя, однимъ словомъ — употреблены рѣшительно всевозможныя средства, чтобъ народъ немедленно спросилъ: зачѣмъ всѣ другія книги не такъ написаны, а эта вотъ такъ написана? — и особенно задумался-бы надъ этимъ.

За этимъ IV отдѣломъ начинается вторая часть книги. Во второй части являются матеріалы для духовно-нравственнаго развитія. Предполагается, что она будетъ напечатана болѣе ёмкимъ, убористымъ шрифтомъ. Начинается она

V отдѣломъ, *Антологіей для народа,* который, кажется, самый лучшій отдѣлъ во всей книгѣ, хотя-бы по тому одному, что всѣхъ занимательнѣе. Въ немъ, видите-ли, будутъ «систематически» (непремѣнно систематически) расположены цѣлыя пьесы и *мѣста изъ народной словесности и русскихъ писателей, способныя развивать и направлять народъ гуманически* *). Однимъ словомъ, все будетъ расположено съ ужимкой, да и самый отдѣлъ этотъ устроенъ тоже не самъ по себѣ, а чтобъ «подготовить» читателя къ послѣднему, заключительному въ книгѣ отдѣлу. Въ него входятъ пѣсни и стихи, но болѣе проза. Для характеристики отдѣла обозначаются даже нѣкоторыя изъ выбранныхъ мѣстъ и стихотвореній. Замѣчено тоже, что изъ народныхъ пѣсенъ должно помѣщать только тѣ, которыя «выражаютъ гуманическое чувство, или *горько-осуждающія какой либо коренной недостатокъ въ народныхъ нравахъ и обычаяхъ*». Вотъ подходъ, такъ подходъ! Даже и пѣсни-то веселыя на запрещеніи.

Вслѣдъ затѣмъ и помѣщаются: Кольцова — какъ вы думаете, что̀? Ужь разумѣется: «Что̀ ты спишь, мужичекъ», или: «Ахъ зачѣмъ меня силой выдали».

---

*) Подчеркнуто у автора.

Digitized by Google

Пѣсни, разумѣется, прекрасныя, полныя самой свѣжей поэзіи, безсмертныя произведенія Кольцова. Да вѣдь развѣ мы здѣсь пѣсни хулимъ?

Ну ужъ, разумѣется, затѣмъ и Никитина стихотворенія, и графа А. Толстого, и Цыганова, и Шевцова, и Некрасова — всѣ подобранныя подъ одинъ тонъ; а «также стихотворенія въ этомъ родѣ» Пушкина, Языкова, Майкова, Мея, Берга и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ считается *необходимымъ* помѣстить и Лермонтова «Пѣсню про купца Калашникова»... неужели не догадались, зачѣмъ? А затѣмъ, что «въ ней выражено чувство чести по отношенію къ женѣ, *чего большею частію не достаетъ нашему простонародью*».

Затѣмъ переводы въ стихахъ разныхъ сербскихъ, болгарскихъ и проч. пѣсенъ; затѣмъ проза: народные славянскіе разсказы и преданія изъ книги Боричевскаго, изъ памятниковъ старинной русской литературы Костомарова; анекдоты изъ жизни Петра Великаго, Суворова, Наполеона; отрывки изъ романовъ Загоскина, Лажечникова, изъ разсказовъ Л. Толстого.

Это, разумѣется, очень хорошо.

И затѣмъ переходъ къ VI и послѣднему отдѣлу. Этотъ отдѣлъ представляетъ *чтеніе для необходимыхъ духовныхъ потребъ и высшаго развитія (собственно въ народномъ смыслѣ)*». Онъ состоитъ изъ частей «догматической», «исторической», «практически-нравственной» и «духовно-нравственной» и заключаетъ въ себѣ, для примѣра, слѣдующія вещи:

Символъ вѣры, Молитву Господню и Десять заповѣдей. (Должно быть напечатано церковно-славянскимъ шрифтомъ, для ознакомленія народа съ церковно-славянскимъ шрифтомъ и «*чтобъ придать книгѣ болѣе вѣса и авторитета*»).

Затѣмъ: разсказы изъ священной исторіи, изъ «книги премудрости Іисуса, сына Сирахова», мѣста изъ Евангелія, переведеннаго на русскій языкъ, послѣдніе дни Іисуса Христа изъ книги Иннокентія, мѣста изъ объясненій на литургію, изъ сочиненій Гоголя и другихъ, изъ «Начертанія христіанскихъ обязанностей» Кочетова, изъ поученій Иродіона Путятина, слово о пьянствѣ Тихона Задонскаго. Затѣмъ слѣдуютъ статьи «церковно-историческаго и священно-географическаго содержанія», какъ-то: принятіе христіанства Константиномъ Великимъ, принятіе христіанства на Руси Владиміромъ, житіе нѣкоторыхъ мучениковъ, житіе св. Ольги, Кирилла и Меѳодія, Нестора-лѣтописца. Описаніе святыхъ мѣстъ: Іерусалима, Виѳлеема, Аѳона, — извлеченіе изъ путешествій Барскаго, инока Парѳенія, *Муравьева* и проч. Затѣмъ стихотворенія духовно-нравственнаго содержанія и даже ода «Богъ» Державина.

Digitized by Google

Опять-таки повторяемъ: все это, разумѣется, превосходно и отлично *подобрано*. Авторъ въ заключеніе говоритъ:

„Такъ представлялись пишущему эти строки содержаніе и строй книги для народа и воскресныхъ школъ. Все, что написано здѣсь, взято изъ непосредственнаго наблюденія и опыта въ средѣ народной и изъ многообразія относительныхъ данныхъ и явленій насущной, практической жизни, возведено въ мысль, которая, можетъ быть, еще далека отъ надлежащаго требованія, но зато высказана по крайнему разумѣнію и убѣжденію нашему. Никто не можетъ отрѣшиться вполнѣ отъ своей среды, отъ своего воспитанія и потому и статья эта, вѣроятно, имѣетъ свойственные ей недостатки".

Что̀ сказать на это? Мы, кажется, уже все высказали. Припомнимъ, впрочемъ, здѣсь нѣсколько словъ, сказанныхъ объ «Читальникѣ» нашимъ фельетонистомъ, въ майскомъ номерѣ нашего журнала. Намъ кажется, что эти нѣсколько строкъ могутъ послужить хорошимъ заключительнымъ словомъ и къ нашей теперешней статьѣ.

...«Изъ смѣси двухъ старыхъ жизней можетъ выйти новая. Открывайте свою жизнь мужикамъ и изучайте жизнь ихъ, и, конечно, отъ этого будете ближе къ желаемому нами примиренію, ближе къ уничтоженію сословной нашей раздѣльности; но передавайте народу тайны жизни нашей во всей ихъ полнотѣ, оставляя на его выборъ худое и хорошее, и тогда онъ помирится съ вами, потому что повѣритъ вамъ: иначе онъ зачувствуетъ сознаваемое вами превосходство надъ нимъ и будетъ послѣднее горше перваго. Нужно уважить вкусъ и любопытство народа; нужно ему дать то, чего онъ проситъ, чего хочетъ онъ, и не раздражать его *статейками экономическаго содержанія объ артели, трудѣ, домоводствѣ*... Если мы своихъ женъ не можемъ еще заставить интересоваться такими статейками, то съ какого горя станетъ ихъ читать мужикъ, онъ, которому трудъ еще, быть можетъ, противенъ по нѣкоторымъ историческимъ воспоминаніямъ? Пусть для него чтеніе будетъ сначала забавою, наслажденіемъ; потомъ онъ изъ него выжметъ пользу. Свобода на первомъ мѣстѣ! Зачѣмъ-же навязывать?»

Но знаете-ли что̀? Я вѣдь не кончилъ статью мою. Мнѣ вдругъ представилось, что я самъ составляю «Читальникъ» для народа и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пришло въ голову столько соображеній, что ужасно захотѣлось сообщить ихъ всѣмъ будущимъ составителямъ «Читальниковъ». Разумѣется, это только *нѣкоторыя* соображенія.

Digitized by Google

Я вовсе не претендую на такую отдѣлку и отчеканку работы, какимъ отличается «Опытъ» г. Щербины.

Я-бы вотъ какъ сдѣлалъ:

Прежде всего я-бы поставилъ передъ собой на первый планъ слѣдующую мысль (которую призналъ-бы за основную и которой слѣдовалъ-бы неуклонно). Именно:

1) Что прежде чѣмъ хлопотать о *немедленномъ* образованіи и обученіи народа, нужно просто за просто похлопотать сначала о быстрѣйшемъ распространеніи въ немъ грамотности и охоты къ чтенію.

2) Такъ какъ хорошая книга чрезвычайно развиваетъ охоту къ чтенію, то надо хлопотать *преимущественно* о доставленіи народу какъ можно болѣе *пріятнаго* и *занимательнаго* чтенія.

3) И ужь потомъ, когда народъ полюбитъ читать книги, тогда уже и приняться за образованіе и обученіе его. И хотя въ первыхъ «Читальникахъ», изданныхъ для народа, никто и не мѣшаетъ мнѣ подбирать статьи такъ, чтобъ они принесли народу всевозможную *пользу*, но всетаки *занимательность* стояла-бы у меня на первомъ планѣ, потому что прежде всего нужно достичь одной цѣли, а потомъ уже другой, т. е. сначала распространить въ народѣ охоту къ чтенію, а потомъ уже приступить къ его обученію, ибо гоняться за двумя зайцами разомъ не слѣдуетъ и одно моглобы повредить другому.

Примѣчаніе. Разумѣется, нечего и сомнѣваться въ томъ, что упорное и усиленное желаніе *прежде всего* учить и перевоспитывать повредитъ книгѣ въ ея занимательности и пріятности для народа; ибо она будетъ слишкомъ *выдѣланная*, слишкомъ *подобранная*, суха до педантизма, со статьями скучными *для народа* (какъ, напримѣръ, «Слово о полку Игоревѣ», помѣщенное въ «Читальникѣ» г. Щербины для того, «чтобъ воспитывать народъ на положительной и коренной почвѣ его народности»... другими словами, чтобъ *народъ* сдѣлать *народнымъ*), съ отдѣлами, помѣщенными съ разсчетомъ, «чтобъ завлечь на первый разъ читателя художественною *приманкой поучительной* мысли» и расположенными такъ, чтобъ одинъ отдѣлъ выпускалъ изъ себя второй, а второй—третій... Все это естественно придастъ книгѣ чрезвычайную тяжеловѣсность, *обнаружитъ передъ народомъ ея заднюю мысль* и этимъ можетъ ей очень повредить съ перваго раза. Однимъ словомъ, все это мы уже высказали. И потому, право, было-бы не грѣхъ на первый разъ пожертвовать ученостью занимательности.

Скажутъ мнѣ, пожалуй, умные люди, что въ моей книжкѣ будетъ мало *дѣльнаго, полезнаго?* Будутъ какія-то сказки, повѣсти

Digitized by Google

разная фантастическая дичь, безъ системы, безъ прямой цѣли, однимъ словомъ тарабарщина, и что народъ съ перваго разу мою книжку и отъ «Прекрасной магометанки» не отличитъ.

Пусть съ перваго разу не отличитъ, отвѣчаю я. Пусть даже задумается, которой изъ нихъ отдать преимущество. Значитъ, она ему *понравится*, коли онъ ее съ любимой книгой будетъ сличать. Требовать отъ него *тотчасъ-же* точной критики невозможно. Но вѣдь онъ книжку мою полюбитъ, замѣтитъ *чье* изданіе (потому что я непремѣнно выставлю это на оберткѣ), и когда я издамъ вторую такую-же книжку, съ обозначеніемъ: «изданіе такого-то, выпускъ второй», то онъ не обинуясь, съ удовольствіемъ купитъ и вторую книжку, помня занимательность первой. А такъ какъ я всетаки буду помѣщать хоть и *любопытнѣйшія*, *завлекательнѣйшія*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *хорошія* статьи въ этой книжкѣ, то мало по малу достигну слѣдующихъ результатовъ:

1) Что народъ за моими книжками забудетъ «Прекрасную магометанку».

2) Мало того, что забудетъ; онъ даже отдастъ моей книжкѣ положительное преимущество передъ нею, потому что свойство хорошихъ сочиненій — очищать вкусъ и разсудокъ, и это свойство естественное; потому-то такъ я на него и надѣюсь. И, наконецъ,

3) вслѣдствіе удовольствія (преимущественно *удовольствія*), доставленнаго моими книжками, мало по малу распространится въ народѣ и охота къ чтенію. Какъ вы думаете: важныхъ или не важныхъ результатовъ я такимъ образомъ достигну? *Заохотить къ чтенію*—я считаю первымъ, главнѣйшимъ шагомъ, настоящей цѣлью; а вѣдь въ способности и умѣньи сдѣлать *первый шагъ* и заключается, по моему, настоящая *практичность* и *дѣловитость* всякаго полезнаго дѣятеля. Намъ не до жиру, а быть-бы живу; только-бы первое-то дѣло сдѣлать, а жиру-то потомъ наживемъ. А какъ это сдѣлать, не стараясь удалить отъ народа всякую мысль о нашей господской опекѣ? Вы, конечно, справедливы, что для мужика книга важное дѣло; отъ книги онъ требуетъ серьезнаго, поучительнаго. Это такъ. Но *господскаго-то обученія* онъ не любитъ; не любитъ, чтобъ глядѣли-то на него свысока, чтобъ въ опеку его брали даже и тогда, когда онъ полное право имѣетъ самъ по своей волѣ и охотѣ поступать. «Вотъ, дескать, мужичекъ, поучись по моей книжкѣ; что «Магометанку»-то читать! Это дрянь;—вотъ у меня для твоего развлеченія, въ концѣ книжки изъ романа Лажечникова выписано, изъ «Ледянаго Дома», такъ ужь не «Магометанкѣ» чета «Ледяной Домъ!» Ну, слыхалъ-ли ты, чтобъ была когда такая диковинка: домъ изо льда? Слогъ-то какой! А то я слыхалъ, что т

Digitized by Google

про божественное любишь читать; ну, вотъ тебѣ тутъ и объ Аѳонѣ написано, какъ тамъ иноки, божіи люди, живутъ, молятся. Ну, вотъ и поразвлечешься, и поиграешь этими статейками послѣ серьезнаго обученія въ первыхъ отдѣлахъ. А то смотри: и игры-то у тебя какія неблагонравныя. Вотъ я слышалъ, ты еще до сихъ поръ въ бабки играешь, а я тебѣ вотъ журналъ «Учитель» принесъ; посмотри, какія здѣсь все благонравныя и поучительныя игры: вотъ уточки нарисованы,—видишь, плаваютъ? А вотъ тутъ охотникъ ихъ застрѣлилъ; вотъ подписана и загадка: плавало на водѣ пять уточекъ, охотникъ выстрѣлилъ, трехъ убилъ, много-ль изъ пяти останется? Ну, вотъ ты и угадай, милое дитя... то бишь, милый мужичекъ,—чѣмъ въ бабки-то играть». — Я не буду тоже увѣрять себя при составленіи моей книги, что мужикъ не узнаетъ, къ чему я клоню, не догадается объ опекѣ. Я знаю навѣрно, что у него есть такое чутье, что онъ всѣ ваши подходы тотчасъ узнаетъ, а не узнаетъ, такъ почувствуетъ ихъ. Я не сталъ-бы также прибѣгать къ начальству для распространенія моей книги. Вѣдь отъ этого, право, недалеко до того, что черезъ начальство начнутъ, пожалуй, и вытѣснять изъ употребленія всѣ прежнія негодныя книжки, которыя читаетъ народъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, чего смотрѣть-то: собрать-бы ихъ всѣ да сжечь! Нѣтъ, кромѣ шутокъ, какъ такой умный человѣкъ, какъ г. Щербина, можетъ разсчитывать при распространеніи своего Читальника на слѣдующія средства:

„Въ видахъ средствъ распространенія книги приглашать чрезъ газеты, какъ благотворителей и ревнителей духовно нравственнаго просвѣщенія народа, помѣщиковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и всѣхъ, у кого есть заведенія, гдѣ бываетъ сборъ простолюдиновъ, покупать „Читальникъ“ для подарка грамотнымъ изъ нихъ“.

Или въ другомъ мѣстѣ:

„Нужно постановить, что каждый ученикъ, поступающій или находящійся въ воскресной или сельской школѣ (вѣдомства министерствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, а также и солдатскихъ полковыхъ школъ), долженъ непремѣнно получить одинъ экземпляръ „Читальника“ въ полную собственность, въ полное свое распоряженіе, безконтрольно. Это будетъ какъ бы „свидѣтельствомъ“ или юридическимъ актомъ, утверждающимъ въ дѣйствительности поступленія въ число учениковъ школы. То-же можно было-бы постановить и въ приходскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія *). „Читальникъ“ можетъ

*) Такъ какъ почетные попечители училищъ пользуются всѣми правами гражданской службы, не употребляя на нее личнаго труда, и бываютъ вообще люди средствами, то и можно было-бы вмѣнить имъ въ обязанность пріобрѣтать на ъ счетъ эти книги для учениковъ училища, что составитъ, во всякомъ случаѣ, большую сумму ежегодно. *Авт.*

Digitized by Google

произвольно мѣняться, продаваться, дариться учениками, и, такимъ образомъ, переходить изъ рукъ въ руки, слѣдовательно, всетаки оставаться въ народѣ-же".

Да помилуйте! Вѣдь это вѣрнѣйшее средство придать книгѣ видъ оффиціальный: а вѣдь этого бѣгутъ; вѣрнѣйшее средство, чтобъ она опошлилась, потеряла цѣну. И, наконецъ, ваши слова: «всетаки останется въ народѣ-же» показываютъ, что вы признаете лучшимъ одинъ только способъ распространенія: обязательный, чуть не насильственный, по крайней мѣрѣ, *навязливый*, т. е. рѣшительно худшій изъ всѣхъ возможныхъ способовъ распространенія. Такимъ способомъ ничего не сдѣлаете. Ужь пробовали. Распространялись чуть-ли еще не двадцать лѣтъ тому назадъ книжки оффиціальнымъ способомъ: да развѣ ихъ читаетъ народъ? Сдѣлались онѣ популярными? Но, положимъ, еще съ этимъ вы не согласитесь, будете спорить. Но ужь нижеслѣдующее мѣсто вашей статьи верхъ самаго невозможнаго незнанія дѣйствительности. Посудите:

„Есть еще способъ широкаго распространенія „Читальника" въ народѣ чрезъ посредство администраціи,—именно предложить волостнымъ головамъ и сельскимъ старостамъ въ волостныхъ правленіяхъ и сельскихъ расправахъ, покупая на экономическія деньги, дарить „Читальникъ" грамотнымъ мужикамъ въ селахъ и деревняхъ, какъ бы въ награду за ихъ грамотность. Дареніе происходитъ на мірской сходкѣ самымъ патріархальнымъ способомъ, безъ всякаго контроля со стороны начальства и бюрократической процедуры. Est modus in rebus.

„Можно предположить, что еслибъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ распространеніе книги поручено было непосредственно чиновникамъ земской полиціи, то, пожалуй, иные мужики и не сказались-бы грамотными. Сельскіе старшины должны объяснить на сходкѣ, что молъ „книга тебѣ дарится въ награжденіе за то, что ты научился грамотѣ, отдается тебѣ на всю волю: затеряй, продай, промѣняй, подари кому хочешь—твое добро... начальство тебя о томъ никогда не спроситъ". Во всякомъ случаѣ, книга не уничтожается, но всетаки остается въ народѣ, и тѣмъ еще болѣе распространяетъ свою извѣстность, что переходитъ изъ рукъ въ руки... Тогда будетъ *запросъ* на книгу и въ городахъ, у площадныхъ книгопродавцевъ и у коробейниковъ по деревнямъ".

Точно на лунѣ или въ «Марѳѣ Посадницѣ» Карамзина. Какая дѣйствительность! Да тутъ всѣ, рѣшительно всѣ—Фролы Силины, благодѣтельные человѣки! «Предложить волостнымъ головамъ и сельскимъ старостамъ въ волостныхъ правленіяхъ и сельскихъ расправахъ, *покупая на экономическія деньги* (эво-на!), дарить «Читальникъ» грамотнымъ мужикамъ, какъ-бы въ награду за их грамотность». То есть, прежде распространенія образованія предп ложить въ мужикѣ такую любовь къ образованію, такое ясное с знаніе необходимости его, что онъ *добровольно* согласится

Digitized by Google

жертву деньгами. Потомъ, прежде распространенія «Читальника» и узнанія, что онъ такое, предположить такое огромное къ нему уваженіе, что его ужь въ награду дарятъ (вѣдь вы не силою-же хотите заставить дарить, а по доброй волѣ). Наконецъ, главное: такое необычайное, неслыханное происшествіе совершенно не въ привычкахъ и не въ нравахъ народа: это что-то чудовищно-нѣмецкое. Да не лучше-ли ужь пришивать бантики къ правому плечу мужика, изъ розовыхъ ленточекъ, за грамотность! Да вѣдь мужики будутъ ровно тридцать лѣтъ и три года стоять и думать на сходкѣ: что̀ это такое?—когда вы имъ предложите «Читальникъ», да еще на экономическія деньги. Какъ *приказъ*, они, конечно, исполнятъ: но по *доброй волѣ*... они и не поймутъ этого. И посмотрите, какое при этомъ тонкое, какое удивительное знаніе народа въ глубоко-юмористическомъ замѣчаніи г. Щербины, что еслибъ такое распространеніе книги поручено было непосредственно чиновникамъ земской полиціи, то, пожалуй, иные мужики не сказались-бы грамотными. Ну, а вы такъ непремѣнно увѣрены, что дареніе на мірской сходкѣ, безъ непосредственнаго участія полиціи, произойдетъ у васъ самымъ *патріархальнымъ*, самымъ благонравнымъ образомъ?

«Сельскіе старшины, по вашему, должны объяснить на сходкѣ, что, *молъ*, «книга тебѣ дарится въ *награжденіе за то*, что ты научился грамотѣ, отдается тебѣ на всю волю: затеряй, продай, промѣняй, подари кому хочешь — твое добро... начальство тебя о томъ никогда не спроситъ».

Намъ случилось прочесть въ рукописи одинъ проектъ распространенія въ народѣ грамотности. Тамъ прямо представлялось, какъ самое лучшее средство: запретить мужикамъ жениться до тѣхъ поръ, пока они не выучатся грамотѣ. (До какого деспотизма можетъ дойдти иной либералъ!) Нечего и говорить, что этимъ способомъ, въ сущности совершенно неисполнимымъ, произвелось-бы только озлобленіе и отвращеніе къ грамотности; но не смотря на то, этотъ неисполнимый и драконовскій способъ, кажется намъ всетаки дѣйствительнѣе невиннаго и дезульеровскаго способа г. Щербины. Воображаю я мужичка, только что получившаго въ награжденіе «Читальникъ» на мірской сходкѣ. Смущенный и встревоженный такой небывальщиной, бережно донесетъ онъ его домой, осторожно, даже со страхомъ положитъ книгу на столъ, сурово отгонитъ отъ стола всѣхъ домашнихъ, которые разбредутся въ страхѣ по угламъ, сядетъ на лавку, подопретъ обѣими руками голову, и въ недоумѣніи ставится глазами на «Читальникъ». Затѣмъ тотчасъ-же наберутся любопытные сосѣди и кумовья, въ свою очередь тоже озадаченные происшествіемъ на сходкѣ.

Digitized by Google

— Награда, говорятъ. Отъ начальства, что̀-ли? скажетъ одинъ.

— Отъ начальства.

— Изъ Петербурха, слышно, пришла.

— Да какая-жь тутъ награда, глупый ты человѣкъ! вяжется самъ хозяинъ. Награда за то, что грамотѣ знаю! Мнѣ-же лучше: за чтожь награждать?

— А зато, чтобъ, на тебя глядя, и другіе старались награду получить: такъ ономясь Гришка говорилъ,—скажетъ кумъ.

— «Читальникъ». Цѣна 30 коп., прочтетъ другой сосѣдъ. А поди-ка продай, пятака, пожалуй, не дадутъ; лучше-бъ они тебѣ, Гаврила Матвѣичъ, эти самыя тридцать копѣекъ деньгами-бы дали.

— Гм! не то ты говоришь, перебьетъ кумъ. Значитъ, понимай: то тридцать копѣекъ, ты ихъ пойдешь и въ кабакѣ пропьешь, а тутъ тебѣ книга дается, «Читальникъ», въ которой вся, какая ни на есть, премудрость описана...

— Стой, кумъ, не такъ! кричитъ опять хозяинъ. А зачѣмъ мнѣ Григорій Савичъ на сходкѣ сказалъ: затеряй, продай, промѣняй, подари кому хошь,—никто съ тебя не спроситъ, твое добро! Кабы значитъ эта книга нужна мнѣ была, зачѣмъ-бы я сталъ ее терять, аль продавать? Нѣтъ, тутъ не то... Тутъ начальство!..

— Начальство, отзовутся другіе, въ еще большемъ смущеніи.

— Бѣда!

— Къ становому, ребята! Сѣдлай коней, Митька! закричалъ мужикъ, рѣшительно вскакивая съ мѣста.

А тутъ еще и насмѣшники найдутся:

— Ишь какую Гаврюхѣ модель подвели!

— Значитъ, все одно, что медаль получилъ.

— Опека, ребята!

«Часто распространеніе книги въ народѣ зависитъ отъ *случайности*», добавляетъ г. Щербина: «иногда на книгу, подходящую подъ его вкусъ и требованія, онъ вовсе не набредетъ и не наткнется. Эти случайности могутъ прямо вытекать изъ указанныхъ нами мѣръ и представляться несравненно чаще».

Нѣтъ, г. Щербина, отвѣчаемъ мы на это. Изъ такихъ мѣръ, какъ вы предлагаете, ничего не вытечетъ. Только развѣ упадетъ кредитъ книги. Безъ администраціи у васъ ни на шагъ! Даже чтобъ книги народу *понравились*, и то прибѣгаете къ администраціи. А какъ вы думаете: отчего это бываетъ, что книга нра вится народу? Вѣдь что нибудь должна-же заключать въ себ «Магометанка», что нравится и расходится. Вы вотъ приписывает тому, что она написана высокимъ и чувствительнымъ слогомъ, ко торый народу по сердцу и въ его вкусѣ. Тутъ есть крошечн

Digitized by Google

зернышко правды. Дѣйствительно, высокій и чувствительный слогъ можетъ нравиться, потому что заключаетъ въ себѣ и облекаетъ собою дѣйствительность, хоть и невозможную, хоть и безсмысленную, но совершенно противоположную скучной и тягостной обыденной дѣйствительности простолюдина. Но вѣдь это не все, тутъ далеко не вся причина. Главная и первая причина, по нашему, та, что эта книга не *барская* или *перестала быть барскою*. Очень можетъ быть, что авторъ писалъ и назначалъ ее, въ простотѣ своей, для самаго высшаго общества. Но литература наша встрѣтила ее съ насмѣшкой. Издалась она у маленькаго книгопродавца-спекулятора, который пустилъ ее по рынкамъ, за дешевѣйшую цѣну. Отвергнутая «господами», книжка тотчасъ-же нашла кредитъ въ народѣ, и, можетъ быть, ей очень помогло, въ глазахъ народа, именно то, что она не господская. Разумѣется, она не между мужиками расходилась сначала, а попалась горничнымъ, писарямъ, лакеямъ, приказчикамъ, мѣщанамъ и тому подобному народу. Попавшись разъ, укоренилась и начала распространяться по казармамъ, а, наконецъ, даже и по деревнямъ. Только по деревнямъ все-таки очень мало. Мы для того дѣлаемъ это замѣчаніе, что наши составители народныхъ книжекъ прямо мѣтятъ на мужика-пахаря. Это глубоко ошибочно. Крестьянинъ-пахарь еще далеко не ощущаетъ такой потребности въ чтеніи, какъ городской простолюдинъ, мѣщанинъ, писарь, приказчикъ и даже какъ деревенскій-же дворовый человѣкъ. Къ крестьянину и книжки-то *заходятъ черезъ этотъ, высшій классъ простолюдиновъ*, и смѣшивать характеры и потребности этихъ двухъ классовъ народа — невозможно, а у насъ ихъ часто смѣшиваютъ, оттого и рождается у насъ ошибочная мысль дѣйствовать при распространеніи книги прямо черезъ сельскія общества. Книга, которая сельскому народу понравится, дойдетъ къ нему сама собою, отъ городскихъ простолюдиновъ и отъ дворовыхъ, и вотъ покамѣстъ существующій въ дѣйствительности у насъ способъ распространенія книгъ въ народѣ. Этотъ-то способъ распространенія и надо-бы преимущественно имѣть въ виду. Этотъ высшій классъ простолюдиновъ, заключающій въ себѣ лакеевъ, мѣщанъ, писарей и проч., граничитъ даже съ иными чиновниками и помѣщиками включительно. Многіе и изъ благородныхъ и изъ служащихъ, недоученые и малообразованные, тоже читаютъ и цѣнятъ «Магометанокъ»; «Зефироты» же, напримѣръ, дѣйствуютъ не только на низшій классъ, но захватываютъ чрезвычайную массу и изъ высшаго, т. е. даже и не изъ очень мало-образованнаго высшаго. Тотъ, который уже не станетъ читать и «Магометанку», съ наслажденіемъ прочтетъ «Зефиротовъ», равно какъ и всѣ толки о

Digitized by Google

свѣтопреставленіи и прочихъ такихъ-же предметахъ. Въ человѣкѣ, лишенномъ всевозможной самодѣятельности и принявшемъ и (по обычаю, и по невозможности принять иначе) предстоящую дѣйствительность за нѣчто крайне нормальное, невообразимо непреложное и установившееся, естественно рождается нѣкоторое влеченіе, нѣкоторый соблазнъ къ сомнѣнію, къ философствованію, къ отрицанію. «Зефироты» и проч., представляя собою факты или возможность фактовъ, прямо противоположныхъ насущной дѣйствительности и глубоко отрицающихъ ея непреложность и ея гнетущее спокойствіе, — чрезвычайно нравятся этой отрицательной точкой зрѣнія средней массѣ общества и, написанные популярно, даютъ превосходный способъ поволноваться умамъ, пофилософствовать и насладиться хоть какимъ нибудь скептицизмомъ. Вотъ почему и простолюдинъ, и даже пахарь любятъ въ книгахъ наиболѣе то, что̀ противорѣчитъ ихъ дѣйствительности, всегда почти суровой и однообразной, и показываетъ имъ возможность міра другаго, совершенно непохожаго на окружающій. Даже сказки, т. е. прямыя небылицы, нравятся простому народу, можетъ, отчасти по этой-же самой причинѣ. Каково-же будетъ дѣйствовать на него все мистическое? А такъ какъ всѣ эти книги не выходятъ изъ народныхъ воззрѣній и не превышаютъ его философію, то и признаются *своими*, и съ накопленіемъ этихъ книгъ, высшая, *господская* литература все рѣзче и глубже отдѣляется отъ *народной*. И потому ужасно смѣшно, когда г. Щербина предлагаетъ народу «Слово о полку Игоревѣ» и, еще лучше, *пословицы*. То есть то, что̀ изъ народа-же вышло, что̀ составляетъ его обыденную дѣйствительность,—пословицы—предлагаются народу-же отъ насъ. Ну, къ чему ему пословицы? Чтобъ быть еще народнѣе? Не безпокойтесь, онъ ихъ не забудетъ и безъ вашихъ напоминаній; вы-то сами ихъ не забудьте.

Въ книгѣ г. Щербины не все совершенно неинтересное для народа. Но тонъ книги, барское происхожденіе ея, подступы и подходы ея—все это будетъ несносно для народа. Онъ *инстинктивно* отвергнетъ ее. Къ тому-же вышеприведенный способъ распространенія ея убьетъ ея успѣхъ окончательно.

Повторяемъ опять: по нашему, самый лучшій способъ (изъ искусственныхъ) — это спекуляція. Тутъ, если хотите, тоже высшая искусственность, высшая степень подхода и подступа, и отъ этого и успѣхъ тоже можетъ быть отчасти сомнителенъ. Тутъ потому *высшая* искусственность, что весь *подступъ*, весь *подвохъ*, будетъ именно состоять въ томъ, что его совершенно снаружи не будетъ видно, то есть книга съ перваго взгляда какъ будто издана и распространена совершенно для однихъ барышей. Въ са-

Digitized by Google

момъ дѣлѣ, спекуляторъ — какой-же баринъ? Какой-же *умышленный* распространитель просвѣщенія въ народѣ? Спекуляторъ свой братъ, гроши изъ кармана тянетъ, а не *напрашивается* съ своими учеными благодѣяніями. Но вотъ задача: какъ обратить *умышленнаго* просвѣтителя въ спекулятора? Издаетъ книгу какое нибудь благотворительное общество, или какой нибудь вельможа — просвѣтитель человѣчества, или, наконецъ, просто ученый — другъ человѣчества. Къ чему имъ деньги? Они рады своихъ положить. Тутъ нужно очень схитрить, чтобъ не примѣтно было народу. Такъ что всего-бы лучше было, еслибъ этотъ другъ человѣчества и *вправду* былъ спекуляторъ. Въ этомъ, по нашему, и дурного-то не очень много. Трудящійся достоинъ платы; это давно сказано. Представимъ себѣ человѣка благодѣтельнаго, сгорающаго желаніемъ добра, но бѣднаго. Вѣдь надобно-же и ему жить и кормиться отъ труда своего. А такъ какъ онъ имѣетъ особый талантъ составлять народныя книжки, то есть знаетъ народъ и что̀ именно ему нужно; а сверхъ всего этого и самъ воспламененъ желаніемъ способствовать наискорѣйшему распространенію въ народѣ грамотности и образованности, то вотъ онъ и нашелъ себѣ занятіе: издаетъ себѣ книжки, продаетъ ихъ и доходомъ съ нихъ кормится. И даже вовсе не надо тутъ возвышать особенно цѣну на эти книжки. Если они придутся по нраву, то будутъ расходиться и въ большомъ количествѣ, слѣдственно, какъ-бы ни былъ малъ барышъ съ каждой книжки, въ суммѣ онъ былъ-бы значительный. Тутъ именно чѣмъ талантливѣе составлена книжка, тѣмъ болѣе ея разойдется, слѣдовательно тѣмъ вѣрнѣе барышъ. А талантливо составить—значитъ занимательно составить, потому что самая лучшая книга, какая-бы она ни была и о чемъ-бы ни трактовала, — это занимательная. Для этого-то и нужно, по возможности, избѣгать всякаго подхода, всякихъ «отдѣловъ», основанныхъ на предварительныхъ ученыхъ и психологическихъ изученіяхъ мужичьей души; всякихъ отдѣловъ, выпускающихъ изъ себя вторые отдѣлы, а вторые—третьи и т. д.; всякихъ статей съ разсчетомъ завлечь и пріободрить, и, однимъ словомъ, чтобъ какъ можно труднѣе (а не яснѣе, какъ сказано у г. Щербины), можно было «усмотрѣть тѣ существенныя свойства логики, практическихъ и психологическихъ соображеній», которыя издатель положитъ въ основу своей книги. То есть и логика, и всѣ эти практическія и психологическія соображенія, непремѣнно должны быть и будутъ у составителя книги, если только онъ умный и дѣльный человѣкъ; но надо, чтобъ они были по возможности скрыты, такъ что всего-бы лучше было, еслибъ всѣ эти основы были даже и отъ самого составителя скрыты и дѣйствовали-бы въ

Digitized by Google

немъ наивно и даже безсознательно. Но это ужь идеалъ;это возможно-бы было только въ томъ случаѣ, когда-бы составитель народныхъ книжекъ видѣлъ въ этомъ составленіи неудержимое призваніе свое съ самаго дѣтства и ощущалъ-бы въ себѣ самую наивную и горячую потребность жить съ народомъ и говорить съ нимъ во всѣ дни и часы своей жизни. Таковы, говорятъ, бываютъ нѣкоторые *врожденные* педагоги, до страсти любящіе жить и обходиться съ дѣтьми, которыхъ отнюдь не надо смѣшивать съ учеными и искусственными педагогами. И первые, то есть врожденные, могутъ, въ свою очередь, тоже быть очень учеными педагогами; но безъ внутренняго влеченія и призванія одна ихъ ученость не принесла-бы такихъ плодовъ. Но подобнаго составителя народныхъ книгъ трудно имѣть теперь въ виду, хотя они непремѣнно явятся впослѣдствіи. Всякая вновь появившаяся въ обществѣ дѣятельность достигаетъ, наконецъ, идеала въ своихъ дѣятеляхъ. У насъ-же эта дѣятельность всего только что зарождается, но обѣщаетъ перейти съ крайнюю потребность. Такіе дѣятели впослѣдствіи безо всякаго опасенія будутъ издавать и всѣ необходимыя юридическія, гигіеническія и всевозможно-ическія свѣдѣнія для народа, и издадутъ ихъ прекрасно, издадутъ именно *то*, что̀ нужно, безо всякаго подвоха и подхода, именно потому, что онѣ будутъ нужны народу, и тѣмъ скорѣе все это удастся имъ такъ хорошо, что они-то, сами-то издатели, будутъ настоящими народными дѣятелями, такъ что, наконецъ, и самъ народъ признаетъ ихъ за своихъ и книжки ихъ будутъ расходиться въ безмѣрномъ числѣ экземпляровъ, потому что, кромѣ того что будутъ полезны и нужны, онѣ будутъ еще изданы *талантливо*; ибо *прежде всего* нуженъ *талантъ*, чтобъ подходить къ народу и обращаться съ нимъ, наивный и прирожденный талантъ, чего, кажется, вовсе не имѣютъ въ виду составители теперешнихъ «Читальниковъ». Но мы теперь покамѣстъ издаемъ *искусственно* и *съ хитростью*, и потому, чтобъ ужь какъ нибудь маскировать эту хитрость, нужно чтобъ и искусственность и хитрость наша приписана была народомъ одной спекуляціи, одному желанію сбыть книгу за деньги. И потому, во первыхъ, педантская простота такихъ названій, какъ напримѣръ «Читальникъ», могла-бы быть и устранена. Народъ вовсе не такой пуританинъ, какъ вы думаете Онъ не обидится заманчивымъ заглавіемъ и догадается, что оно выставлено на книгѣ единственно для того, чтобъ подманить его купить ее, а не для того, какъ въ «Читальникѣ», что ее нужно читать, для того, что стыдно быть безграмотнымъ и необразованнымъ мужикомъ, стыдно передъ добрыми людьми и благодѣтельными господами, которые принуждены были, наконецъ, административно и оффиціально распро-

Digitized by Google

странять въ невѣжественномъ черномъ народѣ просвѣщеніе. И потому всякое административное распространеніе книги должно быть по возможности устранено, а нужно, чтобъ народъ самъ досталъ ее съ рынку, именно потому, что самъ кумъ Матвѣй слышалъ и рекомендовалъ, что книжка «занятная». Никогда такъ сильно не распространяется книга, какая-бы она ни была, какъ натурально, сама собою, и это самое вѣрное, самое толковое, крѣпкое и полезное распространеніе ея. Въ книжкѣ этой, по крайней мѣрѣ, хоть на *первый разъ*, все должно быть пожертвовано занимательности и завлекательности. И потому, при составленіи такой книжки отнюдь не надо чуждаться того, что̀ выходитъ изъ обыденной, видимой и часто противной простолюдину его дѣйствительности. Вовсе не преступно будетъ, напримѣръ, дѣйствовать преимущественно на воображеніе простолюдина. Чудеса природы, разсказы объ отдаленныхъ странахъ, о царяхъ и народахъ, о русскихъ царяхъ и ихъ дѣяніяхъ, о карѣ Новгорода, о самозванцахъ, объ осадѣ Лавры, о войнахъ, походахъ, о смерти Ивана-царевича, занимательныя приключенія частныхъ людей, путешествія, въ родѣ, напримѣръ, путешествій Кука или занимательнѣйшаго для *всѣхъ классовъ* и *возрастовъ* путешествія капитана Бонтекое, геніально составленнаго изъ прежнихъ матеріаловъ Александромъ Дюма...

Боже! Что̀ я слышу! Какой гомерическій хохотъ, какое страшное негодованіе поднялось кругомъ. Какъ! Въ книгу для народнаго чтенія переводить изъ Александра Дюма! Но что̀-же дѣлать, если Александръ Дюма написалъ Бонтекое (для дѣтей, кажется) геніально, именно такъ, какъ нужно для разсказа народу. Народъ вовсе не такой пуританинъ, какъ кажется, а не побрезгать при случаѣ и Дюма-сомъ, можетъ быть, было-бы именно настоящей-то, желаемой-то практичностью и дѣловитостью, потребной при составленіи книги. Народъ очень не прочь читать, но онъ очень еще не искусился въ чтеніи. Къ чему кормить его заурядъ одними только эссенціями полезности, благонравія и вашей благонамѣренности? Вы скажете, что народъ вовсе не такъ избалованъ вкусами, какъ какая нибудь барыня, которой непремѣнно надо Дюма, чтобъ у ней книга не выпала тотчасъ-же отъ зѣвоты изъ рукъ? Согласенъ съ вами; но книга всетаки для народа новинка, и хоть онъ вовсе не того ищетъ въ ней, чего требуетъ отъ нихъ праздная и тупая барыня, но завлекательность крайне не вредитъ. Мнѣ самому случалось въ казармахъ слышать чтеніе солдатъ, вслухъ (одинъ читалъ, другіе слушали) о приключеніяхъ какого нибудь кавалера де-Шеварни и герцогини де-Лявергондьеръ. Книга (какой-то толстый журналъ) принадлежала юнкеру. Солдатики читали съ наслажденіемъ. Когда-же дошло дѣло

до того, что герцогиня де-Лавергондьеръ отказывается отъ всего своего состоянія и отдаетъ нѣсколько милліоновъ своего годоваго дохода бѣдной гризеткѣ Розѣ, выдаетъ ее за кавалера де-Шеварни, а сама, обратившись въ гризетку, выходитъ за Оливье Дюрана, простаго солдата, но хорошей фамиліи, который не хочетъ быть офицеромъ единственно потому, что для этого не желаетъ прибѣгать къ унизительной протекціи, то эффектъ впечатлѣнія былъ чрезвычайный. И сколько разъ мнѣ приходилось иногда самому читать вслухъ солдатикамъ и другому народу разныхъ капитановъ Полей, капитановъ Панфиловъ и проч. Я всегда производилъ эффектъ чтеніемъ и это мнѣ чрезвычайно нравилось, даже до наслажденія. Меня останавливали, просили у меня объясненій разныхъ историческихъ именъ, королей, земель, полководцевъ. Я думаю, Диккенсъ произвелъ-бы гораздо менѣе эффекта, Текеррей еще менѣе, а военные разсказы Скобелева такъ ничего не производили: только зѣвали отъ скуки. Охъ, да какой это чуткій народъ! Тотчасъ разберетъ ложь и подходъ. И какой юмористичный, вострый народъ въ то-же время. Разумѣется, мнѣ скажутъ: какой-же полезной цѣли достигли вы вашимъ чтеніемъ вслухъ? Образовали-ль вы вашихъ слушателей, съ чѣмъ они ушли отъ насъ? Во первыхъ, отвѣчаю, что я вовсе не хотѣлъ образовывать моихъ слушателей, а только доставить имъ удовольствіе, и потому я этого хотѣлъ, что мнѣ самому доставляло это чрезвычайное удовольствіе. Когда-же я растолковывалъ о короляхъ, о земляхъ и вообще дѣлалъ полезныя замѣчанія, то и это мнѣ доставляло очень много удовольствія. Во вторыхъ, тутъ всетаки было *чтеніе*, а не что̀ другое, и какъ-бы то ни было, а эти люди всетаки пріучались находить наслажденіе въ *книгѣ*. Книга, стало быть, вообще выигрывала. Въ третьихъ, хоть я и вовсе не думалъ тогда о томъ, но впослѣдствіи мнѣ пришло въ голову, что книга всетаки лучше, чѣмъ, напримѣръ, *три-листа* или *горка*. Въ четвертыхъ, если ужь пошло на полезность и на отчетъ въ ней, то вѣдь что нибудь значатъ-же, наконецъ, хоть напримѣръ, вынесенныя изъ чтенія душевныя впечатлѣнія, нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя мечты. Разумѣется, было-бы несравненно полезнѣе, еслибъ они прослушали «Слово о полку Игоревѣ», «объ инфузоріяхъ», «рядъ пословицъ», объ «аѳонской горѣ» или хоть о «Несторѣ-лѣтописцѣ», (котораго біографія помѣщается въ «Читальникѣ», кажется, не потому только, что занимательно было-бы узнать житіе Нестора, а потому, что Несторъ былъ *лѣтописецъ*, что̀, разумѣется, въ глазахъ народа, придало-бы ему чрезвычайную занимательность, не правда-ли?). Пожалуйста не обвиняйте меня в подходѣ: я вовсе не спорю и всѣ эти названныя мною статьи «Чи-

Digitized by Google

тальника» могли-бы, разумѣется, быть чрезвычайно и полезны и занимательны для народа. Но вотъ что̀ мнѣ кажется: мнѣ кажется, мало того, чтобъ взять, выбрать ихъ откуда нибудь и помѣстить въ «Читальникѣ», чтобъ народъ ихъ тотчасъ-же съ жадностію прочелъ: мнѣ кажется, ихъ надобно и составить по возможности съ вдохновеніемъ, съ призваніемъ и именно съ тѣмъ талантомъ, который необходимъ для такой *народной* литературы.

Меня спросятъ: да откудова-же вы возьмете теперь статей для вашей, напримѣръ, книги, хотя-бы вы ее и составили для спекуляціи, безо всякой оффиціальности и подходности и проч. и проч. и проч.? Отвѣчаемъ: Мы-бы, конечно, *теперь* воспользовались тоже нашей современной литературой, хотя вся она, чуть не сплошь,— литература *для господъ*. Но, разумѣется, и въ ней можно много, даже *очень много* выбрать удобнаго и для народнаго чтенія. Только надобно съумѣть сдѣлать выборъ. Какъ сдѣлать этотъ выборъ,— мы полагаемъ, послѣ всего нами сказаннаго объяснять излишнимъ. Мы разбираемъ статью г. Щербины, но вовсе не претендуемъ на то, что мы способны сдѣлать такой выборъ умнѣе и удачнѣе его. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, именно: какія-бы мы *спекуляціи* ни предлагали, но думаемъ, что теперь, въ настоящую минуту, хорошаго «Читальника» у насъ всетаки никто не составитъ. Зато мы совершенно увѣрены, что впослѣдствіи, и, можетъ быть, даже скоро, у насъ откроется свой особенный отдѣлъ литературы, собственно для народнаго чтенія. Это только гаданіе, но намъ вѣрится въ его осуществленіе. Дѣятели этой будущей литературы, какъ мы уже упомянули выше. будутъ дѣйствовать по прямому, *врожденному* призванію, по вдохновенію. Можетъ быть, они наивно, безо всякаго труда найдутъ тотъ языкъ, которымъ заговорятъ съ народомъ, дѣйствительно сольются съ его взглядами, потребностью, философіей. Они перескажутъ ему все, что̀ мы знаемъ, и въ этой дѣятельности, въ этомъ пересказываніи будутъ сами находить наслажденіе. Намъ даже кажется, что имъ не придется нимало скрывать отъ народа дѣйствительное свое развитіе. Тогда, можетъ быть, они ощутятъ въ себѣ и совершенно новые взгляды и совершенно новыя воззрѣнія, живыя, положительныя, сила и самостоятельность которыхъ получится именно отъ новой дѣятельности, отъ потребности этой дѣятельности, и которыя будутъ плодомъ насущной, настоятельной необходимости нашего соединенія съ народнымъ народомъ. Это, разумѣется, только еще гаданіе, и хотя много-бы намъ хотѣлось сказать, въ смыслѣ гаданія, теперь объ этой будущей дѣятельности литературы нашей, но по нѣкоторымъ причинамъ мы теперь объ этомъ умалчиваемъ. Къ тому-же надо объ этомъ

Digitized by Google

особо говорить. Но во всякомъ случаѣ мы отнюдь не отрицаемъ теперешней дѣятельности нашихъ умныхъ и благонамѣренныхъ людей при составленіи книгъ для народнаго чтенія. Давай Богъ. Изъ этой-то дѣятельности и явится послѣдующая, болѣе благотворная. И потому, если мы теперь и не согласились въ чемъ съ г. Щербиною, то повторяемъ: рѣдко что̀ мы читали болѣе умнаго, болѣе благонамѣреннаго, чѣмъ его «Опытъ». Автору «Опыта» мы не можемъ не быть благодарными за превосходный и полезнѣйшій трудъ его, и завидуемъ журналу, помѣстившему у себя такую дѣльную статью.

V.

Послѣднія литературныя явленія *).

Газета «День».

Когда дѣла нѣтъ, настоящаго, серьезнаго дѣла, тогда дѣятели живутъ какъ кошки съ собаками и начинаютъ между собою разныя дрязги за принципы и убѣжденія. Одинъ упрекаетъ другаго, что тотъ не такъ вѣруетъ, другой упрекаетъ перваго, что тотъ у себя подъ носомъ ничего не видитъ; третій кричитъ о книжкахъ и объ обертках книжекъ, четвертый ко всему, кромѣ себя, равнодушенъ, пятый успокоился на незыблемыхъ міровыхъ законахъ, подводитъ все и всѣхъ подъ міровой ватерпасъ и свиститъ на всѣхъ глядя. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Всего не перечтешь. Вотъ явилась газета «День», всего только пять нумеровъ, а уже поднялась ругань. Явился «новый вопросъ» объ университетахъ и вотъ полился на насъ цѣлый водопадъ статей объ университетахъ. Вотъ и мы хотимъ сказать свое слово объ этихъ послѣднихъ литературныхъ явленіяхъ, и мы будемъ спорить о принципахъ, и мы будемъ упрекать другихъ, что они не такъ вѣруютъ... Что̀ дѣлать! Одна для всѣхъ колея. А сказать свое слово надо: всѣ участвуютъ... во всеобщемъ движеніи и т. д. и т. д.

«День» — это та-же покойная, но неуспокоившаяся «Русская Бесѣда», разбитая на газетные листки. Тѣ-же имена, тѣ-же мысли, тѣ-же принципы. Редакторомъ Ив. Аксаковъ, статьи въ первомъ номерѣ Хомякова, Константина Аксакова (покойниковъ). Въ журналѣ всего замѣчательнѣе «славянскій» и «областной» отдѣлы Этого нѣтъ почти ни въ одномъ теперешнемъ русскомъ изданіи,

*) Напечатано въ журналѣ «Время» за ноябрь 1861 г.

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ, въ такой непрерывности, и это ставитъ газету на довольно любопытное мѣсто. Вообще изданіе очень любопытное.

Кое-гдѣ оно уже очень насолило; Аскоченскій, говорятъ, восторженно похвалилъ его, а нѣкоторые такъ даже поспѣшили похоронить новый «День» (печатно, разумѣется). Въ одномъ петербургскомъ журналѣ нѣкоторые погребальщики уже *догадались* и о томъ отдѣленіи, къ которому надо причислить журналъ.

Но господа могильщики не правы.

Тутъ и слова не можетъ быть о раздѣлѣ по отдѣленіямъ.

Мы не за «День» заступаемся и не за взгляды его. Но имя Аксаковыхъ, всѣхъ троихъ, слишкомъ извѣстно, чтобъ не знать съ кѣмъ имѣешь дѣло. И наконецъ, что̀ за терроръ мысли? Чуть мыслитъ человѣкъ не по вашему — губить его, — чѣмъ другимъ нельзя, такъ хоть клеветой. Что̀ за домашніе деспотики! Что̀ за домашній терроризмъ, вспоенный на кисломъ молочкѣ!

Но довольно... Скажемъ и наше слово о новой газетѣ.

Это все тѣ-же славянофилы, то-же чистое, идеальное славянофильство, ни мало неизмѣнившееся, у котораго идеалы и дѣйствительность до сихъ поръ такъ странно вмѣстѣ смѣшиваются; для котораго нѣтъ событій и нѣтъ уроковъ. Тѣ-же славянофилы, съ тою-же неутомимою враждой ко всему, что̀ не ихнее, и съ тою-же неспособностью примиренія; съ тою-же ярою нетерпимостью и мелочною, совершенно нерусскою формальностью. Вотъ для образчика изъ перваго номера «Дня»:

„И на какомъ же широкомъ просторѣ разгулялась, да еще и разгуливаетъ эта ложь! Все внутреннее развитіе, вся жизнь общества, какъ проказой, поражены и растлѣны ею. Ложь! Ложь въ просвѣщеніи, чисто внѣшнемъ, лишенномъ всякой самодѣятельности и творчества. Ложь въ вдохновеніяхъ искусства, силящагося воплотить чуждые, случайные идеалы. Ложь въ литературѣ, съ надменною важностью разработывающей задачи созданныя историческими условіями, чуждыми нашей народной, исторической жизни; въ литературѣ, болѣющей чужими болѣзнями и *равнодушной къ скорбямъ народнымъ*. Ложь въ *порицаніи нашей народности, не въ силу негодующей пылкой любви, но въ силу внутренняго нечестія, инстинктивно враждебнаго всякой святынѣ чести и долга*. Ложь въ самовосхваленіи, сопряженномъ съ упадкомъ духа и съ невѣріемъ въ свои собственныя силы. Ложь въ поклоненіи свободѣ, уживающемся рядомъ съ побужденіями самаго утонченнаго деспотизма. Ложь — религіозности, преданности вѣрѣ, прикрывающей грубое безвѣріе. Ложь въ торжествѣ дикихъ ученій, созданныхъ безстыднымъ невѣжевомъ безбоязненно оскорбляющимъ общественную совѣсть и несмиющимся передъ очевидною несокрушимою крѣпостью коренныхъ основъ родной жизни. Ложь въ легкомысленной гоньбѣ за новизною подъ кестранною фирмою прогресса и цивилизаціи. Ложь въ гуманности и разованности, которыми, въ своей систематической непослѣдователь-

Digitized by Google

ности, щеголяетъ наше общество, допускающее безъ разбора самыя несовмѣстимыя начала, закрывающее глаза отъ выводовъ, обходящее сознательно всѣ основные вопросы, раболѣпствующее всѣмъ моднымъ кумирамъ современности, и выдающее за подвигъ высокаго благородства и терпимости—дешевое умѣнье замазывать, не разрѣшая, самыя непримиримыя противорѣчія!.. Страшное, невиданное сочетаніе ребяческой незрѣлости со всѣми недугами дряхлой старости.—и при всемъ томъ—исцѣленіе возможно и даже несомнѣнно! Мы это всѣ чувствуемъ, мы даже не можемъ и усомниться въ томъ искренно, и заря нашего спасенія уже брезжетъ".

Не думаемъ, чтобъ эта заря брезжила для славянофиловъ. Славянофилы имѣютъ рѣдкую способность не узнавать своихъ и ничего не понимать въ современной дѣйствительности. Одно худое видѣть — хуже чѣмъ ничего не видѣть. А если и останавливаетъ ихъ когда что̀ хорошее, то если чуть-чуть это хорошее непохоже на разъ отлитую когда-то въ Москвѣ формочку ихъ идеаловъ, то оно безвозвратно отвергается и еще ожесточеннѣе преслѣдуется, именно за то, что оно смѣло быть хорошимъ не такъ, какъ разъ навсегда въ Москвѣ приказано. Впрочемъ, и собственный-то идеалъ у нихъ еще вовсе не выясненъ. Есть у нихъ иногда сильное чутье, тонкое и мѣткое, нѣкоторыхъ (но отнюдь не всѣхъ) основныхъ элементовъ русской народной особенности. Ни одинъ западникъ не понялъ и не сказалъ ничего лучше о мірѣ, объ общинѣ русской, какъ Константинъ Аксаковъ въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ сочиненій, къ сожалѣнію, неоконченномъ. Трудно представить себѣ пониманіе болѣе точное, ясное, широкое и плодотворное. Но тотъ-же К. Аксаковъ пишетъ статью о русской литературѣ, помѣщенную теперь въ первомъ номерѣ «Дня»... Но объ ней послѣ. Отвѣтимъ на приведенную выше выписку.

Скажемъ прямо: предводители славянофиловъ извѣстны какъ честные люди. А если такъ, то какъ можно сказать обо всей литературѣ, что она «равнодушна къ скорбямъ народнымъ»? Какъ смѣть сказать: «о порицаніи нашей народности, *не въ силу негодующей, пылкой любви,* но въ силу внутренняго нечестія, инстинктивно враждебнаго всякой святынѣ чести и долга»? Что̀ за фанатизмъ вражды! Что̀ за рѣзкая увѣренность въ самыхъ сокровенныхъ помышленіяхъ противниковъ, въ сердцѣ и въ совѣсти ихъ! Неужели любить родину и быть честными дано въ видѣ привилегіи только однимъ славянофиламъ? Кто могъ сказать это, кто бы рѣшился написать это, кромѣ человѣка въ послѣдней степени фанатическаго изступленія!.. Да тутъ почти пахнетъ кострами и пытками... Мы не преувеличиваемъ. Въ концѣ статьи нашей мы приведемъ еще одну тираду изъ «Дня»: она на многое намекаетъ..

Digitized by Google

Да, конечно; у насъ лжи было много: это правда. Чужіе интересы не разъ принимались за свои, но если и принимались, то именно потому, что казались *своими*, родными, кровными, а вовсе не потому, что будто-бы двигало западниками одно «внутреннее нечестіе, инстинктивно враждебное всякой святынѣ чести и долга». (Какъ поднялась у васъ рука написать это! Нужно во многомъ сперва заручиться, чтобъ взвести такое ужасное обвиненіе!). Но зачѣмъ-же не замѣчать правды, зачѣмъ выпускать изъ виду возрождающуюся со всѣхъ сторонъ жизненность, стремленіе къ дѣйствительности, къ почвѣ? Если есть ложь, если была она, то наша художественная литература, за десятки послѣднихъ лѣтъ, почти сплошь, относилась къ этой лжи *отрицательно*, а не *положительно*. Для славянофиловъ, кажется, не существуетъ подобнаго, напримѣръ, факта, что во время самаго яраго западничества, доходившаго чуть не до послѣднихъ крайностей, вся художественная литература наша, Гоголь (до болѣзни его) и всѣ за нимъ слѣдовавшіе, относились къ плодамъ и результатамъ того-же самаго западничества—отрицательно. Исчезъ для нихъ и тотъ фактъ, что именно эта самая литература, страстно-отрицательная, съ неслыханной ни въ какой еще литературѣ силою смѣха и добровольнаго самоосужденія,—благородная и съ энтузіазмомъ шедшая прямо къ тому, что̀ считала доблестнымъ и честнымъ,—что эта самая литература восторженно поддерживалась самыми крайними западниками. Но славянофилы до сихъ поръ упорно хотятъ видѣть въ западникахъ своихъ враговъ и говорятъ о нихъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ и проклятіемъ, забывая или, лучше, не хотя понять, что западничество и даже самыя послѣднія его крайности были вызваны непремѣннымъ желаніемъ самопровѣрки, самопознанія, послѣдней вспышкой жизни въ умиравшей петровской реформѣ и первой вспышкой сознанія, его осудившаго, т. е. было вызвано самимъ процессомъ жизни. Будто въ западникахъ не было такого-же чутья русскаго духа и народности, какъ въ славянофилахъ? Было, но западники не хотѣли по-факирски заткнуть глазъ и ушей передъ нѣкоторыми непонятными для нихъ явленіями; они не хотѣли оставить ихъ безъ разрѣшенія, и *во что бы ни стало* отнестись къ нимъ враждебно, какъ дѣлали славянофилы; не закрывали глазъ для свѣта и хотѣли дойдти до правды умомъ, анализомъ, понятіемъ. Западничество перешло-бы свою черту и совѣстливо отказалось-бы отъ своихъ ошибокъ. Оно и перешло ее, наконецъ, и обратилось къ *реализму*, тогда какъ славянофильство до сихъ поръ еще стоитъ на смутномъ и неопредѣленномъ идеалѣ своемъ, не стоящемъ, въ *сущности*, изъ нѣкоторыхъ удачныхъ изученій

Digitized by Google

стариннаго нашего быта, изъ страстной, но нѣсколько книжной и отвлеченной любви къ отечеству, изъ святой вѣры въ народъ и въ его правду, а вмѣстѣ съ тѣмъ (зачѣмъ утаевать? Отчего не высказать?) — изъ панорамы Москвы съ Воробьевыхъ горъ, изъ мечтательнаго представленія московскихъ баръ половины семнадцатаго столѣтія, изъ осады Казани и Лавры и изъ прочихъ панорамъ, представленныхъ во французскомъ вкусѣ Карамзинымъ, изъ впечатлѣнія его-же Марфы Посадницы, прочитанной когда-то въ дѣтствѣ, и наконецъ, изъ мечтательной картины полнаго будущаго торжества надъ Нѣмцами, нѣсколько даже физическаго,—надъ Нѣмцами непрощенными и даже, уже послѣ торжества надъ ними, попрекаемыми. Мы вовсе не хотимъ смѣяться говоря это, да и смѣяться-то не надъ чѣмъ; но мы хотѣли только заявить о нѣсколько мечтательномъ элементѣ славянофильства, который иногда доводитъ его до совершеннаго неузнанія своихъ и до полнаго разлада съ дѣйствительностью. Такъ что во всякомъ случаѣ западничество всетаки было реальнѣе славянофильства, и несмотря на всѣ свои ошибки, оно всетаки дальше ушло, всетаки движеніе осталось на его сторонѣ, тогда какъ славянофильство постоянно не двигалось съ мѣста и даже вмѣняло это себѣ въ большую честь. Западничество смѣло задало себѣ послѣдній вопросъ, съ болью разрѣшило его и, черезъ самосознаніе, воротилось-таки ва народную почву и признало соединеніе съ народнымъ началомъ и спасеніе въ почвѣ. Мы, съ своей стороны, заявляемъ какъ фактъ и твердо вѣримъ въ непреложность его, что въ теперешнемъ, чуть не всеобщемъ (кромѣ нѣкоторыхъ крайнихъ и смѣшныхъ исключеній) поворотѣ къ почвѣ, сознательномъ и безсознательномъ, вліяніе славянофиловъ слишкомъ мало участвовало, а даже, можетъ быть, и совсѣмъ не участвовало. Партія движенія шла собственнымъ путемъ и осмыслила свой путь собственнымъ анализомъ. Но и признавъ необходимость почвы, она прежнею жизнью, прежнимъ развитіемъ убѣдилась, что дѣло не въ проклятіи, а въ примиреніи и соединеніи, что реформа, отжившая свой вѣкъ, всетаки внесла къ намъ великій элементъ общечеловѣчности, заставила насъ осмыслить его и поставила его въ нашемъ будущемъ какъ главное назначеніе наше, какъ законъ природы нашей, какъ главнѣйшую цѣль всѣхъ стремленій русской силы и русскаго духа. И замѣтьте себѣ: западникамъ сочувствовала всегда у насъ масса общества. Не презирайте ее, эту зарождающуюся массу! не говорите о ней, какъ ужь и слышится съ нѣкоторыхъ сторонъ, что масса нашего общества слишкомъ ничтожна, слишком невѣжественна, слишкомъ изуродована на европейскій ладъ и уже подгнила, прежде чѣмъ хоть во что нибудь успѣла сложиться. Р

утѣшайте себя этимъ, не пренебрегайте инстинктами общества, каковы-бы они ни были. Вспомнимъ, что общество страстно сочувствовало западникамъ и раздѣляло всѣ ихъ ошибки и увлеченія, тогда какъ постоянно принимало славянофильство за маскарадъ. А гдѣ тайна этого сочувствія массы? Тайна въ томъ, что жизнь, хоть какая нибудь, что дѣйствительность, что обновленіе, что залоги будущаго, что даже самый возвратъ на родную почву и первый шагъ къ тому, — всетаки въ рукахъ реалистовъ, потому что европеизмъ, западничество, реализмъ — всетаки это возрожденная жизнь, начало сознанія, начало воли, начало новыхъ формъ жизни. Западничество шло путемъ безпощаднаго анализа и за нимъ шло все, что могло идти въ нашемъ обществѣ. Реалисты не боятся результатовъ своего анализа. Пусть ложь въ этой массѣ, пусть въ ней сбродъ тѣхъ лжей, которыя съ такимъ ярымъ наслажденіемъ вы пересчитываете. Мы не боимся этого злораднаго исчисленія нашихъ болѣзней. Всѣ эти лжи, если есть онѣ—заранѣе опредѣленныя судьбою станціи пытливаго ума и анализа. Пусть это лжи, но движетъ насъ правда. Мы въ это вѣруемъ. Движеніе остановиться не можетъ и общество дойдетъ-таки до окончательнаго результата, по крайней мѣрѣ, теперешнихъ усилій своихъ; будьте въ этомъ увѣрены.

Но вы являетесь съ газетой. Вы не хотите стоять въ сторонѣ отъ всеобщаго движенія. Вы хотите отзываться на современныя явленія жизни живымъ, неустаннымъ словомъ, войдти съ усиленною противъ прежняго дѣятельностью въ эту толчею почти чуждыхъ вамъ (какъ вы сами заявляете) интересовъ. Мы рады товариществу; но вѣдь товарищемъ вы не будете. Вы всетаки будете насъ учить нестерпимо свысока... учить, безпрерывно учить; смѣяться надъ нашими ошибками; не признавать нашихъ мукъ и страданій; осуждать ихъ со всею жестокостью изступленнаго идеализма и... и... Но вы ужь и начали. Смотрите, какъ тотъ-же К. Аксаковъ, въ статьѣ своей, въ 1 № «Дня», относится сплошь ко всей русской литературѣ. Онъ смотритъ на нее враждебно скептически, онъ отрицаетъ въ ней все *свое*, съ легкостью нестерпимою отъ серьезно болѣющаго сердцемъ человѣка, съ уловкой свысока-оскорбительной. Даже еслибъ онъ былъ правъ совершенно въ сужденіи своемъ, то легкость, скептицизмъ статьи, это самообожаніе въ величавомъ отдѣленіи себя отъ всего съ нимъ рядомъ живущаго, этотъ презрительный взглядъ, скользящій сверху и неудостаивающій ни надъ чѣмъ серьезно остановиться, не удостоивающій ничего оцѣнить,—ужь одно это было-бы въ высшей степени безсердечно и легкомысленно. У него вся литература наша—сплошь под-

Digitized by Google

ражаніе и стремленіе къ иноземному идеалу. Онъ отрицаетъ всякое проявленіе сознанія общественнаго въ нашей литературѣ, не вѣритъ анализу, въ ней проявлявшемуся, самоосужденію, мукамъ, смѣху, въ ней отражавшимся. Нѣтъ, господа; вы съ нами не жили, вы въ нашихъ радостяхъ и скорбяхъ не участвовали; вы пріѣхали изъ-за моря!

Да, конечно, европейскій идеалъ, европейскій взглядъ и вообще европейское вліяніе сильно отозвалось въ созданіяхъ нашей литературы, отражается и до сихъ поръ. Но развѣ мы рабски воспринимали ихъ, развѣ не переживали ихъ жизненнымъ процессомъ, развѣ не вырабатывали своего русскаго взгляда на эти иноземныя явленія, развѣ не убѣдились, не прочувствовали самою жизнью, что общественность есть, можетъ быть, самое важнѣйшее и святѣйшее свойство нашей народности? Развѣ, наконецъ, мы не сознавали народности, не сознавали необходимости почвы и обращенія къ ней? К. Аксаковъ говоритъ, что всѣ попытки обращенія къ народности оказались въ литературѣ нашей неудачными. «Портретъ купца похожъ—говоритъ онъ — у Островскаго; рѣчь сходна: говоритъ *должонъ*, а не *долженъ*». Неужели-жь К. Аксаковъ у Островскаго только и замѣтилъ это *должонъ*, а не *долженъ?* По смыслу и по тону статьи такъ выходитъ. Нѣтъ, мы не повѣримъ въ этомъ К. Аксакову; онъ прикидывается. Вѣдь случается иногда съ самымъ серьезнымъ человѣкомъ какой-то капризъ, какая-то потребность избочениться, вставить въ глазъ стеклышко и посмотрѣть на вселенную,—ну хоть такъ, какъ смотрятъ у насъ иногда на вселенную, въ четвертомъ часу по полудни, на Невскомъ проспектѣ... И какъ вы думаете, чего требуетъ К. Аксаковъ: «гдѣ-же—говоритъ—настоящій купецъ? Гдѣ душа его? Гдѣ то, что̀ въ немъ жить должно?» То есть ни больше ни меньше, требуетъ изображенія положительныхъ сторонъ русскаго человѣка, съ патетической его стороны. А, каково? То есть послѣдняго слова сознанія, послѣдней степени красоты мелькающаго намъ и манящаго насъ идеала. Бездѣлица! Мы не упрекаемъ К. Аксакова, что онъ не разглядѣлъ въ Островскомъ слѣдовъ положительной русской красоты, уже кое-гдѣ намѣченной во всемъ его «Темномъ царствѣ», что онъ не подивился на то: какъ это такъ рано удалось, такъ рано случилось, такъ рано начало высказываться это новое слово,—вмѣсто того, чтобъ попрекать и подсмѣиваться? Мало-ли что̀ человѣкъ можетъ не замѣтить особенно подъ вліяніемъ извѣстнаго идеальнаго настроенія. Но нам нестерпимо сужденіе Аксакова, какъ было-бы нестерпимо суждені барича въ желтыхъ перчаткахъ и съ хлыстикомъ въ рукѣ над работою чернорабочаго: «А что̀, урока отчего не сработалъ? П

Digitized by Google

восьми пудовъ не можешь носить? Нѣженка!» Да что-жь вы-то дѣлали, К. Аксаковъ? А не вы, такъ всѣ ваши славянофилы? Читаешь иныя ваши мнѣнія и, наконецъ, по неволѣ придешь къ заключенію, что вы рѣшительно въ сторонѣ себя поставили, смотрите на насъ какъ на чуждое племя, точно съ луны къ намъ пріѣхали, точно не въ нашемъ царствѣ живете, не въ наши годы, не ту-же жизнь переживаете! Точно опыты надъ кѣмъ-то дѣлаете, въ микроскопъ кого-то разсматриваете. Да вѣдь это ваша-же литература, ваша, русская? Что-же вы свысока-то на нее смотрите, какъ козявку ее разбираете? Да вѣдь вы сами литераторы, г-да славянофилы. Вѣдь вы хвалитесь-же знаніемъ народа, ну и представьте намъ сами ваши идеалы, ваши образы. Но сколько намъ извѣстно, выше князя Луповицкаго вы еще не подымались. Вы скажете: нелѣпо и грубо намъ такъ разсуждать. Извольте, мы согласимся съ вами, но только тогда, когда вы не будете разсматривать вашихъ-же Русскихъ свысока, какъ букашекъ, какъ кучку какихъ нибудь муравьевъ, и забавляться надъ нашими усиліями, муками и ошибками. Бросьте вашъ тонъ свысока, и вспомните, что вы сами Русскіе и принадлежите къ тому-же самому обществу, одинъ фатализмъ насъ связалъ, и *свысока, со стороны* вы судить не можете, себя выгораживая. Вы какъ-будто хвалитесь, что у васъ есть *свое, особое,* не такое, какъ у насъ. Вѣдь согласитесь, въ словахъ *«долженъ,* а не *долженъ»* лежитъ столько насмѣшки, столько лукавой про себя насмѣшки: «Вѣдь вотъ, дескать, чего этотъ жалкій народъ не знаетъ! Какихъ основныхъ вещей не понимаетъ! Какъ совратился и отупѣлъ!» Ну, и покажите намъ то, что̀ у васъ есть, не скрывайте сокровище; да не въ наставленіяхъ, не въ надгробныхъ надъ нами рѣчахъ покажите его, а въ настоящемъ дѣлѣ,—ну хоть въ искусствѣ, такъ какъ это всего невиннѣе и... сподручнѣе. Иначе вѣдь странно со стороны: чтожь это въ самомъ дѣлѣ, подумаешь, люди, говорятъ, постигли тайну русскаго назначенія, русскаго духа, привиллегированно отмежевали себѣ знаніе русскихъ судебъ русскаго человѣка и то, *«какъ онъ быть долженъ»*, а смотришь — на дѣлѣ отъ нихъ и нѣтъ ничего. И не могутъ сами-то показать, *«какъ онъ быть долженъ!»* И добро-бы не было у нихъ литераторовъ!

Литераторы-то есть, да жизни-то нѣтъ!

Да, ея нѣтъ! Чутья дѣйствительности нѣтъ. Идеализмъ одуряетъ, у[illegible]екаетъ и—мертвитъ, и вы сами ясно понимаете то, пониманіемъ ч[illegible]то хвалитесь передъ нами. Вотъ почему мы и сказали, что у [illegible]ъ есть чутье нѣкоторыхъ основныхъ элементовъ русской жизни, [illegible] не всѣхъ. Чутья какъ не быть: вы Русскіе, люди честные, лю-

Digitized by Google

бите родину; но идеализмъ губитъ васъ и иногда вы даете ужасные промахи, даже въ пониманіи именно этихъ-то основныхъ элементовъ русской жизни. Ну вотъ, напримѣръ, еще тирада, изъ 2 № «Дня». Полюбуйтесь:

„Что видимъ мы... хоть въ нашей литературѣ? Какія—*теоріи?* Съ одной стороны пустое, голое отрицаніе, волненіе, безъ содержанія и безъ цѣли, какой-то призракъ жизни и движенія,—а въ сущности нѣтъ ни жизни, ни движенія, все полумертво и гнило, и заимствуетъ силу только отъ силы враждебнаго напора; съ другой—грубая, тупая, безсмысленная *сила*, только въ насиліи и бездушномъ механизмѣ полагающая спасеніе! Съ одной стороны ложь разрушенія, съ другой ложь созиданія; съ одной стороны невѣріе, поклоняющееся, какъ богамъ, людскимъ, временнымъ кумирамъ; съ другой мнимая вѣра, поклоняющаяся и Богу, какъ кумиру, и силою божьяго имени; служащая своимъ корыстнымъ цѣлямъ и выгодамъ! Тутъ раболѣпство передъ каждымъ послѣднимъ словомъ науки, тамъ грубое презрѣніе къ наукѣ, къ мысли, къ подвигамъ разума и духа; тутъ злоупотребленіе, нечестное обращеніе со словомъ; тамъ преслѣдованіе слова, любовь нѣмоты и мрака, тайное сочувствіе съ безсловесными! И тутъ, и тамъ одинаковое умерщвленіе духа: тамъ черезъ внѣшнее насиліе, а тутъ—черезъ оскудѣніе и огрубленіе духа. И тутъ и тамъ одинаковое подобострастное, рабское отношеніе къ иноземному, безсмысленная покорность подражанія, измѣна народному духу, при наружной грубой поддѣлкѣ подъ русскую народность. Въ безысходный мракъ погружены обѣ враждующія стороны, во мракѣ терзаютъ и истребляютъ другъ друга!—И если народъ наконецъ подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи, и взглянетъ—на нашихъ литераторовъ и всякаго рода художниковъ (кромѣ нѣкоторыхъ исключеній), взглянетъ на этихъ незванныхъ гостей, устроившихъ свой буйный пиръ у его ложа, прислушается къ ихъ оглушительнымъ кликамъ, къ треску и грому ихъ велѣній и вѣщаній,—что скажетъ онъ: „Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Что сталось съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ? Что совершили вы на досугѣ? Гдѣ цѣльность и единство жизни и духа? Гдѣ наука, вами взрощенная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово? Какого хлама нанесли вы на мою почву?.. Нѣтъ, вы не мои, вы безобразные снимки съ чужихъ народовъ! Подите къ нимъ, если они васъ примутъ:—я не знаю васъ, вы мнѣ ненужны, вы чужды мнѣ...“ скажетъ народъ, пробуждаясь къ сознанію,—и смететъ ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскресшаго народнаго духа!

„Но еще не наступила пора. И хотя мы почти увѣрены, что голосъ нашъ раздается напрасно, но, примѣняясь къ предмету настоящей рѣчи нашей, скажемъ и мы: „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь Господень... Покайтеся!..“

Хорошо-съ. Но такъ-ли скажетъ народъ? Такъ-ли (и это главное) разсудитъ онъ? Не приписываете-ли вы ему своего суда, своихъ мнѣній? Вы говорите про нашихъ художниковъ и литераторовъ

Digitized by Google

Про художниковъ мы теперь ничего не скажемъ и не будемъ гадать о томъ, какая участь постигнетъ нашу академію художествъ. Но другимъ, о которыхъ вы говорите, онъ скажетъ, по-нашему; вотъ что: «Успокойтесь! Вы тѣ-же Русскіе, и я признаю васъ Русскими за то, что вы меня сами, наконецъ, признали и догадались, что безъ меня вамъ жить плохо и что безъ меня вы ничего не сдѣлаете. Честь и слава вамъ, что какъ только проснулась ваша мысль, какъ только вы выросли и возмужали, тотчасъ-же вспомнили обо мнѣ. Честь и слава вамъ, что вы скорбѣли моими скорбями и другихъ научали скорбѣть; что вы заступались за меня и рѣшили сообща—воротиться ко мнѣ, на родную почву. Научите-жь вы меня теперь тому, что вы за моремъ узнали, и опишите мнѣ въ точности всѣ ваши странствованія и страданія. Я-же васъ научу тому, что вы своего позабыли. Во многомъ вы ошибались; но ошибку въ фальшь не ставятъ. Ошибокъ умышленныхъ вы промежь себя не терпѣли и не хотѣли терпѣть, а я это выше всего цѣню. Всѣ мы изъ одной благородной почвы и, какъ Русскіе, всѣ мы другъ передъ другомъ равны...» И ужь если пошло на тексты, то не грозный текстъ пророка приведетъ онъ тогда, а милосердое слово безконечной любви... Такъ намъ кажется. Намъ кажется, что мы заслужимъ въ его сознаніи, а сознательно онъ не смететъ насъ какъ соръ... Вѣдь и у васъ онъ говоритъ сознательно: какъ-же вы сознательно вложили ему такія слова въ уста! Нѣтъ, господа, не клевещите на русскій народъ, не приписывайте ему своего суда!

Есть у васъ и еще тирады; но объ нихъ какъ-то не приходится намъ судить (чтобъ не распространять статью, разумѣется). И тѣмъ болѣе странно для насъ, что вѣдь вы сами знали, что объ этихъ тирадахъ не будутъ судить и на нихъ не будутъ вамъ возражать. Но не смотря на то, вы увлеклись и—судили до конца. И вѣдь какъ судили-то, какимъ судомъ! Сами-же признавались, начиная судъ, что будете говорить только объ одной сторонѣ, выслушаете только одного подсудимаго. Въ какомъ-же судѣ выслушиваютъ только одну сторону? А вы выслушали, да еще положили рѣшеніе, т. е. осудили — одну сторону. Хорошо это вы сдѣлали? Оставляемъ это на вашу совѣсть. Дѣло, конечно, шло объ русской литературѣ. Это еще не такъ важно. Ну, а если-бы шло о чемъ поважнѣе? Повѣрьте, что это нехорошій пріемъ. Дурные «Дни» и сулите намъ впереди. Мы съ симпатіей думали встрѣтить журналъ вашъ, но вы хоть какую симпатію потушите. Или вотъ еще: проявился у васъ въ 4 номерѣ одинъ корреспондентъ Н. Б. Пишетъ онъ о крестьянахъ. Трудно представить себѣ что нибудь болѣе ограниченнаго и самодовольнаго, какъ сужденія господина Н. Б.

Digitized by Google

Редакторъ «Дня» самымъ обязательнѣйшимъ образомъ возится съ нимъ въ продолженіе всей статьи, возражаетъ ему поминутно; увѣряетъ его, что тамъ, гдѣ г. Н. Б. видитъ одну дичь, глупость и невѣжество крестьянина, не только нѣтъ дичи, глупости, но что даже, напротивъ, видно много ума. На нѣкоторыя возмущающія душу сужденія г-на Н. Б. редакторъ возражаетъ необыкновенно снисходительно и деликатно, и даже спѣшитъ, въ одномъ мѣстѣ, заявить, что г. Н. Б. совсѣмъ не обскурантъ. «Намъ слишкомъ хорошо извѣстенъ образъ мыслей и дѣйствій автора,—замѣчаетъ редакторъ,—чтобъ допустить возможность подобнаго объ немъ отзыва». Ну, да положимъ... т. е. не то что г. Н. Б. не обскурантъ: это мы никакъ допустить не можемъ, не смотря на отзывъ редактора; а положимъ, что у всякаго своя фантазія, что редакціи нравится помѣщать такія статьи, на которыя она сама принуждена писать въ томъ-же номерѣ критику. Ну, а вотъ это какъ вамъ покажется: На одно мнѣніе г-на Н. Б. редакторъ уже самъ дѣлаетъ слѣдующую замѣтку о бывшемъ крѣпостномъ состояніи:

„Мы даже думаемъ, что *въ общей сложности*, личныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ были довольно человѣчны. Покоясь на лонѣ, повидимому, незыблемаго, крѣпостнаго права, наивно увѣренный въ его совершенной человѣческой и божеской законности, помѣщикъ не имѣлъ надобности оправдывать это право клеветами на крестьянъ, и относился къ нимъ довольно дружелюбно и простосердечно. Этому доказательствомъ служитъ между прочимъ и то, что помѣщики допустили образованіе и развитіе крестьянскихъ общинъ и міра, совершившееся вовсе не вопреки ихъ волѣ и не въ огражденіе только отъ помѣщичьяго произвола. У насъ никогда не было ничего подобнаго отношеніямъ феодальныхъ владѣльцевъ къ ихъ вассаламъ. Крестьянинъ не былъ для помѣщика „виленемъ“ (vilain), а „рабомъ божіимъ“ такимъ-то, „христіанскою-же душою“, хотя подчасъ и „съ глупымъ крестьянскимъ разумомъ!“ Совершались иногда страшныя злоупотребленія, но они не возводились *въ законъ*, какъ на Западѣ. Такія пошлины, какія взимались тамъ, такія „*права*“ владѣльцевъ, какъ знаменитое *jus p. n.*, у насъ просто немыслимы. Когда-же критика общественнаго сознанія обличила всю внутреннюю неправду крѣпостнаго права и нарушила блаженный миръ безсознательныхъ, деспотическихъ и въ то же время какихъ-то простодушныхъ отношеній, возникли дѣйствительно со стороны многихъ помѣщиковъ клеветы на крестьянъ, и вообще ложныя оцѣнки крестьянскаго права,—непомѣшавшія, впрочемъ, совершиться дѣлу освобожденія.

„Гораздо сильнѣе клеветъ крѣпостнаго права были клеветы на русскій народъ, создаваемыя неистовыми поклонниками западной образованности отрицавшими въ народѣ всякое право на свободное и самобытное народное развитіе“.

Хорошо? «Покоясь на лонѣ, повидимому, незыблемаго, крѣпостнаго права, наивно увѣренный въ его совершенной человѣческо-

Digitized by Google

и божеской законности, помѣщикъ относился къ крестьянамъ довольно *дружелюбно* и *простосердечно*»...

Во первыхъ, до какой-же отупѣлости долженъ дойти человѣкъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ *божеской* законности крѣпостнаго права. А если такъ, то какъ-же можно ручаться, что такой человѣкъ могъ относиться къ своему крестьянину *дружелюбно?* Вы говорите, что у насъ не было ничего подобнаго феодальнымъ отношеніямъ на Западѣ? Ну нѣтъ-съ; одно другаго вѣрно стоило. Спросите у мужиковъ.

«Крестьянинъ—говорите вы—не былъ для помѣщика *виленемъ*, а рабомъ божіимъ, христіанскою душою». А холопъ, хамъ, халуй, хамлетъ:—что̀, эти названія, по вашему, благороднѣе виленя? Но позвольте, что̀ вы разумѣете подъ именемъ дружелюбныхъ помѣщиковъ? Да помѣщикъ, при тѣхъ правахъ, которыми онъ обладалъ, даже самый добрый, самый добрѣйшій, не могъ относиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ своимъ крестьянамъ «дружелюбно и простосердечно». Но что̀ говорить!.. Объ этомъ такъ уже много сказано и это такъ для всѣхъ ясно, что трудно въ настоящее время не понимать этого.

Вы замѣчаете, наконецъ, что клеветы западниковъ на русскій народъ были сильнѣе клеветъ помѣщиковъ на крестьянъ, когда блаженный міръ «простосердечныхъ» отношеній нарушился усиленнымъ присмотромъ правительства. Ну нѣтъ-съ, это вамъ только кажется...

Но довольно. Вѣдь намъ еще, можетъ быть, нѣсколько разъ придется повстрѣчаться съ газетою «День» на дорогѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

ИЗЪ

ЖУРНАЛА „ГРАЖДАНИНЪ“

ЗА 1873 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Вступленіе.*)

вадцатаго декабря я узналъ, что уже все рѣшено и что я редакторъ «Гражданина». Это чрезвычайное событіе, т. е. чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать),—произошло, однако, довольно просто. Двадцатаго декабря я какъ разъ читалъ статью «Московскихъ Вѣдомостей» о бракосочетаніи китайскаго императора; она оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Это великолѣпное и, повидимому, весьма сложное событіе произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмотрѣно и опредѣлено еще за тысячу лѣтъ, до послѣдней подробности, почти въ двухстахъ томахъ церемоній. Сравнивъ громадность китайскаго событія съ моимъ назначеніемъ въ редакторы,—я вдругъ почувствовалъ неблагодарность къ отечественнымъ установленіямъ, не смотря на то, что меня такъ легко утвердили и подумалъ, что намъ, т. е. мнѣ и князю Мещерскому, въ Китаѣ было-бы несравненно выгоднѣе, чѣмъ здѣсь, издавать «Гражданина». Тамъ все такъ ясно... Мы оба предстали-бы въ назначенный день въ тамошнее главное управленіе по дѣламъ печати. Стукнувшись лбами объ полъ и полизавъ полъ языкомъ, мы-бы встали и подняли наши указательные персты передъ собою, почтительно склонивъ головы. Главноуправляющій по дѣламъ печати, конечно, сдѣлалъ-бы видъ, что не обращаетъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, какъ на влетѣвшихъ мухъ. Но всталъ-бы третій помощникъ третьяго его секретаря и, держа въ рукахъ дипломъ о моемъ назначеніи въ редакторы, произнесъ-бы намъ внушительнымъ, но ласковымъ голосомъ опредѣленное церемоніями наставленіе. Оно было-бы такъ ясно и такъ понятно, что обоимъ намъ было-бы неимовѣрно пріятно слушать. На случай, еслибъ я въ Китаѣ былъ такъ глупъ и чистъ сердцемъ, что, приступая къ редак-

*) Напечатано въ № 1 журнала „Гражданинъ“ за 1873 г.

Digitized by Google

торству и сознавая слабость моихъ способностей, ощутилъ-бы въ себѣ страхъ и угрызенія совѣсти,—мнѣ-бы тотчасъ-же было доказано, что я вдвое глупъ, питая такія чувства. Что именно съ этого момента мнѣ вовсе не надо ума, еслибъ даже и былъ; напротивъ того, несравненно благонадежнѣе, если его нѣтъ вовсе. И ужь, безъ сомнѣнія, это было-бы весьма пріятно выслушать. Заключивъ прекрасными словами: «Иди, редакторъ, отнынѣ ты можешь ѣсть рисъ и пить чай съ новымъ спокойствіемъ твоей совѣсти», третій помощникъ третьяго секретаря вручилъ-бы мнѣ красивый дипломъ, напечатанный на красномъ атласѣ золотыми литерами, князь Мещерскій далъ-бы полновѣсную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчасъ-же-бы издали великолѣпнѣйшій № «Гражданина», такой, какого здѣсь никогда не издадимъ. Въ Китаѣ мы-бы издавали отлично.

Подозрѣваю, однако, что въ Китаѣ князь Мещерскій непремѣнно-бы со мною схитрилъ, пригласивъ меня въ редакторы наиболѣе съ тою цѣлью, чтобъ я замѣнялъ его лицо въ главномъ управленіи по дѣламъ печати каждый разъ, когда-бы его приглашали туда получать удары по пятамъ бамбуковыми дощечками. Но я перехитрилъ-бы его: я-бы тотчасъ пересталъ печатать «Бисмарка», самъ-же, напротивъ, сталъ отлично писать статьи,—такъ что къ бамбуку призывали-бы меня всего лишь черезъ нумеръ. Зато я-бы выучился писать.

Въ Китаѣ я-бы отлично писалъ; здѣсь это гораздо труднѣе. Тамъ все предусмотрѣно и все разсчитано на тысячу лѣтъ; здѣсь-же все вверхъ дномъ на тысячу лѣтъ. Тамъ я даже по неволѣ писалъ-бы понятно; такъ что не знаю, кто-бы меня сталъ и читать. Здѣсь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднѣе писать непонятно. Только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» передовыя статьи пишутся въ полтора столбца и—къ удивленію—понятно; да и то если принадлежатъ извѣстному перу. Въ «Голосѣ» онѣ пишутся въ восемь, въ десять, въ двѣнадцать и даже въ тринадцать столбцовъ. И такъ вотъ сколько надо здѣсь истратить столбцовъ, чтобы заставить уважать себя.

У насъ говорить съ другими—наука, т. е. съ перваго взгляда, пожалуй также, какъ и въ Китаѣ; какъ и тамъ, есть нѣсколько очень упрощенныхъ и чисто научныхъ пріемовъ. Прежде, напримѣръ, слова: «я ничего не понимаю», означали только глупость произносившаго ихъ; теперь-же приносятъ великую честь. Стоитъ лишь произнести съ открытымъ видомъ и съ гордостью: «Я не понимаю религіи, я ничего не понимаю въ Россіи, я ровно ничего не понимаю въ искусствѣ» — и вы тотчасъ-же ставите себя на

Digitized by Google

отмѣнную высоту. И это особенно выгодно, если вы въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаете.

Но этотъ упрощенный пріемъ ничего не доказываетъ. Въ сущности у насъ каждый подозрѣваетъ другаго въ глупости, безо всякой задумчивости и безо всякаго обратнаго вопроса на себя: «да ужь не я-ли это глупъ въ самомъ дѣлѣ?» Положеніе вседовольное, и однако-же никто не доволенъ имъ, а всѣ сердятся. Да и задумчивость въ наше время почти невозможна: дорого стоитъ. Правда, покупаютъ готовыя идеи. Онѣ продаются вездѣ, даже даромъ; но даромъ-то еще дороже обходятся, и это уже начинаютъ предчувствовать. Въ результатѣ никакой выгоды и по прежнему безпорядокъ.

Пожалуй, мы тотъ-же Китай, но только безъ его порядка. Мы едва лишь начинаемъ то, что въ Китаѣ уже оканчивается. Несомнѣнно придемъ къ тому-же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томовъ «Церемоній», съ тѣмъ, чтобы уже окончательно выиграть право ни о чемъ не задумываться, намъ надо прожить, по крайней мѣрѣ, еще тысячелѣтіе задумчивости. И что-же—никто не хочетъ ускорить срокъ, потому что никто не хочетъ задумываться.

Правда и то: если никто не хочетъ задумываться, то, казалось-бы, тѣмъ легче русскому литератору. Да, легче дѣйствительно; и горе тому литератору и издателю, который въ наше время задумывается. Еще горше тому, кто самъ захотѣлъ-бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявитъ объ этомъ искренно; а если заявитъ, что уже капельку понялъ и желаетъ высказать свою мысль, то немедленно всѣми оставляется. Ему остается лишь подыскать какого нибудь одного подходящаго человѣчка, или даже нанять его, и только съ нимъ однимъ и разговаривать; можетъ быть, для него одного и журналъ издавать. Положеніе омерзительное, ибо это все равно что говорить самому съ собой и издавать журналъ для собственнаго удовольствія. Я сильно подозрѣваю, что «Гражданину» еще долго придется говорить самому съ собой для собственнаго удовольствія. Взять ужь то, что по медицинѣ разговоръ съ собой обозначаетъ предрасположеніе къ помѣшательству. «Гражданинъ» долженъ непремѣнно говорить съ гражданами и вотъ ь томъ вся бѣда его!

И такъ, вотъ къ какому изданію я пріобщилъ себя. Положеніе ое въ высшей степени неопредѣленное. Но буду и я говорить амъ съ собой и для собственнаго удовольствія, въ формѣ этого евника, а тамъ чтобы ни вышло. Объ чемъ говорить? Обо всемъ, то поразитъ меня или заставитъ задуматься. Если-же найду чи-

Digitized by Google

тателя и, Боже сохрани, оппонента, то понимаю, что надо умѣть разговаривать и знать съ кѣмъ и какъ говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у насъ это всего труднѣе, т. е. въ литературѣ. Къ тому-же и оппоненты бываютъ различные; не со всякимъ можно начать разговоръ. Разскажу одну басню, которую слышалъ на дняхъ. Говорятъ, что басня древняя, чуть не индійскаго происхожденія, что̀ весьма утѣшительно.

Однажды свинья поспорила со львомъ и вызвала его на дуэль. Воротясь домой, одумалась и струсила. Собралось все стадо, подумали и рѣшили такъ:

— Видишь, свинья, тутъ у насъ по близости есть одна яма; поди, вываляйся въ ней хорошенько и явись такъ на мѣсто. Увидишь.

Свинья такъ и сдѣлала. Левъ пришелъ, понюхалъ, поморщился и пошелъ прочь. Долго еще потомъ свинья хвалилась, что левъ струсилъ и убѣжалъ съ поля битвы.

Вотъ басня. Конечно, львовъ у насъ нѣтъ, — не по климату, да и слишкомъ величественно. Но поставьте вмѣсто льва порядочнаго человѣка, какимъ каждый обязанъ быть, и нравоученіе выйдетъ тоже самое.

Кстати, разскажу еще присказку:

Однажды, разговаривая съ покойнымъ Герценомъ, я очень хвалилъ ему одно его сочиненіе,—«Съ того берега». Объ этой книгѣ, къ величайшему моему удовольствію, съ похвалой отнесся и Михаилъ Петровичъ Погодинъ въ своей превосходной и любопытнѣйшей статьѣ о свиданіи его за границей съ Герценомъ. Эта книга написана въ формѣ разговора двухъ лицъ, Герцена и его оппонента.

— И мнѣ особенно нравится, замѣтилъ я между прочимъ, что вашъ оппонентъ тоже очень уменъ. Согласитесь, что онъ васъ во многихъ случаяхъ ставитъ къ стѣнѣ.

— Да вѣдь въ томъ-то и вся штука, засмѣялся Герценъ.—Я вамъ разскажу анекдотъ. Разъ, когда я былъ въ Петербургѣ, затащилъ меня къ себѣ Бѣлинскій и усадилъ слушать свою статью, которую горячо писалъ: «Разговоръ между господиномъ А. и господиномъ Б.» (Вошла въ собраніе его сочиненій). Въ этой статьѣ господинъ А., т. е., разумѣется, самъ Бѣлинскій—выставленъ очень умнымъ, а господинъ Б., его оппонентъ, поплоше. Когда онъ кончилъ, то съ лихорадочнымъ ожиданіемъ спросилъ меня:

— Ну что̀, какъ ты думаешь?

— Да хорошо то хорошо и видно, что ты очень уменъ, но только охота тебѣ была съ такимъ дуракомъ свое время терять.

Digitized by Google

Бѣлинскій бросился на диванъ, лицомъ въ подушку, и закричалъ, смѣясь что есть мочи:

— Зарѣзалъ! Зарѣзалъ!

II

Старые люди.

Тотъ анекдотъ о Бѣлинскомъ напомнилъ мнѣ теперь мое первое вступленіе на литературное поприще, Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому назадъ; грустное, роковое для меня время. Мнѣ именно припомнился самъ Бѣлинскій, какимъ я его тогда встрѣтилъ и какъ онъ меня тогда встрѣтилъ. Мнѣ часто припоминаются теперь старые люди, конечно, потому, что встрѣчаюсь съ новыми. Это была самая восторженная личность изъ всѣхъ мнѣ встрѣчавшихся въ жизни. Герценъ былъ совсѣмъ другое: то былъ продуктъ нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde прежде всего,— типъ явившійся только въ Россіи и который нигдѣ кромѣ Россіи не могъ явиться. Герценъ не эмигрировалъ, не полагалъ начало русской эмиграціи;—нѣтъ, онъ такъ ужь и родился эмигрантомъ. Они всѣ, ему подобные, такъ прямо и рождались у насъ эмигрантами, хотя большинство ихъ и не выѣзжало изъ Россіи. Въ полтораста лѣтъ предыдущей жизни русскаго барства, за весьма малыми исключеніями, истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи его съ русской почвой и съ русской правдой. Герцену какъ будто сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣлясь отъ народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами; вялые и спокойные — индеферентными. Къ русскому народу они питали лишь одно презрѣніе, воображая и вѣруя въ то-же время, что любятъ его и желаютъ ему всего лучшаго. Но они любили его отрицательно, воображая вмѣсто него какой-то идеальный народъ,—какимъ-бы долженъ быть, по ихъ понятіямъ, русскій народъ. Этотъ идеальный народъ невольно воплощался тогда у иныхъ передовыхъ представителей большинства въ парижскую чернь девяносто третьяго года. Тогда это былъ самый плѣнительный идеалъ народа. Разумѣется, Герценъ долженъ былъ стать соціалистомъ и именно какъ русскій баричъ, т. е. безо всякой нужды и цѣли, а изъ одного только «логическаго теченія идей» и

Digitized by Google

отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества; отрицалъ семейство и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность, а въ ожиданіи успѣлъ устроить дѣла свои, и съ удовольствіемъ ощущалъ за границей свою обезпеченность. Онъ заводилъ революціи и подстрекалъ къ нимъ другихъ и въ то-же время любилъ комфортъ и семейный покой. Это былъ художникъ, мыслитель, блестящій писатель, чрезвычайно начитанный человѣкъ, остроумецъ, удивительный собесѣдникъ (говорилъ онъ даже лучше, чѣмъ писалъ) и великолѣпный рефлектёръ. Рефлекція, способность сдѣлать изъ самаго глубокаго своего чувства объектъ, поставить его передъ собою, поклониться ему, и сейчасъ-же, пожалуй, и насмѣяться надъ нимъ, была въ немъ развита въ высшей степени. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ необыкновенный; но чѣмъ-бы онъ ни былъ—писалъ-ли свои записки, издавалъ-ли журналъ съ Прудономъ, выходилъ-ли въ Парижѣ на баррикады (что̀ такъ комически описалъ въ своихъ запискахъ); страдалъ-ли, радовался-ли, сомнѣвался-ли; посылалъ-ли въ Россію, въ шестьдесятъ третьемъ году, въ угоду полякамъ свое воззваніе къ русскимъ революціонерамъ, въ то-же время не вѣря полякамъ и зная, что они его обманули, зная, что своимъ воззваніемъ онъ губитъ сотни этихъ несчастныхъ молодыхъ людей; съ наивностью-ли неслыханною признавался въ этомъ самъ въ одной изъ позднѣйшихъ статей своихъ, даже и не подозрѣвая, въ какомъ свѣтѣ самъ себя выставляетъ такимъ признаніемъ — всегда, вездѣ и во всю свою жизнь онъ, прежде всего, былъ gentilhomme russe et citoyen du monde, по просту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое онъ ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ, не по отцу только, а именно черезъ разрывъ съ родной землей и съ ея идеалами. Бѣлинскій, напротивъ, Бѣлинскій былъ вовсе не gentilhomme, — о, нѣтъ. (Онъ Богъ знаетъ отъ кого происходилъ. Отецъ его былъ, кажется, военнымъ лекаремъ).

Бѣлинскій былъ по преимуществу не рефлективная личность, а именно беззавѣтно восторженная, всегда и во всю его жизнь. Первая повѣсть моя «Бѣдные Люди» восхитила его (потомъ, почти годъ спустя, мы разошлись—отъ разнообразныхъ причинъ, весьма, впрочемъ, неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ); но тогда, въ первые дни знакомства, привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ-же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру. Я нисколько не преувеличиваю его горячаго влеченія ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ первые мѣсяцы знакомства. Я засталъ его страстнымъ соціалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменатель-

Digitized by Google

наго, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка, въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала прямо съ знаменательнаго заявленія: «мы прежде всего общество атеистическое», т. е., начала съ самой сути дѣла; тѣмъ-же началъ и Бѣлинскій. Выше всего цѣня разумъ, науку и реализмъ, онъ въ то-же время понималъ глубже всѣхъ, что одни: разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не соціальную «гармонію», въ которой-бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему—начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы соціализма (который, однако, не указалъ до сихъ поръ ни единой, кромѣ гнусныхъ извращеній природы и здраваго смысла), онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ. Но какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности— онъ отрицалъ радикально. (Замѣчу, что онъ былъ тоже хорошимъ мужемъ и отцомъ, какъ и Герценъ). Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, что, отрицая нравственную отвѣтственность личности, онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ и свободу ея; но онъ вѣрилъ всѣмъ существомъ своимъ (гораздо слѣпѣе Герцена, который, кажется, подъ конецъ усумнился), что соціализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ—возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ.

Тутъ оставалась однако сіяющая личность самого Христа, съ которою всего труднѣе было бороться. Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами; но всетаки оставался пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но въ безпрерывномъ, неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и передъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ, какъ остановился Ренанъ, провозгласившій въ своей полной безвѣрія книгѣ «Vie de Jesus», что Христосъ всетаки есть идеалъ красоты человѣческой, типъ недостижимый, которому нельзя уже болѣе повториться даже и въ будущемъ.

— Да знаете-ли вы, взвизгивалъ онъ разъ вечеромъ (онъ иногда къ-то взвизгивалъ, если очень горячился), обращаясь ко мнѣ:— аете-ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи человѣку и обреме-

Digitized by Google

нять его долгами и подставными ланитами, когда общество такъ подло устроено, что человѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству, и что нелѣпо и жестоко требовать съ человѣка того, чего уже по законамъ природы не можетъ онъ выполнить, еслибъ даже хотѣлъ...

Въ этотъ вечеръ мы были не одни; присутствовалъ одинъ изъ друзей Бѣлинскаго, котораго онъ весьма уважалъ и во многомъ слушался; былъ тоже одинъ молоденькій, начинающій литераторъ, заслужившій потомъ извѣстность въ литературѣ.

— Мнѣ даже умилительно смотрѣть на него, прервалъ вдругъ свои яростныя восклицанія Бѣлинскій, обращаясь къ своему другу и указывая на меня:—каждый-то разъ, когда я вотъ такъ помяну Христа, у него все лицо измѣняется, точно заплакать хочетъ... Да, повѣрьте-же, наивный вы человѣкъ, набросился онъ опять на меня:—повѣрьте-же, что вашъ Христосъ, еслибы родился въ наше время, былъ-бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался-бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества.

— Ну, нѣ-ѣ-ѣтъ! подхватилъ другъ Бѣлинскаго. (Я помню, мы сидѣли, а онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ).—Ну, нѣтъ: еслибы теперь появился Христосъ, онъ-бы примкнулъ къ движенію и сталъ во главѣ его...

— Ну-да, ну-да, вдругъ и съ удивительною поспѣшностью согласился Бѣлинскій.—Онъ-бы именно примкнулъ къ соціалистамъ и пошелъ за ними.

Эти двигатели человѣчества, къ которымъ предназначалось примкнуть Христу, были тогда все французы: прежде всѣхъ Жоржъ Зандъ, теперь совершенно забытый Кабетъ, Пьеръ Леру и Прудонъ, тогда еще только начинавшій свою дѣятельность. Этихъ четырехъ, сколько припомню, всего болѣе уважалъ тогда Бѣлинскій. Фурье уже далеко не такъ уважался. О нихъ толковалось у него по цѣлымъ вечерамъ. Былъ тоже одинъ нѣмецъ, передъ которымъ тогда онъ очень склонялся—Фейербахъ. (Бѣлинскій, не могшій всю жизнь научиться ни одному иностранному языку, произносилъ: Фіербахъ). О Штраусѣ говорилось съ благоговѣніемъ.

При такой теплой вѣрѣ въ свою идею, это былъ, разумѣется, самый счастливѣйшій изъ людей. О, напрасно писали потомъ, что Бѣлинскій, еслибъ прожилъ дольше, примкнулъ-бы къ славянофильству. Никогда-бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій можетъ быть, кончилъ-бы эмиграціей, еслибы прожилъ дольше и еслибы удалось ему эмигрировать, и скитался-бы теперь маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ съ прежнею теплою вѣрой, но

Digitized by Google

допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣ нибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи, или примкнулъ-бы адъютантомъ къ какой нибудь нѣмецкой m-me Гёггъ, на побѣгушкахъ по какому нибудь женскому вопросу.

Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствіемъ совѣсти, иногда, впрочемъ, очень грустилъ; но грусть эта была особаго рода,—не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о, нѣтъ,—а вотъ почему не сегодня, почему не завтра? Это былъ самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи. Разъ я встрѣтилъ его, часа въ три пополудни, у Знаменской церкви. Онъ сказалъ мнѣ, что выходилъ гулять и идетъ домой.

— Я сюда часто захожу взглянуть, какъ идетъ постройка (вокзала Николаевской желѣзной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тѣмъ сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконецъ-то и у насъ будетъ хоть одна желѣзная дорога. Вы не повѣрите, какъ эта мысль облегчаетъ мнѣ иногда сердце.

Это было горячо и хорошо сказано; Бѣлинскій никогда не рисовался. Мы пошли вмѣстѣ. Онъ, помню, сказалъ мнѣ дорогою:

— А вотъ, какъ зароютъ въ могилу (онъ зналъ, что у него чахотка), тогда только спохватятся и узнаютъ, кого потеряли.

Въ послѣдній годъ его жизни я уже не ходилъ къ нему. Онъ меня не взлюбилъ; но я страстно принялъ тогда все ученіе его. Еще годъ спустя, въ Тобольскѣ, когда мы, въ ожиданіи дальнѣйшей участи, сидѣли въ острогѣ на пересыльномъ дворѣ, жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его тайное свиданіе съ нами. Мы увидѣли этихъ великихъ страдалицъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями въ Сибирь. Онѣ бросили все: знатность, богатство, связи и родныхъ, всѣмъ пожертвовали для высочайшаго нравственнаго долга, самаго свободнаго долга, какой только можетъ быть. Ни въ чемъ неповинныя, онѣ въ долгія двадцать пять лѣтъ перенесли все, что перенесли ихъ осужденные мужья. Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждаго одѣлили евангеліемъ—единственная книга, позволенная въ острогѣ. Четыре года пролежала она подъ моей подушкой въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда и читалъ другимъ. По ней выучилъ читать одного каторжнаго. Кругомъ меня были именно тѣ люди, которые, по вѣрѣ Бѣлинскаго, *не могли* не сдѣлать своихъ преступленій, а, стало быть, были правы и только несчастнѣе, чѣмъ другіе. Я зналъ, что весь русскій народъ называетъ насъ тоже «несчастными» и слышалъ это названіе множество разъ и изъ множества устъ. Но тутъ было что-то другое, совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ Бѣлинскій, и что

Digitized by Google

слышится, напримѣръ, теперь въ иныхъ приговорахъ нашихъ присяжныхъ. Въ этомъ словѣ «несчастные», въ этомъ приговорѣ народа, звучала другая мысль. Четыре года каторги была длинная школа; я имѣлъ время убѣдиться... Теперь именно объ этомъ хотѣлось-бы поговорить.

III.

Среда*).

Кажется, одно общее ощущеніе всѣхъ присяжныхъ засѣдателей въ цѣломъ мірѣ, а нашихъ въ особенности (кромѣ прочихъ, разумѣется, ощущеній) должно быть ощущеніе власти, или, лучше сказать, самовластія. Ощущеніе иногда пакостное, т. е. въ случаѣ если преобладаетъ надъ прочими. Но хоть и не въ замѣтномъ видѣ, хоть и подавленное цѣлою массою иныхъ благороднѣйшихъ ощущеній, всетаки оно должно крѣпиться въ каждой засѣдательской душѣ, даже при самомъ высокомъ сознаніи своего гражданскаго долга. Мнѣ думается, что это какъ нибудь выходитъ изъ самыхъ законовъ природы и потому, я помню, ужасно мнѣ было любопытно въ одномъ смыслѣ, когда только что установился у насъ новый (правый) судъ. Мнѣ въ мечтаніяхъ мерещились засѣданія, гдѣ почти сплошь будутъ засѣдать, напримѣръ, крестьяне, вчерашніе крѣпостные. Прокуроръ, адвокаты будутъ къ нимъ обращаться, заискивая и заглядывая, а наши мужички будутъ сидѣть и про себя помалчивать: «Вонъ оно какъ теперь, захочу, значитъ, оправдаю, не захочу—въ самоё Сибирь».

И вотъ, однако-же, замѣчательно теперь, что они не карають, а сплошь оправдываютъ. Конечно, это тоже пользованіе властью, даже почти черезъ край, но въ какую-то одну сторону, сантиментальную что̀-ли, не разберешь—но общую, чуть не предвзятую у насъ повсемѣстно, точно всѣ сговорились. Общность «направленія» не подвержена сомнѣнію. Въ томъ и задача, что манія оправданія во что̀-бы то ни стало не у однихъ только крестьянъ, вчерашнихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, а захватила сплошь всѣхъ русскихъ присяжныхъ, даже самаго высокаго подбора, нобльменовъ и профессоровъ университета. Уже одна эта общность представляетъ прелюбопытную тему для размышленій и наводитъ на многообразныя и, пожалуй, странныя иногда догадки.

*) № 2 „Гражданина“ 1873 г.

Digitized by Google

Недавно въ одной изъ нашихъ вліятельнѣйшихъ газетъ, въ очень скромной и очень благонамѣренной статейкѣ, была мелькомъ проведена догадка: ужь не наклонны-ли наши присяжные, какъ люди, вдругъ и ни съ того, ни съ сего ощутившіе въ себѣ столько могущества (точно съ неба упало), да еще послѣ такой вѣковой приниженности и забитости—не наклонны-ли они подсолить вообще «властямъ», при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ, для игривости или, такъ сказать, для контраста съ прошедшимъ, прокурору хоть, напримѣръ? Догадка не дурная и тоже не лишенная нѣкоторой игривости, но, разумѣется, ею нельзя всего объяснить.

«Просто жаль губить чужую судьбу; человѣки тоже. Русскій народъ жалостливъ», разрѣшаютъ иные, какъ случалось иногда слышать.

Я однако-же всегда думалъ, что въ Англіи, напримѣръ, народъ тоже жалостливъ; и если и нѣтъ въ немъ такой, такъ сказать, слабосердости, какъ въ нашемъ русскомъ народѣ, то, по крайней мѣрѣ, гуманность есть; есть сознаніе и живо чувство христіанскаго долга къ ближнему, и, можетъ быть, доведенныя до высокой степени, до твердаго и самостоятельнаго убѣжденія; даже, можетъ быть, болѣе твердаго, чѣмъ у насъ, взявъ во вниманіе тамошнюю образованность и вѣковую самостоятельность. Тамъ вѣдь не «вдругъ съ неба» имъ столько власти свалилось. Да и самый судъ-то присяжныхъ они сами себѣ выдумали, ни у кого не занимали, вѣками утвердили, изъ жизни вынесли, не въ видѣ дара получили.

А между тѣмъ тамъ присяжный засѣдатель понимаетъ, чуть только займетъ свое мѣсто въ залѣ суда, что онъ—не только чувствительный человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ, но прежде всего гражданинъ. Онъ думаетъ даже (вѣрно-ли, нѣтъ-ли), что исполненіе долга гражданскаго даже, пожалуй, и выше частнаго сердечнаго подвига. Еще недавно общій гулъ пошелъ у нихъ по всему королевству, когда присяжные оправдали одного явнаго вора. Общее движеніе страны доказало, что если и тамъ возможны такіе-же приговоры, какъ и у насъ, то появляются рѣдко, какъ случаи исключительные и немедленно возмущающіе общее мнѣніе. Тамъ присяжный понимаетъ прежде всего, что въ рукахъ его знамя всей Англіи, что онъ уже перестаетъ быть частнымъ лицомъ, а обязанъ изображать собою мнѣніе страны. Способность быть гражданиномъ—то и есть способность возносить себя до цѣлаго мнѣнія страны.), и тамъ есть «жалостливость» приговора, и тамъ принимается о вниманіе «заѣдающая среда» (кажется, любимое теперь ученіе аше)—но до извѣстнаго предѣла, на сколько допускаетъ здоровое нѣніе страны и степень просвѣщенія ея христіанскою нравствен-

Digitized by Google

ностію (а степень-то, кажется, довольно высокая). Но зато, и весьма часто, тамошній присяжный, скрѣпя свое сердце, произноситъ приговоръ обвинительный, понимая прежде всего, что обязанность его состоитъ въ томъ преимущественно, чтобы засвидѣтельствовать своимъ приговоромъ передъ всѣми согражданами, что въ старой Англіи, за которую всякій изъ нихъ отдастъ свою кровь, порокъ по прежнему называется порокомъ и злодѣйство — злодѣйствомъ и что нравственныя основы страны все тѣ-же, крѣпки, не измѣнились, стоятъ какъ и прежде стояли.

— Даже хоть и предположить, слышится мнѣ голосъ, — что крѣпкія-то ваши основы (т. е. христіанскія) все тѣ-же и что вправду надо быть прежде всего гражданиномъ, ну и тамъ держать знамя и пр., какъ вы наговорили,—хоть и предположить пока безъ спору, подумайте, откуда у насъ взяться гражданамъ-то? Вѣдь сообразить только, что̀ было вчера! Вѣдь гражданскія-то права (да еще какія!) на него вдругъ какъ съ горы скатились. Вѣдь они придавили его, вѣдь они пока для него только бремя, бремя!

— Конечно, есть правда въ вашемъ замѣчаніи, отвѣчаю я голосу, нѣсколько повѣся носъ, но вѣдь опять таки русскій народъ...

— Русскій народъ? Позвольте, слышится мнѣ другой голосъ, — вотъ говорятъ, что дары-то съ горы скатились и его придавили. Но вѣдь онъ не только, можетъ быть, ощущаетъ, что столько власти онъ получилъ какъ даръ, но и чувствуетъ сверхъ того, что и получилъ-то ихъ даромъ, т. е. что не стоитъ онъ этихъ даровъ пока. Замѣтьте, это вовсе не значитъ, что и въ самомъ дѣлѣ онъ не стоитъ этихъ даровъ и что *не надо* или *рано* было одарять его; совсѣмъ даже напротивъ: это самъ народъ въ своей смиренной совѣсти сознаетъ, что онъ не достоинъ даровъ такихъ,—и это смиренное, но высокое сознаніе народное о своей недостойности есть именно залогъ того, что онъ-то ихъ и достоинъ. А покамѣстъ, въ смиреніи своемъ, народъ смущенъ. Кто заглядывалъ въ сокровенные тайники его сердца? Можетъ-ли у насъ хоть кто нибудь сказать, что вполнѣ знакомъ съ русскимъ народомъ? Нѣтъ, тутъ не одна только жалостливость и слабосердость, какъ изволите вы насмѣхаться. Тутъ сама эта власть страшна! Испугала насъ эта страшная власть надъ судьбой человѣческою, надъ судьбой родныхъ братьевъ, и пока доростемъ до вашего гражданства—мы милуемъ. Изъ страха милуемъ. Мы сидимъ присяжными и, можетъ быть, думаемъ: «сами-то мы лучше-ли подсудимаго? Мы вотъ богаты, обезпечены, а случись намъ быть въ такомъ-же положеніи какъ онъ, такъ, можетъ, сдѣлаемъ еще хуже, чѣмъ онъ, — мы и

Digitized by Google

милуемъ». Такъ вѣдь это еще, можетъ быть, хорошо-съ, умиленіе-то это сердечное. Это, можетъ быть, залогъ къ чему нибудь такому высшему христіанскому въ будущемъ, чего еще и не знаетъ міръ до сихъ поръ!

«Это отчасти славянофильскій голосъ», разсуждаю я про себя. Мысль дѣйствительно утѣшительная, а догадка о смиреніи народномъ предъ властью полученною даромъ и дарованною пока «недостойному», ужь, конечно, почище догадки о желаніи «поддразнить прокурора», хотя всетаки и эта догадка продолжаетъ мнѣ нравиться своимъ реализмомъ (конечно, принимая ее болѣе въ видѣ частнаго случая, какъ выставлялъ, впрочемъ, и самъ авторъ ея), но... вотъ что̀ наиболѣе смущаетъ меня однако: что̀ это нашъ народъ вдругъ сталъ бояться такъ своей жалости? «Больно, дескать, очень приговорить человѣка». Ну и что-жь, и уйдите съ болью. Правда выше вашей боли.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если ужь мы считаемъ, что сами иной разъ еще хуже преступника, то тѣмъ самымъ признаемся и въ томъ, что на половину и виноваты въ его преступленіи. Если онъ преступилъ законъ, который земля ему написала, то сами мы виноваты въ томъ, что онъ стоитъ теперь передъ нами. Вѣдь если-бы мы всѣ были лучше, то и онъ-бы былъ лучше и не стоялъ-бы теперь передъ нами...

— Такъ вотъ тутъ-то и оправдать?

Нѣтъ, напротивъ; именно тутъ-то и надо сказать правду и зло назвать зломъ; но зато половину тяготы приговора взять на себя. Войдемъ въ залу суда съ мыслью, что и мы виноваты. Эта боль сердечная, которой всѣ теперь такъ боятся и съ которою мы выйдемъ изъ залы суда, и будетъ для насъ наказаніемъ. Если истинна и сильна эта боль, то она насъ очиститъ и сдѣлаетъ лучшими. Вѣдь, сдѣлавшись сами лучшими, мы и среду исправимъ и сдѣлаемъ лучшею. Вѣдь только этимъ однимъ и можно ее исправлять. А такъ-то бѣжать отъ собственной жалости и чтобы не страдать самому сплошь оправдывать—вѣдь это легко. Вѣдь этакъ мало по малу придемъ къ заключенію, что и вовсе нѣтъ преступленій, а во всемъ «среда виновата». Дойдемъ до того, по клубку, что преступленіе сочтемъ даже долгомъ, благороднымъ протестомъ противъ «среды». «Такъ какъ общество гадко устроено, то въ такомъ обществѣ нельзя ужиться безъ протеста и безъ преступленій». «Такъ какъ общество гадко устроено, то нельзя изъ него выбиться безъ ножа въ рукахъ». — Вѣдь вотъ что̀ говоритъ ученіе о средѣ, въ противоположность христіанству, которое, вполнѣ признавая давленіе среды и провозгласивши милосердіе къ согрѣшившему, ставитъ,

Digitized by Google

однако-же нравственнымъ долгомъ человѣку борьбу со средой, ставитъ предѣлъ тому, гдѣ среда кончается, а долгъ начинается. Дѣлая человѣка отвѣтственнымъ, христіанство тѣмъ самымъ признаетъ и свободу его. Дѣлая-же человѣка зависящимъ отъ каждой ошибки въ устройствѣ общественномъ, ученіе о средѣ доводитъ человѣка до совершенной безличности, до совершеннаго освобожденія его отъ всякаго нравственнаго личнаго долга, отъ всякой самостоятельности, доводитъ до мерзѣйшаго рабства, какое только можно вообразить. Вѣдь этакъ табаку человѣку захочется, а денегъ нѣтъ, такъ убить другаго, чтобы достать табаку. Помилуйте: «развитому человѣку, ощущающему сильнѣе неразвитаго страданіе отъ неудовлетворенія своихъ потребностей, надо денегъ для удовлетворенія ихъ — такъ почему ему не убить неразвитаго, если нельзя иначе денегъ достать?» Да неужели вы не прислушивались къ голосамъ адвокатовъ: «конечно, дескать, нарушенъ законъ, конечно, это преступленіе, что онъ убилъ неразвитаго, но, господа присяжные, возьмите во вниманіе и то...» и т. д. Вѣдь уже почти раздавались голоса, да и не почти...

— Ну, вы, однако-же, слышится мнѣ чей-то язвительный голосъ, — вы, кажется, народу новѣйшую философію среды навязываете, это какъ-же она къ нему залетѣла? Вѣдь эти двѣнадцать присяжныхъ иной разъ сплошь изъ мужиковъ сидятъ и каждый изъ нихъ за смертный грѣхъ почитаетъ въ постъ оскоромиться. Вы-бы ужь прямо обвинили ихъ въ соціальныхъ тенденціяхъ.

«Конечно, конечно, гдѣ-же имъ до «среды», т. е. сплошь-то всѣмъ, задумываюсь я,—но вѣдь идеи, однако-же, носятся въ воздухѣ, въ идеѣ есть нѣчто проницающее»...

— Вотъ на! хохочетъ язвительный голосъ.

— А что̀, если нашъ народъ особенно наклоненъ къ ученію о средѣ, даже по существу своему, по своимъ, положимъ, хоть славянскимъ наклонностямъ? Что̀, если именно онъ-то и есть наилучшій матеріалъ въ Европѣ для иныхъ пропагаторовъ?

Язвительный голосъ хохочетъ еще громче, но какъ-то выдѣланно.

Нѣтъ, тутъ съ народомъ пока еще только фортель, а не «философія среды». Тутъ есть одна ошибка, одинъ обманъ и въ этомъ обманѣ много соблазна.

Обманъ этотъ можно разъяснить въ такомъ видѣ, примѣромъ, по крайней мѣрѣ.

Положимъ, народъ называетъ осужденныхъ «несчастными», подаетъ имъ гроши и калачи. Что̀-же хочетъ онъ этимъ сказать, вотъ

Digitized by Google

уже, можетъ быть, въ продолженіе вѣковъ? Христіанскую-ли правду или правду «среды»? Именно тутъ-то и камень преткновенія, именно тутъ-то и скрывается тотъ рычагъ, за который съ успѣхомъ могъ-бы ухватиться пропагаторъ «среды».

Есть идеи невысказанныя, безсознательныя и только лишь сильно чувствуемыя; такихъ идей много какъ-бы слитыхъ съ душой человѣка. Есть онѣ и въ цѣломъ народѣ, есть и въ человѣчествѣ, взятомъ какъ цѣлое. Пока эти идеи лежатъ лишь безсознательно въ жизни народной и только лишь сильно и вѣрно чувствуются,— до тѣхъ поръ только и можетъ жить сильнѣйшею живою жизнью народъ. Въ стремленіяхъ къ выясненію себѣ этихъ сокрытыхъ идей и состоитъ вся энергія его жизни. Чѣмъ неколебимѣе народъ содержитъ ихъ, чѣмъ менѣе способенъ измѣнить первоначальному чувству, чѣмъ менѣе склоненъ подчиняться различнымъ и ложнымъ толкованіямъ этихъ идей, тѣмъ онъ могучѣе, крѣпче, счастливѣе. Къ числу такихъ сокрытыхъ въ русскомъ народѣ идей—идей русскаго народа—и принадлежитъ названіе преступленія несчастіемъ, преступниковъ—несчастными.

Идея эта чисто русская. Ни въ одномъ европейскомъ народѣ ея не замѣчалось. На Западѣ провозглашаютъ ее теперь лишь философы и толковники. Народъ-же нашъ провозгласилъ ее еще задолго до своихъ философовъ и толковниковъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ быть сбитъ съ толку ложнымъ развитіемъ этой идеи толковникомъ, временно, по крайней мѣрѣ, съ краю. Окончательный смыслъ и послѣднее слово останутся, безъ сомнѣнія, всегда за нимъ, но *временно*—можетъ быть иначе.

Короче: этимъ словомъ «несчастные» народъ какъ-бы говоритъ «несчастнымъ»: «Вы согрѣшили и страдаете, но и мы вѣдь грѣшны. Будь мы на вашемъ мѣстѣ,—можетъ, и хуже-бы сдѣлали. Будь мы получше сами, можетъ, и вы не сидѣли-бы по острогамъ. Съ возмездіемъ за преступленія ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконіе. Помолитесь объ насъ и мы объ васъ помолимся. А пока берите, «несчастные», гроши наши; подаемъ ихъ, чтобы знали вы, что васъ помнимъ и не разорвали съ вами братскихъ связей».

Согласитесь, что ничего нѣтъ легче, какъ примѣнить къ такому взгляду ученіе о «средѣ»: «Общество скверно, потому и мы скверны; но мы богаты, мы обезпечены, насъ миновало только случайно то, что чѣмъ вы столкнулись. Столкнись мы—сдѣлали-бы то-же самое, что и вы. Кто виноватъ? Среда виновата. Итакъ, есть только злое устройство среды, а преступленій нѣтъ вовсе».

Вотъ въ этомъ-то софистическомъ выводѣ и состоитъ тотъ фортель, о которомъ я говорилъ.

Digitized by Google

Нѣтъ, народъ не отрицаетъ преступленія и знаетъ, что преступникъ виновенъ. Народъ знаетъ только, что и самъ онъ виновенъ вмѣстѣ съ каждымъ преступникомъ. Но, обвиняя себя, онъ тѣмъ-то и доказываетъ, что не вѣритъ въ «среду»; вѣритъ, напротивъ, что среда зависитъ вполнѣ отъ него, отъ его безпрерывнаго покаянія и самосовершенствованія. Энергія, трудъ и борьба,— вотъ чѣмъ перерабатывается среда. Лишь трудомъ и борьбой достигается самобытность и чувство собственнаго достоинства. «Достигнемъ того, будемъ лучше и среда будетъ лучше». Вотъ что̀, невысказанно, ощущаетъ сильнымъ чувствомъ въ своей сокрытой идеѣ о несчастіи преступника русскій народъ.

Представьте-же теперь, что если самъ преступникъ, слыша отъ народа, что онъ «несчастный», сочтетъ себя только несчастнымъ, а не преступникомъ. Вотъ тогда-то и отшатнется отъ такого лжетолкованія народъ и назоветъ его измѣною народной правдѣ и вѣрѣ.

Я-бы могъ представить и примѣры тому, но отложимъ ихъ пока и скажемъ такъ:

Преступникъ и намѣревающійся совершить преступленіе—это два разныя лица, но одной категоріи. Что-же, если, приготовляясь къ преступленію сознательно, преступникъ скажетъ себѣ: «Нѣтъ преступленія!» Что̀, назоветъ его народъ «несчастнымъ?»

Можетъ, и назоветъ; безъ сомнѣнія, назоветъ; народъ жалостливъ; да и ничего нѣтъ несчастнѣе такого преступника, который даже пересталъ себя считать за преступника: это животное, это звѣрь. Чтожь въ томъ, что онъ не понимаетъ, что онъ животное и заморилъ въ себѣ совѣсть? Онъ только вдвое несчастнѣе. Вдвое несчастнѣе, но и вдвое преступнѣе. Народъ пожалѣетъ и его, но не откажется отъ правды своей. Никогда народъ, называя преступника «несчастнымъ», не переставалъ его считать за преступника! И не было-бы у насъ сильнѣе бѣды, какъ еслибы самъ народъ согласился съ преступникомъ и отвѣтилъ ему: «Нѣтъ, не виновенъ, ибо нѣтъ «преступленія!»

Вотъ наша вѣра, наша общая вѣра, хотѣлось-бы мнѣ сказать; вѣра всѣхъ уповающихъ и ожидающихъ. Прибавлю еще два слова.

Я былъ въ каторгѣ и видалъ преступниковъ, «рѣшеныхъ» преступниковъ. Повторяю, это была долгая школа. Ни одинъ изъ нихъ не переставалъ себя считать преступникомъ. Съ виду это былъ страшный и жестокій народъ. «Куражились», впрочемъ, только надъ глупенькихъ, новенькіе, и надъ ними смѣялись. Большею частію народъ былъ мрачный, задумчивый. Про преступленія свои никто не говорилъ. Никогда не слыхалъ я никакого ропота. О преступ-

Digitized by Google

ніяхъ своихъ даже и нельзя было вслухъ говорить. Случалось, что раздавалось чье нибудь слово съ вызовомъ и вывертомъ, и—«вся каторга», какъ одинъ человѣкъ, осаживала выскочку. Про *это* не принято было говорить. Но, вѣрно говорю, можетъ ни одинъ изъ нихъ не миновалъ долгаго душевнаго страданія внутри себя, самаго очищающаго и укрѣпляющаго. Я видалъ ихъ одиноко задумчивыхъ, я видалъ ихъ въ церкви молящихся передъ исповѣдью; прислушивался къ отдѣльнымъ внезапнымъ словамъ ихъ, къ ихъ восклицаніямъ; помню ихъ лица, о—повѣрьте, никто изъ нихъ не считалъ себя правымъ въ душѣ своей!

Не хотѣлъ-бы я, чтобы слова мои были приняты за жестокость. Но всетаки я осмѣлюсь высказать. Прямо скажу: строгимъ наказаніемъ, острогомъ и каторгой вы, можетъ быть, половину спаслибы изъ нихъ. Облегчили-бы ихъ, а не отяготили. Самоочищеніе страданіемъ легче,—легче, говорю вамъ, чѣмъ та участь, которую вы дѣлаете многимъ изъ нихъ сплошнымъ оправданіемъ ихъ на судѣ. Вы только вселяете въ его душу цинизмъ, оставляете въ немъ соблазнительный вопросъ и насмѣшку надъ вами-же. Вы не вѣрите? Надъ вами-же, надъ судомъ вашимъ, надъ судомъ всей страны! Вы вливаете въ ихъ душу безвѣріе въ правду народную, въ правду Божію; оставляете его смущеннаго... Онъ уходитъ и думаетъ: «Э, да вотъ какъ теперь, нѣту строгости. Поумнѣли, знать. Боятся, можетъ. Значитъ, оно можно и въ другой разъ также. Понятно, коли я былъ въ такой нуждѣ—какъ-же было не своровать».

И неужто вы думаете, что, отпуская всѣхъ сплошь невиновными или «достойными всякаго снисхожденія», — вы тѣмъ даете имъ шансъ исправиться? Станетъ онъ вамъ исправляться! Какая ему бѣда? «Значитъ, пожалуй, я и не виновенъ былъ вовсе»,—вотъ что̀ онъ скажетъ въ *концѣ концовъ*. Сами-же вы натолкнете его на такой выводъ. Главное то, что вѣра въ законъ и въ народную правду расшатывается.

Еще недавно я жилъ нѣсколько лѣтъ сряду за границей. Когда я выѣхалъ изъ Россіи, новый судъ только что у насъ начинался. Съ какою жадностью я читалъ тамъ все, что̀ касалось русскихъ судовъ, въ нашихъ газетахъ. За границей я тоже съ горечью смотрѣлъ на нашихъ абсентеистовъ; на дѣтей ихъ, не знающихъ роднаго языка или забывающихъ его. Мнѣ ясно было, что половина ихъ, самою силою вещей, обратится подъ конецъ въ эмигрантовъ. Объ этомъ мнѣ всегда было больно думать: столько силъ, столько, можетъ быть, лучшихъ людей, а у насъ такъ нуждаются въ людяхъ! Но иногда, выходя изъ читальной залы, ей Богу, господа, я невольно мирился съ абсентеизмомъ и съ абсентеистами. Сердце

Digitized by Google

поднималось до боли. Читаешь, — тамъ оправдали жену, убившую мужа. Преступленіе явное, доказанное; она сознается сама: «Нѣтъ, не виновна». Тамъ молодой человѣкъ разламываетъ кассу и крадетъ деньги. «Влюбленъ, дескать, очень былъ, надо было денегъ добыть, любовницѣ угодить».—«Нѣтъ, не виновенъ». И хоть-бы всѣ эти случаи оправдывались состраданіемъ, жалостью; то-то и есть, что не понималъ я причинъ оправданія, путался. Впечатлѣніе выносилось смутное и—почти оскорбительное. Въ эти злыя минуты мнѣ представлялась иногда Россія какой-то трясиной, болотомъ, на которомъ кто-то затѣялъ построить дворецъ. Снаружи почва какъ-бы и твердая, гладкая, а между тѣмъ это нѣчто въ родѣ поверхности какого нибудь гороховаго киселя, ступите и такъ и скользнете внизъ, въ самую бездну. Я очень упрекалъ себя за мое малодушіе; меня ободряло, что всетаки я издали могу ошибаться, что всетаки я покамѣстъ тоже абсентеистъ, не вижу близко, не слышу ясно...

И вотъ я давно уже снова на родинѣ.

«Да полно, жалко-ли имъ въ самомъ дѣлѣ», — вѣдь вотъ вопросъ! Не смѣйтесь, что я придаю такую важность ему. «Жалость», по крайней мѣрѣ, хоть что нибудь и какъ нибудь объясняетъ, хоть изъ потемокъ выводитъ, а безъ этого послѣдняго объясненія—одно недоумѣніе, точно мракъ, въ которомъ живетъ какой-то сумасшедшій.

Мужикъ забиваетъ жену, увѣчитъ ее долгіе годы, ругается надъ нею хуже, чѣмъ надъ собакой. Въ отчаяніи, рѣшившись на самоубійство, идетъ она почти обезумѣвшая въ свой деревенскій судъ. Тамъ отпускаютъ ее, промямливъ ей равнодушно: «Живите согласнѣе». Да развѣ это жалость? Это какія-то тупыя слова проснувшагося отъ запоя пьяницы, который едва различаетъ, что вы стоите передъ нимъ, глупо и безпредметно машетъ на васъ рукой, чтобы вы не мѣшали, у котораго еще не ворочается языкъ, чадъ и безуміе въ головѣ.

Исторія этой женщины, впрочемъ, извѣстна, слишкомъ недавняя. Ее читали во всѣхъ газетахъ и, можетъ быть, еще помнятъ. Просто за просто жена отъ побоевъ мужа повѣсилась; мужа судили и нашли достойнымъ снисхожденія. Но мнѣ долго еще мерещилась вся обстановка, мерещится и теперь...

Я все воображалъ себѣ его фигуру: сказано, что онъ высокаго роста, очень плотнаго сложенія, силенъ, бѣлокуръ. Я прибавилъ-бы еще—съ жидкими волосами. Тѣло бѣлое, пухлое, движенія медленныя, важныя, взглядъ сосредоточенный; говоритъ мало и рѣдко, слова роняетъ какъ многоцѣнный бисеръ и самъ цѣнитъ ихъ прежде всѣхъ. Свидѣтели показали, что характера былъ жестокаго: по-

Digitized by Google

маетъ курицу и повѣситъ ее за ноги, внизъ головой, такъ, для удовольствія; это его развлекало: превосходная характернѣйшая черта! Онъ билъ жену чѣмъ попало нѣсколько лѣтъ сряду, — веревками, палками. Вынетъ половицу, просунетъ въ отверзтіе ея ноги, а половицу притиснетъ и бьетъ, и бьетъ. Я думаю, онъ и самъ не зналъ, за что̀ ее бьетъ, такъ, по тѣмъ-же, вѣроятно, мотивамъ, по которымъ и курицу вѣшалъ. Морилъ тоже голодомъ, по три дня не давалъ ей хлѣба. Положитъ на полку хлѣбъ, ее подзоветъ и скажетъ: «не смѣй трогать хлѣба, это *мой* хлѣбъ», — чрезвычайно характерная тоже черта! Она побиралась съ десятилѣтнимъ ребенкомъ у сосѣдей: дадутъ хлѣбца — поѣдятъ, не дадутъ — сидятъ голодомъ. Работу съ нея спрашивалъ; все она исполняла неуклонно, безсловесно, запуганно и стала, наконецъ, какъ помѣшанная. Я воображаю и ея наружность: должно быть, очень маленькая, исхудавшая, какъ щепка, женщина. Иногда это бываетъ, что очень большіе и плотные мужчины, съ бѣлымъ, пухлымъ тѣломъ, женятся на очень маленькихъ, худенькихъ женщинахъ (даже наклонны къ такимъ выборамъ, я замѣтилъ) и такъ странно смотрѣть на нихъ, когда они стоятъ или идутъ вмѣстѣ. Мнѣ кажется, что если-бы она забеременѣла отъ него въ самое послѣднее время, то это была-бы еще характернѣйшая черта, чтобы восполнить обстановку; а то чего-то какъ будто не достаетъ. Видѣли-ли вы, какъ мужикъ сѣчетъ жену? Я видалъ. Онъ начинаетъ веревкой или ремнемъ. Мужицкая жизнь лишена эстетическихъ наслажденій — музыки, театровъ, журналовъ; естественно, надо чѣмъ нибудь восполнить ее. Связавъ жену или забивъ ея ноги въ отверзтіе половицы, нашъ мужичекъ начиналъ, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мѣрными ударами, не слушая криковъ и моленій; то есть именно слушая ихъ, слушая съ наслажденіемъ, а то какое было-бы удовольствіе ему бить? Знаете, господа, люди родятся въ разной обстановкѣ: неужели вы не повѣрите, что эта женщина, въ другой обстановкѣ, могла-бы быть какой нибудь Юліей или Беатриче изъ Шекспира, Гретхенъ изъ Фауста? Я вѣдь не говорю, что была — и было-бы это очень смѣшно утверждать, — но вѣдь могло быть въ зародышѣ и у ней нѣчто благородное въ душѣ, пожалуй, не хуже, чѣмъ въ благородномъ сословіи: любящее, даже возвышенное сердце, характеръ, исполненный оригинальнѣйшей красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показываетъ ее въ такомъ тихомъ, кроткомъ, терпѣливомъ, любящемъ свѣтѣ. И вотъ эту-то Беатриче или Гретхенъ сѣкутъ, сѣкутъ, какъ кошку! Удары сыплются все чаще, рѣзче, безчисленнѣе; онъ начинаетъ разгорячаться, входитъ во вкусъ. Вотъ уже

Digitized by Google

онъ озвѣрѣлъ совсѣмъ и самъ съ удовольствіемъ это знаетъ. Животные крики страдалицы хмѣлятъ его какъ вино: «Ноги твои буду мыть, воду эту пить», кричитъ Беатриче нечеловѣческимъ голосомъ, наконецъ затихаетъ, перестаетъ кричать и только дико какъ-то кряхтитъ, дыханіе поминутно обрывается, а удары тутъ-то и чаще, тутъ-то и садче... Онъ вдругъ бросаетъ ремень, какъ ошалѣлый схватываетъ палку, сучокъ, что̀ попало, ломаетъ ихъ съ трехъ послѣднихъ ужасныхъ ударовъ на ея спинѣ, — баста! Отходитъ, садится за столъ, воздыхаетъ и принимается за квасъ. Маленькая дѣвочка, дочь ихъ (была-же и у нихъ дочь!), на печкѣ въ углу дрожитъ, прячется: она слышала, какъ кричала мать. Она уходитъ. Къ разсвѣту мать очнется, встанетъ охая и вскрикивая при каждомъ движеніи, идетъ доить корову, тащится за водой, на работу.

А онъ ей, уходя, своимъ методическимъ, медленнымъ и важнымъ голосомъ: «Не смѣй ѣсть этотъ хлѣбъ, это *мой* хлѣбъ».

Подъ конецъ ему нравилось тоже вѣшать ее за ноги, какъ вѣшалъ курицу. Повѣситъ, должно быть, а самъ отойдетъ, сядетъ, примется за кашу, поѣстъ, потомъ вдругъ опять возьметъ ремень и начнетъ, и начнетъ висячую... А дѣвочка все дрожитъ, скорчившись на печи, дико заглянетъ украдкой на повѣшенную за ноги мать и опять спрячется...

Она удавилась въ маѣ, по утру, должно быть, въ ясный весенній день. Ее видѣли наканунѣ избитую, совсѣмъ обезумѣвшую. Ходила она тоже передъ смертью въ волостной судъ и вотъ тамъ-то и промямлили ей: «Живите согласнѣе».

Когда она повѣсилась и захрипѣла, дѣвочка закричала ей изъ угла: «Мама, на что ты давишься?» Потомъ робко подошла, окликнула висѣвшую, дико осмотрѣла ее и нѣсколько разъ въ утро подходила изъ угла на нее смотрѣть, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ воротился отецъ.

И вотъ онъ передъ судомъ, — важный, пухлый, сосредоточенный; запирается во всемъ: «Душа въ душу жили», роняетъ онъ цѣннымъ бисеромъ рѣдкія слова. Присяжные выходятъ и по «краткомъ совѣщаніи» выносятъ приговоръ:

«Виновенъ, *но достоинъ снисхожденія*».

Замѣтьте, что дѣвочка свидѣтельствовала противъ отца. Она разсказала все и исторгла, говорятъ, слезы присутствующихъ. Если-бы не «снисхожденіе» присяжныхъ, то его сослали-бы на поселеніе въ Сибирь. Но съ «снисхожденіемъ» ему только восемь мѣсяцевъ пробыть въ острогѣ, а тамъ воротится домой и потребуетъ къ себѣ свидѣтельствовавшую противъ его за мать дѣвочку. Будетъ кого опять за ноги вѣшать.

Digitized by Google

«Достоинъ снисхожденія!» И вѣдь этотъ приговоръ данъ зазнамо. Знали вѣдь, что̀ ожидаетъ ребенка. Къ кому, къ чему снисхожденіе? Чувствуешь себя какъ въ какомъ-то вихрѣ: захватило васъ и вертитъ, вертитъ.

Постойте, разскажу еще анекдотъ.

Когда-то, еще до новыхъ судовъ (впрочемъ, не задолго до нихъ), прочиталъ я въ нашихъ газетахъ вотъ какой одинъ фактикъ: мать таскала на рукахъ ребенка годоваго или четырнадцати мѣсяцевъ. Въ этотъ возрастъ идутъ зубки; дѣти нездоровы, плачутъ и очень мучаются. Надоѣлъ ребенокъ матери, можетъ, и дѣла у ней было много, а тутъ таскай его на рукахъ и слушай его раздирающій плачъ. Озлилась она. А впрочемъ, неужто бить за это такого маленькаго ребеночка? Вѣдь такъ жалко прибить его, и что̀ онъ смыслитъ? Вѣдь онъ такъ безпомощенъ, зависитъ отъ послѣдней пылинки... Вѣдь и не уймешь, коли прибьешь: онъ зальется своими слёзками и васъ-же обхватятъ ручками, а то васъ-же начнетъ цаловать, и плачетъ, и плачетъ. Но она не прибила его, а тамъ въ комнатѣ кипѣлъ самоваръ. Она поднесла ручку ребенка подъ самый кранъ и отвернула кранъ. Она выдержала ручку подъ кипяткомъ секундъ десять.

Это фактъ, я читалъ. Но вотъ, представьте, что это случилось теперь и эту женщину вызвали въ судъ. Присяжные удаляются и «по краткомъ совѣщаніи» выносятъ приговоръ:

«Достойна всякаго снисхожденія».

Ну, представьте это себѣ; я, по крайней мѣрѣ, матерей приглашаю представить. То-то, должно быть, вертѣлся-бы тутъ адвокатъ:

— Господа присяжные, конечно, случай этотъ нельзя назвать вполнѣ гуманнымъ, но возьмите дѣло въ его цѣлости, представьте среду, обстановку. Эта женщина бѣдна, одна въ домѣ работница, терпитъ непріятности. Ей не на что было даже няньку нанять. Естественно, что подъ такую минуту, когда злоба отъ заѣвшей среды входитъ, такъ сказать, внутрь, господа, естественно, что она и поднесла ручку подъ кранъ самовара... ну и... и...

О, конечно, я понимаю всю полезность и всю высоту адвокатскаго званія, всѣми уважаемаго. Но нельзя-же не взглянуть иногда съ одной точки,—согласенъ, легкомысленной, но и невольной: вѣдь какова-же иногда ихъ должность каторжная, подумаешь про себя, вертится, изворачивается какъ ужъ, лжетъ противъ совѣсти, противъ собственнаго убѣжденія, противъ всякой нравственности, противъ всего человѣческаго! Нѣтъ, подлинно не даромъ деньги берутъ.

Digitized by Google

— Да подите! восклицаетъ вдругъ давешній язвительный голосъ. Вѣдь все это вздоръ и одна только ваша фантазія. Никогда не выносили такого приговора присяжные. Никогда не вертѣлся адвокатъ. Все напредставили.

А жена, привѣшенная вверхъ ногами какъ курица, а «это *мой* хлѣбъ, не смѣй ѣсть его», а дѣвочка, дрожащая на печи, полчаса слушающая крики матери, а «мама, на что ты давишься?»—это развѣ не то-же самое, что и ручка подъ кипяткомъ? Вѣдь *почти* то-же самое!

«Неразвитость, тупость, пожалѣйте, среда», настаивалъ адвокатъ мужика. Да вѣдь ихъ милліоны живутъ и не всѣ-же вѣшаютъ женъ своихъ за ноги! Вѣдь всетаки тутъ должна быть черта... Съ другой стороны, вотъ и образованный человѣкъ, да сейчасъ повѣситъ. Полноте вертѣться, господа адвокаты, съ вашей «средой».

IV.

Нѣчто личное *).

Меня нѣсколько разъ вызывали написать мои литературныя воспоминанія. Не знаю, напишу-ли, да и память слаба. Да и грустно вспоминать; я вообще не люблю вспоминать. Но нѣкоторые эпизоды моего литературнаго поприща мнѣ по неволѣ представляются съ чрезвычайною отчетливостью, не смотря на слабую память. Вотъ, напримѣръ, одинъ анекдотъ:

Разъ весной, по утру, я зашелъ къ покойному Егору Петровичу Ковалевскому. Ему очень нравился мой романъ «Преступленіе и Наказаніе», появившійся тогда въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Онъ съ жаромъ хвалилъ его и передалъ мнѣ одинъ драгоцѣнный для меня отзывъ одного лица, имени котораго не могу выставить. Тѣмъ временемъ въ комнату вошли одинъ за другимъ два издателя журналовъ. Одинъ изъ этихъ журналовъ пріобрѣлъ впослѣдствіи небывалое доселѣ ни у одного изъ нашихъ ежемѣсячныхъ изданій число подписчиковъ, но тогда только лишь начинался. Другой, напротивъ, уже оканчивалъ замѣчательное и вліятельное на литературу и публику существованіе свое; но тогда, въ то утро, его издатель еще не зналъ, что изданіе его уже такъ близко къ своему

*) № 3 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

берегу. Вотъ съ этимъ-то издателемъ мы вышли въ другую комнату и остались наединѣ.

Не называя его имени, скажу лишь, что первая встрѣча моя съ нимъ въ жизни была чрезвычайно горячая, изъ необыкновенныхъ, для меня вѣчно памятная. Можетъ, помнитъ и онъ. Тогда еще онъ не былъ издателемъ. Потомъ произошли многія недоразумѣнія. По возвращеніи моемъ изъ Сибири мы очень рѣдко встрѣчались, но разъ мелькомъ онъ сказалъ мнѣ чрезвычайно теплое слово и по одному поводу указалъ на одни стихи,—лучшіе, что онъ написалъ когда либо. Прибавлю, что видомъ и обычаемъ никто менѣе его не походилъ на поэта, да еще изъ «страдающихъ». А между тѣмъ, онъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ, мрачныхъ и «страдающихъ» нашихъ поэтовъ.

— Ну, вотъ мы васъ обругали, сказалъ онъ мнѣ (т. е. въ его журналѣ за «Преступленіе и Наказаніе»).

— Знаю, сказалъ я.

— А знаете почему?

— По принципу, должно быть.

— За Чернышевскаго.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія:

— N. N., который написалъ критическую статью, продолжалъ издатель, сказалъ мнѣ такъ: «Романъ его хорошъ, но такъ какъ онъ въ своей повѣсти два года назадъ не постыдился надругаться надъ несчастнымъ ссыльнымъ и окаррикатурить его, то я его романъ обругаю».

— Такъ это все та-же глупая сплетня о «Крокодилѣ»? вскричалъ я, сообразивъ.—Да неужто и вы вѣрите? Читали вы эту мою повѣсть, сами, «Крокодила»?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Да вѣдь все это сплетня, самая пошлѣйшая сплетня, какая только можетъ случиться. Вѣдь нужно имѣть умъ и поэтическое чутье Булгарина, чтобы въ этой бездѣлкѣ, повѣсти для смѣху, прочитать между строкъ такую «гражданскую» аллегорію, да еще на Чернышевскаго! Еслибъ вы знали, какъ глупа такая натяжка! Никогда, впрочемъ, не прощу себѣ, что два года назадъ не протестовалъ противъ этой подлой клеветы, когда только что ее выпустили!

Этотъ разговоръ мой съ издателемъ уже давно угаснувшаго теперь журнала происходилъ лѣтъ семь тому назадъ и вотъ я до сихъ поръ еще не протестовалъ противъ «клеветы»—то пренебрегалъ, то «не было времени». Между тѣмъ эта низость, мнѣ приписываемая, такъ и осталась въ воспоминаніяхъ иныхъ особъ несом-

Digitized by Google

нѣннымъ фактомъ, имѣла ходъ въ литературныхъ кружкахъ, проникла и въ публику и уже не разъ приносила мнѣ непріятности. Пора сказать обо всемъ этомъ хоть одно слово, тѣмъ болѣе, что оно теперь кстати, и хотя голословно, но опровергнуть клевету, впрочемъ, тоже въ высшей степени голословную. Долгимъ молчаніемъ моимъ и небрежностью я до сихъ поръ какъ-бы подтверждалъ ее.

Съ Николаемъ Гавриловичемъ Чернышевскимъ я встрѣтился въ первый разъ въ пятьдесятъ девятомъ году, въ первый-же годъ по возвращеніи моемъ изъ Сибири, не помню гдѣ и какъ. Потомъ иногда встрѣчались, но очень не часто, разговаривали, но очень мало. Всегда, впрочемъ, подавали другъ другу руку. Герценъ мнѣ говорилъ, что Чернышевскій произвелъ на него непріятное впечатлѣніе т. е. наружностью, манерою. Мнѣ наружность и манера Чернышевскаго нравились.

Однажды утромъ я нашелъ у дверей моей квартиры, на ручкѣ замка, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ прокламацій, изо всѣхъ, которыя тогда появлялись; а появлялось ихъ тогда довольно. Она называлась: «Къ молодому поколѣнію». Ничего нельзя было представить нелѣпѣе и глупѣе. Содержанія возмутительнаго въ самой смѣшной формѣ, какую только ихъ злодѣй могъ-бы имъ выдумать, чтобы ихъ-же зарѣзать. Мнѣ ужасно стало досадно и было грустно весь день. Все это было тогда еще вновѣ и до того вблизи, что даже и въ этихъ людей вполнѣ всмотрѣться было тогда еще трудно. Трудно именно потому, что какъ-то не вѣрилось, чтобы подъ всей этой сумятицей скрывался такой пустякъ. Я не про движеніе тогдашнее говорю, въ его цѣломъ, а говорю только про людей. Что до движенія, то это было тяжелое, болѣзненное, но роковое своею историческою послѣдовательностью явленіе, которое будетъ имѣть свою серьезную страницу въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Да и страница эта, кажется, еще далеко не дописана.

И вотъ мнѣ, давно уже душой и сердцемъ несогласному ни съ этими людьми, ни со смысломъ ихъ движенія, — мнѣ вдругъ тогда стало досадно и почти какъ-бы стыдно за ихъ неумѣлость: «зачѣмъ у нихъ это такъ глупо и неумѣло выходитъ?» И какое мнѣ было до этого дѣло? Но я жалѣлъ не о неудачѣ ихъ. Собственно разбрасывателей прокламацій я не зналъ ни единаго, не знаю и до сихъ поръ; но тѣмъ-то и грустно было, что явленіе это представлялось мнѣ не единичнымъ, не глупенькою продѣлкой такихъ-то вотъ именно лицъ, до которыхъ нѣтъ дѣла. Тутъ подавлялъ одинъ фактъ: уровень образованія, развитія и хоть какого нибудь пониманія дѣйствительности, подавлялъ ужасно. Не смотря на то, что

Digitized by Google

я уже три года жилъ въ Петербургѣ и присматривался къ инымъ явленіямъ,—эта прокламація въ то утро какъ-бы ошеломила меня, явилась для меня совсѣмъ какъ-бы новымъ неожиданнымъ откровеніемъ: никогда до этого дня не предполагалъ я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества. Передъ вечеромъ мнѣ вдругъ вздумалось отправиться къ Чернышевскому. Никогда до тѣхъ поръ ни разу я не бывалъ у него и не думалъ бывать, равно какъ и онъ у меня.

Я вспоминаю, что это было часовъ въ пять пополудни. Я засталъ Николая Гавриловича совсѣмъ одного, даже изъ прислуги никого дома не было и онъ отворилъ мнѣ самъ. Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно радушно и привелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Николай Гавриловичъ, что̀ это такое? вынулъ я прокламацію.

Онъ взялъ ее какъ совсѣмъ незнакомую ему вещь и прочелъ. Было всего строкъ десять.

— Ну, что̀-же? спросилъ онъ съ легкой улыбкой.

— Неужели они такъ глупы и смѣшны? Неужели нельзя остановить ихъ и прекратить эту мерзость?

Онъ чрезвычайно вѣско и внушительно отвѣчалъ:

— Неужели вы предполагаете, что я солидаренъ съ ними и думаете, что я могъ участвовать въ составленіи этой бумажки?

— Именно не предполагалъ, отвѣчалъ я, и даже считаю ненужнымъ васъ въ томъ увѣрять. Но во всякомъ случаѣ ихъ надо остановить во что̀-бы ни стало. Ваше слово для нихъ вѣско и ужь, конечно, они боятся вашего мнѣнія.

— Я никого изъ нихъ не знаю.

— Увѣренъ и въ этомъ. Но вовсе и не нужно ихъ знать и говорить съ ними лично. Вамъ стоитъ только вслухъ гдѣ нибудь заявить ваше порицаніе и это дойдетъ до нихъ.

— Можетъ, и не произведетъ дѣйствія. Да и явленія эти, какъ сторонніе факты, неизбѣжны.

— И однако всѣмъ и всему вредятъ.

Тутъ позвонилъ другой гость, не помню кто. Я уѣхалъ. Долгомъ считаю замѣтить, что съ Чернышевскимъ я говорилъ искренно и вполнѣ вѣрилъ, какъ вѣрю и теперь, что онъ не былъ «солидаренъ» съ этими разбрасывателями. Мнѣ показалось, что Николаю Гавриловичу не непріятно было мое посѣщеніе; черезъ нѣсколько дней онъ подтвердилъ это, заѣхавъ ко мнѣ самъ. Онъ просидѣлъ у меня съ часъ и, признаюсь, я рѣдко встрѣчалъ болѣе мягкаго и радушнаго человѣка, такъ что тогда-же подивился нѣкоторымъ отзывамъ о его характерѣ, будто-бы жесткомъ и необщительномъ. Мнѣ стало ясно, что онъ хочетъ со мною познакомиться

Digitized by Google

и, помню, мнѣ было это пріятно. Потомъ я былъ у него еще разъ и онъ у меня тоже. Вскорѣ по нѣкоторымъ моимъ обстоятельствамъ я переселился въ Москву и прожилъ въ ней мѣсяцевъ девять. Начавшееся знакомство, такимъ образомъ, прекратилось. За симъ произошелъ арестъ Чернышевскаго и его ссылка. Никогда ничего не могъ я узнать о его дѣлѣ; не знаю и до сихъ поръ.

Года полтора спустя, мнѣ вздумалось написать одну фантастическую сказку, въ родѣ подражанія повѣсти Гоголя «Носъ». Никогда еще не пробовалъ я писать въ фантастическомъ родѣ. Это была чисто литературная шалость, единственно для смѣха. Представилось, дѣйствительно, нѣсколько комическихъ положеній, которыя мнѣ захотѣлось развить. Хоть и не стоитъ того, но разскажу сюжетъ, чтобы понятно было, что потомъ изъ него вывели. Тогда въ Петербургѣ, въ Пассажѣ, какой-то нѣмецъ показывалъ за деньги крокодила. Одинъ петербургскій чиновникъ, предъ поѣздкой за границу, отправляется съ своей молодой женой и съ неотлучнымъ другомъ своимъ въ Пассажъ и между прочимъ всѣ заходятъ посмотрѣть крокодила. Чиновникъ этотъ,—средняго круга, но изъ тѣхъ, которые имѣютъ нѣкоторое независимое состояніе, еще молодой, но заѣденный самолюбіемъ; прежде всего дуракъ, какъ и незабвенный майоръ Ковалевъ, потерявшій свой носъ. Онъ комически увѣренъ въ своихъ великихъ достоинствахъ; полуобразованъ, но считаетъ себя чуть не за генія, почитается въ своемъ департаментѣ за человѣка пустѣйшаго и постоянно обиженъ всеобщимъ къ нему невниманіемъ. Какъ-бы въ отместку за это муштруетъ и тиранизируетъ своего безхарактернаго друга, величаясь надъ нимъ своимъ умомъ. Другъ ненавидитъ его, но переноситъ все потому, что втайнѣ ему нравится его жена. Въ Пассажѣ, пока эта дамочка, молоденькая и хорошенькая, чисто петербургскаго типа, глупенькая кокетка средняго круга, засмотрѣлась на показывавшихся вмѣстѣ съ крокодиломъ обезьянъ, геніальный супругъ ея какъ-то раздразнилъ доселѣ соннаго и лежавшаго какъ колода крокодила: тотъ вдругъ разѣваетъ пасть и проглатываетъ его всего цѣликомъ, безъ остатку. Вскорѣ оказывается, что великій человѣкъ не потерпѣлъ отъ того ни малѣйшаго поврежденія; напротивъ, по свойственному ему упрямству объявилъ изъ крокодила, что ему очень хорошо въ немъ сидѣть. Другъ и жена удаляются хлопотать по начальству о его освобожденіи. Для этого представлялось совершенно необходимымъ убить крокодила, взрѣзать его и освободить великаго человѣка; но при томъ, конечно, слѣдовало вознаградить за крокодила нѣмца-хозяина и его неразлучную муттеръ. Нѣмецъ сначала въ негодованіи и отчаяніи изъ боязни, что его крокодилъ,

Digitized by Google

проглотившій «ганцъ чиновникъ», можетъ умереть; но скоро догадывается, что проглоченный членъ петербургской администраціи и оставшійся при томъ въ живыхъ можетъ доставить ему впредь чрезвычайный сборъ во всей Европѣ. Онъ требуетъ за крокодила огромную сумму и, сверхъ того, чинъ русскаго полковника. Съ другой стороны, начальство приходитъ въ немалое затрудненіе, что слишкомъ ужъ новый по министерству случай и что подобныхъ примѣровъ до сихъ поръ не бывало. «Если-бы намъ хоть какой нибудь подобный примѣрчикъ прежде, то можно-бы дѣйствовать, а то затруднительно». Подозрѣваетъ тоже, что чиновникъ залѣзъ въ крокодила вслѣдствіе какихъ нибудь запрещенныхъ, либеральныхъ тенденцій. Супруга между тѣмъ стала находить, что положеніе ея «въ родѣ какъ-бы вдовы» не лишено интереса. Проглоченный супругъ между тѣмъ объявляетъ своему другу окончательно, что ему несравненно лучше оставаться въ крокодилѣ, чѣмъ на службѣ, ибо теперь онъ уже по неволѣ обратитъ на себя вниманіе, чего никогда прежде не могъ добиться. Онъ настаиваетъ, чтобы жена его завела вечера, и чтобы на эти вечера его приносили вмѣстѣ съ крокодиломъ въ ящикѣ. Онъ увѣренъ, что на вечера эти бросится весь Петербургъ и всѣ государственные сановники—смотрѣть новый феноменъ. Тутъ-то онъ и намѣренъ выиграть: «Буду изрекать правду и учить; государственному мужу подамъ совѣтъ, предъ министромъ выкажу способности», говоритъ онъ, считая себя какъ-бы уже не отъ міра сего и уже въ правѣ давать совѣты и изрекать приговоры. На осторожный, но ядовитый вопросъ друга: «А ну, какъ если онъ неожиданнымъ какимъ нибудь процессомъ, котораго слѣдуетъ ожидать, переварится во что нибудь такое, чего не ожидаетъ» — великій человѣкъ отвѣчаетъ, что уже думалъ объ этомъ; но съ негодованіемъ будетъ сопротивляться этому весьма возможному по законамъ природы явленію. Супруга, однако-же, не соглашается давать вечера съ такою цѣлью, хотя ей и нравится мысль о нихъ: «Какъ-же это моего мужа будутъ приносить ко мнѣ въ ящикѣ?— говоритъ она. Къ тому-же и положеніе какъ-бы вдовы ей все болѣе и болѣе нравится. Она входитъ во вкусъ; въ ней берутъ участіе. Къ ней ѣздитъ начальникъ ея мужа и играетъ съ ней въ свои козыри... Вотъ первая часть этого шутовскаго разсказа—онъ не доконченъ. Когда нибудь непремѣнно докончу, хоть я уже и забылъ о немъ и теперь долженъ былъ перечитать, чтобы припомнить.

Вотъ что́, однако-же, сдѣлали изъ этой маленькой вещицы. Едва только разсказъ появился въ журналѣ «Эпоха» (въ 1865 году), какъ вдругъ «Голосъ» въ фельетонѣ сдѣлалъ странную замѣтку.

Digitized by Google

Не помню буквально, да и слишкомъ далеко справляться, но смыслъ былъ въ родѣ того: «Напрасно, дескать, авторъ «Крокодила» вступаетъ на такой путь; это не принесетъ ему ни чести, ни ожидаемой выгоды» и проч. и проч. Затѣмъ, нѣсколько самыхъ туманныхъ и непріязненныхъ колкостей. Я прочелъ мелькомъ, ничего не понялъ, видѣлъ только много яду, но не зналъ за что̀. Этотъ туманный фельетонный отзывъ, самъ по себѣ, разумѣется, не могъ повредить мнѣ; изъ читателей все равно никто-бы его не понялъ, такъ-же какъ и я; но вдругъ, недѣлю спустя, Н. Н. С. сказалъ мнѣ: «Знаете, что̀ тамъ думаютъ? Тамъ увѣрены, что вашъ «Крокодилъ»—аллегорія, исторія ссылки Чернышевскаго, и что вы хотѣли выставить и осмѣять Чернышевскаго». Я хоть и удивился, но не очень обезпокоился; мало-ли какихъ не бываетъ догадокъ? Мнѣніе это показалось мнѣ слишкомъ единичнымъ и натянутымъ, чтобъ оно возымѣло ходъ, и почелъ совершенно ненужнымъ протестовать. Никогда не прощу себѣ этого, ибо мнѣніе укрѣпилось и возымѣло ходъ. Colomniez, il en restera toujours quelque chose.

Я, впрочемъ, убѣжденъ и теперь, что тутъ вовсе и не было клеветы, да и за что̀, для чего? Я почти ни съ кѣмъ въ литературѣ не поссорился, по крайней мѣрѣ, очень не ссорился. Теперь, въ эту минуту, я всего во второй разъ, въ двадцать семь лѣтъ моей литературной дѣятельности, говорю о себѣ лично. Просто тутъ была тупость, угрюмая, мнительная тупость, засѣвшая въ какую нибудь голову «съ направленіемъ». Я убѣжденъ, что эта многодумная голова совершенно увѣрена до сихъ поръ, что не ошиблась и что я непремѣнно глумился надъ несчастнымъ Чернышевскимъ. Убѣжденъ даже, что никакими объясненіями и извиненіями не измѣню взгляда ея въ свою пользу даже и теперь. Но вѣдь зато она и многодумная голова. (Я, разумѣется, не объ Андреѣ Александровичѣ говорю; въ качествѣ редактора и издателя своей газеты, онъ тутъ, какъ и всегда, въ сторонѣ).

Въ чемъ-же аллегорія? Ну, конечно — крокодилъ изображаетъ собою Сибирь; самонадѣянный и легкомысленный чиновникъ—Чернышевскаго. Онъ попалъ въ крокодила и все еще питаетъ надежду поучать весь міръ. Безхарактерный другъ его, котораго онъ деспотируетъ—это все здѣшніе друзья Чернышевскаго. Хорошенькая, но глупенькая жена чиновника, радующаяся своему положенію «какъ-бы вдовы»—это... Но тутъ уже такъ грязно, что я не хочу мараться и продолжать разъясненіе аллегоріи. (А между тѣмъ, вѣдь она укрѣпилась и именно, можетъ быть, послѣдній-то намекъ и укрѣпился; я имѣю несомнѣнныя доказательства).

Значитъ, предположили, что я, самъ бывшій ссыльный и ка-

Digitized by Google

торжный, обрадовался ссылкѣ другаго «несчастнаго»; мало того—написалъ на этотъ случай радостный пашквиль. Но гдѣ-же тому доказательства; въ аллегоріи? Но принесите мнѣ что̀ хотите: «Записки съумасшедшаго», оду «Богъ», «Юрія Милославскаго», стихи Фета—что̀ хотите—и я берусь вамъ вывести тотчасъ-же изъ первыхъ десяти строкъ, вами указанныхъ, что тутъ именно аллегорія о франко-прусской войнѣ или пашквиль на актера Горбунова, однимъ словомъ, на кого угодно, на кого прикажете. Вспомните, какъ въ старину, въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ, напримѣръ, цензора разсматривали рукописи и транспаранты: не было строки, не было точки, въ которыхъ-бы не подозрѣвалось чего нибудь, какой нибудь аллегоріи. Пусть лучше представятъ хоть что нибудь изъ всей моей жизни для доказательства, что я похожъ на злаго, безсердечнаго пашквилянта и что отъ меня можно ожидать такихъ аллегорій.

Именно поспѣшность и торопливость подобныхъ бездоказательныхъ выводовъ и свидѣтельствуетъ, напротивъ, о нѣкоторой низменности духа самихъ обвинителей, о грубости и негуманности взгляда ихъ. Тутъ даже самое простодушіе догадки не извинительно; чтожь? Можно быть и простодушно низменнымъ и только.

Можетъ быть, я ненавидѣлъ Чернышевскаго лично? Чтобы предупредить это обвиненіе, я нарочно разсказалъ выше о нашемъ краткомъ и радушномъ знакомствѣ. Скажутъ,—этого мало и что я питалъ затаенную ненависть. Но пусть-же выставятъ и предлоги къ этой ненависти, если имѣютъ что̀ выставить. Ихъ не было. Съ другой стороны, я убѣжденъ, что самъ Чернышевскій подтвердитъ точность моего разсказа о нашей встрѣчѣ, если когда нибудь прочтетъ его. И дай Богъ, чтобы онъ получилъ возможность это сдѣлать. Я такъ-же тепло и горячо желаю того, какъ искренно сожалѣлъ и сожалѣю о его несчастіи.

Но ненависть изъ за убѣжденій, быть можетъ?

Почему-же? Чернышевскій никогда не обижалъ меня своими убѣжденіями. Можно очень уважать человѣка, расходясь съ нимъ въ мнѣніяхъ радикально. Тутъ, впрочемъ, я могу говорить не совсѣмъ голословно и имѣю даже маленькое доказательство. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ №№ прекратившагося въ то время журнала «Эпоха» (чуть-ли не въ самомъ послѣднемъ) была помѣщена большая критическая статья о «знаменитомъ» романѣ Чернышевскаго «Что дѣлать»? Эта статья замѣчательная и принадлежитъ извѣстному перу. И что̀-же? Въ ней именно отдается все должное уму и таланту Чернышевскаго. Собственно объ романѣ его было даже очень горячо сказано. Въ замѣчательномъ-же умѣ его

Digitized by Google

никто и никогда не сомнѣвался. Сказано было только въ статьѣ нашей объ особенностяхъ и уклоненіяхъ этого ума, но уже самая серьезность статьи свидѣтельствовала и о надлежащемъ уваженіи нашего критика къ достоинствамъ разбираемаго имъ автора. Теперь согласитесь: если-бы была во мнѣ ненависть изъ-за убѣжденій, я бы, конечно, не допустилъ въ журналѣ статьи въ которой говорилось о Чернышевскомъ съ надлежащимъ уваженіемъ; на самомъ дѣлѣ вѣдь я былъ редакторомъ «Эпохи», а не кто другой.

Можетъ быть, я, печатая ядовитую аллегорію, надѣялся выиграть гдѣ нибудь en haut lieu? Но когда и кто можетъ сказать про меня, что я заигрывалъ или выигрывалъ въ этомъ смыслѣ въ какомъ нибудь lieu, т. е. продавалъ свое перо. Я думаю даже, что самъ авторъ догадки не имѣлъ такой мысли, не смотря на все свое простодушіе. Да и не укрѣпилась-бы она ни за что въ литературномъ мірѣ, если-бы только въ этомъ состояло обвиненіе.

Что-же касается до возможности обвиненія въ пашквильной аллегоріи на счетъ иныхъ какихъ нибудь домашнихъ обстоятельствъ Николая Гавриловича, то опять-таки повторю, что не хочу даже и прикасаться съ этой точки къ моему «оправданію», чтобы не вымараться...

Мнѣ очень досадно, что на этотъ разъ я заговорилъ о себѣ. Вотъ что значитъ писать литературныя воспоминанія; никогда не напишу ихъ. Весьма сожалѣю, что несомнѣнно надоѣлъ читателю; но я пишу дневникъ, дневникъ отчасти личныхъ моихъ впечатлѣній, а какъ разъ недавно я вынесъ одно «литературное» впечатлѣніе, косвенно вдругъ напомнившее мнѣ и этотъ забытый анекдотъ о забытомъ моемъ «Крокодилѣ».

На дняхъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ мною людей, мнѣніе котораго я высоко дорожу, сказалъ мнѣ:

— Я только что прочелъ статью вашу о «Средѣ» и о приговорахъ нашихъ присяжныхъ («Гражданинъ», № 2-й). Я съ вами совершенно согласенъ, но статья ваша можетъ произвести непріятное недоумѣніе. Подумаютъ, что вы за отмѣну суда присяжныхъ и за новое вмѣшательство административной опеки...

Я былъ горестно изумленъ. Это былъ голосъ человѣка въ высшей степени безпристрастнаго и стоящаго внѣ всякихъ литературныхъ партій и «аллегорій».

— Неужели такъ можно истолковать мою статью! Послѣ этого ни объ чемъ нельзя говорить. Экономическое и нравственное состояніе народа по освобожденіи отъ крѣпостнаго ига—ужасно. Несомнѣнные и въ высшей степени тревожные факты о томъ свидѣтельствуютъ поминутно. Паденіе нравственности, дешевка, жиды-ка

Digitized by Google

батчики, воровство и дневной разбой—все это несомнѣнные факты и все растетъ, растетъ. Ну, что̀-жь? Если кто нибудь, тревожась духомъ и сердцемъ, возьметъ перо и напишетъ,—что̀-же, неужели закричатъ, что онъ крѣпостникъ и стоитъ за обратное закрѣпощеніе крестьянъ?

— Во всякомъ случаѣ надо желать, чтобы народъ имѣлъ полную свободу самъ выйти изъ грустнаго своего положенія, безо всякой опеки и поворотовъ назадъ.

— Да непремѣнно-же такъ, и это именно моя мысль! И если-бы даже отъ упадка народнаго (сами-же они, оглядываясь иногда на себя, говорятъ теперь по мѣстамъ: «Ослабѣли, ослабѣли!»)—если-бы даже, говорю я, произошло какое нибудь уже настоящее, несомнѣнное несчастіе народное, какое нибудь огромное паденіе, большая бѣда — то и тутъ народъ спасетъ себя самъ, себя и насъ, какъ уже неоднократно бывало съ нимъ, о чемъ свидѣтельствуетъ вся его исторія. Вотъ моя мысль. Именно—довольно вмѣшательствъ!.. Но какъ, однако-же, могутъ быть поняты и перетолкованы слова. Пожалуй, и еще натолкнешься на аллегорію!

V.

Власъ *).

омните-ли вы Власа? Онъ что-то мнѣ вспоминается.

„Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
„Съ обнаженной головой,
„Медленно проходитъ городомъ
„Дядя Власъ—старикъ сѣдой.
„На груди икона мѣдная:
„Проситъ онъ на Божій храмъ.. “

У этого Власа, какъ извѣстно, прежде «Бога не было»

. . . . . побоями
„Въ гробъ жену свою загналъ.
„Промышляющихъ разбоями,
„Конокрадовъ укрывалъ.“

Даже и конокрадовъ,—пугаетъ насъ поэтъ, впадая въ тонъ набожной старушки. Ухъ, вѣдь какіе грѣхи! Ну, и грянулъ-же громъ. Заболѣлъ Власъ и видѣлъ видѣніе, послѣ котораго поклялся пойти

*) № 4 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

по міру и собирать на храмъ. Видѣлъ онъ адъ-съ, ни мало, ни меньше:

„Видѣлъ свѣта преставленіе,
„Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:
„Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
„Жалитъ вѣдьма-егоза.
„Эфіопы—видомъ черные
„И какъ угліе глаза.
. . . . . .
„Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
„Тѣ горячій лижутъ полъ...“

Однимъ словомъ, невообразимые ужасы, такъ даже, что страшно читать. «Но всего не описать» - продолжаетъ поэтъ,

„Богомолки, бабы умныя,
„Могутъ лучше разсказать“.

О, поэтъ! (къ несчастію, истинный поэтъ нашъ) если-бы вы не подходили къ народу съ вашими восторгами, про которые

„Богомолки, бабы умныя,
„Могутъ лучше разсказать“,—

то не оскорбили-бы и насъ выводомъ, что вотъ изъ-за такихъ-то, въ концѣ концовъ, бабьихъ пустяковъ

„Выростаютъ храмы Божіи
„По лицу земли родной“.

Но хоть и по «глупости» своей ходитъ съ котомкою Власъ, но серьезность его страданія вы всетаки поняли; все-же васъ поразила величавая фигура его. (Да вѣдь и поэтъ-же вы; не могло быть иначе).

„Сила вся души великая
„Въ дѣло Божіе ушла“.

великолѣпно говорите вы. Хочу, впрочемъ, вѣрить, что вы вставили вашу насмѣшку невольно, страха ради либеральнаго, ибо эта страшная, пугающая даже, сила смиренія Власова, эта потребность самоспасенія, эта страстная жажда страданія поразила и васъ, общечеловѣка и русскаго gentilhomme'а, и величавый образъ народный вырвалъ восторгъ и уваженіе и изъ вашей высоко-либеральной души!

„Роздалъ Власъ свое имѣніе,
„Самъ остался босъ и голъ,
„И сбирать на построеніе
„Храма Божьяго пошелъ.

Digitized by Google

„Съ той поры мужикъ скитается
„Вотъ ужь скоро *тридцать* лѣтъ,
„Подаяніемъ питается –
„Строго держитъ свой обѣтъ
. . . . . .
„Полонъ скорбью неутѣшною
„*Смуглолицъ, высокъ и прямъ*

(Чудо какъ хорошо!)

„*Ходитъ онъ стопой неспѣшною*
„По селеньямъ, городамъ.
. . . . . .
„Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
„*Самъ съ собой все говоритъ*
„*И желѣзною вериигою*
„*Тихо на ходу звенитъ*".

Чудо, чудо какъ хорошо! Даже такъ хорошо, что точно и не вы писали; точно это не вы, а другой кто замѣсто васъ кривлялся потомъ «на Волгѣ», въ великолѣпныхъ тоже стихахъ, про бурлацкія пѣсни. А впрочемъ, — не кривлялись вы и «на Волгѣ», развѣ только немножко; вы и на Волгѣ любили общечеловѣка въ бурлакѣ и дѣйствительно страдали по немъ, то есть, не по бурлакѣ собственно, а, такъ сказать, по обще-бурлакѣ. Видите-ли-съ, любить общечеловѣка, значитъ, навѣрно ужь презирать, а подъ часъ и ненавидѣть стоящаго подлѣ себя настоящаго человѣка. Я нарочно подчеркнулъ неизмѣримо прекрасные стихи въ этомъ шутовскомъ (въ его цѣломъ, ужь извините меня) стихотвореніи вашемъ.

Я потому припомнилъ этого стихотворнаго Власа, что слышалъ на дняхъ одинъ удивительно фантастическій разсказъ про другаго Власа, даже про двухъ, но уже совершенно особенныхъ, даже неслыханныхъ доселѣ Власовъ. Происшествіе это истинное и уже по одной своей необыкновенности замѣчательное.

На Руси, по монастырямъ, есть, говорятъ, и теперь иные схимники, монахи-исповѣдники и совѣтодатели. Хорошо или дурно это, нужно-ли монаховъ или ненужно ихъ,—про это въ данную минуту не хочу разсуждать и не для того взялъ перо. Но такъ какъ мы живемъ въ данной дѣйствительности, то вѣдь нельзя-же выпихнуть изъ разсказа хотя-бы даже и монаха, если на немъ зиждется разсказъ. Эти монахи-совѣтодатели бываютъ иногда, будто-бы, великаго образованія и ума. Такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуютъ о нихъ; я ничего не знаю. Говорятъ, что встрѣчаются нѣкоторые съ удивительнымъ, будто-бы, даромъ проникновенія въ душу человѣческую и умѣнія совладать съ нею. Нѣсколько такихъ лицъ из-

Digitized by Google

вѣстны, говорятъ, всей Россіи, т. е., въ сущности, тѣмъ, кому надо. Живетъ этотъ старецъ, положимъ, въ Херсонской губерніи, а къ нему ѣдутъ или даже идутъ пѣшкомъ изъ Петербурга, изъ Архангельска, съ Кавказа и изъ Сибири. Идутъ, разумѣется, съ раздавленною отчаяніемъ душою, которая уже и не ждетъ себѣ исцѣленія, или съ такимъ страшнымъ бременемъ на сердцѣ, что грѣшникъ уже и не говоритъ о немъ своему священнику-духовнику,— не отъ страха или недовѣрія, а просто въ совершенномъ отчаяніи за спасеніе свое. А прослышитъ вдругъ про какого нибудь такого монаха совѣтодателя, и пойдетъ къ нему.

«И вотъ», говорилъ одинъ изъ такихъ старцевъ однажды, въ дружеской бесѣдѣ наединѣ съ однимъ слушателемъ,—«выслушиваю я людей двадцать лѣтъ и вѣрите-ли, ужь сколько, казалось-бы, въ двадцать лѣтъ знакомства моего съ самыми потаенными и сложными болѣзнями души человѣческой; но и черезъ двадцать лѣтъ приходишь иногда въ содроганіе и въ негодованіе, слушая иныя тайны. Теряешь необходимое спокойствіе духа для поданія утѣшенія и самъ вынужденъ себя-же укрѣплять въ смиреніи и безмятежности».

«И тутъ-то онъ и разсказалъ ту удивительную повѣсть изъ народнаго быта, о которой я выше упомянулъ.

«Вижу, вползаетъ ко мнѣ разъ мужикъ на колѣняхъ. Я еще изъ окна видѣлъ, какъ онъ ползъ по землѣ. Первымъ словомъ ко мнѣ:

«— Нѣтъ мнѣ спасенія; проклятъ! И что̀-бы ты ни сказалъ— все одно проклятъ!

«Я его кое-какъ успокоилъ; вижу, за страданіемъ приползъ человѣкъ; издалека.

«Собрались мы въ деревнѣ нѣсколько парней, началъ онъ говорить, и стали промежду себя спорить: «кто кого дерзостнѣе сдѣлаетъ?» Я по гордости вызвался передъ всѣми. Другой парень отвелъ меня и говоритъ мнѣ съ глазу на глазъ:

«— Это никакъ невозможно тебѣ, чтобы ты сдѣлалъ какъ говоришь. Хвастаешь.

«Я ему сталъ клятву давать.

— Нѣтъ, стой, поклянись, говоритъ, своимъ спасеніемъ на томъ свѣтѣ, что все сдѣлаешь, какъ я тебѣ укажу.

«Поклялся.

— Теперь скоро постъ, говоритъ, стань говѣть. Когда пойдешь къ причастью—причастье прими, но не проглоти. Отойдешь—вынь рукой и сохрани. А тамъ я тебѣ укажу.

«Такъ я и сдѣлалъ. Прямо изъ церкви повелъ меня въ огородъ.

Digitized by Google

Взялъ жердь, воткнулъ въ землю и говоритъ: положи! Я положилъ на жердь.

«— Теперь, говоритъ, принеси ружье.

«Я принесъ.

«— Заряди.

«Зарядилъ.

«— Подыми и выстрѣли.

Я поднялъ руку и намѣтился. И вотъ только-бы выстрѣлить, вдругъ предо мною какъ есть крестъ, а на немъ Распятый. Тутъ я и упалъ съ ружьемъ въ безчувствіи».

Происходило это еще за нѣсколько лѣтъ до прихода къ старцу. Кто былъ этотъ Власъ, откуда и какъ его имя — старецъ, разумѣется, не открылъ, равно какъ и покаяніе, которое наложилъ на него. Должно быть, обременилъ душу страшнымъ трудомъ, даже не по силамъ человѣческимъ, разсуждая, что чѣмъ больше, тѣмъ тутъ и лучше: «Самъ за страданіемъ приползъ». Не правда-ли, что происшествіе даже весьма характерное, съ одной стороны, на многое намекающее, такъ что, пожалуй, и стоитъ двухъ-трехъ минутъ особеннаго разбора. Я все того мнѣнія, что вѣдь послѣднее слово скажутъ они-же, вотъ эти самые разные «Власы», кающіеся и не кающіеся; они скажутъ и укажутъ намъ новую дорогу и новый исходъ изъ всѣхъ, казалось-бы, безъисходныхъ затрудненій нашихъ. Не Петербургъ-же разрѣшитъ окончательно судьбу русскую. А потому всякая, даже малѣйшая *новая* черта объ этихъ, теперь уже «новыхъ людяхъ», можетъ быть достойна вниманія нашего. 1917?

Во первыхъ, мнѣ именно удивительно — удивительно всего болѣе—самое начало дѣла, то есть возможность такого спора и состязанія въ русской деревнѣ: «Кто кого дерзостнѣе сдѣлаетъ?» Ужасно на многое намекающій фактъ, а для меня почти совсѣмъ даже и неожиданный; а я видывалъ-таки довольно народу, да еще самаго характернаго. Замѣчу тоже, что кажущаяся исключительность факта тѣмъ самымъ, однако, и свидѣтельствуетъ о его достовѣрности: когда лгутъ, то изобрѣтаютъ что нибудь гораздо болѣе обыкновенное и къ обыденному подходящее, чтобы всѣ повѣрили. 1917

Затѣмъ, замѣчательна собственно медицинская часть факта. Галлюсинація есть преимущественно явленіе болѣзненное и болѣзнь а весьма рѣдкая. Возможность внезапной галлюсинаціи, хотя и крайне возбужденнаго, но все-же совершенно здороваго человѣка,— жетъ быть, случай еще неслыханный. Но это дѣло медицинское, я въ немъ мало знаю.

Другое дѣло—психологическая часть факта. Тутъ являются пе-

Digitized by Google

редъ нами два народные типа, — въ высшей степени изображающіе намъ весь русскій народъ въ его цѣломъ. Это, прежде всего, забвеніе всякой мѣрки во всемъ (и, замѣтьте, всегда почти временное и преходящее, являющееся какъ-бы какимъ-то навожденіемъ). Это—потребность хватить черезъ край, потребность въ замирающемъ ощущеніи, дойдя до пропасти, свѣситься въ нее на половину, заглянуть въ самую бездну и,—въ частныхъ случаяхъ, но весьма нерѣдкихъ — броситься въ нее, какъ ошалѣлому, внизъ головой. Это—потребность отрицанія въ человѣкѣ, иногда самомъ неотрицающемъ и благоговѣющемъ, отрицанія всего, самой главной святыни сердца своего, самаго полнаго идеала своего, всей народной святыни во всей ея полнотѣ, передъ которой сейчасъ лишь благоговѣлъ и которая вдругъ какъ будто стала ему невыносимымъ какимъ-то бременемъ. Особенно поражаетъ та торопливость, стремительность, съ которою русскій человѣкъ спѣшитъ иногда заявить себя, въ иныя характерныя минуты своей или народной жизни, заявить себя въ хорошемъ или въ поганомъ. Иногда тутъ просто нѣтъ удержу. Любовь-ли, вино-ли, разгулъ, самолюбіе, зависть—тутъ иной русскій человѣкъ отдается почти беззавѣтно, готовъ порвать все, отречься отъ всего: отъ семьи, обычая, Бога. Иной добрѣйшій человѣкъ какъ-то вдругъ можетъ сдѣлаться омерзительнымъ безобразникомъ и преступникомъ, — стоитъ только попасть ему въ этотъ вихрь, роковой для насъ круговоротъ судорожнаго и моментальнаго самоотрицанія и саморазрушенія, такъ свойственный русскому народному характеру въ иныя роковыя минуты его жизни. Но зато съ такою-же силою, съ такою-же стремительностью, съ такою-же жаждою самосохраненія и покаянія русскій человѣкъ, равно какъ и весь народъ, и спасаетъ себя самъ, и обыкновенно, когда дойдетъ до послѣдней черты, т. е. когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчокъ, толчокъ возстановленія и самоспасенія, всегда бываетъ серьезнѣе прежняго порыва,— порыва отрицанія и саморазрушенія. То есть, то бываетъ всегда на счету какъ-бы мелкаго малодушія; тогда какъ въ возстановленіе свое русскій человѣкъ уходитъ съ самымъ огромнымъ и серьезнымъ усиліемъ, а на отрицательное прежнее движеніе свое смотритъ съ презрѣніемъ къ самому себѣ.

Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русскаго народа—есть потребность страданія, всегдашняго и нестолимаго, вездѣ и во всемъ. Этою жаждою страданія онъ, кажется, зараженъ искони вѣковъ. Страдальческая струя проходитъ черезъ всю его исторію, не отъ внѣшнихъ только несчастій и бѣдствій, а бьетъ ключемъ изъ самаго сердца народнаго. У русскаго народа

Digitized by Google

даже въ счастьи непремѣнно есть часть страданія, иначе счастье его для него не полно. Никогда, даже въ самыя торжественныя минуты его исторіи, не имѣетъ онъ гордаго и торжествующаго вида, а лишь умиленный до страданія видъ; онъ воздыхаетъ и относитъ славу свою къ милости Господа. Страданіемъ своимъ русскій народъ какъ-бы наслаждается. Что̀ въ цѣломъ народѣ, то и въ отдѣльныхъ типахъ, говоря, впрочемъ, лишь вообще. Вглядитесь, напримѣръ, въ многочисленные типы русскаго безобразника. Тутъ не одинъ лишь разгулъ черезъ край, иногда удивляющій дерзостью своихъ предѣловъ и мерзостью паденія души человѣческой. Безобразникъ этотъ, прежде всего, самъ страдалецъ. Наивно-торжественнаго довольства собою въ русскомъ человѣкѣ совсѣмъ даже нѣтъ, даже въ глупомъ. Возьмите русскаго пьяницу и, напримѣръ, хоть нѣмецкаго пьяницу: русскій пакостнѣе нѣмецкаго, но пьяный Нѣмецъ несомнѣнно глупѣе и смѣшнѣе Русскаго. Нѣмцы—народъ по преимуществу самодовольный и гордый собою. Въ пьяномъ-же Нѣмцѣ эти основныя черты народныя выростаютъ въ размѣрахъ выпитаго пива. Пьяный Нѣмецъ несомнѣнно счастливый человѣкъ и никогда не плачетъ; онъ поетъ самохвальныя пѣсни и гордится собою. Приходитъ домой пьяный, какъ стелька, но гордый собою. Русскій пьяница любитъ пить съ горя и плакать. Если-же куражится, то не торжествуетъ, а лишь буянитъ. Всегда вспомнитъ какую нибудь обиду и упрекаетъ обидчика, тутъ-ли онъ, нѣтъ-ли. Онъ дерзостно, пожалуй, доказываетъ, что онъ чуть-ли не генералъ, горько ругается, если ему не вѣрятъ и, чтобы увѣрить, въ концѣ концовъ всегда зоветъ «караулъ». Но вѣдь потому онъ такъ и безобразенъ, потому и зоветъ «караулъ», что въ тайникахъ пьяной души своей онъ навѣрно самъ убѣжденъ, что онъ вовсе не «генералъ», а только гадкій пьяница и опакостился ниже всякой скотины. Что̀ въ микроскопическомъ примѣрѣ, то и въ крупномъ. Самый крупный безобразникъ, самый даже красивый своею дерзостью и изящными пороками, такъ что ему даже подражаютъ глупцы, всетаки слышитъ какимъ-то чутьемъ, въ тайникахъ безобразной души свей, что въ концѣ концовъ онъ лишь негодяй и только. Онъ недоволенъ собою; въ сердцѣ его наростаетъ попрекъ и онъ мститъ за него окружающимъ; бѣснуется и мечется на всѣхъ, и тутъ-то вотъ и доходитъ до краю, борясь съ накопляющимся ежеминутно въ сердцѣ страданіемъ своимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ-бы упиваясь имъ съ наслажденіемъ. Если онъ способенъ возстать изъ своего униженія, то мститъ себѣ за прошлое паденіе ужасно, даже больнѣе, чѣмъ вымѣщалъ на другихъ, въ чаду безобразія, свои тайныя муки отъ собственнаго недовольства собою.

Digitized by Google

Кто натолкнулъ обоихъ парней на споръ о томъ: «кто сдѣлаетъ дерзостнѣе?», и какими причинами сложилась возможность подобнаго состязанія—осталось неизвѣстнымъ, но несомнѣнно, что оба страдали — одинъ принимая вызовъ, другой предлагая его. Конечно, тутъ было что нибудь предварительно: или затаенная ненависть между ними, или ненависть съ дѣтства, и даже неизвѣстная имъ самимъ и вдругъ проявившаяся въ минуту спора и вызова. Послѣднее вѣроятнѣе; и вѣроятно, они были друзьями до сей минуты и жили въ согласіи, которое становилось, чѣмъ далѣе, тѣмъ невыносимѣе; но, въ моментъ вызова, напряженіе взаимной ненависти и зависти жертвы къ своему Мефистофелю уже было необыкновенное.

— Не побоюсь ничего, сдѣлаю все, что укажешь; погибай душа, а осрамлю тебя!

— Хвастаешь, убѣжишь какъ мышь въ подполье, насмѣюсь надъ тобой, погибай душа!

Можно было выбрать для состязанія что нибудь очень дерзкое и другаго рода,—разбой, убійство, открытое буйство противъ могущественнаго человѣка. Вѣдь поклялся-же парень, что на все пойдетъ и искуситель его зналъ, что на этотъ разъ серьезно говорено, впрямь пойдетъ.

Нѣтъ. Самыя страшныя «дерзости» кажутся искусителю слишкомъ обыкновенными. Онъ придумываетъ неслыханную дерзость, небывалую и немыслимую, и въ ея выборѣ выразилось цѣлое міровоззрѣніе народное.

Немыслимую? А между тѣмъ одно уже то, что онъ именно остановился на ней, показываетъ, что онъ уже, можетъ быть, и мыслилъ о ней. Можетъ быть, давно уже, съ дѣтства, эта мечта заползала въ душу его, потрясала ея ужасомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительнымъ наслажденіемъ. Что придумалъ онъ все давно уже, и ружье и огородъ, и держалъ только въ страшной тайнѣ — въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія. Придумалъ, разумѣется, не для того, чтобы исполнить, да и не посмѣлъ-бы, можетъ быть, одинъ никогда. Просто нравилось ему это видѣніе, проницало его душу изрѣдка, манило его, а онъ робко поддавался, и отступалъ, холодѣя отъ ужаса. Одинъ моментъ такой неслыханной дерзости, а тамъ хоть все пропадай! И ужь, конечно, онъ вѣровалъ, что за это ему вѣчная гибель; но—«былъ-же и я на такомъ верху!..»

Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень много знать безсознательно. Но, неправда-ли, любопытная душа, и, главное, изъ этого быта. Въ этомъ все вѣдь и дѣло. Хорошо-бы тоже узнать, какъ онъ считалъ себя: виновнѣе или нѣтъ своей

Digitized by Google

жертвы? Судя по кажущемуся его развитію надо полагать, что считалъ виновнѣе, или, по крайней мѣрѣ, равнымъ по винѣ; такъ что вызывая жертву на «дерзость», вызывалъ и себя.

Говорятъ, русскій народъ плохо знаетъ Евангеліе, не знаетъ основныхъ правилъ вѣры. Конечно такъ, но Христа онъ знаетъ и носитъ его въ своемъ сердцѣ искони. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какъ возможно истинное представленіе Христа безъ ученія о вѣрѣ?—Это другой вопросъ. Но сердечное знаніе Христа и истинное представленіе о немъ существуетъ вполнѣ. Оно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и слилось съ сердцами людей. Можетъ быть, единственная любовь народа русскаго есть Христосъ и онъ любитъ образъ Его по своему, то есть до страданія. 1917?

Названіемъ-же православнаго, то есть истиннѣе всѣхъ исповѣдующаго Христа, онъ гордится болѣе всего. Повторю, можно очень много знать безсознательно. 1917?

И вотъ, надругаться надъ такой святыней народною, разорвать тѣмъ со всею землей, разрушить себя самого во вѣки вѣковъ для одной лишь минуты торжества отрицаньемъ и гордостью — ничего не могъ выдумать русскій Мефистофель дерзостнѣе! Возможность такого напряженія страсти, возможность такихъ мрачныхъ и сложныхъ ощущеній въ душѣ простолюдина поражаетъ! И, замѣтьте, все это возрасло почти до сознательной идеи.

Жертва однако-же не сдается, не смиряется, не пугается. По крайней мѣрѣ, дѣлаетъ видъ, что не пугается. Парень принимаетъ вызовъ. Проходятъ дни и онъ стоитъ на своемъ. Наступаетъ уже не мечта, а самое дѣло: онъ ходитъ въ церковь, слышитъ ежедневно слова Христовы и не отступаетъ. Бываютъ страшные убійцы, не смущающіеся даже при видѣ убитой ими жертвы. Одинъ изъ такихъ убійцъ, явный и уличенный на мѣстѣ, не сознавался до конца и продолжалъ лгать передъ слѣдователемъ. Когда-же тотъ всталъ и велѣлъ отвести его въ острогъ, то онъ, съ умиленнымъ видомъ, попросилъ какъ милости проститься съ лежавшею тутъ-же убитою (его бывшею любовницею, которую онъ убилъ изъ ревности). Онъ нагнулся, поцаловалъ ее съ умиленіемъ, заплакалъ и, не вставая съ колѣнъ, еще разъ повторилъ надъ нею, простирая руку, что онъ не виновенъ. Я только хочу замѣтить до какой звѣрской степени можетъ доходить въ человѣкѣ безчувственность.

Но здѣсь была совсѣмъ не безчувственность. Сверхъ того было це нѣчто совсѣмъ особенное—мистическій ужасъ, самая огромная ила надъ душой человѣческой. Онъ несомнѣнно былъ, судя, по райней мѣрѣ, по развязкѣ дѣла. Но сильная душа парня съ этимъ касомъ еще могла вступить въ борьбу; онъ доказалъ это. Сила-

Digitized by Google

ли это, впрочемъ, или въ послѣдней степени малодушіе? Вѣроятно, и то и другое вмѣстѣ, въ соприкосновеніи противуположностей. Тѣмъ не менѣе этотъ мистическій ужасъ не только не порвалъ, но еще продлилъ борьбу и навѣрно онъ-то и способствовалъ привести ее къ окончанію, именно тѣмъ, что удалялъ отъ сердца грѣшника всякое чувство умиленія, и чѣмъ сильнѣе подавлялъ его, тѣмъ невозможнѣе оно становилось. Ощущеніе ужаса есть чувство жесткое, сушитъ и каменитъ сердце для всякаго умиленія и высокаго чувства. Вотъ почему преступникъ выдержалъ и моментъ передъ чашей, хотя, можетъ быть, и цѣпенѣя отъ страху до изнеможенія. Я думаю тоже, что взаимная ненависть между жертвой и ея мучителемъ упала въ эти дни совершенно. Порывами искушаемый могъ съ болѣзненною злостью ненавидѣть себя, окружающихъ, молящихся въ церкви, но всего менѣе своего Мефистофеля. Оба они чувствовали, что взаимно другъ въ другѣ нуждаются, чтобы сообща кончить дѣло. Каждый навѣрно считалъ себя безсильнымъ его кончить одинъ. Для чего-же они продолжали его, для чего-же приняли столько муки? Они и не могли, впрочемъ, разорвать союзъ. Еслибъ ихъ контрактъ былъ нарушенъ, то тотчасъ-же возгорѣлась-бы взаимная ненависть въ десять разъ сильнѣе прежняго и навѣрно произошлобы убійство: мученикъ убилъ-бы своего мучителя.

Пусть и это. Даже и это-бы ничего передъ вынесеннымъ жертвою ужасомъ. То-то и есть, что тутъ должно было быть непремѣнно, на днѣ души, и у того и у другаго, нѣкоторое адское наслажденіе собственной гибелью, захватывающая дыханіе потребность нагнуться надъ пропастью и заглянуть въ нее, потрясающее восхищеніе передъ собственной дерзостью. Почти невозможно, чтобы дѣло было доведено до конца безъ этихъ возбуждающихъ и страстныхъ ощущеній. Не простые-же были это баловники, мальчишки тупые и глупые, — начиная съ состязанія о «дерзости» и кончая отчаяніемъ передъ старцемъ.

Замѣтьте еще, что искуситель не открылъ своей жертвѣ всей тайны; она еще не знала, выходя изъ церкви, что должна будетъ сдѣлать съ святыней, до самаго того момента, какъ онъ велѣлъ принести ружье. Столько дней такой мистической неизвѣстности опять свидѣтельствуютъ объ ужасномъ упорствѣ грѣшника. Съ другой стороны, и деревенскій Мефистофель выказываетъ себя большимъ психологомъ.

Но, можетъ быть, придя въ огородъ, оба они уже не помнили себя? Парень помнилъ, однако, какъ заряжалъ ружье и наводилъ. Можетъ быть, дѣйствовалъ лишь машинально, хотя и въ полной памяти, какъ дѣйствительно бываетъ иногда въ состояніи ужаса?

Digitized by Google

Не думаю: еслибы онъ обратился въ одну лишь машину, продолжающую дѣйствовать по одной лишь инерціи, то навѣрно не имѣлъ-бы потомъ видѣнія; просто упалъ-бы безъ чувствъ, когда-бы истощилъ весь запасъ инерціи—и не *до*, а ужь послѣ выстрѣла. Нѣтъ, вѣроятнѣе всего, что сознаніе сохранялось все время въ чрезвычайной ясности, не смотря на смертельный ужасъ, все нароставшій съ каждымъ мгновеніемъ прогрессивно. И уже потому, что жертва выдержала такое давленіе ужаса, нароставшаго прогрессивно, повторю опять, она была несомнѣнно одарена огромною душевною силой.

Обратимъ вниманіе на то, что заряжаніе ружья есть операція во всякомъ случаѣ требующая нѣкотораго вниманія. Самое труднѣйшее и невыносимое дѣло въ подобную минуту, по моему, есть способность оторваться отъ своего ужаса, отъ подавляющей собою идеи. Обыкновенно, до послѣдней степени пораженные ужасомъ уже не могутъ оторваться отъ его созерцанія, отъ предмета или идеи, ихъ поразившихъ: они стоятъ передъ ними какъ вкопанные и своему ужасу смотрятъ прямо въ глаза, какъ очарованные. Но парень зарядилъ ружье внимательно, онъ это помнилъ; онъ помнилъ, какъ потомъ сталъ наводить, помнилъ все, до послѣдняго момента. Могло быть и то, что процессъ заряжанія ружья былъ ему облегченіемъ, исходомъ страждущей души его, и онъ радъ былъ сосредоточить себя хотя-бы одно только мгновеніе на какомъ нибудь исходномъ внѣшнемъ предметѣ. Такъ бываетъ на гильотинѣ съ тѣми, которымъ рубятъ голову. Дюбарри кричала палачу: «Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!» Въ двадцать разъ она-бы выстрадала больше въ эту даровую минуту, еслибъ ей ее подарили, а всетаки кричала и молила о ней. Но если предположить, что заряжаніе ружья было для нашего грѣшника въ родѣ какъ у Дюбарри «encore un moment», то ужь, конечно, онъ-бы не могъ послѣ такого момента опять обратиться къ своему ужасу, отъ котораго разъ оторвался, и продолжать дѣло, наводить и стрѣлять. Тутъ просто-бы онѣмѣли руки и перестали-бы слушаться, ружье-бы вывалилось изъ нихъ само собою, не смотря даже на сохранившіяся сознаніе и волю.

И вотъ, въ самый послѣдній моментъ—вся ложь, вся низость поступка, все малодушіе, принимаемое за силу, весь срамъ падені, все это вырвалось вдругъ, въ одно мгновеніе, изъ его сердца і стало передъ нимъ въ грозномъ обличеніи. Неимовѣрное видѣніе і недстало ему... все кончилось.

Судъ прогремѣлъ изъ его сердца, конечно. Почему прогремѣлъ і сознательно, не внезапнымъ проясненіемъ ума и совѣсти, по-

Digitized by Google

чему проявился въ образѣ, какъ-бы совершенно внѣшнимъ, независимымъ отъ его духа фактомъ? Въ этомъ огромная психологическая задача и дѣло Господа. Для него, для преступника, безъ сомнѣнія, было дѣломъ Господнимъ. Власъ пошелъ по міру и потребовалъ страданія.

Ну, а другой-то Власъ, оставшійся, искуситель? Легенда не говоритъ, что онъ поползъ за покаяніемъ, не упоминаетъ о немъ ничего. Можетъ, поползъ и онъ, а, можетъ, и остался въ деревнѣ и живетъ себѣ до сихъ поръ, опять пьетъ и зубоскалитъ по праздникамъ: вѣдь не онъ-же видѣлъ видѣніе. Такъ-ли, впрочемъ? Очень-бы желательно узнать и его исторію, для свѣдѣнія, для этюда.

Вотъ почему еще желательно-бы: что̀, если это и впрямь настоящій нигилистъ деревенскій, доморощенный отрицатель и мыслитель, не вѣрующій, съ высокомѣрною насмѣшкой выбравшій предметъ состязанія, не страдавшій, не трепетавшій вмѣстѣ съ своею жертвою, какъ предположили мы въ нашемъ этюдѣ, а съ холоднымъ любопытствомъ слѣдившій за ея трепетаніями и корчами, изъ одной лишь потребности чужаго страданія, человѣческаго униженія,— чортъ знаетъ, можетъ быть, изъ ученаго наблюденія?

Если ужь есть и такія черты даже и въ народномъ характерѣ (а въ настоящее время все возможно предположить), да еще въ нашей деревнѣ, — то это уже новое откровеніе, нѣсколько даже и неожиданное. Что̀-то не слыхано было прежде о подобныхъ чертахъ. Искуситель у г. Островскаго въ прекрасной комедіи «Не такъ живи какъ хочется» вышелъ даже очень плоховатъ. Жаль, что тутъ нельзя узнать ничего достовѣрнаго.

Конечно, интересъ разсказанной исторіи — если только въ ней есть интересъ,—лишь въ томъ, что она истинная. Но заглядывать въ душу современнаго Власа иногда дѣло не лишнее. Современный Власъ быстро измѣняется. Тамъ, внизу, у него такое-же кипѣніе, какъ и сверху у насъ, начиная съ 19-го февраля. Богатырь проснулся и расправляетъ члены; можетъ, захочетъ кутнуть, махнуть
179 черезъ край. Говорятъ, ужь закутилъ. Разсказываютъ и печатаютъ ужасы: пьянство, разбой, пьяныя дѣти, пьяныя матери, цинизмъ, нищета, безчестность, безбожіе. Соображаютъ иные серьезные, но нѣсколько торопливые люди, и соображаютъ по фактамъ, что если продолжится такой «кутежъ» еще хоть только на десять лѣтъ, то и представить нельзя послѣдствій, хотя-бы только съ экономической точки зрѣнія. Но вспомнимъ «Власа» и успокоимся: въ послѣдній моментъ вся ложь, если только есть ложь, выскочитъ изъ сердца народнаго и станетъ передъ нимъ съ неимовѣрною силою обличенія. Очнется Власъ и возьмется за дѣло Божіе. Во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ спасетъ себя самъ, если-бы и впрямь дошло до бѣды. Себя и насъ спасетъ, ибо опять-таки—свѣтъ и спасеніе возсіяютъ снизу (въ совершенно, можетъ быть, неожиданномъ видѣ для нашихъ либераловъ, и въ этомъ будетъ много комическаго). Есть даже намеки на эту неожиданность, наклевываются и теперь даже факты.. Впрочемъ, объ этомъ можно и послѣ поговорить. Во всякомъ случаѣ наша несостоятельность, какъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», въ настоящій моментъ несомнѣнна. Да вѣдь девятнадцатымъ февралемъ и закончился по настоящему Петровскій періодъ русской исторіи, такъ что мы давно уже вступили въ полнѣйшую неизвѣстность.

Да? Неумѣ

А это Пирно

VI.

Бобокъ*)

На этотъ разъ помѣщаю «Записки одного лица». Это не я; это совсѣмъ другое лицо. Я думаю, болѣе не надо никакого предисловія.

Записки одного лица.

Семенъ Ардальоновичъ третьяго дня мнѣ какъ разъ:

— Да будешь-ли ты, Иванъ Ивановичъ, когда нибудь трезвъ, скажи на милость?

Странное требованіе. Я не обижаюсь, я человѣкъ робкій; но однако-же вотъ меня и сумасшедшимъ сдѣлали. Списалъ съ меня живописецъ портретъ изъ случайности: «всетаки ты, говоритъ, литераторъ». Я дался, онъ и выставилъ. Читаю: «Ступайте смотрѣть на это болѣзненное, близкое къ помѣшательству лицо».

Оно пусть, но вѣдь, какъ-же, однако, такъ прямо въ печати? Въ печати надо все благородное; идеаловъ надо, а тутъ...

Скажи, по крайней мѣрѣ, косвенно, на то тебѣ слогъ. Нѣтъ, онъ косвенно уже не хочетъ. Нынѣ юморъ и хорошій слогъ исчезаютъ и ругательства за мѣсто остроты принимаются. Я не обижаюсь: не Богъ знаетъ какой литераторъ, чтобы съ ума сойти. Написалъ повѣсть—не напечатали. Написалъ фельетонъ—отказали. Этихъ фельетоновъ я много по разнымъ редакціямъ носилъ, вездѣ отказывали: соли говорятъ, у васъ нѣтъ.

*) № 6 „Гражданина“ 1873 г.

Digitized by Google

— Какой-же тебѣ соли, спрашиваю съ насмѣшкою: аттической?

Даже и не понимаетъ. Перевожу больше книгопродавцамъ съ французскаго. Пишу и объявленія купцамъ: «Рѣдкость! Красненькій, дескать, чай, съ собственныхъ плантацій»... За панегирикъ его превосходительству покойному Петру Матвѣевичу большой кушъ хватилъ. «Искусство нравиться дамамъ», по заказу книгопродавца составилъ. Вотъ этакихъ книжекъ я штукъ шесть въ моей жизни пустилъ. Вольтеровы бонмо хочу собрать, да боюсь, не прѣсно-ли нашимъ покажется. Какой теперь Вольтеръ; нынче дубина, а не Вольтеръ! Послѣдніе зубы другъ другу повыбили! Ну, вотъ, и вся моя литературная дѣятельность. Развѣ что безмездно письма по редакціямъ разсылаю, за моею полною подписью. Все увѣщанія и совѣты даю, критикую и путь указую. Въ одну редакцію, на прошлой недѣлѣ, сороковое письмо за два года послалъ; четыре рубля на однѣ почтовыя марки истратилъ. Характеръ у меня скверенъ, вотъ что̀.

Думаю, что живописецъ списалъ меня не литературы ради, а ради двухъ моихъ симметрическихъ бородавокъ на лбу: феноменъ, дескать. Идеи-то нѣтъ, такъ они теперь на феноменахъ выѣзжаютъ. Ну и какъ-же у него на портретѣ удались мои бородавки,—живыя! Это они реализмомъ зовутъ.

А на счетъ помѣшательства, такъ у насъ прошлаго года многихъ въ сумасшедшіе записали. И какимъ слогомъ: «При такомъ, дескать, самобытномъ талантѣ... и вотъ что̀ подъ самый конецъ оказалось... впрочемъ, давно уже надо было предвидѣть»... Это еще довольно хитро; такъ что съ точки чистаго искусства даже и похвалить можно. Ну, а тѣ вдругъ еще умнѣй воротились. То-то, свести-то съ ума у насъ сведутъ, а умнѣй-то еще никого не сдѣлали.

Всѣхъ умнѣй, по моему, тотъ, кто хоть разъ въ мѣсяцъ самого себя дуракомъ назоветъ, — способность нынѣ неслыханная! Прежде, по крайности, дуракъ хоть разъ въ годъ зналъ про себя, что онъ дуракъ, ну, а теперь—ни-ни. И до того замѣшали дѣла, что дурака отъ умнаго не отличишь. Это они нарочно сдѣлали.

Припоминается мнѣ испанская острота, когда французы, два съ половиною вѣка назадъ, выстроили у себя первый сумасшедшій домъ: «Они заперли всѣхъ своихъ дураковъ въ особенный домъ, чтобы увѣрить, что сами они люди умные». Оно и впрямь: тѣмъ что другаго запрешь въ сумасшедшій, своего ума не докажешь. «К. съ ума сошелъ, значитъ, теперь мы умные». Нѣтъ, еще не значитъ.

Впрочемъ, чортъ... и что̀ я съ своимъ умомъ развозился: брюзж,

Digitized by Google

брюзжу. Даже служанкѣ надоѣлъ. Вчера заходилъ пріятель: у тебя, говоритъ, слогъ мѣняется, рубленый. Рубишь, рубишь—и вводное предложеніе, потомъ къ вводному еще вводное, потомъ въ скобкахъ еще что нибудь вставишь, а потомъ опять зарубишь, зарубишь»...

Пріятель правъ. Со мной что-то странное происходитъ. И характеръ мѣняется, и голова болитъ. Я начинаю видѣть и слышать какія-то странныя вещи. Не то чтобы голоса, а такъ какъ будто кто подлѣ: «бобокъ, бобокъ, бобокъ!»

Какой такой бобокъ? Надо развлечься.

—

Ходилъ развлекаться, попалъ на похороны. Дальній родственникъ. Коллежскій, однако, совѣтникъ. Вдова, пять дочерей, всѣ дѣвицы. Вѣдь это только по башмакамъ, такъ во что̀ обойдется! Покойникъ добывалъ, ну а теперь—пенсіонишка. Подожмутъ хвосты. Меня принимали всегда нерадушно. Да и не пошелъ-бы я и теперь, еслибы не экстренный такой случай. Провожалъ до кладбища въ числѣ другихъ; сторонятся отъ меня и гордятся. Вицмундиръ мой дѣйствительно плоховатъ. Лѣтъ двадцать пять, я думаю, не бывалъ на кладбищѣ; вотъ еще мѣстечко!

Во первыхъ, духъ. Мертвецовъ пятнадцать наѣхало. Покровы разныхъ цѣнъ; даже было два катафалка: одному генералу и одной какой-то барынѣ. Много скорбныхъ лицъ, много и притворной скорби, а много и откровенной веселости. Причту нельзя пожаловаться: доходы. Но духъ, духъ. Не желалъ-бы быть здѣшнимъ духовнымъ лицомъ.

Въ лица мертвецовъ заглядывалъ съ осторожностью, не надѣясь на мою впечатлительность. Есть выраженія мягкія, есть и непріятныя. Вообще улыбки не хороши, а у иныхъ даже очень. Не люблю; снятся.

За обѣдней вышелъ изъ церкви на воздухъ; день былъ сѣроватъ, но сухъ. Тоже и холодно; ну, да вѣдь и октябрь-же. Походилъ по могилкамъ. Разные разряды. Третій разрядъ въ тридцать рублей: и прилично, и не такъ дорого. Первые два въ церкви и подъ папертью; ну, это кусается. Въ третьемъ разрядѣ за этотъ разъ хоронили человѣкъ шесть, въ томъ числѣ генерала и барыню.

Заглянулъ въ могилки—ужасно: вода, и какая вода! Совершенно зеленая и... ну, да ужъ что̀! Поминутно могильщикъ выкачивалъ черпакомъ. Вышелъ, пока служба, побродить за врата. Тутъ сейчасъ богадѣльня, а немного подальше и ресторанъ. И такъ себѣ, не дурной ресторанчикъ: и закусить и все. Набилось много и изъ провожатыхъ. Много замѣтилъ веселости и одушевленія искренняго. Закусилъ и выпилъ.

Digitized by Google

Затѣмъ участвовалъ собственноручно въ отнесеніи гроба изъ церкви къ могилѣ. Отчего это мертвецы въ гробу дѣлаются такъ тяжелы? Говорятъ, по какой-то инерціи, что тѣло будто-бы какъ-то уже не управляется самимъ... или какой-то вздоръ въ этомъ родѣ; противорѣчитъ механикѣ и здравому смыслу. Не люблю, когда при одномъ лишь общемъ образованіи суются у насъ разрѣшать спеціальности; а у насъ это сплошь. Штатскія лица любятъ судить о предметахъ военныхъ и даже фельдмаршальскихъ, а люди съ инженернымъ образованіемъ судятъ больше о философіи и политической экономіи.

На литію не поѣхалъ. Я гордъ, и если меня принимаютъ только по экстренной необходимости, то чего-же таскаться по ихъ обѣдамъ, хотя-бы и похороннымъ? Не понимаю только, зачѣмъ остался на кладбищѣ; сѣлъ на памятникъ и соотвѣтственно задумался.

Началъ съ московской выставки, а кончилъ объ удивленіи, говоря вообще какъ о темѣ. Объ «удивленіи» я вотъ что̀ вывелъ:

«Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивѣе и почему-то признано за хорошій тонъ. Но врядъ-ли такъ въ сущности. По моему, ничему не удивляться гораздо глупѣе, чѣмъ всему удивляться. Да и кромѣ того: ничему не удивляться почти то-же, что ничего не уважать. Да глупый человѣкъ и не можетъ уважать».

— Да я, прежде всего, желаю уважать. Я *жажду* уважать,— сказалъ мнѣ какъ-то разъ, на дняхъ, одинъ мой знакомый.

Жаждетъ онъ уважать! И, Боже, подумалъ я, что̀-бы съ тобой было, еслибъ ты это дерзнулъ теперь напечатать!

Тутъ-то я и забылся. Не люблю читать надгробныхъ надписей; вѣчно тоже. На плитѣ подлѣ меня лежалъ недоѣденный бутербродъ: глупо и не къ мѣсту. Скинулъ его на землю, такъ какъ это не хлѣбъ, а лишь бутербродъ. Впрочемъ, на землю хлѣбъ крошить, кажется, не грѣшно; это на полъ грѣшно. Справиться въ календарѣ Суворина.

Надо полагать, что я долго сидѣлъ, даже слишкомъ; то есть даже прилегъ на длинномъ камнѣ въ видѣ мраморнаго гроба. И какъ это такъ случилось, что вдругъ началъ слышать разныя вещи? Не обратилъ сначала вниманія и отнесся съ презрѣніемъ. Но однако разговоръ продолжался. Слышу, — звуки глухіе, какъ будто рты закрыты подушками; и при всемъ томъ внятные и очень близкіе. Очнулся, присѣлъ и сталъ внимательно вслушиваться.

— Ваше превосходительство, это просто никакъ невозможно-съ. Вы объявили въ червяхъ, я вистую, и вдругъ у васъ семь въ бубнахъ. Надо было условиться заранѣе на счетъ бубенъ-съ.

Digitized by Google

— Что̀-же, значитъ, играть наизусть? Гдѣ-же привлекательность?

— Нельзя, ваше превосходительство, безъ гарантіи никакъ нельзя. Надо непремѣнно съ болваномъ, и чтобъ была одна темная сдача.

— Ну, болвана здѣсь не достанешь.

Какія заносчивыя, однако, слова! И странно, и неожиданно. Одинъ такой вѣскій и солидный голосъ, другой какъ-бы мягко услащенный; не повѣрилъ-бы, еслибъ не слышалъ самъ. На литіи я, кажется, не былъ. И однако какъ-же это здѣсь преферансъ, и какой такой генералъ? Что раздавалось изъ подъ могилъ, въ томъ не было и сомнѣнія. Я нагнулся и прочелъ надпись на памятникѣ:

«Здѣсь покоится тѣло генералъ-маіора Первоѣдова... такихъ-то и такихъ орденовъ кавалера. Гмъ. Скончался въ августѣ сего года... пятидесяти-семи... Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!»

Гмъ, чортъ, въ самомъ дѣлѣ генералъ! На другой могилкѣ, откуда шелъ льстивый голосъ, еще не было памятника; была только плитка; должно быть, изъ новичковъ. По голосу надворный совѣтникъ.

— Охъ-хо-хо-хо! послышался совсѣмъ уже новый голосъ, саженяхъ въ пяти отъ генеральскаго мѣста и уже совсѣмъ изъ подъ свѣжей могилки, — голосъ мужской и простонародный, но разслабленный на благоговѣйно-умиленный манеръ.

— Охъ-хо-хо-хо!

— Ахъ, опять онъ икаетъ! раздался вдругъ брезгливый и высокомѣрный голосъ раздраженной дамы, какъ-бы высшаго свѣта. Наказаніе мнѣ подлѣ этого лавочника!

— Ничего я не икалъ, да и пищи не принималъ, а одно лишь это мое естество. — И все-то вы, барыня, отъ вашихъ здѣшнихъ капризовъ никакъ не можете успокоиться.

— Такъ зачѣмъ вы сюда легли?

— Положили меня, положили супруга и малыя дѣтки, а не самъ я возлегъ. Смерти таинство! И не легъ-бы я подлѣ васъ ни за что̀, ни за какое злато; а лежу по собственному капиталу, судя по цѣнѣ-съ. Ибо это мы всегда можемъ, чтобы за могилку нашу по третьему рязряду внести.

— Накопилъ; людей обсчитывалъ?

— Чѣмъ васъ обсчитаешь-то, коли съ января, почитай, никакой вашей уплаты къ намъ не было. Счетецъ на васъ въ лавкѣ имѣется.

— Ну, ужь это глупо; здѣсь, по моему, долги розыскивать очень глупо! Ступайте наверхъ. Спрашивайте у племянницы; она наслѣдница.

Digitized by Google

— Да ужь гдѣ теперь спрашивать и куда пойдешь. Оба достигли предѣла и предъ Судомъ Божіимъ во грѣсѣхъ равны.

— Во грѣсѣхъ! презрительно передразнила покойница.—И не смѣйте совсѣмъ со мной говорить!

— Охъ-хо-хо-хо!

— Однако лавочникъ-то барыни слушается, ваше превосходительство.

— Почему-же-бы ему не слушаться?

— Ну да, извѣстно, ваше превосходительство, такъ какъ здѣсь новый порядокъ.

— Какой-же это новый порядокъ?

— Да вѣдь мы, такъ сказать, умерли, ваше превосходительство.

— Ахъ, да! Ну, все-же порядокъ...

Ну, одолжили; нечего сказать, утѣшили! Если ужь здѣсь до того дошло, то чего-же спрашивать въ верхнемъ-то этажѣ? Какія, однако-же, штуки! Продолжалъ, однако, выслушивать, хотя и съ чрезмѣрнымъ негодованіемъ.

— Нѣтъ, я-бы пожилъ! Нѣтъ... я, знаете... я-бы пожилъ, раздался вдругъ чей-то новый голосъ, гдѣ-то въ промежуткѣ между генераломъ и раздражительной барыней.

— Слышите, ваше превосходительство, нашъ опять за то-же. По три дня молчитъ-молчитъ и вдругъ: «Я-бы пожилъ, нѣтъ, я-бы пожилъ!» !» И съ такимъ, знаете, аппетитомъ, хи-хи!

— И съ легкомысліемъ.

— Пронимаетъ его, ваше провосходительство, и, знаете, засыпаетъ, совсѣмъ уже засыпаетъ, съ апрѣля вѣдь здѣсь, и вдругъ: «я-бы пожилъ!»

— Скучновато однако, замѣтилъ его превосходительство.

— Скучновато, ваше превосходительство, развѣ Авдотью Игнатьевну опять пораздразнить, хи-хи?

— Нѣтъ, ужь прошу уволить. Терпѣть не могу этой задорной криксы.

— А я, напротивъ, васъ обоихъ терпѣть не могу, брезгливо откликнулась крикса.—Оба вы самые прескучные и ничего не умѣете разсказать идеальнаго. Я про васъ, ваше превосходительство,—не чваньтесь, пожалуйста,—одну исторійку знаю, какъ васъ изъ подъ одной супружеской кровати по утру лакей щеткой вымелъ.

— Скверная женщина! сквозь зубы проворчалъ генералъ.

— Матушка, Авдотья Игнатьевна, возопилъ вдругъ опять лавочникъ,—барынька ты моя, скажи ты мнѣ, зла не помня, что въ я по мытарствамъ это хожу, али что̀ иное дѣется?..

Digitized by Google

— Ахъ, онъ опять за то-же, такъ я и предчувствовала, потому слышу духъ отъ него, духъ, а это онъ ворочается!

— Не ворочаюсь я, матушка, и нѣтъ отъ меня никакого такого особаго духу, потому еще въ полномъ нашемъ тѣлѣ какъ есть сохранилъ себя, а вотъ вы, барынька, такъ ужь тронулись,— потому духъ дѣйствительно нестерпимый, даже и по здѣшнему мѣсту. Изъ вѣжливости только молчу.

— Ахъ, скверный обидчикъ! Отъ самаго такъ и разитъ, а онъ на меня.

— Охъ-хо-хо-хо! Хоша-бы сороковинки наши скорѣе пристигли: слезные гласы ихъ надъ собою услышу, супруги вопль и дѣтей тихій плачъ!..

— Ну, вотъ объ чемъ плачетъ: нажрутся кутьи и уѣдутъ. Ахъ, хоть-бы кто проснулся!

— Авдотья Игнатьевна, заговорилъ льстивый чиновникъ.—Подождите капельку, новенькіе заговорятъ.

— А молодые люди есть между ними?

— И молодые есть, Авдотья Игнатьевна. Юноши даже есть.

— Ахъ, какъ-бы кстати!

— А что не начинали еще, освѣдомился его превосходительство.

— Даже и третьеводнишніе еще не очнулись, ваше провосходительство, сами изволите знать, иной разъ по недѣлѣ молчатъ. Хорошо, что ихъ вчера, третьяго дня и сегодня какъ-то разомъ вдругъ навезли. А то вѣдь кругомъ сажень на десять почти все у насъ прошлогодніе.

— Да, интересно.

— Вотъ, ваше превосходительство, сегодня дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тарасевича схоронили. Я по голосамъ узналъ. Племянникъ его мнѣ знакомъ, давеча гробъ опускалъ.

— Гмъ, гдѣ-же онъ тутъ?

— Да шагахъ въ пяти отъ васъ, ваше превосходительство, влѣво. Почти въ самыхъ вашихъ ногахъ-съ... Вотъ-бы вамъ, ваше превосходительство, познакомиться.

— Гмъ, нѣтъ—ужь... мнѣ что-же первому.

— Да онъ самъ начнетъ, ваше превосходительство. Онъ будетъ даже польщенъ, поручите мнѣ, ваше превосходительство, и я...

— Ахъ, ахъ... ахъ, что-же это со мною? закряхтѣлъ вдругъ чей-то испуганный новенькій голосокъ.

— Новенькій, ваше превосходительство, новенькій, слава Богу, и какъ вѣдь скоро! Другой разъ по недѣлѣ молчатъ.

— Ахъ, кажется, молодой человѣкъ! взвизгнула Авдотья Игнатьевна.

Digitized by Google

— Я... я... я отъ осложенія и такъ внезапно! залепеталъ опять юноша. —Мнѣ Шульцъ еще наканунѣ: у васъ, говоритъ, осложненіе, а я вдругъ къ утру и померъ. Ахъ! Ахъ!

— Ну, нечего дѣлать, молодой человѣкъ, милостиво и очевидно радуясь новичку замѣтилъ генералъ, — надо утѣшиться! Милости просимъ въ нашу, такъ сказать, долину Іосафатову. Люди мы добрые, узнаете и оцѣните. Генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Первоѣдовъ, къ вашимъ услугамъ.

— Ахъ, нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ, это я никакъ! Я у Шульца; у меня, знаете, осложненіе вышло, сначала грудь захватило и кашель, а потомъ простудился: грудь и гриппъ...и вотъ вдругъ совсѣмъ неожиданно... главное, совсѣмъ неожиданно.

— Вы говорите: сначала грудь, мягко ввязался чиновникъ, какъ-бы желая ободрить новичка.

— Да, грудь и мокрота, а потомъ вдругъ нѣтъ мокроты и грудь, и дышать не могу... и знаете...

— Знаю, знаю. Но если грудь, вамъ-бы скорѣе къ Эку, а не къ Шульцу.

— А я, знаете, все собирался къ Боткину... и вдругъ...

— Ну, Боткинъ кусается, замѣтилъ генералъ.

— Ахъ нѣтъ, онъ совсѣмъ не кусается; я слышалъ, онъ такой внимательный и все предскажетъ впередъ.

— Его превосходительство замѣтилъ на счетъ цѣны, поправилъ чиновникъ.

— Ахъ, что̀ вы, всего три цѣлковыхъ, и онъ такъ осматриваетъ, и рецептъ... и я непремѣнно хотѣлъ потому, что мнѣ говорили... Что̀-же, господа, какъ-же мнѣ, къ Эку или къ Боткину?

— Что̀? Куда? пріятно хохоча заколыхался трупъ генерала. Чиновникъ вторилъ ему фистулой.

— Милый мальчикъ, милый, радостный мальчикъ, какъ я тебя люблю! восторженно взвизгнула Авдотья Игнатьевна.—Вотъ еслибъ этакого подлѣ положили!

Нѣтъ, этого ужь я не могу допустить! И это современный мертвецъ! Однако, послушать еще и не спѣшить заключеніями. Этотъ соплякъ-новичекъ, — я его давеча въ гробу помню, — выраженіе перепуганнаго цыпленка, наипротивнѣйшее въ мірѣ! Однако, что̀ далѣе?

Но далѣе началась такая катавасія, что я всего и не удержалъ въ памяти, ибо очень многіе разомъ проснулись: проснулся чиновникъ, изъ статскихъ совѣтниковъ, и началъ съ генераломъ тотчасъ-же и немедленно о проектѣ новой подкомиссіи въ мини-

Digitized by Google

стерствѣ—дѣлъ и о вѣроятномъ, сопряженномъ съ подкомиссіей, перемѣщеніи дожностныхъ лицъ, — чѣмъ весьма и весьма развлекъ генерала. Признаюсь, я и самъ узналъ много новаго, такъ что подивился путямъ, которыми можно иногда узнавать въ сей столицѣ административныя новости. Затѣмъ полупроснулся одинъ инженеръ, но долго еще бормоталъ совершенный вздоръ, такъ что наши и не приставали къ нему, а оставили до времени вылежаться. Наконецъ, обнаружила признаки могильнаго воодушевленія схороненная по утру подъ катафалкомъ знатная барыня. Лебезятниковъ (ибо льстивый и ненавидимый мною надворный совѣтникъ, помѣщавшійся подлѣ генерала Первоѣдова, по имени оказался Лебезятниковымъ) очень суетился и удивлялся, что такъ скоро на этотъ разъ всѣ просыпаются. Признаюсь, удивился и я; впрочемъ, нѣкоторые изъ проснувшихся были схоронены еще третьяго дня, какъ, напримѣръ, одна молоденькая очень дѣвица, лѣтъ шестнадцати, но все хихикавшая... мерзко и плотоядно хихикавшая.

— Ваше превосходительство, тайный совѣтникъ Тарасевичъ просыпаются! возвѣстилъ вдругъ Лебезятниковъ съ чрезвычайною торопливостью.

— А? Что̀? брезгливо и сюсюкающимъ голосомъ прошамкалъ вдругъ очнувшійся тайный совѣтникъ. Въ звукахъ голоса было нѣчто капризно-повелительное. Я съ любопытствомъ прислушался, ибо въ послѣдніе дни нѣчто слышалъ о семъ Тарасевичѣ, — соблазнительное и тревожное въ высшей степени.

— Это я-съ, ваше превосходительство, покамѣстъ всего только я-съ.

— Чего просите и что̀ вамъ угодно?

— Единственно освѣдомиться о здоровьи вашего превосходительства; съ непривычки здѣсь каждый съ перваго разу чувствуетъ себя какъ-бы въ тѣснотѣ-съ... Генералъ Первоѣдовъ желалъ-бы имѣть честь знакомства съ вашимъ превосходительствомъ и надѣются...

— Не слыхалъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, генералъ Первоѣдовъ, Василій Васильевичъ...

— Вы генералъ Первоѣдовъ?

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я всего только надворный совѣтникъ Лебезятниковъ-съ къ вашимъ услугамъ, а генералъ Первоѣдовъ...

— Вздоръ! И прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Оставьте, съ достоинствомъ остановилъ, наконецъ, самъ генералъ Первоѣдовъ гнусную торопливость могильнаго своего кліента.

Digitized by Google

— Не проснулись еще, ваше превосходительство, надо имѣть въ виду-съ; это они съ непривычки-съ: проснутся и тогда примутъ иначе-съ...

— Оставьте, повторилъ генералъ.

— Василій Васильевичъ! Эй вы, ваше превосходительство! вдругъ громко и азартно прокричалъ подлѣ самой Авдотьи Игнатьевны одинъ совсѣмъ новый голосъ,—голосъ барскій и дерзкій, съ утомленнымъ по модѣ выговоромъ и съ нахальною его скандировкою; — я васъ всѣхъ уже два часа наблюдаю; я вѣдь три дня лежу; вы помните меня, Василій Васильевичъ? Клиневичъ, у Волоконскихъ встрѣчались, куда васъ, не знаю почему, тоже пускали.

— Какъ, графъ Петръ Петровичъ... да неужели-же вы... и въ такихъ молодыхъ годахъ... Какъ сожалѣю!

— Да я и самъ сожалѣю, но только мнѣ все равно, и я хочу отовсюду извлечь все возможное. И не графъ, а баронъ, всего только баронъ. Мы какіе-то шелудивые баронишки, изъ лакеевъ, да и не знаю почему, наплевать. Я только негодяй псевдо-высшаго свѣта и считаюсь «милымъ полисономъ». Отецъ мой какой-то генералишка, а мать была когда-то принята en haut lieu. Я съ Зифелемъ жидомъ на пятьдесятъ тысячъ прошлаго года фальшивыхъ бумажекъ провелъ, да на него и донесъ, а деньги всѣ съ собою Юлька Charpentier de-Lusignan увезла въ Бордо. И представьте, я уже совсѣмъ былъ помолвленъ — Щевалевская, трехъ мѣсяцевъ до шестнадцати не доставало, еще въ институтѣ, за ней тысячъ девяносто даютъ. Авдотья Игнатьевна, помните, какъ вы меня, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я еще былъ четырнадцатилѣтнимъ пажемъ, развратили?..

— Ахъ, это ты, негодяй, ну хоть тебя Богъ послалъ, а то здѣсь...

- Вы напрасно вашего сосѣда негоціанта заподозрили въ дурномъ запахѣ... Я только молчалъ, да смѣялся. Вѣдь это отъ меня; меня такъ въ заколоченномъ гробѣ и хоронили.

— Ахъ, какой мерзкій! Только я всетаки рада; вы не повѣрите, Клиневичъ, не повѣрите, какое здѣсь отсутствіе жизни и остроумія.

— Ну да, ну да, и я намѣренъ завести здѣсь нѣчто оригинальное. Ваше превосходительство,—я не васъ, Первоѣдовъ,—ваше превосходительство, другой, господинъ Тарасевичъ, тайный совѣтникъ! Откликнитесь! Клиневичъ, который васъ къ m-lle Фюри потомъ возилъ, слышите?

Digitized by Google

— Я васъ слышу, Клиневичъ, и очень радъ, и повѣрь-те...

— Ни на грошъ не вѣрю и наплевать. Я васъ, милый старецъ, просто расцаловать хочу, да, слава Богу, не могу. Знаете вы, господа, что этотъ grand-père сочинилъ? Онъ третьяго дня аль четвертаго померъ и, можете себѣ представить, цѣлыхъ четыреста тысячъ казеннаго недочету оставилъ? Сумма на вдовъ и сиротъ, и онъ одинъ почему-то хозяйничалъ, такъ что его, подъ конецъ, лѣтъ восемь не ревизовали. Воображаю, какія тамъ у всѣхъ теперь длинныя лица и чѣмъ они его поминаютъ? Не правда-ли, сладострастная мысль! Я весь послѣдній годъ удивлялся, какъ у такого семидесятилѣтняго старикашки, подагрика и хирагрика, уцѣлѣло еще столько силъ на развратъ и—и вотъ теперь и разгадка! Эти вдовы и сироты—да одна уже мысль о нихъ должна была раскалять его!.. Я про это давно уже зналъ, одинъ только я и зналъ, мнѣ Charpentier передала, и какъ я узналъ, тутъ-то я на него, на Святой, и налегъ по пріятельски: «Подавай двадцать пять тысячъ, не то завтра обревизуютъ»; такъ, представьте, у него только тринадцать тысячъ тогда нашлось, такъ что онъ, кажется, теперь очень кстати померъ. Grand-père, grand-père, слышите?

— Cher Клиневичъ, я совершенно съ вами согласенъ и напрасно вы... пускались въ такія подробности. Въ жизни столько страданій, истязаній и такъ мало возмездія... я пожелалъ, наконецъ, успокоиться, и, сколько вижу, надѣюсь извлечь и отсюда все...

— Бьюсь объ закладъ, что онъ уже пронюхалъ Катишь Берестову!

— Какую?.. Какую Катишь, плотоядно задрожалъ голосъ старца.

— А-а, какую Катишь? А вотъ, здѣсь, налѣво, въ пяти шагахъ отъ меня, отъ васъ—въ десяти. Она ужь здѣсь пятый день и еслибъ вы знали, grand-père, что это за мерзавочка... хорошаго дома, воспитана и—монстръ, монстръ до послѣдней степени! Я тамъ ее никому не показывалъ, одинъ я и зналъ... Катишь, откликнись!

— Хи-хи-хи!—откликнулся надтреснутый звукъ дѣвичьяго голоска, но въ немъ послышалось нѣчто въ родѣ укола иголки.—Хи хи-хи!

— И блон-ди-ночка? обрывисто въ три звука пролепеталъ grand-père.

— Хи-хи-хи!

— Мнѣ... мнѣ давно уже, залепеталъ, задыхаясь, старецъ,— явилась мечта о блондиночкѣ... лѣтъ пятнадцати... и именно при кой обстановкѣ...

— Ахъ, чудовище! воскликнула Авдотья Игнатьевна.

— Довольно! порѣшилъ Клиневичъ — я вижу, что матеріалъ превосходный. Мы здѣсь немедленно устроимся къ лучшему. Глав-

Digitized by Google

ное, чтобы весело провести остальное время; но какое время? Эй, вы, чиновникъ какой-то, Лебезятниковъ, что-ли, я слышалъ, что васъ такъ звали!

— Лебезятниковъ, надворный совѣтникъ, Семенъ Евсѣичъ, къ вашимъ услугамъ и очень-очень-очень радъ.

— Наплевать, что вы рады, а только вы, кажется, здѣсь все знаете. Скажите, во первыхъ (я еще со вчерашняго дня удивляюсь), какимъ это образомъ мы здѣсь говоримъ? Вѣдь мы умерли, а между тѣмъ говоримъ; какъ будто и движемся, а между тѣмъ и не говоримъ и не движемся? Что за фокусы?

— Это, еслибъ вы пожелали, баронъ, могъ-бы вамъ лучше меня Платонъ Николаевичъ объяснить.

— Какой такой Платонъ Николаевичъ? Не мямлите, къ дѣлу.

— Платонъ Николаевичъ, нашъ доморощенный здѣшній философъ, естественникъ и магистръ. Онъ нѣсколько философскихъ книжекъ пустилъ, но вотъ три мѣсяца и совсѣмъ засыпаетъ, такъ что уже здѣсь его невозможно теперь раскачать. Разъ въ недѣлю бормочетъ по нѣскольку словъ, не идущихъ къ дѣлу.

— Къ дѣлу, къ дѣлу!..

— Онъ объясняетъ все это самымъ простымъ фактомъ, именно тѣмъ, что на верху, когда еще мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тѣло здѣсь еще разъ какъ будто оживаетъ, остатки жизни сосредоточиваются, но только въ сознаніи. Это—не умѣю вамъ выразить—продолжается жизнь какъ-бы по инерціи. Все сосредоточено, по мнѣнію его, гдѣ-то въ сознаніи и продолжается еще мѣсяца два или три... иногда даже полгода... Есть, напримѣръ, здѣсь одинъ такой, который почти совсѣмъ разложился, но разъ, недѣль въ шесть, онъ все еще вдругъ пробормочетъ одно слово, конечно, безсмысленное, про какой-то бобокъ: «Бобокъ, бобокъ»,—но и въ немъ, значитъ, жизнь все еще теплится незамѣтною искрой...

— Довольно глупо. Ну, а какъ-же вотъ я не имѣю обонянія, а слышу вонь?

— Это... хе-хе... Ну, ужь тутъ нашъ философъ пустился въ туманъ. Онъ именно про обоняніе замѣтилъ, что тутъ вонь слышится, такъ сказать, нравственная — хе-хе! Вонь будто-бы души, чтобы въ два-три этихъ мѣсяца успѣть спохватиться... и что это, такъ сказать, послѣднее милосердіе... Только мнѣ кажется, баронъ, все это уже мистическій бредъ, весьма извинительный въ его положеніи...

— Довольно, и далѣе, я увѣренъ, все вздоръ. Главное, два или три мѣсяца жизни и, въ концѣ концовъ—бобокъ. Я предлагаю

Digitized by Google

всѣмъ провести эти два мѣсяца какъ можно пріятнѣе и для того всѣмъ устроиться на иныхъ основаніяхъ. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!

— Ахъ, давайте, давайте ничего не стыдиться! послышались многіе голоса, и, странно, послышались даже совсѣмъ новые голоса, значитъ, тѣмъ временемъ, вновь проснувшихся. Съ особенною готовностью прогремѣлъ басомъ свое согласіе совсѣмъ уже очнувшійся инженеръ. Дѣвочка Катишь радостно захихикала.

— Ахъ, какъ я хочу ничего не стыдиться! съ восторгомъ воскликнула Авдотья Игнатьевна.

— Слышите, ужь коли Авдотья Игнатьевна хочетъ ничего не стыдиться...

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ, Клиневичъ, я стыдилась, я всетаки тамъ стыдилась, а здѣсь я ужасно, ужасно хочу ничего не стыдиться!

— Я понимаю, Клиневичъ, пробасилъ инженеръ, что вы предлагаете устроить здѣшнюю, такъ сказать, жизнь, на новыхъ и уже разумныхъ началахъ.

— Ну, это мнѣ наплевать! На этотъ счетъ подождемъ Будерова, вчера принесли. Проснется и вамъ все объяснитъ. Это такое лицо, такое великанское лицо! Завтра, кажется, притащутъ еще одного естественника, одного офицера навѣрно и, если не ошибаюсь, дня черезъ три-четыре одного фельетониста, и, кажется, вмѣстѣ съ редакторомъ. Впрочемъ, чортъ съ ними, но только насъ соберется своя кучка и у насъ все само собою устроится. Но пока я хочу, чтобъ не лгать. Я только этого и хочу, потому что это главное. На землѣ жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь синонимы; ну, а здѣсь мы для смѣху будемъ не лгать. Чортъ возьми, вѣдь значитъ-же что нибудь могила! Мы всѣ будемъ вслухъ разсказывать наши исторіи и уже ничего не стыдиться. Я прежде всѣхъ про себя разскажу. Я, знаете, изъ плотоядныхъ. Все это тамъ вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки и проживемъ эти два мѣсяца въ самой безстыдной правдѣ! Заголимся и обнажимся!

— Обнажимся, обнажимся! закричали во всѣ голоса.

— Я ужасно, ужасно хочу обнажиться! взвизгивала Авдотья Игнатьевна.

— Ахъ... ахъ... Ахъ, я вижу, что здѣсь будетъ весело; я не хочу къ Эку!

— Нѣтъ, я-бы пожилъ, нѣтъ, знаете, я-бы пожилъ!

— Хи-хи-хи! хихикала Катишь.

— Главное, что никто не можетъ намъ запретить и хоть Пер-

Digitized by Google

воѣдовъ, я вижу, и сердится, а рукой онъ меня всетаки не достанетъ. Grand-père, вы согласны?

— Я совершенно, совершенно согласенъ и съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, но съ тѣмъ, что Катишь начнетъ первая свою бі-о-графію.

— Протестую! Протестую изо всѣхъ силъ, — съ твердостію произнесъ генералъ Первоѣдовъ.

— Ваше превосходительство!—въ торопливомъ волненіи и понизивъ голосъ лепеталъ и убѣждалъ негодяй Лебезятниковъ,—ваше превосходительство, вѣдь это намъ даже выгоднѣе, если мы согласимся. Тутъ, знаете, эта дѣвочка... и, наконецъ, всѣ эти разныя штучки...

— Положимъ, дѣвочка, но...

— Выгоднѣе, ваше превосходительство, ей Богу-бы выгоднѣе! Ну, хоть для примѣрчика, ну, хоть попробуемъ...

— Даже и въ могилѣ не дадутъ успокоиться!

— Во первыхъ, генералъ, вы въ могилѣ въ преферансъ играете, а во вторыхъ, намъ на васъ на-пле-вать, проскандировалъ Клиневичъ.

— Милостивый государь, прошу однако не забываться.

— Что̀? Да вѣдь вы меня не достанете, а я васъ могу отсюда дразнить какъ Юлькину болонку. И, во первыхъ, господа, какой онъ здѣсь генералъ? Это тамъ онъ былъ генералъ, а здѣсь пшикъ!

— Пѣтъ, не пшикъ... я и здѣсь...

— Здѣсь вы сгніете въ гробу и отъ васъ останется шесть мѣдныхъ пуговицъ.

— Браво, Клиневичъ, ха-ха-ха! заревѣли голоса.

— Я служилъ государю моему... я имѣю шпагу...

— Шпагой вашей мышей колоть и къ тому-же вы ее никогда не вынимали.

— Все равно-съ; я составлялъ часть цѣлаго.

— Мало-ли какія есть части цѣлаго.

— Браво, Клиневичъ, браво, ха-ха-ха!

— Я не понимаю, что̀ такое шпага, провозгласилъ инженеръ.

— Мы отъ пруссаковъ убѣжимъ какъ мыши, растреплютъ въ пухъ! прокричалъ отдаленный и неизвѣстный мнѣ голосъ, но, буквально, захлебывавшійся отъ восторга.

— Шпага, сударь, есть честь! крикнулъ было генералъ, но только я его и слышалъ. Поднялся долгій и неистовый ревъ, бунтъ и гамъ, и лишь слышались нетерпѣливые до истерики взвизги Агдотьи Игнатьевны:

Digitized by Google

— Да поскорѣе-же, поскорѣй! Ахъ, когда-же мы начнемъ ничего не стыдиться!

— Охъ-хо-хо! Во истину душа по мытарствамъ ходитъ! раздался-было голосъ простолюдина, и...

И тутъ я вдругъ чихнулъ. Произошло внезапно и ненамѣренно, но эффектъ вышелъ поразительный: все смолкло точно на кладбищѣ, исчезло какъ сонъ. Настала истинно-могильная тишина. Не думаю, чтобы они меня устыдились: рѣшились-же ничего не стыдиться! Я прождалъ минутъ съ пять и — ни слова, ни звука. Нельзя тоже предположить, чтобы испугались доноса въ полицію; ибо что можетъ тутъ сдѣлать полиція? Заключаю невольно, что всетаки у нихъ должна быть какая-то тайна, неизвѣстная смертному, и которую они тщательно скрываютъ отъ всякаго смертнаго.

«Ну, подумалъ, миленькіе, я еще васъ навѣщу», и съ симъ словомъ оставилъ кладбище.

Нѣтъ, этого я не могу допустить; нѣтъ, во истину нѣтъ! Бобокъ меня не смущаетъ (вотъ онъ бобокъ-то и оказался!).

Развратъ въ такомъ мѣстѣ, развратъ послѣднихъ упованій, развратъ дряблыхъ и гніющихъ труповъ и — даже не щадя послѣднихъ мгновеній сознанія! Имъ даны, подарены эти мгновенія и. . А главное, главное въ такомъ мѣстѣ! Нѣтъ, этого я не могу допустить...

Побываю въ другихъ разрядахъ, послушаю вездѣ. То-то и есть, что надо послушать вездѣ, а не съ одного лишь краю, чтобы составить понятіе. Авось наткнусь и на утѣшительное.

А къ тѣмъ непремѣнно вернусь. Обѣщали свои біографіи и разные анекдотцы. Тьфу! Но пойду, непремѣнно пойду; дѣло совѣсти!

Снесу въ «Гражданинъ»; тамъ одного редактора портретъ тоже выставили. Авось напечатаетъ.

VII.

„Смятенный видъ" *).

Кое-что прочелъ изъ текущей литературы и чувствую, что «Гражданинъ» обязанъ упомянуть о ней на своихъ страницахъ. Но — какой я критикъ? Я дѣйствительно хотѣлъ было писать критическую статью, но, кажется, я могу сказать кое-что лишь «по поводу». Всего я прочелъ: «Запечатлѣннаго Ангела» г. Лѣскова,

*) № 8 „Гражданина" 1873 г.

Digitized by Google

поэму Некрасова и статью г. Щедрина. Прочелъ я тоже статьи гг. Скабичевскаго и Н. М. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Обѣ эти статьи въ нѣкоторомъ смыслѣ были для меня какъ-бы новымъ откровеніемъ; когда нибудь непремѣнно надо поговорить о нихъ. А теперь начну съ начала, т. е. въ томъ порядкѣ, какъ читалъ, именно съ «Запечатлѣннаго Ангела».

Этотъ разсказъ г. Лѣскова въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Извѣстно, что сочиненіе это многимъ понравилось здѣсь въ Петербургѣ и что очень многіе его прочли. Дѣйствительно, оно того стоитъ: и характерно, и занимательно. Это повѣсть, разсказанная однимъ бывшимъ раскольникомъ на станціи въ рождественскую ночь о томъ, какъ всѣ они, раскольники, человѣкъ сто пятьдесятъ, цѣлою артелью перешли въ православіе, вслѣдствіе чуда. Эта артель работниковъ строила мостъ въ одномъ большомъ русскомъ городѣ и года три жила въ отдѣльныхъ баракахъ на берегу рѣки. Была у нихъ своя часовня, а въ ней множество древнихъ образовъ, освященныхъ еще до временъ патріарха Никона. Очень замѣчательно разсказано, какъ одному господину, не совершенно маловажному чиновнику, захотѣлось сорвать съ артели взятку, тысячъ въ пятнадцать. Наѣхавъ вдругъ въ часовню со властью, онъ потребовалъ по сту рублей съ иконы выкупа. Дать не могли. Тогда онъ арестовалъ образа. Въ нихъ просверлили дырья, нанизали ихъ на желѣзныя спицы, какъ бублики, и унесли куда-то въ подвалъ. Но тутъ была икона Ангела, древняя и особо уважаемая, считаемая артелью за чудотворную. Чтобы поразить, отмстить и оскорбить, чиновникъ, раздраженный упорствомъ неплатящихъ раскольниковъ, взялъ сургучъ и, въ виду своего собранія, накапалъ его на ликъ образа и приложилъ казенную печать. Мѣстный архіерей, увидавъ запечатлѣнный ликъ святыни, изрекъ: «Смятенный видъ», и распорядился поставить поруганную икону въ соборѣ на окно. Г. Лѣсковъ увѣряетъ, что слова архіерея и распоряженіе отнести поруганную икону въ соборъ, а не въ подвалъ, будто-бы очень понравились раскольникамъ.

Затѣмъ началась запутанная и занимательная исторія о томъ, какъ былъ выкраденъ этотъ «Ангелъ» изъ собора. Съ раскольниками связался англичанинъ, баринъ и, кажется, подрядчикъ по строющемуся мосту, полюбилъ ихъ и, такъ какъ съ нимъ они были откровенны,—то взялся имъ помогать. Особенно выдаются въ разсказѣ бесѣды раскольниковъ съ англичаниномъ объ иконной живописи. Это мѣсто серьезно хорошо, лучшее во всемъ разсказѣ. Все кончается тѣмъ, что за всенощной икону, наконецъ, выкрали изъ собора, Ангела распечатлѣли, подмѣнили иконою новою, еще не

Digitized by Google

освященною, которую взялась «запечатлѣть», на подобіе первой, жена англичанина. И вотъ въ критическую минуту случилось чудо: отъ новой запечатлѣнной иконы видѣли свѣтъ (правда, видѣлъ одинъ только человѣкъ), а икона, когда ее принесли, оказалась незапечатлѣнною, т. е. безъ сургуча на ликѣ. Это такъ поразило принесшаго ее раскольника, что онъ тутъ-же отправился въ соборъ къ архіерею и во всемъ ему покаялся, причемъ владыко простилъ и изрекъ:

«Это тебѣ должно быть внушительно теперь, гдѣ вѣра дѣйственнѣе: вы говоритъ, плутовствомъ съ своего Ангела печать свели, а нашъ самъ съ себя ее снялъ и тебя сюда привелъ».

Чудо такъ поразило раскольниковъ, что они всею артелью, сто пятьдесятъ или около человѣкъ, перешли въ православіе.

Но тутъ авторъ не удержался и кончилъ повѣсть далеко неловко. (Къ этимъ неловкостямъ г. Лѣсковъ способенъ; вспомнимъ только конецъ діакона Ахиллы въ его «Соборянахъ»). Онъ, кажется, испугался, что его обвинятъ въ наклонности къ предразсудкамъ и поспѣшилъ разъяснить чудо. Самъ-же разсказчикъ, т. е. мужичокъ, бывшій раскольникъ, «весело» у него сознается, что на другой день послѣ ихъ обращенія въ православіе доискались, почему распечатлѣлся Ангелъ. Англичанка не осмѣлилась закапать ликъ хотя и не освященной иконы, а сдѣлала печать на бумажкѣ и подвела ее подъ края оклада. Въ дорогѣ бумажка, конечно, соскользнула и Ангелъ распечатлѣлся. Такимъ образомъ, отчасти и непонятно, почему раскольники остались въ православіи, не смотря на разъясненіе чуда? Но взявъ въ соображеніе твердость и чистоту ихъ прежнихъ вѣрованій, взявъ въ соображеніе посрамленіе ихъ святыни и надруганіе надъ святынею ихъ собственныхъ чувствъ, взявъ въ соображеніе, наконецъ, вообще характеръ нашего раскола, врядъ-ли можно объяснить обращеніе раскольниковъ однимъ умиленіемъ, да и къ чему, къ кому? Въ благодарность за одно только *прощеніе архіерея?* Вѣдь понимали-же они — даже лучше другихъ—что̀ именно, на самомъ дѣлѣ, должна-бы означать власть архіерея въ церкви, а потому и не могли-бы умилиться чувствомъ къ этой церкви, гдѣ архіерей, послѣ такого неслыханнаго, всенародно-безстыднаго и самоуправнаго святотатства, которое позволилъ себѣ взяточникъ-чиновникъ, касающагося какъ раскольниковъ, такъ равно и *всѣхъ православныхъ*, ограничивается лишь тѣмъ, что говоритъ съ воздыханіемъ: «Смятенный видъ!» и не въ силахъ остановить даже второстепеннаго чиновника отъ такихъ звѣрскихъ и ругательныхъ для религіи дѣйствій.

И вообще въ этомъ смыслѣ повѣсть г. Лѣскова оставила во

Digitized by Google

мнѣ впечатлѣніе болѣзненное и нѣкоторое недовѣріе къ правдѣ описаннаго. Она, конечно, отлично разсказана и заслуживаетъ многихъ похвалъ, но вопросъ: неужели это все правда? Неужели это все у насъ могло произойти? То-то и есть, что разсказъ, говорятъ, основанъ на дѣйствительномъ фактѣ. Вообразимъ только такой случай: положимъ, гдѣ нибудь, теперь, въ какой нибудь православной церкви, находится древняя чудотворная икона, повсемѣстно чтимая всѣмъ Православіемъ. Представимъ, что какая нибудь артель раскольниковъ цѣлымъ скопомъ выкрадываетъ эту икону изъ собора, собственно, чтобы имѣть эту древнюю святыню у себя, въ своей моленной. Все это, конечно, могло-бы случиться. Представимъ, что лѣтъ черезъ десять, какой нибудь чиновникъ находитъ эту икону, торгуется съ раскольниками, чтобы добыть знатную взятку; они такой суммы дать не въ силахъ и вотъ онъ беретъ сургучъ и капаетъ его на ликъ святыни съ приложеніемъ казенной печати. Неужели отъ того только, что икона побыла нѣкоторое время въ рукахъ раскольниковъ, она потеряла свою святыню? Вѣдь и икона «Ангела», о которой разсказываетъ г. Лѣсковъ, была древле освященною православною иконою, чтимою до раскола всѣмъ православіемъ? И неужели при семъ мѣстный архіерей не могъ и не имѣлъ-бы права поднять хоть палецъ въ защиту святыни, а лишь съ воздыханіемъ проговорилъ: «Смятенный видъ». Мои *тревожные* вопросы могутъ показаться нашимъ образованнымъ людямъ мелкими и предразсудочными; но я того убѣжденія, что оскорбленіе народнаго чувства во всемъ, что̀ для него есть святаго—есть страшное насиліе и чрезвычайная безчеловѣчность. Неужели раскольникамъ не пришла въ голову мысль: «Что̀-же, какъ-бы сей православный владыко защитилъ церковь, еслибы обидчикомъ было еще болѣе важное лицо?» Могли-ли они съ почтеніемъ отнестись къ той церкви, въ которой высшая духовная власть, какъ описано въ повѣсти, такъ мало имѣетъ власти? Ибо, чѣмъ-же объяснить поступокъ архіерея, какъ не малою властью его? Неужели равнодушіемъ и лѣностью и неслыханнымъ предположеніемъ, что онъ, забывъ обязанность своего сана, обратился въ чиновника отъ правительства? Вѣдь если ужь такая нелѣпость зайдетъ въ головы духовныхъ чадъ его, то ужь это всего хуже: православныя дѣти его постепенно потеряютъ всякую энергію въ дѣлѣ вѣры, умиленіе и преданность къ церкви, а расколъ будетъ смотрѣть на православную Церковь съ презрѣніемъ. Вѣдь, значитъ-же что нибудь пастырь? Вѣдь понимаютъ-же это раскольники?

Итакъ, вотъ какія мысли приходятъ въ голову послѣ чтенія прекраснаго разсказа г. Лѣскова; такъ что мы, повторяемъ, га-

Digitized by Google

клонны считать этотъ разсказъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, почти неправдоподобнымъ. Между тѣмъ, въ одномъ изъ недавнихъ №№ «Голоса», прочелъ я слѣдующее извѣстіе:

«Одинъ изъ деревенскихъ священниковъ Орловской губерніи, пишетъ въ газету «Современность»: «Занимаясь обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ грамотѣ почти съ самаго уничтоженія крѣпостнаго права, я оставилъ эту обязанность только тогда, когда наше д—ское земство приняло на себя вознагражденіе и пожелало имѣть свободныхъ отъ другихъ занятій наставниковъ. Но, въ началѣ нынѣшняго 1872—73 учебнаго года, оказался недостатокъ народныхъ учителей въ нашемъ уѣздѣ. Я, не желая закрытія училища въ своемъ селѣ, рѣшился изъявить свое желаніе занять должность наставника и обратился въ училищный совѣтъ съ прошеніемъ объ утвержденіи меня въ этой должности. Совѣтъ отвѣтилъ мнѣ, что «я тогда буду утвержденъ въ должности наставника, когда на то изъявитъ свое согласіе общество». Общество пожелало и составило о томъ приговоръ. Обращаюсь въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія приговора, какъ требовалъ того училищный совѣтъ. Волостное правленіе, имѣя во главѣ невѣжественнаго писаря М. С. и во всемъ послушнаго ему старшину, не восхотѣло засвидѣтельствовать приговора, ссылаясь на то, что мнѣ учить некогда, но въ душѣ руководясь другими побужденіями. Я обращаюсь къ мировому посреднику. Посредникъ П. высказалъ мнѣ въ глаза слѣдующія достопримѣчательныя слова: **«Правительство вообще не расположено къ тому, чтобы народное образованіе было въ рукахъ духовенства**. Почему-бы такъ?—спрашиваю я. «Потому, отвѣчаетъ посредникъ, что **духовенство проводитъ суевѣріе**».

Какъ вамъ нравится, господа, это сообщеніе? Вѣдь оно, конечно, въ косвенномъ смыслѣ, почти возстановляетъ правдоподобность разсказа г. Лѣскова, въ которой мы такъ усумнились и упорно продолжаемъ сомнѣваться. Тутъ важно не то, что случился такой посредникъ: что̀ за нужда, что какой нибудь глупецъ скажетъ съ вѣтру глупое слово? И какое намъ дѣло до его убѣжденій? Тутъ важно то, что это такъ откровенно и со властью высказано; съ такою небезпокоющеюся безцеремонностью. Онъ высказываетъ свое премудрое убѣжденіе уже прямо и не обинуясь *въ глаза* и, кромѣ того, имѣетъ дерзость навязывать такія убѣжденія правительству и говоритъ *отъ лица* правительства.

Ну, осмѣлился-бы это сказать не то что какой-то посредникъ, а въ десять разъ выше его по власти лицо какому нибудь хоть, напримѣръ, остзейскому пастору? Господи, какой-бы этотъ пасторъ

Digitized by Google

затѣялъ крикъ и какой-бы въ самомъ дѣлѣ поднялся крикъ! У насъ священникъ смиренно обличаетъ дерзкаго путемъ гласности. Но приходитъ мысль: если было это лицо было повыше посредника (что вѣдь очень можетъ быть, потому что у насъ все можетъ случиться), то вѣдь, можетъ быть, пастырь добрый и не сталъ-бы совсѣмъ обличать его, зная, что изъ этого выйдетъ одинъ лишь «смятенный видъ» и ничего болѣе. Да и нельзя-же требовать отъ него энергіи первыхъ вѣковъ христіанства, хотя-бы и желалось того. Мы вообще наклонны обвинять наше духовенство въ равнодушіи къ святому дѣлу; но какъ-же и быть ему при иныхъ обстоятельствахъ? А, между тѣмъ, помощь духовенства народу никогда еще не была такъ настоятельно необходима. Мы переживаемъ самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, можетъ быть, изъ всей исторіи русскаго народа.

Очень странное явленіе случилось недавно въ одномъ углу Россіи — нѣмецкое протестанство въ средѣ православія, новая секта штундистовъ. «Гражданинъ» о ней сообщалъ своевременно. Явленіе почти уродливое, но въ немъ какъ-бы слышится нѣчто пророческое.

Въ Херсонской губерніи какой-то пасторъ Бонекетбергъ пожалѣлъ отъ добраго сердца тамошній русскій народъ, видя его непросвѣщеннымъ и духовно-оставленнымъ, и сталъ проповѣдывать ему христіанскую вѣру, но держась православія и самъ уговаривая его отъ православія не отступать. Но случилось иначе: проповѣдь имѣла полный успѣхъ, но новые христіане тотчасъ-же начали тѣмъ, что отстали отъ православія, поставили себѣ это первымъ и непремѣннымъ условіемъ, отвернулись отъ обрядовъ, иконъ, стали собираться по лютерански и пѣть псалмы по книжкѣ; иные выучились даже нѣмецкому языку. Секта распространяется съ фанатическою быстротой, переходитъ въ другіе уѣзды и губерніи. Сектанты измѣнили образъ жизни, не пьянствуютъ. Они такъ, напримѣръ, разсуждаютъ:

— У нихъ (то есть у нѣмецкихъ, лютеранскихъ штундистовъ),— у нихъ потому хорошо, и потому они такъ честно и благообразно живутъ, что нѣтъ постовъ...

Логика мизерная, но какой-то есть смыслъ, какъ хотите, особенно, если смотрѣть на постъ, какъ на одинъ лишь обрядъ. А откудова бѣдный человѣкъ могъ-бы узнать спасительную, глубокую цѣль поста? Да онъ и всю свою прежнюю вѣру зналъ какъ одинъ лишь обрядъ.

Digitized by Google

Значитъ, противъ обряда и протестовалъ.

Это, положимъ, понятно. Но почему онъ такъ вдругъ схватился протестовать. Гдѣ причина, его подвигнувшая?

Причина, можетъ быть, очень общая — та, что возсіялъ ему свѣтъ новой жизни съ 19 февраля. Онъ могъ споткнуться и упасть съ первыхъ шаговъ на новомъ пути; но очнуться надо было непремѣнно, а очнувшись, онъ вдругъ увидалъ, какъ онъ «жалокъ и бѣденъ, и слѣпъ, и нищъ, и нагъ». Главное, — правды захотѣлось, правды во что-бы ни стало, даже жертвуя всѣмъ, что было до сихъ поръ ему свято. Потому что никакимъ развратомъ, никакимъ давленіемъ и никакимъ униженіемъ не истребишь, не замертвишь и не искоренишь въ сердцѣ народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Онъ можетъ страшно упасть; но въ моменты самаго полнаго своего безобразія онъ всегда будетъ помнить, что онъ всего только безобразникъ и болѣе ничего; но что есть гдѣ-то высшая правда и что эта правда выше всего.

Вотъ явленіе. Явленіе это, можетъ быть, пока единичное, съ краю, но врядъ-ли случайное. Оно можетъ затихнуть и зачерствѣть въ самомъ началѣ и опять таки преобразиться въ какую нибудь обрядность, подобно большинству русскихъ сектъ, особенно если ихъ не трогать. Но, какъ хотите, въ явленіи этомъ, повторяю, можетъ всетаки заключиться какъ-бы нѣчто пророческое. Въ настоящее время, когда все будущее такъ загадочно, позволительно иногда даже вѣрить въ пророчества.

Ну, что если нѣчто подобное развернется уже по всей Руси? Не это самое, не штундисты (тѣмъ болѣе, что, говорятъ, уже приняты надлежащія мѣры), а только нѣчто подобное? Что если весь народъ вдругъ скажетъ себѣ, дойдя до краевъ своего безобразія и разглядѣвъ свою нищету: «Не хочу безобразія, не хочу пить вина, а хочу правды и страха Божьяго, а главное—правды, правды прежде всего».

Что возжаждетъ онъ правды — въ томъ, конечно, явленіе отрадное. А между тѣмъ вмѣсто правды можетъ выйти чрезвычайная ложь, какъ и у штундистовъ.

Ну, какой въ самомъ дѣлѣ нашъ народъ протестантъ и какой онъ нѣмецъ? И къ чему ему учиться по нѣмецки, чтобы пѣть псалмы? И не заключается-ли все, все, чего ищетъ онъ,—въ православіи? Не въ немъ-ли одномъ и правда и спасеніе народа русскаго, а въ будущихъ вѣкахъ и для всего человѣчества? Не въ православіи-ли одномъ сохранился божественный ликъ Христа во всей чистотѣ? И, можетъ быть, главнѣйшее предъизбранное назначеніе народа русскаго въ судьбахъ всего человѣчества и состоитъ лишь въ томъ,

Digitized by Google

чтобъ сохранить у себя этотъ божественный образъ Христа во всей чистотѣ, а когда придетъ время,—явить этотъ образъ міру, потерявшему пути свои!

Да, но покамѣстъ это все сбудется, пасторъ-то вотъ всталъ пораньше, съ первыми птицами, да и пришелъ къ народу, чтобы сказать ему правду — православную правду, онъ былъ очень совѣстливъ. Но народъ пошелъ за нимъ, а не за православіемъ,— не изъ благодарности только, а за то, что отъ него первую правду увидѣлъ. Ну, и вышло, что «у него потому хорошо, что постовъ нѣтъ». Заключеніе очень понятное, коли замѣшалась личность.

Ну, а кстати: что-же наши священники? Что объ нихъ-то слышно?

А наши священники тоже, говорятъ, просыпаются. Духовное наше сословіе, говорятъ, давно уже начало обнаруживать признаки жизни. Съ умиленіемъ читаемъ мы назиданія владыкъ по церквамъ своимъ о проповѣдничествѣ и благообразномъ житіи. Наши пастыри, по всѣмъ извѣстіямъ, рѣшительно принимаются за сочиненіе проповѣдей и готовятся произнести ихъ.

Поспѣютъ-ли только во время? Поспѣютъ-ли проснуться съ первыми птицами? Пасторъ всетаки птица иная, залетная, да и гарантированъ иначе. Ну, да и служба совсѣмъ другая, начальство и проч. Такъ-то такъ, да вѣдь не чиновникъ-же въ самомъ дѣлѣ и нашъ священникъ! И не проповѣдникъ-ли онъ единой великой Истины, имѣющей обновить весь міръ?

Пасторъ поспѣлъ раньше него, это все правда; но что-же и дѣлать, однако, было священнику, въ случаѣ, напримѣръ, хоть штундистовъ? Мы вотъ все наклонны обвинять нашихъ священниковъ, а вникнемъ однако: неужели ограничиться лишь доносомъ начальству? О, конечно, нѣтъ, добрыхъ пастырей у насъ много,— можетъ быть, болѣе даже чѣмъ мы можемъ надѣяться, или сами того заслуживаемъ. Но всетаки, что-же онъ сталъ-бы тутъ проповѣдывать? — (приходитъ мнѣ иногда въ голову какъ свѣтскому человѣку, съ дѣломъ незнакомому) — о преимуществѣ православія передъ лютеранствомъ? Но вѣдь мужики люди темные: ничего не поймутъ и, пожалуй, не убѣдятся. Доброе поведеніе и добрые нравы, говоря вообще и не слишкомъ пускаясь въ подробности? Но какіе-же тутъ «добрые нравы», когда народъ пьянъ съ утра до вечера. Воздержаніе отъ вина въ такомъ случаѣ, чтобы истребить зло въ самомъ корнѣ? Безъ сомнѣнія, такъ, хотя тоже не слишкомъ пускаясь въ подробности, ибо... ибо всетаки надо имѣть въ соображеніи величіе Россіи, какъ великой державы, которое такъ дорого стоитъ... Ну, а вѣдь ужь это въ нѣкоторомъ родѣ почти

Digitized by Google

тоже, что и «смятенный видъ-съ». Остается стало быть проповѣдывать, чтобы народъ пилъ *немножко только поменьше...*

Ну, а пастору какое дѣло до величія Россіи, какъ великой европейской державы? И не боится онъ никакого «смятеннаго вида», и служба у него совсѣмъ другая. А потому дѣло и осталось за нимъ.

VIII.

Полписьма „одного лица" *).

Ниже я помѣщаю письмо, или, лучше сказать, полписьма «одного лица» въ редакцію «Гражданина»; все письмо напечатать было никакъ невозможно. Это все тоже «лицо», вотъ тотъ самый, который уже отличился разъ въ «Гражданинѣ» на счетъ «могилокъ». Признаюсь, печатаю единственно чтобы отъ него отвязаться. Редакція буквально задавлена его статьями. Во первыхъ, это «лицо» рѣшительно выступаетъ моимъ защитникомъ противъ литературныхъ «враговъ» моихъ. Онъ написалъ уже за меня и въ пользу мою три «антикритики», двѣ «замѣтки», три «случайныя замѣтки», одно «по поводу» и наконецъ «наставленіе какъ вести себя». Въ этомъ послѣднемъ полемическомъ сочиненіи своемъ, онъ, подъ видомъ наставленія «врагамъ» моимъ, нападаетъ уже на меня самого и нападаетъ въ такомъ даже тонѣ, что я ничего подобнаго, по энергіи и ярости, не встрѣчалъ даже и у «враговъ» моихъ. Онъ хочетъ, чтобы я это все напечаталъ! Я рѣшительно заявилъ ему, что, во первыхъ, «враговъ моихъ» никакихъ не имѣю, и что все это только такъ и призраки; во вторыхъ, что и время уже прошло, ибо весь этотъ гамъ журналистовъ, раздавшійся съ появленія перваго № «Гражданина» сего 1873 года съ такою неслыханною литературною яростью, безпардонностью и простодушіемъ атаки, теперь недѣли двѣ, даже три тому назадъ, вдругъ и неизвѣстно почему прекратился, точно такъ-же, какъ неизвѣстно почему и начался. Наконецъ, что если-бы я и вздумалъ кому отвѣчать, то съумѣлъ-бы это сдѣлать самъ, безъ его помощи.

Онъ разсердился, и, поссорясь со мною, вышелъ... Я даже былъ радъ тому. Это человѣкъ болѣзненный... Онъ въ напечатанной у насъ еще прежде статьѣ уже сообщилъ, отчасти, нѣкоторыя черты

*) № 10 „Гражданина" 1873 г.

Digitized by Google

изъ своей біографіи: человѣкъ огорченный и ежедневно себя «огорчающій». Но, главное, меня пугаетъ эта непомѣрная сила «гражданской энергіи» сего сотрудника. Представьте, онъ съ первыхъ словъ заявилъ мнѣ, что не требуетъ ни малѣйшаго гонорарія, а пишетъ единственно изъ «гражданскаго долга». Даже признался мнѣ, съ гордою, но вредящею себѣ откровенностью, что писалъ вовсе не для того, чтобы защищать меня, а единственно чтобы провести при семъ случаѣ свои мысли, такъ какъ ихъ ни въ одной редакціи не принимаютъ. Онъ просто за просто питалъ сладкую надежду отмежевать себѣ, хоть задаромъ, постоянный уголокъ въ нашемъ журналѣ, чтобы имѣть возможность постоянно излагать свои мысли. Какія-же это мысли? Пишетъ онъ обо всемъ, отзывается на все съ горечью, съ яростью, съ ядомъ, и со «слезой умиленія». «Девяносто процентовъ на ядъ и одинъ процентъ на слезу умиленія!»—объявляетъ онъ самъ въ одной своей рукописи. Начнется новый журналъ или новая газета, и онъ ужь немедленно тутъ: поучаетъ и даетъ наставленія. Это совершенная правда, что въ одну газету онъ отослалъ до сорока писемъ съ наставленіями, т. е. какъ издавать, какъ вести себя, объ чемъ писать и на что обращать вниманіе. Въ нашей редакціи накопилось его писемъ, въ два съ половиною мѣсяца, до двадцати осьми штукъ. Пишетъ онъ всегда за своею полною подписью, такъ что его вездѣ уже знаютъ, и мало того что тратитъ послѣднія копѣйки на франкировку, но еще въ письма-же вкладываетъ свѣжія марки, предполагая, что добьется своего и затѣетъ гражданскую переписку съ редакціями. Всего болѣе удивляетъ меня, что я никакъ не могъ, даже изъ двадцати восьми его писемъ, открыть, какого онъ направленія и чего собственно добивается? Это какой-то сумбуръ... Рядомъ съ грубостью пріемовъ, съ цинизмомъ краснаго носа и «огорченнаго запаха», изступленнаго слога и разорванныхъ сапоговъ, мелькаетъ какая-то скрытая жажда нѣжности, чего-то идеальнаго, вѣра въ красоту, Sehnsucht по чему-то утраченному, и все это выходитъ какъ-то до крайности въ немъ отвратительно. И вообще онъ мнѣ надоѣлъ. Правда, онъ грубитъ открыто и денегъ за это не требуетъ, стало быть, отчасти лицо благородное; но Богъ съ нимъ и съ его благородствомъ! Не далѣе какъ три дня послѣ нашей ссоры, онъ явился опять, съ «послѣднею уже попыткой», и принесъ вотъ это «Письмо одного лица». Нечего дѣлать, я взялъ и долженъ теперь напечатать.

Первую половину письма рѣшительно нельзя напечатать. Это—однѣ только личности и ругательства чуть не всѣмъ петербургскимъ и московскимъ изданіямъ, выходящія изо всякой мѣрки. Но

Digitized by Google

одно изъ упрекаемыхъ имъ изданій не возвышалось до такого цинизма въ ругательствахъ. И главное, самъ-то онъ ихъ ругаетъ единственно за цинизмъ и за дурной тонъ ихъ полемики. Я просто отрѣзалъ ножницами всю первую часть письма и возвратилъ ему. Заключительную-же часть печатаю лишь потому, что тутъ, такъ сказать, тема общая: это нѣкое увѣщаніе какому-то воображаемому фельетонисту,—увѣщаніе даже пригодное для фельетонистовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, до того оно общее. Слогъ возвышенный, причемъ сила слога равняется лишь наивности изложенныхъ мыслей. Обращаясь съ увѣщаніемъ къ фельетонисту, онъ говоритъ ему *ты*, какъ въ одахъ стараго времени. Онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы я началъ съ точки, и настоялъ на томъ, чтобы печатаніе полуписьма его началось съ полуфразы, именно такъ, какъ отрѣзалось ножницами: «пусть, дескать, увидятъ, какъ меня исказили!» Онъ-же отстоялъ и заглавіе: я хотѣлъ всетаки написать: «Письмо одного лица»; онъ непремѣнно потребовалъ чтобы озаглавлено было: «Полписьма одного лица».

Итакъ, вотъ эти полписьма...

«Полписьма одного лица».

...и неужели въ словѣ «свинья» заключается столь магическій и заманчивый смыслъ, что ты тотчасъ-же и несомнѣнно принимаешь его на свой счетъ? Я давно ужь сталъ замѣчать, что въ русской литературѣ это словцо постоянно имѣетъ нѣкоторый особенный и даже какъ-бы мистическій смыслъ. Даже дѣдушка Крыловъ, понимая это, употреблялъ съ особою любовью «свинью» въ своихъ апологахъ. Читающій литераторъ, даже въ уединеніи и про себя, встрѣтившись съ словомъ симъ немедленно вздрагиваетъ и тотчасъ-же начинаетъ задумываться: «Не я-ли это? Не про меня-ли написано?» Согласенъ, что словцо энергическое, но зачѣмъ-же подразумѣвать непремѣнно себя и даже себя одного? Есть и другіе кромѣ тебя. Ужь не имѣешь-ли тайныхъ причинъ къ сему? Ибо чѣмъ иначе могу объяснить твою мнительность? *).

*) Это несомнѣнно преувеличено, но отчасти и вѣрно. Тутъ намекъ собственно на то, что въ первомъ № „Гражданина“ я имѣлъ несчастіе привести одну древнѣйшую индійскую басню о дуэли льва и свиньи, причемъ ловко отклонилъ даже самую возможность предположенія, что слово левъ нескромно отношу на свой счетъ. И что-же? Дѣйствительно, многіе выказали чрезвычайную и поспѣшную мнительность. Даже было нѣчто въ родѣ феномена: въ редакцію пришло письмо одного подписчика изъ одной далекой окраины Россіи; подписчикъ дерзко и азартно укоряетъ редакцію за то, что подъ словомъ свиньи она, будто-бы, несомнѣнно подразумѣваетъ своихъ подписчиковъ—предположеніе до того нелѣпое, что даже иные петербургскіе фельетонисты не рѣшились имъ воспользоваться въ своихъ обвиненіяхъ... а это уже мѣра всему. *Ред.*

Digitized by Google

Второе, что̀ замѣчу тебѣ, о, другъ мой фельетонистъ, это то, что ты невоздерженъ въ планировкѣ своихъ фельетоновъ. Ты напихиваешь въ столбцы свои столько генераловъ, акціонеровъ, князей, въ тебѣ и въ острыхъ словахъ твоихъ имѣющихъ нужду, что по неволѣ заключаю, читая, что за обиліемъ многихъ не имѣешь ни одного. Здѣсь ты присутствуешь на значительномъ засѣданіи совѣта и изрекаешь бонмо, свысока и небрежно, но тѣмъ бросаешь лучъ и совѣтъ немедленно и торопливо перемѣняется къ лучшему. Тамъ въ глаза осмѣялъ одного богатаго князя, за что̀ онъ немедленно зоветъ тебя на обѣдъ, но ты проходишь мимо и гордо, но либерально отъ обѣда отказываешься. Тамъ заѣзжему милорду, въ интимномъ разговорѣ, въ салонѣ, въ шутку открываешь всю тайную подкладку Россіи: онъ, въ страхѣ и въ восхищеніи, тутъ-же телеграфируетъ въ Лондонъ и на другой-же день министерство Викторіи падаетъ. Тамъ, на Невскомъ, на прогулкѣ отъ двухъ до четырехъ, ты разрѣшаешь государственную задачу тремъ отставнымъ, но бѣгущимъ за тобою министрамъ; встрѣчаешь проигравшагося гвардейскаго ротмистра и бросаешь ему двѣсти рублей взаймы; съ нимъ ѣдешь къ Фифинѣ для благороднаго (будто-бы?) негодованія... Однимъ словомъ, ты тутъ, ты тамъ, ты вездѣ; ты разсыпанъ въ обществѣ, тебя рвутъ на расхватъ; глотаешь трюфели, ѣшь конфекты, разъѣзжаешь на извозчикахъ, въ дружбѣ съ половыми у Палкина,—словомъ, безъ тебя ничего. Столь высокая обстановка твоя является, наконецъ, подозрительною. Тихій читатель провинціи сочтетъ тебя, можетъ быть, и вправду за обойденнаго наградой или по крайней мѣрѣ, за отставнаго министра, желающаго вновь путемъ свободной, но оппозиціонной печати возвратить свою должность. Но опытный житель обѣихъ столицъ знаетъ иное: ибо знаетъ онъ, что ты не болѣе, какъ нанятой борзописецъ у антрепренера-издателя; ты нанятъ и обязанъ его защищать. Онъ-же (но никто другой) натравливаетъ тебя на кого ему вздумается.

И такъ, весь этотъ гнѣвъ и азартъ въ тебѣ, весь этотъ лай твой, — все это лишь наемное и натравленное чужою рукой. И добро-бы ты самъ за себя стоялъ! Напротивъ, чему всего болѣе удивляюсь въ тебѣ—это тому, что ты, наконецъ, горячишься дѣйствительно, принимаешь къ сердцу какъ будто въ самомъ дѣлѣ свое, ругаешься съ фельетонистомъ-соперникомъ какъ-бы изъ за какой-то любимой идеи, изъ-за дорогого тебѣ убѣжденія. Между тѣмъ, знаешь самъ, что своихъ идей не имѣешь, а убѣжденій и подавно. Или, можетъ быть, вслѣдствіе многолѣтней горячки и упоенія смраднымъ успѣхомъ своимъ, ты возмечталъ, наконецъ, что у тебя есть идея, что и ты способенъ имѣть убѣ-

Digitized by Google

жденіе? Если такъ, то какъ-же разсчитываешь послѣ сего на мое уваженіе?

Нѣкогда ты былъ честнымъ и благообразнымъ юношей... О, вспомни у Пушкина, если не ошибаюсь, съ персидскаго: почтенный старецъ говоритъ рвущемуся сразиться юношѣ:

Я боюсь, среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Увы, ты все это и давно уже навсегда утратилъ! Смотри самъ, какъ ты споришь съ фельетоннымъ врагомъ твоимъ, и пойми, до чего вы, наконецъ, доругались! Ибо вовсе вы уже не такъ подлы, какъ другъ друга рисуете. Вспомни, что въ дѣтскомъ возрастѣ дѣти дерутся наиболѣе потому, что не научились еще разумно излагать свои мысли. Ты-же, сѣдое дитя, за неимѣніемъ мыслей, бранишься всѣми словами разомъ,—худой пріемъ! Именно за неимѣніемъ убѣжденій и настоящей учености, ты стараешься болѣе вникнуть въ частную жизнь своего соперника; съ жадностью узнаешь проступки его, искажаешь ихъ и предаешь ихъ благодѣтельной гласности. Не жалѣешь жены и дѣтей его. Предполагая другъ друга умершими, пишете каждый и обоюдно одинъ другому, въ видѣ пашквиля, по надгробному слову. Скажи-же, кто повѣритъ тебѣ, наконецъ? Читая фельетонъ твой, обрызганный слюной и чернилами, я невольно наклоненъ подумать, что ты не правъ, что въ фельетонѣ твоемъ особый и секретный смыслъ, что вы вѣрно гдѣ нибудь подрались на дачѣ и не можете позабыть сего. Невольно заключаю въ пользу твоего соперника и эффектъ твой манкированъ. А къ тому-ли ты стремился?

И какая дѣтская неумѣлость въ тебѣ! Обругавъ соперника, ты заключаешь свой фельетонъ словами: «Вижу васъ, господинъ NN, какъ вы, прочитавъ эти строки, бѣгаете внѣ себя по комнатѣ, рвете ваши волосы, кричите на вбѣжавшую въ испугѣ жену свою, гоните прочь дѣтей и, скрежеща зубами, колотите въ стѣну кулакомъ отъ безсильнаго бѣшенства»...

Другъ мой, простодушный, но изступленный страдалецъ своего фиктивнаго, напускнаго въ пользу антрепренера бѣшенства, о, другъ мой, фельетонистъ! Скажи: прочитавъ въ твоемъ фельетонѣ подобныя строки будто-бы о твоемъ соперникѣ, неужели я не догадаюсь, что это ты, ты самъ, а не соперникъ твой, бѣгаешь по своей комнатѣ, рвешь свои волосы, бьешь вбѣжавшаго въ испугѣ лакея, если онъ есть у тебя и съ 19 февраля еще не утратилъ

Digitized by Google

первобытной невинности; съ визгомъ и скрежетомъ кидаешься ты на стѣну и отбиваешь въ кровь кулаки свои! Ибо кто повѣритъ, что можно послать такія строки сопернику, не отбивъ въ кровь своихъ собственныхъ кулаковъ предварительно? Такимъ образомъ, самъ выдаешь себя.

Очнись-же и пріобрѣти стыдъ. Пріобрѣтя стыдъ, пріобрѣтешь и умѣнье писать фельетоны,—вотъ выгода.

Представлю тебѣ аллегорію. Ты вдругъ публикуешь въ афишкѣ, что на будущей недѣлѣ въ четвергъ или въ пятницу (словомъ, представь себѣ день, въ который пишешь свои фельетоны) въ театрѣ Берга или въ особо устроенномъ для того помѣщеніи, будешь показывать себя нагишомъ и даже въ совершенной подробности. Вѣрю, что найдутся любители; такія зрѣлища особенно привлекаютъ современное общество. Вѣрю, что съѣдутся и даже во множествѣ, но для того-ли, чтобы уважать тебя? А если такъ, то въ чемъ-же твое торжество?

Теперь разсуди, если можешь: не то-ли самое изображаютъ твои фельетоны? Не выходишь-ли каждую недѣлю, въ такой-то именно день нагишомъ и со всѣми подробностями передъ публикой? И для чего, для кого ты стараешься?

Тутъ смѣшнѣе всего, что вся публика знаетъ весь секретъ войны вашей, знаетъ и знать не хочетъ, проходитъ мимо васъ равнодушно; вы-же рветесь изъ себя и думаете, что всѣ берутъ въ васъ участіе. Человѣкъ простодушный! Публикѣ слишкомъ извѣстно, что антрепренеръ столичной газеты, когда, по примѣру его, основалась другая газета, въ испугѣ сказалъ себѣ, схватясь за карманъ: «Эта новооснованная негодница можетъ лишить меня двухъ или двухъ съ половиною тысячъ подписчиковъ. Найму-же кудлашку и натравлю на соперницу». Кудлашка—вѣдь это ты!

Антрепренеръ тобою доволенъ; онъ гладитъ свои бакенбарды и, послѣ завтрака, съ улыбкою думаетъ: «Какъ я однако-же натравилъ его!».

Помнишь-ли ты Антропку въ Тургеневѣ? Сія вещь любимаго писателя публики — по истинѣ геніальная. Антропка есть провинціальный мальчишка или вѣрнѣе братъ другаго провинціальнаго мальчишки, и уже Антропки (а первый, положимъ, Нефедъ), скрывшагося изъ избы въ темную лѣтнюю ночь, по поводу сдѣланной шалости. Строгій отецъ послалъ старшаго мальчика привести нашалившаго братишку домой. И вотъ надъ обрывомъ оврага раздаются раздирательные вопли:

— Антропка! Антропка!

Долго не откликается виноватый шалунъ, но, наконецъ, «какъ-бы

Digitized by Google

съ того свѣта» раздается дрожащій и робкій голосенокъ его, съ другой стороны оврага:

— Чиво-о?

— А тебя тятенька выси-ичъ хочи-итъ! съ злобною и торопливою радостью подхватываетъ старшій братишка..

Голосъ «съ того свѣта», разумѣется, затихаетъ. Но вотъ съ надрывомъ и съ безсильнымъ, самоскребущимъ озлобленіемъ все еще слышатся въ темную ночь безконечные, но безсильные вопли:

— Антропка-а! Антропка-а-а!

Сей геніальный возгласъ къ Антропкѣ и—что̀ главное—безсильный, но злобный надрывъ его можетъ повториться не только среди провинціальныхъ мальчишекъ, но и между взрослыми, дошедшими до почтенныхъ сѣдинъ, членами современнаго, но взволнованнаго реформами общества. И не напоминаетъ-ли тебѣ хотя-бы что либо сихъ Антропокъ въ столицѣ? Ибо между сими двумя антрепренерами столичныхъ изданій не замѣчаешь-ли нѣчто антропочное? Ты и соперникъ твой—не высланы-ли вы оба своими хозяевами для отыскиванія Антропокъ? Антропки—не тѣ-ли это изъ предполагаемыхъ вами новыхъ подписчиковъ, которые могли-бы повѣрить вашей невинности? Вы знаете оба, что вся ваша ярость, весь надрывъ и старанія ваши останутся втунѣ, что не отзовется Антропка, что не отобьете вы другъ у друга ни одного подписчика, что у каждаго будетъ довольно и безъ того; но вы уже такъ въѣлись въ игру сію и такъ нравится вамъ этотъ скребущій сердца ваши фельетонный безсильный надрывъ, что вы уже не можете удержаться! И вотъ, еженедѣльно и въ извѣстные дни, среди темной ночи, объявшей нашу литературу, съ надрывомъ и съ яростью раздается: Антропка-а! Антропка-а! И мы это слушаемъ.

Позволю себѣ и еще аллегорію.

Представь, что тебя пригласили въ порядочное общество; ибо предполагаю, что ѣздишь и ты въ порядочные круги общества. Ты прибылъ на званую вечеринку къ статскому даже совѣтнику, въ день его имянинъ. Гости уже заранѣе предувѣдомлены хозяиномъ о твоемъ остроуміи. Ты входишь съ приличіемъ, одѣтъ хорошо, расшаркиваешься съ хозяйкою и говоришь ей любезности. Съ удовольствіемъ ощущаешь, что на тебя смотрятъ и готовишься отличиться. И вдругъ, о ужасъ! замѣчаешь въ углу залы литературнаго твоего соперника, прибывшаго раньше тебя и котораго даже и знакомымъ въ семъ мѣстѣ не предполагалъ до послѣдней минуты. Ты измѣнился въ лицѣ; но хозяинъ, относя сіе къ минутному твоему нездоровью, спѣшитъ, по наивности, познакомить тебя съ литератур-

Digitized by Google

нымъ врагомъ твоимъ. Вы мычите и тотчасъ-же повертываетесь другъ къ другу спинами. Хозяинъ въ смущеніи, но ободряется, полагая, что это лишь новый литературный пріемъ, неизвѣстный ему за дѣлами службы. Между тѣмъ спѣшатъ картами, и хозяйка приглашаетъ тебя въ ералашъ, съ свойственною ея любезностью. Чтобъ избавиться отъ соперника, ты берешь карту съ радостію; новый ужасъ: оказывается, что вы за однимъ столомъ! Отказаться уже нельзя, ибо причиною тому обѣ развязныя и любезныя свѣтскія дамы, ваши партнерки. Обѣ садятся спѣша, а кругомъ нихъ нѣсколько родственницъ и знакомыхъ и всѣ жаждутъ слушать двухъ литераторовъ, всѣ смотрятъ на ваши рты, всѣ ловятъ ваше первое слово, не спуская съ васъ глазъ своихъ. Соперникъ твой обращается къ дамѣ съ спокойствіемъ и говоритъ ей: «Кажется, сдача за вами, сударыня». Всѣ улыбаются, всѣ переглядываются, остроумное слово получаетъ успѣхъ и сердце твое сжимается завистью. Но слѣдуетъ сдача. Открываешь свои карты: тройки, двойки, шестерки и самая старшая—валетъ. Ты скрежещешь зубами, а соперникъ твой улыбается. Къ нему пришли карты и онъ съ гордостью объявляетъ коронку. Взоръ твой тускнѣетъ. Схватываешь бронзовый вѣскій фамильный подсвѣчникъ, которымъ гордится хозяинъ, хранящійся весь годъ у хозяйки въ шкафу и выставляемый на видъ лишь единственно въ дни ангеловъ—схватываешь и стремительно пускаешь его въ лобъ своему сопернику. Крикъ и недоумѣніе! Всѣ вскакиваютъ, но вы уже бросились и съ пѣной ярости вцѣпились другъ другу въ волосы *). Ибо, судя по твоему нетерпѣнію въ литературѣ и неумѣнію сдержать себя, имѣю право заключить и о нетерпѣніи твоемъ въ частныхъ обществахъ. Партнерка твоя, молодая дама, ожидавшая отъ тебя столько остроумія, съ крикомъ спасается подъ крыло своего супруга, значительнаго инженеръ-подполковника. Тотъ, указывая на васъ обоихъ, крутящихся за волосы, говоритъ ей: «Я предварялъ тебя, миленькая, чего можно ожидать отъ современной беллетристики». Но васъ уже стащили вонъ съ лѣстницы и выпихнули на улицу. Имянинникъ хозяинъ, чувствуя вину свою передъ созваннымъ обществомъ, проситъ у всѣхъ извиненія, рекомендуя забыть о русской литературѣ и продолжать ералашъ. Ты-же лишилъ себя свѣтскаго вечера, пріятныхъ, хотя и невинныхъ минутъ съ петербургскою дамой и ужина. Но вамъ не до того: вы схватываете по легковому извощику и несетесь по зловоннымъ петербургскимъ улицамъ каждый въ квартиру

*) Редакція находитъ эту картину немного преувеличеною.

Digitized by Google

свою, чтобы тотчасъ-же сѣсть за фельетонъ. Ты погоняешь извощика, мимоходомъ завидуя его невинности, но уже обдумываешь и разсказываешь точь въ точь и въ малѣйшей подробности все, что случилось съ тобой у совѣтника!

Ты обличаешь имянинника, ты обличаешь жену его, угощеніе ихъ, возстаешь противъ обычая именинъ, противъ инженеръ-полковника, противъ дамы, своей партнерки, и, наконецъ-то, добираешься до соперника. О, тутъ уже все до послѣдней подробности, по извѣстной нынѣшней общей манерѣ вашей выставлять подноготную. Ты разсказываешь, какъ онъ билъ тебя и какъ ты его билъ, обѣщаешь, что будешь бить, и какъ онъ обѣщался бить. Ты хочешь приложить къ статьѣ своей пачку вырванныхъ у него волосъ. Но вотъ уже утро... Ты бѣгаешь по комнатѣ и ждешь редакціоннаго часа. Являешься къ редактору и вдругъ тотъ, съ спокойнымъ видомъ, объявляетъ тебѣ, что еще наканунѣ примирился съ антрепренеромъ-соперникомъ, прекратившимъ изданіе и сдавшимъ ему подписчиковъ, самъ-же запилъ съ нимъ миръ у Дюссота бутылкой шампанскаго. Затѣмъ благодаритъ тебя за услуги и объявляетъ, что ты ему больше не нуженъ. Скажи, каково положеніе твое!

Всего болѣе не люблю я послѣднихъ дней масляницы, когда черный народъ допивается до послѣдней степени своего безобразія. Отупѣлыя рожи пьяницъ, въ рваныхъ халатахъ и сюртучишкахъ толпятся у кабаковъ. Вотъ двое остановились на улицѣ: одинъ увѣряетъ, что онъ генералъ, а другой ему: врешь! Тотъ бѣсится и ругается, а этотъ: врешь! Тотъ еще пуще, а этотъ все тоже: вр-решь! И такъ далѣе до двухсотъ даже разъ! Оба именно находятъ красоту въ безсильномъ и въ безконечномъ повтореніи одного и тогоже слова, такъ сказать, погрязая въ услажденіи безсиліемъ своего униженія.

Читая фельетоны твои, невольно воображаю себѣ слишкомъ уже долго продолжающуюся въ литературѣ нашей какую-то безконечную, пьяную, безтолковую масляницу. Ибо не то-же-ли и у васъ, какъ и у этихъ двухъ остановившихся у перекрестка безтолковыхъ, пьяныхъ халатниковъ? Не увѣряетъ-ли твой соперникъ въ каждомъ фельетонѣ своемъ, что онъ генералъ, и не отвѣчаешь-ли ты ему какъ халатникъ на перекресткѣ: «Врешь!» И все это такое безконечное число разъ, безъ малѣйшаго даже предчувствія, какъ все это, наконецъ, надоѣло. Воображаю васъ именно какъ на масляницѣ, обезумѣвшихъ и упившихся, въ послѣдній (прощеный!) день; воображаю, какъ вы валяетесь каждый передъ окнами своей редак-

Digitized by Google

ціи и, копошась въ грязномъ, столичномъ, буромъ снѣгу, кричите изо всей мочи, другъ на друга, сиплыми голосами:

— Караулъ! кар-раулъ! кар-раулъ!

Но молчу и поспѣшаю мимо...

Молчаливый наблюдатель.

NB. «Молчаливый наблюдатель»—это псевдонимъ «Одного лица»; я забылъ о томъ предувѣдомить.

IX.

По поводу выставки. *)

заходилъ на выставку. На вѣнскую всемірную выставку отправляется довольно много картинъ нашихъ русскихъ художниковъ. Это уже не въ первый разъ и русскихъ современныхъ художниковъ начинаютъ знать въ Европѣ. Но все таки приходитъ на мысль: возможно-ли тамъ понять нашихъ художниковъ и съ какой точки зрѣнія ихъ тамъ будутъ цѣнить? По моему, переведите комедію Островскаго,—ну «Свои люди сочтемся», или даже любую, и переведите по возможности лучше, на нѣмецкій или французскій языкъ, и поставьте гдѣ нибудь на европейской сценѣ,—и я право не знаю что̀ выйдетъ. Что нибудь, конечно, поймутъ, и, кто знаетъ, можетъ быть, даже найдутъ нѣкоторое удовольствіе, но, по крайней мѣрѣ, три четверти комедіи останутся совершенно недоступны европейскому пониманію. Я помню, въ моей молодости, какъ ужасно заинтересовало меня извѣстіе, что г. Віардо (мужъ знаменитой пѣвицы, пѣвшей у насъ тогда въ итальянской оперѣ) французъ, незнающій ничего по русски, переводитъ нашего Гоголя подъ руководствомъ г. Тургенева. У Віардо, конечно, была художественно-критическая способность и сверхъ того чуткость въ пониманіи поэзіи чужихъ національностей, что̀ онъ и доказалъ превосходнымъ своимъ переводомъ «Донъ Кихота» на французскій языкъ. Господинъ-же Тургеневъ понималъ Гоголя, конечно, до тонкости; какъ всѣ тогда, полагаю, любилъ его до восторга и сверхъ того самъ былъ поэтъ, хотя тогда почти не начиналъ еще своего поэтическаго поприща. (NB. Онъ написалъ только нѣсколько стиховъ, забылъ какихъ, и сверхъ того повѣсть «Три портрета»—произведе-

*) № 13 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

ніе уже значительное). Такимъ образомъ могло-бы что нибудь и выйти. Замѣчу, что г. Тургеневъ, должно быть, превосходно знаетъ французскій языкъ. И что̀-же? Вышла изъ этого перевода такая странность, что я хоть и предчувствовалъ заранѣе, что Гоголя нельзя передать по французски, всетаки никакъ не ожидалъ такого исхода. Этотъ переводъ можно достать и теперь—посмотрите что̀ это такое. Гоголь исчезъ буквально. Весь юморъ, все комическое, всѣ отдѣльныя детали и главные моменты развязокъ, отъ которыхъ и теперь, вспоминая ихъ иногда, нечаянно, наединѣ (и часто въ самые не литературные моменты жизни) зальешься вдругъ самымъ неудержимымъ смѣхомъ про себя,—все это пропало, какъ не бывало вовсе. Я не понимаю, что̀ могли заключать тогда французы о Гоголѣ, судя по этому переводу; впрочемъ, кажется, ничего не заключили. «Пиковая дама», «Капитанская дочка», которыя были тоже переведены тогда по французски, безъ сомнѣнія, тоже исчезли на половину, хотя въ нихъ гораздо болѣе можно было понять, чѣмъ въ Гоголѣ. Словомъ, все характерное, все наше національное по преимуществу (а, стало быть, все истинно художественное), по моему мнѣнію, для Европы неузнаваемо. Переведите повѣсть «Рудинъ» Тургенева (я потому говорю о г. Тургеневѣ, что онъ наиболѣе переведенъ изъ русскихъ писателей, а о повѣсти «Рудинъ» потому, что она наиболѣе изъ всѣхъ произведеній г. Тургенева подходитъ къ чему-то нѣмецкому) — на какой хотите европейскій языкъ — и даже ея не поймутъ. Главная суть дѣла останется совсѣмъ даже не подозрѣваемою. «Записки-же охотника» точно такъ-же не поймутъ, какъ и Пушкина, какъ и Гоголя. Такъ что всѣмъ нашимъ крупнымъ талантамъ, мнѣ кажется, суждено на долго, можетъ быть, остаться для Европы совсѣмъ неизвѣстными; и даже такъ, что чѣмъ крупнѣе и своеобразнѣе талантъ, тѣмъ онъ будетъ и неузнаваемѣе. Между тѣмъ мы на русскомъ языкѣ понимаемъ Диккенса, я увѣренъ, почти такъ-же какъ и англичане, даже, можетъ быть, со всѣми оттѣнками; даже, можетъ быть, любимъ его не меньше его соотечественниковъ. А однако какъ типиченъ, своеобразенъ и національнаенъ Диккенсъ? Что̀-же изъ этого заключить? Есть-ли такое пониманіе чужихъ національностей особый даръ русскихъ предъ европейцами? Даръ особенный, можетъ быть, и есть, и если есть этотъ даръ (равно какъ и даръ говорить на чужихъ языкахъ, дѣйствительно сильнѣйшій чѣмъ у всѣхъ европейцевъ), то даръ этотъ чрезвычайно значителенъ и сулитъ много въ будущемъ, на многое русскихъ предназначаетъ,— хотя и не знаю: вполнѣ-ли это хорошій даръ, или есть тутъ что нибудь дурное... Вѣрнѣе-же (скажутъ многіе), что европейцы мало

Digitized by Google

знаютъ Россію и русскую жизнь, потому что не имѣли до сихъ поръ еще и нужды ее узнавать въ слишкомъ большой подробности. Правда, дѣйствительно въ Европѣ до сихъ поръ не было никакой особенной надобности слишкомъ подробно насъ узнавать. Но всетаки кажется несомнѣннымъ, что европейцу, какой-бы онъ ни былъ національности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть въ душу всякой другой европейской національности, чѣмъ научиться русскому языку и понять нашу русскую суть. Даже нарочно изучавшіе насъ европейцы, для какихъ нибудь цѣлей (а таковые были), и положившіе на это большой трудъ, несомнѣнно уѣзжали отъ насъ, хотя и много изучивъ, но всетаки до конца не понимая иныхъ фактовъ и даже, можно сказать,—долго еще не будутъ понимать, въ современныхъ и ближайшихъ поколѣніяхъ, по крайней мѣрѣ. Все это намекаетъ на долгую еще, можетъ быть, и печальную нашу уединенность въ европейской семьѣ народовъ; на долгіе еще въ будущемъ ошибки европейцевъ въ сужденіяхъ о Россіи; на ихъ видимую наклонность судить насъ всегда къ худшему и, можетъ быть, объясняетъ и ту постоянную, всеобщую, основанную на какомъ-то сильнѣйшемъ непосредственномъ и гадливомъ ощущеніи, враждебность къ намъ Европы; отвращеніе ея отъ насъ какъ отъ чего-то противнаго, отчасти даже нѣкоторый суевѣрный страхъ ея передъ нами и — вѣчный, извѣстный, давнишній приговоръ ея о насъ: что мы вовсе не европейцы... Мы, разумѣется, обижаемся и изо всѣхъ силъ таращимся доказать, что мы европейцы...

Я, конечно, не говорю, что въ Европѣ не поймутъ нашихъ, напримѣръ, пейзажистовъ: виды Крыма, Кавказа, даже нашихъ степей будутъ, конечно, и тамъ любопытны. Но зато нашъ русскій, по преимуществу національный пейзажъ, то есть сѣверной и средней полосы нашей Европейской Россіи, я думаю, тоже не произведетъ въ Вѣнѣ большаго эффекта. «Эта скудная природа», вся характерность которой состоитъ, такъ сказать, въ ея безхарактерности, намъ мила, однако, и дорога. Ну, а нѣмцамъ что до чувствъ нашихъ? Вотъ, напримѣръ, эти двѣ березки въ пейзажѣ г. Куинджи («Видъ на Валаамѣ»): на первомъ планѣ болото и болотная поросль, на заднемъ — лѣсъ; оттуда — туча не туча, но мгла, сырость: сыростью васъ какъ будто проницаетъ всего, вы почти ее чувствуете, и на срединѣ, между лѣсомъ и вами, двѣ бѣлыя березки, яркія, твердыя—самая сильная точка въ картинѣ. Ну, что тутъ особеннаго? Что тутъ характернаго, а между тѣмъ, какъ это хорошо!.. Можетъ быть, я ошибаюсь, но нѣмцу это не можетъ такъ понравиться.

Digitized by Google

Про историческій родъ и говорить нечего; въ чисто-историческомъ родѣ мы давно уже не блистаемъ, а, стало быть, и Европу не удивимъ; даже батальнымъ родомъ не удивимъ; даже переселеніе черкесовъ (огромная пестрая картина, можетъ быть, съ большими достоинствами—не могу судить) не произведетъ, по моему, за границею слишкомъ сильнаго впечатлѣнія. Но жанръ, нашъ жанръ — въ немъ-то что поймутъ? А вѣдь у насъ онъ, вотъ уже столько лѣтъ, почти исключительно царствуетъ; и если есть намъ чѣмъ нибудь погордиться и что нибудь показать, то, ужь конечно, изъ нашего жанра. Вотъ, напримѣръ, небольшая картинка (Маковскаго), «Любители соловьинаго пѣнія», кажется, не знаю какъ она названа. Посмотрите: комнатка у мѣщанина, аль у какого-то отставнаго солдата, торговца пѣвчими птицами, должно быть, тоже и птицелова. Видно нѣсколько птичьихъ клѣтокъ; скамейки, столъ, на столѣ самоваръ, а за самоваромъ сидятъ гости, два купца или лавочника, любители соловьинаго пѣнія. Соловей виситъ у окна въ клѣткѣ и, должно быть, свиститъ, заливается, щелкаетъ, а гости слушаютъ. Оба они, видимо, люди серьезные, тугіе лавочники и барышники, уже въ лѣтахъ, можетъ быть, и безобразники въ домашнемъ быту (какъ-то уже это принято, что все это «темное царство» непремѣнно составлено изъ безобразниковъ и должно безобразничать въ домашнемъ быту), а между тѣмъ, оба они видимо уже раскисли отъ наслажденія,—самаго невиннаго, почти трогательнаго. Тутъ происходитъ что-то трогательное до глупости. Сидящій у окна немного потупилъ голову, одну руку приподнялъ и держитъ на вѣсу, вслушивается, таетъ, въ лицѣ блаженная улыбка; онъ дослушиваетъ трель... Онъ хочетъ что-то ухватить, боится что-то потерять. Другой сидитъ за столомъ, за чаемъ, къ намъ почти спиной, но вы знаете, что онъ «страдаетъ» не менѣе своего товарища. Передъ ними хозяинъ, зазвавшій ихъ слушать и, конечно, имъ-же продать соловья. Это довольно сухощавый и высокій парень лѣтъ сорока слишкомъ, въ домашнемъ, довольно безцеремонномъ костюмѣ (да и что тутъ теперь церемониться); онъ что-то говоритъ купцамъ и вы чувствуете, что онъ со властью говоритъ. Передъ этими лавочниками онъ, по соціальному положенію своему, т. е. по карману, конечно, личность ничтожная; но теперь у него соловей, и хорошій соловей, а потому онъ смотритъ гордо (какъ будто это онъ самъ поетъ), обращается къ купцамъ даже съ какимъ-то нахальствомъ, съ строгостію (нельзя-же-съ)... Любопытно, что лавочники непремѣнно сидятъ и думаютъ, что это такъ и должно быть, чтобы онъ ихъ тутъ немножко подраспекъ, потому что «ужь оченно хорошъ у него соловей!» Чай кончится и начнется торгъ... Ну, что,

Digitized by Google

спрашивается, пойметъ въ этой картинѣ Нѣмецъ, или вѣнскій Жидъ (Вѣна, какъ и Одесса, говорятъ, вся въ жидахъ)? Можетъ, кто и растолкуетъ въ чемъ дѣло и они узнаютъ, что у русскаго купца средней руки двѣ страсти — рысакъ и соловей, и что потому это ужасно смѣшно; но что-же изъ этого выйдетъ? Это знаніе какое-то отвлеченное и нѣмцу очень трудно будетъ представить почему это такъ смѣшно. Мы-же смотримъ на картинку и улыбаемся; вспоминаемъ про нее потомъ и намъ опять почему-то смѣшно и пріятно. Право, и пусть смѣются надо мной, но вотъ въ этихъ маленькихъ картинкахъ, по моему, есть даже любовь къ человѣчеству, не только къ русскому въ особенности, но даже и вообще. Я вѣдь эту картинку только для одного примѣра поставилъ. Но вѣдь что̀ всего досаднѣе—это то, что мы-то подобную картинку у нѣмцевъ, изъ ихъ нѣмецкаго быта, поймемъ точно также, какъ и они сами, и даже восхищаться будемъ, какъ они сами, почти ихъ-же, нѣмецкими, чувствами, а они вотъ у насъ совсѣмъ ничего не поймутъ. Впрочемъ, можетъ быть, для насъ это въ нѣкоторомъ смыслѣ и выгоднѣе.

Ну, вотъ въ эстонской или лифляндской каютѣ игра въ карты,— это, конечно, понятно, особенно фигура мальчика, участвующаго въ игрѣ; въ карты всѣ играютъ и гадаютъ, такъ что и «Десятка пикъ» (такъ названа одна картинка) будетъ совершенно понятна; но не думаю, чтобы поняли, напримѣръ, Перова «Охотниковъ». Я нарочно назначаю одну изъ понятнѣйшихъ картинъ нашего національнаго жанра. Картина давно уже всѣмъ извѣстна: «Охотники на привалѣ»; одинъ горячо и зазнамо вретъ, другой слушаетъ и изъ всѣхъ силъ вѣритъ, а третій ничему не вѣритъ, прилегъ тутъ-же и смѣется... Что за прелесть! Конечно, растолковать— такъ поймутъ и Нѣмцы, но вѣдь не поймутъ они, какъ мы, что это русскій враль и что вретъ онъ по русски. Мы вѣдь почти слышимъ и знаемъ, объ чемъ онъ говоритъ, знаемъ весь оборотъ его вранья, его слогъ, его чувства. Я увѣренъ, что если-бы г. Перовъ (и онъ навѣрно-бы смогъ это сдѣлать) изобразилъ французскихъ или нѣмецкихъ охотниковъ (конечно, по другому и въ другихъ лицахъ), то мы, Русскіе, поняли-бы и нѣмецкое и французское вранье, со всѣми тонкостями, со всѣми національными отличіями, и слогъ и тему вранья, угадали-бы все только смотря на картину. Ну, а нѣмецъ, какъ ни напрягайся, а нашего русскаго вранья не пойметъ. Конечно, не большой ему въ томъ убытокъ, да и намъ, опять таки, можетъ быть, это и выгоднѣе; но за то и картину не вполнѣ пойметъ, а, стало быть, и неоцѣнитъ какъ слѣдует; ну, а ужь это жаль, потому что мы ѣдемъ чтобъ насъ похвалили.

Digitized by Google

Не знаю какъ отнесутся въ Вѣнѣ къ «Псаломщикамъ» Маковскаго. По моему, это уже не жанръ, а картина историческая. Я пошутилъ, конечно, но присмотритесь однако: больше ничего какъ пѣвчіе, въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальный хоръ, исполняющій за обѣдней концертъ. Все это господа въ оффиціальныхъ костюмахъ, съ гладко-гладко выбритыми подбородками. Вглядитесь, напримѣръ, въ этого господина съ бакенбардами; ясно, что онъ, такъ сказать, переряженъ въ этотъ, совершенно не гармонирующій съ нимъ костюмъ и носитъ его лишь по службѣ. Правда, и всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы лишь по службѣ и искони такъ велось, съ патріархальныхъ временъ, но тутъ эта переряженность какъ-то особенно въ глаза бросается. Вы такого благообразнаго чиновника привыкли видѣть лишь въ вицмундирѣ и въ департаментѣ; это скромный и солидный, прилично остриженный человѣчекъ средняго круга. Онъ тянетъ что-то въ родѣ извѣстнаго «уязвленъ»! но и «уязвленъ» обращается, глядя на него, во что-то оффиціальное. Ничего даже нѣтъ смѣшнѣе, какъ предположить, чтобъ этотъ вполнѣ благонамѣренный и успокоенный службою человѣкъ могъ быть «уязвленъ!» Не смотрѣть на нихъ, отвернуться и только слушать и выйдетъ что нибудь прелестное; ну, а посмотрѣть на эти фигуры и вамъ кажется, что псаломъ поется только такъ... что тутъ что-то вовсе другое...

Я ужасно боюсь «направленія», если оно овладѣваетъ молодымъ художникомъ, особенно при началѣ его поприща; и какъ вы думаете, чего именно тутъ боюсь: а вотъ именно того, что цѣль-то направленія не достигнется. Повѣритъ-ли одинъ милый критикъ, котораго я недавно читалъ, но котораго называть теперь не хочу,— повѣритъ-ли онъ, что всякое художественное произведеніе, безъ предвзятаго направленія, исполненное единственно изъ художнической потребности и даже на сюжетъ совсѣмъ посторонній, совсѣмъ и не намекающій на что нибудь «направительное»,—повѣритъ-ли этотъ критикъ, что такое произведеніе окажется гораздо полезнѣе для *его-же цѣлей,* чѣмъ, напримѣръ, всѣ пѣсни о рубашкѣ (не Гуда, а нашихъ писателей), хотя-бы съ виду и походило на то, что называютъ «удовлетвореніемъ празднаго любопытства»? Если даже люди ученые, повидимому, еще не догадались объ этомъ, то что-же можетъ происходить иногда въ сердцахъ и въ умахъ нашихъ молодыхъ писателей и художниковъ? Какая бурда понятій и предвзятыхъ ощущеній? Въ угоду общественному давленію молодой поэтъ давитъ въ себѣ натуральную потребность излиться въ собственныхъ образахъ, боится, что осудятъ за «праздное любопытство», давитъ, стираетъ образы, которые сами просятся изъ души

Digitized by Google

его, оставляетъ ихъ безъ развитія и вниманія и вытягиваетъ изъ себя, съ болѣзненными судорогами, тему, удовлетворяющую общему, мундирному, либеральному и соціальному мнѣнію. Какая, однако, ужасно простая и наивная ошибка, какая грубая ошибка! Одна изъ самыхъ грубѣйшихъ ошибокъ состоитъ въ томъ, что обличеніе порока (или то, что̀ либерализмомъ принято считать за порокъ) и возбужденіе къ ненависти и мести считается за единственный и возможный путь къ достиженію цѣли! Впрочемъ, даже и на этомъ узкомъ пути можно было-бы вывернуться сильному дарованію и не заглохнуть въ началѣ поприща; стоило-бы вспоминать лишь почаще о золотомъ правилѣ, что высказанное слово—серебряное, а невысказанное — золотое. Есть очень и очень значительные таланты, которые такъ много обѣщали, но которыхъ до того заѣло направленіе, что рѣшительно одѣло ихъ въ какой-то мундиръ. Я читалъ двѣ послѣднія поэмы Некрасова — рѣшительно этотъ почтенный поэтъ нашъ ходитъ теперь въ мундирѣ. А вѣдь даже и въ этихъ поэмахъ есть нѣсколько хорошаго и намекаетъ на прежній талантъ г. Некрасова. Но что̀ дѣлать: мундирный сюжетъ, мундирность мысли, слога, натуральности... да, мундирность даже самой натуральности. Знаетъ-ли, напримѣръ, маститый поэтъ нашъ, что никакая женщина, даже преисполненная первѣйшими гражданскими чувствами, пріявшая, чтобы свидѣться съ несчастнымъ мужемъ, столько трудовъ, проѣхавшая шесть тысячъ верстъ въ телѣгѣ и «узнавшая прелесть телѣги», слетѣвшая, какъ вы сами увѣряете, «съ высокой вершины Алтая» (что̀, впрочемъ, совсѣмъ уже невозможно) — знаете-ли вы, поэтъ, что эта женщина ни за что не поцалуетъ сначала цѣпей любимаго человѣка, а поцалуетъ непремѣнно сначала его самого, а потомъ уже его цѣпи, если ужь такъ сильно и внезапно пробудится въ ней великодушный порывъ гражданскаго чувства, и такъ сдѣлаетъ всякая женщина рѣшительно. Конечно, замѣчаніе мое пустяшное, да и не стоило-бы приводить, потому что и поэма-то такъ только написана, ну, напримѣръ, чтобы къ первому января отвязаться... Впрочемъ, г. Некрасовъ всетаки уже громкое литературное имя, почти законченное, и имѣетъ за собою много прекрасныхъ стиховъ. Это поэтъ страданія и почти заслужилъ это имя. Ну, а новенькихъ всетаки жаль: не у всякаго такой сильный талантъ, чтобы не подчиниться мундирной мысли въ началѣ поприща, а, стало быть, и уберечь себя отъ литературной чахотки и смерти. Что дѣлать: мундиръ-то вѣдь такъ красивъ, съ такимъ шитьемъ, блеститъ... Да и какъ выгоденъ! то есть теперь особенно выгоденъ.

Чуть только я прочелъ въ газетахъ о бурлакахъ г. Рѣпина,

Digitized by Google

то тотчасъ-же испугался. Даже самый сюжетъ ужасенъ: у насъ какъ-то принято, что бурлаки всего болѣе способны изображать извѣстную соціальную мысль о неоплатномъ долгѣ высшихъ классовъ народу. Я такъ и приготовился ихъ всѣхъ встрѣтить въ мундирахъ, съ извѣстными ярлыками на лбу. И что-же. Къ радости моей, весь страхъ мой оказался напраснымъ: бурлаки, настоящіе бурлаки и болѣе ничего. Ни одинъ изъ нихъ не кричитъ съ картины зрителю: «Посмотри, какъ я несчастенъ и до какой степени ты задолжалъ народу!» И ужь это одно можно поставить въ величайшую заслугу художнику. Славныя, знакомыя фигуры: два передовые бурлака почти смѣются, по крайней мѣрѣ, вовсе не плачутъ и ужь отнюдь не думаютъ о соціальномъ своемъ положеніи. Солдатикъ хитритъ и фальшивитъ, хочетъ набить трубочку. Мальчишка серьезничаетъ, кричитъ, даже ссорится — удивительная фигура, почти лучшая въ картинѣ и равна по замыслу съ самымъ заднимъ бурлакомъ, понуреннымъ мужиченкой, плетущимся особо, котораго даже и лица не видно. Невозможно и представить себѣ, чтобы мысль о политико-экономическихъ и соціальныхъ долгахъ высшихъ классовъ народу могла хоть когда нибудь проникнуть въ эту бѣдную, понуренную голову этого забитаго вѣковѣчнымъ горемъ мужиченка... и—и знаете-ли вы, милый критикъ, что вотъ эта-то смиренная невинность мысли этого мужиченки и достигаетъ цѣли несравненно болѣе, чѣмъ вы думаете—именно вашей направительной либеральной цѣли! Вѣдь иной зритель уйдетъ съ нарывомъ въ сердцѣ и любовью (съ какою любовью!) къ этому мужиченкѣ, или къ этому плуту-подлецу солдатику! Вѣдь нельзя не полюбить ихъ, этихъ беззащитныхъ, нельзя уйти, ихъ не полюбя. Нельзя не подумать, что долженъ, дѣйствительно долженъ народу... Вѣдь эта бурлацкая «партія» будетъ сниться потомъ во снѣ, черезъ пятнадцать лѣтъ вспомнится! А не были-бы они такъ натуральны, невинны и просты—не производили-бы такого впечатлѣнія и не составили-бы такой картины. Теперь вѣдь это почти картина! Да и отвратительны всѣ мундирные воротники, какъ ни расшивай ихъ золотомъ! Впрочемъ, что тутъ разглагольствовать; да и картину разсказывать нечего; картины слишкомъ трудно передавать словами. Просто скажу: фигуры Гоголевскія. Слово это большое, но я и не говорю, что г. Рѣпинъ — есть Гоголь въ своемъ родѣ искусства. Нашъ жанръ еще до Гоголя и до Диккенса не доросъ.

Нѣкоторую утрировку можно замѣтить, впрочемъ, и у г. Рѣпина: это именно въ костюмахъ, и то только въ двухъ фигурахъ. Такія лохмотья даже и быть не могутъ. Эта рубашка, напримѣръ, нарочно попала въ корыто, въ которой рубили сѣчкой котлеты.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія, бурлаки костюмами не блистаютъ. Всѣмъ извѣстно, откуда этотъ народъ: дома въ концѣ зимы, какъ не разъ извѣщали, по крайней мѣрѣ, — корой питаются и идутъ по веснѣ къ хозяину тянуть барку, по крайней мѣрѣ, иные—изъ-за одной только каши, почти безъ всякаго уговора. Примѣры бывали, что съ первыхъ дней такъ и умретъ у каши бурлакъ, навалившись на нее съ голодухи, задушится, «лопнетъ». Лѣкаря взрѣзывали, говорятъ, этихъ людей и находили одну только кашу до самаго горла. Вотъ это какіе иногда субъекты. Но все-же не высказанное слово—золотое, тѣмъ болѣе, что такую рубашку и надѣть нельзя, если разъ только снять: не влѣзетъ. Впрочемъ, въ сравненіи съ достоинствомъ и независимостью замысла картины, эта крошечная утрировка костюмовъ ничтожна.

Жаль, что я ничего не знаю о г. Рѣпинѣ. Любопытно узнать, молодой это человѣкъ или нѣтъ? Какъ-бы я желалъ, чтобъ это былъ очень еще молодой и только еще начинающій художникъ. Нѣсколько строкъ выше я поспѣшилъ оговориться, что всетаки это не Гоголь. Да, г. Рѣпинъ, до Гоголя еще ужасно какъ высоко; не возгордитесь заслуженнымъ успѣхомъ. Нашъ жанръ на хорошей дорогѣ и таланты есть, но чего-то недостаетъ ему, чтобы раздвинуться или расшириться. Вѣдь и Диккенсъ—жанръ, не болѣе; но Диккенсъ создалъ «Пиквика», «Оливера Твиста» и «Дѣдушку и внучку» въ романѣ «Лавка древностей»; нѣтъ, нашему жанру до этого далеко; онъ еще стоитъ на «Охотникахъ и Соловьяхъ». «Соловьевъ и Охотниковъ» у Диккенса множество на второстепенныхъ мѣстахъ. Я даже думаю, что нашему жанру, въ настоящую минуту нашего искусства, сколько могу судить по нѣкоторымъ признакамъ, «Пиквикъ» и «Внучка» покажутся даже чѣмъ-то идеальнымъ, а сколько я замѣтилъ по разговорамъ съ иными изъ нашихъ крупнѣйшихъ художниковъ—идеальнаго они боятся въ родѣ нечистой силы. Боязнь благородная, безъ сомнѣнія, но предразсудочная и несправедливая. Надо побольше смѣлости нашимъ художникамъ, побольше самостоятельности мысли и, можетъ быть, побольше образованія. Вотъ почему, я думаю, страдаетъ и нашъ историческій родъ, который какъ-то затихъ. Повидимому, современные наши художники даже боятся историческаго рода живописи и ударились въ жанръ, какъ въ единый истинный и законный исходъ всякаго дарованія. Мнѣ кажется, что художникъ какъ будто предчувствуетъ, что (по понятіямъ его) придется ему непремѣнно «идеальничать» въ историческомъ родѣ, а, стало быть, лгать. «Надо изображать дѣйствительность какъ она есть», говорятъ они, тогда какъ такой дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ, да и никогда на землѣ не бывало, потому что сущ-

Digitized by Google

ность вещей человѣку недоступна, а воспринимаетъ онъ природу такъ, какъ отражается она въ его идеѣ, пройдя черезъ его чувства; стало быть, надо дать поболѣе ходу идеѣ, и не бояться идеальнаго. Портретистъ усаживаетъ, напримѣръ, субъекта, чтобы снять съ него портретъ, приготовляется, вглядывается. Почему онъ это дѣлаетъ? А потому, что онъ знаетъ на практикѣ, что человѣкъ не всегда на себя похожъ, а потому и отыскиваетъ «главную идею его физіономіи», тотъ моментъ, когда субъектъ наиболѣе на себя похожъ. Въ умѣніи пріискать и захватить этотъ моментъ и состоитъ даръ портретиста. А стало быть, что̀-же дѣлаетъ тутъ художникъ, какъ не довѣряется скорѣе своей идеѣ (идеалу), чѣмъ предстоящей дѣйствительности! Идеалъ вѣдь тоже дѣйствительность, такая-же законная, какъ и текущая дѣйствительность. У насъ какъ будто многіе не знаютъ того. Вотъ, напримѣръ, «Гимнъ Пиѳагорейцевъ» Бронникова: иной художникъ-жанристъ (и даже изъ самыхъ талантливыхъ) удивится даже, какъ возможно современному художнику хвататься за такія темы. А между тѣмъ, такія темы (почти фантастическія) также дѣйствительны и также необходимы искусству и человѣку, какъ и текущая дѣйствительность.

Что̀ такое въ сущности жанръ? Жанръ есть искусство изображенія современной, текущей дѣйствительности, которую перечувствовалъ художникъ самъ лично и видѣлъ собственными глазами, въ противоположность исторической, напримѣръ, дѣйствительности, которую нельзя видѣть собственными глазами и которая изображается не въ текущемъ, а уже въ законченномъ видѣ. (Сдѣлаю Nota bene: мы говоримъ: «видѣлъ собственными глазами». Вѣдь Диккенсъ никогда не видѣлъ Пиквика собственными глазами, а замѣтилъ его только въ многоразличіи наблюдаемой имъ дѣйствительности, создалъ лицо и представилъ его какъ результатъ своихъ наблюденій. Такимъ образомъ, это лицо такъ-же точно реально, какъ и дѣйствительно существующее, хотя Диккенсъ и взялъ только идеалъ дѣйствительности). Между тѣмъ, у насъ именно происходитъ смѣшеніе понятій о дѣйствительности. Историческая дѣйствительность, напримѣръ, въ искусствѣ, конечно, не та, что̀ текущая (жанръ)— именно тѣмъ, что она законченная, а не текущая. Спросите какого угодно психолога и онъ объяснитъ вамъ, что если воображать прошедшее событіе и особливо давно прошедшее, завершенное, историческое (а жить и не воображать о прошломъ нельзя), то событіе *непремѣнно* представится въ законченномъ его видѣ, то есть съ прибавкою всего послѣдующаго его развитія, еще и не происходившаго въ тотъ именно историческій моментъ, въ которомъ художникъ старается вообразить лицо или событіе. А потому сущность истори-

Digitized by Google

ческаго событія и не можетъ быть представлена у художника точь въ точь такъ, какъ оно, можетъ быть, совершалось въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, художника объемлетъ какъ-бы суевѣрный страхъ того, что ему, можетъ быть, по неволѣ придется «идеальничать», что̀, по его понятіямъ, значитъ лгать. Чтобъ избѣгнуть мнимой ошибки, онъ придумываетъ (случаи бывали) смѣшать обѣ дѣйствительности—историческую и текущую; отъ этой неестественной смѣси происходитъ ложь пуще всякой. По моему взгляду, эта пагубная ошибка замѣчается въ нѣкоторыхъ картинахъ г. Ге. Изъ своей «Тайной Вечери», напримѣръ, надѣлавшей когда-то столько шуму, онъ сдѣлалъ совершенный жанръ. Всмотритесь внимательнѣе: это обыкновенная ссора весьма обыкновенныхъ людей. Вотъ сидитъ Христосъ, но развѣ это Христосъ? Это, можетъ быть, и очень добрый молодой человѣкъ, очень огорченный ссорой съ Іудой, который тутъ-же стоитъ и одѣвается, чтобы идти доноситъ, но не тотъ Христосъ, котораго мы знаемъ. Къ Учителю бросились его друзья утѣшать его; но спрашивается: гдѣ-же и причемъ тутъ послѣдовавшія восемнадцать вѣковъ христіанства? Какъ можно, чтобъ изъ этой обыкновенной ссоры такихъ обыкновенныхъ людей, какъ у г. Ге, собравшихся поужинать, произошло нѣчто столь колоссальное?

Тутъ совсѣмъ ничего не объяснено, тутъ нѣтъ исторической правды; тутъ даже и правды жанра нѣтъ, тутъ все фальшивое.

Съ какой-бы вы ни захотѣли судить точки зрѣнія, событіе это не могло такъ произойти: тутъ-же все происходитъ совсѣмъ несоразмѣрно и непропорціонально будущему. Тиціанъ, по крайней мѣрѣ, придалъ-бы этому Учителю хоть то лицо, съ которымъ изобразилъ его въ извѣстной картинѣ своей «Кесарево Кесареви»; тогда многое-бы стало тотчасъ понятно. Въ картинѣ-же г. Ге просто перессорились какіе-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже вовсе не реализмъ. Г-нъ Ге гнался за реализмомъ.

Однако, я и забылъ о выставкѣ. Впрочемъ... Какой-же я репортеръ; я хотѣлъ лишь сдѣлать нѣсколько отмѣтокъ «по поводу». Тѣмъ не менѣе редакція обѣщаетъ помѣстить подробный отчетъ о картинахъ нашихъ художниковъ, отправляющихся на вѣнскую выставку; или, можетъ быть, еще лучше, постарается упомянуть о нихъ уже съ выставки, уже съ отчетомъ о впечатлѣніи, которое они произведутъ, въ свою очередь, на собравшихся иностранцевъ.

Digitized by Google

X.

Ряженый *).

Кто тебя!

ъ «Русскомъ Мірѣ» (№ 103) появилась на меня ругательная замѣтка. Ни на одну ругательную статью я не отвѣчаю; на эту отвѣчу—по нѣкоторымъ соображеніямъ, а по какимъ — выяснится въ продолженіи отвѣта.

И, во первыхъ, дѣло въ томъ, что ругатель мой духовное лицо, — съ этой стороны менѣе всего ждалъ нападенія. «Замѣтка» подписана «Свящ. П. Касторскій». Что̀ такое: «Свящ.»? Священникъ? Что̀ можетъ означать это сокращеніе кромѣ «священникъ»? Тѣмъ болѣе, что и рѣчь о церковномъ предметѣ. Въ 15—16 № «Гражданина» напечатана была повѣсть г. Недолина: «Дьячекъ». Ну, вотъ, объ ней-то и дѣло.

Вотъ эта «замѣтка».

«Холостыя понятія о женатомъ монахѣ».

„Священнослужители и церковники весьма нерѣдко въ наше время бываютъ избираемы нашими повѣствователями и романистами въ герои своихъ повѣствованій; еще чаще они появляются тамъ въ качествѣ вводныхъ, такъ сказать, аксессуарныхъ лицъ. Это и прекрасно, что ихъ описываютъ: въ духовномъ быту очень много типическихъ лицъ и почему ихъ не изображать съ ихъ добрыми и худыми сторонами? Недавній успѣхъ „*Записокъ причетника*“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и потомъ еще большій успѣхъ „*Соборянъ*“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ показываютъ, какъ много интереса могутъ возбуждать въ обществѣ художественныя изображенія бытовой среды нашего клира. Оба названныя произведенія представляли нашихъ клировыхъ людей съ разныхъ точекъ зрѣнія и оба они прочитаны со вниманіемъ и удовольствіемъ. А почему?—потому что они написаны хорошо, художественно и съ знаніемъ дѣла. Но совсѣмъ не то выходитъ, когда по подражательности или почему нибудь другому,—напримѣръ, по самонадѣянности или по легкомыслію—за это дѣло берутся люди, которые не имѣютъ о немъ никакого понятія. Они только конфузятъ себя и вредятъ дѣлу, устанавливая на него ложные взгляды, а потому проходить такія вредныя покушенія—каррикатурить бытъ нашего духовенства—невозможно, и я, вслѣдъ за *псаломщикомъ*, недавно замѣтившимъ въ „Русскомъ Мірѣ“ невѣжество писателя Достоевскаго на счетъ пѣвчихъ, не могу промолчать о еще болѣе грубомъ, смѣшномъ и

*) № 18 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

непростительномъ невѣжествѣ, обличенномъ опять въ томъ-же журналѣ „Гражданинъ“, подъ которымъ подписывается редакторомъ тотъ-же г. Достоевскій“.

Остановимся пока тутъ. Что̀ значитъ «вслѣдъ за *псаломщикомъ*, обличившимъ въ «Русскомъ Мірѣ» невѣжество писателя Достоевскаго»? Не читалъ. (И опять «Русскій Міръ»!) Отыскиваю (№ 87), дѣйствительно есть обличеніе, подписано «Псаломщикъ». Посмотримъ, что̀ такое:

О пѣвческой ливреѣ.

(Письмо въ редакцію).

„Въ 13 № журнала „Гражданинъ“ (26 марта) мнѣ случилось прочесть статью г. Ѳ. Достоевскаго по поводу академической художественной выставки. Г. Достоевскій, трактуя въ этой статьѣ о псаломщикахъ, изображенныхъ художникомъ Маковскимъ, написалъ такія строки: „Все это господа въ *оффиціальныхъ костюмахъ* съ гладко-гладко выбритыми подбородками. Правда, и *всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы* лишь по службѣ и *искони надѣваютъ такіе костюмы и искони такъ велось съ патріархальныхъ временъ*...“

Прервемъ на минуту: во первыхъ, такой глупой фразы у меня совсѣмъ нѣтъ. У меня написано: «Правда, и всѣ пѣвчіе надѣваютъ такіе костюмы лишь по службѣ и искони такъ велось, съ патріархальныхъ временъ»...—а это совсѣмъ другое.

Продолжаемъ выписку:

„Это неосновательно: ни *искони*, ни съ *патріархальныхъ* временъ клировые пѣвцы въ русской церкви никогда не надѣвали на себя такихъ костюмовъ, въ какихъ мы видимъ ихъ нынѣ и въ какихъ псаломщики изображены на картинѣ г. Маковскаго. Эта ливрея есть позднѣйшее позаимствованіе, взятое съ Запада или, точнѣе сказать, изъ Польши и въ числѣ достопочтенныхъ іерарховъ нашей церкви было и есть не мало такихъ, которые находятъ этотъ ливрейный маскарадъ неумѣстнымъ и пѣвцы состоящихъ при нихъ хоровъ поютъ въ обыкновенныхъ черныхъ сюртукахъ, что̀, конечно, гораздо скромнѣе и пристойнѣе польскаго контуша. „Искони“-же, во времена „патріархальныя“ пѣвцы пѣли стоя въ длинныхъ черныхъ азямахъ и непремѣнно съ лѣстовками въ рукѣ; также точно стоятъ пѣвцы и нынѣ въ церквахъ единовѣрцевъ и молоканыхъ раскольниковъ“.

NB. Выходитъ, пожалуй, что у насъ, въ теперешнихъ православныхъ храмахъ, пѣвчіе поютъ сидя. Свѣдущаго человѣка всегда полезно выслушать.

Digitized by Google

„Опасаясь (есть чего!) дабы черезъ невѣдующее слово г. Достоевскаго не укрѣплялось неосновательное мнѣніе на счетъ этихъ ливрей (землетрясеніе будетъ отъ этого, что-ли?), которыя давно-бы пора перекроить на русскій ладъ, я имѣю честь просить редакцію „Русскаго Міра" дать мѣсто этимъ краткимъ строкамъ моимъ".

„Псаломщикъ".

Вотъ эта замѣтка псаломщика, на которую ссылается свящ. Касторскій. Прежде чѣмъ будемъ продолжать Касторскаго, кончимъ съ «псаломщикомъ».

Чего вы разсердились, г. псаломщикъ? Вы указываете ошибку и учите, а между тѣмъ ошибаетесь сами. Вы говорите: «Это неосновательно: ни *искони*, ни съ *патріархальныхъ* временъ клировые пѣвцы въ русской церкви никогда не надѣвали на себя такихъ костюмовъ»... Какъ такъ? Почему «это неосновательно»? Почему нельзя сказать: *искони* и съ *патріархальныхъ* временъ? Что̀-же, они вчера, что-ли, такъ одѣлись? Вѣдь, по крайней мѣрѣ, при пра-пра-прадѣдахъ? Съ насупившимся видомъ глубокаго историка вы являетесь насъ поправлять, а между тѣмъ сами ничего не говорите точнаго? Ждешь, что глубокій историкъ съ точностію опредѣлитъ время, годъ, а, пожалуй, и день, когда клиръ въ первый разъ одѣлся въ эти костюмы, а вы, послѣ всего, что натрубили, довольствуетесь вялой догадкой: «Это-де у насъ съ польскаго»,—и только! А звону-то, звону-то!

Вы только отвѣтьте, г. псаломщикъ, какъ по вашему: польское вліяніе, отразившееся одновременно у насъ на очень многомъ и даже вотъ на клирѣ—давно оно было, по вашему, или всего только третьяго дня? Такъ почему-же, ради всего сколько нибудь толковаго, нельзя выразиться, что *искони* такъ велось, съ *патріархальныхъ* временъ? Не только съ патріархальныхъ, но почти съ *патріаршими* временами это соприкасается.

Эти костюмы (или подобные имъ) появились съ Петра Великаго, стало быть, почти соприкасались съ временами патріаршими, немногаго недостало. Развѣ это недавно? Нельзя, что-ли, сказать *искони*? Или съ «патріархальныхъ временъ?» Если-же я, въ статьѣ моей, и самъ не опредѣлилъ съ историческою точностію: съ какого именно времени наши пѣвчіе въ эти костюмы одѣваются, то потому, что и намѣренія сего не питалъ, и цѣли такой не имѣлъ, а единственно хотѣлъ выразить, что заведено это очень давно,—такъ давно, что всегда можно выразиться «*искони*», и это всякій пойметъ, кто прочтетъ статью мою. Не про Димитрія Донскаго время я говорилъ и не про Ярославово. Я хотѣлъ сказать, что «очень давно» и ничего больше.

Digitized by Google

Но довольно съ ученымъ псаломщикомъ. Выскочилъ, намахалъ руками, и—ничего не вышло. По крайней мѣрѣ, этотъ выразился вѣжливо: «Опасаясь, дескать, дабы черезъ *невѣдующее* слово г. Достоевскаго» и т. д. Но свящ. Касторскій разомъ перескакиваетъ предѣлы, поставленные «псаломщикомъ». Рѣзвый человѣкъ!.. «Невѣжество писателя Достоевскаго на счетъ пѣвчихъ»... «Не могу промолчать о еще болѣе грубомъ, смѣшномъ и непростительномъ невѣжествѣ, обличенномъ опять въ томъ-же журналѣ «Гражданинъ», подъ которымъ подписывается редакторомъ тотъ-же г. Достоевскій».

Подумаешь, что̀ за страшныя преступленія натворилъ этотъ Достоевскій: *простить* даже невозможно! Духовное лицо, которое, казалось, должно-бы быть сама любовь, и то простить не въ состояніи!.. Но, однако, какое-же это «невѣжество»? Въ чемъ дѣло? Нечего дѣлать, выпишемъ всего Касторскаго, угостимъ читателей. Зачѣмъ «хорошаго по немножку»? Чѣмъ больше его, тѣмъ лучше,— вотъ моя мысль.

„Въ 15—16 № журнала „Гражданинъ", вышедшемъ 16 сего апрѣля, напечатанъ „*Дьячекъ. Разсказъ въ пріятельскомъ кругу, г. Недолина*". Разсказъ этотъ имѣетъ самое ложное и невозможное основаніе: въ немъ представленъ голосистый дьячекъ, котораго *бьетъ* его жена и *бьетъ* его такъ усердно и жестоко, что онъ отъ ея побоевъ сбѣгаетъ въ монастырь, гдѣ и „обрекъ себя Господу и не долженъ больше ни о чемъ земномъ думать". Онъ остается въ монастырской оградѣ, а долго бившая его жена его, дьячиха, стоитъ за оградою; онъ тамъ звонко распѣваетъ переложеніе псалма:

„И святъ, о Боже, твой избранникъ!
„Мечемъ-ли руку ополчитъ,
„Велѣній Господа посланникъ,
„Онъ исполина сокрушитъ.

„А покинутая жена опять „стоитъ у монастырской ограды и, приложивъ свою пылавшую голову къ монастырской стѣнѣ, плачетъ" и проситъ выманить къ ней опредѣлившагося въ монастырь мужа, съ тѣмъ, что она „будетъ ему рабой и собакой". Но мужъ не вышелъ и такъ и умеръ въ монастырѣ.

Какая жалкая, невозможная и смѣшная небылица! Кто этотъ г. Недолинъ, мы не знаемъ; но всеконечно это человѣкъ совсѣмъ не знающій ни русскаго законодательства, ни русской жизни,—не знающій ихъ до того, что онъ полагаетъ, будто въ Россіи можно женатому человѣку опредѣлиться въ монастырь и будто его тамъ станутъ держать; но какъ же не знать этого редактору г. Достоевскому, который недавно такъ пространно заявлялъ, что онъ большой христіанинъ и притомъ православный и православно вѣрующій въ самыя мудреныя чудеса? Развѣ, можетъ быть, онъ и это принятіе въ монастырь женатаго человѣка причисляетъ къ чудесамъ,—тогда это другое дѣло; но всякій мало-мальски

Digitized by Google

знающій законы и уставы своей церкви можетъ легко убѣдить г. Достоевскаго, что даже такое чудо у насъ невозможно, потому что оно строго запрещено и преслѣдуется нашими положительными законами, которыхъ никакое монастырское начальство преступить не можетъ, и человѣка, имѣющаго живую жену, въ монастырь не приметъ.

Крайне бѣдная и неискусно скомпанованная фабула разсказа „Дьячекъ", конечно, всетаки могла-бы кое-что выиграть, еслибы ей была дана вѣроподобная развязка, а таковая вполнѣ возможна была для писателя или для редактора, хотя немножечко знакомаго съ бытомъ изображаемой среды. Разсказъ, напримѣръ, могъ быть доведенъ до того весьма знакомаго драматическаго положенія, что дьячекъ, чтобы скрыться отъ сварливой жены, бѣжитъ въ монастыри, но изъ однихъ его выгоняетъ начальство, потому что онъ женатъ, а изъ другихъ сама жена его вытребовываетъ и, пожалуй, опять его бьетъ... Тогда, не видя нигдѣ въ отечествѣ спасенія отъ жены и въ то же время стремясь къ монастырской жизни, злополучный дьячекъ могъ-бы, напримѣръ, бѣжать на Аѳонъ, гдѣ подъ мусульманскимъ управленіемъ турецкаго султана православная церковь дѣйствуетъ во многомъ самостоятельнѣе, чѣмъ въ Россіи. Тамъ, какъ извѣстно, въ монастыряхъ иногда не боятся принимать и женатыхъ людей, ищущихъ одиночества, и тамъ-то немилосердно побиваемый женою русскій дьячекъ могъ-бы пріютиться и молиться, и пѣть, но во всякомъ случаѣ, только пѣть отнюдь не то стихотворное переложеніе, которое поетъ дьячекъ „Гражданина", потому что, *во первыхъ*, какъ основательно извѣстно, это переложеніе у лицъ духовнаго званія вниманіемъ не пользуется; *во вторыхъ*, оно на голосъ не положено и не поется, а *въ третьихъ* — никакихъ свѣтскихъ стихотворныхъ переложеній въ стѣнахъ православныхъ монастырей распѣвать не дозволяется и запрещеніемъ этимъ никто, живущій въ монастырѣ, манкировать не смѣетъ, дабы не нарушать тишины, подобающей мѣсту.

„Свящ. П. Касторскій".

Теперь отвѣтимъ по пунктамъ и, во первыхъ, успокоимъ взволнованнаго священника Касторскаго въ самомъ главномъ пунктѣ, объяснивъ ему, что повѣсть «*Дьячекъ*» вовсе не бытовая. Почтенному автору ея г. Недолину (не псевдонимъ), часть своей жизни проведшему на самой дѣятельной государственной службѣ, никакого дѣла не было, въ настоящемъ случаѣ, до церковнаго быта. Его герой «*дьячекъ*» могъ безъ всякой потери для себя и для разсказа быть какимъ нибудь, напримѣръ, почтамтскимъ чиновникомъ, и если остался въ разсказѣ дьячкомъ, то единственно потому, что происшествіе это истинное. Поэма эта—исключительная, почти фантастическая. Знаете-ли вы, священникъ Касторскій, что истинныя происшествія, описанныя со всею исключительностію ихъ случайности, — почти всегда носятъ на себѣ характеръ фантастическій, почти невѣроятный? Задача искусства — не случайности быта, а общая ихъ идея, зорко угаданная и вѣрно снятая со всего многоразличія однородныхъ жизненныхъ явленій. Въ разсказѣ г. Недо-

Digitized by Google

лина обобщено совсѣмъ другое явленіе человѣческаго духа. Если-бы, напротивъ, онъ имѣлъ претензію на бытовое изображеніе, то, съ этой точки зрѣнія и съ однимъ своимъ анекдотомъ, непремѣнно попалъ-бы въ исключительность. Недавно, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одномъ изъ нашихъ знатнѣйшихъ монастырей случилось, говорятъ, что одинъ глупый и злой монахъ убилъ въ школѣ десятилѣтняго мальчика жестокими побоями, да еще при свидѣтеляхъ. Ну, не фантастическое-ли это приключеніе на первый взглядъ? А между тѣмъ оно, кажется, вполнѣ истинное. Ну, опиши его кто нибудь — мигомъ закричатъ, что это невѣроятно, исключительно, изображено съ намѣреніемъ предумышленнымъ — и будутъ правы, если судить съ точки зрѣнія одной бытовой вѣрности изображенія нашихъ монастырей. Вѣрности не было-бы и съ однимъ такимъ анекдотомъ: и понынѣ найдется въ монастыряхъ нашихъ ангельское житіе во славу Божію и церкви, и приключеніе съ злымъ монахомъ останется навсегда исключительнымъ. Но для повѣствователя, для поэта могутъ быть и другія задачи, кромѣ бытовой стороны; есть общія, вѣчныя и, кажется, во вѣки неизслѣдимыя глубины духа и характера человѣческаго. А ужь вамъ такъ и кажется, что ужь если написано «дьячекъ», такъ ужь непремѣнно спеціальное описаніе быта; а ужь коли описаніе быта, такъ ужь непремѣнно отмежеванные и патентованные писатели для изображенія его и не смѣй, дескать, соваться на нашу ниву; это нашъ уголъ, наша эксплуатація, наша доходная статья. Не правда-ли, вѣдь это васъ взволновало, священникъ Касторскій? Помилуйте, можно написать перомъ слово «дьячекъ» совсѣмъ безъ намѣренія отбивать что нибудь у г. Лѣскова. И потому успокойтесь.

Успокоивъ васъ, попрошу васъ обратить вниманіе на заглавіе вашей полемической статьи:

«Холостыя понятія о женатомъ монахѣ».

И мимоходомъ спрошу: къ чему тутъ «холостыя?» Насколько измѣнятся понятія, если они будутъ женатыя? И развѣ есть холостыя понятія и женатыя понятія? Ну, да вы не литераторъ и все это вздоръ; вы—взволнованный священникъ Касторскій и съ васъ слогу нечего спрашивать, особенно въ такомъ состояніи. Главное дѣло вотъ въ чемъ: кто вамъ сказалъ, что нашъ дьячекъ поступилъ въ монахи? Гдѣ, во всей повѣсти г. Недолина, нашли вы, что онъ постригся? Между тѣмъ это очень важно; озаглавивъ такимъ образомъ, вы читателя, незнакомаго съ повѣстью г. Недолина, прямо вводите въ недоумѣніе: «Да, дѣйствительно, подумаетъ онъ, женатый дьячекъ не могъ поступить въ монахи! Какъ-же этого не знаетъ «Гражданинъ»? Такимъ образомъ, отведя словомъ

Digitized by Google

«монахъ» глаза читателю, вы уже побѣдоносно восклицаете въ срединѣ вашей статьи:

„Какая жалкая, невозможная и смѣшная небылица!.. Какъ же не знать этого редактору г. Достоевскому, который“ и т. д.

А между тѣмъ вы просто за просто подтасовали дѣло и я преспокойно ловлю васъ на плутнѣ. Но вы немножко ошиблись, батюшка, и разсчитали безъ хозяина. Женатаго въ монахи не *постригутъ*, это такъ; но почему «никакое монастырское начальство имѣющаго живую жену въ монастырь не приметъ», какъ утверждаете вы съ азартомъ? Это откудова почерпнули вы такое извѣстіе? Кто нибудь, напримѣръ, имѣлъ-бы намѣреніе поселиться въ монастырѣ (гдѣ есть, напримѣръ, удобное помѣщеніе), но онъ женатъ, жена его гдѣ нибудь въ столицѣ или за границей, и вотъ, потому только, что онъ женатъ, его гонятъ вонъ изъ монастыря? Такъ-ли это? Не знаете дѣла, батюшка, а еще духовное лицо. Я вамъ даже смогъ-бы указать на нѣкоторыя, извѣстныя всему петербургскому обществу лица, памятныя въ обществѣ до сихъ поръ и которыя кончили тѣмъ, что поселились жить подъ конецъ жизни въ монастыряхъ и вотъ уже живутъ тамъ очень долго, а между тѣмъ женаты и жены ихъ живы до сихъ поръ. Все произошло съ обоюднаго согласія. Такъ точно *поселился жить* въ монастырѣ и дьячекъ г. Недолина. Уничтожьте только подтасовку постриженія въ монахи, съ умысломъ вами придуманную, и чего совсѣмъ нѣтъ во всей повѣсти г. Недолина, и вамъ тотчасъ-же все объяснится. Тутъ даже лучше, чѣмъ съ «обоюднаго согласія» произошло; тутъ прямо произошло съ соизволенія начальства. Я васъ, батюшка, имѣю средства на этотъ счетъ въ высшей степени успокоить. Предположите, что я навелъ справки и вотъ какія получилъ свѣдѣнія:

Во первыхъ, артистъ-дьячекъ, еще за полгода до *поступленія* въ монастырь, когда, при прощаніи съ помѣщикомъ, открылся ему въ первый разъ, что намѣренъ уйти *жить* въ монастырь, уже и тогда зналъ, что̀ говорилъ. Именно потому, что уже сообщилъ о намѣреніи своемъ отцу Іоанну, игумену монастыря, который его очень любилъ, то есть болѣе любилъ его пѣніе, потому что былъ чрезвычайный любитель музыки и Софрону изо всѣхъ силъ покровительствовалъ; даже самъ, кажется, и переманивалъ его *жить* въ монастырѣ. Дьячекъ поколебался на предложеніе помѣщика ѣхать за границу и вотъ почему прождалъ еще съ полгода; и когда кончилось его терпѣніе, ушелъ въ монастырь. Устроить-же это было очень легко: отецъ Іоаннъ состоялъ въ тѣснѣйшей дружбѣ с епархіальнымъ начальникомъ, а когда два такія лица согласи-

Digitized by Google

лись, то и предлоговъ не надо. Но навѣрно былъ отысканъ и предлогъ, по которому дьячекъ былъ, такъ сказать, «откомандированъ» въ монастырь. Обѣтъ-же, данный дьячкомъ, «посвятить себя Господу» (на что́ вы такъ особенно сердитесь), былъ совершенно свободный, внутренній, не оффиціальный, дѣло его совѣсти, данъ самому себѣ. Мало того, въ разсказѣ г. Недолина есть совершенно ясное указаніе на то, что дьячекъ только *проживалъ* въ монастырѣ, а отнюдь не былъ постриженъ въ монахи, какъ вы съ такою безцеремонностію присочинили, батюшка. Именно: воротившійся помѣщикъ все еще уговариваетъ Софрона выйти изъ монастыря и отправиться за границу, и дьячекъ въ первый день переговоровъ даже колеблется. Ну, могло-ли-бы это быть, еслибъ Софронъ былъ уже постриженъ? Не маскируйте, наконецъ, и того, что вѣдь это былъ артистъ неслыханный, по крайней мѣрѣ, одаренный неслыханно, и такимъ онъ является въ повѣсти съ самаго начала. А если такъ, то понятно и такое пристрастіе къ нему отца Іоанна, страстнаго любителя музыки...

«Но вѣдь это не объяснено въ повѣсти!» воскликнете вы въ чрезвычайномъ гнѣвѣ. Нѣтъ, отчасти объяснено; очень о многомъ можно догадаться изъ разсказа, хотя онъ быстръ и кратокъ. Но, положимъ, и не все объяснено,—зачѣмъ объяснять? Было-бы только вѣроятно; а уничтожьте подтасовку постриженія въ монахи и все станетъ вѣроятно. Да, разсказъ г. Недолина нѣсколько сжатъ, но знаете, батюшка, вы вотъ человѣкъ не литературный, что̀ и доказали, а между тѣмъ я вамъ прямо скажу, что ужасно много современныхъ повѣстей и романовъ выиграли-бы, еслибъ ихъ сократить. Ну, что̀ толку, что авторъ тянетъ васъ въ продолженіе тридцати листовъ и вдругъ, на тридцатомъ листѣ, ни съ того, ни съ чего, бросаетъ свой разсказъ въ Петербургѣ или Москвѣ, а самъ тащитъ васъ куда нибудь въ Молдо-Валахію, единственно съ тою цѣлью, чтобъ разсказать вамъ о томъ, какъ стая воронъ и совъ слетѣла съ какой-то молдо-валахской крыши и, разсказавъ, вдругъ опять бросаетъ и воронъ и Молдо-Валахію, какъ будто ихъ не бывало вовсе, и уже ни разу болѣе не возвращается къ нимъ въ остальномъ разсказѣ, такъ что читатель остается, наконецъ, въ совершенномъ недоумѣніи. Изъ-за денегъ пишутъ, чтобы только больше страницъ написать! Г. Недолинъ написалъ иначе и хорошо, можетъ быть, сдѣлалъ.

«Но жена, жена!» восклицаете вы, вращая глазами, «какъ-ж жена позволила и не жаловалась, какъ «не вытребовала» она ег закономъ, силой!» А вотъ тутъ-то вы, и именно на женскомъ-т этомъ пунктѣ, всего больше и спасовали, батюшка. Вы вѣдь д

Digitized by Google

того разыгрались въ вашей статьѣ, что даже сами принялись сочинять романъ, а именно какъ жена своего дьячка, наконецъ, воротила и опять начала колотить, какъ онъ «сбѣжалъ» въ другой монастырь, какъ изъ другаго воротила, какъ онъ сбѣжалъ, наконецъ, на Аѳонъ и тамъ уже успокоился подъ «*мусульманскимъ*» управленіемъ султана (представьте, а вѣдь я до сихъ поръ думалъ, что султанъ христіанинъ!).

Шутки въ сторону; знайте, батюшка, что хоть вамъ-бы и слѣдовало, уже по одному сану вашему, немножко знать сердце человѣческое, но вы его вовсе не знаете. Вы хоть и плохой сочинитель, но, можетъ быть, если-бы взялись за перо, дѣйствительно описали-бы бытовую сторону духовенства вѣрнѣе г. Недолина; но въ сердцѣ человѣческомъ г. Недолинъ знаетъ болѣе вашего. Женщина, которая цѣлые дни выстаиваетъ у монастырской стѣны и плачетъ,—не пойдетъ подавать просьбы и не станетъ уже дѣйствовать силой. Довольно силы! У васъ, вотъ, все битье, да битье; въ порывѣ авторскаго увлеченія, вы продолжаете романъ и опять у васъ битье. Нѣтъ, ужь довольно битья! Вспомните, батюшка, у Гоголя въ «Женитьбѣ», въ послѣдней сценѣ, послѣ того, какъ Подколесинъ выпрыгнулъ въ окошко, Кочкаревъ кричитъ: «воротить его, воротить!» воображая, что выпрыгнувшій въ окошко женихъ все еще пригоденъ для свадьбы. Ну, вотъ, точно также разсуждаете и вы. Кочкарева останавливаетъ сваха словами: «Эхъ, дѣла ты свадебнаго не знаешь; добро-бы въ дверь вышелъ, а ужь коли въ окно махнулъ, такъ ужь тутъ мое почтеніе». Облагородьте случай съ Подколесинымъ и онъ какъ разъ придется къ положенію бѣдной, оставленной мужемъ дьячихи. Нѣтъ, батюшка, битье кончилось! Эта женщина,—этотъ исключительный характеръ, страстное и сильное существо, гораздо высшее, между прочимъ, по душевнымъ силамъ, чѣмъ артистъ, ея мужъ, — эта женщина, подъ вліяніемъ среды, привычекъ, необразованности, могла дѣйствительно начать битьемъ. Толковому, понимающему человѣку тутъ именно реализмъ событія понравится и г. Недолинъ мастерски поступилъ, что не смягчилъ дѣйствительности. Слишкомъ сильныя духомъ и характеромъ женщины, особенно если страстны, иначе и не могутъ любить, какъ деспотически, и имѣютъ даже особенную наклонность къ такимъ слабымъ, ребяческимъ характерамъ, какъ у артиста-дьячка. И за что̀ она такъ полюбила его? Развѣ она знаетъ это? Онъ плачетъ, она не можетъ не презирать его слезъ, но плотоядно, сама мучаясь, наслаждается его слезами. Она ревнива: «не смѣй пѣть при господахъ!» Она-бы, кажется, проглотила его живьемъ изъ любви. Но вотъ онъ бѣжалъ отъ нея и — никогда-бы

Digitized by Google

она тому не повѣрила! Она горда и самонадѣянна, она знаетъ, что красавица и—странная психологическая задача,—повѣрите-ли, вѣдь она все время была убѣждена, что онъ точно также ее безъ памяти любитъ, какъ и она его, безъ нея жить не можетъ, не смотря на битье! Вѣдь въ этомъ состояла вся ея вѣра; мало того, тутъ и сомнѣній для нея не существовало, и вдругъ ей все открывается: этотъ ребенокъ, артистъ, ея нисколько не любитъ, давно уже пересталъ любить, можетъ быть, никогда не любилъ и прежде! Она вдругъ смирилась, поникла, раздавлена, а отказаться отъ него всетаки не въ силахъ, безумно любитъ, еще безумнѣе, чѣмъ прежде. Но такъ какъ характеръ сильный, благородный и необыкновенный, то и выростаетъ вдругъ неизмѣримо и надъ прежнимъ бытомъ, и надъ прежней средой своей. Нѣтъ, ужь теперь она его не потребуетъ силой. Силой ей его теперь и даромъ не надо; она все еще неизмѣримо горда, но гордость эта уже другаго рода, уже облагородилась: она скорѣе умретъ съ горя тутъ-же, въ травѣ у ограды, а не захочетъ употребить насиліе, писать просьбы, доказывать права свои. Ахъ, батюшка, да вѣдь въ этомъ и вся повѣсть, а вовсе не въ бытовой сторонѣ церковниковъ! Нѣтъ, батюшка, этотъ крошечный разсказикъ гораздо значительнѣе, чѣмъ вамъ кажется, и поглубже. Повторяю, вы такъ не напишете, даже не поймете въ чемъ дѣло. У васъ, отчасти, душа кочкаревская (въ литературномъ отношеніи, разумѣется,—далѣе я не иду), какъ и имѣлъ я вамъ честь замѣтить...

Что-же касается до сочинительства вашего и до пониманія художественнаго, то къ вамъ, въ этомъ отношеніи, вполнѣ, я думаю, можно приложить извѣстную эпиграмму Пушкина:

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ-ли нага».
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
«Суди, дружокъ, не свыше сапога!»
. . . . . .

Вы, батюшка, точь въ точь какъ этотъ сапожникъ, съ тою только разницею, что даже и въ обуви не съумѣли указать г. Недолину, что̀, надѣюсь, я вамъ и доказалъ основательно. А подтасовкой ничего не возьмете. Тутъ, видите-ли, чтобы понимать что-нибудь въ душѣ человѣческой и «судить повыше сапога», надо-бы побольше развитія въ другую сторону, поменьше этого цинизма,

Digitized by Google

этого «духовнаго» матеріализма; поменьше этого презрѣнія къ людямъ, поменьше этого неуваженія къ нимъ, этого равнодушія. Поменьше этой плотоядной стяжательности, побольше вѣры, надежды, любви! Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ грубымъ цинизмомъ обращаетесь вы со мной лично, съ какимъ совсѣмъ несвойственнымъ вашему сану неприличіемъ говорите о чудесахъ. Вѣрить не хотѣлъ, когда прочелъ у васъ слѣдующее про себя:

!!... Но какъ-же не знать этого редактору г. Достоевскому, который недавно такъ пространно заявлялъ, что онъ большой христіанинъ и притомъ православный и православно вѣрующій въ самыя мудреныя чудеса? Развѣ, можетъ быть, онъ и это принятіе въ монастырь женатаго человѣка причисляетъ къ чудесамъ,—тогда это другое дѣло...

Во первыхъ, батюшка, вы и тутъ сочинили (экая вѣдь страсть у васъ къ сочинительству!) Никогда и нигдѣ не объявлялъ я о себѣ *лично* ничего о вѣрѣ моей въ чудеса. Все это вы выдумали и я васъ вызываю указать: гдѣ вы это нашли? Позвольте еще: еслибъ я, Ѳ. Достоевскій, гдѣ нибудь и объявилъ о себѣ (чего не было), то ужь, повѣрьте, не отказался-бы отъ словъ моихъ изъ-за какого либеральнаго страху, или страху ради касторскаго. Просто за просто ничего подобнаго не было и я только констатирую фактъ. Но если-бы и было—что̀ вамъ-то до вѣры моей въ чудеса? Чѣмъ они подходятъ къ дѣлу? И что̀ такое мудреныя чудеса и немудреныя? Какъ уживаетесь вы съ подобными раздѣленіями сами? Вообще-же желаю, чтобы въ этомъ отношеніи вы оставили меня въ покоѣ—уже хоть по тому одному, что приставать ко мнѣ съ этимъ вовсе къ вамъ не идетъ, не смотря на все современное просвѣщеніе ваше. Духовное лицо, и такъ раздражительны! Стыдно, г. Касторскій.

А знаете, вѣдь вы вовсе не г. Касторскій, а ужь тѣмъ болѣе не священникъ г. Касторскій, и все это поддѣлка и вздоръ. Вы *ряженый*, вотъ точь въ точь такой, какъ на святкахъ. И, знаете, что̀ еще. Ни единой-то самой маленькой минутки я не пробылъ въ обманѣ; тотчасъ-же узналъ ряженаго и вмѣняю себѣ это въ удовольствіе, ибо вижу отсюда вашъ длинный носъ: вы вполнѣ были увѣрены, что я шутовскую маску, вывѣсочной работы, приму за лицо настоящее. Знайте то-же, что я и отвѣчалъ вамъ немного уже слишкомъ развязно единственно потому, что сейчасъ-же узналъ переряженаго. Если-бы вы были въ самомъ дѣлѣ священникомъ, я, не смотря на всѣ ваши грубости, которыя въ концѣ

Digitized by Google

вашей статьи доходятъ до какого-то побѣдоносно-семинарскаго ржанья,—всетаки отвѣтилъ-бы вамъ «съ соблюденіемъ»,—не изъ личнаго къ вамъ уваженія, а изъ уваженія къ вашему высокому сану, къ высокой идеѣ, которая въ немъ заключается. Но такъ какъ вы всего только ряженый, то и должны понести наказаніе. Наказаніе начну съ того, что объясню вамъ подробно, почему васъ узналъ (между нами, я даже предугадалъ, кто именно подъ маской скрывается; но имя вслухъ не объявлю, а оставлю при себѣ до времени) и это вамъ естественно будетъ очень досадно.

— А если предугадали, то почему-же отвѣчали какъ священнику,—спросите вы,— къ чему написали предварительно столько лишняго?

— А по платью встрѣчаютъ, отвѣчаю я вамъ, и если написалъ что нибудь непріятное г. «священнику», то ужъ пусть возьметъ это на свою совѣсть тотъ господинъ, который выдумалъ и употребилъ недостойный пріемъ перерядиться въ священника. Да, недостойный пріемъ, и онъ самъ это чувствовалъ. Мало того, онъ, сколько могъ, оберегъ себя. Онъ не подписался: «священникъ П. Касторскій», а подписался сокращенно: Свящ. П. Касторскій. *Свящ.* всетаки не священникъ, а если ужъ крѣпко обличать, всегда можно сказать, что подразумѣвался *«священнолюбецъ»*, или что нибудь въ такомъ родѣ.

Я узналъ васъ, г. ряженый, по слогу. Видите-ли, въ чемъ тутъ главная штука: въ томъ, что современные критики и хвалятъ, пожалуй, иногда современныхъ писателей-художниковъ, и даже публика довольна (потому что, что̀-же ей, наконецъ, читать?). Но и критика понизилась уже очень давно, да и художники наши, большею частью, смахиваютъ на вывѣсочныхъ маляровъ, а не на живописцевъ. Не всѣ, конечно. Есть нѣкоторые и съ талантомъ, но большая часть самозванцы. Во первыхъ, г. ряженый, у васъ пересолено. Знаете-ли вы, что̀ значитъ говорить эссенціями? Нѣтъ? Я вамъ сейчасъ объясню. Современный «писатель-художникъ», дающій типы и отмежевывающій себѣ какую нибудь въ литературѣ спеціальность (ну, выставлять купцовъ, мужиковъ и проч.), обыкновенно ходитъ всю жизнь съ карандашемъ и съ тетрадкой, подслушиваетъ и записываетъ характерныя словечки; кончаетъ тѣмъ, что наберетъ нѣсколько сотъ нумеровъ характерныхъ словечекъ. Начинаетъ потомъ романъ и чуть заговоритъ у него купецъ или духовное лицо, — онъ и начинаетъ подбирать ему рѣчь изъ тетрадки по записанному. Читатели хохочутъ и хвалятъ и ужъ кажется-бы вѣрно: дословно съ натуры записано, но оказывается, что хуже лжи, именно потому, что купецъ или солдатъ въ романѣ говорятъ

Digitized by Google

эссенціями, т. е. какъ никогда ни одинъ купецъ и ни одинъ солдатъ не говоритъ въ натурѣ. Онъ, напримѣръ, въ натурѣ скажетъ такую-то, записанную отъ него-же фразу, изъ десяти фразъ въ одиннадцатую. Одиннадцатое словечко характерно и безобразно, а десять словечекъ передъ тѣмъ ничего, какъ и у всѣхъ людей. А у типиста-художника онъ говоритъ характерностями сплошь, по записанному,—и выходитъ неправда. Выведенный типъ говоритъ *какъ по книгѣ*. Публика хвалитъ, ну, а опытнаго, стараго литератора не надуете.

И большею частью работа вывѣсочная, малярная. Между тѣмъ, «художникъ», считаетъ себя подъ конецъ за Рафаэля; и не разувѣришь его! Записывать словечки хорошо и полезно и безъ этого нельзя обойтись; но нельзя-же и употреблять ихъ совсѣмъ механически. Правда, есть оттѣнки и между «художниками-записывателями»; одинъ всетаки другого талантливѣе, а потому употребляетъ словечки съ оглядкой, сообразно съ эпохой, съ мѣстомъ, съ развитіемъ лица и соблюдая пропорцію. Но эссенціозности всетаки избѣжать не можетъ. Драгоцѣнное правило, что высказанное слово серебряное, а невысказанное—золотое, давнымъ давно уже не въ привычкахъ нашихъ художниковъ. Мало мѣры. Чувство мѣры уже совсѣмъ исчезаетъ. Взять и то, наконецъ, что наши художники (какъ и всякая ординарность) начинаютъ отчетливо замѣчать явленія дѣйствительности, обращать вниманіе на ихъ характерность и обработывать данный типъ въ искусствѣ уже тогда, когда большею частью онъ проходитъ и исчезаетъ, вырождается въ другой, сообразно съ ходомъ эпохи и ея развитія, такъ что всегда почти старое подаютъ намъ на столъ за новое. И сами вѣрятъ тому, что это новое, а не преходящее. Впрочемъ, подобное замѣчаніе для нашего писателя-художника нѣсколько тонко; пожалуй, и не пойметъ. Но я всетаки выскажу, что только геніальный писатель, или ужь очень сильный талантъ угадываетъ типъ *современно* и подаетъ его *своевременно;* а ординарность только слѣдуетъ по его пятамъ, болѣе или менѣе рабски, и работая по заготовленнымъ уже шаблонамъ.

Я, напримѣръ, не встрѣчалъ еще ни одного священника, во всю мою жизнь, даже самаго высокообразованнаго, совершенно безъ всякихъ характерныхъ особенностей разговора, относящихся до его сословной среды. Всегда хоть капельку, да есть что нибудь. Между тѣмъ, еслибъ дословно стенографировать его разговоръ и потомъ напечатать, то, пожалуй, у иного высокообразованнаго и долго бывшаго въ обществѣ священника и не замѣтите никакой особенной характерности. Нашему «художнику» этого, естественно, мало, да и публика къ другому пріучена. Простонародье, напримѣръ, въ по-

Digitized by Google

вѣстяхъ Пушкина, по мнѣнію большинства читателей, навѣрно говоритъ хуже, чѣмъ у писателя Григоровича, всю жизнь описывавшаго мужиковъ. Я думаю, и по мнѣнію многихъ художниковъ тоже. Не вытерпитъ онъ, что священникъ, напримѣръ, говоритъ почти безо всякой характерности, зависящей отъ сословія, отъ среды его, а потому и не помѣститъ его въ свою повѣсть, а помѣститъ характернѣйшаго. Такимъ образомъ, современнаго священника, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстной средѣ, заставитъ говорить иногда какъ священника начала столѣтія и тоже при извѣстныхъ обстоятельствахъ и извѣстной средѣ.

Священникъ Касторскій начинаетъ какъ и всѣ, нѣкоторое время почти совсѣмъ не напоминая собою извѣстной среды.

Пока онъ хвалитъ художественность писателя Лѣскова, онъ говоритъ *какъ* и *всѣ*, безо всякой характерности словечекъ и мыслей, обличающихъ сословіе. Но такъ надо было автору: надо было его оставить въ покоѣ, чтобы литературная похвала вышла серьезнѣе, а порицаніе г. Недолину строже, ибо смѣшная и характерная фраза нарушила-бы строгость. Но вдругъ авторъ, сообразивъ, что, вѣдь, пожалуй, читатель и не повѣритъ, что священникъ писалъ, — пугается и разомъ бросается въ типичности и уже тутъ ихъ цѣлый возъ. Что ни слово, то типичность! Изъ такой суматохи, естественно, выходитъ типичность фальшивая и не пропорціональная.

Главный признакъ человѣка необразованнаго, но почему нибудь принужденнаго заговорить языкомъ и понятіями не своей среды—это нѣкоторая неточность въ употребленіи словъ, которыхъ онъ значеніе, положимъ, и знаетъ, но не знаетъ всѣхъ оттѣнковъ его употребленія въ сферѣ понятій другаго сословія. «А потому *проходить* такія *вредныя* покушенія»... «невѣжествѣ, *обличенномъ* опять въ томъ журналѣ»... «въ немъ представленъ *голосистый* дьячекъ» и т. д. Послѣднее словцо *голосистый* — уже слишкомъ грубо, и именно тѣмъ, что свящ. Касторскій, желая выразить понятіе о лицѣ, одаренномъ прекраснымъ голосомъ пѣвца, думаетъ, что выражаетъ это понятіе словомъ голосистый. Авторъ-спеціалистъ забылъ, что хотя въ священнической средѣ и теперь, конечно, встрѣчаются малообразованные люди, но чрезвычайно мало до такой ужь степени непонимающихъ значенія словъ. Это годится для романа, г. ряженый, а дѣйствительности не выдерживаетъ. Такое ошибочное выраженіе прилично было-бы развѣ пономарю, а все-же не священнику. Не слѣжу за всѣми выраженіями далѣе; повторяю, ихъ тамъ цѣлый возъ, чрезвычайно грубо натасканный изъ тетрадки. Но хуже всего то, что типичникъ-авторъ (если говорятъ о художникѣ-авторѣ,

Digitized by Google

го возможно понятіе и о *ремесленникѣ*-авторѣ, а слово *типичникъ* опредѣляетъ ремесло или мастерство), что типичникъ-авторъ выставилъ свой типъ въ такомъ непривлекательномъ нравственномъ видѣ. Надо-бы выставить всетаки въ свящ. Касторскомъ человѣка съ достоинствомъ, добродѣтельнаго и типичность ничему-бы тутъ не помѣшала. Но типичникъ былъ самъ поставленъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго и не съумѣлъ вывернуться: ему непремѣнно надо было обругать своего собрата-автора, поглумиться надъ нимъ и вотъ свои прекрасныя побужденія онъ, переряженный, поневолѣ долженъ былъ навязать своему священнику. А ужь на счетъ чудесъ—типичникъ совсѣмъ не сдержалъ себя. Вышла ужасная глупость: духовное лицо — да еще глумится надъ чудесами и дѣлитъ ихъ на мудреныя и немудреныя! Плохо, г. типичникъ.

Я даже думаю, что и «Псаломщикъ» — произведеніе того-же пера: очень ужь перенаивничалъ неумѣлый мастеровой въ окончаніи, именно въ «опасеніяхъ» псаломщика, которыя слишкомъ ужь не блистаютъ умомъ. Однимъ словомъ, господа, вся эта вывѣсочная работа, положимъ, еще и сойдетъ въ повѣстяхъ, но, повторяю вамъ, не выдержитъ столкновенія съ дѣйствительностью и тотчасъ-же обличитъ себя. Не вамъ, господа-художники, надуть стараго литератора.

Что-же это, шутки, что-ли, съ ихъ стороны? И, нѣтъ-нѣтъ, вовсе не шутки. Это — это, такъ сказать, дарвинизмъ, борьба за существованіе. Не смѣй, дескать, заходить на нашу ниву. И чѣмъ могъ вамъ повредить, господа, г. Недолинъ? Увѣряю-же васъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія описывать бытовую сторону духовенства, можете вполнѣ успокоиться. Правда, смутило меня, на одно мгновеніе, одно странное обстоятельство: вѣдь если ряженый типичникъ напалъ на г. Недолина, то, ругая его, въ противоположность ему долженъ-бы былъ хвалить самого себя. (На этотъ счетъ у этихъ людей нѣтъ ни малѣйшаго самолюбія: съ полнѣйшимъ безстыдствомъ готовы они писать и печатать похвалы себѣ сами и собственноручно). А между тѣмъ, къ величайшему моему удивленію, типичникъ выставляетъ и хвалитъ талантливаго г. Лѣскова, а не себя. Тутъ что нибудь другое, и, навѣрное, выяснится. Но *ряженый* не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію.

А причемъ-же тутъ самъ «Русскій Міръ?» Рѣшительно не знаю. Ничего и никогда не имѣлъ съ «Русскимъ Міромъ», и не предполагалъ имѣть. Богъ знаетъ съ чего вскочутъ люди.

Digitized by Google

XI.

Мечты и грезы.*)

I.

Мы въ прошломъ № «Гражданина» опять заговорили о пьянствѣ, или скорѣе о возможности исцѣленія отъ язвы всенароднаго пьянства, о нашихъ надеждахъ, о нашей вѣрѣ въ ближайшее лучшее будущее. Но уже давно и невольно грусть и сомнѣнія приходятъ на сердце. Конечно, за текущими важными дѣлами (а у насъ всѣ смотрятъ такими важными дѣловыми людьми), некогда и глупо думать о томъ, что̀ будетъ черезъ десять лѣтъ или къ концу столѣтія, то есть когда насъ не будетъ. Девизъ настоящаго дѣловаго человѣка нашего времени — après moi le déluge. Но людямъ празднымъ, не практическимъ и не имѣющимъ дѣлъ—право, простительно мечтать иногда о дальнѣйшемъ, если только мечтается. Мечталъ-же Поприщинъ («Записки сумасшедшаго» Гоголя) объ испанскихъ дѣлахъ: «всѣ эти событія меня такъ убили и потрясли, что я»... и т. д., писалъ онъ сорокъ лѣтъ назадъ. Я признаюсь, что и меня иногда многое потрясаетъ и, право, я даже въ уныніи отъ моихъ мечтаній. Я на дняхъ мечталъ, напримѣръ, о положеніи Россіи, какъ великой европейской державы, и ужь чего-чего не пришло мнѣ въ голову на эту грустную тему!

Взять уже то, что намъ во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣе надо стать великой европейской державой. Положимъ, мы и есть великая держава; но я только хочу сказать, что это намъ слишкомъ дорого стоитъ — гораздо дороже чѣмъ другимъ великимъ державамъ, а это предурной признакъ. Такъ что даже оно какъ-бы и не натурально выходитъ. Спѣшу, однако, оговориться: я единственно только съ западнической точки зрѣнія сужу и вотъ съ этой точки оно дѣйствительно такъ у меня выходитъ. Другое дѣло точка національная и, такъ сказать, немножко славянофильская; тутъ, извѣстно, есть вѣра въ какія-то внутреннія самобытныя силы народа, въ какія-то начала народныя, совершенно личныя и оригинальныя, нашему народу присущія, его спасающія и поддерживающія. Но съ чтеніемъ статей г. Пыпина я отрезвился. Разумѣется, я желаю и по прежнему продолжаю желать изо всѣхъ

*) № 21 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

моихъ силъ, чтобы драгоцѣнныя, твердыя и самостоятельныя начала, присущія народу русскому, существовали дѣйствительно; но согласитесь тоже—что-же это за такія начала, которыхъ даже самъ г. Пыпинъ не видитъ, не слышитъ и не примѣчаетъ, которыя спрятаны, спрятались и никакъ не хотятъ отыскаться? А потому невольно остается и мнѣ обойтись безъ этихъ утѣшающихъ душу началъ. Такимъ образомъ, и выходитъ у меня, что мы, покамѣстъ, всего только лѣпимся на нашей высотѣ великой державы, стараясь изо всѣхъ силъ, чтобы не такъ скоро замѣтили это сосѣди. Въ этомъ намъ чрезвычайно можетъ помочь всеобщее европейское невѣжество во всемъ, что касается Россіи. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это невѣжество не подвержено было сомнѣнію — обстоятельство, о которомъ намъ нечего горевать; напротивъ, намъ очень будетъ даже невыгодно, если сосѣди наши насъ разсмотрятъ поближе и покороче. То, что они ничего не понимали въ насъ до сихъ поръ—въ этомъ была наша великая сила. Но въ томъ-то и дѣло, что теперь, увы, кажется, и они начинаютъ насъ понимать лучше прежняго; а это очень опасно.

Огромный сосѣдъ изучаетъ насъ неусыпно и, кажется, уже многое видитъ насквозь. Не вдаваясь въ тонкости, возьмите хоть самыя наглядныя, въ глаза бросающіяся у насъ вещи. Возьмите наше пространство и наши границы (заселенныя инородцами и чужеземцами, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе крѣпчающими въ индивидуальности своихъ собственныхъ инородческихъ, а отчасти и иноземныхъ сосѣдскихъ элементовъ), возьмите и сообразите: во сколькихъ точкахъ мы стратегически уязвимы? Да намъ войска, чтобы все это защитить (по моему, штатскому, впрочемъ, мнѣнію) надо гораздо больше имѣть, чѣмъ у нашихъ сосѣдей. Возьмите опять и то, что нынѣ воюютъ не столько оружіемъ, сколько умомъ, и согласитесь, что это послѣднее обстоятельство даже особенно для насъ невыгодно.

Теперь почти въ каждыя десять лѣтъ измѣняется оружіе, даже чаще. Лѣтъ черезъ пятнадцать, можетъ, будутъ стрѣлять уже не ружьями, а какой нибудь молніей, какою нибудь всесожигающею электрическою струею изъ машины. Скажите, что̀ можемъ мы изобрѣсти въ этомъ родѣ, съ тѣмъ, чтобы приберечь въ видѣ сюрприза для нашихъ сосѣдей? Что̀, если лѣтъ черезъ пятнадцать у каждой великой державы будетъ заведено, потаенно и про запасъ, по одному такому сюрпризу на всякій случай? Увы, мы можемъ только перенимать и покупать оружіе у другихъ, и много-много что съумѣемъ починить его сами. Чтобы изобрѣтать такія машины, нужна наука самостоятельная, а не покупная; своя, а не выпис-

Digitized by Google

ная; укоренившаяся и свободная. У насъ такой науки еще не имѣется; да и покупной даже нѣтъ.—Возьмите опять наши желѣзныя дороги, сообразите наши пространства и нашу бѣдность; сравните наши капиталы съ капиталами другихъ великихъ державъ и смекните: во что̀ намъ наша дорожная сѣть, необходимая намъ, какъ великой державѣ, обойдется? И замѣтьте: тамъ у нихъ эти сѣти устроились давно и устраивались постепенно, а намъ приходится догонять и спѣшить; тамъ концы маленькіе, а у насъ сплошь въ родѣ Тихо-океанскихъ. Мы уже и теперь больно чувствуемъ во что̀ намъ обошлось лишь начало нашей сѣти; какимъ тяжелымъ отвлеченіемъ капиталовъ въ одну сторону ознаменовалось оно, въ ущербъ хотя-бы бѣдному нашему земледѣлію и всякой другой промышленности. Тутъ дѣло не столько въ денежной суммѣ, сколько въ степени усилія націи. Впрочемъ, конца не будетъ, если по пунктамъ высчитывать наши нужды и наше убожество. Возьмите, наконецъ, просвѣщеніе, т. е. науку, и посмотрите насколько намъ нужно догнать въ этомъ смыслѣ другихъ. По моему бѣдному сужденію, на просвѣщеніе мы должны ежегодно затрачивать, по крайней мѣрѣ, столько-же, какъ и на войско, если хотимъ догнать хоть какую нибудь изъ великихъ державъ,—взявъ и то, что время уже слишкомъ упущено, что и денегъ такихъ у насъ не имѣется и что, въ концѣ концовъ, все это будетъ только толчекъ, а не нормальное дѣло; такъ сказать, потрясеніе, а не просвѣщеніе.

Все это мои мечты, разумѣется; но... повторяю, невольно мечтается иногда въ этомъ смыслѣ, а потому и продолжаю мечту. Замѣтьте, что я цѣню все на деньги; но развѣ это вѣрный разсчетъ? Деньгами ни за что не купишь всего; такъ можетъ только какой нибудь необразованный купецъ разсуждать въ комедіи г. Островскаго. Деньгами вы, напримѣръ, настроите школъ, но учителей сейчасъ не надѣлаете. Учитель—это штука тонкая; народный, національный учитель вырабатывается вѣками, держится преданіями, безчисленнымъ опытомъ. Но, положимъ, надѣлаете деньгами не только учителей, но даже, наконецъ, и ученыхъ; и что̀-же?—всетаки людей не надѣлаете. Что̀ въ томъ, что онъ ученый, коли дѣла не смыслитъ? Педагогіи онъ, напримѣръ, выучится и будетъ съ каѳедры отлично преподавать педагогію, а самъ всетаки педагогомъ не сдѣлается. Люди, люди,—это самое главное. Люди дороже даже денегъ. Людей ни на какомъ рынкѣ не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только вѣками выдѣлываются; ну, а на вѣка надо время, годковъ этакъ двадцать пять или тридцать, даже и у насъ, гдѣ вѣка давно уже ничего не стоютъ. Человѣкъ идеи и науки само-

Digitized by Google

стоятельной, человѣкъ самостоятельно дѣловой, образуется лишь долгою самостоятельною жизнію націи, вѣковымъ многострадальнымъ трудомъ ея, однимъ словомъ, образуется всею историческою жизнью страны. Ну, а историческая жизнь наша, въ послѣднія два столѣтія, была не совсѣмъ-таки самостоятельною. Ускорять-же искусственно необходимые и постоянные историческіе моменты жизни народной никакъ невозможно. Мы видѣли примѣръ на себѣ и онъ до сихъ поръ продолжается: еще два вѣка тому назадъ хотѣли поспѣшить и все подогнать, а вмѣсто того и застряли; ибо, не смотря на всѣ торжественные возгласы нашихъ западниковъ, мы несомнѣнно застряли. Наши западники—это такой народъ, что сегодня трубятъ во всѣ трубы, съ чрезвычайнымъ злорадствомъ и торжествомъ, о томъ, что у насъ нѣтъ ни науки, ни здраваго смысла, ни терпѣнія, ни умѣнья; что намъ дано только ползти ползкомъ за Европой, ей подражать во всемъ рабски и, въ видахъ европейской опеки, преступно даже и думать о собственной нашей самостоятельности; а завтра, — заикнитесь лишь только о вашемъ сомнѣніи въ безусловно - цѣлительной силѣ бывшаго у насъ два вѣка назадъ переворота,—и тотчасъ-же закричатъ они дружнымъ хоромъ, что всѣ ваши мечты о народной самостоятельности—одинъ только квасъ, квасъ и квасъ; и что мы, два вѣка назадъ, изъ толпы варваровъ стали европейцами, просвѣщеннѣйшими и счастливѣйшими, и по гробъ нашей жизни должны вспоминать о семъ съ благодарностію.

Но оставимъ западниковъ и положимъ, что деньгами можно все сдѣлать, даже время купить, даже самобытность жизни воспроизвести какъ нибудь на парахъ; спрашивается: откуда такія деньги достать? Чуть не половину теперешняго бюджета нашего оплачиваетъ водка, т. е. по теперешнему народное пьянство и народный развратъ,—стало быть, вся народная будущность. Мы, такъ сказать, будущностью нашею платимъ за нашъ величавый бюджетъ великой европейской державы. Мы подсѣкаемъ дерево въ самомъ корнѣ, чтобы достать поскорѣе плодъ. И кто-же хотѣлъ этого? Это случилось невольно, само собой, строгимъ историческимъ ходомъ событій. Освобожденный великимъ Монаршимъ словомъ народъ нашъ, неопытный въ новой жизни и самобытно еще не жившій, начинаетъ первые шаги свои на новомъ пути: переломъ огромный и необыкновенный, почти внезапный, почти невиданный въ исторіи по своей цѣльности и по своему характеру. Эти первые и уже собственные шаги освобожденнаго богатыря на новомъ пути требовали большой опасности, чрезвычайной осторожности; а между тѣмъ, что встрѣтилъ нашъ народъ при этихъ первыхъ шагахъ? Шаткость

Digitized by Google

высшихъ слоевъ общества, вѣками укоренившуюся отчужденность отъ него нашей интеллигенціи (вотъ это-то самое главное) и въ довершеніе—дешовку и жида. Народъ закутилъ и запилъ—сначала съ радости, а потомъ по привычкѣ. Показали-ль ему хоть что нибудь лучше дешовки? Развлекли-ли, научили-ль чему нибудь? Теперь въ иныхъ мѣстностяхъ, во многихъ даже мѣстностяхъ, кабаки стоятъ уже не для сотенъ жителей, а всего для десятковъ; мало того—для малыхъ десятковъ. Есть мѣстности, гдѣ на полсотни жителей и кабакъ, менѣе даже чѣмъ на полсотни. «Гражданинъ» уже сообщалъ разъ, въ особой статьѣ, подробный бюджетъ теперешняго нашего кабака: возможности нѣтъ предположить, чтобы кабаки могли существовать лишь однимъ виномъ. Чѣмъ-же, стало быть, они окупаются? Народнымъ развратомъ, воровствомъ, укрывательствомъ, ростовщичествомъ, разбоемъ, разрушеніемъ семейства и стыдомъ народнымъ—вотъ чѣмъ они окупаются!

Матери пьютъ, дѣти пьютъ, церкви пустѣютъ, отцы разбойничаютъ; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и въ кабакъ снесли, а въ кабакѣ приняли! Спросите лишь одну медицину: какое можетъ родиться поколѣніе отъ такихъ пьяницъ? Но пусть, пусть (и дай Боже!) пусть это лишь одна мечта пессимиста, въ десять разъ преувеличившая бѣду! Вѣримъ и хотимъ вѣровать, но... если въ текущія десять, пятнадцать лѣтъ наклонность народа къ пьянству (которая всетаки несомнѣнна) не уменьшится, удержится, а, стало быть, еще болѣе разовьется, то—не оправдается-ли и вся мечта? Вотъ намъ необходимъ бюджетъ великой державы, а потому очень, очень нужны деньги; спрашивается: кто-же ихъ будетъ выплачивать черезъ эти пятнадцать лѣтъ, если настоящій порядокъ продолжится? Трудъ, промышленность? Ибо правильный бюджетъ окупается лишь трудомъ и промышленностью. Но какой-же образуется трудъ при такихъ кабакахъ? Настоящіе, правильные капиталы возникаютъ въ странѣ не иначе, какъ основываясь на всеобщемъ трудовомъ благосостояніи ея, иначе могутъ образоваться лишь капиталы кулаковъ и жидовъ. Такъ и будетъ, если дѣло продолжится, если самъ народъ не опомнится, а интеллигенція не поможетъ ему. Если не опомнится, то весь, цѣликомъ, въ самое малое время очутится въ рукахъ у всевозможныхъ жидовъ и ужъ тутъ никакая община его не спасетъ: будутъ лишь обще-солидарные нищіе, заложившіеся и закабалившіеся всею общиной, а жиды и кулаки будутъ выплачивать за нихъ бюджетъ. Явятся мелкіе, подленькіе, развратнѣйшіе буржуа и безконечное множество закабаленныхъ имъ нищихъ рабовъ, — вотъ картина! Жидки будутъ пить народную кровь и питаться развратомъ и униженіемъ народ-

Digitized by Google

нымъ, но такъ какъ они будутъ платить бюджетъ, то, стало быть, ихъ-же надо будетъ поддерживать. Мечта скверная, мечта ужасная и—слава Богу, что это только лишь сонъ! Сонъ титулярнаго совѣтника Поприщина, я съ этимъ согласенъ. Но не сбыться ему! Не разъ уже приходилось народу выручать себя! Онъ найдетъ въ себѣ охранительную силу, которую всегда находилъ; найдетъ въ себѣ начала, охраняющія и спасающія,—вотъ тѣ самыя, которыхъ ни за что не находитъ въ немъ наша интеллигенція. Не захочетъ онъ самъ кабака; захочетъ труда и порядка, захочетъ чести, а не кабака!..

И слава Богу, все это, кажется, подтверждается; по крайней мѣрѣ, есть признаки; мы уже упоминали объ обществахъ трезвости. Правда, они едва начинаются; попытки слабыя, едва замѣтныя, но—но только-бы не помѣшали имъ развернуться вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ поводовъ! Напротивъ, о, если-бы ихъ поддержать! Что, еслибъ, съ своей стороны, поддержали ихъ и всѣ наши передовые умы, наши литераторы, наши соціалисты, наше духовенство и всѣ, всѣ изнемогающіе ежемѣсячно и печатно подъ тяжестію своего долга народу. Что, если-бы поддержалъ ихъ и нарождающійся нашъ школьный учитель! Я знаю, что я человѣкъ непрактическій (теперь, послѣ извѣстной недавней рѣчи г-на Спасовича въ этомъ даже лестно признаться), но мнѣ — представьте себѣ—мнѣ воображается, что даже самый бѣднѣйшій какой нибудь школьный учитель и тотъ-бы ужасно много могъ сдѣлать и единственно одной лишь своей иниціативой, захоти только сдѣлать! Въ томъ-то и дѣло, что тутъ важна личность, характеръ, важенъ дѣловой человѣкъ и такой, который дѣйствительно способенъ хотѣть. На учительское мѣсто у насъ большею частію пріѣзжаетъ теперь молодой человѣкъ, хотя-бы даже и желающій сдѣлать добро, но не знающій народа, мнительный и недовѣрчивый; послѣ первыхъ, иногда самыхъ горячихъ и благородныхъ усилій,—быстро утомляется, смотритъ угрюмо, начинаетъ считать свое мѣсто за нѣчто переходное къ лучшему, а потомъ—или спивается окончательно, или за лишніе десять рублей бросаетъ все и бѣжитъ куда угодно, даже даромъ бѣжитъ, даже въ Америку, «чтобъ испытать свободный трудъ въ свободномъ государствѣ». Это случалось и, говорятъ, случается и теперь. Тамъ, въ Америкѣ, какой нибудь гнуснѣйшій антрепренеръ моритъ его на грубой ручной работѣ, обсчитываетъ и даже тузитъ его кулаками, а онъ за каждымъ тузомъ восклицаетъ про себя въ умиленіи: «Боже, какъ эти-же самые тузы, на моей родинѣ, ретроградны и неблагородны и какъ, напротивъ, они здѣсь благородны, вкусны и либеральны!» И долго еще такъ ему будетъ

Digitized by Google

казаться; не измѣнять-же изъ-за такихъ пустяковъ своимъ убѣжденіямъ! Но оставимъ его въ Америкѣ; я буду продолжать мою мысль. Моя мысль—напомню ее—въ томъ, что даже самый мелкій сельскій школьный учитель могъ-бы взять на себя весь починъ, всю иниціативу освобожденія народа отъ варварской страсти къ пьянству, еслибъ только того захотѣлъ. На этотъ счетъ у меня есть даже сюжетъ одной повѣсти и, можетъ быть, я рискну сообщить его читателю раньше повѣсти...

XII.

(По поводу новой драмы) *).

Эта новая драма—драма г. Кишенскаго «Пить до дна не видать добра», которой три послѣдніе акта мы рѣшились помѣстить въ этомъ 25 номерѣ «Гражданина», разомъ, не смотря на то, что она заняла у насъ чуть не половину мѣста. Но намъ хотѣлось не дробить впечатлѣнія и, можетъ быть, читатели согласятся, что драма стоитъ даже особаго ихъ вниманія. Она написана для народнаго театра и написана съ знаніемъ дѣла, съ отчетливостію и съ несомнѣннымъ талантомъ—а это главное, особенно теперь, когда почти не является новыхъ талантовъ.

Это все типы фабричнаго быта, «фабричнаго села»—чрезвычайно разнообразные и твердо очерченные. Сюжетъ на лицо и мы его подробно излагать не будемъ. Мысль серьезная и глубокая. Это вполнѣ трагедія и fatum ея—водка; водка все связала, заполонила, направила и погубила. Правда, авторъ, какъ истинный художникъ, не могъ не взглянуть еще шире на міръ, имъ рисуемый, хотя и провозгласилъ въ названіи своей драмы, что тема его—«пить до дна не видать добра». Тутъ, кромѣ того, отзывается и все чрезвычайное экономическое и нравственное потрясеніе послѣ огромной реформы нынѣшняго царствованія. Прежній міръ, прежній порядокъ—очень худой, но все-же порядокъ—отошелъ безвозвратно. И странное дѣло: мрачныя нравственныя стороны прежняго порядка,—эгоизмъ, цинизмъ, рабство, разъединеніе, продажничество не только не отошли съ уничтоженіемъ крѣпостнаго быта, но какъ-бы усилились, развились и умножились; тогда какъ изъ хорошихъ нравственныхъ сторонъ прежняго быта, которыя все-же

*) № 25 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

были, почти ничего не осталось. Все это отозвалось и въ картинѣ г. Кишенскаго, по крайней мѣрѣ, какъ мы ее понимаемъ. Тутъ все переходное, все шатающееся и—увы—даже и не намекающее на лучшее будущее.

Авторъ съ энергіей указываетъ на образованіе какъ на спасеніе, какъ на единственный выходъ; а покамѣстъ—все захватила водка, все отравила и направила къ худшему, заполонила и поработила народъ. Мрачную, ужасную картину этого новаго рабства, въ которое вдругъ впалъ русскій крестьянинъ, выйдя изъ прежняго рабства, и рисуетъ г. Кишенскій.

Тутъ два сорта типовъ—людей отживающихъ и новыхъ, молодаго поколѣнія.

Молодое поколѣніе знакомо автору. Типы, излюбленные имъ, указываемые имъ какъ надежда будущаго, составляющіе сіяніе мрачной картины — вышли довольно удачны (что̀ очень странно; ибо «положительные» типы почти совсѣмъ не удаются нашимъ поэтамъ). По крайней мѣрѣ, Марья вышла безукоризненна. Иванъ, женихъ ея, удался нѣсколько менѣе, не смотря на всю вѣрность его изображенія. Это парень молодой, красивый, смѣлый, грамотный, довольно видѣвшій и узнавшій новаго, добрый и честный. Весь недостатокъ его въ томъ, что авторъ немного слишкомъ полюбилъ его, слишкомъ положительно его выставилъ. Отнесись онъ къ нему поотрицательнѣе — и впечатлѣніе читателя вышло-бы болѣе въ пользу излюбленнаго имъ героя. Правда, какъ тонкій художникъ, авторъ не миновалъ и самыхъ невыгодныхъ чертъ характера своего Ивана. Иванъ съ сильной энергіей и съ сильными умственными способностями, но молодъ и заносчивъ. Онъ великодушно вѣруетъ въ правду и въ правый путь, но правду смѣшиваетъ съ людьми и несправедливо требуетъ отъ нихъ невозможнаго. Онъ, напримѣръ, знаетъ иные законы, такъ что писарь «Леванидъ Игнатьичъ» побаивается прямо нападать на него, но слишкомъ простодушно вѣруетъ въ свое знаніе, а потому не вооруженъ передъ зломъ и не только не понимаетъ опасности, но и не предполагаетъ ея. Все это такъ натурально и вышло-бы прекрасно, потому что такъ и должно ему быть. Мало того, авторъ не упустилъ множества самыхъ симпатическихъ подробностей: Ваня, понимая всю мерзость негодяевъ (въ добавокъ еще враждебныхъ ему), какъ молодой человѣкъ, свѣжій, сильный, и которому все такъ еще любо на свѣтѣ,—недостаточно гнушается ими, съ ними водится, съ ними *пѣсни поетъ*. Эта молодая черта привлекаетъ къ нему читателя чрезвычайно. Но, повторяемъ, авторъ слишкомъ его полюбилъ и не рѣшается ни разу посмотрѣть на него свысока. Намъ кажется,

Digitized by Google

что мало еще выставить вѣрно всѣ данныя свойства лица; надо рѣшительно освѣтить его собственнымъ художническимъ взглядомъ. Настоящему художнику ни за что нельзя оставаться наравнѣ съ изображаемымъ имъ лицомъ, довольствуясь одною его реальною правдой: правды въ впечатлѣніи не выйдетъ. Немного-бы, капельку лишь ироніи автора надъ самоувѣренностію и молодою заносчивостью героя — и читателю онъ сталъ-бы милѣе. А то думаешь, что авторъ такъ и желалъ изобразить его совершенно правымъ во всемъ обрушившемся на него несчастіи.

Другія лица молодого поколѣнія, — лица погибшія чуть не съ дѣтства, «поколѣніе пожертвованное», — вышли еще вѣрнѣе «положительныхъ типовъ». Ихъ два сорта: невиноватые и виновные. Тутъ, напримѣръ, есть одна дѣвочка (Матреша)—созданіе пожертвованное и несчастное и, что ужаснѣе всего, вы чувствуете, что она не одна такая, что такихъ «несчастныхъ» на Руси у насъ сколько хотите, всѣ деревни полны, бездна. Вѣрность этого изображенія заставитъ человѣка съ сердцемъ и смотрящаго въ наше будущее сознательно—ужаснуться. Это поколѣніе, поднявшееся уже послѣ реформы. Въ первомъ дѣтствѣ оно застало семью уже разлагающуюся и циническое, поголовное пьянство, а затѣмъ попало прямо на фабрику. Бѣдная дѣвочка! Она развратничаетъ, можетъ быть, уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста и — почти не знаетъ сама, что развратна. На Рождество она съ фабрики пріѣхала на побывку въ село и искренно удивляется, какъ можетъ прежняя товарка ея, деревенская дѣвушка Маша, предпочитать честь нарядамъ: «Во, Степанъ Захарычъ, и видна необразованность!» говоритъ она, «велика бѣда, што купецъ аль господинъ съ дѣвкой поиграетъ». Это говоритъ она съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ истинѣ и правотѣ своей, мало того: жалѣя Машу и деревенскихъ; когда Маша отталкиваетъ подлеца купчишку, она говоритъ прямо:

«Охота тебѣ съ эвтимъ народомъ толковать! Сипы! На её таперича мѣстѣ другая порадовалась-бы! Такъ-бы ихъ облистила, приняла-бъ, и себѣ-то припентъ принесла и брату угодила!». И наконецъ, когда эта несчастная подсыпаетъ соннаго зелья Машѣ, сговорясь съ купчишкой, чтобъ въ безчувствіи изнасиловать бѣдную честную Машу, и потомъ, когда лѣзетъ на печь смотрѣть, заснула-ли жертва, — она дѣлаетъ все это злодѣйство не только безъ сознанія зла, но вполнѣ убѣжденная, что дѣлаетъ этой Машѣ, прежней подругѣ своей, добро, благодѣяніе, за которое та, спустя, благодарить будетъ. Въ пятомъ актѣ, въ послѣдней ужасной катастрофѣ—ни отчаяніе Маши, отца ея, жениха, ни убійство, готовое совершиться,—ничто не смущаетъ ее; да и сердца совсѣмъ

Digitized by Google

у ней нѣтъ, — гдѣ-же было развиться ему? Она пожимаетъ плечами и говоритъ свое любимое слово: «небразованность!» Авторъ не забылъ этого восклицанія, доканчивая послѣднюю художественную черту этого типа. Трагическая судьба! Человѣческое существо обращено въ какого-то гнилаго червячка и совершенно довольно собой и жалкимъ своимъ кругозоромъ.

Тутъ среда, тутъ fatum, эта несчастная не виновата и вы понимаете это, но вотъ другой типъ — самый полный въ драмѣ — типъ развратнаго, испитаго, плюгаваго фабричнаго парня, брата Маши, продающаго потомъ сестру купчишкѣ за триста рублей и за бархатную поддевку, — это, о, это уже типъ изъ виновныхъ «пожертвованнаго» поколѣнія. Тутъ уже не одна среда. Правда, обстановка та-же и та-же среда: пьянство, разлагающаяся семья и фабрика. Но этотъ не простодушно, какъ Матреша, увѣровалъ въ развратъ. Онъ не простодушно подлъ, какъ она, а съ любовью, онъ въ подлость привнесъ своего. Онъ понимаетъ, что развратъ есть развратъ и знаетъ, что̀ такое не развратъ; но развратъ онъ полюбилъ сознательно, а честь презираетъ. Онъ уже сознательно отрицаетъ старый порядокъ семьи и обычая; онъ глупъ и тупъ, это правда, но въ немъ какой-то энтузіазмъ плотоугодія и самаго подлаго, самаго циническаго матеріализма. Это уже не просто червячекъ, какъ Матреша, въ которой все такое маленькое и изсохшее. Онъ стоитъ на деревенской мірской сходкѣ и вы чувствуете, что онъ ничего уже въ ней не понимаетъ и не можетъ понимать, что онъ уже не отъ «міра сего» и съ нимъ разорвалъ окончательно. Онъ продаетъ сестру безо всякаго угрызенія совѣсти и на утро является въ отцовскую избу, на сцену отчаянія, въ бархатной поддевкѣ и съ новой гармоніей въ рукахъ. Есть пунктъ, въ который онъ вѣритъ, какъ во всемогущество; это—водка. Съ самой тупой, но вѣрной ухваткой онъ, передъ всякимъ начинаніемъ,— выставляетъ водку — горькую мужикамъ и сладкую бабамъ, увѣренный, что все по его сдѣлается и что водка все можетъ. Въ немъ, къ полнотѣ ироніи, въ изображеніи его, рядомъ съ полнымъ цинизмомъ уживается потребность—прежнихъ вѣжливыхъ манеръ, исконной деревенской «учливости». Прибывъ въ село и еще не повидавшись съ матерью, а засѣвъ въ кабакѣ, онъ вѣжливо посылаетъ ей сладкой водки. Когда онъ и Матреша привлекаютъ мать въ кабакъ, чтобъ, на свободѣ, выманить ея позволеніе продать родную дочь купцу на изнасильничаніе, онъ вѣжливо выставляетъ прежде всего сладкой водки и, указывая на мѣсто, говоритъ: «пыжалте, мамынька-съ», и та очень довольна «учливостью». Нашего автора упрекали иные, читавшіе первый актъ, за слишкомъ ужь

Digitized by Google

натуральный мужицкій языкъ, утверждая, что онъ могъ-бы быть болѣе литературнымъ. Этой *натуральностію* языка и мы недовольны; все должно быть художественно. Но, прочтя внимательно, прочтя другой разъ драму, вы невольно согласитесь, что невозможно было измѣнить языкъ, въ иныхъ ея мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, не ослабивъ ея характерности. Это «пыжалте, мамынька-съ» не могло быть измѣнено: вышло-бы не такъ подло. И замѣтьте, что эту гадкую, глупую пьющую старуху свою «мамыньку» сынокъ уважаетъ столько-же, сколько свою подошву.

Вотъ трагическія слова отца этой семьи, пьющаго старика, про это «пожертвованное поколѣніе»:

Захаръ (*вмпиваетъ стаканъ водки*). Пьяницы! Вы таперь подумайте, други: сидитъ этта фабришный цѣлую недѣлю за станомъ, ноги-то, руки-то занѣмѣютъ, въ головѣ словно туману напущено! Словно шальные всѣ! И виду-то челычьяго-то нѣтъ! Въ хоромин-то духота, стѣны голыя—не глядѣлъ-бы! Солнышко въ ино мѣсто не заглянетъ! Только и видишь его што по праздникамъ! Ну, други, придетъ этта праздникъ: ты, дѣдъ, писаніе станешь читать, другой въ поле хлѣбъ поглядѣть пойдетъ, аль въ лѣсъ, аль къ пчеламъ, аль съ сусѣдями толковать—земство, значитъ, аль сходка, аль о цѣнахъ хлѣбныхъ—скажи куда фабришному-то идтить? О чемъ ему говорить-то? У него все отмѣряно, да взвѣшено! Развѣ о томъ, что штрафы пишетъ незнамо за што, да провизію отпускаетъ гнилую, да за рублевый чай беретъ два съ полтиной, за ворота не пущаетъ, штобъ провизію у него брали, да штобъ разврату болѣ было! Объ эвтомъ развѣ! Ну, значитъ, одна и дорога въ кабакъ! Одинъ разговоръ-отъ о водкѣ да распутствѣ.

Василій. Это точно!

Захаръ. Вы подумайте, други, вѣдь тоже отдохнуть хоцца! Тоже молодость! Соберется хороводъ, пѣсни, смѣхъ,—хожалый разгонитъ! Ну, всѣ гурьбой и въ кабакъ да трахтиръ! И пойдутъ толки о дѣвкахъ, да кто кого перепьетъ! И глянь-ка што творится на фабрикахъ-то! Дѣвчонки 12-ти лѣтъ полюбовниковъ ищутъ! шпульники водку хлыщутъ что воду! на фабрикѣ-то матершинничество, ахальничество—стонъ стоитъ, адъ кромѣшный! Дѣти отъ большихъ займаются! На пагубу ребятъ своихъ мы туда отдаемъ! Есть-ли хоша одна дѣвка безъ распутства, одинъ парень не пьяница—на фабрикахъ-то!?

Но самая характерная изъ всѣхъ сценъ этой народной драмы—это третій актъ, мірская сходка. Сильная мысль положена въ этотъ эпизодъ поэмы. Эта сходка—это *все*, что осталось твердаго и краеугольнаго въ народномъ русскомъ строѣ, главная исконная связь его и главная будущая надежда его,—и вотъ и эта сходка уже носитъ въ себѣ начало своего разложенія, уже больна въ своемъ внутреннемъ содержаніи! Вы видите, что уже во многомъ — это

Digitized by Google

лишь одна форма, но что внутренній духъ ея, внутренняя вѣковая правда ея пошатнулись—пошатнулись вмѣстѣ съ запатавшимися людьми.

На этой сходкѣ происходитъ возмутительная неправда: вопреки обычаю и закону, единственнаго сына вдовы (Ивана, героя драмы) отдаютъ въ солдаты вмѣсто одного изъ богатой семьи тройниковъ, и, что̀ хуже всего,—это дѣлается сознательно, съ сознательнымъ неуваженіемъ къ правдѣ и обычаю, дѣлается за вино, за деньги. Тутъ даже и не подкупъ; подкупъ-бы еще ничего; подкупъ можетъ быть преступленіемъ единичнымъ и исправимымъ. Нѣтъ, тутъ все почти выходитъ именно изъ сознательнаго неуваженія къ себѣ, къ своему-же суду, стало быть, и къ собственному бытовому строю своему. Цинизмъ уже въ томъ проявляется, что противъ обычая и древняго правила, въ началѣ сходки, міръ допускаетъ попойку: „Съ угарцемъ-то будетъ лучше судить", зубоскаля говорятъ предводители сходки. Половина этихъ собравшихся гражданъ давно уже не вѣритъ въ силу мірскаго рѣшенія, а, стало быть, и въ необходимость его; почти считаетъ за ненужную форму, которую всегда можно обойти. Можно и должно, вопреки правдѣ и ради первой текущей выгоды. Еще не много пройдетъ и вы чувствуете, что умники поновѣе сочтутъ всю эту церемонію за глупость, за одно лишь ненужное бремя, потому что мірской приговоръ, что̀-бы тамъ ни было, всегда состоится такой, какого хочетъ богатый и сильный міроѣдъ, заправляющій сходкой. Такъ ужь лучше, вмѣсто пустой формалистики, прямо и перейти подъ власть этого міроѣда. А онъ еще, вдобавокъ, и водкой будетъ поить. Вы видите, что у большинства этихъ самоуправляющихся членовъ даже и предположеніе утратилось, что рѣшеніе ихъ могло-бы быть произнесено вопреки воли сильнаго человѣка; всѣ „ослабѣли"; ожирѣли сердца; всѣмъ хочется сладенькаго, матеріальной выгоды. Всѣ рабы уже по существу своему и даже представить не могутъ себѣ, какъ это можно рѣшить для правды, а не для собственной выгоды. Молодое поколѣніе тутъ присутствуетъ и смотритъ на дѣло отцовъ не только безъ уваженія, не только съ насмѣшкою, но какъ на устарѣлую дичь, именно какъ на глупую, ненужную форму, которая и держится-то всего лишь упрямствомъ двухъ-трехъ глупыхъ стариковъ, которыхъ, вдобавокъ, всегда купить можно. Такъ стоитъ и такъ ведетъ себя на сходкѣ Степанъ, тотъ испитой, плюгавый, пропившійся паренекъ, который потомъ продаетъ сестру свою. Всѣ эти эпизоды мірской сходки удались автору. И главное, Степанъ почти правъ въ томъ, что не только не понимаетъ ничего въ мірской сходкѣ, но что и нужнымъ не считаетъ ее понимать. Не могъ-же

Digitized by Google

онъ не видѣть, что на сходку уже допущено постороннее вліяніе купчишки, который положилъ себѣ — погубить Ваньку и отбить у него дѣвку-невѣсту. Міръ выпилъ его вино и допустилъ купчишкина прикащика сказать себѣ вслухъ, что безъ него, безъ купца-фабриканта, который фабричной работой имъ хлѣбъ даетъ, „вся-бы волость ваша по папертямъ церковнымъ нищенствовала, а что если приговорятъ по его, то за это его степенство, купецъ, много штрафовъ народу проститъ . Дѣло, разумѣется, разрѣшается въ пользу купца и Ваньку отдаютъ въ солдаты.

Тутъ на сходкѣ (весьма разнообразной лицами и характерами) являются два почти трагическія лица; одинъ—Наумъ Егоровъ, старикъ, уже двадцать лѣтъ сидящій на первомъ мѣстѣ на сходкѣ и заправляющій ею, и Степанида, мать Ивана. Наумъ Егорычъ—старикъ разумный, твердый, честный, съ высокой душой. На мірской приговоръ онъ смотритъ съ высшей точки. Для него это не просто сходка домохозяевъ въ такомъ-то селѣ; нѣтъ, чувствомъ онъ возвысился до понятія самаго широкаго: приговоръ хотя-бы только сходки села его, — для него какъ-бы часть приговора всей крестьянской Россіи, которая лишь міромъ и его приговоромъ вся держится и стоитъ. Но увы, онъ слишкомъ разуменъ и не можетъ не видѣть наступившаго мірскаго шатанія и куда съ нѣкотораго времени міръ потянулъ. Неправда, злодѣйства, конечно, бывали и на прежнихъ сходкахъ, двадцать лѣтъ назадъ; но неуваженія къ сходкѣ самихъ членовъ ея, неуваженія къ собственному дѣлу—не было, по крайней мѣрѣ, не возводимо было въ принципъ. Дѣлали подлое, но знали что дѣлаютъ подлое, а что есть хорошее; теперьже не вѣруютъ въ хорошее и даже въ необходимость его. Но все-таки Наумъ, этотъ своего рода послѣдній Могиканъ, продолжаетъ вѣрить въ правду мірскую во что-бы то ни стало, чуть не *насильно*,— и въ этомъ трагизмъ его. Онъ — формалистъ; чувствуя, что содержаніе ускользаетъ, онъ стоитъ тѣмъ крѣпче за форму. Видя, что міръ пьянъ, онъ попросилъ было отложить сходку, но когда закричали, что съ „угарцемъ лучше судить“ —онъ покоряется: „міръ рѣшилъ, противъ міра нельзя идти“. Онъ слишкомъ хорошо и съ страданіемъ понимаетъ про себя, что въ сущности наемный ихъ писаришка, Леванидъ Игнатьичъ, значитъ все и что купцовъ прикащикъ какъ прикажетъ сходкѣ рѣшить, такъ она и рѣшитъ. Но старикъ все еще, пока время, хоть насильно да обманываетъ себя: онъ прогоняетъ Леванида съ перваго мѣста и, какъ предсѣдатель сходки, читаетъ прикащику наставленіе за невѣжливыя слова его противъ міра.

За Ваньку поднимается нѣсколько правдивыхъ голосовъ, хва

Digitized by Google

лятъ его, говорятъ, что парень хорошій, толковый, міру нужный, что такого-бы приберечь, и вотъ вдругъ, между другими, раздается голосъ одной старой, хмѣльной головы: „Ну, онъ лучше всѣхъ— вò его и въ рекруты!“ Это уже насмѣшка надъ правдой сознательная, щегольство неправдой, игра... Самъ надъ собою шутитъ судья, да еще въ такомъ дѣлѣ, какъ судьба человѣческая! Наумъ слышитъ и, конечно, понимаетъ, что кончается его „міръ“. Тутъ стоитъ мать Ивана. Это баба еще не старая, сильная, гордая. Давно уже осталась она молодой вдовой. Какъ вдову, ее притѣсняли, ее міръ обижалъ. Но она выдержала все: поправила домишко, подняла своего единственнаго ненагляднаго Ваню на радость, на утѣху себѣ и вотъ—слушаетъ теперь, какъ міръ отнимаетъ у нея послѣднюю надежду, послѣднюю радость ея, сына. Наумъ Егорычъ, предчувствуя хмѣльное, буявое рѣшеніе міра, говоритъ поскорѣй Степанидѣ: „Эхма, а дѣлать неча! Міръ—сила! Проси, Степанида, проси міръ-отъ!“ Но та не хочетъ просить. Та строптиво укоряетъ міръ въ неправдѣ, въ подкупѣ, въ пьяномъ рѣшеніи, въ зависти къ ея Ванѣ. „Ты, Степанида, хуже міръ-отъ злобишь!“ тревожно восклицаетъ Наумъ. „Аль ты думаешь, Наумъ Егорычъ, отвѣчаетъ ему Степанида, кали-бъ я видѣла, што тутъ законъ да совѣсть—тутъ водка! Кали-бъ я знала, што тутъ умолить можно, да я колѣни свои стерла-бы о сырую землю, полъ-отъ вымыла-бъ въ избѣ слезьми своими, голову-бъ расшибла-бъ, міру кланяючись! Да тутъ не упросишь, не умолишь! Развѣ ты не видишь,—тутъ все подстроено да подлажено! Сгубятъ они, вороны, яснаго сокола, заклюютъ! За водку продаете вы души-то свои—вò кому вы молитесь— водкѣ! Кто больше поднесъ — тотъ васъ и купилъ. Обидѣлъ вишь ты, Ваня, купчину, а иль вы не знаете, што купчина-то пьяный лѣзъ порочить невѣсту Ванюхину! Да вы эвто знаете! Водка-то купчины хороша! Страмники вы, кровопивцы, и то въ вину поставили, что сироту безпріютнаго во дворъ взяла! Да не быть по вашему! Не быть! Посредственникъ Ванюшу знаетъ—въ обиду не дастъ!“ (быстро уходитъ).

Эта гордая женщина—одно изъ очень удавшихся нашему поэту лицо. Какъ хотите, господа, а это сильное мѣсто. Это, конечно, руская деревня, а лицо — простая баба, которая грамотно и говорить не умѣетъ, но, ей Богу, этотъ монологъ о стертыхъ колѣнкахъ, „кали-бъ тутъ умолить было можно“—стоитъ многихъ высокихъ мѣстъ въ иныхъ трагедіяхъ въ этомъ родѣ. Тутъ нѣтъ классическихъ фразъ, краснаго языка, бѣлаго покрывала, черныхъ горящихъ глазъ Рашели, но, увѣряю васъ, если-бъ у насъ была наша Рашель, вы содрогнулись-бы въ театрѣ отъ этой сцены материн-

Digitized by Google

скаго проклятія мірскому суду, отъ всей этой неприкрашенной правды ея. Сцена кончается многозначительнымъ движеніемъ—бѣгствомъ за правдой къ „посредственнику“ съ жалобой ему на мірской приговоръ, а это тяжелое пророчество.

Указывать далѣе на всѣ лучшія сцены этого произведенія почти излишне. Не не могу не подѣлиться впечатлѣніемъ и прямо скажу: рѣдко что̀ читалъ я сильнѣе и трагичнѣе финала четвертаго акта.

Жертва, запроданная матерью и братомъ купцу, уже опоена зельемъ и заснула въ безчувствіи на печи. Матреша, эта невинная преступница, лѣзетъ на печь поглядѣть и, почти съ радостью, почти убѣжденная, что теперь осчастливила Машу, возвѣщаетъ купчишкѣ: «Готова! Не пошевельнется хоть на куски изрѣжь!» Писаришка Леванидъ, товарищъ купчишки, встаетъ и уходитъ: «Жизнь вамъ, купцамъ-то!» говоритъ онъ завистливо. И вотъ купчишка, передъ тѣмъ какъ лѣзть къ своей жертвѣ, приходитъ въ какой-то поэтическій паѳосъ: «Потому мы теперь сила!» восклицаетъ онъ плотоядно-пророчески. «Што хотимъ, то и могимъ сдѣлать! Если таперь купецъ чево вздумалъ — то и сдѣлалъ — потому сила!» — «Сила — чаго и толковать!» поддакиваетъ братъ жертвы. Затѣмъ лишніе выходятъ изъ избы, негодяй лѣзетъ къ Машѣ, а пьяная мать, продавшая свою невинную дочь, невѣсту несчастнаго Вани, въ пьяномъ безчувствіи тутъ-же валится на полъ и засыпаетъ въ ногахъ пьянаго безъ просыпу отца этого счастливаго семейства... «Пить до дна—не видать добра!».

Не указываю на всѣ эти поражающія своею дальнѣйшею правдой черты ужасной картины,—на этихъ преступниковъ, почти не понимающихъ своего преступленія; на понимающихъ, но уже не имѣющихъ права проклясть его, какъ пьяный отецъ семьи, напримѣръ, которому дочь трагически бросаетъ въ глаза обвиненіе и дочернее свое проклятіе... Есть черты чрезвычайно тонко замѣченныя: эта очнувшаяся Маша, въ первыя минуты хотѣвшая убить себя, надѣваетъ однако оставленный ей у матери купчишкой шелковый сарафанъ, но надѣваетъ изъ злорадства, *для мученія*, для того, чтобъ истерзать себя еще больше: «вотъ, дескать, сама теперь потаскухой стала!» Вотъ разговоръ «невинной» матери и «невинной» Матреши на другой день послѣ бѣды:

Матрешка (*входитъ*). Здорово, тетка Арина! Што у васъ тутъ дѣется? Вчера-то я, признаться, и побоялась придти-то къ вамъ!

Арина. И-и-и, дѣвынька, что страховъ-отъ натерпѣлись! Страсть! Какъ по утру-то узнала дѣвка, схватила ножъ, да насъ-то маненько не перерѣзала, а потомъ себя! Ужь насилу, насилу мы съ ней сладили! Степку теперь на глаза не пущаетъ!

Digitized by Google

Матрешка. Сказывалъ онъ мнѣ!

Арина. Ну, къ вечеру-то, знашь, отпустило ее,—стала она таперь словно камень! Богъ, говоритъ, меня, говоритъ, наказалъ за Матрешку, теперь—говоритъ—сама така-жь! Нонѣ, дѣвынька, дала я ей сарахванъ-отъ, што Силантій Савельичъ у тебя ей-то купилъ, она надѣла,—Матрешкой, говоритъ, стала, ее и сарахванъ надыть! Вò што!

Матрешка. Гдѣ-жь она таперь?

Арина. И-и-и, дѣвынька, уйдетъ въ сарай, *зароется въ солому, да ничкомъ и лежитъ!*

Матрешка. Какъ-бы рукъ на себя не наложила съ горяча-то?

Но жертва не наложила на себя рукъ: «Страшно стало» потомъ-то, говоритъ она сама. Нашъ поэтъ богатъ психологическимъ знаніемъ народа. Вотъ и Ваня, являющійся внезапно отъ посредника, къ которому на сутки отлучился. Поэтъ не пощадилъ своего героя, для реальной правды: Иванъ въ первое мгновеніе, въ бестіальной ярости, обвиняетъ одну Машу, онъ несправедливъ и отвратителенъ, но, понявъ, наконецъ, какъ было дѣло, онъ какъ-бы невольно предложилъ было Машѣ идти за него и *такъ*. Но автору слишкомъ хорошо извѣстно, что въ нашемъ народномъ быту это почти немыслимо, если только дѣло носитъ честный характеръ. Обезчещенная дѣвушка, хоть и обманомъ, хоть и безъ вины, считается всетаки уже нечистою, если не совсѣмъ безчестною. Да и сама Маша горда: «Не марайся объ меня, Ваня!» кричитъ она, «уйди!» «Прощай, Ваня!» и затѣмъ, въ послѣднемъ монологѣ, быстро подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ водки, обводитъ всѣхъ горячимъ взглядомъ и съ отчаяннымъ вывертомъ кричитъ:

«Ну, штò-же пріуныли? Радуйтесь, ваше дѣло! Матушка! батюшка! пить давайте, гулять! Не одинъ ты, батюшка, будешь по кабакамъ-то шляться! Съ дочкой! Скучно, матушка, пить одной-то было, вдвоемъ теперь, съ дочкой! Заливай вино! Потопи ты мое горе, мою совѣсть!».

И подноситъ стаканъ къ губамъ. Тѣмъ кончается драма.

Не говорю, что тутъ совсѣмъ нѣтъ ошибокъ; но въ этомъ произведеніи такъ много истинныхъ достоинствъ, что ошибки эти почти ничтожны. Напримѣръ, тонъ Маши въ монологѣ четвертаго акта, который заканчиваетъ она прелестнымъ, высокимъ душевнымъ движеніемъ: «теперь легко таково стало!»—Этотъ тонъ немного ужь слишкомъ пѣвучъ. Правда, это почти не монологъ, а дума, чувство,—тѣ самыя думы и чувства, подъ вліяніемъ которыхъ у русскихъ людей, съ сердцемъ и поэзіей, сложились и всѣ пѣсни русскаго народа. Поэтому и дума Маши, по существу въ высшей сте-

Digitized by Google

пени вѣрная и натуральная, могла выйдти по формѣ своей нѣсколько какъ-бы лиричною. Но у искусства есть предѣлы и правила, и монологъ могъ-бы быть покороче. Можетъ быть, не совсѣмъ вѣренъ и тонъ Маши въ концѣ драмы, уже послѣ катастрофы: лучше было-бы, еслибъ она говорила капельку менѣе. Ужасныя слова ея отцу гораздо-бы сильнѣе выдались, еслибъ тоже были покороче и не такъ пѣвучи. Но все это поправимо, авторъ очень можетъ исправить это во второмъ изданіи и, повторяемъ, сравнительно съ безспорными достоинствами его произведенія, все это почти мелочи. Хорошо еще, еслибъ авторъ выбросилъ изъ своей драмы совсѣмъ появленіе въ концѣ ея (и вовсе ненужное) добродѣтельнаго старика-фабриканта, толкующаго чуть-ли не о нашихъ «долгахъ народу». Появленіе его тѣмъ болѣе нелѣпо, что это тотъ самый фабрикантъ, который закабалилъ весь окрестный людъ, замучилъ произвольными штрафами и кормитъ работниковъ гнилою пищею. Наконецъ, самъ хозяинъ дома, Захаръ, вышелъ нѣсколько неясенъ. Въ собственномъ объясненіи его, отчего онъ запилъ—есть какъ-бы какая-то фальшь, что-то необъясненное и натянутое; межъ тѣмъ дѣло могло быть выставлено гораздо проще и натуральнѣе.

Впрочемъ, это только мое мнѣніе и я могу ошибиться, но увѣренъ, что не ошибаюсь въ твердыхъ достоинствахъ этого серьезнаго произведенія. Мнѣ слишкомъ пріятно было подѣлиться моимъ впечатлѣніемъ съ читателями. Серьезнѣе ничего, по крайней, мѣрѣ, не появилось въ нашей литературѣ за послѣднее и, можетъ быть, довольно длинное время...

XIII.

Маленькія картинки.

1.

Лѣто, каникулы; пыль и жаръ, жаръ и пыль. Тяжело оставаться въ городѣ. Всѣ разъѣхались. На дняхъ принялся-было за перечитываніе накопившихся въ редакціи рукописей... Но о рукописяхъ послѣ, хотя о нихъ есть что сказать. Хочется воздуху, воли, свободы; но вмѣсто воздуха и свободы бродишь одинъ безъ цѣли по засыпаннымъ пескомъ и известкой улицамъ и чув-

*) № 29 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

ствуешь себя какъ-бы кѣмъ-то обиженнымъ — право, ощущеніе какъ-будто похожее! Извѣстно, что половина горя долой, лишь-бы подыскать кого нибудь виноватаго въ немъ передъ вами, и тѣмъ досаднѣе, если подыскать рѣшительно некого...

На дняхъ переходилъ Невскій проспектъ съ солнечной стороны на тѣневую. Извѣстно, что Невскій проспектъ переходишь всегда съ осторожностью, не то мигомъ раздавятъ,—лавируешь, присматриваешься, улучаешь минуту, прежде чѣмъ пуститься въ опасный путь, и ждешь, чтобы хоть капельку расчистилось отъ несущихся одинъ за другимъ, въ два или три ряда, экипажей. Зимой, за два, за три дня передъ Рождествомъ, напримѣръ, переходить особенно интересно: сильно рискуете, особенно, если бѣлый морозный туманъ съ разсвѣта опустится на городъ, такъ что въ трехъ шагахъ едва различаешь прохожаго. Вотъ проскользнулъ кое-какъ мимо первыхъ рядовъ каретъ и извозчиковъ, несущихся въ сторону Полицейскаго моста, и радуешься, что уже не боишься ихъ: топотъ и грохотъ и сиплые окрики кучеровъ остались за вами, но однако и некогда радоваться: вы только достигли середины опаснаго перехода, а дальше — рискъ и полная неизвѣстность. Вы быстро и тревожно осматриваетесь и на-скоро придумываете, какъ-бы проскользнуть и мимо втораго ряда экипажей, несущихся уже въ сторону Аничкова моста. Но чувствуете, что и думать ужь некогда и къ тому-же этотъ адскій туманъ; слышны лишь топотъ и крики, а видно кругомъ лишь на сажень. И вотъ вдругъ, внезапно раздаются изъ тумана быстрые, частые, сильно приближающіеся твердые звуки, страшные и зловѣщіе въ эту минуту, очень похожіе на то, какъ если-бы шесть или семь человѣкъ сѣчками рубили въ чанѣ капусту. «Куда дѣваться? Впередъ или назадъ? Успѣю или нѣтъ?». И благо вамъ, что остались: изъ тумана, на разстояніи лишь одного шагу отъ васъ вдругъ вырѣзывается сѣрая морда жарко-дышущаго рысака, бѣшено несущагося со скоростью желѣзнодорожнаго курьерскаго поѣзда: пѣна на удилахъ, дуга на отлетѣ, возжи натянуты, а красивыя сильныя ноги съ каждымъ взмахомъ быстро, ровно и твердо отмѣриваютъ по сажени. Одинъ мигъ, отчаянный окрикъ кучера и—все мелькнуло и пролетѣло изъ тумана въ туманъ, и топотъ, и рубка, и крики—все исчезло опять, какъ видѣніе. Подлинно петербургское видѣніе! Вы креститесь и, уже почти презирая второй рядъ экипажей, такъ пугавшій васъ за минуту, быстро достигаете желаннаго тротуара, еще весь дрожа отъ перенесеннаго впечатлѣнія и,—странно,—ощущая въ то же время неизвѣстно почему и какое-то отъ него удовольствіе, и вовсе не потому, что избѣгли опасности, а именно потому, что ей подвер-

Digitized by Google

гались. Удовольствіе ретроградное, я не спорю, и къ тому-же въ нашъ вѣкъ безполезное, тѣмъ болѣе, что надо-бы было, напротивъ, протестовать, а не ощущать удовольствіе, ибо рысакъ въ высшей степени не либераленъ, напоминаетъ гусара или кутящаго купчика, а, стало быть, неравенство, нахальство, la tyrannie и т. д. Знаю и не спорю, но теперь я хочу лишь докончить. Итакъ, на дняхъ, съ привычною зимнею осторожностью, сталъ-было я переходить черезъ Невскій проспектъ и вдругъ, очнувшись отъ задумчивости, въ удивленіи остановился на самой серединѣ перехода: никого-то нѣтъ, ни одного экипажа, хоть-бы какія нибудь дребезжащія извощичьи дрожки! Мѣсто пусто саженъ на пятьдесятъ въ обѣ стороны, хоть остановитесь разсуждать съ пріятелемъ о русской литературѣ — до того безопасно! Даже обидно. Когда это бывало?

Пыль и жаръ, удивительные запахи, взрытая мостовая и перестраивающіеся дома. Все больше отдѣлываютъ фасады со стараго на новое, для шику, для характеристики. Удивительна мнѣ эта архитектура нашего времени. Да и вообще архитектура всего Петербурга чрезвычайно характеристична и оригинальна и всегда поражала меня,—именно тѣмъ, что выражаетъ всю его безхарактерность и безличность за все время существованія. Характернаго въ положительномъ смыслѣ, своего собственнаго, въ немъ развѣ только вотъ эти деревянныя, гнилыя домишки, еще уцѣлѣвшія даже на самыхъ блестящихъ улицахъ, рядомъ съ громаднѣйшими домами, и вдругъ поражающія вашъ взглядъ словно куча дровъ возлѣ мраморнаго палаццо. Что-же касается до палаццовъ, то въ нихъ-то именно и отражается вся безхарактерность идеи, вся отрицательность сущности петербургскаго періода, съ самаго начала его до конца. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ такого города, какъ онъ: въ архитектурномъ смыслѣ онъ отраженіе всѣхъ архитектуръ въ мірѣ, всѣхъ періодовъ и модъ; все постепенно заимствовано и все по своему перековеркано. Въ этихъ зданіяхъ, какъ по книгѣ, прочтете всѣ наплывы всѣхъ идей и идеекъ, правильно или внезапно залетавшихъ къ намъ изъ Европы и постепенно насъ одолѣвавшихъ и полонившихъ. Вотъ безхарактерная архитектура церквей прошлаго столѣтія, а вотъ и эпоха возрожденія и отысканный, будто-бы, архитекторомъ Тономъ, въ прошлое царствованіе, типъ древняго византійскаго стиля. Вотъ затѣмъ нѣсколько зданій—больницъ, институтовъ и даже дворцевъ, первыхъ и десятыхъ годовъ нашего столѣтія,—это стиль времени Наполеона перваго—огромно, псевдо-величественно и скучно до невѣроятности, что-то натянутое и придуманное тогда нарочно, вмѣстѣ съ пчелами на наполеоновской порфирѣ, для выраженія величія вновь наступившей тогда эпохи и неслыханной ду-

Digitized by Google

настіи, претендовавшей на безконечность. Вотъ потомъ дома, или почти дворцы иныхъ нашихъ дворянскихъ фамилій, но гораздо позднѣйшаго времени. Это ужь на манеръ иныхъ итальянскихъ палаццо или не совсѣмъ чистый французскій стиль до-революціонной эпохи. Но тамъ, въ венеціанскихъ или римскихъ палаццо, отжили или еще отживаютъ жизнь свою цѣлыя поколѣнія древнихъ фамилій, одно за другимъ, въ теченіи столѣтій. У насъ-же поставили наше палаццо всего только въ прошлое царствованіе, но тоже, кажется, съ претензіей на столѣтія: слишкомъ ужь крѣпкимъ и ободрительнымъ казался установившійся тогдашній порядокъ вещей, и въ появленіи этихъ палаццо какъ-бы выразилась вся вѣра въ него: тоже вѣка собирались прожить. Пришлось, однако-же, все это почти наканунѣ крымской войны, а потомъ и освобожденія крестьянъ... Мнѣ очень грустно будетъ, если когда нибудь на этихъ палаццо прочту вывѣску трактира съ увеселительнымъ садомъ или французскаго отеля для пріѣзжающихъ. И, наконецъ, — вотъ архитектура современной, огромной гостинницы — это уже дѣловитость, американизмъ, сотни нумеровъ, огромное промышленное предпріятіе: тотчасъ-же видно, что и у насъ явились желѣзныя дороги и мы вдругъ очутились дѣловыми людьми. А теперь, теперь... право не знаешь, какъ и опредѣлить теперешнюю нашу архитектуру. Тутъ какая-то безалабершина, совершенно, впрочемъ, соотвѣтствующая безалаберности настоящей минуты. Это—множество чрезвычайно высокихъ (первое дѣло высокихъ) домовъ подъ жильцовъ, чрезвычайно, говорятъ, тонкостѣнныхъ и скупо-выстроенныхъ, съ изумительною архитектурою фасадовъ: тутъ и Растрелли, тутъ и позднѣйшее рококо, дожевскіе балконы и окна, непремѣнно öль-де-бёфы и непремѣнно пять этажей и все это въ одномъ и томъ-же фасадѣ. «Дожевское-то окно ты мнѣ, братецъ, поставь неотмѣнно, потому что чѣмъ я хуже какого нибудь ихняго голоштаннаго дожа; ну, а пять-то этажей ты мнѣ всетаки выведи жильцовъ пускать; окно — окномъ, а этажи чтобы этажами; не могу-же я изъ-за игрушекъ всего нашего капиталу рѣшиться». Впрочемъ, я не петербургскій фельетонистъ и не объ томъ совсѣмъ заговорилъ. Началъ объ редакціонныхъ рукописяхъ, а свелъ на чужое дѣло.

2.

Пыль и жаръ. Говорятъ, для оставшихся въ Петербургѣ открыто нѣсколько садовъ и увеселительныхъ заведеній, гдѣ можно «одышать» свѣжимъ воздухомъ. Не знаю, есть-ли тамъ чѣмъ подышать, но я нигдѣ еще не былъ. Въ Петербургѣ лучше, душнѣе,

Digitized by Google

грустнѣе. Ходишь, созерцаешь, одинъ-одинешенекъ — это лучше, чѣмъ свѣжій воздухъ увеселительныхъ петербургскихъ садовъ. Къ тому-же и въ городѣ открылось вдругъ множество садовъ, тамъ, гдѣ ихъ вовсе не подозрѣвали. Почти на каждой улицѣ встрѣтите теперь, при входѣ въ какія нибудь ворота, иногда заваленныя известкой и кирпичемъ, надпись: «входъ въ садъ трактира». Тамъ, на дворѣ, гдѣ нибудь передъ старымъ флигелькомъ, лѣтъ сорокъ назадъ, отгороженъ какой нибудь полисадникъ, шаговъ десяти длиною и пяти шириною; ну, вотъ, это-то и есть теперь «садъ трактира». Скажите, отчего въ Петербургѣ гораздо грустнѣе по воскресеньямъ, чѣмъ въ будни? Отъ водки? Отъ пьянства? Оттого, что пьяные мужики валяются и спятъ на Невскомъ проспектѣ среди бѣлаго... вечера, какъ я самъ это видѣлъ! Не думаю. Гуляки изъ рабочаго люда мнѣ не мѣшаютъ и я къ нимъ, оставшись теперь въ Петербургѣ, совсѣмъ привыкъ, хотя прежде терпѣть не могъ, даже до ненависти. Они ходятъ по праздникамъ пьяные, иногда толпами, давятъ и натыкаются на людей—не отъ буянства, а такъ, потому что пьяному нельзя не натыкаться и не давить; сквернословятъ вслухъ, не смотря на цѣлыя толпы дѣтей и женщинъ, мимо которыхъ проходятъ—не отъ нахальства, а такъ, потому что пьяному и нельзя имѣть другаго языка кромѣ сквернословнаго. Именно это языкъ, цѣлый языкъ, я въ этомъ убѣдился недавно, языкъ самый удобный и оригинальный, самый приспособленный къ пьяному или даже лишь къ хмѣльному состоянію, такъ что онъ совершенно не могъ не явиться, и еслибъ его совсѣмъ не было—il faudrait l'inventer. Я вовсе не шутя говорю. Разсудите: извѣстно, что въ хмѣлю, первымъ дѣломъ, связанъ и туго ворочается языкъ во рту, наплывъ-же мыслей и ощущеній у хмѣльнаго, или у всякаго, не какъ стелька пьянаго человѣка почти удесятеряется. А потому естественно требуется, чтобы былъ отысканъ такой языкъ, который могъ-бы удовлетворять этимъ обоимъ, противоположнымъ другъ другу состояніямъ. Языкъ этотъ уже споконъ вѣку отысканъ и принятъ во всей Руси. Это просто за просто названіе одного нелексиконнаго существительнаго, такъ что весь этотъ языкъ состоитъ изъ одного только слова, чрезвычайно удобно-произносимаго. Однажды въ воскресенье, уже къ ночи, мнѣ пришлось пройти шаговъ съ пятнадцать рядомъ съ толпой шестерыхъ пьяныхъ мастеровыхъ и я вдругъ убѣдился, что можно выразить всѣ мысли, ощущенія и даже цѣлыя глубокія разсужденія однимъ лишь названіемъ этого существительнаго, до крайности къ тому-же немногосложнаго. Вотъ одинъ парень рѣзко и энергически произноситъ это существительное, чтобы выразить объ чемъ-то, объ чемъ раньше у нихъ об-

Digitized by Google

щая рѣчь зашла, свое самое презрительное отрицаніе. Другой въ отвѣтъ ему повторяетъ это-же самое существительное, но совсѣмъ уже въ другомъ тонѣ и смыслѣ, — именно въ смыслѣ полнаго сомнѣнія въ правдивости отрицанія перваго парня. Третій вдругъ приходитъ въ негодованіе противъ перваго парня, рѣзко и азартно ввязывается въ разговоръ и кричитъ ему то-же самое существительное, но въ смыслѣ уже брани и ругательства. Тутъ ввязывается опять второй парень въ негодованіи на третьяго, на обидчика, и останавливаетъ его въ такомъ смыслѣ, «что, дескать, чтожь ты такъ, парень, влетѣлъ? Мы разсуждали спокойно, а ты откуда взялся—лѣзешь Фильку ругать!». И вотъ, всю эту мысль онъ проговорилъ тѣмъ-же самымъ однимъ заповѣднымъ словомъ, тѣмъ-же крайне односложнымъ названіемъ одного предмета, развѣ только что поднялъ руку и взялъ третьяго парня за плечо. Но вотъ вдругъ четвертый паренекъ, самый молодой изъ всей партіи, доселѣ молчавшій, должно быть, вдругъ отыскавъ разрѣшеніе первоначальнаго затрудненія, изъ за котораго вышелъ споръ, въ восторгѣ, приподымая руку кричитъ... Эврика, вы думаете? Нашелъ, нашелъ? Нѣтъ, совсѣмъ не эврика и не нашелъ; онъ повторяетъ лишь то-же самое нелексиконное существительное, одно только слово, всего одно слово, но только съ восторгомъ, съ визгомъ упоенія и, кажется, слишкомъ ~~уже~~ сильнымъ, потому что шестому, угрюмому и самому старшему парню это не «показалось» и онъ мигомъ осаживаетъ молокососный восторгъ паренька, обращаясь къ нему, и повторяя угрюмымъ и назидательнымъ басомъ... да все то-же самое запрещенное при дамахъ существительное, что̀, впрочемъ, ясно и точно обозначало: «чего орешь, глотку дерешь!» Итакъ не проговоря ни единаго другаго слова, они повторили это одно только излюбленное ими словечко шесть разъ кряду, одинъ за другимъ, и поняли другъ друга вполнѣ. Это фактъ, которому я былъ свидѣтелемъ. Помилуйте! закричалъ я имъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего (я былъ въ самой серединѣ толпы) всего только десять шаговъ прошли, а шесть разъ (имя рекъ) повторили! Вѣдь это срамежъ! Ну, не стыдно-ли вамъ?

Всѣ вдругъ на меня уставились, какъ смотрятъ на нѣчто совсѣмъ неожиданное и на мигъ замолчали; я думалъ выругаютъ, но не выругали, а только молоденькій паренекъ, пройдя уже шаговъ десять, вдругъ повернулся ко мнѣ и на ходу закричалъ:

— А ты что-же самъ-то семой разъ *его* поминаешь, коли на насъ шесть разовъ насчиталъ?

Раздался взрывъ хохота и партія прошла, уже не безпокоясь болѣе обо мнѣ.

Digitized by Google

3.

Нѣтъ, я не про этихъ гулякъ говорю, и не отъ нихъ мнѣ такъ особенно грустно по воскресеньямъ. Я недавно съ большимъ удивленіемъ открылъ, что есть въ Петербургѣ мужики, мѣщане и мастеровые совершенно трезвые, совсѣмъ ничего не «употребляющіе» даже и по воскресеньямъ; и не это собственно меня удивило, а то, что ихъ несравненно, кажется, больше, чѣмъ я предполагалъ до сихъ поръ. Ну, вотъ на этихъ-то мнѣ смотрѣть еще грустнѣе, чѣмъ на пьяныхъ гулякъ, и не то, чтобъ отъ состраданія къ нимъ; вовсе нѣтъ и причины имъ сострадать; а такъ приходитъ въ голову все какая-то странная мысль... По воскресеньямъ къ вечеру (по буднямъ ихъ совсѣмъ не видать) очень много этого, всю недѣлю занятаго работою, но совершенно трезваго люда выходитъ на улицы. Выходитъ именно погулять. Я замѣтилъ, что на Невскій они никогда не заходятъ, а такъ — все больше прохаживаются около своихъ-же домовъ, или идутъ «прохладно», возвращаясь съ семействами откудова нибудь изъ гостей. (Семейныхъ мастеровыхъ тоже, кажется, очень въ Петербургѣ много). Идутъ они степенно и съ ужасно серьезными лицами, точно и не на прогулкѣ, очень мало разговаривая другъ съ другомъ, особенно мужья съ женами, почти совсѣмъ молча, но всегда разодѣтые по праздничному. Наряды плохи и стары, на женщинахъ пестры, но все вычищено и вымыто къ празднику, нарочно, можетъ быть, къ этому часу. Есть которые и въ русскихъ платьяхъ, но много и въ нѣмецкихъ и брѣющихъ бороду. Досаднѣе всего, что они, кажется, дѣйствительно и серьезно воображаютъ, что этакъ прохаживаясь доставляютъ себѣ несомнѣнное воскресное удовольствіе. Ну, какое-бы, кажется, удовольствіе на этой широкой, оголенной, пыльной улицѣ, пыльной еще послѣ заката солнца? То-то и есть, что имъ и это кажется раемъ; всякому, значитъ, свое.

Очень часто они съ дѣтьми; дѣтей тоже очень много въ Петербургѣ, а еще говорятъ, что они въ немъ ужасно какъ мрутъ. Всѣ эти дѣти, какъ я замѣтилъ, большею частью всегда почти маленькія, перваго возраста, едва ходятъ или совсѣмъ еще не умѣютъ ходить; не потому-ли и такъ мало дѣтей постарше, что не доживаютъ и умираютъ? Вотъ замѣчаю въ толпѣ одинокаго мастероваго, но съ ребенкомъ, съ мальчикомъ, — одинокіе оба и видъ у нихъ у обоихъ такой одинокій. Мастеровому лѣтъ тридцать, испитое и нездоровое лицо. Онъ нарядился по праздничному: нѣмецкій сюртукъ, истертый по швамъ, потертыя пуговицы и сильно засі-

Digitized by Google

лившійся воротникъ сюртука; панталоны «случайные», изъ третьихъ рукъ съ толкучаго рынка, но все вычищено по возможности. Коленкоровая манишка и галстухъ, шляпа цилиндръ, очень смятая, бороду брѣетъ. Должно быть, гдѣ нибудь въ слесарной или чѣмъ нибудь въ типографіи. Выраженіе лица мрачно-угрюмое, задумчивое, жесткое, почти злое. Ребенка онъ держитъ за руку, и тотъ колыхается за нимъ, кое-какъ перекачиваясь. Это мальчикъ лѣтъ двухъ съ небольшимъ, очень слабенькій, очень блѣдненькій, но одѣтъ въ кафтанчикъ, въ сапожкахъ съ красной оторочкой и съ павлиньимъ перышкомъ на шляпѣ. Онъ усталъ; отецъ ему что-то сказалъ, можетъ быть, просто сказалъ, а вышло, что какъ будто прикрикнулъ. Мальчикъ притихъ. Но прошли еще шаговъ пять и отецъ нагнулся, бережно поднялъ ребенка, взялъ на руки и понесъ. Тотъ привычно и довѣрчиво прильнулъ къ нему, обхватилъ его за шею правой ручкой и съ дѣтскимъ удивленіемъ сталъ пристально смотрѣть на меня: «Чего, дескать, я иду за ними и такъ смотрю?» Я кивнулъ было ему головой и улыбнулся, но онъ нахмурилъ бровки и еще крѣпче ухватился за отцовскую шею. Друзья, должно быть, оба большіе.

Я люблю, бродя по улицамъ, присматриваться къ инымъ совсѣмъ незнакомымъ прохожимъ, изучать ихъ лица и угадывать: кто они, какъ живутъ, чѣмъ занимаются и что особенно ихъ въ эту минуту интересуетъ. Про мастероваго съ мальчикомъ мнѣ пришло тогда въ голову, что у него, всего только съ мѣсяцъ тому, умерла жена и почему-то непремѣнно отъ чахотки. За сироткой-мальчикомъ (отецъ всю недѣлю работаетъ въ мастерской) пока присматриваетъ какая нибудь старушонка въ подвальномъ этажѣ, гдѣ они нанимаютъ каморку, а, можетъ быть, всего только уголъ. Теперь-же, въ воскресенье, вдовецъ съ сыномъ ходили куда нибудь далеко на Выборгскую, къ какой нибудь единственной оставшейся родственницѣ, всего вѣрнѣе къ сестрѣ покойницы, къ которой не очень-то часто ходили прежде и которая замужемъ за какимъ нибудь унтеръ-офицеромъ съ нашивкой и живетъ непремѣнно въ каком нибудь огромнѣйшемъ казенномъ домѣ и тоже въ подвальномъ этажѣ, но особнячкомъ. Та, можетъ быть, повздыхала о покойницѣ, но не очень; вдовецъ, навѣрно, тоже не очень вздыхалъ во время визита, но все время былъ угрюмъ, говорилъ рѣдко и мало, непремѣнно свернулъ на какой нибудь дѣловой, спеціальный пунктъ, но и о немъ скоро пересталъ говорить. Должно быть, поставили самоваръ, выпили въ прикуску чайку. Мальчикъ все время сидѣлъ на лавкѣ въ углу, хмурился и дичился, а подъ конецъ задремалъ. И тетка и мужъ ея мало обращали на него вниманія, но

Digitized by Google

молочка съ хлѣбцемъ, наконецъ-таки, дали, причемъ хозяинъ унтеръ-офицеръ, до сихъ поръ не обращавшій на него никакого вниманія, что нибудь съострилъ про ребенка въ видѣ ласки, но что нибудь очень соленое и неудобное, и самъ (одинъ, впрочемъ) тому разсмѣялся, а вдовецъ, напротивъ, именно въ эту минуту строго и неизвѣстно за что̀ прикрикнулъ на мальчика, вслѣдствіе чего тому немедленно захотѣлось аа и тутъ отецъ уже безъ крику и съ серьезнымъ видомъ вынесъ его на минутку изъ комнаты... Простились также угрюмо и чинно, какъ и разговоръ вели, съ соблюденіемъ всѣхъ вѣжливостей и приличій. Отецъ сгребъ на руки мальчика и понесъ домой, съ Выборгской на Литейную. Завтра опять въ мастерскую, а мальчикъ къ старушонкѣ. И вотъ ходишь-ходишь и все этакія пустыя картинки и придумываешь для своего развлеченія. Никакого въ этомъ нѣтъ толку и «ничего поучительнаго нельзя извлечь». Оттого и беретъ хандра по воскресеньямъ, въ каникулы, на пыльныхъ и угрюмыхъ петербургскихъ улицахъ. Что̀, не приходило вамъ въ голову, что въ Петербургѣ угрюмыя улицы? Мнѣ кажется, это самый угрюмый городъ, какой только можетъ быть на свѣтѣ!

Правда, и въ будни выносятъ дѣтей во множествѣ, но по воскресеньямъ къ вечеру ихъ является на улицахъ чуть не вдесятеро болѣе. Какія все испитыя, какія блѣдныя, худосочныя, малокровныя и какія у нихъ угрюмыя личики, особенно у тѣхъ, которыя еще на рукахъ; а тѣ, которыя уже ходятъ—всѣ съ кривыми ножками и всѣ на ходу сильно колыхаются изъ стороны въ сторону. Почти всѣ, впрочемъ, тщательно пріодѣты. Но, Боже мой, ребенокъ что цвѣтокъ, что листокъ завязавшійся весною на деревѣ; ему надо свѣту, воздуху, воли, свѣжей пищи, и вотъ, вмѣсто всего этого, душный подвалъ съ какимъ нибудь квасным или капустнымъ запахомъ, страшное зловоніе по ночамъ, нездоровая пища, тараканы и блохи, сырость, влага, текущая со стѣнъ, а на дворѣ—пыль, кирпичъ и известка.

Но они любятъ своихъ блѣдныхъ и худосочныхъ дѣтей. Вотъ маленькая, трехлѣтняя дѣвочка, хорошенькая и въ свѣжемъ платьицѣ спѣшитъ къ матери, которая сидитъ у воротъ, въ большомъ обществѣ, сошедшемся со всего дома часокъ-другой поболтать. Мать болтаетъ, но глазомъ наблюдаетъ ребенка, играющаго отъ нея въ десяти шагахъ. Дѣвочка нагнулась что-то поднять, какой-то камушекъ, и неосторожно наступила на свой подолъ ножками и вотъ никакъ распрямиться не можетъ, раза два пробовала, упала и заплакала. Мать приподнялась было къ ней на помощь, но я поднялъ дѣвочку раньше. Она выпрямилась, быстро и любопытно на меня

Digitized by Google

посмотрѣла, еще со слезинками на глазахъ, и вдругъ бросилась, немного въ испугѣ и въ дѣтскомъ смущеніи, къ матери. Я подошелъ и учтиво освѣдомился сколько лѣтъ дѣвочкѣ; мать привѣтливо, но очень сдержанно мнѣ отвѣтила. Я сказалъ, что и у меня такая-же дѣвочка; на это уже не послѣдовало отвѣта: «Можетъ, ты и хорошій человѣкъ» — молча глядѣла на меня мать — «да только чтожь тебѣ тутъ стоять, проходилъ-бы мимо». Вся разговорившаяся публика тоже затихла и тоже какъ будто это-же самое думала. Я притронулся къ шляпѣ и прошелъ мимо.

Вотъ другая дѣвочка на бойкомъ перекресткѣ отстала отъ матери, которая до сихъ поръ ее вела за руку. Правда, бабенка вдругъ увидала, шагахъ въ пятнадцати отъ себя товарку, пришедшую ее навѣстить, и надѣясь, что ребенокъ знаетъ дорогу, бросила его ручку и пустилась бѣгомъ встрѣчать гостью, но ребенокъ, оставшійся вдругъ одинъ, испугался и закричалъ, въ слезахъ догоняя мать.

Сѣдой и совсѣмъ незнакомый прохожій, мѣщанинъ съ бородой, вдругъ останавливаетъ на дорогѣ незнакомую ему бѣгущую женщину и схватываетъ ее за руку:

— Чего разбѣжалась! Вишь ребенокъ сзади кричитъ; такъ нельзя; испужаться можетъ.

Бабенка хотѣла что-то бойко возразить, но не возразила, одумалась; безо всякой досады и нетерпѣнія взяла на руки добѣжавшую къ ней дѣвочку и уже чинно пошла къ своей гостьѣ. Мѣщанинъ строго выждалъ до конца и направился своею дорогою.

Пустыя, самыя пустыя картинки, которыя даже совѣстно вносить въ дневникъ. Впредь постараюсь быть гораздо серьезнѣе.

XIV.

Учителю *).

За прошлыя мои три маленькія картинки («Гражданинъ» № 29) московскій фельетонистъ обругалъ меня въ нашемъ петербургскомъ «Голосѣ» (№ 210),—кажется, изъ цѣломудрія, за то, что я, въ картинкѣ № 2, заговоривъ о сквернословномъ языкѣ нашего хмѣльнаго народа, упомянулъ, ужь конечно, не называя прямо, объ одномъ неприличномъ предметѣ... «Мнѣ и въ голову не

*) № 32 «Гражданина» 1873 г.

Digitized by Google

могло придти, до чего можетъ дописаться фельетонистъ, когда у него нѣтъ подъ рукой подходящаго матерьяла», говоритъ обо мнѣ московскій мой обличитель. И такъ выходитъ, что я прибѣгнулъ къ неприличному предмету единственно для оживленія моего фельетона, для сока, для кайенскаго перцу...

Вотъ это мнѣ грустно; а я-то даже думалъ, что заключатъ изъ моего фельетона именно противоположное, т. е. что изъ огромнаго матеріала я вывелъ мало. Я думалъ, что названіе спасетъ меня: маленькія картинки, а не большія, съ маленькихъ не такъ спросятъ. Я и набросалъ лишь нѣсколько грустныхъ мыслей о праздничномъ времяпрепровожденіи чернорабочаго петербургскаго люда. Скудость ихъ радостей, забавъ, скудость ихъ духовной жизни, подвалы, гдѣ возрастаютъ ихъ блѣдныя, золотушныя дѣти, скучная, вытянутая въ струнку широкая петербурская улица, какъ мѣсто ихъ прогулки, этотъ молодой мастеровой вдовецъ съ ребенкомъ на рукахъ (картинка истинная)—все это мнѣ показалось матеріаломъ для фельетона достаточнымъ, такъ что, повторяю, можно было-бы упрекнуть меня совершенно въ обратномъ смыслѣ,—т. е. что я мало изъ такого богатаго матеріала сдѣлалъ. Меня утѣшало, что я хоть намекнулъ на мой главный выводъ, т. е. что въ огромномъ большинствѣ народа нашего, даже и въ петербурскихъ подвалахъ, даже и при самой скудной духовной обстановкѣ,—есть всетаки стремленіе къ достоинству, къ нѣкоторой порядочности, къ истинному самоуваженію; сохраняется любовь къ семьѣ, къ дѣтямъ. Меня особенно поразило, что они такъ дѣйствительно и даже съ нѣжностью любятъ своихъ болѣзненныхъ дѣтей; я именно обрадовался мысли, что безпорядки и безчинства въ семейномъ быту народа, даже среди такой обстановки какъ въ Петербургѣ, все-же пока исключенія, хотя, быть можетъ, и многочисленныя, и думалъ подѣлиться этимъ свѣжимъ впечатлѣніемъ съ читателями. Я какъ разъ прочелъ передъ тѣмъ въ одномъ фельетонѣ преоткровенное признаніе одного ужь, конечно, умнаго человѣка, по поводу вышедшей одной оффиціальнаго характера книги,—именно: что заниматься вопросомъ о томъ: полезна или не полезна была народу реформа?—есть въ сущности вопросъ праздный; что еслибъ даже и не полезна она оказалась народу, то все равно, проваливайся все, а реформа должна была совершиться (и въ этомъ, пожалуй, много правды, на основаніи pereat mundus, несмотря на постановку вопроса). И наконецъ, что касается собственно до народа, до мужиковъ, то—признался фельетонистъ весьма явственно—«это вѣдь и правда, что собственно народъ нашъ не стоилъ реформы»—«и что если мы до реформы, в литературѣ и публицистикѣ, вѣнчали лаврами и розами, съ гг. Марк

Digitized by Google

Вовчкомъ и Григоровичемъ, мужиковъ, то вѣдь мы очень хорошо знаемъ, что вѣнчали только вшивыя головы... Но нужно было это тогда для подживленія дѣла» и т. д. Вотъ сущность мысли (изложеніе мое не буквальное), выраженной въ фельетонѣ съ такою откровенностію и уже безъ малѣйшей прежней церемоніи. Признаюсь, эта слишкомъ уже откровенная мысль, эта обнаженность ея, почти впервые обнаружившаяся съ такимъ удовольствіемъ, привела меня тогда въ прелюбопытное настроеніе духа, и, помню, я тогда заключилъ, что мы, ну, напримѣръ, въ «Гражданинѣ», хоть и раздѣляемъ первую часть этой мысли, т. е. реформа, даже несмотря ни на какія послѣдствія, но все-же не раздѣлимъ ни за что второй части этой роковой мысли и твердо увѣрены, что вшивыя головы всетаки были достойны реформы и даже совсѣмъ не ниже ея. Я думаю, подобное убѣжденіе можетъ составлять именно одну изъ характерныхъ сторонъ собственно нашего направленія; вотъ почему я объ этомъ теперь и упоминаю.

Что-же касается до моего фельетона... А кстати, московскій фельетонистъ, мой собратъ по перу, неизвѣстно почему думаетъ, что я стыжусь названія фельетониста и увѣряетъ на французскомъ языкѣ, что я—«plus feuilletoniste que Jules Janin, plus catholique que le pape». Этотъ французскій языкъ изъ Москвы, конечно, тутъ для того, чтобъ подумали, что авторъ хорошаго тона, но всетаки не понимаю къ чему тутъ приписываемое мнѣ исповѣданіе католической религіи и къ чему понадобился тутъ бѣдный папа? А что до меня, то я лишь выразился, что я не «петербургскій» фельетонистъ, и хотѣлъ лишь этимъ сказать, на всякій случай для будущаго, что въ моемъ «Дневникѣ» не объ одной собственно петербургской жизни пишу и намѣренъ писать, а, стало быть, и спрашивать съ меня слишкомъ подробныхъ отчетовъ о петербургской жизни, когда я заговорю о ней по необходимости, — нечего. Если-же московскому моему учителю непремѣнно хочется назвать мой «Дневникъ» фельетономъ, то пусть; я этимъ очень доволенъ.

Московскій учитель мой увѣряетъ, что фельетонъ мой произвелъ фуроръ въ Москвѣ «въ рядахъ и Зарядьѣ», и называетъ его гостиннодворскимъ фельетономъ. Очень радъ, что доставилъ такое удовольствіе читателямъ изъ этихъ мѣстъ нашей древней столицы. Но ядъ въ томъ, что будто я нарочно и билъ на эффектъ; за неимѣніемъ читателей высшихъ, искалъ читателей въ Зарядьѣ, и съ этою цѣлью заговорилъ *«о немъ»*, а, стало быть, я — «самый нахлѣбничивый изъ всѣхъ фельетонистовъ»...

...„То-ись ума не приберу — (пишетъ учитель, разсказывая объ эффектѣ моего фельетона въ Москвѣ)—ума не приберу, что это за диковинка

такая, какой спросъ на этого „Гражданина“ вышелъ, удивлялся одинъ изъ газетныхъ разносчиковъ на мой вопросъ о спросѣ на „Гражданинъ“. Когда я объяснилъ ему въ чемъ дѣло, разносчикъ побѣжалъ къ Мекленбургу и Жи ареву—нашимъ оптовымъ торговцамъ газетами, чтобы взять оставшіеся нумера но ихъ и тамъ расхватали: „все-то изъ рядовъ да изъ Зарядья спрашиваютъ“... Дѣло въ томъ, что до Гостинаго двора дошло свѣдѣніе, что въ „Гражданинѣ“ напечатана цѣлая статья *объ немъ*, и вотъ гостиннодворцы, вмѣсто того, чтобы покупать „Развлеченіе“, кинулись на „Гражданинъ“...

Да вѣдь это вовсе недурно, послушайте, это извѣстіе, и напрасно вы стыдите меня гостиннодворскими читателями. Напротивъ, очень-бы желалъ пріобрѣсти ихъ расположеніе, ибо вовсе не такъ худо о нихъ думаю, какъ вы о нихъ думаете. Видите-ли, покупали они, конечно, для смѣху и изъ того, что скандалъ вышелъ. На скандалъ всякій человѣкъ набрасывается, это уже свойство всякаго человѣка, преимущественно въ Россіи (вы, напримѣръ, вотъ набросились-же); такъ что гостиннодворцевъ за это, я думаю, нельзя презирать слишкомъ-то спеціально. Что-же до забавы, до смѣху,—то есть разныя забавы и разный смѣхъ, даже въ самыхъ соблазнительныхъ случаяхъ. Учитель мой, впрочемъ, оговаривается; онъ прибавляетъ: «Я увѣренъ, что перомъ автора «картинки объ *немъ*» руководили самыя добрыя намѣренія, когда онъ писалъ этотъ гостиннодворскій фельетонъ»,—т. е. учитель дѣлаетъ мнѣ честь, допуская, что я не имѣлъ непосредственною и главною цѣлью, упоминая о *немъ*, развратить народъ. Благодаримъ хоть за это; такъ какъ авторъ пишетъ въ «Голосѣ», то великодушная оговорка эта, пожалуй, и не лишняя, ибо знаю по опыту, что Андрею Александровичу ничего не стоитъ обвинить меня въ чемъ угодно, даже въ развратительныхъ цѣляхъ противъ народа и общества русскаго. (Обвинялъ-же меня въ крѣпостничествѣ). Андрей Александровичъ сказался тоже подъ вашимъ перомъ и въ удивительной обратной догадкѣ: «и если подобныя «картинки» ваши ничего не сдѣлаютъ для исправленія гулякъ изъ рабочаго люда»... говорите вы. Такая догадка какъ разъ изъ головы Андрея Александровича! Вѣдь придетъ-же въ голову, что я писалъ, имѣя непосредственною и ближайшею цѣлью исправить (отъ сквернословія) нашъ ругающійся рабочій народъ! Да вѣдь они не только про насъ съ вами, но даже и про Андрея-то Александровича никогда не слыхивали—эти изъ рабочаго-то люда, которыхъ я описывалъ въ моемъ фельетонѣ!

Нѣтъ, я писалъ съ другимъ направленіемъ—о семъ «существительномъ», «при дамахъ къ произнесенію неудобнымъ», «а между пьяными наиболѣе употребительномъ»—и настаиваю, что имѣлъ довольно серьезную и извинительную цѣль, и это вамъ докажу. Мысль

Digitized by Google

моя была доказать—цѣломудренность народа русскаго, указать, что народъ нашъ, въ пьяномъ видѣ (ибо въ трезвомъ сквернословятъ несравненно рѣже), если и сквернословитъ, то дѣлаетъ это не изъ любви къ скверному слову, не изъ удовольствія сквернословить, а просто по гадкой привычкѣ, перешедшей чуть не въ необходимость, такъ что даже самыя далекія отъ сквернословія мысли и ощущенія выражаетъ въ сквернословныхъ-же словахъ. Я указывалъ дальше, что главную причину этой сквернословной привычки искать надо въ пьянствѣ. Про догадку мою о потребности, въ пьяномъ видѣ, когда туго ворочается языкъ и между тѣмъ сильное желаніе говорить—прибѣгать къ словамъ краткимъ, условнымъ и выразительнымъ—про эту догадку мою можете думать что̀ угодно; но что народъ нашъ цѣломудренъ, даже и сквернословя,—на это стоило указать. Я даже имѣю дерзость утверждать, что эстетически и умственно развитые слои нашего общества несравненно развратнѣе, въ этомъ смыслѣ, нашего грубаго и столь неразвитаго простаго народа. Въ мужскихъ обществахъ, даже самаго высшаго круга, случается иногда, послѣ ужина, иной разъ даже между сѣдыми и звѣздоносными старичками, когда уже переговорятъ о всѣхъ важныхъ и даже иногда государственныхъ матеріяхъ — перейти мало по малу на эстетически каскадныя темы. Эти каскадныя темы быстро, въ свою очередь, переходятъ въ такой развратъ, въ такое сквернословіе, что никогда воображенію народному даже и не представить себѣ ничего подобнаго. Это случается ужасно часто, между всѣми оттѣнками этого столь возвышеннаго надъ народомъ круга людей. Мужи, извѣстные самыми идеальными добродѣтелями, даже богомольцы, даже самые романтическіе поэты съ жадностью участвуютъ въ сихъ разговорахъ. Тутъ всего важнѣе именно то, что иные изъ сихъ мужей—почтенны безспорно и дѣлаютъ много и хорошихъ поступковъ. Нравится имъ именно пакость и утонченность пакости, не столько скверное слово, сколько идея, въ немъ заключающаяся; нравится низость паденія, нравится именно вонь, словно лимбургскій сыръ (неизвѣстный народу) утонченному гастрономy; тутъ именно потребность размазать и понюхать, и упиться запахомъ. Они смѣются, они объ этой пакости, конечно, говорятъ свысока, но видно, что она имъ нравится и что безъ нея они уже обойтись не могутъ, хоть на словахъ. Совсѣмъ иной смѣхъ у народа, хотя-бы даже и на эти темы. Я увѣренъ, что у васъ въ Зарядьѣ смѣялись не для пакости, не изъ любви *къ нему и къ искусству*, а смѣхомъ въ высшей степени простодушнымъ, не развратнымъ, здоровымъ, хотя и грубоватымъ, — совсѣмъ не такимъ, какимъ смѣются иные разрушители въ нашемъ обществѣ или въ нашей литературѣ. На-

Digitized by Google

родъ сквернословитъ зря, и часто не объ томъ совсѣмъ говоря. Народъ нашъ не развратенъ, а *очень даже цѣломудренъ*, несмотря на то, что это безспорно самый сквернословный народъ въ цѣломъ мірѣ,—и объ этой противоположности, право, стоитъ хоть немножко подумать.

Московскій учитель мой оканчиваетъ обо мнѣ въ своемъ фельетонѣ съ чрезмѣрною, почти сатанинскою гордостью.

«Я воспользуюсь примѣромъ почтеннаго коллеги (т. е. *моимъ*), говоритъ онъ,—когда мнѣ случится писать фельетонъ, а матерьяла никакого не будетъ, и постараюсь тогда заняться тоже «картинками»,—(какое презрѣнье!)—но въ данный моментъ мнѣ нѣтъ надобности пользоваться преподаннымъ мнѣ примѣромъ—(т. е. у умнаго человѣка и безъ «*него*» всегда много мыслей) потому что хоть у насъ въ Москвѣ тоже «жаръ и пыль», «пыль и жаръ»—(начальныя слова моего фельетона—для того чтобъ еще разъ устыдить меня)—но изъ этой пыли—(а-а! вотъ тутъ-то теперь и пойдетъ, вотъ онъ покажетъ намъ сейчасъ, что̀ можетъ умная *московская* фельетонная голова вывести даже изъ «этой пыли»—сравнительно съ петербургскими), но изъ этой пыли и изъ подъ этого жара—(это что-же такое «изъ подъ жара»?) можно, при извѣстной внимательности, усмотрѣть—(слушайте! слушайте!)—«что жизненный пульсъ нашей бѣлокаменной, значительно слабѣющій лѣтомъ, начинаетъ, такъ сказать, оживляться съ тѣмъ, чтобы, оживляясь все болѣе и болѣе, достигнуть въ зимніе мѣсяцы той интенсивности, дальше которой уже не можетъ идти пульсъ московской жизни».

Вотъ такъ мысль! Вонъ оно какъ у насъ въ Москвѣ-то! А мнѣ-то, мнѣ-то какой урокъ! А знаете что̀, учитель? Мнѣ-то вотъ и кажется, что вы нарочно подхватили у меня о *немъ*, именно чтобъ сдѣлать и вашъ фельетонъ занимательнѣе (а то что̀ интенсивность-то!), можетъ быть, даже позавидовали моему успѣху въ Зарядьѣ! Это очень и очень можетъ быть. Не стали-бы вы такъ копаться и размазывать и столько разъ поминать объ этомъ; мало того что поминали и размазывали, даже нюхали...

...„все же мы доросли, по крайней мѣрѣ, чтобъ разнюхать, когда намъ подносятъ что нибудь уже очень бьющее въ носъ и умѣемъ цѣнить это, помимо намѣреній автора“...

Ну, такъ чѣмъ-же пахнетъ?

Digitized by Google

XV.

Нѣчто о враньѣ *).

Отчего у насъ всѣ лгутъ, всѣ до единаго? Я убѣжденъ, что тотчасъ-же остановятъ меня и закричатъ: «Э, вздоръ, совсѣмъ не всѣ! У васъ темы нѣтъ, вотъ вы и выдумываете, чтобъ начать по эффектнѣе». Безтемностью меня ужь попрекали; но въ томъ и дѣло, что я дѣйствительно въ этой поголовности нашего лганья теперь убѣжденъ. Пятьдесятъ лѣтъ живешь съ идеею, видишь и осязаешь ее, и вдругъ она предстанетъ въ такомъ видѣ, что, какъ будто, совсѣмъ и не зналъ ея до сихъ поръ. Съ недавняго времени меня вдругъ осѣнила мысль, что у насъ въ Россіи, въ классахъ интеллигентныхъ, даже совсѣмъ и не можетъ быть не лгущаго человѣка. Это именно потому, что у насъ могутъ лгать даже совершенно честные люди. Я убѣжденъ, что въ другихъ націяхъ, въ огромномъ большинствѣ, лгутъ только одни негодяи; лгутъ изъ практической выгоды, т. е. прямо съ преступными цѣлями. Ну, а у насъ могутъ лгать совершенно даромъ самые почтенные люди и съ самыми почтенными цѣлями. У насъ, въ огромномъ большинствѣ, лгутъ изъ гостепріимства. Хочется произвесть эстетическое впечатлѣніе въ слушателѣ, доставить удовольствіе, ну и лгутъ, даже, такъ сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнитъ кто угодно—не случалось-ли ему разъ двадцать прибавить, напримѣръ, число верстъ, которое проскакали въ часъ времени везшія его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиленія радостнаго впечатлѣнія въ слушателѣ. И не обрадовался-ли дѣйствительно слушатель до того, что тотчасъ-же сталъ увѣрять васъ объ одной знакомой тройкѣ, которая на пари обогнала желѣзную дорогу, и т. д. и т. д. Ну, а охотничьи собаки, или о томъ, какъ вамъ въ Парижѣ вставляли зубы, или о томъ, какъ васъ вылѣчилъ здѣсь Боткинъ? Не разсказывали-ли вы о своей болѣзни такихъ чудесъ, что хотя, конечно, и повѣрили сами себѣ съ половины разсказа (ибо съ половины разсказа всегда самъ себѣ начинаешь вѣрить), но однако, ложась на ночь спать и съ удовольствіемъ вспоминая, какъ пріятно пораженъ былъ вашъ слушатель, вы вдругъ остановились и невольно проговорили: «Э, какъ я вралъ!» Впрочемъ, примѣръ этотъ слабъ, ибо нѣтъ пріятнѣе какъ говорить

*) № 35 „Гражданина“ 1873 г.

Digitized by Google

о своей болѣзни, если только найдется слушатель; а заговорить, такъ ужь невозможно не лгать; это даже лечить больнаго. Не, возвратясь изъ за границы, не разсказывали-ли вы о тысячѣ вещей, которыя видѣли «своими глазами»... впрочемъ, и этотъ примѣръ я беру назадъ: не прибавлять объ «заграницѣ» возвратившемуся оттуда русскому человѣку нельзя; иначе не зачѣмъ было-бы туда ѣздить. Но, напримѣръ, естественныя науки! Не толковали-ли вы о естественныхъ наукахъ, или о банкротствахъ и бѣгствахъ разныхъ петербургскихъ и другихъ жидовъ за границу, ровно ничего не смысля въ этихъ жидахъ и не зная въ зубъ толкнуть о естественныхъ наукахъ? Позвольте, — не передавали-ли вы анекдотъ будто-бы съ вами случившагося, тому-же самому лицу, которое вамъ-же про себя и разсказывало? Неужели вы позабыли, какъ, съ половины разсказа, вдругъ припомнили и объ этомъ догадались, что ясно подтвердилось и въ страдающемъ взглядѣ вашего слушателя, упорно на васъ устремленномъ (ибо въ такихъ случаяхъ почему-то съ удесятереннымъ упорствомъ смотрятъ другъ другу въ глаза); помните, какъ, несмотря ни на что и уже лишившись всего вашего юмора, вы всетаки съ мужествомъ, достойнымъ великой цѣли, продолжали лепетать вашу повѣсть и, кончивъ поскорѣе съ нервно-уторопленными учтивостями, пожатіемъ рукъ и улыбками, разбѣжались въ разныя стороны, такъ что когда васъ вдругъ дернуло ни съ того, ни съ сего, въ порывѣ послѣдней конвульсіи, крикнуть уже на лѣстницу, сбѣгавшему по ней вашему слушателю, вопросъ о здоровьи его тетушки, то онъ не обернулся и не отвѣтилъ тогда о тетушкѣ,—что и осталось въ воспоминаніяхъ вашихъ мучительнѣе всего изъ всего этого съ вами случившагося анекдота. Однимъ словомъ, если кто на все это мнѣ отвѣтитъ: *нѣтъ*, т. е., что онъ не передавалъ анекдотовъ, не трогалъ Боткина, не лгалъ объ жидахъ, не кричалъ съ лѣстницы о здоровьи тетушки и что ничего подобнаго съ нимъ никогда не случалось, — то я просто этому не повѣрю. Я знаю, что русскій лгунъ сплошь да рядомъ лжетъ совсѣмъ для себя непримѣтно, такъ что просто можно было совсѣмъ не примѣтить. Вѣдь что случается: чуть только солжетъ человѣкъ и удачно, то такъ слюбится, что и включаетъ анекдотъ въ число несомнѣнныхъ фактовъ своей собственной жизни, и дѣйствуетъ совершенно совѣстливо, потому что самъ вполнѣ тому вѣритъ; да и неестественно было-бы иногда не повѣрить.

«Э, вздоръ! скажутъ мнѣ опять,—«лганье невинное, пустяки, ничего міроваго». Пусть. Я самъ соглашаюсь, что все очень не-

Digitized by Google

винно и намекаетъ лишь на благородныя свойства характера, на чувство благодарности, напримѣръ. Потому что если васъ слушали, когда вы лгали, то нельзя-же не дать поврать и слушателю, хотя-бы изъ одной благодарности.

Деликатная взаимность вранья есть почти первое условіе русскаго общества—всѣхъ русскихъ собраній, вечеровъ, клубовъ, ученыхъ обществъ и проч. Въ самомъ дѣлѣ, только правдивая тупица какая нибудь вступается въ такихъ случаяхъ за правду и начинаетъ вдругъ сомнѣваться въ числѣ проскаканныхъ вами верстъ, или въ чудесахъ, сдѣланныхъ съ вами Боткинымъ. Но это лишь безсердечные и гемороидальные люди, которые сами-же и немедленно несутъ за то наказаніе, удивляясь потомъ отчего оно ихъ постигло? Люди бездарные. Тѣмъ не менѣе все это лганье, не смотря на всю невинность свою, намекаетъ на чрезвычайно важныя основныя наши черты до того, что ужь тутъ почти начинаетъ выступать міровое. Напримѣръ, 1) на то, что мы, Русскіе, прежде всего боимся истины, т. е. и не боимся, если хотите, а постоянно считаемъ истину чѣмъ-то слишкомъ ужь для насъ скучнымъ и прозаичнымъ, недостаточно поэтичнымъ, слишкомъ обыкновеннымъ. и тѣмъ самымъ, избѣгая ея постоянно, сдѣлали ее, наконецъ, одною изъ самыхъ необыкновенныхъ и рѣдкихъ вещей въ нашемъ русскомъ мірѣ (я не про газету говорю). Такимъ образомъ у насъ совершенно утратилась аксіома: что истина — поэтичнѣе всего что̀ есть на свѣтѣ, особенно въ самомъ чистомъ своемъ состояніи; мало того, даже фантастичнѣе всего, что̀ могъ-бы налгать и напредставить себѣ повадливый умъ человѣческій. Въ Россіи истина почти всегда имѣетъ характеръ вполнѣ фантастическій. Въ самомъ дѣлѣ, люди сдѣлали, наконецъ, то, что все, что̀ налжетъ и перелжетъ себѣ умъ человѣческій, имъ уже гораздо понятнѣе истины, и это сплошь на всемъ свѣтѣ. Истина лежитъ передъ людьми по сту лѣтъ на столѣ и ее они не берутъ, а гоняются за придуманнымъ, именно потому, что ее-то и считаютъ фантастичнымъ и утопическимъ.

Второе, на что̀ наше всеобщее русское лганье намекаетъ, это то, что мы всѣ стыдимся самихъ себя. Дѣйствительно, всякій изъ насъ носитъ въ себѣ чуть-ли не прирожденный стыдъ за себя и за свое собственное лицо и, чуть въ обществѣ, всѣ русскіе люди тотчасъ-же стараются, поскорѣе и во что̀-бы ни стало, каждый показаться непремѣнно чѣмъ-то другимъ, но только не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, каждый спѣшитъ принять совсѣмъ другое лицо.

Еще Герценъ сказалъ про Русскихъ за границею, что они никакъ не умѣютъ держать себя въ публикѣ: говорятъ громко, когда всѣ молчатъ, и не умѣютъ слова сказать прилично и натурально,

Digitized by Google

когда надобно говорить. И это истина: сейчасъ-же вывертъ, ложь, мучительная конвульсія; сейчасъ-же потребность устыдиться всего, что̀ есть въ самомъ дѣлѣ, спрятать и прибрать свое, данное Богомъ русскому человѣку лицо и явиться другимъ, какъ можно болѣе чужимъ и нерусскимъ лицомъ. Все это изъ самаго полнаго внутренняго убѣжденія, что собственное лицо у каждаго Русскаго—непремѣнно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если онъ возьметъ французское лицо, англійское, однимъ словомъ не свое лицо, то выйдетъ нѣчто гораздо почтеннѣе, и что подъ этимъ видомъ его никакъ не узнаютъ. Отмѣчу при этомъ нѣчто весьма характерное: весь этотъ дрянной стыдишка за себя и все это подлое самоотрицаніе себя—въ большинствѣ случаевъ безсознательны; это нѣчто конвульсивное и непреоборимое; но, въ сознаніи, Русскіе,—хотя-бы и самые полные самоотрицатели изъ нихъ, — всетаки съ ничтожностію своею не такъ скоро соглашаются въ такомъ случаѣ и непремѣнно требуютъ уваженія: «Я вѣдь совсѣмъ какъ Англичанинъ, разсуждаетъ Русскій,—стало быть, надо уважать и меня, потому что всѣхъ Англичанъ уважаютъ». Двѣсти лѣтъ вырабатывался этотъ главный типъ нашего общества подъ непремѣннымъ, еще двѣсти лѣтъ тому назадъ указаннымъ принципомъ: «ни за что̀ и никогда не быть самимъ собою, взять другое лицо, а свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя» — и результаты вышли самые полные. Нѣтъ ни Нѣмца, ни Француза, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ такого Англичанина, который, сойдясь съ другими, стыдился-бы своего лица, если по совѣсти увѣренъ, что ничего не сдѣлалъ дурнаго. Русскій очень хорошо знаетъ, что нѣтъ такого Англичанина; а воспитанный Русскій знаетъ и то, что не стыдиться своего лица, даже гдѣ-бы то ни было, есть именно самый главный и существенный пунктъ собственнаго достоинства. Вотъ почему онъ и хочетъ казаться поскорѣй Французомъ иль Англичаниномъ, именно затѣмъ, чтобъ и его приняли поскорѣй за такого-же, который нигдѣ и никогда не стыдится своего лица.

«Невинности, старина, говорено уже тысячу разъ», скажутъ опять. Пусть, но вотъ уже нѣчто похарактернѣе. Есть пунктъ, въ которомъ всякій русскій человѣкъ разряда интеллигентнаго, являясь въ общество или въ публику, ужасно требователенъ и ни за что̀ уступить не можетъ. (Другое дѣло—у себя дома и самъ про себя). Пунктъ этотъ—умъ, желанье показаться умнѣе, чѣмъ есть, и — замѣчательно это—отнюдь не желаніе показаться умнѣе всѣхъ, или даже кого-бы то ни было, а только лишь *не глупѣе никого*. «При-

Digitized by Google

знай, дескать, меня, что я не глупѣе никого, и я тебя признаю, что и ты не глупѣй никого». Опять таки тутъ нѣчто въ родѣ взаимной благодарности. Передъ авторитетомъ европейскимъ, напримѣръ, русскій человѣкъ, какъ извѣстно, со счастьемъ и поспѣшностью преклоняется, даже не позволяя себѣ анализа; даже особенно не любитъ анализа въ такихъ случаяхъ. О, другое дѣло, если геніальное лицо сойдетъ съ пьедестала или даже просто выйдетъ изъ моды: тогда нѣтъ строже русской интеллигенціи къ такому лицу, нѣтъ предѣла ея высокомѣрію, презрѣнію, насмѣшкѣ. Мы пренаивно удивляемся потомъ, если вдругъ какъ нибудь узнаемъ, что въ Европѣ все еще продолжаютъ смотрѣть на сошедшее у нихъ съ пьедестала лицо съ уваженіемъ и цѣнить его по достоинству. Но зато тотъ-же самый русскій человѣкъ, хотя-бы и преклонился передъ геніемъ въ модѣ даже и безъ анализа, всетаки ни за что̀ и никогда не признаетъ себя глупѣе этого генія, предъ которымъ самъ сейчасъ преклонился, будь онъ разъевропейскій. «Ну, Гёте,—ну, Либихъ,—ну, Бисмаркъ, ну, положимъ... а всетаки и я тоже», — представляется каждому Русскому непремѣнно, даже изъ самыхъ плюгавенькихъ, если только дойдетъ до того. И не то, что представляется, ибо сознанія тутъ почти никакого, а только какъ-то его всего дергаетъ въ этомъ смыслѣ. Это какое-то безпрерывное ощущеніе празднаго и шатающагося по свѣту самолюбія, ничѣмъ не оправданнаго. Однимъ словомъ, до такого, можетъ быть, самаго высшаго проявленія человѣческаго достоинства, т. е. признать себя глупѣе другаго, когда другой дѣйствительно умнѣе его—русскій человѣкъ высшихъ классовъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ дойти, и даже я не знаю, могутъ-ли быть исключенія. Пусть не очень-то смѣются надъ моимъ «парадоксомъ». Соперникъ Либиха, можетъ быть, и въ гимназіи не окончилъ курса и ужь, конечно, съ Либихомъ не свяжется спорить о первенствѣ, когда ему скажутъ и укажутъ, что это вотъ Либихъ. Онъ промолчитъ, — но всетаки его будетъ дергать, даже при Либихѣ... Другое дѣло еслибъ, напримѣръ, онъ встрѣтился съ Либихомъ, не зная, что это вотъ Либихъ, хоть въ вагонѣ желѣзной дороги. И еслибъ только завязался разговоръ о химіи и нашему господину удалось-бы къ разговору примазаться, то, сомнѣнія нѣтъ, онъ могъ-бы выдержать самый полный ученый споръ, зная изъ химіи всего только одно слово: химія. Онъ удивилъ-бы, конечно, Либиха, но кто знаетъ — въ глазахъ слушателей остался-бы, можетъ быть, побѣдителемъ. Ибо въ русскомъ человѣкѣ дерзости его ученаго языка—почти нѣтъ предѣловъ. Тутъ именно происходитъ феноменъ, существующій только въ русской интеллигентныхъ классовъ душѣ: не только нѣтъ въ душѣ этой, *лишь только она по-*

Digitized by Google

чувствуетъ себя въ публикѣ, сомнѣнія въ умѣ своемъ, но даже въ самой полной учености, если только дѣло дойдетъ до учености. Про умъ еще можно понять; но про ученость свою, казалось-бы, каждый долженъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія...

Конечно, все это только въ публикѣ, когда кругомъ чужіе. Дома-же про себя... Ну, дома про себя ни одинъ русскій человѣкъ объ образованіи и учености своей не заботится, даже и вопроса о томъ никогда не ставитъ... Если-же поставитъ, то вѣрнѣе всего, что и дома рѣшитъ его въ свою пользу, хотя-бы и имѣлъ самыя полныя свѣдѣнія о своей учености.

Мнѣ самому случилось выслушать недавно, сидя въ вагонѣ, цѣлый трактатъ о классическихъ языкахъ, въ продолженіи двухъ часовъ дороги. Говорилъ одинъ, а всѣ слушали. Это былъ никому изъ пассажировъ незнакомый господинъ, осанистый, зрѣлыхъ лѣтъ, сдержаннаго и барскаго вида, вѣско и неторопливо выпускавшій слова. Онъ всѣхъ заинтересовалъ. Очевидно было съ самыхъ первыхъ словъ его, что онъ не только въ первый разъ говорилъ, но даже, можетъ быть, въ первый разъ и думалъ объ этой темѣ, такъ что это была лишь блестящая импровизація. Онъ вполнѣ отрицалъ классическое образованіе и введеніе его у насъ называлъ «историческимъ и роковымъ дурачествомъ»—впрочемъ, это было единственное рѣзкое слово, которое онъ себѣ позволилъ; тонъ его взятъ былъ слишкомъ высоко и не позволялъ ему горячиться, изъ одного ужь презрѣнія къ факту. Основанія, на которыхъ стоялъ онъ, были самыя первоначальныя, приличныя развѣ лишь тринадцатилѣтнему школьнику, почти тѣ-же самыя, на которыхъ еще до сихъ поръ стоятъ иныя изъ нашихъ газетъ, воюющія съ классическими языками, напримѣръ, такъ какъ всѣ латинскія сочиненія переведены, то и не надо латинскаго языка, и проч. и проч.—въ этомъ родѣ. Въ нашемъ вагонѣ онъ произвелъ чрезвычайный эффектъ; многіе, разставаясь съ нимъ, благодарили его за доставленное удовольствіе, особенно дамы. Я убѣжденъ, что онъ ушелъ чрезвычайно уважая себя.

Теперь у насъ въ публикѣ (въ вагонахъ-ли, въ другомъ-ли мѣстѣ), разговоры сильно измѣнились противъ прежнихъ, старыхъ лѣтъ; теперь жаждутъ слушать, жаждутъ учителей—на всѣ общественныя и соціальныя темы. Правда, разговоры въ публикѣ у насъ ужасно туго завязываются: всѣхъ сначала долго коробитъ, пока рѣшатся заговорить, ну, а заговорятъ—въ такой паѳосъ иной разъ войдутъ, что почти надо за руки держать. Разговоры-же болѣе сдержанные и солидные и, такъ сказать, болѣе высшіе и уединенные, вертятся преимущественно на темахъ биржевыхъ или правительственныхъ, но съ секретной, изнаночной точки зрѣнія, съ позна-

Digitized by Google

ніемъ высшихъ тайнъ и причинъ, обыкновенной публикѣ неизвѣстныхъ. Обыкновенная публика слушаетъ смирно и почтительно, а говоруны выигрываютъ въ своей осанкѣ. Разумѣется, изъ нихъ мало кто вѣритъ одинъ другому, но разстаются они почти всегда одинъ другимъ совершенно довольные и другъ другу даже нѣсколько благодарные. Задача проѣхать пріятно и весело по желѣзной нашей дорогѣ заключается въ умѣніи давать врать другимъ и какъ можно болѣе вѣрить; тогда и вамъ дадутъ тоже съ эффектомъ прилгнуть, если и сами вы соблазнитесь; стало быть, взаимная выгода. Но, какъ я сказалъ уже, есть и общія, животрепещущія, насущныя темы разговоровъ, въ которыя ввязывается уже вся публика, и это не затѣмъ однимъ, чтобы пріятно время провести: повторяю, жаждутъ научиться, разъяснить себѣ современныя затрудненія, ищутъ, жаждутъ учителей, и, особенно, женщины, особенно матери семействъ. Замѣчательно то, что при всей этой чрезвычайно любопытной и далеко намекающей жаждѣ общественныхъ совѣтниковъ и руководителей, при всемъ этомъ благородномъ стремленіи,—удовлетворяются слишкомъ легко, самымъ иногда неожиданнымъ образомъ, вѣрятъ всему, подготовлены и вооружены весьма слабо, — гораздо слабѣе, чѣмъ могла-бы представить вамъ самая яркая ваша фантазія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда о нашемъ русскомъ обществѣ труднѣе было сдѣлать точное заключеніе, сравнительно съ теперешнимъ временемъ, когда уже имѣется болѣе фактовъ и свѣдѣній. Положительно можно сказать, что всякій говорунъ, съ нѣсколько порядочными манерами (къ порядочнымъ манерамъ наша публика, увы, до сихъ поръ еще чувствуетъ предразсудочную слабость, не смотря на все болѣе и болѣе разливающееся изъ фельетоновъ образованіе)—можетъ одержать верхъ и увѣрить слушателей своихъ въ чемъ угодно, получить благодарность и уйти глубоко уважая себя. Разумѣется, при несомнѣнномъ условіи быть либеральнымъ, — объ этомъ уже нечего и упоминать. Въ другой разъ мнѣ, тоже въ вагонѣ и тоже недавно, случилось выслушать цѣлый трактатъ объ атеизмѣ. Ораторъ, свѣтскаго и инженернаго вида господинъ, вида, впрочемъ, угрюмаго, но съ болѣзненной жаждою слушателя, началъ съ монастырей. Въ монастырскомъ вопросѣ онъ не зналъ самаго перваго слова: онъ принималъ существованіе монастырей за нѣчто неотъемлемое отъ догматовъ вѣры, воображалъ, что монастыри содержатся отъ государства и дорого стоютъ казнѣ и, забывая, что монахи совершенно свободная ассоціація лицъ, какъ и всякая другая, требовалъ, во имя либерализма, ихъ уничтоженія, какъ какую-то тираннію. Онъ кончилъ совершеннымъ и безбрежнымъ атеизмомъ на основаніи естественныхъ наукъ

Digitized by Google

и математики. Онъ ужасно часто повторялъ о естественныхъ наукахъ и математикѣ, не приведя, впрочемъ, ни одного факта изъ этихъ наукъ въ продолженіе всей своей диссертаціи. Говорилъ, опять-таки, онъ одинъ, а прочіе только слушали: «Я научу сына моего быть честнымъ человѣкомъ и вотъ и все» — порѣшилъ онъ въ заключеніе, въ полной и очевидной увѣренности, что добрыя дѣла, нравственность и честность есть нѣчто данное и абсолютное, ни отъ чего не зависящее и которое можно всегда найти въ своемъ карманѣ, когда понадобится, безъ трудовъ, сомнѣній и недоумѣній. Этотъ господинъ имѣлъ тоже необыкновенный успѣхъ. Тутъ были офицеры, старцы, дамы и взрослыя дѣти. Его горячо благодарили, разставаясь, за доставленное удовольствіе, при чемъ одна дама, мать семейства, щеголевато одѣтая и очень недурная собою, громко и съ милымъ хихиканіемъ объявила, что она теперь совершенно убѣждена, что въ душѣ ея «одинъ только паръ». Этотъ господинъ тоже, должно быть, ушелъ съ необыкновеннымъ чувствомъ уваженія къ себѣ.

Вотъ это-то уваженіе къ себѣ и сбиваетъ меня съ толку. Что есть дураки и болтуны, — конечно, тому нечего удивляться; но господинъ этотъ, очевидно, былъ не дуракъ. Навѣрно тоже не негодяй, не мошенникъ; даже, очень можетъ быть, что честный человѣкъ и хорошій отецъ. Онъ только ровно ничего не понималъ въ тѣхъ вопросахъ, которые взялся разрѣшить. Неужто ему не придетъ въ голову черезъ часъ, черезъ день, черезъ мѣсяцъ: «Другъ мой, Иванъ Васильевичъ (или такъ кто-бы ни было),—вотъ ты спорилъ, а вѣдь ты ровно ничего не понимаешь въ томъ, объ чемъ трактовалъ. Вѣдь ты это лучше всѣхъ знаешь. Ты вотъ ссылался на естественныя науки и математику,—а вѣдь тебѣ лучше всѣхъ извѣстно, что ты свою скудную математику, изъ твоей спеціальной школы, давно забылъ, да и тамъ-то не твердо зналъ, а въ естественныхъ наукахъ никогда не имѣлъ никакого понятія. Какъ-же ты говорилъ? Какъ-же ты училъ? Вѣдь ты-же понимаешь, что только вралъ, а между тѣмъ до сихъ поръ гордишься собою; и не стыдно это тебѣ?»

Я убѣжденъ, что онъ могъ задать себѣ всѣ эти вопросы, несмотря на то, что, можетъ быть, занятъ «дѣломъ» и нѣтъ у него времени на праздные вопросы. Я даже несомнѣнно убѣжденъ, что они, хоть вскользь, а побывали въ его головѣ. *Но ему не было стыдно, ему не было совѣстно!* Вотъ эта-то извѣстнаго рода безсовѣстность русскаго интеллигентнаго человѣка — рѣшительный для меня феноменъ. Что̀ въ томъ, что она у насъ такъ сплошь да рядомъ обыкновенна и всѣ къ ней привыкли и приглядѣлись; она

Digitized by Google

всетаки остается фактомъ удивительнымъ и чудеснымъ. Она свидѣтельствуетъ о такомъ равнодушіи къ суду надъ собой своей собственной совѣсти, или, что̀ тоже самое, о такомъ необыкновенномъ собственномъ неуваженіи къ себѣ, что придешь въ отчаяніе и потеряешь всякую надежду на что нибудь самостоятельное и спасительное для націи, даже въ будущемъ, отъ такихъ людей и такого общества. Публика, т. е. внѣшность, европейскій обликъ, разъ навсегда данный изъ Европы законъ — эта публика производитъ на всякаго русскаго человѣка дѣйствіе подавляющее: въ публикѣ онъ европеецъ, гражданинъ, рыцарь, республиканецъ, съ совѣстью и съ собственнымъ твердо установленнымъ мнѣніемъ. Дома, про себя,— «Э, чортъ-ли въ мнѣніяхъ, да хошь-бы высѣкли!» Поручикъ Пироговъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ высѣченный въ Большой Мѣщанской слесаремъ Шиллеромъ,—былъ страшнымъ пророчествомъ, пророчествомъ генія, такъ ужасно угадавшаго будущее,—ибо Пироговыхъ оказалось безмѣрно много, такъ много, что и не пересѣчь. Вспомните, что поручикъ, сейчасъ-же послѣ приключенія, съѣлъ слоеный пирожокъ и отличился въ тотъ-же вечеръ въ мазуркѣ, на имянинахъ у одного виднаго чиновника. Какъ вы думаете: когда онъ откалывалъ мазурку и вывертывалъ, дѣлая па, свои столь недавно оскорбленные члены,—думалъ-ли онъ, что его всего только часа два какъ высѣкли? Безъ сомнѣнія, думалъ. А было-ли ему стыдно? Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Проснувшись на другой день по утру, онъ навѣрно сказалъ себѣ: «Э, чортъ, стоитъ-ли начинать, коли никто не узнаетъ!..» Это «стоитъ-ли начинать», конечно, съ одной стороны намекаетъ на такую способность уживчивости со всѣмъ чѣмъ угодно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на такую широту нашей русской природы—что передъ этими качествами блѣднѣетъ и гаснетъ даже все безграничное. Двухсотлѣтняя отвычка отъ малѣйшей самостоятельности характера и двухсотлѣтніе плевки на свое русское лицо, раздвинули русскую совѣсть до такой роковой безбрежности, отъ которой... ну, чего можно ожидать, какъ вы думаете?

Я убѣжденъ, что поручикъ въ состояніи былъ дойти до такихъ столповъ, или до такой безбрежности, что, можетъ быть, въ тотъ-же вечеръ, своей дамѣ въ мазуркѣ, старшей дочери хозяина, объяснился въ любви и сдѣлалъ формальное предложеніе. Безконечно-*трагиченъ* образъ этой барышни, порхающей съ этимъ молодцомъ въ очаровательномъ танцѣ и не знающей, что ея кавалера всего только часъ какъ высѣкли и что это ему совсѣмъ ничего. Ну, а какъ вы думаете, еслибъ она узнала, а предложеніе всетаки было-бы сдѣлано— вышла-бы она за него (разумѣется, подъ условіемъ, что болѣе ужь никто не узнаетъ)?—Увы, непремѣнно-бы вышла!

Digitized by Google

А, всетаки, изъ числа Пироговыхъ и вообще всѣхъ «безбрежныхъ», кажется, можно исключить огромное большинство нашихъ женщинъ. Въ нашей женщинѣ все болѣе и болѣе замѣчается искренность, настойчивость, серьезность и честь, исканіе правды и жертва; да и всегда въ русской женщинѣ все это было выше, чѣмъ у мужчинъ. Это несомнѣнно, не смотря на всѣ даже теперешнія уклоненія. Женщина меньше лжетъ, многія даже совсѣмъ не лгутъ, а мужчинъ почти нѣтъ не лгущихъ, — я говорю про теперешній моментъ нашего общества. Женщина настойчивѣе, терпѣливѣе въ дѣлѣ; она *серьезнѣе* чѣмъ мужчина хочетъ дѣла для самаго дѣла, а не для того лишь, чтобъ *казаться*. Ужь не въ самомъ-ли дѣлѣ намъ отсюда ждать большой помощи?

XVI.

Одна изъ современныхъ фальшей *).

Нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ замѣтили, что я, въ моемъ послѣднемъ романѣ «Бѣсы», воспользовался фабулой извѣстнаго Нечаевскаго дѣла; но тутъ-же заявили, что собственно портретовъ или буквальнаго воспроизведенія Нечаевской исторіи у меня нѣтъ; что взято явленіе и что я попытался лишь объяснить возможность его въ нашемъ обществѣ, и уже въ смыслѣ общественнаго явленія, а не въ видѣ анекдотическомъ, не въ видѣ ~~лишь~~ описанія московскаго частнаго случая. Все это, скажу отъ себя, совершенно справедливо. До извѣстнаго Нечаева и жертвы его Иванова въ романѣ моемъ лично я не касаюсь. Лицо *моего* Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящаго Нечаева. Я хотѣлъ поставить вопросъ, и сколько возможно яснѣе, въ формѣ романа, дать на него отвѣтъ: какимъ образомъ въ нашемъ переходномъ и удивительномъ современномъ обществѣ возможны — не Нечаевъ, а *Нечаевы*, и какимъ образомъ можетъ случиться, что эти *Нечаевы* набираютъ себѣ подъ конецъ Нечаевцевъ?

И вотъ недавно,—впрочемъ, ужь съ мѣсяцъ назадъ—прочелъ я въ «Русскомъ Мірѣ» слѣдующія любопытныя строки: «...Намъ кажется, что Нечаевское дѣло могло убѣдить, что *учащаяся* молодежь въ подобныхъ безумствахъ—не бываетъ у насъ замѣшана. Идіотическій фанатикъ, въ родѣ Нечаева, могъ найти себѣ прозе-

*) № 50 „Гражданина“ 1873 г.

Digitized by Google

литовъ только среди праздной, недоразвитой и вовсе неучащейся молодежи».

И далѣе:

...«тѣмъ болѣе, что еще на дняхъ министръ народнаго просвѣщенія (въ Кіевѣ) заявилъ, что послѣ осмотра учебныхъ заведеній въ 7 округахъ онъ можетъ сказать, что *«въ послѣдніе годы молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательнѣе работаетъ»*.

Сами по себѣ, т. е. судя безотносительно, строки эти довольно ничтожны (авторъ, надѣюсь, извинитъ меня). Но въ нихъ есть вывертъ и старая пріѣвшаяся ложь. Полная и основная идея въ томъ, что Нечаевы если и являются у насъ иногда, то непремѣнно всѣ они идіоты и фанатики, а если имъ и удастся найти себѣ прозелитовъ, то непремѣнно *«только* среди праздной, недоразвитой и *вовсе* неучащейся молодежи». Не знаю, что̀ именно хотѣлъ доказать этимъ вывертомъ собственно авторъ статейки «Русскаго Міра»: хотѣлъ-ли онъ польстить учащейся молодежи? Или, напротивъ, хитрымъ маневромъ и, такъ сказать, въ видѣ ласкательства, думалъ ее-же поднадуть немного, но только съ самыми почтенными цѣлями, т. е. для ея-же пользы,—и для достиженія цѣли употребилъ столь извѣстный пріемъ гувернантокъ и нянюшекъ съ маленькими ребятками: «Вотъ, дескать, милыя дѣти, видите, какіе *тѣ* нехорошіе буяны, кричатъ и дерутся и ихъ непремѣнно высѣкутъ за то, что они такіе «недоразвитки»; вы-же вотъ какіе милые хваленые паиньки, за столомъ сидите прямо, ножками подъ столомъ не болтаете и вамъ за это непремѣнно гостинца дадутъ». Или, наконецъ, просто за просто автору захотѣлось «защитить» нашу учащуюся молодежь передъ правительствомъ и употребить для сего пріемъ, который самъ онъ, можетъ быть, считаетъ необыкновенно хитрымъ и тонкимъ?

Прямо скажу: хотя я поставилъ всѣ эти вопросы, но личныя цѣли автора статейки «Русскаго Міра» не возбуждаютъ во мнѣ ни малѣйшаго любопытства. И даже, чтобъ оговориться окончательно, прибавлю, что ложь и старый пріѣвшійся вывертъ, выраженной «Русскимъ Міромъ» мысли, я наклоненъ считать въ настоящемъ случаѣ чѣмъ-то неумышленнымъ и нечаяннымъ, т. е., что самъ авторъ статейки совершенно повѣрилъ словамъ своимъ и принялъ ихъ за правду съ тѣмъ высшимъ простодушіемъ, которое такъ похвально и даже трогательно по своей беззащитности во всякомъ другомъ случаѣ. Но кромѣ того, что ложь, принятая за правду, имѣетъ всегда самый опасный видъ (не смотря даже на то, что является въ «Русскомъ Мірѣ»),—кромѣ того, бросается въ глаза и

Digitized by Google

то, что никогда еще не являлась она въ столь обнаженномъ, точномъ и безъискусственномъ видѣ, какъ въ этой статейкѣ. Подлинно, заставь инаго человѣка молиться Богу и онъ лобъ расшибетъ. Вотъ въ этомъ-то видѣ и любопытно прослѣдить эту ложь и вывести ее на свѣтъ по возможности, ибо когда-то еще дождешься въ другой разъ такой безъискусственной откровенности.

Вотъ уже съ незапамятныхъ псевдо-либеральныхъ нашихъ временъ, въ нашей газетной прессѣ принято за правило «защищать молодежь»,—противъ кого? противъ чего?—это иногда остается во мракѣ неизвѣстности и такимъ образомъ часто принимаетъ пребезтолковый и даже прекомическій видъ, особенно при нападеніяхъ на другіе органы печати въ томъ смыслѣ, что «вотъ, дескать, мы либеральнѣе, а вы-то нападаете на молодежь, стало быть, вы ретроградне». Замѣчу въ скобкахъ, что въ той-же статейкѣ «Русскаго Міра» есть обвиненіе, прямо направленное на «Гражданинъ», въ томъ, что въ немъ будто-бы сплошь обвиняютъ нашу учащуюся молодежь въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Харьковѣ. Не говоря уже о томъ, что авторъ статейки самъ *отлично хорошо знаетъ*, что ничего подобнаго этому поголовному и сплошному обвиненію у насъ нѣтъ и не было, я просто попрошу нашего обвинителя объяснить: что̀ значитъ обвинять молодежь поголовно? Я совершенно не понимаю этого! Это, конечно, значитъ сплошь почему-то не любить всю молодежь,—и не столько даже молодежь, сколько извѣстный возрастъ нашихъ молодыхъ людей? Что̀ за сумбуръ? Кто можетъ повѣрить такому обвиненію? Ясно, что и обвиненіе и защита сдѣланы сплеча, даже не думавши много. Стоитъ, дескать, объ этомъ задумываться: «показалъ, что самъ либераленъ, что хвалю молодежь, что ругаю тѣхъ, которые ее не хвалятъ, ну, и довольно для подписки и съ плечъ долой!». Именно съ плечъ долой—ибо только самый злѣйшій врагъ нашей молодежи могъ-бы рѣшиться защищать ее *такимъ образомъ*, и наткнуться на такой удивительный вывертъ, на какой наткнулся (нечаянно—я убѣжденъ въ этомъ теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь) — простодушный авторъ статейки „Русскаго Міра“.

Въ томъ-то и вся важность, что пріемъ этотъ не выдумка одного только „Русскаго Міра“, а пріемъ общій многимъ органамъ нашей псевдо-либеральной прессы и тамъ, можетъ быть, онъ дѣлается уже не столь простодушно. Сущность его, *во первыхъ*,—въ сплошной похвалѣ молодежи, во всемъ и во всякомъ случаѣ, и въ грубыхъ нападкахъ на всѣхъ тѣхъ, которые, при случаѣ, позволятъ себѣ отнестись даже и къ молодежи критически. Пріемъ этотъ основанъ на смѣшномъ предположеніи, что молодежь настолько

Digitized by Google

еще не доросла и такъ любитъ лесть, что не разберетъ и приметъ все за чистую монету. И вправду, достигли того, что уже очень многіе изъ молодежи (мы твердо вѣримъ, что далеко не всѣ) дѣйствительно полюбили грубую похвалу, требуютъ себѣ лести и безъ разбора готовы обвинить всѣхъ тѣхъ, кто не потакаетъ имъ сплошь и на всякомъ шагу, особенно въ иныхъ случаяхъ. Впрочемъ, тутъ пока еще вредъ всего только временный; съ опытомъ и съ возрастомъ и взгляды молодежи измѣнятся. Но есть и другая сторона лжи, которая влечетъ уже непосредственный и вещественный вредъ.

Эта другая сторона пріема «защиты нашей молодежи предъ обществомъ и передъ правительствомъ» состоитъ въ простомъ *отрицаніи факта*,—иногда самомъ грубомъ и нахальномъ: «нѣтъ, дескать, факта, не было его и быть не могло; кто говоритъ, что онъ былъ—значитъ, клевещетъ на молодежь, значитъ, врагъ нашей молодежи!»

Вотъ пріемъ. Повторяю,—самый злѣйшій врагъ нашей молодежи не выдумалъ-бы ничего вреднѣе для прямыхъ ея интересовъ. Мнѣ непремѣнно хочется доказать это.

Отрицаніемъ факта, во что-бы то ни стало, можно достигнуть удивительныхъ результатовъ.

Ну, что вы тѣмъ докажете, господа, и чѣмъ облегчите дѣло, если начнете удостовѣрять (и, главное, Богъ знаетъ для чего) — что «увлекающаяся» молодежь, т. е. тѣ, которые могутъ «увлечься» (пусть даже и Нечаевымъ) непремѣнно должны состоять изъ однихъ только «праздныхъ недоразвитковъ», изъ тѣхъ, которые *вовсе* не учатся,—однимъ словомъ, изъ шалопаевъ съ самыми дурными наклонностями? Такимъ образомъ, уединяя дѣло, выводя его изъ сферы учащихся и сводя непремѣнно лишь на «праздныхъ недоразвитковъ», вы тѣмъ самымъ уже заранѣе обвиняете этихъ несчастныхъ и отказываетесь отъ нихъ окончательно: «сами виноваты, буяны и лѣнивцы и смирно за столомъ не умѣли сидѣть». Уединяя случай и лишая его права быть разсмотрѣннымъ въ связи съ общимъ цѣлымъ (а въ этомъ-то и состоитъ единственная возможная защита несчастныхъ «заблудшихся!»), вы тѣмъ самымъ не только какъ-бы подписываете имъ окончательный приговоръ, но даже удаляете отъ нихъ самое милосердіе, ибо прямо удостовѣряете, что сами заблужденія ихъ произошли единственно отъ отвратительныхъ качествъ ихъ, и что эти юноши, даже и безъ всякаго преступленія, должны возбуждать къ себѣ презрѣніе и отвращеніе.

Съ другой стороны, вдругъ случится, что въ какомъ нибудь *селѣ* оказались-бы замѣшанными вовсе не недоразвитки, вовсе не буяны, болтающіе ногами подъ столомъ, вовсе не одни лѣнивцы, а,

Digitized by Google

напротивъ, молодежь прилежная, горячая, именно учащаяся и даже съ хорошимъ сердцемъ, а только лишь дурно направленная? (поймите это слово: *направленная*. Гдѣ, въ какой Европѣ найдете вы теперь болѣе шалости въ всевозможныхъ направленіяхъ, какъ у насъ въ наше время!) И вотъ, по вашей теоріи «лѣнтяевъ и недоразвитковъ» эти новые «несчастные», окажутся уже втрое виновнѣе: «имъ были средства даны, они прошли курсъ наукъ, они основательно работали,—нѣтъ у нихъ оправданій! Они втрое менѣе чѣмъ праздные недоразвитки могутъ заслуживать милосердія!» Вотъ результатъ прямо выходящій изъ вашей теоріи.

Позвольте, господа (я говорю вообще, а не одному только сотруднику «Русскаго Міра»),—вы, на основаніи «отрицанія факта», утверждаете, что „Нечаевы" непремѣнно должны быть идіотами, „идіотическими фанатиками". Такъ-ли это опять? Справедливо-ли? Устраняю въ настоящемъ случаѣ Нечаева, а говорю «Нечаевы», во множественномъ числѣ. Да, изъ Нечаевыхъ могутъ быть существа весьма мрачныя, весьма безотрадныя и исковерканныя, съ многосложнѣйшей по происхожденію жаждой интриги, власти, съ страстной и болѣзненно-ранней потребностью выказать личность, но—почему-же они „идіоты"? Напротивъ, даже настоящіе монстры изъ нихъ могутъ быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми. Или вы думаете, что знанія, „научки", школьныя свѣдѣньица (хотя-бы университетскія) такъ уже окончательно формируютъ душу юноши, что, съ полученіемъ диплома, онъ тотчасъ-же пріобрѣтаетъ незыблемый талисманъ, разъ навсегда, узнавать истину и избѣгать искушеній, страстей и пороковъ. Такимъ образомъ, всѣ эти окончившіе курсъ наукъ юноши станутъ тотчасъ-же, по вашему, чѣмъ-то въ родѣ множества маленькихъ папъ, неподлежащихъ прегрѣшенію.

И почему вы полагаете, что Нечаевы непремѣнно должны быть фанатиками? Весьма часто это просто мошенники. „Я мошенникъ, а не соціалистъ", говоритъ одинъ Нечаевъ, положимъ, у меня, въ моемъ романѣ „Бѣсы", но увѣряю васъ, что онъ могъ-бы сказать это и на яву. Это мошенники очень хитрые и изучившіе именно великодушную сторону души человѣческой, всего чаще юной души, чтобъ умѣть играть на ней какъ на музыкальномъ инструментѣ. Да неужели-же вы въ правду думаете, что прозелиты, которыхъ могъ-бы набрать у насъ какой нибудь Нечаевъ,—должны быть непремѣнно лишь одни шалопаи? Не вѣрю, не всѣ; я самъ старый „Нечаевецъ", я тоже стоялъ на эшафотѣ, приговоренный къ смертной

Digitized by Google

казни, и увѣряю васъ, что стоялъ въ компаніи людей образованныхъ. Почти вся эта компанія окончила курсъ въ самыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые впослѣдствіи, *когда уже все прошло*, заявили себя замѣчательными спеціальными знаніями, сочиненіями. Нѣтъ-съ, Нечаевцы не всегда бываютъ изъ однихъ только лѣнтяевъ, совсѣмъ ничему не учившихся.

Знаю, вы, безъ сомнѣнія, возразите мнѣ, что я вовсе не изъ Нечаевцевъ, а всего только изъ „Петрашевцевъ". Пусть изъ Петрашевцевъ,—(хотя, по моему, названіе это неправильное, ибо чрезмѣрно большее число, въ сравненіи съ стоявшими на эшафотѣ, но совершенно такихъ-же какъ мы, Петрашевцевъ, осталось совершенно нетронутымъ и необезпокоеннымъ. Правда, они никогда и не знали Петрашевскаго, но совсѣмъ не въ Петрашевскомъ было и дѣло, во всей этой давнопрошедшей исторіи, вотъ что̀ я хотѣлъ лишь замѣтить).

Но пусть изъ Петрашевцевъ. Почему-же вы знаете, что Петрашевцы не могли-бы стать Нечаевцами, т. е. стать на „Нечаевскую" же дорогу, *въ случаѣ еслибъ такъ обернулось дѣло?* Конечно, тогда и представить нельзя было: какъ-бы это могло *такъ обернуться дѣло ?* Не тѣ совсѣмъ были времена. Но позвольте мнѣ про себя одного сказать: *Нечаевымъ*, вѣроятно, я-бы не могъ сдѣлаться никогда, но *Нечаевцемъ*, не ручаюсь, можетъ, и могъ-бы... во дни моей юности.

Я заговорилъ теперь про себя, чтобъ имѣть право говорить о другихъ. Тѣмъ не менѣе буду продолжать только объ одномъ себѣ, о другихъ-же если и упомяну, то вообще, безлично и въ смыслѣ совершенно отвлеченномъ. *Дѣло*-же Петрашевцевъ,—это такое давнопрошедшее дѣло, принадлежитъ къ такой древнѣйшей исторіи, что, вѣроятно, не будетъ никакого вреда изъ того, что я о немъ припоминаю, тѣмъ болѣе въ такомъ скользкомъ и отвлеченномъ смыслѣ.

„Монстровъ" и „мошенниковъ" между нами, „Петрашевцами", не было ни одного (изъ стоявшихъ-ли на эшафотѣ, или изъ тѣхъ, которые остались нетронутыми—это все равно). Не думаю, чтобы кто нибудь сталъ опровергать это заявленіе мое. Что были изъ насъ люди образованные, противъ этого, какъ я уже замѣтилъ, тоже, вѣроятно, не будутъ спорить. Но бороться съ извѣстнымъ цикломъ идей и понятій, тогда сильно укоренившихся въ юномъ обществѣ, изъ насъ, безъ сомнѣнія, еще мало кто могъ. Мы заражены были идеями тогдашняго теоретическаго соціализма. Политическаго соціализма тогда еще не существовало въ Европѣ и европейскіе коноводы соціалистовъ даже отвергали его.

Луи-Блана напрасно били по щекамъ и таскали за волосы (какъ

Digitized by Google

нарочно густѣйшіе, длинные и черные волосы) члены-товарищи его національнаго собранія, депутаты правой стороны, изъ рукъ которыхъ вырвалъ его тогда Араго (астрономъ, членъ правительства, теперь уже умершій) — въ то несчастное утро, въ маѣ мѣсяцѣ 48 года, когда въ палату ворвалась толпа нетерпѣливыхъ и голодныхъ работниковъ. Бѣдный Луи-Бланъ, нѣкоторое время членъ временнаго правительства, вовсе не возмущалъ ихъ: онъ только лишь читалъ въ люксембургскомъ дворцѣ этимъ жалкимъ и голоднымъ людямъ, вслѣдствіе революціи и республики разомъ потерявшимъ работу, объ ихъ „правѣ на работу". Правда, такъ какъ онъ всетаки былъ членомъ правительства, то лекціи его въ этомъ смыслѣ были ужасно не политичны и, конечно, смѣшны. Журналъ-же Консидерана, равно какъ статьи и брошюры Прудона, стремились распространить между этими-же голодными и ничего за душой не имѣвшими работниками, между прочимъ, и глубокое омерзѣніе къ праву наслѣдственной собственности. Безъ сомнѣнія, изъ всего этого (т. е. изъ нетерпѣнія голодныхъ людей, разжигаемыхъ теоріями будущаго блаженства) произошелъ впослѣдствіи соціализмъ политическій, сущность котораго, не смотря на всѣ возвѣщаемыя цѣли, покамѣстъ состоитъ лишь въ желаніи повсемѣстнаго грабежа всѣхъ собственниковъ классами неимущими, а затѣмъ „будь что будетъ". (Ибо по настоящему ничего еще не рѣшено, чѣмъ будущее общество замѣнится, а рѣшено лишь только, чтобъ настоящее провалилось—и вотъ пока вся формула политическаго соціализма).

1917!

Но тогда понималось дѣло еще въ самомъ розовомъ и райсконравственномъ свѣтѣ. Дѣйствительно правда, что зарождавшійся соціализмъ сравнивался тогда, даже нѣкоторыми изъ коноводовъ его, съ христіанствомъ и принимался лишь за поправку и улучшеніе послѣдняго, сообразно вѣку и цивилизаціи. Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества. Мы еще задолго до парижской революціи 48 года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46 году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго „обновленнаго міра" и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ. Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній (христіанскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи, семейства; о безнравственности права собственности; всѣ эти идеи объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству, какъ тормазу во всеобщемъ развитіи, и проч. и проч., все это были такія вліянія, которыхъ мы

Digitized by Google

преодолѣть не могли и которыя захватывали, напротивъ, наши сердца и умы во имя какого-то великодушія. Во всякомъ случаѣ тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашнихъ господствовавшихъ понятій—а это-то и соблазняло. Тѣ изъ насъ, т. е. не то что изъ однихъ Петрашевцевъ, а вообще изъ всѣхъ тогда *зараженныхъ*, но которые отвергли впослѣдствіи весь этотъ мечтательный вредъ радикально, весь этотъ мракъ и ужасъ, готовимый человѣчеству, въ видѣ обновленія и воскресенія его, — тѣ изъ насъ тогда еще не знали причинъ болѣзни своей, а потому и не могли еще съ нею бороться. И такъ, почему-же вы думаете, что даже убійство à la Нечаевъ остановило-бы, если не всѣхъ, конечно, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ насъ, въ то горячее время, среди захватывающихъ душу ученій и потрясающихъ тогдашнихъ европейскихъ событій, за которыми мы, совершенно забывъ отечество, слѣдили съ лихорадочнымъ напряженіемъ?

Чудовищное и отвратительное московское убійство Иванова, безо всякаго сомнѣнія, представлено было убійцей Нечаевымъ своимъ жертвамъ «Нечаевцамъ», какъ дѣло политическое и полезное для будущаго «общаго и *великаго* дѣла». Иначе понять нельзя, какъ нѣсколько юношей (кто-бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступленіе. Опять-таки въ моемъ романѣ «Бѣсы» я попытался изобразить тѣ многоразличные и разнообразные мотивы, по которымъ даже чистѣйшіе сердцемъ и простодушнѣйшіе люди могутъ быть привлечены къ совершенію такого-же чудовищнаго злодѣйства. Вотъ въ томъ-то и ужасъ, что у насъ можно сдѣлать самый пакостный и мерзкій поступокъ, не будучи вовсе иногда мерзавцемъ! Это и не у насъ однихъ, а на всемъ свѣтѣ такъ, всегда и сначала вѣковъ, во времена переходныя, во времена потрясеній въ жизни людей, сомнѣній и отрицаній, скептицизма и шатости въ основныхъ общественныхъ убѣжденіяхъ. Но у насъ это болѣе чѣмъ гдѣ нибудь возможно, и именно въ наше время, и эта черта есть самая болѣзненная и грустная черта нашего теперешняго времени. Въ возможности считать себя, и даже иногда почти въ самомъ дѣлѣ быть не мерзавцемъ, дѣлая явную и безспорную мерзость — вотъ въ чемъ наша современная бѣда!

Чѣмъ-же такъ особенно защищена молодежь, въ сравненіи съ другими возрастами, что вы, господа защитники ея, чуть лишь только она занималась и училась прилежно, немедленно требуете отъ нея такой стойкости и такой зрѣлости убѣжденій, какой не было даже у ихъ отцевъ, а теперь менѣе чѣмъ когда нибудь есть. Наши юные люди нашихъ интеллигентныхъ сословій, развитые въ семействахъ своихъ, въ которыхъ всего чаще встрѣчаете теперь

Digitized by Google

недовольство, нетерпѣніе, грубость невѣжества (не смотря на интеллигентность классовъ) и гдѣ, почти повсемѣстно, настоящее образованіе замѣняется лишь нахальнымъ отрицаніемъ съ чужаго голоса; гдѣ матеріальныя побужденія господствуютъ надъ всякой высшей идеей; гдѣ дѣти воспитываются безъ почвы, внѣ естественной правды, въ неуваженіи или въ равнодушіи къ отечеству и въ насмѣшливомъ презрѣніи къ народу, такъ особенно распространяющемся въ послѣднее время,—тутъ-ли, изъ этого-ли родника наши юные люди почерпнутъ правду и безошибочность направленія своихъ первыхъ шаговъ въ жизни? Вотъ гдѣ начало зла: въ преданіи, въ преемствѣ идей, въ вѣковомъ, національномъ подавленіи въ себѣ всякой независимости мысли, въ понятіи о санѣ европейца подъ непремѣннымъ условіемъ неуваженія къ самому себѣ, какъ къ русскому человѣку!

Но вы этимъ, слишкомъ общимъ, указаніямъ, кажется, не повѣрите. «Образованіе», твердите вы, «прилежаніе»; праздные «недоразвитки», повторяете вы. Замѣтьте, господа, что всѣ эти европейскіе высшіе учители наши, свѣтъ и надежда наша, всѣ эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрятъ иногда на нравственныя обязанности современнаго человѣка. А между тѣмъ это уже не лѣнтяи, ничему не учившіеся, и не буяны, болтающіе ногами подъ столомъ. Вы засмѣетесь и спросите: къ чему вздумалось мнѣ заговорить непремѣнно объ этихъ именахъ? А потому, что трудно и представить себѣ, говоря о нашей молодежи, интеллигентной, горячей и учащейся, чтобъ эти имена, напримѣръ, миновали ее при первыхъ шагахъ ея жизни. Развѣ можетъ русскій юноша остаться индифферентнымъ къ вліянію этихъ предводителей европейской прогрессивной мысли, и другихъ имъ подобныхъ, и особенно къ русской сторонѣ ихъ ученій? Это смѣшное слово о «русской сторонѣ ихъ ученій»—пусть мнѣ простятъ, единственно потому, что эта русская сторона этихъ ученій существуетъ дѣйствительно. Состоитъ она въ тѣхъ выводахъ изъ ученій этихъ, въ видѣ несокрушимѣйшихъ аксіомъ, которые дѣлаются только въ Россіи; въ Европѣ-же возможность выводовъ этихъ, говорятъ, даже и не подозрѣваема. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что эти господа вовсе не учатъ злодѣйству; что если, напримѣръ, хоть-бы Штраусъ и ненавидитъ Христа, и поставилъ осмѣяніе и оплеваніе Христіанства цѣлью всей своей жизни, то всетаки онъ обожаетъ человѣчество въ его цѣломъ, и ученіе его возвышенно и благородно какъ нельзя болѣе. Очень можетъ быть, что это все такъ и есть, и что

Digitized by Google

цѣли всѣхъ современныхъ предводителей европейской прогрессивной мысли — человѣколюбивы и величественны. Но зато мнѣ вотъ что̀ кажется несомнѣннымъ: дай всѣмъ этимъ современнымъ высшимъ учителямъ полную возможность разрушить старое общество и построить за-ново,—то выйдетъ такой мракъ, такой хаосъ, нѣчто до того грубое, слѣпое и безчеловѣчное, что все зданіе рухнетъ подъ проклятіями человѣчества, прежде чѣмъ будетъ завершено. Разъ отвергнувъ Христа, умъ человѣческій можетъ дойти до удивительныхъ результатовъ. Это аксіома. Европа, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ представителяхъ своей мысли, отвергаетъ Христа, мы-же, какъ извѣстно, обязаны подражать Европѣ.

Есть историческіе моменты въ жизни людей, въ которые явное, нахальное, грубѣйшее злодѣйство можетъ считаться лишь величіемъ души, лишь благороднымъ мужествомъ человѣчества, вырывающагося изъ оковъ. Неужели нужны примѣры, неужели ихъ не тысячи, не десятки, не сотни тысячъ?.. Тема эта, конечно, мудреная и необъятная и на нее очень трудно вступать въ фельетонной статьѣ, но всетаки въ результатѣ, я думаю, можно допустить и мое предположеніе: что даже и честный и простодушный мальчикъ, даже и хорошо учившійся, можетъ подъ часъ обернуться Нечаевцемъ... разумѣется, опять-таки, если попадетъ на Нечаева; это уже sine qua non...

Мы, Петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ; но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайное большинство изъ насъ почло-бы за безчестье отречься отъ своихъ убѣжденій. Это дѣло давно-прошедшее, а потому, можетъ быть, и возможенъ будетъ вопросъ: неужели это упорство и нераскаяніе было только дѣломъ дурной натуры, дѣломъ недоразвитковъ и буяновъ? Нѣтъ, мы не были буянами, даже, можетъ быть, не были дурными молодыми людьми. Приговоръ смертной казни растрѣляньемъ, прочтенный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно-страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь въ себя и провѣряя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь,—можетъ быть, и раскаявались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ—(изъ тѣхъ, которыя у каждаго человѣка всю жизнь лежатъ въ тайнѣ на совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ—представ-

Digitized by Google

лялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится! И такъ продолжалось долго. Не годы ссылки, не страданія сломили насъ. Напротивъ, ничто не сломило насъ, и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ сознаніемъ исполненнаго долга. Нѣтъ, нѣчто другое измѣнило взглядъ нашъ, наши убѣжденія и сердца наши (я, разумѣется, позволяю себѣ говорить лишь о тѣхъ изъ насъ, объ измѣненіи убѣжденій которыхъ уже стало извѣстно и тѣмъ или другимъ образомъ засвидѣтельствовано ими самими). Это нѣчто другое—было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ такимъ-же какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его.

Повторяю, это не такъ скоро произошло, а постепенно и послѣ очень-очень долгаго времени. Не гордость, не самолюбіе мѣшали сознаться. А между тѣмъ я былъ, можетъ быть, однимъ изъ тѣхъ (я опять про себя одного говорю), которымъ наиболѣе облегченъ былъ возвратъ къ народному корню, къ узнанію русской души, къ признанію духа народнаго. Я происходилъ изъ семейства русскаго и благочестиваго. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, я помню любовь ко мнѣ родителей. Мы въ семействѣ нашемъ знали евангеліе чуть не съ перваго дѣтства. Мнѣ было всего лишь десять лѣтъ, когда я уже зналъ почти всѣ главные эпизоды русской исторіи изъ Карамзина, котораго вслухъ по вечерамъ намъ читалъ отецъ. Каждый разъ посѣщеніе Кремля и соборовъ московскихъ было для меня чѣмъ-то торжественнымъ. У другихъ, можетъ быть, не было такого рода воспоминаній какъ у меня. Я очень часто задумываюсь и спрашиваю себя теперь: какія впечатлѣнія, бо̀льшею частію, выноситъ изъ своего дѣтства уже теперешняя современная намъ молодежь? И вотъ, если даже и мнѣ, который уже естественно не могъ высокомѣрно пропустить мимо себя той новой роковой среды, въ которую ввергло насъ несчастіе, не могъ отнестись къ явленію передъ собой духа народнаго вскользь и свысока, — если и мнѣ, говорю я, было такъ трудно убѣдиться, наконецъ, во лжи и неправдѣ почти всего того, что̀ считали мы у себя дома свѣтомъ и истиной, то каково-же другимъ, еще глубже разорвавшимъ съ народомъ, гдѣ разрывъ преемственъ и наслѣдственъ еще съ отцовъ и дѣдовъ?

Мнѣ очень трудно было-бы разсказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что это, можетъ быть, и не такъ любопытно; да и не идетъ какъ-то къ фельетонной статьѣ. . . .

. . . . . .

Digitized by Google

Господа защитники молодежи нашей, возьмите, наконецъ, ту среду, то общество, въ которомъ она возрастаетъ, и спросите себя: можетъ-ли быть въ наше время что нибудь менѣе защищено отъ *извѣстныхъ вліяній?*

Прежде всего поставьте вопросъ: если сами отцы этихъ юношей—не лучше, не крѣпче и не здоровѣе ихъ убѣжденіями; если съ самаго перваго дѣтства своего эти дѣти встрѣчали въ семействахъ своихъ одинъ лишь цинизмъ, высокомѣрное и равнодушное (большею частію) отрицаніе; если слово «отечество» произносилось передъ ними не иначе какъ съ насмѣшливой складкой; если къ дѣлу Россіи всѣ воспитывавшіе ихъ относились съ презрѣніемъ или равнодушіемъ; если великодушнѣйшіе изъ отцевъ и воспитателей ихъ твердили имъ лишь объ идеяхъ «общечеловѣческихъ»; если еще въ дѣтствѣ ихъ прогоняли ихъ нянекъ за то, что тѣ надъ колыбельками ихъ читали „Богородицу"; — то скажите: что можно требовать отъ этихъ дѣтей и — гуманно-ли при защитѣ ихъ, если таковая потребуется, отдѣлываться однимъ лишь отрицаніемъ факта?

Недавно я наткнулся въ газетахъ на слѣдующее entrefilet:

„Камско-Волжская Газета" сообщаетъ, что на дняхъ три *гимназиста* 2-й казанской гимназіи, 3-го класса, *привлечены къ отвѣтственности* по обвиненію въ какомъ-то преступленіи, имѣющемъ связь съ *ихъ предполагавшимся бѣгствомъ въ Америку* („С.-Пет. Вѣд." 13-го ноября).

Двадцать лѣтъ назадъ извѣстіе о какихъ-то бѣгущихъ въ Америку гимназистахъ изъ 3-го класса гимназіи показалось-бы мнѣ сумбуромъ. Но ужь въ одномъ томъ обстоятельствѣ, что *теперь* это не кажется мнѣ сумбуромъ, а вещью, которую, напротивъ, я *понимаю*,—уже въ одномъ этомъ я вижу въ ней и ея оправданіе!

Оправданіе! Боже мой, возможно-ли такъ сказать!

Я знаю, что это не первые гимназисты, что уже бѣжали раньше ихъ и другіе, а тѣ потому, что бѣжали старшіе братья и отцы ихъ. Помните вы разсказъ у Кельсіева о бѣдномъ офицерикѣ, бѣжавшемъ *пѣшкомъ*, черезъ Торнео и Стокгольмъ, къ Герцену въ Лондонъ, гдѣ тотъ опредѣлилъ его въ свою типографію наборщикомъ? Помните разсказъ самого Герцена о томъ *кадетѣ*, который отправился, кажется, на Филиппинскіе острова заводить коммуну и оставилъ ему 20,000 франковъ на будущихъ эмигрантовъ? А между тѣмъ все это уже древняя исторія! Съ тѣхъ поръ бѣжали въ Америку извѣдать „свободный трудъ" въ свободномъ государствѣ старики, отцы, братья, дѣвы, гвардейскіе офицеры... развѣ только что не было однихъ семинаристовъ. Винить-ли такихъ маленькихъ дѣтей, этихъ трехъ гимназистовъ, если и ихъ слабыми головенками одо-

Digitized by Google

лѣли *великія идеи* о „свободномъ трудѣ въ свободномъ государствѣ“ и о коммунѣ и объ обще-европейскомъ человѣкѣ; винить-ли за то, что вся эта дребедень кажется имъ религіей, а абсентеизмъ и измѣна отечеству—добродѣтелью? А если винить, то въ какой-же степени?—вотъ вопросъ.

Авторъ статейки „Русскаго Міра“, въ подкрѣпленіе своей идеи, что въ „подобныхъ безумствахъ“ замѣшаны у насъ лишь *одни* лѣнтяи и праздношатающіеся недоразвитки, приводитъ столь извѣстныя и отрадныя слова министра народнаго просвѣщенія, недавно высказанныя имъ въ Кіевѣ о томъ, что онъ имѣлъ случай убѣдиться, послѣ осмотра учебныхъ заведеній въ 7 учебныхъ округахъ, что *„послѣдніе годы молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательно работаетъ“*.

Да, это, конечно, слова отрадныя, слова, въ которыхъ, можетъ быть, *единственная* надежда наша. Въ учебной реформѣ нынѣшняго царствованія — чуть не *вся* наша будущность и мы знаемъ это. Но самъ-же министръ просвѣщенія, помнится, заявилъ въ той-же рѣчи своей, что еще долго ждать окончательныхъ результатовъ реформы. Мы всегда вѣровали, что наша молодежь слишкомъ способна отнестись къ дѣлу науки серьезнѣе. Но пока еще кругомъ насъ такой туманъ фальшивыхъ идей, столько миражей и предразсудковъ окружаетъ еще и насъ и молодежь нашу, а вся общественная жизнь наша, жизнь отцовъ и матерей этой молодежи, принимаетъ все болѣе и болѣе такой странный видъ, что по неволѣ пріискиваешь иногда всевозможныя средства, чтобы выйти изъ недоумѣнія. Одно изъ такихъ средствъ—самимъ быть по менѣе безсердечными, не стыдиться хоть иногда, что васъ кто нибудь назоветъ гражданиномъ, и... хоть иногда сказать правду,—еслибъ даже она была и недостаточно, по вашему, либеральна.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ СОБЫТІЯ

ИЗЪ

ЖУРНАЛА „ГРАЖДАНИНЪ“

ЗА 1873 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Изъ № 38 журн: „Гражданинъ“ 1873 г.

Въ самое послѣднее время въ Европѣ произошли три весьма крупныя событія: 1) Фрошдорфское свиданіе, 2) окончательное очищеніе французской территоріи отъ вражескаго нашествія, съ выходомъ послѣднихъ нѣмецкихъ войскъ и 3) чрезвычайное посѣщеніе Вѣны и Берлина королемъ итальянскимъ. Эти три весьма важныя событія могутъ имѣть чрезвычайныя послѣдствія для всей Европы и, что̀ важнѣе всего, даже въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Во Франціи, теперь, почти у всѣхъ, конечно, одинъ только вопросъ: что̀ именно сейчасъ-же, теперь-же, можетъ случиться? Тутъ ужь не до отдаленнаго будущаго, не до окончательнаго устройства; текущія событія дошли до высшей точки своего напряженія.

4-го сентября, напримѣръ, на парижской биржѣ распространился слухъ (потомъ оказавшійся ложнымъ), что графъ Шамборскій рѣшился отрѣчься отъ своихъ притязаній въ пользу графа Парижскаго. Слухъ этотъ тотчасъ-же вызвалъ довольно значительное повышеніе курсовъ.

Итакъ, бѣдные Французы въ такомъ положеніи, что сами уже не сомнѣваются, что съ ними рѣшительно *все* можетъ теперь случиться. Они вѣрятъ даже въ возможность графа Шамборскаго и малѣйшая поправка дѣлу (?), то есть графъ Парижскій, принимается ими какъ за нѣчто радостное.

Но у нихъ на дняхъ произошелъ одинъ фактъ, конечно, предвидѣнный и знаемый всѣми уже давнымъ-давно, но непремѣнно смутившій всѣхъ какъ нѣчто неожиданное. Въ оффиціальномъ журналѣ отъ 4-го (16-го) сентября было напечатано:

„Конфланъ и Жарни, послѣднія занятыя мѣстности, были очищены вчера въ 7 часовъ вечера. Въ 9 часовъ нѣмецкія войска перешли границу. Территорія освобождена *окончательно*“.

Для этого, почти три года назадъ, и собиралось теперешнее французское національное собраніе; погибавшая нація поручала ему тогда—возстановить возможный порядокъ, уплатить милліарды и очистить территорію. Правда, національное собраніе, все время, а въ послѣдній годъ болѣе чѣмъ когда нибудь, всегда въ большинствѣ своемъ отрицало ограниченіе своихъ полномочій. Очень много разъ почти прямо высказывалось о необходимости устроить *окончательно* судьбы Франціи, прежде чѣмъ разойтись. Но огромное меньшинство собранія (почти вся лѣвая сторона) принимало за предѣлы своихъ

Digitized by Google

полномочій лишь освобожденіе территоріи. Огромная и наибольшая, можетъ быть, часть *общественнаго мнѣнія* Франціи, конечно, въ этомъ вопросѣ, на сторонѣ меньшинства палаты. Но пока еще нѣмецкіе солдаты оставались во Франціи—вопросъ оставался только спорнымъ вопросомъ, а *дѣло* дѣломъ. Согласны или не согласны, а разойтись всетаки нельзя, пока послѣдній нѣмецкій солдатъ не оставитъ территоріи. И вотъ теперь, 3-го сентября,—*дѣло* оканчивается и всѣ вдругъ разомъ чувствуютъ, что вопросъ: «Что-же *теперь* еще остается сдѣлать?» непремѣнно и немедленно долженъ быть разрѣшенъ.

Разумѣется, разрѣшеніе необходимо будетъ насильственное. Никакое соглашеніе невозможно, что̀ уже доказало соглашеніе двадцать четвертаго мая, при низверженіи Тьера. За насильственное разрѣшеніе принялись уже давно, но теперь, при новомъ и уже слишкомъ настоятельномъ повтореніи вопроса: что̀ дѣлать?—дѣятельность всѣхъ партій, и, разумѣется, все враждебныхъ одна другой, должна, конечно, въ десять разъ усилиться. До новыхъ засѣданій разошедшагося на отдыхъ собранія, судя по тревогѣ событій, слишкомъ далеко. И если-бы хоть одна изъ теперешнихъ партій нашла хоть малѣйшую возможность произвесть переворотъ насильственно, то навѣрно-бы это исполнила.

Насильственный переворотъ могъ-бы произвести одинъ только маршалъ Макъ-Магонъ, имѣя въ своихъ рукахъ войско... Но объ этомъ послѣ. Есть вѣроятность предполагать, что національное собраніе будетъ созвано раньше срока.

Насиліе въ разрѣшеніи насущнаго вопроса: «Что̀ *сейчасъ* дѣлать?»—первыми было произведено легитимистами. Тутъ произошло явленіе даже не политическое—произошло что-то горячее, нетерпѣливое, нервное безъ мѣры, лихорадочное, что̀ бываетъ иногда съ людьми радикально и уже цѣлый вѣкъ, напримѣръ, непонимающими своего положенія. (Похоже на то, какъ дѣйствуютъ у насъ иногда поляки). Теперь слишкомъ очевидно, что союзъ 24 мая заключенъ былъ рѣшительно для одного только низверженія Тьера. Почти навѣрно можно сказать, что они даже к не заикались о будущемъ и о томъ, какъ будутъ относиться другъ къ другу сейчасъ по низверженіи Тьера. Они не давали другъ другу никакихъ обѣщаній, кромѣ самыхъ насущныхъ, единственно только *завтрашнихъ* и къ настоящему *дѣлу* не относящихся. Они слишкомъ хорошо знали, что каждый будетъ дѣйствовать лишь для своей партіи и, можетъ быть, сейчасъ-же, завтра-же, если понадобится, вцѣпится другъ другу въ волосы. Самая горячая и многочисленная изъ этихъ партій тотчасъ-же начала дѣйствовать, съ странною, ничѣмъ неоправданною

Digitized by Google

вѣрою въ свои силы. Но легитимисты и особенно клерикалы всегда такъ дѣйствовали, во всю послѣднюю исторію Франціи. Началось тогда, какъ и всегда у легитимистовъ и клерикаловъ, съ полнаго презрѣнія къ общественному мнѣнію: притѣсненіе печати, сборищъ, преслѣдованія начались тотчасъ-же. Во французскомъ народѣ, сельскомъ и частью городскомъ (но не фабричномъ) дѣйствительно началось въ послѣдніе годы довольно замѣтное религіозное движеніе. Духовенство тотчасъ-же эксплуатировало фактъ, — но безъ мѣры, безъ пониманія общественнаго мнѣнія, съ наглостью, вредящею самой религіи. Стали устраивать и искусственно вызывать по всей Франціи церемоніи богомолья, архіепископы разсылали возмутительныя воззванія, требовали кредита для постройки новыхъ соборовъ, хотѣли было ввести въ законъ начинать каждое засѣданіе національнаго собранія молитвою, что́ немыслимо и дико для Французовъ. Они преглупо, и даже зная, что это глупо (т. е. уже не щадя себя), запрещали всѣ оваціи и благодарственные адресы Тьеру и преслѣдовали за нихъ. Они не позволяли нигдѣ праздновать день освобожденія территоріи, сами давая тѣмъ знать, что въ освобожденіи этомъ не считаютъ себя дѣятелями или участниками. Они отказались по поводу этого громаднаго и радостнаго для Франціи событія отъ самой малѣйшей амнистіи, хотя-бы только для виду, политическимъ преступникамъ—въ чемъ не отказываетъ ни одно правительство въ Европѣ своимъ подданнымъ, во дни великихъ національныхъ торжествъ или радостей. Однимъ словомъ, дѣйствовали презирая среду, съ непостижимою увѣренностію въ своихъ силахъ. И вотъ вдругъ теперь все это уже совершенно открыто ринулось къ графу Шамборскому. Произошло свиданіе представителей династіи,—орлеанской и бурбонской. Трудно представить себѣ даже до сихъ поръ: что́ именно хотѣлъ этимъ сказать графъ Парижскій? Орлеанская династія, имѣющая нѣкоторое число приверженцевъ въ національномъ собраніи, почти менѣе всѣхъ партій, терзающихъ теперь Францію, имѣетъ шансовъ къ престолу. Эта династія, самая благодѣтельная для Франціи въ этомъ столѣтіи, давшая ей 18 блаженныхъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе нестерпимо ей надоѣла и Франція ни за что́ теперь на нее не согласится. Къ тому-же она вполнѣ отжила свой вѣкъ и требованія страны теперь совершенно иныя. Орлеанская династія, съ ея мягкостью въ правленіи и разумнымъ либерализмомъ, не въ мѣрку теперешнимъ событіямъ. Тѣмъ не менѣе свиданіе произошло и обѣ партіи, слившись, надѣются на большинство въ національномъ собраніи. Но что́ такое это собраніе, провозглашающее графа Шамборскаго Генрихомъ V, еслибъ даже это и было возможно? Есть историческіе факты, давно совершив-

Digitized by Google

шіеся, которые нельзя игнорировать. Хороши-ли, нѣтъ-ли эти факты, живительны или несутъ съ собой смерть—это все равно въ настоящемъ вопросѣ. Главное въ томъ, что они есть и ихъ нельзя перейти. Вслѣдствіе этихъ фактовъ, графа Шамборскаго, съ его авторитетомъ «Божіею милостію» (и правомъ завоеванія въ V столѣтіи, прибавимъ мы) не могутъ никакъ принять Французы. О, они, можетъ быть, и приняли-бы! Ибо только 1/8-я какая нибудь доля націи вѣритъ въ принципы 89 года и знаетъ о нихъ. Остальные лишь жаждутъ покоя и сильнаго правительства, и до такой степени, что согласились-бы на какой угодно авторитетъ,—былъ-бы только это несомнѣнный авторитетъ. Но въ томъ-то и дѣло, что и въ несомнѣнность авторитета графа Шамборскаго никто, кромѣ легитимистовъ, не можетъ серьезно вѣрить. Конечно, теперь *все*, рѣшительно *все* можетъ случиться и даже Шамборъ можетъ въѣхать въ Парижъ на бѣломъ конѣ... но не болѣе какъ на два дня, да единственно только въ томъ случаѣ, если маршалъ Макъ-Магонъ положитъ въ избирательную урну свой маршальскій жезлъ. Но—и это весьма важный фактъ,—кажется, Фрошдорфъ и все это легитимистское движеніе происходитъ внѣ всякаго участія маршала Макъ-Магона. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни откуда объ этомъ какихъ нибудь точныхъ свѣдѣній. Однимъ словомъ, агитаторы надѣются рѣшительно лишь на однѣ свои силы. Замѣчательно тоже, что изъ всѣхъ легитимистовъ—самые нетерпѣливые, нетерпимые, самые горячіе и самонадѣянные и самые оторванные отъ почвы—это клерикалы, духовенство.

Съ графомъ Шамборскимъ ведутся представителями монархическихъ партій самые дѣятельные переговоры,—точно все дѣло только въ немъ и въ его согласіи. О мнѣніи націи никто изъ нихъ ничего не думаетъ Да такъ и должно быть:—чистые легитимисты, по крайней мѣрѣ, всегда отрицали Францію и доказывали это вполнѣ, исторически. «L' etat c'est moi, la nation c'est nous». Чрезвычайно комично начинаетъ выступать фигура и самого графа Шамборскаго! Кажется, онъ тоже вполнѣ увѣренъ, что все дѣло въ одномъ только его согласіи идти царствовать и стоитъ лишь ему согласиться, какъ вся Франція тотчасъ-же станетъ передъ нимъ на колѣна. Увѣряютъ, что онъ, на дняхъ, переговариваясь съ депутатами правой стороны относительно приписываемаго ему намѣренія начать войну съ Италіей, отвѣчалъ, что это было-бы съ его стороны безразсудствомъ, потому что онъ знаетъ, что Франція не можетъ вести войны. «Необходимо», заключилъ онъ, «чтобы Франція собралась съ силами и устроилась», но что сверхъ того «надобно оставить князю Бисмарку полную свободу дѣйствій, такъ какъ онъ самъ разрушитъ свое твореніе».

Digitized by Google

Если такія слова о Бисмаркѣ дѣйствительно были сказаны графомъ Шамборскимъ, то, конечно, это человѣкъ и глубокій и умный. Объ огромности ума его однако никто и никогда не имѣлъ извѣстій, такъ что, можетъ быть, слова о Бисмаркѣ и не его (если были сказаны) и графъ повторилъ лишь чужое слово, — и кто знаетъ, можетъ быть, нарочно для него придуманное. Иногда королямъ, возвращающимся къ своимъ народамъ, нарочно придумываютъ словечки для первой встрѣчи. Если не измѣняетъ намъ память, кажется, Людовику XVIII-му при въѣздѣ его въ Парижъ, въ 1814 году, послѣ долгаго отсутствія, придумано было княземъ Талейраномъ словцо: «Rien n'est changé, il n'y a qu'un français de plus». (Ничто не измѣнится. Стало только однимъ Французомъ больше). Такъ или этакъ, но графъ Шамборскій, хотя-бы и былъ чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, всетаки можетъ ничего не понимать въ своей націи. Тутъ ужь не умъ, а обстоятельства. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ *подобному* наслѣдственному королю узнать свою націю. Тамъ, гдѣ приверженцы короля обращаются въ партію, тамъ такой король, съ самаго дня своего рожденія до дня своей смерти, видитъ лишь людей своей партіи, и хоть и слышитъ о людяхъ иныхъ партій, но навѣрно считаетъ ихъ только за поврежденныхъ умомъ. Графъ Шамборскій обѣщаетъ не объявлять войну Италіи (т. е. за папу). Но вѣдь онъ говоритъ только про настоящую минуту, про то, что Франція не готова теперь къ бою. Такой оборотъ фразы именно долженъ означать, что когда Франція отдохнетъ и изготовится къ бою, то... Да и можетъ-ли «законный» настоящій Бурбонъ, король французскій, отказаться отъ вѣковаго своего титула «христіаннѣйшаго короля»? Старая Франція издавна, съ глубины вѣковъ, *жила* католическою идеею и провозглашала ее, держала высоко ея знамя, стояла за Римъ, въ противоположность германской идеѣ, ставшей, наконецъ, за реформацію со всѣми ея послѣдствіями. Это до того неотъемлемо отъ истой французской идеи и отъ націи — главной представительницы германо-романскаго племени, что не смотря на 89 годъ, Франція, во все продолженіе XIX-го столѣтія (Людовикъ-Филиппъ, Наполеонъ III, Тьеръ) постоянно продолжала стоять въ своей политикѣ за католичество, за Римъ, за свѣтское владычество папы. Теперь-же, именно въ эту минуту, можно *предчувствовать*, что первое столкновеніе съ Германіей Франціи, во главѣ другихъ католическихъ державъ (если только подобный союзъ католическихъ державъ состоится) произойдетъ именно изъ за Рима, изъ за воскресенія римскаго католичества во всей его древней идеѣ... Не даромъ-же въ Берлинѣ предпринятъ крестовый походъ «кровью и желѣзомъ» для окончатель-

Digitized by Google

наго искорененія «римской идеи» въ Германіи, такъ что даже нарочно придумали вмѣсто стараго римскаго католичества, новое (книжное) «старокатоличество», для отпору и противуположности. И не могли-бы одни только германскіе римскіе католики, сами по себѣ, до такой степени взволновать и озлобить противъ себя графа Бисмарка. Тутъ другое: тутъ именно, можетъ быть, тоже предчувствуется, что римская идея возродится опять и знамя ея подыметъ именно крайній западъ Европы,—вотъ тотъ самый, откуда они вывели недавно послѣднихъ своихъ солдатъ... Впрочемъ, идею нашу мы не станемъ теперь развивать и подробно доказывать. Пусть останется она лишь предположеніемъ...

На счетъ знамени—трехцвѣтнаго, французскаго, *республиканскаго* знамени, графъ Шамборскій еще ничего не рѣшилъ. Кажется, впрочемъ, ему былъ голосъ отъ папы, что надо-бы согласиться, не упрямиться, уступить. Онъ ничего не рѣшилъ, но есть слухи, что вотъ какъ будетъ: нація (національное собраніе) явится къ нему вручать корону и объ знамени не скажетъ ни слова и вотъ тутъ-то онъ возьметъ и *подаритъ* Франціи *самъ* столь дорогое ей трехцвѣтное ея знамя, въ видѣ милости на радостяхъ. Объ конституціи онъ выразился, что если старую хартію (1814-го года), съ которою уже разъ приходили Бурбоны (т. е. былъ уже прецедентъ) поизмѣнить капельку сообразно теперешнимъ обстоятельствамъ, то, кажется, этого будетъ довольно. Разумѣется, въ такомъ случаѣ всеобщая подача голосовъ, столь дорогая Французамъ (впрочемъ, неизвѣстно почему; ибо болѣе нелѣпаго изобрѣтенія, конечно, никто не можетъ указать даже изъ всѣхъ нелѣпостей, бывшихъ въ нашемъ вѣкѣ во Франціи)—устраняется. Но до Франціи какое ему дѣло? Сомнѣнія нѣтъ, что графъ Шамборскій возвращается во Францію съ самою святою увѣренностію осчастливить ее и вѣритъ, что осчастливитъ; но возвращеніе его чрезвычайно похоже, въ мечтахъ его, какъ-бы на возвращеніе благодѣтельнаго помѣщика въ свою деревню.

О, онъ не допуститъ *ихъ* стать на колѣни! Т. е. когда въ замкѣ Шамборѣ (слышно, что къ *тому времени* онъ хочетъ переѣхать въ Шамборъ) національное собраніе, съ короной въ рукахъ, начнетъ умолять его «возвратить себя Франціи», то ужь, разумѣется, онъ не дастъ имъ стать на колѣни. Онъ слишкомъ, слишкомъ понимаетъ свой вѣкъ! Но... еслибъ всетаки они обнаружили видъ, что хотятъ будто-бы склонить колѣна, то это было-бы вовсе недурно. А ужь въ благодарность онъ ихъ тотчасъ-же ни за что и не допуститъ, такъ что, какъ будто-бы они и не начинали становиться. Зато ужь навѣрно, въ тиши Фрошдорфа, невинному во-

Digitized by Google

ображенію графа не разъ мечталось въ послѣднее время, что когда онъ въѣдетъ въ Парижъ, на бѣломъ конѣ, то парижанки будутъ бросать цвѣты, а народъ бросится цаловать копыта его лошади. Тутъ ужь онъ даже и не остановитъ и все допуститъ, ибо это лишь натурально, и дѣлаетъ только честь обѣимъ сторонамъ. Цалуютъ-же копыты коня другаго Бурбона, его родственника, претендента испанскаго, Донъ-Карлоса. Тамъ дѣйствительно это случалось уже нѣсколько разъ, въ деревняхъ...

Кто-же можетъ, однако, прежде всѣхъ этому помѣшать, всѣмъ этимъ въѣздамъ и другимъ фантастическимъ картинамъ, ожидаемымъ въ столь близкомъ будущемъ? Разумѣется, послѣ такого вопроса на первомъ планѣ тотчасъ-же является фигура стараго маршала Макъ-Магона, о которомъ мы уже и начали было говорить. Но прежде чѣмъ заговоримъ снова, упомянемъ объ одномъ чрезвычайномъ политическомъ обстоятельствѣ, о которомъ доселѣ, кажется, никто еще не сказалъ ни слова въ Европѣ, хотя оно продолжается уже три мѣсяца съ половиною, и на которое, такимъ образомъ, «Гражданинъ» укажетъ первый. Вотъ въ чемъ оно состоитъ.

Маршалъ Макъ-Магонъ, «старый маршалъ», «честный маршалъ», «храбрый маршалъ», «честный старый солдатъ» и т. д. и т. д. до самаго 24 мая сего года былъ, конечно, всѣмъ извѣстнымъ въ Европѣ лицомъ, но только съ одной, весьма ограниченной стороны. Онъ служилъ, онъ дрался, онъ отличился, и когда надо было, объ немъ всегда объявляли въ газетахъ, но ровно столько-же, сколько и о другихъ служившихъ и отличившихся маршалахъ. Даже и менѣе, чѣмъ о другихъ: Базенъ, напримѣръ, былъ всегда болѣе его извѣстнымъ, а послѣ франко-прусской войны, въ которой онъ такъ отличился, имя его стало даже *чрезмѣрно* извѣстнымъ, — напримѣръ, теперь, когда готовится его окончательный процессъ въ Тріанонѣ, заранѣе волнующій Европу и Америку чуть не пуще вѣнской всемірной выставки или путешествія шаха, о которомъ, къ слову сказать, такъ вдругъ всѣ и забыли (да когда, въ самомъ дѣлѣ, было путешествіе шаха—десять лѣтъ назадъ, не правда-ли?). И вотъ вдругъ, столь много и столь обыкновенно извѣстный маршалъ Макъ-Магонъ, съ 24-го мая, т. е. съ выборомъ его въ президенты Французской республики на мѣсто Тьера—становится *необыкновенно* извѣстнымъ, громадно, колоссально извѣстнымъ. Извѣстность эта продолжается уже почти 4 мѣсяца. И вотъ во все это время, съ самаго перваго до самаго послѣдняго сегодняшняго дня, всѣ газеты всего міра, а французскія по преимуществу, въ запуски принялись называть маршала всѣми тѣми прозвищами, которыя мы выписали нѣсколько строкъ выше: «старый маршалъ»,

Digitized by Google

«честный маршалъ», «храбрый маршалъ», «честный старый солдатъ» и проч. Всего болѣе упирали на два слова, „честный и храбрый" и всего чаще повторяли ихъ. Ничего-бы, кажется, не могло быть лестнѣе для стараго, храбраго солдата; а между тѣмъ въ томъ-то и дѣло, что навѣрно вышло наоборотъ. Тутъ всегда являлось какъ-бы какое-то коварство, — самое, впрочемъ, невольное, почти нечаянное и неизбѣжное, а между тѣмъ точно всѣ сговорились. Именно: всѣ эти прекрасные эпитеты,—«честный, храбрый» и т. д. появлялись какъ-бы для того только, чтобъ избѣжать слова: „умный". И всегда это какъ будто именно точь въ точь такъ и было. Да, кажется, и дѣйствительно такъ было. Ни разу не было сказано: „нашъ умный маршалъ, нашъ дальновидный маршалъ". И всегда это говорилось какъ нарочно съ самою искреннею, т. е. съ самою обидною наивностью, а, стало быть, и — ясностію. Именно, когда хвалили другихъ за политическій умъ, за дальновидность, или разбирали путаницу предстоящихъ труднѣйшихъ событій — всегда тутъ-то какъ разъ: „честный маршалъ", „храбрый, честный солдатъ"; на него будетъ можно понадѣяться. Работать-то, конечно, будетъ не онъ, а мы (да и не его ума это дѣло), но храбрый солдатъ намъ не измѣнитъ, честный солдатъ насъ сбережетъ, мы у него, какъ у Христа за пазухой, ну, а когда придетъ время, мы у него сбереженное-то и отберемъ, а ему откланяемся и онъ будетъ этому очень радъ, потому что это «храбрый маршалъ", „честный маршалъ", „честный, храбрый старый солдатъ!"

Однимъ словомъ, мы твердо увѣрены, что какъ-бы ни былъ маршалъ Макъ-Магонъ храбръ и честенъ, тѣмъ не менѣе ничего нѣтъ противнѣе для него, въ настоящее мгновеніе, какъ эти эпитеты храбрый, да честный. Тутъ не много надо знанія психологіи и вообще человѣка и особенно храбраго и честнаго солдата, чтобъ согласиться съ этимъ.

Мы опять и откровенно повторяемъ, что считаемъ этотъ, проявившійся съ 24 мая фактъ — чрезмѣрно важнымъ, но незамѣченнымъ доселѣ политическимъ обстоятельствомъ, и что уже, конечно, онъ повліяетъ даже на важнѣйшія дѣла Европы, можетъ быть, въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Ибо что̀, напримѣръ, было-бы теперь всего пріятнѣе честному и храброму маршалу? Ужь, безъ сомнѣнія, всего пріятнѣе было-бы вдругъ и неожиданно доказать всей Европѣ и особенно Франціи, что онъ не только старый и честный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно-таки умный маршалъ. Это человѣкъ, кажется, прекрасный и безукоризненно благородный, но, кажется, тоже и молчаливый, то есть изъ умѣющихъ молчать и таить про себя. Скажутъ, что это низко такъ

Digitized by Google

обижаться, особенно на такомъ величавомъ мѣстѣ. Но вѣдь это совершенно безсознательно дѣлается и къ тому-же—кто знаетъ?—можетъ быть, онъ даже и правъ, то есть въ томъ, что онъ и дѣйствительно довольно-таки умный маршалъ. Нѣкоторые факты какъ-бы уже намекаютъ на то. Сначала, разумѣется, то есть сейчасъ послѣ 24 мая, онъ не могъ очень высказаться, не доходило до слишкомъ важнаго; онъ только представлялъ собою какъ-бы узелъ, связавшій несвязуемое, благодаря чему всѣ могли жить и кое-какъ двигаться. Но вотъ всѣ дѣйствительно стали жить и сильно двигаться. Партіи обнажились и обнажаются чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Явился Фрошдорфъ, а затѣмъ явились уже совершенно обозленные и остервенившіеся бонапартисты. Республиканцы всѣхъ оттѣнковъ тоже ждутъ сдѣлать свой главный ударъ и заявить себя; не умѣютъ, по обыкновенію, но сильно ждутъ. Ну, что̀ если національное собраніе дѣйствительно выберетъ Шамбора? Тогда честный солдатъ встанетъ, поклонится и отдастъ избранному возжи въ руки? И вотъ намъ все болѣе и болѣе начинаетъ казаться, что онъ сдѣлаетъ это только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно *всего только честный солдатъ*. Напротивъ, намъ думается, что онъ непремѣнно захочетъ показать свой умъ, доказать всей Европѣ, что именно онъ-то и можетъ выдумать что нибудь гораздо поумнѣе избранія графа Шамборскаго. И, главное, имѣя въ рукахъ такую силу — войско! По нашему, онъ даже именно поставленъ въ такое безвыходное положеніе, что непремѣнно даже обязанъ выдумать самъ, своимъ умомъ, что нибудь очень остроумное и оригинальное и не можетъ ни за что̀ сдѣлать иначе — подъ опасеніемъ остаться — и уже на вѣки—«нашимъ старымъ солдатомъ, нашимъ честнымъ солдатомъ, нашимъ храбрымъ солдатомъ», но—и только...

Но объ этомъ положеніи президента Франціи, о причинахъ этого положенія и обо всемъ, что̀ касается почтеннаго маршала въ его отношеніяхъ къ современной минутѣ, мы поговоримъ особо въ будущей статьѣ; теперь-же, кажется, и безъ того перешли указанные намъ редакціей предѣлы нашей статьи. Зато въ каждомъ № «Гражданина» неуклонно будемъ продолжать наше описаніе иностранныхъ событій, такъ что надѣемся, по возможности, не отстать отъ нихъ... Но кончая хронику, забѣжимъ впередъ и прочтемъ чрезвычайно важную недавнюю телеграмму изъ Берлина.

Берлинъ (24 сентября). На вчерашнемъ парадномъ обѣдѣ въ бѣлой залѣ берлинскаго дворца, императоръ Вильгельмъ провозгласилъ тостъ: „За здоровье моего брата и друга—короля итальянскаго“, на что король

Digitized by Google

Викторъ-Эммануилъ отвѣтилъ тостомъ: „За здоровье моего друга, давняго союзника, его величества императора германскаго!“.

„Князь Бисмаркъ прибудетъ въ Берлинъ сегодня, въ шесть часовъ вечера“.

О королѣ итальянскомъ и о путешествіи его мы обѣщаемъ поговорить особенно обстоятельно, ибо событіе это *одно изъ самыхъ важнѣйшихъ* за весь, можетъ быть, нынѣшній годъ. Теперь-же замѣтимъ только, опять таки забѣгая впередъ, что король Викторъ-Эммануилъ весьма не любитъ путешествовать. Это король-джентльменъ, простой, гордый и съ чрезвычайнымъ тактомъ Онъ ни за что не бросилъ-бы Италію, еслибъ не самыя важныя соображенія. Разумѣется, всегда принято съ поспѣшностью увѣрять въ такихъ случаяхъ, что ничего нѣтъ политическаго; французскій посланникъ формально освѣдомлялся у итальянскаго правительства: «что, дескать, это значитъ это путешествіе?» и получилъ въ отвѣтъ, что это означаетъ горячія и дружескія чувства, которыя издавна питаютъ другъ къ другу оба монарха и проч. и проч. въ этомъ родѣ. На дипломатическомъ языкѣ это означаетъ точь въ точь: «вы слишкомъ любопытны-съ». Да и дѣйствительно слишкомъ ужь невинное любопытство отъ дипломата!

Зато рѣдко кому бывалъ такой восторженный пріемъ въ Берлинѣ, какъ итальянскому королю. Пріѣздъ его въ Берлинѣ популяренъ и національнаенъ. Въ Вѣнѣ принимали хорошо, но всетаки не такъ, какъ въ Берлинѣ—и тому есть причины...

Изъ № 39 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

а этотъ разъ мы уступаемъ наше мѣсто въ «Гражданинѣ» другимъ обозрѣніямъ. Сообщимъ лишь замѣчательнѣйшія изъ политическихъ телеграммъ за прошедшую недѣлю.

— *Версаль*, 13-го (25) сентября. Сегодня происходило засѣданіе постоянной коммиссіи національнаго собранія, въ которомъ ничего замѣчательнаго не произошло.

Затѣмъ происходило собраніе шестидесяти депутатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ подраздѣленіямъ консервативной партіи. На этомъ собраніи обсуждены были, одно за другимъ, всѣ препятствія, которыя еще представляются къ возобновленію монархіи. По всѣмъ вопросамъ состоялось полное согласіе между присутствующими.

— *Парижъ* 13-го (25) сентября. Оффиціальная телеграмма, полученная изъ Испаніи, сообщаетъ, что всѣ шайки карлистовъ, осаждавшія Толозу, бѣжали, видя приближеніе правительственныхъ войскъ подъ начальствомъ Моріонеса. Моріонесъ вступилъ въ Толозу.

Digitized by Google

Въ слѣдующемъ нумерѣ мы упомянемъ о значеніи всѣхъ этихъ главнѣйшихъ телеграммъ изъ Европы въ подробности. Теперь-же скажемъ лишь нѣсколько словъ. Всего болѣе извѣстій изъ Парижа,— точно самые малѣйшіе факты изъ Франціи имѣютъ для Европы гораздо болѣе значенія, чѣмъ весьма крупные изъ другихъ земель. Горячка торжествующей партіи продолжается. Постоянная коммиссія Національнаго собранія, замѣняющая собою все Національное собраніе въ его отсутствіе, собирается вяло, и, какъ гласитъ телеграмма отъ 13 сентября, въ послѣднее засѣданіе ея ничего замѣчательнаго не произошло. Она какъ-бы игнорируетъ теперешнее движеніе главной партіи въ пользу возстановленія Бурбоновъ. Между тѣмъ она сама, въ большинствѣ, состоитъ изъ тѣхъ-же монархистовъ. Зато засѣданія отдѣленій правой стороны всѣхъ оттѣнковъ полны огня и тревоги. Реставрація Шамбора рѣшена, главные толки идутъ все о знамени, трехцвѣтномъ или бѣломъ, — т. е. о самомъ важномъ вопросѣ во всемъ этомъ дѣлѣ. Трехцвѣтное знамя есть признаніе такъ-называемыхъ принциповъ 89 года. Бѣлое знамя—отказъ отъ исторіи и возвращеніе къ временамъ Людовика XIV. Впрочемъ, монархисты все въ той-же полной надеждѣ. Подтверждаются свѣдѣнія, что въ Римѣ непремѣнно берутся уговорить графа Шамборскаго на трехцвѣтное знамя. Какъ мы говорили въ прошлый разъ—полнѣйшее убѣжденіе всей партіи, что все дѣло устроится однимъ лишь рѣшеніемъ національнаго собранія—продолжается. О народѣ и войскѣ какъ-бы никто и не думаетъ. Подобная, почти слѣпая увѣренность партіи могла-бы намекать на таинственную поддержку со стороны маршала Макъ-Магона.

Между тѣмъ во всѣхъ другихъ французскихъ партіяхъ обнаруживается все болѣе и болѣе разладъ и какъ-бы страхъ передъ приготовленіями монархистовъ. Пишутъ о многихъ случаяхъ измѣнъ и переходовъ. Иные республиканцы перебѣгаютъ къ бонапартистамъ (какъ, напримѣръ, газета «Avenir National») подъ предлогомъ союза бонапартистовъ съ республиканцами. Въ сущности, вмѣсто того чтобъ соединиться, бонапартисты и республиканцы лишь упрекаютъ и въ чемъ-то стыдятъ другъ друга. Республиканскіе вожди ведутъ себя загадочно—всего вѣроятнѣе, просто не знаютъ, какъ приняться за дѣло.

Гамбетта, объѣзжая часть Франціи, не знаетъ, говорить ему или не говорить на банкетахъ. Тьеръ возвращается въ Парижъ, чтобъ «начать дѣйствовать», и, можетъ быть, и впрямь нѣсколько поздно. Между тѣмъ газеты въ Берлинѣ, говоря о посѣщеніи Берлина королемъ итальянскимъ, прямо подтверждаютъ о союзѣ державъ, противъ «безпокойныхъ движеній иныхъ націй», т. е., конечно,

Digitized by Google

говорятъ о Франціи и о возможности возрожденія католической идеи, о чемъ мы говорили въ прошломъ № „Гражданина“. Изъ телеграммъ видно тоже, что и Франція сильно занимается вооруженіемъ и переформированіемъ своихъ войскъ.

Правительство Кастеляра начало борьбу съ врагами республики, повидимому, довольно энергично, но покамѣстъ этимъ свѣдѣніямъ вѣрить много нечего. Есть извѣстія о сильныхъ ударахъ, будто-бы нанесенныхъ Донъ-Карлосу; но извѣстія эти пока лишь изъ Мадрида. Правда, собраніе кортесовъ открыло новому правительству Кастеляра большія средства (денежныя и право поднять значительную армію). Кромѣ того возстановленъ военный законъ, т. е. смертная казнь за преступленія противъ дисциплины, но все это, надо полагать, пребываетъ болѣе, такъ сказать, на бумагѣ; да и не такъ скоро возстановляется совершенно упавшая дисциплина. Между тѣмъ сепаратисты на югѣ совершаютъ страшныя злодѣйства. Эскадра города Картагены (осажденнаго правительствомъ) бомбардировала городъ Аликанте изъ грабежа, чтобъ вытребовать отъ Аликанте денегъ и провіанту. Злодѣйство совершилось въ виду эскадръ прусской, французской и англійской. Одна прусская хотѣла было помѣшать гнуснымъ разбойникамъ; но удержалась въ виду бездѣйствія французской и англійской эскадръ, рѣшившихъ остаться нейтральными. Несчастные жители Аликанте телеграфировали однако лорду Гренвилю, умоляя о помощи; но согласія на помощь не послѣдовало — трудно представить, по какимъ соображеніямъ. Пусть это испанское правительство наказывало-бы какой нибудь изъ своихъ возмутившихся городовъ; но эти разбойники, конечно, для правительствъ Франціи и Англіи — лишь совсѣмъ неизвѣстные люди. И нравственный и всякій другой законъ даже обязываютъ посторонняго помѣшать явному и гнуснѣйшему злодѣйству, если оно происходитъ въ его глазахъ и если онъ въ силахъ оказать помощь.

Городъ Аликанте, оставленный собственнымъ средствамъ, отвѣчалъ однако на бомбардировку изъ своихъ орудій чрезвычайно энергично, такъ что два разбойничьихъ корабля, „Мендецъ“ и „Нумансія“, сильно потерпѣли и должны были воротиться назадъ въ Картагену ни съ чѣмъ. По поводу этого злодѣйства испанское правительство снова пламенно и краснорѣчиво выразилось, что оно вполнѣ сознаетъ необходимость подавить мятежъ сепаратистовъ. Еще-бы не сознавать такую необходимость!

На югѣ Испаніи разбойничаютъ коммунисты, на сѣверѣ клерикалы. Нѣкоторые экономисты убѣждены, что такая разнохарактерность мятежа произошла оттого, что на сѣверѣ земля раздроблена между огромнымъ количествомъ мелкихъ собственниковъ (о-

Digitized by Google

того консерватизмъ, Донъ-Карлосъ). Югъ-же страны состоитъ почти весь изъ крупной земельной собственности, а народъ почти совсѣмъ лишенъ земельнаго надѣла—оттого пролетаріатъ, коммунизмъ, желаніе захватить собственность силой и подѣлить ее межъ собою. Что коммунизмъ играетъ огромную роль въ теперешнемъ мятежѣ юга Испаніи—тò несомнѣнно.

Изъ № 40 журн. „Гражданинъ" 1873 г.

Мы приглашаемъ нашихъ читателей обратить вниманіе на напечатанную въ нынѣшнемъ № «Гражданина» статью нашего сотрудника Z. Z.: *О борьбѣ государства съ церковью въ Германіи.* Это — продолженіе напечатаннаго подъ тѣмъ-же заглавіемъ еще въ 34 № «Гражданина» и сообщаетъ послѣднія извѣстія объ этой роковой борьбѣ. Хотя въ настоящую минуту политическій интересъ, повидимому, сосредоточенъ на другой окраинѣ Европы, но статья нашего сотрудника касается именно того главнаго, основнаго пункта, на которомъ въ наше время какъ-бы колеблется вся политическая будущность Европы. Тутъ не только борьба римскаго католичества и римской идеи всемірнаго владычества, которая умереть не хочетъ, не можетъ и умретъ развѣ съ кончиною міра,—но, въ зародышѣ, и борьба вѣры съ атеизмомъ, борьба христіанскаго начала съ новымъ грядущимъ началомъ новаго грядущаго общества, мечтающаго поставить свой престолъ на мѣстѣ престола Божія. Князь Бисмаркъ, конечно, не вполнѣ про то вѣдая, какъ-бы подаетъ, своимъ презрительнымъ и деспотическимъ отношеніемъ къ церкви въ новой колоссальной Имперіи, основанію которой столь способствовалъ политикою «крови и желѣза»—руку свою *новымъ людямъ*, атеистамъ и соціалистамъ. Припомнимъ опять изрѣченіе, приписываемое графу Шамборскому о настойчивомъ князѣ: «Его надо оставить въ покоѣ и онъ самъ разрушитъ свое твореніе». Должно думать, что это *колоссальное* изрѣченіе сказано было графомъ Шамборскимъ тоже нѣсколько безсознательно, по крайней мѣрѣ, въ какомъ нибудь болѣе тѣсномъ политическомъ смыслѣ. Все не вѣрится какъ-то, судя по фактамъ, что такія мысли тоже могутъ заходить въ голову графа Шамборскаго.

Мы опять помѣщаемъ ниже массу политическихъ телеграммъ изъ Европы, за всю недѣлю, и опять-таки почти всѣ онѣ изъ Парижа. Неоспоримо тò, что въ Европѣ, вотъ уже скоро сто лѣтъ, все *начинается съ Франціи* и, кажется, долго еще такъ будетъ

Digitized by Google

продолжаться. Этому есть свои причины. Впрочемъ, не смотря на обиліе телеграммъ—новаго и рѣшительнаго еще не много. Мы остановились на путешествіи короля итальянскаго въ Вѣну и Берлинъ, вызвавшемъ такой восторгъ и въ нѣмцахъ и въ итальянцахъ. Король уже съ недѣлю какъ возвратился въ Италію, напутствуемый горячими изъявленіями дружбы императора германскаго и его фамиліи, и, возложивъ, въ свою очередь, орденъ Анунсіады (дающій титулъ *двоюроднаго брата короля*) на старшаго сына германскаго наслѣднаго принца, на фельдмаршала Мольтке и на министра-президента Роона. Князь Бисмаркъ, уже имѣющій этотъ орденъ, получилъ изъ рукъ короля его акварельный портретъ. Телеграмма гласитъ, что въ Римѣ, 21 сентября, т. е. въ годовщину народнаго голосованія, присоединившаго Церковную Область къ Королевству Итальянскому, устроена была восторженнымъ народомъ иллюминація и горѣлъ транспарантъ, изображавшій императоровъ австрійскаго и германскаго и короля итальянскаго, подающихъ другъ другу руки. Такимъ образомъ итальянцы вполнѣ и съ удовольствіемъ сознаютъ, что порвали надолго свои древнія (католическія) связи съ крайнимъ западомъ Европы и пристали къ началу германскому (протестантскому). Во всякомъ случаѣ, политическое обезпеченіе юнаго итальянскаго королевства устроилось, на время, довольно крѣпко. Разставшись на вѣки съ колоссальной римской идеей всемірнаго владычества папы, унаслѣдованной прямо отъ идеи всемірнаго владычества древняго Рима, итальянцы смотрятъ теперь, хотя и безмѣрно уменьшеннымъ взглядомъ, на судьбы свои, но за то позитивно и матеріально, и, не смотря на прозаичность занятія, неуклонно хлопочутъ устроить свое будущее мѣщанское счастье подъ знаменемъ Италіи, соединенной во единое конституціонное королевство. Очень можетъ быть, что они избрали благую часть. Тутъ все зависитъ отъ народнаго генія и во сколько онъ самъ цѣнитъ и сознаетъ себя. При этомъ какъ-бы бросается въ глаза, хотя и нѣсколько странная, но и не совсѣмъ отдаленная аналогія между современными итальянцами и новыми союзниками ихъ, германцами. Эти честные граждане, восторженно смотрѣвшіе на вышеупомянутый транспарантъ, тоже какъ-бы принесли въ жертву часть своего религіознаго чувства и вѣрованія, порѣшивъ съ своимъ папой, въ видахъ укрѣпленія своего новенькаго итальянскаго королевства, — какъ и германцы, восторженно апплодирующіе теперь, и въ тѣхъ-же видахъ укрѣпленія своей новой колоссальной имперіи,—новымъ церковнымъ законамъ князя Бисмарка.

Разсматривая всѣ парижскія телеграммы, невольно приходишь къ одному неизбѣжному выводу: именно, что республикѣ во Фран-

Digitized by Google

ціи, кажется, приходитъ послѣдній конецъ. То есть не то что нынѣшней республикѣ, но самому ея «принципу». И если въ этотъ разъ она не отстоитъ себя противъ Шамбора, то, можетъ быть, никогда уже не возобновится во Франціи. Впрочемъ, тутъ и не Шамборъ; графу Шамборскому,—хоть и трудно это предположить,—можетъ быть, и не удастся стать королемъ. Но республикѣ всетаки нельзя существовать болѣе, ибо отъ нея во Франціи, кажется, всѣ устали. Да и что такое, напримѣръ, *Тьерова* республика, у которой наиболѣе приверженцевъ изо всей французской республиканской партіи? Это нѣчто совершенно отрицательное. Самъ Тьеръ формулировалъ неоднократно свою республику тѣмъ, что она «необходима, главное, потому, что ни одно изъ другихъ правительствъ и ни одна изъ другихъ партій во Франціи теперь невозможны». Такое отрицательное достоинство вовсе не можетъ успокоить усталую Францію, жаждущую порядка во что-бы то ни стало и силы, чтобы поддержать его. И тѣмъ болѣе, что эта отрицательная и будто-бы единственно возможная форма правительства въ теперешней Франціи—вовсе не устраняетъ другія партіи; напротивъ, дразнитъ и раздражаетъ ихъ именно своею отрицательностію; ибо каждая другая партія, напротивъ, увѣрена, что несетъ съ собою нѣчто положительное и окончательное для Франціи въ сравненіи съ *отрицательной* республикой. Опредѣлять республику такъ, какъ опредѣляетъ ее Тьеръ, значитъ самому не вѣрить въ нее. Вотъ почему всякій Французъ по неволѣ смотритъ на республику какъ на нѣчто переходное, почти какъ на зло, болѣе или менѣе неизбѣжное. Такое положеніе нестерпимо и должно пасть само собою. Оно еще могло существовать съ Тьеромъ во главѣ, ибо Тьеръ былъ сила; тѣмъ болѣе, что все дѣло было въ Тьерѣ, а вовсе не въ его республикѣ. Но теперь и Тьеръ уже не сила. Самъ онъ, конечно, еще не замѣчаетъ того; вѣдь такъ еще недавно онъ стоялъ во главѣ Франціи! Но пока онъ ждалъ и собирался—минута ушла на вѣки. Безъ сомнѣнія, ему будетъ величайшимъ сюрпризомъ вдругъ теперь узнать, что онъ—всего только великое историческое лицо, окончательно отошедшее въ область исторіи, а затѣмъ уже и ничего больше. Кажется, онъ объ этомъ скоро узнаетъ.

Всего вѣроятнѣе, что не повѣритъ тому, но тѣмъ горше будетъ его разочарованіе. Нельзя-же убѣдиться такъ вдругъ въ своей совершенной ненужности. Теперь онъ возвратился въ Парижъ (изъ Женевы), и уже серьезно собирается дѣйствовать: слишкомъ долго продолжалась его прогулка. Онъ становится во главѣ оппозиціи большинству Національнаго собранія и собирается предводительствовать, въ виду близкой катастрофы провозглашенія Франціи королев-

Digitized by Google

ствомъ—во первыхъ, лѣвымъ центромъ, любимымъ мѣстомъ Тьера въ палатѣ, во вторыхъ, по возможности всей лѣвой стороной праваго центра, и въ третьихъ, — по возможности всей лѣвой стороной собранія. Эта возможность подчиненія Тьеру, на время, всей лѣвой стороны собранія, кажется, осуществима. Слышно, что крайняя лѣвая уже прислала сказать ему, что спорить не будетъ и избираетъ его въ предводители. Хоть и нигдѣ о томъ не пишутъ, но намъ кажется, что въ этомъ рѣшеніи крайней лѣвой чувствуется ловкая рука умнаго Гамбетты. Но навѣрно всѣ эти приготовленія не увѣнчаются успѣхомъ: въ роковой моментъ не только многіе депутаты изъ центровъ, но даже и изъ лѣвой стороны не *посмѣютъ* не подать голоса за графа Шамборскаго, если дѣло начнется и кончится, какъ предполагаютъ всѣ до сихъ поръ, однимъ рѣшеніемъ Національнаго собранія. Врядъ-ли даже, въ такомъ случаѣ, и дойдетъ до дебатовъ въ собраніи: лигитимисты дерзки, рѣшатъ нахально, насильно и даже, можетъ быть, самому Тьеру не дадутъ говорить (а онъ навѣрно уже приготовляетъ удивительную рѣчь). Легитимисты уже теперь гласно и открыто говорятъ и пишутъ, что Національное собраніе, въ тотъ роковой день, должно быть окружено войскомъ. Объ маршалѣ-президентѣ по прежнему никто не думаетъ, и лигитимисты совершенно увѣрены въ его послушаніи. Ну что̀ если въ самомъ дѣлѣ онъ всего *только честный солдатъ?* Тогда графъ Шамборскій, конечно, воцарится... на нѣсколько дней. Приверженцы его и знать не хотятъ, что̀ будетъ на завтра послѣ воцаренія; имъ-бы только теперь-то мѣсто занять. Характерно изрѣченіе самого графа Шамборскаго. Онъ писалъ одному депутату, что «не можетъ представить себя королемъ какой нибудь партіи». Чѣмъ-же онъ воображаетъ себя послѣ этого?

Въ Испаніи ничего лучшаго, даже худшее. Изъ Мадрида хвалятся, что донъ-Карлосъ чуть не совсѣмъ уничтоженъ; но навѣрно въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей правды. На югѣ Испаніи дѣла все хуже и хуже, а подъ Картагеной правительственныя войска перебѣгаютъ къ инсургентамъ. Вмѣсто ста милліоновъ правительственный заемъ осуществилъ лишь всего десять милліоновъ реаловъ. Рѣшили достать деньги во что̀-бы то ни стало контрибуціями и налогами. Въ собраніи кортесовъ разладъ, и огромная часть ихъ оставляетъ совсѣмъ правительство. Вѣроятно, провозгласится много новыхъ pronunciamento...

Digitized by Google

Изъ № 41 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

ыписываемъ отзывъ англійской газеты «Daily News» о теперешнихъ французскихъ событіяхъ.

«Есть признаки того, что во Франціи замышляется новый государственный переворотъ, тѣмъ болѣе незаконный, что онъ прикрывается парламентскими формами и парламентскими авторитетами. Между тѣмъ Версальское Собраніе никакъ не можетъ считаться парламентомъ. Оно перестало быть имъ съ той самой минуты, какъ, присвоивъ себѣ высшую правительственную отвѣтственность, лишило избирателей и страну всякой отвѣтственности. Теперь оно просто на просто безотвѣтственная и независимая олигархія, удерживающая за собою власть посредствомъ злоупотребленія врученными ему полномочіями».

И далѣе о графѣ Шамборскомъ:

«Претендентъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, человѣкъ честный, хотя заблуждающійся. Если есть пунктъ, по которому онъ ни за что не долженъ-бы уступить, то это вопросъ о бѣломъ знамени... Говорятъ, впрочемъ, что сдѣлана оговорка о присоединеніи къ нему бѣлой ленты или пучка изъ бѣлыхъ перьевъ. Но къ чему символъ, когда упраздняется выражаемое имъ дѣло! Самъ графъ Шамборскій есть не болѣе какъ символъ. Внѣ традиціонной монархіи, эмблему которой онъ готовъ принести въ жертву, онъ не имѣетъ никакого значенія. Принимая революціонное знамя, онъ дѣлается или монархомъ, созданнымъ революціей, или соглашается на притворство... Принять конституцію не слишкомъ трудно: для этого довольно минуты, почерка пера; но быть вѣрнымъ конституціи всю жизнь, выполнять ее по буквѣ и по духу при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, выполнять въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ—вотъ задача, вотъ испытаніе, при которомъ графъ Шамборскій легко можетъ сбиться съ дороги, благодаря извѣстнымъ вліяніямъ. Трудно передѣлать свою природу; воспитаніе, связи, привычки, вкоренившіяся убѣжденія должны осилить первоначальную рѣшимость, не смотря на искренность намѣренія... Будетъ-ли графъ Шамборскій, измѣнившій самому себѣ, вѣренъ Франціи? Мы не считаемъ его способнымъ къ коварству; но онъ обнаружилъ слабость, которая является соблазномъ и государственною опасностью... Собраніе можетъ только сдѣлать графа Шамборскаго королемъ Собранія, но оно не въ силахъ укоренить его власть на французской почвѣ. Герцогъ Брольи и его друзья воображаютъ, будто то, что

Digitized by Google

было возможно въ 1789 году, возможно еще и въ 1873 году. Они забываютъ цѣлое столѣтіе и общественный порядокъ, созданный этимъ столѣтіемъ во Франціи... Школа «историческихъ возстановителей» (герцогъ Брольи — ея типическій представитель) вся состоитъ изъ революціонеровъ-педантовъ, планы которыхъ—«устарѣлая новизна». Это—антикваріи, а не консерваторы»...

Рядомъ со статьей «Daily News», выписываемъ, тоже въ отрывкахъ, нѣсколько чрезвычайно характерныхъ, а въ настоящую минуту и особенно замѣчательныхъ сужденій Луи-Вёльо, въ іезуитской газетѣ «Univers», на ту-же тему.

«Старые гугеноты, оставшіеся вѣрными Генриху IV, говорили когда-то, чтобъ извинить его отступничество отъ протестантства: «Парижъ стòитъ мессы (Paris vaut bien une messe). Около Генриха V толкутся теперь такіе-же политиканы, и точно также убѣждаютъ его, что «Парижъ стòитъ того, чтобъ немножко съякшаться съ революціей... Чтò до нихъ, то ничего имъ не кажется проще. Король, однако, другаго мнѣнія. То, чтò надо сдѣлать, говоритъ онъ, не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ по желанію всѣхъ и съ помощью всѣхъ, подъ начальствомъ всѣми избраннаго предводителя. Я тотъ самый человѣкъ, который теперь все соединяетъ и всѣхъ менѣе разъединяетъ. Въ вашихъ-же рукахъ я буду лишь похожъ на васъ, и тотчасъ-же стану въ разладъ и съ вами и съ самимъ собою.

«Политиканы возражаютъ ему, что не народъ сдѣланъ для короля, а король для народа. Король отвѣчаетъ, что и онъ также думаетъ, и что потому-то и не отказывается отъ труднаго королевскаго ремесла—родоваго ремесла своего; но что сами они—вовсе не народъ и вовсе не изображаютъ собою короля, и что если онъ отдастся въ руки ихъ партіи, то не исполнитъ своей обязанности ни предъ собою, ни предъ народомъ. Они опять возражаютъ; но король объявляетъ, наконецъ, что разговоръ пора кончить и что онъ не торгашъ.

«Вотъ въ какомъ состояніи теперь дѣло; король молчитъ и посѣтители отходятъ ни съ чѣмъ. Теперь ясно, что Генрихъ V не измѣнилъ ни въ чемъ своей первоначальной программѣ. Тутъ не великодушіе, а убѣжденіе. Анархію нельзя ничѣмъ вылечить, кромѣ какъ монархіей—естественнымъ жребіемъ Французовъ... Лишь одна монархія можетъ на вѣки воскресить порядокъ во Франціи, всякая другая система правленія можетъ годиться только на время, даже и въ случаѣ успѣха. Лишь въ монархію Франція чувствовала себя совершенно свободно—точь въ точь какъ всякій здоровый человѣкъ, живущій по законамъ своего темперамента. Генрихъ V говоритъ

Digitized by Google

«Я много означаю и много могу, оставаясь вѣрнымъ принципу, которому служу представителемъ. Но внѣ этого принципа я—ничто, я теряю всякую силу что нибудь совершить и ужь, конечно, не пойду васъ тогда спасать. Вѣрностію моему принципу я излечу отравленную атмосферу, въ которой задыхается Франція; отказавшись отъ моего принципа — я тотчасъ-же становлюсь одною изъ тѣхъ затычекъ, которыми вы вотъ уже сто лѣтъ затыкаете ваши прорѣхи, безпрерывно мѣняя и отмѣняя ихъ. Останьтесь съ г. Брольи, или возстановите г. Тьера, или попробуйте, пожалуй, г. Гамбетту, а меня—оставьте въ покоѣ.

«Вы пугаетесь моего знамени; напрасно. Во всякомъ случаѣ, я не уступлю его и вы должны понять, что я въ этомъ правъ... Это не бравада, это не пустой капризъ. Тутъ необходимость, даже съ одной политической точки зрѣнія... Это знамя есть символъ моего принципа. Когда вы всѣ его примете, я почувствую, что мы примирились и примирились искренно, что вы забыли ваши обиды и прощаете мнѣ все зло, которое мнѣ сдѣлали. Если-бы я измѣнилъ моему знамени и взялъ-бы ваше, вы не могли-бы уважать меня. Вы-бы все смотрѣли на меня, какъ побѣдители смотрятъ на побѣжденнаго. Вы-бы поминутно вспоминали о крови предковъ моихъ, пролитой вами на эшафотѣ, а меня-бы обвиняли поминутно, что это я о ней вспоминаю. Я требую лишь того, что требуетъ моя честь, а честь моя—ваша честь. Зачѣмъ хотите вы, чтобъ, восходя на тронъ, я имѣлъ видъ раскаявшагося грѣшника? Я ничего у васъ не просилъ, я никакой милости не просилъ; я вступаю на тронъ по моему праву, но вступаю не насиліемъ, не съ мечемъ въ рукѣ. Но такъ какъ мое право и ваша воля совпали вмѣстѣ, то и знамя, съ которымъ я возвращаюсь и которое вы до сихъ поръ такъ не любили,—съ этой минуты должно быть такъ-же дорого и славно для васъ, какъ и для меня. Иначе и не можетъ быть. При такихъ примиреніяхъ, собственное достоинство и правда—первое дѣло. Я вовсе не раскаявающійся грѣшникъ, но я и не похититель. Прилично-ли мнѣ похищать наполеоновское знамя и подвергать себя подобному обвиненію? Я предоставляю дому Наполеоновъ его знамя, съ Аркола и до Седана. Бѣлому знамени довольно и собственной славы. Пусть-же войдетъ оно во Францію безъ боя съ Французами и это вшествіе останется его лучшей славой.

«Вотъ какъ можетъ говорить Генрихъ V, прибавляетъ Луи-Вёльо—«но онъ молчитъ и это еще лучше. Зачѣмъ объяснять то, что Франція и безъ объясненій понимаетъ. Его дѣло восторжествуетъ безо всякихъ рѣчей... Монархія или анархія, монархъ или ничего!

Digitized by Google

Эта корона, необходимая для нашего спасенія, вовсе не такъ необходима его славѣ. Онъ можетъ со славою возложить ее на себя; но еще болѣе славы отказаться отъ нея, чтобы не нарушить чести. Никогда не было болѣе счастливаго положенія въ судьбахъ человѣческихъ, болѣе обѣщающаго и болѣе независимаго. Этотъ побѣдитель не нуждается ни въ арміи, ни въ совѣтѣ. Нѣтъ съ нимъ солдатъ, нѣтъ сокровищъ, нѣтъ заговорщиковъ. Онъ достигнетъ, не смотря на непреоборимыя препятствія, и ни передъ кѣмъ не останется за это въ долгу, никто не будетъ имѣть права обвинять его въ неблагодарности. Онъ войдетъ безъ пролитія крови, одинъ, съ тѣмъ самымъ знаменемъ, съ которымъ былъ изгнанъ».

Оба эти отзыва о графѣ Шамборскомъ двухъ, совершенно удаленныхъ одна отъ другой, европейскихъ газетъ весьма любопытны. Въ существѣ дѣла онѣ отчасти согласны. «Daily News» негодуетъ зато лишь, что графъ Шамборскій выказалъ слабость и сдѣлалъ уступки. Луи-Вёльо прямо утверждаетъ, что никакихъ уступокъ не было, что къ графу, напротивъ, безпрерывно ѣздятъ изъ Парижа уполномоченные, чтобъ вырвать у него хоть какую нибудь уступку, но что «король продолжаетъ хранить молчаніе». Свѣдѣнія Луи-Вёльо, кажется, вѣрнѣе другихъ.

Весь союзъ всѣхъ партій правой стороны, испуганный внезапнымъ движеніемъ всей республиканской партіи національнаго собранія, обнаружившей въ послѣднее время чрезвычайную энергію въ приготовленіяхъ къ отпору монархистамъ,—назначилъ окончательную коммиссію, подъ предсѣдательствомъ Шангарнье, чтобъ условиться о послѣднихъ предложеніяхъ графу Шамборскому съ тѣмъ, чтобы получить на нихъ уже отвѣтъ окончательный. Засѣданія всѣхъ этихъ коммиссій, конечно, ведутся въ глубокой тайнѣ, но результаты всетаки извѣстны. Извѣстно, напримѣръ, что согласіе всей правой стороны и праваго центра продолжается ненарушимо. Извѣстно еще то, что послѣдняя депутація къ графу Шамборскому уже отправилась съ окончательными предложеніями. Эта депутація весьма скоро должна воротиться съ окончательнымъ результатомъ. Замѣчательно одно свѣдѣніе, весьма, кажется, точное, сообщаемое послѣдними газетами, что въ случаѣ рѣшительнаго отказа графа Шамборскаго принять трехцвѣтное знамя—союзъ всѣхъ партій правой стороны будетъ продолжаться ненарушимо даже и послѣ паденія всякихъ надеждъ провозгласить монархію. Ходилъ слухъ, довольно нелѣпый, что въ такомъ случаѣ всетаки провозгласятъ монархію, а королемъ—графа Парижскаго. Гораздо вѣрнѣе, по нашему

Digitized by Google

мнѣнію, другое извѣстіе, по которому монархисты палаты, при неблагопріятномъ отвѣтѣ отъ графа Шамборскаго, немедленно по сборѣ палаты (5 ноября), провозгласятъ необходимость продленія полномочій маршала Макъ-Магона, но ужь, разумѣется, безъ провозглашенія республики. Такимъ образомъ, это будетъ продленіе настоящаго нестерпимаго порядка вещей на неопредѣленное время, то есть: для Франціи никакого обезпеченія; неопредѣленное положеніе вещей, охраняемое, пока можно, штыками, прежняя борьба обозлившихся окончательно партій; ни монархія, ни республика,—и все это единственно для той только цѣли, чтобы національному собранію какъ можно долѣе не расходиться и какъ можно долѣе протянуть свои полномочія. *Всего вѣроятнѣе, что такъ и будетъ,* но какъ-то невѣроятно для насъ и то, чтобъ легитимисты могли отказаться хоть на время отъ графа Шамборскаго, въ случаѣ отказа его отъ уступокъ. Они его примутъ и безъ уступокъ, примутъ даже и съ бѣлымъ знаменемъ,—ибо дѣло уже слишкомъ далеко зашло, а монархическая партія раздражена и разгорячена до послѣдней степени. Весьма можетъ быть, что найдутъ какой нибудь исходъ, чтобъ не разрушить своего союза въ Собраніи даже и въ случаѣ бѣлаго знамени. Есть тому нѣкоторые признаки, напримѣръ, хотя-бы эта самая статья Луи-Вёльо. Это мнѣніе «Univers», самаго монархическаго журнала во Франціи; и уже, конечно, Луи-Вёльо самый покорный слуга Генриха V. Тонъ статьи его взятъ чрезвычайно высоко. Но если претендентъ, по мнѣнію «Daily-News», уже рѣшился сдѣлать уступки—то каково-же должна услужить ему статья въ «Univers»? Выходитъ, стало быть, что въ легитимистскомъ лагерѣ уже убѣждены въ возможности воцаренія графа Шамборскаго даже и безо всякихъ съ его стороны уступокъ, или, лучше сказать,—*во всякомъ случаѣ.* Одинъ только фактъ остается яснымъ: что объ окончательномъ рѣшеніи графа Шамборскаго—еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Президентъ совѣта министровъ, герцогъ Брольи, на банкетѣ въ Невиль-Дюбонѣ, по случаѣ открытія одной новой желѣзной дороги произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ, что онъ монархистъ, что Національное Собраніе имѣетъ право провозгласить тотъ образъ правленія, который найдетъ подходящимъ для Франціи (т. е. монархію) вслѣдствіе предоставленной Національному Собранію учредительской власти, при чемъ заявлялъ, однако, что «формы гражданскаго устройства, для всѣхъ насъ одинаково дорогія, останутся неприкосновенными»—другими словами, онъ обѣщалъ, что графъ Шамборскій приметъ трехцвѣтное знамя и принципы 89-го года. Всѣмъ извѣстно, что герцогъ Брольи одинъ изъ первыхъ агитаторовъ по возстановленію монархіи, и изо всѣхъ

Digitized by Google

силъ хлопочетъ только, чтобъ въ этомъ дѣлѣ всѣхъ согласить и всѣмъ угодить, т. е. чтобъ графъ Шамборскій согласился на трехцвѣтное знамя. Но характернѣе всего то, что членъ всетаки республиканскаго правительства, президентъ совѣта министровъ, позволилъ себѣ, на публичномъ банкетѣ, такую откровенность и явно сталъ за монархію. Этотъ «легкомысленный поступокъ» герцога, какъ отозвались объ немъ нѣкоторыя газеты, опять-таки явно свидѣтельствуетъ о самой полной, о самой слѣпой увѣренности монархистовъ въ побѣдѣ. Иначе не позволило-бы себѣ такое высокопоставленное правительственное лицо такъ проболтаться.

Однимъ словомъ, въ самомъ близкомъ будущемъ, черезъ какія нибудь три недѣли можетъ произойти чрезвычайно много новаго и совсѣмъ даже неожиданнаго, ибо малѣйшая случайность въ текущихъ дѣлахъ можетъ, *на нѣкоторое время*, измѣнить весь ожидаемый ходъ событій. Вёльо, въ своемъ образѣ Генриха V, начертилъ намъ чрезвычайно высокій типъ. Можетъ случиться, что графъ Шамборскій дѣйствительно откажется отъ трона, чтобъ сохранить свои принципы. Можетъ случиться и то, что не смотря и на знамя, его всетаки подвергнутъ баллотировкѣ въ Собраніи и онъ получитъ какое нибудь большинство отъ одного до десяти голосовъ—и опять откажется вступить на престолъ въ виду такого постыдно-малаго большинства избравшихъ его. Можетъ случиться, что іезуиты тотчасъ-же успокоятъ его въ этомъ случаѣ и первый присоединится къ нимъ самъ Луи-Вёльо, причемъ увѣрятъ графа Шамборскаго, что такого шанса не надо терять, что народъ отвыкъ отъ королевской власти, грубъ и даже не крещенъ, и что хотя-бы онъ сопротивлялся и бунтовался, всетаки надо воспользоваться послушаніемъ маршала Макъ-Магона и рѣшеніемъ Національнаго Собранія и во что̀-бы то ни стало вступить на престолъ,—хоть для того только, чтобъ окрестить этотъ тупой и безсмысленный народъ и сдѣлать его, хоть и насильно, религіознымъ и счастливымъ,—что въ этомъ призваніе законной монархіи, что это своего рода крестовый походъ и т. д. и т. д. Намъ пріятнѣе было-бы, еслибъ графъ Шамборскій не измѣнилъ своимъ принципамъ и отказался-бы отъ престола,—единственно потому, что въ мірѣ стало-бы однимъ великодушнымъ человѣкомъ больше, а міру въ высшей степени необходимо имѣть передъ собою какъ можно болѣе людей, которыхъ можно уважать. Наконецъ, можетъ случиться, что въ рѣшительную минуту одолѣютъ республиканцы, и тогда разойдется Собраніе, взамѣнъ котораго соберется новое и провозгласитъ уже республику окончательно. Но мы оставимъ на время всѣ эти частности, всѣ эти pro и contra въ сторонѣ и постараемся разрѣшить одинъ любопыт-

Digitized by Google

ный и уже болѣе общій вопросъ, который насъ особенно занимаетъ въ сію минуту.

Предположимъ прежде всего, что графъ Шамборскій уже вошелъ на престолъ, республиканцы разсѣяны, Макъ-Магонъ послушенъ, страна мало по малу успокоивается, по крайней мѣрѣ, повидимому, и все идетъ, наконецъ, довольно гладкимъ новымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, мы устраняемъ даже и «завтрашній день». Увѣряютъ же теперь иные легитимисты, что «по крайней мѣрѣ, графъ Шамборскій дастъ Французамъ лѣтъ 18 тишины и спокойствія». Мы соглашаемся если и не на 18, такъ на сколько нибудь лѣтъ этого спокойствія. Вопросъ: что̀-же дальше? Чѣмъ разрѣшатся судьбы Франціи, еслибъ даже графъ Шамборскій и утвердился на тронѣ, чѣмъ успокоены будутъ Европа и міръ?

Вотъ вопросъ. Veuillot увѣряетъ, что главная сила претендента заключается въ томъ, чтобы ни на атомъ не измѣнить своимъ принципамъ, и что въ такомъ только случаѣ при немъ останется вся возможность спасти и успокоить Францію. Да, но что̀-же именно сдѣлаетъ новый король, чтобъ *спасти* Францію, и что̀ именно значитъ въ этомъ случаѣ слово *возможность?*

Сущность принциповъ графа Шамборскаго состоитъ, во первыхъ, и главное въ томъ, что власть его—есть законная власть; далѣе-же наступаетъ такая путаница, что не понимаешь, какъ такія идеальныя вещи могутъ являться въ дѣйствительности. То есть, положимъ, слишкомъ понятны и слишкомъ не идеальны всѣ тѣ пружины, которыя двигаютъ теперь всю эту партію провозгласить монархію; но самъ Генрихъ V и всѣ тѣ, которые думаютъ такъ-же какъ онъ (потому что есть-же и такіе изъ его приверженцевъ),—суть явленія совершенно фантастическія. Не въ томъ дѣло, что самъ король будетъ увѣренъ въ законности своей власти, а въ томъ, чтобы всѣ Французы тому повѣрили. Случись послѣднее обстоятельство и, конечно, Франціи не оставалось-бы ничего болѣе желать; она вновь сильна, въ первый разъ соединена въ одно цѣлое въ продолженіи всего столѣтія, она счастлива и свободна тогда въ высшей степени. Императоръ Наполеонъ III, во все время своего царствованія, принужденъ былъ направлять всѣ свои усилія къ упроченію и укорененію во Франціи своей династіи. Будь онъ избавленъ отъ этой роковой и безпрерывной заботы и навѣрно-бы онъ устоялъ и не было-бы седанской катастрофы. Тогда какъ, преслѣдуя эту роковую цѣль, онъ принужденъ былъ начинать множество дѣяній, клонившихся не къ счастію Франціи, а единственно лишь къ упроченію дома Наполеоновъ. Французы это ясно понимали, ибо почти всѣ дѣянія предприняты были не только не къ счастью Франціи, но даже къ не-

Digitized by Google

оспоримому несчастію ея. Такимъ образомъ, не смотря даже на ореолъ чрезвычайной силы и славы, Французы всетаки съ безпокойствомъ продолжали ощущать себя, во все время царствованія Наполеона III, въ положеніи неопредѣленномъ и неустойчивомъ; ибо, если самъ глава правительства не вѣрилъ въ устойчивость своей власти, тѣмъ менѣе могли вѣрить Французы. Но случись такое чудо, что всѣ, наконецъ, повѣрятъ въ законность власти графа Шамборскаго и онъ, стало быть, будетъ окончательно избавленъ отъ роковой заботы Наполеона III,—тогда, конечно, всѣ цѣли достигнуты. Король, видя вѣру въ него своихъ подданныхъ, не можетъ-же не вѣрить имъ самъ. Тогда, не подозрѣвая ни заговоровъ, ни ухищреній противъ себя, онъ далъ-бы всѣ свободы своимъ подданнымъ, - свободу прессы, сходокъ, внутренняго управленія, свободу жизни, свободу вводить хотя-бы коммунизмъ — только-бы это не вредило цѣлому, всѣмъ. Но вѣдь такое согласіе—идеалъ совершенно невозможный. Мы не будемъ повторять мнѣній «Daily News» или «Times», или Тьера, или Токвиля въ недавней рѣчи его,—о томъ, что Франція есть страна по преимуществу демократическая, и что поэтому въ ней легитимизмъ невозможенъ. Демократизмъ Франціи былъ, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, подверженъ большому спору и вопросъ этотъ далеко еще не рѣшенный. Мы просто укажемъ на вкоренившееся во Франціи предубѣжденіе противъ древней монархіи, на столѣтнюю отъ нея отвычку, на столѣтнія совсѣмъ новыя привычки, на шесть или семь поколѣній Французовъ, возросшихъ послѣ монархіи, и, наконецъ, на народъ, на *черный* народъ, даже совсѣмъ и забывшій про древнюю монархію, совсѣмъ ее незнающій, не имѣющій объ ней никакого точнаго понятія и навѣрно непонимающій теперь: изъ за чего ему присягать Шамбору, усыпать его путь цвѣтами и цѣловать копыта его бѣлой лошади? Графъ Шамборскій провозгласилъ, что онъ не король партіи, а, стало быть, желаетъ быть избранъ всѣми. Но въ томъ-то и вся фантастичность сна его, что онъ, кажется, совсѣмъ убѣжденъ въ возможности такого избранія! «Безъ всеобщаго согласія всѣхъ Французовъ на законную власть короля Французы не могутъ быть счастливы», говорятъ легитимисты. Пусть; но какъ получить это *всеобщее* согласіе, какъ перескочить черезъ эти 100 лѣтъ? Все это какъ сонъ. Повторяемъ: всѣ эти рвущіеся провозгласить монархію—совершенно понятны: но графъ Шамборскій, серьезно вѣрующій, что его могутъ *всѣ* пожелать и что онъ не человѣкъ партіи,—невольно представляется какъ-бы человѣкомъ помѣшаннымъ.

Тѣ изъ легитимистовъ, которые дѣйствуютъ не сплеча, чтобы только занять мѣсто, и не клерикалы, которые дѣйствуютъ имѣя

Digitized by Google

лишь въ виду свои особыя, спеціальныя цѣли, свой status in statu,— тѣ изъ нихъ имѣютъ-же какой нибудь разумный планъ, не вѣрятъ-же они въ самомъ дѣлѣ въ какое-то фантастическое всеобщее согласіе, которое такъ вдругъ, совсѣмъ готовое, слетитъ съ неба. Если такъ, то какой-же это планъ? Вѣдь еще мало войти во Францію, сѣсть на тронъ, окруженный послушными штыками Макъ-Магона, и начать царствовать; надо и что нибудь сдѣлать. Надо принести съ собою какую нибудь новую мысль, сказать какое нибудь такое новое слово, которое дѣйствительно имѣло-бы силу вступить въ бой съ злымъ духомъ цѣлаго столѣтія несогласій, анархіи и безцѣльныхъ французскихъ революцій. Замѣтьте, что вѣдь этотъ злой духъ несетъ съ собою страстную вѣру, а, стало быть, дѣйствуетъ не однимъ параличемъ отрицанія, а соблазномъ самыхъ положительныхъ обѣщаній: онъ несетъ новую анти-христіанскую вѣру, стало быть, новыя нравственныя начала обществу; увѣряетъ, что въ силахъ выстроить весь міръ заново, сдѣлать всѣхъ равными и счастливыми и уже навѣки докончить вѣковѣчную Вавилонскую башню, положить послѣдній замковый камень ея. Между поклонниками этой вѣры есть люди самой высшей интеллигенціи; вѣруютъ въ нее тоже всѣ «малые и сирые», трудящіеся и обремененные, уставшіе ожидать царства Христова; всѣ отверженные отъ благъ земныхъ, всѣ неимущіе, и во Франціи они уже считаются—милліонами, и все это близко «при дверяхъ». Стало быть, непремѣнно надо что нибудь сказать и сдѣлать графу Шамборскому, иначе зачѣмъ-же ему приходить? И, однако-же, что будетъ на самомъ дѣлѣ? Всего вѣроятнѣе, что вновь населится и обновится Сен-Жерменское предмѣстье, разбогатѣютъ попы, начнутся виконты и маркизы. Явится множество новыхъ модъ, множество новыхъ бонмо; явится что нибудь новое въ придворномъ этикетѣ, что тотчасъ-же и съ жаромъ переймутъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ, явится что нибудь новое въ балахъ и балетѣ, явятся новыя конфекты, новые повара. Въ маленькой палатѣ депутатовъ, которой уступятъ какую нибудь крошечную власть, начнутся съ одной стороны доктринеры, съ другой маленькіе герои лѣвой стороны, которая будетъ всетаки глупѣе правой, въ нелѣпомъ своемъ положеніи. Затѣмъ будетъ рости глухое и неопредѣленное недовольство въ народѣ; злой духъ, который еще очень молодъ, межъ тѣмъ созрѣетъ и обозлится окончательно. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, король подпишетъ какіе нибудь ордонансы... Парижъ закипитъ, войско возьметъ ружья прикладомъ вверхъ, и злой духъ уже возмужалою рукой постучится въ двери...

Нѣтъ, навѣрное есть такіе изъ легитимистовъ даже и теперь, а во главѣ ихъ самъ графъ Шамборскій (непремѣнно), которые ме-

Digitized by Google

чтаютъ поступить совсѣмъ иначе, намѣренія ихъ глубже и великодушнѣе. Они именно жаждутъ вступить въ борьбу со злымъ духомъ и одолѣть его. Вотъ ихъ цѣль, для нея-то именно они идутъ! Но желаніе и дѣло—двѣ вещи разныя. Вопросъ: какъ вступить въ бой съ новымъ, разлагающимъ началомъ общества? Клерикальнымъ насиліемъ и нахальствомъ вѣдь ужь ничего не возьмешь. Разумѣется, отвѣтъ ясенъ: «первый шагъ къ дѣлу, первый начинъ—это возстановленіе свѣтскаго владычества папы».

О, напрасно эти чистые легитимисты будутъ отмахиваться руками отъ этой идеи! Напрасно самъ графъ Шамборскій станетъ увѣрять, какъ увѣрялъ до сихъ поръ, что не начнетъ войны изъ-за папы, что не приведетъ съ собой *правительство патеровъ*, какъ писалъ на дняхъ къ депутату Родесу-Бенавану. Имъ не миновать этой дороги! Ихъ втащутъ на нее, ихъ заставятъ по ней пойти. Нѣкоторые наблюдатели и теперь уже угадываютъ, что и все это движеніе легитимистское, такъ вдругъ и съ такимъ напряженіемъ разрѣшившееся теперь во Франціи,—можетъ быть, ничто иное какъ клерикальная продѣлка и что первоначальное слово его вышло изъ Рима, и направлено въ пользу возстановленія папской власти. Клерикалы, конечно, не выдумали ни Шамбора, ни легитимистовъ, но зато овладѣли ими. Тому есть признаки. Римское движеніе пронеслось въ послѣдніе полгода по всей Европѣ. Два претендента на краю Европы, графъ Шамборскій и Донъ-Карлосъ, римско-католическая агитація въ Германіи, овладѣвшая справедливымъ недовольствомъ католиковъ Имперіи противъ новыхъ церковныхъ законовъ, попытки сблизиться съ народомъ во Франціи, въ Германіи и Швейцаріи новымъ изобрѣтеніемъ — устройствомъ въ массахъ народныхъ богомолій, нѣкоторыя неслыханныя доселѣ демократическія выходки католическаго высшаго духовенства въ Германіи съ обращеніемъ къ народу, — все это приводитъ на мысль объ огромной, разомъ и повсемѣстно возбужденной агитаціи клерикаловъ въ пользу непогрѣшимаго, но бездомнаго папы. Кстати, чрезвычайно любопытно, въ этомъ-же отношеніи, содержаніе двухъ писемъ, на дняхъ обнародованныхъ: папы къ императору Вильгельму и отвѣта императора папѣ. Мы сообщимъ ихъ въ своемъ мѣстѣ. Но все это клерикальное движеніе тѣмъ важно, что оно есть, можетъ быть, *послѣдняя* попытка римскаго католичества обратиться еще разъ, въ *послѣдній* разъ, за помощью къ королямъ и высшимъ міра сего, и послѣдняя надежда на нихъ. Не удадутся эти послѣднія надежды и Римъ, въ первый разъ въ 1,500 лѣтъ, пойметъ, что пора кончить съ высшими міра сего и оставить надежду на королей! И повѣрьте — Римъ съумѣетъ обратиться къ народу, къ

Digitized by Google

тому самому народу, котораго римская церковь всегда и высокомѣрно отъ себя отталкивала и отъ котораго скрывала даже Евангеліе Христово, запрещая переводить его. Папа съумѣетъ выйти къ народу пѣшъ и босъ, нищъ и нагъ, съ арміей двадцати тысячъ бойцовъ іезуитовъ, искусившихся въ уловленіи душъ человѣческихъ. Устоятъ-ли противъ этого войска Карлъ-Марксъ и Бакунинъ? Врядъ-ли: католичество такъ вѣдь умѣетъ, когда надо, сдѣлать уступки, все согласить. А что стоитъ увѣрить темный и нищій народъ, что коммунизмъ есть то-же самое христіанство, и что Христосъ только объ этомъ и говорилъ. Вѣдь есть-же и теперь даже умные и остроумные соціалисты, которые увѣрены, что то и другое—одно и то-же и серьезно принимаютъ за Христа антихриста...

Во первыхъ, Генриху V уже потому нельзя будетъ избѣжать войны за папу, что теперешнее время и ближайшіе будущіе годы—суть единственный, можетъ быть, моментъ, когда война за папу можетъ быть популярна и принята съ симпатіей даже народомъ. Еслибъ Генрихъ V въ состояніи былъ отмстить Германіи за милліарды и недавнее униженіе и отнять у нея Эльзасъ и Лотарингію, то, безъ сомнѣнія, онъ упрочилъ-бы тронъ свой, по крайней мѣрѣ, на время своего царствованія. Но объяви онъ прямо, ставъ королемъ, войну Германіи—и никто не пойдетъ за нимъ, да и объявить не дадутъ: страшно и рискъ большой. Но папа, гонимый Германіей, немедленно возбудитъ симпатію во Франціи. А кто теперь главный противникъ «непогрѣшимому» папѣ, какъ не Германія? На возстановленіе власти его она смотритъ какъ на самый капитальный вопросъ и изо всѣхъ силъ станетъ за Италію. Мало по малу, отъ переговоровъ къ негодованію, отъ негодованія къ дѣлу—и папскій вопросъ, въ случаѣ воцаренія графа Шамборскаго, непремѣнно разрѣшится огромной и *невольной* войной между Франціей и Германіей. Прямо за Эльзасъ не пойдутъ Французы, а исподволь, невольно — втянутся, заступившись за папу, и война можетъ стать популярною. Не можетъ упустить такого случая графъ Шамборскій.

И вотъ мы допустимъ даже, что онъ выйдетъ изъ войны побѣдителемъ, что Франція покроетъ себя опять славою, отвоюетъ провинціи и что даже самъ папа въѣдетъ въ Парижъ, чтобы присутствовать на закладкѣ какого нибудь новаго собора (какъ и приглашали его недавно). Что-же далѣе? Не то важно, что Генриху V дадутъ, можетъ быть, послѣ его подвига, умереть спокойно на тронѣ. Важно то: укоренится-ли съ графомъ Шамборскимъ законная монархія во Франціи, навѣки и неоспоримо, и что принесетъ ей она собою? Какое счастье? Успокоитъ-ли ее, терзаемую и из-

Digitized by Google

мученную, отгонитъ-ли злаго духа на вѣки, стоящаго уже близко «при дверяхъ?».

Ну что въ томъ, что папа въѣдетъ въ Парижъ и римское католичество воцарится вновь съ новымъ и неслыханнымъ блескомъ! Папѣ-ли, торжествующему и «непогрѣшимому», а не «пѣшему и босому», прогнать злаго духа, іезуитамъ-ли его, легкомысленнымъ-ли этимъ клерикаламъ, съ ихнимъ status in statu, натертымъ, безстыднымъ пройдохамъ? Нѣтъ, злой духъ сильнѣе и *чище* ихъ! Не съ этой арміей графу Шамборскому можно сказать свое *новое слово*. А если не съ этой, то съ какой-же? Вѣдь невольно вѣрится теперь, что графъ Шамборскій есть дѣйствительно высокое существо, самое чистѣйшее сердцемъ существо. И ужь навѣрно онъ понимаетъ, въ восторгѣ души своей, что все его новое слово—это именно эта борьба за Христа съ страшнымъ, грядущимъ антихристомъ, что Францію надо спасти, обративъ ея умниковъ къ Богу, а въ сердца милліоновъ «некрещеныхъ» работниковъ проливъ благодать Христову и въ первый разъ познакомивъ ихъ съ святымъ Его образомъ. Иначе чѣмъ-же спасетъ свою Францію христіаннѣйшій король? Вѣдь говоритъ-же онъ, что идетъ спасти ее и вѣритъ самъ, что спасетъ. Вѣдь онъ знаетъ-же, что на французской почвѣ суждено совершиться первымъ битвамъ грядущаго страшнаго новаго общества противъ стараго порядка вещей. Вѣдь онъ знаетъ-же, что вѣдь этого-то и трепещетъ все французское общество, всѣ сильные и одаренные дарами земными, что для того-то и жаждутъ и зовутъ они въ отчаяніи хоть какое нибудь твердое правительство, ищутъ гдѣ сила и не находятъ ея; что единственно для отпора этому новому грядущему врагу и Наполеона III-го допустили они на тронъ; и если согласятся теперь на графа Шамборскаго, то единственно въ надеждѣ: не принесетъ-ли и онъ съ собой какой нибудь новой силы, чтобъ ихъ защитить. А если такъ, то гдѣ онъ возьметъ людей для такой страшной борьбы? Развитъ-ли онъ самъ настолько, чтобъ понимать ее? При всемъ своемъ добромъ сердцѣ, навѣрно нѣтъ. Можетъ-ли онъ не смущаться отъ такой ужасной бѣдности средствъ, съ которыми придется ему дѣйствовать? Если-же онъ не смущается — то какъ-же, въ такомъ случаѣ, не признать его или человѣкомъ ограниченнымъ и невѣжественнымъ, или, въ противномъ случаѣ, близкимъ къ помѣшательству? Гдѣ-же теперь отвѣтъ на вопросъ нашъ? Чѣмъ-же, наконецъ, какими силами можетъ легитимизмъ спасти и излечить Францію? Тутъ и пророка Божія мало, не только графа Шамборскаго. И пророкъ избіенъ будетъ. Новый духъ придетъ, новое общество *несомнѣнно* восторжествуетъ — какъ *единственное* несущее новую, положительную

Digitized by Google

идею, какъ единственный предназначенный всей Европѣ исходъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Міръ спасется уже послѣ посѣщенія его злымъ духомъ... А злой духъ близко: наши дѣти, можетъ быть, узрятъ его...

Задавъ себѣ вопросъ и разобравъ его по возможности, мы только лишь хотѣли оправдать двѣ строки изъ предыдущихъ нашихъ отчетовъ объ иностранныхъ событіяхъ, именно: что графъ Шамборскій, «если воцарится, то воцарится всего только на два дня»... Мы не хотѣли, чтобъ насъ обвинили въ легкомысліи, и постарались лишь вывести, что легитимизмъ—не только теперь невозможенъ, но даже и не нуженъ совсѣмъ для Франціи; никогда не нуженъ—ни теперь, ни въ будущемъ, ибо менѣе всѣхъ имѣетъ средствъ *спасти* ее.

Но вѣдь во Франціи—или монархія или республика, а другое правительство невозможно. А мы и объ республикѣ выразились, что отъ нея всѣ «устали» и что и она теперь невозможна. Постараемся оправдать и эти наши слова, чтобы и ихъ не приняли за каламбуръ, или за какое нибудь преднамѣренное легкомысліе, что̀ и сдѣлаемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нашихъ отчетовъ объ «иностранныхъ событіяхъ».

Изъ № 42 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Въ послѣднемъ нашемъ отчетѣ объ иностранныхъ политическихъ событіяхъ («Гражд.» № 41) мы, говоря о признакахъ римской политической агитаціи въ пользу возстановленія свѣтскаго владычества папы, замѣчаемыхъ во всей Европѣ, упомянули, между прочимъ, о двухъ любопытнѣйшихъ письмахъ: папы къ императору Вильгельму и отъ императора Вильгельма папѣ. Мы обѣщали сообщить эти письма читателямъ. Они относятся еще къ августу нынѣшняго года, но обнародованы въ Берлинѣ въ «Государственномъ Указателѣ» лишь 14-го (2-го) октября. Вотъ письмо Пія IX.

«Ватиканъ, 7-го августа 1873 г. Ваше величество. Всѣ мѣры, принимаемыя съ нѣкотораго времени правительствомъ вашего величества, клонятся болѣе и болѣе къ стѣсненію католиковъ. Признаюсь, что, спрашивая себя о причинахъ, вызывающихъ эти крайне суровыя мѣры, я не въ состояніи понять, въ чемъ эти причины заключаются. Съ другой стороны, меня извѣщаютъ, что ваше величество не одобряете образа дѣйствій вашего правительства и су-

Digitized by Google

ровости мѣръ, принимаемыхъ имъ противъ католической вѣры. Если дѣйствительно ваше величество не одобряете этого—а ваши прежнія письма ко мнѣ достаточно показываютъ, что вы не одобряете всего происходящаго нынѣ—если, говорю, ваше величество дѣйствительно не одобряете того, что ваше правительство продолжаетъ принимать мѣры строгости противъ Христовой Церкви и тѣмъ ослаблять послѣднюю, то не придете-ли, ваше величество, къ убѣжденію, что эти мѣры могутъ лишь колебать вашъ престолъ? Говорю откровенно, потому что мой девизъ—истина; я говорю такъ, потому что считаю своимъ долгомъ говорить истину всѣмъ, хотя-бы и не католикамъ; ибо всякій, пріявшій крещеніе, принадлежитъ болѣе или менѣе—я не могу изъяснить здѣсь въ подробности почему—принадлежитъ, говорю, болѣе или менѣе, папѣ. Питаю увѣренность, что ваше величество встрѣтите эти мои соображенія съ обычной вашей добротою и примете необходимыя въ данномъ случаѣ мѣры. Выражая вашему величеству чувства моей преданности и почтенія, рошу Бога, чтобъ Онъ простеръ на васъ и на меня покровъ своего милосердія».

Вотъ отвѣтъ германскаго императора: «Берлинъ, 3-го сентября 1873 г. Радуюсь тому, что ваше святѣйшество, какъ въ прежнія времена, почтили меня письмомъ, тѣмъ болѣе, что это дастъ мнѣ случай исправить невѣрности, которыя, судя по письму вашего святѣйшества отъ 7-го августа, вкрались въ представленныя вашему святѣйшеству донесенія о нѣмецкихъ дѣлахъ. Еслибъ эти донесенія были согласны съ истиною, то ваше святѣйшество никакъ не могли-бы допустить предположенія, что мое правительство слѣдуетъ неодобряемому мною пути. По конституціи моего государства этого не можетъ случиться, потому что въ Пруссіи законы и всякія правительственныя мѣры требуютъ моего верховнаго утвержденія. Къ моему величайшему прискорбію, часть моихъ католическихъ подданныхъ составили, вотъ уже два года, политическую партію, которая враждебными государству происками пытается смутить религіозный миръ, искони господствующій въ Пруссіи. Къ несчастію, католическіе прелаты не только одобрили это движеніе, но еще, примкнувъ къ нему, оказываютъ открытое сопротивленіе существующимъ законамъ. Не мое дѣло изыскивать причины, побудившія духовенство и вѣрующихъ одного изъ христіанскихъ исповѣданій помогать врагамъ всякаго установленнаго политическаго порядка, съ цѣлью ниспровергнуть такой порядокъ. Но я обязанъ охранять въ государствѣ, порученномъ Богомъ моему управленію, внутреннее спокойствіе и поддержать уваженіе къ законамъ. Я знаю, что долженъ дать отчетъ Богу въ выполненіи этого моего долга, и буду, не вни-

Digitized by Google

рая на всякія нападки, поддерживать порядокъ и законы въ моемъ государствѣ дотолѣ, пока Господь позволитъ мнѣ это. Я обязанъ сдѣлать это, какъ христіанскій монархъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, къ моему прискорбію, мнѣ приходится выполнять этотъ мой долгъ по отношенію къ служителямъ Церкви, которая, какъ я знаю, на равнѣ съ евангелическою Церковью, признаетъ заповѣдь покорности гражданскимъ властямъ, какъ завѣтъ Божій, открытый людямъ. Къ сожалѣнію, многія духовныя лица въ Пруссіи, подчиненныя вашему святѣйшеству, отрицаютъ эту заповѣдь христіанства и вынуждаютъ мое правительство, находящее опору въ огромномъ большинствѣ моихъ вѣрноподданныхъ католическаго и евангелическаго исповѣданій, прибѣгать для соблюденія государственныхъ законовъ къ средствамъ свѣтской власти. Я желалъ-бы надѣяться, что ваше святѣйшество, извѣстившись объ истинномъ положеніи дѣлъ, не преминете воспользоваться вашею властью для прекращенія агитаціи, которая возбуждена прискорбными искаженіями истины и злоупотребленіемъ правъ духовенства. Свидѣтельствую вашему святѣйшеству передъ Богомъ, что религія Іисуса Христа не имѣетъ ничего общаго съ этими происками, точно такъ-же какъ и истина, подъ знамя которой, вмѣстѣ съ вашимъ святѣйшествомъ, я становлюсь безусловно. Есть еще выраженіе въ письмѣ вашего святѣйшества, которое я не могу оставить безъ протеста, хотя оно вытекаетъ не изъ ложныхъ донесеній, но изъ религіозныхъ воззрѣній вашего святѣйшества: это—увѣреніе, будто всякій, пріявшій крещеніе, принадлежитъ папѣ. Евангелическая вѣра, которую, какъ извѣстно вашему святѣйшеству, я исповѣдую наравнѣ съ моими предками и большинствомъ моихъ подданныхъ, не позволяетъ намъ признавать въ нашихъ отношеніяхъ къ Богу инаго посредника кромѣ Господа нашего Іисуса Христа. Различіе вѣры, однако, не мѣшаетъ мнѣ жить въ мирѣ съ исповѣдующими другую религію, и выразить вашему святѣйшеству чувства моей преданности и почтенія».

Оба эти письма весьма замѣчательны. Безъ сомнѣнія, папа, въ виду дѣйствительнаго преслѣдованія вѣрныхъ ему католиковъ въ Германіи (т. е. исповѣдующихъ догматъ непогрѣшимости) и которыхъ въ Германіи, какъ и вездѣ, безмѣрно болѣе неисповѣдующихъ этотъ новый догматъ — не могъ не высказать своего пастырскаго слова. Съ другой стороны и императоръ Вильгельмъ не могъ послать папѣ инаго отвѣта, какъ тотъ, который мы сейчасъ читали, — такъ что письмо папы, конечно и зазнамо, написано было имъ безо всякой надежды на какой либо прямой успѣхъ, а, очевидно, предназначалось лишь послужить протестомъ властителя церкви противъ дѣйствій властителя пол-Европы. Но вся чрезвычайная и осо-

Digitized by Google

бенная характерность папскаго письма заключается въ его окончаніи.

Во первыхъ, папа прямо высказываетъ мысль, что всѣ эти «мѣры строгости противъ Христовой Церкви» ослабляютъ послѣднюю и способны «поколебать» престолъ императора Германскаго. Это слова—строго высказанныя и отъ лица какъ-бы и не сомнѣвающагося въ правѣ своемъ такъ говорить; мало того—считающаго себя прямо обязаннымъ предупреждать государей, отстаивая «истину», не смотря ни на какое лицо и съ авторитетомъ власть имѣющаго.

Затѣмъ, въ письмѣ папы сейчасъ-же слѣдуютъ самыя удивительныя слова изъ всѣхъ, какихъ можно было ожидать отъ главы римскаго католичества: «Я говорю такъ», пишетъ папа, «потому что считаю долгомъ говорить истину всѣмъ, хотя-бы и не католикамъ; ибо всякій, пріявшій крещеніе, принадлежитъ болѣе или менѣе—я не могу изъяснить здѣсь въ подробности почему — принадлежитъ, говорю, болѣе или менѣе папѣ».

Вотъ слова далеко намекающія! Давно уже римское католичество не заявляло подобныхъ мыслей и такого ученія! Итакъ всѣ эти еретики, всѣ эти протестанты, бунтовщики и отщепенцы, въ свое время возставшіе на «намѣстника Божія» съ мечемъ въ рукѣ и съ ругательнымъ обличеніемъ,—всѣ эти «грѣшники и погибшіе», которые всѣ до единаго были прокляты въ свое время на всѣхъ возможныхъ соборахъ — всѣ они теперь опять уже дѣти папы и, будь лишь всего только крещены, уже снова имѣютъ *право принадлежать ему*—а, стало быть, право на его отеческое заступничество за нихъ передъ монархами и сильными міра сего! Дѣйствительно широкій взглядъ, ибо давно-ли еретикъ не только не могъ считаться въ глазахъ римской церкви христіаниномъ, но даже былъ хуже язычника? И такія мысли возвѣщаетъ самъ папа, непогрѣшимый посредникъ между Богомъ и человѣчествомъ! Надо отдать справедливость— мысль величавая, и—безспорно *новая*. Она заявляетъ о какомъ-то неслыханномъ расширеніи взгляда римскаго католичества, намекаетъ на новые горизонты, на новые пути дѣйствій, на какія-то новыя намѣренія въ будущемъ. Весьма важно и то, что мысль эта заявлена такъ рѣзко и окончательно, и въ такомъ важнѣйшимъ документѣ, могущественнѣйшему государю, представителю протестантства и, по своей вѣрѣ, противнику католичества. Эта новая претензія владыки римской Церкви, высказанная при такихъ обстоятельствахъ, становится любопытнымъ историческимъ фактомъ,—особенно въ виду грядущаго, въ виду будущаго Европы, въ наше время болѣе чѣмъ когда нибудь неизвѣстнаго и болѣе чѣмъ когда нибудь убѣгающаго отъ человѣческихъ соображеній.

Digitized by Google

Протестантъ императоръ отвѣтилъ рѣзко, и законченно и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ на новую претензію „владыки Церкви". Онъ прямо напоминаетъ ему, что „евангелическая вѣра, которую, какъ извѣстно вашему святѣйшеству, я исповѣдую наравнѣ съ моими предками и большинствомъ моихъ подданныхъ, не позволяетъ намъ признавать въ нашихъ отношеніяхъ къ Богу инаго посредника, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа". — Тѣмъ не менѣе папа, конечно, долженъ чувствовать себя на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ на какой предполагаетъ его императоръ германскій. Папа слишкомъ знаетъ (а Римъ давно уже ожидаетъ того), что очень, очень многіе изъ этихъ гордыхъ людей, отвергнувшихъ когда-то „посредничество" папы, о которомъ говоритъ императоръ Вильгельмъ, и признавшіе руководствомъ своимъ въ дѣлѣ вѣры лишь одну свою совѣсть, — давно уже тяготятся этой свободой своей какъ бременемъ. Римъ знаетъ, что трехъ вѣковъ опыта достаточно было многимъ изъ этихъ „еретиковъ", чтобъ одуматься; что иные робкіе и (главное) чистые сердцемъ, во всей протестантской Европѣ (въ Англіи напримѣръ), далеко не прочь воротиться къ „посреднику", — особенно въ виду тѣхъ путей, которые указываютъ этому робкому стаду ихъ сильные братья, гордые умы, представители силы и интеллигенціи—люди науки, богословы-атеисты, христіанскіе священники, гласно непризнающіе божественности Іисуса Христа, и оправданные въ этомъ правительствомъ, государственные люди, уединяющіе и исключающіе религію какъ зло, принимающіе противъ нея мѣры и, въ наше время, повсемѣстно, и съ какой-то тревогой обороняющіе отъ нея свои государства, какъ отъ язвы или напасти. Римъ предчувствуетъ возможное постепенное возвращеніе отторгшихся и — измѣняетъ программу, заявляетъ о новыхъ путяхъ, о новыхъ взглядахъ своихъ, которые могутъ поразить умы.

Мы подумали, что имѣемъ нѣкоторое право вывести изъ этихъ новыхъ фактовъ, что римская Церковь и глава ея не только не считаютъ себя сколько нибудь обезсиленными, послѣ потери Рима и свѣтскаго владычества, но даже питаютъ замыслы еще болѣе самонадѣянные, чѣмъ когда нибудь, и готовятся жить самою обильною жизнію въ будущемъ.

Нѣмецкія газеты полны извѣстіями о недавнемъ посѣщеніи императоромъ германскимъ (съ членами своего семейства и княземъ Бисмаркомъ), императора австрійскаго и вѣнской выставки. Вѣнскія газеты отзываются объ этомъ посѣщеніи восторженно, какъ о величайшемъ политическомъ событіи. Не описываемъ подробностей

Digitized by Google

пріема въ Вѣнѣ августѣйшихъ гостей, обѣдовъ, парадныхъ представленій въ театрѣ, охоты въ лаинцскомъ звѣринцѣ и проч. Но вотъ однако-же весьма замѣчательные тосты, провозглашенные за обѣдомъ обоими императорами.—Выписываемъ программу:

— *Вѣна*. 9-го (25-го октября), ночью. На сегодняшнемъ парадномъ обѣдѣ во дворцѣ, императоръ Францъ-Іосифъ провозгласилъ слѣдующій тостъ: „Такъ какъ мое задушевное желаніе привѣтствовать въ Вѣнѣ императора Вильгельма, во время всемірной выставки, исполнилось, то я съ радостью провозглашаю тостъ за его здоровье!“ Императоръ Вильгельмъ, въ своемъ отвѣтѣ, благодарилъ какъ за сердечное привѣтствіе, сказанное императоромъ Францемъ-Іосифомъ, такъ и за радушный пріемъ, оказанный его супругѣ и дѣтямъ въ Вѣнѣ. При этомъ императоръ Вильгельмъ выразилъ удовольствіе, что свиданіе въ Берлинѣ, въ прошломъ году, между императорами русскимъ и австрійскимъ повторилось вновь въ нынѣшнемъ году въ Вѣнѣ во время всемірной выставки. Въ заключеніе императоръ Вильгельмъ сказалъ: „Мысли, которыми мы обмѣнялись въ то время между собою, и съ которыми въ настоящее время вполнѣ согласились, составляютъ ручательство за миръ Европы и благосостояніе нашихъ народовъ. Пью за здравіе императора австрійскаго и короля венгерскаго, моего высокаго друга!“

Телеграмма эта не нуждается въ объясненіяхъ; важное значеніе словъ, сказанныхъ императоромъ германскимъ, выступаетъ само собою. Но вотъ, кстати, отзывъ „Провинціальной Корреспонденціи“, *оффиціозной* берлинской газеты, о посѣщеніи Вѣны императоромъ Вильгельмомъ:

Императоръ желаетъ снова заявить этою поѣздкою, какую высокую цѣну онъ придаетъ добрымъ отношеніямъ съ австрійскимъ императорскимъ домомъ и австро-венгерской монархіей, какъ лично, такъ и въ интересахъ общеевропейской политики. Начавшееся въ прошломъ году сближеніе между монархомъ россійскимъ и австрійскимъ упрочено нынѣшнимъ лѣтомъ въ Вѣнѣ; заключенный между тремя императорами союзъ, имѣющій цѣлью охраненіе европейскаго мира, расширенъ вслѣдствіе недавняго посѣщенія королемъ итальянскимъ Вѣны и Берлина. Свиданіе императоровъ германскаго и австрійскаго въ Вѣнѣ можетъ быть признано крупнымъ дѣйствіемъ въ заключеніи того обширнаго союза, который долженъ обезпечить Европѣ миръ и предотвратить новыя потрясенія“...

11-го (23-го) октября императоръ Вильгельмъ выѣхалъ изъ Вѣны.

Во Франціи напряженіе дѣлъ достигло, какъ кажется, послѣдней степени. Съ тѣхъ поръ, какъ Тьеръ воротился въ Парижъ и сталъ во главѣ оппозиціи легитимистамъ, вся либеральная партія

Digitized by Google

во всей Франціи какъ-бы воскресла и съ чрезвычайной энергіей стала готовиться къ предстоящему бою. Многіе изъ членовъ лѣваго центра Собранія, никогда и не думавшіе быть республиканцами, теперь единодушно примкнули къ нимъ, чтобы не раздѣлять своихъ силъ. Недавніе выборы на четыре вакантныя мѣста въ Собраніи огромнымъ большинствомъ разрѣшились въ пользу республиканцевъ. Безчисленныя заявленія, подписи, протесты, письма со всѣхъ сторонъ свидѣтельствуютъ о глубокомъ негодованіи націи противъ заговора легитимистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о повсемѣстномъ страхѣ. Всѣ заявляютъ себя республиканцами. Это не значитъ, что Французы такъ вдругъ пожелали теперь республики, а значитъ лишь то, какъ испугались они возстановленія „законной монархіи". Теперь уже всѣ понимаютъ, что въѣздъ графа Шамборскаго въ Парижъ непремѣнно поведетъ за собою революцію, страшную для всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ Французовъ; ибо если Тьеръ и всѣ „умѣренные" не осилятъ легитимистовъ и дадутъ имъ восторжествовать, то въ слѣдующую и ожидаемую за симъ революцію, врядъ-ли уже будетъ возможно возстановленіе партіи умѣренныхъ во главѣ правительства, какъ уже проигравшихъ разъ свое дѣло. И потому въ обществѣ, въ настоящую минуту, почти паническій страхъ. Всего болѣе возбуждаетъ негодованіе возмутительный фактъ олигархіи Національнаго Собранія надъ всей страною. Всѣ давно убѣдились (ибо факты слишкомъ ясны), что Національное Собраніе, выбранное около трехъ лѣтъ назадъ при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ, въ самое тяжелое и эксцентрическое время, давно уже перестало выражать собою истинную волю страны, а, стало быть, власть его въ настоящее время—одно злоупотребленіе. Призывомъ графа Шамборскаго, благодаря упрямству нѣсколькихъ крикуновъ и безумцевъ, клерикаловъ и „антикваріевъ", Собраніе оскорбляетъ націю и ввергаетъ всѣхъ здравомыслящихъ людей въ удивленіе въ виду полной возможности такого глупаго факта, что нѣсколько своевольныхъ людей, противъ воли всей Франціи, могутъ и даже имѣютъ право, навязать ей ненавистный образъ правленія, а вслѣдъ за нимъ и столько неисчислимыхъ бѣдствій,—совершенно безнаказанно. Предположеніе-же о неизбѣжности революціи вслѣдъ за провозглашеніемъ Генриха V — къ несчастью, имѣетъ полное основаніе. Не говоря уже о гнѣвѣ страны, — одно то, что легитимисты, въ случаѣ торжества своего, непремѣнно начнутъ съ бѣлаго террора—ускоритъ паденіе ихъ, а вслѣдъ затѣмъ, конечно, неминуема и революція. Легитимисты даже Тьеру грозятъ заключеніемъ или ссылкою къ Кайену. Ничего не можетъ быть возмутительнѣе ихъ логики въ настоящую минуту. Каждое заявленіе на-

Digitized by Google

ціи въ пользу республики, и вообще противъ ихъ намѣреній, не только не образумливаетъ ихъ, но приводитъ лишь въ бѣшенство: «давно-бы надо провозгласить монархію, говорятъ они, еще немного и увидите, что вся Франція выскажется противъ насъ, а потому надо спѣшить и провозгласить монархію!» Значитъ, мысль, что они идутъ противъ воли большинства націи, не только не смущаетъ ихъ, но, напротивъ, придаетъ имъ еще болѣе настойчивости въ преслѣдованіи ихъ незаконнаго предпріятія. Какого-же спокойствія можетъ ожидать Франція отъ такихъ людей?

Депутація къ графу Шамборскому, отправленная къ нему въ Зальцбургъ (теперешняя его резиденція) и о которой мы извѣщали нашихъ читателей въ 41 № «Гражд.», уже воротилась—говорятъ съ полнымъ успѣхомъ: онъ будто-бы на все согласился,—на конституцію, на знамя, на «дорогія всѣмъ Французамъ учрежденія» и т. д. Вслѣдъ затѣмъ колебавшіеся еще члены праваго центра—окончательно и восторженно примкнули къ общему союзу легитимистовъ. Однако, вникнувъ нѣсколько внимательнѣе въ эти извѣстія, никакъ нельзя заключить, что графъ Шамборскій, даже и на этотъ (*послѣдній*) разъ высказался опредѣленно и окончательно объ «уступкахъ»; напротивъ, вѣроятнѣе (по другимъ извѣстіямъ), что окончательное слово объ уступкахъ онъ, по прежнему, оставляетъ за собой въ Парижѣ, уже послѣ провозглашенія его королемъ. Тѣмъ не менѣе, легитимисты торжествуютъ и союзъ ихъ дѣйствительно тѣснѣе, чѣмъ когда нибудь. По послѣднимъ телеграммамъ ничего однако-же не рѣшено о созывѣ Національнаго Собранія ранѣе срока, какъ увѣряли еще такъ недавно. Впрочемъ, срокъ и безъ того близокъ. Вся судьба Франціи виситъ на волоскѣ. Черезъ двѣ недѣли мы можемъ услышать про удивительныя вещи.

Къ довершенію всего, говорятъ, «старый маршалъ» высказался: онъ будто-бы объявилъ себя окончательно послушнымъ и покорнымъ слугою большинства Собранія. Въ случаѣ провозглашенія короля, хочетъ будто-бы тотчасъ-же удалиться съ своего мѣста, посадивъ на него, въ ожиданіи въѣзда Генриха V, генерала Ладмиро. Все это, конечно, лишь слухи...

Извѣстія изъ несчастной Испаніи получаются самыя сбивчивыя и неточныя. Войска Донъ-Карлоса, по свѣдѣніямъ изъ Мадрида, столько разъ разбитыя и уничтоженныя, держатся, повидимому, крѣпче прежняго. По крайней мѣрѣ, главнокомандующій правительства генералъ Моріонесъ, (по одному извѣстію) требуетъ, для успѣшнаго дѣйствія противъ карлистовъ, десяти тысячъ человѣкъ подкрѣпленія! На югѣ мятежныя эскадры разъѣзжаютъ безнаказанно, выдерживаютъ битвы съ кораблями правительства и, по послѣдней телеграммѣ, кар-

Digitized by Google

тагенскія разбойничьи суда готовятся бомбардировать Валенсію, тоже изъ грабежа, какъ и Аликанте, и тоже подъ пассивнымъ наблюденіемъ эскадръ французской и англійской. Блокаду Картагены съ сухаго пути правительство все еще не въ состояніи усилить ни на одного солдата. Блокируютъ все тѣ-же 4,000 человѣкъ жалкаго войска, безпрерывно перебѣгающаго къ бунтовщикамъ. Трудно представить, чѣмъ это можетъ кончиться. Можетъ быть, Донъ-Карлосъ, тоже питаетъ надежды на воцареніе Генриха V.

Изъ № 43 журн. «Гражданинъ» 1873 г.

Съ мѣсяцъ тому назадъ во Франціи, въ Тріанонѣ, начался процессъ маршала Базена. Не смотря на «горячее» время и на близкую возможность огромныхъ политическихъ перемѣнъ и потрясеній въ судьбахъ всей Франціи, процессъ маршала Базена не теряетъ своего интереса во вниманіи Французовъ и всей Европы; даже возбуждаетъ все болѣе и болѣе любопытства. На общественной сценѣ, въ яркихъ образахъ, развертывается вновь картина столь недавняго, роковаго для Французовъ прошлаго,—почти фантастическое начало страшной войны, быстрое, неслыханное паденіе династіи, политически первенствовавшей въ Европѣ; затѣмъ всѣ эти неразъяснимыя до сихъ поръ загадки, колебанія людей, разъединеніе, интриги — въ ту минуту, когда Франція звала къ себѣ всѣхъ на помощь. Еслибъ Французы были въ состояніи теперь, въ такое для нихъ всѣхъ *горячее* время, воспользоваться великимъ историческимъ урокомъ, то, можетъ быть, усмотрѣли-бы его въ этомъ «процессѣ Базена». столь ярко обнаружившемъ, даже и теперь, въ самомъ началѣ своемъ, ту главную роковую язву, отъ которой изнемогаетъ такъ давно уже Франція...

Маршалъ Базенъ преданъ суду за то, что, затворившись въ первоклассной крѣпости Мецъ, съ огромной арміей, со всѣмъ надлежащимъ военнымъ багажемъ и имѣя совершенно достаточный провіантъ еще на значительное время, сдалъ Нѣмцамъ всю свою армію, не только не выдержавъ приступа (Нѣмцы даже и не осаждали крѣпость, а только облегали ее), какъ предписано военными законами для всѣхъ армій въ свѣтѣ, но, бывъ даже въ слишкомъ благопріятномъ положеніи для отвлеченія и ослабленія наступавшихъ на Францію непріятельскихъ силъ. Онъ сдалъ армію съ оружіемъ, съ багажемъ, съ знаменами, которыхъ нарочно не истребилъ, безо всякаго сомнѣнія, по требованію Нѣмцевъ и, очевидно, имѣвъ съ ними

Digitized by Google

тайные и особые переговоры, до военнаго дѣла не относящіеся. Вотъ сущность обвиненія. На судѣ, конечно, многое разъяснится, но многое, безъ сомнѣнія, такъ и останется тайною,—пока не разъяснитъ исторія. Окончательно, маршалъ обвиняется въ измѣнѣ—кому? Обратимъ вниманіе на этотъ вопросъ. Онъ любопытенъ въ виду теперешняго состоянія Французовъ.

При Наполеонѣ III, въ концѣ его царствованія, маршалъ Базенъ считался однимъ изъ самыхъ способнѣйшихъ генераловъ императорской арміи. Когда, года полтора назадъ, стали ужь слишкомъ настоятельно говорить и писать о преданіи его суду, одинъ маршалъ изъ сотоварищей его (жаль, что мы забыли, который именно, но чуть-ли не самъ «честный солдатъ»), воскликнулъ: «Какъ жаль! Il était pourtant le moins incapable de nous tous!» т. е. «вѣдь всетаки онъ оказался *наименѣе неспособнымъ* изъ насъ всѣхъ въ эту войну!» И вотъ этотъ «наименѣе неспособный» маршалъ получаетъ командованіе значительнѣйшими частями войскъ въ эту столь быстро и столь фантастически открывшуюся войну съ Пруссаками. Главнокомандующаго тогда не было; самъ императоръ, не бывъ военнымъ человѣкомъ и отнюдь не называя себя главнокомандующимъ, распоряжался, однако-же, многимъ и, разумѣется, довольно мѣшалъ военнымъ дѣйствіямъ, но не въ этомъ была вся бѣда. Всѣ эти старые генералы, Канроберъ, Ніель, Бурбаки, Фроссаръ, Ладмиро и проч., призванные теперь въ судъ свидѣтелями, отзываются о Базенѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Ихъ показанія очень интересуютъ зрителей. Главное, свидѣтельствуютъ о необычайной храбрости Базена, напримѣръ, въ сраженіи при Сенъ-Привà, когда онъ лично, не смотря на свое предводительство сраженіемъ, является въ первыхъ рядахъ между сражающимися,—«хотя онъ и не понялъ значенія этого сраженія», прибавляютъ иные изъ маршаловъ. Понялъ или не понялъ, но въ этомъ сраженіи дошло до того, что за недостаткомъ патроновъ, солдаты принуждены были изъ своихъ скорострѣльныхъ Шаспо выпускать въ двѣ минуты по одной пулѣ, и цѣлыя, огромныя части войскъ вступили въ сраженіе уже сутки не ѣвши. Но и не въ этомъ даже заключалась бѣда, хотя, какъ извѣстно, безпорядокъ въ снабженіи тогдашней французской арміи провіантомъ и оружіемъ удивилъ Европу. Мы помнимъ одну телеграмму императора Наполеона императрицѣ Евгеніи въ Парижъ (еще за долго до Седана) съ просьбою заказать сколь возможно скорѣе въ Парижѣ двѣ тысячи чугунныхъ котловъ. По крайней мѣрѣ, въ этой телеграммѣ еще то было утѣшительно, что хоть и не было въ чемъ варить пищу, но, по крайней мѣрѣ, было что варить, иначе не зачѣмъ было-бы заказывать по телеграфу

Digitized by Google

котлы. Но вотъ, по показанію маршала Канробера, выходитъ, что солдаты дрались при Сенъ-Привà цѣлыя сутки не пивши-не ѣвши, не ѣли и на другой день, а, наконецъ, и на третій... Конечно, къ тому времени, можетъ быть, уже пришли котлы изъ Парижа, но... опоздали, какъ опоздало у Французовъ все, сплошь, въ этой необыкновенной войнѣ. Опоздалъ во-время отступить къ Парижу, со всѣми оставшимися у него послѣ тяжелыхъ пораженій войсками, и императоръ, что̀ было-бы для него, если не спасеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, лучшимъ выходомъ изъ тогдашней бѣды. Но съ нимъ именно случилось то, о чемъ мы уже упоминали недавно, въ одномъ изъ обозрѣній нашихъ, говоря о характернѣйшей и роковой чертѣ его царствованія, т. е. что въ видахъ укрѣпленія и укорененія своей династіи во Франціи, онъ принужденъ былъ, во все время своего владычества, предпринимать безпрерывно множество дѣяній, клонившихся не только не къ счастью Французовъ, но даже къ явному ихъ несчастью. Такимъ образомъ, этотъ могучій властитель въ сущности былъ и продолжалъ быть, даже и на престолѣ,— не Французомъ, а лишь человѣкомъ своей партіи, лишь главнымъ ея предводителемъ. Отступленіе къ Парижу, хотя и съ разбитою, но все еще съ арміею (а эта армія чрезвычайно помогла-бы Франціи въ послѣдовавшей борьбѣ) пугало его; онъ боялся недовольства страны, потери обаянія, возстанія, революціи, Парижа, и предпочелъ лучше сдаться при Седанѣ безо всякихъ условій, предавъ себя и династію свою великодушію непріятеля. Безъ сомнѣнія, не все еще теперь изъ того, что̀ было высказано тогда при свиданіи его съ королемъ прусскимъ, извѣстно исторіи. Всѣ секреты объяснятся, можетъ быть, еще долго спустя; но невозможно не придти къ заключенію, что безусловной сдачей своей, *съ арміею*, императоръ Наполеонъ III разсчитывалъ вѣрнѣе удержать за собою престолъ... А сдавая солдатъ своихъ, онъ, конечно, разсчитывалъ ослабить тѣмъ силы враговъ своихъ революціонеровъ... О Франціи *человѣкъ партіи* и не подумалъ.

Не подумалъ о ней и маршалъ Базенъ. Затворившись потомъ въ Мецѣ, съ весьма значительною арміею, онъ почти игнорировалъ правительство народной обороны, возникшее въ Парижѣ тотчасъ послѣ плѣна императора. Онъ предпочелъ тоже сдаться и тѣмъ лишилъ Францію почти послѣдней ея арміи, которая даже и заключенная въ Мецѣ могла-бы быть чрезвычайно полезна отечеству— хоть тѣмъ, что задерживала передъ собой значительную часть силъ нашествія. Невозможно представить себѣ, чтобъ, сдаваясь такъ унизительно и такъ преждевременно, маршалъ Базенъ не заключилъ тоже какихъ нибудь секретныхъ условій съ непріятелемъ, по край-

Digitized by Google

ней мѣрѣ, чтобъ не взялъ какихъ нибудь обѣщаній... которыя, разумѣется, не исполнились. Но еслибъ даже и не было ихъ вовсе, то всетаки ясно выходитъ, что и маршалъ, подобно императору своему, предпочелъ лучше отдать свою армію Пруссакамъ, чѣмъ оставаться ея хранителемъ... въ пользу революціи.

Маршалъ хоть и лжетъ теперь передъ судомъ «отважно», и видимо намѣренъ лгать еще больше, но отчасти и не скрываетъ тогдашнихъ своихъ впечатлѣній и ощущеній. Онъ прямо говоритъ, что законнаго правительства тогда не было, и что онъ не могъ считать бывшій тогда хаосъ въ Парижѣ за серьезное правительство—по крайней мѣрѣ, несомнѣнно таковъ смыслъ его словъ передъ судомъ. Но «если не существовало для васъ правительство, то «la France existait!» (Франція всетаки существовала еще!)», воскликнулъ ему на это герцогъ Омальскій, предсѣдатель суда.

И вотъ точка отправленія суда. Эти слова герцога произвели въ слушателяхъ и во всей Франціи чрезвычайное впечатлѣніе. Для виновнаго-же маршала они высказаны очевидно, чтобы дать ему ясно понять, что судитъ его, наконецъ, не партія, не революція, не незаконное какое нибудь правительство, которое онъ можетъ, если хочетъ, и теперь пожалуй не признавать,—а Франція, которую онъ продалъ за «законное правительство»; Отечество, которому онъ измѣнилъ изъ-за интересовъ своей партіи.

Нельзя никакъ оправдывать измѣнника своему отечеству, но—правы-ли и тѣ, которые судятъ этого измѣнника? — вотъ на что хотѣли-бы мы указать. Не виноваты-ли, напротивъ, и судьи въ главной язвѣ, истощающей организмъ великой націи, въ бѣдѣ, висящей надъ нею черною тучей? Понимаютъ-ли они эту бѣду теперь и способны-ли ее понять? И не похожъ-ли маршалъ на того древняго очистительнаго козла, на котораго сваливались грѣхи всего народа?

Въ самомъ дѣлѣ: что̀ могъ онъ видѣть тогда изъ Меца? Пусть человѣкъ партіи уступилъ-бы въ немъ гражданину при видѣ бѣдствій отечества и онъ искренно пожелалъ-бы служить ему: что̀ могъ разглядѣть онъ въ тогдашнемъ Парижѣ? Правда, восторжествовавшая 4-го сентября революція назвалась даже и не республикою, а «правительствомъ народной обороны». Но ставшіе во главѣ его всетаки не могли не вселять въ Базена, боеваго генерала, и хоть и человѣка партіи, но всетаки человѣка дѣятельнаго и энергическаго — естественнаго къ нимъ отвращенія. Этотъ бездарный маньякъ, генералъ Трошю, всѣ эти Гарнье-Пажесы, Жюль-Фавры, хоть и достойные безспорнаго уваженія какъ честные люди, но дряхлыя, бездарныя муміи, оказенившіеся герои-фразеры каж-

Digitized by Google

даго перваго дня каждой парижской революціи и—увы!—все еще не надоѣдающіе парижанамъ, —вотъ кто являлся тогда его соображающему и наблюдающему взгляду изъ Меца. Но—пусть они бездарны! Пусть всякое дѣло, къ которому ни прикасались они, пока имѣли власть, и теперь и въ 48 году, — сохло и пропадало, но всетаки они — граждане, чистые сердцемъ люди, сыны отечества! Какъ-бы не такъ. Это только республиканцы. La république avant tout, la république avant la France (сначала республика, а потомъ ужь отечество)—вотъ ихъ всегдашній девизъ! И потому маршалъ, еслибъ даже и захотѣлъ стать гражданиномъ и отрѣшиться отъ своей партіи, хоть на время, для спасенія отечества,—всетаки долженъ-бы былъ примкнуть — не къ спасителямъ отечества, а тоже къ людямъ партіи... Но партію эту онъ ненавидѣлъ и, конечно, не могъ рѣшиться ей помогать! Спустя немного, изъ этой комически-бездарной группы самозванныхъ правителей отдѣлился тогда одинъ человѣкъ, и на воздушномъ шарѣ перелетѣлъ на другой конецъ Франціи. Онъ своевольно объявилъ себя военнымъ министромъ, и вся нація, жаждавшая хоть какого нибудь правительства, тотчасъ-же объявила его своимъ диктаторомъ. Онъ не сконфузился и не поцеремонился и дѣйствительно сталъ диктаторомъ. Этотъ человѣкъ выказалъ много энергіи, онъ управлялъ Франціею, создавалъ войска, экипировалъ ихъ. Иные теперь обвиняютъ его, между прочимъ, за то, что онъ тратилъ деньги зря и могъ-бы за эти деньги въ пять разъ больше поставить и экипировать войска. Гамбетта можетъ смѣло отвѣтить своимъ обвинителямъ, что еслибъ они были на его мѣстѣ, то истратили-бы, можетъ быть, въ пять разъ больше его и всетаки не выставили-бы ни одного солдата. И вотъ этотъ энергическій и умный человѣкъ, дѣйствительно работавшій для Франціи, съ которымъ не стыдно было работать Базену—всетаки провозглашаетъ: la république avant la France! Теперь уже онъ не скажетъ того; онъ хитро и терпѣливо ждетъ своей очереди и, когда надо, съ жаромъ поддерживаетъ смѣнившаго его, три года назадъ, великаго гражданина Тьера. Но про себя у него всетаки — la république avant tout, и всетаки онъ человѣкъ партіи прежде всего! (Кажется, этимъ-то послѣднимъ качествомъ онъ наиболѣе и дорогъ республиканцамъ).

И такъ, всюду партіи и люди партіи. Правда, во время этого чернаго года Французовъ, казалось-бы промелькнуло и нѣсколько утѣшительныхъ явленій. Бретонскіе шуаны, прирожденные легитимисты, съ своими предводителями, явились драться за родину и дрались храбро. Съ изображеніемъ Богородицы на своемъ знамени, они примкнули, *на время*, къ правительству республиканцевъ и

Digitized by Google

«атеистовъ». Орлеанскіе герцоги тоже дрались съ непріятелемъ въ рядахъ новобраннаго французскаго войска. Но за родину-ли дрались они? Теперь несомнѣнно оказалось, что нѣтъ. Видя теперешнюю роль ихъ во Франціи, заговоръ ихъ противъ нея въ пользу «законнаго короля»,—позволительно заключить, что и три года назадъ они встрепенулись, предчувствуя, наконецъ, добрый шансъ и для своей партіи, которая такъ долго дожидалась его. И дѣйствительно они не ошиблись въ возможности шанса: они проскочили въ огромномъ числѣ, при первыхъ-же выборахъ напуганной Франціи, въ Національное Собраніе, а теперь составили въ немъ свое олигархическое большинство.

Всюду партіи! Правда, если даже сложить всѣ эти партіи вмѣстѣ, то общая цифра приверженцевъ ихъ (кромѣ развѣ партіи коммунистовъ) — окажется въ весьма маломъ числѣ, сравнительно съ числомъ всѣхъ Французовъ. Остальные Французы индифферентны. Они точно такъ-же, какъ и передъ появленіемъ Гамбетты, въ тогдашній роковой годъ, — жаждутъ диктатора, чтобы онъ захватилъ ихъ въ свою власть и обезпечилъ имъ жизнь и имущество. Для нихъ девизомъ извѣстная ихняя пословица: Chacun pour soi et Dieu pour tous (всякій за себя, а Богъ за остальныхъ). Но, стало быть, и тутъ, по этому девизу, какъ-бы всякій человѣкъ принадлежитъ къ собственной своей партіи и — что̀ можетъ значить для такого человѣка слово Отечество?

Вотъ язва Франціи: потеря общей идеи единенія, полное ея отсутствіе! Говорятъ про легитимистовъ, что они стремятся теперь воскресить и укоренить эту идею насильно! Но даже лучшіе изъ нихъ про это не думаютъ, а думаютъ лишь о торжествѣ своей партіи. Самые-же горячіе изъ нихъ думаютъ даже и не о легитимизмѣ. Воцареніе графа Шамборскаго для нихъ — лишь будущее торжество папы и католичества («Union», «Univers»). Это уже партія въ партіи.

И такъ люди партіи судятъ теперь маршала Базена за то, что онъ остался — приверженцемъ своей партіи! И развѣ не похожъ онъ теперь на того древне-іудейскаго очистительнаго козла, съ которымъ мы сравнили его?.. Дошло до того, что теперь несомнѣнное преступленіе въ измѣнѣ отечеству нельзя судить во Франціи добросовѣстно—за неимѣніемъ судей; ибо всѣ такіе-же люди партіи... Осуждая Базена, поймутъ-ли это Французы?

Обозрѣніе текущихъ событій Европы (весьма, впрочемъ, въ последнюю недѣлю, не обильныхъ разнообразіемъ) откладываемъ д

Digitized by Google

слѣдующаго №. Упоминаемъ лишь о кончинѣ саксонскаго короля Іоанна, въ Пильницѣ, послѣ продолжительной болѣзни (удушья) 17 (29) октября. (Родился въ 1801 г., вступилъ на престолъ въ 1854 г.). Какъ человѣкъ, онъ былъ глубоко уважаемъ своими подданными.

Изъ № 44 журн. „Гражданинъ“ 1873 г.

Монархическій заговоръ большинства Національнаго Собранія противъ Франціи разрѣшился для нея самымъ худшимъ образомъ. Претендентъ, въ самую послѣднюю минуту, окончательно отвергъ трехцвѣтное знамя. Идея о провозглашеніи его королемъ пала сама собою—разумѣется, только на время. Но заговорщики Національнаго Собранія тотчасъ-же приступили къ новому заговору — продлить свою власть во что-бы то ни стало и даже вопреки закону. Если имъ удастся,—а судя по телеграммѣ изъ Версаля отъ 24-го октября (5 ноября) удастся навѣрно,—то дѣло приметъ самый плачевный исходъ для страны.

Въ прошедшемъ отчетѣ нашемъ («Граждан.» № 42), мы остановились на томъ, что комитетъ Шангарнье, т. е. постоянный комитетъ всѣхъ фракцій правой стороны, испуганный твердостію и стойкостью республиканцевъ и всей лѣвой стороны Собранія, плотно сомкнувшейся около Тьера, а, главное, повсемѣстными заявленіями изъ всей Франціи о гнѣвѣ и негодованіи страны, возраставшими прогрессивно и дошедшими до нѣкоторыхъ весьма характерныхъ и доселѣ еще неслыханныхъ особенностей (о которыхъ скажемъ ниже)—рѣшился отрядить въ Зальцбургъ, къ претенденту, *послѣднее* посольство, чтобы вырвать, наконецъ, у него согласіе на счетъ извѣстныхъ уже нашимъ читателямъ «уступокъ». Это посольство доказывало, между прочимъ, не смотря на неоднократныя заявленія монархистовъ о томъ, что все между ними и претендентомъ улажено окончательно—что, въ сущности, ничего еще улажено не было, и что эти легкомысленные и торопившіеся безумцы обманывали не только Францію, но даже одинъ другаго и даже, можетъ быть, сами себя. Въ нашемъ прошломъ отчетѣ мы кончили извѣстіемъ, что посланные воротились и донесли комитету, что графъ согласенъ на все: и на «драгоцѣнные всѣмъ Французамъ принципы 89 года, и на конституцію, и даже на трехцвѣтное знамя». Трудно представить, чтобы всѣ эти бойкіе господа обманывали самихъ себя даже и въ эту послѣднюю минуту, но нѣчто подобное должно было не-

Digitized by Google

премѣнно случиться. Но вотъ вдругъ быстро заговорили въ Версалѣ и въ Парижѣ, что отчетъ о договорѣ съ претендентомъ былъ переданъ возвратившимся отъ него посланникомъ невѣрно, что графъ Шамборскій ничего не обѣщалъ, ничего не уступилъ. Какъ только стали подыматься такіе слухи, — тотчасъ-же встревоженный комитетъ Шангарнье отправилъ къ графу въ Зальцбургъ опять другихъ довѣренныхъ лицъ, съ просьбою подтвердить все то, что прежній посланникъ ихъ Шенелонъ (вмѣстѣ съ тремя другими лицами) передалъ комитету о рѣшеніи его, графа, на счетъ трехцвѣтнаго знамени; но вмѣсто ожидаемаго подтвержденія внезапно появилось въ газетѣ «Union» письмо самого претендента къ Шенелону, въ которомъ онъ уже окончательно отвергнулъ возможность какой-бы то ни было изъ тѣхъ «уступокъ», изъ-за которыхъ до сихъ поръ хлопоталъ и мучилъ всю Францію заговоръ большинства, чтобы сдѣлать хотя сколько нибудь возможнымъ провозглашеніе графа Шамборскаго королемъ. Комитетъ Шангарнье немедленно опубликовалъ въ свою очередь отчетъ о своемъ засѣданіи, при докладѣ Шенелона о его переговорахъ въ Зальцбургѣ. Вотъ этотъ отчетъ, напечатанный въ протоколѣ. Онъ очень въ своемъ родѣ характеренъ.

Во первыхъ, выходитъ, что графъ Шамборскій во все время переговоровъ, — и даже еще два года назадъ, когда къ нему ѣздили (массами) члены Національнаго Собранія еще только, такъ сказать, въ гости — держалъ себя передъ ними нестерпимо свысока. Графъ Парижскій, при зальцбургскомъ свиданіи, говорятъ, не произнесъ (или не посмѣлъ произнести) ни слова о политикѣ, или о какихъ нибудь условіяхъ. Всѣ-же эти разсыльные, Шенелоны и К°, кажется, не смѣли и сѣсть передъ нимъ. Понятно, что графъ свысока молчалъ, если посланники не смѣли даже и заикнуться съ нимъ объ условіяхъ. Не посмѣлъ заикнуться и Шенелонъ, даже и въ этотъ послѣдній разъ, хотя былъ посланъ уже за самымъ послѣднимъ словомъ и въ самую горячую минуту, отъ которой зависѣла судьба монархіи, самого графа, всей Франціи, и, главное, всего этого яростнаго и жаднаго «большинства», взывавшаго къ претенденту съ послѣднимъ вопросомъ: быть имъ или не быть? Прежде всего, трепещущій и заискивающій Шенелонъ почтительнѣйше объявилъ графу, который «сдѣлалъ ему честь удостоить его аудіенціей» — что онъ явился отъ комитета вовсе не для того, чтобы «смѣть предлагать графу какія нибудь условія», но лишь для того, чтобы, такъ сказать, «почтительнѣйше разъяснить положеніе дѣлъ» — (буквальныя выраженія отчета). Графъ отвѣчалъ ему на это (конечно, самымъ мягкимъ и пріятнымъ голосомъ), что онъ «никогда

Digitized by Google

не имѣлъ и никогда не будетъ имѣть мелкаго честолюбія—искать власти ради власти; но я почту себя счастливымъ», прибавилъ онъ, «если мнѣ удастся посвятить Франціи мои силы и жизнь... Я страдалъ вдали отъ нея; ей тоже *жилось не хорошо въ разлукѣ со мною. Мы необходимы другъ другу*». Затѣмъ Шенелонъ принялся, такъ сказать, скользить, излагая все то, съ чѣмъ его послали и въ чемъ такъ настоятельно надо было категорически согласиться. По вопросу о конституціи онъ передалъ, что комитетъ желалъ-бы основать свое предложеніе Собранію о возстановленіи монархіи на принципѣ признанія королевской власти наслѣдственной и на хартіи, «не навязанной королю и не дарованной королемъ, но которая должна быть обсуждена совмѣстно съ королемъ и Собраніемъ». (Всего удивительнѣе, что такія основныя формулы и опредѣленія отлагались, какъ оказывается теперь, до такой послѣдней минуты! Неужели въ самомъ дѣлѣ не смѣли заговорить объ этомъ раньше?) Далѣе, проскользнувъ на счетъ такихъ, напримѣръ, вещей, какъ сохраненіе гражданскихъ и религіозныхъ правъ, равенства передъ закономъ, или что законодательная власть будетъ принадлежать совмѣстно королю и Собранію, — Шенелонъ тотчасъ-же принялся извиняться. «Перечисленіе означенныхъ правъ, заявилъ онъ, обусловлено, конечно, не недовѣріемъ къ нему, графу Шамборскому, а излагается единственно лишь для того, чтобъ устранить недоумѣнія, могущія ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе». По вопросу о знамени Шенелонъ пустился еще пуще извиняться и извинять комитетъ (Шангарнье) въ томъ, что «обстоятельства принудили комитетъ рѣшиться остановиться на слѣдующей формулѣ: «Трехцвѣтное знамя сохраняется и можетъ быть измѣнено не иначе, какъ по взаимному соглашенію между королемъ и собраніемъ». (Замѣтимъ эту формулу: это значитъ, что на завтра-же послѣ воцаренія, король съ Собраніемъ могутъ уничтожить трехцвѣтное знамя, обезпечивъ лишь себѣ — а это такъ легко! — всего только какой нибудь одинъ голосъ большинства въ Собраніи. Про Францію и ея согласіе при этомъ и помину не было). Графъ «дозволилъ (это подлинныя слова отчета) мнѣ объясниться съ почтительною свободой и удостоилъ выслушать съ самымъ благосклоннымъ вниманіемъ». При этомъ не сказалъ ничего, но «обнаружилъ желаніе сохранить неприкосновенными въ интересахъ страны двѣ силы: ненарушимость своихъ принциповъ и независимость своего характера». Впрочемъ: чтобъ смягчить, онъ «изволилъ похвалить трехцвѣтное знамя», «Онъ прибавилъ — доноситъ Шенелонъ — что уважаетъ привязанность арміи къ знамени, обагренному кровью солдатъ... у него никогда не было намѣренія унижать страну и знамя, подъ которымъ

Digitized by Google

храбро сражались ея воины». (Еще-бы намѣренье унижать-то!) Затѣмъ графъ, по увѣренію Шенелона, резюмировалъ свое рѣшеніе въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) графъ Шамборскій не требуетъ никакой перемѣны въ знамени *до тѣхъ поръ, пока власть не перейдетъ въ его руки*, и 2) онъ предложитъ Собранію самъ рѣшеніе, совмѣстно съ его честью, и которое удовлетворитъ и народъ и Собраніе».

Съ тѣмъ, въ сущности, и уѣхалъ Шенелонъ. Это-то рѣшеніе о знамени и находилъ комитетъ заговорщиковъ на столько удовлетворительнымъ и могущимъ всѣхъ успокоить, что рѣшился просить, черезъ особую депутацію, графа поскорѣе подтвердить его. Но графъ не подтвердилъ. Послѣдовалъ съ его стороны важнѣйшій документъ во всемъ этомъ дѣлѣ, собственноручное письмо, которымъ онъ все и покончилъ. Всего письма не приводимъ, а приводимъ лишь телеграфическое о немъ извѣстіе, вполнѣ, впрочемъ, резюмирующее значеніе письма. Вотъ что̀ пишетъ графъ Шенелону: «Такъ какъ не смотря на ваши усилія, недоразумѣнія не прекращаются, то и объявляю, что не отпираюсь ни отъ чего, не уменьшаю нисколько моихъ предшествовавшихъ заявленій. Притязанія, предъявлямыя наканунѣ моего воцаренія, даютъ мнѣ мѣру позднѣйшихъ требованій. Я не могу согласиться начать возстановительное и могучее царствованіе дѣломъ слабости. Вошло въ обычай сопоставлять твердость Генриха V съ ловкостью Генриха IV, но я желалъ-бы знать, кто осмѣлился-бы посовѣтовать ему отказаться отъ знамени Арка и Иври»... «Ослабленный сегодня (пишетъ графъ далѣе), я сдѣлаюсь безсильнымъ завтра. Дѣло идетъ о возсозданіи, на его естественныхъ началахъ, общества глубоко потрясеннаго, объ энергическомъ утвержденіи царства законовъ. Необходимо возродить благоденствіе внутри страны, заключить прочные союзы, особенно не опасаться употреблять силу на службу порядка и справедливости». Далѣе замѣчаетъ графъ, что графъ Парижскій не поставлялъ ему никакихъ условій, и что отъ маршала Макъ-Магона (этого Баярда нашего времени, какъ замѣчаетъ графъ), тоже не требовали гарантій при избраніи въ президенты. Франція не можетъ погибнуть (восклицаетъ подъ конецъ графъ), потому что Христосъ любитъ еще своихъ Франковъ, и «когда Господь Богъ рѣшился спасти народъ, Онъ блюдетъ за тѣмъ, чтобы скипетръ справедливости былъ данъ въ руки достаточно сильныя, чтобы держать его!»

Мы по прежнему готовы написать, что «однимъ великодушнымъ человѣкомъ стало на свѣтѣ больше», какъ и заявили въ одномъ изъ предыдущихъ нашихъ обозрѣній. Отказаться отъ престола, чтобъ не измѣнить своимъ принципамъ — безспорно великодушное

Digitized by Google

дѣло. Но теперь, признаемся,—такъ какъ уже самъ графъ высказался, — мы немного другаго мнѣнія. Дѣло въ томъ, что врядъ-ли претендентъ въ самомъ дѣлѣ отказывается царствовать? Это письмо, рѣшившее на время его участь, намекаетъ на иные разсчеты. Намъ кажется даже, что онъ никогда не былъ столь увѣренъ, что взойдетъ на престолъ, какъ теперь. Во своей «необходимости для Франціи» онъ убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, и навѣрное заключаетъ, что если и отдалится теперь на минутку его воцареніе, то для него-же будетъ выгоднѣе, потому что въ концѣ концовъ безъ него не обойдутся и всетаки примутъ его, но уже не смѣя предлагать ему условія, со всѣми «принципами». Въ силу партіи своей въ Національномъ Собраніи онъ продолжаетъ вѣрить слѣпо. Онъ увѣряетъ, что любитъ Францію, но, кажется, мало собственно о ней думаетъ и, очевидно, смѣшиваетъ ее съ своей партіей. Характерно письмо его и въ томъ отношеніи, что онъ изъясняетъ въ немъ, наконецъ, и тѣ средства, которыми, по воцареніи своемъ, надѣется спасти Францію. Эти средства—строгость, «не бояться употреблять для укорененія спокойствія—силу». Признаемся, мы такъ и подозрѣвали, что средствъ больше у него нѣтъ никакихъ, когда въ одномъ изъ обозрѣній нашихъ задавали себѣ вопросы: «Чѣмъ можетъ надѣяться легитимизмъ спасти Францію и какъ именно располагаетъ спасти ее?» Наконецъ, очень страннымъ показался намъ и самый тонъ письма. Пусть Луи-Вёльо, въ газетѣ, влагаетъ фиктивно въ его уста высокія рѣчи. Но самому графу, уже отъ лица своего и въ такихъ важныхъ документахъ, неприлично-бы, кажется, во всеуслышаніе говорить, что «я страдалъ вдали отъ нея (отъ Франціи), ей тоже *жилось не хорошо въ разлукѣ со мною*», или что «уважаетъ привязанность арміи къ своему знамени, что у него никогда не было намѣренія *унижать* страну и знамя, подъ которымъ храбро сражались ея воины». Любопытно, какъ представляетъ онъ себѣ, изъ своего Зальцбурга, Французовъ, привыкшихъ къ своему равенству, и которые прочтутъ теперь и узнаютъ, что сидитъ гдѣ-то человѣкъ и милостиво дозволяетъ имъ избирать себя во спасителя. Эту дѣтскую увѣренность въ себѣ, эту, такъ сказать, «слѣпорожденность» въ пониманіи вещей и явленій — жалко даже и тревожить.

И все это хочетъ и претендуетъ спасать Францію!

Паденіе надеждъ «большинства» Собранія послѣ этого письма чуть не произвело распаденія партіи. Почти всѣ фракціи правой стороны приняли извѣстіе съ бѣшенствомъ. Но оказалось, что согласіе было быстро возстановлено—и не столько искусствомъ вожаковъ, сколько силою вещей: изо всѣхъ силъ сохранить свою оли-

Digitized by Google

гархическую власть въ Собраніи «большинству» Собранія показалось выгоднѣе, чѣмъ поссориться. Пока республиканцы, и Тьеръ во главѣ ихъ, торжествовали и предвкушали побѣду,—комитетъ Шангарнье рѣшилъ внести въ Собраніе проектъ закона о немедленномъ продленіи власти Макъ-Магона, съ новыми въ пользу его гарантіями, на 10 лѣтъ, а Національному Собранію не расходиться еще два съ половиною года. При этомъ маршалъ Макъ-Магонъ вполнѣ оправдалъ довѣріе столь вѣрившаго въ него «большинства». Еще двѣ недѣли тому назадъ онъ заявилъ, что если падетъ большинство Собранія, то удалится съ президентства и онъ. Такимъ образомъ, вѣрность и приверженность его большинству доходитъ до апоѳеозы! Не большинству Собранія онъ служитъ, а только *теперешнему* большинству его. Другими словами, собственно Національное Собраніе и волю его ни во что не ставитъ, ибо если падетъ теперешнее большинство, то все-же воцарится другое большинство, замѣсто теперешняго, изображающее волю Собранія,—но тому большинству уже онъ служить не станетъ. И это въ то время, когда страна (и онъ знаетъ это) нуждается въ немъ, ибо онъ имѣетъ такое вліяніе на войско! Такая рабская приверженность къ своимъ благодѣтелямъ почти трогательна. И вотъ этотъ «честный и храбрый солдатъ», на котораго надѣялась Франція, оказался всего только человѣкомъ партіи, и не столько человѣкомъ партіи, сколько ея прихвостнемъ. А еще графъ Шамборскій погладилъ его по головкѣ и назвалъ Баярдомъ! Конечно, Баярдъ, но только съ другой стороны.

Все такъ и случилось, какъ разсчиталъ комитетъ Шангарнье. 5 ноября (н. ст.) открылись, наконецъ, послѣ длинныхъ вакацій, засѣданія Національнаго Собранія. Прочитано было посланіе президента республики. Между прочимъ, въ посланіи сказано, что «нынѣшняя исполнительная власть не имѣетъ достаточно живучести и силы. Правительство не достаточно вооружено, чтобы отнять у партій всякую надежду на успѣхъ». (А само правительство теперь не партія?) Заявляется также объ увлеченіяхъ печати, которыя развращаютъ духъ населенія. (Это послѣ-то безчисленныхъ и наглѣйшихъ притѣсненій печати!) и доказывается необходимость муниципальной реформы.

Затѣмъ въ Національное Собраніе внесено было предложеніе генерала Шангарнье о продленіи срока власти маршала Макъ-Магона на десять лѣтъ. Со стороны правительства прочитанъ докладъ въ пользу безотлагательнаго обсужденія этого предложенія. Дюфоръ, не возставая противъ безотлагательности, потребовалъ отсылки предложенія на обсужденіе въ комиссію разсмотрѣнія конституціонныхъ проектовъ. Правительство, съ своей стороны настаивало, на отсылку

Digitized by Google

предложенія Шангарнье въ спеціальную комиссію. Предложеніе Дюфора, гласитъ телеграма, отвергнуто большинствомъ 362 голосовъ противъ 348.

Такимъ образомъ, за монархическимъ «большинствомъ» оказалась побѣда въ 14 голосовъ. Результатъ въ томъ, что Франція на 10 лѣтъ останется въ своемъ неопредѣленномъ положеніи. Ни монархія, ни республика! При измѣненіи муниципальныхъ законовъ, при угнетеніи прессы, при неограниченномъ насиліи олигархическаго большинства Собранія, имѣющаго въ виду монархію,—Франціи обезпеченъ и впередъ выборъ въ Національное Собраніе такихъ-же интригановъ и олигархистовъ на 10 лѣтъ. Обезпечены тоже—постоянная война съ республиканцами, происки партій и несомнѣнная революція въ будущемъ. Такой воцарившійся хаосъ, безспорно, хуже воцаренія графа Шамборскаго; ибо графъ Шамборскій непремѣнно и быстро былъ-бы изгнанъ, и послѣ него еще могла-бы воцариться умѣренная республика, тогда какъ теперь, при неизбѣжной революціи въ будущемъ, врядъ-ли уже будетъ возможно торжество умѣренныхъ.

Правда, Французы сильно надѣются на послушные штыки преданной Макъ-Магону арміи, стало быть, и на спокойствіе, защиту отъ коммунистовъ и проч. Въ началѣ нашего отчета мы упомянули о «нѣкоторыхъ весьма характерныхъ и доселѣ еще неслыханныхъ особенностяхъ въ проявленіяхъ недовольства страны» и обѣщали сказать о нихъ ниже. Укажемъ лишь на одно изъ этихъ заявленій. Недѣли двѣ назадъ, нѣкто бригадный генералъ Бельмаръ, прислалъ изъ Перигё военному министру письмо слѣдующаго содержанія:

«Г. министръ, я служу тридцать три года подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Франціи, и правительству республики послѣ паденія имперіи. Я не буду служить подъ бѣлымъ знаменемъ и не отдамъ моей шпаги въ распоряженіе монархическаго правительства, возстановленнаго помимо народной воли. И такъ, если-бы, вопреки ожиданію, нынѣшнее Національное Собраніе возстановило монархію, я почтительнѣйше прошу васъ, г. министръ, уволить меня, послѣ такого голосованія, отъ ввѣренной мнѣ вами должности. Генералъ Бельмаръ».

Генералъ Бельмаръ былъ тотчасъ-же послѣ этого письма выключенъ изъ службы. Военный министръ немедленно потребовалъ отъ начальниковъ дивизій свѣдѣній о настроеніи войскъ въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, и въ присланныхъ къ нему донесеніяхъ, какъ увѣряютъ газеты, заявлено, что въ арміи господствуетъ сильное неприсположеніе къ реставраціи (т. е. другими словами, къ Національному Собранію).

Digitized by Google

Вотъ явленіе, безспорно, новое. Никогда еще армія французская не «разсуждала», а только слушалась своего начальства, какъ и слѣдуетъ хорошей арміи, и похвально дѣлала. Для чего генералу Бельмару понадобилось вдругъ заявить о томъ, что онъ не признаетъ воли Національнаго Собранія въ случаѣ воцаренія графа Шамборскаго? Дождался-бы факта и благородно-бы вышелъ въ отставку, не заставляя и не требуя заранѣе. Не значитъ-ли это, что армія захотѣла «смѣть свое сужденіе имѣть?». Генералъ Бельмаръ, безспорно хотѣлъ подать примѣръ. И такъ, пусть Французы не очень-то надѣются на штыки маршала Макъ-Магона и на спокойствіе. Если съ одной стороны власть Макъ-Магона, продленная на 10 лѣтъ, будетъ, безспорно, началомъ — уже не цезаризма — а настоящаго военнаго деспотизма (правительства еще не испытаннаго Франціею въ самомъ чистомъ его состояніи), то письмо Бельмара — не есть-ли начало pronunciamento? Этого не доставало еще несчастной Франціи! Это, однако-же, въ порядкѣ вещей: военный деспотизмъ непремѣнно долженъ вести за собою начало pronunciamento.

Изъ № 45 журн. «Гражданинъ» 1873 г.

Въ Германіи почти вся печать, и даже офиціозныя прусскія газеты, съ радостію приняли извѣстіе о паденіи надеждъ французскихъ легитимистовъ на возстановленіе «законной монархіи». Письмо графа Шамборскаго считается въ Германіи какъ окончательное и уже вѣковѣчное устраненіе всякой дальнѣйшей попытки легитимистовъ. Ближайшимъ образомъ эта радость нѣмецкой прессы мотивируется тѣмъ, что,—какъ мы уже и развивали это раньше,— воцареніе графа Шамборскаго непремѣнно, рано или поздно, повлекло-бы за собой и попытку на возстановленіе свѣтскаго владычества папы. И такъ какъ не вступить на эту дорогу не могла-бы Франція, вмѣстѣ съ возстановленіемъ монархіи, то въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно столкнулась-бы съ Германіей, и, можетъ быть, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, не смотря на страхъ передъ ужаснымъ рискомъ. Если тѣмъ объяснить теперешнее довольство Нѣмцевъ, то всего любопытнѣе, что въ Германіи серьезные органы могли серьезно вѣрить—не только въ мимолетный успѣхъ воцаренія претендента, но и въ прочность этого успѣха на дальнѣйшее время. Нѣмцы немного слишкомъ вѣрятъ въ успѣхъ «крови и желѣза». Намъ кажется что въ настоящій кризисъ броженія умовъ и желаній во Франціи—

Digitized by Google

иначе не умѣемъ выразиться—насиліе въ этой странѣ почти невозможно, ибо некому произвести его. То есть и нашлись-бы охотники и, что̀ всего любопытнѣе, можетъ быть, нашлось-бы тамъ и чрезвычайное большинство, искренно желающее, чтобъ надъ нимъ (и даже поскорѣе) произведено было, въ видахъ окончательнаго утвержденія порядка, насиліе; но въ этой странѣ, чтобы удалось насилію—мало одной силы и даже согласія самихъ насилуемыхъ. Необходимъ авторитетъ насилію, авторитетъ хотя-бы и ненавидимый, хоть и не настоящій, но несомнѣнный, признаніе дѣйствительной силы за властью. Графъ Шамборскій такого авторитета не имѣлъ и врядъ-ли вѣрятъ въ его силу даже многіе изъ его послѣдователей. А потому,—повторяемъ уже сказанное нами прежде,—онъ былъ-бы несомнѣнно и быстро изгнанъ, и такой оборотъ дѣла былъ-бы, можетъ быть, полезнѣе для Франціи, чѣмъ теперешнее хаотическое ея состояніе,—полезнѣе хоть тѣмъ однимъ, что одной партіей стало-бы меньше и возможно было-бы вновь господство партіи умѣренныхъ республиканцевъ.

Нѣкоторые консервативные органы въ Германіи, наблюдая радость своихъ либеральныхъ газетъ о неудачѣ претендента, какъ-бы не вѣрятъ въ выставляемые либералами мотивы ея, — то есть въ боязнь вступленія Франціи на опасный путь ультрамонтанской политики. «Крестовая Газета», напримѣръ, возвѣстила прямо, что всѣ либералы всего свѣта между собою солидарны; что въ радикализмѣ національности исчезаютъ, а потому и нѣмецкіе радикалы радуются за французскихъ, видя ихъ удачу. Такое строгое и угрюмое обличеніе, можетъ быть, не лишено справедливости. Замѣчаніе о всегдашней духовной солидарности радикаловъ всего міра, и о повсемѣстной силѣ радикализма сглаживать національности — довольно вѣрно. Любопытно, что это замѣчаніе, какъ-бы съ укоромъ и опасеніемъ, сдѣлано въ той странѣ, гдѣ, именно въ эту минуту, національныя идеи имѣютъ такой огромный успѣхъ, гдѣ, послѣ недавняго торжества надъ Франціею, чувство національнаго собою довольства дошло чуть не до пошлости, гдѣ даже наука начала отзываться чуть не шовинизмомъ. Неужели правда, что и въ Германіи уже силенъ космополитическій радикализмъ? Что уже и къ ней стучится въ двери французское ученіе—коммунизмъ? Если Россію, чуть не съ самаго начала столѣтія, принято считать у европейскихъ умниковъ за грозный колоссъ на глиняныхъ ногахъ (тогда какъ въ сущности, если у насъ что̀ особенно здорово и цѣло, то это именно основаніе, т. е. народъ, на которомъ испоконъ вѣку утверждалась и будетъ утверждаться Россія)—то неужели и къ новому германскому колоссу можно уже примѣнить, хоть отчасти, — такой-же отзывъ?

Digitized by Google

Кстати, въ Пруссіи окончились выборы въ прусскій сеймъ, засвидѣтельствовавшіе о чрезвычайномъ возбужденіи политическихъ партій въ Германіи. Прусское правительство покровительствуетъ теперь національно-либеральнымъ партіямъ разныхъ оттѣнковъ, оттолкнувъ отъ себя совершенно партіи юнкерскую и католическую. Торжество либераловъ на выборахъ оказалось несомнѣннымъ и прусское правительство, конечно, можетъ разсчитывать въ сеймѣ на большинство. Но любопытенъ фактъ, что такъ называемая клерикальная партія, или, вѣрнѣе,—всѣ недовольные новыми церковными законами, составили довольно сильный союзъ (въ который вошли, напримѣръ, остатки уже совершенно разбитой старой юнкерской партіи, которую еще такъ недавно, всего нѣсколько лѣтъ тому, правительство такъ поддерживало). И если сосчитать подробно всѣ силы союзниковъ въ новомъ выбранномъ ландтагѣ, то клерикальная партія можетъ разсчитывать на весьма даже сильное меньшинство. Можетъ образоваться такимъ образомъ сильная оппозиція. Ландтагъ открытъ уже съ 1-го ноября. Въ февралѣ ожидаютъ выборовъ въ германскій рейхстагъ, и клерикалы надѣются на еще бо̀льшій успѣхъ. Правда, въ Пруссіи правительство не привыкло слишкомъ смущаться оппозиціями своихъ ландтаговъ, и, въ прежнее время, преспокойно распускало ихъ въ случаѣ нужды, а само дѣлало свое дѣло. Послѣ-же послѣднихъ великихъ результатовъ, которыхъ оно достигло, неуклонно дѣлая свое дѣло, обаяніе его только увеличилось. Особенно теперь Пруссія любитъ видѣть силу въ своемъ правительствѣ. По крайней мѣрѣ, большинство высшей интеллигенціи несомнѣнно и во всемъ на его сторонѣ: такъ продолжительно обаяніе побѣды!

Въ прошломъ отчетѣ нашемъ мы говорили, что послѣ паденія во Франціи всѣхъ надеждъ монархической партіи, большинство всѣхъ фракцій правой стороны, ошеломленное сначала извѣстнымъ письмомъ графа Шамборскаго, успѣло однако-же вновь крѣпко соединиться и составить новый проектъ о продленіи власти маршала Макъ-Магона на 10 лѣтъ. Этотъ проектъ составленъ былъ чрезвычайно заносчиво и носилъ на себѣ печать всей той легкомысленной и необузданной наглости, съ которою дѣйствовала эта пресловутая «партія борьбы» съ самой побѣды своей, 24-го мая до сихъ поръ. Сначала, сейчасъ послѣ письма графа Шамборскаго, на мгновеніе возникла было мысль провозгласить котораго нибудь изъ Орлеанскихъ принцевъ «намѣстникомъ короля» и передать ему исполнительную власть. Такимъ образомъ Франція всетаки, хотя и безъ короля, стала-бы монархіею. Всего нелѣпѣе въ этомъ характернѣй-

Digitized by Google

шемъ проектѣ выставляется взглядъ этихъ потерявшихся, но по прежнему наглыхъ людей на Францію и Французовъ; трудно даже и сообразить, какъ можно было, хоть что нибудь понимая, надѣяться водворить въ странѣ, подобнымъ, ничего не разрѣшающимъ проектомъ—миръ и спокойствіе? Уже одна нелѣпость подобнаго предложенія, въ другое болѣе здоровое время, должна-бы была, кажется, повести за собою полное распаденіе партіи, отвратить отъ нездравомыслящихъ членовъ Собранія, до сихъ поръ за нею слѣдовавшихъ. Но распаденія не произошло, хотя проектъ исчезъ самъ собою, потому что принцы Орлеанскіе, люди разсчетливые, своего согласія на такую нелѣпость не дали. Тогда, бросаясь во всѣ стороны, попробовали было пригласить въ намѣстники королевства маршала Макъ-Магона, но и маршалъ отклонилъ отъ себя эту честь, выставляя на видъ, что нельзя ему быть намѣстникомъ королевства, въ которомъ нѣтъ короля. Такимъ образомъ и принуждены были остановиться на мысли о продленіи власти маршала, какъ главы правительства, на 10 лѣтъ, а Собранію не расходиться, по крайней мѣрѣ, еще года три. Тутъ честный маршалъ, которому, какъ кажется, съ 24-го мая, власть уже успѣла понравиться, предложилъ условія, хотя и благоразумныя съ одной стороны, но не отличающіяся особенною дальновидностью съ другой,—такъ какъ въ концѣ концовъ всетаки Францію продолжали принимать за tabula rasa. Маршалъ потребовалъ, чтобъ ему дали особыя, опредѣленныя гарантіи на всякій случай, и еслибъ, напримѣръ, и разошлось когда нибудь, въ десять лѣтъ, настоящее Собраніе и настало на его мѣсто другое, а въ томъ обнаружилось-бы радикальное большинство, то онъ, глава правительства, чтобъ имѣлъ право тотчасъ-же закрыть и распустить Собраніе, а самъ продолжать владычествовать уже безъ Собранія, хотя-бы цѣлыхъ 10 лѣтъ, неограниченно президентствуя и неограниченно возстановляя порядокъ. (Слишкомъ ужь нужно быть военнымъ человѣкомъ и надѣяться на свои штыки, чтобы выдумать во Франціи такой неслыханный еще кунштюкъ). И однакоже проектъ этой, неслыханной еще во Франціи военной диктатуры былъ принятъ тотчасъ-же всей правой стороной и внесенъ президентомъ комитета всѣхъ фракцій правой стороны, престарѣлымъ генераломъ Шангарнье, въ Національное Собраніе въ первый день его открытія, 5-го ноября (н. с.).

По прочтеніи предложенія потребовали безотлагательнаго его обсужденія. Дюфоръ, членъ лѣваго центра, не возставая противъ безотлагательности, потребовалъ лишь передачи проекта въ существующую коммиссію разсмотрѣнія конституціонныхъ проектовъ. Правая сторона настаивала напротивъ на отсылкѣ въ новую, спе-

Digitized by Google

ціальную коммиссію, которую съ этою цѣлью и предлагала избрать. Пошли на голоса и за правой стороной, какъ уже извѣстно, оказалось большинство въ 14 голосовъ.

На этомъ извѣстіи мы и закончили въ прошлый разъ наше обозрѣніе. Между тѣмъ случилась прехарактерная вещь, по которой, уже по одной, можно-бы отчасти разгадать характеръ теперешняго положенія дѣлъ въ этомъ потерявшемъ свою почву Собраніи. Когда (7-го ноября) Собраніе раздѣлилось на отдѣленія, чтобы выбрать членовъ этой отвоеванной большинствомъ спеціальной коммиссіи, для разсмотрѣнія ею проекта Шангарнье — вдругъ, въ числѣ избранныхъ 15 членовъ, оказалось большинство за лѣвой стороной Собранія. Ремюза, членъ лѣваго центра, недавно заявившій себя республиканцемъ, избранъ былъ президентомъ коммиссіи, въ которую вошелъ, какъ членъ, и Леонъ Се, предводитель лѣваго центра.

Такимъ образомъ, лѣвая сторона, боявшаяся спеціальной коммиссіи и настаивавшая на отсылкѣ предложенія Шангарнье въ общую коммиссію разсмотрѣнія конституціонныхъ проектовъ (въ которой, впрочемъ, правая сторона всегда имѣла перевѣсъ)—получила побѣду тамъ, гдѣ не думала; а правая сторона, такъ настаивавшая на спеціальной коммиссіи—ужь, конечно, съ цѣлью наивѣрнѣе обезпечить себѣ успѣхъ—была именно на этомъ пути побита.

Всѣ спрашивали и продолжаютъ до сихъ поръ спрашивать: что̀ можетъ означать этотъ фактъ? Болѣе ничего, по нашему мнѣнію, что Національное Собраніе именно утратило подъ собой почву, потеряло всякую руководящую нить, и ни одна партія не вѣритъ уже въ свою силу. Съ паденіемъ идеи непосредственнаго провозглашенія законной монархіи, легитимисты, бывшіе вожаки большинства, остались лишь при однихъ желаніяхъ, но, непримѣтно для себя, тотчасъ-же потеряли руководящую силу для рабски слѣдовавшаго до сихъ поръ за нимъ большинства. Предложеніе Шангарнье хотя и соединило повидимому вновь большинство, но зато и устранило окончательно прежнюю соединявшую всѣхъ идею. Въ новой-же идеѣ соединенія тотчасъ-же обнаружился разладъ. Крайніе, напримѣръ, роялисты, поддерживая проектъ Шангарнье, объявили вслухъ, что хоть Макъ-Магонъ и отказывается отъ роли королевскаго намѣстника, но тѣмъ не менѣе всетаки будетъ имъ, такъ что еслибъ пришлось опять провозглашать короля, то президентъ Макъ-Магонъ, не смотря на свое десятилѣтнее избраніе, тотчасъ-же обязанъ уступить ему мѣсто. Совсѣмъ уже въ другихъ мысляхъ поддерживалъ проектъ Шангарнье правый центръ, столь согласный доселѣ съ легитимистами; онъ, напримѣръ, требуетъ уж

Digitized by Google

теперь, чтобы Макъ-Магонъ провозглашенъ былъ не *главою государства* на 10 лѣтъ, какъ хотятъ легитимисты, но *президентомъ республики* на 10 лѣтъ, въ виду окончательнаго устраненія неопредѣленнаго положенія, и хотя-бы съ диктаторской властью, но всетаки благонадежно ограниченной въ парламентарномъ смыслѣ.

Такимъ-же образомъ, вслѣдъ за двумя крупнѣйшими фракціями правой стороны, раздѣлились и всѣ остальныя ея фракціи; каждая согласна на продленіе власти маршала, но каждая въ своемъ смыслѣ и уже при своемъ собственномъ взглядѣ на дѣло. Фракціи затѣмъ разбились на кружки, на оттѣнки, и, въ концѣ концовъ, произошло то, что̀ непремѣнно должно было произойти: при наружномъ единеніи смыслъ его оказался утраченнымъ, цѣли разными и, недавно столь крѣпкая и единодушная партія большинства, съ утратою послѣдней надежды на графа Шамборскаго, стала невольно расходиться въ разныя стороны. Естественно, можно ожидать и полнѣйшаго распаденія. Такимъ образомъ, и оказалось, что при броженіи и колебаніи умовъ, многіе принадлежавшіе, напримѣръ, къ правому центру, могли нарочно даже выбрать въ спеціальную коммиссію членовъ лѣваго центра — для вѣрнѣйшаго торжества своихъ новыхъ желаній и цѣлей. Несомнѣнно произошли и тайныя отпаденія, измѣны.

И такъ, характерная черта Собранія въ данную минуту—полное разъединеніе, ибо и лѣвая сторона, не видя прежнихъ противниковъ, противъ которыхъ соединилась, не смотря на разномысліе своихъ фракцій, — кажется, тоже начала немного разшатываться. По послѣднимъ извѣстіямъ, Ремюза и Леонъ-Се, члены спеціальной коммиссіи, вступаютъ въ переговоры съ Макъ-Магономъ. Безъ сомнѣнія, коммиссія кончитъ выборомъ маршала главою государства хоть не на 10, то на 5 лѣтъ, но уже съ титуломъ «президента республики», съ провозглашеніемъ республики и съ условіемъ немедленнаго разсмотрѣнія конституціонныхъ законовъ, предложенныхъ еще въ правительство Тьера.

Образуется тоже въ Національномъ Собраніи сильная партія прямаго воззванія къ народу и всенароднаго голосованія республики. Тьеръ, болѣе чѣмъ когда нибудь увѣренный въ побѣдѣ, говоритъ всѣмъ окружающимъ его: «требуйте распущенія Собранія и воззванія къ народу».

Эта идея о воззваніи къ народу привлекла между прочимъ на лѣвую сторону и большинство бонапартистовъ, имѣющихъ до 30 членовъ въ собраніи. Они сначала рѣшили было дѣйствовать такъ: если станутъ легитимисты провозглашать монархію, то вотировать противъ съ республиканцами. Если-же республиканцы станутъ про-

Digitized by Google

возглашать республику—то примкнуть опять къ монархистамъ; въ сущности, помѣшать и тѣмъ и другимъ. Но мысль о воззваніи къ народу, которой они первоначальные представители, увлекла ихъ и, въ большинствѣ своемъ, хотя и очень осторожно, они примыкаютъ къ республиканцамъ.

По послѣднимъ телеграммамъ Макъ-Магонъ понукаетъ спеціальную коммиссію кончить дѣло о избраніи его скорѣе. Онъ, кажется, готовъ сильно понизить первоначальный тонъ и сбавить требованія. Всего-бы лучше было, еслибъ «честный человѣкъ» не выказалъ себя, во всей этой жалкой комедіи монархистовъ, не пощадивъ даже своего высокаго сана, такимъ жалкимъ приверженцемъ партіи. Франція взирала-бы на него теперь съ бо́льшей надеждой и съ бо́льшимъ уваженіемъ, а въ Собраніи, можетъ быть, оказалось-бы болѣе единенія вслѣдствіи вѣры въ его честное желаніе быть полезнымъ отечеству. Урокъ «честному человѣку».

Въ результатѣ — возрастающее разъединеніе партій и все болѣе и болѣе наростающее раздраженіе страны.

Нѣсколько дней тому назадъ телеграфировалось изъ Байоны объ окончательной побѣдѣ Донъ-Карлоса надъ войсками мадридскаго правительства, и о взятіи въ плѣнъ Моріонеса, главнокомандующаго правительства. На дняхъ-же изъ Мадрида телеграфировали, напротивъ, о большой побѣдѣ Моріонеса надъ карлистами. Ни то, ни другое извѣстіе пока еще не подтвердилось съ надлежащею достовѣрностью.

Пишутъ тоже изъ Мадрида объ ожидаемой съ часу на часъ сдачѣ Картагены. Тогда правительство уничтожило-бы главный пунктъ южнаго мятежа. Но и Картагена пока еще не сдалась...

Изъ № 46 журн. «Гражданинъ» 1873 г.

Открытіе австрійскаго рейхсрата произвело чрезвычайно сильное возбужденіе въ Имперіи—не въ пользу правительства. Даже самая обширность программы будущихъ дѣйствій правительства подвергается нападеніямъ: «Задать себѣ разомъ столько задачъ», говорятъ противники правительства, «значитъ ни къ одной изъ нихъ не отнестись серьезно». На первомъ планѣ, въ тронной рѣчи, разумѣется, обѣщаніе стать энергически противъ обрушившагося въ этомъ году на Имперію финансоваго кризиса. Возрожденіе вновь

Digitized by Google

кредита, постановка торговли и народнаго хозяйства на болѣе твердую и безопасную дорогу—вотъ одинъ изъ первыхъ пунктовъ, указанныхъ императоромъ рейхсрату. Затѣмъ слѣдовали указанія на преобразованіе всей системы налоговъ, на вопросъ о возобновленіи привиллегіи Національнаго Банка; на акціонерную и биржевую реформы; на новые желѣзнодорожные и ремесленные уставы и проч. Затѣмъ провозглашалась необходимость реформъ въ уложеніи о наказаніяхъ, въ судопроизводствѣ, въ пересмотрѣ законовъ гражданскихъ и, сверхъ всего, «установленіе новыхъ отношеній между государствомъ и католическою Церковью».

Венгерцы, спѣша огородить свои интересы, требуютъ теперь *дуализма* и для устройства финансовъ своего королевства—распаденія Національнаго Банка на цислейтанскій и венгерскій и проч. Мѣры, внесенныя министромъ финансовъ Депретисомъ, возбудили всеобщее волненіе и уныніе. Курсы на биржѣ понизились. Ожидаютъ грозной оппозиціи; со всѣхъ сторонъ въ журналахъ предаютъ правительство осужденію, впрочемъ, въ весьма разнообразномъ смыслѣ. Нѣмецкія газеты, отвѣчая венгерскимъ, прямо заявляютъ, что для Австріи будетъ гораздо выгоднѣе скорѣе совершенно выдѣленіе изъ Имперіи венгерскаго королевства и провозглашеніе полной его независимости, чѣмъ распространеніе политическаго дуализма и на финансовыя дѣла Австро-Венгріи. Съ ожесточеніемъ нападаютъ на тронную рѣчь польскіе журналы, а въ чешскомъ «Pokrok» заявлено прямо, что тронная рѣчь императора къ цислейтанскому рейхсрату «до чешской націи не относится». Ультрамонтанскіе органы тоже заслышали грозу въ словахъ императора объ установленіи «какихъ-то» новыхъ отношеній государства къ Церкви. Коммунизмъ несетъ съ собою совершенное уничтоженіе религіи, разсуждаютъ австрійскіе ультрамонтаны, но это уничтоженіе лучше, потому что грубѣе, чѣмъ утонченный либерализмъ современныхъ правительствъ, который хочетъ обратить епископовъ и священниковъ въ своихъ чиновниковъ, а вѣру— въ одно изъ средствъ управленія.

Ультрамонтанская партія не дремлетъ тоже и во вновь открывшемся прусскомъ ландтагѣ, какъ и упоминали уже мы въ «Гражданинѣ», въ прошломъ 45 №, въ нашемъ перечнѣ иностранныхъ событій. Какъ уже замѣчали мы и прежде, политика ультрамонтановъ все болѣе и болѣе вступаетъ на дорогу демократическую. Они уже успѣли, напримѣръ, внести въ палату два проекта новыхъ законовъ: о введеніи впредь, при выборѣ членовъ парламента, всеобщей подачи голосовъ и объ отмѣнѣ штемпельной пошлины съ га-

Digitized by Google

зетъ. Съ другой стороны, въ высшей степени характерна и замѣчательна депеша изъ Берлина отъ 13-го ноября, напечатанная въ газетѣ «Times»: «Императоръ, имѣя въ виду, что *нѣсколько сотъ* католическихъ общинъ лишены въ настоящее время духовныхъ пастырей (NB—конечно, вслѣдствіе строгихъ мѣръ правительства, преслѣдующаго ультрамонтанскія стремленія нѣмецкаго католичества), изъявилъ, послѣ продолжительнаго колебанія, согласіе на внесеніе проекта закона о введеніи обязательнаго гражданскаго брака и на веденіе метрическихъ книгъ гражданскими властями. Законъ этотъ чрезвычайно важенъ, особенно въ Германіи, гдѣ образованные классы, одинаково независимые, какъ отъ католической, такъ и отъ протестантской церкви, придерживались до сихъ поръ религіозныхъ обрядовъ при совершеніи браковъ, крестинъ и похоронъ главнымъ образомъ потому, что это предписывалось закономъ. Какъ скоро бракъ сдѣлается чисто-гражданскою формальностью, явится необходимость и въ учрежденіи кладбищъ, открытыхъ для всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій, потому что священники откажутся хоронить лицъ, жившихъ въ брачномъ союзѣ не освященномъ церковью. Фактически кладбища уже и теперь утрачиваютъ свой исключительный характеръ, такъ какъ, не смотря на протесты священниковъ *); «старокатоликовъ» **) хоронятъ, при содѣйствіи полиціи, внутри кладбищенской ограды. Новый законъ будетъ имѣть значеніе еще въ томъ отношеніи, что поощритъ заключеніе браковъ между христіанами и евреями, а извѣстно, что послѣдніе составляютъ въ Германіи многочисленный и весьма вліятельный классъ»...

Извѣстіе о подобномъ проектѣ закона, на который далъ свое согласіе благочестивый германскій императоръ, всего болѣе замѣчательно тѣмъ, что рисуетъ передъ нами ту желѣзную непреклонность, съ которою настоящая прусская политика преслѣдуетъ ультрамонтанское движеніе въ Имперіи. Важность новаго проекта закона заявляетъ и о важности тѣхъ опасеній, съ которыми правительство смотритъ на своего врага, и о тѣхъ размѣрахъ, которые придаетъ ему. Но, очищая ниву отъ плевелъ, не вырвать-бы и пшеницы. Религіозный индифферентизмъ и безъ того не нуждается въ наше время въ поощреніи. Замѣчательно и то, что религіозный либерализмъ, индифферентизмъ и, наконецъ, атеизмъ, всегда, и во всѣ вѣка и времена были болѣзнями сословій высшихъ, аристократическихъ. Ультрамонтаны-же, сколько замѣтно, по крайней мѣрѣ, по нѣ-

*) Римско-католическихъ.

**) «Старо-католики» — новая государственно-религіозная секта въ Германіи, сильно протежируемая берлинскимъ правительствомъ, и о которой мы уже не разъ говорили съ читателями.

Digitized by Google

которымъ признакамъ, послѣ вѣковаго высокомѣрнаго отчужденія своего отъ народа, обращаются теперь, по крайней мѣрѣ въ Германіи, къ демократической политикѣ. Довольно странная перетасовка ролей, свидѣтельствующая о нѣкоторой тонкости взгляда, со стороны новѣйшихъ римско-католиковъ...

Спеціальная коммиссія изъ 15 членовъ, назначенная версальскимъ Національнымъ Собраніемъ для разсмотрѣнія проекта Шангарнье о продленіи президентской власти маршала Макъ-Магона, и въ которой, какъ мы уже говорили, столь неожиданно оказалось большинство за республиканцами, кончила свои занятія и внесла свой докладъ въ Собраніе $^4/_{16}$ ноября. Докладчикомъ былъ Лабулэ. Трудно представить себѣ болѣе умѣренный, болѣе примирительный и болѣе основательный (имѣя въ виду обстоятельства, въ которыхъ находилась коммиссія) проектъ, которымъ либеральное большинство коммиссіи замѣнило проектъ Шангарнье. «Продленіе на 10 лѣтъ полномочій главы исполнительной власти»,—докладывалъ Собранію Лабулэ,—въ странѣ, гдѣ общественныя власти еще не организованы и предѣлы полномочій ихъ не опредѣлены, — представляется фактомъ безпримѣрнымъ въ исторіи законодательства. Фактъ этотъ вызываетъ многія сомнѣнія, которыя могутъ быть разрѣшены только путемъ гипотезъ, не имѣющихъ подъ собой прочнаго основанія... Меньшинство коммиссіи (NB 7 человѣкъ монархистовъ), продолжалъ Лабулэ, одушевляемое желаніемъ безотлагательно установить власть, которая стояла-бы выше всѣхъ партій, рѣшило, что можно теперь-же продлить полномочія главы государства, отложивъ опредѣленіе предѣловъ и организацію этихъ полномочій; большинство-же, напротивъ того, не признало возможнымъ безусловно продлить власть, размѣры которой не опредѣлены, въ той увѣренности, что внѣ конституціонныхъ гарантій всякая власть, какова-бы ни была умѣренность того, кто облеченъ ею, представляется болѣе или менѣе замаскированною диктатурой. Франція нуждается совсѣмъ не въ такомъ правительствѣ»...

Вотъ вступительныя слова доклада Лабулэ; тѣмъ не менѣе коммиссія принуждена была принять заключеніе именно въ смыслѣ того правительства, «въ которомъ не нуждается Франція».

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить болѣе безсмысленное положеніе, какъ-то, въ которомъ находилась эта странная коммиссія. Она должна была утвердить власть почти неограниченную, въ странѣ, которая хоть и называется республикой (на титулъ «президента республики» согласилась, наконецъ, и правая сторона и меньшинство коммиссіи), но въ то-же время совершенно не имѣется ни од-

Digitized by Google

ного органическаго закона, который-бы опредѣлялъ эту республику, давалъ ей хоть какую нибудь форму и такимъ образомъ хоть сколько нибудь опредѣлялъ-бы тотъ смыслъ и то значеніе, тотъ размѣръ и ту силу власти, которыя могло-бы имѣть ея правительство. Подтверждается власть *президента* республики на 10 лѣтъ, тогда какъ нѣтъ еще органическаго закона даже о томъ, что въ этой республикѣ долженъ быть президентъ, мало того—что эта республика есть республика. На счетъ-же вопроса, возникшаго въ коммиссіи съ перваго-же ея засѣданія: «Имѣетъ-ли полное право теперешнее Національное Собраніе назначать президента далѣе срока своихъ полномочій?—коммиссія сочла даже излишнимъ и озабочиваться. Не смотря на предыдущіе примѣры и постановленія самого Собранія, разрѣшавшаго этотъ вопросъ отрицательно, коммиссія нашла себя вынужденною разрѣшить вопросъ, на этотъ разъ, утвердительно.

«Назначеніе маршала Макъ-Магона президентомъ законно организованной республики»—заключилъ Лабулэ передъ Собраніемъ,—«признано нами единственнымъ средствомъ обезпечить его власть; но возможно-ли продлить полномочія президента, не зная какой срокъ положатъ имъ органическіе законы? Въ этомъ кроется почти непреодолимое затрудненіе и большинство коммиссіи глубоко сожалѣетъ о томъ, что палата отвергла благоразумное предложеніе касательно одновременнаго обсужденія конституціонныхъ законовъ и вопроса о продленіи полномочій. Если мы не остановились передъ этимъ затрудненіемъ, такъ только потому, что мы поставлены въ положеніе, изъ котораго надо выйти во что бы ни стало»...

Вотъ въ видахъ-то этихъ особыхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слѣдовало выйти «во что-бы ни стало», и представленъ былъ большинствомъ коммиссіи, въ видѣ поправки проекта Шангарнье, слѣдующій законопроектъ.

Статья 1. Полномочія маршала Макъ-Магона, президента республики, ввѣряются ему на пятилѣтній срокъ, считая со дня созванія новой палаты.

Статья 2. Онъ будетъ пользоваться этой властью въ ея настоящихъ условіяхъ до утвержденія конституціонныхъ законовъ.

Статья 3. Постановленіе, заключающееся въ 1-ой статьѣ, будетъ внесено въ органическіе законы и получитъ конституціонный характеръ только послѣ голосованія этихъ законовъ.

Статья 4. Три дня спустя по обнародованіи настоящаго закона, будетъ назначена, по выбору отдѣленій палаты, коммиссія изъ тридцати членовъ, для разсмотрѣнія конституціонныхъ законовъ, представленныхъ Національному Собранію 19-го и 20-го мая 1873 года.

Digitized by Google

Здѣсь важнѣе всѣхъ статьи 3 и 4. Статьею 3 прямо отнимается отъ проекта-закона о полномочіи власти — его органическій, конституціонный характеръ *до времени голосованія органическихъ законовъ республики.*

Въ статьѣ-же 4 большинство коммиссіи опредѣляетъ порядокъ выбора тѣхъ 30 членовъ, изъ которыхъ долженствуетъ состоять будущая коммиссія, имѣющая быть выбранною Собраніемъ для разсмотрѣнія пресловутыхъ (тьеровскихъ) конституціонныхъ законовъ, представленныхъ еще 20-го мая, и которые до сихъ поръ, съ низверженіемъ Тьера, лежали безъ разсмотрѣнія. Коммиссія 15-ти предлагаетъ выбрать эту коммиссію 30-ти «отдѣленіями Собранія» (надѣясь опять на либеральное большинство), тогда какъ противуположный проектъ (меньшинства коммиссіи) предлагаетъ выборы общіе, всѣмъ Собраніемъ.

«Нельзя представить себѣ болѣе умѣреннаго по своему характеру предложенія, чѣмъ то, какимъ коммиссія пятнадцати замѣнила проектъ Шангарнье», — говоритъ газета «Times». «Достоинство и власть маршала тщательно ограждены. Самый знаменитый генералъ, самый опытный государственный дѣятель, самый уважаемый патріотъ могли-бы быть довольны предложеніями либераловъ, и, по нашимъ конституціоннымъ понятіямъ, мы готовы утверждать, что они не могли-бы и желать бо̀льшаго»...

И однако маршалъ Макъ-Магонъ не только пожелалъ бо̀льшаго, но даже обидѣлся. Тотчасъ-же послѣ доклада Лабулэ онъ адресовалъ Національному Собранію свое посланіе. «Въ ту минуту, когда начинаются пренія о продленіи моихъ полномочій» — писалъ маршалъ,—«я считаю нужнымъ высказаться о томъ, какого рода условія я считаю при этомъ желательными. Франція, требующая твердости и устойчивости государственной власти, не могла-бы удовлетвориться правительствомъ, существованіе котораго въ самомъ началѣ было-бы обусловлено оговорками, ставящими въ зависимость отъ принятія или непринятія конституціонныхъ законовъ. При этомъ пришлось-бы черезъ нѣсколько дней передѣлать то, что̀ было рѣшено нынче.. Я вполнѣ понимаю благонамѣренныя стремленія лицъ (NB т. е. монархическихъ членовъ коммиссіи), предложившихъ продленіе моей власти на 10 лѣтъ, для того, чтобы дать болѣе широкій просторъ развитію общественной дѣятельности. Но по зрѣломъ размышленіи я убѣдился, что семилѣтній срокъ болѣе отвѣчалъ-бы размѣру силъ, которыя я могъ-бы посвятить служенію моей родинѣ. Власть, которая будетъ мнѣ ввѣрена, я посвящу охранѣ консервативныхъ началъ, ибо я убѣжденъ, что большинство страны одобряетъ эти начала».

Digitized by Google

Коммиссія пятнадцати взяла это посланіе на разсмотрѣніе, но— не отказалась отъ первоначальнаго своего заключенія и не измѣнила представленнаго ею законопроекта. Затѣмъ, въ ночное засѣданіе на 8-го (20-го) ноября все произошло какъ по писанному: проектъ большинства коммиссіи 15-ти былъ отвергнутъ Собраніемъ, принятъ-же на его мѣсто проектъ меньшинства коммиссіи, представленный Деперомъ. Министръ, герцогъ Брольи, произнесъ рѣчь, въ которой защищалъ образъ дѣйствій правительства и не соглашался допустить 3-й параграфъ законопроекта большинства коммиссіи, такъ какъ имъ выражается недовѣріе къ словамъ маршала Макъ-Магона, заявившаго, что онъ желаетъ установленія конституціонныхъ законовъ. Собраніе большинствомъ 378-ми голосовъ противъ 310 утвердило проектъ Депера съ установленіемъ власти маршала Макъ-Магона на 7 лѣтъ и съ выборомъ будущей коммиссіи тридцати не «отдѣленіями» Собранія, а по спискамъ, въ общемъ собраніи палаты.

Такимъ образомъ, повторяя уже сказанное нами прежде, съ Франціей случилось самое худшее изъ того, чего могла-бы она ожидать себѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ! Ни монархія, ни республика и самое неопредѣленное положеніе власти! Виденъ, на яркомъ примѣрѣ, весь политическій смыслъ ея правителей: маршалъ отвергаетъ именно то, что̀ могло-бы упрочить его власть, придавъ ей органическій характеръ, и надѣется на одно лишь диктаторство, т. е. на *произволъ своей личной власти*. Изъ за того, что маршалъ можетъ обидѣться, герцогъ Брольи предпочитаетъ ввергнуть Францію правительству, нг ограниченному ни однимъ основнымъ государственнымъ закономъ, а въ сущности—безпредѣльной диктатурѣ. Что̀-бы ни совершилъ теперь маршалъ преступнаго, въ своей политической дѣятельности, онъ на все можетъ отвѣтить: «гдѣ тотъ законъ, который могъ-бы меня ограничить или что нибудь мнѣ указать»? Онъ называется президентомъ республики, а между тѣмъ онъ послушный слуга большинства, слишкомъ не скрывающаго своихъ ультра-монархическихъ намѣреній. Онъ требуетъ такой страшной диктатуры, чтобъ «водворить порядокъ и смирить партіи», а между тѣмъ кто болѣе нарушалъ порядокъ, и кто болѣе походитъ на партію, какъ не то большинство, которому онъ служитъ? Могутъ-ли, наконецъ успокоиться Французы теперь, когда никто не можетъ рѣшить даже такой вопросъ: «чья власть теперь выше: Собранія или президента? Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ несогласій, подобный вопросъ могъ-бы разрѣшиться теперь лишь насиліемъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ, наконецъ, во всей этой интригѣ, являлась какая-то жажда беззаконности; маршалу Макъ-Магону именно скорѣе нравится его диктаторское самовластіе, чѣмъ власть, строго опре-

Digitized by Google

дѣленная законами. Произойдетъ именно то, противъ чего намѣренъ вооружиться маршалъ, т. е. откроется поле для всевозможныхъ интригъ и положеніе Франціи станетъ невыносимымъ. Во всякомъ случаѣ наступило начало военнаго деспотизма... И трудно представить себѣ, что̀ можетъ еще ожидать Францію на этомъ новомъ для нея поприщѣ!

Изъ № 51 журн. „Гражданинъ" 1873 г.

Наконецъ, отъ 12-го (24-го) декабря получено изъ Берлина сколько нибудь удовлетворительное извѣстіе объ улучшеніи здоровья императора Германскаго. Телеграмма сообщаетъ: «Въ «Имперскомъ Указателѣ» извѣщаютъ, что катарръ императора Вильгельма идетъ нормальнымъ образомъ. Связанное съ катарромъ разстройство организма замѣтно ослабѣваетъ. Сегодня императоръ Вильгельмъ весь день провелъ не въ постели».

Одна характерная телеграмма изъ Парижа отъ 11-го (24-го) декабря, не смотря на то, что заключаетъ въ себѣ только слова одного частнаго и довольно неизвѣстнаго лица, облетѣла однако-же всѣ газеты Европы и замѣчена всѣми. Вотъ эта телеграмма: «Вчера друзьями мира былъ данъ банкетъ въ честь сэра Генри Ричарда, который, объясняя свое предложеніе о международномъ посредничествѣ, сказалъ, между прочимъ, что «ни одна идея не осуществляется безъ покровительства Франціи, вліяніе которой не имѣетъ себѣ равнаго, языкъ и литература которой остаются всемірными»...

Въ этихъ словахъ все дѣло въ томъ, что Франція (не смотря на униженіе свое) все еще первенствующая нація, «вліяніе которой не имѣетъ себѣ равнаго». Слова, жадно подхваченныя и выставленныя въ Парижѣ «униженными» Французами, были тотчасъ-же замѣчены торжествующими соперниками въ Германіи, а затѣмъ и всею Европой, и ужь, конечно, многими встрѣчены съ вопросительной складкой въ лицѣ и съ «покиваніемъ головъ». По нашему, въ отзывѣ сэра Ричарда, что̀ ни слово то правда. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе одного русскаго профессора (о которомъ, конечно, Французы не знаютъ), провозгласившаго съ университетской каѳедры (NB: въ царствованіе покойнаго Государя), что Французы суть нація геніальная по преимуществу, — одна изъ тѣхъ націй, которыя, такъ сказать, царятъ надъ человѣчествомъ своимъ влія-

Digitized by Google

ніемъ, и что Францію и ея вліяніе въ Европѣ весьма можно сравнить съ Аѳинами древняго міра и съ ихъ вліяніемъ на древнюю цивилизацію. Это сравненіе съ Аѳинами, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ твердое, очень однако-же привлекательно и очень нравится. Такъ или этакъ, но дѣло въ томъ, что теперь даже въ самомъ Парижѣ такіе отзывы, какъ отзывъ сэра Ричарда, считаются чрезвычайными и любопытными; а давно-ли было время, когда подобныя слова остались-бы рѣшительно незамѣченными во Франціи, почлись-бы должною данью, необходимостью, чѣмъ-то въ родѣ sine qua non, о которомъ и упоминать не стоитъ!

Геніальная нація, наслѣдовавшая древній міръ и 15 вѣковъ стоявшая во главѣ романскихъ племенъ Европы, а въ послѣдніе вѣка имѣвшая неоспоримое первенствующее вліяніе на всѣ племена Европы, почти тому вѣкъ назадъ утратила ту живую силу, которая двигала и питала ее столько столѣтій! Эта живая сила заключалась въ преимущественномъ представительствѣ Франціею европейскаго католицизма, почти съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на западѣ Европы. (Представительство это можно-бы отчасти сравнить съ тѣмъ представительствомъ восточнаго каѳолическаго (православнаго) христіанства, къ которому готовилась (а отчасти ужъ и была представительницею котораго) Россія, вплоть до пришествія императора Петра). Но въ концѣ XVIII столѣтія совершенно разорвавъ, и сознательно и *жизненно,* съ износившеюся (не по винѣ Франціи) католическою идеей, дававшей ей живую жизнь въ продолженіе столькихъ вѣковъ, Франція, (передовая, по крайней мѣрѣ, интеллигентная), въ восторженномъ изступленіи провозгласила себя на весь міръ обновительницею человѣчества на новыхъ началахъ, главною ихъ носительницею и хранительницею. «Всѣ, всѣ придите ко мнѣ!» взывала она въ пиѳическомъ упоеніи. Эти новыя начала, новыя и самостоятельныя начала человѣческихъ будущихъ обществъ, сами изъ себя исходящія и сами въ себѣ живую силу почерпающія, были уже извѣстныя европейскому человѣчеству начала выработанной имъ цивилизаціи—т. е. наука, государство и мечта о справедливости, основанной единственно на законахъ разума. Франція лишь провозгласила самостоятельность этихъ началъ революціонерно, т. е. полнѣйшую независимость ихъ отъ религіи, а вмѣстѣ съ ней и отъ всякихъ преданій. Это дѣлалось еще первый разъ въ жизни человѣчества и въ этомъ состояла сущность французской революціи.

Мы не для того заговорили обо всей этой чрезвычайно важной матеріи, чтобы въ настоящей, весьма бѣглой журнальной статьѣ, имѣющей своимъ предметомъ передачу смысла текущей минуты, о,

Digitized by Google

временной политической жизни Европы,—разсматривать революціонныя начала, сто лѣтъ уже провозглашенныя Франціей во главѣ Европы, и обсуждать ихъ по существу. Мы хотѣли только замѣтить, что никогда еще Франція, взявъ столько на плечи свои, для себя и для человѣчества, (хотя и не могла отъ того отказаться, если-бъ и хотѣла), не была такъ придавлена своимъ бременемъ, какъ въ это послѣднее, уже завершающееся столѣтіе своей исторіи. Бремя это оказалось геніальному народу совершенно не по силамъ, и предводительница человѣчества принуждена была сознаться послѣ послѣднихъ несчастій своихъ, устами лучшихъ своихъ представителей, что начало живой жизни утрачено ею чуть не совсѣмъ, источникъ изсякъ и изсохъ. Въ настоящую минуту геніальный народъ представляетъ собою странное зрѣлище и самъ понимаетъ это. Характеръ его въ томъ, что интеллигентная и владычествующая политически часть этой націи удалилась въ самосохраненіе, сознательно и уныло отреклась чуть не отъ всѣхъ такъ восторженно провозглашенныхъ идей, и безъ вѣры, но со страхомъ за свое бытіе, влекущимъ за собою деспотизмъ и насиліе, слѣдитъ, какъ полицейскій, за остальною частью націи, богатой вѣрою въ обновленіе и воскресеніе свое на новыхъ началахъ будущаго общества и бѣдной, нищей благами жизни, долго терпѣвшей, а потому готовой, какъ голодный песъ, броситься на счастливыхъ братьевъ своихъ и растерзать ихъ. Разстрѣлявъ Бабёфа, перваго человѣка, сказавшаго, еще 80 лѣтъ назадъ, пламеннымъ первымъ революціонерамъ, что вся ихъ революція, безъ сущности дѣла, есть не обновленіе общества на новыхъ началахъ, а лишь побѣда одного могучаго класса общества надъ другимъ на основаніи: otes toi de là que je m'y mette,—разстрѣлявъ этого перваго досаднаго грубіяна, предводители республики и революціи стали видѣть мало по малу, чѣмъ далѣе тѣмъ яснѣе, что вся жизнь Франціи все болѣе и болѣе обращается въ какой-то ложный миражъ, въ какую-то фантастическую картину и утрачиваетъ всякое значеніе чего нибудь живаго и необходимаго. Всѣ эти періоды—первой имперіи, реставраціи, буржуазнаго царства при Орлеанахъ, второй имперіи и т. д.—все это было какъ-бы скорѣе миражъ чѣмъ дѣйствительность; каждое изъ этихъ явленій совершенно какъ-бы могло и не быть, и великая нація въ высшей степени могла-бы обойтись безъ его *необходимости*. Ничего существеннаго не дала и не влила вся эта проходящая фантасмагорія въ душу великой націи, постоянно жаждущей живой жизни. Наконецъ, послѣдняя катастрофа страшной войны, тоже столь фантастической и *ненужной*, съ исходомъ которой какъ-бы рухнули во Франціи всѣ миражи и открылись всѣ

USSR

Digitized by Google

глаза,—эта катастрофа какъ-бы сказала каждому Французу: «Смотри, какъ ты былъ бѣденъ, и слѣпъ, и нищъ, и нагъ, и ничтоженъ въ фантастическомъ и миражномъ существованіи твоемъ,— и это вотъ уже столѣтіе!».

Переживетъ-ли геніальная нація подъ бременемъ, которое взяла на себя вѣкъ назадъ и которое должна-же она донести до конца, свой геній или сохранитъ его? Вотъ вопросъ! Устоитъ-ли ея геній въ такихъ истязаніяхъ? Не рухнетъ-ли, напротивъ, все, и уже какой нибудь новой геніальной націи предназначено будетъ Богомъ вести западное человѣчество? Все это вопросы, разумѣется, праздные, съ точки зрѣнія благоразумныхъ и дѣловыхъ людей. Тѣмъ не менѣе много сердецъ и умовъ стояли и стоятъ надъ этими вопросами во всей Европѣ, давно и непрерывно. Въ этомъ роковомъ вопросѣ о жизни и смерти Франціи, о воскресеніи или угашеніи ея великаго и симпатичнаго человѣчеству генія—можетъ быть, заключается вопросъ о жизни и смерти всего европейскаго человѣчества, что̀-бы тамъ ни сказали на это недавніе побѣдители Франціи Нѣмцы. Можетъ-ли быть Европа безъ Франціи?—этотъ вопросъ для многихъ даже и теперь немыслимъ, и вовсе не для однихъ только праздныхъ умовъ, недостойныхъ практическаго нашего вѣка. И однако, поставивъ вопросъ и, разумѣется, оставляя его безо всякаго разрѣшенія, скажемъ мимоходомъ, въ качествѣ репортера настоящей минуты, что есть нѣкоторые признаки и явленія, свидѣтельствующіе о томъ, что геніальная нація хочетъ жить изо всѣхъ силъ и что изъ этого можетъ выйти, даже и не въ весьма отдаленномъ будущемъ, очень много хлопотъ Европѣ...

Недѣлю назадъ, случилось, въ этомъ смыслѣ, во Франціи весьма эксцентрическое приключеніе, отчасти даже разсмѣшившее кое-кого изъ важныхъ людей въ Европѣ, потому что дѣйствительно приключеніе на капельку и комическое, но отъ котораго навѣрно очень многіе изъ самыхъ солидныхъ умовъ Германіи нахмурили лбы. Теперь во Франціи, въ Національномъ Собраніи, идетъ пересмотръ и утвержденіе государственнаго бюджета на будущій годъ. Замѣтимъ въ скобкахъ, что, противъ обыкновенія, во французскомъ Національномъ Собраніи, на этотъ разъ, и правительство и правая сторона весьма сочувственно отнеслись къ предложенной прибавкѣ къ бюджету министерства народнаго просвѣщенія. Но, по обыкновенію какъ Франціи, такъ и всѣхъ парламентовъ Европы, бюджеты военнаго министерства всегда подвергаются наибольшимъ атакамъ оппозицій. Всегда являются въ палатахъ представители прогресса, гуманности и либерализма, которые только и ждутъ появленія военныхъ министровъ, съ ихъ требованіями (правда, всегда неумѣренно-

1953

Digitized by Google

огромными, въ противоположность, напримѣръ, бюджетамъ министерствъ просвѣщенія всѣхъ странъ Европы, всегда до отвращенія крошечными) — чтобы напасть на нихъ, почти лично. Начинаются жестокіе упреки за огромность требованій, за ихъ непроизводительность, непрогрессивность, безполезность для націи. Сами министры обвиняются чуть-ли не въ кровожадности, и такъ какъ всѣ правительства Европы дѣйствительно обременяютъ ежегодно свои государства новыми займами по поводу военныхъ бюджетовъ, то и переживаютъ иногда, во время преній о бюджетѣ, довольно непріятныя и даже трудныя минуты, и такъ почти во всеобщемъ обыкновеніи. И вдругъ во Франціи, на этотъ разъ, и въ первый еще разъ, произошло нѣчто совсѣмъ противуположное.

Едва только военный министръ, генералъ Дюбарайль, явился съ своимъ бюджетомъ, какъ со всѣхъ концовъ палаты бросились на него съ горькими и яростными нападеніями за скудость и ничтожность его бюджета. Его упрекали за медленность преобразованія арміи, за неполноту кадровъ, за скудость перемѣнъ въ матеріальной части, за то, что онъ такъ мало требуетъ денегъ. Предложено было нѣсколько неумѣренныхъ поправокъ бюджета; упрекали, бранили и стыдили правительство.

И наконецъ, только послѣ долгаго спору, сконфузившійся военный министръ одержалъ верхъ. Смиренно сознаваясь въ скудости настоящаго бюджета, онъ, въ утѣшеніе палаты, провозгласилъ, что зато будущій бюджетъ будетъ безмѣрно великъ. Извѣстіе это произвело примиряющее и сладкое впечатлѣніе. Когда-же герцогъ Одиффре-Пакье прибавилъ къ тому, что для преобразованія одной лишь матеріальной части арміи потребуется, не далѣе какъ въ будущемъ году, до тысячи трехъ сотъ восьмидесяти милліоновъ франковъ (1.380.000.000 фр.), то заявленіе это произвело, говорятъ, совершенно отрезвляющее дѣйствіе и неумѣренныя поправки были взяты назадъ...

Поправки были взяты назадъ несомнѣнно, но отрезвляющее дѣйствіе наврядъ-ли было такъ полно, какъ предполагаютъ. И въ публикѣ, и въ журналистикѣ раздавались странные толки, а нападенія на правительство и на военнаго министра не умолкаютъ и теперь. Выставляютъ на видъ всѣ недостатки теперешней арміи, разоблачаютъ безпощадно. «Bien public», органъ Тьера (которому кое-что извѣстно ужь, конечно, не меньше другихъ) объявилъ, что во многихъ отношеніяхъ теперешняя французская армія лишь одна фантазія, что кадры слабы и ничтожны, что въ ротахъ по 30 и по 40 человѣкъ и проч. и проч.

Мы сказали, что геніальная нація хочетъ *жить*, изо всѣхъ

Digitized by Google

силъ и во что-бы то ни стало. Не будемъ разсматривать, тѣ-ли это самые шаги въ жизни, которые приличны теперь геніальной націи? Хорошо-ли это слово: «возмездіе», которое снова раздалось, по всей Франціи, по поводу этой исторіи съ бюджетомъ? И не миражна-ли, не фантастична-ли въ высшей степени эта «жизнь возмездія», на которую такъ единодушно соглашается геніальная нація, заплатившая пять милліардовъ штрафа и, не смотря на то, съ такимъ единодушіемъ готовая на новые милліарды расходовъ, лишь-бы отомстить нахальному врагу за свое нравственное и военное униженіе? Не разрѣшая этихъ вопросовъ, не можемъ однако-же не замѣтить, что, стало быть, въ странѣ, разъединенной нравственно, столь давно уже унылой и скептической, гдѣ общее чувство есть лишь самое ограниченное чувство самосохраненія и гдѣ chacun pour soi—есть первое правило, что въ странѣ этой нашлось-же однако, вдругъ и неожиданно, нѣчто такое, — что могло соединить разомъ самые разнородные элементы ея, на что безмолвно согласны всѣ ея партіи, всѣ умы, всѣ развитія, всѣ направленія и всѣ ея сословія. Нѣтъ, не такъ скоро изсякаетъ, знать, въ народахъ родникъ *непосредственной* жизни.

Можетъ быть, это-же чувство «возмездія» и даетъ Французамъ силы сносить безъ волненій и нестерпимое теперешнее свое правительство. Однимъ словомъ, можетъ быть, правительству прощается многое, хоть за то только, что оно называется правительствомъ. Еще полтора мѣсяца назадъ, это правительство имѣло хоть какую нибудь цѣль; оно мечтало возстановить Шамбора. Теперь-же оно обратилось въ одно лишь правительство интриги и держится самымъ удивительнымъ образомъ со своимъ загадочнымъ президентомъ. Но объ интригахъ и о всей злобѣ дня до другаго разу.

Не можемъ, однако, пропустить одну изъ послѣднихъ телеграммъ изъ Испаніи, по чрезвычайной ея курьезности.

«*Санъ-Себастьянъ*, 11-го (23) декабря. Сюда прибыли 10 пароходовъ, чтобы принять армію генерала Моріонеса, которая окружена карлистами въ числѣ 30,000 человѣкъ и не можетъ двинуться далѣе, не потерпѣвъ огромныхъ потерь».

И такъ вотъ до чего дошелъ главнокомандующій правительства и столь многократный (по телеграммамъ изъ Мадрида) побѣдитель донъ-Карлоса!

Съ другой стороны, Картагена, которая еще два мѣсяца назадъ должна была, по телеграммамъ, *завтра* сдаться,—держится до сихъ поръ, и такъ-же, какъ два мѣсяца назадъ, телеграммами изъ Мад-

Digitized by Google

рида, обѣщаются *завтра-же* выслать противъ картагенскихъ инсургентовъ подкрѣпленія.

Весьма можетъ быть, что всѣ эти чудеса въ Испаніи и есть нормальное ея состояніе. Неужели-же черезъ какое нибудь столѣтіе, или ближе, такая-же судьба ожидаетъ и Францію?

Изъ № 52 журн. «Гражданинъ» 1873 г.

На сей разъ мы ограничимся лишь сообщеніемъ послѣднихъ, весьма любопытныхъ новостей изъ Испаніи. Въ 71-мъ нумерѣ «Гражданина» мы закончили наше обозрѣніе сообщеніемъ телеграммъ изъ Испаніи о жалкихъ успѣхахъ генерала Моріонеса противъ арміи Донъ-Карлоса и о ничтожныхъ результатахъ, добытыхъ мадридскимъ правительствомъ у Картагены, противъ южнаго возстанія. Оба эти факта, безъ сомнѣнія, могли свидѣтельствовать о непомѣрной слабости испанскаго правительства Кастеляра. Кастеляръ, не смотря на постоянный восторженно-хвастливый тонъ всѣхъ его заявленій и сообщеній, націи и Европѣ, объ успѣхахъ своихъ, почти во все время своего управленія постоянно выказывалъ, однако, и нѣкоторое какъ-бы уныніе. Онъ постоянно заявлялъ о томъ, что надо принять мѣры энергическія, поднять духъ арміи, собрать денегъ, централизовать власть, и даже, на время, сократить нѣкоторыя естественныя вольности каждаго испанца, такъ сказать, смирить-бы и обуздать почти всеобщую анархію, хоть на время, для общаго блага. Заявлялось объ этомъ всегда робко и нерѣшительно, какъ-бы конфузясь, и оканчивалось всегда почти лишь пожеланіями. Предпринять-же дѣйствительно что нибудь рѣшительное, именно для усиленія своей власти и обузданія анархіи, правительство, кажется, ничего не смѣло, и нестолько по дѣйствительной невозможности что нибудь предпринять въ этомъ смыслѣ, сколько по собственнымъ интимнымъ, благородно-либеральнымъ убѣжденіямъ. «Пусть лучше все пропадаетъ и проваливается, но какъ-же хотя-бы на мигъ посягнуть на естественныя вольности каждаго испанца». Вотъ мысль, повидимому, крѣпившаяся въ сердцѣ столь полнаго благихъ начинаній и столь мечтавшаго быть энергическимъ правительства. Впрочемъ, въ самое послѣднее время, г. Кастеляръ какъ-бы началъ дѣйствовать энергичнѣе: сталъ говорить о продленіи своей власти и объ обезпеченіи ея, сталъ мечтать о новыхъ полномочіяхъ. Въ концѣ декабря онъ пробовалъ даже отмѣнить прежнія постановленія на счетъ печати и рѣшился прямо запретить тѣ изданія и газеты въ

Digitized by Google

Испаніи, которыя ужь слишкомъ явно будутъ возбуждать къ грабежу и проч. Но вотъ, наконецъ, собрались созванные кортесы, и телеграммы сообщаютъ слѣдующія удивительныя вещи. Кастеляръ, сильнымъ большинствомъ (120 голосовъ), былъ кортесами не одобренъ, вслѣдствіе чего немедленно подалъ въ отставку. Господа кортесы не нашли возможнымъ поддержать требованія и намѣренія Кастеляра и предпочли начать опять все сначала,—единственный и уже много разъ повторявшійся оборотъ дѣлъ въ этой несчастной странѣ, требующей, напротивъ того, по крайней мѣрѣ, во всей солидной и разсудительной части своего населенія, — постоянства, устойчивости и энергіи отъ своего правительства, чтобъ спасти страну отъ страданій и если не отъ гибели, то, по крайней мѣрѣ, отъ варварства, всегда неминуемаго послѣ столь долголѣтнихъ междоусобій.

Когда г. Кастеляръ подалъ въ отставку, кортесы немедленно предположили приступить къ избранію другаго правительства, какъ вдругъ генералъ-капитанъ Мадрида—Павія письменно обратился къ г. Сальмерону, президенту кортесовъ, и пригласилъ его *немедленно распустить собраніе кортесовъ*. Сальмеронъ (конечно, съ испугу), сталъ тотчасъ-же просить Кастеляра остаться во главѣ правительства. Г. Кастеляръ (столь глубоко оскорбленный кортесами)—отказался. Тогда, слѣдуя странному разсказу телеграммы, генералъ Павія нагрянулъ на избранниковъ народа (по военному), съ войсками и пушками, осадилъ залу кортесовъ, и разогналъ ихъ всѣхъ до единаго: «вотъ, дескать, во что̀ мы стали цѣнить народное представительство!» Затѣмъ телеграмма отъ 23 декабря (4 января) гласитъ, что образовалось новое министерство, подъ предсѣдательствомъ маршала Серрано, изъ гг. Сагасты, Фигуеролы, Цабалы, Эчегаре, Рюица и адмирала Топете.

Что̀ сдѣлаетъ это новое правительство, если устоитъ, какой характеръ приметъ оно, какъ «начнетъ все сначала», т. е. все это безконечно-трудное дѣло умиротворенія и соглашенія страны, погибающей отъ претендентовъ, отъ разбойниковъ, отъ коммунистовъ, отъ безтолковыхъ партій, почти переставшихъ понимать языкъ человѣческій, отъ внутренняго слабосилія, безначалія, и, повидимому, уже нормально укоренившагося беззаконія—все это вопросъ тугой и на который рѣшительно не представляется ни уму, ни даже воображенію никакого рѣшенія. Въ этой странѣ беззаконіе до того укоренилось, что уже, кажется, принимается за гражданскую свободу, а слѣдовательно за естественное право каждаго испанца, — взглядъ, можетъ быть, отчасти раздѣляемый и бывшими правительствами Испаніи, по крайней мѣрѣ, судя по нѣкоторымъ фактам.

Digitized by Google

послѣдняго года. Никогда еще Испанія не была доведена до такого безначальнаго состоянія. Семилѣтняя революція и междоусобіе ея въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія не могутъ идти въ сравненіе съ настоящимъ порядкомъ вещей, ибо тогда междоусобіе было твердо ограничено лишь двумя только партіями — христиносовъ и карлистовъ, и обѣ партіи имѣли одинаково въ себя вѣру и не сомнѣвались, что достиженіе ими своей цѣли умиротворитъ Испанію и осчастливитъ ее надолго. Нынче врядъ-ли хоть одна партія, даже самая партія Донъ-Карлоса (не смотря на все политическое легкомысліе, столь свойственное вообще католическому духовенству, представители котораго поддерживаютъ и сопровождаютъ претендента)— врядъ-ли хоть одна партія вѣритъ серьезно въ умиротвореніе всей Испаніи даже и при достиженіи цѣлей своихъ. Одна лишь партія коммунистовъ, хотя и весьма недавняя, но крѣпко и успѣшно принявшаяся въ подготовленной почвѣ, ни надъ чѣмъ, кажется, не задумывается и вѣритъ въ возможность всеобщаго грабежа богатыхъ бѣдными, если и не сейчасъ, то въ весьма не отдаленномъ будущемъ. Правда, въ кортесахъ есть партія чрезвычайно идеальныхъ и утонченныхъ республиканцевъ, *чистыхъ*, безъ примѣси коммунизма, серьезно вѣрующихъ въ республику, и въ то, что однимъ лишь провозглашеніемъ республики должны залечиться всѣ раны Испаніи. Къ этой партіи частію принадлежало, во все послѣднее время, и правительство Испаніи, но врядъ-ли и эта партія такъ твердо въ себя теперь вѣруетъ. Гдѣ и въ чемъ обрѣтетъ несчастная нація вновь потерянное единство и гражданскую связь — вотъ вопросъ, столь обыкновенный, впрочемъ, теперь, при взглядѣ на судьбу почти всей западной половины государствъ европейскаго материка.

PS. Вотъ только что сообщенная телеграмма отъ 26-го декабря (7-го января) изъ Мадрида:

«Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ къ губернаторамъ провинцій циркуляръ, въ которомъ хвалитъ энергію и безкорыстіе мадридскаго генералъ-капитана Пивіи. Въ циркулярѣ сказано, что кортесы, осудивъ разсудительный образъ дѣйствій Кастеляра, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали какъ-бы постановленіе о раздробленіи страны. Правительство, по словамъ циркуляра, не нарушило законовъ, сдѣлавшись выраженіемъ народной воли, и что оно постарается возстановить порядокъ энергическими средствами».

Итакъ, новое правительство, повидимому, укрѣпляется.

Оно хвалитъ образъ дѣйствіе генералъ-капитана и, можетъ быть, имѣетъ въ этомъ резонъ. По всѣмъ свѣдѣніямъ, Мадридъ принялъ

Digitized by Google

новый переворотъ спокойно, а изъ провинцій новое правительство получило уже нѣсколько поздравленій съ успѣхомъ. Кажется, правительство желаетъ принять характеръ временнаго, установившагося единственно лишь для освобожденія территоріи отъ карлистовъ и отъ бунтовщиковъ. Потомъ-же испанцамъ снова будутъ возвращены права и вопросъ о формѣ правленія рѣшится всенароднымъ голосованіемъ.

Причиною низверженія кортесами Кастеляра было, какъ пишутъ, несогласіе его съ Сальмерономъ, президентомъ кортесовъ, требовавшимъ отъ Кастеляра нѣкоторыхъ уступокъ и удаленія нѣкоторыхъ подозрительныхъ лицъ (въ томъ числѣ и генералъ-капитана Павію).

Новое правительство и новое министерство все принадлежитъ, говорятъ, къ приверженцамъ претендента донъ-Альфонса и склонно скорѣе къ либеральному монархическому образу правленія, чѣмъ къ республиканскому.

Изъ № 1 журн. «Гражданинъ» 1874 г.

истекшій годъ мало что разъяснилъ и разрѣшилъ въ политической жизни Европы: напротивъ, даже оставилъ по себѣ много чрезвычайно важныхъ недоумѣній.

Мы говоримъ о Европѣ. Что до Россіи—истекшій годъ собственно внѣшне-политической ея жизни ознаменовался для нея нѣсколькими весьма пріятными событіями. Покореніе хивинскаго хана еще разъ заставило русскихъ гордиться своею арміей, а въ Европѣ, гдѣ на этотъ разъ съумѣли оцѣнить важность событія, подвигъ русскихъ войскъ возбудилъ даже удивленіе. Фактъ, что Европа удивляется, наконецъ, русскому воину и составляетъ, по настоящему, истинную «военную важность» этого событія; что-же касается собственно до нашихъ матеріальныхъ выгодъ отъ занятія Хивы, то онѣ давно уже разъяснены до очевидности, и мы считаемъ лишнимъ перечислять ихъ. По крайней мѣрѣ, русская средне-азіатская политика твердо можетъ теперь надѣяться достигнуть вполнѣ своихъ цѣлей.

Въ настоящую минуту многіе убѣждены, у насъ и въ Европѣ, что даже и Англія стала, наконецъ, смотрѣть на успѣхи наши въ Азіи съ нѣсколько бо́льшею къ намъ довѣрчивостью. Здѣсь опять-таки все дѣло въ будущемъ.

Хотя безо всякаго сомнѣнія наступающій брачный союзъ Его Высочества Принца Альфреда съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Маріею Александровною и не можетъ быть раз-

Digitized by Google

сматриваемъ единственно съ точки зрѣнія политической, тѣмъ не менѣе, это прекрасное и благословляемое Русскою землею событіе не можетъ не повліять и на укрѣпленіе тѣхъ взаимныхъ симпатій двухъ великихъ націй, тѣхъ новыхъ залоговъ дружелюбнаго взаимнаго расположенія, изъ которыхъ впослѣдствіи могли-бы произойти даже великіе результаты.

Россія не боится чтобъ ее все болѣе и болѣе узнавали въ Европѣ; напротивъ, желаетъ того. Правда, Европа до сихъ поръ никогда не вѣрила въ этомъ отношеніи Россіи. Вся политическая жизнь Россіи въ продолженіи всего, можетъ быть, девятнадцатаго столѣтія, въ сущности была лишь жертвою ея Европѣ чуть не всѣми своими интересами. И что-же въ результатѣ? Повѣрила-ли хоть разъ Европа политическому безкорыстію Россіи и не заподозрила-ли ее, почти всегда, въ самыхъ коварныхъ намѣреніяхъ противъ европейской цивилизаціи? Правда и то, что Россія до того уже бывала иногда безкорыстною, что и равнодушный наблюдатель могъ-бы не повѣрить, наконецъ, такой феноменальной ея любви къ Европѣ и по неволѣ могъ заподозрить въ ея политикѣ хитрость, скрытность и ложь; тѣмъ болѣе наблюдатель заинтересованный, у котораго у самого постоянно бывало рыльце въ пушку!

Нѣкоторые обозрѣватели называютъ истекшій годъ—годомъ свиданій европейскихъ государей. Дѣйствительно, свиданій было довольно, и весьма значительныхъ. Важнѣйшими, разумѣется, были свиданія Императоровъ Всероссійскаго и Германскаго въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ Императоровъ Всероссійскаго и Австрійскаго въ Вѣнѣ. Затѣмъ въ Вѣнѣ-же Императоровъ Германскаго и Австрійскаго. Наслѣдный Принцъ Германскій посѣтилъ Королей Датскаго и Шведскаго. Король Викторъ Эммануилъ былъ въ Берлинѣ и даже въ Вѣнѣ, у бывшаго врага своего и соперника Императора Австрійскаго.

Эти свиданія Короля Итальянскаго съ двумя могущественнѣйшими изъ властителей Европы произвели въ подданныхъ его, въ Римѣ и во всей Италіи, восторгъ. Да и, безъ сомнѣнія, всѣ эти свиданія государей европейскихъ, полныя дружества и высокаго чистосердечія, должны были радовать Европу и ободрить пессимистовъ. Тѣмъ не менѣе, истекшій годъ всетаки оставляетъ по себѣ нѣсколько важныхъ загадокъ, склоняющихъ иные умы, ну, хоть изъ тѣхъ, которымъ есть время задуматься, съ недовѣрчивостью заглянуть въ будущее, конечно, въ будущее Европы. Мы продолжаемъ говорить собственно о Европѣ.

Истекшій годъ, годъ «свиданій европейскихъ монарховъ», можно-бы тоже назвать и годомъ укрѣпленія религіозныхъ смутъ въ Ев-

Digitized by Google

ропѣ. Безъ сомнѣнія, странно было-бы предсказывать въ нашемъ XIX-мъ и столь просвѣщенномъ вѣкѣ воскресеніе религіозныхъ смутъ, а, можетъ быть, и войнъ, приличныхъ лишь варварству среднихъ вѣковъ. Мы не предсказываемъ и даже весьма отъ того далеки; тѣмъ не менѣе наклонны считать весь этотъ «религіозный вопросъ», столь обозначившійся въ прошломъ году одною изъ самыхъ важнѣйшихъ загадокъ прошлаго года. Въ продолженіи года, мы въ «Гражданинѣ» намекали на это неоднократно. Дѣло мы разсматривали такъ: Папское Non possumus мы считаемъ на столько серьезнымъ, что воплощаемъ въ немъ—жизнь и смерть самой религіи въ Европѣ. О протестантскихъ вѣрахъ мы и упоминать не хотимъ, ибо, еслибъ кончилось римское католичество—то какимъ образомъ могли-бы удержаться вѣры, сущность которыхъ составляетъ протестъ противъ католичества? Ибо если нѣтъ противъ чего протестовать, то зачѣмъ оставаться и протесту? Но римская Церковь, опять-таки, въ томъ видѣ въ какомъ она состоитъ теперь—существовать не можетъ. Она заявила объ этомъ громко сама, заявивъ тѣмъ самымъ, что царство ея отъ міра сего и что Христосъ ея «безъ царства земнаго удержаться на свѣтѣ не можетъ». Идею римскаго свѣтскаго владычества католическая Церковь вознесла выше правды и Бога; съ тою-же цѣлью провозгласила и непогрѣшимость вождя своего, и провозгласила именно тогда, когда уже въ Римъ стучалась и входила свѣтская власть: совпаденіе замѣчательное и свидѣтельствующее о «концѣ концевъ». До самаго паденія Наполеона III Церковь римская могла еще надѣяться на покровительство царей, которыми держалась (именно Франціею) вотъ уже сколько вѣковъ. Чуть только оставила ее Франція—пала и свѣтская власть Церкви. Между тѣмъ Церковь католическая этой власти своей ни за что, никогда и никому не уступитъ и лучше согласится, чтобъ погибло христіанство совсѣмъ, чѣмъ погибнуть свѣтскому царству Церкви. Мы знаемъ, что многіе изъ мудрыхъ міра сего встрѣтятъ нашу идею съ улыбкою и съ покиваніемъ главы; но мы твердо отстаиваемъ ее, и провозглашаемъ еще разъ, что нѣтъ теперь въ Европѣ вопроса, который-бы труднѣе было разрѣшить, какъ вопросъ католическій; и что нѣтъ и не будетъ отнынѣ въ будущемъ Европы такого политическаго и «соціальнаго» затрудненія, къ которому-бы не примазался и съ которымъ не соединился-бы католическій римскій вопросъ. Однимъ словомъ, для Европы нѣтъ ничего труднѣе, какъ разрѣшеніе этого вопроса въ будущемъ, хотя 99/100 европейцевъ въ данную минуту, можетъ быть, и не думаютъ даже о томъ.

Мы сообщали читателямъ нашимъ нѣкоторыя замѣчанія наши

Digitized by Google

въ продолженіи года, на счетъ того любопытнѣйшаго обстоятельства, что по нѣкоторымъ признакамъ какъ-бы оправдывается догадка, что католическая Церковь, для возстановленія правъ своихъ, наклонна даже соединиться съ чернымъ народомъ и впредь уже оставить царей (правда, цари сами ее оставили). Не станемъ теперь особенно останавливаться на этой догадкѣ, но повторимъ лишь сказанное прежде, что однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ политическихъ событій истекшаго года въ Европѣ была переписка папы и германскаго императора. Въ отвѣтѣ своемъ папа заявилъ, что онъ отецъ и покровитель, посланный самимъ Богомъ, всѣмъ христіанамъ, какого-бы толка они ни были, признаютъ или не признаютъ они его главою, были-бы лишь крещены.

Когда римское правительство опредѣлило и поднесло папѣ три милліона франковъ годоваго содержанія, то ужь, конечно, отчасти вѣрило и надѣялось, что онъ приметъ этотъ, весьма впрочемъ пріятный, бюджетъ. Еслибъ папа принялъ, то тѣмъ самымъ согласился-бы на statu quo и *кончилась-бы римское католичество*, а на мѣсто его началось-бы нѣчто совсѣмъ иное и еще неизвѣстное. Но папа не принялъ. Теперь иные надѣются, что приметъ слѣдующій папа.

84-хъ-лѣтній папа Пій IX, хотя и боится ужасно смерти (по слухамъ), знаетъ однако, что ему скоро умереть, но знаетъ сверхъ того, что и слѣдующій за нимъ папа, кто-бы онъ ни былъ, не приметъ тоже никакого бюджета и тоже будетъ отвѣчать всѣмъ и каждому non possumus, какъ онъ, Пій IX.

Между тѣмъ, хотя императоръ германскій, въ своемъ свѣтѣ на письмо папы, и отвѣчалъ ему строго и свысока, тѣмъ не менѣе, въ Германіи смотрятъ на теперешнее положеніе римской Церкви, повидимому, нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ правительство итальянское. Иначе чѣмъ объяснить то странное, казалось-бы не въ мѣру усиленное гоненіе римскаго (ультрамонтанскаго) католичества въ Германіи? Серьезно можно подумать, что колоссальная новая имперія, у которой столь много другихъ затрудненій и новыхъ вопросовъ, смотритъ на вопросъ католическій какъ на важнѣйшій изъ всѣхъ. И что-же: такъ, кажется, оно и есть въ самомъ дѣлѣ! Странно, конечно, представить, что такое могущественное государство, и во главѣ его такіе могущественные властители и правители, могли-бы испугаться какихъ нибудь «смѣшнѣйшихъ» ультрамонтанскихъ претензій безсильнаго жалкаго монаха,—и когда-же?—въ вѣкъ девятнадцатый, въ вѣкъ философіи, машинъ и такого просвѣщенія! Къ тому-же возбуждать среди индифферентизма фанатизмъ гоненіемъ Церкви было-бы грубѣйшею ошибкою, что̀ для такихъ образован-

Digitized by Google

ныхъ людей, какъ напримѣръ графъ Бисмаркъ, не могло-бы оставаться и минуты неяснымъ. Кромѣ того, дѣйствуя противъ Церкви, а особенно послѣдними законами о гражданскомъ бракѣ, графъ Бисмаркъ, повидимому, дѣйствуетъ за одно съ ненавистниками Церкви, и не одной католической, а и всякой христіанской Церкви, за одно съ врагами ея, съ атеистами и соціалистами. Такимъ образомъ, съ двухъ концовъ возбуждаются два противуположные одинъ другому фанатизма, фанатизма вѣры и отрицанія. Ловко-ли это для такого колоссальнаго государственнаго человѣка какъ графъ Бисмаркъ? И не слѣдуетъ-ли изъ того опять-таки и во всякомъ случаѣ, что римскій вопросъ сочтенъ такими глубокими государственными людьми за одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ судьбахъ будущей Германской Имперіи? Иначе не жертвовали-бы они, для преодолѣнія его, такими важными интересами.

Разрѣшать такіе важные вопросы, какіе мы теперь наставили, мы, конечно, здѣсь не возьмемся; но повторимъ лишь догадку, уже проведенную нами въ продолженіи года: Что̀ если, графъ Бисмаркъ, или лучше сказать—что̀, если Германія считаетъ будущую, новую и уже окончательную встрѣчу свою съ Французами всѣхъ ближе возможною—на точкѣ римскаго вопроса? Сообразимъ лишь то: какъ ни случайно, повидимому, вышла бывшая ужасная франко-прусская война, но теперь, уже по окончаніи ея, ни Германія, ни Франція не могутъ смотрѣть на происшедшую ужасную встрѣчу свою, какъ на нѣчто случайно-политическое, наполеоновское. Германія, столь много вѣковъ имѣвшая у себя все—богатство, цивилизацію, науку, и не имѣвшая лишь одного, самаго для себя желаемаго — политическаго единства, должна-же была окончательно убѣдиться (о чемъ, впрочемъ, знала сотни лѣтъ), что единства политическаго она не могла и не можетъ имѣть, пока во главѣ Европы стоитъ геній Франціи; что второстепенною ролью, какъ какая нибудь Италія, она, Германія, не можетъ въ Европѣ удовольствоваться, но что двѣ предводительницы Европы не могли-бы совмѣстно существовать. Что тутъ, наконецъ, вопросъ духа, жизни и идеаловъ, что идеалы цивилизацій западно-католической и германской различны въ конецъ и несовмѣстимы. Что франко-прусская война была ничто иное какъ встрѣча двухъ европейскихъ цивилизацій, католической и протестантской, французской и германской цивилизацій, несовмѣстныхъ и противоположныхъ, и уже много вѣковъ приготовлявшихся встрѣтиться. Съ другой стороны, Франція, уже 1000 лѣтъ представительница западнаго католицизма, не можетъ не понять, даже и теперь, что она останется предводительницею всего европейскаго католичества, даже и при видимомъ теперешнемъ распаденіи его, не

Digitized by Google

иначе какъ если прибудетъ въ самомъ дѣлѣ вѣрна католичеству и идеѣ его.

Мы хотимъ только сказать, что возрожденіе католицизма, въ смыслѣ *главной идеи націи*, вовсе, можетъ быть, не такъ невозможно во Франціи, какъ думаютъ многіе. Все, что̀ происходило во Франціи въ продолженіе послѣдняго вѣка, вѣка безпрерывнаго колебанія революціоннаго, могло-бы отчасти служить подтвержденіемъ такой догадки. Перебирать прошлое не будемъ, но обратимъ вниманіе хотя-бы лишь на то, что въ продолженіе всего послѣдняго столѣтія всѣ столь разнообразныя правительства Франціи (короли, республики, Наполеонъ III), всѣ поддерживали папу съ мечомъ въ рукѣ, или готовы были поддерживать, всѣ стояли за Римъ и за свѣтскую власть его. Графъ Бисмаркъ не можетъ не предчувствовать, хотя-бы отчасти, что Франція никогда не помирится съ второстепеннымъ мѣстомъ въ Европѣ и съ военною неудачею и что это для нея своего рода non possumus. Почему не предвидѣть ему тоже, что Франція, не разбитая, а раздавленная столь недавно, и могшая вдругъ удивить весь міръ своимъ богатствомъ и (главное) кредитомъ, что̀ было для графа Бисмарка такою неожиданностью, что эта Франція, наконецъ, въ несчастіи своемъ возбудившая къ себѣ столько симпатій въ Европѣ (что̀ слишкомъ очевидно теперь даже и для Германіи, смотрящей на это съ завистью),—почему-же не предчувствовать ему, что дѣло съ этой Франціей, стало быть, далеко еще не кончено, что встрѣча еще разъ неминуема, что еще разъ споръ о первенствѣ не можетъ миновать, даже по самому существу вещей, и что споръ этотъ будетъ споромъ на жизнь и смерть. Что дѣло это не только не кончено, а едва лишь начинается. А что, такъ какъ, наконецъ, этотъ споръ будетъ споромъ двухъ, столь различныхъ европейскихъ цивилизацій — споромъ рѣшительнымъ и окончательнымъ,—то почему-же не предполагать ему, что и сшибка окончательная произойдетъ именно на главнѣйшихъ точкахъ этихъ столь враждебныхъ цивилизацій, а именно на католической и, отрицающей ее, протестантской точкѣ?

Не развиваемъ этой столь длинной идеи; для насъ довольно и того, что мы такъ рѣзко ее обозначили. Мы хотѣли только сказать, что, добивая католичество въ самомъ центрѣ его, графъ Бисмаркъ, можетъ быть, продолжаетъ франко-прусскую кампанію и—приготовляется къ новой. Ловко-ли, нѣтъ-ли дѣйствуетъ—это еще вопросъ, но смотритъ онъ зорко.

Почти въ этомъ смыслѣ есть одна изъ самыхъ послѣднихъ телеграммъ, до крайности характерная.

Digitized by Google

Недѣли двѣ назадъ, во Франціи и Германіи придали, повидимому, необыкновенную и несоразмѣрную важность одному довольно мелкому событію. Два французскихъ епископа, Нимскій и Анжерскій, заявили публично своимъ прихожанамъ, что ихъ Церковь въ Германіи страдаетъ, преслѣдуема и проч. и проч. Ну что-бы, кажется, важнаго въ томъ, что два какіе-то попа провозгласили у себя въ приходѣ? Между тѣмъ вдругъ пронесся слухъ по всей Франціи и Германіи, что графъ Арнимъ, посланникъ Германіи, протестовалъ и настойчиво жаловался французскому правительству. Поднялись толки въ журналахъ (и претревожные) о томъ: правда это или нѣтъ? Если правда, то что отвѣчало правительство? Съ достоинствомъ или безъ достоинства? Правда-ли, что былъ въ этомъ смыслѣ внушительный циркуляръ французскаго правительства французскому духовенству?

(NB. Замѣтимъ въ скобкахъ, что французское духовенство, столь враждебное догмату непогрѣшимости, до собора и на самомъ соборѣ, вдругъ, по провозглашеніи догмата, и по немедленномъ затѣмъ паденіи папской власти, обратилось все почти, въ огромномъ большинствѣ своихъ предстоятелей, въ самыхъ фанатическихъ, можно сказать, приверженцевъ новаго догмата, между всѣмъ католичествомъ всей Европы. Фактъ чрезвычайно знаменательный для оцѣнки силы католической идеи во Франціи,—и теперь и въ будущемъ).

Наконецъ, оказалось, что запросъ былъ, что правительство отвѣчало и выяснилось уклончиво, выставляя на видъ графу Арниму, что оно не имѣетъ такого вліянія на своихъ епископовъ, какъ это у нихъ въ Германіи; но циркуляръ епископамъ всетаки обѣщало, и что циркуляръ дѣйствительно состоялся,—правда, слишкомъ мягкій, чтобъ успокоить графа Бисмарка, но все-же довольно постыдный для французскаго правительства. Но, что всего важнѣе, тотъ фактъ, что Германія придала такому мелкому дѣлу такіе политическіе размѣры, и явилась съ требованіями, почти забывъ о томъ, что уже вывела свои войска изъ Франціи и что все-же говорить слѣдуетъ теперь инымъ языкомъ,—этотъ фактъ, кажется, нисколько не удивилъ французское правительство, и даже самихъ Французовъ.

Мало того—возбужденіе продолжается, и хотя уже прошло много времени, но вотъ однако сегодняшняя телеграмма изъ Берлина, которую и выписываемъ:

«Берлинъ. 3 (15) января. Въ «Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ» напечатана сегодня статья объ отношеніяхъ Германіи къ Франціи, причемъ объявляется, что поводы къ разногласіямъ подаются исключительно Франціей, но они не касаются германскихъ политическихъ интересовъ. Виды на міръ, по словамъ названной

Digitized by Google

газеты, зависятъ отъ того, какое положеніе приметъ французское правительство относительно ультрамонтановъ. Надежды на миръ утратятся, если французская политика предоставитъ себя въ распоряженіе свѣтскихъ притязаній папства».

Такія слова какъ «виды на миръ» и «надежды на миръ утратятся» по меньшей мѣрѣ, удивительны: сомнѣнія тоже нѣтъ, что имѣютъ характеръ оффиціозный (если не оффиціальный). Трудно утверждать послѣ этого, что Германія не предугадываетъ, что встрѣча ея съ Франціей произойдетъ на католической почвѣ.

Въ будущій годъ переходитъ и еще загадка, болѣе чѣмъ когда нибудь загадочная. Это теперешнее французское правительство. Возможности нѣтъ представить себѣ, чтобы не было въ будущемъ году еще разъ переворота во Франціи. Все раздробилось на партіи и прежнее большинство, низвергнувшее Тьера, давно уже лишилось прежняго своего характера. О послѣднихъ событіяхъ во Франціи, довольно, впрочемъ, неважныхъ, хотя и характерныхъ, поговоримъ въ слѣдующемъ обозрѣніи.

Послѣднія телеграммы возвѣщаютъ, наконецъ, о сдачѣ Картагены. Подробности еще мало извѣстны. Всего-же любопытнѣе, что генералъ Контрерасъ (главный начальникъ возставшихъ мерзавцевъ, грабившій сосѣдніе испанскіе города, угрожавшій жителямъ взорвать городъ, въ случаѣ ихъ малодушія, и серьезно объявившій нѣмецкому консулу, что Кантонъ Мурція долженъ будетъ объявить войну Германской Имперіи), затѣмъ Гальвесъ (объявившій, что все имущество картагенцевъ принадлежитъ имъ, шефамъ возстанія) и, наконецъ, всѣ члены Картагенской юнты и множество остальныхъ бунтовщиковъ, въ числѣ 2,500 человѣкъ въ рѣшительную минуту захватили броненосный корабль Нуманцію и бѣжали въ Оранъ (на африканскомъ берегу), гдѣ и сдались Французамъ. Все это навѣрно у нихъ было предвидѣно и условлено давно уже прежде. Такимъ образомъ, послѣ шестимѣсячнаго разврата и разбоя, имъ стоило только, съ награбленною добычею, убѣжать, чуть не съ почетомъ пройдя мимо пяти военныхъ кораблей. Разумѣется, они обратятся теперь въ наипочтеннѣйшихъ политическихъ эмигрантовъ, а при первомъ удобномъ случаѣ явятся тотчасъ-же въ Испанію—опять разбойничать.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДВѢ ЗАМѢТКИ РЕДАКТОРА.*)

I.

Мы съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщаемъ въ «Гражданинѣ» это письмо слушательницы московскихъ курсовъ. Не будемъ очень противорѣчить нѣкоторымъ особымъ убѣжденіямъ автора, напримѣръ, о «здоровомъ воздухѣ» Москвы. Самъ-же авторъ свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ нельзя безъ сплетней,—а ужь это одно не совсѣмъ здоровая черта московскаго воздуха. Мы всегда готовы согласиться, что Москва лучше, чѣмъ Петербургъ, но что она хороша абсолютно—это уже совсѣмъ другой вопросъ.

Во всякомъ случаѣ, благодаримъ прежде всего за нѣкоторое сочувствіе, выказанное многоуважаемой корреспонденткой нашему изданію. Не смотря, однако, на сочувствіе, цѣль ея письма—опровергнуть на фактѣ наше заявленіе въ 22 № «Гражданина» о «*неудачныхъ*» доселѣ опытахъ допущенія у насъ женщинъ къ университетскому и медицинскому образованію in corpore. Авторъ является теперь съ частнымъ случаемъ основанія высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ и, выражая прекрасныя и благородныя чувства, радуется успѣшному началу дѣла. Мы, пожалуй, пойдемъ еще далѣе въ вѣрѣ: мы вѣримъ и убѣждены заранѣе, что большинство московскихъ слушательницъ доведутъ свои занятія до конца съ полнымъ успѣхомъ. Свидѣтельствуемъ громко, что никто болѣе насъ не увѣренъ въ чистотѣ чувствъ и въ искренности жажды образованія нашихъ стремящихся къ образованію женщинъ. Мы только думаемъ, что эта искренность и чистота добраго намѣренія

*) № 27 „Гражданина“ 1873 г.

Digitized by Google

могутъ быть, и весьма часто, дурно направлены, подпасть вліянію иной предвзятой мысли, имѣющей мало общаго съ настоящимъ просвѣщеніемъ. Если въ Москвѣ случилось не то, если отъ слушательницъ до профессоровъ,—всѣ служили единственно однѣмъ только цѣлямъ просвѣщенія, то мы первые этому радуемся и привѣтствуемъ прекрасное событіе. Увѣряемъ васъ, г. авторъ письма, что радуемся еще больше другихъ, ибо случилось только то, чего мы сами желали, что̀ призывали, о чемъ сами заявили.

Припомнимъ-же, чего мы пожелали и о чемъ заявили въ 22 № «Гражданина».

«1) Строгая учебная дисциплина можетъ быть введена и имѣть цѣлью требовать отъ женщинъ непремѣнно ученія, безо всякихъ послабленій въ ихъ пользу, и немедленно исключать тѣхъ изъ нихъ, которыя не учатся или учатся дурно».

«2) Малѣйшее нарушеніе правилъ нравственности должно повлечь за собою немедленное исключеніе женщины изъ числа учащихся».

«3) Ежегодные экзамены должны быть безусловно строги».

И вотъ за такія желанія или подобныя имъ, насъ обыкновенно объявляютъ въ печати и обществѣ—ретроградами. По крайней мѣрѣ, теперь, послѣ вашего заявленія о московскихъ курсахъ, мы уже не одни будемъ ретроградами, а во первыхъ, вмѣстѣ съ профессорами московскихъ женскихъ курсовъ, исполнившими свое дѣло точь въ точь какъ мы того пожелали; во вторыхъ, вмѣстѣ съ слушательницами, приходившими единственно для своего образованія и ни для чего болѣе, и, наконецъ, съ вами самими, радующейся въ своемъ письмѣ и на профессоровъ и на слушательницъ.

Правда, мы еще написали въ статьѣ 22 № «Гражданина», что у насъ: «нравственная фальшь поражаетъ всякаго, кто имѣетъ случай ближе присматриваться къ міру женщинъ, выдѣляющихся изъ общей массы, для полученія высшаго образованія», и что «женщины эти получаютъ какую-то увѣренность въ томъ, что, обучаясь высшему курсу наукъ или медицинѣ, *онѣ въ то-же время и по тому самому являются дѣятельницами въ разрѣшеніи какого-то современнаго женскаго вопроса*».

Ну, вотъ въ томъ-то и вся *бѣда*, что мы это написали. Къ этому и придрались; да и какъ было не придраться: сущность дѣла пока еще такова, что ее можно понять какъ угодно, придраться къ чему угодно и выставить въ свѣтѣ какомъ угодно. Произнесено самое неопредѣленное и спорное современное слово, «женскій вопросъ», и какъ-же было не выйти путаницѣ?

Объ этой *бѣдѣ* мы не будемъ теперь говорить; заявимъ лишь одно нашей корреспонденткѣ: Вы именно хотѣли доказать вашимъ

Digitized by Google

письмомъ, что на московскихъ женскихъ курсахъ такихъ слушательницъ не было, что ни одна изъ нихъ не задавалась задачею «явиться дѣятельницею въ разрѣшеніи какого-то современнаго женскаго вопроса», а всѣ *просто учились*; что, стало быть, могутъ быть слушательницы и безъ «фальши» и что, наконецъ, можетъ быть и очень большое число русскихъ слушательницъ окажутся «безъ фальши» и что мы, стало быть, преувеличили.

Если мы преувеличили—мы, опять-таки, первые тому обрадуемся. Въ томъ, что у насъ явятся слушательницы безо всякой «фальши» въ самомъ ближайшемъ будущемъ — мы и сами увѣрены; но что доселѣ было довольно фальши — можете-ли вы отрицать? Если мы про это сказали открыто, не прикрашивая дѣла, то сказали именно потому, что отъ всей души желаемъ нашимъ женщинамъ настоящаго, а не фальшиваго образованія. Что-же касается до мечты «явиться дѣятельницею въ разрѣшеніи какого-то женскаго вопроса», то мы на это замѣтимъ вотъ что: явиться слушательницею высшихъ курсовъ съ мыслію и надеждой образовать себя, пріобрѣсть тѣмъ высшія духовныя силы, пріобрѣсть средства быть черезъ образованіе болѣе обезпеченною и вооруженною въ несчастныхъ случаяхъ жизни; кромѣ того, вознестись до благороднаго понятія, что всеобщее образованіе женщины внесетъ новую, великую интеллигентную и нравственную силу въ судьбы общества и человѣчества, — эта мысль, заявляемъ мы, эта надежда — не только возвышенна, прекрасна и желательна въ душѣ каждой слушательницы будущихъ высшихъ курсовъ въ Россіи, но именно есть начало единственнаго и настоящаго разрѣшенія «женскаго вопроса» и у насъ и въ Европѣ и вездѣ, начало настоящей правильной постановки его! Въ этомъ смыслѣ пусть всякая слушательница мечтаетъ о будущей своей дѣятельности въ разрѣшеніи женскаго вопроса, садясь на студентскую скамейку. Но увѣрены-ли вы, спрашиваемъ опять, что всѣ слушательницы женскихъ курсовъ садятся теперь, хотя-бы даже и у васъ въ Москвѣ, на студентскую скамью съ яснымъ сознаніемъ того чего хотятъ и не путаются въ пустопорожнихъ теоріяхъ? И вотъ, единственно потому мы и желали, въ трехъ нами выписанныхъ изъ нашей статьи пунктахъ, чтобъ женщины являлись прежде всего учиться и чтобы требовать отъ нихъ непремѣнно ученія, самымъ строжайшимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ мы много надѣемся на науку. Настоящая, строгая наука изгонитъ всякую фальшь, всякую постороннюю и ложную идею, засѣвшую въ иную еще непривыкшую къ идеямъ женскую голову и навѣянную какимъ нибудь постороннимъ, обыкновенно мужскимъ вліяніемъ. Чего-же мы хотимъ, стало быть, какъ не женской самостоятельности, самостоя-

Digitized by Google

тельности ума и сердца женщины, прежде всего? Противники мы женскаго образованія, какъ насъ окричали, да или нѣтъ?

Вы говорите въ одномъ мѣстѣ вашего письма, что мы рѣшились высказать свою мысль «не боясь потерять популярность». Увы, мы въ высшей степени сознаемъ, что ее потеряли! Мы дорожимъ лишь тѣмъ, что пользуемся нѣкоторой симпатіей нѣсколькихъ толковыхъ людей, которые, въ наше время всеобщаго лакейства мысли, рѣшились смѣть

Свое сужденіе имѣть.

А надежды наши лишь въ томъ, что кругъ этихъ людей несомнѣнно и замѣтно увеличивается. Еще разъ благодаримъ за письмо и просимъ и на будущее время извѣстій о судьбѣ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Мы слишкомъ неравнодушны къ ихъ успѣхамъ.

II.

Кстати, теперь ровно полугодіе нашему изданію за нынѣшній годъ. Можно-бы, воспользовавшись случаемъ, кое-что сказать о нашей дѣятельности и о нашихъ редакторскихъ усиліяхъ; помечтать и пооткровенничать, спросить въ слухъ: что̀ мы сдѣлали и чего не сдѣлали, что̀ высказали и чего не могли высказать? и проч. и проч.—какъ всегда дѣлаютъ, когда пишутъ объявленія объ изданіи журнала на будущій годъ. Но мы все это отложимъ и отвѣтимъ только на нѣсколько разъ предлагавшійся намъ со стороны вопросъ: Почему мы такъ мало или совсѣмъ даже не отвѣчаемъ на критики, нападенія и ругательства, которыя сыплются на насъ безпрерывно; которыя особенно сыпались въ началѣ года и навѣрно будутъ сыпаться въ концѣ его, передъ началомъ подписки на будущій годъ? Теперь дошло до того, что мы стали выручкой для всѣхъ фельетонистовъ: не объ чемъ писать—«а ну, есть «Гражданинъ», обругать его; къ тому-же либеральная тема!»—и ругаютъ.

Почему-же не отвѣчаемъ? Во первыхъ и главное: не отвѣчать-же всякому шуту?

О, безъ сомнѣнія, есть и не шуты; есть люди умные, а иногда и остроумные, есть и литературно образованные, что̀ такъ рѣдко теперь и что̀ цѣнишь. Но инымъ изъ нихъ совершенно нельзя отвѣчать, хотя-бы иногда и хотѣлось,—нельзя, потому что въ концѣ концовъ не знаешь, чего сами они хотятъ. Не понимаешь, изъ-за

Digitized by Google

чего они такъ кривятъ душой, такъ сами себѣ противорѣчатъ, какая ихъ цѣль, что они преслѣдуютъ, гдѣ ихъ преданія, въ чемъ ихъ будущее? Пишутъ они весело, а иногда и дѣйствительно дѣльно, и вотъ, на той-же страницѣ, онъ-же самъ вдругъ и опровергаетъ себя, и опровергаетъ съ знаніемъ дѣла, зная, что самъ противорѣчитъ себѣ. Для чего это? Какія тутъ цѣли? Неужели все это изъ одного литературнаго искусства? Въ концѣ концовъ и не знаешь, на что̀ отвѣчать, и зачѣмъ отвѣчать.

Такіе есть; я собственно про летучую литературу нашу говорю. Но есть и не изъ летучихъ; есть, напротивъ, очень искренніе. Въ этомъ случаѣ я не могу забыть г. Н. М. изъ «Отечественныхъ Записокъ» и о «долгахъ» моихъ ему. Я не имѣю чести знать его лично и ровно ничего не имѣлъ удовольствія слышать о немъ какъ о частномъ человѣкѣ. Но я всею душею убѣжденъ, что это одинъ изъ самыхъ искреннихъ публицистовъ, какіе только могутъ быть въ Петербургѣ. Не мое совсѣмъ дѣло, но я никакъ не понимаю вражды къ нему почтеннаго г. Z изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», столь упорной и безостановочной. Много разъ я искренно сожалѣлъ о семъ обстоятельствѣ. Увѣренъ, что оба эти дѣятеля могли-бы совершенно сойтись, если-бы не такъ враждовали другъ съ другомъ. Но не мое дѣло. Г. Н. М. въ первый разъ поразилъ мое вниманіе своимъ отзывомъ о моихъ отзывахъ о Бѣлинскомъ, соціализмѣ и атеизмѣ, а потомъ о моемъ романѣ «Бѣсы». Отвѣчать ему по поводу моего романа я немного упустилъ время, хотя и хотѣлъ было; но о соціализмѣ непремѣнно отвѣчу. И вообще о соціализмѣ буду писать, во второе полугодіе моего редакторства. Главное, никакъ не могу понять, что̀ хотѣлъ мнѣ сказать г. Н. М., увѣряя меня, что соціализмъ въ Россіи непремѣнно былъ-бы консервативенъ? Не думалъ-ли онъ меня этимъ какъ нибудь утѣшить, предположивъ, что я консерваторъ во что̀-бы ни стало. Смѣю увѣрить г. Н. М., что «ликъ міра сего» мнѣ самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что соціализмъ не атеистиченъ, что соціализмъ вовсе не формула атеизма, а атеизмъ вовсе не главная, не основная сущность его,—это чрезвычайно поразило меня въ писателѣ, который, повидимому, такъ много занимается этими темами. Пишу теперь обо всемъ этомъ къ слову, именно чтобъ показать на примѣрѣ, какъ трудно теперь у насъ въ литературѣ разсуждать или спорить съ кѣмъ нибудь и о чемъ нибудь, даже съ непритворяющимися и простодушнѣйшими людьми. (NB. Простодушіе вовсе не исключаетъ ни ума, ни таланта). Объ г.-же Н. М. я именно вспомнилъ потому, что все хочу ему отвѣтить, но никакъ не удается.

Но зато есть такіе, которымъ отвѣчать уже никакъ невозмо-

Digitized by Google

жно. Я не за брань ихъ сержусь—а ужь какъ они ругались! Но иная брань приноситъ только честь и ничего дурнаго. Я сержусь... впрочемъ, нѣтъ, не сержусь: и сердиться на нихъ нельзя. Это цѣлая толпа пишущей братіи когда-то, отъ предковъ наслѣдовавшая нѣсколько либеральныхъ мыслей, но въ совершенной ихъ наготѣ и наивности, безо всякаго ихъ развитія и толку. Что̀ у Бѣлинскаго и Добролюбова предлагалось все-же съ нѣкоторою послѣдовательностію, то утратило у нихъ всѣ концы и начала. Я увѣренъ, что явись теперь опять Бѣлинскій, то они тотчасъ-же бросятся ругать его. Впрочемъ, если и укажутъ, то развѣ только подождутъ немного, а черезъ мѣсяцъ какой нибудь всѣ вдругъ бросятся и начнутъ ругать. Толку никакого. Первая ихъ забота, разумѣется, чтобъ было либерально. Но какъ написать либерально?—онъ уже и не знаетъ, забылъ; потому что никогда не имѣлъ ни одной своей мысли и совершенно не знаетъ что̀ въ сущности должно оказываться либеральнымъ. Большая часть изъ нихъ пишутъ неудачу, на всякій случай. Дѣвочка воткнула булавку въ голову другаго ребенка и вотъ они находятъ, что это хорошо, потому что либерально: она протестовала противъ деспотизма. Съ фактами участившихся самоубійствъ или ужаснаго теперешняго пьянства они рѣшительно не знаютъ что̀ дѣлать. Написать о нихъ съ отвращеніемъ и ужасомъ онъ не смѣетъ рискнуть: «а ну какъ выйдетъ не либерально», и вотъ онъ передаетъ на всякій случай зубоскаля. Для этого выработался у нихъ отвратительнѣйшій и глупѣйшій тонъ. Взяли Хиву и онъ тотчасъ-же теряется; онъ не знаетъ, либерально это или нѣтъ? Хвалить—пожалуй выйдетъ не либерально. Восторгаться — непремѣнно не либерально! Хулить? Пожалуй, тоже не либерально: Вамбери похвалилъ. И вотъ онъ мечется туда и сюда: «Я радуюсь.., а впрочемъ, пожалуй, не радуюсь... впрочемъ, пожалуй, отчего-же не радоваться, а, впрочемъ, пожалуй, и нечему радоваться» и т. д. и т. д. три столбца. Позубоскалить на всякій случай все-таки какъ будто либеральнѣе.

Всего забавнѣе что у нихъ, въ подобныхъ затруднительныхъ случаяхъ, проглядываетъ уловка показать, что онъ что-то знаетъ: «Вотъ только-бы дали намъ написать, дали-бъ высказать; эва, что̀бы мы тогда насказали! А теперь вотъ поневолѣ зубоскалимъ! Но зато сколько мы знаемъ!.. И-и-и, сказать нельзя сколько знаемъ!»

Неужели-же отвѣчать такимъ, пускаться съ ними въ полемику? Только развороти муравейникъ — бѣда! Впрочемъ, имъ видимо пріятно-бы было связаться, я замѣчалъ это по многимъ признакамъ. И ужь какъ задирали! Они объявляли меня «сыскно-полицейскимъ писателемъ», въ другой разъ объявили крѣпостникомъ, вздыхаю-

Digitized by Google

щимъ по «крѣпостному состоянію». Ну, что-же я сталъ-бы имъ отвѣчать?

Вотъ очень недавній анекдотъ, довольно характерно рисующій эту среду.

Недавно въ нашей газетѣ передавалась всѣмъ теперь извѣстная исторія монаха отца Нила и упоминалось о нѣкоторыхъ секретныхъ похожденіяхъ его.

При этомъ мы заявили, что у насъ есть особенный типъ такихъ барынь, которыя хоть и очень богомольны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наклонны къ нѣкоторымъ уже непозволительнымъ снисхожденіямъ къ служителямъ церкви. Приведемъ, впрочемъ, наши слова; тутъ дѣло именно въ томъ, какъ онъ ихъ понялъ:... «вѣрнѣе сказать, пламень набожности принимаетъ въ высшей степени неестественную потребность, такъ сказать, услаcтить, заласкать, залюбить, лично и даже по земному, самаго уважаемаго и чтимаго ими служителя Божія. Мы замѣтили, что въ католицизмѣ эти случаи повторяются чаще, чѣмъ у насъ, у насъ-же совсѣмъ даже рѣдки... Въ началѣ, напримѣръ, изъ самой горячей набожности посылаютъ служителямъ Божіимъ конфекты, сласти, не разсуждая, что какъ ни невинны эти посылки, все-же онѣ дьявольскій соблазнъ; и затѣмъ постепенно расширяютъ идею о конфектахъ до предѣловъ совсѣмъ непозволительныхъ. Всего любопытнѣе, повторяемъ это, что вся эта неестественность рождается почти изъ похвальнаго чувства и до того обманываетъ природу, что въ моменты сильнѣйшаго грѣхопаденія уживается съ молитвами, молебнами, постами и пр. Прибавимъ, что народу такія утонченности совсѣмъ не знакомы, онѣ только у барынь, и еще у рѣдкихъ. Если-же и происходятъ у монастырскихъ грѣхи съ женщинами изъ народа, то уже совсѣмъ какъ грѣхи — вполнѣ откровенно и безо всякаго ложнаго оттѣнка святости».

Типъ отвратительный, но весьма любопытный и стоющій вниманія, какъ болѣзненный наростъ нашей цивилизаціи. Вѣрно обрисованный художникомъ, напримѣръ, въ романѣ, онъ далъ-бы художнику славу. И что-же? Фельетонистъ не понялъ ни типа, ни ироніи нашего изложенія. Онъ вообразилъ, что мы *хвалимъ* этихъ барынь! Ну, и тотчасъ-же разругалъ: либеральная тема!

— Увѣряю васъ, сказалъ мнѣ одинъ мой знакомый, которому я съ удивленіемъ сообщилъ листокъ,—увѣряю васъ, что онъ совершенно такъ понялъ, какъ написалъ, безъ всякаго коварства. Напротивъ, это естественное, такъ сказать, фельетонное отупѣніе чувствъ, мыслей и всякаго соображенія, — десятилѣтнее отупѣніе отъ десятилѣтняго либерализма съ чужаго голоса и несвойственнаго

Digitized by Google

его головѣ. Тутъ окончательная утрата пониманія всего, что внѣ ихъ пріемовъ, привычекъ и ихняго казеннаго и вымученнаго фельетоннаго слога... утрата почти языка человѣческаго...

Вѣрю. Такъ что даже простительно. Ну, такъ какъ-же этакимъ отвѣчать?

Digitized by Google

МАЛЕНЬКІЯ КАРТИНКИ *).

(въ дорогѣ).

Я разумѣю дорогу паровую, чугунку и пароходы. Про дороги прежнія, про дороги «конемъ» — какъ выразился недавно одинъ мужичокъ, мы, жители столицъ, стали совсѣмъ забывать. А, должно быть, и на нихъ теперь можно встрѣтить много новаго противъ прежнихъ порядковъ. Я, по крайней мѣрѣ, слышалъ много любопытнаго отъ разсказчиковъ, и такъ какъ повсемѣстнымъ, будто-бы, разбойникамъ я всетаки не вѣрю вполнѣ, то и собираюсь чуть не каждое лѣто проѣхаться куда нибудь поглубже, по прежнимъ дорогамъ, для собственнаго назиданія и поученія. А пока милости просимъ на чугунку.

Ну, вотъ мы входимъ въ вагонъ. Русскіе люди классовъ интеллигентныхъ, являясь въ публику и сбиваясь въ массу, всегда становятся любопытны для поучающагося наблюдателя; но въ дорогѣ особенно. У насъ въ вагонахъ заговариваютъ другъ съ другомъ туго; особенно характерны въ этомъ отношеніи самыя первыя мгновенія пути. Всѣ какъ-бы настроены другъ противъ друга, всѣмъ какъ-то не по себѣ, оглядываются съ самымъ недовѣрчивымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ непремѣнно съ враждебностью, стараясь въ то-же время сдѣлать видъ, что не только не замѣчаютъ одинъ другаго, но и не хотятъ замѣчать.

Въ интеллигентныхъ отдѣленіяхъ поѣзда первыя мгновенія размѣщеній и дорожныхъ ознакомленій, для очень многихъ—суть рѣшительно мгновенія страданія, невозможнаго нигдѣ, напримѣръ, за

*) Напечатано въ сборникѣ «Складчина», изданномъ въ 1874 г.

Digitized by Google

границей, именно потому, что тамъ всякій знаетъ и тотчасъ-же вездѣ самъ находитъ свое мѣсто. У насъ-же, безъ кондуктора и вообще безъ руководителя, трудно обойтись и найти себѣ свое мѣсто сразу, даже гдѣ-бы то ни было, не только въ вагонахъ, а даже и въ вагонахъ съ билетомъ въ рукахъ. Я не про одни споры изъ-за мѣстъ говорю. Случится спросить о чемъ нибудь самомъ необходимомъ незнакомаго сосѣда, около котораго сѣли—и вопросъ задается въ самомъ трусливо-услащенномъ тонѣ, точно вы рискнули на чрезвычайную опасность. Спрашиваемый, разумѣется, тотчасъ-же испугается и посмотритъ съ необыкновенной нервной тревогой; и хотя и отвѣтитъ вдвое терпѣливѣе и услащеннѣе вопрошающаго, тѣмъ не менѣе оба они, не смотря на взаимную услащенность, довольно долго еще продолжаютъ чувствовать нѣкоторое преоригинальное опасеніе: «а не вышло-бы какъ нибудь драки!» Предположеніе это хоть и не всегда сбывается, но въ первое мгновеніе, когда гдѣ-бы то ни было собираются въ незнакомую толпу образованные русскіе люди,—это предположеніе хоть на мигъ, хоть въ видѣ безсознательнаго лишь ощущенія, а, право, должно проноситься по всѣмъ этимъ собравшимся вмѣстѣ образованнымъ русскимъ сердцамъ.

— И это вовсе не потому,—яростно замѣтилъ мнѣ на это замѣчаніе одинъ пессимистъ изъ «болѣющихъ сердцемъ», — это вовсе не потому, что они взаимно не довѣряютъ европеизму своего развитія, а непремѣнно и потому еще, что у насъ почти всякій согласенъ въ глубинахъ европейской души своей, что его, пожалуй, и стоитъ побить... Нѣтъ, о нѣтъ, безконечно совралъ! съ крикомъ поправилъ себя тотчасъ-же мой пессимистъ,—никогда нашъ европеецъ не сознается, что его стоитъ побить! Нѣтъ, это слишкомъ много чести ему приписать! Сознаніе, хотя-бы лишь самое отдаленное, что тебя стоитъ высѣчь,—есть уже начало добродѣтели, а гдѣ у насъ добродѣтель? Лганье передъ самимъ собой у насъ еще глубже укоренено, чѣмъ передъ другими. У насъ всякій можетъ почувствовать, что его стоитъ высѣчь, но никогда не сознается, даже и себѣ самому, что его и впрямь надо-бы хорошенько вспороть.

Привожу это мнѣніе пессимиста въ видѣ оригинальности, отчасти лишь любопытной; самъ-же я не во всемъ съ нимъ согласенъ и наклоненъ къ мнѣнію гораздо болѣе примирительному.

Второй періодъ собравшагося въ дорогѣ русскаго образованнаго общества, т. е. періодъ завязывающихся разговоровъ, наступаетъ всегда почти очень скоро послѣ перваго, т. е. періода трусливыхъ

Digitized by Google

высматриваній и подергиваній. Не умѣютъ заговорить лишь въ началѣ, а потомъ расходятся такъ, что иной разъ и не удержишь. Что̀ дѣлать: крайности—наша черта. Виновата къ тому-же и наша бездарность; кто что̀ ни говори, а у насъ ужасно мало талантовъ, въ какомъ-бы то ни было родѣ; напротивъ, ужасно много того, что̀ называется «золотою срединою». Золотая средина—это нѣчто трусливое, безличное, а въ то-же время чванное и даже задорное. Боятся заговорить, чтобы какъ нибудь себя не скомпрометтировать, дичатся и совѣстятся: умные потому, что считаютъ всякій самостоятельный шагъ какъ-бы ниже ума своего, а глупые изъ гордости. Но такъ какъ русскій человѣкъ, по природѣ своей, въ то-же время и самый общительный и стадный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, то и выходитъ, что въ эту первую четверть часа всѣ до того, наконецъ, изстрадаются, что, наконецъ, сами себѣ станутъ въ тягость и примутъ съ радостью когда кто нибудь первый рѣшится разбить стекло и завязать хоть что нибудь въ родѣ общаго разговора. На желѣзныхъ дорогахъ это разбитіе стекла происходитъ иногда довольно забавнымъ образомъ, но всегда почти нѣсколько иначе, чѣмъ на пароходахъ (причину объясню ниже). Иногда, надъ всеобщей «срединой» и бездарностью, вдругъ и совсѣмъ неожиданно, возникаетъ геніальный талантъ и увлекаетъ примѣромъ своимъ сразу всѣхъ до единаго. Вдругъ объявляется такой господинъ, который, среди всеобщаго напряженнаго молчанія и конвульсивныхъ потугъ, громко и безъ всякаго приглашенія, безъ всякаго даже повода, мало того — безъ малѣйшаго даже присюсюкиванья, столь необходимаго по нашимъ понятіямъ каждому джентльмену, когда онъ вдругъ очутится среди незнакомаго общества; безъ малѣйшей этой подленькой скандировки въ выговорѣ самыхъ обыкновенныхъ словъ, столь укоренившейся въ нѣкоторыхъ нашихъ джентльменахъ тотчасъ-же послѣ освобожденія крестьянъ, въ видѣ какъ-бы обиды по этому поводу; напротивъ, съ видомъ самаго прежняго, стариннаго джентльмена, начинаетъ разсказывать всѣмъ вообще и никому въ особенности—ни болѣе, ни менѣе, какъ свою собственную автобіографію, разумѣется, къ совершенному и недовѣрчивому изумленію слушателей. Всѣ сначала даже теряются и вопросительно переглядываются другъ съ другомъ; ободряются лишь мыслію, что «вѣдь во всякомъ случаѣ это не они говорятъ, а онъ». Такой разсказъ, съ самыми интимными, а иногда даже и чудесными подробностями, можетъ продолжаться полчаса, часъ, сколько угодно.

Мало по малу, всѣ начинаютъ ощущать въ себѣ магическое вліяніе таланта, - ощущаютъ именно тѣмъ, что вовсе не находятъ

Digitized by Google

себя обиженными, несмотря даже на все желаніе того. Всѣхъ, главное, поражаетъ то, что онъ никому не льститъ; ни въ чемъ ни у кого не заискиваетъ, въ слушателѣ рѣшительно не нуждается, подобно тому, какъ нуждается въ немъ какой нибудь обыкновенный, бездарный болтунъ; говоритъ-же единственно потому, что не можетъ таить въ себѣ своего сокровища. «Хотите слушайте, хотите нѣтъ, мнѣ вѣдь все равно; я вѣдь только чтобъ васъ осчастливить», — вотъ что, кажется, могъ-бы онъ сказать; между тѣмъ и этого даже не говоритъ, потому что всѣ чувствуютъ себя совершенно свободными, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ (ну, нельзя-же безъ этого), когда онъ только что началъ такъ неожиданно говорить, разумѣется, каждый почувствовалъ себя, въ первыя мгновенія, какъ-бы лично обиженнымъ. Мало по малу, ободряются до того, что начинаютъ его останавливать, разспрашивать, входить въ подробности, ну, разумѣется, со всѣми возможными предосторожностями. Джентльменъ съ необычайнымъ вниманіемъ, хотя и безо всякой услащенности, тотчасъ-же васъ выслушиваетъ и тотчасъ-же вамъ отвѣчаетъ,—поправляетъ васъ, если вы ошибаетесь, и немедленно соглашается съ вами, если вы хоть чуть-чуть выходите правы. Но поправляя-ли, соглашаясь-ли, онъ рѣшительно доставляетъ вамъ несомнѣнное удовольствіе; вы это чувствуете всѣмъ существомъ вашимъ, каждую минуту, и рѣшительно не понимаете, какъ это онъ умѣетъ хорошо такъ дѣлать. Вы, напримѣръ, ему только что возразили; и хоть онъ, не далѣе какъ за минуту, говорилъ совершенно противоположное, но теперь выходитъ, что и онъ говорилъ тоже самое, что вы только что изволили найти нужнымъ ему замѣтить, и совершенно съ вами согласенъ, такъ что и вы польщены и онъ сохранилъ свою полную независимость. Польщены-же вы бываете иногда до того, послѣ иного удачнаго вашего возраженія, да еще при всѣхъ, что начинаете оглядываться на публику съ видомъ настоящаго имянинника, не смотря даже на весь вашъ умъ, но таково ужь обаяніе. О, онъ все видѣлъ, все знаетъ, вездѣ былъ, вездѣ ходилъ, вездѣ сидѣлъ и только что вчера всѣ съ нимъ простились. Онъ, еще тридцать лѣтъ назадъ, приходилъ къ извѣстному министру, въ прошлое царствованіе, а потомъ къ генералъ-губернатору Б—ву, жаловаться на его родственника, вотъ что отличился недавно своими мемуарами, и Б—въ тотчасъ-же посадилъ его съ собой курить сигары. Такихъ сигаръ онъ потомъ никогда не куривалъ. Конечно, ему лѣтъ пятьдесятъ на видъ, такъ что онъ можетъ помнить и Б—ва; но вчера еще онъ провожалъ извѣстнаго жида Ф., только что бѣжавшаго за-границу, и тотъ, въ послѣднюю минуту разлуки, открылъ ему всѣ свои послѣднія тайны; такъ что

Digitized by Google

только онъ одинъ во всей Россіи и знаетъ теперь всю подноготную всей этой исторіи. Пока дѣло шло о Б—вѣ всѣ еще были спокойны, тѣмъ болѣе что и разсказъ-то вышелъ изъ-за сигаръ; но при имени Ф. самые даже солиднѣйшіе изъ слушателей принимаютъ особенно заинтересованный видъ; даже наклоняются нѣсколько къ разсказчику и слушаютъ съ алчностію, и при этомъ безъ малѣйшей даже зависти въ томъ, что разскащикъ въ дружбѣ съ такимъ высшимъ Жидомъ, а они нѣтъ. Шаръ «Жюль-Фавръ»—одно надуванье и непремѣнно лопнетъ; въ франко-прусскую войну леталъ совсѣмъ другой, а этотъ новый. Тутъ un mot de Jules-Favre, о князѣ Бисмаркѣ, прошлаго года ему на ухо и подъ секретомъ въ Парижѣ — впрочемъ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ; даже видно, что разскащикъ особенно не настаиваетъ, но про проектъ новыхъ акцизныхъ законовъ онъ знаетъ все, что̀ третьяго-дня говорилось въ Государственномъ Совѣтѣ; даже лучше знаетъ, чѣмъ знаютъ въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ. Остроумнѣйшій анекдотъ, какъ съострилъ при томъ *** о кабатчикахъ. Всѣ улыбаются и заинтересованы очень, потому что ужасно похоже на правду. Инженерный полковникъ сообщаетъ сосѣду вполголоса, что онъ давеча почти то-же самое слышалъ и что чуть-ли это не правда; кредитъ разскащика мгновенно выростаетъ. Съ Г—вымъ онъ ѣздилъ въ вагонахъ тысячу разъ, ты-ся-чу разъ; и тутъ вовсе не то: тутъ анекдотъ, котораго никто не знаетъ и Незнакомцу ровно ничего не будетъ, потому что замѣшано извѣстное лицо, и лицо хочетъ непремѣнно всему положить предѣлъ. Лицо простило и сказало, что не будетъ вмѣшиваться, но лишь до извѣстной черты, а такъ какъ оба перешли черту, то лицо, конечно, вмѣшается. Онъ самъ тутъ былъ и все это видѣлъ; самъ въ станціонную книгу записывалъ въ качествѣ свидѣтеля. Примирятъ, разумѣется. Зато про охотничьихъ собакъ, и про извѣстныхъ собакъ, нашъ джентльменъ говоритъ такъ, какъ будто въ собакахъ-то и состояла главная задача всей его жизни. Разумѣется, подъ конецъ ясно для всѣхъ, какъ дважды два, что онъ никогда не ѣздилъ съ Г—вымъ; ровно ничего не записывалъ въ книгѣ, съ Б—вымъ не курилъ, собакъ не имѣлъ, очень далекъ отъ Государственнаго Совѣта; тѣмъ не менѣе всякому, даже спеціалисту, понятно, что онъ все это знаетъ и даже довольно прилично знаетъ, такъ что очень и очень можно, не компрометируя себя, слушать. Но не въ извѣстіяхъ дѣло, а въ удовольствіи слушать ихъ. Замѣтенъ, впрочемъ, и пробѣлъ у всезнайки: мало и даже почти совсѣмъ не говоритъ о школьномъ вопросѣ, объ университетахъ, классицизмѣ и реализмѣ, и даже объ литературѣ — точно эти темы совсѣмъ даже и не подозрѣваются

Digitized by Google

имъ. Спрашиваешь себя, кто-бы это могъ быть и рѣшительно не находишь отвѣта. Знаешь только, что талантъ, но спеціальности его угадать не можешь. Предчувствуешь однако, что это типъ, и, какъ и всякій рѣзко очерченный типъ, непремѣнно имѣетъ свою спеціальность, и если ее не угадываешь, то именно потому, что не знаешь типа и его до сихъ поръ не встрѣчалъ. Особенно сбиваетъ съ толку наружность: одѣтъ широко, и портной у него былъ, очевидно хорошій: если лѣтомъ, то непремѣнно по-лѣтнему, въ коломянкѣ, въ гетрахъ и въ лѣтней шляпѣ, но... все это на немъ нѣсколько какъ-бы ветхо, такъ что если и былъ хорошій портной, то только *былъ*, а теперь уже можетъ и нѣтъ. Высокъ, худощавъ, очень даже; держитъ себя какъ-то не по лѣтамъ прямо; смотритъ прямо передъ собой; видъ смѣлый и съ неотразимымъ достоинствомъ; ни малѣйшаго нахальства; напротивъ, благоволеніе во всемъ, но безъ сахару. Небольшая съ просѣдью бородка клиномъ, не то чтобъ совсѣмъ наполеоновская, но зато самаго дворянскаго обрѣза. Вообще манеры безукоризненны, а къ манерамъ у насъ очень падки. Очень мало куритъ, даже, можетъ, и совсѣмъ нѣтъ. Поклажи никакой: — маленькій тощій сачекъ, въ родѣ ридикульчика, несомнѣнно заграничной когда-то выдѣлки, теперь-же непозволительно истершійся, вотъ и все. Кончается тѣмъ, что такой джентльменъ вдругъ и совсѣмъ неожиданно исчезаетъ, и даже непремѣнно на какой нибудь самой незначительной станціи, на какомъ нибудь самомъ неважномъ поворотѣ куда нибудь, куда никто и не ѣздитъ. По уходѣ его кто нибудь изъ наиболѣе слушавшихъ и поддакивавшихъ вслухъ рѣшаетъ, что «все вралъ». Разумѣется, тутъ всегда окажутся двое такихъ, что всему повѣрили и заспорятъ; въ противоположность имъ непремѣнно окажутся двое такихъ, которые еще съ самаго начала были обижены и если молчали и не возражали «вралю», то единственно отъ негодованія. Теперь они съ жаромъ протестуютъ. Публика смѣется. Кто нибудь, доселѣ очень скромно и солидно-молчавшій, съ видимымъ знаньемъ дѣла заявляетъ предположеніе, что это «особый, стародворянскій типъ благороднаго приживальщика высшей руки, самъ помѣщикъ, но только маленькій, благородный лѣнтяй съ чрева матери, дѣйствительно съ хорошими знакомствами и всю жизнь витающій около высшихъ людей, — типъ чрезвычайно полезный въ общежитіи, особенно въ деревенской глуши, куда зачастую заглядываетъ, и куда особенно любитъ ѣздить гостить». Съ неожиданнымъ мнѣніемъ всѣ какъ-то вдругъ соглашаются, споры прекращаются; но стекло разбито и разговоры завязаны. Даже и безъ разговоровъ всякій чувствуетъ себя какъ дома и всѣмъ вдругъ стало совершенно свободно. А между тѣмъ все благодаря таланту.

Digitized by Google

Впрочемъ, если только не брать въ разсчетъ такъ называемыхъ случайныхъ скандаловъ и иныхъ неминуемыхъ неожиданностей, довольно иногда непріятныхъ и, къ несчастію, всетаки слишкомъ частыхъ, то по дорогамъ нашимъ, въ результатѣ, всетаки можно проѣхать. Разумѣется, съ предосторожностями.

Я уже написалъ однажды и напечаталъ, что задача проѣхать пріятно и весело по желѣзной нашей дорогѣ заключается, главное, «въ умѣніи давать врать другимъ и какъ можно болѣе этому вранью вѣрить; тогда и вамъ дадутъ тоже съ эффектомъ прилгнуть, если и сами вы соблазнитесь; стало быть, взаимная выгода». Здѣсь-же подтверждаю, что и доселѣ придерживаюсь того-же мнѣнія, и что высказано было оно мною нимало не въ юмористическомъ, а, напротивъ, въ самомъ положительномъ смыслѣ. Что-же собственно до вранья и особенно желѣзно-дорожнаго, то я уже заявилъ тогда-же, что почти и не считаю его порокомъ, а, напротивъ, естественнымъ отправленіемъ нашего національнаго добродушія. Злыхъ лгуновъ у насъ почти нѣтъ, а, напротивъ, почти всѣ русскіе лгуны— люди добрые. Не говорю, впрочемъ, что хорошіе.

Тѣмъ не менѣе поражаетъ иногда, даже и въ дорогахъ, даже и въ вагонахъ, нѣкоторая вновѣ-зародившаяся жажда разговоровъ серьезныхъ, жажда учителей на всевозможныя соціальныя и общественныя темы. И являются учителя. Объ нихъ я тоже писалъ, но то особенно поражаетъ, что изъ желающихъ учиться и научиться всего болѣе женщинъ, дѣвицъ и дамъ, и совершенно не стриженыхъ, смѣю васъ въ томъ увѣрить. Скажите, гдѣ встрѣтите вы теперь дѣвицу или даму безъ книжки, въ дорогѣ или даже на улицѣ? Можетъ быть, я преувеличилъ, но всетаки очень много пошли съ книжками, а не то, чтобъ съ романами, а все съ похвальными книжками, съ педагогическими, или съ естественно-научными; даже читаютъ Тацита въ переводѣ. Однимъ словомъ, жажды и ревности очень много, самой благородной и свѣтлой, но... но все это еще какъ-то нейдетъ. Ничего нѣтъ легче какъ, напримѣръ, увѣрить такую ученицу почти въ чемъ вамъ угодно, особенно если кто складно умѣетъ поговорить. Женщина глубоко-религіозная вдругъ, въ нашихъ глазахъ, соглашается съ выводами почти атеистическими и съ рекомендуемымъ примѣненіемъ ихъ. А ужь на счетъ педагогіи, напримѣръ, такъ чего-чего имъ не внушаютъ и чему-чему онѣ не способны увѣровать! Содроганіе пройдетъ иногда при мысли, что она, пріѣхавъ домой, тотчасъ и начнетъ примѣнять на дѣтяхъ и на супругѣ то, чему ее научили. Ободряешься лишь догадкой, что, можетъ быть, она вовсе и не поняла учителя, или поняла совершенно противуположно, и что дома спасетъ ее инстинктъ

Digitized by Google

матери и супруги и здравый смыслъ, столь сильный въ русской женщинѣ, даже съ изначала русскихъ вѣковъ. Но смыслъ смысломъ, а всетаки пожелать надо и научнаго образованія, только твердаго и настоящаго, а не то, что изъ всякихъ книжекъ, да по вагонамъ. Тутъ самые похвальные шаги могутъ обратиться въ плачевные.

Хорошо на нашихъ дорогахъ и то, что, — опять-таки если не считать разныхъ «случаевъ»,—можно проѣхать почти что incognito все время пути, молча и ни съ кѣмъ даже не заговаривая, если ужь очень говорить не желаешь. Теперь только развѣ одни священники прямо начинаютъ съ разспросовъ: «кто вы, куда ѣдете, по какимъ дѣламъ и чего ожидаете». Но, впрочемъ, и этотъ благодушный типъ, кажется, переводится. Напротивъ, даже и въ этомъ родѣ бываютъ, съ недавняго времени, пренеожиданныя встрѣчи, такъ что глазамъ не вѣришь.

На пароходахъ, какъ я сказалъ уже, разговоры завязываются нѣсколько иначе, чѣмъ въ вагонахъ. Причины естественныя, и во первыхъ, уже то, что публика *избраннѣе*. Я, конечно, говорю лишь про пароходную публику перваго класса, про публику *на кормѣ*. Про публику *носовую*, т. е. втораго разряда, и говорить не стоитъ; да и не публика она, а просто пассажиры. Тамъ мелкотравчатые, тамъ узлы съ поклажей, давка и тѣснота, тамъ вдовы и сироты, тамъ матери кормятъ грудью дѣтей, тамъ общипанные старички, получающіе пенсію, тамъ переѣзжающіе священники, цѣлыя артели рабочихъ, мужики съ своими бабами и краюхами хлѣба въ мѣшкахъ, пароходная прислуга, кухня. Кормовая публика, вездѣ и всегда, совершенно игнорируетъ носовую и не имѣетъ объ ней никакого понятія. Можетъ быть, покажется страннымъ мнѣніе, что пароходная «первоклассная» публика всегда *избраннѣе* чѣмъ даже соотвѣтственнаго разряда въ вагонахъ. Въ сущности, конечно, это неправда, да и вся эта публика чуть лишь пріѣдетъ домой и сойдетъ съ парохода, немедленно, въ нѣдрахъ семействъ своихъ, понижаетъ свой тонъ даже до самаго натуральнаго; но покамѣстъ семейство это на пароходѣ, оно по неволѣ подымаетъ свой тонъ до нестерпимо великосвѣтскаго, единственно, чтобъ казаться не хуже другихъ. Вся причина въ томъ, что больше пространства гдѣ помѣститься, и больше досугу, чтобъ поковеркаться, чѣмъ на желѣзной дорогѣ, то есть, какъ я сказалъ уже—причина естественная. Тутъ не такъ сбиты вмѣстѣ, публика не рискуетъ образовать изъ себя *кучу*, не такъ быстро летятъ, не такъ подчинены

Digitized by Google

необходимости, звонку, минутѣ, заснувшимъ или расплакавшимся дѣтямъ; тутъ вы не принуждены обнаруживать иные ваши инстинкты въ такомъ натуральномъ и уторопленномъ видѣ; напротивъ, тутъ все похоже на строгую гостиную; входя на палубу, вы какъ будто званый и входите въ гости. Между тѣмъ вы всетаки связаны пятью-шестью часами совмѣстнаго пути, пожалуй, цѣлымъ днемъ пути, и непремѣнно знаете, что надо доѣхать вмѣстѣ и почти познакомиться. Дамы почти всегда лучше одѣты, чѣмъ бываетъ это въ вагонахъ, дѣти ваши въ самыхъ очаровательныхъ лѣтнихъ костюмахъ, если только вы хоть сколько нибудь себя уважаете. Разумѣется, и тутъ иногда встрѣчаются дамы съ узлами и отцы семействъ, совсѣмъ какъ настоящіе отцы у себя дома, иные даже съ дѣтьми на рукахъ и съ надѣтыми орденами на всякій случай; но это лишь низкій типъ «взаправду путешествующихъ», принимающихъ дѣло плебейски серьезно. Въ нихъ нѣтъ высшей идеи, а одно только уторопленное чувство самосохраненія. Настоящая публика немедленно игнорируетъ этихъ жалкихъ людей, хотя-бы они сидѣли подлѣ, да и сами они тотчасъ-же начинаютъ понимать свое мѣсто, и хоть крѣпко займутъ оплаченныя свои мѣста, но передъ общимъ тономъ совершенно и покорно стушевываются.

Однимъ словомъ, пространство и время измѣняютъ условія радикально. Тутъ даже и самый «талантъ» не могъ-бы начать съ своей автобіографіи, а долженъ-бы былъ поискать другаго пути. Можетъ, даже и совсѣмъ-бы не имѣлъ успѣха. Тутъ разговоръ почти не можетъ завязаться изъ одной только дорожной необходимости. Главное, тонъ разговоровъ долженъ быть совершенно другой, «салонный», а въ этомъ вся сущность. Само собою, если пассажиры не знакомы другъ съ другомъ предварительно, то стекло еще труднѣе разбивается чѣмъ въ вагонѣ. Общій разговоръ на пароходѣ чрезвычайная рѣдкость. Собственныя-же страданія отъ собственнаго лганья и кривляній, особенно въ первыя мгновенія пути, даже значительнѣе чѣмъ въ вагонѣ. Если вы хоть чуть-чуть внимательный наблюдатель, то навѣрно будете поражены, какъ можно налгать въ какую нибудь четверть часа, сколько налгутъ всѣ эти пышныя дамы и столь уважающіе себя ихъ супруги. Конечно, все это встрѣчается всего чаще, и въ самомъ чистомъ видѣ, въ поѣздкахъ, такъ сказать, увеселительныхъ, каникулярныхъ, въ поѣздкахъ отъ двухъ до шести часовъ всего пути. Лгутъ-же всѣмъ: манерами, красивыми позами; каждый какъ будто каждое мгновеніе заглядываетъ на себя въ зеркало. Пискливой скандировки фразъ, самой неестественной и противной, самаго невозможнаго произношенія словъ, съ какимъ никто-бы не рѣшился произносить ихъ, если-

Digitized by Google

бы только чуть-чуть уважалъ себя, — кажется, еще больше чѣмъ бываетъ въ вагонахъ. Отцы и матери семействъ (т. е. пока не завязалось еще никакого общаго разговора на палубѣ) стараются говорить между собою неестественно громко, изъ всѣхъ силъ желая показать, что совсѣмъ какъ у себя дома, но тотчасъ-же и постыдно не выдерживаютъ характера: заговариваютъ между собою о совершенныхъ пустякахъ, ужасно не идущихъ къ дѣлу, къ мѣсту и къ положенію, а иногда мужъ обращается къ женѣ, какъ незнакомый кавалеръ къ незнакомой ему дамѣ, гдѣ нибудь въ гостяхъ. Вдругъ быстро и безъ причины обрываютъ уже завязанный разговоръ, да и вообще говорятъ болѣе отрывками; нервно и безпокойно оглядываются на сосѣдей, слѣдятъ за взаимными отвѣтами съ недовѣрчивостью и даже съ испугомъ, а иной разъ даже и совсѣмъ краснѣютъ одинъ за другаго. Если-же случится имъ (т. е. заставитъ необходимость) заговорить другъ съ другомъ о чемъ нибудь идущемъ къ дѣлу и къ положенію, и объ чемъ всякому мужу съ женой можетъ случиться нужда переговорить въ началѣ дорогѣ,— объ чемъ нибудь хозяйственномъ, напримѣръ, или семейномъ, о дѣтяхъ, о томъ, что у Мишеньки кашель, а здѣсь свѣжо, или у Сонички слишкомъ поднимаются юбочки, — то конфузятся и быстро начинаютъ шептаться, чтобъ по возможности никто ихъ не разслышалъ, хотя въ томъ, что они говорятъ, ровно ничего нѣтъ неприличнаго или предосудительнаго, а напротивъ—все достойно самаго полнаго уваженія, тѣмъ болѣе, что всѣ эти дѣти и хлопоты не у нихъ однихъ, а точно также есть и у всякаго, даже на этомъ самомъ пароходѣ. Но именно эта-то самая простѣйшая идея ни за что̀ и не приходитъ имъ въ голову и даже имѣть ее кажется имъ ниже ихъ достоинства. Напротивъ, каждая семейная группа болѣе наклонна, хотя и съ завистью, принять чуть не всякую другую семейную группу на этой палубѣ за нѣчто во первыхъ, хоть градусомъ выше себя, во вторыхъ, за нѣчто изъ какого-то особаго міра, въ родѣ какъ изъ балета, но ужь и ни подъ какимъ видомъ за людей тоже могущихъ имѣть, подобно имъ—хозяйство, дѣтей, нянекъ, пустой кошелекъ, долгъ въ лавочкѣ и пр. Такая мысль была-бы даже слишкомъ для нихъ оскорбительной; безотрадною даже; разрушала-бы, такъ сказать, идеалы.

На пароходахъ, къ числу первыхъ начинающихъ вслухъ заговаривать можно причислить, почти прежде всѣхъ, гувернантокъ,— разумѣется, разговоры съ дѣтьми и на французскомъ языкѣ. Гувернантки въ обществѣ средней руки большею частію всегда одного пошиба, т. е. всѣ молоденькія, всѣ недавно изъ учебнаго заведенія, всѣ не совсѣмъ хороши собою, но и никогда не бываютъ вполнѣ

Digitized by Google

дурны; всѣ въ темныхъ платьицахъ, всѣ съ стянутыми тальями, всѣ стараются выказать ножку, всѣ съ гордою скромностью, но и съ самымъ непринужденнымъ видомъ, свидѣтельствующимъ о высокой невинности, всѣ до фанатизма преданы своимъ обязанностямъ, у каждой непремѣнно съ собою англійская или французская книжка благовоспитаннаго содержанія, чаще всего какое нибудь путешествіе. Вотъ она беретъ на руки двухъ-лѣтнюю дѣвочку, а сама, не спуская глазъ, строго, но съ любовью, зоветъ заигравшуюся шестилѣтнюю сестру ребенка (въ соломенной шляпкѣ съ незабудками, въ бѣломъ коротенькомъ съ кружевцами платьицѣ и въ очаровательныхъ дѣтскихъ ботиночкахъ) своимъ гувернантски-французскимъ языкомъ: Wera, venez-ici, — непремѣнно классическое venez-ici, и непремѣнно съ сильнѣйшимъ удареніемъ на соединительномъ звукѣ zi. Мать семейства, полная и необычайно высшаго общества женщина (мужъ ея тутъ-же—европейскаго, хотя и помѣщичьяго вида господинъ, росту не малаго, болѣе плотенъ чѣмъ худощавъ, съ легкою просѣдью, съ бѣлокурою бородой, хотя и длинною, но несомнѣнно парижской модели, въ бѣлой пуховой шляпѣ, одѣтъ по лѣтнему, чина сомнительнаго)—мать семейства немедленно замѣчаетъ, что гувернантка, взявъ на руки двухъ-лѣтнюю Нину, беретъ на себя лишній трудъ, невыговоренный въ условіи, и чтобъ напомнить той, что она вовсе не такъ-то это цѣнитъ, необычайно ласковымъ голосомъ, исключающимъ однако малѣйшую мечту въ подчиненной дѣвицѣ о правѣ на дальнѣйшую фамильярность, замѣчаетъ, что ей съ Ниной должно быть «тя-же-ло» и что надо кликнуть няньку, при чемъ безпокойно и повелительно осматривается вокругъ, чтобъ отыскать улизнувшую няньку. Европейскій супругъ ея дѣлаетъ даже недоконченное движеніе въ томъ-же смыслѣ, будто желая бѣжать отыскивать няньку, но одумывается и остается, и видимо доволенъ, что всетаки одумался и не побѣжалъ за нянькой. Онъ, кажется, немножко на посылкахъ у своей высшей дамы-супруги, и въ то-же время принимаетъ это къ сердцу. Гувернантка спѣшитъ успокоить на счетъ себя высшую даму, увѣряя вслухъ и на распѣвъ, что она «такъ любитъ Нину» (страстный поцѣлуй Нинѣ). Тутъ опять легкій окрикъ по-французски на Вѣру, съ тѣмъ-же zici, но любовь такъ и сверкаетъ изъ глазъ этой преданной дѣвицы даже и къ виноватой Вѣрѣ. Вѣра, наконецъ, подбѣгаетъ подпрыгивая и фальшиво ластится (шести-семи лѣтній ребенокъ, еще въ чинѣ ангела, и тотъ уже лжетъ и коверкается!). Мамзель немедленно начинаетъ на ней оправлять, безъ всякой, впрочемъ необходимости, колеретку; затѣмъ и звала ее...

Digitized by Google

Пароходу этому всего шесть часовъ пути и поѣздка почти что увеселительная. Повторяю опять: безъ сомнѣнія, два-три дня пути, гдѣ нибудь по Волгѣ, или изъ Кронштадта въ Остенде, взяли-бы свое: необходимость разогнала-бы гостиную, балетъ полинялъ-бы и растрепался и стыдливо припрятанные инстинкты выскочили-бы наружу въ самомъ открытомъ видѣ, даже радуясь своему праву выскочить. Но три дня и шесть часовъ—разница и на нашемъ пароходѣ все осталось въ самомъ «чистомъ видѣ», съ начала и до конца. Вотъ мы понеслись, въ прелестный іюньскій день, въ десятомъ часу утра, по тихому широкому озеру. Носовая часть парохода клонится отъ «пассажировъ», но тамъ это лишь всякая всячина, о которой мы ровно ничего знать не хотимъ; у насъ-же, какъ я сказалъ, свой салонъ. Есть, впрочемъ, и у насъ изъ такихъ, что вездѣ собой задаютъ задачу, такъ что, по правдѣ, и не знаешь, что съ ними дѣлать, напримѣръ Нѣмецъ-докторъ съ семействомъ, состоящимъ изъ его муттеръ и изъ трехъ германо-косоротыхъ дѣвицъ, на которыхъ трудно чтобы кто нибудь изъ русскихъ жениховъ могъ польститься. Для всѣхъ этихъ лицъ нашъ законъ не писанъ. Старикъ докторъ совершенно въ своей тарелкѣ; онъ уже надѣлъ свою дорожную нѣмецкую клеенчатую фуражку, весьма глупой формы, и сдѣлалъ это нарочно для независимости, то есть, по крайней мѣрѣ, это намъ такъ кажется. Но взамѣнъ этого недоумѣнія есть одна прехорошенькая дамочка и инженеръ-полковникъ, есть старушка-мать съ тремя нѣсколько перезрѣлыми, но весьма шиковатыми дочками, средне-высшаго петербургскаго генеральскаго круга, дѣвицами, должно быть, задорными и уже видавшими виды. Есть два хлыща, одинъ художникъ, есть юнкеръ и есть кавалерійскій офицеръ изъ одного извѣстнаго кавалерійскаго полка; но онъ держитъ себя въ какомъ-то надменномъ уединеніи и молчитъ свысока, конечно, считая себя не въ своемъ обществѣ и это всѣмъ у насъ, очевидно, нравится. Но всѣхъ болѣе обращаетъ на себя вниманія и занимаетъ собою мѣста очутившееся вмѣстѣ съ нами *начальство*. Это, впрочемъ, весьма добродушнаго вида превосходительство, въ фуражкѣ и въ полуформѣ. Всѣ сейчасъ-же узнаютъ, что это самый старшій чиновникъ и такъ сказать «хозяинъ губерніи»; утверждаютъ даже, что онъ теперь ѣдетъ что-то «обозрѣвать». Вѣроятнѣе, что онъ просто провожаетъ супругу и семейство недалеко, на лѣтнюю ихъ резиденцію. Супруга его замѣчательно красивая дама, лѣтъ тридцати шести или семи, изъ знатной фамиліи С-хъ (о чемъ отмѣнно хорошо знаютъ на пароходѣ), ѣдетъ со всѣми четырьмя дѣтьми (все дѣвочки, старшей лѣтъ десять), съ гувернанткой-швейцаркой, и, къ негодованію нѣкоторыхъ нашихъ

Digitized by Google

дамъ, держитъ себя слишкомъ по-мѣщански, хотя и нестерпимо «подымаетъ носъ». Одѣта по будничному, «и это теперь у нихъ въ модѣ, у ма-те-рей се-мей-ствъ, — протянула вполголоса одна изъ генеральскихъ дочекъ, съ завистью осматривая изящный фасонъ слишкомъ скромнаго платья супруги хозяина губерніи. Обращаетъ тоже отмѣнное и даже нѣсколько высшее на себя вниманіе одинъ высокій, худощавый, съ сильною просѣдью джентльменъ, лѣтъ уже примѣрно пятидесяти-шести или семи, и независимо усѣвшійся почти на самомъ проходѣ на пароходномъ складномъ стульчикѣ, рѣшительно спиною къ публикѣ, и черезъ бортъ лѣниво и безпредметно смотрящій на воду. Всѣмъ извѣстно, что это *такой-то*, камергеръ и щеголь въ прошлое царствованіе и хоть не Богъ знаетъ какого значенія теперь, но зато самаго высшаго круга, баринъ, прожившій много въ своей жизни денегъ и что-то очень долго скитавшійся въ послѣднее время за границей. Онъ одѣтъ даже нѣсколько и небрежно и вида самаго партикулярнаго, но осанка самаго безукоризненнаго русскаго милорда и даже почти безъ примѣси французскаго парикмахера, что̀ уже одно составляетъ совершенную рѣдкость въ настоящемъ русскомъ Англичанинѣ. У него на пароходѣ два лакея, а съ нимъ собака сеттеръ удивительной красоты. Она ходитъ по нашей палубѣ и, желая познакомиться, тычетъ носъ между колѣнками сидящей публики, видимо наблюдая очередь. И хоть это скучно, но никто этимъ не обижается, а нѣкоторые изъ насъ даже пробуютъ и погладить собаку, но непремѣнно съ видомъ знатоковъ, совершенно умѣющихъ оцѣнить достоинство дорогаго пса, и у которыхъ завтра-же можетъ быть у каждаго точно такой-же сеттеръ. Но сеттеръ ласки принимаетъ равнодушно, какъ настоящій аристократъ, и у колѣнъ остается не по долгу, и хоть и машетъ чуть-чуть хвостомъ, но лишь изъ свѣтской вѣжливости, лѣниво и равнодушно. У милорда, очевидно, знакомыхъ здѣсь нѣтъ, но по обрюзглому и разваренному виду совершенно ясно, что ему никого и ненадо, и не изъ принципа какого нибудь, а просто потому, что не надо. Къ административному значенію «хозяина области» онъ, на складномъ своемъ стульчикѣ, въ высшей степени равнодушенъ и равнодушіе это тоже въ высшей степени безпринципное. Но уже видно, что разговоръ между ними несомнѣнно готовъ завязаться. Администраторъ похаживаетъ около складнаго стульчика и изъ всѣхъ силъ желаетъ заговорить. Онъ хоть и женатъ на урожденной С—й, но самъ со свойственнымъ ему прямодушіемъ, кажется, признаетъ себя на довольно крупную степень пониже милорда,—разумѣется, безо всякой потери достоинства; вотъ эту-то послѣднюю задачу и предстоитъ теперь разрѣшить ему.

Digitized by Google

Тутъ вертится одинъ господинъ «со второй ступеньки» и, по его старанью, хозяинъ и милордъ какъ-то успѣли уже случайно и безъ предварительнаго ознакомленія, переброситься двумя словами. Поводомъ послужило извѣстіе, сообщенное господиномъ «со второй ступеньки» объ одномъ сосѣднемъ губернаторѣ, тоже извѣстномъ аристократѣ, и который, за границей, спѣша на воды къ своему семейству, какъ-то вдругъ сломалъ себѣ въ вагонѣ ногу. Нашъ генералъ пораженъ ужасно, и ему очень хотѣлось-бы узнать подробности. Милордъ знаетъ подробности и довольно обязательно уже промямлилъ сквозь вставные свои зубы двѣ-три пары словъ, впрочемъ, не глядя на генерала и даже неизвѣстно кому говоря,—ему или вѣстовщику «со второй ступеньки». Генералъ съ искреннимъ нетерпѣніемъ стоитъ надъ стуломъ, заложа за спину руки, и ждетъ. Но милордъ рѣшительно неблагонадеженъ и, пожалуй, вдругъ замолчитъ и забудетъ о чемъ говорилъ. По крайней мѣрѣ, у него видъ такой. Животрепещущій господинъ «со второй ступеньки» такъ и дрожитъ надъ нимъ, желая не дать ему замолчать. Онъ поставилъ себѣ священнѣйшимъ долгомъ свести обоихъ высшихъ джентельменовъ и познакомить ихъ между собою.

Замѣчательно, что такихъ господъ «со второй ступеньки» всегда довольно въ дорогѣ, особенно около «старшихъ» лицъ, и уже потому одному, что въ дорогѣ ихъ некуда отогнать. Но ихъ и не отгоняютъ, потому что они довольно полезны, разумѣется, если сами находятся въ извѣстныхъ благопріятныхъ и подходящихъ условіяхъ. У нашего, напримѣръ, даже орденокъ на шеѣ и самъ онъ хоть и въ гражданской, но въ форменной какой-то одеждѣ и фуражка у него съ какимъ-то форменнымъ околышемъ—стало быть, въ нѣкоторомъ отношеніи приличенъ. Такой господинъ такъ и начинаетъ съ того, передъ старшимъ лицомъ, что всѣмъ своимъ существомъ выражаетъ собою, безъ словъ, одной фигурой, въ видѣ предупрежденія: «Вѣдь я со второй ступеньки; на равную ногу не бью ни за что̀ и на первую ступеньку къ вамъ не покушусь. Обидѣться на меня вы никакъ не можете, ваше превосходительство, а развлечь васъ я могу даже со счастьемъ себѣ-съ, такъ что вы всегда можете отвѣтить мнѣ сверху внизъ на вторую ступеньку, а я свое мѣсто даже до гроба моего всегда знаю-съ». Безъ сомнѣнія, ясно, что эти господа бьются изъ выгоды, но «чистый типъ» подобныхъ господъ дѣйствуетъ даже и безъ разсчета на выгоду, а изъ нѣкотораго чиновничьяго вдохновенія; вотъ въ такомъ-то случаѣ онъ и полезенъ, тутъ-то онъ и искренно веселъ, тутъ-то онъ и просто-

Digitized by Google

душенъ до того, что въ немъ даже исчезаетъ лакей; а выгода его всетаки приходитъ сама собою, какъ фактъ и необходимое слѣдствіе.

Къ начинающемуся разговору «двухъ высшихъ лицъ» всѣ на палубѣ становятся вдругъ чрезвычайно внимательны; не то чтобъ они желали тоже примкнуть; это было-бы даже слишкомъ, а хоть поглядѣть и послушать. Иные уже бродятъ около, но болѣе всѣхъ страдаетъ европейскій мужъ «высшей дамы». Онъ чувствуетъ, что могъ-бы не только подойти, но даже и въ разговоръ ввязаться, и что даже имѣетъ на то нѣкоторое свое право: генералы генералами, а Европа Европой, какъ вѣдь тамъ хотите. И совсѣмъ, совсѣмъ-бы онъ не хуже другихъ могъ поговорить о губернаторѣ, сломавшемъ заграницею ногу! Онъ даже думаетъ, съ этою цѣлью, поласкать сеттера и съ этого какъ нибудь и начать, но гордо отдергиваетъ уже протянувшуюся руку: и даже вдругъ ощущаетъ непреодолимое побужденіе задать сеттеру ногою пинка. Мало по малу, онъ принимаетъ какъ-бы уединенный и обиженный видъ, на минутку отходитъ и начинаетъ всматриваться въ блестящую даль озера. Супруга его, онъ видитъ это, смотритъ на него съ самой ехидной ироніей. Этого онъ не выдерживаетъ и возвращается опять къ «разговору», ходитъ и бродитъ около разговора, какъ душа въ чистилищѣ. И если безгрѣшная душа эта способна хоть что нибудь ненавидѣть, то ненавидитъ она въ эту минуту господина со «второй ступеньки», ненавидитъ изо всѣхъ силъ, и не будь только этого господина со второй ступеньки, ничего-бы, можетъ быть, и не было изъ того, что̀ далѣе произошло!

— Те-ле-гра-фи-ровалъ сюда,—скандируетъ сухопарый милордъ, слѣдя за сеттеромъ и едва отвѣчая генералу,—и я въ первую минуту, во-об-ра-зите себѣ, по-те-ря-лся...

— Вѣроятно, вамъ родственникъ?—желалъ-бы освѣдомиться генералъ, но сдерживаетъ себя и ждетъ.

— И, представьте, семейство въ Карлсбадѣ, а онъ те-ле-гра-фи-ровалъ, опять безсвязно шамкаетъ милордъ, наладивъ одно: «телеграфировалъ».

Его превосходительство продолжаетъ ждать, хотя въ лицѣ его изображается сильнѣйшее нетерпѣніе. Но милордъ вдругъ умолкаетъ совершенно и рѣшительно забываетъ о разговорѣ.

— Вѣдь у него, кажется... главное его имѣнье... въ Тверской губерніи?—рѣшается, наконецъ, самъ спросить генералъ, съ нѣкоторымъ стыдомъ неувѣренности.

— Оба, оба су-хо-щавые, и Яковъ и А-ри-стархъ... Оба брата.

Digitized by Google

Братъ теперь въ Бес-са-ра-біи. Яковъ ногу сломалъ, а Аристархъ въ Бес-са-ра-біи.

Генералъ вздергиваетъ голову и находится въ чрезвычайномъ недоумѣніи.

— Су-хо-ща-вые, а имѣнье женнино, отъ Га-ру-ни-ныхъ. Она у-рож-денная Га-ру-ни-на.

— А!—радуется генералъ. Онъ, видимо, доволенъ тѣмъ, что „она Гарунина». Онъ теперь понимаетъ.

— Добрѣйшій, кажется, человѣкъ, съ жаромъ восклицаетъ онъ...—Я его зналъ... то есть я именно думалъ здѣсь познакомиться... благороднѣйшій человѣкъ!

— Добрѣйшій человѣкъ, ваше превосходительство, добрѣйшій! И знаете, именно, какъ вы изволили сейчасъ опредѣлить: «добрѣйшій-съ!» горячо ввязывается развязный человѣчекъ со второй ступеньки и неподдѣльный восторгъ сіяетъ въ глазахъ его. Онъ осанисто озирается на пассажировъ, и чувствуетъ себя нравственно выше всѣхъ насъ остальныхъ на палубѣ.

Этого уже совершенно не выдерживаетъ европейскій господинъ, скитающійся «около разговора». Увы, тутъ даже цѣлый фатумъ!

Въ томъ, главное, фатумъ, что супруга его, «высшая дама», когда-то еще въ дѣвицахъ была чуть не подругой супруги «хозяина губерніи», урожденной С—й, и тогда еще тоже дѣвицы. «Высшая дама»—тоже чья-то «урожденная» и тоже причисляетъ себя къ существамъ нѣсколько высшаго типа, чѣмъ супругъ ея. Вступая давеча на пароходъ, она отлично знала, что хозяйка губерніи тоже поѣдетъ на пароходѣ и разсчитывала съ ней встрѣтиться». Но увы, онѣ не «встрѣтились» и даже съ перваго шагу, съ перваго взгляда обозначилось съ необычайною ясностію, что и не могутъ встрѣтиться! «И все это изъ-за несноснаго этого человѣка!».

А «несносный этотъ человѣкъ», съ своей стороны, слишкомъ хорошо знаетъ безсловныя мысли своей супруги и слишкомъ пріучился ихъ узнавать въ семилѣтіе свое супружества. А между тѣмъ и онъ «въ Аркадіи рожденъ». У него здѣсь, въ этой-же губерніи, въ старину было восемьсотъ даже душъ! На выкупныя они и проѣздили всѣ эти семь лѣтъ за границей и даже на дубовую рощу (триста десятинъ-съ!), проданную еще три года назадъ. И вотъ они теперь возвратились въ отечество, даже четыре уже мѣсяца как въ отечествѣ, и ѣдутъ теперь въ развалины своего помѣстья, сам не зная зачѣмъ. Главное, высшая дама, кажется, и знать не хочетъ что уже нѣтъ болѣе ни выкупныхъ, ни дубовой рощи. Но всег

Digitized by Google

болѣе она раздражена тѣмъ, что вотъ уже они четыре мѣсяца какъ воротились, а ей все ни съ кѣмъ не удается «встрѣтиться». Случай съ генеральшей не первый. «И все изъ-за него, изъ-за этого ничтожнаго человѣчишка!».

— Что въ томъ, что у него европейская борода, зато ни значенія, ни чинишка, ни связей! Онъ ничего не съумѣлъ самъ выдумать, даже жениться самъ не съумѣлъ. И какъ могла я за него выйти. Я бородой прельстилась! Пусть онъ тамъ говоритъ, что бесѣдовалъ съ Миллемъ и способствовалъ низверженію Тьера; вѣдь за это ему здѣсь ничего не дадутъ; да къ тому-же и вретъ; еслибъ Тьера низвергалъ, я-бы видѣла...

Счастливый мужъ великолѣпно, отлично знаетъ, что таковы именно мысли о немъ его «высшей дамы», и именно въ эту минуту. Она не высказала ему желанія «встрѣтиться» съ хозяйкой губерніи, но онъ знаетъ, что если не устроитъ ей этой встрѣчи, то это причтется ему уже на всю жизнь. Къ тому-же онъ самъ непремѣнно хочетъ, чтобы она первая созналась, что онъ не только съ Миллемъ, но даже и съ отечественными генералами можетъ поговорить, что онъ тоже птица, и не простая какая нибудь, а настоящая птица каганъ. Увы, вотъ это-то добровольное признаніе супругою его совершенствъ и составляло, въ сущности, главнѣйшую задачу всей его столь манкированной жизни, и даже всю цѣль ея, съ самыхъ первыхъ часовъ супружества! Какъ это такъ устроилось—слишкомъ долго передавать, но это было такъ, и тутъ было все и ничего болѣе. И вотъ онъ вдругъ, нервно, потерянно, шагаетъ впередъ и становится прямо противъ милорда.

— Я... генералъ... я тоже былъ въ Карлсбадѣ,—лепечетъ онъ съ дубу генералу,—и, представьте, генералъ, тамъ при мнѣ тоже былъ случай съ ногой... Это вы про Аристарха Яковлевича изволили говорить?—ужасно быстро повертывается онъ вдругъ къ милорду, не выдержавъ генерала.

Генералъ вздергиваетъ голову и съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотритъ на подбѣжавшаго господина, который говоритъ, а самъ весь трясется. Но милордъ не вскинулъ даже и головы, а между тѣмъ, о ужасъ, протягиваетъ руку и европейскій господинъ ясно чувствуетъ, что милордъ, упираясь рукой съ боку въ его ноги, съ силою отстраняетъ его съ мѣста. Онъ вздрагиваетъ, смотритъ внизъ и вдругъ замѣчаетъ причину: забѣжавъ и легкомысленно помѣстившись между скамейкой и стульчикомъ милорда, онъ и не замѣтилъ какъ задѣлъ лежавшую на скамейкѣ трость его, которая уже скользитъ и готова упасть со скамейки. Онъ быстро отскакиваетъ, трость падаетъ и милордъ съ ворчаньемъ нагибается поднять ее. Въ то-же

Digitized by Google

самое мгновеніе раздается ужасный визгъ: это сеттеръ, которому отскочившій на два шага господинъ отдавилъ лапу. Сеттеръ визжитъ нестерпимо, нелѣпо; милордъ всѣмъ корпусомъ поворачивается на стульчикѣ и яростно скандируетъ господину:

— Я васъ по-кор-нѣйше прошу оставить въ по-коѣ мою со-ба-ку.

— Это не я... Это она сама... бормочетъ собесѣдникъ Милля, желая провалиться сквозь палубу.

— Вы не повѣрите, вы не повѣрите, сколько я должна была выстрадать изъ-за этого без-дар-наго человѣка! слышится ему сзади яростный полушепотъ его супруги на ухо гувернанткѣ,—и даже не слышится, а только всѣмъ существомъ предчувствуется, а супруга, можетъ быть, и не шептала ничего гувернанткѣ...

Но вѣдь ужь все равно! Онъ не только рѣшается провалиться сквозь палубу, но даже готовъ стушеваться куда нибудь на носъ, спрятаться у колеса. Такъ, кажется, и дѣлаетъ. По крайней мѣрѣ, въ остальную часть пути его что-то не видно у насъ на палубѣ.

Все кончается у насъ тѣмъ, что администраторъ не выдерживаетъ и, познакомивъ милорда съ своей супругой, самъ отправляется въ каюту, гдѣ, стараньями капитана, уже изготовленъ карточный столъ. Всѣ знаютъ маленькую слабость администратора. Господинъ со второй ступеньки все уже устроилъ и добылъ позволительныхъ по обстоятельствамъ партнеровъ: приглашены — одинъ чиновникъ, состоящій при постройкѣ ближайшей желѣзной дороги, съ какимъ-то неестественной величины жалованіемъ и уже нѣсколько знакомый его превосходительству, и инженеръ-полковникъ, хотя и не знакомый, но согласившійся составить партію. Этотъ держитъ себя угрюмо и туповато (отъ наплыва собственнаго достоинства), но разыгрываетъ партію хорошо. Желѣзно-дорожный чиновникъ нѣсколько тривіаленъ, но умѣетъ сдерживаться; господинъ-же со второй ступеньки, сѣвшій за четвертаго, ведетъ себя совершенно такъ, какъ ему надо вести себя. Генералъ испытываетъ большое удовольствіе.

А милордъ между тѣмъ знакомится съ генеральшей. О томъ, что она урожденная С—я, онъ совсѣмъ позабылъ и не догадывался. Теперь онъ вдругъ припомнилъ ее еще шестнадцатилѣтней дѣвочкой. Генеральша обращается съ нимъ нѣсколько свысока и какъ будто небрежно, но это все только видъ. Она вяжетъ какое-то вязанье и едва глядитъ на него; но милордъ становится чѣмъ дальше, тѣмъ милѣе; онъ одушевляется, правда, шамкаетъ и брызгается, но такъ отлично разсказываетъ (разумѣется, по французски), припоминаетъ такіе прелестные анекдоты, такія дѣйствительно-остроумныя

Digitized by Google

вещи... А сколько онъ знаетъ сплетень! Генеральша улыбается все чаще и чаще. Обаяніе прелестной женщины дѣйствуетъ на милорда до странности, онъ все ближе и ближе подвигаетъ къ ней свой стульчикъ, онъ, наконецъ, совсѣмъ какъ-то раскисаетъ и какъ-то странно хихикаетъ... Этого уже окончательно не можетъ вынести несчастная «высшая дама». Съ ней дѣлается тикъ (tic douleureux), она переходитъ въ дамскую каюту, въ особое отдѣленіе, вмѣстѣ съ гувернанткой и съ Ниной. Начинаются уксусныя примочки, раздаются стоны. Гувернантка чувствуетъ, что «утро потеряно» и рѣшительно дуется. Она не хочетъ заговаривать, усадила Вѣру, а сама смотритъ въ книжку, которую, впрочемъ, не читаетъ.

– Это съ ней однако-же въ первый разъ во всѣ три мѣсяца,— мѣряетъ ее глазами страдающая дама. — Она-бы должна говорить, должна! Меня развлекать должна, меня сожалѣть; она гувернантка, она должна юлить, распинаться, это все, все черезъ этого человѣчишку!—и она съ ненавистью продолжаетъ коситься на дѣвицу. Заговорить-же съ ней сама не хочетъ изъ гордости. Дѣвица между тѣмъ мечтаетъ про только что покинутый Петербургъ, про бакенбарды двоюроднаго братца, про офицера, его пріятеля, про двухъ студентовъ. Мечтаетъ объ одной компаніи, гдѣ такъ много собирается студентовъ и студентокъ и куда ее уже приглашали.

«А чортъ-бы дралъ! рѣшаетъ она окончательно: пробуду у этихъ эзоповъ еще мѣсяцъ и если все также будетъ скучно, удеру въ Петербургъ. А жрать будетъ нечего, пойду въ акушерки. Наплевать!».

Пароходъ, наконецъ, подходитъ къ пристани и всѣ бросаются къ выходу, какъ изъ спертаго темничнаго воздуха. Какой жаркій день, какое ясное, прекрасное небо! Но мы на небо не смотримъ, некогда. Мы спѣшимъ, спѣшимъ; небо не уйдетъ.

Небо дѣло домашнее, небо дѣло не хитрое; а вотъ жизнь прожить,—такъ не поле перейти.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Рядъ Статей о Русской Литературѣ.

(Изъ журнала „Время“ за 1861 г.).

СТРАН.

I. Введеніе. 9
II. Г. —бовъ и вопросъ объ искусствѣ. 44
III. Книжность и грамотность. (Статья первая). 83
IV. Книжность и грамотность. (Статья вторая). 101
V. Послѣднія литературныя явленія. Газета „День“. 140

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

изъ журнала „Гражданинъ“ за 1873 годъ.

I. Вступленіе. 155
II. Старые люди. 159
III. Среда. 164
IV. Нѣчто личное. 176
V. Власъ. 185
VI. Бобокъ. 197
VII. Смятенный видъ. 211
VIII Полписьма „одного лица“. 219
IX. По поводу выставки. 228
X. Ряженый. 239
XI. Мечты и грёзы. 254
XII. По поводу новой драмы. 260
XIII. Маленькія картинки. 270
XIV. Учителю. 279
XV. Нѣчто о враньѣ. 285
XVI. Одна изъ современныхъ фальшей. 294

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Иностранныя Событія.

изъ журнала „Гражданинъ“ за 1873—74 г.г.

СТРАН.

Изъ № 38 журн. „Гражданинъ“ 1873 г. 309
„ № 39 „ „ „ 318
„ № 40 „ „ „ 322
„ № 41 „ „ „ 325
„ № 42 „ „ „ 337
„ № 43 „ „ „ 345
„ № 44 „ „ „ 351
„ № 45 „ „ „ 358
„ № 46 „ „ „ 364
„ № 51 „ „ „ 371
„ № 52 „ „ „ 377
Изъ № 1 журн. „Гражданинъ“ 1874 г. 380

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Двѣ замѣтки редактора (изъ журн. „Гражданинъ“ 1873 г.). 391
Маленькія Картинки. Въ дорогѣ. (Изъ сборника „Складчина“, изданнаго въ 1874 г.). 399

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Повѣсти и разсказы. — Краткая біографія Ѳ. М. Достоевскаго, съ приложеніемъ портрета.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».—Повѣсти и разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».—Разсказъ «Вѣчный мужъ».

ПЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Идіотъ».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Бѣсы».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1873 г.—Критическія статьи.—Политическія статьи.

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы».

Цѣна за всѣ **двѣнадцать** томовъ—**десять** рублей, съ пересылкою—**двѣнадцать** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ **восемь** томовъ. По выходѣ всѣхъ двѣнадцати томовъ цѣна будетъ увеличена до **14** рублей.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. № 11, кв. № 1.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ 2 руб., и ежемѣсячно по рублю до выплаты подписной суммы.

Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсроч... по 1 р. въ мѣсяцъ, при ручательствѣ Гг. Казначеев...

Digitized by Google

Slav 4338.217

Jeremiah Curtin

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

ЗА

1876 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Пантелѣева. Подольская, 34.
1905.

Digitized by Google

Digitized by Google

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЗА

1876 г.

Jeremiah Curtin

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Пантелѣева. Лодольская, 34.
1905.

Digitized by Google

Slav 4338.2.7

Harvard College Library
Sept. 3, 1913
Bequest of
Jeremiah Curtin

Digitized by Google

ЯНВАРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Вмѣсто предисловія о Большой и Малой Медвѣдицахъ, о Молитвѣ великаго Гёте и вообще о дурныхъ привычкахъ.

Хлестаковъ, по крайней мѣрѣ, вралъ — вралъ у городничаго, но все-же капельку боялся, что вотъ его возьмутъ, да и вытолкаютъ изъ гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врутъ съ полнымъ спокойствіемъ.

Нынче всѣ съ полнымъ спокойствіемъ. Спокойны и, можетъ быть, даже счастливы. Врядъ-ли кто даетъ себѣ отчетъ, всякій дѣйствуетъ «просто», а это уже полное счастье. Нынче, какъ и прежде, всѣ проѣдены самолюбіемъ, но прежде самолюбіе входило робко, оглядывалось лихорадочно, вглядывалось въ физіономіи. «Такъ-ли я вошелъ? Такъ-ли я сказалъ?» Нынче-же всякій и прежде всего увѣренъ, входя куда нибудь, что все принадлежитъ ему одному. Если-же не ему, то онъ даже и не сердится, а мигомъ рѣшаетъ дѣло; не слыхали-ли вы про такія записочки:

«Милый папаша, мнѣ двадцать три года, а я еще ничего не сдѣлалъ; убѣжденный, что изъ меня ничего не выйдетъ, я рѣшился покончить съ жизнью»...

И застрѣливается. Но тутъ хоть что нибудь да понятно: «для чего-де и жить какъ не для гордости?» А другой посмотритъ, походитъ и застрѣлится молча, единственно изъ-за того, что у него нѣтъ денегъ, чтобы нанять любовницу. Это уже полное свинство.

Увѣряютъ печатно, что это у нихъ отъ того, что они много думаютъ. «Думаетъ — думаетъ про себя, да вдругъ гдѣ нибудь и вынырнетъ, и именно тамъ, гдѣ намѣтилъ». Я убѣжденъ, напротивъ, что онъ вовсе ничего не думаетъ, что онъ рѣшительно не

Digitized by Google

въ силахъ составить понятіе, до дикости неразвитъ, и если чего захочетъ, то утробно, а не сознательно; просто полное свинство и вовсе тутъ нѣтъ ничего либеральнаго.

И при этомъ ни одного Гамлетовскаго вопроса:

„Но страхъ что будетъ тамъ...“

И въ этомъ ужасно много страннаго. Неужели это безмысліе въ русской природѣ? Я говорю безмысліе, а не безсмысліе. Ну, не вѣрь, но хоть помысли. Въ нашемъ самоубійцѣ даже и тѣни подозрѣнія не бываетъ о томъ, что онъ называется *я* и есть существо безсмертное. Онъ даже какъ будто никогда не слыхалъ о томъ ровно ничего. И однако онъ вовсе и не атеистъ. Вспомните прежнихъ атеистовъ: утративъ вѣру въ одно, они тотчасъ-же начинали страшно вѣровать въ другое. Вспомните страстную вѣру Дидро, Вольтера... У нашихъ—полное tabula rasa, да и какой тутъ Вольтеръ: просто нѣтъ денегъ, чтобы нанять любовницу, и больше ничего.

Самоубійца Вертеръ, кончая съ жизнью, въ послѣднихъ строкахъ имъ оставленныхъ, жалѣетъ, что не увидитъ болѣе «прекраснаго созвѣздія Большой Медвѣдицы» и прощается съ нимъ. О, какъ сказался въ этой черточкѣ только что начинавшійся тогда Гёте! Чѣмъ-же такъ дороги были молодому Вертеру эти созвѣздія? Тѣмъ, что онъ сознавалъ, каждый разъ созерцая ихъ, что онъ вовсе не атомъ и не ничто передъ ними, что вся эта бездна таинственныхъ чудесъ Божіихъ вовсе не выше его мысли, не выше его сознанія, не выше идеала красоты заключеннаго въ душѣ его, а, стало быть, равна ему и роднитъ его съ безконечностью бытія... и что за все счастіе чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто онъ? — онъ обязанъ лишь *своему лику человѣческому*.

«Великій Духъ, благодарю тебя за ликъ человѣческій, Тобою данный мнѣ».

Вотъ какова должна была быть молитва великаго Гёте во всю жизнь его. У насъ разбиваютъ этотъ данный человѣку ликъ совершенно просто и безъ всякихъ этихъ нѣмецкихъ фокусовъ, а съ Медвѣдицами, не только съ Большой, да и съ Малой-то никто не вздумаетъ попрощаться, а и вздумаетъ, такъ не станетъ: очень ужь это ему стыдно будетъ.

— О чемъ это вы заговорили? спроситъ меня удивленный читатель.

— Я хотѣлъ было написать предисловіе, потому что нельзя-же совсѣмъ безъ предисловія.

— Въ такомъ случаѣ лучше объясните ваше направленіе, ваши убѣжденія, объясните: что вы за человѣкъ и какъ осмѣлились объявить «Дневникъ Писателя?»

Digitized by Google

Но это очень трудно и я вижу, что я не мастеръ писать предисловія. Предисловіе, можетъ быть, также трудно написать, какъ и письмо. Что-же до либерализма (вмѣсто слова «направленіе» я уже прямо буду употреблять слово: «либерализмъ»), что до либерализма, то всѣмъ извѣстный Незнакомецъ, въ одномъ изъ недавнихъ фельетоновъ своихъ, говоря о томъ, какъ встрѣтила пресса наша новый 1876 годъ, упоминаетъ, между прочимъ, не безъ ѣдкости, что все обошлось достаточно либерально. Я радъ, что онъ проявилъ тутъ ѣдкость. Дѣйствительно, либерализмъ нашъ обратился въ послѣднее время повсемѣстно — или въ ремесло или въ дурную привычку. То есть, сама по себѣ это была-бы вовсе недурная привычка, но у насъ все это какъ-то такъ устроилось. И даже странно: либерализмъ нашъ, казалось-бы, принадлежитъ къ разряду успокоенныхъ либерализмовъ; успокоенныхъ и успокоившихся, что̀, по моему, очень ужь скверно, ибо квіетизмъ всего-бы меньше, кажется, могъ ладить съ либерализмомъ. И что-же, не смотря на такой покой, повсемѣстно являются несомнѣнные признаки, что въ обществѣ нашемъ, мало по малу, совершенно исчезаетъ пониманіе о томъ: что̀ либерально, а что̀ вовсе нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ начинаютъ сильно сбиваться; есть примѣры даже чрезвычайныхъ случаевъ сбивчивости. Короче, либералы наши, вмѣсто того, чтобъ стать свободнѣе, связали себя либерализмомъ какъ веревками, а потому и я, пользуясь симъ любопытнымъ случаемъ, о подробностяхъ либерализма моего умолчу. Но вообще скажу, что считаю себя всѣхъ либеральнѣе, хотя-бы по тому одному, что совсѣмъ не желаю успокоиваться. Ну вотъ и довольно объ этомъ. Что-же касается до того, какой я человѣкъ, то я-бы такъ о себѣ выразился: «Je suis un homme heureux qui n'a pas l'air content», то есть, по-русски: «Я человѣкъ счастливый, но—кое чѣмъ недовольный»...

На этомъ и кончаю предисловіе. Да и написалъ-то его лишь для формы.

II.

Будущій романъ. Опять „случайное семейство".

Въ клубѣ художниковъ была елка и дѣтскій балъ и я отправился посмотрѣть на дѣтей. Я и прежде всегда смотрѣлъ на дѣтей, но теперь присматриваюсь особенно. Я давно уже поставилъ себѣ идеаломъ написать романъ о русскихъ теперешнихъ дѣтяхъ, ну и конечно о теперешнихъ ихъ отцахъ, въ теперешнемъ

Digitized by Google

взаимномъ ихъ соотношеніи. Поэма готова и создалась прежде всего, какъ и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцовъ и дѣтей по возможности изъ всѣхъ слоевъ общества и прослѣжу за дѣтьми съ ихъ самаго перваго дѣтства.

Когда полтора года назадъ, Николай Алексѣевичъ Некрасовъ приглашалъ меня написать романъ для «Отечественныхъ Записокъ», я чуть было не началъ тогда моихъ «Отцовъ и дѣтей», но удержался и слава Богу: я былъ не готовъ. А пока я написалъ лишь «Подростка»,—эту первую пробу моей мысли. Но тутъ дитя уже вышло изъ дѣтства и появилось лишь неготовымъ человѣкомъ, робко и дерзко желающимъ поскорѣе ступить свой первый шагъ въ жизни. Я взялъ душу безгрѣшную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и «случайность» свою и тою широкостью, съ которою еще цѣломудренная душа уже допускаетъ сознательно порокъ въ свои мысли, уже лелѣетъ его въ сердцѣ своемъ, любуется имъ еще въ стыдливыхъ, но уже дерзкихъ и бурныхъ мечтахъ своихъ—все это, оставленное единственно на свои силы и на свое разумѣніе, да еще, правда, на Бога. Все это выкидыши общества, «случайные» члены «случайныхъ» семей.

Въ газетахъ всѣ недавно прочли объ убійствѣ мѣщанки Перовой и объ самоубійствѣ ея убійцы. Она съ нимъ жила, онъ былъ работникомъ въ типографіи, но потерялъ мѣсто, она-же снимала квартиру и пускала жильцовъ. Началось несогласіе. Перова просила его ее оставить. Характеръ убійцы былъ изъ новѣйшихъ: «не мнѣ, такъ никому». Онъ далъ ей слово, что «оставитъ ее», и варварски зарѣзалъ ее ночью, обдуманно и преднамѣренно, а затѣмъ зарѣзался самъ. Перова оставила двухъ дѣтей, мальчиковъ, 12 и 9 лѣтъ, прижитыхъ ею незаконно, но не отъ убійцы, а еще прежде знакомства съ нимъ. Она ихъ любила. Оба они были свидѣтелями какъ съ вечера онъ, въ страшной сценѣ, измучилъ ихъ мать попреками и довелъ до обморока и просили ее не ходить къ нему въ комнату, но она пошла.

Газета «Голосъ» взываетъ къ публикѣ о помощи «несчастнымъ сиротамъ», изъ коихъ одинъ, старшій, воспитывался въ 5-й гимназіи, а другой пока жилъ дома. Вотъ опять «случайное семейство», опять дѣти съ мрачнымъ впечатлѣніемъ въ юной душѣ. Мрачная картина останется въ ихъ душахъ на вѣки и можетъ болѣзненно надорвать юную гордость еще съ тѣхъ дней

„...когда намъ новы
Всѣ впечатлѣнья бытія“

а изъ того не по силамъ задачи, раннее страданіе самолюбія,

Digitized by Google

краска ложнаго стыда за прошлое и глухая, замкнувшаяся въ себѣ ненависть къ людямъ, и это, можетъ быть, во весь вѣкъ. Да благословитъ Господь будущее этихъ неповинныхъ дѣтей и пусть не перестаютъ они любить во всю жизнь свою ихъ бѣдную мать, безъ упрека и безъ стыда за любовь свою. А помочь имъ надо непремѣнно. На этотъ счетъ общество наше отзывчиво и благородно. Неужели имъ оставить гимназію, если ужь они начали съ гимназіи? Старшій, говорятъ, не оставитъ и его судьба будто ужь устроена, а младшій? Неужто соберутъ рублей семьдесятъ или сто, а тамъ и забудутъ про нихъ? Спасибо и «Голосу», что напоминаетъ намъ о несчастныхъ.

III.

Елка въ клубѣ художниковъ. Дѣти мыслящія и дѣти облегчаемыя. „Обжорливая младость". Вуйки. Толкающіеся подростки. Поторопившійся московскій капитанъ.

Елку и танцы въ клубѣ художниковъ я, конечно, не стану подробно описывать; все это было уже давно и въ свое время описано, такъ что я самъ прочелъ съ большимъ удовольствіемъ въ другихъ фельетонахъ. Скажу лишь, что слишкомъ давно передъ тѣмъ нигдѣ не былъ, ни въ одномъ собраніи, и долго жилъ уединенно.

Сначала танцовали дѣти, всѣ въ прелестныхъ костюмахъ. Любопытно прослѣдить какъ самыя сложныя понятія прививаются къ ребенку совсѣмъ незамѣтно и онъ, еще не умѣя связать двухъ мыслей, великолѣпно иногда понимаетъ самыя глубокія жизненныя вещи. Одинъ ученый нѣмецъ сказалъ, что всякій ребенокъ, достигая первыхъ трехъ лѣтъ своей жизни, уже пріобрѣтаетъ цѣлую треть тѣхъ идей и познаній, съ которыми ляжетъ старикомъ въ могилу. Тутъ были даже шестилѣтнія дѣти: но я навѣрно знаю, что они уже въ совершенствѣ понимали: почему и зачѣмъ они пріѣхали сюда, разряженныя въ такія дорогія платьица, а дома ходятъ замарашками (при теперешнихъ средствахъ средняго общества—непремѣнно замарашками). Мало того, они навѣрно уже понимаютъ, что такъ именно и надо, что это вовсе не уклоненіе, а нормальный законъ природы. Конечно, на словахъ не выразятъ: но внутренно знаютъ, а это однако-же чрезвычайно сложная мысль.

Изъ дѣтей мнѣ больше понравились самые маленькіе; очень были

Digitized by Google

милы и развязны. Постарше уже развязны съ нѣкоторою дерзостью. Разумѣется, всѣхъ развязнѣе и веселѣе была будущая средина и бездарность, это уже общій законъ: средина всегда развязна, какъ въ дѣтяхъ, такъ и въ родителяхъ. Болѣе даровитые и обособленные изъ дѣтей всегда сдержаннѣе, или если ужь веселы, то съ непремѣнной повадкой вести за собою другихъ и командовать. Жаль еще тоже, что дѣтямъ теперь такъ все облегчаютъ,—не только всякое изученіе, всякое пріобрѣтеніе знаній, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенокъ станетъ лепетать первыя слова и уже тотчасъ-же начинаютъ его облегчать. Вся педагогика ушла теперь въ заботу объ облегченіи. Иногда облегченіе вовсе не есть развитіе, а, даже напротивъ, есть отупленіе. Двѣ-три мысли, два-три впечатлѣнія поглубже выжитыя въ дѣтствѣ, собственнымъ усиліемъ (а если хотите, такъ и страданіемъ), проведутъ ребенка гораздо глубже въ жизнь, чѣмъ самая облегченная школа, изъ которой сплошь да рядомъ выходитъ ни то ни се, ни доброе ни злое, даже и въ развратѣ не развратное, и въ добродѣтели не добродѣтельное.

„Что устрицы, пришли? О радость!
„Летитъ обжорливая младость
„Глотать...

Вотъ эта-то «обжорливая младость» (единственный дрянной стихъ у Пушкина потому, что высказанъ совсѣмъ безъ ироніи, а почти съ похвалой)—вотъ эта-то обжорливая младость изъ чего нибудь да дѣлается-же? Скверная младость и нежелательная, и я увѣренъ, что слишкомъ облегченное воспитаніе чрезвычайно способствуетъ ея выдѣлкѣ; а у насъ ужь какъ этого добра много!

Дѣвочки все-таки понятнѣе мальчиковъ. Почему это дѣвочки, и почти вплоть до совершеннолѣтія (но не далѣе), всегда развитѣе или кажутся развитѣе однолѣтнихъ съ ними мальчиковъ? Дѣвочки особенно понятны въ танцахъ: такъ и прозрѣваешь въ иной будущую «Вуйку», которая ни за что не съумѣетъ выйти замужъ, не смотря на все желаніе. Вуйками я называю тѣхъ дѣвицъ, которыя до тридцати почти лѣтъ отвѣчаютъ вамъ: вуй да нонъ. За то есть и такія, которыя, о сю пору видно, весьма скоро выйдутъ замужъ, тотчасъ какъ пожелаютъ.

Но еще циничнѣе, по моему, одѣвать на танцы чуть не взрослую дѣвочку все еще въ дѣтскій костюмъ; право нехорошо. Иныя изъ этихъ дѣвочекъ такъ и остались танцовать съ большими, въ коротенькихъ платьицахъ и съ открытыми ножками, когда въ полночь кончился дѣтскій балъ и пустились въ плясъ родители.

Но мнѣ все чрезвычайно нравилось и еслибы только не толпались подростки, то все обошлось-бы къ полному удовольствію. Въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ, взрослые всѣ празднично и изящно вѣжливы, а подростки, (не дѣти, а подростки, будущіе молодые люди, въ разныхъ мундирчикахъ и которыхъ была тьма)—толкаются нестерпимо, не извиняясь и проходя мимо съ полнымъ правомъ. Меня толкнули разъ пятьдесятъ; можетъ быть, ихъ такъ тому и учатъ для развитія въ нихъ развязности. Тѣмъ не менѣе, мнѣ все нравилось, съ долгой отвычки, не смотря даже на страшную духоту, на электрическія солнца и на неистовые командные крики балетнаго распорядителя танцевъ.

Я взялъ надняхъ одинъ нумеръ «Петербургской Газеты» и въ немъ прочелъ корреспонденцію изъ Москвы о скандалахъ на праздникахъ въ дворянскомъ собраніи, въ артистическомъ кружкѣ, въ театрѣ, въ маскарадѣ и проч. Если только вѣрить корреспонденту (ибо корреспондентъ, возвѣщая о порокѣ, могъ съ намѣреніемъ умолчать о добродѣтели), то общество наше никогда еще не было ближе къ скандалу, какъ теперь. И странно: отчего это, еще съ самаго моего дѣтства, и во всю мою жизнь, чуть только я попадалъ въ большое праздничное собраніе русскихъ людей, тотчасъ всегда мнѣ начинало казаться, что это они только такъ, а вдругъ возьмутъ, встанутъ и сдѣлаютъ дебошъ, совсѣмъ какъ у себя дома. Мысль нелѣпая и фантастическая,—и какъ я стыдился и упрекалъ себя за эту мысль еще въ дѣтствѣ! Мысль невыдерживающая ни малѣйшей критики. О, конечно, купцы и капитаны, о которыхъ разсказываетъ правдивый корреспондентъ (я ему вполнѣ вѣрю) и прежде были и всегда были, это типъ неумирающій; но все-же они болѣе боялись и скрывали чувства, а теперь, нѣтъ—нѣтъ, и вдругъ прорвется, на самую середину, такой господинъ, который считаетъ себя совсѣмъ уже въ новомъ правѣ. И безспорно, что въ послѣднія двадцать лѣтъ, даже ужасно много русскихъ людей вдругъ вообразили себѣ почему-то, что они получили полное право на безчестье и что это теперь уже хорошо, и что ихъ за это теперь уже похвалятъ, а не выведутъ. Съ другой стороны, я понимаю и то, что чрезвычайно пріятно (о, многимъ, многимъ!) встать посреди собранія, гдѣ все кругомъ, дамы, кавалеры и даже начальство такъ сладки въ рѣчахъ, такъ учтивы и равны со всѣми, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ,—встать посреди этихъ европейцевъ, и вдругъ что нибудь гаркнуть на чистѣйшемъ національномъ нарѣчіи,—свистнуть кому нибудь оплеуху, отмочить пакость дѣвушкѣ и вообще тутъ-же среди залы нагадить: «Вотъ, дескать, вамъ за двухсотлѣтній европеизмъ, а мы вотъ они, всѣ какъ были, никуда не исчезли»! Это пріятно. Но все-же дикарь ошибется: его не признаютъ и выведутъ. Кто выведетъ? Полицейская сила? Нѣтъ-съ, со-

Digitized by Google

всѣмъ не полицейская сила, а вотъ именно, такіе-же самые дикари какъ и этотъ дикарь! Вотъ она гдѣ сила. Объяснюсь.

— Знаете-ли кому, можетъ быть, всѣхъ пріятнѣе и драгоцѣннѣе этотъ европейскій и праздничный видъ, собирающагося по европейски русскаго общества? А вотъ именно Сквозникамъ-Дмухановскимъ, Чичиковымъ и даже, можетъ быть, Держимордѣ, то есть, именно такимъ лицамъ, которыя у себя дома, въ частной жизни своей—въ высшей степени національны. О, у нихъ есть и свои собранія и танцы, тамъ, у себя дома, но они ихъ не цѣнятъ и не уважаютъ, а цѣнятъ балъ губернаторскій, балъ высшаго общества, объ которомъ слыхали отъ Хлестакова, а почему? А именно потому, что сами не похожи на хорошее общество. Вотъ почему ему и дороги европейскія формы, хотя онъ твердо знаетъ, что самъ, лично, онъ не раскается и вернется съ европейскаго бала домой все тѣмъ-же самымъ кулачникомъ; но онъ утѣшенъ, ибо хоть въ идеалѣ да почтилъ добродѣтель. О, онъ совершенно знаетъ, что все это миражъ; но все-же онъ, побывавъ на балѣ, удостовѣрился, что этотъ миражъ продолжается, чѣмъ-то все еще держится, какою-то невидимою но чрезвычайною силою, и что вотъ онъ самъ даже не посмѣлъ выйти на средину и что нибудь гаркнуть на національномъ нарѣчіи,—и мысль о томъ, что ему этого не позволили, да и впредь не позволятъ, чрезвычайно ему пріятна. Вы не повѣрите до какой степени можетъ варваръ полюбить Европу; все-же онъ тѣмъ какъ-бы тоже участвуетъ въ культѣ. Безъ сомнѣнія, онъ часто и опредѣлить не въ силахъ въ чемъ состоитъ этотъ культъ. Хлестаковъ, напримѣръ, полагалъ, что этотъ культъ заключается въ томъ арбузѣ въ сто рублей, который подаютъ на балахъ высшаго общества. Можетъ быть, Сквозникъ-Дмухановскій такъ и остался до сихъ поръ въ той-же самой увѣренности про арбузъ, хотя Хлестакова и раскусилъ, и презираетъ его, но онъ радъ хоть и въ арбузѣ почтить добродѣтель. И тутъ вовсе не лицемѣріе, а самая полная искренность, мало того—потребность. Да и лицемѣріе тутъ даже хорошо дѣйствуетъ, ибо что такое лицемѣріе? Лицемѣріе есть та самая дань, которую порокъ обязанъ платить добродѣтели — мысль безмѣрно утѣшительная для человѣка, желающаго оставаться порочнымъ практически, а между тѣмъ не разрывать, хоть въ душѣ, съ добродѣтелью. О, порокъ ужасно любитъ платить дань добродѣтели и это очень хорошо: пока вѣдь для насъ и того достаточно, не правда-ли? А потому, и гаркнувшій среди залы въ Москвѣ капитанъ продолжаетъ быть лишь исключеніемъ и поторопившимся человѣкомъ, ну, по крайней мѣрѣ, пока; но вѣдь и «пока» даже утѣшительно въ наше зыбучее время.

Digitized by Google

Такимъ образомъ балъ есть рѣшительно консервативная вещь, въ лучшемъ смыслѣ слова и я совсѣмъ не шучу говоря это.

IV.

Золотой вѣкъ въ карманѣ.

впрочемъ мнѣ было и скучно, то есть не скучно, а немного досадно. Кончился дѣтскій балъ и начался балъ отцовъ, и Боже, какая однако бездарность! Всѣ въ новыхъ костюмахъ и никто не умѣетъ носить костюмъ; всѣ веселятся и никто не веселъ; всѣ самолюбивы и никто не умѣетъ себя показать; всѣ завистливы и всѣ молчатъ и сторонятся. Даже танцовать не умѣютъ. Взгляните на этого вертящагося офицера очень маленькаго роста (такого, очень маленькаго ростомъ и звѣрски вертящагося офицера, вы встрѣтите непремѣнно на всѣхъ балахъ средняго общества). Весь танецъ его, весь пріемъ его состоитъ лишь въ томъ, что онъ съ какимъ-то почти звѣрствомъ, какими-то саккадами, вертитъ свою даму и въ состояніи перевертѣть тридцать—сорокъ дамъ сряду и гордится этимъ; но какая-же тутъ красота! Танецъ—это вѣдь почти объясненіе въ любви (вспомните менуэтъ), а онъ точно дерется. И пришла мнѣ въ голову одна фантастическая и до-нельзя дикая мысль: «Ну что̀, подумалъ я, еслибъ всѣ эти милые и почтенные гости захотѣли, хоть на мигъ одинъ, стать искренними и простодушными,—во что-бы обратилась тогда вдругъ эта душная зала? Ну что̀, еслибъ каждый изъ нихъ вдругъ узналъ весь секретъ? Что̀ еслибъ каждый изъ нихъ вдругъ узналъ сколько заключено въ немъ прямодушія, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушныхъ чувствъ, добрыхъ желаній, ума,—куда ума!—остроумія самаго тонкаго, самаго сообщительнаго и это въ каждомъ, рѣшительно въ каждомъ изъ нихъ! Да, господа, въ каждомъ изъ васъ все это есть и заключено и никто-то, никто-то изъ васъ про это ничего не знаетъ! О, милые гости, клянусь, что каждый и каждая изъ васъ умнѣе Вольтера, чувствительнѣе Руссо, несравненно обольстительнѣе Алкивіада, Донъ-Жуана, Лукреціи, Джульетъ и Беатричей! Вы не вѣрите, что вы такъ прекрасны? А я объявляю вамъ честнымъ словомъ, что не у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, еслибъ и всѣхъ-то ихъ сложить вмѣстѣ, не найдется ничего столь прелестнаго, какъ сейчасъ, сію минуту, могло-бы найтись между вами, въ этой-же бальной залѣ. Да что Шекс-

Digitized by Google

пиръ! тутъ явилось-бы такое, что̀ и не снилось нашимъ мудрецамъ. Но бѣда ваша въ томъ, что вы сами не знаете, какъ вы прекрасны! Знаете-ли, что даже каждый изъ васъ, еслибъ только захотѣлъ, то сейчасъ-бы могъ осчастливить всѣхъ въ этой залѣ и всѣхъ увлечь за собой? И эта мощь есть въ каждомъ изъ васъ, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невѣроятною. И неужели, неужели золотой вѣкъ существуетъ лишь на однѣхъ фарфоровыхъ чашкахъ?

Не хмурьтесь, ваше превосходительство, при словѣ *золотой вѣкъ*: честное слово даю, что васъ не заставятъ ходить въ костюмѣ золотаго вѣка, съ листкомъ стыдливости, а оставятъ вамъ весь вашъ генеральскій костюмъ вполнѣ. Увѣряю васъ, что въ золотой вѣкъ могутъ попасть люди даже въ генеральскихъ чинахъ. Да попробуйте только, ваше превосходительство, хотя-бы сейчасъ,— вы-же старшій по чину, вамъ иниціатива,—и вотъ увидите сами, какое пироновское, такъ сказать, остроуміе могли-бы вы вдругъ проявить, совсѣмъ для васъ неожиданно. Вы смѣетесь, вамъ невѣроятно? Радъ, что васъ разсмѣшилъ и однако-же все, что̀ я сейчасъ навосклицалъ, не парадоксъ, а совершенная правда... А бѣда ваша вся въ томъ, что вамъ это невѣроятно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Мальчикъ съ ручкой.

Дѣти странный народъ, они снятся и мерещатся. Передъ елкой и въ самую елку передъ Рождествомъ, я все встрѣчалъ на улицѣ, на извѣстномъ углу, одного мальчишку, никакъ не болѣе какъ лѣтъ семи. Въ страшный морозъ онъ былъ одѣтъ почти по лѣтнему, но шея у него была обвязана какимъ-то старьемъ,— значитъ, его все-же кто-то снаряжалъ, посылая. Онъ ходилъ «съ ручкой»; это техническій терминъ, значитъ просить милостыню. Терминъ выдумали сами эти мальчики. Такихъ, какъ онъ, множество, они вертятся на вашей дорогѣ и завываютъ что-то заученное; но этотъ не завывалъ и говорилъ какъ-то невинно и непривычно и довѣрчиво смотрѣлъ мнѣ въ глаза,—стало быть, лишь начиналъ профессію. На разспросы мои онъ сообщилъ, что у него сестра, сидитъ безъ работы, больная; можетъ, и правда, но только я узналъ потомъ, что этихъ мальчишекъ тьма тьмущая: ихъ вы-

Digitized by Google

сылаютъ съ «ручкой» хотя-бы въ самый страшный морозъ, и если ничего не наберутъ, то навѣрно ихъ ждутъ побои. Набравъ копѣекъ, мальчикъ возвращается, съ красными, окоченѣвшими руками, въ какой нибудь подвалъ, гдѣ пьянствуетъ какая нибудь шайка халатниковъ, изъ тѣхъ самыхъ, которые, «забастовавъ на фабрикѣ подъ воскресенье въ субботу, возвращаются вновь на работу не ранѣе, какъ въ среду вечеромъ». Тамъ въ подвалахъ, пьянствуютъ съ ними ихъ голодныя и битыя жены, тутъ-же пищатъ голодныя грудныя ихъ дѣти. Водка, и грязь, и развратъ, а главное водка. Съ набранными копѣйками мальчишку тотчасъ-же посылаютъ въ кабакъ и онъ приноситъ еще вина. Въ забаву и ему иногда нальютъ въ ротъ косушку и хохочутъ, когда онъ, съ пресѣкшимся дыханіемъ, упадетъ чуть не безъ памяти на полъ,

„...и въ ротъ мнѣ водку скверную
Безжалостно вливалъ“...

Когда онъ подростетъ, его поскорѣе сбываютъ куда-нибудь на фабрику, но все, что онъ заработаетъ, онъ опять обязанъ приносить къ халатникамъ, а тѣ опять пропиваютъ. Но ужь и до фабрики эти дѣти становятся совершенными преступниками. Они бродяжутъ по городу и знаютъ такія мѣста въ разныхъ подвалахъ, въ которыя можно пролѣзть и гдѣ можно переночевать незамѣтно. Одинъ изъ нихъ ночевалъ нѣсколько ночей сряду у одного дворника въ какой-то корзинѣ и тотъ его такъ и не замѣчалъ. Само собою, становятся воришками. Воровство обращается въ страсть даже у восьмилѣтнихъ дѣтей, иногда даже безъ всякаго сознанія о преступности дѣйствія. Подъ конецъ переносятъ все — голодъ, холодъ, побои,—только за одно, за свободу, и убѣгаютъ отъ своихъ халатниковъ бродяжить уже отъ себя. Это дикое существо не понимаетъ иногда ничего, ни гдѣ онъ живетъ, ни какой онъ націи, есть-ли Богъ, есть-ли Государь; даже такія передаютъ объ нихъ вещи, что невѣроятно слышать, и однакоже все факты.

II.

Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Но я романистъ и, кажется, одну «исторію» самъ сочинилъ. Почему я пишу: «кажется», вѣдь я самъ знаю навѣрно, что сочинилъ, но мнѣ все мерещится, что это гдѣ-то и когда-то случилось, именно, это случилось какъ разъ наканунѣ Рождества, въ *какомъ-то* огромномъ городѣ и въ ужасный морозъ.

Digitized by Google

Мерещится мнѣ, былъ въ подвалѣ мальчикъ, но еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе. Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужаго города и вдругъ захворала. Хозяйку угловъ захватили еще два дня тому въ полицію; жильцы разбрелись, дѣло праздничное, а оставшійся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая-же холодная какъ стѣна. «Очень ужъ здѣсь холодно», подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще-бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откудова онъ пріѣхалъ, по ночамъ, такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется—никого, всѣ затворяются по домамъ и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было за то такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь—Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и Господи, такъ хочется поѣсть, хоть-бы кусочекъ какой нибудь, и такъ

Digitized by Google

больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобъ не замѣтить мальчика.

Вотъ и опять улица, — охъ какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ-же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужь и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужь не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе — миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатыя барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входитъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку копѣечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копѣечка тутъ-же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй — поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужь боится, и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что-жь это опять такое? Стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ—совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто-бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ-же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ,—только вотъ изъ за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки — вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно—смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ

Digitized by Google

его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на земь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать—бѣжать, и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: «тутъ не сыщутъ, да и темно».

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть: «Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ», подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: «совсѣмъ какъ живыя»!.. И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсеньку. «Мама, я сплю, ахъ какъ тутъ спать хорошо»!

— Пойдемъ ко мнѣ на елку мальчикъ,—прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ не она; кто-же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ; а онъ протянулъ ему руку и... и вдругъ,—о, какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки, — но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! Мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! кричитъ ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему разсказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ. «Кто вы мальчики? Кто вы дѣвочки? спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это «Христова елка», отвѣчаютъ они ему. «У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки»... И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были все такіе-же какъ онъ дѣти, но одни замерзли еще въ своихъ корзинахъ, въ которыхъ ихъ подкинули на лѣстницы къ дверямъ петербургскихъ чиновниковъ, другіе задохлись у чухонокъ, отъ воспитательнаго дома на прокормленіи, третьи умерли у изсохшей груди своихъ матерей (во время самарскаго голода), четвертые задохлись въ вагонахъ третьяго класса отъ смраду, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ грѣшныхъ матерей... А матери этихъ дѣтей

Digitized by Google

всѣ стоятъ тутъ-же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо...

А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; розыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свидѣлись у Господа Бога въ небѣ. И зачѣмъ-же я сочинилъ такую исторію, такъ не идущую въ обыкновенный разумный дневникъ, да еще писателя? А еще обѣщалъ разсказы преимущественно о событіяхъ дѣйствительныхъ! Но вотъ въ томъ-то и дѣло, мнѣ все кажется и мерещится, что все это могло случиться дѣйствительно,—то есть то, что происходило въ подвалѣ и за дровами, а тамъ объ елкѣ у Христа—ужь и не знаю какъ вамъ сказать, могло-ли оно случиться или нѣтъ? На то я и романистъ, чтобъ выдумывать.

III.

Колонія малолѣтнихъ преступниковъ. Мрачныя особи людей. Передѣлка порочныхъ душъ въ непорочныя. Средства къ тому, признанныя наилучшими. Маленькіе и дерзкіе друзья человѣчества.

На третій день праздника я видѣлъ всѣхъ этихъ «падшихъ» ангеловъ, цѣлыхъ пятьдесятъ вмѣстѣ. Не подумайте, что я смѣюсь, называя ихъ такъ, но что это «оскорбленные» дѣти—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Кѣмъ оскорбленные? Какъ и чѣмъ, и кто виноватъ? — все это пока праздные вопросы, на которые нечего отвѣчать, а лучше къ дѣлу.

Я былъ въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, что̀ за Пороховыми заводами. Я давно порывался туда, но не удавалось, а тутъ вдругъ и свободное время, и добрые люди, которые мнѣ вызвались все показать. Мы отправились въ теплый, немного хмурый день, и за Пороховыми заводами прямо въѣхали въ лѣсъ; въ этомъ лѣсу и колонія. Что за прелесть лѣсъ зимой, засыпанный снѣгомъ; какъ свѣжо, какой чистый воздухъ и какъ здѣсь уединенно. Тутъ до пятисотъ десятинъ лѣсу пожертвовано колоніи и вся она состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ, красиво выстроенныхъ домовъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣкоторомъ разстояніи. Все это выстроено на пожертвованныя деньги, каждый домъ

Digitized by Google

обошелся тысячи въ три, въ каждомъ домѣ живетъ «семья». Семья— это группа мальчиковъ отъ двѣнадцати до семнадцати человѣкъ, и въ каждой семьѣ по воспитателю. Мальчиковъ положено пока имѣть до семидесяти, судя по размѣрамъ колоніи, но въ настоящее время, почему-то, всего лишь до пятидесяти воспитанниковъ. Надобно сознаться, что средства употреблены широкія и каждый маленькій преступникъ обходится въ годъ недешево. Странно и то, что санитарное состояніе колоніи, какъ извѣщали еще недавно въ газетахъ, несовсѣмъ удовлетворительно: въ послѣднее время было много больныхъ, а ужь какъ кажется хороши-бы и воздухъ и содержаніе дѣтей! Мы провели въ колоніи нѣсколько часовъ, съ одиннадцати утра до полныхъ сумерекъ, но я убѣдился, что въ одно посѣщеніе во все не вникнешь и всего не поймешь. Директоръ заведенія приглашалъ меня пріѣхать пожить дня два съ ними; это очень заманчиво.

Директоръ П. А—чъ Р—скій извѣстенъ въ литературѣ; его статьи появляются иногда въ «Вѣстникѣ Европы». Я встрѣтилъ отъ него самый привѣтливый пріемъ, полный предупредительности. Въ конторѣ заведена книга, въ которую посѣтители, если хотятъ, вписываютъ свои имена. Между записавшимися я замѣтилъ много извѣстныхъ именъ; значитъ колонія извѣстна, и ею интересуются. Но при всей предупредительности, почтенный директоръ, кажется, человѣкъ очень сдержанный, хотя онъ почти съ восторгомъ выставлялъ передъ нами отрадныя черты колоніи, въ то же время, однако, нѣсколько смягчая все непріятное и еще неналаженное. Спѣшу прибавить, что сдержанность эта, какъ мнѣ показалось, происходитъ отъ самой ревнивой любви къ колоніи и къ начатому дѣлу.

Всѣ четыре воспитателя (кажется, ихъ четверо, по числу семей)— все люди не старые, даже молодые, получаютъ по триста рублей жалованья и почти всѣ вышли изъ семинаріи. Они живутъ съ воспитанниками совсѣмъ вмѣстѣ, даже носятъ съ ними почти одинаковый костюмъ,—нѣчто въ родѣ блузы, подпоясанной ремнемъ. Когда мы обходили камеры, онѣ были пусты; дѣло праздничное и дѣти гдѣ-то играли, но тѣмъ удобнѣе было смотрѣть помѣщенія. Никакой ненужной роскоши, ничего слишкомъ излишняго, навѣяннаго излишнею добротою или гуманностью жертвователей и учредителей заведенія,—а это очень могло-бы случиться и вышла-бы значительная ошибка. Койки, напримѣръ, самыя простыя, желѣзныя, складныя, бѣлье на нихъ изъ довольно грубаго холста, одѣяла тоже весьма нещегольскія, но теплыя. Воспитанники встаютъ рано и сами, всѣ вмѣстѣ, убираются, чистятъ камеры и, когда надо,

Digitized by Google

моютъ полы. Близь иныхъ коекъ слышался нѣкоторый запахъ и я узналъ почти невѣроятную вещь, что иные изъ воспитанниковъ (немногіе, но однако человѣкъ восемь или девять) и не очень маленькіе, лѣтъ даже двѣнадцати и тринадцати,—такъ и дѣлаютъ свою нужду во снѣ, не вставая съ койки. На вопросъ мой: не особая-ли тутъ какая болѣзнь—мнѣ отвѣтили, что совсѣмъ нѣтъ, а просто отъ того, что они дикіе,—до того приходятъ дикими, что даже и понять не могутъ, что можно и надо вести себя иначе. Но гдѣ-же они были въ такомъ случаѣ до того, въ какихъ трущобахъ выросли и кого видѣли! Нѣтъ почти такой самой бѣдной мужицкой семьи, гдѣ-бы ребенка не научили въ этомъ случаѣ, какъ надо держать себя, и гдѣ-бы даже самый маленькій мальчикъ не зналъ того. Значитъ, каковы-же люди, съ которыми онъ сталкивался и до чего звѣрски равнодушно относились они къ существованію его! Этотъ фактъ однако-же точный и я считаю его большой важности; пусть не смѣются, что я этотъ грязненькій фактикъ «вздуваю» до такихъ размѣровъ: онъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ можетъ показаться. Онъ свидѣтельствуетъ, что есть-же, стало быть, до того мрачныя и страшныя особи людей, въ которыхъ исчезаютъ даже всякіе слѣды человѣчности и гражданственности. Понятно также послѣ того, во что обращается наконецъ эта маленькая, дикая душа при такой покинутости и при такой изверженности изъ людей. Да, эти дѣтскія души видѣли мрачныя картины и привыкли къ сильнымъ впечатлѣніямъ, которыя и останутся при нихъ, конечно, на вѣки и будутъ сниться имъ всю жизнь въ страшныхъ снахъ. Итакъ съ этими ужасными впечатлѣніями надобно войти въ борьбу исправителямъ и воспитателямъ этихъ дѣтей, искоренить эти впечатлѣнія и насадить новыя; задача большая.

— Вы не повѣрите какими сюда являются дикими иные изъ нихъ, сказалъ мнѣ П. А—чъ: ничего иной не знаетъ ни о себѣ, ни о соціальномъ своемъ положеніи. Онъ бродяжилъ почти безсознательно и единственное, что онъ знаетъ на свѣтѣ и что онъ могъ осмыслить — это его свобода, свобода бродяжить, умирать съ холоду и съ голоду, но только бродяжить. Здѣсь есть одинъ маленькій мальчикъ, лѣтъ десяти не больше, и онъ до сихъ поръ никакъ, ни за что не можетъ пробыть чтобы не украсть. Онъ воруетъ даже безо всякой цѣли и выгоды, единственно чтобы украсть, машинально.

— Какъ-же вы надѣетесь перевоспитать такихъ дѣтей?

— Трудъ, совершенно иной образъ жизни, и справедливость въ обращеніи съ ними; наконецъ и надежда, что въ три года, сами собою, временемъ, забудутся ими старыя ихъ пристрастія и привычки.

Я освѣдомился: нѣтъ-ли между мальчиками еще и другихъ,

Digitized by Google

извѣстныхъ дѣтскихъ порочныхъ привычекъ? Кстати напомню, что мальчики здѣсь отъ десяти и даже до семнадцатилѣтняго возраста, хотя принимаются на исправленіе никакъ не старше четырнадцати лѣтъ.

— О, нѣтъ, этихъ скверныхъ привычекъ не можетъ и быть, поспѣшилъ отвѣтить П. А—чъ,—воспитатели при нихъ неотлучно и безпрестанно наблюдаютъ за этимъ.

Но мнѣ показалось это невѣроятнымъ. Въ колоніи есть нѣкоторые изъ бывшаго отдѣленія малолѣтнихъ преступниковъ еще въ Литовскомъ замкѣ, теперь тамъ уничтоженнаго. Я былъ въ этой тюрьмѣ еще третьяго года и видѣлъ этихъ мальчиковъ. Потомъ я узналъ съ совершенною достовѣрностью, что развратъ между ними въ замкѣ былъ необычайный, что тѣ изъ поступившихъ въ замокъ бродягъ, которые еще не заражены были этимъ развратомъ и сначала гнушались имъ, подчинялись ему потомъ почти поневолѣ, изъ за насмѣшекъ товарищей надъ ихъ цѣломудріемъ.

— А много-ли было рецедивистовъ? освѣдомился я.

— Не такъ много; изъ всѣхъ выпущенныхъ изъ колоніи было всего до восьми человѣкъ (цифра однако не маленькая).

Замѣчу, что воспитанники выпускаются по преимуществу ремесленниками и имъ пріискивается «предварительно» помѣщеніе. Прежде паспорты, выдаваемые отъ колоніи, имъ очень вредили. Теперь-же нашли средство выдавать имъ такіе паспорты, изъ которыхъ нельзя, съ перваго взгляда, по крайней мѣрѣ, увидѣть, что предъявитель его изъ колоніи преступниковъ.

— Зато, прибавилъ поспѣшно П. А—чъ,—у насъ есть и такіе выпущенные, которые до сихъ поръ не могутъ забыть о колоніи и чуть праздникъ—непремѣнно приходятъ къ намъ побывать и погостить съ нами.

Итакъ самое сильное средство перевоспитанія, передѣлки оскорбленной и опороченной души въ ясную и честную, есть трудъ. Трудомъ начинается день въ камерѣ, а затѣмъ воспитанники идутъ въ мастерскія. Въ мастерскихъ: въ слесарной, въ столярной, мнѣ показывали ихъ издѣлія. Подѣлки, по возможности, хороши, но конечно будутъ и гораздо лучше, когда болѣе наладится дѣло. Онѣ продаются въ пользу воспитанниковъ и у каждаго, такимъ образомъ, скопляется что-нибудь къ выходу изъ колоніи. Работою дѣти заняты и утромъ и послѣ обѣда,—но безъ утомленія и, кажется, трудъ дѣйствительно оказываетъ довольно сильное впечатлѣніе на ихъ нравственную сторону: они стараются сдѣлать лучше одинъ передъ другимъ и гордятся успѣхами.

Другое средство ихъ духовнаго развитія—это, конечно, само-

Digitized by Google

судъ, введенный между ними. Всякій провинившійся изъ нихъ поступаетъ на судъ всей «семьи», къ которой принадлежитъ, и мальчики или оправдываютъ его или присуждаютъ къ наказанію. Единственное наказаніе—отлученіе отъ игръ. Не подчиняющихся суду товарищей наказываютъ уже совершеннымъ отлученіемъ отъ всей колоніи. На то есть у нихъ Петропавловка,—такъ прозвана мальчиками особая, болѣе удаленная изба, въ которой имѣются каморки для временно удаленныхъ. Впрочемъ заключеніе въ Петропавловку зависитъ, кажется, единственно отъ директора. Мы ходили въ эту Петропавловку; тамъ было тогда всего двое заключенныхъ, и замѣчу, что заключаютъ осторожно и осмотрительно, за что нибудь слишкомъ ужь важное и закоренѣлое. Эти двое заключенныхъ помѣщались каждый въ особой маленькой комнаткѣ и взаперти, но намъ ихъ лично не показали.

Этотъ самосудъ, въ сущности, конечно, дѣло хорошее, но отзывается какъ-бы чѣмъ-то книжнымъ. Есть много гордыхъ дѣтей и гордыхъ въ хорошую сторону, которые могутъ быть оскорблены этою вѣчевою властью такихъ-же какъ они мальчиковъ и преступниковъ, такъ что могутъ и не понять эту власть настоящимъ образомъ. Могутъ случиться личности гораздо талантливѣе и умнѣе всѣхъ прочихъ въ «семьѣ» и ихъ можетъ укусить самолюбіе и ненависть къ рѣшенію среды; а среда почти и всегда середина. Да и судящіе мальчики понимаютъ-ли и сами-то хорошо свое дѣло? Не явятся-ли, напротивъ, и между ними ихъ дѣтскія партіи, какихъ нибудь тоже соперничествующихъ мальчиковъ, посильнѣе и побойчѣе прочихъ, которые всегда и непремѣнно являются между дѣтьми во всѣхъ школахъ, даютъ тонъ и ведутъ за собою остальныхъ какъ на веревкѣ? Все-же вѣдь это дѣти, а не взрослые. Наконецъ, осужденные и потерпѣвшіе наказаніе будутъ-ли смотрѣть потомъ также просто и братски на своихъ бывшихъ судей и не нарушается-ли этимъ самосудомъ товарищество? Конечно, это развивающее воспитательное средство основано и придумано въ той идеѣ, что эти, прежде преступныя дѣти такимъ правомъ самосуда какъ-бы пріучаются къ закону, къ самосдержанію, къ правдѣ, о которой прежде вовсе не вѣдали, разовьютъ, наконецъ, въ себѣ чувство долга. Все это мысли прекрасныя и тонкія, но нѣсколько какъ-бы обоюдоострыя. На счетъ-же наказанія, конечно, выбрано самое дѣйствительное изъ самыхъ сдерживающихъ наказаній, то есть лишеніе свободы.

Кстати вверну сюда одно странное нотабене. Мнѣ нечаянно удалось услышать надняхъ одно весьма неожиданное замѣчаніе на счетъ отмѣненнаго у насъ повсемѣстно въ школахъ тѣлеснаго на-

Digitized by Google

казанія: «отмѣнили вездѣ въ школахъ тѣлесное наказаніе и прекрасно сдѣлали; но чего-же, *между прочимъ*, достигли? Того, что въ нашемъ юношествѣ явилось чрезвычайно много трусовъ, сравнительно съ прежнимъ. Они стали бояться малѣйшей физической боли, всякаго страданія, лишенія, всякой даже обиды, всякаго уязвленія ихъ самолюбія, и до того, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ показываютъ примѣры, при весьма незначительной даже угрозѣ, даже отъ какихъ нибудь трудныхъ уроковъ или экзаменовъ,—вѣшаются или застрѣливаются». Дѣйствительно, всего вѣрнѣе объяснить нѣсколько подобныхъ и въ самомъ дѣлѣ происшедшихъ случаевъ, единственно трусостью юношей передъ чѣмъ-нибудь грозящимъ или непріятнымъ; но странная, однако, точка зрѣнія на предметъ и *наблюденіе* это по меньшей мѣрѣ оригинально. Вношу его для памяти.

Я видѣлъ ихъ всѣхъ за обѣдомъ: обѣдъ самый простой, но здоровый, сытный и превосходно приготовленный. Мы его съ большимъ удовольствіемъ попробовали еще до прихода воспитанниковъ; и однако, ѣда каждаго мальчика обходится ежедневно всего лишь въ пятнадцать копѣекъ. Подаютъ супъ или щи съ говядиной и второе блюдо—каша или картофель. По утру, вставши, чай съ хлѣбомъ, а между обѣдомъ и ужиномъ хлѣбъ съ квасомъ. Мальчики очень сыты; за столомъ прислуживаютъ очередные дежурные. Садясь за столъ, всѣ превосходно пропѣли молитву «Рождество твое Христе Боже нашъ». Пѣть молитвы обучаетъ одинъ изъ воспитателей.

Тутъ, за обѣдомъ, въ сборѣ, мнѣ всего интереснѣе было всмотрѣться въ ихъ лица. Лица не то чтобы слишкомъ смѣлыя или дерзкія, но лишь ничего не конфузящіяся. Почти ни одного лица глупаго (хотя глупые, говорили мнѣ, между ними водятся; всего болѣе отличаются этимъ бывшіе питомцы воспитательнаго дома); напротивъ, есть даже очень интеллигентныя лица. Дурныхъ лицъ довольно, но не физически; чертами лица всѣ почти недурны, но что-то въ иныхъ лицахъ есть какъ-бы ужь слишкомъ сокрытое про себя. Смѣющихся лицъ тоже мало, а между тѣмъ воспитанники очень развязны передъ начальствомъ и передъ кѣмъ-бы то ни было, хотя нѣсколько и не въ томъ родѣ, какъ бываютъ развязны другія дѣти съ болѣе открытымъ сердцемъ. И должно быть ужасно многимъ изъ нихъ хотѣлось-бы сейчасъ улизнуть изъ колоніи. Многіе изъ нихъ, очевидно, желаютъ не проговариться, это по лицамъ видно.

Гуманное и до тонкости предупредительное обращеніе съ мальчиками воспитателей (хотя, впрочемъ, они и умѣютъ быть стро-

Digitized by Google

гими, когда надо)—мнѣ кажется несовсѣмъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до сердца этихъ мальчиковъ, и ужь, конечно, и до ихъ понятія. Имъ говорятъ *вы*, даже самымъ маленькимъ. Это *вы* показалось мнѣ здѣсь нѣсколько какъ-бы натянутымъ, немного какъ-бы чѣмъ-то излишнимъ. Можетъ быть, мальчики, попавъ сюда, сочтутъ это лишь за господскую затѣю. Однимъ словомъ, это *вы*, можетъ быть, ошибка и даже нѣсколько серьезная. Мнѣ кажется, что оно какъ-бы отдаляетъ отъ дѣтей воспитателя; въ *вы* заключается какъ-бы нѣчто формальное и казенное и нехорошо, если иной мальчикъ приметъ его за нѣчто какъ-бы къ нему презрительное. Вѣдь не повѣритъ-же онъ въ самомъ дѣлѣ, что онъ, видавшій такіе непомѣрные виды и выслушавшій самую неестественную брань, наконецъ, проворовавшійся до потери удержу, такъ вдругъ заслужилъ такое господское обращеніе. Однимъ словомъ, *ты*, по моему, было-бы болѣе похожимъ на реальную правду въ настоящемъ случаѣ, а тутъ какъ-бы всѣ немного притворяются. Вѣдь гораздо-же лучше, если дѣти, наконецъ, осмыслятъ, что воспитатели ихъ не гувернеры, а отцы ихъ, а что сами они—всего только лишь дурные дѣти, которыхъ надобно исправлять. Впрочемъ, можетъ быть, это *вы* и не испортитъ мальчика; а если его и скорчитъ потомъ отъ *ты*, или даже отъ брани, которую онъ услышитъ опять неминуемо, въ тотъ-же самый день, какъ его выпустятъ изъ заведенія, то еще съ большимъ умиленіемъ вздохнетъ по своей колоніи.

Изъ неналаженныхъ вещей особенно замѣчается чтеніе. Мнѣ говорили, что дѣти очень любятъ читать, то есть слушать, когда имъ читаютъ, по праздникамъ или когда есть время, и что между ними есть хорошіе чтецы; я слышалъ лишь одного изъ чтецовъ, онъ читалъ хорошо и, говорятъ, очень любитъ читать всѣмъ вслухъ и чтобъ всѣ его слушали; но есть между ними и совсѣмъ малограмотные, есть и совсѣмъ неграмотные. Но что, однако, у нихъ читаютъ! лежитъ на столѣ — я видѣлъ это въ одной семьѣ послѣ обѣда—какой-то томъ, какого-то автора, и они читаютъ, какъ Владиміръ разговаривалъ съ какой-то Ольгой объ разныхъ глубокихъ и странныхъ вещахъ и какъ потомъ неизбѣжная среда «разбила ихъ существованіе». Я видѣлъ ихъ «библіотеку»—это шкапъ, въ которомъ есть Тургеневъ, Островскій, Лермонтовъ, Пушкинъ и т. д., есть нѣсколько полезныхъ путешествій и проч. Все это сборное и случайное, тоже пожертвованное. Чтеніе, если ужь допущено, конечно, есть чрезвычайно развивающая вещь, но я знаю и то, что еслибъ и всѣ наши просвѣтительныя силы въ Россіи, со всѣми педагогическими совѣтами во главѣ, захотѣли установить или указать: что именно принять къ чтенію такимъ дѣтямъ и при такихъ обстоя-

Digitized by Google

тельствахъ, то, разумѣется, разошлись-бы ничего не выдумавъ, ибо дѣло это очень трудное и рѣшается окончательно не въ засѣданіи только. Съ другой стороны, въ нашей литературѣ совершенно нѣтъ никакихъ книгъ понятныхъ народу. Ни Пушкинъ, ни севастопольскіе разсказы, ни «Вечера на хуторѣ», ни сказка про Калашникова, ни Кольцовъ (Кольцовъ даже особенно), непонятны совсѣмъ народу. Конечно, эти мальчики не народъ, а такъ сказать, Богъ знаетъ кто, такая особь человѣческихъ существъ, что и опредѣлить трудно: къ какому разряду и типу они принадлежатъ? Но еслибъ они даже нѣчто и поняли, то ужь, конечно, совсѣмъ не цѣня, потому, что все это богатство имъ упало-бы какъ съ неба; они-же прежнимъ развитіемъ совсѣмъ къ нему не приготовлены. Что-же до писателей-обличителей и сатириковъ, то такія-ли впечатлѣнія духовныя нужны этимъ бѣднымъ дѣтямъ, видѣвшимъ и безъ того столько грязи? Можетъ быть, этимъ маленькимъ людямъ вовсе не хочется надъ людьми смѣяться. Можетъ быть, эти покрытыя мракомъ души съ радостію и умиленіемъ открылись-бы самымъ наивнымъ, самымъ первоначально-простодушнымъ впечатлѣніямъ, совершенно дѣтскимъ и простымъ, такимъ, надъ которыми свысока усмѣхнулся-бы, ломаясь, современный гимназистъ или лицеистъ, сверстникъ лѣтами этихъ преступныхъ дѣтей.

Школа тоже находится въ совершенномъ младенчествѣ, но ее тоже собираются наладить въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Черченію и рисованію почти совсѣмъ не учатъ. Закона Божія вовсе нѣтъ: нѣтъ священника. Но онъ будетъ у нихъ свой, когда у нихъ выстроится церковь. Церковь эта деревянная, теперь строится. Начальство и строители гордятся ею. Архитектура дѣйствительно недурна, въ нѣсколько впрочемъ казенномъ, усиленно русскомъ стилѣ, очень пріѣвшемся. Кстати, замѣчу; безъ сомнѣнія, преподаваніе Закона Божія въ школахъ, — преступниковъ или въ другихъ нашихъ первоначальныхъ школахъ—не можетъ быть поручено никому другому кромѣ священника. Но почему-бы не могли даже школьные учителя разсказывать простые разсказы изъ священной исторіи? Безспорно, изъ великаго множества народныхъ учителей могутъ встрѣтиться дѣйствительно дурные люди; но вѣдь если онъ захочетъ учить мальчика атеизму, то можетъ сдѣлать это и не уча священной исторіи, а просто разсказывая лишь объ уткѣ и «чѣмъ она покрыта». Съ другой стороны, что̀ слышно о духовенствѣ нашемъ? О! я вовсе не хочу никого обижать и увѣренъ, что въ школѣ преступниковъ будетъ превосходнѣйшій изъ «батюшекъ», но однако-же, что̀ сообщали въ послѣднее время, съ особенною ревностью, почти всѣ наши газеты? Публиковались пренепріятные факты о томъ, что на-

Digitized by Google

ходились законоучители, которые, цѣлыми десятками и сплошь, бросали школы и не хотѣли въ нихъ учить безъ прибавки жалованья. Безспорно — «трудящійся достоинъ платы», но этотъ вѣчный ной о прибавкѣ жалованья рѣжетъ, наконецъ, ухо и мучаетъ сердце. Газеты наши берутъ сторону ноющихъ, да и я конечно тоже; но какъ-то все мечтается при томъ о тѣхъ древнихъ подвижникахъ и проповѣдникахъ Евангелія, которые ходили наги и босы, претерпѣвали побои и страданія и проповѣдывали Христа безъ прибавки жалованья. О, я не идеалистъ, я слишкомъ понимаю, что нынѣ времена наступили не тѣ; но не отрадно-ли было-бы услыхать, что духовнымъ просвѣтителямъ нашимъ прибавилось хоть капельку добраго духу еще и до прибавки жалованья? Повторяю, пусть не обижаются; всѣ отлично знаютъ, что въ средѣ нашего священства не изсякаетъ духъ и есть горячіе дѣятели. И я заранѣе увѣренъ, что такой именно и будетъ въ колоніи; но всего-бы лучше, еслибъ имъ— просто разсказывали священныя исторіи, безъ особой казенной морали и тѣмъ ограничили-бы пока законоученіе. Рядъ чистыхъ, святыхъ, прекрасныхъ картинъ сильно подѣйствовалъ-бы на ихъ жаждущія прекрасныхъ впечатлѣній души...

Впрочемъ, я простился съ колоніей съ отраднымъ впечатлѣніемъ въ душѣ. Если что и не «налажено», то есть однако-же факты самаго серьезнаго достиженія цѣли. Разскажу изъ нихъ два, чтобъ закончить ими. Въ Петропавловкѣ, въ заключеніи, въ наше время, сидѣлъ одинъ изъ воспитанниковъ, лѣтъ уже пятнадцати; прежде онъ содержался нѣкоторое время въ тюрьмѣ Литовскаго замка, когда тамъ еще было отдѣленіе малолѣтнихъ преступниковъ. Присужденный поступить въ колонію, онъ изъ нея бѣжалъ, бѣжалъ, кажется, дважды; оба раза его изловили, одинъ разъ уже внѣ заведенія. Наконецъ, онъ прямо объявилъ, что не хочетъ повиноваться, за это его и удалили въ одиночное заключеніе. Къ Рождеству родственники принесли ему гостинцевъ, но гостинцевъ къ нему не допустили, какъ къ заключенному, и ихъ конфисковалъ воспитатель. Это страшно обидѣло и поразило мальчика и, въ посѣщеніе директора, онъ сталъ ему горько жаловаться, ожесточенно обвиняя воспитателя въ томъ, что тотъ посылки и гостинцы конфисковалъ себѣ, въ свою пользу; тутъ-же со злобой и насмѣшкой выражался объ колоніи и объ товарищахъ; онъ всѣхъ винилъ. «Я съ нимъ сѣлъ и серьезно поговорилъ», разсказывалъ мнѣ П. А—чъ. «Онъ все время мрачно молчалъ. Черезъ два часа онъ вдругъ посылаетъ за мною опять, умоляетъ придти къ нему и что-же: бросился ко мнѣ со слезами, весь потрясенный и преобразившійся, сталъ каяться, упрекать себя, сталъ мнѣ разсказывать такія вещи,

Digitized by Google

которыя отъ всѣхъ доселѣ таилъ, случившіяся съ нимъ прежде, разсказалъ за тайну, что онъ давно уже преданъ одной постыднѣйшей привычкѣ, отъ которой не можетъ отвязаться и что это его мучитъ,—однимъ словомъ, это была полная исповѣдь. Я съ нимъ провелъ часа два, прибавилъ П. А—чъ. Мы поговорили; я посовѣтовалъ нѣкоторыя средства, чтобъ побороть привычку, ну тамъ и проч. и проч.»

П. А—чъ, передавая это, усиленно умолчалъ объ чемъ они тамъ между собою переговорили; но, согласитесь, есть-же умѣнье проникнуть въ болѣзненную душу глубоко ожесточившагося и совершенно незнавшаго доселѣ правды, молодаго преступника. Признаюсь, я-бы очень желалъ узнать въ подробности этотъ разговоръ. Вотъ другой фактъ: каждый воспитатель, въ каждой семьѣ, не только наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы воспитанники убирали камеру, мыли и чистили ее, но и участвуетъ вмѣстѣ съ ними въ работѣ. Тамъ моютъ полы по субботамъ; воспитатель не только показываетъ какъ надо мыть, но самъ вмѣстѣ съ ними принимается мыть и вымываетъ полъ. Это уже самое полное пониманіе своего призванія и своего человѣческаго достоинства. Гдѣ вы въ чиновничествѣ напримѣръ, встрѣтите такое отношеніе къ дѣлу? И если въ самомъ дѣлѣ вправду, эти люди рѣшились соединить задачи колоніи съ своею собственною цѣлью жизни, то дѣло, конечно, будетъ «налажено», не смотря даже ни на какія теоретическія ошибки, еслибъ таковыя и случились въ началѣ.

—«Герои,—вы, господа романисты, все ищете героевъ», сказалъ мнѣ на дняхъ одинъ видавшій виды человѣкъ, «и не находя у насъ героевъ, сердитесь и брюзжите на всю Россію, а вотъ я вамъ разскажу одинъ анекдотъ: жилъ былъ одинъ чиновникъ, давно уже, въ царствованіе покойнаго Государя, сперва служилъ въ Петербургѣ, а потомъ, кажется, въ Кіевѣ, тамъ и умеръ,—вотъ повидимому и вся его біографія. А между тѣмъ, что-бы вы думали: этотъ скромный и молчаливый человѣчекъ до того страдалъ душой всю жизнь свою, о крѣпостномъ состояніи людей, о томъ, что у насъ человѣкъ, образъ и подобіе Божіе, такъ рабски зависитъ отъ такого-же какъ самъ человѣка, что сталъ копить изъ скромнѣйшаго своего жалованья, отказывая себѣ, женѣ, и дѣтямъ, почти въ необходимомъ, и, по мѣрѣ накопленія, выкупалъ на волю какого нибудь крѣпостного у помѣщика,—въ десять лѣтъ по одному, разумѣется. Во всю жизнь свою онъ выкупилъ, такимъ образомъ, трехъ-четырехъ человѣкъ и, когда померъ, семьѣ ничего не оставилъ. Все это произошло безвѣстно, тихо, глухо. Конечно, какой это герой: это «идеалистъ сороковыхъ годовъ» и только, даже, можетъ быть,

Digitized by Google

смѣшной, неумѣлый, ибо думалъ, что однимъ мельчайшимъ частнымъ случаемъ можетъ побороть всю бѣду; но все-таки можно-бы, кажется, нашимъ Потугинымъ быть подобрѣе къ Россіи и не бросать въ нее за все про все грязью».

Я помѣщаю здѣсь этотъ анекдотъ (кажется, совсѣмъ неидущій къ дѣлу) лишь потому только, что не имѣю поводовъ сомнѣваться въ его достовѣрности.

И, однако, вотъ-бы намъ какихъ людей! Я ужасно люблю этотъ комическій типъ маленькихъ человѣчковъ, серьезно воображающихъ, что они своимъ микроскопическимъ дѣйствіемъ и упорствомъ въ состояніи помочь общему дѣлу, не дожидаясь общаго подъема и почина. Вотъ такого типа человѣчекъ пригодился-бы, можетъ быть, и въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ... о, разумѣется, подъ руководствомъ болѣе просвѣщенныхъ и, такъ сказать, высшихъ руководителей...

Впрочемъ, я въ колоніи провелъ всего лишь нѣсколько часовъ и могъ многое напредставить себѣ, не доглядѣть и ошибиться. Во всякомъ случаѣ, средства къ передѣлкѣ порочныхъ душъ въ непорочныя нахожу пока недостаточными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Россійское общество покровительства животнымъ. Фельдъегерь. Зелено-вино. Зудъ разврата и Воробьевъ. Съ конца или съ начала.

Въ № 359 «Голоса» мнѣ случилось прочесть о празднованіи торжественнаго юбилея перваго десятилѣтія Россійскаго Общества покровительства животнымъ. Какое пріятное и гуманное общество! Сколько я понялъ, главная мысль его заключается почти вся въ слѣдующихъ словахъ изъ рѣчи князя А. А. Суворова, предсѣдателя Общества:

«И на самомъ дѣлѣ, задача нашего новаго благотворительнаго учрежденія казалась тѣмъ труднѣе, что въ покровительствѣ животнымъ большинство не желало видѣть тѣхъ моральныхъ и матеріальныхъ выгодъ для человѣка, какія проистекаютъ изъ снисходительнаго и разумнаго съ его стороны обращенія съ домашними животными».

Digitized by Google

И дѣйствительно, не однѣ-же вѣдь собачки и лошадки такъ дороги «Обществу», а и человѣкъ, русскій человѣкъ, котораго надо образить *) и очеловѣчить, чему Общество покровительства животнымъ, безъ сомнѣнія, можетъ способствовать. Научившись жалѣть скотину, мужикъ станетъ жалѣть и жену свою. А потому, хоть я и очень люблю животныхъ, но я слишкомъ радъ, что высокоуважаемому «Обществу» дороги нестолько скоты, сколько люди, огрубѣвшіе, негуманные, полуварвары, ждущіе свѣта! Всякое просвѣтительное средство дорого, и желательно лишь, чтобы идея Общества стала и въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ просвѣтительныхъ средствъ. Наши дѣти воспитываются и возростаютъ, встрѣчая отвратительныя картины. Они видятъ, какъ мужикъ, наложивъ непомѣрно возъ, сѣчетъ свою завязшую въ грязи клячу, его кормилицу, кнутомъ по глазамъ, или, какъ я видѣлъ самъ, напримѣръ, да еще и недавно, какъ мужикъ, везшій на бойню въ большой телѣгѣ телятъ, въ которой уложилъ ихъ штукъ десять, самъ преспокойно сѣлъ тутъ-же въ телѣгу на теленка. Ему сидѣть было мягко, точно на диванѣ съ пружинами, но теленокъ, высунувъ языкъ и вылупивъ глаза, можетъ, издохъ, еще не доѣхавъ до бойни. Эта картинка, я увѣренъ, никого даже и не возмутила на улицѣ: «все-де равно ихъ рѣзать везутъ»; но такія картинки, несомнѣнно, звѣрятъ человѣка и дѣйствуютъ развратительно, особенно на дѣтей. Правда, на почтенное «Общество» были и нападки; я слышалъ не разъ и насмѣшки. Упоминалось, напримѣръ, что когда-то, лѣтъ пять тому, одного извощика Общество привлекло къ отвѣтственности за дурное обращеніе съ лошадью и его присудили заплатить, кажется, пятнадцать рублей; это-то ужь, конечно, было неловкостью, потому что, дѣйствительно, послѣ такого приговора многіе не знали кого пожалѣть: извощика или лошадь. Теперь, правда, положено брать, по новому закону не болѣе десяти рублей. Потомъ я слышалъ, будто-бы о слишкомъ излишнихъ хлопотахъ Общества, чтобы бродяжихъ и, стало быть, вредныхъ собакъ, потерявшихъ хозяевъ, умерщвлять хлороформомъ. Замѣчали на это, что пока у насъ люди мрутъ съ голоду по голоднымъ губерніямъ, такія нѣжныя заботы о собачкахъ нѣсколько какъ-бы рѣжутъ ухо. Но всѣ подобныя возраженія не выдерживаютъ никакой критики. Цѣль общества вѣковѣчнѣе временной случайности. Это идея свѣтлая и вѣрная, и которая, рано-ли, поздно-ли, а должна привиться и восторжествовать. Тѣмъ не менѣе, смотря и съ другой точки, чрезвычайно-бы жела-

*) Образить—словцо народное, дать образъ, возстановить въ человѣкѣ образъ человѣческій. Долго пьянствующему говорятъ, укоряя: „Ты хошь-бы образилъ себя“. Слышалъ отъ каторжныхъ.

Digitized by Google

тельно, чтобы дѣйствія Общества и вышесказанныя «временныя случайности» вошли, такъ сказать, во взаимное равновѣсіе; тогда, конечно, яснѣе-бы опредѣлился тотъ спасительный и благодѣтельный путь, которымъ Общество можетъ придти къ обильнымъ и, главное, къ практическимъ уже результатамъ, къ результатамъ дѣйствительнаго достиженія цѣли... Можетъ быть, я неясно выражаюсь; разскажу одинъ анекдотъ, одно дѣйствительное происшествіе, и надѣюсь, что нагляднымъ изложеніемъ его яснѣе передамъ то, что мнѣ хотѣлось выразить.

Анекдотъ этотъ случился со мной уже слишкомъ давно, въ мое доисторическое, такъ сказать, время, а именно, въ тридцать седьмомъ году, когда мнѣ было всего лишь около пятнадцати лѣтъ отъ роду, по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Я и старшій братъ мой ѣхали, съ покойнымъ отцомъ нашимъ, въ Петербургъ, опредѣляться въ Главное инженерное училище. Былъ май мѣсяцъ, было жарко. Мы ѣхали на долгихъ, почти шагомъ, и стояли на станціяхъ часа по два и по три. Помню, какъ надоѣло намъ, подконецъ, это путешествіе, продолжавшееся почти недѣлю. Мы съ братомъ стремились тогда въ новую жизнь, мечтали объ чемъ-то ужасно, обо всемъ «прекрасномъ и высокомъ», — тогда это словечко было еще свѣжо и выговаривалось безъ ироніи. И сколько тогда было и ходило такихъ прекрасныхъ словечекъ! Мы вѣрили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали все, что требовалось къ экзамену изъ математики, но мечтали мы только о поэзіи и о поэтахъ. Братъ писалъ стихи, каждый день стихотворенія по три, и даже дорогой, а я безпрерывно въ умѣ сочинялъ романъ изъ Венеціанской жизни. Тогда, всего два мѣсяца передъ тѣмъ, скончался Пушкинъ и мы, дорогой, сговаривались съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ-же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидѣть ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ. И вотъ разъ, передъ вечеромъ, мы стояли на станціи, на постояломъ дворѣ, въ какомъ селѣ не помню, кажется, въ Тверской губерніи; село было большое и богатое. Черезъ полчаса готовились тронуться, а пока я смотрѣлъ въ окно и увидѣлъ слѣдующую вещь.

Прямо противъ постоялаго двора черезъ улицу, приходился станціонный домъ. Вдругъ къ крыльцу его подлетѣла курьерская тройка и выскочилъ фельдъегерь въ полномъ мундирѣ, съ узенькими тогдашними фалдочками назади, въ большой трехъ-угольной шляпѣ съ бѣлыми, желтыми и, кажется, зелеными перьями (забылъ эту подробность и могъ-бы справиться, но мнѣ помнится, что мелькали и зеленыя перья). Фельдъегерь былъ высокій, чрезвычайно плотный

Digitized by Google

и сильный дѣтина съ багровымъ лицомъ. Онъ пробѣжалъ въ станціонный домъ и ужь навѣрно «хлопнулъ» тамъ рюмку водки. Помню, мнѣ тогда сказалъ нашъ извощикъ, что такой фельдъегерь всегда на каждой станціи выпиваетъ по рюмкѣ, безъ того не выдержалъ-бы «такой муки». Между тѣмъ, къ почтовой станціи подкатила новая перемѣнная лихая тройка и ямщикъ, молодой парень лѣтъ двадцати, держа на рукѣ армякъ, самъ въ красной рубахѣ, вскочилъ на облучекъ. Тотчасъ-же выскочилъ и фельдъегерь, сбѣжалъ съ ступенекъ и сѣлъ въ тележку. Ямщикъ тронулъ, но не успѣлъ онъ и тронуть, какъ фельдъегерь приподнялся и молча, безо всякихъ какихъ нибудь словъ, поднялъ свой здоровенный правый кулакъ и, сверху, больно опустилъ его въ самый затылокъ ямщика. Тотъ весь трясхнулся впередъ, поднялъ кнутъ и изо всей силы охлестнулъ коренную. Лошади рванулись, но это вовсе не укротило фельдъегеря. Тутъ былъ методъ, а не раздраженіе, нѣчто предвзятое и испытанное многолѣтнимъ опытомъ, и страшный кулакъ взвился снова и снова ударилъ въ затылокъ. Затѣмъ снова и снова, и такъ продолжалось пока тройка не скрылась изъ виду. Разумѣется, ямщикъ, едва державшійся отъ ударовъ, безпрерывно и каждую секунду хлесталъ лошадей, какъ-бы выбитый изъ ума, и, наконецъ, нахлесталъ ихъ до того, что онѣ неслись какъ угорѣлыя. Нашъ извощикъ объяснилъ мнѣ, что и всѣ фельдъегеря почти такъ-же ѣздятъ, а что этотъ особенно и его всѣ уже знаютъ; что онъ, выпивъ водки и вскочивъ въ тележку, начинаетъ всегда съ битья и бьетъ «все на этотъ самый манеръ», безо всякой вины, бьетъ ровно, подымаетъ и опускаетъ и продержитъ такъ ямщика съ версту на кулакахъ, а затѣмъ ужъ перестанетъ. Коли соскучится, можетъ, опять примется середи пути, а, можетъ, Богъ пронесетъ; зато ужь всегда подымается опять, какъ подъѣзжать опять къ станціи: начнетъ примѣрно, за версту и пойдетъ подымать и опускать, такимъ манеромъ и подъѣдетъ къ станціи; чтобы всѣ въ селѣ на него удивлялись; шея-то потомъ съ мѣсяцъ болитъ». Парень воротится, смѣются надъ нимъ: «Ишь тебѣ фельдъегерь шею накостылялъ», а парень, можетъ, въ тотъ-же день прибьетъ молоду-жену: «Хоть съ тебя сорву»; а, можетъ, и за то, что «смотрѣла и видѣла»...

Безъ сомнѣнія, безчеловѣчно со стороны ямщика такъ хлестать и нахлестать лошадей: къ слѣдующей станціи онѣ прибѣжали, разумѣется, едва дыша и измученныя. Но кто-же-бы изъ Общества покровительства животнымъ рѣшился привлечь этого мужичка къ отвѣтственности за безчеловѣчное обращеніе съ своими лошадками, вѣдь не правда-ли?

Эта отвратительная картинка осталась въ воспоминаніяхъ моихъ

Digitized by Google

на всю жизнь. Я никогда не могъ забыть фельдъегеря и многое позорное и жестокое въ русскомъ народѣ, какъ-то поневолѣ и долго потомъ наклоненъ былъ объяснять ужь конечно слишкомъ односторонне. Вы поймете, что дѣло идетъ лишь о давно минувшемъ. Картинка эта являлась, такъ сказать, какъ эмблема, какъ нѣчто чрезвычайно наглядно выставлявшее связь причины съ ея послѣдствіемъ. Тутъ каждый ударъ по скоту, такъ сказать, самъ собою выскакивалъ изъ каждаго удара по человѣку. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ эпоху моихъ самыхъ беззавѣтныхъ и страстныхъ мечтаній, мнѣ пришла вдругъ однажды въ голову мысль, что еслибъ случилось мнѣ когда основать филантропическое общество, то я непремѣнно далъ-бы вырѣзать эту курьерскую тройку на печати общества, какъ эмблему и указаніе.

О, безъ сомнѣнія, теперь не сорокъ лѣтъ назадъ и курьеры не бьютъ народъ, а народъ уже самъ себя бьетъ, удержавъ розги на своемъ судѣ. Не въ этомъ и дѣло, а въ причинахъ ведущихъ за собою слѣдствія. Нѣтъ фельдъегеря, за то есть «зелено-вино». Какимъ образомъ зелено-вино можетъ походить на фельдъегеря?— Очень можетъ,—тѣмъ, что оно также скотинитъ и звѣритъ человѣка, ожесточаетъ его и отвлекаетъ отъ свѣтлыхъ мыслей, тупитъ его передъ всякой доброй пропагандой. Пьяному не до состраданія къ животнымъ, пьяный бросаетъ жену и дѣтей своихъ. Пьяный мужъ пришелъ къ женѣ, которую бросилъ и не кормилъ съ дѣтьми много мѣсяцевъ, и потребовалъ водки, и сталъ бить ее, чтобы вымучить еще водки, а несчастная каторжная работница (вспомните женскій трудъ и во что онъ у насъ пока цѣнится), не знавшая чѣмъ дѣтей прокормить, схватила ножъ и пырнула его ножомъ. Это случилось недавно и ее будутъ судить. И напрасно я разсказалъ объ ней, ибо такихъ случаевъ сотни и тысячи, только разверните газеты. Но главнѣйшее сходство зелена-вина съ фельдъегеремъ безспорно въ томъ, что оно такъ-же неминуемо и также неотразимо стоитъ надъ человѣческой волей.

Почтенное Общество покровительства животнымъ состоитъ изъ семисотъ пятидесяти членовъ, людей могущихъ имѣть вліяніе. Ну что, еслибъ оно захотѣло поспособствовать хоть немного уменьшенію въ народѣ пьянства и отравленія цѣлаго поколѣнія виномъ! Вѣдь изсякаетъ народная сила, глохнетъ источникъ будущихъ богатствъ, бѣднѣетъ умъ и развитіе,—и что̀ вынесутъ въ умѣ и сердцѣ своемъ современные дѣти народа, взросшіе въ сквернѣ отцовъ своихъ? Загорѣлось село и въ селѣ церковь, вышелъ цѣловальникъ и крикнулъ народу, что если бросятъ отстаивать церковь, а отстоятъ кабакъ, то выкатитъ народу бочку. Церковь сго-

Digitized by Google

рѣла, а кабакъ отстояли. Примѣры эти еще пока ничтожные, въ виду неисчисленныхъ будущихъ ужасовъ. Почтенное Общество, еслибъ захотѣло хоть немного поспособствовать устраненію первоначальныхъ причинъ, тѣмъ самимъ навѣрно облегчило-бы себѣ и свою прекрасную пропаганду. А то какъ заставить сострадать, когда вещи сложились именно какъ-бы съ цѣлью искоренить въ человѣкѣ всякую человѣчность? Да и одно-ли вино свирѣпствуетъ и развращаетъ народъ въ наше удивительное время? Носится какъ-бы какой-то дурманъ повсемѣстно, какой-то зудъ разврата. Въ народѣ началось какое-то неслыханное извращеніе идей съ повсемѣстнымъ поклоненіемъ матеріализму. Матеріализмомъ я называю, въ данномъ случаѣ, преклоненіе народа передъ деньгами, предъ властью золотаго мѣшка. Въ народъ какъ-бы вдругъ прорвалась мысль, что мѣшокъ теперь все, заключаетъ въ себѣ всякую силу, а что все о чемъ говорили ему и чему учили его доселѣ отцы — все вздоръ. Бѣда, если онъ укрѣпится въ такихъ мысляхъ; какъ ему и не мыслить такъ? Неужели, напримѣръ, это недавнее крушеніе поѣзда на одесской желѣзной дорогѣ съ царскими новобранцами, гдѣ убили ихъ болѣе ста человѣкъ—неужели, вы думаете, что на народъ не подѣйствуетъ такая власть развратительно? Народъ видитъ и дивится такому могуществу: «что хотятъ то и дѣлаютъ»—и поневолѣ начинаетъ сомнѣваться»: вотъ она гдѣ значитъ настоящая сила, вотъ она гдѣ всегда сидѣла; стань богатъ и все твое, и все можешь». Развратительнѣе этой мысли не можетъ быть никакой другой. А она носится и проницаетъ все мало по малу. Народъ-же ничѣмъ не защищенъ отъ такихъ идей, никакимъ просвѣщеніемъ, ни малѣйшей проповѣдью другихъ противоположныхъ идей. По всей Россіи протянулось теперь почти двадцать тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и вездѣ, даже самый послѣдній чиновникъ на нихъ, стоитъ пропагаторомъ этой идеи, смотритъ такъ, какъ-бы имѣющій беззавѣтную власть надъ вами и надъ судьбой вашей, надъ семьей вашей и надъ честью вашей, только-бы вы попались къ нему на желѣзную дорогу. Недавно одинъ начальникъ станціи вытащилъ, собственною властью и рукой, изъ вагона, ѣхавшую даму, чтобы отдать ее какому-то господину, который пожаловался этому начальнику, что это жена его и находится отъ него въ бѣгахъ,— и это безъ суда, безъ всякаго подозрѣнія, что онъ сдѣлать это не вправѣ: ясно, что этотъ начальникъ, если былъ и не въ бреду, то все-же какъ-бы ошалѣлъ отъ собственнаго могущества. Всѣ эти случаи и примѣры прорываются въ народъ безпрерывнымъ соблазномъ, онъ видитъ ихъ каждый день и выводитъ неотразимыя заключенія. Я прежде осуждалъ было г. Суворина за случай его съ

Digitized by Google

г. Голубевымъ. Мнѣ казалось, что нельзя-же такъ вывести совсѣмъ неповиннаго человѣка на позоръ, да еще съ описаніемъ всѣхъ душевныхъ его движеній. Но теперь я нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ даже и на этотъ случай. И какое мнѣ дѣло, что г. Голубевъ не виноватъ! Г. Голубевъ можетъ быть чистъ какъ слеза, но за то Воробьевъ виноватъ. Кто такой Воробьевъ? Совершенно не знаю; да и увѣренъ, что его нѣтъ вовсе, но это тотъ самый Воробьевъ, который свирѣпствуетъ на всѣхъ линіяхъ, который налагаетъ произвольныя таксы, который силой выноситъ пассажировъ изъ вагона, который крушитъ поѣзды, который гноитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ товары на станціяхъ, который безпардонно вредитъ цѣлымъ городамъ, губерніямъ, царству, и только кричитъ дикимъ голосомъ: «Прочь съ дороги, я иду»! Но главная вина этого пагубнаго пришельца въ томъ, что онъ сталъ надъ народомъ, какъ соблазнъ и развратительная идея. А впрочемъ, чтожь я такъ на Воробьева, одинъ-ли онъ сталъ какъ развратительная идея? Повторяю, что-то носится въ воздухѣ полное матеріализма и скептицизма; началось обожаніе даровой наживы, наслажденія безъ труда; всякій обманъ, всякое злодѣйство совершаются хладнокровно; убиваютъ, чтобы вынуть хоть рубль изъ кармана. Я вѣдь знаю, что и прежде было много сквернаго, но нынѣ безспорно удесятерилось. Главное, носится такая мысль, такое какъ-бы ученіе, или вѣрованіе. Въ Петербургѣ, двѣ-три недѣли тому, молоденькій паренекъ, извощикъ, врядъ-ли даже совершеннолѣтній, везъ ночью старика и старуху и замѣтивъ, что старикъ безъ сознанія пьянъ, вынулъ *перочинный ножичекъ* и сталъ рѣзать старуху. Ихъ захватили и дурачокъ тутъ-же повинился: «не знаю, какъ и случилось, и какъ ножичекъ очутился въ рукахъ». И вправду, дѣйствительно, не зналъ. Вотъ тутъ такъ именно среда. Его захватило и затянуло, какъ въ машину, въ современный зудъ разврата, въ современное направленіе народное;—даровая нажива, ну какъ не попробовать, хоть перочиннымъ ножичкомъ.

«Нѣтъ, въ наше время не до пропаганды покровительства животнымъ: это барская затѣя»,—вотъ эту самую фразу я слышалъ, но глубоко ее отвергаю. Не будучи самъ членомъ Общества, я готовъ, однако, служить ему и, кажется, уже служу. Не знаю, выразилъ-ли я, хоть сколько нибудь ясно желаніе мое о томъ «равновѣсіи дѣйствій Общества съ временными случайностями», о которыхъ написалъ выше; но, понимая человѣческую и очеловѣчивающую цѣль Общества, все-же ему глубоко преданъ. Я никогда не могъ понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитіе, а остальныя девять десятыхъ должны

Digitized by Google

лишь послужить къ тому матеріаломъ и средствомъ, а сами оставаться во мракѣ. Я не хочу мыслить и жить иначе, какъ съ вѣрой, что всѣ наши девяносто милліоновъ русскихъ (или тамъ сколько ихъ тамъ народится) будутъ всѣ, когда нибудь, образованы, очеловѣчены и счастливы. Я знаю и вѣрую твердо, что всеобщее просвѣщеніе никому у насъ повредить не можетъ. Вѣрую даже, что царство мысли и свѣта способно водвориться у насъ, въ нашей Россіи, еще скорѣе, можетъ быть, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, ибо у насъ и теперь никто не захочетъ стать за идею о необходимости озвѣренія одной части людей для благосостоянія другой части, изображающей собою цивилизацію, какъ это вездѣ во всей Европѣ. У насъ-же, добровольно, самимъ верхнимъ сословіемъ, съ царскою волею во главѣ, разрушено крѣпостное право! И потому, еще разъ, привѣтствую Общество покровительства животнымъ отъ горячаго сердца; а хотѣлъ я лишь только высказать мысль, что желалось-бы дѣйствовать не все съ конца, а хоть отчасти-бы и съ начала.

II.

Спиритизмъ. Нѣчто о чертяхъ. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти.

Но вотъ однакоже я исписалъ всю бумагу и нѣтъ мѣста, а я хотѣлъ было поговорить о войнѣ, о нашихъ окраинахъ; хотѣлось поговорить о литературѣ, о декабристахъ и еще на пятнадцать темъ, по крайней мѣрѣ. Вижу, что надобно писать тѣснѣе и сжиматься,—указаніе впредь. Кстати, словечко о декабристахъ, чтобы не забыть: извѣщая о недавней смерти одного изъ нихъ, въ нашихъ журналахъ отозвались, что это, кажется, одинъ изъ самыхъ послѣднихъ декабристовъ; — это несовсѣмъ точно. Изъ декабристовъ живы еще Иванъ Александровичъ Анненковъ, тотъ самый, первоначальную исторію котораго перековеркалъ покойный Александръ Дюма отецъ, въ извѣстномъ романѣ своемъ: «Les Memoires d'un maitre d'armes». Живъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ—Апостолъ, родной братъ казненнаго. Живы Свистуновъ и Назимовъ; можетъ быть, есть и еще въ живыхъ.

Однимъ словомъ—многое приходится отложить до февральскаго номера. Но заключить настоящій январьскій дневникъ мнѣ хотѣлось-бы чѣмъ нибудь повеселѣе. Есть одна такая смѣшная тема и, главное, она въ модѣ: это—черти, тема о чертяхъ, о спиритизмѣ. Въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ, что-то происходитъ удивительное: пишутъ мнѣ, напримѣръ, что молодой человѣкъ садится на кресло, поджавъ ноги, и кресло начинаетъ скакать по комнатѣ,—и это въ Петербургѣ, въ столицѣ! Да почему-же прежде никто не скакалъ поджавъ ноги въ креслахъ, а всѣ служили и скромно получали чины свои? Увѣряютъ, что у одной дамы, гдѣ-то въ губерніи, въ ея домѣ столько чертей, что и половины ихъ нѣтъ столько даже въ хижинѣ дядей Эдди. Да у насъ-ли не найдется чертей! Гоголь пишетъ въ Москву съ того свѣта утвердительно, что это черти. Я читалъ письмо, слогъ его. Убѣждаетъ не вызывать чертей, не вертѣть столовъ, не связываться: «Не дразните чертей, не якшайтесь, грѣхъ дразнить чертей»... «Если ночью тебя начнетъ мучить нервическая безсонница, не злись, а молись, это черти; крести рубашку, твори молитву». Подымаются голоса пастырей и тѣ даже самой наукѣ совѣтуютъ не связываться съ волшебствомъ, не изслѣдовать «волшебство сіе». Коли заговорили даже пастыри, значитъ дѣло разростается не на шутку. Но вся бѣда въ томъ, черти-ли это? Вотъ-бы составившейся въ Петербургѣ ревизіонной надъ спиритизмомъ коммиссіи рѣшить этотъ вопросъ! Потому что если рѣшатъ окончательно, что это не черти, а такъ какое нибудь тамъ электричество, какой нибудь новый видъ міровой силы,—то мигомъ наступитъ полное разочарованіе: «Вотъ, скажутъ, невидальщина; какая скука!» — и тотчасъ-же всѣ забросятъ и забудутъ спиритизмъ, а займутся, по прежнему, дѣломъ. Но чтобы изслѣдовать: черти-ли это? нужно чтобы хоть кто нибудь изъ ученыхъ составившейся коммиссіи былъ въ силахъ и имѣлъ возможность допустить существованіе чертей, хотя-бы только въ предположеніи. Но врядъ-ли между ними найдется хоть одинъ въ чорта вѣрующій, не смотря даже на то, что ужасно много людей, невѣрующихъ въ Бога, вѣрятъ однако-же чорту съ удовольствіемъ и готовностью. А потому коммиссія въ этомъ вопросѣ не компетентна. Вся бѣда моя въ томъ, что я и самъ никакъ не могу повѣрить въ чертей, такъ что даже и жаль, потому что я выдумалъ одну самую ясную и удивительную теорію спиритизма, но основанную единственно на существованіи чертей; безъ нихъ вся теорія моя уничтожается сама собой. Вотъ эту-то теорію я и намѣренъ, въ завершеніе, сообщить читателю. Дѣло въ томъ, что я защищаю чертей: на этотъ разъ на нихъ нападаютъ безвинно и считаютъ ихъ дураками. Не безпокойтесь, они свое дѣло знаютъ; это-то я и хочу доказать.

Во первыхъ, пишутъ, что духи глупы (т. е. черти, нечистая сила: какіе-же тутъ могутъ быть другіе духи, кромѣ чертей?),— что когда ихъ зовутъ и спрашиваютъ (столоверченіемъ), то они

Digitized by Google

отвѣчаютъ все пустячки, не знаютъ грамматики, не сообщили ни одной новой мысли, ни одного открытія. Такъ судить — чрезвычайная ошибка. Ну что вышло-бы, напримѣръ, еслибъ черти сразу показали свое могущество и подавили-бы человѣка открытіями? Вдругъ-бы, напримѣръ, открыли электрическій телеграфъ (т. е. въ случаѣ, еслибъ онъ еще не былъ открытъ), сообщили-бы человѣку разные секреты: «Рой тамъ-то — найдешь кладъ, или найдешь залежи каменнаго угля (а кстати, дрова такъ дороги),—да что, это еще все пустяки! — Вы, конечно, понимаете, что наука человѣческая еще въ младенчествѣ, почти только что начинаетъ дѣло и если есть за ней что-либо обезпеченное, такъ это покамѣстъ лишь то, что она твердо стала на ноги: и вотъ вдругъ посыпался-бы рядъ открытій въ родѣ такихъ, что солнце стоитъ, а земля вокругъ него обращается (потому что навѣрно есть еще много такихъ-же точно, по размѣрамъ, открытій, которыя теперь еще не открыты, да и не снятся мудрецамъ нашимъ); вдругъ-бы всѣ знанія такъ и свалились на человѣчество, и, главное, совершенно даромъ, въ видѣ подарка? Я спрашиваю: чтобы тогда сталось съ людьми? О, конечно, сперва всѣ-бы пришли въ восторгъ. Люди обнимали-бы другъ друга въ упоеніи, они бросились-бы изучать открытія (а это взяло-бы время); они вдругъ почувствовали-бы, такъ сказать, себя осыпанными счастьемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ; они, можетъ быть, ходили-бы или летали по воздуху, пролетали-бы чрезвычайныя пространства въ десять разъ скорѣй, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ; извлекали-бы изъ земли баснословные урожаи, можетъ быть, создали-бы химіей организмы, и говядины хватило-бы по три фунта на человѣка, какъ мечтаютъ наши русскіе соціалисты, — словомъ, ѣшь, пей и наслаждайся. «Вотъ, закричали-бы всѣ филантропы, теперь когда человѣкъ обезпеченъ, вотъ теперь только онъ проявитъ себя! Нѣтъ ужь болѣе матеріальныхъ лишеній, нѣтъ болѣе заѣдающей «среды», бывшей причиною всѣхъ пороковъ, и теперь человѣкъ станетъ прекраснымъ и праведнымъ! Нѣтъ уже болѣе безпрерывнаго труда, чтобы какъ-нибудь прокормиться, и теперь всѣ займутся высшимъ, глубокими мыслями, всеобщими явленіями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!» И какіе, можетъ, умные и хорошіе люди это закричали-бы въ одинъ голосъ и, можетъ быть, всѣхъ увлекли-бы за собою съ новинки, и завопили-бы, наконецъ, въ общемъ гимнѣ: «Кто подобенъ звѣрю сему? Хвала ему, онъ сводитъ намъ огонь съ небеси»!

Но врядъ-ли и на одно поколѣніе людей хватило-бы этихъ восторговъ! Люди вдругъ увидѣли-бы, что жизни уже болѣе нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто-то у нихъ

Digitized by Google

все укралъ разомъ; что исчезъ человѣческій ликъ, и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины, съ тою разницею, что скотина не знаетъ, что она скотина, а человѣкъ узналъ-бы, что онъ сталъ скотиной. И загнило-бы человѣчество; люди покрылись-бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за «камни, обращенные въ хлѣбы». Поняли-бы люди, что нѣтъ счастья въ бездѣйствіи, что погаснетъ мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближняго, не жертвуя ему отъ труда своего, что гнусно жить на даровщинку и что *счастье не въ счастьи, а лишь въ его достиженіи*. Настанетъ скука и тоска: все сдѣлано и нечего болѣе дѣлать, все извѣстно и нечего болѣе узнавать. Самоубійцы явятся толпами, а не такъ, какъ теперь по угламъ; люди будутъ сходиться массами, схватываясь за руки и истребляя себя всѣ вдругъ, тысячами, какимъ нибудь новымъ способомъ, открытымъ имъ вмѣстѣ со всѣми открытіями. И тогда, можетъ быть, и возопіютъ остальные къ Богу: «Правъ Ты, Господи, не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ!» Тогда возстанутъ на чертей и бросятъ волхвованіе... О, никогда Богъ не послалъ-бы такой муки человѣчеству! И провалится царство чертей! Нѣтъ, черти такой важной политической ошибки не сдѣлаютъ. Политики они глубокіе и идутъ къ цѣли самымъ тонкимъ и здравымъ путемъ (опять таки если въ самомъ дѣлѣ тутъ черти!).

Идея ихъ царства—раздоръ, т. е. на раздорѣ они хотятъ основать его. Для чего-же имъ раздоръ именно тутъ понадобился? А какже: взять уже то, что раздоръ страшная сила и самъ по себѣ; раздоръ, послѣ долгой усобицы, доводитъ людей до нелѣпости, до затмѣнія и извращенія ума и чувствъ. Въ раздорѣ обидчикъ, сознавъ что онъ обидѣлъ, не идетъ мириться съ обиженнымъ, а говоритъ: «я обидѣлъ его, стало быть, я долженъ ему отомстить». Но главное въ томъ, что черти превосходно знаютъ всемірную исторію и особенно помнятъ про все, что на раздорѣ было основано. Имъ извѣстно, напримѣръ, что если стоятъ секты Европы, оторвавшіяся отъ католичества, и держатся до сихъ поръ какъ религіи, то единственно потому, что изъ-за нихъ пролита была въ свое время кровь. Кончилось-бы, напримѣръ, католичество и непремѣнно затѣмъ разрушились-бы и протестанскія секты: противъ чего-же-бы имъ осталось тогда протестовать? Онѣ ужь и теперь почти всѣ наклонны перейти въ какую нибудь тамъ «гуманность», или даже просто въ атеизмъ, что̀ въ нихъ впрочемъ уже давно замѣчалось, и если все еще лѣпятся какъ религіи, то потому, что еще до сихъ поръ протестуютъ. Онѣ еще прошлаго года протестовали, да еще какъ: до самого папы добирались.

Digitized by Google

О, разумѣется, черти, въ концѣ концовъ, возьмутъ свое и раздавятъ человѣка «камнями обращенными въ хлѣбы», какъ муку: это ихъ главнѣйшая цѣль; но они рѣшатся на это не иначе какъ обезпечивъ заранѣе будущее царство свое отъ бунта человѣческаго и тѣмъ придавъ ему долговѣчность. Но какъ-же усмирить человѣка? Разумѣется: «divide et impera» (разъедини противника и восторжествуешь). А для того надобенъ раздоръ. Съ другой стороны, люди соскучатся отъ камней обращенныхъ въ хлѣбы, а потому надо пріискать имъ занятіе, чтобъ не скучали. А раздоръ-ли не занятіе для людей!

Теперь прослѣдите, какъ черти у насъ вводятъ раздоръ и, такъ сказать, съ перваго шагу начинаютъ у насъ спиритизмъ съ раздора. Какъ разъ этому способствуетъ наше мечущееся время. Вотъ уже сколько у насъ обидѣли людей, изъ повѣрившихъ спиритизму. На нихъ кричатъ и надъ ними смѣются за то, что они вѣрятъ столамъ, какъ будто они сдѣлали, или замыслили что либо безчестное, но тѣ продолжаютъ упорно изслѣдовать свое дѣло, не смотря на раздоръ. Да и какъ имъ перестать изслѣдовать: черти начинаютъ съ краю, возбуждаютъ любопытство, но сбиваютъ, а не разъясняютъ, путаютъ и явно смѣются въ глаза. Умный и достойный всякаго посторонняго уваженія человѣкъ, стоитъ, хмуритъ лобъ и долго добивается: «Что-же это такое»? Наконецъ махаетъ рукой и уже готовъ отойти, но въ публикѣ хохотъ пуще и дѣло расширяется такъ, что адептъ поневолѣ остается изъ самолюбія.

Передъ нами ревизіонная надъ спиритизмомъ коммиссія во всеоружіи науки. Ожиданіе въ публикѣ, и что-же: черти и не думаютъ сопротивляться, напротивъ, какъ разъ постыднѣйшимъ образомъ пассуютъ: сеансы не удаются, обманъ и фокусы явно выходятъ наружу. Раздается злобный хохотъ со всѣхъ сторонъ; коммиссія удаляется съ презрительными взглядами, адепты спиритизма погружаются въ стыдъ, чувство мести закрадывается въ сердца обѣихъ сторонъ. И вотъ, кажется-бы погибать чертямъ, такъ вотъ нѣтъ-же. Чуть отвернутся ученые и строгіе люди, они мигомъ и покажутъ опять какую-нибудь штучку по сверхъестественнѣе своимъ прежнимъ адептамъ, и вотъ тѣ опять увѣрены пуще прежняго. Опять соблазнъ, опять раздоръ! Въ Парижѣ, прошлымъ лѣтомъ, судили одного фотографа за спиритскія плутни, онъ вызывалъ покойниковъ и снималъ съ нихъ фотографіи; заказовъ получалъ пропасть. Но его накрыли и на судѣ онъ во всемъ сознался, даже представилъ и ту даму, которая помогала ему и представляла вызванныя тѣни. Чтожь вы думаете, тѣ, которыхъ обманулъ фотографъ, повѣрили? Ничуть; одинъ изъ нихъ, говорятъ, сказалъ такъ»: у меня умерло трое дѣтей, а

Digitized by Google

портретовъ ихъ не осталось; и вотъ фотографъ мнѣ снялъ съ нихъ карточки, всѣ похожи, я всѣхъ узналъ. Какое мнѣ теперь дѣло, что онъ сознался вамъ въ плутовствѣ? На то у него свой разсчетъ, а у меня въ рукахъ фактъ и оставьте меня въ покоѣ». Это было въ газетахъ; не знаю такъ-ли я передалъ подробности, но сущность вѣрна. Ну что, напримѣръ, если у насъ произойдетъ такое событіе: только что ученая коммиссія, кончивъ дѣло и обличивъ жалкіе фокусы, отвернется, какъ черти схватятъ кого нибудь изъ упорнѣйшихъ членовъ ея, ну хоть самого г. Менделѣева, обличившаго спиритизмъ на публичныхъ лекціяхъ и вдругъ, разомъ уловятъ его въ свои сѣти, какъ уловили въ свое время Крукса и Олькота, — отведутъ его въ сторонку, подымутъ его на пять минутъ на воздухъ, оматерьялизуютъ ему знакомыхъ покойниковъ, и все въ такомъ видѣ, что уже нельзя усомниться—ну, что тогда произойдетъ? Какъ истинный ученый онъ долженъ будетъ признать совершившійся фактъ—и это онъ, читавшій лекціи! Какая картина, какой стыдъ, скандалъ, какіе крики и вопли негодованія! Это конечно лишь шутка, и я увѣренъ, что съ г. Менделѣевымъ ничего подобнаго не случится, хотя въ Англіи и въ Америкѣ черти поступали, кажется, точь въ точь по этому плану. Ну, а что̀, если черти, приготовивъ поле и уже достаточно насадивъ раздоръ, вдругъ захотятъ безмѣрно расширить дѣйствіе и перейдутъ уже къ настоящему, къ серьезному? Это народъ насмѣшливый и неожиданный, и отъ нихъ станется. Ну что, напримѣръ, если они вдругъ прорвутся въ народъ, ну хоть вмѣстѣ съ грамотностью? А народъ нашъ такъ незащищенъ, такъ преданъ мраку и разврату и такъ мало, кажется, у него въ этомъ смыслѣ руководителей! Онъ можетъ повѣрить новымъ явленіямъ съ страстью (вѣритъ-же онъ Иванамъ Филипповичамъ) и тогда — какая остановка въ духовномъ развитіи его, какая порча и какъ надолго! Какое идольское поклоненіе матеріализму и какой раздоръ, раздоръ: въ сто, въ тысячу разъ больше прежняго, а того-то и надо чертямъ. А раздоръ несомнѣнно начнется, особенно если спиритизмъ добьется стѣсненія, преслѣдованія—(а оно можетъ даже неминуемо послѣдовать отъ остальнаго-же народа, не увѣровавшаго спиритизму) — тогда онъ мигомъ разольется, какъ зажженный керосинъ, и все запылаетъ. Мистическія идеи любятъ преслѣдованіе, онѣ имъ созидаются. Каждая такая преслѣдуемая мысль подобна тому самому петролею, которымъ обливали полы и стѣны Тюльери зажигатели передъ пожаромъ, и который, въ свое время, лишь усилитъ пожаръ въ охраняемомъ зданіи. О, черти знаютъ силу запрещеннаго вѣрованія, и, можетъ быть, они уже много вѣковъ ждали человѣчество, когда оно споткнется о столы! Ими, конечно, упра-

1917 - >

Digitized by Google

вляетъ какой-нибудь огромный нечистый духъ, страшной силы и поумнѣе Мефистофеля, прославившаго Гёте, по увѣренію Якова Петровича Полонскаго.

Безъ всякаго сомнѣнія, я шутилъ и смѣялся съ перваго до послѣдняго слова, но вотъ что, однако, хотѣлось-бы мнѣ выразить въ заключеніе: если взглянуть на спиритизмъ, какъ на нѣчто, несущее въ себѣ какъ-бы новую вѣру (а почти всѣ, даже самые трезвые изъ спиритовъ, наклонны капельку къ такому взгляду), то кое-что изъ вышеизложеннаго могло-бы быть принято и не въ шутку. А потому, дай Богъ поскорѣй успѣха свободному изслѣдованію съ обѣихъ сторонъ; только это одно и поможетъ какъ можно скорѣе искоренить распространяющійся скверный духъ, а, можетъ быть, и обогатитъ науку новымъ открытіемъ. А кричать другъ на друга, позорить и изгонять другъ друга, за спиритизмъ, изъ общества,— это, по моему, значитъ лишь укрѣплять и распространять идею спиритизма въ самомъ дурномъ ея смыслѣ. Это начало нетерпимости и преслѣдованія. Чертямъ того и надо!

III.

Одно слово по поводу моей біографіи.

На дняхъ мнѣ показали мою біографію, помѣщенную въ «Русскомъ Энциклопедическомъ словарѣ», издаваемомъ профессоромъ С.-Петербургскаго Университета И. Н. Березинымъ (годъ второй, выпускъ V, тетрадь 2-я. 1875 г.) и составленную г. В. З. Трудно представить, чтобъ на одной полстраницѣ можно было надѣлать столько ошибокъ. Я родился не въ 1818-мъ году, а въ 1822-мъ. Покойный братъ мой, Михаилъ Михайловичъ, издатель журналовъ «Время» и «Эпоха», былъ моимъ старшимъ братомъ, а не младшимъ четырьмя года. Послѣ срока моей каторги, въ которую я сосланъ былъ въ 1849-мъ году *какъ государственный преступникъ* (о характерѣ преступленія ни слова не упомянуто у г. В. З., а сказано лишь, что «замѣшанъ былъ въ дѣло Петрашевскаго», т. е. въ Богъ знаетъ какое, потому что никто не обязанъ знать и помнить про дѣло Петрашевскаго, а Энциклопедическій словарь назначается для всеобщихъ справокъ, и могутъ подумать, что я сосланъ былъ за грабежъ) послѣ каторги, я прямо, по волѣ покойнаго государя, поступилъ въ рядовые и черезъ три года службы былъ произведенъ въ офицеры; водворенъ-же на поселеніи (посе-

Digitized by Google

ленъ) въ Сибири, какъ разсказываетъ г. В. З., я никогда не былъ.— Порядокъ сочиненій моихъ перемѣшанъ: повѣсти, принадлежащія къ самому первому періоду моей литературной дѣятельности, отнесены въ біографіи какъ къ послѣднему. Такихъ ошибокъ множество и я ихъ не перечисляю, чтобъ не утомить читателя, въ случаѣ-же вызова всѣ укажу. Но есть уже чистыя выдумки. Г. В. З. увѣряетъ, что я былъ редакторомъ газеты «Русскій Міръ»; объявляю на это, что редакторомъ газеты «Русскій Міръ» я никогда не бывалъ, мало того, не напечаталъ въ этомъ уважаемомъ изданіи никогда ни единой строки. Безспорно, г. В. З. (г. Владиміръ Зотовъ?) можетъ имѣть свою точку зрѣнія и считать самымъ послѣднимъ дѣломъ, въ біографическомъ свѣдѣніи о писателѣ, вѣрное указаніе на то, когда онъ родился, какія именно испыталъ приключенія, гдѣ, когда и въ какомъ порядкѣ печаталъ свои произведенія, какіе труды его считать первоначальными, а какіе заключительными, какія изданія издавалъ, какія редактировалъ и въ какихъ былъ только сотрудникомъ; тѣмъ не менѣе, хоть для акуратности, желалось-бы побольше толку. Не то, пожалуй, читатели подумаютъ, что и всѣ статьи въ словарѣ г-на Березина составлены также неряшливо.

IV.

Одна турецкая пословица.

стати и на всякій случай, вверну здѣсь одну турецкую пословицу (настоящую турецкую, не сочиненную):

«Если ты направился къ цѣли и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цѣли».

По возможности буду слѣдовать въ «Дневникѣ» моемъ этой премудрой пословицѣ, хотя, впрочемъ, и не желалъ-бы связывать себя заранѣе обѣщаніями.

Digitized by Google

ФЕВРАЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

О томъ, что всѣ мы хорошіе люди. Сходство русскаго общества съ маршаломъ Макъ-Магономъ.

Первый № «Дневника Писателя» былъ принятъ привѣтливо; почти никто не бранилъ, то есть въ литературѣ, а тамъ дальше я не знаю. Если и была литературная брань, то незамѣтная. «Петербургская газета» поспѣшила напомнить публикѣ въ передовой статьѣ, что я не люблю дѣтей, подростковъ и молодое поколѣніе, и въ томъ-же № внизу, въ своемъ фельетонѣ, перепечатала изъ моего «Дневника» цѣлый разсказъ: «Мальчикъ у Христа на елкѣ», по крайней мѣрѣ, свидѣтельствующій о томъ, что я несовсѣмъ ненавижу дѣтей. Впрочемъ это все пустяки, а занимателенъ для меня лишь вопросъ: хорошо или не хорошо, что я всѣмъ угодилъ? Дурной или хорошій это признакъ? Можетъ быть, вѣдь и дурной? А впрочемъ нѣтъ, зачѣмъ-же, пусть лучше это будетъ хорошій а не дурной признакъ, на томъ и остановлюсь.

Да и въ самомъ дѣлѣ: вѣдь мы всѣ хорошіе люди, ну, разумѣется, кромѣ дурныхъ. Но вотъ что замѣчу къ слову: у насъ, можетъ быть, дурныхъ-то людей и совсѣмъ нѣтъ, а есть развѣ только дрянные. До дурныхъ мы не доросли. Не смѣйтесь надо мной, а подумайте: мы вѣдь до того доходили, что за неимѣніемъ своихъ дурныхъ людей (опять таки при обиліи всякихъ дрянныхъ) готовы были, напримѣръ, чрезвычайно цѣнить, въ свое время, разныхъ дурныхъ человѣчковъ, появлявшихся въ литературныхъ нашихъ типахъ и заимствованныхъ большею частію съ иностраннаго. Мало того, что цѣнили,—рабски старались подражать имъ въ дѣйствительной жизни, копировали ихъ и въ этомъ смыслѣ даже

Digitized by Google

изъ кожи лѣзли. Вспомните: мало-ли у насъ было Печориныхъ, дѣйствительно и въ самомъ дѣлѣ надѣлавшихъ много скверностей по прочтеніи «Героя нашего времени». Родоначальникъ этихъ дурныхъ человѣчковъ былъ у насъ въ литературѣ Сильвіо, въ повѣсти «Выстрѣлъ», взятый простодушнымъ и прекраснымъ Пушкинымъ у Байрона. Да и самъ-то Печоринъ убилъ Грушницкаго потому только, что былъ несовсѣмъ казистъ собой въ своемъ мундирѣ, и на балахъ высшаго общества, въ Петербургѣ, мало походилъ на молодца въ глазахъ дамскаго пола. Если-же мы такъ въ свое время цѣнили и уважали этихъ злыхъ человѣчковъ, то единственно, потому, что они являлись какъ люди будто-бы, *прочной* ненависти, въ противоположность намъ русскимъ, какъ извѣстно, людямъ весьма непрочной ненависти, а эту черту мы всегда и особенно презирали въ себѣ. Русскіе люди долго и серьезно ненавидѣть не умѣютъ, и не только людей, но даже пороки, мракъ невѣжества, деспотизмъ, обскурантизмъ, ну и всѣ эти прочія и ретроградныя вещи. У насъ сейчасъ готовы помириться, даже при первомъ случаѣ, вѣдь не правда-ли? Въ самомъ дѣлѣ, подумайте: за что намъ ненавидѣть другъ друга? За дурные поступки? Но вѣдь это тема прескользкая, прещекотливая и пренесправедливая,—однимъ словомъ: обоюдоострая; по крайней мѣрѣ, въ настоящее время за нее лучше не приниматься. Остается ненависть изъ-за убѣжденій; но тутъ-то ужь я въ высшей степени не вѣрю въ серьозность нашихъ ненавистей. Были, напримѣръ, у насъ когда-то славянофилы и западники и очень воевали. Но теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, закончилась реформа Петра и наступилъ всеобщій sauve qui peut. И вотъ, славянофилы и западники вдругъ сходятся въ одной и той-же мысли, что теперь нужно всего ожидать отъ народа, что онъ всталъ, идетъ, и что онъ, и только онъ одинъ, скажетъ у насъ послѣднее слово. На этомъ, казалось-бы, славянофиламъ и западникамъ можно было и примириться; но случилось не такъ: Славянофилы вѣрятъ въ народъ, потому что допускаютъ въ немъ свои собственныя, ему свойственныя начала, а западники соглашаются вѣрить въ народъ, единственно, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы у него не было никакихъ своихъ собственныхъ началъ. Ну вотъ драка и продолжается; что-жебы вы думали? Я даже и въ самую драку не вѣрю: драка дракой, а любовь любовью. И почему дерущіеся не могли-бы въ то же время любить другъ друга? Напротивъ, это даже очень часто у насъ случается, въ тѣхъ случаяхъ, когда подерутся уже слишкомъ хорошіе люди. А почему мы не хорошіе люди (опять-таки кромѣ дрянныхъ)? Вѣдь деремся-то мы главное и единственно изъ-за того,

Digitized by Google

что теперь вдругъ настало время уже не теорій, не журнальныхъ ошибокъ, а дѣла и практическаго рѣшенія. Вдругъ потребовалось высказать слово положительное—по воспитанію, по педагогикѣ, по желѣзнымъ дорогамъ, по земству, по медицинской части и т. д., и т. д., на сотни темъ и, главное, все это сейчасъ и какъ можно скорѣе, чтобы не задерживать дѣла; а такъ какъ всѣ мы, за двухсотлѣтней отвычкой отъ всякаго дѣла, оказались совершенно неспособными даже на малѣйшее дѣло, то естественнно, что всѣ вдругъ и вцѣпились другъ другу въ волосы, и даже такъ, что чѣмъ болѣе кто почувствовалъ себя неспособнымъ, тѣмъ пуще и полѣзъ въ драку. Что-же тутъ нехорошаго, я спрошу васъ. Это только трогательно и болѣе ничего. Взгляните на дѣтей: дѣти дерутся именно тогда, когда еще не научились выражать свои мысли, ну вотъ точь въ точь такъ и мы. Ну и что-же, тутъ вовсе нѣтъ ничего безотраднаго; напротивъ, это отчасти доказываетъ лишь нашу свѣжесть и, такъ сказать, непочатость. Положимъ, у насъ, въ литературѣ напримѣръ, за неимѣніемъ мыслей, бранятся всѣми словами разомъ: пріемъ невозможный, наивный, у первобытныхъ народовъ лишь замѣчающійся, но вѣдь ей Богу, даже и въ этомъ есть опять нѣчто почти трогательное: именно эта неопытность, эта дѣтская неумѣлость даже и выбраниться какъ слѣдуетъ. Я вовсе не смѣюсь и не глумлюсь: есть у насъ повсемѣстное честное и свѣтлое ожиданіе добра (это ужь какъ хотите, а это такъ), желаніе общаго дѣла и общаго блага и это прежде всякаго эгоизма, желаніе самое наивное и полное вѣры и при этомъ ничего обособленнаго, кастоваго, а если и встрѣчается въ маленькихъ и рѣдкихъ явленіяхъ, то какъ нѣчто непримѣтное и всѣми презираемое. Это очень важно, знаете чѣмъ: тѣмъ, что это не только не мало, но даже и очень много. Ну вотъ и довольно-бы съ насъ: зачѣмъ намъ еще какой-то тамъ «прочной ненависти». Честность, искренность нашего общества не только не подвержены сомнѣнію, но даже бьютъ въ глаза. Вглядитесь и увидите, что у насъ прежде всего вѣра въ идею, въ идеалъ, а личныя, земныя блага лишь потомъ. О, дурные людишки успѣваютъ и у насъ обдѣлывать свои дѣла, даже въ самомъ противоположномъ смыслѣ, и, кажется, въ наше время даже несравненно больше чѣмъ когда либо прежде; но за то эти дрянные людишки никогда у насъ не владѣютъ мнѣніемъ и не предводительствуютъ, а, напротивъ, даже будучи на верху честей, бывали не разъ принуждаемы рабски подлаживаться подъ тонъ людей идеальныхъ, молодыхъ, отвлеченныхъ, смѣшныхъ для нихъ и бѣдныхъ. Въ этомъ смыслѣ наше общество сходно съ народомъ, тоже цѣнящимъ свою вѣру и свой идеалъ выше всего

Digitized by Google

мірскаго и текущаго, и въ этомъ даже его главный пунктъ соединенія, съ народомъ. Идеализмъ-то этотъ пріятенъ и тамъ и тутъ: утрать его, вѣдь никакими деньгами потомъ не купишь. Нашъ народъ, хоть и объятъ развратомъ, а теперь даже больше чѣмъ когда либо, но никогда еще въ немъ не было безначалія, и никогда даже самый подлецъ въ народѣ не говорилъ: «Такъ и надо дѣлать, какъ я дѣлаю», а, напротивъ, всегда вѣрилъ и воздыхалъ, что дѣлаетъ онъ скверно, а что есть нѣчто гораздо лучшее, чѣмъ онъ и дѣла его. А идеалы въ народѣ есть и сильные, а вѣдь это главное: перемѣнятся обстоятельства, улучшится дѣло и развратъ, можетъ быть, и соскочитъ съ народа, а свѣтлыя-то начала все-таки въ немъ останутся незыблемѣе и святѣе чѣмъ когда либо прежде. Юношество наше ищетъ подвиговъ и жертвъ. Современный юноша, о которомъ такъ много говорятъ въ разномъ смыслѣ, часто обожаетъ самый простодушный парадоксъ и жертвуетъ для него всѣмъ на свѣтѣ, судьбою и жизнью; но вѣдь все это единственно потому, что считаетъ свой парадоксъ за истину. Тутъ лишь непросвѣщеніе: подоспѣетъ свѣтъ и сами собою явятся другія точки зрѣнія, а парадоксы исчезнутъ, но за то не исчезнетъ въ немъ чистота сердца, жажда жертвъ и подвиговъ, которая въ немъ такъ свѣтится теперь—а вотъ это-то и всего лучше. О, другое дѣло и другой вопросъ: въ чемъ именно мы всѣ, ищущіе общаго блага и сходящіеся повсемѣстно въ желаніи успѣха общему дѣлу,—въ чемъ именно мы полагаемъ средства къ тому? Надо признаться, что у насъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ не спѣлись, и даже такъ, что наше современное общество весьма похоже въ этомъ смыслѣ на маршала Макъ-Магона. Въ одну изъ поѣздокъ своихъ, весьма недавнихъ, по Франціи, почтенный маршалъ, въ одной изъ торжественныхъ отвѣтныхъ рѣчей своихъ какому-то меру (а французы такіе любители всякихъ встрѣчныхъ и отвѣтныхъ рѣчей) объявилъ, что, по его мнѣнію, вся политика заключается для него лишь въ словѣ: «Любовь къ отечеству». Мнѣніе это было изрѣчено, когда вся Франція, такъ сказать, напряглась въ ожиданіи того, что онъ скажетъ. Мнѣніе странное, безспорно, похвальное, но удивительно неопредѣленное, ибо тотъ-же меръ могъ-бы возразить его превосходительству, что иною любовью можно и утопить отечество. Но меръ не возразилъ ничего, конечно, испугавшись получить отвѣтъ»: J'y suis et j'y reste!»—фразу, дальше которой почтенный маршалъ кажется не пойдетъ. Но хотя-бы и такъ, а все-таки это точь въ точь какъ и въ нашемъ обществѣ: всѣ мы сходимся въ любви, если не къ отечеству, то къ общему дѣлу (слова ничего не значатъ),—но въ чемъ мы понимаемъ средства

Digitized by Google

къ тому, и не только средства, но и самое-то общее дѣло,—вотъ въ этомъ у насъ такая-же неясность, какая и у маршала Макъ-Магона. И потому, хоть я угодилъ инымъ, и цѣню что мнѣ протянули руку, цѣню очень, но все-таки предчувствую чрезвычайныя размолвки въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, ибо не могу-же я во всемъ и со всѣми быть согласнымъ, какимъ-бы складнымъ человѣкомъ я ни былъ.

II.

О любви къ народу. Необходимый контрактъ съ народомъ.

Я вотъ, напримѣръ, написалъ въ январьскомъ номерѣ «Дневника», что народъ нашъ грубъ и невѣжественъ, преданъ мраку и разврату, «варваръ ждущій свѣта». А между тѣмъ я только что прочелъ въ «Братской Помочи» (Сборникъ, изданный Славянскимъ Комитетомъ въ пользу дерущихся за свою свободу Славянъ),—въ статьѣ незабвеннаго и дорогаго всѣмъ русскимъ покойнаго Константина Аксакова, что русскій народъ—давно уже просвѣщенъ и «образованъ». Что-же? Смутился-ли я отъ такого, повидимому, разногласія моего съ мнѣніемъ Константина Аксакова? Нисколько, я вполнѣ раздѣляю это-же самое мнѣніе, горячо и давно ему сочувствую. Какъ-же я соглашаю такое противорѣчіе? Но въ томъ и дѣло, что, по моему, это очень легко согласить, а по другимъ, къ удивленію моему, до сихъ поръ эти обѣ темы несогласимы. Въ русскомъ человѣкѣ изъ простонародья нужно умѣть отвлекать красоту его отъ наноснаго варварства. Обстоятельствами всей почти русской исторіи народъ нашъ до того былъ преданъ разврату, и до того былъ развращаемъ, соблазняемъ и постоянно мучимъ, что еще удивительно какъ онъ дожилъ, сохранивъ человѣческій образъ, а не то, что сохранивъ красоту его. Но онъ сохранилъ и красоту своего образа. Кто истинный другъ человѣчества, у кого хоть разъ билось сердце по страданіямъ народа, тотъ пойметъ и извинитъ всю непроходимую наносную грязь, въ которую погруженъ народъ нашъ, и сумѣетъ отыскать въ этой грязи бриліанты. Повторяю: судите русскій народъ не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ такъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и святымъ вещамъ, по которымъ онъ и въ самой мерзости своей постоянно воздыхаетъ. А вѣдь не всѣ-же и въ народѣ—мерзавцы, есть прямо святые, да еще какіе: Сами свѣтятъ и всѣмъ намъ путь освѣ-

Digitized by Google

щаютъ! Я какъ-то слѣпо убѣжденъ, что нѣтъ такого подлеца и мерзавца въ русскомъ народѣ, который-бы не зналъ, что онъ подлъ и мерзокъ, тогда какъ у другихъ бываетъ такъ, что дѣлаетъ мерзость, да еще самъ себя за нее похваливаетъ, въ принципъ свою мерзость возводитъ, утверждаетъ, что въ ней-то и заключается l'Ordre и свѣтъ цивилизаціи и, несчастный, кончаетъ тѣмъ, что вѣритъ тому искренно, слѣпо и даже честно. Нѣтъ, судите нашъ народъ не по тому, что онъ есть, а по тому чѣмъ желалъ-бы стать. А идеалы его сильны и святы и они-то и спасли его въ вѣка мученій; они срослись съ душой его искони и наградили ее на вѣки простодушіемъ и честностью, искренностію и широкимъ всеоткрытымъ умомъ, и все это въ самомъ привлекательномъ гармоническомъ соединеніи. А если при томъ и такъ много грязи, то русскій человѣкъ и тоскуетъ отъ нея всего болѣе самъ, и вѣритъ, что все это—лишь наносное и временное, навожденіе діавольское, что кончится тьма и что непремѣнно возсіяетъ когда нибудь вѣчный свѣтъ. Я не буду вспоминать про его историческіе идеалы, про его Сергіевъ, Ѳеодосіевъ Печерскихъ и даже про Тихона Задонскаго. А кстати: многіе-ли знаютъ про Тихона Задонскаго? Зачѣмъ это такъ совсѣмъ не знать и совсѣмъ дать себѣ слово не читать? Некогда, что-ли? Повѣрьте, господа, что вы, къ удивленію вашему, узнали-бы прекрасныя вещи. Но обращусь лучше къ нашей литературѣ: все что̀ есть въ ней истинно прекраснаго, то все взято изъ народа, начиная съ смиреннаго, простодушнаго типа Бѣлкина, созданнаго Пушкинымъ. У насъ все вѣдь отъ Пушкина. Поворотъ его къ народу въ столь раннюю пору его дѣятельности, до того былъ безпримѣренъ и удивителенъ, представлялъ для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь, если не чудомъ, то необычайною великостью генія, котораго мы, прибавлю къ слову, до сихъ поръ еще оцѣнить не въ силахъ. Не буду упоминать о чисто народныхъ типахъ, появившихся въ наше время, но вспомните Обломова, вспомните «Дворянское Гнѣздо» Тургенева. Тутъ, конечно, не народъ, но все что̀ въ этихъ типахъ Гончарова и Тургенева вѣковѣчнаго и прекраснаго—все это отъ того, что они въ нихъ соприкоснулись съ народомъ; это соприкосновеніе съ народомъ придало имъ необычайныя силы. Они заимствовали у него его простодушіе, чистоту, кротость, широкость ума и незлобіе, въ противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. Не дивитесь, что я заговорилъ вдругъ объ русской литературѣ. Но за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся цѣликомъ, въ лучшихъ представителяхъ своихъ и прежде всей нашей интелигенціи, замѣтьте себѣ это, пре-

Digitized by Google

клонилась передъ правдой народной, признала идеалы народные за дѣйствительно прекрасные. Впрочемъ, она принуждена была взять ихъ себѣ въ образецъ отчасти даже невольно. Право тутъ, кажется, дѣйствовало скорѣе художественное чутье, чѣмъ добрая воля. Но объ литературѣ пока довольно, да и заговорилъ я объ ней по поводу лишь народа.

Вопросъ о народѣ и о взглядѣ на него, о пониманіи его, теперь у насъ самый важный вопросъ, въ которомъ заключается все наше будущее, даже, такъ сказать, самый практическій вопросъ нашъ теперь. И однако-же, народъ для насъ всѣхъ—все еще теорія и продолжаетъ стоять загадкой. Всѣ мы, любители народа, смотримъ на него, какъ на теорію и, кажется, ровно никто изъ насъ не любитъ его такимъ, какимъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, а лишь такимъ, какимъ мы его каждый себѣ представили. И даже такъ, что еслибъ народъ русскій оказался впослѣдствіи не такимъ, какимъ мы каждый его представили, то, кажется, всѣ мы, не смотря на всю любовь нашу къ нему, тотчасъ-бы отступились отъ него безъ всякаго сожалѣнія. Я говорю про всѣхъ, не исключая и славянофиловъ; тѣ-то даже, можетъ быть, пуще всѣхъ. Что до меня, то я не потаю моихъ убѣжденій, именно, чтобы опредѣлить яснѣе дальнѣйшее направленіе, въ которомъ пойдетъ мой «Дневникъ», во избѣжаніе недоумѣній, такъ что всякій уже будетъ знать заранѣе: стоитъ-ли мнѣ протягивать литературную руку, или нѣтъ? Я думаю такъ: врядъ-ли мы столь хороши и прекрасны, чтобъ могли поставить самихъ себя въ идеалъ народу и потребовать отъ него, чтобъ онъ сталъ непремѣнно такимъ-же, какъ мы. Не дивитесь вопросу, поставленному такимъ нелѣпымъ угломъ. Но вопросъ этотъ у насъ никогда иначе и не ставился: «Что лучше—мы или народъ? Народу-ли за нами или намъ за народомъ?» — вотъ что теперь всѣ говорятъ, изъ тѣхъ кто хоть капельку не лишенъ мысли въ головѣ и заботы по общему дѣлу въ сердцѣ. А потому и я отвѣчу искренно: напротивъ, это мы должны преклониться передъ народомъ и ждать отъ него всего, и мысли и образа; преклониться предъ правдой народной и признать ее за правду, даже и въ томъ ужасномъ случаѣ, если она вышла-бы отчасти и изъ Четьи-Минеи. Однимъ словомъ, мы должны склониться, такъ блудные дѣти, двѣсти лѣтъ не бывшіе дома, но воротившіеся однако-же все-таки русскими, въ чемъ, впрочемъ, великая наша заслуга. Но, съ другой стороны, преклониться мы должны подъ однимъ лишь условіемъ и это sine qua non: чтобъ народъ и отъ насъ принялъ многое изъ того, что мы принесли съ собой. Не можемъ-же мы совсѣмъ передъ нимъ уничтожиться, и даже передъ какой-бы то ни было его

Digitized by Google

правдой; наше пусть остается при насъ и мы не отдадимъ его ни за что на свѣтѣ, даже, въ крайнемъ случаѣ, и за счастье соединенія съ народомъ. Въ противномъ случаѣ, пусть ужь мы оба погибаемъ врознь. Да противнаго случая и не будетъ вовсе: я-же совершенно убѣжденъ, что это *нѣчто*, что мы принесли съ собой, существуетъ дѣйствительно,—не миражъ, а имѣетъ и образъ, и форму, и вѣсъ. Тѣмъ не менѣе, опять повторяю, многое впереди загадка и до того, что даже страшно и ждать. Предсказываютъ, напримѣръ, что цивилизація испортитъ народъ: это будто-бы такой ходъ дѣла, при которомъ, рядомъ съ спасеніемъ и свѣтомъ, вторгается столько ложнаго и фальшиваго, столько тревоги и сквернѣйшихъ привычекъ, что развѣ лишь въ поколѣніяхъ впереди, опять-таки, пожалуй, черезъ двѣсти лѣтъ, взростутъ добрыя сѣмена, а дѣтей нашихъ и насъ, можетъ быть, ожидаетъ что нибудь ужасное. Такъ-ли это по вашему, господа? Назначено-ли нашему народу непремѣнно пройти еще новый фазисъ разврата и лжи, какъ прошли и мы его съ прививкой цивилизаціи? (Я думаю, никто вѣдь не заспоритъ, что мы начали нашу цивилизацію прямо съ разврата?) Я-бы желалъ услышать на этотъ счетъ что нибудь утѣшительнѣе. Я очень наклоненъ увѣровать, что нашъ народъ такая огромность, что въ ней уничтожатся, сами собой, всѣ новые мутные потоки, если только они откуда нибудь выскочатъ и потекутъ. Вотъ на это давайте руку; давайте способствовать вмѣстѣ, каждый «микроскопическимъ» своимъ дѣйствіемъ, чтобъ дѣло обошлось прямѣе и безошибочнѣе. Правда, мы сами-то не умѣемъ тутъ ничего, а только «любимъ отечество», въ средствахъ не согласимся и еще много разъ поссоримся; но вѣдь, если ужь рѣшено, что мы люди хорошіе, то чтобы тамъ ни вышло, а вѣдь дѣло-то, подконецъ, наладится. Вотъ моя вѣра. Повторяю: тутъ двухсотлѣтняя отвычка отъ всякаго дѣла и болѣе ничего. Вотъ черезъ эту-то отвычку мы и покончили нашъ «культурный періодъ» тѣмъ, что повсемѣстно перестали понимать другъ друга. Конечно, я говорю лишь о серьезныхъ и искреннихъ людяхъ,—это они только не понимаютъ другъ друга; а спекулянты дѣло другое: тѣ другъ друга всегда понимали...

Digitized by Google

III.

Мужикъ Марей.

Но всѣ эти professions de foi, я думаю, очень скучно читать, а потому разскажу одинъ анекдотъ, впрочемъ, даже и не анекдотъ; такъ, одно лишь далекое воспоминаніе, которое мнѣ, почему-то, очень хочется разсказать именно здѣсь и теперь, въ заключеніе нашего трактата о народѣ. Мнѣ было тогда всего лишь девять лѣтъ отъ роду... но нѣтъ, лучше—начну съ того, когда мнѣ было двадцать девять лѣтъ отъ роду.

Былъ второй день Свѣтлаго праздника. Въ воздухѣ было тепло, небо голубое, солнце высокое, «теплое», яркое, но въ душѣ моей было очень мрачно. Я скитался за казармами, смотрѣлъ, отсчитывая ихъ на пали крѣпкаго острожнаго тына, но и считать мнѣ ихъ не хотѣлось, хотя было въ привычку. Другой уже день по острогу «шелъ праздникъ»; каторжныхъ на работу не выводили, пьяныхъ было множество, ругательства, ссоры начинались поминутно во всѣхъ углахъ. Безобразныя, гадкія пѣсни, майданы съ картежной игрой подъ нарами, нѣсколько уже избитыхъ до полусмерти каторжныхъ, за особое буйство, собственнымъ судомъ товарищей и прикрытыхъ на нарахъ тулупами, пока оживутъ и очнутся; нѣсколько разъ уже обнажившіеся ножи,—все это, въ два дня праздника, до болѣзни истерзало меня. Да и никогда не могъ я вынести безъ отвращенія пьянаго народнаго разгула, а тутъ въ этомъ мѣстѣ особенно. Въ эти дни даже начальство въ острогъ не заглядывало, не дѣлало обысковъ, не искало вина, понимая, что надо-же дать погулять, разъ въ годъ, даже и этимъ отверженцамъ, и что иначе было-бы хуже. Наконецъ, въ сердцѣ моемъ загорѣлась злоба. Мнѣ встрѣтился полякъ М—цкій, изъ политическихъ; онъ мрачно посмотрѣлъ на меня, глаза его сверкнули и губы затряслись: «Je hais ces brigands»! проскрежеталъ онъ мнѣ въ полголоса и прошелъ мимо. Я воротился въ казарму, не смотря на то, что четверть часа тому выбѣжалъ изъ нея какъ полоумный, когда шесть человѣкъ здоровыхъ мужиковъ бросились, всѣ разомъ, на пьянаго татарина Газина усмирять его и стали его бить; били они его нелѣпо, верблюда можно было убить такими побоями; но знали, что этого Геркулеса трудно убить, а потому били безъ опаски. Теперь, воротясь, я примѣтилъ въ концѣ казармы, на нарахъ въ углу,

Digitized by Google

безчувственнаго уже Газина почти безъ признаковъ жизни; онъ лежалъ прикрытый тулупомъ и его всѣ обходили молча: хоть и твердо надѣялись, что завтра къ утру очнется, «но съ такихъ побоевъ, не ровенъ часъ, пожалуй, что и помретъ человѣкъ». Я пробрался на свое мѣсто, противъ окна съ желѣзной рѣшеткой, и легъ навзничь, закинувъ руки за голову и закрывъ глаза. Я любилъ такъ лежать: къ спящему не пристанутъ, а межъ тѣмъ можно мечтать и думать. Но мнѣ не мечталось; сердце билось неспокойно, а въ ушахъ звучали слова М—цкаго: «Je hais ces brigands!» Впрочемъ, что-же описывать впечатлѣнія; мнѣ и теперь иногда снится это время по ночамъ и у меня нѣтъ сновъ мучительнѣе. Можетъ быть, замѣтятъ и то, что до сегодня я почти ни разу не заговаривалъ печатно о моей жизни въ каторгѣ; «Записки-же изъ Мертваго Дома» написалъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, отъ лица вымышленнаго, отъ преступника будто-бы убившаго свою жену. Кстати прибавлю, какъ подробность, что съ тѣхъ поръ про меня очень многіе думаютъ, и утверждаютъ даже и теперь, что я сосланъ былъ за убійство жены моей.

Мало по малу я и впрямь забылся и непримѣтно погрузился въ воспоминанія. Во всѣ мои четыре года каторги, я вспоминалъ безпрерывно все мое прошедшее и, кажется, въ воспоминаніяхъ пережилъ всю мою прежнюю жизнь снова. Эти воспоминанія вставали сами, я рѣдко вызывалъ ихъ по своей волѣ. Начиналось съ какой нибудь точки, черты, иногда непримѣтной, и потомъ, мало по малу, выростало въ цѣльную картину, въ какое нибудь сильное и цѣльное впечатлѣніе. Я анализировалъ эти впечатлѣнія, придавалъ новыя черты уже давно прожитому и, главное, поправлялъ его, поправлялъ безпрерывно, въ этомъ состояла вся забава моя. На этотъ разъ мнѣ вдругъ припомнилось почему-то одно незамѣтное мгновеніе изъ моего перваго дѣтства, когда мнѣ было всего девять лѣтъ отъ роду,—мгновенье казалось-бы мною совершенно забытое; но я особенно любилъ тогда воспоминанія изъ самаго перваго моего дѣтства. Мнѣ припомнился августъ мѣсяцъ въ нашей деревнѣ: день сухой и ясный, но нѣсколько холодный и вѣтреный; лѣто на исходѣ и скоро надо ѣхать въ Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мнѣ такъ жалко покидать деревню. Я прошелъ за гумна и, спустившись въ оврагъ, поднялся въ *Лоскъ*,—такъ назывался у насъ густой кустарникъ по ту сторону оврага до самой рощи. И вотъ я забился гуще въ кусты и слышу какъ недалеко, шагахъ въ тридцати, на полянѣ, одиноко пашетъ мужикъ. Я знаю, что онъ пашетъ круто въ гору и лошадь идетъ трудно и до меня изрѣдка долетаетъ его окрикъ:

Digitized by Google

«Ну-ну»! Я почти всѣхъ нашихъ мужиковъ знаю, но не знаю который это теперь пашетъ, да мнѣ и все равно, я весь погруженъ въ мое дѣло, я тоже занятъ: я выламываю себѣ орѣховый хлыстъ, чтобъ стегать имъ лягушекъ; хлысты изъ орѣшника такъ красивы и такъ непрочны, куда противъ березовыхъ. Занимаютъ меня тоже букашки и жучки, я ихъ сбираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленькихъ, проворныхъ, красно-желтыхъ ящерицъ, съ черными пятнышками, но змѣекъ боюсь. Впрочемъ, змѣйки попадаются гораздо рѣже ящерицъ. Грибовъ тутъ мало; за грибами надо идти въ березнякъ и я собираюсь отправиться. И ничего въ жизни я такъ не любилъ какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами, съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и послышался запахъ нашего деревенскаго березняка: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь. Вдругъ, среди глубокой тишины я ясно и отчетливо услышалъ крикъ: «Волкъ бѣжитъ»! Я вскрикнулъ и внѣ себя отъ испуга, крича въ голосъ, выбѣжалъ на поляну, прямо на пашущаго мужика.

Это былъ нашъ мужикъ Марей. Не знаю есть-ли такое имя, но его всѣ звали Мареемъ,—мужикъ лѣтъ пятидесяти, плотный, довольно рослый, съ сильною просѣдью въ темнорусой окладистой бородѣ. Я зналъ его, но до того никогда почти не случалось мнѣ заговорить съ нимъ. Онъ даже остановилъ кобыленку, заслышавъ крикъ мой, и когда я, разбѣжавшись, уцѣпился одной рукой за его соху, а другою за его рукавъ, то онъ разглядѣлъ мой испугъ.

— Волкъ бѣжитъ! прокричалъ я, задыхаясь.

Онъ вскинулъ голову и невольно оглядѣлся кругомъ, на мгновенье почти мнѣ повѣривъ.

— Гдѣ волкъ?

— Закричалъ... Кто-то закричалъ сейчасъ: «волкъ бѣжитъ»... пролепеталъ я.

— Что ты, что ты, какой волкъ, померещилось; вишь! Какому тутъ волку быть! бормоталъ онъ, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крѣпче уцѣпился за его зипунъ и, должно быть, былъ очень блѣденъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ безпокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

— Ишь вѣдь испужался, ай-ай! качалъ онъ головой.—Полно, родный. Ишь малецъ, ай!

Онъ протянулъ руку и вдругъ погладилъ меня по щекѣ.

— Ну, полно-же, ну, Христосъ съ тобой, окстись. Но я не крестился; углы губъ моихъ вздрагивали и, кажется, это особенно

Digitized by Google

его поразило. Онъ протянулъ тихонько свой толстый, съ чернымъ ногтемъ, запачканный въ землѣ палецъ и тихонько дотронулся до вспрыгивающихъ моихъ губъ.

— Ишь вѣдь, ай, улыбнулся онъ мнѣ какою-то материнскою и длинною улыбкой,—Господи, да что это, ишь вѣдь, ай, ай!

Я понялъ, наконецъ, что волка нѣтъ и что мнѣ крикъ: «волкъ бѣжитъ», померещился. Крикъ былъ впрочемъ такой ясный и отчетливый, но такіе крики (не объ однихъ волкахъ) мнѣ уже разъ или два и прежде мерещились и я зналъ про то. (Потомъ, съ дѣтствомъ, эти галлюсинаціи прошли).

— Ну, я пойду, сказалъ я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я-те вослѣдъ посмотрю. Ужь я тебя волку не дамъ! прибавилъ онъ, все также матерински мнѣ улыбаясь,— ну, Христосъ съ тобой, ну, ступай, и онъ перекрестилъ меня рукой и самъ перекрестился. Я пошелъ, оглядываясь назадъ почти каждые десять шаговъ. Марей, пока я шелъ, все стоялъ съ своей кобыленкой и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, каждый разъ кивая мнѣ головой, когда я оглядывался. Мнѣ, признаться, было немножко передъ нимъ стыдно, что я такъ испугался, но шелъ я все еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогоръ оврага, до первой риги; тутъ испугъ соскочилъ совсѣмъ и вдругъ, откуда ни возьмись, бросилась ко мнѣ наша дворовая собака Волчокъ. Съ Волчкомъ-то я ужь вполнѣ ободрился и обернулся въ послѣдній разъ къ Марею; лица его я уже не могъ разглядѣть ясно, но чувствовалъ, что онъ все точно также мнѣ ласково улыбается и киваетъ головой. Я махнулъ ему рукой, онъ махнулъ мнѣ тоже и тронулъ кобыленку.

— Ну-ну! послышался опять отдаленный окрикъ его и кобыленка потянула опять свою соху.

Все это мнѣ разомъ припомнилось, не знаю почему, но съ удивительною точностью въ подробностяхъ. Я вдругъ очнулся и присѣлъ на нарахъ и, помню, еще засталъ на лицѣ моемъ тихую улыбку воспоминанія. Съ минуту еще я продолжалъ припоминать.

Я тогда, придя домой отъ Марея, никому не разсказалъ о моемъ «приключеніи». Да и какое это было приключеніе? Да и объ Мареѣ я тогда очень скоро забылъ. Встрѣчаясь съ нимъ потомъ изрѣдка, я никогда даже съ нимъ не заговаривалъ, не только про волка, да и ни объ чемъ, и вдругъ теперь, двадцать лѣтъ спустя, въ Сибири, припомнилъ всю эту встрѣчу съ такою ясностью, до самой послѣдней черты. Значитъ, залегла-же она въ душѣ моей непримѣтно, сама собой и безъ воли моей, и вдругъ припомнилась

Digitized by Google

тогда, когда было надо; припомнилась эта нѣжная, материнская улыбка бѣднаго крѣпостнаго мужика, его кресты, его покачиванье головой: «Ишь вѣдь, испужался, малецъ!» И особенно этотъ толстый его, запачканный въ землѣ палецъ, которымъ онъ тихо и съ робкою нѣжностью прикоснулся къ вздрагивавшимъ губамъ моимъ. Конечно, всякій-бы ободрилъ ребенка, но тутъ въ этой уединенной встрѣчѣ случилось какъ-бы что-то совсѣмъ другое, и еслибъ я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ-бы посмотрѣть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ, а кто его заставлялъ? Былъ онъ собственный крѣпостной нашъ мужикъ, а я все-же его барченокъ; никто-бы не узналъ, какъ онъ ласкалъ меня и не наградилъ за то. Любилъ онъ, что-ли такъ ужь очень маленькихъ дѣтей? Такіе бываютъ. Встрѣча была уединенная, въ пустомъ полѣ и только Богъ, можетъ, видѣлъ сверху какимъ глубокимъ и просвѣщеннымъ человѣческимъ чувствомъ и какою тонкою почти женственною нѣжностью можетъ быть наполнено сердце иного грубаго, звѣрски невѣжественнаго крѣпостнаго русскаго мужика, еще и не ждавшаго—негадавшаго тогда о своей свободѣ. Скажите, не это-ли разумѣлъ Константинъ Аксаковъ, говоря про высокое образованіе народа нашего?

И вотъ, когда я сошелъ съ наръ и оглядѣлся кругомъ, помню, я вдругъ почувствовалъ, что могу смотрѣть на этихъ несчастныхъ совсѣмъ другимъ взглядомъ, и что вдругъ, какимъ-то чудомъ, исчезла совсѣмъ всякая ненависть и злоба въ сердцѣ моемъ. Я пошелъ, вглядываясь въ встрѣчавшіяся лица. Этотъ обритый и шельмованный мужикъ, съ клеймами на лицѣ и хмѣльной, орущій свою пьяную сиплую пѣсню, вѣдь это тоже, можетъ быть, тотъ-же самый Марей: вѣдь я-же не могу заглянуть въ его сердце. Встрѣтилъ я въ тотъ-же вечеръ еще разъ и М—цкаго. Несчастный! У него-то ужь не могло быть воспоминаній ни объ какихъ Мареяхъ и никакого другаго взгляда на этихъ людей кромѣ: «Je hais ces brigands»! Нѣтъ, эти поляки вынесли тогда болѣе нашего!

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

По поводу дѣла Кронеберга.

Я думаю, всѣ знаютъ о дѣлѣ Кронеберга, производившемся съ мѣсяцъ назадъ въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, и всѣ читали отчеты и сужденія въ газетахъ. Дѣло слишкомъ любопытное и отчеты о немъ были замѣчательно горячіе. Опоздавъ мѣсяцъ, я не буду подымать его въ подробности, но чувствую потребность сказать и мое слово по поводу. Я совсѣмъ не юристъ, но тутъ столько оказалось фальши со всѣхъ сторонъ, что она и не юристу очевидна. Подобныя дѣла выпрыгиваютъ какъ-то нечаянно и только смущаютъ общество и, кажется, даже судей. А такъ какъ касаются при томъ всеобщаго и самаго драгоцѣннаго интереса, то понятно, что затрогиваютъ за живое и объ нихъ иной разъ нельзя не заговорить, хотя-бы прошелъ тому уже мѣсяцъ, то есть цѣлая вѣчность.

Напомню дѣло; отецъ высѣкъ ребенка, семилѣтнюю дочь, слишкомъ жестоко, по обвиненію обходился съ нею жестоко и прежде. Одна посторонняя женщина, изъ простаго званія, не стерпѣла криковъ истязаемой дѣвочки, четверть часа (по обвиненію) кричавшей подъ розгами: «папа! папа!» Розги-же, по свидѣтельству одного эксперта, оказались не розгами, а «шпицрутенами», т. е. невозможными для семилѣтняго возраста. Впрочемъ, они лежали на судѣ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ и ихъ всѣ могли видѣть, даже самъ г. Спасовичъ. Обвиненіе, между прочимъ, упоминало и о томъ, что отецъ передъ сѣченіемъ, когда ему замѣтили, что вотъ хоть этотъ сучокъ надо-бы отломить, отвѣтилъ: «нѣтъ, это придастъ еще силы». Извѣстно тоже, что отецъ послѣ наказанія самъ почти упалъ въ обморокъ.

Помню, какое первое впечатлѣніе произвелъ на меня номеръ «Голоса», въ которомъ я прочелъ начало дѣла, первое изложеніе его. Это случилось со мной въ десятомъ часу вечера, совсѣмъ нечаянно. Я весь день просидѣлъ въ типографіи и не могъ проглядѣть «Голосъ» раньше и объ возникшемъ дѣлѣ ничего не зналъ. Прочитавъ, я рѣшился во чтобы ни стало, не смотря на поздній часъ, узнать въ тотъ-же вечеръ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, пред-

Digitized by Google

полагая, что оно могло уже, пожалуй, и кончиться въ судѣ, можетъ быть, даже въ тотъ-же самый день, въ субботу, и зная, что отчеты въ газетахъ всегда опаздываютъ. Я вздумалъ тотчасъ-же съѣздить къ одному слишкомъ мнѣ извѣстному, хотя и очень мало знакомому человѣку, разсчитывая, по нѣкоторымъ соображеніямъ, что ему, въ данную минуту, скорѣе всѣхъ моихъ знакомыхъ, можетъ быть, извѣстно окончаніе дѣла, и что даже вѣрно, можетъ быть, онъ и самъ былъ въ судѣ. Я не ошибся, онъ былъ въ судѣ и только что воротился; я засталъ его, въ одинадцатомъ часу, уже дома и онъ сообщилъ мнѣ объ оправданіи подсудимаго. Я былъ въ негодованіи на судъ, на присяжныхъ, на адвоката. Теперь этому дѣлу уже три недѣли и я во многомъ перемѣнилъ мнѣніе, прочтя самъ отчеты газетъ и выслушавъ нѣсколько вѣскихъ постороннихъ сужденій. Я очень радъ, что судившагося отца могу уже не принимать за злодѣя, за любителя дѣтскихъ мученій (такіе типы бываютъ) и что тутъ все только «нервы» и что онъ только «худой педагогъ», по выраженію его-же защитника. Я, главное, желаю теперь лишь указать въ нѣкоторой подробности на рѣчь адвоката-защитника въ судѣ, чтобы яснѣе обозначить—въ какое фальшивое и нелѣпое положеніе можетъ быть поставленъ иной извѣстный, талантливый и честный человѣкъ, единственно лишь фальшью первоначальной постановки самого дѣла.

Въ чемъ-же фальшь? Во первыхъ, вотъ дѣвочка, ребенокъ, ее «мучили, истязали» и судьи хотятъ ее защитить,—и вотъ какое-бы ужь кажется святое дѣло, но чтожь выходитъ: вѣдь чуть не сдѣлали ее на вѣки несчастною; даже, можетъ быть, ужь сдѣлали! Въ самомъ дѣлѣ, что̀ еслибъ отца осудили? Дѣло было поставлено обвиненіемъ такъ, что въ случаѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ отецъ могъ быть сосланъ въ Сибирь. Спрашивается, что осталось-бы у этой дочери, теперь ничего не смыслящаго ребенка, потомъ въ душѣ, на всю жизнь, и даже въ случаѣ, еслибъ она была потомъ всю жизнь богатою, «счастливою?» Не разрушено-ли-бъ было семейство самимъ судомъ, охраняющимъ, какъ извѣстно, святыню семьи? Теперь возьмите еще черту: дѣвочкѣ семь лѣтъ,—каково впечатлѣніе въ такихъ лѣтахъ? Отца ея не сослали и оправдали, хорошо сдѣлали (хотя аплодировать рѣшенію присяжныхъ, по моему, публикѣ-бы и не слѣдовало, а аплодисментъ, говорятъ, раздался); но все-же дѣвочку притянули въ судъ, она фигурировала; она все видѣла, все слышала, сама отвѣчала за себя: «Je suis voleuse, menteuse». Открыты были взрослыми и серьезными людьми, гуманными даже людьми, вслухъ передъ всей публикой—секретные пороки ребеночка (это семилѣтняго-то!)—какая

Digitized by Google

чудовищность! Mais il en reste toujours quelque chose, на всю жизнь, поймите вы это! И не только въ душѣ ея останется, но, можетъ быть, отразится и въ судьбѣ ея. Что-то ужь прикоснулось къ ней теперь, на этомъ судѣ, гадкое, нехорошее, на вѣки и оставило слѣдъ. И, кто знаетъ, можетъ быть, черезъ двадцать лѣтъ ей кто нибудь скажетъ: «Ты еще ребенкомъ въ уголовномъ судѣ фигурировала». Впрочемъ, опять-таки я вижу, что я не юристъ и всего этого не сумѣю выразить, а потому лучше обращусь прямо къ рѣчи защитника: въ ней всѣ эти недоразумѣнія чрезвычайно ярко и сами собой выставились. Защитникомъ подсудимаго былъ г. Спасовичъ; это талантъ. Гдѣ не заговорятъ о г. Спасовичѣ, всѣ, повсемѣстно, отзываются о немъ: «это талантъ». Я очень радъ тому. Замѣчу, что г. Спасовичъ былъ назначенъ къ защитѣ судомъ и, стало быть, защищалъ, такъ сказать, вслѣдствіе нѣкотораго понужденія... Впрочемъ, тутъ я опять не компетентенъ и умолкаю. Но прежде, чѣмъ коснусь вышеупомянутой и замѣчательной рѣчи, мнѣ хочется включить нѣсколько словъ объ адвокатахъ вообще и о талантахъ въ особенности, такъ сказать, сообщить читателю нѣсколько впечатлѣній и недоумѣній моихъ, конечно, можетъ быть, крайне не серьезныхъ въ глазахъ людей компетентныхъ, но вѣдь я пишу мой «Дневникъ» для себя, а мысли эти крѣпко у меня засѣли. Впрочемъ, сознаюсь, это даже и не мысли, а такъ все какія-то чувства...

II.

Нѣчто объ адвокатахъ вообще. Мои наивныя и необразованныя предположенія. Нѣчто о талантахъ вообще и въ особенности.

Впрочемъ собственно объ адвокатахъ лишь два слова. Только лишь взялъ перо и ужь боюсь. Заранѣе краснѣю за наивность моихъ вопросовъ и предположеній. Вѣдь слишкомъ ужь было-бы наивно и невинно съ моей стороны распространяться, напримѣръ, о томъ, какое полезное и пріятное учрежденіе адвокатура. Вотъ человѣкъ совершилъ преступленіе, а законовъ не знаетъ; онъ готовъ сознаться, но является адвокатъ и доказываетъ ему, что онъ не только правъ, но и святъ. Онъ подводитъ ему законы, онъ подыскиваетъ ему такое руководящее рѣшеніе кассаціоннаго департамента сената, которое вдругъ даетъ дѣлу совсѣмъ иной видъ

Digitized by Google

и кончаетъ тѣмъ, что вытягиваетъ изъ ямы несчастнаго. Препріятная вещь! Положимъ, тутъ могутъ поспорить и возразить, что это отчасти безнравственно. Но вотъ передъ вами невинный, совсѣмъ ужь невинный, простячекъ, а улики однако такія и прокуроръ ихъ такъ сгрупировалъ, что совсѣмъ-бы, кажется, погибать человѣку за чужую вину. Человѣкъ притомъ темный, законовъ ни въ зубъ и только знаетъ бормочетъ: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю»,—чѣмъ подъ конецъ раздражаетъ и присяжныхъ и судей. Но является адвокатъ, съѣвшій зубы на законахъ, подводитъ статью, подводитъ руководящее рѣшеніе кассаціоннаго департамента сената, сбиваетъ съ толку прокурора и вотъ—невинный оправданъ. Нѣтъ, это полезно. Что-бы сталъ дѣлать у насъ невинный безъ адвоката?

Все это, повторяю, разсужденія наивныя и всѣмъ извѣстныя. Но всетаки чрезвычайно пріятно имѣть адвоката. Я самъ испыталъ это ощущеніе, когда однажды, редактируя одну газету, вдругъ нечаянно, по недосмотру (что̀ со всѣми случается) пропустилъ одно извѣстіе, которое не могъ напечатать иначе, какъ съ разрѣшенія г. министра Двора. И вотъ мнѣ вдругъ объявили, что я подъ судомъ. Я и защищаться-то не хотѣлъ; «вина» моя была даже и мнѣ очевидна: я преступилъ ясно начертанный законъ и *юридическаго* спору быть не могло. Но судъ мнѣ назначилъ адвоката (человѣка нѣсколько мнѣ знакомаго и съ которымъ мы засѣдали прежде въ одномъ «Обществѣ»). Онъ мнѣ вдругъ объявилъ, что я не только не виноватъ, но и совершенно правъ и что онъ твердо намѣренъ отстоять меня изо всѣхъ силъ. Я выслушалъ это, разумѣется, съ удовольствіемъ; когда-же насталъ судъ, то, признаюсь, я вынесъ совершенно неожиданное впечатлѣніе: я видѣлъ и слушалъ, какъ говорилъ мой адвокатъ и мысль о томъ, что я, совершенно виноватый, вдругъ выхожу совсѣмъ правымъ, была такъ забавна и въ то-же время такъ почему-то привлекательна, что, признаюсь, эти полчаса въ судѣ я отношу къ самымъ веселымъ въ моей жизни; но вѣдь я былъ не юристъ и потому не понималъ, что совершенно правъ. Меня, конечно, осудили: литераторовъ судятъ строго; я заплатилъ двадцать пять рублей и, сверхъ того, отсидѣлъ два дня на Сѣнной, на абвахтѣ, гдѣ провелъ время премило, даже съ нѣкоторою пользою и кое съ кѣмъ и съ чѣмъ познакомился. А впрочемъ я чувствую, что сильно соскочилъ въ сторону; перейду опять къ серьезному.

Въ высшей степени нравственно и умилительно, когда адвокатъ употребляетъ свой трудъ и талантъ на защиту несчастныхъ; это другъ человѣчества. Но вотъ у васъ является мысль, что онъ

Digitized by Google

завѣдомо защищаетъ и оправдываетъ виновнаго, мало того, что онъ иначе и сдѣлать не можетъ, еслибъ и хотѣлъ. Мнѣ отвѣтятъ, что судъ не можетъ лишить помощи адвокатской никакого преступника, и что честный адвокатъ всегда въ этомъ случаѣ останется честнымъ, ибо всегда найдетъ и опредѣлитъ настоящую степень виновности своего кліента, но лишь не дастъ его наказать сверхъ мѣры и т. д., и т. д. Это такъ, хотя это предположеніе и похоже на самый безграничный идеализмъ. Мнѣ кажется, что избѣжать фальши и сохранить честность и совѣсть адвокату также трудно, вообще говоря, какъ и всякому человѣку достигнуть райскаго состоянія. Вѣдь ужь случалось намъ слышать, какъ адвокаты почти клянутся въ судѣ, вслухъ, обращаясь къ присяжнымъ, что они— единственно потому только взялись защищать своихъ кліентовъ, что вполнѣ убѣдились въ ихъ невинности. Когда вы выслушиваете эти клятвы, въ васъ тотчасъ-же и неотразимо вселяется самое скверное подозрѣніе: «А ну, если лжетъ и только деньги взялъ?» И, дѣйствительно, очень часто выходило потомъ, что эти, съ такимъ жаромъ защищаемые кліенты, оказывались вполнѣ и безспорно виновными. Я не знаю, бывали-ли у насъ случаи, что адвокаты, желая до конца выдержать свой характеръ вполнѣ убѣжденныхъ въ невиновности своихъ кліентовъ людей, падали въ обморокъ, когда присяжные выносили обвинительный приговоръ? Но что проливали слезы, то это, кажется, уже случалось въ нашемъ столь молодомъ еще судѣ. Какъ хотите, а тутъ, во всемъ этомъ установленіи, сверхъ всего безспорно прекраснаго, заключается какъ-бы нѣчто грустное. Право: мерещатся «Подковырники—Клещи», слышится народное словцо: «адвокатъ—нанятая совѣсть»; но главное, кромѣ всего этого, мерещится нелѣпѣйшій парадоксъ, что адвокатъ и никогда не можетъ дѣйствовать по совѣсти, не можетъ не играть своею совѣстью, еслибъ даже и хотѣлъ не играть, что это уже такой обреченный на безсовѣстность человѣкъ, и что, наконецъ, самое главное и серьезное во всемъ этомъ то, что такое грустное положеніе дѣла какъ-бы даже узаконено кѣмъ-то и чѣмъ-то, такъ что считается уже вовсе не уклоненіемъ, а, напротивъ, даже самымъ нормальнымъ порядкомъ...

Впрочемъ, оставимъ; чувствую изъ всѣхъ силъ, что заговорилъ не на свою тему. И даже увѣренъ, что юридической наукой всѣ эти недоразумѣнія давнымъ давно уже разрѣшены, къ полному спокойствію всѣхъ и каждаго, а только я одинъ изъ всѣхъ про это ничего не знаю. Поговорю лучше о талантѣ; все-же я тутъ хоть капельку да компетентнѣе.

Что такое талантъ? Талантъ есть, во первыхъ, преполезная

Digitized by Google

вещь. Литературный талантъ, напримѣръ, есть способность сказать или выразить хорошо тамъ, гдѣ бездарность скажетъ и выразитъ дурно. Вы скажете, что прежде всего нужно направленіе и уже послѣ талантъ. Пусть, согласенъ, я не о художественности собрался говорить, а лишь о нѣкоторыхъ свойствахъ таланта, говоря вообще. Свойства таланта, говоря вообще, чрезвычайно разнообразны и иногда просто несносны. Во первыхъ, talent oblige, «талантъ обязываетъ»,—къ чему напримѣръ? Иногда къ самымъ дурнымъ вещамъ. Представляется неразрѣшимый вопросъ: талантъ-ли обладаетъ человѣкомъ, или человѣкъ своимъ талантомъ? Мнѣ кажется, сколько я ни слѣдилъ и не наблюдалъ за талантами, живыми и мертвыми, чрезвычайно рѣдко человѣкъ способенъ совладать съ своимъ дарованіемъ, и что, напротивъ, почти всегда талантъ порабощаетъ себѣ своего обладателя, такъ сказать какъ-бы схватывая его за шиворотъ (да, именно въ такомъ унизительномъ нерѣдко видѣ) и унося его на весьма далекія разстоянія отъ настоящей дороги. У Гоголя, гдѣ-то, (забылъ гдѣ) одинъ вралъ началъ объ чемъ-то разсказывать и, можетъ быть, сказалъ-бы правду, «но сами собою представились такія подробности» въ разсказѣ, что ужь никакъ нельзя было сказать правду. Это я, конечно, лишь для сравненія, хотя дѣйствительно есть таланты собственно вралей или вранья. Романтистъ Теккерей, рисуя одного такого свѣтскаго враля и забавника, порядочнаго впрочемъ общества, и шатавшагося по лордамъ, разсказываетъ, что онъ, уходя откуда нибудь, любилъ оставлять послѣ себя взрывъ смѣха, т. е. приберегалъ самую лучшую выходку или остроту къ концу. Знаете что: мнѣ кажется очень трудно оставаться и, такъ сказать, уберечь себя честнымъ человѣкомъ, когда такъ заботишься приберечь самое мѣткое словцо къ концу, чтобы оставить по себѣ взрывъ смѣха. Самая забота эта такъ мелочна, что подъ конецъ должна выгнать изъ человѣка все серьезное. И къ тому-же если мѣткое словцо къ концу не припасено, то его надо вѣдь выдумать, а для краснаго словца

не пожалѣешь матери и отца.

Скажутъ мнѣ, что если такія требованія, то и жить нельзя. Это правда. Но во всякомъ талантѣ, согласитесь сами, есть всегда эта нѣкоторая почти неблагородная, излишняя «отзывчивость», которая всегда тянетъ увлечь самаго трезваго человѣка въ сторону,

Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ...

или тамъ чтобы ни случилось, тотчасъ-же и пошелъ, и пошелъ человѣкъ, и взыгралъ, и размазался, и увлекся. Эту излишнюю «отзывчивость» Бѣлинскій, въ одномъ разговорѣ со мной, сравнилъ, такъ сказать съ «блудодѣйствіемъ таланта» и презиралъ ее

Digitized by Google

очень, подразумѣвая, конечно, въ антитезѣ, нѣкоторую крѣпость души, которая-бы могла всегда совладать съ отзывчивостію, даже и при самомъ крѣпкомъ поэтическомъ настроеніи. Бѣлинскій говорилъ это про поэтовъ, но вѣдь и всѣ почти таланты хоть капельку да поэты, даже столяры, если они талантливы. Поэзія есть, такъ сказать, внутренній огонь всякаго таланта. А если ужь столяръ бываетъ поэтомъ, то навѣрно и адвокатъ, въ случаѣ если тоже талантливъ. Я нисколько не спорю, что при суровой честности правилъ и при твердости духа даже и адвокатъ можетъ справиться съ своею «отзывчивостью»; но есть случаи и обстоятельства, когда человѣкъ и не выдержитъ: «представятся само собою такія подробности» и—увлечется человѣкъ. Господа, все, что я здѣсь говорю объ этой отзывчивости, почти вовсе не пустяки; какъ это ни просто повидимому, но это чрезвычайно важное дѣло, даже въ каждой жизни, даже у насъ съ вами: вникните глубже и дайте отчетъ и вы увидите, что чрезвычайно трудно остаться честнымъ человѣкомъ иногда именно черезъ эту самую излишнюю и разбалованную «отзывчивость», принуждающую насъ лгать безпрерывно. Впрочемъ, слово честный человѣкъ я разумѣю здѣсь лишь въ «высшемъ смыслѣ», такъ что можно оставаться вполнѣ спокойнымъ и не тревожиться. Да и увѣренъ, что съ моихъ словъ никто и не затревожится. Продолжаю. Помнитъ-ли кто изъ васъ, господа, про Альфонса Ламартина, бывшаго, такъ сказать, предводителя временнаго правительства въ февральскую революцію сорокъ восьмаго года? Говорятъ, ничего не было для него пріятнѣе и прелестнѣе, какъ говорить безконечныя рѣчи къ народу и къ разнымъ депутаціямъ, приходившимъ тогда со всей Франціи, изъ всѣхъ городовъ и городишекъ, чтобъ представиться временному правительству, въ первые два мѣсяца по провозглашеніи республики. Рѣчей этихъ произнесъ онъ тогда, можетъ быть, нѣсколько тысячъ. Это былъ поэтъ и талантъ. Вся жизнь его была невинна и полна невинности, и все это при прекрасной и самой внушительной наружности, созданной, такъ сказать, для кипсековъ. Я вовсе не приравниваю этого историческаго человѣка къ тѣмъ типамъ отзывчиво-поэтическихъ людей, которые, такъ сказать, такъ и рождаются съ соплей на носу, хотя впрочемъ онъ и написалъ «Harmonies poétiques et religieuses»,—необыкновенный томъ безконечно долговязыхъ стиховъ, въ которыхъ увязло три поколѣнія барышень, выходившихъ изъ институтовъ. Но зато онъ написалъ потомъ чрезвычайно талантливую вещь: «Исторію Жирондистовъ», доставившую ему популярность и наконецъ мѣсто какъ-бы шефа временнаго революціоннаго правительства,—вотъ именно когда онъ и насказалъ столько безконечныхъ рѣчей, такъ сказать, упиваясь

Digitized by Google

ими первый и плавая въ какомъ-то вѣчномъ восторгѣ. Одинъ талантливый острякъ, указывая разъ тогда на него, вскричалъ:

«Ce n'est pas l'homme, c'est une lyre!» (Это не человѣкъ: это лира!).

Это была похвала, но высказана она была съ глубокимъ плутовствомъ, ибо что, скажите, можетъ быть смѣшнѣе, какъ приравнять человѣка къ лирѣ? Только прикоснуться—и сейчасъ зазвенѣла! Само собою, что невозможно приравнять Ламартина, этого вѣчно говорившаго стихами человѣка, этого оратора—лиру, къ кому нибудь изъ нашихъ шустрыхъ адвокатовъ, плутоватыхъ даже въ своей невинности, всегда собою владѣющихъ, всегда изворотливыхъ, всегда наживающихся? Имъ-ли не совладать съ своими лирами? Но такъ-ли это? Истинно-ли это такъ, господа? Слабъ человѣкъ къ похвалѣ и «отзывчивъ», даже и плутоватый! Съ инымъ нашимъ адвокатскимъ талантомъ, въ замѣнъ «лиры», можетъ случиться въ иносказательномъ родѣ то-же самое, что̀ случилось съ однимъ московскимъ купчикомъ. Померъ его папаша и оставилъ ему капиталъ (читайте капиталъ удареніе на *и*). Но мамаша его тоже вела какую-то коммерцію на свое имя и запуталась. Надо было выручить мамашу, т. е. заплатить много денегъ. Купчикъ очень любилъ маменьку, но пріостановился: «Все-же намъ никакъ нельзя безъ капиталу. Это чтобъ капиталу нашего рѣшиться—это намъ никоимъ образомъ невозможно, потому какъ намъ никакъ невозможно чтобы самимъ безъ капиталу». Такъ и не далъ ничего и маменьку потянули въ яму. Примите за аллегорію и приравняйте талантъ къ капиталу, что даже и похоже, и выйдетъ такая рѣчь: «это чтобъ намъ безъ блеску и эффекту, это намъ никоимъ образомъ невозможно, потому какъ намъ никакъ невозможно, чтобы намъ совсѣмъ безъ блеску и эффекту». И это можетъ случиться даже съ серьезнѣйшимъ и честнѣйшимъ изъ адвокатскихъ талантовъ даже въ ту самую минуту, когда онъ примется защищать дѣло, хотя-бы претящее его совѣсти. Я читалъ когда-то, что во Франціи, давно уже, одинъ адвокатъ, убѣдясь по ходу дѣла въ виновности своего кліента, когда пришло время его защитительной рѣчи, всталъ, поклонился суду и молча сѣлъ на свое мѣсто. У насъ, я думаю, этого не можетъ случиться:

«Какже я могу не выиграть, если я талантъ; и неужели-же я самъ буду губить мою репутацію?» Такимъ образомъ *не одни деньги страшны* адвокату, какъ соблазнъ (тѣмъ болѣе, что и не боится онъ ихъ никогда), а и собственная сила таланта.

Однако раскаяваюсь, что написалъ все это: вѣдь извѣстно, что г. Спасовичъ тоже замѣчательно талантливый адвокатъ. Рѣчь его

Digitized by Google

въ этомъ дѣлѣ, по моему, верхъ искуства; тѣмъ не менѣе она оставила въ душѣ моей почти отвратительное впечатлѣніе. Видите, я начинаю съ самыхъ искреннихъ словъ. Но виною всему та фальшь всѣхъ сгруппировавшихся въ этомъ дѣлѣ около г. Спасовича обстоятельствъ, изъ которой онъ никакъ не могъ выбраться по самой силѣ вещей; вотъ мое мнѣніе, а потому все натянутое и вымученное въ его положеніи, какъ защитника, само собою отразилось и въ рѣчи его. Дѣло было поставлено такъ, что въ случаѣ обвиненія; кліентъ его могъ потерпѣть чрезвычайное и несоразмѣрное наказаніе. И вышла-бы бѣда: разрушенное семейство, никто не защищенъ и всѣ несчастны. Кліентъ обвинялся въ «истязаніи»—эта-то постановка и была страшна. Г. Спасовичъ прямо началъ съ того, что отвергъ всякую мысль объ истязаніи. «Не было истязанія, не было никакой обиды ребенку!» Онъ отрицаетъ все: шпицрутены, синяки, удары, кровь, честность свидѣтелей противной стороны, все, все—пріемъ чрезвычайно смѣлый, такъ сказать, наскокъ на совѣсть присяжныхъ; но г. Спасовичъ знаетъ свои силы. Онъ отвергъ даже ребенка, младенчество его, онъ уничтожилъ и вырвалъ съ корнемъ изъ сердецъ своихъ слушателей даже самую жалость къ нему. Крики, продолжавшіеся четверть часа подъ розгами (да хотя-бы и пять минутъ): «папа! папа!»—все это исчезло, а на первомъ планѣ явилась «шустрая дѣвочка, съ розовымъ лицомъ, смѣющаяся, хитрая, испорченная и съ затаенными пороками. Слушатели почти забыли, что она семилѣтняя, г. Спасовичъ ловко конфисковалъ лѣта, какъ опаснѣйшую для себя вещь. Разрушивъ все это, онъ естественно добился оправдательнаго приговора; но что-же было ему и дѣлать: «а ну если присяжные обвинили-бы его кліента?» Такъ что, само собою, ему уже нельзя было останавливаться передъ средствами, бѣлоручничать. «Всякія средства хороши, если ведутъ къ прекрасной цѣли». Но разсмотримъ эту замѣчательную рѣчь въ подробности, это слишкомъ стоитъ того, вы увидите.

III.

Рѣчь г. Спасовича. Ловкіе пріемы.

же съ первыхъ словъ рѣчи вы чувствуете, что имѣете дѣло съ талантомъ изъ ряда вонъ, съ силой. Г. Спасовичъ сразу раскрывается весь и самъ-же первый указываетъ присяжнымъ слабую сторону предпринятой имъ защиты, обнаруживаетъ свое самое слабое мѣсто, то чего онъ всего больше боится. (Кстати, я выпи-

Digitized by Google

сываю эту рѣчь изъ «Голоса». «Голосъ» такое богатое средствами изданіе, что, вѣроятно, имѣетъ возможность содержать хорошаго стенографа).

" Я боюсь, гг. присяжные засѣдатели, говоритъ г. Спасовичъ, не опредѣленія судебной палаты, не обвиненія прокурора... я боюсь отвлеченной идеи, призрака, боюсь, что преступленіе, какъ оно озаглавлено, имѣетъ своимъ предметомъ слабое, беззащитное существо Самое слово, „истязаніе ребенка", во первыхъ, возбуждаетъ чувство большаго состраданія къ ребенку, а во вторыхъ, чувство такого-же сильнаго негодованія къ тому, кто былъ его мучителемъ „.

Очень ловко. Искренность необыкновенная. Нахохлившійся слушатель, заранѣе приготовившійся выслушать непремѣнно что нибудь очень хитрое, изворотливое, надувательное, и только что сказавшій себѣ: «А ну, братъ, посмотримъ, какъ-то ты меня теперь надуешь»,—вдругъ пораженъ почти беззащитностью человѣка. Предполагаемый хитрецъ самъ ищетъ защиты, да еще у васъ-же, у тѣхъ, которыхъ собрался надувать! Такимъ пріемомъ г. Спасовичъ сразу разбиваетъ ледъ недовѣрчивости и хоть одной капелькой, а ужь профильтровывается въ ваше сердце. Правда, онъ говоритъ про *призракъ*, говоритъ, что боится лишь «призрака», т. е. почти предразсудка; вы еще ничего не слыхали далѣе, но вамъ уже стыдно, что васъ неравно сочтутъ за человѣка съ предразсудками, не правда-ли? Очень ловко.

" Я, гг. присяжные, не сторонникъ розги, продолжалъ г. Спасовичъ. Я вполнѣ понимаю, что можетъ быть *проведена система воспитанія* (не безпокойтесь, это все такія новыя выраженія и взяты цѣликомъ изъ разныхъ педагогическихъ рефератовъ), изъ которой розга будетъ исключена; тѣмъ не менѣе я также мало ожидаю совершеннаго и безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія. какъ мало ожидаю, чтобъ вы перестали въ судѣ дѣйствовать за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеніемъ той правды, которая должна существовать, какъ въ семьѣ, такъ и въ государствѣ „.

Такъ все дѣло, стало быть, идетъ всего только о розгѣ, а не о пучкѣ розогъ, не о «шпицрутенахъ». Вы вглядываетесь, вы слушаете,—нѣтъ, человѣкъ говоритъ серьезно, не шутитъ. Весь содомъ-то, стало быть, подняли изъ-за розочки въ дѣтскомъ возрастѣ и о томъ: употреблять ее или не употреблять. Стоило изъ за этого собираться. Правда, онъ-то самъ не сторонникъ розги самъ объявляетъ, но вѣдь—

" Въ нормальномъ порядкѣ вещей употребляются нормальныя мѣры Въ настоящемъ случаѣ, была употреблена мѣра несомнѣнно ненормаль

Digitized by Google

ная. Но если вы вникните въ обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, если вы примете въ соображеніе натуру дитяти, темпераментъ отца, тѣ цѣли, которыя имъ руководили при наказаніи, то вы многое въ этомъ случаѣ поймете, а разъ вы поймете—вы оправдаете, потому что *глубокое* пониманіе дѣла непремѣнно ведетъ къ тому, что тогда многое объяснится и покажется естественнымъ, не требующимъ уголовнаго противодѣйствія. Такова моя задача; — объяснить случай„:

То есть, видите-ли: «наказаніе», а не «истязаніе», самъ говоритъ, значитъ, всего только роднаго отца судятъ за то, что ребенка побольнѣе посѣкъ. Экъ вѣдь время-то пришло! Но вѣдь если глубже вникнуть... вотъ то-то вотъ и есть, что поглубже не умѣли вникнуть ни судебная палата, ни прокуроръ. А разъ мы, присяжные засѣдатели, вникнемъ, такъ и оправдаемъ, потому что «*глубокое* пониманіе ведетъ къ оправданію», самъ говоритъ, а *глубокое-то пониманіе*, значитъ, только у насъ и есть, на нашей скамьѣ! «Ждалъ-то насъ, должно быть, сколько, голубчикъ, умаялся, по судамъ-то, да по прокурорамъ!» Однимъ словомъ: «польсти, польсти!» старый, рутинный пріемъ, а вѣдь преблагонадежный.

За симъ г. Спасовичъ прямо переходитъ къ изложенію исторической части дѣла и начинаетъ ab ovo. Мы, конечно, не будемъ передавать дословно. Онъ разсказываетъ всю исторію своего кліента. Г. Кронебергъ, видите-ли, кончилъ курсъ наукъ, учился сначала въ Варшавѣ въ университетѣ, потомъ въ Брюсселѣ, гдѣ полюбилъ французовъ, потомъ опять въ Варшавѣ, гдѣ въ 1867 году кончилъ курсъ въ главной школѣ со степенью магистра правъ. Въ Варшавѣ онъ познакомился съ одной дамой, старше его лѣтами и имѣлъ съ нею связь, разстался-же за невозможностью брака, но разставаясь и не зналъ, что она отъ него осталась беременною. Г. Кронебергъ былъ огорченъ и искалъ развлеченія. Въ франко-прусскую войну онъ вступилъ въ ряды французской арміи и участвовалъ въ 23-хъ сраженіяхъ, получилъ орденъ Почетнаго Легіона и вышелъ въ отставку подпоручикомъ. Мы, русскіе, тогда, конечно, тоже желали, всѣ сплошь, удачи французамъ; не любимъ мы какъ-то нѣмцевъ сердечно, хотя умственно готовы ихъ уважать. Возвратясь въ Варшаву, онъ встрѣтился опять съ той дамой, которую такъ любилъ; она была уже замужемъ и сообщила ему, въ первый разъ въ жизни, что у него есть ребенокъ и находится теперь въ Женевѣ. Мать тогда нарочно съѣздила въ Женеву, чтобы разрѣшиться тамъ отъ бремени, а ребенка оставила у крестьянъ за денежное вознагражденіе. Узнавъ о ребенкѣ, г. Кронебергъ тотчасъ-же пожелалъ его обезпечить. Тутъ г. Спасовичъ произноситъ нѣсколько строгихъ и либеральныхъ словъ о нашемъ законодательствѣ за строгость его

Digitized by Google

къ незаконнорожденнымъ, но тотчасъ-же и утѣшаетъ насъ тѣмъ, что «въ предѣлахъ имперіи есть страна, Царство Польское, имѣющая свои особые законы». Однимъ словомъ, въ этой странѣ можно легче и удобнѣе усыновить незаконнаго ребенка. Г. Кронебергъ «пожелалъ сдѣлать для ребенка самое большее, что только можно сдѣлать по закону, хотя у него тогда еще не было своего собственнаго состоянія. Но онъ былъ увѣренъ, что его родные, въ случаѣ его смерти, позаботятся о дѣвочкѣ, носящей имя Кронебергъ, и что въ крайнемъ случаѣ она можетъ быть принята въ одно изъ правительственныхъ воспитательныхъ заведеній Франціи, какъ дочь «кавалера Почетнаго Легіона». Затѣмъ, г. Кронебергъ взялъ дѣвочку у женевскихъ крестьянъ и помѣстилъ ее въ домъ къ пастору де-Комба, въ Женевѣ-же, на воспитаніе; жена пастора была крестною матерью дѣвочки. Такъ прошли годы 72, 73 и 74 до начала 1875 года, когда, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, г. Кронебергъ съѣздилъ опять въ Женеву и взялъ свою дѣвочку уже къ себѣ въ Петербургъ.

Г. Спасовичъ открываетъ намъ, между прочимъ, что кліентъ его есть человѣкъ, жаждущій семейной жизни. Онъ было и хотѣлъ разъ жениться, но бракъ разстроился и притомъ однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій оказалось именно то, что онъ не скрылъ, что у него есть «натуральная дочь». Это только первая капелька, г. Спасовичъ не прибавляетъ ничего, но вамъ понятно, что г. Кронебергъ уже отчасти пострадалъ за свое доброе дѣло, за то, что призналъ дочь свою, которую могъ не признать и забросить у крестьянъ навсегда. Стало быть, могъ уже, такъ сказать, роптать на это невинное созданіе; по крайней мѣрѣ, вамъ это такъ представляется. Но въ этихъ маленькихъ, тонкихъ, какъ-бы мимолетныхъ, но безпрерывныхъ намекахъ г. Спасовичъ величайшій мастеръ и не имѣетъ соперника, въ чемъ и увѣритесь далѣе.

Далѣе, г. Спасовичъ начинаетъ вдругъ говорить о дѣвицѣ Жезингъ. Въ Парижѣ, видите-ли, г. Кронебергъ познакомился съ дѣвицею Жезингъ и въ 1874 году привезъ ее съ собою въ Петербургъ.

« Вы могли оцѣнить (вдругъ возвѣщаетъ намъ г. Спасовичъ), насколько г. Жезингъ походитъ или не походитъ на женщинъ полусвѣта, съ которыми завязываются только летучія связи. Конечно, она не жена Кронеберга, но ихъ отношенія не исключаютъ ни любви, ни уваженія».

Ну, это дѣло субъективное, ихнее, а намъ-бы и все равно. Но г. Спасовичу надо непремѣнно выхлопотать уваженіе.

« Вы видѣли, безсердечна-ли эта женщина къ ребенку и любитъ ее или нѣтъ ребенокъ? Она желала бы сдѣлать ребенку всякое добро»..

Все дѣло въ томъ, что ребенокъ звалъ эту даму maman, и въ ея-же сундукѣ взялъ черносливъ, за который его такъ высѣкли. Такъ вотъ, чтобы не подумали, что Жезингъ врагъ ребенку, то

Digitized by Google

напрасно на него наговаривала и тѣмъ возбуждала противъ него Кронеберга. Что-же, мы и не думаемъ; намъ даже кажется, что этой дамѣ не съ чего ненавидѣть ребенка: ребенокъ пріученъ цѣловать у ней ручку и называть ее maman. Изъ дѣла видно, что эта дама, испугавшись «шпицрутеновъ», даже попросила (хотя и не успѣшно) передъ самымъ сѣченіемъ, отломить одинъ опасный сучекъ. По свидѣтельству г. Спасовича, Жезингъ-то и подала мысль Кронебергу взять ребенка изъ Женевы отъ де-Комба.

«Кронебергъ не имѣлъ еще въ то время опредѣленнаго намѣренія взять ребенка, но рѣшился заѣхать въ Женеву посмотрѣть»...

Извѣстіе весьма характерное, его надо запомнить. Выходитъ, что г. Кронебергъ въ то время еще не очень-то думалъ о ребенкѣ и вовсе не имѣлъ собственной сердечной потребности держать его при себѣ.

«Въ Женевѣ онъ былъ пораженъ: ребенокъ, котораго онъ посѣтилъ неожиданно, въ неузаконенное время, былъ найденъ одичалымъ, *не узналъ отца*».

Особенно замѣтьте это словечко: «не узналъ отца». Я сказалъ уже, что г. Спасовичъ великій мастеръ закидывать такія словечки: казалось-бы онъ просто обронилъ его, а въ концѣ рѣчи оно откликается результатомъ и даетъ плодъ. Коли «не узналъ отца», значитъ, ребенокъ не только одичалый, но ужь и испорченный. Все это нужно впереди; далѣе мы увидимъ, что г. Спасовичъ, закидывая то тамъ, то тутъ по словечку, рѣшительно разочаруетъ васъ подконецъ на счетъ ребенка. Вмѣсто дитяти семи лѣтъ, вмѣсто ангела,—передъ вами явится дѣвочка «шустрая», дѣвочка хитрая, крикса, съ дурнымъ характеромъ, которая кричитъ, когда ее только поставятъ въ уголъ, которая «горазда кричать» (какіе руссизмы!), лгунья, воровка, неопрятная и съ сквернымъ затаеннымъ порокомъ. Вся штука въ томъ, чтобы какъ нибудь уничтожить вашу къ ней симпатію. Ужь такова человѣческая природа: кого вы не взлюбите, къ кому почувствуете отвращеніе, того и не пожалѣете; а состраданія-то вашего г. Спасовичъ и боится пуще всего: не то вы, можетъ быть, пожалѣвъ ее, обвините отца. Вотъ вѣдь фальшь-то положенія! Конечно, вся группировка эта, всѣ эти факты, собранные имъ надъ головой ребенка, не стоятъ, каждое, выѣденнаго яйца и дальше вы это непремѣнно замѣтите сами. Нѣтъ, напримѣръ, человѣка который-бы не зналъ, что трехлѣтній, даже четырехлѣтній ребенокъ, оставленный кѣмъ-бы то ни было на три года, непремѣнно забудетъ того въ лицо, забудетъ даже до малѣй-

Digitized by Google

шихъ обстоятельствъ все объ томъ лицѣ и объ томъ времени и что память дѣтей не можетъ, въ эти лѣта, простираться далѣе года, или даже девяти мѣсяцевъ. Это всякій отецъ и всякій врачъ подтвердитъ вамъ. Тутъ виноваты скорѣе тѣ, которые оставили ребенка на столько лѣтъ, а не испорченная натура ребенка и ужь, конечно, присяжный засѣдатель это тоже пойметъ, если найдетъ время и охоту подумать и разсудить; но разсудить ему некогда, онъ подъ впечатлѣніемъ неотразимаго давленія таланта; надъ нимъ группировка: дѣло не въ каждомъ фактѣ отдѣльно, а въ цѣломъ, такъ сказать, въ пучкѣ фактовъ,—и какъ хотите, но всѣ эти ничтожные факты, всѣ вмѣстѣ, въ пучкѣ, дѣйствительно производятъ подконецъ какъ-бы враждебное къ ребенку чувство. Il en reste toujours quelque chose,—дѣло старинное, дѣло извѣстное, особенно при группировкѣ искусной, изученной.

Зайду впередъ и выставлю еще одинъ такой примѣръ искуства г. Спасовича. Онъ, напримѣръ, подобнымъ-же пріемомъ, совершенно и разомъ уничтожаетъ въ концѣ рѣчи самую тяжкую противъ его кліента свидѣтельницу, Аграфену Титову. Тутъ даже и не группировка, тутъ онъ подхватилъ всего только одно словечко, ну и воспользовался имъ. Аграфена Титова—бывшая горничная г. Кронеберга. Это она-то первая, вмѣстѣ съ Ульяной Бибиной, дворничихой на дачѣ въ Лѣсномъ, гдѣ квартировалъ г. Кронебергъ, возбудила дѣло объ истязаніи ребенка. Скажу отъ себя, къ слову, что, по моему мнѣнію, эта Титова и въ особенности Бибина,—чуть-ли не два наиболѣе симпатичныя лица во всемъ этомъ дѣлѣ. Онѣ обѣ любятъ ребенка. Ребенку было скучно. Только что привезенный изъ Швейцаріи, онъ почти не видѣлъ отца. Отецъ занимался дѣлами одной желѣзной дороги и уѣзжалъ изъ дому съ утра, а возвращался поздно вечеромъ. Когда-же, пріѣхавъ вечеромъ, узнавалъ о какой-нибудь дѣтской шалости ребенка, то сѣкъ и билъ его по лицу (факты подтвердившіеся и не отрицаемые самимъ г. Спасовичемъ); бѣдная дѣвочка, вслѣдствіе этой безотрадной жизни, дичала и тосковала все больше и больше. «Теперь дѣвочка все сидитъ одна и ни съ кѣмъ не говоритъ», показала этими самыми словами Титова, когда приносила жалобу. Въ этихъ словахъ не только слышится глубокая симпатія, но и видѣнъ тонкій взглядъ наблюдательницы, взглядъ съ внутреннимъ мученіемъ на страданія оскорбляемаго крошечнаго созданія Божія. Естественно послѣ того, что дѣвочка любила прислугу, отъ которой одной только и видѣла любовь и ласку, бѣгала иногда внизъ къ дворничихѣ. Г. Спасовичъ обвиняетъ за это ребенка, приписываетъ его пороки «развращающему вліянію прислуги». Замѣтьте, что дѣвочка

Digitized by Google

говорила только по французски, и что Ульяна Бибина, дворничиха, не могла хорошо понимать ее, стало быть, полюбила ее просто изъ жалости, изъ симпатіи къ дитяти, которая такъ свойственна нашему простому народу.

«Однажды вечеромъ (какъ говорится въ обвиненіи), въ іюлѣ, Кронебергъ опять сталъ сѣчь дѣвочку и на этотъ разъ сѣкъ такъ долго и она такъ страшно кричала, что Бибина испугалась, опасаясь, что дѣвочку засѣкутъ, а потому, вскочивъ въ постели, какъ была въ рубашкѣ, подбѣжала къ окну Кронеберга и закричала, чтобъ ребенка перестали сѣчь, а не то она пошлетъ за полиціей; *тогда сѣченіе и крики прекратились*»...

Видна-ли вамъ эта курица, эта насѣдка, ставшая передъ своими цыплятами и растопырившая крылья, чтобъ ихъ защитить? Эти жалкія курицы, защищая своихъ цыплятъ, становятся иногда почти страшными. Въ дѣтствѣ моемъ, въ деревнѣ, я зналъ одного двороваго мальчишку, который ужасно любилъ мучить животныхъ и особенно любилъ самъ рѣзать куръ, когда ихъ надо было готовить господамъ къ обѣду. Помню, онъ лазилъ въ ригѣ по соломенной крышѣ и очень любилъ отыскивать въ ней воробьиныя гнѣзда: отыщетъ гнѣздо и тотчасъ начнетъ отрывать воробьямъ головы. Представьте-же себѣ, этотъ мучитель ужасно боялся курицы, когда та, разсвирѣпѣвъ и распустивъ крылья, становилась передъ нимъ защищая цыплятъ своихъ; онъ всегда тогда прятался за меня. Ну такъ вотъ, эта бѣдная курица черезъ три дня опять не выдержала и пошла таки жаловаться начальству, захвативъ съ собой пукъ розогъ, которыми сѣкли дѣвочку и окровавленное бѣлье. Вспомните при этомъ отвращеніе нашего простонародья отъ судовъ и боязнь связаться съ ними, если только прямо самаго въ судъ не тянутъ. Но она пошла, пошла тягаться, жаловаться, за чужаго, за ребенка, зная, что во всякомъ случаѣ получитъ лишь непріятности и никакой выгоды, кромѣ хлопотъ. И вотъ про этихъ-то двухъ женщинъ г. Спасовичъ свидѣтельствуетъ, какъ о «развращающемъ вліяніи на ребенка прислуги». Мало того, подхватываетъ вотъ какой фактикъ: на ребенка, какъ увидятъ дальше, взведено было обвиненіе въ воровствѣ. (Вы увидите потомъ, какъ ловко г. Спасовичъ обратилъ взятую ребенкомъ безъ спросу ягодку чернослива въ кражу банковыхъ билетовъ). Но дѣвочка *въ кражѣ* сначала не сознавалась, даже говорила, что «она у нихъ ничего не взяла».

«Дѣвочка отвѣчала упорнымъ молчаніемъ (говоритъ г. Спасовичъ); потомъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она разсказала, что *хотѣла взять деньги для Аграфены*. Еслибъ онъ (т. е. отецъ дѣвочки) разслѣ-

Digitized by Google

довалъ болѣе подробно обстоятельства кражи, онъ, быть можетъ, пришелъ-бы къ тому заключенію, что ту порчу, которая вкралась въ дѣвочку, надо отнести на счетъ людей, къ ней приближенныхъ. Самое молчаніе дѣвочки свидѣтельствовало, что ребенокъ не хотѣлъ выдавать тѣхъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ».

«Хотѣла взять деньги для Аграфены»—вотъ это словечко! «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ» дѣвочка, разумѣется, *выдумала*, что хотѣла взять деньги для Аграфены, выдумала изъ фантазіи или потому, что ей было такъ внушено. Вѣдь говорила-же она въ судѣ: »Je suis voleuse, menteuse», тогда какъ никогда ничего она не украла, кромѣ ягодки черносливу, а безотвѣтственнаго ребенка просто увѣрили въ эти мѣсяцы, что онъ кралъ, даже совсѣмъ и не увѣряя увѣрили, и единственно тѣмъ, что она безпрерывно выслушивала какъ ежедневно всѣ кругомъ нея говорятъ про нее, что она воровка. Но еслибъ даже была и правда, что дѣвочка хотѣла взять деньги для Аграфены Титовой, то изъ того вовсе не слѣдуетъ еще, что Титова сама учила и сама склоняла ее стащить для нея деньги. Г. Спасовичъ искусенъ, онъ прямо этого ни за что не скажетъ; такую обиду Титовой онъ сдѣлать не можетъ, не имѣя никакихъ прямыхъ и твердыхъ доказательствъ, но за то онъ тотчасъ-же, тутъ-же послѣ словъ дѣвочки, что та «хотѣла взять деньги для Аграфены», запускаетъ и свое словцо, что «ту порчу, которая вкралась въ дѣвочку, надо отнести на счетъ людей, къ ней приближенныхъ». И ужь конечно этого довольно. Въ сердце присяжнаго естественно просачивается мысль: «такъ вотъ каковы эти обѣ главныя свидѣтельницы; для нихъ значитъ она и крала, сами-же онѣ и учили ребенка красть, чего-же стоитъ послѣ того ихъ свидѣтельство?» Эта мысль даже и не можетъ никакъ миновать вашъ умъ, разъ вы ее услышали при такихъ обстоятельствахъ. И вотъ опасное свидѣтельство уничтожено, раздавлено, и именно когда надо г. Спасовичу, какъ разъ въ концѣ рѣчи, для послѣдняго вліянія и эффекта. Нѣтъ, это искусно. Да, тяжела обязанность адвоката, поставленнаго въ такіе тиски, а чтожь было ему дѣлать иначе: надо было спасать кліента. Но все это только цвѣточки, ягодки дальше.

Digitized by Google

IV.

Ягодки.

Я сказалъ уже, что г. Спасовичъ отрицаетъ всякое мученіе, всякое истязаніе, причиненное дѣвочкѣ и даже смѣется надъ этимъ предположеніемъ. Перейдя къ «катастрофѣ 25-го іюля», онъ прямо начинаетъ считать рубцы, синяки, всякій шрамикъ, всякій струпикъ, кусочки отвалившейся кожицы, все это кладетъ потомъ на вѣсы: «столько-то золотниковъ, не было истязанія!»—вотъ его взглядъ и пріемъ. Г. Спасовичу уже замѣтили въ печати, что эти счеты рубчиковъ и шрамиковъ не идутъ къ дѣлу и даже смѣшны. Но, по моему, на публику и присяжныхъ вся эта бухгалтерія должна была непремѣнно подѣйствовать внушительно: «экая дескать точность, экая добросовѣстность!» Я убѣжденъ, что непремѣнно нашлись такіе слушатели, которые съ особеннымъ удовольствіемъ узнали, что за справкой о какомъ-то рубчикѣ, нарочно посылали въ Женеву, къ де-Комба. Г. Спасовичъ побѣдоносно указываетъ, что не было никакихъ разсѣченій кожи:

«При всей неблагопріятности для Кронеберга мнѣнія г. Лансберга (N, докторъ, свидѣтельствовавшій наказанную 29-го іюля и надъ мнѣніемъ котораго чрезвычайно ѣдко подсмѣивается г. Спасовичъ)—я для защиты заимствую многія данныя изъ его акта отъ 29 іюля. Г. Лансбергъ положительно удостовѣрилъ, что на заднихъ частяхъ тѣла дѣвочки не было никакихъ разсѣченій кожи, а *только* темнобагровыя подкожныя пятна и таковыя-же красныя полосы»...

Только! Замѣтьте это словцо. И главное, пять дней спустя послѣ истязанія! Я-бы могъ засвидѣтельствовать г. Спасовичу, что эти темнобагровыя подкожныя пятна проходятъ очень скоро, безъ малѣйшей опасности для жизни, тѣмъ не менѣе, неужели-же они не составляютъ мученія, страданія, истязанія?

«Пятенъ этихъ всего болѣе было на лѣвой сѣдалищной области съ переходомъ на лѣвое-же бедро. Не найдя травматическихъ знаковъ, никакихъ даже царапинъ, г. Лансбергъ засвидѣтельствовалъ, что полосы и пятна не представляютъ *никакой опасности* для жизни. Черезъ шесть дней потомъ, 5-го августа, при осматриваніи дѣвочки профессоромъ Флоринскимъ, онъ замѣтилъ не пятна, а только полосы — однѣ поменьше, другія побольше; но онъ вовсе не призналъ, чтобъ эти по-

Digitized by Google

лосы составляли поврежденіе сколько нибудь значительное, хотя и призналъ, что наказаніе было сильное, особенно въ виду того орудія, которымъ наказали дитя».

Я сообщу г. Спасовичу, что въ Сибири въ гошпиталѣ, въ арестантскихъ палатахъ, мнѣ случалось видѣть спины только что приходившихъ сейчасъ послѣ наказанія шпицрутенами (сквозь строй) арестантовъ, послѣ пятисотъ, тысячи и двухъ тысячъ палокъ разомъ. Видѣлъ я это нѣсколько десятковъ разъ. Иная спина, вѣрите-ли мнѣ, г. Спасовичъ, распухала въ вершокъ толщины (буквально), а, кажется, много-ли на спинѣ мяса? Онѣ были именно этого темнобагроваго цвѣта съ рѣдкими разсѣченіями, изъ которыхъ сочилась кровь. Будьте увѣрены, что ни одинъ изъ теперешнихъ экспертовъ-медиковъ не видывалъ ничего подобнаго (да и гдѣ намъ въ наше время увидѣть?). Эти наказанные, если только получали не свыше тысячи палокъ, приходили, сохраняя всегда весьма бодрый видъ, хотя бывали въ видимо сильномъ нервномъ возбужденіи, и то только въ первые два часа. Никто изъ нихъ, сколько ни запомню, въ эти первые два часа не ложился и не садился, а лишь все ходилъ по палатѣ, вздрагивая иногда всѣмъ тѣломъ, съ мокрой простыней на плечахъ. Все леченіе состояло въ томъ, что приносили ему ведро съ водой, въ которое онъ изрѣдка обмакивалъ простыню, когда та обсыхала на его спинѣ. Всѣмъ имъ, сколько ни запомню, ужасно хотѣлось поскорѣе выписаться изъ палаты (потому что предварительно долго подъ судомъ сидѣли взаперти, а другимъ просто хотѣлось поскорѣе опять учинить побѣгъ). И вотъ вамъ фактъ: такіе наказанные на шестой, много на седьмой день послѣ наказанія почти всегда выписывались, потому что въ этотъ срокъ спина *успѣвала почти всегда зажить вся*, кромѣ нѣкоторыхъ лишь самыхъ слабыхъ, сравнительно говоря остатковъ; но черезъ десять, напримѣръ, дней всегда уже все проходило безслѣдно. Наказаніе шпицрутенами (т. е. на дѣлѣ всегда палками), если не въ очень большомъ количествѣ, то есть не болѣе двухъ тысячъ разомъ, никогда не представляло ни малѣйшей опасности для жизни. Напротивъ, всѣ, каторжные и военные арестанты (видавшіе эти виды), постоянно и много разъ при мнѣ утверждали, что розги мучительнѣе, «садче» и несравненно опаснѣе, потому что палокъ можно выдержать даже и болѣе двухъ тысячъ безъ опасности для жизни, а съ четырехсотъ только розогъ можно помереть подъ розгами, а съ пятисотъ или шестисотъ *за разъ*—почти навѣрная смерть, никто не выдержитъ. Спрашиваю васъ послѣ того, г. защитникъ: хоть палки эти и не грозили опасностью для жизни и не причиняли ни малѣйшаго поврежденія, но неужели-же такое нака

Digitized by Google

заніе не было мучительно, неужели тутъ не было истязанія? Неужели-же и дѣвочка не мучилась четверть часа подъ ужасными розгами, лежавшими въ судѣ на столѣ, и крича: «папа! папа!» Зачѣмъ-же вы отрицаете ея страданіе, ея истязаніе?

Но я уже сказалъ выше почему тутъ такая путаница; повторю еще: дѣло въ томъ, что у насъ въ «Уложеніи о наказаніяхъ», по показанію г. Спасовича, на счетъ понятія и опредѣленія: что именно подразумѣвать подъ истязаніемъ?—существуетъ «неясность, неполнота, пробѣлъ».

... „Поэтому правительственный сенатъ, въ тѣхъ-же рѣшеніяхъ, на которыя ссылается обвинительная власть, опредѣлилъ, такимъ образомъ, съ другой стороны, что подъ истязаніями и мученіями слѣдуетъ разумѣть такое посягательство на личность или личную неприкосновенность человѣка, которое сопровождалось мученіемъ и жестокостью. При истязаніяхъ и мученіяхъ, по мнѣнію сената, физическія страданія должны непремѣнно представлять высшую, болѣе продолжительную степень страданія чѣмъ при обыкновенныхъ побояхъ, хотя-бы и тяжкихъ. Если побои нельзя назвать тяжкими, а истязанія должны быть тяжеле тяжкихъ побоевъ, если ни одинъ экспертъ не назвалъ ихъ тяжкими, кромѣ г. Лансберга, который самъ отказался отъ своего вывода, то, *спрашивается, какимъ образомъ можно подвести это дѣяніе подъ понятіе истязанія и мученія? Я полагаю, что это немыслимо*".

Ну, вотъ въ томъ-то и дѣло: въ уложеніи о наказаніяхъ неясность и кліентъ г. Спасовича могъ подпасть, въ обвиненіи по истязанію, подъ одну изъ самыхъ строгихъ, и неприложимыхъ во всякомъ случаѣ къ размѣрамъ его преступленія, статей закона, а по этимъ статьямъ ждетъ весьма уже тяжелое, совершенно не соразмѣрное съ его «дѣяніемъ» наказаніе. Ну, казалось, такъ-бы прямо и разъяснить намъ это недоумѣніе: «было дескать истязаніе, да все-же не такое какъ опредѣляетъ законъ, т. е. *не тяжеле всякихъ тяжкихъ побоевъ*, а потому и нельзя обвинить моего кліента въ истязаніи». Но нѣтъ; г. Спасовичъ уступить ничего не хочетъ, онъ хочетъ доказать, что не было совсѣмъ никакого истязанія, ни законнаго, ни беззаконнаго, и никакого страданія, совсѣмъ! Но скажите, что намъ-то за дѣло, что мученія и истязанія этой дѣвочки не подходятъ буква въ букву подъ опредѣленіе истязанія закономъ? Вѣдь въ законахъ пробѣлъ, сами-же вы сказали. Вѣдь все-же равно ребенокъ страдалъ: неужто-же не страдалъ, неужто-же не истязали его на самомъ-то дѣлѣ, взаправду-то, неужто-же можно намъ такъ отводить глаза? Да, г. Спасовичъ именно это и предпринялъ, онъ рѣшительно хочетъ отвести намъ глаза: ребенокъ, говоритъ онъ, на другой-же день «игралъ», она

Digitized by Google

«отбывала урокъ». Не думаю чтобъ игралъ. Вибина напротивъ свидѣтельствуетъ, что когда она осматривала дѣвочку, передъ тѣмъ какъ идти жаловаться, «то дѣвочка горько плакала и приговаривала: «Папа! Папа!» Ахъ Боже мой, да вѣдь такія маленькія дѣти бываютъ такъ скоро — впечатлительны и воспріимчивы! Ну чтожь изъ того, что она, можетъ быть, даже и поиграла на другой день, еще съ сине-багровыми пятнами на тѣлѣ. Я видѣлъ пятилѣтняго мальчика, почти умиравшаго отъ скарлатины, въ полномъ безсиліи и изнеможеніи, а между тѣмъ онъ лепеталъ о томъ, что ему купятъ обѣщанную собачку и попросилъ принести ему всѣ его игрушки и поставить у постельки: «хоть погляжу на нихъ». Но верхъ искусства въ томъ, что г. Спасовичъ совершенно конфисковалъ лѣта ребенка! Онъ все толкуетъ намъ о какой-то дѣвочкѣ, испорченной и порочной, пойманной неоднократно въ кражѣ и съ потаеннымъ развратнымъ порокомъ въ душѣ своей, и совершенно какъ-бы забылъ самъ, (а мы вмѣстѣ съ нимъ), что дѣло идетъ всего только объ семилѣтнемъ младенцѣ, и что это самое *дранье*, цѣлую четверть часа, этими девятью рябиновыми «шпицрутенами»,—не только для взрослаго, но и для четырнадцати-лѣтняго было-бы навѣрно въ десять разъ легче, чѣмъ для этой жалкой крошки! Спрашиваешь себя невольно: къ чему все это г. Спасовичу? Къ чему ему такъ упорно отрицать страданія дѣвочки, тратить на это почти все свое искусство, такъ изворачиваться, чтобъ намъ глаза отвести? Неужели всего только изъ одного адвокатскаго самолюбія: «вотъ, дескать, не только выручу кліента, но и докажу, что все дѣло—полный вздоръ и смѣхъ, и что судятъ отца за то только, что разъ посѣкъ скверную дѣвчонку розгой»? Но вѣдь сказано уже, что ему надо истребить къ ней всякую вашу симпатію. И хоть у него для этого запасены богатыя впереди средства, но все-же онъ боится, что страданія ребенка вызовутъ въ васъ, неровенъ часъ, человѣческія чувства. А человѣческія-то чувства ваши ему и опасны: пожалуй, вы разсердитесь на его кліента; ихъ надо ему подавить заблаговременно, извратить ихъ, осмѣять, — однимъ словомъ, предпринять, казалось-бы, невозможное дѣло, невозможное уже по тому одному, что передъ нами совершенно ясное, точное, вполнѣ откровенное показаніе отца, твердо и правдиво подтвердившаго истязаніе ребенка:

« 25 іюля, раздраженный дочерью (показываетъ отецъ), высѣкъ ее этимъ пучкомъ, высѣкъ сильно и, въ этотъ разъ, *сѣкъ долго, внѣ себя, безсознательно, какъ попало*. Сломались-ли розги при этомъ послѣднемъ сеченіи—онъ не знаетъ, но помнитъ, что, когда онъ началъ сѣчь дѣвочку, они были длиннѣе".

Digitized by Google

Правда, не смотря на это показаніе, отецъ все-таки не призналъ себя на слѣдствіи виновнымъ въ истязаніи своей дочери и заявилъ, что до 25 іюля наказывалъ ее всегда легко. Замѣчу мимоходомъ, что воззрѣніе на легкость и тягость и тутъ дѣло личное: удары по лицу семилѣтнему младенцу, съ брызнувшей кровью изъ носу, которые не отрицаетъ ни Кронебергъ, ни защитникъ его, очевидно, и тѣмъ и другимъ считаются наказаніемъ легкимъ. У г. Спасовича на этотъ счетъ есть и другія драгоцѣнныя выходки и ихъ много; напримѣръ:

„Вы слышали, что знаки на локтяхъ образовались почти несомнѣнно только отъ того, *что держали за руки* при наказаніи".

Слышите: *только отъ того!* «Хорошо-же держали, коли держали до синяковъ! О, вѣдь и г. Спасовичъ не утверждаетъ вполнѣ, что все это прекрасно и благоуханно, вотъ, напримѣръ, еще разсужденьице:

„Они говорятъ, что это наказаніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Это опредѣленіе было-бы прекрасно, еслибъ мы опредѣлили, что такое обыкновенное наказаніе; *но коль скоро этого опредѣленія нѣтъ*, то всякій затруднится сказать выходило-ли оно изъ ряда обыкновенныхъ (это послѣ-то показанія отца, что сѣкъ *долго, безсознательно и внѣ себя!!!*). Допустимъ что это такъ; чтожь это значитъ? Что наказаніе это, въ большинствѣ случаевъ, есть наказаніе непримѣнимое къ дѣтямъ. Но и съ дѣтьми могутъ быть чрезвычайные случаи. Развѣ вы не допускаете, что власть отеческая можетъ быть, въ исключительныхъ случаяхъ, въ такомъ положеніи, что отецъ долженъ употребить болѣе строгую мѣру, чѣмъ обыкновенно, которая непохожа на тѣ обыкновенныя мѣры, которыя употребляются ежедневно".

Но вотъ и все, что соглашается уступить г. Спасовичъ. Все это истязаніе онъ, стало быть, сводитъ лишь «на болѣе строгую мѣру, чѣмъ обыкновенно», — но раскаявается даже и въ этой уступкѣ: въ концѣ своей защитительной рѣчи онъ беретъ все это назадъ и говоритъ:

«Отецъ судится; за что-же? За злоупотребленіе властью; спрашивается, гдѣ-же предѣлъ этой власти? Кто опредѣлитъ сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ, не повреждая при этомъ наказаніи организма дитяти?»

То есть не ломающій ему ногу, что-ли? А если не ломаетъ ноги, то ужь можно все? Серьозно вы говорите это, г. Спасовичъ? Серьозно вы не знаете гдѣ предѣлъ этой власти и «сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ?» Если вы не знаете, то я вамъ скажу, гдѣ этотъ предѣлъ! Предѣлъ этой власти

Digitized by Google

въ томъ, что нельзя семилѣтнюю крошку, безотвѣтную вполнѣ, во всѣхъ своихъ «порокахъ» (которые должны быть исправляемы совсѣмъ другимъ способомъ),—нельзя, говорю я, это созданіе, имѣющее ангельскій ликъ, несравненно чистѣйшее и безгрѣшнѣйшее, чѣмъ мы съ вами, г. Спасовичъ, чѣмъ мы съ вами и чѣмъ всѣ бывшіе въ залѣ суда, судившіе и осуждавшіе эту дѣвочку, — нельзя, говорю я, *драть* ее девятью рябиновыми «шпицрутенами», и драть четверть часа не слушая ея криковъ: «папа, папа!» отъ которыхъ почти обезумѣла и пришла въ изступленіе простая, деревенская баба, дворничиха,—нельзя, наконецъ, по собственному сознанію говорить, что «сѣкъ долго, внѣ себя, безсознательно, какъ попало!»— нельзя быть *внѣ себя*, потому что есть предѣлъ всякому гнѣву и даже на семилѣтняго безотвѣтственнаго младенца за ягодку черносліва и за сломанную вязальную иголку! Да, искусный защитникъ, есть предѣлъ всему, и еслибъ только я не зналъ, что вы говорите все это нарочно, лишь притворяетесь изъ всѣхъ силъ, чтобъ спасти вашего кліента, то прибавилъ-бы и еще, собственно для васъ самихъ, что есть предѣлъ даже всякимъ «лирамъ» и адвокатскимъ «отзывчивостямъ», и предѣлъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобъ не договариваться до такихъ столповъ, до которыхъ договорились вы, г. защитникъ! Но увы, вы только пожертвовали собою для кліента вашего, и я уже не въ правѣ вамъ говорить про предѣлы, а лишь удивлюсь великости вашей жертвы!

V.

Геркулесовы столпы.

Но столпы, настоящіе геркулесовы столпы, вполнѣ начинаются тамъ, гдѣ г. Спасовичъ договаривается до «справедливаго гнѣва отца».

„Когда обнаружилась въ дѣвочкѣ эта дурная привычка, говоритъ г. Спасовичъ (т. е. привычка лгать), присоединившаяся ко всѣмъ другимъ недостаткамъ дѣвочки, когда отецъ узналъ, что она *воруетъ*, то дѣйствительно пришелъ въ большой гнѣвъ. Я думаю, *что каждый изъ васъ пришелъ-бы въ такой-же гнѣвъ* и я думаю, что преслѣдовать отца за то, что онъ наказалъ больно, но *дѣломъ* свое дитя — это плохая услуга семьѣ, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ... Если отецъ вознегодовалъ, онъ былъ совершенно въ своемъ правѣ“...

Digitized by Google

Постойте, г. защитникъ, я пока не останавливаю васъ на словѣ: «воруетъ», употребленномъ вами, но поговоримте немного про эту «справедливость гнѣва отца». А воспитаніе съ трехлѣтняго возраста въ Швейцаріи у де-Комба, у которыхъ, сами-же вы свидѣтельствуете, дѣвочка испортилась и пріобрѣла дурныя наклонности? Въ такихъ лѣтахъ, чѣмъ-же она сама-то могла быть виновною въ своихъ дурныхъ привычкахъ и, въ такомъ случаѣ, гдѣ тутъ справедливость гнѣва отца? Я поддерживаю полную безотвѣтственность дѣвочки въ этомъ дѣлѣ, если даже и допустить, что у ней были дурныя привычки, и что-бы вы ни говорили, вы не можете оспорить этой безотвѣтственности семилѣтняго ребенка. У ней нѣтъ еще и не можетъ быть столько ума, чтобъ замѣтить въ себѣ худое. Вѣдь вотъ мы всѣ, а, можетъ быть, и вы тоже, г. Спасовичъ,—вѣдь не святые-же мы, несмотря на то, что у насъ ума больше чѣмъ у семилѣтняго ребенка. Какъ-же вы налагаете на такую крошку такое бремя отвѣтственности, которое, можетъ, и сами-то снести не въ силахъ? «Налагаютъ бремена тяжкія и неудобоносимыя», вспомните эти слова. Вы скажете, что мы должны-же исправлять дѣтей. Слушайте: мы не должны превозноситься надъ дѣтьми, мы ихъ хуже. И если мы учимъ ихъ чему нибудь, чтобъ сдѣлать ихъ лучшими, то и они насъ учатъ многому и тоже дѣлаютъ насъ лучшими уже однимъ только нашимъ соприкосновеніемъ съ ними. Они очеловѣчиваютъ нашу душу однимъ только своимъ появленіемъ между нами. А потому мы ихъ должны уважать и подходить къ нимъ съ уваженіемъ къ ихъ лику ангельскому (хотя-бы и имѣли ихъ научить чему), къ ихъ невинности, даже и при порочной какой нибудь въ нихъ привычкѣ,—къ ихъ безотвѣтственности и къ трогательной ихъ беззащитности. Вы-же утверждаете, напротивъ, что битье по лицу, въ кровь, отъ отца—и справедливо и не обидно. У ребенка былъ какой-то струпъ въ носу и вы говорите:

„Быть можетъ, пощечины ускорили изліяніе этой крови изъ струпа золотушнаго въ ноздрѣ, но это вовсе не поврежденіе: *кровь безъ раны и ушиба вытекла бы немного позже.* Такимъ образомъ кровь эта не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло-бы расположить противъ Кронеберга. Въ ту минуту, когда онъ нанесъ ударъ, онъ *могъ не помнить могъ даже не знать, что у ребенка бываетъ кровотеченіе изъ носу*".

«Могъ не помнить, не знать!» Да неужто-жь вы можете допустить про г. Кронеберга, что онъ ударилъ по больному мѣсту зазнамо? Разумѣется, не зналъ. И такъ вы сами свидѣтельствуете, что отецъ не зналъ о болѣзни своего ребенка, а между тѣмъ под-

Digitized by Google

держивается право его на битье ребенка. Вы утверждаете, что удары по лицу отъ отца не обидны. Да, для семилѣтней крошки, пожалуй, и безобидны, а оскорбленіе? Объ оскорбленіи нравственномъ, сердечномъ вы ничего во всей вашей рѣчи не упомянули, г. защитникъ; вы все время говорили только объ одной физической боли. Да и за что били ее по лицу? Гдѣ поводы къ такому ужасному гнѣву? Развѣ это серьезный преступникъ? Эта дѣвочка, эта преступница, сейчасъ-же побѣжитъ играть съ мальчиками въ разбойники. Вѣдь тутъ семь лѣтъ, всего только семь лѣтъ, вѣдь надобно-же это помнить безпрестанно въ этомъ дѣлѣ, вѣдь это все миражъ, что вы говорите! А знаете-ли вы, что такое оскорбить ребенка? Сердца ихъ полны любовью невинною, почти безсознательною, а такіе удары вызываютъ въ нихъ горестное удивленіе и слезы, которыя видитъ и сочтетъ Богъ. Вѣдь ихъ разсудокъ никогда не въ силахъ понять всей вины ихъ. Видали-ли вы, или слыхали-ли о мучимыхъ маленькихъ дѣтяхъ, ну хоть о сироткахъ въ иныхъ чужихъ злыхъ семьяхъ? Видали-ли вы когда ребенокъ забьется въ уголъ, чтобъ его не видали, и плачетъ тамъ, ломая ручки (да, ломая руки, я это самъ видѣлъ)—и *ударяя себя крошечнымъ кулачонкомъ въ грудь*, не зная самъ, что онъ дѣлаетъ, не понимая хорошо ни вины своей, ни за что его мучаютъ, но слишкомъ чувствуя, что его не любятъ. Я ничего не знаю лично о г. Кронебергѣ, я не хочу и не могу вторгаться въ душу и въ сердце его, его и семьи его, потому что я могу сдѣлать большую несправедливость, не зная его вовсе, и потому сужу единственно лишь по вашимъ словамъ и указаніямъ, г. защитникъ. Вы сказали о немъ въ вашей рѣчи, что онъ «плохой педагогъ»; это все то-же, по моему, что и неопытный отецъ, или лучше сказать непривычный отецъ. Я поясню это: эти созданія тогда только вторгаются въ душу нашу и приростаютъ къ нашему сердцу, когда мы, родивъ ихъ, слѣдимъ за ними съ дѣтства, не разлучаясь, съ первой улыбки ихъ, и затѣмъ продолжаемъ родниться взаимно душою каждый день, каждый часъ въ продолженіи всей жизни нашей. Вотъ это семья, вотъ это святыня! Семья вѣдь тоже *созидается*, а не дается готовою, и никакихъ правъ, и никакихъ обязанностей не дается тутъ готовыми, а всѣ они сами собою, одно изъ другаго вытекаютъ. Тогда только это и крѣпко, тогда только это и свято. Созидается-то семья неустаннымъ трудомъ любви. Вы сознаетесь, впрочем, г. защитникъ, что вашъ кліентъ сдѣлалъ двѣ *логическія* ошибки (только логическія?) и что одна изъ нихъ, между прочимъ, въ том, что онъ—

..„поступилъ слишкомъ рьяно, онъ предполагалъ, что можно одни

Digitized by Google

разомъ, однимъ ударомъ искоренить все зло, которое посѣяно годами въ душу ребенка и годами взрощено Но этого сдѣлать нельзя, надо дѣйствовать медленно, имѣть терпѣніе".

Клянусь, немного-бы его потребовалось, этого терпѣнья, потому что эта крошка—всего семилѣтняя! Опять-таки эти семь лѣтъ, которыя исчезаютъ вездѣ въ вашей рѣчи и въ вашихъ соображеніяхъ, г. защитникъ! «Она воровала, восклицаете вы, она крала!»

„25 іюля пріѣзжаетъ отецъ на дачу и въ первый разъ узнаетъ сюрпризомъ, что ребенокъ шарилъ въ сундукѣ Жезингъ, сломалъ крючекъ (т. е. вязальный крючекъ, а не замокъ какой нибудь) и *добирался* до денегъ. Я не знаю, господа, можно-ли равнодушно относиться къ такимъ поступкамъ дочери? Говорятъ: „за что-же? Развѣ можно такъ строго взыскивать за нѣсколько штукъ черносливу, сахару?" Я полагаю, что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ путь прямой, открытая дорога!"

Я вамъ разскажу маленькій анекдотъ, г. защитникъ. Сидитъ за столомъ отецъ, добывающій деньги тяжелымъ трудомъ. Онъ сочинитель, также какъ и я, онъ пишетъ. Вотъ онъ положилъ перо и къ нему подходитъ его дѣвочка, дочка, шести лѣтъ отъ роду и начинаетъ говорить ему, чтобъ онъ ей купилъ новую куклу, а потомъ коляску, настоящую коляску съ лошадьми; она сядетъ съ куколкой и съ няней въ коляску и поѣдетъ къ Сашѣ, няниной внучкѣ. «Потомъ ты вотъ что купи мнѣ еще, папа»... и т. д. и т. д. счету не было покупкамъ. Всѣ она только что навыдумала и нафантазировала у себя въ уголкѣ, играя съ куклой. Фантазія у этихъ шестилѣтнихъ малютокъ безпримѣрная, и это превосходно, въ этомъ ихъ развитіе. Отецъ слушалъ съ улыбкой:

— Ахъ Лиля, Лиля, сказалъ онъ вдругъ полушутливо, полугрустно,—накупилъ-бы тебѣ всего, да негдѣ денегъ взять; не знаешь ты, какъ трудно они достаются!

— А ты вотъ что, папа, сдѣлай, подхватила Лиля съ весьма серьезнымъ и конфиденціальнымъ видомъ,—ты возьми горшечекъ и возьми лопаточку и пойди въ лѣсъ, и тамъ покопай подъ кустикомъ, вотъ и накопаешь денегъ; положи ихъ въ горшечекъ и принеси домой.

Увѣряю-же васъ, что эта дѣвочка весьма и весьма неглупая, но такое понятіе она составила себѣ о томъ, какъ добываются деньги. Неужели вы думаете, что семилѣтняя далеко ушла отъ этой шестилѣтней въ понятіи о деньгахъ? Конечно, можетъ быть, уже узнала, что денегъ нельзя накопать изъ-подъ кустика, но откуда они въ самомъ дѣлѣ достаются, по какимъ законамъ, что

Digitized by Google

такое банковые билеты, акціи, концессіи—врядъ-ли знаетъ. Помилосердуйте, г. Спасовичъ, про такую развѣ можно говорить, что она *добиралась* до денегъ? Это выраженіе и понятіе съ нимъ сопряженное примѣнимо лишь къ взрослому вору, понимающему, что такое деньги и употребленіе ихъ. Да такая еслибъ и взяла деньги, такъ это еще не кража вовсе, а лишь дѣтская шалость, тоже самое, что ягодка черносливу, потому что она совсѣмъ не знаетъ, что такое деньги. А вы намъ наставили, что ей уже недалеко до банковыхъ билетовъ и кричите, что «это угрожаетъ государству!» Развѣ можно, развѣ позволительно послѣ этого допустить мысль, что за такую шалость *справедливо* и *оправдываемо* такое дранье, которому подверглась эта дѣвочка. Но она и не шарила въ деньгахъ, она ихъ не брала вовсе. Она только пошарила въ сундукѣ, гдѣ лежали деньги и сломала вязальный крючекъ, а больше ничего не взяла. Да и незачѣмъ ей денегъ, помилуйте: убѣжать съ ними въ Америку, что-ли, или снять концессію на желѣзную дорогу? Вѣдь говорите-же вы про банковые билеты: «отъ сахара недалеко до банковыхъ билетовъ», почему-же останавливаться передъ концессіями?

Ну, не столпы это, г. защитникъ?

— Она съ порокомъ, она съ затаеннымъ скверным порокомъ...

Подождите, подождите, обвинители! И неужели не нашлось никого, чтобъ почувствовать всю невозможность, всю чудовищность этой картины! Крошечную дѣвочку выводятъ передъ людей и серьезные, гуманные люди—позорятъ ребенка и говорятъ вслухъ о его «затаенныхъ порокахъ»!.. Да что въ томъ, что она еще не понимаетъ своего позора и сама говоритъ: «Je suis voleuse, menteuse»? Воля ваша, это невозможно и невыносимо, это фальшь нестерпимая. И кто могъ, кто рѣшился выговорить про нее, что она «крала», что она «добиралась» до денегъ. Развѣ можно говорить такія слова о такомъ младенцѣ! Зачѣмъ сквернятъ ее «затаенными пороками» вслухъ на всю залу? Къ чему брызнуло на нее столько грязи и оставило слѣдъ свой на вѣки? О, оправдайте поскорѣе вашего кліента, г. защитникъ, хотя-бы для того только, чтобъ поскорѣе опустить занавѣсъ и избавить насъ отъ этого зрѣлища. Но оставьте намъ, по крайней мѣрѣ, хоть жалость нашу къ этому младенцу; не судите его съ такимъ серьезнымъ видомъ, какъ будто сами вѣрите въ его виновность. Эта жалость,—драгоцѣнность наша и искоренять ее изъ общества страшно. Когда общество перестанетъ жалѣть слабыхъ и угнетенныхъ, тогда ему-же самому станетъ плохо: оно очерствѣетъ и засохнетъ, станетъ развратно и безплодно...

Digitized by Google

— Да, оставь я вамъ жалость, а ну какъ вы, съ большой-то жалости, да осудите моего кліента.

Вотъ оно положеніе-то!

VI.

Семья и наши святыни. Заключительное словцо объ одной юной школѣ.

Въ заключеніе г. Спасовичъ говоритъ одно мѣткое слово:

„Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что, по моему мнѣнію, все обвиненіе Кронеберга поставлено совершенно неправильно, т. е. такъ, что вопросовъ, которые вамъ будутъ предложены, совсѣмъ рѣшать нельзя".

Вотъ это умно; въ этомъ вся суть дѣла и отъ этого вся фальшь дѣла; но г. Спасовичъ прибавляетъ и еще нѣсколько довольно торжественныхъ словъ на тему: «я полагаю, вы всѣ признаете, что есть семья, есть власть отеческая»... Выше онъ восклицалъ, что «государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ».

На это и я позволю себѣ включить одно лишь маленькое словечко, и то лишь мимоходомъ.

Мы, русскіе—народъ молодой; мы только что начинаемъ жить, хотя и прожили уже тысячу лѣтъ; но большому кораблю большое и плаваніе. Мы народъ свѣжій и у насъ нѣтъ святынь quand même. Мы любимъ наши святыни, но потому лишь, что онѣ въ самомъ дѣлѣ святы. Мы не потому только стоимъ за нихъ, чтобъ отстоять ими l'Ordre. Святыни наши не изъ полезности ихъ стоятъ, а по вѣрѣ нашей. Мы не станемъ и отстаивать такихъ святынь, въ которыя перестанемъ вѣрить сами, какъ древніе жрецы, отстаивавшіе, въ концѣ язычества, своихъ идоловъ, которыхъ давно уже сами перестали считать за боговъ. Ни одна святыня наша не побоится свободнаго изслѣдованія, но это именно потому, что она крѣпка въ самомъ дѣлѣ. Мы любимъ святыню семьи, когда она въ самомъ дѣлѣ свята, а не потому только, что на ней крѣпко стоитъ государство. А вѣря въ крѣпость нашей семьи, мы не побоимся если, временами, будутъ исторгаемы плевелы и не испугаемся, если будетъ изобличено и преслѣдуемо даже злоупотребленіе родительской власти. Не станемъ мы защищать эту власть quand même. Святыня воистину святой семьи такъ крѣпка, что никогда не пошатнется отъ этого, а только станетъ еще святѣе. Но во всякомъ дѣлѣ

Digitized by Google

есть предѣлъ и мѣра и это мы тоже готовы понять. Я не юристъ, но въ дѣлѣ Кронеберга я не могу не признать какой-то глубокой фальши. Тутъ что-то не такъ, тутъ что-то было не то, не смотря на дѣйствительную виновность. Г. Спасовичъ глубоко правъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о постановкѣ вопроса; но однако это ничего не разрѣшаетъ. Можетъ быть, необходимъ глубокій и *самостоятельный* пересмотръ законовъ нашихъ въ этомъ пунктѣ, чтобъ восполнить пробѣлы и стать въ мѣру съ характеромъ нашего общества. Я не могу рѣшить, что тутъ нужно, я не юристъ...

Но я все-таки восклицаю невольно: да, блестящее установленіе адвокатура, но почему-то и грустное. Это я сказалъ вначалѣ и повторяю опять. Такъ мнѣ кажется, и навѣрно отъ того только, что я не юристъ; въ томъ вся бѣда моя. Мнѣ все представляется какая-то юная школа изворотливости ума и засушенія сердца, школа извращенія всякаго здороваго чувства по мѣрѣ надобности, школа всевозможныхъ посягновеній, безстрашныхъ и безнаказанныхъ, постоянная и неустанная, по мѣрѣ спроса и требованія и возведенная въ какой-то принципъ, а съ нашей непривычки и въ какую-то доблесть, которой всѣ аплодируютъ. Что-жь, неужто я посягаю на адвокатуру, на новый судъ? Сохрани меня Боже, я всего только хотѣлъ-бы, чтобъ всѣ мы стали немного получше. Желаніе самое скромное, но увы, и самое идеальное. Я неисправимый идеалистъ; я ищу святынь, я люблю ихъ, мое сердце ихъ жаждетъ, потому что я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь, но все-же я хотѣлъ-бы святынь хоть капельку посвятѣе; не то стоитъ-ли имъ поклоняться! Такъ или этакъ, а я испортилъ мой февральскій «Дневникъ», неумѣренно распространившись въ немъ на грустную тему, потому только что она слишкомъ поразила меня. Но — il faut avoir le courage de son opinion и, кажется, эта умная французская поговорка могла-бы послужить руководствомъ для многихъ, ищущихъ отвѣтовъ на свои вопросы въ сбивчивое время наше.

Digitized by Google

МАРТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Вѣрная-ли мысль, что „пусть лучше идеалы будутъ дурны, да дѣйствительность хороша?“.

Въ «Листкѣ» Г. Гаммы («Голосъ» № 67) я прочелъ такой отзывъ на мои слова, въ февральскомъ «Дневникѣ» о народѣ:

„Какъ-бы то ни было, у одного и того-же писателя, на разстояніи одного мѣсяца, мы встрѣчаемся съ двумя, рѣзко противоположными другъ другу мнѣніями по поводу народа. А вѣдь это не водевиль, не картинка передвижной выставки: вѣдь это приговоръ надъ живымъ организмомъ; это все равно, что вертѣть ножомъ въ тѣлѣ человѣка. Изъ своего дѣйствительнаго или мнимаго противорѣчія г. Достоевскій выгораживается тѣмъ, что приглашаетъ насъ судить народъ „не по тому, чѣмъ онъ есть, а по тому чѣмъ желалъ-бы стать“. Народъ, видите-ли, ужаснѣйшая дрянь на дѣлѣ, но за то идеалы у него хороши. Идеалы эти „сильны и святы“, и они-то „спасали его въ вѣка мученій“. Не поздоровится отъ такихъ выгораживаній! Вѣдь и самъ адъ вымощенъ добрыми намѣреніями, и г. Достоевскому извѣстно, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“. Да откуда-же стали извѣстны эти идеалы? Какой пророкъ или сердцевѣдъ въ состояніи проникнуть или разгадать ихъ, если вся дѣйствительность противорѣчитъ имъ и недостойна этихъ идеаловъ? Г. Достоевскій оправдываетъ нашъ народъ въ томъ смыслѣ, что „они немножечко дерутъ, за то ужь въ ротъ хмѣльнаго не берутъ“. Но, вѣдь, отсюда недалеко и до нравоученія: пусть лучше идеалы будутъ дурны, да дѣйствительность хороша“.

Въ этой выпискѣ всего важнѣе вопросъ г. Гаммы: «Да откуда-же стали извѣстны эти идеалы»? (т. е. народные). Положительно

Digitized by Google

отказываюсь отвѣчать на такой вопросъ, ибо, сколько-бы мы ни проговорили на эту тему съ г. Гаммой, мы никогда ни до чего не договоримся. Это споръ длиннѣйшій, а для насъ важнѣйшій. Есть у народа идеалы или совсѣмъ ихъ нѣтъ—вотъ вопросъ нашей жизни или смерти. Споръ этотъ ведется слишкомъ уже давно и остановился на томъ, что однимъ эти идеалы выяснились какъ солнце, другіе-же совсѣмъ ихъ не замѣчаютъ и окончательно отказались замѣчать. Кто правъ—рѣшимъ не мы, но рѣшится это, можетъ быть, довольно скоро. Въ послѣднее время раздалось нѣсколько голосовъ въ томъ смыслѣ, что у насъ не можетъ быть ничего охранительнаго, потому что у насъ «нечего охранять». Въ самомъ дѣлѣ, если нѣтъ своихъ идеаловъ, то стоитъ-ли тутъ заботиться и что нибудь охранять? Что-жь, если эта мысль приноситъ такое спокойствіе, то и на здоровье.

«Народъ, видите-ли, ужаснѣйшая дрянь, но только идеалы у него хороши». Эту фразу или эту мысль я никогда не высказывалъ. Единственно, чтобъ оговориться въ этомъ, я и отвѣчаю г. Гаммѣ. Напротивъ, я именно замѣтилъ, что и въ народѣ—«есть прямо святые, да еще какіе: сами свѣтятъ и всѣмъ намъ путь освѣщаютъ». Они есть, почтенный публицистъ, есть въ самомъ дѣлѣ и блаженъ—кто можетъ ихъ разглядѣть. Думаю, что у меня тутъ, т. е. собственно въ этихъ словахъ, нѣтъ ни малѣйшей неясности. Къ тому-же неясность не всегда происходитъ отъ того, что писатель неясенъ, а иногда и совсѣмъ отъ противуположныхъ причинъ...

Что-же касается до нравоученія, которымъ вы кончаете вашу замѣтку: «Пусть лучше идеалы будутъ дурны, да дѣйствительность хороша»,—то замѣчу вамъ, что это желаніе совершенно невозможное: безъ идеаловъ, то есть, безъ опредѣленныхъ хоть сколько нибудь желаній лучшаго, никогда не можетъ получиться никакой хорошей дѣйствительности. Даже можно сказать положительно, что ничего не будетъ кромѣ еще пущей мерзости. У меня-же, по крайней мѣрѣ, хоть шансъ оставленъ: если теперь неприглядно, то, при ясно сознаваемомъ желаніи стать лучшими (то есть при идеалахъ лучшаго), можно дѣйствительно когда нибудь собраться и стать лучшими. По крайней мѣрѣ, это вовсе не столь невозможно какъ ваше предположеніе стать лучшими при «дурныхъ» идеалахъ, то есть, при дурныхъ желаніяхъ.

Надѣюсь, что на мои нѣсколько словъ вы не разсердитесь, г. Гамма. Останемся каждый при нашемъ мнѣніи и будемъ ждать развязки; увѣряю васъ, что развязка, можетъ быть, вовсе не такъ отдаленна.

Digitized by Google

II.

Столѣтняя.

Въ это утро я слишкомъ запоздала, — разсказывала мнѣ на дняхъ одна дама,—и вышла изъ дому почти уже въ полдень, а у меня, какъ нарочно, скопилось много дѣла. Какъ разъ въ Николаевской улицѣ надо было зайти въ два мѣста, одно отъ другаго недалеко. Во первыхъ, въ контору, и у самыхъ воротъ дома встрѣчаю эту самую старушку, и такая она мнѣ показалась старенькая, согнутая, съ палочкой, только все-же я не угадала ея лѣтъ; дошла она до воротъ и тутъ въ уголку у воротъ присѣла на дворницкую скамеечку отдохнуть. Впрочемъ, я прошла мимо, а она мнѣ только такъ мелькнула.

Минутъ черезъ десять я изъ конторы выхожу, а тутъ черезъ два дома магазинъ и въ немъ у меня еще съ прошлой недѣли заказаны для Сони ботинки, я и пошла ихъ захватить кстати, только смотрю, а та старушка теперь ужь у этого дома сидитъ, и опять на скамеечкѣ у воротъ, сидитъ, да на меня и смотритъ; я на нее улыбнулась, зашла, взяла ботинки. Ну, пока минуты три-четыре прошло—пошла дальше къ Невскому, анъ смотрю—моя старушка уже у третьяго дома, тоже у воротъ, только не на скамеечкѣ, а на выступѣ пріютилась, а скамейки въ этихъ воротахъ не было. Я вдругъ передъ ней остановилась невольно: что это, думаю, она у всякаго дома садится?

— Устала, говорю, старушка?

— Устаю, родненькая, все устаю. Думаю: тепло, солнышко свѣтитъ, дай пойду къ внучкамъ пообѣдать.

— Это ты, бабушка, пообѣдать идешь?

— Пообѣдать, милая, пообѣдать.

— Да ты этакъ не дойдешь.

— Нѣтъ, дойду, вотъ пройду сколь и отдохну, а тамъ опять встану да пойду.

Смотрю я на нее и ужасно мнѣ стало любопытно. Старушка маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно быть, изъ мѣщанства, съ палочкой, лицо блѣдное, желтое, къ костямъ присохшее; губы безцвѣтныя,—мумія какая-то, а сидитъ—улыбается, солнышко прямо на нее свѣтитъ.

— Ты, должно быть, бабушка, очень стара, спрашиваю я, шутя разумѣется.

Digitized by Google

— Сто четыре года, милая, сто четыре мнѣ годика, *только всего*, (это она пошутила)... А ты-то сама куда идешь?

И глядитъ на меня—смѣется, обрадовалась она что-ли поговорить съ кѣмъ, только странною мнѣ показалась у столѣтней такая забота—куда я иду, точно ей это такъ ужь надо.

— Да вотъ, бабушка, смѣюсь и я, ботиночки дѣвочкѣ моей въ магазинѣ взяла, домой несу.

— Ишь махонькіе, башмачки-то, маленькая дѣвочка-то у тебя? Это хорошо у тебя. И другія дѣтки есть?

И опять все смѣется, глядитъ. Глаза тусклые, почти мертвые, а какъ будто лучъ какой-то изъ нихъ свѣтитъ теплый.

— Бабушка, хочешь, возьми у меня пятачокъ, купи себѣ булочку, и подаю я ей этотъ пятачокъ.

— Чтой-то, ты мнѣ пятачокъ? Что-жь, спасибо, я и возьму твой пятачокъ.

— Такъ на, бабушка, не взыщи. Она взяла. Видно, что не проситъ, не доведена до того, но взяла она у меня такъ хорошо, совсѣмъ не какъ милостыню, а такъ, какъ будто изъ вѣжливости, или изъ доброты своего сердца. А впрочемъ, можетъ, ей и очень понравилось это, потому что, кто-же съ ней, съ старушкой, заговоритъ, а тутъ еще съ ней не только говорятъ, да еще объ ней съ любовью заботятся.

— Ну, прощай, говорю, бабушка. Дойди на здоровье.

— Дойду, родненькая, дойду. Я дойду. А ты къ своей внучкѣ ступай, сбилась старушка, забывъ что у меня дочка, а не внучка, думала видно, что ужь и у всѣхъ внучки. Пошла я и оглянулась на нее въ послѣдній разъ, вижу, она поднялась, медленно, съ трудомъ, стукнула палочкой и поплелась по улицѣ. Можетъ, еще разъ десять отдохнетъ дорогой, пока дойдетъ къ своимъ «пообѣдать». И куда это она ходитъ обѣдать? Странная такая старушка.

Выслушалъ я въ то же утро этотъ разсказъ,—да правда и не разсказъ, а такъ какое-то впечатлѣніе при встрѣчѣ съ столѣтней. (Въ самомъ дѣлѣ, когда встрѣтишь столѣтнюю, да еще такую полную душевной жизни?)—и позабылъ объ немъ совсѣмъ, и уже поздно ночью, прочтя одну статью въ журналѣ и отложивъ журналъ, вдругъ вспомнилъ про эту старушку, и почему-то мигомъ дорисовалъ себѣ продолженіе о томъ, какъ она дошла къ своимъ пообѣдать: вышла другая, можетъ быть, очень правдоподобная маленькая картинка.

Внучки ея, а, можетъ, и правнучки, да ужь такъ зоветъ ихъ она за одно внучками, вѣроятно, какіе-нибудь цѣховые, семейные, разумѣется, люди, не то она не ходила-бы къ нимъ обѣдать, жи-

Digitized by Google

вутъ въ подвалѣ, а, можетъ, и цирюльню какую нибудь снимаютъ, люди, конечно, бѣдные, но все-же можетъ питаются и наблюдаютъ порядокъ. Добрела она къ нимъ, вѣроятно, уже часу во второмъ. Ее и не ждали, но встрѣтили, можетъ быть, довольно привѣтливо.

— А вотъ и она, Марья Максимовна, входи, входи, милости просимъ, раба Божія!

Старушка входитъ, посмѣиваясь, колокольчикъ у входа еще долго, рѣзко и тонко звенитъ. Внучка-то ея, должно быть, жена этого цирюльника, а самъ онъ еще человѣкъ нестарый, лѣтъ этакъ тридцати пяти, по ремеслу своему степененъ, хотя ремесло и легкомысленное, и ужь разумѣется въ засаленномъ, какъ блинъ, сюртукѣ, отъ помады что-ль не знаю, но иначе я никогда не видалъ «цирюльниковъ», равно какъ воротникъ на сюртукѣ всегда у нихъ точно въ мукѣ вываленъ. Трое маленькихъ дѣточекъ—мальчикъ и двѣ дѣвочки мигомъ подбѣжали къ прабабушкѣ. Обыкновенно такія ужь слишкомъ старенькія старушки всегда какъ-то очень сходятся съ дѣтьми: сами-то ужь очень онѣ похожи на дѣтей становятся душевно, иногда даже точь въ точь. Сѣла старушка; у хозяина не то гость, не то по дѣлу, одинъ тоже, лѣтъ сорока, знакомый его, уже уходить собирался. Да племянникъ къ тому-же гоститъ, сынъ сестры его, парень лѣтъ семнадцати, въ типографію хочетъ опредѣлиться. Старушка перекрестилась и садится, глядитъ на гостя:

— Охъ, устала! Это кто-же такой у васъ?

— Это я-то? отвѣчаетъ гость, посмѣиваясь,—что-жь, Марья Максимовна, неужто насъ не признали? Третьяго-то года по опенки въ лѣсъ все собирались вмѣстѣ съ вами сходить.

— Охъ ужь ты, знаю тебя, надсмѣшникъ. Помню тебя, вотъ только назвать какъ тебя не припомню, кто ты таковъ, а помню. Охъ, устала я чтой-то.

— Да чтожь вы, Марья Максимовна, старушка почтенная, не ростете ни мало, вотъ что я тебя спросить хотѣлъ, шутитъ гость.

— И, ну тебя, смѣется бабушка, видимо впрочемъ довольная.

— Я, Марья Максимовна, человѣкъ добрый.

— А съ добрымъ и поговорить любопытно. Охъ, все-то я задыхаюсь, мать. Пальтецо-то Сереженькѣ видно ужь состроили?

Она указываетъ на племянника.

Племянникъ, бутузоватый и здоровый паренекъ, улыбается во весь ротъ и надвигается ближе; на немъ новенькое сѣрое пальтецо и онъ еще не можетъ равнодушно надѣвать его. Равнодушіе придетъ развѣ только еще черезъ недѣлю, а теперь онъ поминутно смотритъ себѣ на обшлага, на лацканы и, вообще, на всего себя въ зеркало и чувствуетъ къ себѣ особенное уваженіе.

Digitized by Google

— Да ты поди, повернись, стрекочетъ жена цирюльника. Смотрика, Максимовна, какое построили; вѣдь шесть рублей какъ одна копѣечка, дешевле, говорятъ намъ у Прохорыча, теперь и начинать не стоитъ, сами, говорятъ, потомъ слезьми заплачете, а ужъ эдакому износу нѣтъ. Вишь матерія-то! Да ты повернись! Подкладка-то какая, крѣпость-то, крѣпость-то, да ты повернись! Такъ-то вотъ и уходятъ денежки, Максимовна, умылась наша копѣечка.

— Ахъ, мать, ужь такъ теперь дорого стало на свѣтѣ, что и ни съ чѣмъ не совмѣстно, лучше-бъ и не говорила ты мнѣ и не разстраивала меня, съ чувствомъ замѣчаетъ Максимовна, а все еще духъ не можетъ перевести.

— Ну да и довольно, замѣчаетъ хозяинъ, закуситъ-бы надо. Что это, ты должно быть ужь очень, вижу я это, пристала, Марья Максимовна?

— Охъ, умникъ, устала, денекъ-то теплый, солнышко; — дай, думаю, ихъ провѣдаю... что лежать-то. Охъ! А дорогой барыньку встрѣтила, молодую, башмачки дѣткамъ купила: «Что это ты, старушка, говоритъ, устала? на-ка тебѣ пятачокъ: купи себѣ булочку»... А я, знаешь, и взяла пятачокъ-то...

— Да ты, бабушка, все-же отдохни маленечко сперва на перво, что это сегодня такъ задыхаешься?—какъ-то вдругъ особенно заботливо проговорилъ хозяинъ.

Всѣ на нее смотрятъ; ужь очень блѣдна она вдругъ стала, губы совсѣмъ побѣлѣли. Она тоже всѣхъ оглядываетъ, но какъ-то тускло.

— Вотъ, думаю... пряничковъ дѣткамъ... пятачокъ-то...

И опять остановилась, опять переводитъ духъ. Всѣ вдругъ примолкли, секундъ этакъ на пять.

— Что, бабушка? Наклонился къ ней хозяинъ.

Но бабушка не отвѣтила; опять молчаніе и опять секундъ на пять. Старушка еще какъ-бы бѣлѣе стала, а лицо какъ-бы вдругъ все осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губахъ; смотритъ прямо, а какъ будто ужь и не видитъ.

— За попомъ-бы!.. какъ-то вдругъ и торопливо проговорилъ сзади вполголоса гость.

— Да... не... поздно-ли... бормочетъ хозяинъ.

— Бабушка, а бабушка? окликаетъ старушку жена цирюльника, вдругъ вся всполохнувшись; но бабушка неподвижна, только голова клонится на бокъ; въ правой рукѣ, что на столѣ лежитъ, держитъ свой пятачокъ, а лѣвая такъ и осталась на плечѣ старшаго правнучка Миши, мальчика лѣтъ шести. Онъ стоитъ не шелохнется и большими удивленными глазами разглядываетъ прабабушку.

Digitized by Google

— Отошла! мѣрно и важно произноситъ восклонившись хозяинъ и слегка крестится.

— Вѣдь вотъ оно! То-то я вижу вся клонится, умиленно и отрывисто произноситъ гость; онъ ужасно пораженъ и на всѣхъ оглядывается.

— Ахъ, Господи! Вотъ вѣдь! Какъ-же теперь быть-то, Макарычъ? Туда что-ль ее? щебечетъ хозяйка торопливо и вся растерявшись.

— Куда туды? степенно откликается хозяинъ, — сами здѣсь справимъ; родная ты ей аль нѣтъ? А пойтить дать знать надо.

— Сто четыре годика, а! — толчется на мѣстѣ гость, умиляясь все больше и больше. Онъ даже весь покраснѣлъ какъ-то.

— Да, забывать стала жисть-то въ послѣдніе годы, еще важнѣе и степеннѣе замѣчаетъ хозяинъ, ища фуражку и снимая шинель.

— А вѣдь за минутку смѣялась, какъ веселилась! Ишь пятачокъ-то въ рукѣ! Пряничковъ, говоритъ, о-охъ, жисть-то наша!

— Ну пойдемъ, что-ли, Петръ Степанычъ, прерываетъ гостя хозяинъ и оба выходятъ. По такой, конечно, не плачутъ. Сто четыре года, — «отошла безъ болѣзни и непостыдно». Хозяйка послала къ сосѣдкамъ за подмогой. Тѣ прибѣжали мигомъ, почти съ удовольствіемъ выслушавъ вѣсть, охая и вскрикивая. Первымъ дѣломъ поставили, разумѣется, самоварчикъ. Дѣти съ удивленнымъ видомъ забились въ уголъ и издали смотрятъ на мертвую бабушку. Миша, сколько ни проживетъ, все запомнитъ старушку, какъ умерла, зажавъ руку у него на плечѣ, ну а когда онъ умретъ, никто-то на всей землѣ не вспомнитъ и не узнаетъ, что жила-была когда-то такая старушка и пробыла сто четыре года, для чего и какъ — неизвѣстно. Да и зачѣмъ помнить: вѣдь все равно. Такъ отходятъ милліоны людей: живутъ незамѣтно и умираютъ незамѣтно. Только развѣ въ самой минутѣ смерти этихъ столѣтнихъ стариковъ и старухъ заключается какъ-бы нѣчто умилительное и тихое, какъ-бы нѣчто даже важное и миротворное: сто лѣтъ какъ-то страшно дѣйствуютъ до сихъ поръ на человѣка. Благослови Богъ жизнь и смерть простыхъ добрыхъ людей!

А впрочемъ, такъ легкая и безсюжетная картинка. Право, намѣтишь пересказать изъ слышаннаго за мѣсяцъ что нибудь позанимательнѣе, а какъ приступишь, то какъ разъ или нельзя, или нейдетъ къ дѣлу, или «не все то говори, что знаешь», а въ концѣ концовъ остаются все только самыя безсюжетныя вещи...

Digitized by Google

III.

„Обособленіе“.

А между тѣмъ я пишу «о видѣнномъ, слышанномъ и прочитанномъ». Хорошо еще, что не стѣснилъ себя обѣщаніемъ писать *обо всемъ* «видѣнномъ, слышанномъ и прочитанномъ». Да и слышишь-то все больше странности. Какъ передавать ихъ, когда все это само собою лѣзетъ врозь и ни за что не хочетъ сложиться въ одинъ пучокъ! Право, мнѣ все кажется, что у насъ наступила какая-то эпоха всеобщаго «обособленія». Всѣ обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что нибудь свое собственное, новое и неслыханное. Всякій откладываетъ все, что̀ прежде было общаго въ мысляхъ и чувствахъ, и начинаетъ съ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ. Всякому хочется начать съ начала. Разрываютъ прежнія связи безъ сожалѣнія и каждый дѣйствуетъ самъ по себѣ и тѣмъ только и утѣшается. Если не дѣйствуетъ, то хотѣлъ-бы дѣйствовать. Положимъ, ужасно многіе ничего не начинаютъ и никогда не начнутъ, но все-же они оторвались, стоятъ въ сторонкѣ, глядятъ на оторванное мѣсто и, сложивъ руки, чего-то ждутъ. У насъ всѣ чего-то ждутъ. Между тѣмъ, ни въ чемъ почти нѣтъ нравственнаго соглашенія; все разбилось и разбивается и даже не на кучки, а ужь на единицы. И главное, иногда даже съ самымъ легкимъ и довольнымъ видомъ. Вотъ вамъ нашъ современный литераторъ-художникъ, т. е., изъ новыхъ людей. Онъ вступаетъ на поприще и знать не хочетъ ничего предъидущаго; онъ отъ себя и самъ по себѣ. Онъ проповѣдуетъ новое, онъ прямо ставитъ идеалъ новаго слова и новаго человѣка. Онъ не знаетъ ни европейской литературы, ни своей; онъ ничего не читалъ да и не станетъ читать. Онъ не только не читалъ Пушкина и Тургенева, но, право, врядъ-ли читалъ и своихъ, т. е., Бѣлинскаго и Добролюбова. Онъ выводитъ новыхъ героевъ и новыхъ женщинъ, и вся новость ихъ заключается въ томъ, что они прямо дѣлаютъ свой десятый шагъ, забывъ о девяти первыхъ, а потому вдругъ очутываются въ фальшивѣйшемъ положеніи, въ какомъ только можно представить, и гибнутъ въ назиданіе и въ соблазнъ читателю. Эта фальшь положенія и составляетъ все назиданіе. Во всемъ этомъ весьма мало новаго, а, напротивъ, чрезвычайно много самаго истрепаннаго старьё; но не въ томъ совсѣмъ дѣло, а въ томъ, что авторъ совершенно

Digitized by Google

убѣжденъ, что сказалъ новое слово, что онъ самъ по себѣ и обособился и, разумѣется, этимъ очень доволенъ. Этотъ примѣрчикъ впрочемъ старый и маленькій, но слышалъ я и еще надняхъ разсказъ объ одномъ новомъ словѣ: Былъ нѣкто «нигилистомъ», отрицалъ, пострадалъ, и, послѣ долгихъ передрягъ и даже заточеній, обрѣлъ въ сердцѣ своемъ вдругъ религіозное чувство. Что-жь вы думаете, онъ тотчасъ сдѣлалъ? Онъ мигомъ «уединился и обособился», нашу христіанскую вѣру тотчасъ-же и тщательно обошелъ, все это прежнее устранилъ и немедленно выдумалъ свою вѣру, тоже христіанскую, но за то «свою собственную». У него жена и дѣти. Съ женой онъ не живетъ, а дѣти въ чужихъ рукахъ. Онъ на дняхъ бѣжалъ въ Америку, очень можетъ быть, чтобъ проповѣдывать тамъ новую вѣру. Однимъ словомъ, каждый самъ по себѣ и каждый по своему, и неужто они только оригинальничаютъ, представляются? Вовсе нѣтъ. Ныньче у насъ моментъ скорѣе правдивый, чѣмъ рефлекторный. Многіе, и, можетъ быть, очень многіе, дѣйствительно тоскуютъ и страдаютъ; они въ самомъ дѣлѣ и серьезнѣйшимъ образомъ порвали всѣ прежнія связи и *принуждены* начинать сначала, ибо свѣту имъ никто не даетъ. А мудрецы и руководители только имъ поддакиваютъ, иные страха ради іудейскаго (какъ-де не пустить его въ Америку: въ Америку бѣжать все таки либерально) а иные такъ просто наживаются на ихъ счетъ. Такъ и гибнутъ свѣжія силы. Мнѣ скажутъ, что это всего два-три факта, которые ничего не означаютъ, что, напротивъ, все несомнѣнно тверже прежняго обобщается и соединяется, что являются банки, общества, ассоціаціи. Но неужели вы и вправду укажете мнѣ на эту толпу бросившихся на Россію восторжествовавшихъ жидовъ и жидишекъ? Восторжествовавшихъ и восторженныхъ, потому что появились теперь даже и восторженные жиды, іудейскаго и православнаго исповѣданія. И что-же, даже и объ нихъ теперь пишутъ въ нашихъ газетахъ, что они уединяются и что, напримѣръ, надъ съѣздами представителей нашихъ русскихъ поземельныхъ банковъ смѣется вдоволь заграничная пресса по поводу

... „тайныхъ засѣданій первыхъ двухъ съѣздовъ, не безъ ироніи спрашивая: какимъ образомъ и по какому праву русскія поземельно-кредитныя учрежденія имѣютъ смѣлость претендовать на довѣріе публики когда они своими тайными засѣданіями, происходящими за тщательно охраняющими ихъ китайскими стѣнами, скрываютъ все отъ публики, давая этимъ ей даже понять, что у нихъ дѣйствительно творится что-то не доброе“...

Вотъ, стало быть, даже и эти господа обособляются и затворяются, и замышляютъ что-то свое и по своему, а не такъ, какъ

Digitized by Google

во всемъ свѣтѣ это дѣлается. Впрочемъ, я о банкахъ вдвинулъ шутя: не мое пока дѣло, а я только объ обособленіи. Какъ-бы мнѣ объяснить эту мысль получше? Кстати, приведу нѣсколько мыслей о нашихъ корпораціяхъ и ассоціаціяхъ изъ одной рукописи, не моей, а мнѣ присланной и нигдѣ не напечатанной. Авторъ обращается къ своимъ оппонентамъ въ провинціи:

« Вы говорите, что артели, ассоціаціи, корпораціи, коопераціи, торговыя и другія всякія товарищества основаны на врожденномъ человѣку чувствѣ общительности? Выгораживая русскую артель, которая еще слишкомъ мало изслѣдована, чтобы говорить о ней что-либо положительное, мы думаемъ, что всѣ эти ассоціаціи, корпораціи и проч., все это лишь союзы однихъ противъ другихъ, союзы, основанные на чувствѣ самоохраненія, вызванные борьбою за существованіе; и это мнѣніе наше подтверждается исторіею возникновенія этихъ союзовъ, которые заключались сначала бѣдными и слабыми противъ богатыхъ и сильныхъ, а потомъ и эти послѣдніе стали пользоваться оружіемъ своихъ противниковъ. Да, исторія несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что всѣ эти союзы возникли изъ братской вражды, основаны не на потребности общенія, какъ вы полагаете, а на чувствѣ страха за свое существованіе или же на желаніи получить барышъ, выгоду, пользу, хотя-бы и на счетъ ближняго. Всматриваясь-же въ устройство всѣхъ этихъ дѣтищъ утилитаризма мы видимъ, что главная ихъ забота, это—устройство надежнаго контроля каждаго за всѣми и всѣхъ за каждымъ, — попросту, поголовнаго шпіонства изъ боязни, какъ бы кто не надулъ кого. Всѣ эти ассоціаціи съ ихъ контролемъ внутри и завистливою ко всему постороннему внѣшнею дѣятельностію представляютъ поразительную паралель съ тѣмъ, что творится въ политическомъ мірѣ, гдѣ взаимныя отношенія народовъ характеризуются вооруженнымъ миромъ, прерываемымъ кровопролитными схватками, внутренняя-же ихъ жизнь — безконечною борьбою партій. О какомъ-же общеніи, о какой любви тутъ можетъ быть рѣчь! Не потому ли всѣ эти учрежденія такъ плохо и прививаются у насъ, что мы еще слишкомъ просторно живемъ, что намъ нѣтъ еще основанія слишкомъ вооружаться другъ противъ друга, что въ насъ слишкомъ еще много расположенія, вѣры другъ къ другу, и эти чувства мѣшаютъ намъ устроить такой контроль, такое шпіонство другъ за другомъ, какъ это необходимо при устройствѣ всѣхъ этихъ ассоціацій, коопераціи торговыхъ и другихъ товариществъ, при недостаточности же контроля они идти не могутъ, они непремѣнно лопаются».

« Ужь не будемъ-ли мы сокрушаться о такихъ нашихъ недостаткахъ, сравнительно съ нашими болѣе образованными западными сосѣдями? Нѣтъ, мы, по крайней мѣрѣ, въ этихъ нашихъ недостаткахъ, видимъ наше богатство, видимъ, что въ насъ еще дѣйствуетъ съ нѣкоторой силой то чувство единенія, безъ котораго человѣческія общества существовать не могутъ; хотя оно, дѣйствуя въ людяхъ безсознательно, приводитъ ихъ, какъ къ великимъ подвигамъ, такъ, весьма часто, и къ великимъ порокамъ. Но въ комъ это чувство еще не убито, для того все возможно, лишь-бы оно, это чувство, изъ безсознательнаго, изъ инстинкта,

Digitized by Google

обратилось въ силу сознанную, въ такую, которая не бросала-бы васъ въ ту или другую сторону, по слѣпому капризу случая, а направлялась бы нами къ достиженію разумныхъ цѣлей; безъ этого же чувства единенія, взаимной любви, общенія людей между собою, немыслимо ничто великое, потому что немыслимо и само общество».

То есть, авторъ, видите-ли, можетъ быть, и не совсѣмъ ужь такъ проклинаетъ ассоціаціи и корпораціи, а онъ только утверждаетъ, что ихъ *теперешній* главный принципъ состоитъ всего лишь только въ утилитаризмѣ да еще въ шпіонствѣ, и что это вовсе не есть *единеніе людей*. Все это молодо, свѣжо, теоретично, непрактично, но въ принципѣ совершенно вѣрно и написано не только искренно, но съ страданіемъ и болѣніемъ. И замѣтьте всеобщую черту: все дѣло у насъ теперь въ первомъ шагѣ, въ практикѣ, а всѣ, всѣ до единаго, кричатъ и заботятся лишь о принципахъ, такъ что практика поневолѣ попалась въ руки однимъ іудеямъ. Исторія рукописи, изъ которой взялъ я вышеприведенную выдержку, слѣдующая. Почтенный авторъ ея (не знаю только молодой-ли человѣкъ или изъ молодыхъ стариковъ) напечаталъ одну небольшую замѣтку въ одномъ губернскомъ изданіи, а редакція губернскаго изданія, помѣстивъ его замѣтку, сдѣлала рядомъ и свою оговорку, отчасти съ нимъ несогласную. Затѣмъ, когда авторъ замѣтки написалъ въ опроверженіе этой, съ нимъ несогласной, оговорки уже цѣлую статью, (впрочемъ, не очень большую), то редакція губернскаго изданія отказалась помѣстить у себя эту статью подъ предлогомъ, что это «скорѣе проповѣдь, чѣмъ статья»? Тогда авторъ обратился ко мнѣ письмомъ, и, посылая мнѣ эту отказанную статью, просилъ меня, чтобъ я ее прочелъ, вникнулъ и сказалъ объ ней, въ «Дневникѣ», мое мнѣніе. Во первыхъ, я благодарю за довѣріе къ моему мнѣнію, а во вторыхъ — благодарю за статью, потому что она доставила мнѣ чрезвычайное удовольствіе: я рѣдко читалъ что нибудь *логичнѣе*, и хоть я всю статью помѣстить не могу, но предъидущую выдержку сдѣлалъ съ намѣреніемъ, котораго и не потаю: дѣло въ томъ, что у автора ея, хлопочущаго объ истинномъ единеніи людей, я нашелъ чрезвычайно тоже «обособленный» въ своемъ родѣ розмахъ, и именно въ тѣхъ частяхъ рукописи, которыя я не рискну приводить, до того обособленный, что даже рѣдко и встрѣчается; такъ что не статья одна, а и самъ уже авторъ ея какъ-бы подтверждаетъ мою мысль объ «обособленіи» единицъ и чрезвычайномъ, такъ сказать, химическомъ разложеніи нашего общества на составныя его начала, наступившемъ вдругъ въ наше время.

Прибавлю, однако, что если всѣ теперь «сами отъ себя и сами по себѣ», то не безъ связи-же, однако, и съ предъидущимъ. На-

Digitized by Google

противъ, связь эта должна существовать непремѣнно, хотя-бы и все казалось разрозненнымъ и другъ друга не понимающимъ, и прослѣдить эту связь всего-бы любопытнѣе. Однимъ словомъ, хоть и старо сравненіе, но наше русское интелигентное общество всего болѣе напоминаетъ собою тотъ древній пучокъ прутьевъ, который только и крѣпокъ, пока прутья связаны вмѣстѣ, но чуть лишь расторгнута связь, то весь пучокъ разлетится на множество чрезвычайно слабыхъ былинокъ, которыя разнесетъ первый вѣтеръ. Такъ вотъ этотъ-то пукъ у насъ теперь и разсыпался. Что-жь, неужели не правда, что правительство наше, за все время двадцатилѣтнихъ реформъ своихъ, не нашло у насъ *всей* поддержки интелигентныхъ силъ нашихъ? Напротивъ, не ушла-ли огромная часть молодыхъ, свѣжихъ и драгоцѣнныхъ силъ въ какую-то странную сторону, въ обособленіе съ глумленіемъ и угрозой, и именно опять таки изъ за того, чтобъ, вмѣсто первыхъ десяти шаговъ, ступить прямо десятый, забывая при томъ, что десятый-то шагъ, безъ предшествовавшихъ девяти, ужь *во всякомъ случаѣ* обратится въ фантазію, даже если-бъ онъ значилъ что нибудь самъ по себѣ. Всего обиднѣе, что понимаетъ что нибудь въ этомъ десятомъ шагѣ, можетъ быть, всего только одинъ изъ тысячи отщепенцевъ, а остальные слышали, какъ въ колокола звонятъ. Въ результатѣ пусто: курица болтуна снесла. Видали-ль вы въ знойное лѣто лѣсной пожаръ? Какъ жалко смотрѣть и какая тоска! Сколько напрасно гибнетъ цѣннаго матеріала, сколько силъ, огня и тепла уходитъ даромъ, безслѣдно и безполезно.

IV.

Мечты о Европѣ.

въ Европѣ, а вездѣ, развѣ не то же, развѣ не обратились въ грустный миражъ всѣ соединяющія тамошнія силы, на которыя и мы такъ надѣялись; развѣ не хуже еще нашего тамошнее разложеніе и обособленіе»? Вотъ вопросъ, который не можетъ миновать русскаго человѣка. Да и какой истинный русскій не думаетъ прежде всего о Европѣ?

Да, на видъ тамъ, пожалуй, еще хуже нашего; развѣ только историческая причинность обособленій виднѣе; но тѣмъ, пожалуй, тамъ и безотраднѣе. Именно въ томъ, что у насъ труднѣе всего добраться до какой нибудь толковой причины и выслѣдить всѣ концы

Digitized by Google

нашихъ порванныхъ нитей,—именно въ этомъ и заключается для насъ какъ-бы нѣкоторое утѣшеніе: разберутъ подъ конецъ, что растрата силъ незрѣлая и ни съ чѣмъ несообразная, на половину искуственная и вызванная и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, и захотятъ согласиться. Такъ что, все-же есть надежда, что пучокъ опять соберется. Тамъ-же, въ Европѣ, уже никакой пучокъ не свяжется болѣе; тамъ все обособилось не по нашему, а зрѣло, ясно и отчетливо, тамъ группы и единицы доживаютъ послѣдніе сроки и сами знаютъ про то; уступить-же другъ другу не хотятъ ничего и скорѣе умрутъ, чѣмъ уступятъ.

Кстати, у насъ всѣ теперь говорятъ о мирѣ. Всѣ предрекаютъ миръ долгій, всюду видятъ горизонтъ ясный, союзы и новыя силы. Даже въ томъ, что установилась въ Парижѣ республика видятъ миръ; даже въ томъ, что республику эту устанавливалъ Бисмаркъ, — и въ томъ видятъ миръ. Въ согласіи великихъ восточныхъ державъ безспорно видятъ великіе залоги мира, а иныя изъ газетъ, нашихъ, такъ даже и въ герцеговинской теперешней смутѣ, вдругъ, вмѣсто недавнихъ своихъ-же тревогъ, стали замѣчать несомнѣнные признаки прочности европейскаго мира, (ужь не потому-ли, кстати, что ключъ и къ герцеговинскому вопросу очутился тоже въ Берлинѣ и тоже въ шкатулкѣ у князя Бисмарка?). Но больше всего у насъ рады французской республикѣ. Кстати, почему Франція все еще продолжаетъ стоять на первомъ планѣ въ Европѣ, не смотря на побѣдившій ее Берлинъ? Самое малѣйшее событіе во Франціи возбуждаетъ въ Европѣ до сихъ поръ болѣе симпатіи и вниманія, чѣмъ иногда даже крупное берлинское. Безспорно потому, что страна эта — есть страна всегдашняго перваго шага, первой пробы и перваго почина идей. Вотъ почему всѣ оттуда ждутъ несомнѣнно и «начала конца»: кто-же прежде всѣхъ шагнетъ этотъ роковый и конечный шагъ, какъ не Франція?

Вотъ почему, можетъ быть, тамъ, въ этой «передовой» странѣ и опредѣлилось всего болѣе самыхъ непримиримыхъ «обособленій». Миръ тамъ совсѣмъ невозможенъ, до самаго «конца». Привѣтствуя республику, всѣ въ Европѣ утверждали, что она уже тѣмъ однимъ необходима для Франціи и для Европы, что только при ней не возможна будетъ «война возмездія» съ Германіей, и что только одна республика, изъ всѣхъ еще недавно претендовавшихъ на Францію правительствъ, не рискнетъ и не захочетъ предпринять его. А между тѣмъ, это все миражъ — и республика провозглашена именно для войны, если не съ Германіей, то съ еще болѣе опаснымъ соперникомъ,—соперникомъ и врагомъ всей Европы,—комунизмомъ, и этотъ соперникъ теперь, при республикѣ, возстанетъ гораздо раньше, чѣмъ

Digitized by Google

было-бы при всякомъ другомъ правительствѣ! Всякое другое правительство вошло-бы съ нимъ въ соглашеніе и тѣмъ отдалило-бы развязку, а республика ничего не уступитъ ему и даже сама вызоветъ и принудитъ его на бой первая. И такъ, пусть не утверждаютъ, что «республика—это миръ». Въ самомъ дѣлѣ, кто провозгласилъ въ этотъ разъ республику? Все буржуа и мелкіе собственники. Давно-ль они сдѣлались такими республиканцами и не они-ль доселѣ болѣе всего боялись республики, видя въ ней лишь одну неурядицу и одинъ шагъ къ страшному для нихъ комунизму? Конвентъ, въ первую революцію, раздробилъ во Франціи крупную собственность эмигрантовъ и церкви на мелкіе участки и сталъ продавать ихъ, въ виду безпрерывнаго тогдашняго финансоваго кризиса. Эта мѣра обогатила огромную часть французовъ и дала ей возможность уплатить, черезъ восемьдесятъ лѣтъ, пять милліардовъ контрибуціи, почти не поморщившись. Но, способствовавъ временному благосостоянію, мѣра эта на страшно долгое время парализовала стремленія демократическія, безмѣрно умноживъ армію собственниковъ и предавъ Францію безграничному владычеству буржуазіи,—перваго врага демоса. Безъ этой мѣры не удержалась-бы ни за что буржуазія столь долго во главѣ Франціи, замѣстивъ собою прежнихъ повелителей Франціи—дворянъ. Но вслѣдствіе того ожесточился и демосъ уже непримиримо; сама-же буржуазія извратила естественный ходъ стремленій демократическихъ и обратила ихъ въ жажду мести и ненависти. Обособленіе партій дошло до такой степени, что весь организмъ страны разрушился окончательно, даже до устраненія всякой возможности возстановить его. Если еще держится до сихъ поръ Франція какъ-бы въ цѣломъ видѣ, то единственно по тому закону природы, по которому даже и горсть снѣга не можетъ растаять раньше опредѣленнаго на то срока. Вотъ этотъ-то призракъ цѣлости несчастные буржуа, а съ ними и множество простодушныхъ людей въ Европѣ, продолжаютъ еще принимать за живую силу организма, обманывая себя надеждой и въ то же время трепеща отъ страха и ненависти. Но въ сущности единеніе исчезло окончательно. Олигархи имѣютъ въ виду лишь пользу богатыхъ, демократія лишь пользу бѣдныхъ, а объ общественной пользѣ, пользѣ всѣхъ и о будущемъ всей Франціи тамъ ужь никто теперь не заботится, кромѣ мечтателей соціалистовъ и мечтателей позитивистовъ, выставляющихъ впередъ науку и ждущихъ отъ нея всего, т. е. новаго единенія людей и новыхъ началъ общественнаго организма, уже математически твердыхъ и незыблемыхъ. Но наука, на которую столь надѣются, врядъ-ли въ состояніи взяться за это дѣло сейчасъ. Трудно представить, чтобъ она уже настолько

Digitized by Google

знала природу человѣческую, чтобъ безошибочно установить новые законы общественнаго организма; а такъ какъ это дѣло не можетъ колебаться и ждать, то представляется самъ собою вопросъ: готова-ли наука къ такой задачѣ *сейчасъ*, если-бъ даже эта задача и не превышала силъ ея въ дальнѣйшемъ будущемъ ея развитіи? (О томъ, что задача эта несомнѣнно превышаетъ силы науки человѣческой, даже и во всемъ будущемъ ея развитіи,—мы пока утверждать уклонимся). Такъ какъ наука сама навѣрно отвѣчать на такой призывъ откажется, то отсюда ясно, что всѣмъ движеніемъ демоса управляютъ во Франціи (да и вездѣ во всемъ мірѣ) пока лишь мечтатели, а мечтателями—всевозможные спекулянты. Да и въ самой наукѣ развѣ нѣтъ мечтателей? Правда, мечтатели овладѣли движеніемъ даже по праву, ибо они одни во всей Франціи заботятся объ единеніи всѣхъ и о будущемъ, а, стало быть, къ нимъ какъ-бы нравственно и переходитъ преемство во Франціи, не смотря на всю ихъ видимую слабость и фантастичность и это всѣ чувствуютъ. Но ужаснѣе всего то, что тутъ, помимо всего фантастичнаго, явилось рядомъ и стремленіе самое жестокое и безчеловѣчное и уже не фантастическое, а реальное и исторически неминуемое. Все оно выражается въ поговоркѣ: «Ote toi de la, que je m'y mette». (Прочь съ мѣста, я стану вмѣсто тебя!). У милліоновъ демоса (кромѣ слишкомъ немногихъ исключеній) на первомъ мѣстѣ, во главѣ всѣхъ желаній, стоитъ грабежъ собственниковъ. Но нельзя винить нищихъ: Олигархи сами держали ихъ въ этой тьмѣ и до такой степени, что, кромѣ самыхъ ничтожныхъ исключеній, всѣ эти милліоны несчастныхъ и слѣпыхъ людей, безъ сомнѣнія, въ самомъ дѣлѣ и наивнѣйшимъ образомъ думаютъ, что именно черезъ этотъ-то грабежъ они и разбогатѣютъ, и что въ томъ-то и состоитъ вся соціальная идея, объ которой имъ толкуютъ ихъ вожаки. Да и гдѣ имъ понять ихъ предводителей мечтателей или какія-либо тамъ пророчества о наукѣ? Тѣмъ не менѣе они побѣдятъ несомнѣнно и если богатые не уступятъ во время, то выйдутъ страшныя дѣла. Но никто не уступитъ во время,—можетъ быть, и отъ того, впрочемъ, что уже прошло время уступокъ. Да нищіе и не захотятъ ихъ сами, не пойдутъ ни на какое теперь соглашеніе, даже если-бъ имъ все отдавали: они все будутъ думать, что ихъ обманываютъ и обсчитываютъ. Они хотятъ расправиться сами.

Россія въ 1917 г.

Бонапарты тѣмъ и держались, что обѣщали возможность соглашенія съ ними и дѣлали даже микроскопическія къ тому попытки, всегда однако коварныя и неискреннія. Но олигархи въ нихъ разувѣрились, да и демосъ имъ не вѣритъ ни капли. Что-же

Digitized by Google

до правительства королей (старшей линіи), то тѣ могутъ выставить пролетаріямъ, какъ спасеніе, въ сущности лишь одну римско-католическую вѣру, которую не только демосъ, но и огромное большинство Франціи давно уже не знаетъ, да и знать не хочетъ. Говорятъ даже, что между пролетаріями съ чрезвычайною силою развивается въ послѣднее время спиритизмъ, по крайней мѣрѣ, въ Парижѣ. Младшая-же линія королей (орлеанская) стала ненавистна даже самой буржуазіи, хотя нѣкоторое время эту фамилію и считали какъ-бы естественною предводительницею французскихъ собственниковъ. Но неспособность ихъ стала для всѣхъ очевидною. Тѣмъ не менѣе, собственникамъ надо было спасать себя, имъ надо было непремѣнно и какъ можно скорѣе пріискать себѣ предводителя для великой и послѣдней битвы съ страшнымъ грядущимъ врагомъ. Сознаніе и инстинктъ шепнули имъ на этотъ разъ вѣрный секретъ и они выбрали республику.

Есть такой политическій, а, пожалуй, и естественный, законъ природы, который состоитъ въ томъ, что два сильные и ближайшіе другъ къ другу сосѣда, какъ-бы ни были дружны, всегда кончатъ желаніемъ истребить одинъ другаго и, рано-ли поздно-ли, приведутъ это желаніе въ дѣйствіе. (Объ этомъ правилѣ сильнаго сосѣдства можно-бы было и намъ русскимъ поболѣе подумать). «Отъ красной республики прямой переходъ къ комунизму», — вотъ эта-то мысль и устрашала до сихъ поръ французовъ собственниковъ и столько времени должно было пройти, пока они вдругъ, въ огромномъ большинствѣ, теперь догадались, что ближайшіе-то сосѣди и будутъ самыми ожесточенными врагами, уже изъ одного только принципа самосохраненія. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на столь близкое сосѣдство красной республики съ комунизмомъ,—что, на дѣлѣ, можетъ быть враждебнѣе и радикально-противуположнѣе комунизму, какъ не республика, даже хотя-бы кровавая республика 93 года? Въ республикѣ прежде всего республиканская форма и «la république avant tout, avant la France». Въ республикѣ вся надежда лишь на форму: пусть будетъ «Макъ-Магонія» вмѣсто Франціи, но пусть только она называется республикой,—вотъ характеристика теперешней «побѣды» республиканцевъ во Франціи. Итакъ, въ формѣ ищутъ спасенія. Съ другой стороны, какое дѣло комунизму до республиканской формы, когда онъ въ основѣ своей отрицаетъ не только всякую форму правленія, но и само государство, но и все современное общество? Эту прямую противоположность, этотъ взаимный антитезъ двухъ силъ нужно было восемьдесятъ лѣтъ сознавать массѣ французовъ, но наконецъ-то она сознала его и—утвердила республику: врагу выставила наконецъ

самаго опаснѣйшаго и самаго естественнаго ему соперника. Не захочетъ ни за что республика, перейдя въ комунизмъ, уничтожиться. Въ сущности республика есть самое естественное выраженіе и форма буржуазной идеи, да и вся буржуазія-то французская есть дитя республики, создалась и организовалась лишь республикой, въ первую революцію. Такимъ образомъ, обособленіе совершилось окончательно. Скажутъ, что война еще далеко. Врядъ-ли такъ далеко. Можетъ быть, даже и лучше не желать отдаленія развязки. Ужь и теперь соціализмъ проѣлъ Европу, а къ тому времени уже подточитъ все окончательно. Князь Бисмаркъ про это знаетъ, но слишкомъ по нѣмецки надѣется на кровь и желѣзо. Но что тутъ сдѣлаешь кровью и желѣзомъ?..

V.

Сила мертвая и силы грядущія.

Скажутъ: но все-таки теперь, сейчасъ, нѣтъ ни малѣйшей причины тревожиться, все ясно, все свѣтло: во Франціи «Макъ-Магонія», на Востокѣ великое соглашеніе державъ, военные бюджеты увеличиваются непомѣрно и повсемѣстно,—какъ-же не миръ?

А Папа? Вѣдь онъ сегодня-завтра умретъ и—что тогда будетъ? Неужели римское католичество согласится умереть съ нимъ вмѣстѣ для компаніи? О, никогда оно такъ не жаждало жить какъ теперь! Впрочемъ, наши пророки развѣ могутъ не смѣяться надъ Папой? Вопросъ о Папѣ у насъ даже и не ставится вовсе, и обращенъ ни во что. А между тѣмъ это «обособленіе» слишкомъ огромное и слишкомъ полное самыхъ необъятныхъ и невмѣстимыхъ желаній, чтобъ согласиться отказаться отъ нихъ ради мира всего міра. Да и для чего, въ угоду чему отказаться? Ради человѣчества, что-ли? Оно давно уже считаетъ себя выше всего человѣчества. До сихъ поръ оно блудодѣйствовало лишь съ сильными земли и надѣялось на нихъ до послѣдняго срока. Но срокъ этотъ пришелъ теперь, кажется, окончательно и римское католичество несомнѣнно броситъ властителей земныхъ, которые впрочемъ сами ему измѣнили и давно уже въ Европѣ затѣяли на него всеобщую травлю, а теперь, въ наши дни, уже окончательно организовавшуюся. Чтожь, римское католичество и не такіе повороты продѣлывало: разъ, когда надо было, оно, не задумавшись, продало Христа за земное владѣніе. Провозгласивъ, какъ догматъ, «что

Digitized by Google

христіанство на землѣ удержаться не можетъ безъ земнаго владѣнія Папы», оно тѣмъ самымъ провозгласило Христа новаго, на прежняго не похожаго, прельстившагося на третье дьяволово искушеніе, на царства земныя: «Все сіе отдамъ тебѣ, поклонися мнѣ»! О, я слышалъ горячія возраженія на эту мысль; мнѣ возражали, что вѣра и образъ Христовъ и понынѣ продолжаютъ еще жить въ сердцахъ множества католиковъ во всей прежней истинѣ и во всей чистотѣ. Это несомнѣнно такъ, но главный источникъ замутился и отравленъ безвозвратно. Къ тому-же Римъ слишкомъ еще недавно провозгласилъ свое согласіе на третье дьяволово искушеніе въ видѣ твердаго догмата, а потому всѣхъ прямыхъ послѣдствій этого огромнаго рѣшенія намъ еще замѣтить нельзя было. Замѣчательно, что провозглашеніе этого догмата, это открытіе «всего секрета», произошло именно въ то самое мгновеніе, когда объединенная Италія стучалась уже въ ворота Рима. У насъ многіе тогда надъ этимъ смѣялись: «сердитъ да не силенъ»... Только на врядъ-ли не силенъ. Нѣтъ, такіе люди, способные на такія рѣшенія и повороты, не могутъ умереть безъ боя. Возразятъ, что это и всегда такъ было въ католичествѣ, по крайней мѣрѣ, подразумѣвалось, и что, стало быть, вовсе не было никакого переворота. Да, но всегда былъ секретъ: Папа много вѣковъ дѣлалъ видъ, что доволенъ крошечнымъ владѣньицемъ своимъ, Папскою Областью, но все это лишь единственно для аллегоріи; главное-же въ томъ, что въ этой аллегоріи неизмѣнно таилось зерно главной мысли, съ несомнѣнной и всегдашней надеждой Папства, что зерно это разовьется въ будущемъ въ пышное древо и осѣнитъ имъ всю землю. И вотъ, въ самое послѣднее мгновеніе, когда отнимали отъ него послѣднюю десятину его земнаго владѣнія, владыка католичества, видя смерть свою, вдругъ возстаетъ и изрекаетъ всю правду о себѣ всему міру: «Это вы думали, что я только титуломъ государя папской области удовольствуюсь? Знайте-же, что я всегда считалъ себя владыкой всего міра и всѣхъ царей земныхъ, и не духовнымъ только, а земнымъ, настоящимъ ихъ господиномъ, властителемъ и императоромъ. Это я—царь надъ царями и господинъ надъ господствующими, и мнѣ одному принадлежатъ на землѣ судьбы, времена и сроки; и вотъ я всемірно объявляю это теперь въ догматѣ моей непогрѣшимости». Нѣтъ, тутъ сила; это величаво, а не смѣшно; это—воскрешеніе древней римской идеи всемірнаго владычества и единенія, которая никогда и не умирала въ римскомъ католичествѣ; это Римъ Юліана-Отступника, но не побѣжденнаго, а какъ-бы побѣдившаго Христа въ новой и послѣдней битвѣ. Такимъ образомъ продажа истиннаго Христа за царства земныя совершилась.

Digitized by Google

И въ Римскомъ католичествѣ она совершится и закончится и на дѣлѣ. Повторяю, у этой страшной арміи слишкомъ вострые глаза, чтобы не разглядѣть, наконецъ, гдѣ теперь настоящая сила, на которую-бы ей опереться. Потерявъ союзниковъ царей, католичество несомнѣнно бросится къ демосу. У него десятки тысячъ соблазнителей, премудрыхъ, ловкихъ, сердцевѣдовъ и психологовъ, діалектиковъ и исповѣдниковъ, а народъ всегда и вездѣ былъ прямодушенъ и добръ. Къ тому-же во Франціи, а теперь такъ даже и во многихъ мѣстахъ Европы, народъ хоть и ненавидитъ вѣру, и презираетъ ее, но все-же Евангелія не знаетъ совсѣмъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи. Всѣ эти сердцевѣды и психологи бросятся въ народъ и понесутъ ему Христа новаго, уже на все согласившагося, Христа объявленнаго на послѣднемъ римскомъ нечестивомъ соборѣ. «Да, друзья и братья наши, скажутъ они, все объ чемъ вы хлопочете,—все это есть у насъ для васъ въ этой книгѣ давно уже, и ваши предводители все это украли у насъ. Если-же до сихъ поръ мы говорили вамъ немного не такъ, то это потому лишь что до сихъ поръ вы были еще какъ малыя дѣти и вамъ рано было узнавать истину, но теперь пришло время и вашей правды. Знайте-же, что у Папы есть ключи Святаго Петра и что вѣра въ Бога есть лишь вѣра въ Папу, который на землѣ самимъ Богомъ поставленъ вамъ вмѣсто Бога. Онъ непогрѣшимъ и дана ему власть божеская и онъ владыка временъ и сроковъ; онъ рѣшилъ теперь, что насталъ и вашъ срокъ. Прежде главная сила вѣры состояла въ смиреніи, но теперь пришелъ срокъ смиренію, и Папа имѣетъ власть отмѣнить его, ибо ему дана всякая власть. Да, вы всѣ братья и самъ Христосъ повелѣлъ быть всѣмъ братьями; если-же старшіе братья ваши не хотятъ васъ принять къ себѣ какъ братьевъ, то возьмите палки и сами войдите въ ихъ домъ и заставьте ихъ быть вашими братьями силой. Христосъ долго ждалъ, что развратные старшіе братья ваши покаются, а теперь онъ самъ разрѣшаетъ намъ провозгласить: «Fraternité ou la mort», (Будь мнѣ братомъ или голову долой!) Если братъ твой не хочетъ раздѣлить съ тобой пополамъ свое имѣніе, то возьми у него все, ибо Христосъ долго ждалъ его покаянія, а теперь пришелъ срокъ гнѣва и мщенія. Знайте тоже, что вы безвинны во всѣхъ бывшихъ и будущихъ грѣхахъ вашихъ, ибо всѣ грѣхи ваши происходили лишь отъ вашей бѣдности. И если вамъ уже возвѣщали про это, еще прежде, ваши бывшіе предводители и учители, то знайте, что хоть они и правду вамъ говорили, но власти не имѣли вамъ возвѣщать ее раньше срока, ибо власть эту имѣетъ одинъ только Папа отъ самого Бога, а доказательство въ томъ, что эти учители ваши ни до

Digitized by Google

чего васъ путнаго не довели, кромѣ казней и пущихъ бѣдствій, и что всякое начинаніе ихъ погибало само собой; да къ тому-же они всѣ мошенничали, чтобъ, опираясь на васъ, показаться сильными и потомъ продать себя подороже врагамъ вашимъ. А Папа васъ не продастъ, потому что надъ нимъ нѣтъ сильнѣйшаго, и самъ онъ первый изъ первыхъ, только вѣруйте, да и не въ Бога, а только въ Папу и въ то, что лишь онъ одинъ есть царь земной, а прочіе должны исчезнуть, ибо и имъ срокъ пришелъ. Радуйтесь-же теперь и веселитесь, ибо теперь наступилъ рай земной, всѣ вы станете богаты, а черезъ богатство и праведны, потому что всѣ ваши желанія будутъ исполнены и у васъ будетъ отнята всякая причина ко злу». Слова эти льстивыя, но безъ сомнѣнія демосъ приметъ предложеніе: онъ разглядитъ въ неожиданномъ союзникѣ объединяющую великую силу, на все соглашающуюся и ни чему не мѣшающую, силу дѣйствительную и историческую, вмѣсто предводителей мечтателей и спекулянтовъ, въ практическія способности которыхъ, а иногда и въ честность, онъ и теперь сплошь да рядомъ не вѣруетъ. Тутъ-же вдругъ и точка приложенія силы готова и рычагъ даютъ въ руки, стоитъ лишь налечь всей массой и повернуть. А народъ-ли не повернетъ, онъ-ли не масса? А въ довершеніе ему даютъ опять вѣру и успокоиваютъ тѣмъ сердца слишкомъ многихъ, ибо слишкомъ многіе изъ нихъ давно уже чувствовали тоску безъ Бога...

Я уже разъ говорилъ обо всемъ этомъ, но говорилъ мелькомъ въ романѣ. Пусть мнѣ простятъ мою самонадѣянность, но я увѣренъ, что все это несомнѣнно осуществится въ западной Европѣ, въ той или другой формѣ, т. е., католичество бросится въ демократію, въ народъ и оставитъ царей земныхъ за то, что тѣ сами его оставили. Всѣ власти въ Европѣ тоже его презираютъ, потому что оно на видъ теперь слишкомъ бѣдно и слишкомъ побѣждено, но все-же не представляютъ его себѣ въ такомъ комическомъ видѣ и положеніи, въ какомъ, столь простодушно, представляется оно нашимъ политическимъ публицистамъ. А, однако, не сталъ-бы, напримѣръ, Бисмаркъ такъ преслѣдовать его, если-бъ не почувствовалъ въ немъ страшнаго, ближайшаго и скораго врага въ будущемъ. Князь Бисмаркъ человѣкъ слишкомъ гордый, чтобъ напрасно тратить столько силы съ комически безсильнымъ врагомъ. Но Папа сильнѣе его. Повторяю: теперь папство есть, можетъ быть, самое страшное «обособленіе» изъ всѣхъ грозящихъ миру всего міра. А грозитъ миру многое. И никогда еще Европа не была начинена такими элементами вражды, какъ въ наше время. Точно все подкопано и начинено порохомъ и ждетъ только первой искры...

Digitized by Google

«Да намъ-то что? Это все тамъ въ Европѣ, а не у насъ? А намъ то, что къ намъ-же вѣдь и застучится Европа и закричитъ, чтобъ мы шли спасать ее, когда пробьетъ послѣдній часъ ея «теперешнему порядку вещей». И она потребуетъ нашей помощи какъ-бы по праву, потребуетъ съ вызовомъ и приказаніемъ; она скажетъ намъ, что и мы Европа, что и у насъ, стало быть, такой-же точно «порядокъ вещей», какъ и у нихъ, что не даромъ-же мы подражали имъ двѣсти лѣтъ и хвастались, что мы европейцы, и что, спасая ее, мы, стало быть, спасемъ и себя. Конечно, мы, можетъ быть, и не расположены-бы были рѣшить дѣло единственно въ пользу одной стороны, но подъ силу-ли намъ будетъ такая задача и не отвыкли-ль мы давно отъ всякой мысли о томъ, въ чемъ заключается наше настоящее «обособленіе», какъ націи, и въ чемъ настоящая наша роль въ Европѣ? Мы не только не понимаемъ теперь подобныхъ вещей, но и вопросовъ такихъ не допускаемъ, и слушать объ нихъ считаемъ за глупость и за отсталость нашу. И если дѣйствительно Европа постучится къ намъ за тѣмъ, чтобъ мы вставали и шли спасать ея l'Ordre, то, можетъ быть, тогда-то лишь въ первый разъ мы и поймемъ, всѣ вдругъ разомъ, до какой степени мы все время не похожи были на Европу, не смотря на все двухсотлѣтнее желаніе и мечты наши стать Европой, доходившія у насъ до такихъ страстныхъ порывовъ. А пожалуй не поймемъ и тогда, ибо будетъ поздно. А если такъ, то ужь, конечно, не поймемъ и того, чего Европѣ отъ насъ надо, чего она у насъ проситъ и чѣмъ дѣйствительно мы могли-бы помочь ей? И не пойдемъ-ли мы напротивъ усмирять врага Европы и ея порядка тѣмъ-же самымъ желѣзомъ и кровью, какъ и князь Бисмаркъ? О, тогда, въ случаѣ такого подвига, мы уже смѣло могли-бы поздравить себя *вполнѣ европейцами*.

Но все это впереди, все это такія фантазіи, а теперь все такъ ясно, ясно!

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Донъ-Карлосъ и сэръ Уаткинъ. Опять признаки „начала конца“.

Я съ большимъ любопытствомъ прочелъ о въѣздѣ Донъ-Карлоса въ Англію. Всегда говорятъ, что дѣйствительность скучна, однообразна; чтобы развлечь себя прибѣгаютъ къ искусству, къ фантазіи, читаютъ романы. Для меня, напротивъ: что можетъ быть фантастичнѣе и неожиданнѣе дѣйствительности? Что можетъ быть даже невѣроятнѣе иногда дѣйствительности? Никогда романисту не представить такихъ невозможностей, какъ тѣ, которыя дѣйствительность представляетъ намъ каждый день тысячами, въ видѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей. Иного даже вовсе и не выдумать никакой фантазіи. И какое преимущество надъ романомъ! Попробуйте, *сочините* въ романѣ эпизодъ, хоть съ присяжнымъ повѣреннымъ Куперникомъ, выдумайте его сами и критикъ въ слѣдующее-же воскресенье, въ фельетонѣ, докажетъ вамъ ясно и непобѣдимо, что вы бредите и что въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ и, главное, никогда и не можетъ случиться, потому-то и потому-то. Кончится тѣмъ, что вы сами со стыдомъ согласитесь. Но вотъ вамъ приносятъ «Голосъ» и вдругъ въ немъ вы читаете весь эпизодъ объ нашемъ стрѣлкѣ и—и что-же: сначала вы читаете съ удивленіемъ, съ ужаснымъ удивленіемъ, даже такъ, что пока читаете, вы ничему не вѣрите; но чуть вы прочитали до послѣдней точки, вы откладываете газету и вдругъ, сами не зная почему, разомъ говорите себѣ: «да, все это непремѣнно такъ и должно было случиться». А иной такъ даже прибавитъ: «я это предчувствовалъ». Почему такая разница въ впечатлѣніяхъ отъ романа и отъ газеты—не знаю, но такова ужь привилегія дѣйствительности.

Донъ-Карлосъ, спокойно и торжественно въѣзжающій гостемъ въ Англію, послѣ крови и рѣзни «во имя Короля, Вѣры и Богородицы»—вотъ еще фигура, вотъ еще обособленіе! Ну можно-ль выдумать что нибудь подобное самому? Кстати, помните-ли вы эпизодъ, два года назадъ, съ графомъ Шамборомъ (Генрихъ V)? Это—тоже король, легитимистъ и тоже отыскивалъ свой престолъ в Франціи, въ одно и то же время, какъ Донъ-Карлосъ въ Испаніи

Digitized by Google

Они даже могутъ считаться другъ другу родственниками, одной фамиліи и одного корня, но какая разница! Одинъ—твердо замкнувшійся въ своихъ убѣжденіяхъ, фигура меланхолическая, изящная, человѣчная. Графъ Шамборъ, въ самый роковой моментъ, когда дѣйствительно могъ стать королемъ (конечно, на мгновеніе),—не прельстился ничѣмъ, не отдалъ своего «бѣлаго знамени» и тѣмъ доказалъ, что онъ великодушный и истинный рыцарь, почти донъ-Кихотъ, древній рыцарь съ обѣтомъ цѣломудрія и нищеты, достойная фигура, чтобъ величаво заключить собою свой древній родъ королей. (Величаво и только развѣ капельку смѣшно, но безъ смѣшнаго и не бываетъ жизни). Онъ отвергъ власть и тронъ единственно потому, что хотѣлъ стать королемъ Франціи не для себя только, а для ея-же спасенія, а такъ какъ, по его взгляду, спасеніе не согласовалось съ уступками, которыя отъ него требовались (уступками очень возможными), то онъ и не захотѣлъ царствовать. Какая разница съ недавнимъ Наполеономъ, пройдохой и пролетаріемъ, обѣщавшимъ все, отдавшимъ все и надувшимъ всѣхъ, только чтобъ достигнуть власти. Я сейчасъ приравнялъ графа Шамбора къ Донъ-Кихоту, но я выше похвалы не знаю. Кто это, Гейне что-ли, разсказывалъ, какъ онъ, ребенкомъ, плакалъ, обливаясь слезами, когда, читая Донъ-Кихота, дошелъ до того мѣста, какъ побѣдилъ его презрѣнный и здравомыслящій цирюльникъ Самсонъ Караско. Во всемъ мірѣ нѣтъ глубже и сильнѣе этого *сочиненія*. Это пока послѣднее и величайшее слово человѣческой мысли, это самая горькая иронія, которую только могъ выразить человѣкъ, и если-бъ кончилась земля, и спросили тамъ, гдѣ-нибудь, людей: «Что вы, поняли-ли вашу жизнь на землѣ и что объ ней заключили?»—то человѣкъ могъ-бы молча подать Донъ-Кихота: «Вотъ мое заключеніе о жизни и—можете-ли вы за него осудить меня?» Я не утверждаю, что человѣкъ былъ-бы правъ сказавъ это, но...

Донъ Карлосъ, родственникъ графа Шамбора, тоже рыцарь, но въ этомъ рыцарѣ виденъ Великій Инквизиторъ. Онъ пролилъ рѣки крови ad majorem gloriam Dei, и во имя Богородицы, кроткой мольщицы за людей, «скорой заступницы и помощницы», какъ именуетъ ее народъ нашъ. Ему тоже, какъ и графу Шамбору, дѣлали предложенія,—и онъ тоже отвергъ ихъ. Это, кажется, случилось вскорѣ послѣ Бильбао и сейчасъ послѣ его большой побѣды, когда въ сраженіи погибъ главнокомандующій мадритской арміи. Тогда къ нему засылали узнать изъ Мадрита: «Что-бы онъ сказалъ, если-бъ его впустили въ Мадритъ, и не дастъ-ли онъ хоть какой нибудь програмки для возможнаго начатія переговоровъ»? Но онъ надменно отклонилъ всякую мысль о переговорахъ, и, конечно,

Digitized by Google

не изъ одной надменности, а тоже изъ глубоко-засѣвшаго въ душѣ принципа: не могъ онъ признать въ засылавшихъ воюющей стороны, и не могъ онъ, «Король», входить въ какія-бы то ни было соглашенія съ «революціей!» Сжато, полусловомъ, но ясно, онъ далъ знать, что «король самъ знаетъ, что надо ему сдѣлать, когда достигнетъ своей столицы», и больше ничего не прибавилъ. Отъ него, разумѣется, тотчасъ-же отвернулись и въ скорости позвали короля Альфонса. Благопріятная минута была потеряна, но онъ продолжалъ воевать; онъ писалъ манифесты высокимъ и величавымъ слогомъ, и самъ, первый, въ нихъ вѣрилъ вполнѣ; онъ надменно и величаво разстрѣливалъ своихъ генераловъ «за измѣну» и усмирялъ бунты своихъ измучившихся солдатъ и, надо ему отдать справедливость какъ воину, — воевалъ до самаго послѣдняго вершка земли. Теперь онъ, уѣзжая изъ Франціи въ Англію, объявилъ въ мрачномъ и гордомъ письмѣ къ французскимъ друзьямъ своимъ, что «доволенъ ихъ службой и поддержкой, что служа ему, они служили себѣ и что онъ всегда готовъ опять обнажить свой мечъ на призывъ несчастной страны своей». Не безпокойтесь, онъ еще явится. Кстати, этимъ письмомъ къ «друзьямъ» хоть капельку да объясняется загадка: на какія средства и на чьи деньги этотъ ужасный человѣкъ (молодой и прекрасный, говорятъ, собой) такъ долго и упорно могъ вести войну? Друзья-то, стало быть, и сильны и многочисленны. Кто-бы такіе? Вѣроятнѣе всего, что его наиболѣе поддерживала католическая церковь, какъ послѣднюю свою надежду изъ королей. А то никакіе друзья не могли-бы собрать ему столько милліоновъ.

Замѣтьте, что этотъ человѣкъ, гордо и рѣзко отвергнувшій всякое соглашеніе съ «революціей», поѣхалъ въ Англію и отлично зналъ прежде, что поѣдетъ искать гостепріимства въ этой свободомыслящей и вольной странѣ, революціонной — по его понятіямъ; какое однако совмѣщеніе понятій! И вотъ, при въѣздѣ его въ Англію и случился съ нимъ маленькій, но характерный эпизодъ. Сѣлъ онъ въ Булони на пароходъ, чтобъ высадиться въ Фокстонѣ; но на этомъ-же пароходѣ ѣхали въ Англію тоже гости, члены Булонскаго муниципалитета, приглашенные англичанами на мирное торжество открытія новой желѣзнодорожной станціи въ Фокстонѣ. Этихъ гостей, въ числѣ которыхъ былъ и депутатъ отъ департамента Паде-Кале, ожидала на англійскомъ берегу, чтобъ привѣтствовать ихъ, толпа англичанъ, власти, нарядныя дамы, корпораціи и депутаціи разныхъ обществъ съ знаменами и съ музыкой. Тутъ случился одинъ членъ парламента, сэръ Эдуардъ Уаткинъ, въ сопровожденіи двухъ другихъ членовъ парламента. Узнавъ, что между пассажи-

Digitized by Google

рами прибылъ Донъ-Карлосъ, онъ мигомъ пошелъ къ нему представиться и засвидѣтельствовать свое почтеніе; онъ проводилъ его со всею вѣжливостью до станціи и усадилъ въ вагонъ въ отдѣльное закрытое купе. Но остальная публика была не такъ вѣжлива; при видѣ Донъ-Карлоса, когда онъ проходилъ и садился въ вагонъ, раздались свистки и шиканье. Такое поведеніе соотечественниковъ глубоко оскорбило сэра Уаткина. Онъ, впрочемъ, самъ это описалъ въ газетѣ и по возможности смягчилъ отзывъ о невѣжливомъ пріемѣ «гостя». Онъ разсказываетъ, что всему виною лишь одинъ нечаянный случай, а то все обошлось-бы иначе:

. . . «Въ минуту (повѣствуетъ онъ), когда мы входили на платформу и Донъ-Карлосъ приподнималъ шляпу въ отвѣтъ на возгласы нѣсколькихъ человѣкъ, привѣтствовавшихъ его, вѣтеръ развилъ знамя ассоціаціи Old Fellows и на этомъ знамени появилось изображеніе Милосердія, покровительствующаго дѣтямъ, съ девизомъ: «Не забудьте вдовъ и сиротъ»! Эффектъ былъ быстрый и поразительный: въ толпѣ раздался ропотъ, но онъ выражалъ скорѣе печаль чѣмъ порывы гнѣва. Хоть я и сожалѣю о происшедшемъ, но долженъ сказать, что ни одинъ народъ, собравшійся на веселое празднество, и внезапно очутившійся лицомъ къ лицу съ главнымъ актеромъ кровопролитной и братоубійственной войны, не выказалъ-бы столько вѣжливости, сколько выказало оной громадное большинство Фокстонской публики».

Какая своеобразность взгляда, какая твердость своего мнѣнія и какая ревнивая гордость за свой народъ! Можетъ быть, многіе изъ нашихъ либераловъ сочли-бы поведеніе сэра Уаткина чуть не за низость, за низкія чувства заискиванія передъ знаменитымъ человѣкомъ, за мелкое вылѣзаніе впередъ. Но сэръ Уаткинъ думаетъ не по нашему: О, онъ и самъ знаетъ, что пріѣхавшій гость есть главный актеръ кровопролитной и братоубійственной войны; но встрѣчая его, онъ, тѣмъ самымъ, удовлетворяетъ свою патріотическую гордость и изо всѣхъ силъ служитъ Англіи. Протягивая руку обагренному кровью тирану, отъ имени Англіи и въ санѣ члена парламента, онъ тѣмъ какъ-бы говоритъ ему: «Вы деспотъ, тиранъ, а все-таки пришли-же въ страну свободы искать въ ней убѣжища; того и ожидать было надо; Англія принимаетъ всѣхъ и никому не боится давать убѣжище: entrée et sortie libres; милости просимъ». И не одна невѣжливость «малой части собравшейся публики» огорчила его, а и то, что въ неудержимости чувства, въ свисткахъ и шиканьѣ онъ замѣтилъ промахъ противъ того собственнаго достоинства, какое должно быть неотмѣнно у каждаго истиннаго англичанина. Пусть тамъ, на континентѣ, и во всемъ человѣчествѣ, счи-

Digitized by Google

тается даже прекраснымъ, если народъ не сдерживаетъ оскорбленнаго чувства и публично клеймитъ злодѣя презрѣньемъ и свистками, будь онъ даже гость этого народа; но все это годится для какихъ нибудь тамъ парижанъ или нѣмцевъ: англичанинъ обязанъ вести себя иначе. Въ подобныя минуты онъ долженъ быть хладнокровенъ какъ джентльменъ и не высказывать своего мнѣнія. Гораздо лучше будетъ если гость ничего не узнаетъ о томъ, что о немъ думаютъ встрѣчающіе; а всего-бы лучше еслибъ каждый стоялъ неподвижно, заложивъ за спину руки, какъ прилично англичанину, и глядѣлъ на прибывшаго взглядомъ полнымъ холоднаго достоинства. Нѣсколько вѣжливыхъ возгласовъ, но вполголоса и умѣренно, ничему тоже не помѣщали-бы: гость тотчасъ-же различилъ-бы, что это лишь обычай и этикетъ, а что собственно волненія онъ не могъ у насъ возбудить никакого, будь онъ хоть семи пядей во лбу. А теперь, какъ закричали и засвистали, гость и подумаетъ, что это лишь безсмысленная уличная чернь, какъ и на континентѣ». Кстати, вспомнился мнѣ теперь одинъ премилый анекдотъ, который я прочелъ недавно, гдѣ и у кого не запомню, о маршалѣ Себастьяни и объ одномъ англичанинѣ, еще въ началѣ столѣтія, при Наполеонѣ 1-мъ. Маршалъ Себастьяни, важное тогда лицо, желая обласкать одного англичанина, которые всѣ были тогда въ загонѣ, потому что безпрерывно и упорно воевали съ Наполеономъ, сказалъ ему съ любезнымъ видомъ, послѣ многихъ похвалъ его націи:

— Если-бъ я не былъ французомъ, то желалъ-бы стать англичаниномъ.

Англичанинъ выслушалъ, но, нимало не тронутый любезностью, тотчасъ отвѣтилъ:

— А если-бъ я не былъ англичаниномъ, то я все-таки пожелалъ-бы стать англичаниномъ.

Такимъ образомъ, въ Англіи всѣ англичане и всѣ одинаково уважаютъ себя, можетъ быть, единственно за то, что они англичане. Ужь одного этого-бы, кажется, довольно для крѣпкой связи и для единенія людей въ странѣ этой: крѣпокъ пучокъ. И однако, на дѣлѣ, тамъ то же самое, что и вездѣ въ Европѣ: страстная жажда жить и потеря высшаго смысла жизни. Приведу здѣсь, тоже въ видѣ примѣра оригинальности, взглядъ одного англичанина на свою вѣру, протестантизмъ. Вспомнимъ, что англичане, въ огромномъ большинствѣ, народъ въ высшей степени религіозный: они жаждутъ вѣры и ищутъ ее безпрерывно, но, вмѣсто религіи, не смотря на государственную «англиканскую» вѣру, разсыпаны на сотни сектъ. Вотъ что говоритъ Сидней Доббель въ недавней статьѣ своей: «Мысли объ искусствѣ, философіи и религіи»:

Digitized by Google

«Католицизмъ великъ, прекрасенъ, премудръ и могучъ, — онъ самое устойчивое, самое благоразмѣрное изъ зданій, какія воздвигалъ человѣкъ, но онъ *не воспитателенъ* и вслѣдствіе того обреченъ на смерть; мало того, повиненъ смерти, ибо причиняетъ вредъ, и тѣмъ больше вреденъ, чѣмъ совершеннѣе его устройство. Протестантизмъ узокъ, безобразенъ, безстыденъ, неразуменъ, непослѣдователенъ, несогласенъ самъ съ собой; это вавилонъ словопренія и буквальности, это — клубъ состязанія полумыслящихъ педантовъ, полуграмотныхъ геніевъ и неграмотныхъ эгоистовъ всякаго рода, это — колыбель притворства и фанатизма; это — сборное праздничное мѣсто для всѣхъ вольноприходящихъ безумцевъ. Но онъ *воспитателенъ* и вслѣдствіе того ему суждено жить. Мало того: его слѣдуетъ питать и устраивать, окружать заботой и отстаивать въ борьбѣ, какъ необходимую потребность sine qua non, духовной жизни для человѣка».

Какое самое невозможное сужденіе! А между тѣмъ тысячи европейцевъ ищутъ своего спасенія въ такихъ-же заключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, здорово-ли то общество, въ которомъ серьезно и съ такимъ жаромъ выставляются такіе выводы о духовныхъ требованіяхъ человѣческихъ? «Протестантизмъ, видите-ли, дикъ, безобразенъ, безстыденъ, узокъ и глупъ, но онъ *воспитателенъ*, а потому надо его сохранять и отстаивать»! Во первыхъ, что за утилитаризмъ въ такомъ дѣлѣ и въ такомъ вопросѣ? Дѣло, которому должно быть все подчинено (если дѣйствительно Сидней Доббель хлопочетъ *о вѣрѣ*) — это дѣло, напротивъ, разсматривается лишь единственно съ точки зрѣнія его полезности англичанину. И ужь, конечно, такой утилитаризмъ стоитъ той невоспитательной замкнутости и законченности католичества, за которую этотъ протестантъ такъ его проклинаетъ. И не похожи-ли такія слова на иные отзывы тѣхъ «глубокихъ политическихъ и государственныхъ мыслителей» всѣхъ странъ и народовъ, изрекающихъ иногда премудрыя изрѣченія въ родѣ слѣдующихъ: «Бога нѣтъ, разумѣется, и вѣра вздоръ, но религія нужна для чернаго народа, потому что безъ нея его не сдержать». Въ томъ развѣ разница, что въ этомъ мнѣніи государственнаго мудреца, въ основѣ, холодный и жестокосердный развратъ, а Сидней Доббель — другъ человѣчества и хлопочетъ лишь о его прямой пользѣ. За то взглядъ на пользу драгоцѣненъ: вся польза въ томъ, видите-ли, что отворены ворота настежъ для всякаго сужденія и вывода; и въ умъ и въ сердце — entrée et sortie libres; ничего не заперто, не ограждено и не закончено; плыви въ безбрежномъ морѣ и спасай себя самъ, какъ хочешь. Сужденіе, впрочемъ, широкое, — широкое, какъ безбрежное море и ужь, конечно —

Digitized by Google

«ничего въ волнахъ не видно»; за то національное. О, тутъ глубокая искренность, но не правда-ли, что эта искренность граничитъ какъ-бы съ отчаяніемъ. Характеренъ тоже тутъ и пріемъ мышленія, характерно то, объ чемъ думаютъ, пишутъ и заботятся тамъ у себя эти люди: ну станутъ, напримѣръ, у насъ писать и заботиться наши публицисты о такихъ фантастическихъ предметахъ, да и ставить ихъ на такой высшій планъ? Такъ что можно-бы даже сказать, что мы, русскіе, люди съ гораздо болѣе реальнымъ, глубокимъ и благоразумнымъ взглядомъ, чѣмъ всѣ эти англичане. Но англичане не стыдятся ни своихъ убѣжденій, ни нашего объ нихъ заключенія; въ чрезвычайной искренности ихъ встрѣчается иногда даже нѣчто глубоко-трогательное. Вотъ что̀, напримѣръ, передавалъ мнѣ одинъ наблюдатель, особенно слѣдящій за этимъ въ Европѣ, о характерѣ иныхъ, уже совершенно атеистическихъ ученій и толковъ въ Англіи:

«Вы входите въ церковь, — служба благолѣпная, богатыя ризы, кадила, торжественность, тишина, благоговѣніе молящихся. Читается Библія, всѣ подходятъ и лобызаютъ святую книгу со слезами, съ любовью. И что-же? Это Церковь — атеистовъ. Всѣ молящіеся не вѣрятъ въ Бога; непремѣнный догматъ, непремѣнное условіе для вступленія въ эту Церковь — атеизмъ. Зачѣмъ-же они цѣлуютъ Библію, благоговѣйно выслушиваютъ чтеніе ея и плачутъ надъ нею? А затѣмъ что, отвергнувъ Бога, они поклонились «Человѣчеству». Они вѣрятъ теперь въ Человѣчество, они обоготворили и обожаютъ Человѣчество. А что̀ было человѣчеству дороже этой святой книги въ продолженіи столькихъ вѣковъ? Они преклоняются теперь предъ нею за любовь ея къ человѣчеству и за любовь къ ней человѣчества. Она благодѣтельствовала ему столько вѣковъ, она какъ солнце свѣтила ему, изливала на него силу и жизнь; и «хоть смыслъ ея теперь и утраченъ», но любя и боготворя человѣчество, — они не могутъ стать неблагодарными и забыть ея благодѣянія ему»...

Въ этомъ много трогательнаго и много энтузіазма. Тутъ дѣйствительное обоготвореніе человѣчества и страстная потребность проявить любовь свою; но какая однако-же жажда моленія, преклоненія, какая жажда Бога и Вѣры у этихъ атеистовъ и сколько тутъ отчаянія, какая грусть, какія похороны вмѣсто живой, свѣтлой жизни, бьющей свѣжимъ ключомъ молодости, силы и надежды! Но похороны-ли или новая грядущая сила, это еще для многихъ вопросъ. Позволю себѣ сдѣлать выписку изъ одного моего недавняго романа «Подростокъ». Объ этой «Церкви Атеистовъ» я узналъ лишь надняхъ гораздо позже того, какъ я окончилъ и напечаталъ романъ мой. У меня тоже объ Атеизмѣ — но это лишь мечта одного изъ русскихъ людей нашего времени, сороковыхъ годовъ, бывшихъ

Digitized by Google

помѣщиковъ-прогрессистовъ, страстныхъ и благородныхъ мечтателей рядомъ съ самою великорусскою широкостью жизни на практикѣ. Самъ этотъ помѣщикъ,—тоже безъ всякой вѣры и тоже обожаетъ человѣчество, «какъ и слѣдуетъ русскому прогрессивному человѣку». Онъ высказываетъ мечту свою о будущемъ человѣчествѣ, когда уже исчезнетъ въ немъ всякая идея о Богѣ, что̀, по его понятіямъ, несомнѣнно случится на всей землѣ.

„Я представляю себѣ, мой милый, началъ онъ съ задумчивою улыбкою: — что бой уже кончился и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комьевъ грязи и свистковъ, настало затишье, и люди остались *одни*, какъ желали: великая прежняя идея оставила ихъ; великій источникъ силъ, до сихъ поръ, питавшій ихъ, отходилъ какъ величавое, зовущее солнце, но это былъ уже какъ-бы послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что они остались совсѣмъ одни, и разомъ почувствовали великое сиротство. Милый мой мальчикъ, я никогда не могъ вообразить себѣ людей неблагодарными и оглупѣвшими. Осиротѣвшіе люди тотчасъ стали-бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе; они схватились-бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляютъ все другъ для друга. Исчезла-бы великая идея безсмертія, и приходилось-бы замѣнить ее: и весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, который и былъ Безсмертіе, обратился-бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили-бы землю и жизнь неудержимо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали-бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнею любовью. Они стали-бы замѣчать и открыли-бы въ природѣ такія явленія и тайны, какихъ и не предполагали прежде, ибо смотрѣли-бы на природу новыми глазами, взглядомъ любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спѣшили-бы цѣловать другъ друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это — все, что у нихъ остается. Они работали-бы другъ на друга, и каждый отдавалъ-бы всѣмъ все свое и тѣмъ однимъ былъ-бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ-бы и чувствовалъ, что всякій на землѣ — ему какъ отецъ и мать. „Пусть завтра послѣдній день мой, думалъ-бы каждый, смотря на заходящее солнце; но все равно, я умру, но останутся всѣ они, а послѣ нихъ дѣти ихъ“ — и эта мысль, что они останутся, все также любя и трепеща другъ за друга, замѣнила-бы мысль о загробной встрѣчѣ. О, они торопились-бы любить, чтобъ затушить великую грусть въ своихъ сердцахъ. Они были-бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались-бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ бы за жизнь и за счастіе каждаго. Они стали-бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились-бы того, какъ теперь, и ласкали-бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь, смотрѣли-бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ и во взглядахъ ихъ была-бы любовь и грусть“...

Не правда-ли, тутъ въ этой фантазіи есть нѣсколько сходнаго съ этою, уже дѣйствительно существующею «Церковью Атеистовъ».

Digitized by Google

II.

Лордъ Редстокъ.

Кстати ужь объ этихъ сектахъ. Говорятъ, въ эту минуту у насъ въ Петербургѣ Лордъ Редстокъ, тотъ самый, который еще три года назадъ проповѣдывалъ у насъ всю зиму и тоже создалъ тогда нѣчто въ родѣ новой секты. Мнѣ случилось его тогда слышать въ одной «залѣ», на проповѣди, и, помню, я не нашелъ въ немъ ничего особеннаго: онъ говорилъ ни особенно умно, ни особенно скучно. А между тѣмъ онъ дѣлаетъ чудеса надъ сердцами людей; къ нему льнутъ; многіе поражены: ищутъ бѣдныхъ чтобъ поскорѣй облагодѣтельствовать ихъ и почти хотятъ раздать свое имѣніе. Впрочемъ, это, можетъ быть, только у насъ въ Россіи; за границей-же онъ кажется не такъ замѣтенъ. Впрочемъ, трудно сказать, чтобъ вся сила его обаянія заключалась лишь въ томъ, что онъ лордъ и человѣкъ независимый, и что проповѣдуетъ онъ, такъ сказать, вѣру «чистую», барскую. Правда, всѣ эти проповѣдники—сектанты всегда уничтожаютъ, еслибъ даже и не хотѣли того, данный церковью образъ вѣры и даютъ свой собственный. Настоящій успѣхъ лорда Редстока зиждется единственно лишь на «обособленіи нашемъ», на оторванности нашей отъ почвы, отъ націи. Оказывается, что мы, то есть интелигентные слои нашего общества,—теперь какой-то ужь совсѣмъ чужой народикъ, очень маленькій, очень ничтожненькій, но имѣющій, однако, уже свои привычки и свои предразсудки, которые и принимаются за своеобразность, и вотъ, оказывается, теперь даже и съ желаніемъ своей собственной вѣры. Собственно про ученіе лорда трудно разсказать въ чемъ оно состоитъ. Онъ англичанинъ, но, говорятъ, не принадлежитъ и къ англиканской церкви и порвалъ съ нею, а проповѣдуетъ что-то свое собственное. Это такъ легко въ Англіи: тамъ и въ Америкѣ сектъ, можетъ быть, еще больше, чѣмъ у насъ въ нашемъ «черномъ народѣ». Секты скакуновъ, трясучекъ, конвульсьонеровъ, квакеровъ, ожидающихъ милленіума и наконецъ хлыстовщина (всемірная и древнѣйшая секта)—всего этого не перечтешь. Я, конечно, не въ насмѣшку говорю объ этихъ сектахъ, сопоставляя ихъ рядомъ съ лордомъ Редстокомъ, но кто отсталъ отъ истинной Церкви и замыслилъ свою, хотя-бы самую благолѣпную на видъ, непремѣнно кончитъ тѣмъ-же, чѣмъ эти секты. И пусть не морщат-

Digitized by Google

ся почитатели лорда: въ философской основѣ этихъ самыхъ сектъ, этихъ трясучекъ и хлыстовщины, лежатъ иногда чрезвычайно глубокія и сильныя мысли. По преданію, у Татариновой, въ Михайловскомъ замкѣ, около двадцатыхъ годовъ, вмѣстѣ съ нею и съ гостями ея, такими какъ напримѣръ одинъ тогдашній министръ, вертѣлись и пророчествовали и крѣпостные слуги Татариновой: стало быть, была-же сила мысли и порыва, если могло создаться такое «неестественное» единеніе вѣрующихъ, а секта Татариновой была, повидимому, тоже хлыстовщина, или, одно изъ безчисленныхъ ея развѣтвленій. Я не слыхалъ изъ разсказовъ о лордѣ Редстокѣ, чтобъ у него вертѣлись и пророчествовали (верченіе и пророчество— есть необходимѣйшій и древнѣйшій атрибутъ почти всѣхъ этихъ западныхъ и нашихъ сектъ, по крайней мѣрѣ, чрезвычайнаго множества. И Тампліеры тоже вертѣлись и пророчествовали, тоже были хлыстовщиной и за это самое сожжены, а потомъ восхвалены и воспѣты французскими мыслителями и поэтами передъ первой революціей); я слышалъ только, что лордъ Редстокъ какъ-то особенно учитъ о «схожденіи благодати», и что, будто-бы, по выраженію одного передававшаго о немъ, у лорда «Христосъ въ карманѣ»— то есть чрезвычайно легкое обращеніе съ Христомъ и благодатью. О томъ-же, что бросаются въ подушки и ждутъ какого-то вдохновенія свыше, я, признаюсь, не понялъ, что передавали. Правда-ли, что лордъ Редстокъ хочетъ ѣхать въ Москву? Желательно, чтобъ на этотъ разъ никто изъ нашего духовенства не поддакивалъ его проповѣди. Тѣмъ не менѣе онъ производитъ чрезвычайныя обращенія и возбуждаетъ въ сердцахъ послѣдователей великодушныя чувства. Впрочемъ, такъ и должно быть: если онъ въ самомъ дѣлѣ искрененъ и проповѣдуетъ новую вѣру, то, конечно, и одержимъ всѣмъ духомъ и жаромъ основателя секты. Повторяю, тутъ плачевное наше обособленіе, наше невѣдѣніе народа, нашъ разрывъ съ національностью, а во главѣ всего—слабое, ничтожное понятіе о православіи. Замѣчательно, что о лордѣ Редстокѣ, кромѣ немногихъ исключеній, почти ничего не говоритъ наша пресса.

Digitized by Google

III.

Словцо объ отчетѣ ученой комиссіи о спиритическихъ явленіяхъ.

Обособленіе»-ли спириты? Я думаю что да. Нашъ возникающій спиритизмъ, по моему, грозитъ въ будущемъ чрезвычайно опаснымъ и скверным «обособленіемъ». «Обособленіе» есть вѣдь разъединеніе; я въ этомъ смыслѣ и говорю, что въ нашемъ молодомъ спиритизмѣ замѣтны сильные элементы къ восполненію и безъ того уже все сильнѣе и прогрессивнѣе идущаго разъединенія русскихъ людей. Ужасно мнѣ нелѣпо и досадно читать иногда, у нѣкоторыхъ мыслителей нашихъ, о томъ, что наше общество спитъ, дремлетъ, лѣниво и равнодушно; напротивъ, никогда не замѣчалось столько безпокойства, столько метанія въ разныя стороны и столько исканія чего нибудь такого на что-бы можно было нравственно опереться, какъ теперь. Каждая самая безпутная даже идейка, если только въ ней предчувствуется хоть малѣйшая надежда что-нибудь разрѣшить, можетъ надѣяться на несомнѣнный успѣхъ. Успѣхъ-же всегда ограничивается «обособленіемъ» какой нибудь новой кучки. Вотъ такъ и съ спиритизмомъ. И каково-же было мое разочарованіе, когда я прочелъ, наконецъ, въ «Голосѣ» отчетъ извѣстной комиссіи, о которой такъ всѣ кричали и возвѣщали, о спиритическихъ явленіяхъ, наблюдавшихся всю зиму въ домѣ г. Аксакова. А я-то такъ ждалъ и надѣялся, что этотъ отчетъ раздавитъ и раздробитъ это непотребное (въ его мистическомъ значеніи) новое ученіе. Правда, у насъ, повидимому, еще не замѣчается никакихъ *ученій*, а идутъ лишь пока одни «наблюденія»; но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Жаль, что въ эту минуту я не имѣю ни времени, ни мѣста подробнѣе изложить мою мысль; но въ слѣдующемъ, апрѣльскомъ моемъ «Дневникѣ», я, можетъ быть, и рѣшусь заговорить опять о спиритахъ. Впрочемъ, можетъ быть, я обвиняю отчетъ комиссіи напрасно: не она, конечно, виновата въ томъ, что я такъ сильно на нее надѣялся и что ожидалъ отъ нея, можетъ быть, совсѣмъ невозможнаго, чего она никогда и не могла дать. Но во всякомъ случаѣ «Отчетъ» грѣшитъ изложеніемъ, редакціей. Изложеніе это такого свойства, что въ немъ противники отчета, непремѣнно отыщутъ «предвзятое» отношеніе къ дѣлу (стало быть, весьма ненаучное), хотя, можетъ быть, въ комиссіи вовсе не было

Digitized by Google

столько этой «предвзятости», чтобъ можно было за то обвинить ее. (Немного-то предвзятости было, безъ этого у насъ уже никакъ нельзя). Но редакція грѣшитъ несомнѣнно: комиссія позволяетъ, напримѣръ, себѣ заключать о такихъ явленіяхъ спиритизма (о матеріализаціи духовъ, напримѣръ), которыя она, по собственному ея признанію, не наблюдала вовсе. Положимъ, она сдѣлала это въ видѣ, такъ сказать, нравоученія, въ нравоучительномъ и предупредительномъ смыслѣ, забѣгая впередъ явленій, для пользы общества, чтобъ спасти легкомысленныхъ людей отъ соблазна. Идея благородная, но врядъ-ли умѣстная въ настоящемъ случаѣ. Впрочемъ, что-же: неужели сама комиссія, состоящая изъ столькихъ ученыхъ людей, могла серьезно надѣяться затушить нелѣпую идею въ самомъ началѣ? Увы, еслибъ комиссія представила даже самыя явныя и прямыя доказательства «подлоговъ», даже еслибъ она изловила и изобличила «плутующихъ» на дѣлѣ и, такъ сказать, поймавъ ихъ за руки (чего впрочемъ отнюдь не случилось), то и тогда-бы ей никто не повѣрилъ изъ увлекшихся спиритизмомъ, даже изъ желающихъ только увлечься, по тому вѣковѣчному закону человѣческой природы, по которому, въ мистическихъ идеяхъ, даже самыя математическія доказательства—ровно ничего не значатъ. А тутъ, въ этомъ-то, въ нашемъ возникающемъ спиритизмѣ,—клянусь, на первомъ планѣ, лишь идея мистическая, и,—что-же вы съ нею можете сдѣлать? Вѣра и математическія доказательства—двѣ вещи несовмѣстимыя. Кто захочетъ повѣрить—того не остановите. А тутъ, вдобавокъ, и доказательства далеко не математическія.

Тѣмъ не менѣе отчетъ все-бы могъ быть полезенъ. Онъ могъ быть несомнѣнно полезенъ для всѣхъ еще несовращенныхъ и пока еще равнодушныхъ къ спиритизму. А теперь, при «хотѣніи вѣрить», хотѣнію можетъ быть дано новое оружіе въ руки. Да и слишкомъ презрительно-высокомѣрный тонъ отчета можно-бы было смягчить; право, можно подумать, читая его, что обѣ почтенныя стороны, во время наблюденій, почему либо лично поссорились. На массу это подѣйствуетъ не въ пользу «Отчета».

Digitized by Google

IV.

Единичныя явленія.

Но является и другой разрядъ явленій, довольно любопытный, особенно между молодежью. Правда, явленія пока единичныя. Рядомъ съ разсказами о нѣсколькихъ несчастныхъ молодыхъ людяхъ, «идущихъ въ народъ», начинаютъ разсказывать и о другой совсѣмъ молодежи. Эти новые молодые люди тоже безпокоятся, пишутъ къ вамъ письма, или сами приходятъ съ своими недоумѣніями, статьями и съ неожиданными мыслями, но совсѣмъ непохожими на тѣ, которыя мы до сихъ поръ въ молодежи встрѣчать привыкли. Такъ что есть нѣкоторый поводъ предположить, что въ молодежи нашей начинается нѣкоторое движеніе, совершенно обратное прежнему. Что-же, этого, можетъ быть, и должно было ожидать. Въ самомъ дѣлѣ: чьи они дѣти? Они именно дѣти тѣхъ «либеральныхъ» отцовъ, которые, въ началѣ возрожденія Россіи, въ нынѣшнее царствованіе, какъ-бы отторгнулись всей массой отъ общаго дѣла, вообразивъ, что въ томъ-то и прогрессъ и либерализмъ. А между тѣмъ—такъ какъ все это отчасти прошедшее,—много-ли было тогда воистину либераловъ, много-ли было дѣйствительно страдающихъ, чистыхъ и искреннихъ людей, такихъ какъ, напримѣръ, недавній еще тогда покойникъ Бѣлинскій (не говоря уже объ умѣ его?) Напротивъ; въ большинствѣ, это все-таки была лишь грубая масса мелкихъ безбожниковъ и крупныхъ безстыдниковъ, въ сущности тѣхъ-же хапугъ и «мелкихъ тирановъ», но фанфароновъ либерализма, въ которомъ они ухитрились разглядѣть лишь право на безчестье. И чего тогда не говорилось и не утверждалось, какія нерѣдко мерзости выставлялись за честь и доблесть. Въ сущности, это была грубая улица, и честная идея попала на улицу. А тутъ, какъ разъ, подоспѣло освобожденіе крестьянъ, а съ нимъ вмѣстѣ—разложеніе и «обособленіе» нашего интелигентнаго общества во всѣхъ возможныхъ смыслахъ. Люди не узнавали другъ друга, и либералы не узнавали своихъ-же либераловъ. И сколько было потомъ грустныхъ недоумѣній, тяжелыхъ разочарованій! Безстыднѣйшіе ретрограды вылетали иногда вдругъ впередъ, какъ прогрессисты и руководители, и имѣли успѣхъ. Что-же могли видѣть многія тогдашнія дѣти въ своихъ отцахъ, какія воспоминанія могли сохраниться въ нихъ отъ ихъ дѣтства и отрочества?

Digitized by Google

Цинизмъ, глумленіе, безжалостныя посягновенія на первыя нѣжныя, святыя вѣрованія дѣтей; затѣмъ нерѣдко открытый развратъ отцовъ и матерей, съ увѣреніемъ и *наученіемъ*, что такъ и слѣдуетъ, что это-то и истинныя «трезвыя» отношенія. Прибавьте множество разстроившихся состояній, а вслѣдствіе того нетерпѣливое недовольство, громкія слова, прикрывающія лишь эгоистическую, мелкую злобу за матеріальныя неудачи,—о, юноши могли это, наконецъ, разобрать и осмыслить! А такъ какъ юность чиста, свѣтла и великодушна, то, конечно, могло случиться, что иные изъ юношей не захотѣли пойти за такими отцами и отвергли ихъ «трезвыя» наставленія. Такимъ образомъ, подобное «либеральное» воспитаніе и могло произвести совсѣмъ обратныя слѣдствія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ примѣрахъ. Вотъ эти-то, можетъ быть, юноши и подростки и ищутъ теперь новыхъ путей и прямо начинаютъ съ отпора тому ненавистному имъ циклу идей, который встрѣтили они въ дѣтствѣ, въ своихъ жалкихъ родныхъ гнѣздахъ.

V.

О Юріѣ Самаринѣ.

Твердые и убѣжденные люди уходятъ: умеръ Юрій Самаринъ, даровитѣйшій человѣкъ, съ неколебавшимися убѣжденіями, полезнѣйшій дѣятель. Есть люди, заставляющіе всѣхъ уважать себя, даже несогласныхъ съ ихъ убѣжденіями. «Новое Время» сообщило о немъ одинъ чрезвычайно характеристическій разсказъ. Еще такъ недавно, въ концѣ февраля, въ проѣздъ черезъ Петербургъ, Самаринъ успѣлъ прочесть, въ февральскомъ № «Отечественныхъ Записокъ» статью князя Васильчикова: «Черноземъ и его будущность». Эта статья такъ подѣйствовала на него, что онъ не спалъ всю ночь:

«Это очень хорошая и вѣрная статья (сказалъ Самаринъ, на утро, своему пріятелю). Я ее читалъ вчера вечеромъ и она произвела на меня такое впечатлѣніе, что я не могъ заснуть; всю ночь такъ и мерещилась страшная картина безводной и безлѣсной пустыни, въ которую превращается наша средняя черноземная полоса Россіи отъ постояннаго, ничѣмъ не останавливаемаго уничтоженія лѣсовъ».

«Много-ли у насъ найдется людей, которые теряютъ сонъ въ

Digitized by Google

заботахъ о своей родинѣ?» прибавляетъ къ этому «Новое Время». Я думаю, что еще найдутся, и кто знаетъ, можетъ быть, теперь, судя по тревожному положенію нашему, еще больше, чѣмъ прежде. Безпокоящихся людей, въ самыхъ много различныхъ смыслахъ, у насъ всегда бывало довольно и мы вовсе ужь не такъ спимъ, какъ про насъ утверждаютъ; но не въ томъ дѣло, что есть безпокоющіеся, а въ томъ, какъ они судятъ, а съ Юріемъ Самаринымъ мы лишились твердаго и глубокаго мыслителя и вотъ въ чемъ утрата. Старыя силы отходятъ, а на новыхъ, на грядущихъ людей, пока еще только разбѣгаются глаза.

Digitized by Google

АПРѢЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Идеалы растительной стоячей жизни. Кулаки и Міроѣды. Высшіе господа подгоняющіе Россію.

Въ мартовскомъ № «Русскаго Вѣстника» сего года помѣщена на меня «критика», г. А., т. е. г. Авсѣенко. Отвѣчать г. Авсѣенко нѣтъ никакой выгоды: трудно представить писателя менѣе вникающаго въ то, что онъ пишетъ. А впрочемъ еслибъ онъ и вникалъ, то вышло-бы тоже самое. Все, что въ статьѣ его касается до меня, написано имъ на тему, что не мы, культурные люди, должны преклониться передъ народомъ, — ибо «идеалы народные суть по преимуществу идеалы растительной стоячей жизни»,— а что, напротивъ, народъ долженъ просвѣтиться отъ насъ, культурныхъ людей, и усвоить нашу мысль и нашъ образъ. Однимъ словомъ, г. Авсѣенкѣ очень не понравились мои слова въ февральскомъ «Дневникѣ» о народѣ. Я полагаю, что тутъ лишь одна неясность, въ которой я самъ виноватъ. Неясность и надо разъяснить, отвѣчать-же г. Авсѣенко буквально нельзя. Что вы, напримѣръ, будете имѣть общаго съ человѣкомъ, который вдругъ говоритъ о народѣ, напримѣръ, такія слова:

„На его плечахъ (т. е. на плечахъ народа), на его терпѣніи и самопожертвованіи, на его живучей силѣ, горячей вѣрѣ и великодушномъ презрѣніи къ собственнымъ интересамъ—создалась независимость Россіи, ея сила и способность къ историческому призванію. Онъ сохранилъ намъ чистоту христіанскаго идеала, высокій и смиренный въ своемъ величіи героизмъ и тѣ прекрасныя черты славянской природы,

Digitized by Google

которыя, отразившись въ бодрыхъ звукахъ Пушкинской поэзіи, *постоянно питали потомъ живую струю нашей литературы*"...

И вотъ, только что это написалось (т. е. переписалось изъ славянофиловъ), на слѣдующей-же страницѣ г. Авсѣенко сообщаетъ про тотъ-же русскій народъ совершенно противуположное:

„Дѣло въ томъ, что народъ нашъ не далъ намъ идеала дѣятельной личности. Все прекрасное, что мы замѣчаемъ въ немъ и что наша литература, къ ея великой чести, пріучила насъ любить въ немъ, является только на степени стихійнаго существованія, замкнутаго, идиллическаго (?) быта, или пассивной жизни. Какъ скоро выдѣляется изъ народа *дѣятельная, энергическая* личность, очарованіе по большей части исчезаетъ и чаще всего индивидуальность является въ непривлекальной формѣ міроѣда, кулака, самодура. Активныхъ идеаловъ въ народѣ до сихъ поръ нѣтъ и надѣяться на нихъ значитъ отправляться отъ неизвѣстной и, можетъ быть, мнимой величины".

И все это сказать сейчасъ-же послѣ того какъ на предъидущей страницѣ было объявлено, что на «плечахъ народа, на его терпѣніи и самопожертвованіи, на его живучей силѣ, горячей вѣрѣ и великодушномъ презрѣніи къ собственнымъ интересамъ— создалась независимость Россіи»! Да вѣдь, чтобъ выказать живучую силу, нельзя быть *только* пассивнымъ! А чтобы создать Россію нельзя было не проявить силы? Чтобы выказать *великодушное* презрѣніе къ собственнымъ интересамъ, непремѣнно надо было проявить великодушную и активную *дѣятельность* въ интересѣ другихъ, т. е. въ интересѣ общемъ, братскомъ. Чтобы «вынести на плечахъ своихъ» независимость Россіи, никакъ нельзя было сидѣть *пассивно* на мѣстѣ, а непремѣнно надо было хоть привстать съ мѣста и хоть разъ шагнуть; по крайней мѣрѣ, хоть что нибудь сдѣлать, а между тѣмъ сейчасъ-же и прибавляется, что чуть народъ начнетъ что нибудь дѣлать, то тотчасъ заявляетъ себя «въ непривлекательныхъ формахъ міроѣда, кулака или самодура». Выходитъ, стало быть, что кулаки, міроѣды и самодуры и вынесли на плечахъ Россію. Значитъ, всѣ эти наши святые митрополиты (стоятели за народъ и строители земли русской), всѣ благочестивые князья наши, всѣ бояре и земскіе люди изъ тѣхъ, которые работали и служили Россіи до пожертвованія жизнью и имена которыхъ благоговѣйно сохранила исторія,—все это были только міроѣды, кулаки и самодуры! Можетъ быть, скажутъ, что г. Авсѣенко не про тогдашнихъ говорилъ, а про теперешнихъ,—а исторія эта тамъ сама по себѣ и что все то было при царѣ Горохѣ. Но въ такомъ случаѣ выходитъ, что народъ нашъ переродился? И про какой-же теперешній народъ говоритъ г. Авсѣенко? Откуда онъ его начинаетъ? Съ ре-

Digitized by Google

формы Петра? Съ культурнаго періода? Съ окончательнаго закрѣпощенія? Но въ такомъ случаѣ культурный г. Авсѣенко самъ себя выдаетъ; всякій скажетъ ему тогда: стоило васъ культурить, чтобъ взамѣнъ того развратить народъ и обратить его въ однихъ кулаковъ и мошенниковъ. Да неужели вы до такой степени «имѣете даръ одно худое видѣть», г. Авсѣенко? Неужели-жь народъ нашъ, закрѣпощенный именно ради вашей-же культуры (по крайней мѣрѣ, по ученію генерала Фадѣева), послѣ двухсотлѣтняго рабства своего заслужилъ отъ васъ, отъ окультурившагося человѣка, вмѣсто благодарности или даже жалости, лишь одинъ только этотъ высокомѣрный плевокъ про кулаковъ и мошенниковъ. (То, что вы похвалили его выше, я ни во что не считаю, ибо вы уничтожили это на другой-же страницѣ). За васъ-же онъ былъ двѣсти лѣтъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, чтобы вамъ ума изъ Европы прибыло, и вотъ вы, когда вамъ прибыло изъ Европы ума (?), изобоченившись передъ связаннымъ и оглядывая его съ культурной высоты своей, вдругъ заключаете о немъ, что «плохъ и пассивенъ и мало выказалъ дѣятельности (это связанный-то), а проявилъ лишь нѣкоторыя пассивныя добродѣтели, которыя хоть и питали литературу живыми соками, но въ сущности не стоятъ мѣднаго гроша, потому что чуть только народъ начнетъ дѣйствовать, какъ тотчасъ-же является «кулакомъ и мошенникомъ». Нѣтъ, не слѣдовало-бы отвѣчать г. Авсѣенко, и если я отвѣчаю, то единственно признавая за собою собственный промахъ, который и объясню ниже. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ ужь пришлось къ слову, все-таки считаю не лишнимъ дать нѣкоторое понятіе читателю и о г. Авсѣенко. Онъ представляетъ собою, какъ писатель, весьма интересный для наблюденія маленькій культурный типъ своего рода, имѣющій нѣкоторое общее значеніе, что̀ весьма даже не хорошо.

II.

Культурные типики. Повредившіеся люди.

Авсѣенко давно пишетъ критики, нѣсколько лѣтъ уже, и я, каюсь въ томъ, все еще возлагалъ на него нѣкоторыя надежды: «выпишется, думалъ я, и что нибудь скажетъ»; но я мало зналъ его. Заблужденіе мое продолжалось вплоть до октябрьскаго № «Русскаго Вѣстника» 1874 года, въ которомъ г. Авсѣенко въ статьѣ своей, по поводу комедій и драмъ Писемскаго, вдругъ произнесъ слѣдующее:

Digitized by Google

...«Гоголь заставилъ нашихъ писателей слишкомъ небрежно относиться къ внутреннему содержанію произведеній и слишкомъ полагаться на одну только художественность. Такой взглядъ на задачу беллетристики раздѣлялся весьма многими въ нашей литературѣ сороковыхъ годовъ и въ немъ отчасти лежитъ причина: почему *эта литература была бѣдна внутреннимъ содержаніемъ* (!)».

Это литература-то сороковыхъ годовъ была бѣдна внутреннимъ содержаніемъ! Такого страннаго извѣстія я не ожидалъ во всю мою жизнь. Это та самая литература, которая дала намъ полное собраніе сочиненій Гоголя, его комедію: «Женитьба» (бѣдную внутреннимъ содержаніемъ, ухъ!) дала намъ потомъ его «Мертвыя Души» (бѣдныя внутреннимъ содержаніемъ—да хоть-бы что другое сказалъ человѣкъ, ну первое слово, которое на умъ пришло, все-бы лучше вышло). Затѣмъ вывела Тургенева съ его «Записками Охотника» (и эти бѣдны внутреннимъ содержаніемъ?), затѣмъ Гончарова, написавшаго еще въ 40-хъ годахъ Обломова и напечатавшаго тогда-же лучшій изъ него эпизодъ «Сонъ Обломова», который съ восхищеніемъ прочла вся Россія! Это та литература, которая дала намъ, наконецъ, Островскаго,—но именно про типы-то Островскаго и разражается г. Авсѣенко въ этой-же статьѣ самыми презрительными плевками:

„Міръ чиновниковъ оказался, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, не вполнѣ доступенъ для театральной сатиры; за то съ тѣмъ большимъ усердіемъ и пристрастіемъ устремилась наша комедія въ міръ замоскворѣцкаго и апраксинскаго купечества, въ міръ странницъ и свахъ, пьяныхъ приказныхъ, бурмистровъ, причетниковъ, питерщиковъ. Задача комедіи съузилась непостижимымъ образомъ до копированія пьянаго или безграмотнаго жаргона, воспроизведенія дикихъ ухватокъ, грубыхъ и оскорбительныхъ для человѣческаго чувства типовъ и характеровъ. На сценѣ безраздѣльно воцарился жанръ, не тотъ теплый, веселый, буржуазный (?) жанръ, который порою такъ плѣнителенъ на французской сценѣ (это водевильчикъ-то: одинъ залѣзъ подъ столъ, а другой вытащилъ его за ногу?), а жанръ грубый, нечистоплотный и отталкивающій. Нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ г. Островскій, внесли въ эту литературу много таланта, сердца и юмора, но въ общемъ театръ нашъ пришелъ къ крайнему пониженію внутренняго уровня и весьма скоро оказалось, что ему *нечего сказать* образованной части общества, что онъ и дѣла не имѣетъ съ этой частью общества“.

Итакъ, Островскій понизилъ уровень сцены, Островскій ничего не сказалъ «образованной» части общества! Стало быть, необразованное общество восхищалось Островскимъ въ театрѣ и зачитывалось его произведеніями? О да, образованное общество, видители, ѣздило тогда въ Михайловскій театръ, гдѣ былъ тотъ «теп-

Digitized by Google

лый, веселый, буржуазный жанръ, который порою такъ плѣнителенъ на французской сценѣ». А Любимъ Торцовъ «грубъ, нечистоплотенъ». Про какое-же это образованное общество говоритъ г. Авсѣенко, любопытно-бы узнать? Грязь не въ Любимѣ Торцовѣ: «онъ душою чистъ», а грязь именно, можетъ быть, тамъ, гдѣ царствуетъ этотъ «теплый, буржуазный жанръ, который порою такъ плѣнителенъ на французской сценѣ». И что за мысль, что художественность исключаетъ *внутреннее содержаніе?* Напротивъ, даетъ его въ высшей степени: Гоголь въ своей «Перепискѣ» слабъ, хотя и характеренъ, Гоголь-же въ тѣхъ мѣстахъ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ, переставая быть художникомъ, начинаетъ разсуждать прямо отъ себя, просто слабъ и даже не характеренъ, а между тѣмъ его созданія, его Женитьба, его «Мертвыя Души» — самыя глубочайшія произведенія, самыя богатыя внутреннимъ содержаніемъ, именно по выводимымъ въ нихъ художественнымъ типамъ. Эти изображенія, такъ сказать, почти давятъ умъ глубочайшими непосильными вопросами, вызываютъ въ русскомъ умѣ самыя безпокойныя мысли, съ которыми, чувствуется это, справиться можно далеко не сейчасъ; мало того, еще справишься-ли когда нибудь? А г. Авсѣенко кричитъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» нѣтъ внутренняго содержанія! Но вотъ вамъ «Горе отъ ума», — вѣдь оно только и сильно своими яркими художественными типами и характерами, и лишь одинъ художественный трудъ даетъ все внутреннее содержаніе этому произведенію; чуть-же Грибоѣдовъ, оставляя роль художника, начинаетъ разсуждать самъ отъ себя, отъ своего личнаго ума (устами Чацкаго, самаго слабаго типа въ комедіи), то тотчасъ-же понижается до весьма незавиднаго уровня, несравненно низшаго даже и тогдашнихъ представителей нашей интеллигенціи. Нравоученія Чацкаго несравненно ниже самой комедіи и частью состоятъ изъ чистаго вздора. Вся глубина, все содержаніе художественнаго произведенія заключается, стало быть, только въ типахъ и характерахъ. Да и всегда почти такъ бываетъ.

Такимъ образомъ, читатель видитъ, съ какимъ критикомъ имѣетъ дѣло, и уже отсюда слышу вопросы: да зачѣмъ-же вы съ нимъ связываетесь? Повторяю еще разъ, что хочу лишь разъяснить собственную оплошность, а собственно г. Авсѣенко занимаюсь въ эту минуту, какъ и сказалъ выше, не какъ критикомъ, а какъ отдѣльнымъ и любопытнымъ литературнымъ явленіемъ. Тутъ своего рода типъ, мнѣ полезный. Я очень долго не понималъ г. Авсѣенко, — то есть, не статей его, я статей его и всегда не понималъ, да и нечего въ нихъ понимать или не понимать, — съ этой-же статьи въ октябрьскомъ № «Русскаго Вѣстника» 1874 года, я прямо уже

Digitized by Google

махнулъ рукой, впрочемъ, постоянно и глубоко недоумѣвая: какимъ это образомъ статьи такого сбивчиваго писателя появляются въ такомъ серьезномъ журналѣ какъ «Русскій Вѣстникъ»? Но вотъ вдругъ случилось одно комическое происшествіе — и я вдругъ понялъ г. Авсѣенко: онъ вдругъ началъ печатать въ началѣ зимы свой романъ «Млечный путь». (И зачѣмъ этотъ романъ пересталъ печататься!). Этотъ романъ мнѣ вдругъ разъяснилъ весь типъ писателя Авсѣенко. Собственно про романъ мнѣ даже и не идетъ говорить: я самъ романистъ и мнѣ не годится критиковать собрата. А потому я и не буду критиковать романъ нисколько, тѣмъ болѣе, что онъ доставилъ мнѣ нѣсколько искренно веселыхъ минутъ. Тамъ, напримѣръ, молодой герой, князь, въ оперѣ, въ ложѣ, всенародно хнычетъ, разчувствовавшись отъ музыки, а великосвѣтская дама пристаетъ къ нему въ умиленіи: «Вы плачете? Вы плачете?» Но не въ томъ совсѣмъ дѣло, а въ томъ, что я сущность писателя понялъ: г. Авсѣенко изображаетъ собою, какъ писатель, дѣятеля, потерявшагося на обожаніи высшаго свѣта. Короче, онъ палъ ницъ и обожаетъ перчатки, кареты, духи, помаду, шелковыя платья (особенно тотъ моментъ, когда дама садится въ кресло, а платье зашумитъ около ея ногъ и стана) и наконецъ лакеевъ, встрѣчающихъ барыню, когда она возвращается изъ итальянской оперы. Онъ пишетъ обо всемъ этомъ безпрерывно, благоговѣйно, молебно и молитвенно, однимъ словомъ, совершаетъ какъ будто какое-то даже богослуженіе. Я слышалъ (не знаю, можетъ быть, въ насмѣшку), что этотъ романъ предпринятъ съ тѣмъ чтобъ поправить Льва Толстаго, который слишкомъ объективно отнесся къ высшему свѣту въ своей «Аннѣ Карениной», тогда какъ надо было отнестись молитвеннѣе, колѣнопреклоненнѣе, и ужь конечно не стоило-бы объ этомъ обо всемъ говорить вовсе, если-бъ, повторяю, не разъяснился совсѣмъ новый культурный типъ. Оказывается вѣдь, что въ каретахъ-то, въ помадѣ-то и въ особенности въ томъ, какъ лакеи встрѣчаютъ барыню—критикъ Авсѣенко и видитъ всю задачу культуры, все достиженіе цѣли, все завершеніе двухсотлѣтняго періода нашего разврата и нашихъ страданій и видитъ совсѣмъ не смѣясь, а любуясь этимъ. Серьезность и искренность этого любованія составляетъ одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій. Главное въ томъ, что г. Авсѣенко, какъ писатель, не одинъ; и до него были «коленкоровыхъ манишекъ безпощадные ювеналы», но никогда въ такой молитвенной степени. Положимъ, что не всѣ они таковы, но въ томъ-то и бѣда моя, что я мало по малу наконецъ убѣдился, что такихъ представителей культуры даже чрезвычайное множество въ литературѣ и въ жизни, хотя-бы и не въ такомъ строгомъ и чи-

Digitized by Google

стомъ типѣ. Признаюсь, меня какъ-бы свѣтомъ озарило: послѣ этого, конечно, понятны пасквильныя слова на Островскаго и тотъ «теплый, веселый, буржуазный жанръ, который порою такъ плѣнителенъ на французской сценѣ». Э, тутъ вовсе даже и не Островскій, и не Гоголь, и не сороковые года, (очень ихъ надо!), тутъ просто Михайловскій петербургскій театръ, посѣщаемый высшимъ обществомъ и къ которому подъѣзжаютъ въ каретахъ,—вотъ это и все, вотъ это-то и увлекло, вотъ это-то и захватило писателя съ безпощадною силой, и прельстило его, закруживъ и замотавъ его умъ на вѣки. Повторяю опять, на это не надо смотрѣть съ одной лишь комической точки, все это гораздо любопытнѣе. Тутъ, однимъ словомъ, многое происходитъ отъ особаго рода маніи, почти болѣзненной, такъ сказать, слабости, которую надо-бы щадить. Карета высшаго свѣта ѣдетъ напримѣръ въ театръ: вы только посмотрите, какъ она ѣдетъ и какъ свѣтъ отъ фонарей, врываясь въ окошки кареты, веселитъ въ ней сидящую даму: это уже не перо, это молитва и этому надобно сострадать! Конечно, многіе изъ нихъ тщеславятся передъ народомъ какъ-бы чѣмъ-то и высшимъ перчатокъ; между ними много чрезвычайно даже либеральныхъ людей, почти республиканцевъ, а между тѣмъ нѣтъ-нѣтъ и скажется вдругъ перчаточникъ. Эта слабость, эта манія къ красотамъ высшаго свѣта съ его устрицами и сторублевыми арбузами на балахъ, эта манія,—какъ ни невинна, но она породила, напримѣръ, у насъ, даже крѣпостниковъ особаго рода между такими личностями, которыя и душъ-то своихъ никогда не имѣли; но разъ признавъ кареты и Михайловскій театръ за завершеніе культурнаго періода Россійской имперіи, они вдругъ стали совсѣмъ крѣпостниками по убѣжденію, и хотя вовсе не мыслятъ ничего закрѣпостить вновь, но, по крайней мѣрѣ, плюютъ на народъ со всею откровенностью и съ видомъ самаго полнаго культурнаго права. Вотъ они-то и сыплютъ на него удивительнѣйшія обвиненія: связаннаго двѣсти лѣтъ сряду дразнятъ пассивностью, бѣднаго, съ котораго драли оброкъ, обвиняютъ въ нечистоплотности, ненаученаго ничему обвиняютъ въ ненаучности, а битаго палками—въ грубости нравовъ, а подчасъ готовы обвинить даже за то, что онъ не напомаженъ и не причесанъ у парикмахера изъ Большой Морской. Это вовсе не преувеличеніе, это буквально такъ, и вотъ въ томъ-то все и дѣло, что не преувеличеніе. У нихъ отвращеніе отъ народа остервенѣлое и если когда и похвалятъ народъ,—ну, изъ политики, то наберутъ лишь громкихъ фразъ, для приличія, въ которыхъ сами не понимаютъ ни слова, потому что сами себѣ черезъ нѣсколько строкъ и противорѣчатъ. Кстати, припоминаю теперь одинъ случай, бывшій со мною два съ половиною года назадъ. Я ѣхалъ въ ва-

Digitized by Google

гонѣ въ Москву и ночью вступилъ въ разговоръ съ сидѣвшимъ подлѣ меня однимъ помѣщикомъ. Сколько я могъ разглядѣть въ темнотѣ, это былъ сухенькій человѣчекъ, лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ и какъ-бы нѣсколько распухшимъ носомъ и, кажется, съ больными ногами. Былъ онъ чрезвычайно порядочнаго типа — въ манерахъ, въ разговорѣ, въ сужденіяхъ и говорилъ даже очень толково. Онъ говорилъ про тяжелое и неопредѣленное положеніе дворянства, про удивительную дезорганизацію въ хозяйствѣ по всей Россіи, говорилъ почти безъ злобы, но съ строгимъ взглядомъ на дѣло и ужасно заинтересовалъ меня. И что-же вы думаете: вдругъ, какъ-то къ слову, совершенно не замѣтивъ того, онъ изрекъ, что считаетъ себя и въ физическомъ отношеніи несравненно выше мужика и что это ужь конечно безспорно.

— То есть, вы хотите сказать, какъ типъ нравственно развитаго и образованнаго человѣка? пояснилъ было я.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ не одна нравственная, а прямо физическая природа моя выше мужицкой; я *тѣломъ* выше и лучше мужика и это произошло отъ того, что въ теченіе множества поколѣній мы перевоспитали себя въ высшій типъ.

Спорить тутъ было нечего: этотъ слабый человѣчекъ, съ золотушнымъ краснымъ носомъ и съ больными ногами (въ подагрѣ, можетъ быть—дворянская болѣзнь) совершенно добросовѣстно считалъ себя физически, *тѣломъ*, выше и прекраснѣе мужика! Повторяю, въ немъ не было никакой злобы, но согласитесь, что этотъ беззлобный человѣкъ, даже и въ беззлобіи своемъ, можетъ вдругъ, при случаѣ, сдѣлать страшную несправедливость передъ народомъ, совершенно невинно, спокойно и добросовѣстно, именно вслѣдствіе презрительнаго взгляда его на народъ,—взгляда почти безсознательнаго, почти отъ него независящаго.

Тѣмъ не менѣе, собственную оплошность мою мнѣ поправить необходимо. Я написалъ тогда объ идеалахъ народа и о томъ, что мы, «какъ блудные дѣти, возвратясь домой, должны преклоняться передъ правдой народной и ждать отъ нея лишь одной мысли и образа. Но что, съ другой стороны, и народъ долженъ взять у насъ нѣчто изъ того, что мы принесли съ собой, что это *нѣчто* существуетъ дѣйствительно, не миражъ, имѣетъ образъ, форму и вѣсъ, и что, въ противномъ случаѣ, если не согласимся, то пусть уже лучше разойдемся и погибнемъ врознь». Вотъ это-то всѣмъ, какъ вижу теперь, и показалось неяснымъ. Во первыхъ, стали спрашивать: что за такіе идеалы у народа, передъ которыми надо преклоняться; а во вторыхъ: что я подразумѣваю подъ тою драгоцѣнностью, которую мы принесли съ собой и которую долженъ

Digitized by Google

народъ принять отъ насъ sine qua non? И что не короче-ли, наконецъ, не намъ, а народу преклониться передъ нами, единственно по тому, одному, что мы Европа и культурные люди, а онъ лишь Россія и *пассивенъ*? Г. Авсѣенко положительно рѣшаетъ вопросъ въ этомъ смыслѣ, но я уже не одному г. Авсѣенко хочу теперь отвѣчать, а всѣмъ, не понявшимъ меня «культурнымъ» людямъ, начиная съ «коленкоровыхъ манишекъ безпощадныхъ Ювеналовъ» до недавнихъ еще господъ, провозгласившихъ, что у насъ и *сохранять совсѣмъ нечего*. Итакъ, къ дѣлу; если-бъ я не погнался тогда за краткостью и разъяснилъ подробнѣе, то, конечно, можно-бы было не согласиться со мной, но за то не искажать меня и не обвинять въ неясности.

III.

Сбивчивость и неточность спорныхъ пунктовъ.

Намъ прямо объявляютъ, что у народа нѣтъ вовсе никакой правды, а правда лишь въ культурѣ и сохраняется верхнимъ слоемъ культурныхъ людей. Чтобъ быть добросовѣстнымъ вполнѣ, я эту дорогую европейскую нашу культуру приму въ самомъ высшемъ ея смыслѣ, а не въ смыслѣ лишь каретъ и лакеевъ, именно въ томъ смыслѣ, что мы, сравнительно съ народомъ, развились духовно и нравственно, очеловѣчились, огуманились, и что тѣмъ самымъ, къ чести нашей, совсѣмъ уже отличаемся отъ народа. Сдѣлавъ такое безпристрастное заявленіе, я уже прямо поставлю передъ собой вопросъ: «точно-ли мы такъ хороши собой и такъ безошибочно окультурены, что народную культуру по боку, а нашей поклонъ? И, наконецъ, что̀ именно мы принесли съ собой изъ Европы народу»?

Но прежде, чѣмъ отвѣчать на такой вопросъ, для порядку, устранимъ всякую рѣчь, напримѣръ, о наукѣ, промышленности и проч., чѣмъ Европа справедливо можетъ гордиться передъ нашимъ отечествомъ. Такое устраненіе будетъ совершенно правильнымъ, ибо вовсе не объ томъ идетъ *теперь* дѣло; тѣмъ болѣе, что и наука-то—эта тамъ въ Европѣ, а мы-то сами, то есть верхніе слои культурныхъ людей въ Россіи, еще не очень блистаемъ наукой, не смотря на двухсотлѣтнюю школу, и что поклоняться намъ, культурному слою, за науку во всякомъ случаѣ еще рано. Такъ что, наука вовсе не составляетъ какого-нибудь существеннаго и

Digitized by Google

непримиримаго различія между обоими классами русскихъ людей, то есть, между простонародьемъ и верхнимъ культурнымъ слоемъ, и выставлять науку какъ главное существенное различіе наше отъ народа, повторяю, совсѣмъ не вѣрно и было-бы ошибкою, а различіе надо искать совсѣмъ въ другомъ. Къ тому-же наука есть дѣло всеобщее и не одинъ какой нибудь народъ въ Европѣ изобрѣлъ ее, а всѣ народы, начиная съ древняго міра, и это дѣло преемственное. Съ своей стороны русскій народъ никогда и не былъ врагомъ науки, мало того, она уже проникла къ намъ еще и до Петра. Царь Иванъ Васильевичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ завоевать Балтійское прибрежье, лѣтъ сто тридцать раньше Петра. Если-бъ завоевалъ его и завладѣлъ его гаванями и портами, то неминуемо сталъ-бы строить свои корабли, какъ и Петръ, а такъ какъ безъ науки ихъ нельзя строить, то явилась-бы неминуемо наука изъ Европы, какъ и при Петрѣ. Наши Потугины безчестятъ народъ нашъ насмѣшками, что русскіе изобрѣли одинъ самоваръ, но врядъ-ли европейцы примкнутъ къ хору Потугиныхъ. Слишкомъ ясно и понятно, что все дѣлается по извѣстнымъ законамъ природы и исторіи, и что не скудоуміе, не низость способностей русскаго народа и не позорная лѣнь причиною того, что мы такъ мало произвели въ наукѣ и въ промышленности. Такое-то дерево выростаетъ въ столько-то лѣтъ, а другое вдвое позже его. Тутъ все зависитъ отъ того, какъ былъ поставленъ народъ природой, обстоятельствами, и что ему прежде всего надо было сдѣлать. Тутъ причины географическія, этнографическія, политическія, тысячи причинъ, и все ясныхъ и точныхъ. Никто изъ здравыхъ умомъ не станетъ укорять и стыдить тринадцатилѣтняго за то, что ему не двадцать пять лѣтъ. «Европа, дескать, дѣятельнѣе и остроумнѣе пассивныхъ русскихъ, оттого и изобрѣла науку, а они нѣтъ». Но пассивные русскіе, въ то время какъ тамъ изобрѣтали науку, проявляли не менѣе изумляющую дѣятельность: они создавали царство и *сознательно* создали его единство. Они отбивались всю тысячу лѣтъ отъ жестокихъ враговъ, которые безъ нихъ низринулись-бы и на Европу. Русскіе колонизировали дальнѣйшіе края своей безконечной родины, русскіе отстаивали и укрѣпляли за собою свои окраины, да такъ укрѣпляли, какъ теперь мы, культурные люди, и не укрѣпимъ, а, напротивъ, пожалуй, еще и расшатаемъ. Къ концу концовъ, послѣ тысячи лѣтъ—у насъ явилось царство и политическое единство безпримѣрное еще въ мірѣ, до того, что Англія и Соединенные Штаты, единственные теперь оставшіяся два государства, въ которыхъ политическое единство крѣпко и своеобразно, можетъ быть, въ этомъ намъ далеко уст-

Подожди большевики! мы хорошенько!

о Франціи?

Digitized by Google

пять. Ну, а взамѣнъ того, въ Европѣ, при другихъ обстоятельствахъ политическихъ и географическихъ, возросла наука. Но за то, вмѣстѣ съ ростомъ и съ укрѣпленіемъ ея, расшаталось нравственное и политическое состояніе Европы почти повсемѣстно. Стало быть, у всякаго свое и еще неизвѣстно, кому придется завидовать. Мы-то науку во всякомъ случаѣ пріобрѣтемъ, ну а неизвѣстно еще, что̀ станется съ политическимъ единствомъ Европы? Можетъ быть, нѣмцы, всего еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ, согласились-бы промѣнять половину своей научной славы на такую силу политическаго единства, которая была у насъ уже очень давно. И нѣмцы теперь достигли крѣпкаго политическаго единства, по крайней мѣрѣ, по своимъ понятіямъ, но тогда у нихъ еще не было Германской Имперіи и ужъ конечно они намъ завидовали про себя, не смотря на все ихъ презрѣніе къ намъ. И такъ, не объ наукѣ и не о промышленности надо поставить вопросъ, а собственно о томъ чѣмъ мы, культурные люди, возвратясь изъ Европы, стали *нравственно*, *существенно* выше народа, и какую такую недосягаемую драгоцѣнность принесли мы ему въ формѣ нашей европейской культуры? Почему мы люди *чистые*, а народъ все еще человѣкъ черный, почему мы все, а народъ ничего? Я утверждаю, что въ этомъ между нами, культурными людьми, чрезвычайная неясность и что мало кто изъ «культурныхъ» на это отвѣтитъ правильно. Напротивъ, тутъ—кто въ лѣсъ кто по дрова, а насмѣшки надъ тѣмъ, зачѣмъ сосна не выросла въ семь лѣтъ, а требуетъ въ семеро больше для росту лѣтъ,—еще до того обыденны и обыкновенны, что не рѣдкость ихъ услышать даже и не отъ однихъ Потугиныхъ, а и отъ людей гораздо повыше ихъ по развитію. О г. Авсѣенко ужь и не упоминаю. А затѣмъ прямо обращаюсь къ вопросу, поставленному вверху главы: точно-ли мы такъ хороши собой и такъ безошибочно окультурены, что народную культуру по боку, а нашей поклонъ? И если мы и несемъ что съ собой, то что именно? На это прямо отвѣчу, что мы гораздо хуже народа, и почти во всѣхъ отношеніяхъ.

Намъ говорятъ, что въ народѣ чуть дѣятель, то тотчасъ кулакъ и мошенникъ. (Это не одинъ г. Авсѣенко утверждаетъ, да и вообще, г. Авсѣенко никогда и ничего не скажетъ новаго). Во первыхъ, это неправда, а во вторыхъ, развѣ между культурными Русскими не такіе-же кулаки и мошенники поминутно? Да чуть-ли не больше еще, и это тѣмъ стыднѣе, потому что они окультурены, а народъ нѣтъ. Но главное въ томъ, что вовсе нельзя сказать про народъ, что чуть въ немъ объявится дѣятель, то въ большинствѣ выйдетъ кулакъ и мошенникъ. Не знаю, гдѣ выросли утверждающіе это, я-же съ дѣтства и во всю жизнь мою видѣлъ совсѣмъ

Digitized by Google

другое. Мнѣ было всего еще девять лѣтъ отъ роду, какъ помню, однажды, на третій день Свѣтлаго праздника, вечеромъ, часу въ шестомъ, все наше семейство, отецъ и мать, братья и сестры, сидѣли за круглымъ столомъ, за семейнымъ чаемъ, а разговоръ шелъ какъ разъ о деревнѣ и какъ мы всѣ отправимся туда на лѣто. Вдругъ отворилась дверь и на порогѣ показался нашъ дворовый человѣкъ, Григорій Васильевъ, сейчасъ только изъ деревни прибывшій. Въ отсутствіе господъ, ему даже поручалось управленіе деревней, и вотъ вдругъ, вмѣсто «управляющаго», всегда одѣтаго въ нѣмецкій сюртукъ и имѣвшаго солидный видъ, явился человѣкъ въ старомъ зипунишкѣ и въ лаптяхъ. Изъ деревни пришелъ пѣшкомъ, а войдя сталъ въ комнатѣ не говоря ни слова.

— Что это? крикнулъ отецъ въ испугѣ. Посмотрите, что это?

— Вотчина сгорѣла-съ! пробасилъ Григорій Васильевъ.

Описывать не стану, что затѣмъ послѣдовало; отецъ и мать были люди небогатые и трудящіеся — и вотъ такой подарокъ къ Свѣтлому дню! Оказалось, что все сгорѣло, все до тла, и избы, и амбаръ, и скотный дворъ, и даже яровыя сѣмена, часть скота и одинъ мужикъ, Архипъ. Съ перваго страху вообразили, что полное разореніе. Бросились на колѣна и стали молиться, мать плакала. И вотъ вдругъ подходитъ къ ней наша няня, Алена Фроловна, служившая у насъ по найму, вольная то есть, изъ московскихъ мѣщанокъ. Всѣхъ она насъ,дѣтей, взростила и выходила. Была она тогда лѣтъ сорока пяти, характера яснаго, веселаго, и всегда намъ разсказывала такія славныя сказки! Жалованья она не брала у насъ уже много лѣтъ: «Не надо мнѣ», и накопилось ея жалованья рублей пятьсотъ и лежали они въ ломбардѣ, — «на старость пригодится»;—и вотъ она вдругъ шепчетъ мамѣ:

— Коли надо вамъ будетъ денегъ, такъ ужь возьмите мои, а мнѣ что, мнѣ не надо...

Денегъ у ней не взяли, обошлись и безъ того. Но вотъ вопросъ: къ какому типу принадлежала эта скромная женщина, давно уже теперь умершая и умершая въ богадѣльнѣ, гдѣ ей очень ея деньги понадобились. Вѣдь, я думаю, такихъ нельзя сопричислить къ кулакамъ и мошенникамъ, а если нельзя, то какъ опредѣлить ея поступокъ: явилась-ли она съ нимъ лишь «на степени стихійнаго существованія, замкнутаго, идиллическаго быта и пассивной жизни», — или проявила что нибудь поэнергичнѣе пассивности? Очень любопытно-бы послушать, какъ разрѣшилъ-бы это г. Авсѣенко. Мнѣ съ презрѣніемъ отвѣтятъ, что это единичный случай; но я и одинъ успѣлъ вотъ замѣтить въ жизни моей такихъ случаевъ многія сотни въ нашемъ простонародьѣ, а между тѣмъ я

Digitized by Google

твердо знаю, что есть и другіе наблюдатели, тоже умѣющіе смотрѣть на народъ безъ плевка. Не помните-ли вы, какъ въ «Семейной Хроникѣ» Аксакова, мать умолила въ слезахъ мужиковъ перевести ее черезъ широкую Волгу въ Казань, къ больному ребенку, по тонкому льду, весною, когда уже нѣсколько дней никто не рѣшался ступить на ледъ, взломавшійся и прошедшій всего только нѣсколько часовъ спустя по переходѣ. Помните-ли вы прелестное описаніе этого перехода, и какъ потомъ, когда перешли, мужики и денегъ брать не хотѣли, понимая, что сдѣлали все изъ-за слезъ матери и для Христа Бога нашего. Происходило-же это въ самое темное время крѣпостнаго права! Что-же, все это единичные факты? А если и похвальные,—то лишь «на степени стихійнаго существованія, замкнутаго, идиллическаго быта и пассивной жизни»? Да такъ-ли? единичные-ли, случайные-ли это только факты? Дѣятельный рискъ собственною жизнію изъ состраданія къ горю матери — можно-ли считать лишь пассивностью? Не изъ правды-ли, напротивъ, народной, не *изъ милосердія-ли и всепрощенія и широкости взгляда народнаго* произошло это, да еще въ самое варварское время крѣпостнаго права? Да народъ и вѣры не знаетъ, скажете вы, онъ и молитвы не умѣетъ прочесть, онъ поклоняется доскѣ и лепечетъ какой-то вздоръ про святую пятницу и про Фрола и Лавра. На это отвѣчу вамъ, что вотъ эти-то мысли и явились у васъ изъ продолжающагося презрѣнія вашего къ русскому народу и упорно сохраняющемуся въ русскомъ культурномъ типѣ. Мы о вѣрѣ народа и о православіи его имѣемъ всего десятка два либеральныхъ и блудныхъ анекдотовъ и услаждаемся глумительными разсказами о томъ, какъ попъ исповѣдуетъ старуху, или какъ мужикъ молится пятницѣ. Если-бъ г. Авсѣенко дѣйствительно понималъ то, что онъ написалъ о вѣрѣ народной, спасшей Россію, а не выписалъ-бы у славянофиловъ, то не оскорбилъ-бы народа тутъ-же сейчасъ, обозвавъ его чуть не сплошь «кулакомъ и міроѣдомъ». Но въ томъ и дѣло, что эти люди ровно ничего не понимаютъ въ православіи, а потому ровно ничего не поймутъ никогда и въ народѣ нашемъ. Знаетъ-же народъ Христа Бога своего, можетъ быть, еще лучше нашего, хоть и не учился въ школѣ. Знаетъ,—потому что во много вѣковъ перенесъ много страданій, и въ горѣ своемъ всегда, сначала и до нашихъ дней, слыхивалъ объ этомъ Богѣ-Христѣ своемъ отъ святыхъ своихъ, работавшихъ на народъ и стоявшихъ за землю русскую до положенія жизни, отъ тѣхъ самыхъ святыхъ, которыхъ чтитъ народъ доселѣ, помнитъ имена ихъ и у гробовъ ихъ молится. Повѣрьте, что въ этомъ смыслѣ даже самые темные слои народа нашего образованы гораздо больше, чѣмъ вы, въ культурномъ ва-

Digitized by Google

шемъ невѣдѣніи объ нихъ предполагаете, а, можетъ быть, даже образованнѣе и васъ самихъ, хоть вы и учились катихизису.

IV.

Благодѣтельный швейцаръ, освобождающій русскаго мужика.

Вотъ что пишетъ г. Авсѣенко въ мартовской статьѣ своей. Мнѣ хочется быть совершенно безпристрастнымъ, а потому позволю себѣ эту очень большую выписку, чтобъ не сказали, что я лишь надергалъ фразъ. Къ тому-же эти именно слова г. Авсѣенки я считаю теперь общимъ западническимъ мнѣніемъ о русскомъ народѣ, а потому очень радъ случаю отвѣтить:

...„Для насъ важно при какихъ условіяхъ образованное меньшинство у насъ впервые внимательно заглянуло черезъ стѣну, отдѣлявшую его отъ народа. Несомнѣнно, что открывшееся его глазамъ должно было поразить его и во многихъ отношеніяхъ удовлетворить внутреннимъ потребностямъ, въ немъ сказавшимся. Люди, недовольные ролью пріемышей западной цивилизаціи, нашли тамъ идеалы совершенно отличные отъ европейскихъ и тѣмъ не менѣе прекрасные. Люди разочарованные и, по тогдашнему выраженію, раздвоенные заимствованною культурой, нашли тамъ простыя, цѣльныя натуры, силу вѣры, напоминавшую первые вѣка христіанства, суровую свѣжесть патріархальнаго быта. Контрастъ между двумя жизнями, какъ мы сказали уже, долженъ былъ производить эффектъ чрезвычайный, неотразимый. Захотѣлось освѣжиться въ невозмущенныхъ волнахъ этого стихійнаго существованія, подышать чистымъ воздухомъ полей и лѣсовъ. Лучшіе люди были поражены тѣмъ, что въ этомъ стоячемъ быту, чуждомъ не только образованности, но и простой грамотности, являются черты такого душевнаго величія, передъ которыми должно преклониться просвѣщенное меньшинство. Всѣ эти впечатлѣнія создали огромный запросъ на сближеніе съ народомъ.

Но что именно понималось подъ этимъ сближеніемъ съ народомъ? Народные идеалы только потому и были ясны, что народная жизнь текла безконечно далеко отъ жизни образованнаго круга, что условія и содержаніе этихъ двухъ жизней были совершенно различны. Вспомнимъ, что люди малообразованные, жившіе очень близко къ народу, давно уже практически и матеріально удовлетворившіе этому запросу на сближеніе, совсѣмъ не замѣчали прекрасныхъ народныхъ идеаловъ и твердо вѣрили, что мужикъ собака и каналья. Это очень важно потому, что свидѣтельствуетъ до какой степени на практикѣ слабо воспитательное значеніе народныхъ идеаловъ и какъ мудрено ожидать отъ нихъ спасенія. Чтобы понять эти идеалы и возвести ихъ въ перлъ созданія,

Digitized by Google

необходима извѣстная высота культурнаго уровня; поэтому мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что самое поклоненіе народнымъ идеаламъ было у насъ продуктомъ усвоенной европейской культуры, и что безъ нея мужикъ въ нашихъ глазахъ до сихъ поръ оставался-бы собакой и каналье́й. Стало быть, главное зло, общее зло для насъ и для народа, заключалось не въ „культурѣ", а въ слабости культурныхъ началъ, въ недостаточности нашей „культуры".

Какое удивительное и неожиданное заключеніе! Тутъ, въ этомъ хитренькомъ подборѣ словъ, всего важнѣе выводъ, что народныя начала (и православіе вмѣстѣ съ ними, потому что, въ сущности, всѣ народныя начала у насъ сплошь вышли изъ православія) не имѣютъ никакой культурной силы, ни малѣйшаго воспитательнаго значенія, такъ что за всѣмъ этимъ намъ необходимо было отправляться въ Европу. Не оттого, видите-ли «малообразованные люди, жившіе очень близко къ народу», все еще не замѣчали «прекрасныхъ народныхъ идеаловъ» и твердо продолжали вѣрить, что мужикъ «собака и каналья»,—не оттого что они уже были развращены культурой до конца ногтей, не смотря на малообразованность свою, и уже оторвались отъ народа, хотя и жили къ нему близко, но потому что культуры, видите-ли, было еще недостаточно. Тутъ, главное, — злостная инсинуація на слабость воспитательнаго значенія народныхъ началъ и выводъ, что, стало быть, они ни къ чему и не ведутъ, а ведетъ ко всему культура. Что до меня, я уже давно заявилъ, что мы начали нашу европейскую культуру съ разврата. Но вотъ что при этомъ надо замѣтить особенно: вотъ эти-то малообразованные, но уже успѣвшіе окультуриться люди, окультуриться хотя-бы только слабо и наружно, всего только въ какихъ нибудь привычкахъ своихъ, въ новыхъ предразсудкахъ, въ новомъ костюмѣ,—вотъ эти-то всегда и начинаютъ именно съ того, что презираютъ прежнюю среду свою, свой народъ и даже вѣру его, иногда даже до ненависти. Такъ случается съ иными высшими «графскими лакеями», маленькими выскочившими въ дворянство чиновничишками и проч., и проч. Они еще сильнѣе презираютъ народъ, чѣмъ «большіе господа», гораздо уже правильнѣе ихъ окультуренные, и удивляться этому, какъ дѣлаетъ г. Авсѣенко, вовсе нечего. Въ первомъ январьскомъ выпускѣ моего «Дневника» я припомнилъ одно мое еще дѣтское впечатлѣніе: картинку фельдъегеря бившаго мужика. Фельдъегерь этотъ, безъ сомнѣнія, былъ близокъ къ народу, онъ всю жизнь провелъ на большой дорогѣ, а между тѣмъ презиралъ и билъ его, — почему? Потому что былъ уже ужасно отдаленъ отъ народа, хотя и жилъ къ нему близко. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ не получилъ ни малѣйшей высшей куль-

Digitized by Google

туры, но за то получилъ фельдъегерскій мундиръ съ фалдочками, который давалъ ему право бить безъ контроля и «сколько влѣзетъ». И онъ гордился своимъ мундиромъ и считалъ себя безмѣрно выше мужика. Почти такъ поставленъ бывалъ и помѣщикъ, усадьба котораго была какихъ нибудь въ ста шагахъ отъ мужицкихъ избъ; но не въ ста шагахъ было дѣло, а въ томъ, что человѣкъ вкусилъ уже отъ разврата цивилизаціи. Онъ и близокъ къ народу, всего въ ста шагахъ; но на этомъ пространствѣ ста шаговъ умѣстилась цѣлая пропасть. Окультуренъ этотъ помѣщикъ могъ быть дѣйствительно всего только капельку, ну а развращенъ этой капелькой былъ уже окончательно. Такъ должно было быть именно въ началѣ реформы и въ большинствѣ. Но замѣчу твердо, что и тутъ г. Авсѣенко несвѣдущъ, какъ младенецъ: не всѣ, вовсе не всѣ малообразованные люди были развращены и презирали народъ даже и въ то время; но бывали напротивъ и такіе изъ нихъ, на которыхъ начала народныя не переставали производить чрезвычайное воспитательное значеніе. Такой слой уцѣлѣлъ и велся даже съ самой реформы Петра, вплоть до нашего времени. Было множество, великое даже множество, вкусившихъ отъ культуры и воротившихся опять къ народу и къ идеаламъ народнымъ, не теряя своей культуры. Впослѣдствіи изъ этого слоя «вѣрныхъ» и выдѣлился слой славянофиловъ, людей уже высоко окультуренныхъ европейской цивилизаціей. Но не высокая европейская цивилизація славянофиловъ была причиною того, что они остались вѣрны народу и народнымъ началамъ, вовсе нѣтъ, а напротивъ неизсякаемое, непрестанное воспитательное дѣйствіе народныхъ началъ на умъ и развитіе того слоя истинно русскихъ людей, который, силою природныхъ свойствъ своихъ, въ состояніи былъ противустать силѣ цивилизаціи, не уничтожаясь лично до нуля, слоя, шедшаго, повторяю это, съ самаго начала реформы. Я полагаю, что для многихъ славянофилы наши—какъ съ неба упали, а не ведутъ свой родъ еще съ реформы Петра, какъ протестъ всему, что въ ней было невѣрнаго и фанатически исключительнаго. Но, повторяю опять, бывали и мало окультуренные люди, никогда не считавшіе народъ за собаку и каналью. Они не потеряли своего христіанства и смотрѣли на народъ какъ на младшаго брата, а не какъ на собаку. Но наши культурные люди врядъ-ли про это знаютъ, а если и знаютъ, то факты эти презираютъ и въ соображеніе не берутъ и не возьмутъ ни за что, потому что эти, не потерявшіе своего христіанства мало окультуренные люди прямо-бы противорѣчили основному и побѣдоносному ихъ тезису о малой воспитательности народныхъ началъ. Имъ-бы пришлось согласиться

Digitized by Google

тогда, что не народныя начала были такъ слабы и невоспитательны, а, напротивъ, культура была уже слишкомъ развратна, хотя только что еще начиналась, а потому и успѣла погубить такое множество *нетвердыхъ* людей. (Нетвердыхъ людей вѣдь всегда большинство). Г. Авсѣенко потому и заключаетъ прямо, что «зло, главное зло, общее зло для насъ и для народа, заключалось не въ культурѣ, а въ слабости культурныхъ началъ», а потому надо было поскорѣе бѣжать въ Европу, чтобъ тамъ докультуриться ужь до того, чтобы ужь не считать мужика за собаку и каналью.

Такъ у насъ и дѣлали: и сами въ Европу ѣздили и оттуда учителей къ себѣ привозили. Передъ революціей французской, во времена Руссо и переписки Императрицы съ Вольтеромъ, была у насъ мода на учителей швейцарцевъ

...„И просвѣщеніе несущій всѣмъ швейцаръ *).

«Пріѣзжай, бери деньги, только огумань и очеловѣчь»,—дѣйствительно была тогда такая мода. У Тургенева въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» великолѣпно выведенъ мелькомъ одинъ портретъ тогдашняго окультурившагося въ Европѣ дворянчика, воротившагося къ отцу въ помѣстье. Онъ хвасталъ своею гуманностью и образованностью. Отецъ сталъ его укорять за то, что онъ сманилъ дворовую невинную дѣвушку и обезчестилъ, а тотъ ему: «А чтожь, я и женюсь». Помните эту картинку, какъ отецъ схватилъ палку, да за сыномъ, а тотъ въ англійскомъ синемъ фракѣ, въ сапогахъ съ кисточками и въ лосинныхъ панталонахъ въ обтяжку,—отъ него черезъ садъ, черезъ гумно, да во всѣ лопатки! И что-же, хоть и убѣжалъ, а черезъ нѣсколько дней взялъ да и женился, во имя идей Руссо, носившихся тогда въ воздухѣ, а пуще всего изъ блажи, изъ шатости понятій, воли и чувствъ и изъ раздраженнаго самолюбія: «вотъ, дескать, посмотрите всѣ, каковъ я есть!» Жену свою потомъ онъ не уважалъ, забросилъ, измучилъ въ разлукѣ и третировалъ ее съ глубочайшимъ презрѣніемъ, дожилъ до старости и умеръ въ полномъ цинизмѣ, злобнымъ, мелкимъ, дряннымъ старичишкой, ругаясь въ послѣднюю минуту и крича сестрѣ: «Глашка, Глашка, дура, бульонцу, бульонцу!» Какая прелесть этотъ разсказъ у Тургенева и какая правда! А между тѣмъ, этотъ былъ уже значительно окультуренъ; но г. Авсѣенко не про то говоритъ:

---

*) Стихъ, кажется, графа Хвостова. Я помню даже четверостишіе, въ которомъ поэтъ перечисляетъ всѣ народы Европы:

„Туркъ, Персъ, Пруссъ, Франкъ и мстительный Гишпанецъ,
„Итальи сынъ и сынъ наукъ Германецъ,
„Меркантилизма сынъ, стрегущій свой товаръ, (то есть Англичанинъ)
„И просвѣщеніе несущій всѣмъ Швейцаръ“...

Digitized by Google

онъ требуетъ настоящей культуры, то есть нашего уже времени, вотъ той самой, которая, наконецъ, до того докультурила нашихъ петербургскихъ помѣщиковъ, что они рыдали, читая «Антона Горемыку», а потомъ взяли, да и освободили крестьянъ съ землей, и прежнимъ собакамъ и канальямъ положили говорить теперь *вы*. Какой въ самомъ дѣлѣ прогрессъ! Разсмотрѣли, впрочемъ, потомъ, что эти, рыдавшіе надъ Антономъ-Горемыкой помѣщики до того, по ближайшемъ изученіи ихъ, оказались не понимающими ни народа, ни жизни его, ни народныхъ началъ, что почти принимали русскихъ мужиковъ за какихъ-то французскихъ поселянъ, или за пастушковъ съ фарфоровыхъ чашекъ, а когда началась долгая и трудная работа правительства по освобожденію крестьянъ, то нѣкоторыя изъ мнѣній сихъ, высокихъ даже помѣщиковъ, поразили почти анекдотическимъ невѣдѣніемъ предмета, деревни, жизни народной и всего прочаго, относящагося до народныхъ началъ. А, между тѣмъ, г. Авсѣенко именно утверждаетъ, что европейская-то культура и способствовала постиженію народныхъ идеаловъ, а сами народныя начала лишены всякаго воспитательнаго значенія. Надо полагать, что для постиженія народныхъ идеаловъ надо было ѣздить въ Парижъ или, по крайней мѣрѣ, въ водевильчикъ въ Михайловскій театръ, къ которому подъѣзжаютъ кареты. Но пусть, пусть прогрессъ и пониманіе русскихъ началъ досталось намъ единственно лишь изъ Европы, пусть: хвала культурѣ! Вотъ она настоящая-то культура до чего доводитъ людей, восклицаетъ сонмъ г-дъ Авсѣенокъ! И что такое передъ нею какія-то тамъ народныя началишки, съ православіемъ во главѣ, — никакой воспитательной силы не имѣютъ, долой ихъ!

Положимъ. Но вотъ на что отвѣтьте однакоже, господа, всего только на одинъ вопросъ: эти учителя-то наши, европейцы-то, швейцары-то эти всѣ благодѣтельные, научившіе насъ освободить крестьянъ съ землею, они-то почему тамъ у себя въ Европѣ никого не освободили, да не только съ землей, а и просто въ чемъ мать родила, и это повсемѣстно. Почему въ Европѣ освобожденіе произошло не отъ владѣтелей, не отъ бароновъ, не отъ помѣщиковъ, а возстаніемъ и бунтомъ, огнемъ и мечомъ и рѣками крови? А если и освободили гдѣ безъ рѣкъ крови, то вездѣ и повсемѣстно на пролетарскихъ началахъ, въ видѣ совершенныхъ рабовъ. А мы-то кричимъ, что научились освобождать у европейцевъ! «Окультурились, дескать, и перестали считать мужика за собаку и каналью». Ну, а почему-же во Франціи, да и повсемѣстно въ Европѣ, всякаго пролетарія, всякаго ничего не имѣющаго работника—до сихъ поръ считаютъ за собаку и каналью,—и ужь въ

Digitized by Google

этомъ, конечно, вы не заспорите. Прямо по закону ему, конечно, нельзя сказать, что онъ собака и каналья; но за то сдѣлать все можно съ нимъ именно какъ съ собакой и канальей, а хитрый законъ требуетъ только, чтобы соблюдена была при этомъ надлежащая учтивость. «Учтивъ буду, а хлѣба не дамъ,—хоть умри сейчасъ съ голоду, какъ собака»,—вотъ какъ теперь въ Европѣ. Какъ-же это такъ? Что за противорѣчіе? Какъ-же это они насъ-то научили прямо противоположному? Нѣтъ, господа, тутъ у насъ, видно, что-то произошло совсѣмъ другое, да и совсѣмъ не такъ какъ вы говорите. Вѣдь разсудите: если-бъ мы чрезъ культуру только перестали считать мужика за собаку и каналью, то ужь навѣрно и освободили-бы его на культурныхъ основаніяхъ, то есть на пролетарскихъ началахъ, какъ въ Европѣ учители наши: «ступай, дескать, милый братъ нашъ на свободу, въ чемъ мать родила, да еще за честь почитай». Вотъ въ Остзейскомъ краѣ точь въ точь вѣдь такъ освобожденъ былъ народъ, а почему? А потому, что остзейцы—европейцы, а мы всего только русскіе. Выходитъ, стало быть, что мы и сдѣлали это дѣло, какъ русскіе, а совсѣмъ ужь не какъ культурные европейцы, и освободили народъ съ землей лишь на удивленіе и ужасъ европейскихъ учителей нашихъ и всѣхъ благодѣтельныхъ швейцаровъ. Да, на ужасъ: тамъ раздались тревожные голоса, не помните, что-ли? Закричали даже про коммунизмъ. Помните словечко, теперь уже умершаго Гизо, объ освобожденіи народа нашего: «Какъ-же вы хотите послѣ того, чтобъ мы васъ не боялись»,—сказалъ онъ тогда одному русскому. Нѣтъ-съ, освободили мы народъ съ землей не потому, что стали культурными европейцами, а потому, что сознали въ себѣ русскихъ людей съ Царемъ во главѣ, точь въ точь какъ мечталъ сорокъ лѣтъ тому помѣщикъ Пушкинъ, проклявшій въ ту именно эпоху свое европейское воспитаніе и обратившійся къ народнымъ началамъ. *Во имя этихъ-то народныхъ началъ* и освобожденъ былъ русскій народъ съ землею, а не потому, что такъ научила Европа; напротивъ именно потому, что всѣ мы вдругъ, въ первый разъ, рѣшились преклониться передъ народной правдой. Это былъ не только великій моментъ русской жизни, въ который русскіе культурные люди въ первый разъ рѣшились поступить своеобразно, но и пророческій моментъ русской жизни. И, можетъ быть, очень скоро начнетъ сбываться пророчество....

Но... но здѣсь я пока перерву. Я вижу, что эта статья займетъ въ «Дневникѣ» все мѣсто. И такъ до слѣдующаго, Майскаго, «Дневника» моего. И, конечно, я оставляю на майскій № самую

Digitized by Google

существенную часть моего объясненія. Перечислю, для памяти, что въ нее войдетъ. Я хочу указать на совершенную несостоятельность и даже ничтожность именно *той стороны* нашей культуры, которую иные господа считаютъ, напротивъ, нашимъ свѣтомъ, единственнымъ спасеніемъ и славой нашей передъ народомъ, съ высоты которой плюютъ они на народъ и считаютъ себя въ полномъ правѣ плевать. Ибо хвалить «народныя начала», восхищаться ими и тутъ-же увѣрять, что въ нихъ нѣтъ никакой силы, никакого воспитательнаго значенія и что все это лишь одна «пассивность»— значитъ плевать на эти начала. Утверждать, напримѣръ, какъ г. Авсѣенко, что народъ есть не болѣе какъ «странникъ, который самъ еще не выбралъ себѣ дороги» и что «ждать мысли и образа отъ этой загадки, отъ этого сфинкса, не нашедшаго еще для себя самого ни мысли, ни образа—есть иронія»,—утверждать это, говорю я, значитъ лишь совершенно не знать того предмета, о которомъ толкуешь, то есть вовсе не знать народа. Я хочу именно указать, что народъ вовсе не такъ безнадеженъ, вовсе не такъ подверженъ шатости и неопредѣленности, какъ, напротивъ, подверженъ тому и зараженъ тѣмъ нашъ русскій культурный слой, которымъ эти всѣ господа гордятся, какъ драгоцѣннѣйшимъ, двухсотлѣтнимъ пріобрѣтеніемъ Россіи. Я хотѣлъ-бы, наконецъ, указать, что въ народѣ нашемъ вполнѣ сохранилась та твердая сердцевина, которая спасетъ его отъ излишествъ и уклоненій нашей культуры и выдержитъ грядущее къ народу образованіе, безъ ущерба лику и образу народа русскаго. Если-же я и сказалъ, что «народъ загадка», то совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ поняли меня эти господа. Въ концѣ концовъ, я хочу разъяснить вполнѣ, какъ самъ понимаю, тотъ сбивчивый вопросъ, который самъ собою представляется послѣ всѣхъ этихъ препирательствъ; «что-же, если мы, окультуренный русскій слой, такъ уже слабы и шатки передъ народомъ, то что въ такомъ случаѣ можемъ мы принести ему такого драгоцѣннаго, передъ чѣмъ-бы онъ долженъ преклониться и принять эту драгоцѣнность отъ насъ sine qua non», какъ самъ я выразился въ февральскомъ моемъ «Дневникѣ»? Вотъ эту сторону нашей культуры, которую и надо считать за драгоцѣнность, и на которую, напротивъ, всѣ эти господа *до сихъ поръ еще* не обратили ни малѣйшаго вниманія, я и хочу указать и разъяснить. И такъ—до майскаго номера. Что до меня, занимательнѣе и *настоятельнѣе* этихъ вопросовъ я ничего не могу и представить себѣ, не знаю какъ читатель. Но обѣщаюсь изъ всѣхъ силъ написать покороче, а о г. Авсѣенко постараюсь даже совсѣмъ не упоминать больше.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Нѣчто о политическихъ вопросахъ.

Всѣ говорятъ о политическихъ текущихъ вопросахъ и всѣ чрезвычайно интересуются; да какъ и не интересоваться? Меня вдругъ, ужасно серьезно, спросилъ одинъ очень серьезный человѣкъ, встрѣтясь со мной нечаянно: «Что, будетъ война или нѣтъ?» Я былъ очень удивленъ: хоть я и горячо слѣжу за событіями, какъ и всѣ мы теперь, но о неминуемости войны даже и вопроса не ставилъ. И, кажется, я былъ правъ: въ газетахъ возвѣщаютъ о предстоящемъ и весьма близкомъ свиданіи въ Берлинѣ трехъ канцлеровъ и ужь, конечно, это безконечное герцеговинское дѣло будетъ тогда улажено и, вѣроятнѣе всего, весьма удовлетворительнымъ для русскаго чувства образомъ. Признаюсь, меня не очень-то смутили и слова этого барона Родича, еще мѣсяцъ назадъ, и, право, только позабавили, когда я первый разъ читалъ о нихъ. Потомъ изъ-за этихъ словъ подняли шумъ. А между тѣмъ мнѣ кажется, что баронъ Родичъ не только не хотѣлъ никого уколоть, но даже и «политики» тутъ никакой въ словахъ его не было, а просто онъ обмолвился, сболтнулъ, брякнулъ о безсиліи Россіи вздоръ. Мнѣ даже кажется, что онъ, передъ тѣмъ какъ выразиться объ нашемъ безсиліи, самъ про себя думалъ такъ: «ужь если мы сильнѣе Россіи, стало быть, Россія совсѣмъ безсильна. А мы дѣйствительно сильнѣе, потому что Берлинъ насъ никогда не отдастъ Россіи. О, Берлинъ допуститъ, можетъ быть, чтобъ мы подрались съ Россіей, но единственно для своего удовольствія и чтобъ получше высмотрѣть: кто кого, и какія у каждаго изъ насъ средства? Но если насъ Россія побѣдитъ и сильно припретъ къ стѣнѣ, то Берлинъ скажетъ ей: «стой, Россія»!—и въ большую, т. е. въ очень большую обиду, насъ ни за что не дастъ, а такъ развѣ въ маленькую. А такъ какъ Россія не рѣшится идти на насъ и на Берлинъ вмѣстѣ, то дѣло и кончится для насъ безъ большаго вреда: но за то у насъ шансъ, что если мы побьемъ Россію, то можемъ вдругъ много выиграть. Итакъ, шансъ выиграть съ одной стороны очень много и, въ случаѣ, если насъ побѣдитъ Россія, проиграть очень мало,—это очень хорошо, очень политично! А Берлинъ намъ

Digitized by Google

другъ: онъ очень насъ любитъ, потому что хочетъ взять у насъ наши нѣмецкія владѣнія и возьметъ ихъ непремѣнно, и, можетъ быть, довольно скоро; но такъ какъ онъ очень насъ за это любитъ, то непремѣнно и вознаградитъ насъ за отнятыя у насъ имъ нѣмецкія наши владѣнія и отдастъ намъ за нихъ право на турецкихъ славянъ. Это онъ непремѣнно сдѣлаетъ, потому что ему будетъ очень выгодно это сдѣлать, ибо мы, если и вознаградимся славянами, все-таки совсѣмъ передъ нимъ не усилимся, ну, а если Россія вознаградится славянами, то Россія даже и передъ Берлиномъ усилится. Вотъ почему славяне и достанутся намъ, а не Россіи; вотъ почему я и не утерпѣлъ и сказалъ это въ рѣчи моей славянскимъ вождямъ. Надо-же ихъ приготовлять исподволь къ хорошимъ идеямъ»...

Мысли эти очень могутъ быть не только у Родича, но и вообще у Австрійцевъ. И ужь конечно тутъ много хаоса. Представить только себѣ, что славяне подпадутъ подъ власть Австріи и она, первымъ дѣломъ, начнетъ ихъ онѣмечивать, и даже потерявъ уже свои нѣмецкія владѣнія! Вѣрно однако-же то, что въ Европѣ и не одна Австрія наклонна вѣрить въ безсиліе Россіи, а во вторыхъ—въ непремѣнную жажду Россіи захватить какъ можно скорѣе славянъ въ свою власть. Самый полный переворотъ въ политической жизни Россіи наступитъ именно тогда, когда Европа убѣдится, что Россія вовсе ничего не хочетъ захватывать. Тогда наступитъ новая эра и для насъ, и для всей Европы. Убѣжденіе въ безкорыстіи Россіи, если придетъ когда нибудь, то разомъ обновитъ и измѣнитъ весь ликъ Европы. Убѣжденіе это непремѣнно наконецъ воцарится, но не вслѣдствіе нашихъ увѣреній: Европа не станетъ вѣрить никакимъ увѣреніямъ нашимъ до самаго конца и все будетъ смотрѣть на насъ враждебно. Трудно представить себѣ, до какой степени она насъ боится. А если боится, то должна и ненавидѣть. Насъ замѣчательно не любитъ Европа и никогда не любила; никогда не считала она насъ за своихъ, за европейцевъ, а всегда лишь за досадныхъ пришельцевъ. Вотъ потому-то она очень любитъ утѣшать себя иногда мыслію, что Россія будто-бы «пока безсильна».

И это хорошо, что она такъ наклонна думать. Я убѣжденъ, что самая страшная бѣда сразила-бы Россію, еслибъ мы побѣдили, напримѣръ, въ крымскую компанію и вообще одержали-бы тоже верхъ надъ союзниками! Увидавъ, что мы такъ сильны, всѣ въ Европѣ возстали-бы на насъ тогда тотчасъ-же, съ фанатическою ненавистью. Они подписали-бы, конечно, невыгодный для себя миръ, еслибъ были побѣждены, но никогда никакой миръ не могъ-бы

Digitized by Google

стояться на самомъ дѣлѣ. Они тотчасъ-же-бы стали готовиться къ новой войнѣ, имѣющей цѣлью уже истребленіе Россіи, и, главное, за нихъ сталъ-бы весь свѣтъ. 63-й годъ, напримѣръ, не обошелся-бы намъ тогда однимъ обмѣномъ ѣдкихъ дипломатическихъ нотъ: напротивъ, осуществился-бы всеобщій крестовый походъ на Россію. Мало того, этимъ крестовымъ походомъ нѣкоторыя европейскія правительства непремѣнно поправили-бы тогда свои внутреннія дѣла, такъ что онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ-бы имъ выгоденъ. Революціонныя партіи и всѣ недовольные тогдашнимъ правительствомъ во Франціи, напримѣръ, немедленно примкнули-бы къ правительству, въ виду «священнѣйшей цѣли»—изгнанія Россіи изъ Европы, и война явилась-бы народною. Но насъ тогда сберегла судьба, доставивъ перевѣсъ союзникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сохранивъ всю нашу военную честь и даже еще возвеличивъ ее, такъ что пораженіе еще можно было перенести. Однимъ словомъ, пораженіе мы перенесли, но бремя побѣды надъ Европой ни за что-бы не перенесли, не смотря на всю нашу живучесть и силу. Насъ точно также спасла уже разъ судьба, въ началѣ столѣтія, когда мы свергали съ Европы иго Наполеона I,—спасла именно тѣмъ, что дала намъ тогда въ союзники Пруссію и Австрію. Еслибъ мы тогда одни побѣдили, то Европа, чуть только-бы оправилась послѣ Наполеона I, тотчасъ, и безъ Наполеона, бросилась-бы опять на насъ. Но, славу Богу, случилось иначе: Пруссія и Австрія, которыхъ мы-же освободили, немедленно приписали себѣ всю честь побѣдъ, а впослѣдствіи, теперь то есть, уже прямо утверждаютъ, что тогда побѣдили они одни, а Россія только мѣшала.

И вообще мы такъ поставлены нашей европейской судьбой, что намъ никакъ нельзя побѣждать въ Европѣ, еслибъ даже мы и могли побѣдить: въ высшей степени невыгодно и опасно. Такъ, развѣ какія нибудь частныя, такъ сказать, домашнія побѣды намъ они еще могутъ «простить»,—завоеваніе Кавказа, напримѣръ. Первая-же война съ Турціей, при покойномъ государѣ и вскорѣ послѣ того послѣдовавшая тогда раздѣлка наша съ Польшей, чуть было не произвели взрыва во всей Европѣ. Они теперь «простили» намъ, повидимому, наши недавнія пріобрѣтенія въ Средней Азіи, а однако, какъ вѣдь квакаютъ тамъ у себя, успокоиться не могутъ.

Тѣмъ не менѣе, ходъ событій, кажется, долженъ измѣнить отношенія къ Россіи европейскихъ народовъ въ весьма недалекомъ будущемъ. Въ прошломъ мартовскомъ «Дневникѣ» моемъ, я изложилъ нѣсколько мечтаній моихъ о близкомъ будущемъ Европы. Но уже не мечтательно, а почти съ увѣренностью можно сказать, что даже въ скоромъ, можетъ быть, ближайшемъ будущемъ, Россія ока-

Digitized by Google

жется сильнѣе всѣхъ въ Европѣ. Произойдетъ это отъ того, что въ Европѣ уничтожатся всѣ великія державы и по весьма простой причинѣ: онѣ всѣ будутъ обезсилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремленіями огромной части своихъ низшихъ подданныхъ, своихъ пролетаріевъ и нищихъ. Въ Россіи-же этого не можетъ случиться совсѣмъ: нашъ демосъ доволенъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ удовлетворенъ, ибо все къ тому идетъ, общимъ настроеніемъ, или лучше согласіемъ. А потому и останется одинъ только колоссъ на континентѣ Европы—Россія. Это случится, можетъ быть, даже гораздо ближе, чѣмъ думаютъ. Будущность Европы принадлежитъ Россіи. Но вопросъ: что будетъ тогда дѣлать Россія въ Европѣ? Какую роль играть въ ней? Готова-ли она къ этой роли?

II.

Парадоксалистъ.

Кстати, на счетъ войны и военныхъ слуховъ. У меня есть одинъ знакомый парадоксалистъ. Я его давно знаю. Это человѣкъ совершенно никому неизвѣстный и характеръ странный: онъ *мечтатель*. Объ немъ я непремѣнно поговорю подробнѣе. Но теперь мнѣ припомнилось, какъ однажды, впрочемъ уже нѣсколько лѣтъ тому, онъ разъ заспорилъ со мной о войнѣ. Онъ защищалъ войну вообще и, можетъ быть, единственно изъ игры въ парадоксы. Замѣчу, что онъ «статскій» и самый мирный и незлобивый человѣкъ, какой только можетъ быть на свѣтѣ и у насъ въ Петербургѣ.

— «Дикая мысль», — говорилъ онъ, между прочимъ, — «что война есть бичъ для человѣчества. Напротивъ, самая полезная вещь. Одинъ только видъ войны ненавистенъ и дѣйствительно пагубенъ: эта война междоусобная, братоубійственная. Она мертвитъ и разлагаетъ государство, продолжается всегда слишкомъ долго и озвѣряетъ народъ на цѣлыя столѣтія. Но политическая, международная война приноситъ лишь одну пользу, во всѣхъ отношеніяхъ, а потому совершенно необходима.

— Помилуйте, народъ идетъ на народъ, люди идутъ убивать другъ друга; что тутъ необходимаго?

— Все и въ высшей степени. Но, во первыхъ, ложь, что люди идутъ убивать другъ друга: никогда этого не бываетъ на первомъ планѣ, а, напротивъ, идутъ жертвовать собственною жизнью,—вотъ что должно стоять на первомъ планѣ. Это-же совсѣмъ другое. Нѣтъ

Digitized by Google

выше идеи, какъ пожертвовать собственною жизнію, отстаивая своихъ братьевъ и свое отечество, или даже просто отстаивая интересы своего отечества. Безъ великодушныхъ идей человѣчество жить не можетъ, и я даже подозрѣваю, что человѣчество именно потому и любитъ войну, чтобъ участвовать въ великодушной идеѣ. Тутъ потребность.

— Да развѣ человѣчество любитъ войну?

— А какже? Кто унываетъ во время войны? Напротивъ, всѣ тотчасъ-же ободряются, у всѣхъ поднятъ духъ и не слышно объ обыкновенной апатіи или скукѣ, какъ въ мирное время. А потомъ, когда война кончится, какъ любятъ вспоминать о ней, даже въ случаѣ пораженія! И не вѣрьте, когда въ войну, всѣ, встрѣчаясь, говорятъ другъ другу, качая головами: «Вотъ несчастье, вотъ дожили!» Это лишь одно приличіе. Напротивъ, у всякаго праздникъ въ душѣ. Знаете, ужасно трудно признаваться въ иныхъ идеяхъ: скажутъ,—звѣрь, ретроградъ, осудятъ; этого боятся. Хвалить войну никто не рѣшится.

— Но вы говорите о великодушныхъ идеяхъ, объ очеловѣченіи. Развѣ не найдется великодушныхъ идей безъ войны? Напротивъ, во время мира имъ еще удобнѣе развиться.

— Совершенно напротивъ, совершенно обратно. Великодушіе гибнетъ въ періоды долгаго мира, а вмѣсто него являются цинизмъ, равнодушіе, скука и много—много что злобная насмѣшка, да и то почти для праздной забавы, а не для дѣла. Положительно можно сказать, что долгій міръ ожесточаетъ людей. Въ долгій миръ соціальный перевѣсъ всегда переходитъ на сторону всего что есть дурнаго и грубаго въ человѣчествѣ,—главное, къ богатству и капиталу. Честь, человѣколюбіе, самопожертвованіе еще уважаются, еще цѣнятся, стоятъ высоко сейчасъ послѣ войны, но чѣмъ дольше продолжается миръ—всѣ эти прекрасныя великодушныя вещи блѣднѣютъ, засыхаютъ, мертвѣютъ, а богатство, стяжаніе захватываютъ все. Остается подъ конецъ лишь одно лицемѣріе,—лицемѣріе чести, самопожертвованія, долга, такъ что, пожалуй, ихъ еще и будутъ продолжать уважать, не смотря на весь цинизмъ, но только лишь на красныхъ словахъ для формы. Настоящей чести не будетъ, а останутся формулы. Формулы чести — это смерть чести. Долгій миръ производитъ апатію, низменность мысли, развратъ, притупляетъ чувства. Наслажденія не утончаются, а грубѣютъ. Грубое богатство не можетъ наслаждаться великодушіемъ, а требуетъ наслажденій болѣе скоромныхъ, болѣе близкихъ къ дѣлу, то есть, къ прямѣйшему удовлетворенію плоти. Наслажденія становятся плотоядными. Сластолюбіе вызываетъ сладострастіе, а сладо-

Digitized by Google

страстіе всегда жестокость. Вы никакъ не можете всего этого отрицать, потому что нельзя отрицать главнаго факта: что соціальный перевѣсъ во время долгаго мира всегда подъ конецъ переходитъ къ грубому богатству.

— Но наука, искусства, — развѣ въ продолженіе войны они могутъ развиваться; а это великія и великодушныя идеи.

— Тутъ-то я васъ и ловлю. Наука и искусства именно развиваются всегда въ первый періодъ послѣ войны. Война ихъ обновляетъ, освѣжаетъ, вызываетъ, крѣпитъ мысли и даетъ толчокъ. Напротивъ, въ долгій миръ и наука глохнетъ. Безъ сомнѣнія, занятіе наукой требуетъ великодушія, даже самоотверженія. Но многіе-ли изъ ученыхъ устоятъ передъ язвой мира? Ложная честь, самолюбіе, сластолюбіе захватятъ и ихъ. Справьтесь, напримѣръ, съ такою страстью какъ зависть: она груба и пошла, но она проникнетъ и въ самую благородную душу ученаго. Захочется и ему участвовать во всеобщей пышности, въ блескѣ. Что значитъ передъ торжествомъ богатства торжество какого нибудь научнаго открытія, если только оно не будетъ такъ эффектно какъ, напримѣръ, открытіе планеты Нептунъ. Много-ли останется истинныхъ тружениковъ, какъ вы думаете? Напротивъ, захочется славы, вотъ и явится въ наукѣ шарлатанство, гоньба за эффектомъ, а пуще всего утилитаризмъ, потому что захочется и богатства. Въ искусствѣ то-же самое: такая-же погоня за эффектомъ, за какою нибудь утонченностью. Простыя, ясныя, великодушныя и здоровыя идеи будутъ уже не въ модѣ: понадобится что нибудь гораздо поскоромнѣе; понадобится искусственность страстей. Мало по малу утратится чувство мѣры и гармоніи; явятся искривленія чувствъ и страстей, такъ называемыя утонченности чувства, которыя въ сущности только ихъ огрубѣлость. Вотъ этому-то всему подчиняется всегда искусство въ концѣ долгаго мира. Если-бъ не было на свѣтѣ войны, искусство-бы заглохло окончательно. Всѣ лучшія идеи искусства даны войной, борьбой. Подите въ трагедію, смотрите на статуи: вотъ Горацій Корнеля, вотъ Аполлонъ Бельведерскій, поражающій чудовище...

— А Мадонны, а христіанство?

— Христіанство само признаетъ фактъ войны и пророчествуетъ, что мечъ не прейдетъ до кончины міра: это очень замѣчательно и поражаетъ. О, безъ сомнѣнія, въ высшемъ, въ нравственномъ смыслѣ оно отвергаетъ войну и требуетъ братолюбія. Я самъ первый возрадуюсь, когда раскуютъ мечи на орала. Но вопросъ: когда это можетъ случиться? И стоитъ-ли расковывать теперь мечи на орала? Теперешній миръ всегда и вездѣ хуже войны, до того хуже, что

Digitized by Google

даже безнравственно становится подъ конецъ его поддерживать: нечего цѣнить, совсѣмъ нечего сохранять, совѣстно и пошло сохранять. Богатство, грубость наслажденій порождаютъ лѣнь, а лѣнь порождаетъ рабовъ. Чтобъ удержать рабовъ въ рабскомъ состояніи, надо отнять отъ нихъ свободную волю и возможность просвѣщенія. Вѣдь вы-же не можете не нуждаться въ рабѣ, кто-бы вы ни были, даже если вы самый гуманнѣйшій человѣкъ? Замѣчу еще, что въ періодъ мира укореняется трусливость и безчестность. Человѣкъ по природѣ своей страшно наклоненъ къ трусливости и безстыдству и отлично про себя это знаетъ; вотъ почему, можетъ быть, онъ такъ и жаждетъ войны, и такъ любитъ войну: онъ чувствуетъ въ ней лекарство. Война развиваетъ братолюбіе и соединяетъ народы.

— Какъ соединяетъ народы?

— Заставляя ихъ взаимно уважать другъ друга. Война освѣжаетъ людей. Человѣколюбіе всего болѣе развивается лишь на полѣ битвы. Это даже странный фактъ, что война менѣе обозляетъ чѣмъ миръ. Въ самомъ дѣлѣ, какая нибудь политическая обида въ мирное время, какой нибудь нахальный договоръ, политическое давленіе, высокомѣрный запросъ, — въ родѣ какъ дѣлала намъ Европа въ 63-мъ году—гораздо болѣе обозляютъ, чѣмъ откровенный бой. Вспомните, ненавидѣли-ли мы французовъ и англичанъ во время крымской компаніи? Напротивъ, какъ будто ближе сошлись съ ними, какъ будто породнились даже. Мы интересовались ихъ мнѣніемъ объ нашей храбрости, ласкали ихъ плѣнныхъ; наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирій и чуть не обнимались съ врагами, даже пили водку вмѣстѣ. Россія читала про это съ наслажденіемъ въ газетахъ, что не мѣшало однако-же великолѣпно драться. Развивался рыцарскій духъ. А про матеріальныя бѣдствія войны я и говорить не стану: кто не знаетъ закона, по которому послѣ войны все какъ-бы воскресаетъ силами. Экономическія силы страны возбуждаются въ десять разъ, какъ будто грозовая туча пролилась обильнымъ дождемъ надъ изсохшею почвой. Пострадавшимъ отъ войны сейчасъ-же и всѣ помогаютъ, тогда какъ, во время мира цѣлыя области могутъ вымирать съ голоду прежде чѣмъ мы почешемся или дадимъ три цѣлковыхъ.

— Но развѣ народъ не страдаетъ въ войну больше всѣхъ, не несетъ разоренія и тягостей неминуемыхъ и несравненно большихъ, чѣмъ высшіе слои общества?

— Можетъ быть, но временно; а за то выигрываетъ гораздо больше, чѣмъ теряетъ. Именно для народа война оставляетъ самыя лучшія и высшія послѣдствія. Какъ хотите, будьте самымъ гуман-

Digitized by Google

нымъ человѣкомъ, но вы все-таки считаете себя выше простолюдина. Кто мѣряетъ въ наше время душу на душу, христіанской мѣркой? Мѣряютъ карманомъ, властью, силой,—и простолюдинъ это отлично знаетъ всей своей массой. Тутъ не то что зависть,—тутъ является какое-то невыносимое чувство нравственнаго неравенства, слишкомъ язвительнаго для простонародія. Какъ ни освобождайте и какіе ни пишите законы, неравенство людей не уничтожится въ теперешнемъ обществѣ. Единственное лекарство—война. Пальятивное, моментальное, но отрадное для народа. Война поднимаетъ духъ народа и его сознаніе собственнаго достоинства. Война равняетъ всѣхъ во время боя и миритъ господина и раба въ самомъ высшемъ проявленіи человѣческаго достоинства, — въ жертвѣ жизнію за общее дѣло, за всѣхъ, за отечество. Неужели вы думаете, что масса, самая даже темная масса мужиковъ и нищихъ, не нуждается въ потребности *дѣятельнаго* проявленія великодушныхъ чувствъ? А во время мира, чѣмъ масса можетъ заявить свое великодушіе и человѣческое достоинство? Мы и на единичныя-то проявленія великодушія въ простонародьѣ смотримъ, едва удостоивая замѣчать ихъ, иногда съ улыбкою недовѣрчивости, иногда просто не вѣря, а иногда такъ и подозрительно. Когда-же повѣримъ героизму какой нибудь единицы, то тотчасъ-же надѣлаемъ шуму, какъ передъ чѣмъ-то необыкновеннымъ; и что-же выходитъ: наше удивленіе и наши похвалы похожи на презрѣніе. Во время войны все это исчезаетъ само собой и наступаетъ полное равенство героизма. Пролитая кровь важная вещь. Взаимный подвигъ великодушія порождаетъ самую твердую связь неравенствъ и сословій. Помѣщикъ и мужикъ, сражаясь вмѣстѣ въ двѣнадцатомъ году, были ближе другъ къ другу, чѣмъ у себя въ деревнѣ, въ мирной усадьбѣ. Война есть поводъ массѣ уважать себя, а потому народъ и любитъ войну: онъ слагаетъ про войну пѣсни, онъ долго потомъ заслушивается легендъ и разсказовъ о ней... пролитая кровь важная вещь! Нѣтъ, война *въ наше время* необходима; безъ войны провалился-бы міръ, или, по крайней мѣрѣ, обратился-бы въ какую-то слизь, въ какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами...

Я, конечно, пересталъ спорить. Съ мечтателями спорить нельзя. Но есть однако-же престранный фактъ: теперь начинаютъ спорить и подымаютъ разсужденія о такихъ вещахъ, которыя, казалось-бы, давнымъ давно рѣшены и сданы въ архивъ. Теперь это все выкапывается опять. Главное въ томъ, что это повсемѣстно.

Digitized by Google

III.

Опять только одно словцо о спиритизмѣ.

Опять у меня не остается мѣста для «статьи» о спиритизмѣ, опять отлагаю до другаго №. И однако-же я былъ еще въ февралѣ на этомъ спиритскомъ сеансѣ, съ «настоящимъ» медіумомъ—сеансѣ, который произвелъ на меня довольно сильное впечатлѣніе. Объ этомъ сеансѣ другіе, присутствовавшіе на немъ, уже сказали печатно, такъ что мнѣ, конечно, ничего и не остается сообщить, кромѣ этого собственнаго моего впечатлѣнія. Но, до сихъ поръ, въ цѣлые эти два мѣсяца, я не хотѣлъ ничего писать объ этомъ и—*скрылъ* мое впечатлѣніе отъ читателя. Впередъ скажу, что оно было совершенно особаго рода и почти не касалось спиритизма. Это было впечатлѣніе чего-то другаго и лишь проявившагося по поводу спиритизма. Мнѣ очень жаль, что я принужденъ опять отложить, тѣмъ болѣе, что теперь нажилъ охоту поговорить объ этомъ, тогда какъ доселѣ чувствовалъ къ тому какъ-бы нѣкоторое отвращеніе. Отвращеніе произошло отъ мнительности. Нѣкоторымъ изъ друзей моихъ я тогда-же сообщилъ объ этомъ сеансѣ; одинъ человѣкъ, сужденіемъ котораго я глубоко дорожу, выслушавъ, спросилъ меня: «намѣренъ-ли я описать это въ «Дневникѣ»? Я отвѣтилъ что еще не знаю. И вдругъ онъ замѣтилъ: «не пишите». Онъ ничего не прибавилъ и я не настаивалъ, но я понялъ смыслъ: ему, очевидно, было-бы непріятно, еслибъ и я хоть чѣмъ нибудь поспособствовалъ распространенію спиритизма. Это меня тогда поразило потому особенно, что я, напротивъ, передавая объ этомъ февральскомъ сеансѣ, съ искреннимъ убѣжденіемъ отрицалъ спиритизмъ. Стало быть, подмѣтилъ-же въ моемъ разсказѣ этотъ человѣкъ, ненавидящій спиритизмъ, *нѣчто* какъ-бы благопріятное спиритизму, не смотря на все мое отрицаніе. Вотъ почему я и воздерживался до сихъ поръ говорить печатно, именно изъ мнительности и отъ недовѣрчивости къ самому себѣ. Но теперь я, кажется, себѣ уже вполнѣ довѣряю, и всю эту мнительность себѣ разъяснилъ. Кромѣ того я убѣдился, что никакими статьями моими не могу способствовать ни поддержанію спиритизма, ни искорененію его. Г-нъ Менделѣевъ, читающій въ самую сію минуту, какъ я пишу это, свою лекцію въ Соляномъ городкѣ, вѣроятно, глядитъ на дѣло иначе и читаетъ съ благородною цѣлью «раздавить спи-

Digitized by Google

ритизмъ». Лекціи съ такими прекрасными тенденціями всегда пріятно слушать; но я думаю, что кто *захочетъ* увѣровать въ спиритизмъ, того ничѣмъ не остановишь, ни лекціями, ни даже цѣлыми комиссіями, а невѣрующаго, если только онъ вполнѣ *не желаетъ* повѣрить—ничѣмъ не соблазнишь. Вотъ именно это-то убѣжденіе я и выжилъ на февральскомъ сеансѣ у А. Н. Аксакова, по крайней мѣрѣ, тогда въ видѣ перваго сильнаго впечатлѣнія. До тѣхъ поръ я *просто* отрицалъ спиритизмъ, то есть, въ сущности былъ возмущенъ лишь мистическимъ смысломъ его ученія (явленій-же спиритскихъ, съ которыми я и до сеанса съ медіумомъ былъ нѣсколько знакомъ, я не въ состояніи былъ *вполнѣ* отрицать никогда, даже и теперь, и особенно теперь—послѣ того какъ прочелъ отчетъ учрежденной надъ спиритизмомъ ученой комиссіи). Но послѣ того замѣчательнаго сеанса я вдругъ догадался, или лучше вдругъ узналъ, что я мало того, что не вѣрю въ спиритизмъ, но кромѣ того и вполнѣ *не желаю* вѣрить,—такъ что никакія доказательства меня уже не поколеблютъ болѣе *никогда*. Вотъ что я вынесъ изъ того сеанса и потомъ уяснилъ себѣ. И, признаюсь, впечатлѣніе это было почти отрадное, потому что я нѣсколько боялся, идя на сеансъ. Прибавлю еще, что тутъ не одно только личное: мнѣ кажется, въ этомъ наблюденіи моемъ, есть и нѣчто общее. Тутъ мерещится мнѣ какой-то особенный законъ человѣческой природы, общій всѣмъ и касающійся именно вѣры и невѣрія вообще. Мнѣ какъ-то выяснилось тогда, именно чрезъ опытъ, именно чрезъ этотъ сеансъ—какую силу невѣріе можетъ найти и развить въ самомъ себѣ, въ данный моментъ, совершенно помимо вашей воли, хотя и согласно съ вашимъ тайнымъ желаніемъ... Равно, вѣроятно, и вѣра. Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ-бы сказать.

Итакъ до слѣдующаго №, но теперь однако прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе сказаннаго уже въ мартовскомъ №, собственно по поводу все того-же «Отчета» столь извѣстной уже теперь «Коммиссіи».

Я тогда сказалъ нѣсколько словъ объ неудовлетворительности этого «отчета» и о томъ, чѣмъ даже онъ, можетъ быть, вреденъ своему собственному дѣлу. Но я не сказалъ главнаго. Постараюсь теперь добавить въ короткихъ словахъ, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло очень простое. Комиссія не захотѣла снизойти до главной потребности въ этомъ дѣлѣ, до потребности общества, ожидавшаго ея рѣшенія. Она, кажется, такъ мало заботилась объ общественной по-

Digitized by Google

требности (въ противномъ случаѣ пришлось-бы предположить, что она просто и не съумѣла понять ее), что не сообразила даже того, что какими-то «мелькнувшими въ темнотѣ кринолинными пружинками», никого у насъ не разувѣришь и ничего не докажешь, если уже люди повреждены. Читая «отчетъ», рѣшительно начинаетъ казаться, что эти наши ученые предполагали спиритизмъ существующимъ въ Петербургѣ единственно лишь въ квартирѣ А. Н. Аксакова и ничего ровно не знали о жаждѣ, проявившейся въ обществѣ, къ спиритизму и на какихъ основаніяхъ спиритизмъ собственно у насъ, у русскихъ, началъ распространяться. Но они все это знали, а только пренебрегли. По всему видно, что они отнеслись ко всему этому совершенно какъ тѣ частныя лица, которыя выслушиваютъ о пагубныхъ увлеченіяхъ нашего общества спиритизмомъ, лишь глумясь и хихикая надъ ними, да и то мимоходомъ, едва удостоивая вникнуть. Но, организовавшись въ коммиссію, эти ученые стали уже общественными дѣятелями, а не частными лицами. Они получили миссію и вотъ этого-то они, кажется, не пожелали принять въ соображеніе, а подсѣли къ спиритскому столу, совершенно продолжая попрежнему быть частными лицами, то есть, смѣясь, глумясь и хихикая и развѣ только, кромѣ того, немножко сердясь на то, что имъ серьезно пришлось заняться такою глупостью.

Пусть, однако-же, весь этотъ домъ, вся квартира А. Н. Аксакова обтянута пружинами и проволоками, а у медіума, сверхъ того, какая-то машинка, щелкающая между ногъ (объ этой хитрой догадкѣ коммиссіи сообщилъ потомъ печатно Н. П. Вагнеръ). Но вѣдь всякій «серьезный» спиритъ (о, не смѣйтесь надъ этимъ словомъ, право, это очень серьезно) спроситъ прочтя отчетъ: «какъ-же у меня-то дома, гдѣ я всѣхъ знаю по пальцамъ, — моихъ дѣтей, жену, родныхъ и знакомыхъ, — какъ-же у меня-то происходятъ тѣ-же самыя явленія: столъ качается, подымается, слышатся звуки, получаются интеллигентные отвѣты? Вѣдь ужь я-то навѣрно знаю и вполнѣ убѣжденъ, что въ домѣ моемъ нѣтъ машинокъ и проволокъ, а жена моя и дѣти мои меня не станутъ обманывать?» Главное то, что такихъ, которые скажутъ или подумаютъ это, въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Россіи уже накопилось слишкомъ довольно, черезъ чуръ даже, и вотъ объ этомъ надо было-бы подумать, даже снизойдя съ ученой высоты; вѣдь это зараза, вѣдь этимъ людямъ надо помочь. Но высокомѣріе коммиссіи не допускаетъ ее ни до какого раздумья: «просто все легкомысленные и малообразованные люди, а потому и вѣрятъ». «Пусть, положимъ, продолжаетъ настаивать серьозный и тревожно убѣжденный спиритъ (ибо они еще всѣ теперь въ первомъ удивленіи и въ первой тревогѣ, — дѣло вѣдь такое

Digitized by Google

новое и не обычайное), «пусть я легкомысленъ и малообразованъ, но вѣдь машинки-то этой, которая щелкаетъ, все-таки у меня нѣтъ въ домѣ, я вѣдь это навѣрно знаю, да и средствъ я не имѣю выписывать такіе забавные инструменты, да и откуда, кто ихъ продаетъ, все это, ей-Богу, намъ неизвѣстно. Такъ какже у насъ-то щелкаетъ, какже эти стуки-то происходятъ? Вотъ вы говорите, что мы сами какъ-то надавливаемъ на столъ безсознательно; увѣряю-же васъ, что мы не до такой степени дѣти и слѣдимъ за собой, именно слѣдимъ: не надавливаемъ-ли сами, — опыты дѣлаемъ, съ любопытствомъ, съ безпристрастіемъ»...

— Нечего вамъ отвѣчать,—заключаетъ коммиссія уже съ сердцемъ, васъ тоже и также обманываютъ, какъ и всѣхъ; всѣхъ обманываютъ, всѣ колпаки; такъ должно быть, такъ наука говоритъ; мы наука.

Ну, это не объясненіе. «Нѣтъ, видно тутъ что нибудь другое, заключаетъ «серьезно» убѣжденный спиритъ; не можетъ быть, чтобъ одни только фокусы. Пусть тамъ мадамъ Клэйръ, а я свою семью знаю: некому у меня дѣлать фокусы». И спиритизмъ держится.

Вотъ сейчасъ я прочиталъ въ «Новомъ Времени» отчетъ о первой лекціи г. Менделѣева въ Соляномъ Городкѣ. Г-нъ Менделѣевъ дѣлаетъ твердое положеніе, въ видѣ твердаго факта, что

„на спиритическихъ сеансахъ столы двигаются и издаютъ стуки, какъ при наложеніи на нихъ рукъ, такъ и безъ него. Изъ этихъ стуковъ, при условной азбукѣ, образуются цѣлыя слова, фразы, изрѣченія, носящія всегда на себѣ оттѣнокъ умственнаго развитія того медіума, при помощи котораго производится сеансъ. Это фактъ. Теперь надо разъяснить, кто стучитъ и обо что? Для разъясненія существуютъ слѣдующія 6 гипотезъ“.

Вотъ это-то и главное: «Кто стучитъ и обо что?» И затѣмъ выставляется шесть существующихъ уже объ этомъ въ Европѣ гипотезъ, цѣлыхъ шесть, кажется, можно-бы разубѣдить даже самаго «серьезнаго» спирита. Но вѣдь любопытнѣе всего для добросовѣстнаго и *желающаго* разъяснить дѣло спирита не то, что есть шесть гипотезъ, а то, какой гипотезы держится самъ г. Менделѣевъ, что собственно говоритъ и на чемъ установилась именно наша коммиссія? Свое-то намъ ближе, авторитетнѣе, а что тамъ въ Европѣ, или въ Американскихъ Штатахъ, такъ это все дѣло темное! И вотъ изъ дальнѣйшаго изложенія лекціи видно, что коммиссія, все-таки и опять-таки, остановилась на гипотезѣ фокусовъ, да и не простыхъ, а именно съ предвзятыми плутнями и щелкающими между ногъ машинками (повторяю, — по свидѣтельству Н. П. Вагнера)

Digitized by Google

Но этого мало, мало этого ученаго «высокомѣрія» для нашихъ спиритовъ, мало даже и въ томъ случаѣ, *если-бъ коммиссія была и права*, и вотъ въ чемъ бѣда. Да и кто еще знаетъ, можетъ быть, «серьезно» убѣжденный спиритъ и правъ, заключая, что если спиритизмъ и вздоръ, то все-таки тутъ что-то другое, кромѣ однихъ грубыхъ плутней, къ которому и надо-бы отнестись понѣжнѣе и, такъ сказать, поделикатнѣе, потому вѣдь что «жена его, дѣти его, знакомые его не станутъ его обманывать» и т. д., и т. д. Повѣрьте, что онъ сталъ на своемъ и вы его съ этого не собьете. Онъ твердо знаетъ, что тутъ «не все однѣ плутни». Въ этомъ-то ужь онъ убѣдился.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ другія положенія коммиссіи почти точно такого-же высокомѣрнаго характера: «легкомысленны, дескать, сами надавливаютъ безсознательно на столъ, оттого столъ и качается; сами обмануть себя желаютъ, столъ и стучитъ; нервы разстроены, во мракѣ сидятъ, гармонія играетъ, крючечки въ рубашечныхъ рукавчикахъ устроены, (это, впрочемъ, предположеніе г-на Рачинскаго), кончикомъ ноги столъ подымаютъ» и т. д., и т. д. И все-таки это никого не убѣдитъ изъ *желающихъ совратиться*. «Помилосердуйте, у меня столъ въ два пуда, я ни за что его не сдвину концомъ ноги и ужь никакъ не подыму на воздухъ, да этого и нельзя совсѣмъ сдѣлать, развѣ какой нибудь факиръ или фокусникъ это сдѣлаетъ, или тамъ ваша мистриссъ Клэйръ своей кринолинной машинкой, а у меня въ семействѣ нѣтъ такихъ фокусниковъ и эквилибристовъ». Однимъ словомъ, спиритизмъ—безъ сомнѣнія, великое, чрезвычайное и глупѣйшее заблужденіе, блудное ученіе и тьма, но бѣда въ томъ, что не такъ просто все это, можетъ быть, происходитъ за столомъ, какъ предписываетъ вѣрить коммиссія и нельзя тоже всѣхъ спиритовъ сплошь обозвать рохлями и глупцами. Этимъ только переоскорбишь всѣхъ лично и тѣмъ скорѣе ничего не достигнешь. Къ этому заблужденію надо-бы было отнестись, кажется, именно въ нѣкоторой связи съ текущими общественными обстоятельствами нашими, а по этому и тонъ, и пріемъ измѣнить на другіе. Особенно надо-бы было принять во вниманіе мистическое значеніе спиритизма, эту вреднѣйшую вещь какая только можетъ быть; но коммиссія именно надъ этимъ-то значеніемъ и не задумывалась. Конечно, она не въ силахъ-бы была раздавить это зло, ни въ какомъ случаѣ, но, по крайней мѣрѣ, другими, не столь наивными и гордыми пріемами могла-бы вселить и въ спиритахъ даже уваженіе къ своимъ выводамъ, а на шаткихъ еще послѣдователей такъ и сильное-бы могла имѣть вліяніе. Но коммиссія, очевидно, считала всякій другой подходъ къ дѣлу,

Digitized by Google

кромѣ какъ къ фокусничеству, и не простому, а съ плутнями,—унизительнымъ для своего ученаго достоинства. Всякое предположеніе, что спиритизмъ есть *нѣчто*, а не просто грубый обманъ и фокусъ,—для коммиссіи было немыслимо. Да и что сказали-бы тогда объ нашихъ ученыхъ въ Европѣ? Такимъ образомъ, прямо задавшись убѣжденіемъ, что всего-то тутъ только надо изловить плутню и ничего больше,—ученые тѣмъ самымъ сами дали рѣшенію своему видъ предвзятаго рѣшенія. Повѣрьте, что иной умный спиритъ (увѣряю васъ, что есть и умные люди, задумывающіеся надъ спиритизмомъ, не все глупцы),—иной умный спиритъ, прочитавъ въ газетахъ отчетъ о публичной лекціи г-на Менделѣева, а въ немъ такую фразу:

„Изъ этихъ стуковъ, при условной азбукѣ, образуются цѣлыя слова, фразы, изрѣченія, *носящія всегда на себѣ оттѣнокъ умственнаго развитія того медіума, при помощи котораго производится сеансъ*. Это фактъ".

прочитавъ такую фразу, пожалуй, вдругъ подумаетъ: да вѣдь этотъ «всегдашній оттѣнокъ умственнаго развитія того медіума» и т. д.—вѣдь это, пожалуй, чуть не самое существенное дѣло въ изслѣдованіи о спиритизмѣ и выводъ долженъ быть сдѣланъ на основаніи самыхъ тщательныхъ опытовъ, и вотъ наша коммиссія, только лишь подсѣла къ дѣлу (долго-ль она занималась-то!) какъ тотчасъ-же и опредѣлила, что *это фактъ*. Ужь и фактъ! Можетъ быть, она руководствовалась въ этомъ случаѣ какимъ нибудь нѣмецкимъ или французскимъ мнѣніемъ, но вѣдь въ такомъ случаѣ гдѣ-же собственный-то ея опытъ? Тутъ лишь мнѣніе, а не выводъ изъ собственнаго опыта. По одной мистриссъ Клэйръ они не могли заключить объ отвѣтахъ столовъ «соотвѣтственныхъ умственному развитію медіумовъ», какъ о всеобщемъ фактѣ. Да и мистриссъ-то Клэйръ врядъ-ли они изслѣдовали съ ея умственной, верхней, головной стороны, а нашли лишь щелкающую машинку, но уже совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Г. Менделѣевъ былъ членомъ коммиссіи и, читая лекцію, говорилъ какъ-бы отъ лица коммиссіи. Нѣтъ, такое скорое и поспѣшное рѣшеніе коммиссіи, *въ такомъ важномъ пунктѣ изслѣдованія* и при такихъ ничтожныхъ опытахъ—слишкомъ высокомѣрно, да и врядъ-ли вполнѣ научно»...

Право, это могутъ подумать. Вотъ подобная-то высокомѣрная легкость *иныхъ* заключеній и дастъ обществу, а пуще всего всѣмъ этимъ убѣжденнымъ уже спиритамъ, поводъ еще пуще утвердиться въ своихъ заблужденіяхъ: «Высокомѣріе, дескать, гордость, предвзятость, преднамѣренность. Брюзгливы ужь слишкомъ»!.. И спиритизмъ удержится.

Digitized by Google

P. S. Сейчасъ прочелъ отчетъ и о второй лекціи г. Менделѣева о спиритизмѣ. Г. Менделѣевъ уже приписываетъ «отчету» коммиссіи врачебное дѣйствіе на писателей: «Суворинъ не такъ уже вѣритъ въ спиритизмъ, Боборыкинъ тоже видимо исцѣлился, по крайней мѣрѣ, поправляется. Наконецъ, въ «Дневникѣ» своемъ и Достоевскій поправился: въ январѣ онъ былъ наклоненъ къ спиритизму, а въ мартѣ уже бранитъ его: стало быть, тутъ «отчетъ». Такъ, стало быть, почтенный г. Менделѣевъ подумалъ, что я въ январѣ хвалилъ спиритизмъ? Ужъ не за чертей-ли?

Г-нъ Менделѣевъ, должно быть, необыкновенно доброй души. Раздавивъ двумя лекціями спиритизмъ, представьте себѣ, вѣдь онъ въ заключеніе второй лекціи похвалилъ его. И за что, какъ вы думаете: «Честь и слава спиритамъ» (ухъ! до чести и славы дошло, да за что-же такъ вдругъ?) Честь и слава спиритамъ, сказалъ онъ, что они вышли честными и смѣлыми борцами того, что имъ казалось истиною, не боясь предразсудковъ»! Очевидно, что это сказано изъ жалости и, такъ сказать, изъ деликатности, происшедшей отъ собственнаго пресыщенія своимъ успѣхомъ, только не знаю—деликатно-ли вышло. Это точь въ точь какъ содержатели благородныхъ пансіоновъ аттестуютъ иной разъ своихъ воспитанниковъ передъ ихъ родителями: «Ну, а этотъ хотя умственными способностями, подобно старшему своему брату, похвалиться не можетъ и далеко не пойдетъ, но за то чистосердеченъ и поведенія благонадежнаго»: каково это младшему-то брату выслушивать! Тоже похвалилъ спиритовъ (и опять съ «честь и славой») за то, что они въ нашъ матеріальный вѣкъ интересуются о душѣ: хоть не въ наукахъ, такъ въ вѣрѣ, дескать, тверды, въ Бога вѣруютъ. Почтенный профессоръ, должно быть, большой насмѣшникъ. Ну, а если онъ это наивно, не въ насмѣшку, то, стало быть, обратное: большой не насмѣшникъ...

IV.

За умершаго.

ъ тяжелымъ чувствомъ прочелъ я въ «Новомъ Времени», перепечатанный этою газетою изъ журнала «Дѣло» анекдотъ, позорный для памяти моего брата Михаила Михайловича, основателя и издателя журналовъ «Время» и «Эпоха» и умершаго двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Привожу этотъ анекдотъ буквально:

Digitized by Google

„Въ 1862 году, когда Щаповъ не захотѣлъ болѣе уже имѣть дѣло съ тогдашними „Отеч. Зап.“. а другіе журналы были временно прекращены, онъ отдалъ своихъ „Бѣгуновъ“ во „Время“. Осенью онъ сильно нуждался, но покойный редакторъ „Времени“, Михаилъ Достоевскій, очень долго затягивалъ уплату слѣдующихъ ему денегъ. Настали холода, а у Щапова не было даже теплаго платья. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя, попросилъ къ себѣ Достоевскаго и при семъ произошла у нихъ слѣдующая сцена.—Подождите-съ, Афонасій Прокопьевичъ, — черезъ недѣлю я вамъ привезу всѣ деньги, говорилъ Достоевскій. — „Да поймите-же вы, наконецъ, что мнѣ деньги сейчасъ нужны“! — «Начто-же сейчасъ-то»? – „Теплаго пальто вонъ у меня нѣтъ, платья нѣтъ“.— „А знаете ли, что у меня знакомый портной есть; у него все это въ кредитъ можно купить, я послѣ заплачу ему изъ вашихъ денегъ“.- И Достоевскій повезъ Щапова къ портному еврею, который снабдилъ историка какимъ то пальто, сюртучкомъ, жилетомъ и штанами весьма сомнительнаго свойства и поставленными въ счетъ очень дорого, на что потомъ жаловался даже непрактическій Щаповъ“.

Это изъ некролога Щапова въ «Дѣлѣ». Не знаю кто писалъ, я еще не справлялся въ «Дѣлѣ» и не читалъ некролога. Перепечатываю-же, какъ сказалъ выше, изъ «Новаго Времени».

Братъ мой умеръ уже давно: дѣло, стало быть, старое, темное, защищать трудно, и — никого свидѣтелей разсказаннаго происшествія. Обвиненіе, стало быть, голословное. Но я твердо увѣряю, что весь этотъ анекдотъ лишь одна нелѣпость и если нѣкоторыя обстоятельства въ немъ не выдумка, то, по крайней мѣрѣ, всѣ факты извращены и правда въ высшей степени пострадала. Докажу это— сколько возможно.

Прежде всего объявляю, что въ денежныхъ дѣлахъ брата по журналу, и въ его прежнихъ коммерческихъ оборотахъ, я никогда не участвовалъ. Сотрудничая брату по редакціи «Времени», я не касался ни до какихъ денежныхъ разсчетовъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ совершенно извѣстно, что журналъ «Время» имѣлъ блестящій по тогдашнему успѣхъ. Извѣстно мнѣ тоже, что разсчеты съ писателями не только не производились въ долгъ, но напротивъ постоянно выдавались весьма значительныя суммы впередъ сотрудникамъ. Про это-то ужь я знаю и много разъ бывалъ свидѣтелемъ. И въ сотрудникахъ журналъ не нуждался: они сами приходили и присылали статьи во множествѣ, еще съ перваго года изданія; стоитъ просмотрѣть №№ «Времени» за всѣ $2^1/_2$-ю года изданія, чтобъ убѣдиться, что въ немъ участвовало огромное большинство тогдашнихъ представителей литературы. Такъ не могло-бы быть если-бъ братъ не платилъ сотрудникамъ, или вѣрнѣе — неблагородно-бы велъ себя съ сотрудниками. Впрочемъ объ раздачѣ впередъ значительныхъ суммъ могутъ многіе и теперь засвидѣтельствовать.

Digitized by Google

ствовать. Дѣло это не въ углу происходило. Многіе изъ бывшихъ и даже близкихъ сотрудниковъ и теперь еще живы и, конечно, не откажутся засвидѣтельствовать: какъ на ихъ взглядъ и память велись братомъ дѣла въ журналѣ. Короче: братъ не могъ «затягивать уплату Щапову», да еще тогда, когда у того не было платья. Если-же Щаповъ попросилъ брата къ себѣ, то не «выведенный изъ терпѣнія» за неуплату, а именно *прося денегъ впередъ* подобно многимъ другимъ. Послѣ покойнаго брата сохранились многія письма и записки въ редакцію сотрудниковъ и я не теряю надежды, что между ними отыщутся и записки Щапова. Тогда и уяснятся отношенія. Но и, кромѣ этого, то обстоятельство, что Щаповъ, вѣроятнѣе всего просилъ тогда денегъ впередъ, — безъ сомнѣнія, согласнѣе съ истиною и со всѣми воспоминаніями, со всѣми еще возможными теперь свидѣтельствами о томъ, какъ велось и издавалось «Время»—свидѣтельствами, которыхъ, повторяю, и теперь можно набрать довольно, не смотря на 14-ти-лѣтній минувшій срокъ. Не смотря на свою «дѣловитость», братъ бывалъ довольно слабъ къ просьбамъ и не умѣлъ отказывать: онъ выдавалъ впередъ, иногда даже и безъ надежды получить статью для журнала отъ писателя. Этому я свидѣтелемъ и могъ-бы кой на кого указать. Но съ нимъ и не такіе случаи бывали. Одинъ изъ *постоянныхъ* сотрудниковъ выпросилъ у брата шестьсотъ рублей впередъ и на другое-же утро уѣхалъ служить въ Западный Край, куда тогда набирали чиновниковъ, и тамъ и остался, и ни статей, ни денегъ братъ отъ него не получилъ. Но замѣчательнѣе всего, что и шагу не сдѣлалъ, чтобъ вытребовать деньги обратно, не смотря на то, что имѣлъ въ рукахъ документъ, и уже долго спустя, по смерти его, его семейство вытребовало съ этого сотрудника (человѣка имѣвшаго средства), деньги судомъ. Судъ былъ гласный и обо всемъ этомъ дѣлѣ можно получить самыя точныя свѣдѣнія. Я только хотѣлъ заявить—съ какою легкостію и готовностью братъ выдавалъ иногда деньги впередъ и что не такой человѣкъ сталъ-бы оттягивать уплату нуждающемуся литератору. Некрологистъ Щапова, вслушиваясь въ разговоръ брата со Щаповымъ, могъ просто не знать о какихъ собственно деньгахъ идетъ дѣло: о должныхъ-ли братомъ, или о просимыхъ впередъ? Весьма возможно и то, что братъ предложилъ Щапову сдѣлать ему, у знакомаго портного, въ кредитъ платье, и все это очень просто: не желая отказать Щапову въ помощи, онъ могъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, предпочесть этотъ способъ помощи выдачѣ денегъ Щапову прямо въ руки...

Наконецъ — въ приведенномъ анекдотѣ я не узнаю разговора

Digitized by Google

моего брата: *такимъ тономъ* онъ никогда не говаривалъ. Это вовсе не то лицо, не тотъ человѣкъ. Братъ мой никогда, ни у кого не заискивалъ; онъ не могъ кружиться около человѣка съ сладенькими фразами, пересыпая свою рѣчь *слово-ерь-сами*. И ужь конечно никогда-бы не допустилъ сказать себѣ: «Да поймите-же вы, наконецъ, что мнѣ деньги сейчасъ нужны». Всѣ эти фразы какъ нибудь передѣлались и пересочинились, подъ извѣстнымъ взглядомъ, за четырнадцать лѣтъ, у автора анекдота въ воспоминаніи. Пусть всѣ, помнящіе брата (а такихъ много), припомнятъ— говорилъ-ли онъ такимъ слогомъ? Братъ мой былъ человѣкъ высоко порядочнаго тона, велъ и держалъ себя какъ джентльменъ, которымъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Это былъ человѣкъ весьма образованный, даровитый литераторъ, знатокъ европейскихъ литературъ, поэтъ и извѣстный переводчикъ Шиллера и Гете. Я не могу представить себѣ, чтобъ такой человѣкъ могъ такъ лебезить передъ Щаповымъ, какъ передано въ «анекдотѣ».

Приведу еще одно обстоятельство о покойномъ братѣ моемъ, кажется, очень мало кому извѣстное. Въ сорокъ девятомъ году онъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевскаго и посаженъ въ крѣпость, гдѣ и высидѣлъ два мѣсяца. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ ихъ освободили нѣсколько человѣкъ, (довольно многихъ), какъ невинныхъ и неприкосновенныхъ къ возникшему дѣлу. И дѣйствительно: братъ не участвовалъ ни въ организованномъ тайномъ обществѣ у Петрашевскаго, ни у Дурова. Тѣмъ не менѣе онъ бывалъ на вечерахъ Петрашевскаго и пользовался изъ тайной, общей библіотеки, складъ которой находился въ домѣ Петрашевскаго, книгами. Онъ былъ тогда фурьеристомъ и со страстью изучалъ Фурье. Такимъ образомъ, въ эти два мѣсяца въ крѣпости, онъ вовсе не могъ считать себя безопаснымъ и разсчитывать съ увѣренностью, что его отпустятъ. То, что онъ былъ фурьеристомъ и пользовался библіотекой—открылось и, конечно, онъ могъ ожидать если не Сибири, то отдаленной ссылки какъ подозрительный человѣкъ. И многіе изъ освобожденныхъ черезъ два мѣсяца подверглись-бы ей непремѣнно (говорю утвердительно), еслибъ не были всѣ освобождены по волѣ покойнаго Государя, о чемъ я узналъ тогда-же отъ князя Гагарина, ведшаго все слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго. По крайней мѣрѣ, узналъ тогда то, что касалось освобожденія моего брата, о которомъ сообщилъ мнѣ князь Гагаринъ, нарочно вызвавъ меня для того изъ каземата въ комендантскій домъ, въ которомъ производилось дѣло, чтобъ обрадовать меня. Но я былъ одинъ, холостой, безъ дѣтей; братъ-же, попавъ въ крѣпость, оставилъ на квартирѣ испуганную жену свою и трехъ дѣтей, изъ которыхъ

Digitized by Google

старшему тогда было всего 7 лѣтъ, и въ добавокъ безъ копѣйки денегъ. Братъ мой нѣжно и горячо любилъ дѣтей своихъ и воображаю, что перенесъ онъ въ эти два мѣсяца! Между тѣмъ, онъ не далъ *никакихъ показаній*, которыя-бы могли компрометировать другихъ, съ цѣлью облегчить тѣмъ собственную участь, тогда какъ могъ-бы кое-что сказать, ибо хоть самъ ни въ чемъ не участвовалъ, но *зналъ о многомъ*. Я спрошу: многіе-ли такъ поступили-бы на его мѣстѣ? Я твердо ставлю такой вопросъ, потому что знаю— о чемъ говорю. Я знаю и видѣлъ: какими оказываются люди въ подобныхъ несчастьяхъ, и не отвлеченно объ этомъ сужу. Пусть какъ угодно посмотрятъ на этотъ поступокъ моего брата, но все-же онъ не захотѣлъ, даже для своего спасенія, сдѣлать то, что̀ считалъ противнымъ своему убѣжденію. Замѣчу, что это не голословное мое показаніе: все это я въ состояніи теперь подкрѣпить точнѣйшими данными. А между тѣмъ братъ въ эти два мѣсяца, каждый день и каждый часъ мучился мыслію, что онъ погубилъ семью и страдалъ вспоминая объ этихъ трехъ маленькихъ дорогихъ ему существахъ и о томъ что ихъ ожидаетъ... И вотъ такого человѣка хотятъ теперь представить въ стачкѣ съ какимъ-то евреемъ портнымъ, чтобъ, обманувъ Щапова, подѣлить съ портнымъ барышъ и положить въ карманъ нѣсколько рублей! Фу, какой вздоръ!

Digitized by Google

МАЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Изъ частнаго письма.

Меня спрашиваютъ: буду-ль я писать про дѣло Каировой? Я получилъ уже нѣсколько писемъ съ этимъ вопросомъ. Одно письмо особенно характерно и писано, очевидно, не для печати; но позволю себѣ привести изъ него нѣсколько строкъ, съ соблюденіемъ, конечно, полнѣйшаго анонима. Надѣюсь, что многоуважаемый корреспондентъ на меня не посѣтуетъ; я и цитирую изъ него лишь убѣжденный въ его совершенной искренности, которую въ полной степени могу оцѣнить.

...«Съ чувствомъ глубочайшаго омерзѣнія прочли мы дѣло Каировой. Это дѣло, какъ фокусъ объектива, выразило собою картину утробныхъ инстинктовъ, для которой главное дѣйствующее лицо (Каирова) формировалось путемъ культурной подготовки: мать во время беременности вдалась въ пьянство, отецъ былъ пьяница, родной братъ отъ пьянства потерялъ разсудокъ и застрѣлился, двоюродный братъ зарѣзалъ свою жену, мать отца была сумасшедшая,—и вотъ изъ этой-то культуры вышла личность деспотическая и необузданная въ своихъ утробныхъ пожеланіяхъ. Обвинительная даже власть стала въ недоумѣніи передъ нею и задала себѣ вопросъ: не сумасшедшая-ли она? Эксперты частью положительно это отрицали, а частью допустили возможность сумасшествія, но не лично въ ней, а въ ея поступкахъ. Но сквозь весь этотъ процессъ проглядываетъ не сумасшедшая, а женщина, дошедшая до крайнихъ предѣловъ отрицанія всего святаго: для нея

Digitized by Google

не существуетъ ни семьи, ни правъ другой женщины,—не только на мужа, но и на самую жизнь,—все для одной только нея и ея утробныхъ похотей.

Ее оправдали, можетъ быть, какъ сумасшедшую, это еще слава Богу! По крайней мѣрѣ, нравственная распущенность отнесена не къ прогрессу ума, а къ разряду психическихъ болѣзней.

Но «въ нижнемъ помѣщеніи публики, занятомъ *исключительно дамами*, послышались апплодисменты» (Биржев. Вѣд.).

Чему апплодисменты? Оправданію сумасшедшей или торжеству расходившейся страстной натуры, цинизму, проявившемуся въ лицѣ женщины?

Рукоплещутъ дамы! Рукоплещутъ жены, матери! Да имъ не рукоплескать, имъ плакать надобно при такомъ поруганіи идеала женщины...

(NB. Здѣсь опускаю нѣсколько слишкомъ уже рѣзкихъ строкъ).

Неужели вы обойдете это молчаніемъ?».

II.

Областное новое слово.

Подымать исторію Каировой, (кажется, всѣмъ уже извѣстную), слишкомъ поздно, да и слову моему въ такихъ характерныхъ явленіяхъ текущей нашей жизни и среди такихъ характерныхъ настроеній нашей публики я не придаю никакого значенія; но *по поводу* этого «дѣла» все-таки стоило-бы сказать хоть одно словцо, хотя-бы даже и поздно. Ибо ничто не прекращается, а потому ничто и не поздно; всякое дѣло, напротивъ, продолжается и обновляется, хотя-бы и минуло въ своей первой инстанціи; а главное и опять таки,—пусть извинитъ меня мой корреспондентъ за выписку изъ письма его. Судя хоть только по письмамъ, которыя я одинъ получаю,—можно-бы сдѣлать заключеніе объ одномъ чрезвычайно замѣчательномъ явленіи нашей русской жизни, о которомъ я уже косвенно и намекалъ недавно, а именно: всѣ безпокоятся, всѣ во всемъ принимаютъ участіе, всѣ желаютъ высказать мнѣніе и заявить себя, и вотъ только одного не могу рѣшить, чего больше желаютъ: обособиться-ли въ своемъ мнѣніи каждый или спѣться въ одинъ общій стройный хоръ. Это письмо изъ провинціи есть письмо частное, но замѣчу здѣсь къ слову, что наша провинція рѣшительно хочетъ зажить своеобразно и чуть-ли не эмансипироваться отъ столицъ совсѣмъ. Это замѣтилъ не я

Digitized by Google

одинъ, гораздо раньше меня объ этомъ сказано въ печати. У меня вотъ уже два мѣсяца лежитъ на столѣ даже цѣлый литературный сборникъ «Первый шагъ», изданный въ Казани, и объ немъ надо-бы было давно сказать нѣкоторое слово,—именно потому, что онъ выступаетъ рѣшительно съ намѣреніемъ сказать новое слово, не столичное, а областное и «настоятельно необходимое». Что-же, все это лишь новые голоса въ старомъ русскомъ хорѣ; а потому полезны и ужь во всякомъ случаѣ любопытны. Это новое направленіе изъ чего нибудь да берется-же. Правда, изъ всѣхъ этихъ проэктированныхъ новыхъ словъ въ сущности еще ни одного не произнесено, но, можетъ быть, дѣйствительно послышится что-нибудь изъ нашихъ областей и окраинъ еще доселѣ не слыханное. Отвлеченно, теоретически судя, все это такъ и должно произойти: пока, съ самаго Петра, Россію вели Петербургъ и Москва; теперь-же, когда роль Петербурга и культурный періодъ прорубленнаго въ Европу окошка кончились,—теперь... но теперь-то вотъ и вопросъ: неужели роль Петербурга и Москвы окончилась? По моему, если и измѣнилась, то очень немного; да и прежде-то, за всѣ-то полтораста лѣтъ Петербургъ-ли собственно и Москва-ли вели Россію? Такъ-ли это было въ самомъ-то дѣлѣ? И не вся-ли Россія, напротивъ, притекала и толпилась въ Петербургѣ и Москвѣ, во всѣ полтораста лѣтъ сряду, и, въ сущности, сама себя и вела, безпрерывно обновляясь свѣжимъ притокомъ новыхъ силъ изъ областей своихъ и окраинъ, въ которыхъ, мимоходомъ говоря, задачи были совсѣмъ однѣ и тѣже, какъ и у всѣхъ русскихъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, въ Ригѣ или на Кавказѣ, или даже гдѣ-бы то ни было. Вѣдь ужъ чего-бы кажется противоположнѣе, какъ Петербургъ съ Москвой, если судить по теоріи, въ принципѣ: Петербургъ-то и основался, какъ-бы въ противуположность Москвѣ и *всей ея идеѣ*. А между тѣмъ эти *два центра* русской жизни въ сущности вѣдь составили одинъ центръ и это тотчасъ-же, съ самаго даже начала, съ самаго даже преобразованія, и нисколько не взирая на раздѣлявшія ихъ нѣкоторыя характерности. Точь въ точь то-же, что зарождалось и развивалось въ Петербургѣ, немедленно и *точь въ точь также самостоятельно*—зарождалось, укрѣплялось и развивалось въ Москвѣ, и *обратно*. Душа была единая и не только въ этихъ двухъ городахъ, но въ двухъ городахъ и во всей Россіи вмѣстѣ, *такъ, что вездѣ по всей Россіи въ каждомъ мѣстѣ была вся Россія*. О, мы понимаемъ, что каждый уголъ Россіи можетъ и долженъ имѣть свои мѣстныя особенности и полное право ихъ развивать; но таковы-ли эти особенности, чтобы грозить духовнымъ разъединеніемъ, или даже просто какимъ нибудь недоумѣніемъ? Вообще у насъ бу-

Digitized by Google

дущее «темна вода», но тутъ, мнѣ кажется, еще яснѣе чѣмъ гдѣ либо. Во всякомъ случаѣ, дай Богъ развиваться всему, что только можетъ развиться, конечно изъ хорошаго и это первое, а второе, и главное—дай Богъ ни за что не терять единства, ни за какія даже блага, посулы и сокровища: лучше вмѣстѣ чѣмъ врознь, и, главное, во всякомъ случаѣ. Сказано новое слово будетъ, это несомнѣнно, но все-же я не думаю, чтобы сказано было что нибудь слишкомъ ужь новое и особенное нашими областями и окраинами, по крайней мѣрѣ, теперь, сейчасъ, слишкомъ ужь что нибудь неслыханное и трудно выносимое. Великоруссъ теперь только что начинаетъ жить, только что подымается чтобы сказать свое слово и, можетъ быть, уже всему міру; а потому и Москвѣ, этому центру Великорусса—еще долго, по моему, жить, да и дай-бы Богъ. Москва еще третьимъ Римомъ не была, а между тѣмъ должно-же исполниться пророчество, потому что «четвертаго Рима не будетъ», а безъ Рима міръ не обойдется. А Петербургъ теперь больше чѣмъ когда нибудь вмѣстѣ съ Москвой за одно. Да, признаюсь, я и подъ Москвой-то подразумѣваю, говоря теперь, не столько городъ, сколько нѣкую аллегорію, такъ, что никакой Казани и Астрахани обижаться почти совсѣмъ не за что. А ихнимъ сборникамъ мы рады, и если даже выйдетъ и «Второй шагъ», то тѣмъ лучше, тѣмъ лучше.

III.

Судъ и г-жа Каирова.

Однако, далеко уѣхали отъ дѣла Каировой. Я хотѣлъ лишь замѣтить моему корреспонденту, что хоть я и согласенъ во взглядѣ на «распущенность инстинктовъ и деспотическую необузданность желаній», тѣмъ не менѣе, въ мнѣніи почтеннаго корреспондента моего нахожу слишкомъ много строгости, даже безцѣльной (ибо чуть-ли онъ и самъ не признаетъ въ преступницѣ сумасшедшую), слишкомъ много тоже преувеличенія, тѣмъ болѣе, что вѣдь кончаетъ-же онъ тѣмъ, что самъ признаетъ *повліявшую среду*, почти до невозможности борьбы съ нею. Что до меня, то я просто радъ, что Каирову отпустили, я не радъ лишь тому, что ее оправдали. Я радъ, что отпустили, хотя и не вѣрю сумасшествію ни на грошъ, не смотря на мнѣнія части экспертовъ: пусть ужь это мое личное мнѣніе, я оставляю его при себѣ. Къ тому-же, безъ сумасшествія эту несчастную какъ-то жальче. Въ сумасшествіи — «не вѣдала что творила»... а

Digitized by Google

безъ сумасшествія,—подите-ка, перетащите-ка на себѣ столько муки! Убійство, если только убиваетъ не «Червонный валетъ», — есть тяжелая и сложная вещь. Эти нѣсколько дней нерѣшимости Каировой по пріѣздѣ къ ея любовнику его законной жены, это накипающее все болѣе и болѣе оскорбленіе, эта наростающая съ каждымъ часомъ обида (о, обидчица она, Каирова, я вѣдь не сошелъ еще съума, но вѣдь тѣмъ и жальче, что она въ паденіи своемъ не могла понимать даже, что она-то и есть обидчица, а видѣла и чувствовала совершенно обратное!) — и, наконецъ, этотъ послѣдній часъ передъ «подвигомъ», ночью, на ступенькахъ лѣстницы, съ бритвой въ рукахъ, которую купила наканунѣ, — нѣтъ, все это довольно тяжело, особенно для такой безпорядочной и шатающейся души, какъ Каирова! Тутъ не по силамъ бремя, тутъ какъ-бы слышатся стоны придавленной. А затѣмъ — десять мѣсяцевъ мытарствъ, сумасшедшихъ домовъ, экспертовъ, и—столько ее таскали, таскали, таскали, и при этомъ эта бѣдная тяжкая преступница, вполнѣ виновная, — въ сущности представляетъ изъ себя нѣчто до того несерьезное, безалаберное, до того ничего не понимающее, не законченное, пустое, предающееся, собой не владѣющее, серединное, и такъ даже до самой послѣдней минуты приговора, — что какъ-то легче стало, когда ее совсѣмъ отпустили. Жаль только, что нельзя было этого сдѣлать не оправдавъ, а то вышелъ скандалъ, какъ хотите. Г. присяжный повѣренный Утинъ мнѣ кажется могъ-бы навѣрно предчувствовать оправданіе, а потому и ограничиться лишь простымъ изложеніемъ факта, а не пускаться въ похвалы преступленію, потому что вѣдь онъ *почти похвалилъ преступленіе*... То-то и есть, что у насъ ни въ чемъ нѣтъ мѣрки. На западѣ Дарвинова теорія—геніальная гипотеза, а у насъ давно уже аксіома. На западѣ мысль, что преступленіе весьма часто есть лишь болѣзнь—имѣетъ глубокій смыслъ, потому, что сильно *различается*, у насъ-же эта мысль не имѣетъ никакого смысла, потому что совсѣмъ не различается—и все, всякая пакость, сдѣланная даже червоннымъ валетомъ, и та чуть-ли не признается болѣзнью и увы!— даже видятъ въ этомъ нѣчто либеральное! Разумѣется, я не про серьезныхъ людей говорю (хотя много-ли у насъ серьезныхъ-то людей въ этомъ смыслѣ?) Я говорю про улицу, про бездарную средину съ одной стороны и про плутовъ, торгующихъ либерализмомъ — съ другой, и которымъ рѣшительно все равно, только чтобы было или казалось либерально. Что-же до присяжнаго повѣреннаго Утина, то онъ «похвалилъ преступленіе» вѣроятно воображая, что, какъ присяжный повѣренный, онъ и не могъ иначе поступить,—и вотъ такъ-то увлекаются безспорно умные люди, и въ результатѣ выг-

Digitized by Google

дитъ совсѣмъ даже не умно. Я такъ думаю, что будь въ иномъ положеніи присяжные, то есть имѣй они возможность сказать другой приговоръ,—то, пожалуй, за такое преувеличеніе они и вознегодовали-бы на г. Утина, такъ что онъ самъ повредилъ-бы своей кліенткѣ. Но все дѣло состояло именно въ томъ, что они буквально не могли вынести инаго приговора. Въ печати ихъ за этотъ приговоръ одни похвалили, другіе, слышно, хулятъ; я думаю, тутъ нѣтъ мѣста ни похвалѣ ни хулѣ: просто сказали такой приговоръ по рѣшительной невозможности сказать что нибудь иное. Разсудите сами, вотъ что читаемъ въ газетномъ отчетѣ:

«На поставленный судомъ, согласно требованіямъ обвиненія, вопросъ о томъ: «нанесла-ли Каирова, *заранѣе обдумавъ свое дѣяніе*, Александрѣ Великановой, *съ цѣлью лишить ее жизни*, нѣсколько ранъ бритвой по шеѣ, головѣ и груди, *но отъ дальнѣйшаго приведенія въ исполненіе своего намѣренія* убить Великанову была остановлена самою Великановою и ея мужемъ,—присяжные отвѣтили отрицательно.

Остановимся здѣсь. Это отвѣтъ на первый вопросъ. Ну, можно-ли отвѣчать на вопросъ *такъ* поставленный? Кто, чья совѣсть возьмется отвѣтить на такой вопросъ утвердительно? (Правда, тутъ и отрицательно-то равно невозможно отвѣтить, но мы говоримъ лишь объ утвердительномъ рѣшеніи присяжныхъ). Тутъ, на вопросъ такъ поставленный, отвѣтить утвердительно можно лишь имѣя сверхъестественное божеское всевѣдѣніе. Да и сама Каирова совершенно могла не знать того: «дорѣжетъ-ли она или нѣтъ», а присяжныхъ спрашивали положительно: «дорѣзала-ли-бы она или нѣтъ, еслибъ не остановили ее?» Да она, купивъ за день бритву, хоть и знала для чего ее купила, всетаки могла не знать: «станетъ-ли еще она рѣзать-то или нѣтъ, а не только дорѣжетъ-ли или нѣтъ?» И вѣрнѣе всего, что не знала объ этомъ ни слова даже и тогда, когда сидѣла на ступенькахъ лѣстницы, уже съ бритвой въ рукѣ, а сзади ея, на ея постели, лежали ея любовникъ съ ея соперницей. Никто, никто въ мірѣ не могъ знать объ этомъ ни одного слова. Да мало того, хоть и покажется абсурдомъ, но я утверждаю, что и когда уже рѣзала, то могла *еще не знать*: хочетъ-ли она ее зарѣзать или нѣтъ, и съ *этою-ли цѣлью* ее рѣжетъ? Замѣтьте, этимъ я вовсе не говорю, что она была въ безсознательномъ состояніи; я даже ни малѣйшаго помѣшательства не допускаю. Напротивъ, навѣрно, въ ту минуту, когда рѣзала, *знала, что рѣжетъ*, но хочетъ-ли, сознательно *поставивъ себѣ это цѣлью*, лишить свою соперницу жизни—этого она могла въ высшей степени не знать, и, ради Бога, не считайте

Digitized by Google

этого абсурдомъ: она могла рѣзать, въ гнѣвѣ и ненависти, не думая вовсе о послѣдствіяхъ. Судя по характеру этой безпорядочной и измученной женщины,—это именно такъ, вѣроятно, и было. А замѣтьте, что отъ отвѣта присяжныхъ, напримѣръ, утвердительнаго: что дорѣзала-бы, и, главное, рѣзала съ непремѣнною цѣлью зарѣзать, зависѣла-бы вся участь несчастной. Тутъ гибель, тутъ каторга. Какже брать на себя присяжнымъ такую обузу на свою совѣсть? Они и отвѣтили отрицательно, потому что не могли варьировать свой отвѣтъ иначе. Вы скажете, что преступленіе Каировой было не выдуманное, не головное, не книжное, а тутъ просто было «бабье дѣло», весьма несложное, весьма простое и что на ея постели вдобавокъ лежала ея соперница. Такъ-ли, простое-ли? А что если она, полоснувъ разъ бритвой по горлу Великановой, закричала-бы, задрожала-бы и бросилась-бы вонъ бѣжать? Почему вы знаете, что этого не случилось-бы? А случилось-бы, такъ очень можетъ быть, что и до суда ничего не дошло-бы. А теперь васъ приперли къ стѣнѣ и допытываются у васъ положительно: «дорѣзала-бы она или нѣтъ», и ужь разумѣется съ тѣмъ, чтобъ услать ее или нѣтъ—сообразно съ вашимъ отвѣтомъ. И ужь малѣйшая варьяція въ вашемъ отвѣтѣ соотвѣтствуетъ цѣлымъ годамъ заключенія или каторги! А что еслибы такъ случилось, что она, полоснувъ разъ и испугавшись, принялась-бы сама себя рѣзать, да, можетъ быть, тутъ-бы себя и зарѣзала? А что, наконецъ, еслибы она не только не испугалась, а, напротивъ, почувствовавъ первые брызги горячей крови, вскочила-бы въ бѣшенствѣ и не только-бы докончила рѣзать Великанову, но еще начала-бы ругаться надъ трупомъ, отрѣзала-бы голову «на прочь», отрѣзала-бы носъ, губы, и только потомъ, вдругъ, когда у нея уже отняли-бы эту голову, догадалась-бы: что это она такое сдѣлала? Я потому такъ спрашиваю, что все это могло случиться и выйти отъ одной и той-же женщины, изъ одной и той-же души, при одномъ и томъ-же настроеніи и при одной и той-же обстановкѣ; говорю это потому, что какъ-то чувствую что не ошибаюсь. Итакъ, какже было отвѣтить послѣ того на такой мудреный вопросъ суда? Вѣдь тутъ не домашній разговоръ за чайнымъ столомъ, вѣдь тутъ рѣшеніе судьбы. Такъ можно ставить вопросы, сильно рискуя не получить на нихъ никакого отвѣта.

Но, скажутъ на это, въ такомъ случаѣ никогда нельзя ни обвинять, ни судить въ убійствѣ, или въ намѣреніи убить, если только преступленіе было недокончено, или жертва выздоровѣла? Нѣтъ, мнѣ кажется за это нечего безпокоиться, потому что есть слишкомъ явные случаи убійствъ, въ которыхъ хотя преступленіе

Digitized by Google

и недокончено (даже хотя-бы собственной волей преступника), то все таки слишкомъ явно, что оно было предпринято единственно *съ цѣлью убійства* и никакой иной цѣли и имѣть не могло. А главное, повторяю,—на то есть совѣсть присяжныхъ, а это главная и великая вещь; въ этомъ-то и благодѣяніе новаго суда, и эта совѣсть дѣйствительно подскажетъ присяжнымъ новое рѣшеніе. Если ужь въ такой важный моментъ человѣкъ ощутитъ въ себѣ возможность твердо отвѣтить: «да виновенъ», то, по всей вѣроятности, не ошибется въ виновности преступника. По крайней мѣрѣ, ошибки случались анекдотически рѣдко. Одно только желательно, чтобъ эта совѣсть присяжныхъ была воистину просвѣщена, воистину тверда и укрѣплена гражданскимъ чувствомъ долга, и избѣгала увлеченія въ ту или другую сторону, т. е. увлеченій жестокости или пагубной сентиментальности. Правда и то, что это второе желаніе, т. е. на счетъ избѣжанія сентиментальности, таки довольно трудно исполнимое. Сентиментальность такъ всѣмъ по плечу, сентиментальность такая легкая вещь, сентиментальность не требуетъ никакого труда, сентиментальность такъ выгодна, сентиментальность съ направленіемъ даже ослу придаетъ теперь видъ благовоспитаннаго человѣка...

Равно и на второй вопросъ, поставленный присяжнымъ судомъ: «Нанесла-ли она эти раны, и *съ тою-же цѣлью*, въ запальчивости и раздраженіи» — присяжные опять таки не могли отвѣтить иначе какъ отрицательно, т. е. «нѣтъ, не нанесла», ибо опять тутъ фраза «съ тою-же цѣлью» означала «съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ лишить Великанову жизни». И особенно трудно стало отвѣтить на это, въ виду того, что «запальчивость и раздраженіе» въ чрезвычайномъ большинствѣ случаевъ, исключаютъ «обдуманное заранѣе намѣреніе»; такъ что въ этомъ второмъ вопросѣ суда заключался какъ-бы даже нѣкоторый и абсурдъ.

За то въ *третьемъ* вопросѣ суда: «дѣйствовала-ли Каирова въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія» заключался уже довольно твердый абсурдъ, ибо при существованіи первыхъ двухъ вопросовъ, эти два вопроса и третій положительно исключаютъ одинъ другой; въ случаѣ-же отрицательнаго отвѣта присяжныхъ на первые два вопроса, или даже просто въ случаѣ оставленія ихъ безъ отвѣта оставалось непонятнымъ: объ чемъ спрашиваютъ, и что даже значитъ слово «дѣйствовала», т. е. объ какомъ именно поступкѣ спрашиваютъ и какъ его опредѣляютъ? Присяжные-же никакъ не могли варьировать свой отвѣтъ, за непремѣнной обязанностью отвѣтить лишь *да*, или *нѣтъ*, безъ варьяцій.

Наконецъ и *четвертый* вопросъ суда: «если дѣйствовала не

Digitized by Google

подъ вліяніемъ умоизступленія, то виновна-ли въ означенномъ въ первомъ или во второмъ вопросѣ преступленіи»—присяжные тоже оставили безъ отвѣта, конечно, въ виду того, что онъ былъ лишь повтореніемъ первыхъ двухъ вопросовъ.

Такимъ образомъ судъ и *отпустилъ* Каирову. Въ отвѣтѣ присяжныхъ: «нѣтъ, не нанесла», конечно, заключался абсурдъ, ибо отвергался самый фактъ нанесенія ранъ,—фактъ ни кѣмъ не оспариваемый и для всѣхъ очевидный, но имъ трудно было сказать что нибудь иное при такой постановкѣ вопросовъ. Но, по крайней мѣрѣ, нельзя сказать, что судъ, отпуская Каирову или даже, такъ сказать, милуя ее, *оправдалъ* подсудимую, а г. Утинъ именно оправдывалъ поступокъ преступницы, почти находилъ его правильнымъ, хорошимъ. Конечно, это невѣроятно, а между тѣмъ такъ вышло.

IV.

Г-нъ защитникъ и Каирова.

Рѣчь г. Утина я разбирать не стану; притомъ она даже и не талантлива. Ужасно много высокаго слога, разныхъ «чувствъ» и той условно-либеральной гуманности, къ которой прибѣгаетъ теперь чуть не всякій, въ «рѣчахъ» и въ литературѣ, и даже самая полная иногда бездарность (такъ что г. Утину ужь совсѣмъ-бы и не кстати), чтобъ придать своему произведенію приличный видъ, благодаря которому оно-бы могло «пройти». Эта условно-либеральная гуманность обличаетъ себя у насъ чѣмъ дальше тѣмъ больше. И всякій теперь знаетъ, что все это—лишь подручное пособіе. Я такъ даже-бы думалъ, что теперь ужь и мало кому это нравится,—не десять лѣтъ тому назадъ, — а межъ тѣмъ, глядь, еще столько простодушія въ людяхъ, особенно у насъ въ Петербургѣ! А простодушіе-то наше и любо «дѣятелю». Дѣятелю некогда, напримѣръ, заняться «дѣломъ», вникнуть въ него; къ тому-же почти всѣ они отчасти и поочерствѣли съ годами и съ успѣхами, и, кромѣ того, достаточно ужь послужили гуманности, выслужили такъ сказать пряжку гуманности, чтобы заниматься тамъ еще несчастіями какой нибудь страдающей и безалаберной душонки сумасброднаго, навязавшагося имъ кліента, а вмѣсто сердца въ груди многихъ изъ нихъ давно уже бьется кусочекъ чего-то казеннаго, и вотъ онъ, разъ навсегда, забираетъ на прокатъ, на всѣ грядущіе экстренные

Digitized by Google

случаи запасикъ условныхъ фразъ, словечекъ, чувствьицъ, мыслицъ, жестовъ и воззрѣній, все, разумѣется, по послѣдней либеральной модѣ и затѣмъ надолго, на всю жизнь погружается въ спокойствіе и блаженство. Почти всегда сходитъ. Повторяю, это опредѣленіе новѣйшаго дѣятеля я положительно не отношу къ г. Утину: онъ талантливъ и чувство у него, вѣроятнѣе всего, натуральное. Но трескучихъ фразъ онъ всетаки напустилъ не въ мѣру много въ свою рѣчь, что и заставляетъ подозрѣвать — не то чтобы недостатокъ вкуса, а именно нѣкоторое небрежное и, можетъ быть, даже и не совсѣмъ гуманное отношеніе къ дѣлу въ настоящемъ случаѣ. Надобно сознаться, что наши адвокаты, чѣмъ талантливѣе они тѣмъ больше заняты, а, стало быть, у нихъ нѣтъ и времени. Было-бы и у г. Утина больше времени, то и онъ-бы, по мнѣнію моему, отнесся къ дѣлу сердечнѣе, а отнесся-бы сердечнѣе, то оказался-бы и обдуманнѣе, не запѣлъ-бы диѳирамба въ сущности крайне пошлой интригѣ, не напустилъ-бы высокаго слога про «встрепенувшихся львицъ, у которыхъ отнимаютъ дѣтенышей», не напалъ-бы съ такою простодушною яростью на жертву преступленія, г-жу Великанову, не попрекнулъ-бы ее тѣмъ что ее не дорѣзали (почти вѣдь такъ!) и не изрекъ-бы наконецъ своего неожиданнѣйшаго каламбура на Христовы слова о грѣшницѣ изъ Евангелія. Впрочемъ, можетъ быть, въ натурѣ все это произошло и не такъ и г. Утинъ произнесъ свою рѣчь имѣя совершенно серьезный видъ; я въ судѣ не былъ; но по газетнымъ однако отчетамъ выходитъ, что какъ будто тутъ была какая-то, такъ сказать, распущенность свысока... однимъ словомъ, что-то ужасно не задумывающееся и сверхъ того много комическаго.

Я съ самаго начала почти рѣчи сталъ въ тупикъ и не могъ понять: смѣется-ли г. Утинъ благодаря прокурора за то, что обвинительная рѣчь его противъ Каировой, кромѣ того, что была «блестяща и талантлива, краснорѣчива и гуманна», была сверхъ того и скорѣе защитительная, чѣмъ обвинительная. Что рѣчь прокурора была краснорѣчива и гуманна въ этомъ не могло быть сомнѣнія, равно какъ и въ томъ, что она была и въ высшей степени либеральна, и вообще эти господа ужасно хвалятъ другъ друга, а присяжные это слушаютъ. Но похваливъ *обвинителя*—прокурора за его *защитительную* рѣчь, г. Утинъ не захотѣлъ только быть оригинальнымъ до конца и, вмѣсто защиты, приняться обвинять свою кліентку, г-жу Каирову. Это жаль, потому что было-бы очень забавно и, можетъ быть, подошло-бы къ дѣлу. Я думаю даже, что присяжные не очень-бы и удивились, потому что нашихъ присяжныхъ удивить трудно. Это невинное замѣчаніе мое, конечно, лишь

Digitized by Google

шутка съ моей стороны: г. Утинъ не обвинялъ, онъ защищалъ и если были въ его рѣчи недостатки, то именно въ томъ, напротивъ, что ужь слишкомъ страстно защищалъ, такъ сказать, даже пересолилъ, что, какъ я и упомянулъ выше, я и объясняю лишь нѣкоторою предварительною небрежностью отношенія къ «дѣлу». «Отдѣлаюсь когда придетъ время высокимъ слогомъ и довольно этой... «галлереѣ»—вотъ какъ, вѣроятно, теперь думаютъ всего чаще иные изъ нашихъ болѣе занятыхъ адвокатовъ. Г. Утинъ изъ себя напримѣръ выходитъ, чтобъ представить свою кліентку какъ можно больше въ идеальномъ, романтическомъ и фантастическомъ видѣ, а это было вовсе не нужно: безъ прикрасъ г-жа Каирова даже понятнѣе; но г. защитникъ билъ, конечно, на дурной вкусъ присяжныхъ. Все-то въ ней идеально, всякій-то шагъ ея необыкновененъ, великодушенъ, граціозенъ, а любовь ея это—это что-то кипящее, это поэма! Каирова, напримѣръ, не бывъ никогда на сценѣ, вдругъ подписываетъ контрактъ въ актрисы и уѣзжаетъ на край Россіи, въ Оренбургъ. Г. Утинъ не утверждаетъ и не настаиваетъ на томъ, что въ этомъ поступкѣ ея «сказалось обычное ея благодушіе и самопожертвованіе», но «тутъ есть, продолжалъ г-нъ Утинъ, какая-то идеальность, извѣстнаго рода сумасбродство и главнымъ образомъ самоотреченіе. Ей нужно было искать мѣсто, чтобы помогать матери и вотъ она принимаетъ мѣсто, которое ей вовсе не свойственно, бросаетъ Петербургъ и отправляется одна въ Оренбургъ» и т. д. и т. д. Ну, и что-же такое, казалось-бы ничего особеннаго и поражающаго тутъ не произошло вовсе; мало-ли кто куда отправляется, мало-ли дѣвушекъ бѣдныхъ, прекрасныхъ, несчастныхъ, талантливыхъ соглашаются на отъѣздъ и принимаютъ кондиціи далеко похуже той, которая досталась г-жѣ Каировой. Но у г. защитника, какъ видите, выходитъ какая-то жертва самоотреченія, а изъ контракта въ актрисы почти подвигъ. Ну, и дальше все въ такомъ-же родѣ. Каирова очень скоро «сходится» съ Великановымъ, антрепренеромъ труппы. Дѣла его были плохи: «она хлопочетъ за него, выпрашиваетъ субсидію, выхлопатываетъ освобожденіе». Ну, что-жь такое, опять ничего-бы особеннаго, да и многія женщины, особенно съ живымъ подвижнымъ характеромъ, какъ у Каировой, начали-бы въ такомъ случаѣ «хлопотать» ради милаго человѣка, если ужь завели съ нимъ интрижку. Начались сцены съ женой Великанова и, описавъ одну изъ такихъ сценъ, г-нъ Утинъ замѣчаетъ, что съ этой минуты его кліентка считала Великанова «своимъ», видѣла въ немъ свое созданіе, свое «милое дитя». Кстати, это «милое дитя», говорятъ, высокаго роста, плотнаго, гренадерскаго сложенія, съ вьющимися волосиками на затылкѣ.

Digitized by Google

Г-нъ Утинъ въ своей рѣчи утверждаетъ, что она смотрѣла на него, какъ на «свое дитя», какъ на свое «твореніе», хотѣла его «возвысить, облагородить». Г-нъ Утинъ видимо отвергаетъ, что г-жа Каирова могла-бы привязаться къ Великанову безъ этой именно спеціальной цѣли, а между тѣмъ, это «милое дитя», это «твореніе» нисколько не благородится, а напротивъ, чѣмъ дальше тѣмъ хуже.

Однимъ словомъ, у г. Утина вездѣ выходитъ какой-то слишкомъ ужь не подходящій къ этимъ лицамъ и къ этой обстановкѣ высокій настрой, такъ что подчасъ становится удивительно. Начинаются похожденія; «милое дитя» и Каирова пріѣзжаютъ въ Петербургъ, потомъ онъ ѣдетъ въ Москву искать мѣста. Каирова пишетъ ему задушевныя письма, она полна страсти, чувствъ, а онъ рѣшительно не умѣетъ писать письма и съ этой точки ужасно «неблагороденъ». «Въ этихъ письмахъ, замѣчаетъ г-нъ Утинъ, начинаетъ проглядывать то облачко, которое потомъ затянуло все небо и произвело грозу». Но г-нъ Утинъ и не умѣетъ объясняться проще, у него все вездѣ такимъ слогомъ. Наконецъ, Великановъ опять возвращается и они опять живутъ въ Петербургѣ (maritalement, разумѣется)—и вотъ вдругъ важнѣйшій эпизодъ романа—пріѣзжаетъ жена Великанова и Каирова «встрепенулась какъ львица, у которой отнимаютъ дѣтеныша». Тутъ дѣйствительно начинается много краснорѣчія. Еслибъ не было этого краснорѣчія, то, конечно, было-бы жальче эту бѣдную, сумасбродную женщину, мечущуюся между мужемъ и женой и незнающую что предпринять. Великановъ оказывается «вѣроломнымъ», по просту, слабымъ человѣкомъ. Онъ—то жену обманываетъ, увѣряя ее въ любви, то ѣдетъ съ дачи въ Петербургъ къ Каировой и успокоиваетъ ее тѣмъ, что жена скоро уѣдетъ заграницу. Г-нъ Утинъ представляетъ любовь своей кліентки не только въ заманчивомъ, но даже въ назидательномъ и, такъ сказать, высоконравственномъ видѣ. Она, видите-ли, хотѣла даже обратиться къ Великановой съ предложеніемъ уступить той мужа вовсе (про котораго, положительно, стало быть, думала, что имѣетъ почему-то на него полное право); «хотите взять его — возьмите, хотите жить съ нимъ — живите, но или уѣзжайте отсюда или я уѣду. Рѣшитесь на что нибудь». Это она хотѣла сказать, не знаю только: сказала-ли. Но никто ни на что не рѣшился, а Каирова, вмѣсто того чтобы самой уѣхать (если ужь такъ хотѣлось чѣмъ нибудь кончить) безъ всякихъ вопросовъ и не дожидаясь никакихъ невозможныхъ рѣшеній, — только металась и кипѣла. «Отдать его безъ борьбы да это была-бы не женщина»... вдругъ замѣчаетъ г-нъ Утинъ. Ну, такъ для чего-же-бы и говорить столько о разныхъ хотѣніяхъ, вопросахъ, «предложеніяхъ?»

Digitized by Google

«Страсть обуревала ее», растолковываетъ суду г-нъ Утинъ, «ревность уничтожила, поглотила ея умъ и заставила играть страшную игру». И потомъ: «ревность искрошила ея разсудокъ, отъ него ничего не осталось. Какже могла она управлять собою». Такъ продолжалось десять дней. «Она томилась; ее бросало въ жаръ и лихорадку, она не ѣла, не спала, бѣжала то въ Петербургъ, то въ Ораніенбаумъ и когда она такимъ образомъ была измучена, наступилъ злополучный понедѣльникъ 7-го іюля». Въ этотъ злополучный понедѣльникъ измученная женщина пріѣзжаетъ къ себѣ на дачу и ей говорятъ, что жена Великанова тутъ; она подходитъ къ спальнѣ и...

«Развѣ, гг. присяжные засѣдатели, возможно, чтобы женщина осталась спокойною? Для этого нужно быть камнемъ; нужно, чтобъ у ней не было сердца. Любимый страстно ею человѣкъ — въ ея спальнѣ, на ея постели, съ другой женщиной! Это было свыше ея силъ. Ея чувства были бурнымъ потокомъ, который истребляетъ все, что ему попадется на пути; она рвала и метала; она могла *истребить все окружающее* (!!!!) Если мы спросимъ этотъ потокъ, что онъ дѣлаетъ, зачѣмъ причиняетъ зло, то развѣ онъ можетъ намъ отвѣтить. Нѣтъ, онъ безмолвствуетъ».

Экъ вѣдь фразъ-то, экъ вѣдь «чувствъ-то»! «Было-бы горячо, а вкусъ вѣрно какой нибудь выйдетъ». Но остановимся однако-же на этихъ фразахъ: онѣ очень нехороши; и тѣмъ хуже, что это самое главное мѣсто въ защитѣ г-на Утина.

Я слишкомъ согласенъ съ вами, г. защитникъ, что Каирова не могла оставаться спокойной въ сценѣ, которую вы описали, но лишь потому только, что она—Каирова, т. е. слабая, можетъ быть, очень добрая, если хотите, женщина, пожалуй, симпатичная, привязчивая (про эти ея качества я, впрочемъ, до сихъ поръ знаю лишь изъ вашей рѣчи), но въ тоже время вѣдь и безпутная-же она, не правда-ли? Я не развратную безпутность натуры здѣсь разумѣю: женщина эта несчастна и не стану я ее оскорблять, тѣмъ болѣе, что и судить-то въ этомъ пунктѣ совсѣмъ не возьмусь. Я разумѣю лишь безпутность ея ума и сердца, которая для меня безспорна. Ну, вотъ по этой-то безпутности и не могла она въ эту роковую минуту рѣшить дѣло иначе, какъ она его рѣшила, а не потому, что, рѣшая иначе, «нужно быть камнемъ, нужно, чтобъ у нея не было сердца», какъ опредѣлили вы, г. защитникъ. Подумайте, г. защитникъ, вѣдь утверждая это, вы какъ будто и исхода другого, болѣе яснаго, болѣе благороднаго и великодушнаго совсѣмъ не допускаете. И еслибъ нашлась женщина, способная въ такую минуту бросить бритву и дать дѣлу другой исходъ, то вы-бы, стало быть, обозвали ее камнемъ, а не женщиной, женщиной безъ сердца.

Digitized by Google

Такимъ образомъ вы «почти похвалили преступленіе», какъ я сказалъ про васъ выше. Это, конечно, было увлеченіе съ вашей стороны, и ужь безспорно благородное, но жаль, что такія необдуманныя слова уже раздаются съ юныхъ общественныхъ трибунъ нашихъ. Вы меня извините, г. защитникъ, что я отношусь къ вашимъ словамъ столь серьезно. А затѣмъ подумайте: есть высшіе типы и высшіе *идеалы* женщины. Эти идеалы были-же и являлись-же на свѣтѣ, это безспорно. И что еслибъ даже сама г-жа Каирова и уже въ послѣднюю минуту, съ бритвой въ рукахъ, вдругъ взглянула-бы ясно въ судьбу свою, (не безпокойтесь, это очень иногда возможно и именно въ послѣдній моментъ) сознала-бы несчастье свое (ибо любить такого человѣка есть несчастье); сознала-бы весь стыдъ и позоръ свой, все паденіе свое (ибо не одно-же вѣдь въ самомъ дѣлѣ «великодушіе и самоотверженіе» въ этихъ «грѣшницахъ», г. защитникъ, а и много лжи, стыда, порока и паденія)—ощутила-бы вдругъ въ себѣ женщину воскресшую въ новую жизнь, сознавшую при этомъ, что вѣдь и она—«обидчица», кромѣ того—что оставивъ этого человѣка она можетъ еще больше и вѣрнѣе его облагородить, и, почувствовавъ все это, встала-бы и ушла залившись слезами: «до чего, дескать, я сама упала»! Ну, чтоже, еслибы это случилось даже съ самой г-жей Каировой—неужели-бы вы не пожалѣли ее, не нашли-бы отзывчиваго чувства въ добромъ безспорно сердцѣ вашемъ, а назвали-бы эту вдругъ воскресшую духомъ и сердцемъ женщину—камнемъ, существомъ безъ сердца и заклеймили-бы ее всенародно съ нашей юной трибуны, къ которой всѣ такъ жадно еще прислушиваются, вашимъ презрѣньемъ?

Слышу однако-же голоса: «Не требуйте-же отъ всякой, это безчеловѣчно». Знаю, я и не требую. Я содрогнулся, читая то мѣсто, когда она подслушивала у постели, я слишкомъ могу понять и представить себѣ, что она вынесла въ этотъ послѣній часъ, съ своей бритвой въ рукахъ, я очень, очень былъ радъ, когда отпустили г-жу Каирову и шепчу про себя великое слово: «налагаютъ бремена тяжкія, и неудобоносимыя»; но Тотъ Кто сказалъ это слово, когда потомъ прощалъ преступницу, Тотъ прибавилъ: «иди и не грѣши». Стало быть, грѣхъ всетаки назвалъ грѣхомъ; простилъ, но не оправдалъ его; а г. Утинъ говоритъ: «она была-бы не женщина, а камень, существо безъ сердца», такъ что даже не понимаетъ, какъ можно поступить было иначе. Я только робко осмѣливаюсь замѣтить, что зло надо было всетаки назвать зломъ, не смотря ни на какую гуманность, а не возносить почти что до подвига.

Digitized by Google

V.

Г-нъ защитникъ и Великанова.

И ужь если провозглашать гуманность, то можно-бы пожалѣть и г-жу Великанову. Кто ужь слишкомъ жалѣетъ обидчика, тотъ, пожалуй, не жалѣетъ обиженнаго. А между тѣмъ г-нъ Утинъ отнимаетъ у г-жи Великановой даже ея качество «жертвы преступленія». Мнѣ кажется, я рѣшительно не ошибусь заключеніемъ, что г-ну Утину, въ продолженіе всей его рѣчи, поминутно хотѣлось сказать что нибудь дурное про г-жу Великанову. Признаюсь, пріемъ этотъ слишкомъ ужъ простодушенъ и, кажется, самый неловкій; онъ слишкомъ первоначаленъ и торопливъ; вѣдь скажутъ, пожалуй, г-нъ защитникъ, что вы гуманны лишь для своихъ кліентовъ, то есть, по должности, а развѣ это правда? Вотъ вы подхватили и привели, напримѣръ «дикую, ужасную» сцену, когда Великанова въ раздраженіи сказала вслухъ, что «расцѣлуетъ ручки—ножки у того кто избавитъ ее отъ такого мужа», и что Каирова, тутъ бывшая, тотчасъ-же сказала на это: «я возьму его», а Великанова ей на то: «ну и возьмите». Вы даже замѣтили, передавъ этотъ *фактъ*, что вотъ съ этой-то минуты Каирова и стала считать этого господина *своимъ*, стала видѣть въ немъ свое созданіе и «свое милое дитя». Все это очень наивно. И во первыхъ, что тутъ «дикаго и ужаснаго»? Сцена и слова скверныя безспорно; но вѣдь если вы допускаете возможность извинить даже бритву въ рукахъ Каировой и признать, что Каирова не могла оставаться спокойной, въ чемъ я вамъ въ высшей степени вѣрю, то какъ-же не извинить нетерпѣливое, хотя и нелѣпое, восклицаніе несчастной жены! Вѣдь сами-же вы признаете, что Великановъ человѣкъ невозможный и даже до того, что самый фактъ любви къ нему Каировой уже можетъ достаточно засвидѣтельствовать о ея безуміи. Какъ-же вы удивляетесь послѣ того словамъ Великановой: «ручки—ножки». Съ невозможнымъ человѣкомъ и отношенія принимаютъ иногда характеръ невозможный и фразы вылетаютъ подчасъ невозможныя. Но вѣдь это только *подчасъ* и всего только фраза. И, признаюсь, если-бъ г-жа Каирова такъ серьозно поняла, что жена въ самомъ дѣлѣ отдаетъ ей мужа и что съ этихъ поръ она ужь и право имѣетъ считать его своимъ, то была-бы большая шутница. Вѣроятно, все это произошло какъ нибудь иначе.

Digitized by Google

И не надо смотрѣть на иную фразу инаго бѣднаго, удрученнаго человѣка такъ свысока. Въ этихъ семействахъ (да и не въ этихъ только однихъ, а знаете-ли еще въ какихъ семействахъ?) говорятъ и не такія фразы. Бываетъ нужда, жизненная тягота и отношенія семейныя подъ гнетомъ ея иногда невольно грубѣютъ, такъ что и допускаются иныя словечки, которыхъ-бы не сказалъ, напримѣръ, лордъ Байронъ своей леди Байронъ, даже въ самую минуту ихъ окончательнаго разрыва, или хоть Арбенинъ Нинѣ въ «Маскарадѣ» Лермонтова. Конечно, этого неряшества извинять нельзя, хотя это всего лишь неряшество, дурной нетерпѣливый тонъ, а *сердце* остается, можетъ быть, еще лучше нашего, такъ что если смотрѣть попроще, то, право, будетъ гуманнѣе. А если хотите, то выходка г-жи Каировой—«я возьму его», по моему, гораздо мерзче: тутъ страшное оскорбленіе женѣ, тутъ истязаніе, насмѣшка въ глаза торжествующей любовницы, отбившей мужа у жены. У васъ, г-нъ защитникъ, есть чрезвычайно ядовитыя слова про эту жену. Сожалѣя, напримѣръ, что она не явилась въ судъ, а прислала медицинское свидѣтельство о болѣзни, вы замѣтили присяжнымъ, что если-бъ она явилась, то свидѣтельство это потеряло-бы всякое значеніе, потому что присяжные увидѣли-бы здоровую, сильную, красивую женщину. Но какое вамъ дѣло, въ данномъ случаѣ, до ея красоты, силы и здоровья? Вы говорите далѣе: «Гг. присяжные! Что это за женщина, которая пріѣзжаетъ къ мужу, который живетъ съ другою, приходитъ въ домъ любовницы своего мужа, зная, что Каирова тамъ живетъ; рѣшается остаться ночевать и ложится въ ея спальнѣ, на постелѣ... Это превышаетъ мое понятіе». Пусть превышаетъ, но всетаки вы слишкомъ аристократичны и—несправедливы. И знаете-ли, г-нъ защитникъ, что кліентка ваша, можетъ быть, даже много выиграла тѣмъ, что г-жа Великанова не явилась въ судъ. Про Великанову въ судѣ насказано было много дурнаго, про ея характеръ, напримѣръ. Я не знаю ея характера, но мнѣ почему-то даже нравится, что она не явилась. Она не явилась, можетъ быть, по гордости оскорбленной женщины, можетъ быть, жалѣя даже мужа. Вѣдь никто ничего не можетъ сказать, почему она не явилась... Но во всякомъ случаѣ видно, что она не изъ тѣхъ особъ, которыя любятъ разсказывать о своихъ страстяхъ публично и описывать всенародно свои женскія чувства. И кто знаетъ, можетъ быть, если-бъ она явилась, то ей ничего-бы не стоило разъяснить: почему она остановилась въ квартирѣ любовницы своего мужа, чему вы такъ удивляетесь и что ставите ей въ такой особенный стыдъ. Мнѣ кажется, она остановилась не у Каировой, а у своего раскаявшагося мужа, который призвалъ

Digitized by Google

ее. И ни откуда не слѣдуетъ, что г-жа Великанова расчитывала, что г-жа Каирова будетъ продолжать платить за эту квартиру. Ей даже, можетъ быть, и трудно было разпознать сейчасъ по пріѣздѣ: кто тутъ платитъ и кто хозяинъ. Мужъ звалъ ее къ себѣ, значитъ, мужъ и квартиру оставилъ за собой; и весьма вѣроятно, что онъ такъ и сказалъ ей; вѣдь онъ-же ихъ тогда обѣихъ обманывалъ. Точь въ точь и ваша тонкость про спальню и про постель. Тутъ какой нибудь волосокъ, какая нибудь самая ничтожная подробность могла-бы, можетъ быть, разъяснить все разомъ. Вообще, мнѣ кажется, къ этой бѣдной женщинѣ были всѣ несправедливы и мнѣ сдается, что застань Великанова Каирову въ спальнѣ съ своимъ мужемъ и прирѣжь ее бритвой, то кромѣ грязи и каторги она ничего-бы не добилась въ своемъ ужасномъ качествѣ законной жены. Ну, возможно-ли, напримѣръ сказать, какъ вы сказали, г. защитникъ, что въ этомъ «дѣлѣ» Великанова не потерпѣла, потому что, черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, явилась уже на подмосткахъ театра и играла потомъ всю зиму, тогда какъ Каирова просидѣла десять мѣсяцевъ въ заключеніи. О бѣдной кліенткѣ вашей мы всѣ жалѣемъ не меньше васъ, но согласитесь, что и г-жа Великанова потерпѣла не мало. Не говоря уже о томъ, сколько она потерпѣла какъ жена и какъ уважающая себя женщина (послѣдняго я рѣшительно не вправѣ отнять отъ нея)—вспомните, г-нъ защитникъ, вы, такой тонкій юристъ и такъ гуманно заявившій себя въ своей рѣчи человѣкъ,—вспомните, сколько она должна была вынести въ ту ужасную ночь? Она вынесла нѣсколько минутъ (слишкомъ много минутъ) *смертнаго страху*. Знаете-ли, что такое *смертный страхъ*? Кто не былъ близко у смерти, тому трудно понять это. Она проснулась ночью, разбуженная бритвой своей убійцы, полоснувшей ее по горлу, увидала яростное лицо надъ собою; она отбивалась, а та продолжала ее полосовать; она ужь конечно была убѣждена въ эти первыя, дикія, невозможныя минуты, что уже зарѣзана и смерть неминуема,—да вѣдь это невыносимо, это горячешный кошмаръ, только на яву и, стало быть, во сто разъ мучительнѣе; это почти все равно что смертный приговоръ привязанному у столба къ разстрѣлянію и когда на привязаннаго уже надвинутъ мѣшокъ... Помилуйте, г. защитникъ, и этакое истязаніе вы считаете пустяками! И неужели никто изъ присяжныхъ даже не улыбнулся, это слушая. Ну, и что-же такое, что Великанова черезъ двѣ недѣли уже играла на сценѣ: уменьшаетъ-ли это тотъ ужасъ, который она двѣ недѣли передъ тѣмъ вынесла, и вину вашей кліентки? Вотъ мачиха недавно выбросила изъ четвертаго этажа свою шестилѣт-

Digitized by Google

нюю падчерицу, а ребенокъ сталъ на ножки совсѣмъ невредимый: ну, неужели это сколько нибудь измѣняетъ жестокость преступленія и неужели эта дѣвочка такъ-таки ровно ничего не претерпѣла? Кстати, я ужь воображаю себѣ невольно, какъ эту мачиху будутъ защищать адвокаты: И безвыходность-то положенія, и молодая жена у вдовца, выданная за него насильно или вышедшая ошибкой. Тутъ пойдутъ картины бѣднаго быта бѣдныхъ людей, вѣчная работа. Она, простодушная, невинная, выходя, думала какъ неопытная дѣвочка (при нашемъ-то воспитаніи особенно!) что замужемъ однѣ только радости, а вмѣсто радостей—стирка запачканнаго бѣлья, стряпня, обмываніе ребенка,—«гг. присяжные, она естественно должна была возненавидѣть этого ребенка—(кто знаетъ, вѣдь можетъ найдется и такой «защитникъ», что начнетъ чернить ребенка и пріищетъ въ шестилѣтней дѣвочкѣ какія нибудь скверныя ненавистныя качества!),—въ отчаянную минуту, въ аффектѣ безумія, почти не помня себя, она схватываетъ эту дѣвочку и... «Гг. присяжные, кто-бы изъ васъ не сдѣлалъ того-же самаго? Кто-бы изъ васъ не вышвырнулъ изъ окна ребенка»?

Мои слова, конечно, каррикатура, но если взяться *сочинить* эту рѣчь, то дѣйствительно можно сказать что нибудь довольно похожее и именно въ этомъ самомъ родѣ, т. е. именно въ родѣ этой каррикатуры. Вотъ это-то и возмутительно, что именно въ родѣ этой каррикатуры, тогда какъ дѣйствительно поступокъ этого извергамачихи слишкомъ ужь страненъ и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ долженъ потребовать тонкаго и глубокаго разбора, который могъ-бы даже послужить къ облегченію преступницы. И потому подосадуешь иногда на простодушіе и шаблонство пріемовъ, входящихъ, по разнымъ причинамъ, въ употребленіе у нашихъ талантливѣйшихъ адвокатовъ. Съ другой стороны, думаешь такъ: вѣдь трибуны нашихъ новыхъ судовъ—это рѣшительно нравственная школа для нашего общества и народа. Вѣдь народъ учится въ этой школѣ правдѣ и нравственности; какже намъ относиться хладнокровно къ тому, что раздастся подчасъ съ этихъ трибунъ? Впрочемъ, съ нихъ раздаются иногда самыя невинныя и веселыя шутки. Г. защитникъ въ концѣ своей рѣчи примѣнилъ къ своей кліенткѣ цитату изъ Евангелія: «она много любила, ей многое простится». Это, конечно, очень мило. Тѣмъ болѣе, что г. защитникъ отлично хорошо знаетъ, что Христосъ вовсе не *за этакую любовь* простилъ «грѣшницу». Считаю кощунствомъ приводить теперь это великое и трогательное мѣсто Евангелія; вмѣсто этого не могу удержаться, чтобы не привести одного моего давнишняго замѣчанія, очень мелкаго, но довольно характернаго. Замѣчаніе это, разумѣется, нисколько не касается г.

Digitized by Google

Утина. Я замѣтилъ еще съ дѣтства моего, съ юнкерства, что у очень многихъ подростковъ, у гимназистовъ (иныхъ), у юнкеровъ (по больше) у прежнихъ кадетовъ (всего больше) дѣйствительно вкореняется почему-то съ самой школы понятіе, что Христосъ именно за эту любовь и простилъ грѣшницу, то есть, именно за клубничку, или лучше сказать, за усиленность клубнички, пожалѣлъ, такъ сказать, привлекательную эту немощь. Это убѣжденіе встрѣчается и теперь у чрезвычайно многихъ. Я помню, что разъ—другой я даже задавалъ себѣ серьезно вопросъ: отчего эти мальчики такъ наклонны толковать въ эту сторону это мѣсто Евангелія? Небрежно-ли ихъ такъ учатъ закону Божію? Но вѣдь остальныя мѣста Евангелія они понимаютъ довольно правильно. Я заключилъ, наконецъ, что тутъ, вѣроятно, дѣйствуютъ причины болѣе, такъ сказать, физіологическія: при несомнѣнномъ добродушіи русскаго мальчика, тутъ, вѣроятно, какъ нибудь тоже дѣйствуетъ въ немъ и тотъ особый избытокъ юнкерскихъ силъ, который вызывается въ немъ при взглядѣ на всякую женщину. А впрочемъ, чувствую, что это вздоръ и не слѣдовало-бы приводить вовсе. Повторяю, г-нъ Утинъ, ужь конечно отлично знаетъ, какъ надо толковать этотъ текстъ и для меня сомнѣнія нѣтъ, что онъ просто пошутилъ въ заключеніе рѣчи, но для чего—не знаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Нѣчто объ зданіи. Соотвѣтственныя мысли.

ожь и фальшь, вотъ что со всѣхъ сторонъ, и вотъ что иногда несносно!

И какъ разъ, когда шелъ въ судѣ процессъ г-жи Каировой, я попалъ въ Воспитательный домъ, въ которомъ никогда не былъ и куда давно порывался — посмотрѣть. Благодаря знакомому врачу, осмотрѣли все. Впрочемъ, о подробныхъ впечатлѣніяхъ моихъ потомъ; я даже ничего не записалъ и не отмѣтилъ, ни годовъ, ни цифръ; съ перваго шага стало ясно, что съ одного раза нельзя осмотрѣть и что сюда слишкомъ стоитъ еще и еще воротиться. Такъ мы и положили сдѣлать съ многоуважаемымъ моимъ руководителемъ, врачомъ. Я даже намѣренъ съѣздить въ деревни, къ чухонкамъ, которымъ розданы на воспитаніе младенцы. Слѣдовательно, описаніе мое все

Digitized by Google

въ будущемъ, а теперь мелькаютъ лишь воспоминанія: памятникъ Бецкому, рядъ великолѣпныхъ залъ, въ которыхъ размѣщены младенцы, удивительная чистота (которая ничему не мѣшаетъ), кухни, питомникъ, гдѣ «изготовляются» телята для оспопрививанія, столовыя, группы маленькихъ дѣтокъ за столомъ, группы пяти и шестилѣтнихъ дѣвочекъ, играющихъ въ лошадки, группа дѣвочекъ-подростковъ, по шестнадцати и семнадцати, можетъ быть, лѣтъ, бывшихъ воспитанницъ Дома, приготовляющихся въ нянюшки и старающихся восполнить свое образованіе: онѣ уже кое-что знаютъ, читали Тургенева, имѣютъ ясный взглядъ и очень мило говорятъ съ вами. Но г-жи надзирательницы мнѣ больше понравились: онѣ имѣютъ такой ласковый видъ (вѣдь не притворились-же онѣ для нашего посѣщенія), такія спокойныя, добрыя и разумныя лица. Иныя видимо имѣютъ образованіе. Очень заинтересовало меня тоже извѣстіе, что смертность младенцевъ, собственно ростущихъ въ этомъ домѣ (въ этомъ зданіи, то есть) несравненно меньшая, чѣмъ смертность младенцевъ на волѣ, въ семействахъ, чего однако нельзя сказать про младенцевъ, розданныхъ по деревнямъ. Видѣлъ, наконецъ, и комнату внизу, куда вносятъ младенцевъ ихъ матери чтобъ оставить ихъ здѣсь на вѣки... Но все это потомъ. Я помню только, что съ особеннымъ и съ какимъ-то страннымъ, должно быть, взглядомъ приглядывался къ этимъ груднымъ дѣтямъ. Какъ ни абсурдно было это, а они мнѣ показались ужасно дерзкими, такъ, что, я помню, внутри, про себя, улыбнулся даже на мою мысль. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ онъ гдѣ нибудь тамъ родился, вотъ его принесли, — посмотрите, какъ онъ кричитъ, оретъ, заявляетъ, что у него грудченка здорова и что онъ жить хочетъ, копошится своими красными ручками и ножками и кричитъ — кричитъ, какъ будто имѣетъ право такъ васъ безпокоить; ищетъ груди, какъ будто имѣетъ право на грудь, на уходъ; требуетъ ухода, какъ будто имѣетъ точь въ точь такое-же право, какъ и тѣ дѣти—тамъ, въ семействахъ: такъ вотъ всѣ и бросятся и побѣгутъ къ нему—дерзость, дерзость! И право, вовсе безъ юмору говорю это, право, оглядишься кругомъ и нѣтъ—нѣтъ, а невольно мелькнетъ мысль: А что, а ну какъ въ самомъ дѣлѣ онъ кого нибудь разобидитъ? А ну какъ впрямь кто нибудь вдругъ его возьметъ и осадитъ: «вотъ тебѣ, пузырь, что ты княжескій сынъ, что-ли?» Да развѣ и не осаживаютъ? Это не мечта. Швыряютъ даже изъ оконъ, а однажды, лѣтъ десять назадъ, одна, тоже, кажется, мачиха (забылъ ужь я, а лучше-бы, если-бы мачиха), наскучивъ таскать ребенка, доставшагося отъ прежней жены и все кричавшаго отъ какой-то боли, подошла къ кипящему, клокочущему самовару, подставила прямо подъ кранъ ручку досаднаго

Digitized by Google

ребеночка, и... отвернула на нее кранъ. Это было тогда во всѣхъ газетахъ. Вотъ осадила-то, милая! Не знаю только какъ ее осудили,—да и судили-ли полно? Не правда-ли, что «достойна всякаго снисхожденія»: иногда ужасно вѣдь эти ребятишки кричатъ, разстроятъ нервы, ну, а тамъ бѣдность, стирка, не правда-ли? Впрочемъ, иныя родныя матери такъ тѣ, хоть и «осадятъ» крикуна, но гораздо гуманнѣе: заберется интересная, симпатичная дѣвица въ укромный уголокъ—и вдругъ съ ней тамъ обморокъ, и она ничего далѣе не помнитъ, и вдругъ, откуда ни возьмись, ребеночекъ, дерзкій, крикса, ну и попадетъ нечаянно въ самую влагу, ну и захлебнется. Захлебнуться все-же легче крана, не правда-ли? Этакую и судить нельзя: бѣдная, обманутая, симпатичная дѣвочка, ей-бы только конфетки кушать, а тутъ вдругъ обморокъ, и какъ вспомнишь еще, вдобавокъ, Маргариту Фауста (изъ присяжныхъ встрѣчаются иногда чрезвычайно литературные люди) то какъ судить,—невозможно судить, а даже надо подписку сдѣлать. Такъ что даже порадуешься за всѣхъ этихъ дѣтокъ, что попали сюда въ это зданіе. И, признаюсь, у меня тогда все рождались ужасно праздныя мысли и смѣшные вопросы. Я, напримѣръ, спрашивалъ себя мысленно и ужасно хотѣлъ проникнуть: когда именно эти дѣти начинаютъ узнавать, что они всѣхъ хуже, т. е., что они не такія дѣти, какъ «тѣ другія», а гораздо хуже и живутъ совсѣмъ не по праву, а, лишь такъ сказать, изъ гуманности? Проникнуть въ это нельзя, безъ большаго опыта, безъ большаго наблюденія надъ дѣтками, но a priori, я всетаки рѣшилъ и убѣжденъ, что узнаютъ они объ этой «гуманности» чрезвычайно рано, т. е. такъ рано, что, можетъ быть, и нельзя повѣрить. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ ребенокъ развивался только посредствомъ научныхъ пособій и научныхъ игръ и узнавалъ міровѣдѣніе черезъ «утку», то, я думаю, никогда-бы не дошелъ до той ужасающей, невѣроятной глубины пониманія, съ которою онъ вдругъ осиливаетъ, совсѣмъ неизвѣстно какимъ способомъ, иныя идеи, казалось-бы совершенно ему недоступныя. Пятишести-лѣтній ребенокъ знаетъ иногда о Богѣ или о добрѣ и злѣ такія удивительныя вещи и такой неожиданной глубины, что поневолѣ заключишь, что этому младенцу даны природою какія нибудь другія средства пріобрѣтенія знаній, не только намъ неизвѣстныя, но которыя мы даже, на основаніи педагогики, должны-бы были почти отвергнуть. О, безъ сомнѣнія, онъ не знаетъ фактовъ о Богѣ и если тонкій юристъ начнетъ пробовать шестилѣтняго на счетъ зла и добра, то только расхохочется. Но вы только будьте немножко потерпѣливѣе и повнимательнѣе (ибо это стоитъ того), извините ему, напримѣръ, факты, допустите иные абсурды и добейтесь лишь

Digitized by Google

сущности пониманія — и вы вдругъ увидите, что онъ знаетъ о Богѣ, можетъ быть, уже столько-же, сколько и вы, а о добрѣ и злѣ и о томъ что стыдно и что похвально, — можетъ быть, даже и гораздо болѣе васъ, тончайшаго адвоката, но увлекающагося иногда такъ сказать торопливостью. Къ числу такихъ ужасно трудныхъ идей, столь неожиданно и неизвѣстно какимъ образомъ усвоиваемыхъ ребенкомъ, я и отношу у этихъ здѣшнихъ дѣтей, какъ сказалъ выше, и это первое, но твердое и на всю жизнь незыблемое понятіе о томъ, что они «всѣхъ хуже». И я увѣренъ, что не отъ нянекъ и мамокъ узнаетъ ребенокъ объ этомъ; мало того, онъ живетъ такъ, что не видя «тѣхъ другихъ» дѣтей и сравненія сдѣлать не можетъ, а, между тѣмъ, вдругъ вы присматриваетесь и видите, что онъ ужасно уже много знаетъ, что онъ слишкомъ много уже раскусилъ съ самой ненужной поспѣшностью. Я, конечно, зафилософствовался, но я тогда никакъ не могъ сладить съ теченіемъ мыслей. Мнѣ, напримѣръ, вдругъ пришелъ въ голову еще такой афоризмъ: если судьба лишила этихъ дѣтей семьи и счастья возростать у родителей (потому что не всѣ-же вѣдь родители вышвыриваютъ дѣтей изъ оконъ, или обвариваютъ ихъ кипяткомъ, — то не вознаградить-ли ихъ какъ нибудь другимъ путемъ; возростивъ, напримѣръ, въ этомъ великолѣпномъ зданіи, — дать имя, потомъ образованіе и даже самое высшее образованіе всѣмъ, провесть черезъ университеты, а потомъ—а потомъ пріискать имъ мѣста, поставить на дорогу, однимъ словомъ, не оставлять ихъ какъ можно дальше, и это такъ сказать всѣмъ государствомъ, принявъ ихъ такъ сказать за общихъ, за государственныхъ дѣтей. Право, если уже прощать, то прощать вполнѣ. И тогда-же мнѣ подумалось про себя: а вѣдь иные, пожалуй, скажутъ, что это значитъ поощрять развратъ и вознегодуютъ. Но какая смѣшная мысль: вообразить только, что всѣ эти симпатичныя дѣвицы нарочно и усиленно начнутъ рождать дѣтей только что услышатъ, что тѣхъ отдадутъ въ университеты.

«Нѣтъ, думалъ я, простить ихъ и простить совсѣмъ; ужь коли прощать такъ совсѣмъ»! Правда, многимъ, очень многимъ людямъ завидно станетъ, самымъ честнымъ и работящимъ людямъ будетъ завидно: «Какъ, я, напримѣръ подумаетъ иной, всю жизнь работалъ какъ волъ, ни одного безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, любилъ дѣтей и всю жизнь бился какъ-бы ихъ образовать, какъ-бы ихъ сдѣлать гражданами и не могъ, не могъ; гимназіи даже не могъ дать вполнѣ. Вотъ теперь кашляю, одышка, на будущей недѣлѣ помру,—прощай, мои дѣтушки, милые, всѣ восемь штукъ! Всѣ-то тотчасъ перестанутъ учиться, всѣ тотчасъ разбредутся по улицамъ, да на папи-

Digitized by Google

росныя фабрики, и это-бы еще дай Богъ... А тѣ вышвырки университетъ доканчивать будутъ, мѣста получатъ, да еще я-же свою копѣйку ежегодно на ихъ содержаніе косвенно или прямо платилъ!

Этотъ монологъ непремѣнно скажется и—какія, въ самомъ дѣлѣ, противорѣчія? Въ самомъ дѣлѣ, отчего это все такъ устроилось, что ничего согласить нельзя? Подумайте, ну что, казалось-бы могло быть законнѣе и справедливѣе этого монолога? А между тѣмъ вѣдь онъ въ высшей степени незаконенъ и несправедливъ. Стало быть, и законенъ и, стало быть, и незаконенъ, что за путаница!

Не могу однако не досказать и иного чего, что мнѣ тогда померещилось. Напримѣръ: «если простить имъ, такъ простятъ-ли они»? Вотъ вѣдь тоже вопросъ. Есть иные высшаго типа существа, тѣ простятъ; другіе, можетъ быть, станутъ мстить за себя,—кому, чему, — никогда они этого не разрѣшатъ и не поймутъ, а мстить будутъ. Но на счетъ «мщенія обществу» этихъ «вышвырковъ» еслибъ таковое происходило, скажу такъ: я убѣжденъ, что это мщеніе всегда скорѣе можетъ быть отрицательное, чѣмъ прямое и положительное. Прямо и сознательно мстить никто и не станетъ, да и самъ даже не догадается, что мстить хочетъ, напротивъ, дайте только имъ воспитаніе, ужасно многіе изъ вышедшихъ изъ этого «зданія», выйдутъ именно съ жаждой почтенности, родоначальности, съ жаждой семейства; идеалъ ихъ будетъ завести свое гнѣздо, начать имя, пріобрѣсти значеніе, взвести дѣтокъ, возлюбить ихъ, а при воспитаніи ихъ отнюдь, отнюдь не прибѣгать къ «зданію», или къ помощи на казенный счетъ. И вообще, первымъ правиломъ будетъ даже забыть дорогу къ этому зданію, имя его. Напротивъ, этотъ новый родоначальникъ будетъ счастливъ, если проведетъ своихъ дѣтокъ черезъ университетъ, на свой собственный счетъ. Что-же,—эта жажда буржуазнаго, *даннаго* порядка, которая будетъ преслѣдовать его всю жизнь,—что это будетъ: лакействомъ или самою высшею независимостью? По моему, скорѣе послѣднимъ, но душа все-таки останется на всю жизнь не совсѣмъ независимою, несовсѣмъ *господскою* и потому многое будетъ не совсѣмъ приглядно, хотя и въ высшей степени честно. Полную независимость духа даетъ совсѣмъ другое... но объ этомъ потомъ, это тоже длинная исторія.

Digitized by Google

II.

Одна несоотвѣтственная идея.

Я сказалъ, однако, сейчасъ: «независимость?» Но любятъ-ли у насъ независимость—вотъ вопросъ. И что такое у насъ независимость? Есть-ли два человѣка, которые-бы понимали ее одинаково; да и не знаю, есть-ли у насъ хоть одна такая идея, въ которую хоть кто нибудь серьезно вѣритъ? Рутина наша, и богатая и бѣдная, любитъ ни объ чемъ не думать и просто, не задумываясь, развратничать, пока силы есть и не скучно. Люди получше рутины «обособляются» въ кучки и дѣлаютъ видъ, что чему-то вѣрятъ, но, кажется, насильно, и сами себя тѣшатъ. Есть и особые люди, взявшіе за формулу: «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и разработывающіе эту формулу. Есть, наконецъ, и парадоксалисты, иногда очень честные, но, большею частью, довольно бездарные; тѣ, особенно если честны, кончаютъ безпрерывными самоубійствами. И право, самоубійства у насъ до того въ послѣднее время усилились, что никто ужь и не говоритъ объ нихъ. Русская земля какъ будто потеряла силу держать на себѣ людей. И сколько въ ней несомнѣнно честныхъ людей и особенно честныхъ женщинъ! Женщины у насъ подымаются и, можетъ быть, многое спасутъ, объ этомъ я еще буду говорить. Женщины — наша большая надежда, можетъ быть, послужатъ всей Россіи въ самую роковую минуту; но вотъ въ чемъ бѣда: честныхъ-то у насъ много, очень много, т. е. видите-ли: скорѣе добрыхъ, чѣмъ честныхъ, но никто изъ нихъ не знаетъ въ чемъ честь, рѣшительно не вѣритъ ни въ какую формулу чести, даже отрицаетъ самыя ясныя прежнія ея формулы, и это почти вездѣ и у всѣхъ, что за чудо? А такъ называемая «живая сила», живое чувство бытія, безъ котораго ни одно общество жить не можетъ и земля не стоитъ,—рѣшительно Богъ знаетъ куда уходитъ. И почему это я раздумался объ самоубійствахъ въ этомъ зданіи, смотря на этотъ питомникъ, на этихъ младенцевъ? Вотъ ужь не соотвѣтственная-то идея.

Несоотвѣтственныхъ идей у насъ много и онѣ-то и придавливаютъ. Идея вдругъ падаетъ у насъ на человѣка какъ огромный камень, и придавливаетъ его на половину,—и вотъ онъ подъ нимъ корчится, а освободиться не умѣетъ. Иной соглашается жить и придавленный, а другой не согласенъ и убиваетъ себя.. Чрезвы-

Digitized by Google

чайно характерно одно письмо одной самоубійцы, дѣвицы, приведенное въ «Новомъ Времени», длинное письмо. Ей было двадцать пять лѣтъ. Фамилія—Писарева. Была она дочь достаточныхъ когда-то помѣщиковъ, но пріѣхала въ Петербургъ и отдала долгъ прогрессу, поступила въ акушерки. Ей удалось, она выдержала экзаменъ и нашла мѣсто земской акушерки; сама свидѣтельствуетъ, что не нуждалась вовсе и могла слишкомъ довольно заработать, но она *устала*, она очень «устала», такъ устала, что ей захотѣлось отдохнуть. «Гдѣ-же лучше отдохнешь, какъ не въ могилѣ?» Но устала она дѣйствительно ужасно! все письмо этой бѣдной дышетъ усталостью. Письмо даже сварливо, нетерпѣливо:—отстаньте только, я устала, устала. «Не забудьте велѣть стащить съ меня новую рубашку и чулки, у меня на столикѣ есть старая рубашка и чулки. Эти пусть надѣнутъ на меня». Она не пишетъ *снять*, а *стащить*, — и все такъ, т. е., во всемъ страшное нетерпѣніе. Всѣ эти рѣзкія слова отъ нетерпѣнія, а нетерпѣніе отъ усталости; она даже бранится: «Неужели вы вѣрили, что я домой поѣду? Ну, на кой чортъ я туда поѣду?» Или: «Теперь, Липарева, простите вы меня и пусть проститъ Петрова (у которой на квартирѣ она отравилась), въ особенности Петрова. Я дѣлаю свинство, пакость...» Родныхъ своихъ она видимо любитъ, но пишетъ. «Не давайте знать Лизанькѣ, а то она скажетъ сестрѣ и та пріѣдетъ выть сюда. Я не хочу, чтобы надо мной выли, а родственники всѣ безъ исключенія воютъ надъ своими родными». *Воютъ*, а не *плачутъ*,—все это видимо отъ брюзгливой и нетерпѣливой усталости: поскорѣй, поскорѣй-бы только — и дайте покой!.. Брюзгливаго и циническаго невѣрія въ ней страшно, мучительно много; она и въ Липареву, и въ Петрову, которыхъ такъ любитъ, не вѣритъ. Вотъ слова, которыми начинается письмо: «Не теряйте головы, не ахайте, сдѣлайте надъ собой усиліе и прочтите до конца; а потомъ разсудите, какъ лучше сдѣлать. Петрову не пугайте. Можетъ быть ничего не выйдетъ, кромѣ смѣха. Мой видъ на жительство въ чемоданной крышкѣ».

Кромѣ смѣха! Эта мысль, что надъ нею, надъ бѣднымъ тѣломъ ея, будутъ смѣяться, и кто-же—Липарева и Петрова—эта мысль скользнула въ ней въ такую минуту! Это ужасно!

До странности занимаютъ ее денежныя распоряженія той крошечной суммой, которая послѣ нея осталась: тѣ-то деньги чтобъ не взяли родные, тѣ-то Петровой, двадцать пять рублей, которые дали мнѣ Чечоткины на дорогу, отвезите имъ». Эта важность приданная деньгамъ, есть, можетъ быть, послѣдній отзывъ главнаго предразсудка всей жизни «о камняхъ обращенныхъ въ хлѣбы». Од-

Digitized by Google

нимъ словомъ, проглядываетъ руководящее убѣжденіе всей жизни, т. е. «были-бы всѣ обезпечены, были-бы всѣ и счастливы, не было-бы бѣдныхъ, не было-бы преступленій. Преступленій нѣтъ совсѣмъ. Преступленіе есть болѣзненное состояніе, происходящее отъ бѣдности и отъ несчастной среды» и т. д., и т. д. Въ этомъ-то и состоитъ весь этотъ маленькій, обиходный и ужасно характерный и законченный катехизисъ тѣхъ убѣжденій, которымъ онѣ предаются въ жизни съ такою вѣрою (и не смотря на то такъ скоро всѣ наскучиваютъ и своей вѣрою и жизнью,—которыми онѣ замѣняютъ все, живую жизнь, связь съ землей, вѣру въ правду; все, все. Она устала, очевидно, отъ скуки жить и утративъ всякую вѣру въ правду, утративъ всякую вѣру въ какой нибудь долгъ; однимъ словомъ, полная потеря высшаго идеала существованія.

И умерла бѣдная дѣвушка. Я не вою надъ тобой, бѣдная, но дай хоть пожалѣть о тебѣ, позволь это; дай пожелать твоей душѣ воскресенія въ такую жизнь, гдѣ-бы ты уже не соскучилась. Милыя, добрыя, честныя (все это есть у васъ!), куда-же это вы уходите, отчего вамъ такъ мила стала эта темная, глухая могила? Смотрите, на небѣ яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали не живши. Ну какъ не *выть* надъ вами матерямъ вашимъ, которыя васъ ростили и такъ любовались на васъ, когда еще вы были младенцами? А въ младенцѣ столько надеждъ! Вотъ я смотрю, вотъ эти здѣшніе «вышвырки»,—вѣдь какъ они хотятъ жить, какъ они заявляютъ о своемъ правѣ жить! Такъ и ты была младенцемъ, и хотѣла жить, и твоя мать это помнитъ, и какъ сравнитъ теперь твое мертвое лицо съ тѣмъ смѣхомъ и радостью, которые видѣла и помнитъ на твоемъ младенческомъ личикѣ, то какъ-же ей не «взвыть», какъ-же упрекать ихъ за то, что онѣ воютъ? Вотъ мнѣ показали сейчасъ дѣвочку Дуню: она родилась съ искривленной ножкой, т. е. совсѣмъ безъ ноги; вмѣсто ноги у нея что-то въ родѣ какой-то тесемки. Ей всего только полтора года, она здоровенькая и замѣчательно хороша собой; ее всѣ ласкаютъ, и она всякому-то кивнетъ головкой, всякому-то улыбнется, всякому-то пощелкаетъ языкомъ. Она еще ничего не знаетъ про свою ножку, не знаетъ что она уродъ и калѣка, но неужели и этой тоже суждено возненавидѣть жизнь? «Мы ей вставимъ ножку, дадимъ костыль и выучимъ ходить, и не замѣтитъ», говорилъ докторъ лаская ее. Ну и дай Богъ чтобъ *не замѣтила*. Нѣтъ, устать, возненавидѣть жизнь, возненавидѣть значитъ и всѣхъ, о нѣтъ, нѣтъ, пройдетъ это жалкое, уродливое, недоношенное племя, племя корчащихся подъ свалившимися на нихъ камнями, засвѣ-

Digitized by Google

титъ какъ солнце новая великая мысль и укрѣпится шатающійся умъ и скажутъ всѣ: «Жизнь хороша, а мы были гадки». Не виню вѣдь я, говоря что гадки. Вонъ я вижу эта баба, эта грубая кормилица, это «нанятое молоко» вдругъ поцаловала ребенка,—этого-то ребенка, «вышвырка-то»! Я и не думалъ, что здѣсь кормилицы цалуютъ этихъ ребятъ; да вѣдь за этимъ только чтобъ это увидѣть стоило-бы сюда съѣздить! А она поцаловала и не замѣтила и не видѣла что я смотрѣлъ. За деньги что-ли онѣ ихъ любятъ? ихъ нанимаютъ чтобъ ребятъ кормить, и не требуютъ чтобъ цаловали. У чухонокъ по деревнямъ дѣтямъ, разсказываютъ, хуже, но нѣкоторыя изъ нихъ до того привыкаютъ къ своимъ выкормкамъ, что, передавали мнѣ, сдаютъ ихъ опять въ Домъ плача, приходятъ потомъ нарочно ихъ повидать издалека, изъ деревень приносятъ гостинцу, «воютъ надъ ними». Нѣтъ, тутъ не деньги: «родные вѣдь всѣ воютъ»,—какъ рѣшила Писарева въ своей предсмертной запискѣ, вотъ и эти приходятъ выть, и цалуютъ и гостинца своего деревенскаго бѣднаго тащутъ. Это не однѣ только наемныя груди, замѣнившія груди матерей, это *материнство*, это та «живая жизнь», отъ которой такъ устала Писарева. Да правда-ли что русская земля перестаетъ на себѣ держать русскихъ людей? Отчего-же жизнь рядомъ, тутъ-же, бьетъ такимъ горячимъ ключомъ.

И ужъ конечно тутъ много тоже младенцевъ отъ тѣхъ интересныхъ матерей, которыя сидятъ тамъ у себя на ступенькахъ дачъ и точатъ бритвы на своихъ соперницъ. Скажу въ заключеніе: эти бритвы въ своемъ родѣ могутъ быть очень симпатичны, но я очень жалѣлъ что попалъ сюда, въ это зданіе, въ то время когда слѣдилъ за процессомъ г-жи Каировой. Я вовсе не знаю жизнеописанія г-жи Каировой и рѣшительно не могу и права не имѣю примѣнить къ ней что нибудь на счетъ этого зданія, но весь этотъ романъ ея и все это краснорѣчивое изложеніе ея страстей на судѣ, какъ-то рѣшительно потеряли для меня всякую силу и убили во мнѣ всякую къ себѣ симпатію какъ только я вышелъ изъ этого зданія. Я прямо сознаюсь въ этомъ, потому что, можетъ быть, оттого-то и написалъ такъ безчувственно о «дѣлѣ» г-жи Каировой.

Digitized by Google

III.

Несомнѣнный демократизмъ. Женщины.

Чувствую, что надо-бы отвѣтить и еще на одно письмо одного корреспондента. Въ прошломъ апрѣльскомъ № «Дневника», говоря о политическихъ вопросахъ, я, между прочимъ, включилъ одну, положимъ, фантазію:

... „Россія окажется сильнѣе всѣхъ въ Европѣ. Произойдетъ это оттого, что въ Европѣ уничтожатся всѣ великія державы и по весьма простой причинѣ: онѣ всѣ будутъ обезсилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремленіями огромной части своихъ низшихъ подданныхъ, своихъ пролетаріевъ и нищихъ. Въ Россіи-же этого не можетъ случиться совсѣмъ: нашъ демосъ доволенъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ удовлетворенъ, ибо все къ тому идетъ, общимъ настроеніемъ, или лучше согласіемъ. А потому и останется одинъ только колоссъ на континентѣ Европы— Россія".

Мой корреспондентъ въ отвѣтъ на это мнѣніе приводитъ одинъ любопытнѣйшій и назидательный фактъ и выставляетъ его, какъ причину сомнѣнія въ томъ, что «нашъ демосъ доволенъ и удовлетворенъ». Почтенный корреспондентъ слишкомъ хорошо пойметъ (если ему попадутся эти строки), почему я не могу теперь поднять этотъ сообщенный имъ фактъ и отвѣтить на него, хотя и не теряю надежды въ возможность поговорить именно объ этомъ фактѣ въ самомъ непродолжительномъ будущемъ. Но теперь я хочу лишь сказать одно слово въ объясненіе о демосѣ, тѣмъ болѣе, что получилъ уже свѣдѣніе и о нѣкоторыхъ другихъ мнѣніяхъ, тоже несогласныхъ съ моимъ убѣжденіемъ о довольствѣ нашего «демоса». Я хочу лишь обратить вниманіе моихъ оппонентовъ на одну строчку выписаннаго выше мѣста изъ апрѣльскаго номера: ...«ибо все къ тому идетъ, общимъ настроеніемъ, или лучше согласіемъ». Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ этого общаго *настроенія* или лучше *согласія* не было даже въ самыхъ моихъ оппонентахъ, то они пропустили-бы мои слова безъ возраженія. И потому настроеніе это несомнѣнно существуетъ, несомнѣнно демократическое и несомнѣнно безкорыстное; мало того, оно всеобщее. Правда, много въ теперешнихъ демократическихъ заявленіяхъ и фальши, много и журнальнаго плутовства; много увлеченія, напримѣръ, въ преувеличеніи нападокъ на противниковъ демократизма, которыхъ, къ

Digitized by Google

слову сказать, у насъ теперь очень мало. Тѣмъ не менѣе честность, безкорыстіе, прямота и откровенность демократизма въ большинствѣ русскаго общества не подвержены уже никакому сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи мы, можетъ быть, представили или начинаемъ представлять собою явленіе еще не объявлявшееся въ Европѣ, гдѣ демократизмъ до сихъ поръ и повсемѣстно заявилъ себя еще только снизу, еще только воюетъ, а побѣжденный (будто-бы) верхъ до сихъ поръ даетъ страшный отпоръ. Нашъ верхъ побѣжденъ не былъ, нашъ верхъ самъ сталъ демократиченъ, или вѣрнѣе, народенъ, и—кто-же можетъ отрицать это? А если такъ, то согласитесь сами, что нашъ демосъ ожидаетъ счастливая будущность. И если въ настоящемъ еще многое неприглядно, то, по крайней мѣрѣ, позволительно питать большую надежду, что временныя невзгоды демоса непремѣнно улучшатся подъ неустаннымъ и безпрерывнымъ вліяніемъ впредь такихъ огромныхъ *началъ* (ибо иначе и назвать нельзя), *какъ всеобщее демократическое настроеніе и всеобщее согласіе* на то всѣхъ русскихъ людей, начиная съ самаго верху. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и выразился, что нашъ демосъ доволенъ, и «чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ удовлетворенъ». Что-же, въ это трудно не вѣрить.

А въ заключеніе мнѣ хочется прибавить еще одно слово о руской женщинѣ. Я сказалъ уже, что въ ней заключена одна наша огромная надежда, одинъ изъ залоговъ нашего обновленія. Возрожденіе русской женщины въ послѣдніе двадцать лѣтъ оказалось несомнѣннымъ. Подъемъ въ запросахъ ея былъ высокій, откровенный и безбоязненный. Онъ съ перваго раза внушилъ уваженіе, по крайней мѣрѣ, заставилъ задуматься, не взирая на нѣсколько паразитныхъ неправильностей обнаружившихся въ этомъ движеніи. Теперь, однако, уже можно свести счеты и сдѣлать безбоязненный выводъ. Русская женщина цѣломудренно пренебрегла препятствіями, насмѣшками. Она твердо объявила свое желаніе участвовать въ общемъ дѣлѣ и приступила къ нему не только безкорыстно, но и самоотверженно. Русскій человѣкъ, въ эти послѣднія десятилѣтія, страшно поддался разврату стяжанія, цинизма, матеріализма; женщина-же осталась гораздо болѣе его вѣрна чистому поклоненію идеи, служенію идеи. Въ жаждѣ высшаго образованія она проявила серьезность, терпѣніе и представила примѣръ величайшаго мужества. «Дневникъ Писателя» далъ мнѣ средство ближе видѣть русскую женщину, я получилъ нѣсколько замѣчательныхъ писемъ: меня, неумѣлаго, спрашиваютъ онѣ: «что дѣлать?» Я цѣню эти вопросы и недостатокъ умѣнья въ отвѣтахъ стараюсь искупить искренностью. Я сожалѣю, что многаго не могу и права не имѣю

Digitized by Google

здѣсь сообщить. Вижу, впрочемъ, и нѣкоторые недостатки современной женщины и главный изъ нихъ—чрезвычайную зависимость ея отъ нѣкоторыхъ собственно мужскихъ идей, способность принимать ихъ наслово и вѣрить въ нихъ безъ контроля. Говорю далеко не обо всѣхъ женщинахъ, но недостатокъ этотъ свидѣтельствуетъ и о прекрасныхъ чертахъ сердца: цѣнятъ онѣ болѣе всего свѣжее чувство, живое слово, но главное, и выше всего, искренность, а повѣривъ искренности, иногда даже фальшивой, увлекаются и мнѣніями и вотъ это иногда слишкомъ. Высшее образованіе впереди могло-бы этому очень помочь. Допустивъ искренно и вполнѣ высшее образованіе женщины, со всѣми правами, которыя даетъ оно, Россія еще разъ ступила-бы огромный и своеобразный шагъ передъ всей Европой въ великомъ дѣлѣ обновленія человѣчества. Дай Богъ тоже русской женщинѣ менѣе «уставать», менѣе разочаровываться, какъ «устала», наприм. Писарева. Но скорѣе пусть, какъ жена Щапова, она утолитъ тогда свою грусть самопожертвованіемъ и любовью. Но и та и другая одинаково мучительныя и незабвенныя явленія,—одна по своей маловознагражденной высокой женственной энергіи, другая—какъ бѣдная усталая, уединившаяся, поддавшаяся, побѣжденная...

Digitized by Google

ІЮНЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Смерть Жоржъ-Занда.

Прошлый, майскій № «Дневника» былъ уже набранъ и печатался, когда я прочелъ въ газетахъ о смерти Жоржъ-Занда (умерла 27 мая—8 іюня). Такъ и не успѣлъ сказать ни слова объ этой смерти. А, между тѣмъ, лишь прочтя о ней, понялъ, что значило въ моей жизни это имя,—сколько взялъ этотъ поэтъ въ свое время моихъ восторговъ, поклоненій и сколько далъ мнѣ когда-то радостей, счастья! Я смѣло ставлю каждое изъ этихъ словъ, потому что все это было буквально. Это одна изъ нашихъ (т. е. *нашихъ*) современницъ вполнѣ—идеалистка тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Это одно изъ тѣхъ именъ нашего могучаго, самонадѣяннаго и въ то же время больнаго столѣтія, полнаго самыхъ невыясненныхъ идеаловъ и самыхъ неразрѣшимыхъ желаній,—именъ, которыя, возникнувъ тамъ у себя, въ «странѣ святыхъ чудесъ», переманили отъ насъ, изъ нашей вѣчно создающейся Россіи, слишкомъ много думъ, любви, святой и благородной силы порыва, живой жизни и дорогихъ убѣжденій. Но не жаловаться намъ надо на это: вознося такія имена и преклоняясь предъ ними, русскіе служили и служатъ прямому своему назначенію. Пусть не удивляются этимъ словамъ моимъ, и особенно въ отношеніи къ Жоржъ-Занду, о которой до сихъ поръ могутъ быть споры и которую, наполовину, если не на всѣ девять десятыхъ, у насъ успѣли уже забыть; но свое дѣло она все-таки у насъ сдѣлала въ свое время и—кому-то собраться помянуть ее на ея могилѣ, какъ не намъ, ея современ-

Digitized by Google

никамъ со всего міра? У насъ—русскихъ, двѣ родины: наша Русь и Европа, даже и въ томъ случаѣ, если мы называемся славянофилами,—(пусть они на меня за это не сердятся). Противъ этого спорить не нужно. Величайшее изъ величайшихъ назначеній, уже сознанныхъ Русскими въ своемъ будущемъ, есть назначеніе общечеловѣческое, есть общеслуженіе человѣчеству,—не Россіи только, не общеславянству только, но всечеловѣчеству. Подумайте и вы согласитесь, что Славянофилы признавали то же самое,—вотъ почему и звали насъ быть строже, тверже и отвѣтственнѣе русскими, — именно понимая, что всечеловѣчность есть главнѣйшая личная черта и назначеніе русскаго. Впрочемъ, все это требуетъ еще многаго разъясненія: ужь одно то, что служеніе общечеловѣческой идеѣ и легкомысленное шатаніе по Европѣ, добровольно и брюзгливо покинувъ отечество, суть двѣ вещи обратно противуположныя, а ихъ до сихъ поръ еще смѣшиваютъ. Напротивъ, многое, очень многое изъ того, что мы взяли изъ Европы и пересадили къ себѣ, мы не скопировали только, какъ рабы у господъ, и какъ непремѣнно требуютъ того Потугины, а привили къ нашему организму, въ нашу плоть и кровь; иное-же пережили и даже выстрадали *самостоятельно*, точь въ точь какъ тѣ, тамъ—на Западѣ, для которыхъ все это было свое родное. Европейцы этому ни за что не захотятъ повѣрить: они насъ не знаютъ, да и пока тѣмъ лучше. Тѣмъ непримѣтнѣе и спокойнѣе совершится необходимый процессъ, который впослѣдствіи удивитъ весь міръ. Вотъ этотъ-то процессъ всего яснѣе и осязательнѣе можно выслѣдить отчасти и на отношеніи нашемъ къ литературамъ другихъ народовъ. Ихніе поэты намъ, по крайней мѣрѣ, большинству развитыхъ людей нашихъ, точно также родные какъ и имъ, тамъ у себя—на Западѣ. Я утверждаю и повторяю, что всякій Европейскій поэтъ, мыслитель, филантропъ, кромѣ земли своей, изъ всего міра, наиболѣе и наироднѣе бываетъ понятъ и принятъ всегда въ Россіи. Шекспиръ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ—роднѣе и понятнѣе русскимъ, чѣмъ, напримѣръ, нѣмцамъ, хотя, конечно, у насъ и десятой доли не расходится экземпляровъ этихъ писателей въ переводахъ, чѣмъ въ многокнижной Германіи. Французскій конвентъ 93 года, посылая патентъ на право гражданства au poête allemand Schiller, l'ami de l'humanité *), хоть и сдѣлалъ тѣмъ прекрасный, величавый и пророческій поступокъ, но и не подозрѣвалъ, что на другомъ краю Европы, въ варварской Россіи, этотъ-же Шиллеръ гораздо національнѣе и гораздо роднѣе варварамъ русскимъ, чѣмъ, не только

*) Нѣмецкому поэту Шиллеру, другу человѣчества.

Digitized by Google

въ то время — во Франціи, но даже и потомъ, во все наше столѣтіе, въ которомъ Шиллера, гражданина французскаго и l'ami de l'humanité, знали во Франціи лишь какъ профессора словесности, да и то не всѣ, да и то чуть-чуть. А у насъ онъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, въ душу русскую всосался, клеймо въ ней оставилъ, почти періодъ въ исторіи нашего развитія обозначилъ. Это русское отношеніе къ всемірной литературѣ есть явленіе почти не повторявшееся въ другихъ народахъ въ такой степени, во всю всемірную исторію, и если это свойство есть дѣйствительно наша національная русская особенность—то какой обидчивый патріотизмъ, какой шовинизмъ былъ-бы въ правѣ сказать что либо противъ этого явленія и не захотѣть, напротивъ, замѣтить въ немъ прежде всего самаго широко-обѣщающаго и самаго пророческаго факта въ гаданіяхъ о нашемъ будущемъ. О, конечно, многіе улыбнутся, можетъ быть, прочтя выше о томъ значеніи, которое я придаю Жоржъ-Занду; но смѣющіеся будутъ неправы: теперь прошло очень уже довольно времени всѣмъ этимъ минувшимъ дѣламъ, да и сама Жоржъ-Зандъ умерла старушкой, семидесяти лѣтъ, и, можетъ быть, давно уже переживъ свою славу. Но все то, что въ явленіи этого поэта составляло «новое слово», все, что было «всечеловѣческаго»,—все это тотчасъ-же въ свое время отозвалось у насъ, въ нашей Россіи, сильнымъ и глубокимъ впечатлѣніемъ, не миновало насъ и тѣмъ доказало, что всякій поэтъ—новаторъ Европы, всякій, прошедшій тамъ съ новою мыслью и съ новою силой, не можетъ не стать тотчасъ-же и русскимъ поэтомъ, не можетъ миновать русской мысли, не стать почти русскою силой. А впрочемъ, я вовсе не статью критическую хочу писать о Жоржъ-Зандѣ, а всего только хотѣлъ было сказать отшедшей покойницѣ нѣсколько напутственныхъ словъ на ея свѣжей могилѣ.

II.

Нѣсколько словъ о Жоржъ-Зандѣ.

Появленіе Жоржъ-Занда въ литературѣ совпадаетъ съ годами моей первой юности, и я очень радъ теперь, что это такъ уже давно было, потому что теперь, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, можно говорить почти вполнѣ откровенно. Надо замѣтить, что тогда только это и было позволено,—т. е. романы, остальное все, чуть не всякая мысль, особенно изъ Франціи, было строжайше за-

прещено. О, конечно, весьма часто смотрѣть не умѣли, да и откуда-бы могли научиться: и Меттернихъ не умѣлъ смотрѣть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали «ужасныя вещи» (напримѣръ, проскочилъ весь Бѣлинскій). Но за то, какъ-бы взамѣнъ тому, подконецъ—особенно, чтобъ не ошибиться, стали запрещать почти что сплошь, такъ что кончалось, какъ извѣстно, транспарантами. Но романы, все-таки, дозволялись, и съ начала, и въ срединѣ, и даже въ самомъ концѣ, и вотъ тутъ-то, и именно на Жоржъ-Зандѣ, оберегатели дали тогда большаго маха. Помните вы стихи:

„Томы Тьера и Рабо
„Онъ на память знаетъ,—
„И, какъ ярый Мирабо,
„Вольность прославляетъ".

Стихи эти чрезвычайно талантливые, даже до рѣдкости, и останутся навсегда, потому что они историческіе; но тѣмъ и драгоцѣннѣе, ибо они написаны Денисомъ Давыдовымъ, поэтомъ, литераторомъ и честнѣйшимъ русскимъ. Но ужь коли Денисъ Давыдовъ, и кого-же—Тьера (за исторію революціи, разумѣется) счелъ тогда опаснымъ и помѣстилъ въ стихъ вмѣстѣ съ какимъ-то Рабо (былъ-же, стало быть, и такой, я, впрочемъ, не знаю), то ужь, разумѣется, слишкомъ мало могло быть тогда оффиціально дозволено. И что-же вышло: то, что̀ вторгнулось къ намъ тогда, въ формѣ романовъ, не только послужило точно также дѣлу, но, можетъ быть, было, напротивъ, еще самой «опасной» формой по тогдашнему времени, потому что на Рабо-то, можетъ быть, и не нашлось-бы тогда столько охотниковъ, а на Жоржъ-Занда нашлось ихъ тысячами. Здѣсь надо замѣтить, что и то, что у насъ, не смотря ни на какихъ Магницкихъ и Липранди, еще съ прошлаго столѣтія, всегда тотчасъ-же становилось извѣстнымъ о всякомъ интеллектуальномъ движеніи въ Европѣ, и тотчасъ-же изъ высшихъ слоевъ нашей интеллекціи передавалось и массѣ, хотя чуть-чуть интересующихся и мыслящихъ людей. Точь въ точь тоже произошло и съ европейскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ. Объ этомъ огромномъ движеніи европейскихъ литературъ, съ самаго начала тридцатыхъ годовъ, у насъ весьма скоро получилось понятіе. Были уже извѣстны имена многихъ новыхъ явившихся ораторовъ, историковъ, трибуновъ, профессоровъ. Даже, хоть отчасти, хоть чуть-чуть извѣстно стало и то, куда клонитъ все это движеніе. И вотъ, особенно страстно это движеніе проявилось въ искусствѣ—въ романѣ, а главнѣйше—у Жоржъ-Занда. Правда, о Жоржъ-Зандѣ Сенковскій и Булгаринъ предостерегали публику еще до появленія ея ро-

Digitized by Google

мановъ на русскомъ языкѣ. Особенно пугали русскихъ дамъ тѣмъ, что она ходитъ въ панталонахъ, хотѣли испугать развратомъ, сдѣлать ее смѣшной. Сенковскій, самъ-же и собиравшійся переводить Жоржъ-Занда въ своемъ журналѣ «Библіотека для Чтенія», началъ называть ее печатно г-жей Егоромъ Зандомъ и, кажется, серьезно остался доволенъ своимъ остроуміемъ. Впослѣдствіи, въ 48-мъ году, Булгаринъ печаталъ объ ней въ «Сѣверной Пчелѣ», что она ежедневно пьянствуетъ съ Пьеромъ Леру у заставы и участвуетъ въ Аѳинскихъ вечерахъ, въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, у разбойника и министра внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Роллена. Я это самъ читалъ и очень хорошо помню. Но тогда, въ 48 году, Жоржъ-Зандъ была у насъ уже извѣстна почти всей читающей публикѣ и Булгарину никто не повѣрилъ. Появилась-же она на русскомъ языкѣ впервые примѣрно въ половинѣ тридцатыхъ годовъ; жаль, что не помню и не знаю—когда и какое первое произведеніе ея было у насъ переведено; но тѣмъ удивительнѣе должно быть было впечатлѣніе. Я думаю, также какъ и меня, еще юношу, всѣхъ поразила тогда эта цѣломудренная, высочайшая чистота типовъ и идеаловъ и скромная прелесть строгаго, сдержаннаго тона разсказа,—и вотъ этакая-то женщина ходитъ въ панталонахъ и развратничаетъ! Мнѣ было, я думаю, лѣтъ шестнадцать, когда я прочелъ въ первый разъ ея повѣсть «*Ускокъ*»,—одно изъ прелестнѣйшихъ первоначальныхъ ея произведеній. Я помню, я былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь. Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что Жоржъ-Зандъ, по крайней мѣрѣ, по моимъ воспоминаніямъ судя, заняла у насъ сряду чуть не самое первое мѣсто въ ряду цѣлой плеяды новыхъ писателей, тогда вдругъ прославившихся и прогремѣвшихъ по всей Европѣ. Даже Диккенсъ, явившійся у насъ почти одновременно съ нею, уступалъ ей, можетъ быть, въ вниманіи нашей публики. Я не говорю уже о Бальзакѣ, явившемся прежде нея и давшемъ, однако, въ тридцатыхъ годахъ, такія произведенія, какъ Ежени Гранде и Старикъ Горіо (и къ которому такъ былъ несправедливъ Бѣлинскій, совершенно проглядѣвшій его значеніе во французской литературѣ). Впрочемъ, я говорю все это не съ точки зрѣнія какой нибудь критической оцѣнки, а просто за просто припоминаю о вкусѣ тогдашней массы русскихъ читателей, о непосредственномъ произведенномъ на нихъ впечатлѣніи. Главное-то, что читатель съумѣлъ извлечь даже изъ романовъ все то, отъ чего его такъ тогда обе[illegible]егали. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ у на[illegible], даже массѣ читателей, было хоть отчасти извѣстно, что Жор[illegible]ъ-Зандъ—одна изъ самыхъ яркихъ, строгихъ и правильныхъ пр[illegible]д-

Digitized by Google

ставительницъ того разряда тогдашнихъ западныхъ новыхъ людей, явившихся и начавшихъ прямымъ отрицаніемъ тѣхъ «положительныхъ» пріобрѣтеній, которыми закончила свою дѣятельность кровавая французская (а вѣрнѣе европейская) революція конца прошлаго столѣтія. По окончаніи ея (послѣ Наполеона I-го) явились новыя попытки выразить новыя желанія и новые идеалы. Передовые умы слишкомъ поняли, что лишь обновился деспотизмъ, что лишь произошло: «Ote toi de là que je m'y mette», что новые побѣдители міра (буржуа) оказались еще, можетъ быть, хуже прежнихъ деспотовъ (дворянъ) и что «свобода, равенство и братство» оказались лишь громкими фразами и не болѣе. Мало того, явились такія ученія, по которымъ, изъ громкихъ фразъ, они уже оказались и невозможными фразами. Побѣдители произносили или лучше припоминали эти три сакраментальныя слова уже насмѣшливо; даже наука (экономисты) явилась, въ блестящихъ представителяхъ своихъ, пришедшихъ тогда тоже какъ-бы съ новымъ словомъ, — на подмогу насмѣшкѣ и на осужденіе утопическаго значенія этихъ трехъ словъ, для которыхъ было пролито столько крови. Такимъ образомъ, рядомъ съ восторжествовавшими побѣдителями, начали появляться унылыя и грустныя лица, пугавшія торжествующихъ. И вотъ въ эту-то эпоху вдругъ возникло дѣйствительно новое слово и раздались новыя надежды: явились люди, прямо возгласившіе, что дѣло остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политической смѣной побѣдителей, что дѣло надобно продолжать, что обновленіе человѣчества должно быть радикальное, соціальное. О, конечно, явилось рядомъ съ этими возгласами и множество самыхъ пагубныхъ и самыхъ уродливыхъ заключеній, но главное было въ томъ, что засвѣтилась опять надежда и опять начала возрождаться вѣра. Исторія этого движенія извѣстна,—оно продолжается до сихъ поръ, и, кажется, вовсе не намѣрено останавливаться. Я вовсе не намѣренъ говорить здѣсь ни за, ни противъ него, но я лишь желалъ обозначить настоящее мѣсто Жоржъ-Занда въ этомъ движеніи. Ея мѣсто надо искать въ самомъ началѣ его. Тогда, встрѣчая ее въ Европѣ, говорили, что она проповѣдуетъ новое положеніе женщины и пророчествуетъ о «правахъ свободной жены» (выраженіе про нее Сенковскаго); но это несовсѣмъ было вѣрно, ибо она проповѣдывала вовсе не объ одной только женщинѣ и не изобрѣтала никакой «свободной жены». Жоржъ Зандъ принадлежала всему движенію, а не одной лишь проповѣди о правахъ женщины. Правда, какъ женщина сама, она естественно болѣе любила выставлять *героинь*, чѣмъ *героевъ*, и ужь, конечно, женщины всего міра должны теперь надѣть по ней трауръ, потому что умерла

Digitized by Google

одна изъ самыхъ высшихъ и прекрасныхъ ихъ представительницъ и, кромѣ того, женщина почти небывалая по силѣ ума и таланта— имя, ставшее историческимъ, имя, которому не суждено забыться и исчезнуть среди европейскаго человѣчества.

Что-же до героинь ея, то, повторяю опять, я былъ съ самаго перваго раза, еще шестнадцати лѣтъ, удивленъ странностью противорѣчія того, что объ ней писали и говорили съ тѣмъ, что увидалъ я самъ на самомъ дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ, многія, нѣкоторыя по крайней мѣрѣ, изъ героинь ея представляли собою типъ такой высокой нравственной чистоты, какой невозможно было и представить себѣ безъ огромнаго нравственнаго запроса въ самой душѣ поэта, безъ исповѣданія самаго полнаго долга, безъ пониманія и признанія самой высшей красоты въ милосердіи, терпѣніи и справедливости. Правда, среди милосердія, терпѣнія и признанія обязанностей долга являлась и чрезвычайная гордость запроса и протеста, но гордость-то эта и была драгоцѣнна, потому что исходила изъ той высшей правды, безъ которой никогда не могло-бы устоять, на всей своей нравственной высотѣ, чоловѣчество. Эта гордость не есть вражда quand même, основанная на томъ, что я, дескать, тебя лучше, а ты меня хуже, а лишь чувство самой цѣломудренной невозможности примиренія съ неправдой и порокомъ, хотя, опять-таки повторяю, чувство это не исключаетъ ни всепрощенія, ни милосердія; мало того, соразмѣрно этой гордости добровольно налагался на себя и огромнѣйшій долгъ. Эти героини ея жаждали жертвъ, подвига. Особенно нравилось мнѣ тогда, въ первоначальныхъ произведеніяхъ ея, нѣсколько типовъ дѣвушекъ, выведенныхъ, напримѣръ, въ такъ называвшихся тогда венеціанскихъ повѣстяхъ ея (къ которымъ принадлежатъ и Ускокъ, и Альдини) типовъ, закончившихся потомъ романомъ «Жанна», произведеніемъ уже геніальнымъ, представляющимъ собою свѣтлое и, можетъ быть, безспорное разрѣшеніе историческаго вопроса о Жаннѣ д'Аркъ. Въ современной крестьянской дѣвушкѣ она вдругъ воскрешаетъ передъ нами образъ исторической Жанны д'Аркъ и наглядно оправдываетъ дѣйствительную возможность этого величаваго и чудеснаго историческаго явленія,—задача вполнѣ Жоржъ-Зандовская, ибо никто, можетъ быть, кромѣ нея, изъ современныхъ ей поэтовъ не носилъ въ душѣ своей столь чистый идеалъ невинной дѣвушки,— чистый и столь могущественный своею невинностью. Всѣ эти типы дѣвушекъ, о которыхъ я сказалъ выше, повторяютъ собою въ нѣсколькихъ произведеніяхъ сряду одну задачу, одну тему (впрочемъ, в однѣ дѣвушки: эта-же тема повторена потомъ въ великолѣпной п вѣсти ея «La Marquise», тоже изъ первоначальныхъ). Изображает

Digitized by Google

прямой, честный, но неопытный характеръ юнаго женскаго существа, съ тѣмъ гордымъ цѣломудріемъ, которое не боится и не можетъ быть загрязнено отъ соприкосновенія даже съ порокомъ, даже еслибъ вдругъ существо это очутилось случайно въ самомъ вертепѣ порока. Потребность великодушной жертвы (будто-бы отъ нея именно ожидаемой) поражаетъ сердце юной дѣвушки, и, нисколько не задумываясь и не щадя себя, она безкорыстно, самоотверженно и безстрашно вдругъ дѣлаетъ самый опасный и роковой шагъ. То, что она видитъ и встрѣчаетъ, не смущаетъ и не страшитъ ее потомъ нимало, — напротивъ, тотчасъ-же возвышаетъ мужество въ юномъ сердцѣ, тутъ только впервые познающемъ всѣ свои силы,—силы невинности, честности, чистоты,—удвоиваетъ ея энергію и указываетъ новые пути и новые горизонты еще незнавшему до того себя, но бодрому и свѣжему уму, не загрязненному еще жизненными уступками. Приэтомъ самая безукоризненная и прелестная форма поэмы: Жоржъ-Зандъ особенно любила тогда кончать свои поэмы *счастливо,* торжествомъ невинности, искренности и юнаго, безстрашнаго простодушія. Такіе-ли образы могли возмутить общество, возбудить сомнѣнія и страхи? Напротивъ, самые строгіе отцы и матери стали позволять въ своихъ семействахъ чтеніе Жоржъ-Занда и только удивлялись: «что-же это такъ всѣ объ ней говорили?» Но тутъ-то и раздались предостерегающіе голоса, что «вотъ въ этой-то гордости женскаго запроса, въ этой-то непримиримости цѣломудрія съ порокомъ, въ этомъ-то отказѣ отъ всякихъ уступокъ пороку, въ этомъ-то безстрашіи, съ которымъ невинность воздвигается на борьбу и смотритъ ясно въ глаза обидѣ, и заключается ядъ, будущій ядъ женскаго протеста, женской эмансипаціи». Что-же! можетъ быть— про ядъ говорили справедливо; дѣйствительно зарождался ядъ, но что̀ онъ шелъ истребить, что̀ отъ этого яда должно было погибнуть и что̀ спастись,—вотъ что̀ тотчасъ-же составило вопросъ и долго не разрѣшалось.

— —

Теперь давно уже эти вопросы разрѣшены (кажется такъ). Надо кстати замѣтить, что къ половинѣ сороковыхъ годовъ слава Жоржъ-Занда и вѣра въ силу ея генія стояли такъ высоко, что мы, современники ея, всѣ ждали отъ нея чего-то несравненно большаго въ будущемъ, неслыханнаго еще новаго слова, даже чего нибудь разрѣшающаго и уже окончательнаго. Надежды эти не осуществились: оказалось, что въ то же время, т. е. къ концу сороковыхъ годовъ, она уже сказала все, что ей суждено и предназначено было высказать, а теперь надъ свѣжей могилой ея о ней ужь вполнѣ можно сказать послѣднее слово.

Digitized by Google

Жоржъ Зандъ не мыслитель, но это одна изъ самыхъ яснови дящихъ предчувственницъ (если только позволено выразиться такою кудрявою фразою) болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь, и именно потому, что сама, въ душѣ своей, способна была воздвигнуть идеалъ. Сохраненіе этой вѣры до конца обыкновенно составляетъ удѣлъ всѣхъ высокихъ душъ, всѣхъ истинныхъ человѣколюбцевъ. Жоржъ-Зандъ умерла деисткой, твердо вѣря въ Бога и въ безсмертную жизнь свою, но объ ней мало сказать этого: она сверхъ того была, можетъ быть, и всѣхъ болѣе христіанкой изъ всѣхъ своихъ сверстниковъ—французскихъ писателей, хотя формально (какъ католичка) и не исповѣдывала Христа. Конечно, какъ француженка, сообразно съ понятіемъ своихъ соотечественниковъ, Жоржъ Зандъ не могла сознательно исповѣдывать идеи, что «во всей вселенной нѣтъ имени, кромѣ Его, которымъ можно спастися» — главной идеи православія; но, не смотря на кажущееся и формальное противорѣчіе, повторяю это, Жоржъ-Зандъ была, можетъ быть, одною изъ самыхъ полныхъ исповѣдницъ Христовыхъ, сама не зная о томъ. Она основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости. Она вѣрила въ личность человѣческую безусловно (даже до безсмертія ея), возвышала и раздвигала представленіе о ней всю жизнь свою—въ каждомъ своемъ произведеніи, и тѣмъ самымъ совпадала и мыслію, и чувствомъ своимъ съ одной изъ самыхъ основныхъ идей христіанства, т. е., съ признаніемъ человѣческой личности и свободы ея (а, стало быть, и ея отвѣтственности). Отсюда и признаніе долга и строгіе нравственные запросы на это и совершенное признаніе отвѣтственности человѣческой. И, можетъ быть, не было мыслителя и писателя во Франціи въ ея время, въ такой силѣ понимавшаго, что «не единымъ хлѣбомъ бываетъ живъ человѣкъ». Что-же до гордости ея запросовъ и протеста, то, повторяю это опять, эта гордость никогда не исключала милосердія, прощенія обиды, даже безграничнаго терпѣнія, основаннаго на состраданіи къ самому обидчику; напротивъ, Жоржъ-Зандъ въ произведеніяхъ своихъ не разъ прельщалась красотою этихъ истинъ и не разъ воплощала типы самаго искренняго прощенія и любви. Пишутъ объ ней, что она умерла прекрасной матерью, трудясь до конца своей жизни, другомъ окрестныхъ крестьянъ, любимая безгранично друзьями своими. Кажется, она наклонна была отчасти цѣнить аристократизмъ своего происхожденія (она происходила по матери изъ королевскаго Сак-

Digitized by Google

сонскаго дома), но ужь, конечно, можно твердо сказать, что если она и цѣнила аристократизмъ въ людяхъ, то основывала его лишь на совершенствѣ души человѣческой: она не могла не любить великаго, примиряться съ низкимъ, уступить идею — и вотъ въ этомъ-то смыслѣ была, можетъ быть, и съ излишкомъ горда. Правда, не любила она тоже выводить въ романахъ своихъ приниженныхъ лицъ, справедливыхъ, но уступающихъ, юродливыхъ и забитыхъ, какъ почти есть во всякомъ романѣ у великаго христіанина Диккенса; напротивъ, воздвигала своихъ героинь гордо, ставила прямо царицъ. Это она любила и эту особенность надо замѣтить; она довольно характерна.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Мой парадоксъ.

Вновь сшибка съ Европой (о, не война еще: до войны намъ, то есть Россіи, говорятъ, все еще далеко), вновь на сценѣ безконечный Восточный вопросъ, вновь на русскихъ смотрятъ въ Европѣ недовѣрчиво... Но, однако, чего намъ гоняться за довѣрчивостью Европы? Развѣ смотрѣла когда Европа на русскихъ довѣрчиво, развѣ можетъ она смотрѣть на насъ когда нибудь довѣрчиво и не враждебно? О, разумѣется, *когда нибудь* этотъ взглядъ перемѣнится, когда нибудь и насъ разглядитъ и раскуситъ Европа получше, и объ этомъ *когда нибудь* очень и очень стоитъ поговорить, но пока— пока мнѣ пришелъ на умъ какъ-бы посторонній и боковой вопросъ и недавно я очень занятъ былъ его разрѣшеніемъ. Пусть со мной будетъ никто не согласенъ, но мнѣ кажется, что я хоть отчасти а правъ.

Я сказалъ, что русскихъ не любятъ въ Европѣ. Что не любятъ — объ этомъ, я думаю, никто не заспоритъ, но, между прочимъ, насъ обвиняютъ въ Европѣ, всѣхъ русскихъ, почти поголовно, что мы страшные либералы, мало того — революціонеры и всегда, съ какою-то даже любовью, наклонны примкнуть скорѣе къ разрушительнымъ, чѣмъ къ консервативнымъ элементамъ Европы. За это смотрятъ на насъ многіе европейцы насмѣшливо и свысока—ненавистно: имъ не понятно, съ чего это намъ быть въ *чужомъ дѣлѣ* отрицателями, они положительно отнимаютъ у насъ

Digitized by Google

право европейскаго отрицанія — на томъ основаніи, что не признаютъ насъ принадлежащими къ «цивилизаціи». Они видятъ въ насъ скорѣе варваровъ, шатающихся по Европѣ и радующихся, что что нибудь и гдѣ нибудь можно разрушить,—разрушить лишь для разрушенія, для удовольствія лишь поглядѣть, какъ все это развалится, подобно ордѣ дикарей, подобно Гуннамъ, готовымъ нахлынуть на древній Римъ и разрушить святыню, даже безъ всякаго понятія о томъ, какую драгоцѣнность они истребляютъ. Что русскіе дѣйствительно въ большинствѣ своемъ заявили себя въ Европѣ либералами,—это правда, и даже это странно. Задавалъ-ли себѣ кто когда вопросъ: почему это такъ? Почему чуть не девять десятыхъ русскихъ, во все наше столѣтіе, культурясь въ Европѣ, всегда примыкали къ тому слою европейцевъ, который былъ либераленъ, къ «лѣвой сторонѣ», то есть всегда къ той сторонѣ, которая сама отрицала свою-же культуру, свою-же цивилизацію, болѣе или менѣе конечно (то, что отрицаетъ въ цивилизаціи Тьеръ, и то, что отрицала въ ней парижская коммуна 71-го года—чрезвычайно различно). Также «болѣе или менѣе» и также многоразлично либеральны и русскіе въ Европѣ, но все-же, однако, повторю это, они наклоннѣе европейцевъ примкнуть прямо къ крайней лѣвой съ самаго начала, чѣмъ витать сперва въ нижнихъ степеняхъ либерализма, — однимъ словомъ, Тьеровъ изъ русскихъ гораздо менѣе найдешь, чѣмъ коммунаровъ. И, замѣтьте, это вовсе не какіе нибудь подбитые вѣтромъ люди, по крайней мѣрѣ—не все одни подбитые вѣтромъ, а и имѣющіе даже и очень солидный и цивилизованный видъ, иногда даже чуть не министры. Но виду-то этому европейцы и не вѣрятъ: «Grattez le Russe et vous verrez le Tartare» говорятъ они (поскоблите русскаго и окажется татаринъ). Все это, можетъ быть, справедливо, но вотъ что мнѣ пришло на умъ: потому-ли русскій въ общеніи своемъ съ Европой примыкаетъ, въ большинствѣ своемъ, къ крайней лѣвой, что онъ татаринъ и любитъ разрушеніе, какъ дикій, или, можетъ быть, двигаютъ его другія причины,—вотъ вопросъ!.. и согласитесь, что онъ довольно любопытенъ. Ошибки наши съ Европой близятся къ концу; роль прорубленнаго окна въ Европу кончилась и наступаетъ что-то другое, должно наступить, по крайней мѣрѣ, и это теперь всякъ сознаетъ кто хоть сколько нибудь въ состояніи мыслить. Однимъ словомъ, мы все болѣе и болѣе начинаемъ чувствовать, что должны быт к чему-то готовы, къ какой-то новой и уже гораздо болѣе ори гинальной встрѣчѣ съ Европой, чѣмъ было это доселѣ, — въ во сточномъ-ли вопросѣ это будетъ, или въ чемъ другомъ, кто эт знаетъ!.. А потому всякіе подобные вопросы, изученія, даже до

Digitized by Google

гадки, даже парадоксы, и тѣ могутъ быть любопытны хоть тѣмъ однимъ, что могутъ навести на мысль. А какъ-же не любопытно такое явленіе, что тѣ-то именно русскіе, которые наиболѣе считаютъ себя европейцами, называются у насъ «западниками», которые тщеславятся и гордятся этимъ прозвищемъ и до сихъ поръ еще дразнятъ другую половину русскихъ квасниками и зипунниками, — какъ-же не любопытно, говорю я, что тѣ-то скорѣе всѣхъ и примыкаютъ къ отрицателямъ цивилизаціи, къ разрушителямъ ея, къ «крайней лѣвой», и что это вовсе никого въ Россіи не удивляетъ, даже вопроса никогда не составляло? Какъ-же это не любопытно?

Я прямо скажу: у меня отвѣтъ составился, но я доказывать мою идею не буду, а лишь изложу ее слегка, попробую развить лишь фактъ. Да и нельзя доказывать уже по одному тому, что всего не докажешь.

Вотъ что мнѣ кажется: не сказалась-ли въ этомъ фактѣ (т. е. въ примыканіи къ крайней лѣвой, а въ сущности къ отрицателямъ Европы даже самыхъ яростныхъ нашихъ западниковъ)—не сказалась-ли въ этомъ протестующая русская душа, которой европейская культура была всегда, съ самаго Петра, ненавистна и во многомъ, слишкомъ во многомъ, сказывалась чуждой русской душѣ? Я именно такъ думаю. О, конечно, этотъ протестъ происходилъ почти все время безсознательно, но дорого то, что чутье русское не умирало: русская душа хоть и безсознательно, а протестовала именно во имя своего руссизма, во имя своего русскаго и подавленнаго начала? Конечно, скажутъ, что тутъ нечему радоваться, еслибъ и было такъ: «все-же отрицатель — Гуннъ, варваръ и Татаринъ,— отрицалъ не во имя чего нибудь высшаго, а во имя того, что самъ былъ до того низокъ, что даже и въ два вѣка не могъ разглядѣть европейскую высоту».

Вотъ что несомнѣнно скажутъ. Я согласенъ, что это вопросъ, но на него-то я отвѣчать и не стану, а лишь объявлю голословно, что предположеніе о Татаринѣ отрицаю изъ всѣхъ силъ. О, конечно, кто теперь изъ всѣхъ русскихъ, и особенно когда все прошло (потому что періодъ этотъ и впрямь прошелъ), кто изъ всѣхъ даже русскихъ будетъ спорить противъ дѣла Петрова, противъ прорубленнаго окошка, возставать на него и мечтать о древнемъ Московскомъ Царствѣ? Не въ томъ вовсе и дѣло и не объ томъ завелъ я мою рѣчь, а объ томъ, что какъ это все ни было хорошо и полезно, то есть все то, что мы въ окошко увидѣли, но все-таки въ немъ было и столько дурнаго и вреднаго, что чуть русское не переставало этимъ возмущаться, не переставало протестовать (хотя до того заблудилось, что и само, въ огромномъ большинствѣ, не

Digitized by Google

понимало что дѣлало) и протестовало не отъ татарства своего, а и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, отъ того, что хранило въ себѣ нѣчто высшее и лучшее, чѣмъ то, что видѣло въ окошкѣ... (Ну, разумѣется, не противъ всего протестовало: мы получили множество прекрасныхъ вещей и неблагодарными быть не желаемъ, ну, а ужь противъ половины-то, по крайней мѣрѣ, могло протестовать).

Повторяю, все это происходило чрезвычайно оригинально: именно самые ярые-то западники наши, именно борцы-то за реформу и становились въ то же время отрицателями Европы, становились въ ряды крайней лѣвой... И что-же, вышло такъ, что тѣмъ самымъ сами и обозначили себя самыми ревностными русскими, борцами за Русь и русскій духъ, чему конечно, еслибъ имъ въ свое время разъяснить это, — или разсмѣялись-бы или ужаснулись. Сомнѣнія нѣтъ, что они не сознавали въ себѣ никакой высоты протеста, напротивъ, все время, всѣ два вѣка отрицали свою высоту и не только высоту, но отрицали даже самое уваженіе къ себѣ (были вѣдь и такіе любители!) и до того, что тѣмъ дивили даже Европу; а выходитъ, что они-то вотъ и оказались настоящими русскими. Вотъ эту догадку мою я и называю моимъ парадоксомъ.

Бѣлинскій, напримѣръ, страстно увлекавшійся по натурѣ своей человѣкъ, примкнулъ, чуть не изъ первыхъ русскихъ, прямо къ Европейскимъ соціалистамъ, отрицавшимъ уже весь порядокъ Европейской цивилизаціи, а между тѣмъ, у насъ въ русской литературѣ, воевалъ съ славянофилами до конца, повидимому совсѣмъ за противуположное. Какъ удивился-бы онъ, еслибъ тѣ-же славянофилы сказали ему тогда, что онъ-то и есть самый крайній боецъ за русскую правду, за русскую особь, за русское начало, именно за все то что онъ отрицалъ въ Россіи для Европы, считалъ басней, мало того: еслибъ доказали ему, что въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ-то и есть по настоящему консерваторъ,—и именно потому, что въ Европѣ онъ соціалистъ и революціонеръ? Да и въ самомъ дѣлѣ оно вѣдь почти такъ и было. Тутъ вышла одна великая ошибка съ обѣихъ сторонъ, и прежде всего та, что всѣ эти тогдашніе западники Россію смѣшали съ Европой, приняли за Европу серьезно и—отрицая Европу и порядокъ ея, думали, что то же самое отрицаніе можно приложить и къ Россіи, тогда какъ Россія вовсе была не Европа, а только ходила въ европейскомъ мундирѣ, но подъ мундиромъ было совсѣмъ другое существо. Разглядѣть, что это не Европа, а другое существо и приглашали славянофилы, прямо указывая, что западники уравниваютъ нѣчто непохожее и несоизмеримое, и что заключеніе, которое пригодно для Европы, неприложимо вовсе къ Россіи, отчасти и потому уже, что все то, чего они же-

Digitized by Google

лаютъ въ Европѣ,—все это давно уже есть въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ зародышѣ и въ возможности, и даже составляетъ сущность ея, только не въ революціонномъ видѣ, а въ томъ въ какомъ и должны эти идеи всемірнаго человѣческаго обновленія явиться: въ видѣ Божеской правды, въ видѣ Христовой истины, которая когда нибудь да осуществится-же на землѣ, и которая всецѣло сохраняется въ православіи. Они приглашали сперва поучиться Россіи, а потомъ уже дѣлать выводы; но учиться тогда нельзя было, да по правдѣ, и средствъ не было. Да и кто тогда могъ что нибудь знать о Россіи? Славянофилы, конечно, знали во сто разъ болѣе западниковъ (и это minimum), но и они дѣйствовали почти что ощупью, умозрительно и отвлеченно, опираясь болѣе на чрезвычайное чутье свое. Научиться чему нибудь стало возможнымъ лишь въ послѣднее двадцатилѣтіе: но кто и теперь-то что нибудь знаетъ о Россіи? Много — много, что начало положено изученію, а чуть явится вдругъ важный вопросъ — и всѣ у насъ тотчасъ-же въ разноголосицу. Ну, вотъ, зачинается вновь теперь Восточный вопросъ: ну, сознайтесь, много-ли у насъ, и кто именно — способны согласиться по этому вопросу на какое нибудь одно общее рѣшеніе? И это въ такомъ важномъ, великомъ, въ такомъ роковомъ и національномъ нашемъ вопросѣ! Да что Восточный вопросъ! Куда брать такіе большіе вопросы! Посмотрите на сотни, на тысячи нашихъ внутреннихъ и обыденныхъ, текущихъ вопросовъ—и что за всеобщая шатость, что за неустановившійся взглядъ, что за непривычка въ дѣлу! Вотъ Россію безлѣсятъ, помѣщики и мужики сводятъ лѣсъ съ какимъ-то остервенѣніемъ. Положительно можно сказать, что онъ идетъ за десятую долю цѣны, ибо — долго-ли протянется предложеніе? Дѣти наши не успѣютъ подрости, какъ на рынкѣ будетъ уже въ десять разъ меньше лѣса. Что-же выйдетъ,— можетъ быть гибель. А между тѣмъ, подите, попробуйте сказать что нибудь о сокращеніи правъ на истребленіе лѣса и что услышите? Съ одной стороны государственная и національная необходимость, а съ другой — нарушеніе правъ собственности, двѣ идеи противуположныя. Тотчасъ-же явятся два лагеря, и неизвѣстно еще, къ чему примкнетъ либеральное, все рѣшающее, мнѣніе. Да два-ли, полно, лагеря? И дѣло станетъ на долго. Кто-то съострилъ въ нынѣшнемъ либеральномъ духѣ, что нѣтъ худа безъ добра, и что если и сведутъ весь русскій лѣсъ, то все-же останется хоть та выгода, что окончательно уничтожится тѣлесное наказаніе розгами, потому что волостнымъ судамъ нечѣмъ ужь будетъ пороть провинившихся мужиковъ и бабъ. Конечно, это утѣшеніе, но и этому какъ-то не вѣрится: хоть не будетъ совсѣмъ лѣса, а на порку

Digitized by Google

всегда хватитъ, изъ-за границы привозить станутъ. Вонъ жиды становятся помѣщиками,—и вотъ, повсемѣстно, кричатъ и пишутъ, что они умерщвляютъ почву Россіи, что жидъ, затративъ капиталъ на покупку помѣстья, тотчасъ-же, чтобы воротить капиталъ и проценты, изсушаетъ всѣ силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что нибудь противъ этого — и тотчасъ-же вамъ возопятъ о нарушеніи принципа экономической вольности и гражданской равноправности. Но какая-же тутъ равноправность если тутъ явный и талмудный Status in Statu прежде всего и на первомъ планѣ, если тутъ не только истощеніе почвы, но и грядущее истощеніе мужика нашего, который, освободясь отъ помѣщиковъ, несомнѣнно и очень скоро попадетъ теперь, всей своей общиной, въ гораздо худшее рабство и къ гораздо худшимъ помѣщикамъ,— къ тѣмъ самымъ новымъ помѣщикамъ, которые уже высосали соки изъ западно-русскаго мужика, къ тѣмъ самымъ, которые не только помѣстья и мужиковъ теперь закупаютъ, но и мнѣніе либеральное начали уже закупать и продолжаютъ это весьма успѣшно. Почему это все у насъ? Почему такая нерѣшимость и несогласіе на всякое рѣшеніе, на какое бы ни было даже рѣшеніе (и замѣтьте: вѣдь это правда)? По моему, вовсе не отъ бездарности нашей и не отъ неспособности нашей къ дѣлу, а отъ продолжающагося нашего незнанія Россіи, ея сути и особи, ея смысла и духа, не смотря на то, что, сравнительно, со временъ Бѣлинскаго и славянофиловъ у насъ уже прошло теперь двадцать лѣтъ школы. И даже вотъ что: въ эти двадцать лѣтъ школы, изученіе Россіи фактически даже очень подвинулось, а чутье русское, кажется, уменьшилось сравнительно съ прежнимъ. Что за причина? Но если славянофиловъ спасало тогда ихъ русское чутье, то чутье это было и въ Бѣлинскомъ, и даже такъ, что славянофилы могли-бы счесть его своимъ самымъ лучшимъ другомъ. Повторяю, тутъ было великое недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ. Не даромъ сказалъ Аполлонъ Григорьевъ, тоже говорившій иногда довольно чуткія вещи, что «еслибъ Бѣлинскій прожилъ долѣе, то навѣрно-бы примкнулъ къ славянофиламъ». Въ этой фразѣ была мысль.

Digitized by Google

II.

Выводъ изъ парадокса.

Итакъ, скажутъ мнѣ, вы утверждаете, что «всякій русскій, обращаясь въ европейскаго коммунара, тотчасъ-же и тѣмъ самымъ становится русскимъ консерваторомъ»? Ну, нѣтъ, это было-бы ужь слишкомъ рискованно заключить. Я только хотѣлъ замѣтить, что въ этой идеѣ, даже и буквально взятой, есть капельку правды. Тутъ, главное, много безсознательнаго, а съ моей стороны, можетъ быть, слишкомъ сильная вѣра въ непрерывающееся русское чутье и въ живучесть русскаго духа. Но пусть, пусть я и самъ знаю, что тутъ парадоксъ, но вотъ что, однако, мнѣ хотѣлось-бы представить на видъ въ заключеніе: это тоже одинъ фактъ и одинъ выводъ изъ факта. Я сказалъ выше, что русскіе отличаются въ Европѣ либерализмомъ, и что, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ примыкаетъ къ лѣвой и къ крайней лѣвой, чуть только они соприкоснутся съ Европой... На цифрѣ я не настаиваю, можетъ быть, ихъ и не девять десятыхъ, но настаиваю лишь на томъ, что либеральныхъ русскихъ даже несравненно больше, чѣмъ нелиберальныхъ. Но есть и нелиберальные русскіе. Да, дѣйствительно есть и всегда были такіе русскіе (имена многихъ изъ нихъ извѣстны), которые не только не отрицали европейской цивилизаціи, но, напротивъ, до того преклонялись передъ нею, что уже теряли послѣднее русское чутье свое, теряли русскую личность свою, теряли языкъ свой, мѣняли родину и если не переходили въ иностранныя подданства, то, по крайней мѣрѣ, оставались въ Европѣ цѣлыми поколѣніями. Но фактъ тотъ, что всѣ этакіе, въ противуположность либеральнымъ русскимъ, въ противуположность ихъ атеизму и коммунарству, немедленно примыкали къ правой и крайней правой, и становились страшными и уже европейскими консерваторами.

Многіе изъ нихъ мѣняли свою вѣру и переходили въ католицизмъ. Это-ли ужь не консерваторы, это-ли ужь не крайняя правая? Но позвольте: консерваторы въ Европѣ и, напротивъ, совершенные отрицатели Россіи. Они становились разрушителями Россіи, врагами Россіи! И такъ, вотъ что значило перемолоться изъ русскаго въ настоящаго Европейца, сдѣлаться уже настоящимъ сыномъ цивилизаціи,—замѣчательный фактъ, полученный за двѣсти лѣтъ опыта. Выводъ тотъ, что русскому, ставшему дѣйствительнымъ европейцемъ, нельзя не сдѣлаться въ то же время естественнымъ врагомъ Россіи: Того-ли желали тѣ, кто прорубалъ окно? Это-ли имѣли въ виду?

Digitized by Google

И такъ, получилось два типа цивилизованныхъ русскихъ: европеецъ Бѣлинскій, отрицавшій въ то же время Европу, оказался въ высшей степени русскимъ, не смотря на всѣ провозглашенныя имъ о Россіи заблужденія, а коренной и древнѣйшій русскій князь Гагаринъ, ставъ европейцемъ, нашелъ необходимымъ не только перейти въ католичество, но уже прямо перескочить въ іезуиты. Кто-же, скажите теперь, изъ нихъ больше другъ Россіи? Кто изъ нихъ остался болѣе русскимъ? И не подтверждаетъ-ли этотъ второй примѣръ (съ крайней правой) мой первоначальный парадоксъ, состоящій въ томъ, что русскіе европейскіе соціалисты и коммунары—прежде всего не европейцы и кончатъ таки тѣмъ, что станутъ опять коренными и славными русскими, когда разсѣется недоумѣніе и когда они выучатся Россіи, и — второе, что русскому ни за что нельзя обратиться въ Европейца серьезнаго, оставаясь хоть сколько нибудь русскимъ, а коли такъ, то и Россія, стало быть, есть нѣчто совсѣмъ самостоятельное и особенное, на Европу совсѣмъ непохожее и само по себѣ серьезное. Да и сама Европа, можетъ быть, вовсе несправедлива, осуждая русскихъ и смѣясь надъ ними за революціонерство: мы, стало быть, революціонеры не для разрушенія только, тамъ, гдѣ не строили, не какъ гунны и татары, а для чего-то другаго, чего мы пока, правда, и сами не знаемъ (а тѣ кто знаетъ, тѣ про себя таятъ). Однимъ словомъ, мы — революціонеры, такъ сказать, по собственной какой-то необходимости, такъ сказать, даже изъ консерватизма... Но все это переходное, все это, какъ я сказалъ уже, постороннее и боковое, а теперь на сценѣ вѣчно неразрѣшимый Восточный вопросъ.

III.

Восточный вопросъ.

Восточный вопросъ! Кто изъ насъ въ этотъ мѣсяцъ не переживалъ довольно необыкновенныхъ ощущеній и сколько было толковъ въ газетахъ! И какое смущеніе въ иныхъ головахъ, какой цинизмъ въ иныхъ приговорахъ, какой добрый честный трепетъ въ иныхъ сердцахъ, какой гвалтъ въ иныхъ жидахъ! Одно вѣрно: бояться нечего, хотя и много было пугающихъ. Да и трудно представить, чтобъ въ Россіи было ужь такъ много трусовъ. Въ ней есть *умышленно*—трусливые, это правда, но они, кажется, опомнились срокомъ и теперь, даже и имъ уже поздно трусить и не

Digitized by Google

разсчетъ: успѣха не пріобрѣтутъ. Но и умышленно трусливые, конечно, знаютъ себѣ предѣлъ и все-же не потребуютъ отъ Россіи безчестія, подобно тому какъ въ старину, отправляя пословъ къ королю Стефану Баторію, царь Иванъ Васильевичъ Грозный потребовалъ отъ нихъ, чтобъ переносили буде надо и побои, лишь-бы миръ выпросили. Однимъ словомъ, мнѣніе общества, кажется, обозначилось и на побои ни для какого мира несогласно.

Князь Миланъ Сербскій и князь Николай Черногорскій, надѣясь на Бога и на право свое, выступили противъ султана и когда будутъ читать эти строки, то уже, можетъ быть, будетъ извѣстно о какой нибудь значительной встрѣчѣ или даже о рѣшительномъ сраженіи. Дѣло пойдетъ теперь быстро. Нерѣшительность и медленность великихъ державъ, дипломатическій вывертъ Англіи, отказавшейся примкнуть къ заключеніямъ берлинскихъ конференцій и вдругъ затѣмъ послѣдовавшая революція въ Константинополѣ и вспышка мусульманскаго фанатизма, а наконецъ ужасное избіеніе баши-бузуками и черкесами шестидесяти тысячъ мирныхъ болгаръ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, — все это разомъ зажгло и двинуло войну. У славянъ много надеждъ. У нихъ, если сосчитать всѣ ихъ силы, до ста пятидесяти тысячъ бойцовъ, изъ которыхъ болѣе трехъ четвертей порядочнаго регулярнаго войска. Но главное—духъ: они идутъ вѣря въ свое право, вѣря въ свою побѣду, тогда какъ у турокъ, не смотря на фанатизмъ, большое безначаліе и большое смущеніе, и—не диво будетъ, если смущеніе это, послѣ самыхъ первыхъ встрѣчъ, обратится въ паническій страхъ. Кажется, можно уже предсказать, что если вмѣшательства Европы не воспослѣдуетъ, то Славяне побѣдятъ навѣрно. Невмѣшательство Европы повидимому рѣшено, но трудно сказать, чтобы въ Европейской политикѣ въ настоящую минуту было что нибудь твердое и законченное. Въ виду огромнаго и вдругъ возставшаго вопроса, всѣ какъ-бы положили про себя ждать и медлить послѣднимъ рѣшеніемъ. Слышно, однакоже, что союзъ трехъ великихъ восточныхъ державъ продолжается, продолжаются и личныя свиданія трехъ монарховъ, такъ что невмѣшательство въ борьбу славянъ съ этой стороны *пока* вѣрно. Уединившаяся Англія ищетъ союзниковъ; найдетъ-ли ихъ— это вопросъ. Если и найдетъ, то, кажется, не во Франціи. Однимъ словомъ, вся Европа будетъ глядѣть на борьбу христіанъ и султана не вмѣшиваясь въ нее, но... пока только, до времени... до дѣлежа наслѣдства. Но возможно-ли будетъ это наслѣдство? Еще будетъ-ли какое наслѣдство? Если Богъ пошлетъ славянамъ успѣхъ, то до какого предѣла въ успѣхѣ допуститъ ихъ Европа? Позволитъ-ли стащить съ постели больнаго человѣка совсѣмъ долой? Послѣд-

Digitized by Google

нее очень трудно предположить. Не рѣшатъ-ли напротивъ, послѣ новаго и торжественнаго консиліума, опять лѣчить его?.. Такъ что усилія славянъ, даже и въ случаѣ очень большаго успѣха, могутъ быть вознаграждены лишь довольно слабыми пальятивами. Сербія вышла въ поле надѣясь на свою силу, но ужь, разумѣется, она знаетъ, что окончательная судьба ея зависитъ вполнѣ отъ Россіи; она знаетъ, что только Россія сохранитъ ее отъ погибели въ случаѣ большаго несчастія,—и что Россія-же, могущественнымъ вліяніемъ своимъ, поможетъ ей сохранить за собою, въ случаѣ удачи, возможный maximum выгоды. Она знаетъ про это и надѣется на Россію, но знаетъ тоже и то, что вся Европа смотритъ теперь на Россію съ затаенною недовѣрчивостью и что положеніе Россіи озабоченное. Однимъ словомъ, все въ будущемъ, но, какже однако поступитъ Россія?

Вопросъ-ли это? Для всякаго Русскаго это не можетъ и не должно составлять вопроса. Россія поступитъ *честно*, — вотъ и весь отвѣтъ на вопросъ. Пусть въ Англіи первый министръ извращаетъ правду предъ Парламентомъ изъ политики и сообщаетъ ему оффиціально, что истребленіе шестидесяти тысячъ болгаръ произошло не турками, не баши-бузуками, а славянскими выходцами,— и пусть весь Парламентъ изъ политики вѣритъ ему и безмолвно одобряетъ его ложь: въ Россіи ничего подобнаго быть не можетъ и не должно. Скажутъ иные: не можетъ-же Россія идти во всякомъ случаѣ на встрѣчу явной своей невыгодѣ? Но, однако, въ чемъ выгода Россіи? Выгода Россіи именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь-бы не нарушить справедливости. Не можетъ Россія измѣнить великой идеѣ, завѣщанной ей рядомъ вѣковъ и которой слѣдовала она до сихъ поръ неуклонно. Эта идея есть, между прочимъ, и всеединеніе славянъ; но всеединеніе это—не захватъ и не насиліе, а ради всеслуженія человѣчеству. Да и когда, часто-ли Россія дѣйствовала въ политикѣ изъ прямой своей выгоды? Не служила-ли она, напротивъ, въ продолженіе всей петербургской своей исторіи всего чаще чужимъ интересамъ съ безкорыстіемъ, которое могло-бы удивить Европу, еслибъ та могла глядѣть ясно, а не глядѣла-бы, напротивъ, на насъ всегда недовѣрчиво, подозрительно и ненавистно. Да безкорыстію въ Европѣ и вообще никто и ни въ чемъ не повѣритъ, не только русскому безкорыстію,—повѣрятъ скорѣе плутовству или глупости. Но нам нечего бояться ихъ приговоровъ: въ этомъ самоотверженномъ бе корыстіи Россіи — вся ея сила, такъ сказать, вся ея личность все будущее русскаго назначенія. Жаль только, что сила э иногда довольно-таки ошибочно направлялась.

Digitized by Google

IV.

Утопическое пониманіе исторіи.

Всѣ эти полтора вѣка послѣ Петра, мы только и дѣлали, что выживали общеніе со всѣми цивилизаціями человѣческими, родненіе съ ихъ исторіей, съ ихъ идеалами. Мы учились и пріучали себя любить французовъ и нѣмцевъ и всѣхъ, какъ будто тѣ были нашими братьями, и не смотря на то, что тѣ никогда не любили насъ, да и рѣшили насъ не любить никогда. Но въ этомъ состояла наша реформа, все Петрово дѣло: мы вынесли изъ нея, въ полтора вѣка, *расширеніе* взгляда, еще не повторявшееся, можетъ быть, ни у одного народа ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. До-петровская Россія была дѣятельна и крѣпка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себѣ единство и готовилась закрѣпить свои окраины; про себя-же понимала, что несетъ внутри себя драгоцѣнность, которой нѣтъ нигдѣ больше— Православіе, что она — хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящаго Христова образа, затемнившагося во всѣхъ другихъ вѣрахъ и во всѣхъ другихъ народахъ. Эта драгоцѣнность, эта вѣчная, присущая Россіи и доставшаяся ей на храненіе истина, по взгляду лучшихъ тогдашнихъ русскихъ людей, какъ бы избавляла ихъ совѣсть отъ обязанности всякаго инаго просвѣщенія. Мало того, въ Москвѣ дошли до понятія, что всякое болѣе близкое общеніе съ Европой даже можетъ вредно и развратительно повліять на русскій умъ и на русскую *идею*, извратить самое православіе и совлечь Россію на путь погибели, «по примѣру всѣхъ другихъ народовъ». Такимъ образомъ, древняя Россія въ замкнутости своей *готовилась быть не права*, — не права передъ человѣчествомъ, рѣшивъ бездѣятельно оставить драгоцѣнность свою, свое Православіе при себѣ, и замкнуться отъ Европы, т. е. отъ человѣчества, въ родѣ иныхъ раскольниковъ, которые не станутъ ѣсть изъ одной съ вами посуды и считаютъ за святость каждый завести свою чашку и ложку. Это сравненіе вѣрно, потому что передъ пришествіемъ Петра у насъ именно выработались почти точно такія-же политическія и духовныя отношенія къ Европѣ. Съ Петровской реформой явилось расширеніе взгляда безпримѣрное, — и вотъ въ этомъ, повторяю, и весь подвигъ Петра. Это-то и есть та самая драгоцѣнность, про которую я говорилъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ № «Дневника» — драгоцѣнность, которую мы,

Digitized by Google

верхній культурный слой русскій, несемъ народу послѣ полуторавѣковаго отсутствія изъ Россіи и которую народъ, послѣ того какъ мы сами преклонимся передъ правдой его, долженъ принять отъ насъ sine qua non, «безъ чего соединеніе обоихъ слоевъ окажется невозможнымъ и все погибнетъ». Что-же это за «расширеніе взгляда», въ чемъ оно и что означаетъ? Это не просвѣщеніе въ собственномъ смыслѣ слова и не наука, это и не измѣна тоже народнымъ русскимъ нравственнымъ началамъ, во имя европейской цивилизаціи; нѣтъ, это именно нѣчто одному лишь народу русскому свойственное, ибо подобной реформы нигдѣ никогда и не было. Это, дѣйствительно и на самомъ дѣлѣ, почти братская любовь наша къ другимъ народамъ, выжитая нами въ полтора вѣка общенія съ ними; это потребность наша всеслуженія человѣчеству, даже въ ущербъ иногда собственнымъ и крупнымъ ближайшимъ интересамъ, это примиреніе наше съ ихъ цивилизаціями, познаніе и *извиненіе* ихъ идеаловъ, хотя-бы они и не ладили съ нашими, это нажитая нами способность въ каждой изъ европейскихъ цивилизацій, или вѣрнѣе—въ каждой изъ европейскихъ личностей открывать и находить заключающуюся въ ней истину, не смотря даже на многое съ чѣмъ нельзя согласиться. Это, наконецъ, потребность быть прежде всего справедливыми и искать лишь истины. Однимъ словомъ, это, можетъ быть, и есть начало, первый шагъ того дѣятельнаго приложенія нашей драгоцѣнности, нашего Православія, къ всеслуженію человѣчеству, — къ чему оно и предназначено и что собственно и составляетъ настоящую сущность его. Такимъ образомъ, черезъ реформу Петра произошло расширеніе *прежней*-же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное пониманіе ея: мы сознали тѣмъ самымъ всемірное назначеніе наше, личность и роль нашу въ человѣчествѣ, и не могли не сознать, что назначеніе и роль эта не похожи на таковыя-же у другихъ народовъ, ибо тамъ каждая народная личность живетъ единственно для себя и въ себя, а мы начнемъ теперь, когда пришло время, именно съ того, что станемъ всѣмъ слугами, для всеобщаго примиренія. И это вовсе не позорно, напротивъ, въ этомъ величіе наше, потому что все это ведетъ къ окончательному единенію человѣчества. Кто хочетъ быть выше всѣхъ въ царствіи Божіемъ—стань всѣмъ слугой. Вотъ какъ я понимаю русское предназначеніе *въ его идеалѣ*. Самъ собою послѣ Петра обозначился и первый шагъ нашей новой политики: этотъ первый шагъ долженъ былъ состоять въ единеніи всего славянства, такъ сказать, подъ крыломъ Россіи. И не для захвата, не для насилія это единеніе, не для уничтоженія славянскихъ личностей передъ русскимъ

Digitized by Google

колоссомъ, а для того, чтобъ ихъ-же возсоздать и поставить въ надлежащее отношеніе къ Европѣ и къ человѣчеству, дать имъ, наконецъ, возможность успокоиться и отдохнуть послѣ ихъ безчисленныхъ вѣковыхъ страданій; собраться съ духомъ и ощутивъ свою новую силу, принести и свою лепту въ сокровищницу духа человѣческаго, сказать и свое слово въ цивилизаціи. О, конечно, вы можете смѣяться надъ всѣми предыдущими «мечтаніями» о предназначеніи Русскомъ, но вотъ скажите однако-же: не всѣ-ли русскіе желаютъ воскресенія Славянъ именно на этихъ основаніяхъ, именно для ихъ полной личной свободы и воскрешенія ихъ духа, а вовсе не для того, чтобы пріобрѣсть ихъ Россіи политически и усилить ими политическую мощь Россіи, въ чемъ, однако, подозрѣваетъ насъ Европа? Вѣдь это-же такъ, неправда-ли? А стало быть и оправдывается уже тѣмъ самымъ хотя часть предыдущихъ «мечтаній»? Само собою и для этой-же цѣли, Константинополь—рано ли, поздно-ли, долженъ быть нашъ...

Боже, какая насмѣшливая улыбка явилась-бы у какого нибудь австрійца или англичанина, еслибъ онъ имѣлъ возможность прочесть всѣ эти вышеписанныя *мечтанія* и дочитался-бы вдругъ до такого *положительнаго* заключенія: «Константинополь, Золотой Рогъ, первая политическая точка въ мірѣ—это-ли не захватъ?»

Да, Золотой Рогъ и Константинополь — все это будетъ наше, но не для захвата и не для насилія, отвѣчу я. И, во первыхъ, это случится само собой, именно потому что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то дѣйствительно время близко, всѣ къ тому признаки. Это выходъ естественный, это такъ сказать слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрѣло еще время. Въ Европѣ вѣрятъ какому-то «Завѣщанію Петра Великаго». Это больше ничего какъ подложная бумага, написанная поляками. Но если-бъ Петру и пришла тогда мысль, вмѣсто основанія Петербурга, захватить Константинополь, то, мнѣ кажется, онъ, по нѣкоторомъ размышленіи, оставилъ-бы эту мысль тогда-же, еслибъ даже и имѣлъ на столько силы чтобы сокрушить султана, именно потому, что тогда дѣло это было несвоевременное и могло-бы принести даже гибель Россіи.

Ужь когда въ чухонскомъ Петербургѣ мы не избѣгли вліянія сосѣднихъ нѣмцевъ, хотя и бывшихъ полезными, но за то и весьма парализовавшихъ русское развитіе, прежде чѣмъ выяснилась его настоящая дорога, то какъ въ Константинополѣ, огромномъ и своеобразномъ, съ остатками могущественной и древнѣйшей цивилизаціи, могли-бы мы избѣжать вліянія Грековъ, людей несравненно болѣе тонкихъ, чѣмъ грубые нѣмцы, людей, имѣющихъ несравненно болѣе

Digitized by Google

общихъ точекъ соприкосновенія съ нами, чѣмъ совершенно непохожіе на насъ нѣмцы, людей многочисленныхъ и царедворныхъ, которые тотчасъ-же-бы окружили тронъ и прежде Русскихъ стали-бы и учены, и образованы, которые и Петра самого очаровали-бы въ его слабой струнѣ ужъ однимъ своимъ знаніемъ и умѣніемъ въ мореходствѣ, а не только его ближайшихъ преемниковъ. Однимъ словомъ, они овладѣли-бы Россіей политически, они стащили-бы ее немедленно на какую нибудь новую Азіатскую дорогу, на какую нибудь опять замкнутость и ужъ конечно этого не вынесла бы тогдашняя Россія. Ея русская сила и ея національность были-бы остановлены въ своемъ ходѣ. Мощный Великоруссъ остался-бы въ отдаленіи на своемъ мрачномъ снѣжномъ сѣверѣ, служа не болѣе какъ матеріаломъ для обновленнаго Царьграда и, можетъ быть, подконецъ, совсѣмъ не призналъ-бы нужнымъ идти за нимъ. Югъ-же Россіи весь-бы подпалъ захвату грековъ. Даже, можетъ быть, совершилось-бы распаденіе самаго Православія на два міра: на обновленный Царьградскій и старый русскій... Однимъ словомъ, дѣло было въ высшей степени несвоевременное. Теперь-же совсѣмъ иное.

Теперь Россія уже побывала въ Европѣ и уже сама образована. Главное-же — узнала всю свою силу и дѣйствительно стала сильна: узнала тоже и чѣмъ именно она будетъ всего сильнѣе. Теперь она понимаетъ, что Царьградъ можетъ быть нашъ вовсе не какъ столица Россіи; а два вѣка назадъ, Петръ, захвативъ Царьградъ, не могъ-бы не перенести въ него столицу свою, что и было-бы погибелью, ибо Царьградъ не въ Россіи и *не могъ* стать Россіей. Еслибъ Петръ и удержался отъ этой ошибки, то ни за что не удержались-бы его ближайшіе преемники. Если-же теперь Царьградъ можетъ быть нашимъ и не какъ столица Россіи, то равно и не какъ столица Всеславянства, какъ мечтаютъ нѣкоторые. Всеславянство, безъ Россіи, истощится тамъ въ борьбѣ съ греками, если-бы даже и могло составить изъ своихъ частей какое нибудь политическое цѣлое. Наслѣдовать-же Константинополь однимъ грекамъ теперь уже совсѣмъ невозможно: нельзя отдать имъ такую важную точку земнаго шара, слишкомъ ужъ было-бы имъ не по мѣркѣ. Всеславянство-же съ Россіей во главѣ,—о, конечно, это дѣло совсѣмъ другое, но хорошее-ли оно, опять вопросъ? И не похоже-ли-бы это было какъ-бы на политическій захватъ славянъ Россіей, чего не надо намъ вовсе? Итакъ, во имя чего-же, во имя какого *нравственнаго* права могла-бы искать Россія Константинополя? Опираясь на какія высшія цѣли могла-бы требовать его отъ Европы? А вотъ именно-какъ Предводительница Православія, какъ покровительница и охранительница его,—роль предназначенная ей еще съ Ивана III, постави-

Digitized by Google

шаго въ знакъ ея и царьградскаго двуглаваго орла выше древняго герба Россіи, но обозначившаяся уже несомнѣнно лишь послѣ Петра Великаго, когда Россія сознала въ себѣ силу исполнить свое назначеніе, а фактически уже и стала дѣйствительной и единственной покровительницей и православія и народовъ его исповѣдующихъ. Вотъ эта причина, вотъ это *право* на древній Царьградъ и было-бы понятно и не обидно даже самымъ ревнивымъ къ своей независимости славянамъ, или даже самимъ грекамъ. Да и тѣмъ самымъ обозначилась-бы и настоящая сущность тѣхъ политическихъ отношеній, которыя и должны неминуемо наступить у Россіи ко всѣмъ прочимъ православнымъ народностямъ,—славянамъ-ли, грекамъ-ли, все равно. Она—покровительница ихъ и даже, можетъ быть, предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госпожа. Если даже и государыня ихъ, когда нибудь, то лишь по собственному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ сами они опредѣлили-бы независимость и личность свою. Такъ что къ такому союзу могли-бы примкнуть наконецъ и когда-нибудь даже и не православные европейскіе славяне, ибо увидали-бы сами, что всеединеніе подъ покровительствомъ Россіи есть только упроченіе каждому его независимой личности, тогда какъ, безъ этой огромной единящей силы, они, можетъ быть, опять истощились-бы въ взаимныхъ раздорахъ и несогласіяхъ, даже еслибъ и стали когда-нибудь политически независимыми отъ мусульманъ и европейцевъ, которымъ теперь принадлежатъ они.

Къ чему играть въ слова, скажутъ мнѣ: что такое это «православіе?» и въ чемъ тутъ особенная такая идея, особенное право на единеніе народностей? И не тотъ-же-ли это чисто политическій союзъ, какъ и всѣ прочіе подобные ему, хотя-бы и на самыхъ широкихъ основаніяхъ, въ родѣ какъ Соединенные Американскіе Штаты, или, пожалуй, даже еще шире? Вотъ вопросъ, который можетъ быть заданъ; отвѣчу и на него. Нѣтъ, это будетъ не то, и это не игра въ слова, а тутъ *дѣйствительно* будетъ нѣчто особое и неслыханное; это будетъ не одно лишь политическое единеніе и ужь совсѣмъ не для политическаго захвата и насилія,—какъ и представить не можетъ иначе Европа; и не во имя лишь торгашества, личныхъ выгодъ и вѣчныхъ и все тѣхъ-же обоготворенныхъ пороковъ, подъ видомъ оффиціальнаго христіанства, которому на дѣлѣ никто кромѣ *черни* не вѣритъ. Нѣтъ, это будетъ настоящее воздвиженіе Христовой истины, сохраняющейся на Востокѣ, настоящее новое воздвиженіе Креста Христова и окончательное слово Православія, во главѣ котораго давно уже стоитъ Россія. Это будетъ именно соблазнъ для всѣхъ сильныхъ міра сего и

Digitized by Google

торжествовавшихъ въ мірѣ доселѣ, всегда смотрѣвшихъ на всѣ подобныя «ожиданія» съ презрѣніемъ и насмѣшкою, и даже не понимающихъ, что можно серьезно вѣрить въ братство людей, во всепримиреніе народовъ, въ союзъ, основанный на началахъ всеслуженія человѣчеству и наконецъ на самое обновленіе людей на истинныхъ началахъ Христовыхъ. И если вѣрить въ это «новое слово», которое можетъ сказать во главѣ объединеннаго православія міру Россія—есть «утопія», достойная лишь насмѣшки, то пусть и меня причислятъ къ этимъ утопистамъ, а смѣшное я оставляю при себѣ.

«Да ужь одно то утопія, возразятъ, пожалуй, еще, что Россіи когда нибудь *позволятъ* стать во главѣ славянъ и войти въ Константинополь. Мечтать можно, но все-же это мечты!»

Такъ-ли, полно? Но кромѣ того, что Россія сильна, и, можетъ быть, даже гораздо сильнѣе, чѣмъ сама о себѣ полагаетъ, кромѣ того — не на нашихъ-ли глазахъ, и не въ послѣднія-ли недавнія десятилѣтія, воздвигались огромныя могущества, царившія въ Европѣ, изъ коихъ одно исчезло какъ пыль и прахъ, сметенное въ одинъ день вихремъ Божіимъ, а на мѣсто его воздвигнулась новая имперія, какой по силѣ, казалось, бы, еще не было на землѣ. И кто-бы могъ предсказать это заблаговременно? Если-же возможны такіе перевороты, уже случившіеся въ наше время и на нашихъ глазахъ, то можетъ-ли умъ человѣческій вполнѣ безошибочно предсказать и судьбу Восточнаго вопроса? Гдѣ дѣйствительныя основанія отчаяваться въ воскресеніи и въ единеніи славянъ? Кто знаетъ пути Божіи?

V.

Опять о женщинахъ.

Въ газетахъ почти уже всѣ перешли къ сочувствію возставшимъ на освобожденіе братьевъ своихъ Сербамъ и Черногорцамъ, а въ обществѣ, и даже уже въ народѣ съ жаромъ слѣдятъ за успѣхами ихъ оружія. Но славяне нуждаются въ помощи. Получены извѣстія, и, кажется, весьма точныя, что туркамъ, хотя и анонимно, весьма дѣятельно помогаютъ австрійцы и англичане. Впрочемъ, почти и не анонимно. Помогаютъ деньгами, оружіемъ, снарядами и — людьми. Въ турецкой арміи множество иностранныхъ офицеровъ. Огромный англійскій флотъ стоитъ у Константинополя... изъ политическихъ соображеній, а вѣрнѣе — на всякій случай. У Австріи уже готова огромная армія — тоже на всякій случай.

Digitized by Google

Австрійская пресса раздражительно относится къ возставшимъ сербамъ и—къ Россіи. Надо замѣтить, что если Европа смотритъ на славянъ въ настоящее время такъ *безчувственно*, то уже конечно потому что и Русскіе - славяне. Иначе австрійскія газеты не боялись-бы такъ сербовъ, слишкомъ ничтожныхъ военной силой передъ австрійскимъ могуществомъ, и не сравнивали-бы ихъ съ Піемонтомъ...

А потому русскому обществу надо опять помочь славянамъ—разумѣется, хотя лишь деньгами и кое-какими средствами. Генералъ Черняевъ уже сообщалъ въ Петербургъ, что санитарная часть всей сербской арміи чрезвычайно слаба: нѣтъ докторовъ, лекарствъ, мало ухода за ранеными. Въ Москвѣ славянскій комитетъ объявилъ энергическое воззваніе на всю Россію о помощи возставшимъ братьямъ нашимъ и присутствовалъ во всемъ составѣ своемъ, при многочисленномъ стеченіи народа, на торжественномъ молебствіи въ церкви сербскаго подворья—о дарованіи побѣды сербскому и черногорскому оружію. Въ Петербургѣ начинаются въ газетахъ заявленія публики съ присылкою пожертвованій. Движеніе это, очевидно, разростается, не смотря даже на такъ называемый «мертвый лѣтній сезонъ». Но вѣдь онъ только въ Петербургѣ мертвый.

Я уже хотѣлъ было заключить мой «Дневникъ» и уже просматривалъ корректуру, какъ вдругъ ко мнѣ позвонила одна дѣвушка. Она познакомилась со мной еще зимою, уже послѣ того, какъ я началъ изданіе «Дневника». Она хочетъ держать одинъ довольно трудный экзаменъ, энергически приготовляется къ нему и, конечно, его выдержитъ. Изъ дому она даже богатаго и въ средствахъ не нуждается, но очень заботится о своемъ образованіи и приходила спрашивать у меня совѣтовъ: что ей читать, на что именно обратить наиболѣе вниманія. Она посѣщала меня не болѣе раза въ мѣсяцъ, оставалась всегда не болѣе десяти минутъ, говорила лишь о своемъ дѣлѣ, но не многорѣчиво, скромно, почти застѣнчиво, съ чрезвычайной ко мнѣ довѣрчивостью. Но нельзя было не разглядѣть въ ней весьма рѣшительнаго характера, и я не ошибся. Въ этотъ разъ она вошла и прямо сказала:

— Въ Сербіи нуждаются въ уходѣ за больными. Я рѣшилась пока отложить мой экзаменъ и хочу ѣхать ходить за ранеными. Что-бы вы мнѣ сказали?

И она почти робко посмотрѣла на меня, а между тѣмъ я уже ясно прочелъ въ ея взглядѣ, что она уже рѣшилась и что рѣшеніе ея неизмѣнно. Но ей надо было и мое напутствіе. Я не могу передать нашъ разговоръ въ полной подробности, чтобы какой нибудь, хотя малѣйшей чертой, не нарушить анонима и передаю лишь одно общее.

Digitized by Google

Мнѣ вдругъ стало очень жаль ее, — она такъ молода. Пугать ее трудностями, войной, тифомъ въ лазаретахъ, — было совсѣмъ лишнее: это значило-бы подливать масла въ огонь. Тутъ была единственно лишь жажда жертвы, подвига, добраго дѣла и, главное, что всего было дороже — никакого тщеславія, никакого самоупоенія, а просто желаніе — «ходить за ранеными», принести пользу.

— Но вѣдь вы не умѣете ходить за ранеными?

— Да, но я уже справлялась и была въ комитетѣ. Поступающимъ даютъ срокъ въ двѣ недѣли и я, конечно, приготовлюсь.

И, конечно, приготовится; тутъ слово съ дѣломъ не рознится.

— Слушайте, сказалъ я ей, я не пугать васъ хочу и не отговаривать, но сообразите мои слова и постарайтесь взвѣсить ихъ по совѣсти. Вы росли совсѣмъ не въ той обстановкѣ, вы видѣли лишь хорошее общество и никогда не видали людей иначе какъ въ ихъ спокойномъ состояніи, въ которомъ они не могли нарушать хорошаго тона. Но тѣ-же люди на войнѣ, въ тѣснотѣ, въ тяготѣ, въ трудахъ, становятся иногда совсѣмъ другими. Вдругъ вы всю ночь ходили за больными, служили имъ, измучились, едва стоите на ногахъ, и вотъ докторъ, можетъ быть, очень хорошій самъ по себѣ человѣкъ, но усталый, надорванный, только что отрѣзавшій нѣсколько рукъ и ногъ, вдругъ, въ раздраженіи, обращается къ вамъ и говоритъ: «Вы только портите, ничего не дѣлаете! Коли взялись надо служить» и проч. и проч. Не тяжело-ли вамъ будетъ вынести? А между тѣмъ это непремѣнно надо предположить и я подымаю передъ вами лишь самый крошечный уголокъ. Дѣйствительность иногда очень неожиданна. И, наконецъ, перенесете-ли вы, увѣрены-ли вы, что перенесете, не смотря на всю твердость рѣшенія вашего, самый этотъ уходъ. Не упадете-ли въ обморокъ въ виду иной смерти, раны, операціи? Это происходитъ мимо воли, безсознательно...

— Если мнѣ скажутъ, что я порчу дѣло, а не служу, то я очень пойму, что этотъ докторъ самъ раздраженъ и усталъ, а мнѣ довольно лишь знать про себя, что я не виновата и исполнила все какъ надо.

— Но вы такъ еще молоды, какъ можете вы ручаться за себя?

— Почему вы думаете, что я такъ молода? *Мнѣ уже восемнадцать* лѣтъ, я совсѣмъ не такъ молода...

Однимъ словомъ, уговаривать было невозможно: вѣдь все равно она-бы завтра-же уѣхала, но только съ грустію, что я ее не одобрил.

— Ну Богъ съ вами, сказалъ я, ступайте. Но кончится дѣло, пріѣзжайте скорѣй назадъ.

— О, разумѣется, мнѣ надо сдать экзаменъ. Но вы не повѣрите какъ вы меня обрадовали.

Digitized by Google

Она ушла съ сіяющимъ лицомъ и ужь, конечно, черезъ недѣлю будетъ *тамъ*.

Въ началѣ этого «Дневника», въ статьѣ о Жоржъ-Зандѣ, я написалъ нѣсколько словъ о ея характерахъ дѣвушекъ, которые мнѣ особенно нравились въ повѣстяхъ ея перваго, самаго ранняго періода. Ну, вотъ это именно въ родѣ тѣхъ дѣвушекъ, тутъ именно тотъ-же самый прямой, честный, но неопытный юный женскій характеръ, съ тѣмъ гордымъ цѣломудріемъ, которое не боится и не можетъ быть загрязнено даже отъ соприкосновенія съ порокомъ. Тутъ потребность жертвы, дѣла, будто-бы отъ нея именно ожидаемаго, и убѣжденіе, что нужно и должно начать самой, первой, и безо всякихъ отговорокъ, все то хорошее, чего ждешь и чего требуешь отъ другихъ людей,—убѣжденіе въ высшей степени вѣрное и нравственное, но увы, всего чаще свойственное лишь отроческой чистотѣ и невинности. А главное, повторю это, тутъ одно дѣло и для дѣла и ни малѣйшаго тщеславія, ни малѣйшаго самомнѣнія и самоупоенія собственнымъ подвигомъ, — что, напротивъ, очень часто видимъ въ современныхъ молодыхъ людяхъ, даже еще только въ подросткахъ.

По уходѣ ея мнѣ опять невольно пришла на мысль потребность у насъ высшаго образованія для женщинъ, — потребность самая настоятельная и именно теперь, въ виду серьезнаго запроса дѣятельности въ современной женщинѣ, запроса на образованіе, на участіе въ общемъ дѣлѣ. Я думаю, отцы и матери этихъ дочерей сами-бы должны были настаивать на этомъ, для себя-же, если любятъ дѣтей своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, только лишь высшая наука имѣетъ въ себѣ столько серьезности, столько обаянія и силы, чтобъ умирить это почти волненіе, начавшееся среди нашихъ женщинъ. Только наука можетъ дать отвѣтъ на ихъ вопросы, укрѣпить умъ, взять, такъ сказать, въ опеку расходившуюся мысль. Что-же до этой дѣвушки, то хоть и жалка мнѣ ея молодость, но остановить ее я, кромѣ того что не могъ, но отчасти думаю, что, можетъ быть, это путешествіе будетъ ей, съ одной стороны, даже и полезно: все-же это не книжный міръ, не отвлеченное убѣжденіе, а предстоящій огромный опытъ, который, можетъ быть, въ неизмѣримой благости Своей, судилъ ей самъ Богъ, чтобъ спасти ее. Тутъ—готовящійся ей урокъ живой жизни, тутъ предстоящее расширеніе ея мысли и взгляда, тутъ будущее воспоминаніе на всю жизнь о чемъ-то дорогомъ и прекрасномъ, въ чемъ она участвовала и что заставитъ ее дорожить жизнію, а не устать отъ нея— не живши, какъ устала несчастная самоубійца Писарева, о которой я говорилъ въ прошломъ, майскомъ «Дневникѣ» моемъ.

Digitized by Google

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Выѣздъ заграницу. Нѣчто о русскихъ въ вагонахъ.

Два мѣсяца уже не бесѣдовалъ съ читателемъ. Выдавъ іюньскій № (которымъ заключилось полгода моего изданія), я тотчасъ-же сѣлъ въ вагонъ и отправился въ Эмсъ — о, не отдыхать, а затѣмъ, зачѣмъ въ Эмсъ ѣздятъ. И ужь конечно все это слишкомъ личное и частное, но дѣло въ томъ, что я пишу иногда мой «Дневникъ» не только для публики, но и для себя самого—(вотъ потому-то, вѣроятно, въ немъ иногда и бываютъ иныя какъ-бы шероховатости и неожиданности, т. е. мысли мнѣ совершенно знакомыя и длиннымъ порядкомъ во мнѣ выработавшіяся, а читателю кажущіяся совершенно чѣмъ-то вдругъ выскочившимъ, безъ связи съ предыдущимъ),—а потому какъ-же я не включу въ него и мой выѣздъ заграницу? О, конечно, моя-бы воля, я отправился-бы куда нибудь на Югъ Россіи, туда

... Гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;
Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны.

Но, увы! кажется, и тамъ теперь совсѣмъ другое, чѣмъ когда мечталъ объ этомъ краѣ поэтъ, и не только за ничтожный трудъ, но и за тяжелый—оратай получаетъ далеко не сторичныя выгоды. Да и на счетъ кобылицъ, кажется, тоже надо теперь взять тонъ несравненно умѣреннѣе. Кстати, недавно въ «Московскихъ Вѣдо-

Digitized by Google

стяхъ» нашелъ статью о Крымѣ, о выселеніи изъ Крыма татаръ и о «запустѣніи края». «Московскія Вѣдомости» проводятъ дерзкую мысль, что и нечего жалѣть о татарахъ—пусть выселяются, а на ихъ мѣсто лучше-бы колонизировать русскихъ. Я прямо называю такую мысль дерзостью: это одна изъ тѣхъ мыслей, одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ я говорилъ въ іюньскомъ № «Дневника», что чуть какой нибудь изъ нихъ явится «и всѣ у насъ тотчасъ въ разноголосицу». Въ самомъ дѣлѣ, трудно рѣшить — согласятся-ли у насъ всѣ съ этимъ мнѣніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», съ которымъ я отъ всей души соглашаюсь, потому что самъ давно точно также думалъ объ этомъ «Крымскомъ вопросѣ». Мнѣніе рѣшительно *рискованное* и неизвѣстно еще, примкнетъ-ли къ нему либеральное, все рѣшающее, мнѣніе. Правда, «Московскія Вѣдомости» выражаютъ желаніе «не жалѣть о татарахъ» и т. д. не для одной лишь политической стороны дѣла, не для одного лишь закрѣпленія окраинъ, а выставляютъ и прямо экономическую потребность края. Они выставляютъ, какъ фактъ, что крымскіе татары даже доказали свою неспособность правильно воздѣлывать почву Крыма, и что русскіе, и именно южноруссы—на это гораздо будутъ способнѣе, и въ доказательство указываютъ на Кавказъ. Вообще, еслибъ переселеніе русскихъ въ Крымъ (постепенное, разумѣется), потребовало-бы и чрезвычайныхъ какихъ нибудь затратъ отъ государства, то на такія затраты, кажется, очень можно и чрезвычайно было-бы выгодно рѣшиться. Во всякомъ вѣдь случаѣ, если не займутъ мѣста русскіе, то на Крымъ непремѣнно набросятся жиды и умертвятъ почву края...

Переѣздъ изъ Петербурга до Берлина — длинный, почти въ двое сутокъ, а потому взялъ съ собой, на всякій случай, двѣ брошюры и нѣсколько газетъ. Именно «на всякій случай», потому что всегда боюсь оставаться въ толпѣ незнакомыхъ русскихъ интеллигентнаго нашего класса, — и это вездѣ, въ вагонѣ-ли, на пароходѣ-ли, или въ какомъ-бы то ни было собраніи. Я признаюсь въ этомъ какъ въ слабости и прежде всего отношу ее къ моей собственной мнительности. Заграницей, въ толпѣ иностранцевъ, мнѣ всегда бываетъ легче: тутъ каждый идетъ совершенно прямо, если куда намѣтилъ, а нашъ идетъ и оглядывается: «что, дескать, про меня скажутъ». Впрочемъ, на видъ твердъ и незыблемъ, а на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ болѣе шатающагося и въ себѣ неувѣреннаго. Незнакомый русскій, если начинаетъ съ вами разговоръ, то всегда чрезвычайно конфиденціально и дружественно, но вы съ

Digitized by Google

первой буквы видите глубокую недовѣрчивость и даже затаившееся мнительное раздраженіе, которое, чуть-чуть не такъ, и мигомъ выскочитъ изъ него или колкостью, или даже просто грубостью, не смотря на все его «воспитаніе» и, главное, ни съ того ни съ сего. Всякій какъ-будто хочетъ отмстить кому-то за свое ничтожество, а между тѣмъ, это можетъ быть вовсе и не ничтожный человѣкъ, бываетъ такъ, что даже совсѣмъ напротивъ. Нѣтъ человѣка готоваго повторять чаще русскаго: «какое мнѣ дѣло, что про меня скажутъ», или: «совсѣмъ я не забочусь объ общемъ мнѣніи»—и нѣтъ человѣка, который-бы болѣе русскаго (опять таки цивилизованнаго) болѣе боялся, болѣе трепеталъ общаго мнѣнія, того, что про него скажутъ или подумаютъ. Это происходитъ именно отъ глубоко въ немъ затаившагося неуваженія къ себѣ, при необъятномъ, разумѣется, самомнѣніи и тщеславіи. Эти двѣ противуположности всегда сидятъ *почти* во всякомъ интеллигентномъ русскомъ и для него-же перваго и невыносимы, такъ что всякій изъ нихъ носитъ какъ-бы «адъ въ душѣ». Особенно тяжело встрѣчаться съ незнакомыми русскими заграницей, гдѣ-нибудь глазъ на глазъ, такъ что нельзя уже убѣжать, въ случаѣ какой бѣды, именно, напримѣръ, если васъ запрутъ вмѣстѣ въ вагонѣ. А межъ тѣмъ, казалось-бы, «такъ пріятно встрѣтиться на чужбинѣ съ соотечественникомъ». Да и разговоръ-то всегда почти начинается съ этой самой фразы; узнавъ, что вы русскій, соотечественникъ непремѣнно начнетъ: «Вы русскій? какъ пріятно встрѣтиться на чужбинѣ съ соотечественникомъ: вотъ я здѣсь тоже»... и тутъ сейчасъ-же начинаются какія нибудь откровенности, именно въ самомъ дружественномъ и, такъ сказать, въ братскомъ тонѣ, приличномъ двумъ соотечественникамъ, обнявшимся на чужбинѣ. Но не вѣрьте тону: соотечественникъ хоть и улыбается, но уже смотритъ на васъ подозрительно, вы это видите изъ глазъ его, изъ его сюсюканія и изъ нѣжной скандировки словъ; онъ васъ мѣряетъ, онъ уже непремѣнно боится васъ, онъ уже хочетъ лгать; да и не можетъ онъ не смотрѣть на васъ подозрительно и не лгать, именно потому, что вы тоже русскій и онъ васъ поневолѣ мѣряетъ съ собой, а, можетъ быть, и потому, что вы дѣйствительно это заслужили. Замѣчательно тоже, что всегда, или, по крайней мѣрѣ, очень не рѣдко, русскій незнакомецъ заграницей (заграницей чаще, заграницей почти всегда), почти съ первыхъ трехъ фразъ поспѣшитъ ввернуть: что онъ вотъ только что встрѣтилъ такого-то, или только что слышалъ что нибудь отъ такого-то, т. е. отъ какого нибудь замѣчательнаго или знатнаго лица изъ нашихъ, изъ русскихъ, и выставляя его при этомъ именно въ самомъ миломъ фамильярномъ

Digitized by Google

тонѣ, какъ пріятеля, не только своего, но и вашего — «вѣдь вы конечно, знаете, скитается бѣдный по всѣмъ здѣшнимъ медицинскимъ знаменитостямъ, тѣ его на воды шлютъ, убитъ совершенно, знакомы вы?» Если вы отвѣтите, что совсѣмъ не знаете, то незнакомецъ тотчасъ-же отыщетъ въ этомъ обстоятельствѣ нѣчто для себя обидное: «ты, дескать, ужь не подумалъ-ли, что я хотѣлъ похвалиться передъ тобой знакомствомъ съ знатнымъ лицомъ?» Вы этотъ вопросъ уже читаете въ глазахъ его, а между тѣмъ это именно, можетъ быть, такъ и было. Если-же вы отвѣтите, что знаете то лицо, то онъ обидится еще пуще, и тутъ ужь, право не знаю почему. Однимъ словомъ, неискренность и враждебность ростутъ съ обѣихъ сторонъ и — разговоръ вдругъ обрывается и умолкаетъ. Соотечественникъ отъ васъ вдругъ отвертывается. Онъ готовъ проговорить все время съ какимъ нибудь нѣмецкимъ булочникомъ, сидящимъ напротивъ, но только не съ вами, и именно, чтобъ вы это замѣтили. Начавъ съ такой дружбы, онъ прерываетъ съ вами всѣ сношенія и отношенія и грубо не замѣчаетъ васъ вовсе. Наступитъ ночь и если есть мѣсто, онъ растянется на подушкахъ чуть-чуть не доставая васъ ногами, даже, можетъ быть, нарочно доставая васъ ногами, а кончится путь, то выходитъ изъ вагона не кивнувъ даже вамъ головою. «Да чѣмъ-же онъ такъ обидѣлся?» думаете вы съ горестію и съ великимъ недоумѣніемъ. Всего лучше встрѣчаться съ русскими генералами. Русскій генералъ заграницей больше всего хлопочетъ, чтобъ не осмѣлился кто изъ встрѣчающихся русскихъ съ нимъ не по чину заговорить, пользуясь тѣмъ, что, дескать, «мы заграницей, а потому и сравнялись». А потому съ первой минуты, въ дорогѣ, напримѣръ, погружается въ строгое и мраморное молчаніе; а тѣмъ и лучше, никому не мѣшаетъ. Кстати, русскій генералъ, отправляющійся заграницу, иногда даже очень любитъ надѣть статское платье и заказываетъ у первѣйшаго петербургскаго портнаго, а пріѣхавъ на воды, гдѣ всегда такъ много хорошенькихъ дамъ со всей Европы, очень любитъ пощеголять. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, кончивъ сезонъ, снимаетъ съ себя фотографію въ штатскомъ платьѣ, чтобъ раздарить карточки въ Петербургѣ своимъ знакомымъ, или осчастливить подаркомъ преданнаго подчиненнаго. Но, во всякомъ случаѣ, припасенная книга или газета чрезвычайно помогаютъ въ дорогѣ, именно отъ русскихъ: «я, дескать, читаю, оставьте меня въ покоѣ».

Digitized by Google

II.

О воинственности нѣмцевъ.

Какъ только въѣхали въ нѣмецкую землю, такъ тотчасъ-же всѣ шесть нѣмцевъ нашего купе, чуть только заперли насъ вмѣстѣ, заговорили между собою о войнѣ и о Россіи. Мнѣ это показалось любопытнымъ, и хоть я зналъ, что въ нѣмецкой печати, именно теперь, огромный толкъ объ Россіи, но все-же не думалъ, что объ этомъ у нихъ и на площадяхъ говорятъ. Это были далеко не «высшіе» нѣмцы; тутъ навѣрно не было ни одного барона, и даже ни одного нѣмецкаго военнаго офицера. Да и говорили они не о «высшей» политикѣ, а лишь объ настоящихъ силахъ Россіи, преимущественно военныхъ, объ силахъ лишь въ данный моментъ, въ настоящую минуту. Съ торжествующимъ и даже нѣсколько надменнымъ спокойствіемъ они сообщили другъ другу, что никогда еще Россія не была въ такомъ слабомъ состояніи по части вооруженія и проч. Одинъ важный и рослый нѣмецъ, ѣхавшій изъ Петербурга, сообщилъ самымъ компетентнымъ тономъ, что у насъ, будто-бы, не болѣе двухсотъ семидесяти тысячъ чуть-чуть порядочныхъ скорострѣльныхъ ружей, а остальное все лишь передѣлка кое-какъ изъ стараго, и что всѣхъ скорострѣльныхъ ружей, вмѣстѣ взятыхъ, не доходитъ, будто-бы, и до полумилліона. Что металлическихъ патроновъ у насъ заготовлено пока еще не болѣе шестидесяти милліоновъ, т. е. всего лишь по шестидесяти выстрѣловъ на солдата, если считать всю армію, во время войны въ милліонъ, и, кромѣ того, утверждалъ, что и патроны-то эти дурно сдѣланы. Они, впрочемъ, толковали довольно весело. Надо замѣтить, что они знали про меня, что я русскій, но по нѣсколькимъ словамъ моимъ съ кондукторомъ, очевидно, заключили, что я не знаю по нѣмецки. Но я хоть и дурно говорю по нѣмецки, за то понимаю. Послѣ нѣкотораго времени я счелъ «патріотическимъ долгомъ» возразить, но какъ можно менѣе горячась, чтобъ попасть въ ихъ тонъ, что всѣ ихъ цифры и свѣдѣнія преувеличены въ дурную сторону, что еще четыре года назадъ у насъ вооруженіе войскъ доведено было до весьма удовлетворительнаго результата, но что съ тѣхъ поръ оно еще увеличилось, такъ какъ дѣло вооруженія продолжается безпрерывно, и что мы теперь никому не уступимъ. Они выслушали меня внимательно, не смотря на мой дурной нѣмецкій раз-

Digitized by Google

воръ, и даже сами подсказывали мнѣ всякій разъ то нѣмецкое слово, которое я забывалъ и на которомъ запинался въ рѣчи, ободрительно кивая головами въ знакъ того, что меня понимаютъ. (NB. Если вы говорите дурно на нѣмецкомъ языкѣ, то чѣмъ выше по образованію нѣмецъ—вашъ слушатель, тѣмъ скорѣе онъ васъ пойметъ; съ уличной-же толпой, или, напримѣръ, съ прислугой дѣло совсѣмъ другое: тѣ понимаютъ тупо, хотя-бы вы забыли всего одно слово въ цѣлой фразѣ, и особенно, если, вмѣсто общеупотребительнаго какого-нибудь слова, употребили другое, менѣе принятое; тутъ васъ иногда даже совсѣмъ не поймутъ. Не знаю, такъ-ли это съ французами, съ итальянцами, но вотъ про русскихъ севастопольскихъ солдатъ разсказывали и писали, что они разговаривали съ плѣнными французскими солдатами въ Крыму (разумѣется, жестами) и умѣли понимать ихъ; стало быть, еслибъ знали хотя только половину словъ, которыя говорилъ французъ, то поняли-бы его совсѣмъ). Нѣмцы не сдѣлали мнѣ ни одного возраженія, они лишь улыбались словамъ моимъ, но не высокомѣрно, а даже одобрительно, совершенно увѣренные, что я, какъ русскій, говорю лишь защищая русскую честь, но по глазамъ ихъ было видно, что не повѣрили мнѣ ни капли и остались при своемъ. Пять лѣтъ тому назадъ, въ 71-мъ году, они были, однако, вовсе не такъ вѣжливы. Я жилъ тогда въ Дрезденѣ и помню какъ воротились саксонскія войска послѣ войны; тогда имъ устроенъ былъ городомъ торжественный входъ и овація. Помню, впрочемъ, эти-же войска и годъ передъ тѣмъ, когда они только еще шли на войну и когда вдругъ на всѣхъ углахъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ Дрездена, появилась крупными буквами напечатанная афиша: der Krieg ist erklaert! (война объявлена!). Я видѣлъ тогда эти войска и невольно любовался ими: какая бодрость въ лицахъ, какое свѣтлое, веселое и, въ тоже время, важное выраженіе взгляда! Все это была молодежь и, смотря на иную проходящую роту, нельзя было не залюбоваться удивительной военной выправкой, стройнымъ шагомъ, точнымъ, строгимъ равненіемъ, но въ тоже время и какой-то необыкновенной свободой, еще и невиданной мною въ солдатѣ, сознательной рѣшимостью, выражавшейся въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ шагѣ этихъ молодцовъ. Видно было, что ихъ не гнали, а что они сами шли. Ничего деревяннаго, ничего палочно-капральнаго, и это у нѣмцевъ, у тѣхъ самыхъ нѣмцевъ, у которыхъ мы заимствовали, заводя съ Петра свое войско, и капрала, и палку. Нѣтъ, эти нѣмцы шли безъ палки, какъ одинъ человѣкъ, съ совершенной рѣшимостью и съ полною увѣренностью въ побѣдѣ. Война была народною: въ солдатѣ сіялъ гражданинъ, и, признаюсь, мнѣ тогда-

Digitized by Google

же стало жутко за французовъ, хоть я все еще твердо былъ увѣренъ, что тѣ поколотятъ нѣмцевъ. Можно представить послѣ того какъ эти-же солдаты входили въ Дрезденъ годъ спустя, уже послѣ побѣдъ, наконецъ-то ими одержанныхъ надъ французомъ, отъ котораго они все столѣтіе терпѣли всякія униженія. Прибавьте къ тому обычную нѣмецкую—и уже всенародную хвастливость собой безъ мѣры, въ случаѣ какого-нибудь успѣха, хвастливость даже мелочную до дѣтскости и всегда переходящую у нѣмца въ нахальство,—довольно неприглядная народная черта и почти удивительная въ этомъ народѣ. Народъ этотъ даже слишкомъ многимъ можетъ похвалиться, даже въ сравненіи съ какими-бы то ни было націями, чтобъ выказывать столько мелочности. Выходило, что имъ ужь такъ вновѣ была эта честь, что они ея сами не ожидали. И дѣйствительно, они до того тогда восторжествовали, что принялись оскорблять русскихъ. Русскихъ въ Дрезденѣ было тогда очень много, и многіе изъ нихъ передавали потомъ, какъ всякій, даже лавочникъ, чуть лишь заговаривалъ съ русскимъ, хотя-бы только пришедшимъ къ нему въ лавку купить что нибудь, тотчасъ-же старался ввернуть: «вотъ мы покончили съ французами, а теперь примемся и за васъ». Эта злоба противъ Русскихъ вскипѣла тогда въ народѣ сама собою, не смотря даже на все то, что говорили тогда газеты, понимавшія политику Россіи во время войны, — политику, безъ которой имъ, можетъ быть, и не пришлось-бы пожать такіе лавры. Правда, это былъ первый пылъ военнаго успѣха, столь неожиданнаго, но фактъ тотъ, что въ пылу этомъ тотчасъ-же вспомянули русскихъ. Это почти невольно проявившееся ожесточеніе противъ русскихъ даже мнѣ показалось тогда удивительнымъ, хотя я всю жизнь мою зналъ, что нѣмецъ всегда и вездѣ, еще съ самой Нѣмецкой слободы въ Москвѣ, очень таки не жаловалъ русскаго. Одна русская дама, жившая тогда въ Дрезденѣ, графиня К., сидѣла на одномъ изъ отведенныхъ для публики мѣстъ во время этой торжественной оваціи войску, входившему въ городъ, а сзади нея нѣсколько восторженныхъ нѣмцевъ начали ужасно ругать Россію. «Я къ нимъ обернулась и выругала ихъ по простонародному», разсказывала она мнѣ потомъ. Тѣ смолчали: нѣмцы очень учтивы съ дамами, но русскому они-бы не спустили. Я самъ читалъ тогда въ нашихъ газетахъ, что наши петербургскіе нѣмцы, въ Петербургѣ, затѣвали тогда цѣлыми пьяными ватагами ссоры и драки гдѣ нибудь на попойкѣ съ нашими солдатами и это именно изъ «патріотизма». Кстати, большинство нѣмецкихъ газетъ наполнено теперь самыми яростными выходками противъ Россіи. Указывая на эту ярость нѣмецкой прессы, увѣряющей, что русскіе хотятъ з-

Digitized by Google

хватить Востокъ и славянъ, чтобъ, усилившись, низринуться на европейскую цивилизацію, «Голосъ» замѣтилъ недавно въ одной передовой статьѣ своей, что весь этотъ яростный хоръ тѣмъ болѣе удивителенъ, что поднялся онъ, какъ нарочно, именно сейчасъ подлѣ дружественныхъ съѣздовъ и свиданій трехъ императоровъ, и что это, по меньшей мѣрѣ, странно. Замѣчаніе тонкое.

III.

Самое послѣднее слово цивилизаціи.

а, въ Европѣ собирается нѣчто какъ-бы ужь неминуемое. Вопросъ о Востокѣ ростетъ, подымается, какъ волны прилива, и дѣйствительно, можетъ быть, кончится тѣмъ, что захватитъ *все*, такъ что ужь никакое миролюбіе, никакое благоразуміе, никакое твердое рѣшеніе не зажигать войны не устоитъ противъ напора обстоятельствъ. Но важнѣе всего то, что уже и теперь выразился ясно страшный фактъ, и что этотъ фактъ—есть *послѣднее слово* цивилизаціи. Это послѣднее слово сказалось, выяснилось; оно теперь извѣстно и оно есть результатъ всего восемнадцати вѣковаго развитія, всего очеловѣченія человѣческаго. Вся Европа, по крайней мѣрѣ, первѣйшіе представители ея, вотъ тѣ самые люди и націи, которые кричали противъ невольничества, уничтожили торговлю неграми, уничтожили у себя деспотизмъ, провозгласили права человѣчества, создали науку и изумили міръ ея силой, одухотворили и восхитили душу человѣческую искусствомъ и его святыми идеалами, зажигали восторгъ и вѣру въ сердцахъ людей, обѣщая имъ уже въ близкомъ будущемъ справедливость и истину, — вотъ тѣ самые народы и націи вдругъ, всѣ (почти всѣ), въ данный моментъ разомъ отвертываются отъ милліоновъ несчастныхъ существъ—христіанъ, человѣковъ, братьевъ своихъ, гибнущихъ, опозоренныхъ, и ждутъ, ждутъ съ надеждою, съ нетерпѣніемъ—когда передавятъ ихъ всѣхъ, какъ гадовъ, какъ клоповъ, и когда умолкнутъ, наконецъ, всѣ эти отчаянные призывные вопли спасти ихъ, вопли—Европѣ досаждающіе, ее тревожащіе. Именно за гадовъ и клоповъ, хуже даже: десятки, сотни тысячъ христіанъ избиваются какъ вредная паршь, сводятся съ лица земли съ корнемъ, до тла. Въ глазахъ умирающихъ братьевъ безчестятся ихъ сестры, въ глазахъ матерей бросаютъ вверхъ ихъ дѣтей-младенцевъ и подхватываютъ на ружейный штыкъ; селенія истребляются, церкви разби-

Digitized by Google

ваются въ щепы, все *сводится* поголовно—и это дикой, гнусной мусульманской ордой, заклятой противницей цивилизаціи. Это уничтоженіе систематическое; это не шайка разбойниковъ, выпрыгнувшихъ случайно, во время смуты и безпорядка войны, и боящаяся, однако, закона. Нѣтъ, тутъ система, это методъ войны огромной имперіи. Разбойники дѣйствуютъ по указу, по распоряженіямъ министровъ и правителей государства, самого султана. А Европа, христіанская Европа, великая цивилизація, смотритъ съ нетерпѣніемъ... «когда-же это передавятъ этихъ клоповъ»! Мало того, въ Европѣ оспариваютъ факты, отрицаютъ ихъ въ народныхъ парламентахъ, не вѣрятъ, дѣлаютъ видъ что не вѣрятъ. Всякій изъ этихъ вожаковъ народа знаетъ про себя, что все это правда, и всѣ наперерывъ отводятъ другъ другу глаза: «это не правда, этого не было, это преувеличено, это они сами избили шестьдесятъ тысячъ своихъ-же болгаръ, чтобъ сказать на турокъ. «Ваше превосходительство, она сама себя высѣкла»! Хлестаковы, Сквозники-Дмухановскіе въ бѣдѣ! Но отчего-же это все, чего боятся эти люди, отчего не хотятъ ни видѣть, ни слышать, а лгутъ сами себѣ и позорятъ сами себя? А тутъ, видите-ли, Россія: «Россія усилится, овладѣетъ Востокомъ, Константинополемъ, Средиземнымъ моремъ, портами, торговлей. Россія низринется варварской ордой на Европу и «уничтожитъ цивилизацію» —(вотъ ту самую цивилизацію, которая допускаетъ такія варварства!). Вотъ что кричатъ теперь въ Англіи, въ Германіи, и опять-таки лгутъ поголовно, сами не вѣрятъ ни въ одно слово изъ этихъ обвиненій и опасеній. Все это лишь слова для возбужденія массъ народа къ ненависти. Нѣтъ человѣка теперь въ Европѣ, чуть-чуть мыслящаго и образованнаго, который-бы вѣрилъ теперь тому, что Россія хочетъ, можетъ и въ силахъ истребить цивилизацію. Пусть они не вѣрятъ нашему безкорыстію и приписываютъ намъ всѣ дурныя намѣренія: это понятно: но невѣроятно то, чтобъ они, послѣ столькихъ примѣровъ и опытовъ, еще вѣрили тому, что мы сильнѣе всей соединенной Европы вмѣстѣ. Невѣроятно чтобъ не знали они, что Европа вдвое сильнѣе Россіи, еслибъ даже та и Константинополь держала въ рукахъ своихъ. Что Россія сильна чрезвычайно только у себя дома, когда сама защищаетъ свою землю отъ нашествія, но вчетверо того слабѣе при нападеніи. О, все это они знаютъ отлично, но морочатъ и продолжаютъ морочить всѣхъ и себя самихъ единственно потому, что тамъ у нихъ, въ Англіи, есть нѣсколько купцовъ и фабрикантовъ, болѣзненно мнительныхъ и болѣзненно жадныхъ къ своимъ интересамъ. Но вѣдь и эти знаютъ отлично, что Россія, даже при самыхъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, все-таки

Digitized by Google

не осилитъ ихъ промышленности и торговли и что это еще вопросъ вѣковъ; но даже малѣйшее развитіе чьей нибудь торговли, малѣйшее чье-нибудь усиленіе на морѣ, — и вотъ уже у нихъ тревога, паника, тоска за барышъ: вотъ изъ за этого-то вся «цивилизація» вдругъ и оказывается пуфомъ. Ну, а нѣмцамъ что̀, пресса-то ихъ чего всполошилась? А этимъ то̀, что Россія стоитъ у нихъ за спиною и связываетъ имъ руки, что изъ за нея они упустили *своевременный* моментъ свести съ лица земли Францію уже окончательно, чтобы ужь не безпокоиться съ нею во вѣки. «Россія мѣшаетъ, Россію надо вогнать въ предѣлы, а какъ ее вгонишь въ предѣлы, когда, съ другаго бока, еще *цѣла* Франція»? Да Россія виновата уже тѣмъ, что она Россія, а русскіе тѣмъ, что они русскіе, т. е. славяне: ненавистно славянское племя Европѣ, les esclaves, дескать, рабы, а у нѣмцевъ столько этихъ рабовъ: пожалуй, взбунтуются. И вотъ восемнадцать вѣковъ христіанства, очеловѣченія, науки, развитія, — оказываются вдругъ вздоромъ, чуть лишь коснулось до слабаго мѣста, басней для школьниковъ, азбучнымъ нравоученіемъ. Но въ томъ-то и бѣда, въ томъ-то и ужасъ, что это — «послѣднее слово цивилизаціи», и что слово это выговорилось, не постыдилось выговориться. О, не выставляйте на видъ, что и въ Европѣ, что и въ самой Англіи, подымалось общественное мнѣніе протестомъ, просьбой, денежными пожертвованіями избиваемому человѣчеству: но вѣдь тѣмъ еще грустнѣе; все это частные случаи; они только доказали, какъ безсильны они у себя противъ всеобщаго, государственнаго, своего національнаго направленія. Вопрошающій человѣкъ останавливается въ недоумѣніи: «Гдѣ-же правда, неужели и вправду міръ еще такъ далеко отъ нея? Когда-же пресѣчется рознь и соберется-ли когда человѣкъ вмѣстѣ, и что мѣшаетъ тому? Будетъ-ли когда нибудь такъ сильна правда, чтобъ совладать съ развратомъ, цинизмомъ и эгоизмомъ людей? Гдѣ выработанныя, добытыя съ такимъ мученіемъ—истины, гдѣ человѣколюбіе? Да и истины-ли ужь это, полно? И не одно-ли онѣ упражненіе для «высшихъ» чувствъ, для ораторскихъ рѣчей или для школьниковъ, чтобъ держать ихъ въ рукахъ, — а чуть дѣло, *настоящее* дѣло, *практическое* уже дѣло—и все по боку, къ чорту идеалы! Идеалы вздоръ, поэзія, стишки! И неужели правда, что жидъ опять вездѣ воцарился, да и не только «опять воцарился», а и не переставалъ никогда царить *)?

---

*) Статья эта написана еще въ Іюлѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Идеалисты-циники.

Апомнитъ-ли кто статью незабвеннаго профессора и незабвеннаго русскаго человѣка — Тимофея Николаевича Грановскаго, о Восточномъ вопросѣ, писанную имъ, если только правда это, въ 1855 году, въ самый разгаръ войны нашей съ Европой и когда уже началась осада Севастополя? Я взялъ ее съ собою въ вагонъ и перечелъ именно въ виду теперь поднимающагося вновь Восточнаго вопроса, и эта старая почтенная статья вдругъ показалась мнѣ необыкновенно любопытною, несравненно любопытнѣе, чѣмъ когда я читалъ ее въ первый разъ и когда остался въ высшей степени съ нею согласенъ. Въ этотъ разъ поразило меня одно особенное соображеніе: во первыхъ, взглядъ тогдашняго западника на народъ, а во вторыхъ, и главное — такъ сказать, психологическое значеніе статьи. Не могу не подѣлиться моимъ впечатлѣніемъ съ читателемъ.

Грановскій былъ самый чистѣйшій изъ тогдашнихъ людей; это было нѣчто безупречное и прекрасное. Идеалистъ сороковыхъ годовъ въ высшемъ смыслѣ и, безспорно, онъ имѣлъ свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттѣнокъ въ ряду тогдашнихъ передовыхъ людей нашихъ, извѣстнаго закала. Это былъ одинъ изъ самыхъ честнѣйшихъ нашихъ Степановъ Трофимовичей (типъ идеалиста сороковыхъ годовъ, выведенный мною въ романѣ «Бѣсы» и который наши критики находили правильнымъ. Вѣдь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, можетъ быть, безъ малѣйшей комической черты, довольно свойственной этому типу. Но я сказалъ, что меня поразило *психологическое* значеніе статьи и эта мысль показалась мнѣ весьма забавною. Не знаю, согласитесь-ли вы со мной, но когда нашъ русскій идеалистъ, завѣдомый идеалистъ, знающій, что всѣ его и считаютъ лишь за идеалиста, такъ сказать «патентованнымъ» и проповѣдникомъ «прекраснаго и высокаго», вдругъ, по какому нибудь случаю увидитъ необходимость подать или заявить свое мнѣніе въ какомъ нибудь дѣлѣ (но уже «настоящемъ» дѣлѣ, практическомъ, текущемъ, а не то что тамъ въ какой нибудь поэзіи, въ дѣлѣ

Digitized by Google

уже важномъ и *серьозномъ*, такъ сказать, въ гражданскомъ почти дѣлѣ), и заявить не какъ нибудь, не мимоходомъ, а съ тѣмъ, чтобъ высказать рѣшающее и судящее слово, и съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно имѣть вліяніе,—то вдругъ обращается весь, какимъ-то чудомъ, не только въ завзятаго реалиста и прозаика, но даже въ циника. Мало того: цинизмомъ-то, прозой-то этой онъ, главное, и гордится. Подаетъ мнѣніе и самъ чуть не щелкаетъ себѣ языкомъ. Идеалы по боку, идеалы вздоръ, поэзія, стишки; на мѣсто нихъ одна «реальная правда», но вмѣсто реальной правды всегда пересолитъ до цинизма. Въ цинизмѣ-то и ищетъ ея, въ цинизмѣ-то и предполагаетъ ее. Чѣмъ грубѣе, чѣмъ суше, чѣмъ безсердечнѣе, тѣмъ, по его, и реальнѣе. Отчего это такъ? А потому, что нашъ идеалистъ, въ подобномъ случаѣ, непремѣнно устыдится своего идеализма. Устыдится и убоится, что ему скажутъ: «ну, вы идеалистъ, что вы въ «дѣлахъ» понимаете; проповѣдуйте тамъ у себя *прекрасное*, а «дѣла» рѣшать предоставьте намъ». Даже въ Пушкинѣ была эта черта: великій поэтъ не разъ стыдился того, что онъ *только* поэтъ. Можетъ быть, эта черта встрѣчается и въ другихъ народностяхъ, но, однако, врядъ-ли? Врядъ-ли, по крайней мѣрѣ, въ такой степени какъ у насъ. Тамъ, отъ давнишней привычки къ дѣлу всѣхъ и каждаго, успѣли разсортироваться вѣками занятія и значенія людей, и почти каждый тамъ знаетъ, понимаетъ и уважаетъ себя—и въ своемъ занятіи, и въ своемъ значеніи. У насъ-же, при двухсотлѣтней отвычкѣ отъ всякаго дѣла—нѣсколько иначе. Затаенное глубоко внутреннее неуваженіе къ себѣ не минуетъ даже такихъ людей, какъ Пушкинъ и Грановскій. И дѣйствительно, найдя необходимымъ вдругъ превратиться изъ профессора исторіи въ дипломата этотъ невиннѣйшій и правдивѣйшій человѣкъ дошелъ до удивительныхъ вещей въ своихъ приговорахъ. Онъ, напримѣръ, совершенно отрицаетъ даже возможность благодарности къ намъ Австріи за то, что мы ей помогли въ ея спорѣ съ венгерцами и буквально спасли ее отъ распаденія. И не потому отрицаетъ, что Австрія «коварна» и что это намъ слѣдовало предугадать; нѣтъ, онъ не видитъ никакого коварства и прямо выводитъ, что Австрія не могла поступить иначе. Но этого ему мало: онъ прямо выводитъ, что она и *не должна* была поступить иначе, что она, напротивъ, должна была поступить именно такъ, какъ поступила, — и что, стало быть, надежды наши на ея благодарность составляютъ лишь непростительный и смѣшной промахъ нашей политики. Частный-де человѣкъ одно, а государство—другое; у государства свои высшія, текущія цѣли, свои собственныя выгоды, и требовать благодарности даже до жертвы собственнымъ

Digitized by Google

интересамъ—просто смѣшно. «У насъ коварство и неблагодарность Австріи,—говоритъ Грановскій,—сдѣлались общимъ ходячимъ мѣстомъ. Но говорить о неблагодарности или благодарности въ политическихъ дѣлахъ показываетъ только ихъ непониманіе. Государство не частное лицо; ему нельзя изъ благодарности жертвовать своими интересами, тѣмъ болѣе, что въ политическихъ дѣлахъ самое великодушіе *никогда не бываетъ безкорыстное*» (т. е. и не должно быть, что-ли? мысль именно та); однимъ словомъ, почтенный идеалистъ наговорилъ чрезвычайно умныхъ вещей, но главное—*реальныхъ*: не все, дескать, мы стишки пишемъ!.. Умно-то это умно, это правда, тѣмъ болѣе, что и не ново, а живетъ съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ живутъ дипломаты, но все-же оправдывать съ такимъ жаромъ поступокъ Австріи, и не то что оправдывать, а прямо доказывать, что и не *должна* была она поступить иначе,—воля ваша, это какъ-то рѣжетъ умъ пополамъ. Что-то есть тутъ такое, съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться, съ чѣмъ претитъ согласиться, не смотря даже на необычайный практическій и политическій умъ, столь вдругъ и столь неожиданно выказанный нашимъ историкомъ—поэтомъ и жрецомъ прекраснаго. Вѣдь съ этимъ признаніемъ святости текущей выгоды, непосредственнаго и торопливаго барыша, съ этимъ признаніемъ справедливости плевка на честь и совѣсть, лишь-бы сорвать шерсти клокъ,—вѣдь съ этимъ можно очень далеко зайти. Вѣдь съ этимъ, пожалуй, можно оправдать политику Меттерниха изъ высшихъ и *реальныхъ* государственныхъ цѣлей. Да и практическія-ли только выгоды, текущіе-ли только барыши составляютъ настоящую выгоду націи, а потому и «высшую» ея политику, въ противоположность всей этой «шиллеровщинѣ» чувствъ, идеаловъ и проч.? Тутъ, вѣдь, вопросъ. Напротивъ, не лучшая-ли политика для *великой* націи именно эта политика чести, великодушія и справедливости, даже повидимому и въ ущербъ ея интересамъ (а на дѣлѣ никогда не въ ущербъ)? Неужели нашъ историкъ не зналъ, что вотъ эти-то великія и честныя идеи (а не одинъ барышъ и шерсти клокъ) и торжествуютъ, наконецъ, въ народахъ и націяхъ, не смотря на всю, казалось-бы, смѣшную непрактичность этихъ идей и на весь ихъ идеализмъ, столь унизительный въ глазахъ дипломатовъ и Меттерниховъ, и что политика чести и безкорыстія есть не только высшая, но, можетъ быть, и самая *выгодная* политика для великой націи, именно потому, что она великая. Политика текущей практичности и безпрерывнаго бросанія себя туда, гдѣ повыгоднѣе, гдѣ понасущнѣе, изобличаетъ мелочь, внутреннее безсиліе государства, горькое положеніе. Дипломатическій умъ, умъ практической и *насущной* выгоды всегда оста-

Digitized by Google

зывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тѣмъ, что всегда торжествовали. А если не кончали тѣмъ, то кончатъ тѣмъ, потому что такъ того, неизмѣнно и вѣчно, хотѣли и хотятъ люди. Когда уничтожалась торговля неграми, развѣ не было глубокихъ и высокоумныхъ возраженій, что это «уничтоженіе» непрактично, что оно повредитъ самымъ насущнымъ и необходимѣйшимъ интересамъ народовъ и государствъ? Доходили до того, что торговлю неграми выставляли даже нравственно-необходимымъ дѣломъ, оправдывали ее естественнымъ различіемъ племенъ и заключали, что негръ почти не человѣкъ... Когда Сѣверо-Американскія колоніи Англіи взбунтовались противъ нея, не кричали-ли въ практической Англіи столько лѣтъ сряду, что освобожденіе колоній отъ автономіи Англіи будетъ гибелью англійскихъ интересовъ, потрясеніемъ, бѣдой. Когда у насъ освобождали крестьянъ, не раздавались-ли и у насъ такіе-же крики по мѣстамъ, не говорили-ли «глубокіе и практическіе умы», что государство вступаетъ на дурную дорогу, невѣдомую и ужасную, на потрясеніе всей державы и что не такова должна быть политика высшая, наблюдающая интересы реальные, а не основанные лишь на модныхъ экономическихъ соображеніяхъ и теоріяхъ, опытомъ не провѣренныхъ, да на «чувствительности». Да чего далеко идти! вотъ передъ нами славянскій вопросъ: вотъ-бы намъ бросить теперь славянъ совсѣмъ! Хотя Грановскій и настаиваетъ на томъ, что мы хотимъ славянами только усилиться и дѣйствуемъ только для нашей практической выгоды, но, по моему, онъ и тутъ обмолвился. Ну, какая съ ними практическая выгода, даже въ будущемъ-то и чѣмъ тутъ усилишься? Средиземное-то море когда нибудь, или Константинополь, «котораго намъ никогда не дадутъ»? Такъ вѣдь это только журавль въ небѣ, да хоть и поймать его, такъ еще больше хлопотъ наживемъ. На 1000 лѣтъ наживемъ. Это-ли благоденствіе, это-ли взглядъ мудреца, это-ли настоящій практическій интересъ? Съ славянами только возня и хлопоты; особенно теперь, когда они еще не наши. Изъ-за нихъ на насъ уже сто лѣтъ косится Европа, а теперь и не косится только, а—при малѣйшемъ нашемъ шевеленіи, тотчасъ-же выхватываетъ мечъ и наводитъ на насъ пушку. Просто — бросить ихъ, да и навсегда, чтобъ успокоить разъ навсегда Европу. Да и не просто бросить ихъ: Европа-то, пожалуй, и не повѣритъ теперь, что мы бросили, стало быть, бросить надо съ доказательствами: надо намъ-же самимъ наброситься на славянъ и передавить ихъ по братски, чтобъ поддержать Турцію: «Вотъ-де, милые братцы славяне, государство не частное лицо, ему нельзя изъ великодушія жертвовать своими интересами, а вы и не знали этого»? — И сколько выгодъ, практиче-

Digitized by Google

скихъ, настоящихъ и уже немедленныхъ выгодъ, а не мечтательныхъ какихъ-то въ будущемъ, получила-бы тотчасъ Россія! Тотчасъ-же бы кончился Восточный вопросъ, Европа возвратила-бы намъ хоть на время свою довѣренность, а вслѣдствіе того военный нашъ бюджетъ убавляется, нашъ кредитъ возстановляется, нашъ рубль входитъ въ свою настоящую цѣну,—да это-ли только: вѣдь журавль-то никуда не улетитъ, онъ все летать будетъ! Теперь-то мы покривимъ, переждемъ: «государство не частное лицо, ему нельзя жертвовать своими интересами», — ну, а современемъ... Что-жь, вѣдь ужь если суждено славянамъ не обойтись безъ насъ, то они сами примкнутъ къ намъ, когда прійдетъ время, вотъ мы тогда къ нимъ и опять примажемся съ любовью и братствомъ». А впрочемъ, Грановскій именно это-то и находитъ въ нашей политикѣ. Онъ именно увѣряетъ, что наша политика только и дѣлала, что весь послѣдній вѣкъ давила славянъ, «доносила на нихъ и выдавала ихъ туркамъ», что славянская политика наша и всегда была политикой захвата и насилія, да и не могло быть иначе. (То есть, и должна была быть такою? Вѣдь оправдываетъ-же онъ другихъ за такую политику, вотъ-бы и насъ оправдать). Но такъ-ли это, неужто, въ самомъ дѣлѣ, такова была наша всегдашняя политика въ славянскомъ вопросѣ, и неужто она и теперь даже не выяснилась,—вотъ вопросъ!

II.

Постыдно-ли быть идеалистомъ?

Грановскій былъ, конечно, самолюбивъ, но самолюбіе, и даже иногда раздраженное, мнѣ кажется, должно было быть и у всѣхъ тогдашнихъ нашихъ способныхъ людей, — именно по неимѣнію дѣла, по невозможности пріискать себѣ дѣло, такъ сказать, изъ тоски по дѣлу. Доходило до того, что и имѣвшіе, казалось-бы, занятіе (иной профессоръ, напримѣръ, литераторъ, поэтъ, даже великій поэтъ) мало цѣнили свою профессію, и не по одному только стѣсненію, въ которомъ видѣли себя и свою профессію, а и потому еще, что почти каждый изъ нихъ былъ наклоненъ предполагать въ себѣ зачатки другаго дѣла, болѣе, по его понятіямъ, высшаго, болѣ полезнаго, болѣе гражданскаго, чѣмъ то, которымъ онъ занимался. Раздраженность самолюбія въ лучшихъ передовыхъ и способныхъ нашихъ людяхъ (иныхъ, разумѣется) поразительна и теперь, и в

Digitized by Google

отъ той-же причины. (Впрочемъ, я объ однихъ только способныхъ и даровитыхъ людяхъ и говорю, а о безобразномъ, непозволительно-раздраженномъ самомнѣніи и тщеславіи столь многихъ бездарныхъ и пустыхъ современныхъ «дѣятелей», воображающихъ себя геніями, я пока пропускаю, хотя это явленіе, именно въ настоящее время, очень бьетъ въ глаза). Эта тоска по дѣлу, это вѣчное исканіе дѣла, происходящее единственно отъ нашего двухвѣковаго бездѣлья, дошедшаго до того, что мы теперь не умѣемъ даже и подойти къ дѣлу, мало того—даже узнать, гдѣ дѣло, и въ чемъ оно состоитъ,—страшно раздражаетъ у насъ людей. Является самомнѣніе, иногда даже неприличное, судя по нравственной высотѣ лица, дѣлаетъ его чуть не смѣшнымъ; но все это именно потому, что этотъ высокій нравственный человѣкъ самъ иногда не въ силахъ опредѣлить себя, своихъ силъ и значенія, узнать, такъ сказать, свой собственный удѣльный вѣсъ и настоящую свою стоимость на практикѣ, на дѣлѣ. Узнавъ это, онъ, какъ высокоодухотворенный человѣкъ, конечно, не почелъ-бы для себя низостью сознаться въ томъ, въ чемъ онъ чувствуетъ себя неспособнымъ; въ настоящую-же пору онъ обидчивъ и въ раздражительности берется часто не за свое дѣло. Статья Грановскаго, повторяю, написана очень умно, хотя есть и политическія ошибки, подтвердившіяся потомъ въ Европѣ фактами,—и ужь, конечно, ихъ можно-бы было указать; но я не объ этихъ ошибкахъ хочу говорить, да и не берусь судить въ этомъ Грановскаго. Меня поразила лишь, въ этотъ разъ, чрезвычайная раздражительность статьи. О, не самолюбію его приписываю я ея раздражительность и не на извѣстную тенденціозность статьи *нападаю* я: я слишкомъ понимаю «злобу дня», отразившуюся въ этомъ сочиненіи, чувство гражданина, скорбь гражданина. Есть, наконецъ, моменты, когда и справедливѣйшій человѣкъ не можетъ быть безпристрастнымъ... (увы, Грановскій не дожилъ до освобожденія крестьянъ и даже не воображалъ этого тогда и въ мечтахъ своихъ!) нѣтъ, не на это я нападаю, но зачѣмъ-же онъ такъ презрительно, въ этомъ «восточномъ вопросѣ» взглянулъ на народъ и не отдалъ ему должнаго? Участія народа, мысли народной онъ не хочетъ замѣчать въ этомъ дѣлѣ вовсе. Онъ положительно утверждаетъ, что народъ, въ дѣлѣ славянъ и въ тогдашнюю войну, не имѣлъ никакого мнѣнія вовсе, а только чувствовалъ тяготу повинностей и наборовъ. Повидимому, и не долженъ имѣть мнѣнія,—Грановскій пишетъ:

«Прежде всего надо устранить мысль, что эта война (т. е. 53—54 и 55 годовъ)—священная; правительство старалось увѣрить народъ, что оно идетъ на защиту правъ единовѣрцевъ и христіанской церкви. Защитники православія и славянской народности

Digitized by Google

съ радостью подняли это знамя, и проповѣдывали крестовый походъ противъ мусульманъ. *Но вѣкъ крестовыхъ походовъ прошелъ; въ наше время никто не подвинется на защиту гроба Господня*, (и на защиту славянъ тоже?) *никто не смотритъ на магометанъ какъ на вѣчныхъ враговъ христіанства*; ключи Виѳлеемскаго храма служатъ только предлогомъ для достиженія цѣлей политическихъ (въ другомъ мѣстѣ прямо говорится это и на счетъ славянъ)». Конечно, и мы готовы согласиться, что русская политика въ славянскомъ вопросѣ, въ это послѣднее столѣтіе, можетъ, и бывала порою не безупречна; моментами она могла бывать слишкомъ ужь сдержанною и осторожною и потому, на иной нетерпѣливый взглядъ, казалась неискреннею. Можетъ быть, и бывала излишняя боязнь за текущіе интересы, двусмысліе, вслѣдствіе иныхъ внѣшнихъ дипломатическихъ внушеній, полумѣры, пріостановки, но въ сущности, въ цѣломъ, врядъ-ли политика Россіи хлопотала *только* объ одномъ лишь захватѣ славянъ подъ свою власть, объ умноженіи тѣмъ своей силы и политическаго значенія. Нѣтъ, конечно, это было не такъ и въ *сущности* своей политика наша, даже во весь петербургскій періодъ нашей исторіи, врядъ-ли рознилась въ славянскомъ т. е. Восточномъ вопросѣ отъ древнѣйшихъ историческихъ завѣтовъ и преданій нашихъ и воззрѣнія народнаго. И правительство наше всегда твердо знало, что чуть народъ нашъ заслышитъ призывъ его въ этомъ дѣлѣ, то всегда отзовется на него всецѣло, а потому Восточный вопросъ, въ высшей сущности своей, всегда былъ у насъ народнымъ вопросомъ. Но Грановскій не признаетъ этого вовсе. О, Грановскій глубоко любилъ народъ! Въ статьѣ своей онъ скорбитъ и плачетъ о страданіяхъ его въ войну и о тягостяхъ, имъ вынесенныхъ. Да такіе люди какъ Грановскій развѣ могутъ не любить народа? Въ этомъ состраданіи, въ этой любви выказалась вся прекрасная душа его, но въ то же время высказался невольно и взглядъ на народъ нашъ заклятаго западника, готоваго всегда признать въ народѣ прекрасные зачатки, но лишь въ «пассивномъ видѣ» и на степени «замкнутаго идиллическаго быта», а объ настоящей и возможной дѣятельности народа—«лучше ужь и не говорить». Для него народъ нашъ, даже во всякомъ случаѣ, лишь косная и безгласная масса,—и что-же: мы всѣ почти, вѣдь тогда ему и повѣрили. Вотъ почему я и не смѣю «нападать» на Грановскаго и обличаю лишь время, а не его. Статья эта ходила тогда по рукамъ и имѣла вліяніе... То-то и есть, что меня всего болѣе поразила паралель этой замѣчательной статьи и замѣчательнаго взгляда ея съ настоящей, теперешней нашей минутой. Нѣтъ, теперь даже западникъ Грановскій могъ-бы призуматься, а, пожалуй,

Digitized by Google

и *повѣрить*. Эти добровольныя жертвы и приношенія народныя для православныхъ славянъ, эти жертвы старообрядцевъ, посылающихъ отъ обществъ своихъ санитарные отряды, эти жертвы артельныхъ рабочихъ изъ послѣднихъ грошей или цѣлыми деревнями, по мірскимъ приговорамъ, жертвы наконецъ солдатъ и матросовъ изъ ихъ жалованья, наконецъ — русскіе люди всѣхъ сословій, ѣдущіе сражаться за угнетенныхъ православныхъ братьевъ, проливать за нихъ кровь, — нѣтъ, это нѣчто уже обозначившееся и нельзя сказать чтобъ пассивное, нѣчто съ чѣмъ нельзя не считаться. Движеніе обозначилось и уже оспорить его нельзя. Дамы, знатныя барыни, ходятъ по улицамъ съ кружками, собирая милостыню на братьевъ славянъ и онъ важно и умилительно смотритъ на это совсѣмъ новое для него явленіе: «значитъ, всѣ опять собираются вмѣстѣ, значитъ—не всегда-же рознь, значитъ, мы всѣ такіе-же христіане»,— вотъ что непремѣнно чувствуетъ народъ, а, можетъ, уже и думаетъ. И ужь конечно, до него доходятъ и свѣдѣнія: онъ слушаетъ газеты и самъ уже начинаетъ читать ихъ. И ужь конечно слышалъ, да и въ церкви молился за упокой души Николая Алексѣевича Кирѣева, положившаго жизнь свою за народное дѣло и, кто знаетъ, можетъ быть, сложитъ объ этой смерти и жертвѣ свою народную пѣсню—

И хоть падетъ, но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной;
Славна кончина за народъ!

Да, это была «кончина за народъ», и не за одинъ лишь славянскій народъ, а и за дѣло всеобщее, православное и русское дѣло, и народъ всегда это хорошо пойметъ. Нѣтъ, народъ нашъ не матерьялистъ и не развращенъ еще духомъ настолько, чтобъ думать объ однѣхъ только насущныхъ выгодахъ и о положительномъ интересѣ. Онъ радъ духовно если предстанетъ великая цѣль и приметъ ее какъ хлѣбъ духовный. И неужели народъ, теперь, въ настоящую минуту, не знаетъ и не смекаетъ, что дальнѣйшее развитіе этого «дѣла о славянахъ» можетъ даже и намъ грозить войной, зажечь войну? Вѣдь тогда ему опять, какъ и въ восточную войну, двадцать лѣтъ назадъ, выпадутъ на долю повинности и тяготы; взгляните-же на него теперь: боится-ли онъ чего нибудь? Нѣтъ, въ народѣ нашемъ видно побольше духовныхъ и дѣятельныхъ силъ, чѣмъ предполагаютъ о немъ иные его «знатоки». Предоставилъ-бы лучше Грановскій взглядъ этотъ другимъ, вотъ тому самому множеству этихъ нашихъ «знатоковъ народа» и даже, пожалуй, инымъ нашимъ

Digitized by Google

писателямъ о народѣ, которые такъ и остались, во весь свой вѣкъ, лишь обучившимися русскому мужику иностранцами.

Повторю въ заключеніе: у насъ идеалистъ часто забываетъ что идеализмъ есть дѣло вовсе не стыдное. У идеалиста и реалиста, если только они честны и великодушны, одна и та-же сущность— любовь къ человѣчеству и одинъ и тотъ-же объектъ — человѣкъ, только лишь однѣ *формы* представленія объекта различныя. Стыдиться своего идеализма нечего: это тотъ-же путь и къ той-же цѣли. Такъ что идеализмъ, въ сущности, точно также реаленъ, какъ и реализмъ, и никогда не можетъ исчезнуть изъ міра. Не Грановскимъ стыдиться что они являются именно затѣмъ, чтобъ проповѣдывать «прекрасное и высокое». А если устыдятся ужь и Грановскіе, и, убоясь насмѣшливыхъ и высокомѣрныхъ мудрецовъ Ареопага, примкнутъ чуть не къ Меттерниху, то кто-же будутъ тогда нашими пророками? И не *историку-бы Грановскому* не знать, что народамъ дороже всего—имѣть идеалы и сохранить ихъ, и что иная святая идея, какъ-бы ни казалась вначалѣ слабою, непрактичною, идеальною и смѣшною въ глазахъ мудрецовъ, но всегда найдется такой членъ Ареопага и «женщина именемъ Ѳамарь», которые еще изначала повѣрятъ проповѣднику и примкнутъ къ свѣтлому дѣлу, не боясь разрыва съ своими мудрецами. И вотъ маленькая, несовременная и непрактическая «смѣшная идейка» растетъ и множится и подъ конецъ побѣждаетъ міръ, а мудрецы Ареопага умолкаютъ.

III.

Нѣмцы и трудъ. Непостижимые фокусы. Объ остроуміи.

Эмсъ— мѣсто блестящее и модное. Сюда съѣзжаются со всего свѣта больные преимущественно грудью «катаррами дыхательныхъ путей» и весьма успѣшно лечатся у его источниковъ. Перебываетъ въ лѣто до 14-ти и до 15 тысячъ посѣтителей, все, конечно, людей богатыхъ или ужь, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые въ состояніи не отказать себѣ въ заботѣ о собственномъ здоровьѣ. Но есть и бѣдные, которые тоже *приходятъ* сюда полѣчиться. Ихъ перебываетъ до сотни человѣкъ и, можетъ быть, что и не приходятъ, а пріѣзжаютъ. Меня очень заинтересовали *четвертые* классы, устроенные на нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогахъ, не знаю только на

Digitized by Google

всѣхъ-ли? Во время одной остановки въ пути, я попросилъ кондуктора (всѣ почти кондукторы на нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогахъ не только очень распорядительны, но и внимательны и любезны къ пассажиру) растолковать мнѣ что это за четвертый классъ. Онъ показалъ мнѣ пустой вагонъ, т. е. безъ всякихъ скамеекъ и въ которомъ были только стѣны и полъ. Оказывалось, что пассажиры должны стоять.

— Можетъ быть, на полъ садятся?

— О да, конечно, кто какъ хочетъ.

— А сколько мѣстъ полагается на вагонъ?

— Двадцать пять мѣстъ.

Прикинувъ мысленно размѣръ этого пустаго вагона на двадцать пять человѣкъ, я заключилъ, что они непремѣнно должны стоять, да еще плечомъ къ плечу; такимъ образомъ, въ случаѣ, еслибъ впрямь набилось двадцать пять человѣкъ, т. е. полный комплектъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ-бы сѣсть никакъ, не смотря на «кто какъ хочетъ». Поклажу свою, разумѣется, долженъ держать въ рукахъ; впрочемъ, у нихъ вѣдь узелки какіе нибудь.

— Да, но за то здѣсь цѣны ровно наполовину менѣе противъ третьяго класса, а это уже чрезвычайное благодѣяніе для бѣднаго.

Ну, это дѣйствительно чего нибудь да стоитъ. И такъ, эти «бѣдные», прибывающіе въ Эмсъ, не только лечатся, но и содержатся на счетъ... вотъ ужь этого и не знаю — на чей счетъ. Только что вы пріѣзжаете въ Эмсъ и занимаете квартиру въ отели (а въ Эмсѣ всѣ дома-отели), къ вамъ на второй, на третій день, непремѣнно явится, одинъ вслѣдъ за другимъ, два сбирателя пожертвованій съ книжками, — люди вида смиреннаго и терпѣливаго, но и при нѣкоторомъ собственномъ достоинствѣ. Одинъ изъ нихъ сбираетъ на содержаніе вотъ этихъ самыхъ бѣдныхъ-больныхъ. Къ книжкѣ приложено печатное приглашеніе эмскихъ докторовъ эмскимъ паціентамъ — вспомнить о бѣдныхъ. Вы даете посильную жертву и вписываете ваше имя. Я пересмотрѣлъ книгу и пожертвованія поразили меня своею скудостью: одна марка, полмарки, рѣдко три марки, ужасно рѣдко пять марокъ, а казалось-бы, здѣсь не очень-то надоѣдаютъ публикѣ просьбами о пожертвованіяхъ: кромѣ этихъ двухъ «сбирателей», нѣтъ никакихъ другихъ. Въ то время, когда вы жертвуете и вписываетесь въ книгу, чиновникъ (буду ужь называть его чиновникомъ) смиренно стоитъ у васъ посреди комнаты.

— А много вы набираете во весь сезонъ? спросилъ я.

— До тысячи талеровъ, мейнъ геръ, а между тѣмъ это слишкомъ малая сумма сравнительно съ тѣмъ, что требуется: ихъ много,

Digitized by Google

ихъ до ста человѣкъ, и мы ихъ совершенно содержимъ, лечимъ, поимъ и кормимъ, и помѣщеніе даемъ.

Дѣйствительно маловато; тысяча талеровъ это три тысячи марокъ; если перебываетъ публики до 14 тысячъ человѣкъ, то — по сколько-же придется жертвы на каждаго? Стало быть, есть и такіе, которые совсѣмъ не жертвуютъ, отказываются и выгоняютъ собирателя (и есть и именно *выгоняютъ*, я это узналъ впослѣдствіи). Между тѣмъ, публика блестящая, чрезвычайно даже блестящая. Выйдите когда пьютъ воды, или на музыку и посмотрите эту толпу.

Кстати, я читалъ еще весной въ нашихъ газетахъ, что мы, русскіе, очень мало пожертвовали для возставшихъ славянъ (это, конечно, было высказано еще до теперешнихъ пожертвованій) и что, сравнительно съ нами, въ Европѣ, всѣ пожертвовали гораздо болѣе, не говоря уже объ Австріи, которая одна пожертвовала множество (?) милліоновъ гульденовъ на содержаніе несчастныхъ семействъ повстанцевъ, десятками тысячъ перебравшихся на ея территорію; что въ Англіи, напримѣръ, пожертвовали несравненно болѣе нашего и даже во Франціи и въ Италіи. Но, воля ваша, я не вѣрю громадности этихъ европейскихъ пожертвованій на славянъ. Про Англію много говорили, но любопытно-бы, однако, узнать настоящую цифру ея пожертвованій, которая, кажется, еще никому въ точности неизвѣстна. Что-же до Австріи, съ самаго начала возстанія уже имѣвшей въ виду пріобрѣтеніе части Босніи (объ которомъ теперь уже заходитъ въ дипломатическомъ мірѣ рѣчь), то жертвовала она, стало быть, не безкорыстно, а въ виду будущаго своего интереса, и жертва ея была вовсе не общественная, а — просто за просто, казенная. Но и тутъ «множество» милліоновъ гульденовъ, кажется, можно-бы подвергнуть сомнѣнію. Жертвы были, или, лучше сказать, ассигнованы деньги были, но велика-ли была эта помощь на самомъ дѣлѣ,—это обозначится развѣ лишь въ будущемъ.

Другой чиновникъ, т. е. эмскій сборщикъ пожертвованій, неуклонно являющійся вслѣдъ за первымъ, сбираетъ на «bloedige kinder», т. е., на маленькихъ дѣтей-идіотовъ. Это здѣшнее заведеніе. Ужь разумѣется этихъ идіотовъ доставляетъ въ это заведеніе не одинъ только Эмсъ, да и неприлично было-бы такому маленькому городку народить столько идіотовъ. На заведеніе это ассигнована казенная сумма, но, видно, приходится прибѣгать и къ пожертвованіямъ. Блестящій человѣкъ или великолѣпная дама вылечиваются, получаютъ здоровье, благодаря именно здѣшнимъ источникамъ, и — не то что въ благодарность къ мѣсту, но хоть на память, оставляютъ двѣ-три марки на бѣдныхъ, брошенныхъ, несчастныхъ маленькихъ существъ. Въ этой второй книгѣ пожертвованій тоже—марка, двѣ

марки, иногда, страшно рѣдко, мелькаетъ даже 10 марокъ. Сбираетъ этотъ второй чиновникъ въ сезонъ до 1,500 талеровъ: «но прежде было лучше, прежде больше давали», прибавилъ онъ съ горестію. Въ этой книгѣ бросилось мнѣ въ глаза одно пожертвованіе, такъ сказать, какъ-бы, съ направленіемъ: 5 пфениговъ (1½ копѣйки серебр.). Это напомнило мнѣ пожертвованіе одного русскаго статскаго совѣтника, вписанное въ книгу въ Пятигорскѣ, на памятникъ Лермонтову: онъ пожертвовалъ *одну копѣйку серебр.* и подписалъ свое имя. Съ годъ тому это передавали въ газетахъ, но имени жертвователя не объявили, и, по моему, совершенно напрасно: вѣдь онъ самъ подписалъ свое имя публично и, можетъ быть, именно мечтая о славѣ. Но статскій совѣтникъ имѣлъ, очевидно, въ виду выказать свою умственную силу, взглядъ, направленіе, онъ протестовалъ противъ искусства, противъ ничтожности поэзіи въ нашъ вѣкъ «реализма», пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, т. е. противъ всего того, на что возстаетъ обыкновенно и всякая либеральная (а вѣрнѣй — съ чужаго голоса либеральствующая) обшмыга третьяго разряда. Но этотъ-то, другой-то, здѣшній-то bloedige, что хотѣлъ выразить своими пятью пфенигами? Ужь и не понимаю къ чему тутъ приложить направленіе. Bloedige kinder — это маленькія несчастныя существа, выброски изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чего ужь-бы тутъ-то острить? «И если напоите бѣднаго хоть единымъ стаканомъ воды, то и то зачтется вамъ въ царствіи небесномъ». А впрочемъ, что-жь я: стаканъ воды въ Эмсѣ ужь, конечно, не стоитъ болѣе пяти пфениговъ, даже ни въ какомъ случаѣ, а, стало быть, и за пять пфениговъ можно въ рай попасть. Именно разсчиталъ minimum расхода на рай: «къ чему давать лишнее»? Просто дитя вѣка; ныньче, дескать, никого не надуешь.

Съ самаго перваго моего пріѣзда въ Эмсъ, т. е. еще третьяго года, и съ самаго перваго дня, меня заинтересовало одно обстоятельство—и вотъ продолжаетъ интересовать въ каждый мой пріѣздъ. Два самые общеупотребительные источника въ Эмсѣ, не смотря на нѣсколько другихъ—это Кренхенъ и Кессельбруненъ. Надъ источниками выстроенъ домъ и самые источники отторожены отъ публики баллюстрадой. За этой баллюстрадой стоитъ нѣсколько дѣвушекъ, по три у каждаго источника — привѣтливыхъ, молодыхъ и чисто одѣтыхъ. Вы имъ подаете вашъ стаканъ и онѣ тотчасъ-же вамъ наливаютъ воду. Въ опредѣленные два часа, положенные на утреннее питье, у этихъ баллюстрадъ перебываютъ тысячи больныхъ; каждый больной выпиваетъ въ теченіи этихъ двухъ часовъ

Digitized by Google

по нѣскольку стакановъ, по два, по три, по четыре—сколько ему предписано; тоже и во время вечерняго питья. Такимъ образомъ, каждая изъ этихъ трехъ дѣвушекъ нальетъ и раздастъ, въ эти два часа, чрезвычайное множество стакановъ. Но мало того, что это дѣлается совершенно въ порядкѣ, не суетливо, спокойно, методически и васъ ни разу не задержатъ — удивительнѣе всего то, что каждая изъ этихъ дѣвицъ, по моему, обладаетъ какимъ-то чуть не сверхъестественнымъ соображеніемъ. Вы только одинъ разъ скажете ей, въ первый разъ по пріѣздѣ: «вотъ мой стаканъ, мнѣ столько-то унцій кренхена и столько-то унцій молока»—и она уже во весь мѣсяцъ леченія ни разу не ошибется. Кромѣ того, она уже васъ знаетъ наизусть и различаетъ въ толпѣ. Толпа тѣснится густо, въ нѣсколько рядовъ, всѣ протягиваютъ стаканы; она беретъ ихъ по шести, по семи стакановъ за разъ, за разъ всѣ ихъ и наполняетъ въ какую нибудь четверть минуты и, не проливъ, не разбивъ, раздаетъ каждому безъ ошибки. Она сама протягиваетъ къ вамъ стаканъ и знаетъ, что изъ тысячи стакановъ—вотъ этотъ вашъ, а этотъ другаго, помнитъ наизусть, сколько вамъ унцій воды, сколько молока и сколько вамъ предписано выпить стакановъ. Никогда не случается ни малѣйшей ошибки; я къ этому присматривался и нарочно справлялся. И главное,—тутъ нѣсколько тысячъ больныхъ. Очень можетъ быть, что все это самая обыкновенная вещь и нѣтъ ничего удивительнаго, но для меня, вотъ уже третій годъ, это почти непостижимо и я все еще смотрю на это, какъ на какой-то непостижимый фокусъ. И хоть и смѣшно всему удивляться, но эту задачу я положительно не могу разрѣшить. По видимому, надо заключить о необыкновенной памяти и быстротѣ соображенія этихъ нѣмокъ, а, между тѣмъ, тутъ, можетъ быть, всего только привычка къ работѣ, усвоеніе работы съ самаго ранняго дѣтства и, такъ сказать, *побѣда надъ трудомъ*. Что касается собственно труда, то для присматривающагося русскаго тутъ тоже большое недоумѣніе. Живя мѣсяцъ въ отелѣ (т. е. собственно не въ отелѣ, тутъ всякій домъ отель, и большинство этихъ отелей, кромѣ нѣсколькихъ большихъ гостиницъ—просто квартиры съ прислугою и съ содержаніемъ по уговору), я просто дивился на служанку отеля. Въ томъ отелѣ, гдѣ я жилъ, было двѣнадцать квартиръ, всѣ занятыя, а въ иной и цѣлыя семейства. Всякій-то позвонитъ, всякій-то требуетъ, всѣмъ надо услужить, всѣмъ подать, взбѣжать множество разъ на день по лѣстницѣ—и на все это, во всемъ отелѣ, всей прислуги была одна только дѣвушка девятнадцати лѣтъ. Мало того, хозяйка держитъ ее-же и на побѣгушкахъ по порученіямъ: за виномъ къ обѣду тому-то, въ аптеку другому,

Digitized by Google

къ прачкѣ для третьяго, въ лавочку для самой хозяйки. У этой хозяйки-вдовы, было трое маленькихъ дѣтей, за ними надо было, все-таки, присмотрѣть, услужить имъ, одѣть поутру въ школу. Каждую субботу надо вымыть во всемъ домѣ полы, каждый день убрать каждую комнату, перемѣнить каждому постельное и столовое бѣлье и каждый разъ, послѣ каждаго выбывшаго жильца, немедленно вымыть и вычистить всю его квартиру, не дожидаясь субботы. Ложится спать эта дѣвушка въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, а на утро хозяйка будитъ ее колокольчикомъ ровно въ пять часовъ. Все это буквально такъ, какъ я говорю, я не преувеличиваю нисколько. Прибавьте, что она служитъ за самую скромную плату, немыслимую у насъ въ Петербургѣ, и сверхъ того, съ нея требуется, чтобъ одѣта была чисто. Замѣтьте, что въ ней нѣтъ ничего приниженнаго, забитаго: она весела, смѣла, здорова, имѣетъ чрезвычайно довольный видъ, при ненарушимомъ спокойствіи. Нѣтъ, у насъ такъ не работаютъ; у насъ ни одна служанка не пойдетъ на такую каторгу, даже за какую угодно плату, да, сверхъ того, не сдѣлаетъ такъ, а сто разъ забудетъ, прольетъ, не принесетъ, разобьетъ, ошибется, разсердится, «нагрубитъ», а тутъ въ цѣлый мѣсяцъ ни на что ровно нельзя было пожаловаться. По моему, это удивительно—и я, въ качествѣ русскаго, ужь и не знаю: хвалить или хулить это? Я, впрочемъ, рискну и похвалю, хотя есть надъ чѣмъ и задуматься. Здѣсь каждый принялъ свое состояніе такъ, какъ оно есть, и на этомъ успокоился, не завидуя и не подозрѣвая, повидимому, еще ничего,—по крайней мѣрѣ, въ огромнѣйшемъ большинствѣ. Но трудъ, все-таки, прельщаетъ, трудъ установившійся, вѣками сложившійся, съ обозначившимся методомъ и пріемомъ, достающимися каждому чуть не со дня рожденія, а потому каждый умѣетъ подойти къ своему дѣлу и *овладѣть* имъ вполнѣ. Тутъ каждый свое дѣло знаетъ, хотя, впрочемъ, каждый только свое дѣло и знаетъ. Говорю это потому, что здѣсь всѣ такъ работаютъ, не однѣ служанки, а и хозяева ихъ.

Посмотрите на нѣмецкаго чиновника,—ну, вотъ хоть-бы почтамтскій чиновникъ. Всякій знаетъ, что такое чиновникъ русскій, изъ тѣхъ особенно, которые имѣютъ ежедневно дѣло съ публикою: это нѣчто сердитое и раздраженное, и если не высказывается иной разъ раздраженіе видимо, то затаенное, угадываемое по физіономіи. Это нѣчто высокомѣрное и гордое, какъ Юпитеръ. Особенно это наблюдается въ самой мелкой букашкѣ, вотъ изъ тѣхъ, которыя сидятъ и даютъ публикѣ справки, принимаютъ отъ васъ деньги и выдаютъ билеты и проч. Посмотрите на него, вотъ онъ занятъ дѣломъ, «при дѣлѣ»: Публика толпится, составился хвостъ, каждый

Digitized by Google

жаждетъ получить свою справку, отвѣтъ, квитанцію, взять билетъ. И вотъ онъ на васъ не обращаетъ никакого вниманія. Вы добились, наконецъ, вашей очереди, вы стоите, вы говорите—онъ васъ не слушаетъ, онъ не глядитъ на васъ, онъ обернулъ голову и разговариваетъ съ сзади сидящимъ чиновникомъ, онъ взялъ бумагу и съ чѣмъ-то справляется, хотя вы совершенно готовы подозрѣвать, что онъ это только такъ, и что вовсе не надо ему справляться. Вы, однако, готовы ждать и—вотъ онъ встаетъ и уходитъ. И вдругъ бьютъ часы и присутствіе закрывается—убирайся, публика! Сравнительно съ нѣмецкимъ, у насъ чиновникъ несравненно меньше часовъ сидитъ во дню за дѣломъ. Грубость, невнимательность, пренебреженіе, *враждебность* къ публикѣ, потому только, что она публика, и главное—мелочное Юпитерство. Ему непремѣнно нужно высказать вамъ, что вы отъ него зависите: «Вотъ, дескать, я какой, ничего-то вы мнѣ здѣсь за баллюстрадой не сдѣлаете, а я съ вами могу все, что хочу, а разсердитесь,—сторожа позову и васъ выведутъ». Ему нужно кому-то отмстить за какую-то обиду, отмстить вамъ за свое ничтожество. Здѣсь, въ Эмсѣ, въ почтамтѣ сидятъ обыкновенно два, много три чиновника. Бываютъ мѣсяцы, во время сезона (іюнь, іюль, напримѣръ) въ которые столпятся пріѣзжіе тысячами, можно представить какая переписка и какая почтамту работа. За исключеніемъ какихъ нибудь двухъ часовъ на обѣдъ и проч., они заняты сплошь весь день. Надобно принять почту, отправить ее, тысяча человѣкъ приходитъ спрашивать poste restante или объ чемъ нибудь справиться. Для каждаго-то онъ пересмотритъ цѣлые вороха писемъ, каждаго-то выслушаетъ, каждому-то выдастъ справку, объясненіе—и все это терпѣливо, ласково, вѣжливо и въ тоже время съ сохраненіемъ достоинства. Онъ изъ мелкой букашки человѣкомъ становится, а не обращается изъ человѣка въ букашку... По пріѣздѣ въ Эмсъ, я долго не получалъ нетерпѣливо ожидаемаго мною письма — и каждый день справлялся въ poste restante. Въ одно утро, возвратясь съ питья водъ, нахожу письмо это у себя на столѣ. Оно только что пришло и чиновникъ, упомнившій мою фамилію, но не знавшій гдѣ я живу, нарочно справился о томъ въ печатномъ листѣ о пріѣзжихъ, въ которомъ обозначаются всѣ прибывшіе и гдѣ они остановились, и прислалъ мнѣ письмо экстренно, не смотря на то, что оно адресовано было poste restante (до востребованія) и все это единственно потому, что, наканунѣ, когда я справлялся, онъ замѣтилъ чрезвычайное мое безпокойство. Ну, кто изъ нашихъ чиновниковъ такъ сдѣлаетъ?

Что-же до остроты нѣмецкаго ума и нѣмецкой сообразительности, пришедшихъ мнѣ на умъ именно по поводу нѣмецкаго тр да

Digitized by Google

и всего, что я сказалъ о немъ выше, то объ этомъ въ свѣтѣ существуетъ нѣсколько варьянтовъ. Французы, никогда и прежде не любившіе нѣмцевъ, постоянно находили и находятъ нѣмецкій умъ туговатымъ, но уже, разумѣется, не тупымъ. Они признаютъ въ нѣмецкомъ умѣ какую-то, какъ-бы, наклонность всегда и во всемъ обойти прямое, и, напротивъ, всегдашнее желаніе прибѣгнуть къ чему нибудь посредствующему, изъ единичнаго сдѣлать нѣчто какъ-бы двусложное, двухколѣнное. У насъ-же, русскихъ, про туготу и тупость нѣмцевъ всегда ходило множество анекдотовъ, не смотря на все искреннее преклоненіе наше передъ ихъ ученостью. Но у нѣмцевъ, кажется мнѣ, лишь слишкомъ сильная своеобразность, слишкомъ ужь упорная, даже до надменности, національная характерность, которая и поражаетъ иной разъ до негодованія, а потому и доводитъ иногда до невѣрнаго о нихъ заключенія. Впрочемъ, въ общежитіи, и особенно на свѣжеприбывшаго въ Германію иностранца, нѣмецъ дѣйствительно производитъ вначалѣ иногда странное впечатлѣніе.

Дорогою изъ Берлина въ Эмсъ поѣздъ остановился у одной станціи на 4 минуты. Была ночь; я усталъ сидѣть въ вагонѣ и мнѣ захотѣлось хоть немного походить и выкурить на воздухѣ папиросу. Всѣ вагоны спали и въ цѣломъ длинномъ поѣздѣ никто, кромѣ меня, не вышелъ. Но раздается звонокъ и я вдругъ замѣчаю, что, по всегдашней моей разсѣянности, забылъ номеръ вагона, а выходя, самъ-же и затворилъ его. Оставалось, можетъ быть, нѣсколько секундъ, я уже хотѣлъ идти къ кондуктору, который былъ на другомъ концѣ поѣзда, какъ вдругъ слышу, что кто-то зоветъ изъ окна одного вагона: pst! pst! ну, думаю, вотъ и мой вагонъ! Дѣйствительно, нѣмцы, въ своихъ маленькихъ вагонныхъ купе, въ которыхъ помѣщается maximum по 8 человѣкъ, въ продолженіи пути очень наблюдаютъ другъ за другомъ. Нѣмецъ, если остановка на большой станціи, гдѣ обѣдъ или ужинъ, выходя самъ изъ вагона, непремѣнно позаботится разбудить заснувшаго сосѣда, чтобъ онъ потомъ не тужилъ, что проспалъ ужинъ, и проч. Я и подумалъ, что это одинъ изъ проснувшихся товарищей по вагону, который звалъ меня, замѣтивъ, что я потерялъ мое мѣсто. Я подошелъ, высунулось озабоченное нѣмецкое лицо.

— Was suchen sie? (Что вы ищете?)

— Мой вагонъ. Я не съ вами сижу? Это мой вагонъ?

— Нѣтъ, здѣсь не вашъ вагонъ и вы не здѣсь сидите. Но гдѣ-же вашъ вагонъ?

— Да то-то и есть, что я его потерялъ!

— И я не знаю, гдѣ вашъ вагонъ.

Digitized by Google

И только въ самую послѣднюю, можно сказать, секунду явившійся кондукторъ указалъ мнѣ мой вагонъ. Спрашивается, для чего-же звалъ и распрашивалъ меня тотъ нѣмецъ? Но поживя въ Германіи вы скоро убѣждаетесь, что и всякій нѣмецъ точно такой-же и точно также поступитъ.

Лѣтъ десять назадъ я пріѣхалъ въ Дрезденъ—и на другой-же день, выйдя изъ отеля, прямо отправился въ картинную галлерею. Дорогу я не спросилъ: Дрезденская картинная галлерея такая замѣчательная вещь въ цѣломъ мірѣ, что ужь навѣрно каждый встрѣчный дрезденецъ, образованнаго класса, укажетъ дорогу, подумалъ я. И вотъ, пройдя улицу, я останавливаю одного нѣмца, весьма серьезной и образованной наружности.

— Позвольте узнать, гдѣ здѣсь картинная галлерея?

— Картинная галлерея? остановился, соображая, нѣмецъ.

— Да.

— Ко-ро-левская картинная галлерея? (Онъ особенно ударилъ на слово: королевская).

— Да.

— Я не знаю, гдѣ эта галлерея.

— Но... здѣсь развѣ есть еще какая нибудь другая галлерея?

— О, нѣтъ, нѣту никакой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Русскій или французскій языкъ?

акая бездна русскихъ на всѣхъ этихъ нѣмецкихъ водахъ, тѣмъ болѣе на модныхъ, какъ въ Эмсѣ. Вообще, русскіе очень любятъ лечиться. Даже у Вундерфрау, въ лечебницѣ близь Мюнхена, гдѣ нѣтъ, впрочемъ, водъ, главный контингентъ больныхъ, какъ разсказываютъ, добывается изъ Россіи. Къ этой фрау ѣздятъ, впрочемъ, все болѣе лица солидныя и, такъ сказать, генеральскія, предварительно высылая ей изъ Петербурга свои пузыри и выпрашивая себѣ еще съ зимы, мѣсто въ ея заведеніи. Женщина эта грозная и страстная. Въ Эмсѣ-же вы различаете русскихъ, разумѣется, прежде всего по говору, т. е. по тому русскому-французскому говору, который свойственъ только одной Россіи, и который даже иностранцевъ началъ уже повергать въ изумленіе. Я говорю: «уже началъ», но

Digitized by Google

доселѣ намъ за это слышались лишь однѣ похвалы. Я знаю, скажутъ, что ужасно старо нападать на русскихъ за французскій языкъ, что и тема, и нравоученіе слишкомъ изношенныя. Но для меня вовсе не то удивительно, что русскіе между собою говорятъ не по русски (и даже было-бы странно, еслибъ они говорили по русски), а то удивительно, что они воображаютъ, что хорошо говорятъ по французски. Кто вбилъ намъ въ голову этотъ глупый предразсудокъ? Безо всякаго сомнѣнія, онъ держится лишь нашимъ невѣжествомъ. Русскіе, говорящіе по французски (т. е. огромная масса интеллигентныхъ русскихъ), раздѣляются на два общіе разряда: на тѣхъ, которые уже безспорно плохо говорятъ по французски, и на тѣхъ, которые воображаютъ про себя, что говорятъ какъ настоящіе парижане (все наше высшее общество), а, между тѣмъ, говорятъ такъ-же безспорно плохо, какъ и первый разрядъ. Русскіе перваго разряда доходятъ до нелѣпостей. Я самъ, напримѣръ, встрѣтилъ въ одну уединенную вечернюю прогулку мою по берегу Ланна, двухъ русскихъ—мужчину и даму, людей пожилыхъ и разговаривавшихъ съ самымъ озабоченнымъ видомъ о какомъ-то, повидимому, очень важномъ для нихъ семейномъ обстоятельствѣ, очень ихъ занимавшемъ и даже безпокоившемъ. Они говорили въ волненіи, но объяснялись по французски и очень плохо, книжно, мертвыми, неуклюжими фразами и ужасно затрудняясь иногда выразить мысль или оттѣнокъ мысли, такъ что одинъ въ нетерпѣніи подсказывалъ другому. Они другъ другу подсказывали, но никакъ не могли догадаться взять и начать объясняться по русски; напротивъ, предпочли объясниться плохо и даже рискуя не быть понятными, но только чтобъ было по французски. Это меня вдругъ поразило и показалось мнѣ неимовѣрною нелѣпостью, а, между тѣмъ, я встрѣчалъ это уже сто разъ въ жизни. Главное въ томъ, что тутъ навѣрно не бываетъ предпочтенія,—хоть я и сказалъ сейчасъ «предпочли говорить»,—или выбора языка: просто говорятъ на скверномъ французскомъ по привычкѣ и по обычаю, не ставя даже и вопроса, на какомъ языкѣ говорить удобнѣе. Отвратительно тоже въ этомъ неумѣломъ мертвомъ языкѣ это грубое, неумѣлое, мертвое тоже произношеніе. Русскій французскій языкъ втораго разряда, т. е., языкъ высшаго общества, отличается опять-таки прежде всего, произношеніемъ, т. е. дѣйствительно говоритъ какъ будто парижанинъ, а, между тѣмъ, это вовсе не такъ—и фальшь выдаетъ себя съ перваго звука, и прежде всего именно этой усиленной надорванной выдѣлкой произношенія, грубостью поддѣлки, усиленностью картавки и грассейемана, неприличіемъ произношенія буквы *р* и, наконецъ, въ нравственномъ отношеніи—тѣмъ нахальнымъ самодовольствомъ, съ которымъ они вы-

Digitized by Google

говариваютъ эти картавыя буквы, тою дѣтскою хвастливостью нескрываемою даже и другъ отъ друга, съ которою они щеголяютъ одинъ передъ другимъ поддѣлкой подъ языкъ петербургскаго парикмахерскаго гарсона. Тутъ самодовольство всѣмъ этимъ лакействомъ отвратительно. Какъ хотите, хоть все это и старо, но это все продолжаетъ быть удивительнымъ, именно потому, что живые люди, въ цвѣтѣ здоровья и силъ, рѣшаются говорить языкомъ тощимъ, чахлымъ, болѣзненнымъ. Разумѣется, они сами не понимаютъ всей дрянности и нищеты этого языка (т. е. не французскаго, а того, на которомъ они говорятъ) и, по неразвитости, короткости и скудости своихъ мыслей ужасно пока довольны тѣмъ матеріаломъ, который предпочли для выраженія этихъ коротенькихъ своихъ мыслей. Они не въ силахъ разсудить, что выродиться совершенно во французовъ имъ, все-таки, нельзя, если они родились и выросли въ Россіи, не смотря на то, что самыя первыя слова свои лепечутъ уже по французски отъ боннъ, а потомъ практикуются отъ гувернеровъ и въ обществѣ; и что потому языкъ этотъ выходитъ у нихъ непремѣнно мертвый, а не живой, языкъ ненатуральный, а сдѣланный, языкъ фантастическій и сумасшедшій, — именно потому, что такъ упорно принимается за настоящій, однимъ словомъ, языкъ совсѣмъ не французскій, потому что русскіе, какъ и никто, никогда не въ силахъ усвоить себѣ всѣхъ основныхъ родовыхъ стихій живаго французскаго языка, если только не родились совсѣмъ французами, а усвоиваютъ лишь прежде данный чужой жаргонъ, и много что парикмахерское нахальство фразы, а затѣмъ, пожалуй, и мысли. Языкъ этотъ какъ-бы краденый, а потому ни одинъ изъ русскихъ парижанъ не въ силахъ породить во всю жизнь свою на этомъ краденомъ языкѣ ни одного своего собственнаго выраженія, ни одного новаго оригинальнаго слова, которое-бы могло быть подхвачено и пойти въ ходъ на улицу, что въ состояніи, однако, сдѣлать каждый парикмахерскій гарсонъ. Тургеневъ разсказываетъ въ одномъ своемъ романѣ анекдотъ, какъ одинъ изъ такихъ русскихъ, войдя въ Парижѣ въ Café de Paris, крикнулъ: «garçon, beftek aux pommes de terre», а другой русскій, уже успѣвшій перенять, какъ заказываютъ бифштексъ по новому, пришелъ и крикнулъ: «garçon, beftek-pommes». Русскій, крикнувшій по старому «aux pommes de terre» былъ въ отчаяніи какъ это онъ не зналъ и пропустилъ это новое выраженіе—«beftek-pommes»—и въ страхѣ, что теперь, пожалуй, гарсоны могутъ посмотрѣть на него съ презрѣніемъ. Разсказъ этотъ, очевидно, взятъ авторомъ съ истиннаго происшествія. Ползая рабски передъ формами языка и передъ мнѣніемъ гарсоновъ, русскіе парижане естественно также рабы и передъ французскою мыслью. Таки

Digitized by Google

образомъ сами осуждаютъ свои бѣдныя головы на печальный жребій не имѣть во всю жизнь ни одной своей мысли.

Да, разсужденія о вредѣ усвоенія чужаго языка, вмѣсто своего роднаго, съ самаго перваго дѣтства—безспорно, смѣшная и старомодная тема, наивная до неприличія, но, мнѣ кажется, вовсе еще не до того износившаяся, чтобъ нельзя было попытаться сказать на эту тему и свое словцо. Да и нѣтъ такой старой темы, на которую нельзя-бы было сказать что нибудь новое. Я, конечно, не претендую на *новое* (гдѣ мнѣ!), но рискну хоть для очистки совѣсти: все-таки, скажу. Мнѣ-бы ужасно тоже хотѣлось какъ нибудь изложить мои аргументы по популярнѣе, въ надеждѣ, что какая нибудь маменька высшаго свѣта прочтетъ меня.

II.

На какомъ языкѣ говорить будущему столпу своей родины?

Я спросилъ-бы маменьку такъ: знаетъ-ли она, что такое языкъ и какъ она представляетъ себѣ, для чего дано слово? Языкъ есть, безспорно, форма, тѣло, оболочка мысли (не объясняя уже, что такое мысль), такъ сказать, послѣднее и заключительное слово органическаго развитія. Отсюда ясно, что чѣмъ богаче тотъ матеріалъ, тѣ формы для мысли, которыя я усвоиваю себѣ для ихъ выраженія, тѣмъ буду я счастливѣе въ жизни, отчетнѣе и для себя и для другихъ, понятнѣе себѣ и другимъ, владычнѣе и побѣдительнѣе; тѣмъ скорѣе скажу себѣ то, что хочу сказать, тѣмъ глубже скажу это и тѣмъ глубже самъ пойму то, что хотѣлъ сказать, тѣмъ буду крѣпче и спокойнѣе духомъ — и ужь, конечно, тѣмъ буду умнѣе. Опять таки: знаетъ-ли маменька, что человѣкъ, хоть и можетъ мыслить съ быстротою электричества, но никогда не мыслитъ съ такою быстротою, а все-таки несравненно медленнѣе, хотя и несравненно скорѣе, чѣмъ, напримѣръ, говоритъ. Отчего это? Оттого, что онъ, все-таки, мыслитъ непремѣнно на какомъ нибудь языкѣ. И дѣйствительно, мы можемъ не примѣчать, что мы мыслимъ на какомъ нибудь языкѣ, но это такъ, и если не мыслимъ словами, то есть, произнося слова хотя-бы мысленно, то, все-же, такъ сказать, мыслимъ «стихійной основной силой того языка», на которомъ предпочли мыслить, если возможно такъ выразиться. Понятно, что, чѣмъ гибче, чѣмъ богаче, чѣмъ многоразличнѣе мы усвоимъ себѣ

Digitized by Google

тотъ языкъ, на которомъ предпочли мыслить, тѣмъ легче, тѣмъ многоразличнѣе и тѣмъ богаче выразимъ на немъ нашу мысль. Въ сущности, вѣдь, для чего мы учимся языкамъ европейскимъ, французскому, напримѣръ? Во первыхъ, по просту, чтобъ читать по французски, а во вторыхъ, чтобъ говорить съ французами, когда столкнемся съ ними; но ужь отнюдь не между собой и не сами съ собой. На высшую жизнь, на глубину мысли, заимствованнаго, чужаго языка не достанетъ, именно потому, что онъ намъ, все-таки, будетъ оставаться чужимъ; для этого нуженъ языкъ родной, съ которымъ, такъ сказать, родятся. Но вотъ тутъ-то и запятая: русскіе, по крайней мѣрѣ, высшихъ классовъ русскіе, въ большинствѣ своемъ, давнымъ давно ужь не родятся съ живымъ языкомъ, а только впослѣдствіи пріобрѣтаютъ какой-то искусственный, и русскій языкъ узнаютъ почти что въ школѣ, по грамматикѣ. О, разумѣется, при большомъ желаніи и прилежаніи, можно, наконецъ, перевоспитать себя, научиться даже до нѣкоторой степени и живому русскому языку родившись съ мертвымъ. Я зналъ одного русскаго писателя, составившаго себѣ имя, который не только русскому языку выучился, не зная его вовсе, но даже и мужику русскому обучился—и писалъ потомъ романы изъ крестьянскаго быта. Этотъ комическій случай повторялся у насъ нерѣдко, а иногда такъ даже въ весьма серьезныхъ размѣрахъ: великій Пушкинъ, по собственному своему признанію, тоже принужденъ былъ перевоспитать себя и обучался и языку, и духу народному, между прочимъ, у няни своей Арины Родіоновны. Выраженіе: *«обучиться языку»*, особенно идетъ къ намъ, русскимъ, потому что мы, высшій классъ, уже достаточно оторваны отъ народа, т. е., отъ живаго языка (языкъ—народъ, въ нашемъ языкѣ это синонимы, и какая въ этомъ богатая глубокая мысль!). Но скажутъ: ужь если пришлось «обучаться» живому языку, то, вѣдь, все равно, что русскому, что французскому,—но въ томъ-то и дѣло, что русскій языкъ русскому, все-таки, легче, не смотря ни на боннъ, ни на обстановку, и этою легкостью непремѣнно, пока время есть, надо воспользоваться. Чтобъ усвоить себѣ этотъ русскій языкъ натуральнѣе, безъ особой надсадки и не по одной только наукѣ (подъ наукой я, конечно, не одну школьную грамматику здѣсь разумѣю), надо непремѣнно еще съ дѣтства перенимать его отъ русскихъ нянекъ, по примѣру Арины Родіоновны, не боясь того, что она сообщитъ ребенку разные предразсудки—о трехъ китахъ, напримѣръ, (Господи! Ну, какъ киты-то у него на всю жизнь останутся!); сверхъ того, не бояться простонародья и даже слугъ, отъ которыхъ такъ предостерегаютъ родителей иные дѣятели. Затѣмъ уже въ школѣ непремѣнно заучивать

Digitized by Google

наизусть памятники нашего слова, съ нашихъ древнихъ временъ— изъ лѣтописей, изъ былинъ и даже съ церковно-славянскаго языка,—и именно наизустъ, не взирая даже на ретроградство заучиванія наизустъ. Усвоивъ себѣ, такимъ образомъ, родной языкъ, т. е., языкъ, на которомъ мы мыслимъ, по возможности, т. е. хоть на столько хорошо, чтобъ хоть походило на что нибудь живое, и пріучивъ себя непремѣнно на этомъ языкѣ мыслить, мы тѣмъ самымъ извлечемъ тогда пользу изъ нашей оригинальной русской способности европейскаго языкознанія и многоязычія. Въ самомъ дѣлѣ, только лишь усвоивъ въ возможномъ совершенствѣ первоначальный матеріалъ, т. е. родной языкъ, мы въ состояніи будемъ въ возможномъ-же совершенствѣ усвоить и языкъ иностранный, но не прежде. Изъ иностраннаго языка мы невидимо возьмемъ тогда нѣсколько чуждыхъ нашему языку формъ и согласимъ ихъ, тоже невидимо и невольно, съ формами нашей мысли—и тѣмъ расширимъ ее. Существуетъ одинъ знаменательный фактъ: мы, на нашемъ еще неустроенномъ и молодомъ языкѣ, можемъ передавать глубочайшія формы духа и мысли европейскихъ языковъ: европейскіе поэты и мыслители всѣ переводимы и передаваемы по русски, а иные переведены уже въ совершенствѣ. Между тѣмъ, на европейскіе языки, преимущественно на французскій, чрезвычайно много изъ русскаго народнаго языка и изъ художественныхъ литературныхъ нашихъ произведеній до сихъ поръ совершенно непереводимо и непередаваемо. Я не могу безъ смѣха вспомнить одинъ переводъ (теперь очень рѣдкій) Гоголя на французскій языкъ, сдѣланный въ срединѣ 40-хъ годовъ, въ Петербургѣ, г-мъ Віардо, мужемъ извѣстной пѣвицы, въ сообществѣ съ однимъ русскимъ, теперь по праву знаменитымъ, но тогда еще лишь начинавшимъ молодымъ писателемъ. Вышла просто какая-то галиматья, вмѣсто Гоголя. Пушкинъ тоже во многомъ непереводимъ. Я думаю, еслибъ перевесть такую вещь, какъ сказаніе протопопа Аввакума, то вышла-бы тоже галиматья, или, лучше сказать, ровно ничего-бы не вышло. Почему это такъ? Вѣдь странно сказать, что европейскій духъ, можетъ быть, не такъ многоразличенъ и болѣе замкнуто-своеобразенъ, чѣмъ нашъ, не смотря даже на то, что ужь несомнѣнно законченнѣе и отчетливѣе выразился, чѣмъ нашъ. Но если это страшно сказать, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не признать, съ надеждой и съ веселіемъ духа, что нашего-то языка духъ—безспорно, многоразличенъ, богатъ, всестороненъ и всеобъемлющъ, ибо въ неустроенныхъ еще формахъ своихъ, а уже могъ передать драгоцѣнности и сокровища мысли европейской, и мы чувствуемъ, что переданы онѣ точно и вѣрно. И вотъ этакого «матеріала» мы сами лишаемъ своихъ дѣ-

Digitized by Google

тей,—для чего? Чтобъ сдѣлать ихъ несчастными, безспорно. Мы презираемъ этотъ матеріалъ, считаемъ грубымъ подкопытнымъ языкомъ, на которомъ неприлично выразить великосвѣтское чувство или великосвѣтскую мысль.

Кстати, ровно пять лѣтъ назадъ произошла у насъ такъ называемая классическая реформа обученія. Математика и два древніе языка, латинскій и греческій, признаны наиболѣе развивающимъ средствомъ, умственнымъ и даже духовнымъ. Не мы признали это и не мы это выдумали: это фактъ и фактъ безспорный, выжитый на опытѣ всею Европою въ продолженіе вѣковъ, а нами только перенятый. Но вотъ въ чемъ дѣло: рядомъ съ страшно усиленнымъ преподаваніемъ этихъ двухъ древнихъ великихъ языковъ и математики, почти совсѣмъ подавлено у насъ преподаваніе языка русскаго. Спрашивается: какъ, какимъ средствомъ и черезъ какой матерьялъ наши дѣти усвоятъ себѣ формы этихъ двухъ древнихъ языковъ, если русскій языкъ въ упадкѣ. Неужели только одинъ механизмъ преподаванія этихъ двухъ языковъ (да еще учителями чехами) и составляетъ всю развивающую ихъ силу. Да и съ механизмомъ нельзя справиться, не ведя въ параллель самое усиленное и углубленное преподаваніе *живаго* языка. Вся нравственно-развивающая сила этихъ двухъ древнихъ языковъ, этихъ двухъ наиболѣе законченныхъ формъ человѣческой мысли и уже поднявшихъ, вѣками, весь бывшій варварскій Западъ до высочайшей степени развитія и цивилизаціи,—вся эта сила, естественно, минуетъ нашу новую школу, именно изъ за упадка въ ней русскаго языка. Или, можетъ быть, реформаторы наши считали, что русскому языку у насъ не надо учиться вовсе, кромѣ развѣ того, гдѣ ставить букву *ѣ*, потому что съ нимъ родятся? Но то-то и есть, что мы, въ высшихъ классахъ общества, уже перестаемъ родиться съ живымъ русскимъ языкомъ — и давно уже. Живой-же языкъ явится у насъ не раньше, какъ когда мы совсѣмъ соединимся съ народомъ. Но я увлекся, вѣдь я заговорилъ было съ маменькой, а перешелъ на классическую реформу и на соединеніе съ народомъ.

Маменькѣ, конечно, скучно все это слушать; маменька въ негодованіи махаетъ ручкой и съ насмѣшкой отвертывается. Маменькѣ все равно, на какомъ-бы языкѣ сынокъ ни мыслилъ, а коль на Парижскомъ, такъ тѣмъ даже лучше: «и изящнѣе, и умнѣе, и больше вкуса». Но она даже и того не знаетъ что для этого нужно переродиться во француза совсѣмъ, а съ боннами и гувернерами этого счастья, все-таки, никакъ не достигнешь, а сдѣлаешь развѣ лишь одну первую станцію по этой дорогѣ, т. е., перестанешь быть русскимъ. О, маменька не знаетъ, какимъ ядомъ она отравляетъ

Digitized by Google

свое дѣтище еще съ двухлѣтняго возраста, приглашая къ нему бонну. Всякая мать и всякій отецъ знаютъ, напримѣръ, объ одной ужасной дѣтской физической привычкѣ, начинающейся у иныхъ несчастныхъ дѣтей чуть-ли еще не съ десятилѣтняго возраста, и, при недосмотрѣ за ними, могущей переродить ихъ иногда въ идіотовъ, въ дряблыхъ, хилыхъ стариковъ еще въ юношествѣ. Прямо осмѣлюсь сказать, что бонна, т. е., французскій языкъ съ перваго дѣтства, съ перваго дѣтскаго лепета, есть все равно — въ нравственномъ смыслѣ, что та ужасная привычка въ физическомъ. Хорошо еще, если онъ отъ природы глупъ или благонадежно-ограниченъ; тогда онъ проживетъ свою жизнь и на французкомъ языкѣ, шутя, съ коротенькими идейками и съ парикмахерскимъ развитіемъ, а умретъ, совсѣмъ не замѣтивъ, что всю жизнь былъ дуракомъ. Но что, если это человѣкъ со способностями, человѣкъ съ мыслью въ головѣ и съ порывами великодушія въ сердцѣ,—развѣ онъ можетъ быть счастливъ? Не владѣя матерьяломъ, чтобъ организовать на немъ всю глубину своей мысли и своихъ душевныхъ запросовъ, владѣя всю жизнь языкомъ мертвымъ, болѣзненнымъ, краденымъ, съ формами робкими, заученными, для него не раздвигающимися и грубыми,—онъ будетъ вѣчно томиться безпрерывнымъ усиліемъ и надрывомъ, умственнымъ и нравственнымъ, при выраженіи себя и души своей; (Господи, да неужели такъ трудно понять, что это языкъ неживой и ненатуральный!) Онъ самъ замѣтитъ съ мученіемъ, что мысль его коротка, легковѣсна, цинична—цинична именно по своей короткости, вслѣдствіе ничтожныхъ, мелочныхъ формъ, въ которыя всю жизнь облечена была; замѣтитъ, наконецъ, что даже и сердце его развратно. Развратъ придетъ и отъ тоски. О, конечно, карьера его не пострадаетъ: всѣ эти — родящіеся съ боннами, предназначаются своими маменьками непремѣнно въ будущіе столпы своей родины и имѣютъ претензію думать, что безъ нихъ нельзя обойтись. Онъ будетъ блистать, повелѣвать и «подгонять»; будетъ вводить порядки и съумѣетъ распорядиться,—однимъ словомъ, очень даже часто будетъ собою доволенъ, особенно, когда будетъ говорить длинныя рѣчи чужими мыслями и чужими фразами и въ которыхъ будетъ plus de noblesse, que de sincerité. А, между тѣмъ, если онъ чуть-чуть человѣкъ, то въ цѣломъ онъ будетъ несчастенъ. Онъ будетъ вѣчно тосковать какъ-бы отъ какого-то безсилія, именно, какъ тѣ старцы — юноши, страдающіе преждевременнымъ истощеніемъ силъ отъ скверной привычки. Но, увы, какая маменька повѣритъ мнѣ, что всѣ эти бѣдствія могутъ произойти отъ французскаго языка и отъ бонны! Предчувствую, что и не одна маменька скажетъ мнѣ, что я преувеличилъ; а, между тѣмъ,

Digitized by Google

въ строгомъ смыслѣ, я сказалъ правду безъ преувеличенія. Возразятъ, напротивъ, что тѣмъ даже и лучше, что живешь на чужомъ языкѣ, что тѣмъ проживешь легче, легковѣснѣе, пріятнѣе, и что вотъ именно этихъ вопросовъ и запросовъ жизни и надо избѣгать, и что всему этому именно способствуетъ французскій языкъ, не какъ французскій языкъ, а какъ чужой языкъ, усвоенный вмѣсто роднаго. Какъ? Этотъ блестящій молодой человѣкъ, этотъ салонный очаровательъ и бонмотистъ будетъ несчастенъ? Онъ такъ одѣтъ, такъ причесанъ, такъ здоровъ, съ такимъ аристократическимъ цвѣтомъ лица и съ такой прелестной розой въ бутоньеркѣ? Маменька надменно усмѣхается. А, между тѣмъ, и безъ того уже (т. е. и безъ французскаго воспитанія) интеллигентный русскій, даже и теперь еще, въ огромномъ числѣ экземпляровъ—есть ничто иное, какъ умственный пролетарій, нѣчто безъ земли подъ собою, безъ почвы и начала, международный межеумокъ, носимый всѣми вѣтрами Европы. А ужь этотъ-то прошедшій черезъ боннъ и гувернеровъ, даже въ самыхъ лучшихъ случаяхъ, даже если онъ объ чемъ нибудь и мыслитъ и что нибудь чувствуетъ—въ сущности, все-таки, не болѣе, какъ превосходно гантированный молодой человѣкъ, можетъ быть, уже проглотившій нѣсколько модныхъ увражей, но умъ котораго бродитъ въ вѣчныхъ тенебрахъ, а сердце жаждетъ однихъ аржановъ. Столпомъ своей родины онъ будетъ, конечно, ему-ли не дослужиться—ну, вотъ маменькѣ пока и довольно; но вѣдь только маменькѣ!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Что на водахъ помогаетъ: воды или хорошій тонъ?

Эмсъ я описывать не буду; къ тому-же, на русскомъ языкѣ существуютъ подробнѣйшія описанія Эмса, напримѣръ, книжка доктора Гиршгорна «Эмсъ и его цѣлебные источники», изданная въ Петербургѣ. Тамъ все можно почерпнуть, начиная съ медицинскихъ свѣдѣній объ источникахъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей объ жизни въ отеляхъ, объ гигіенѣ, прогулкахъ, мѣстоположеніи и даже о публикѣ Эмса. Что до меня, то я и не умѣю этого описывать и еслибъ заставили меня теперь, когда уже я пріѣхалъ

Digitized by Google

домой, то я прежде всего припомнилъ-бы яркое солнце, дѣйствительно живописное ущелье Таунуса, въ которомъ расположился Эмсъ, огромную нарядную толпу со всего свѣта и—глубокое, глубочайшее уединеніе мое въ этой толпѣ. И, однако-жь, не смотря на уединеніе, я даже люблю этакую толпу, конечно, особеннымъ образомъ. Въ толпѣ этой я нашелъ даже одного знакомаго, русскаго, вотъ того самого *парадоксалиста*, который когда-то, давно уже, отстаивалъ въ спорѣ со мной войну и находилъ въ ней всѣ правды и истины, какихъ нельзя найти въ современномъ обществѣ (смотри апрѣльскій № «Дневника»). Я уже объявилъ, что это самого смиреннаго и статскаго вида человѣкъ. Всѣмъ извѣстно, что мы, русскіе, или, лучше сказать, мы, петербуржцы, такъ сложили свою жизнь, что видимся и ведемъ дѣла подчасъ Богъ знаетъ съ кѣмъ, а друзей нашихъ хоть и не забываемъ (развѣ можетъ петербуржецъ что нибудь или кого нибудь забыть), но преспокойно не видимся съ ними иногда даже по цѣлымъ годамъ. Пріятель мой тоже что-то пилъ въ Эмсѣ. Лѣтъ ему примѣрно сорокъ пять отъ роду, можетъ быть, меньше.

— Это вы правы, сказалъ онъ мнѣ. Эту здѣшнюю толпу какъ-то любишь и даже не знаешь за что. Да и вездѣ какъ-то любишь толпу, разумѣется, фешенебельную, сливки. Можно не якшаться ни съ кѣмъ изъ всего этого общества, но въ цѣломъ — вѣдь ничего пока лучшаго на свѣтѣ нѣтъ.

— Ну, полноте...

— Я съ вами не спорю, не спорю, согласился онъ поскорѣй. Когда настанетъ на землѣ лучшее общество — и человѣкъ согласится жить, такъ сказать, разумнѣе, то мы на это теперешнее общество и посмотрѣть не захотимъ и помянуть даже не захотимъ, развѣ только два слова во всемірной исторіи. Но теперь-то, что вы, вмѣсто него, можете представить лучшаго?

— Неужели-же нельзя и теперь ничего представить лучше этой праздной толпы обезпеченныхъ людей, людей, которые, еслибъ не толкались теперь на водахъ, то навѣрно не знали-бы что дѣлать и какъ изломать свой день. Хорошія отдѣльныя личности—это такъ, это еще можно найти и въ этой толпѣ, но въ цѣломъ — въ цѣломъ она не стоитъ не только какихъ нибудь особыхъ похвалъ, но даже особаго вниманія!..

— Вы говорите это какъ глубокій человѣко-ненавистникъ, или просто по модѣ. Вы говорите: «не знали-бы, что дѣлать и какъ изломать свой день»!.. Повѣрьте, что у каждаго изъ нихъ есть свое цѣло и даже такое, изъ-за котораго онъ уже изломалъ всю свою кизнь, а не только день. Не виноватъ-же каждый изъ нихъ, что

Digitized by Google

не можетъ сдѣлать изъ жизни рая, а потому и страдаетъ. Вотъ мнѣ и нравится глядѣть какъ всѣ эти страдальцы здѣсь смѣются.

— Смѣются изъ приличія?

— Смѣются изъ обычая, который ихъ всѣхъ ломитъ и заставляетъ принимать участіе въ игрѣ въ рай, пожалуй, если хотите такъ назвать. Онъ не вѣритъ раю, онъ играетъ въ эту игру скрѣпя сердце, но все-же играетъ, а тѣмъ развлекается. Обычай-то ужъ слишкомъ силенъ. Тутъ есть такіе, которые этотъ обычай даже совсѣмъ за серьезную вещь приняли—и тѣмъ лучше для нихъ, конечно: они уже въ настоящемъ раю. Если вы ихъ всѣхъ любите (а вы ихъ должны любить)—то должны радоваться, что имъ есть возможность отдохнуть и забыться, ну, хоть въ миражѣ.

— Да вы смѣетесь? И зачѣмъ я долженъ любить ихъ?

— Да вѣдь это человѣчество, другаго вѣдь и не бываетъ, а какже не любить человѣчества. Въ послѣднее десятилѣтіе нельзя не любить человѣчества. Здѣсь есть одна русская дама, которая очень любитъ человѣчество. И совсѣмъ я не смѣюсь. И, чтобъ не продолжать на эту тему, я вамъ прямо скажу въ заключеніе, что всякое общество хорошаго тона, вотъ этакая—вотъ фешенебельная толпа, имѣетъ въ себѣ даже нѣкоторыя положительныя достоинства. Напримѣръ: всякое фешенебельное общество уже тѣмъ хорошо, что оно, хоть каррикатурно, а соприкасается съ природой больше, чѣмъ всякое иное, напримѣръ, даже земледѣльческое, которое въ большинствѣ своемъ вездѣ пока живетъ совсѣмъ неестественно. Я ужъ не говорю про фабрики, про войска, про школы, про университеты: все это верхъ неестественности. Эти-же всѣхъ свободнѣе, потому, что всѣхъ богаче, а потому, по крайней мѣрѣ, могутъ жить какъ хотятъ. О, разумѣется, они соприкасаются съ природой лишь насколько позволяютъ приличіе и хорошій тонъ. Раздвинуться, раствориться, раскрыться на встрѣчу природѣ совершенно, на встрѣчу вотъ этому золотому солнечному лучу, который свѣтитъ на насъ, грѣшныхъ, съ голубаго неба, безъ разбора: стоимъ-ли мы того или нѣтъ,—безъ сомнѣнія, неприлично въ той мѣрѣ, въ какой хотѣлось-бы теперь намъ обоимъ или тамъ какому нибудь поэту; маленькій стальной замочекъ хорошаго тона попрежнему виситъ надъ каждымъ сердцемъ и надъ каждымъ умомъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что хорошій тонъ, всетаки, ступилъ хоть маленькій шажокъ по дорогѣ соприкосновенія съ природой не только въ наше столѣтіе, но даже въ наше поколѣніе. Я наблюдалъ и прямо вывожу, что въ нашъ вѣкъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше понимаютъ и соглашаются, что соприкосновеніе съ природой есть самое послѣднее слово всякаго прогресса, науки, разсудка, здраваго смысла, вкуса и отличной ма-

Digitized by Google

неры. Войдите и погрузитесь въ эту толпу: на лицахъ радость, веселіе. Всѣ говорятъ одинъ съ другимъ кротко, т. е., необыкновенно вѣжливо, всѣ ласковы и необыкновенно веселы. Подумаешь, все счастье этого молодца съ розой въ бутоньеркѣ—развеселить вотъ эту пятидесятилѣтнюю толстую барыню. Въ самомъ дѣлѣ, что заставляетъ его около нея стараться? Неужели онъ и впрямь желаетъ ей счастья и веселья? Конечно нѣтъ и навѣрно его заставляютъ стараться какія нибудь особыя и слишкомъ частныя причины, до которыхъ намъ съ вами нѣтъ дѣла; но вѣдь вотъ что главное: его можетъ и въ силахъ заставить къ тому и одинъ лишь хорошій тонъ, безъ всякихъ особенныхъ и частныхъ причинъ,—а это ужь чрезвычайно важный результатъ; это показываетъ, до чего можетъ осилить въ нашъ вѣкъ хорошій тонъ иную даже дикую природу инаго молодца. Поэзія выводитъ Байроновъ, а тѣ Корсаровъ, Гарольдовъ, Ларъ,—но посмотрите, какъ мало прошло времени съ ихъ появленія, а ужь всѣ эти лица забракованы хорошимъ тономъ, признаны за самое дурное общество, а ужь тѣмъ паче нашъ Печоринъ или Кавказскій Плѣнникъ: тѣ оказались ужь вполнѣ дурнаго тона; это петербургскіе чиновники, одну минуту имѣвшіе успѣхъ. А почему забракованы? Потому что эти лица истинно злы, нетерпѣливы и хлопочутъ о себѣ однихъ откровенно, такъ что нарушаютъ гармонію хорошаго тона, который изъ всѣхъ силъ долженъ дѣлать видъ, что всякій живетъ для всѣхъ, а всѣ для каждаго. Смотрите, вотъ несутъ цвѣты, это букеты дамамъ и отдѣльныя розы для бутоньерокъ кавалерамъ; вы только посмотрите, какъ обработаты эти розы, какъ подобраны, какъ обрызганы водой! Никогда дѣва полей не подберетъ и не подстрижетъ ничего изящнѣе для молодаго парня, котораго любитъ. А, межъ тѣмъ, эти розы принесены на продажу по пяти и по десяти нѣмецкихъ грошей за штуку и дѣва полей до нихъ не прикасалась вовсе. Золотой вѣкъ еще весь впереди, а теперь промышленность; но вамъ-то какое дѣло и не все-ли равно: они рядятся, они прекрасны, и выходитъ дѣйствительно точно рай. Да и не все-ли равно: «рай» или «точно рай»? А межъ тѣмъ вникните: сколько вкуса и какая вѣрная идея! ну, что̀ можетъ больше идти къ питью водъ, т. е. къ надеждѣ выздоровѣть, къ здоровью, какъ не цвѣты? Цвѣты — это надежды. Сколько вкуса въ этой идеѣ. Вспомните текстъ: «Не заботьтесь во что одѣться, взгляните на цвѣты полевые, и Соломонъ во дни славы своей не одѣвался какъ они, кольми паче одѣнетъ васъ Богъ». Въ точности не упомню, но какія прекрасныя слова! Въ нихъ вся поэзія жизни, вся правда природы. Но пока правда природы наступитъ и люди въ простотѣ и въ веселіи сердца будутъ вѣнчать

Digitized by Google

другъ друга цвѣтами искренней человѣческой любви,—все это теперь продается и покупается за пять грошей безъ любви. А не все-ли вамъ, опять-таки говорю, равно? По моему, даже удобнѣе, потому что, право, я вамъ скажу, отъ иной еще любви убѣжишь, ибо слишкомъ ужь много благодарности потребуетъ, а тутъ вынулъ грошъ—и квитъ. А, межъ тѣмъ, дѣйствительно, получается подобіе золотаго вѣка—и если вы человѣкъ съ воображеніемъ, то вамъ и довольно. Нѣтъ, современное богатство должно быть поощряемо, хотя-бы на счетъ другихъ. Оно даетъ роскошь и хорошій тонъ, чего никогда не дастъ мнѣ эта остальная толпа человѣчества. Здѣсь я имѣю изящную картину, которая меня веселитъ, а за веселье и всегда деньги платятъ. Веселье и радость всегда всего дороже стоили, а между тѣмъ я, нищій человѣкъ, ничего не платя, могу тоже участвовать во всеобщей радости тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, языкомъ пощелкаю. Посмотрите: раздается музыка, люди смѣются, дамы одѣты такъ, какъ ужь, конечно, никто не одѣвался во дни Соломоновы, — и хоть все это миражъ, но вѣдь вамъ и мнѣ весело, и, наконецъ, по совѣсти, развѣ я порядочный человѣкъ? (Я про себя одного говорю)—но, благодаря водамъ, вотъ и я участвую, вмѣстѣ съ самыми, такъ сказать, сливками людей. И съ какимъ апетитомъ пойдете вы теперь пить вашъ сквернѣйшій нѣмецкій кофей! Вотъ что̀ я называю положительной стороной хорошаго общества.

— Ну, это вы все смѣетесь, и очень даже не ново.

— Смѣюсь, а скажите, улучшился-ли вашъ апетитъ съ тѣхъ поръ, какъ вы приходите сюда пить воды?

— О, конечно, чрезвычайно.

— Значитъ, положительная сторона хорошаго тона до того сильна, что даже на желудокъ дѣйствуетъ?

— Помилуйте, да вѣдь это дѣйствіе водъ, а не хорошаго тона.

— И несомнѣнно хорошаго тона. Такъ что еще неизвѣстно, что̀ главное на водахъ помогаетъ: воды или хорошій тонъ. Даже доктора здѣшніе сомнѣваются чему отдать преимущество, и вообще трудно и выразить какой огромный прогрессивный шагъ сдѣлала въ нашъ вѣкъ медицина: у нея теперь родились даже идеи, а прежде были одни лекарства.

Digitized by Google

II.

Одинъ изъ облагодѣтельствованныхъ современной женщиной.

Но я, конечно, не буду описывать всѣхъ нашихъ разговоровъ съ этимъ стараго покроя человѣкомъ. Я зналъ, впрочемъ, что самая щекотливая для него тема — это женщины. И вотъ, мы съ нимъ однажды разговорились о женщинахъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что я очень ужь всматриваюсь.

— Это я всматриваюсь въ англичанокъ, и съ особой цѣлью. Я взялъ съ собой сюда въ дорогу двѣ брошюры: одну Грановскаго о Восточномъ вопросѣ, а другую—о женщинахъ. Въ этой брошюрѣ о женщинахъ есть нѣсколько прекраснѣйшихъ и самыхъ зрѣлыхъ мыслей. Но одна фраза, представьте себѣ, совсѣмъ меня сбила съ толку.—Авторъ вдругъ пишетъ:

«И однако же всему свѣту извѣстно, что такое англичанка. Это очень высокій типъ женской красоты и женскихъ душевныхъ качествъ, и съ этимъ типомъ не могутъ равняться наши русскія женщины»...

Какъ? Я съ этимъ не согласенъ. Неужели англичанка составляетъ ужь такой высокій типъ женщины, въ сравненіи съ нашими русскими женщинами? Я глубоко съ этимъ несогласенъ.

— Кто авторъ брошюры?

— Такъ какъ я не хвалилъ то, что можно въ брошюрѣ похвалить, то и выдернувъ эту единственную фразу автора, съ которой не могу согласиться, умолчу его имя.

— Должно быть, авторъ холостой человѣкъ и не успѣлъ еще узнать всѣхъ качествъ русской женщины.

— Хотя вы это сказали и изъ язвительности, но вы сказали правду о «качествахъ» русской женщины. Да, не русскому отрекаться отъ своихъ женщинъ. Чѣмъ наша женщина ниже какой-бы то ни было? Я уже не стану указывать на обозначившіеся идеалы нашихъ поэтовъ, начиная съ Татьяны, — на женщинъ Тургенева, Льва Толстаго, хотя ужь это одно большое доказательство: если ужь воплотились идеалы такой красоты въ искусствѣ, то откуда нибудь они взялись-же, не сочинены-же изъ ничего. Стало быть, такія женщины есть и въ дѣйствительности. Не стану тоже говорить, напримѣръ, о декабристкахъ, о тысячѣ другихъ примѣровъ, ставшихъ извѣстными. И намъ-ли, знающимъ русскую дѣйствительность, не

Digitized by Google

знать о тысячахъ женщинъ, не вѣдать о тысячахъ незримыхъ, никому невидимыхъ подвигахъ ихъ, и иногда въ какой обстановкѣ, въ какихъ темныхъ, ужасныхъ углахъ и трущобахъ, среди какихъ пороковъ и ужасовъ! Короче, я не буду защищать правъ русской женщины на высокое положеніе среди женщинъ всей Европы, но вотъ что только скажу: не правда-ли, мнѣ кажется, долженъ существовать такой естественный законъ въ народахъ и національностяхъ, по которому каждый мужчина долженъ по преимуществу искать и любить женщинъ въ своемъ народѣ и въ своей національности? Если-же мужчина начнетъ ставить женщинъ другихъ націй выше своихъ и прельщаться ими по преимуществу, то тогда наступитъ пора разложенія этого народа и шатанія этой національности. Ей Богу, у насъ уже начиналось нѣчто подобное въ этомъ родѣ, въ послѣдніе сто лѣтъ, именно пропорціонально разрыву нашему съ народомъ. Мы прельщались польками, француженками, даже нѣмками; теперь вотъ есть охотники ставить выше своихъ англичанокъ. По моему, въ этомъ признакѣ ровно ничего нѣтъ утѣшительнаго. Тутъ двѣ точки: или духовный разрывъ съ національностью, или просто гаремный вкусъ. Надо воротиться къ своей женщинѣ, надо учиться своей женщинѣ, если мы разучились понимать ее...

— Я съ пріятностью готовъ согласиться съ вами во всемъ, хотя и не знаю, существуетъ-ли такой законъ природы или національности. Но позвольте васъ спросить: почему вы подумали, что я, будто-бы, съ язвительностью замѣтилъ, что авторъ брошюры, какъ холостой человѣкъ, должно быть, не имѣлъ случая познакомиться со всѣми высшими качествами русской женщины? Тутъ ужь по тому одному не можетъ быть ни малѣйшей съ моей стороны язвительности, что самъ я, могу сказать, облагодѣтельствованъ русской женщиной. Да, каковъ я ни есть и каковъ-бы я вамъ ни казался, я самъ былъ нѣкоторое время моей жизни женихомъ русской женщины. Эта дѣвица была, такъ сказать, даже выше меня по положенію въ свѣтѣ, она была окружена искателями, она могла выбирать, и она...

— Предпочла васъ? Извините, я не зналъ...

— Нѣтъ, она не предпочла, а именно забраковала меня, но въ томъ-то и состояло все дѣло! Я вамъ откровенно скажу, пока я не былъ женихомъ, все было ничего, и я былъ счастливъ лишь тѣмъ, что могъ видѣть эту особу почти ежедневно. Даже осмѣлюсь замѣтить, впрочемъ совершенно вскользь, что, можетъ быть, я и не производилъ совершенно уже дурнаго впечатлѣнія. Прибавлю тоже, что дѣвица эта имѣла въ домѣ своемъ много свободы. И вотъ,

Digitized by Google

однажды, въ одну чрезвычайно странную и ни на что не похожую (могу даже такъ сказать) минуту, она вдругъ даетъ мнѣ слово,— и вы не повѣрите, что̀ со мной тогда сталось. Все это, конечно, было между нами въ секретѣ, но, когда я, огорошенный, воротился на мою квартиру, то мысль, что я буду владѣтелемъ и половиной такого блестящаго существа, просто придавила меня, какъ гирей. Я скользилъ взглядомъ по моей мебели, по всѣмъ дряннымъ моимъ холостымъ вещамъ и вещицамъ, для меня, однако-жь, столь необходимымъ,—и я такъ стыдился и себя, и своего положенія въ свѣтѣ, и фигуры моей, и волосъ моихъ, и вещицъ моихъ, и ограниченности моего ума и сердца, что тысячу разъ готовъ былъ рѣшиться даже на проклятіе своего жребія, при мысли, что я, такой ничтожнѣйшій изъ людей, буду обладать такими неподходящими мнѣ сокровищами. Я вамъ къ тому это все обозначаю, чтобъ выразить одну довольно неизвѣстную сторону брачной истины, или, лучше сказать, чувство, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко кто ощущаетъ изъ жениховъ, а именно: чтобъ жениться, нужно имѣть чрезвычайно много въ запасѣ самой глупѣйшей надменности, знаете, этакой самой глупенькой, пошленькой гордости, — и все это при самомъ смѣшномъ тонѣ, къ которому деликатный человѣкъ не можетъ быть ни за что способенъ. Ну, какъ сравнить себя хоть одно мгновеніе съ такимъ существомъ, какъ свѣтская дѣвица, съ такимъ утонченнымъ совершенствомъ, начиная съ воспитанія, съ локоновъ, съ газоваго платья, съ танцевъ, съ невинности, съ простодушной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, со свѣтской прелестью сужденій и чувствъ ея? И представить себѣ, что все это войдетъ въ мою квартиру, а я буду даже въ халатѣ,— вы смѣетесь? А, между тѣмъ, это ужасная мысль! И вотъ еще задача,—скажутъ вамъ: если вы боитесь такого совершенства и чувствуете себя для него непригоднымъ, то возьмите замарашку (т. е., во всякомъ случаѣ не нравственную замарашку). И что-же, вѣдь, ни-ни: не соглашаешься даже съ негодованіемъ и ничего сбавлять не намѣренъ. Однимъ словомъ, я не буду вамъ описывать подробностей, все такія-же. Напримѣръ, когда я легъ въ отчаяніи и безсиліи на мой диванъ (надо вамъ сказать, сквернѣйшій диванъ во всемъ мірѣ, съ толкучаго рынка и съ сломанной пружиной), то меня, между прочимъ, посѣтила одна ничтожненькая мысль: «Вотъ женюсь и будутъ, наконецъ, теперь постоянно ужь тряпочки,—ну, отъ выкроекъ, что-ли, вытирать перья». Ну, чего-бы, кажется, обыкновеннѣе такого разсужденія и что въ немъ такого ужаснаго? Соображеніе это мелькнуло, безъ сомнѣнія, нечаянно, мимолетомъ, вы это сами должны понимать, потому что Богъ знаетъ какія идеи способны иногда мелькнуть въ душѣ человѣческой, и даже въ ту

Digitized by Google

минуту, когда эту душу тащутъ на гильотину. Помыслилъ-же я такъ, вѣроятно, потому, что до нервныхъ припадковъ не люблю оставлять стальныхъ перьевъ невытертыми, что дѣлаютъ, однако-же, всѣ на свѣтѣ. И что-же? Я горько упрекнулъ себя за эту мысль въ ту-же минуту: въ виду такой огромности событія и предмета, мечтать о тряпочкахъ для перьевъ, находить время и мѣсто для такой низкой обыкновенной идеи, — «ну, чего-жь ты послѣ этого стоишь?» Однимъ словомъ, я почувствовалъ, что вся моя жизнь пройдетъ теперь въ упрекахъ самому себѣ, за всякую мысль мою и за всякій поступокъ мой. И что-же, когда она вдругъ объявила мнѣ, нѣсколько дней спустя, со смѣхомъ въ лицѣ, что она пошутила и выходитъ, напротивъ, замужъ за одного сановника, то я, я... А, впрочемъ, я тутъ вмѣсто радости, выказалъ такой испугъ, такое паденіе, что даже сама она испугалась и сама побѣжала за стаканомъ воды. Я оправился, но испугъ мой послужилъ мнѣ-же на пользу: она поняла, какъ я любилъ ее, и... какъ цѣнилъ, какъ высоко цѣнилъ... «А я-то думала, сказала она потомъ, уже замужемъ, что вы такой гордый и ученый, и что вы меня ужасно будете презирать». Съ тѣхъ поръ, я имѣю въ ней друга, и, повторяю, если кто былъ когда-либо облагодѣтельствованъ женщиной, или, лучше сказать, русской женщиной, то ужь это, конечно, я, и я этого никогда не забуду.

— Такъ, что вы стали другомъ этой особы?

— То есть, видите-ли, въ высшей степени, но мы видимся рѣдко, изъ года въ годъ, и даже рѣже. Русскіе друзья обыкновенно видятся въ пять лѣтъ по одному разу, а многіе чаще и не вынесли-бы. Сначала я не посѣщалъ ихъ, потому что положеніе въ свѣтѣ ея супруга было выше моего, теперь-же,—теперь она столь несчастна, что мнѣ самому тяжело смотрѣть на нее. Во первыхъ, мужъ ея старикъ шестидесяти двухъ лѣтъ, и черезъ годъ послѣ свадьбы угодилъ подъ судъ. Онъ долженъ былъ отдать, для пополненія казеннаго недочета, чуть не все свое состояніе, подъ судомъ лишился ногъ — и теперь его возятъ въ креслахъ въ Крейцнахѣ, гдѣ я видѣлъ ихъ обоихъ дней десять тому назадъ. Она, какъ возятъ кресло, постоянно идетъ подлѣ съ правой стороны и тѣмъ исполняетъ высокій долгъ современной женщины, — замѣтьте, все время и постоянно выслушивая его язвительнѣйшіе упреки. Мнѣ такъ тяжело стало смотрѣть на нее или, лучше сказать, на нихъ обоихъ, — потому что я еще до сихъ поръ не знаю, кого больше жалѣть, — что я ихъ тотчасъ-же тамъ и оставилъ, а самъ пріѣхалъ сюда. Я очень радъ, что не сказалъ вамъ ея фамиліи. Вдобавокъ-же, имѣлъ несчастье даже въ этотъ короткій срокъ, разсер-

Digitized by Google

дить ее и, кажется, окончательно, передавъ ей откровенно мой взглядъ на счастье и на обязанность русской женщины.

— О, конечно, вы не могли сыскать болѣе удобнаго случая.

— Вы критикуете? Но кто-же-бы ей это высказалъ? Мнѣ всегда, напротивъ, казалось, что величайшее счастье—это знать, по крайней мѣрѣ, отчего несчастливъ. И позвольте, такъ какъ ужь вышло къ слову, то я и вамъ выскажу мой взглядъ на счастье и обязанность русской женщины; въ Крейцнахѣ я всего не договорилъ.

III.

Дѣтскіе секреты.

Но здѣсь я пока остановлюсь. Я только чтобы вывести лицо и познакомить его предварительно съ читателемъ. Да и хотѣлось-бы мнѣ вывести его лишь какъ разсказчика, а со взглядами его я не совсѣмъ согласенъ. Я уже объяснялъ, что это «парадоксалистъ». Взглядъ-же его на «счастье и обязанность современной женщины», даже и не блистаетъ оригинальностью, хотя излагаетъ онъ его съ какимъ-то почти гнѣвомъ; подумаешь, что это у него самое больное мѣсто. Просто на просто, по его пониманію, женщина, чтобъ быть счастливою и исполнить всѣ свои обязанности, должна непремѣнно выдти замужъ и въ бракѣ народить какъ можно больше дѣтей, «не двухъ, не трехъ, а шестерыхъ, десятерыхъ, до изнеможенія, до безсилія». «Тогда только она соприкоснется съ живою жизнью и узнаетъ ее во всевозможныхъ проявленіяхъ».

— Помилуйте, не выходя изъ спальни!

— Напротивъ, напротивъ! Я предчувствую и знаю всѣ возраженія заранѣе. Я взвѣсилъ все: «университетъ, высшее образованіе и т. д. и т. д.». Но не говоря уже о томъ, что и изъ мужчинъ лишь десяти-тысячный становится ученымъ, я васъ серьезно спрошу: чѣмъ можетъ помѣшать университетъ браку и рожденію дѣтей? Напротивъ, университетъ непремѣнно долженъ наступить для всѣхъ женщинъ, и для будущихъ ученыхъ и для просто образованныхъ, но потомъ, послѣ университета,—«бракъ и роди дѣтей». Умнѣе какъ родить дѣтей ничего до сихъ поръ на свѣтѣ еще не придумано, а потому, чѣмъ больше запасешь для этого ума, тѣмъ лучше выйдетъ. Вѣдь это Чацкій, что-ли, провозгласилъ, что

...чтобъ имѣть дѣтей
Кому ума не доставало?

Digitized by Google

И провозгласилъ именно потому, что самъ-то онъ и былъ въ высшей степени необразованнымъ москвичемъ, всю жизнь свою только кричавшимъ объ европейскомъ образованіи съ чужаго голоса, такъ что даже завѣщанія не съумѣлъ написать, какъ оказалось впослѣдствіи, а оставилъ имѣніе неизвѣстному лицу «другу моему Сонечкѣ». Эта острота на счетъ «кому ума не доставало» тянулась пятьдесятъ лѣтъ именно потому, что и цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ потомъ у насъ не было людей образованныхъ. Теперь, слава Богу, образованные люди начинаютъ и у насъ появляться и, повѣрьте, первымъ дѣломъ, поймутъ, что имѣть дѣтей и родить ихъ—есть самое главное и самое серьезное дѣло въ мірѣ, было и не переставало быть. «Кому не доставало ума, скажите пожалуйста»? Да вотъ-же не достаетъ: современная женщина въ Европѣ перестаетъ родить. Про нашихъ я пока умолчу.

— Какъ перестаетъ родить, что вы?

Я долженъ включить мимоходомъ, что въ этомъ человѣкѣ есть одна самая неожиданная странность: онъ любитъ дѣтей, любитель дѣтей и именно маленькихъ, крошекъ, «еще въ ангельскомъ чинѣ». Онъ любитъ до того что бѣгаетъ за ними. Въ Эмсѣ онъ даже сталъ этимъ извѣстенъ. Всего болѣе любилъ онъ гулять въ аллеяхъ, куда выносятъ или выводятъ дѣтей. Онъ знакомился съ ними, даже только съ годовалыми, и достигалъ того, что многіе изъ дѣтей узнавали его, ждали его, усмѣхались ему, протягивали ему ручки. Нѣмку-няньку онъ распроситъ непремѣнно сколько ребенку годковъ или мѣсяцевъ, расхвалитъ его, похвалитъ косвенно и няньку, чѣмъ ей польститъ. Однимъ словомъ, это въ немъ въ родѣ страсти. Онъ всегда былъ въ особенномъ восторгѣ, когда каждое утро на водахъ, въ аллеяхъ, среди публики, вдругъ показывались цѣлыми толпами дѣти, идущіе въ школу, одѣтые, прибранные, съ бутербродами въ рукахъ и съ ранчиками за плечами. Надо признаться, что дѣйствительно эти толпы дѣтей были хороши, особенно четырехъ, пяти, шестилѣтнія, т. е. самыя маленькія.

— Tel que vous me voyez, я сегодня купилъ двѣ дудки, сообщилъ онъ мнѣ въ одно утро, съ чрезвычайно довольнымъ видомъ,— не этимъ, не школьникамъ — эти большіе, и я только что вчера имѣлъ удовольствіе познакомиться съ ихнимъ школьнымъ учителемъ: самый достойнѣйшій человѣкъ, какой только можетъ быть. Нѣтъ, это были два пузана, два брата, одинъ трехъ, а другой двухъ лѣтъ. Трехлѣтній водитъ двухлѣтняго, много ума-то у обоих; и оба остановились у палатки съ игрушками, разинувъ рты, в этомъ глупомъ и прелестномъ дѣтскомъ восхищеніи, котораго прелестнѣе ничего въ мірѣ не выдумаешь. Торговка, нѣмка хитра,

Digitized by Google

сейчасъ смекнула какъ я смотрю—и мигомъ всучила имъ по дудкѣ: я долженъ былъ заплатить двѣ марки-съ. Восторгъ неописанный, ходятъ и дудятъ. Это было часъ тому, но я сейчасъ опять туда навѣдался—все дудятъ. Я вамъ какъ-то говорилъ, указывая на здѣшнее общество, что пока лучше его ничего еще не можетъ дать міръ. Я совралъ, а вы мнѣ повѣрили, не отрекайтесь, повѣрили. Напротивъ, вотъ гдѣ лучшее, вотъ гдѣ совершенство: эти толпы этихъ эмскихъ дѣтей, съ бутербродами въ рукахъ и съ ранчиками за плечами, идущихъ въ школы... Чтоже, солнце, Таунусъ, дѣти, смѣхъ дѣтей, бутерброды и изящная толпа всѣхъ милордовъ и маркизовъ въ мірѣ, любующаяся на этихъ дѣтей,—все вмѣстѣ это прелестно. Вы замѣтили, что толпа на нихъ каждый разъ любуется: это, все-таки, въ ней признаки вкуса и—порывъ серьезности. Но Эмсъ глупъ, Эмсъ не можетъ быть не глупъ, а потому онъ еще продолжаетъ родить дѣтей, но Парижъ—Парижъ ужь пріостановился.

— Какъ пріостановился?

— Въ Парижѣ есть такая огромная промышленность подъ названіемъ Articles de Paris, которая, вмѣстѣ съ шелкомъ, французскимъ виномъ и фруктами, помогла выплатить пять милліардовъ контрибуціи. Парижъ слишкомъ чтитъ эту промышленность и занимается ею до того, что забываетъ производить дѣтей. А за Парижемъ и вся Франція. Ежегодно министръ торжественно докладываетъ палатамъ о томъ, что «la population reste stationnaire». Ребятишки, видите-ли, не рождаются, а и рождаются—такъ не стоятъ; за то, прибавляетъ министръ съ похвальбой, «старики у насъ стоятъ, старики, дескать, во Франціи долговѣчны. А по моему, хоть-бы они передохли, старые ..... которыми Франція начиняетъ свои палаты. Есть чему радоваться—ихъ долговѣчности; песку, что-ли, сыплется мало?

— Я васъ, все-таки, не понимаю. Къ чему тутъ Articles de Paris?

— А дѣло просто. Впрочемъ, вы сами романистъ, а, стало быть, можетъ, и знаете одного безтолковѣйшаго и очень талантливаго французскаго писателя и идеалиста старой школы, Александра-Дюма-фиса? Но за этимъ Александромъ Дюма есть нѣсколько хорошихъ, такъ сказать, движеній. Онъ требуетъ, чтобъ французская женщина родила. Мало того: онъ прямо возвѣстилъ всѣмъ извѣстный секретъ, что женщины во Франціи, изъ достаточной буржуазіи, всѣ сплошь, родятъ по двое дѣтей; какъ-то такъ ухитряются съ своими мужьями, чтобъ родить только двухъ—и ни больше, ни меньше. Двухъ родятъ и забастуютъ. И всѣ уже такъ, и не хотятъ родить больше,—секретъ распространяется съ удивительною быстротою. Потомство

Digitized by Google

уже получается и съ двумя, и, кромѣ того, имѣнія на двухъ останется больше, чѣмъ на шестерыхъ, это разъ. Ну, а во вторыхъ, сама женщина сохраняется дольше: красота дольше тянется, здоровье, на выѣзды больше времени выгадывается, на наряды, на танцы. Ну, а на счетъ родительской любви,—нравственной стороны, то есть, вопроса,—такъ двухъ, дескать, еще больше любишь, чѣмъ шестерыхъ, а шестеро-то нашалятъ еще, пожалуй, надоѣдятъ, разобьютъ, возись съ ними!.. по башмакамъ только однимъ сосчитать на нихъ, такъ сколько досады выйдетъ и т. д., и т. д. Но не въ томъ дѣло, что Дюма сердится, а въ томъ, что прямо рѣшился заявить о существованіи секрета: двухъ, дескать—и ни больше, ни меньше, да еще съ мужьями продолжаютъ жить брачно въ свое удовольствіе, словомъ, все спасено. Мальтусъ, столь боявшійся увеличенія населенія въ мірѣ, и не предположилъ-бы даже въ фантазіи вотъ этакихъ средствъ. Что-жь, все это слишкомъ соблазнительно. Во Франціи, какъ извѣстно, страшное количество собственниковъ, буржуазіи городской и буржуазіи земельной: для нихъ это находка. Это ихъ изобрѣтеніе. Но находка перешагнетъ и за предѣлы Франціи. Пройдетъ еще какихъ-нибудь четверть вѣка и увидите, что даже глупый Эмсъ поумнѣетъ. Берлинъ, говорятъ, страшно ужь поумнѣлъ въ этомъ-же смыслѣ. Но хоть и уменьшаются дѣти, но все-же министръ во Франціи не замѣтилъ-бы этой разницы, если-бъ обошлось лишь одной буржуазіей, т. е., достаточнымъ классомъ и если-бъ не было въ этомъ дѣлѣ другаго конца. Другой конецъ—пролетаріи, восемь, десять, а, пожалуй, и всѣ двѣнадцать милліоновъ пролетаріевъ, людей некрещеныхъ и невѣнчанныхъ, живущихъ, вмѣсто брака, въ «разумныхъ ассоціаціяхъ», для «избѣжанія тираніи». Эти прямо вышвыриваютъ дѣтей на улицы. Родятся Гавроши, мрутъ, не стоятъ; а устоятъ, такъ наполняютъ воспитательные дома и тюрьмы для малолѣтнихъ преступниковъ. У Zola, такъ называемаго у насъ реалиста, есть одно очень мѣткое изображеніе современнаго французскаго рабочаго брака, то есть, брачнаго сожитія, въ романѣ его Le ventre de Paris. И замѣтьте: Гавроши ужь не французы, но замѣчательнѣе всего, что и эти сверху, вотъ — которые родятся собственниками, по двое и въ секретѣ,—тоже вѣдь не французы. По крайней мѣрѣ, я осмѣливаюсь утверждать это, такъ что два конца и двѣ противуположности сходятся. Вотъ ужь и первый результатъ: Франція начинаетъ переставать быть Франціей. (Ну возможно-ли сказать, чтобъ эти 10 милліоновъ считали Францію за отечество!) Я знаю, найдутся, что скажутъ, тѣмъ лучше: уничтожатся французы,—останутся люди. Но, вѣдь, люди-ли? Люди-то, положимъ, но это будущіе дикіе, которые проглотятъ

Digitized by Google

Европу. Изъ нихъ изготовляется исподволь, но твердо и неуклонно, будущая безчувственная мразь. Что поколѣніе вырождается физически, безсилѣетъ, пакостится, по моему, нѣтъ уже никакого сомнѣнія. Ну, а физика тащитъ за собой и нравственность. Это плоды царства буржуазіи. По моему, вся причина—земля, т. е. почва и современное распредѣленіе почвы въ собственность. Я вамъ это, такъ и быть, объясню.

IV.

Земля и дѣти.

Земля все, продолжалъ мой парадоксалистъ. Я землю отъ дѣтей не розню и это у меня какъ-то само собой выходитъ. Впрочемъ, я вамъ этого развивать не хочу, поймете и такъ, коли призадумаетесь. У милліоновъ нищихъ земли нѣтъ, во Франціи особенно, гдѣ слишкомъ ужь, и безъ того, малоземельно, — вотъ имъ и негдѣ родить дѣтей, они и принуждены родить въ подвалахъ, и не дѣтей, а Гаврошей, изъ которыхъ половина не можетъ назвать своего отца, а еще половина такъ, можетъ, и матери. Дѣти должны родиться на землѣ, а не на мостовой. Не знаю, не знаю, какъ это поправится, но знаю, что пока тамъ негдѣ родить дѣтей. По моему, работай на фабрикѣ: фабрика тоже дѣло законное и родится всегда подлѣ воздѣланной уже земли: въ томъ ея и законъ. Но пусть каждый фабричный работникъ знаетъ, что у него гдѣ-то тамъ есть Садъ, подъ золотымъ солнцемъ и виноградниками, собственный, или, вѣрнѣе, общинный садъ, и что въ этомъ саду живетъ и его жена, славная баба, не съ мостовой, которая любитъ его и ждетъ, а съ женой—его дѣти, которыя играютъ въ лошадки и всѣ знаютъ своего отца. Que diable, всякій порядочный и здоровый мальчишка родится вмѣстѣ съ лошадкой, это всякій порядочный отецъ долженъ знать, если хочетъ быть счастливъ. Вотъ онъ туда и будетъ заработанныя деньги носить, а не пропивать въ кабакѣ съ самкой, найденной на мостовой. И хоть садъ этотъ и не могъ-бы, въ крайнемъ случаѣ, (во Франціи, напримѣръ, гдѣ такъ мало земли) прокормить его вмѣстѣ съ семьей, такъ что и не обошлось-бы безъ фабрики, но пусть онъ знаетъ, по крайней мѣрѣ, что тамъ его дѣти съ землей ростутъ, съ деревьями, съ перепелками, которыхъ ловятъ, учатся въ школѣ, а школа въ полѣ, и что самъ онъ, наработавшись на своемъ вѣку, все-таки, придетъ туда отдохнуть, а потомъ и умереть.

Digitized by Google

А, вѣдь, кто знаетъ,—можетъ, и совсѣмъ прокормить достанетъ, да и фабрикъ-то, можетъ, нечего бояться, можетъ—и фабрика-то середи сада устроится. Однимъ словомъ, я не знаю какъ это все будетъ, но это сбудется, садъ будетъ. Помяните мое слово хоть черезъ сто лѣтъ, и вспомните, что я вамъ объ этомъ въ Эмсѣ, въ искусственномъ саду и среди искусственныхъ людей, толковалъ. Если хотите всю мою мысль, то, по моему, дѣти, настоящіе то есть дѣти, то есть дѣти людей, должны родиться на землѣ, а не на мостовой. Можно жить потомъ на мостовой, но родиться и *всходить* нація, въ огромномъ большинствѣ своемъ, должна на землѣ, на почвѣ, на которой хлѣбъ и деревья растутъ. А европейскіе пролетаріи теперь всѣ — сплошь мостовая. Въ саду-же дѣтки будутъ выскакивать прямо изъ земли, какъ Адамы, а не поступать девяти лѣтъ, когда еще играть хочется, на фабрики, ломая тамъ спинную кость надъ станкомъ, тупя умъ передъ подлой машиной, которой молится буржуа, утомляя и губя воображеніе передъ безчисленными рядами рожковъ газа, а нравственность—фабричнымъ развратомъ, котораго не зналъ Содомъ. И это мальчики и это дѣвочки десяти лѣтъ! Если я вижу гдѣ зерно или идею будущаго—такъ это у насъ, въ Россіи. Почему такъ? А потому, что у насъ есть и по сихъ поръ уцѣлѣлъ въ народѣ одинъ принципъ и именно тотъ, что земля для него *все*, и что онъ все выводитъ изъ земли и отъ земли, и это даже въ огромномъ еще большинствѣ. Но главное въ томъ, что это-то и есть нормальный законъ человѣческій. Въ землѣ, въ почвѣ есть нѣчто сакраментальное. Если хотите переродить человѣчество къ лучшему, почти что изъ звѣрей подѣлать людей, то надѣлите ихъ землею— и достигнете цѣли. По крайней мѣрѣ, у насъ земля и община. По моему, порядокъ въ землѣ и изъ земли и это вездѣ, во всемъ человѣчествѣ. Весь порядокъ въ каждой странѣ, — политическій, гражданскій, всякій—всегда связанъ съ почвой и съ характеромъ землевладѣнія въ странѣ. Въ какомъ характерѣ сложилось землевладѣніе, въ такомъ характерѣ сложилось и все остальное. Я, вѣдь, никого и ничего не виню: тутъ всемірная исторія,—и мы понимаемъ. По моему, мы такъ еще дешево отъ крѣпостнаго права откупились, благодаря *согласію* земли. Вотъ на это-то согласіе я бью и во всемъ остальномъ. Это согласіе,—вѣдь это опять одно изъ народныхъ началъ, вотъ, тѣхъ самыхъ, которыя въ насъ до сихъ поръ еще Потугины отрицаютъ. Ну-съ, а всѣ эти желѣзныя дороги наши, наши новые всѣ эти банки, ассоціаціи, кредиты—все это, по моему, пока только лишь тлѣнъ, я изъ желѣзныхъ дорогъ нашихъ однѣ только стратегическія признаю. Это только биржевая игра, жидъ встрепенулся. Вы смѣетесь, вы несогласны, пусть; а вотъ я только

Digitized by Google

что читалъ одни мемуары одного русскаго помѣщика, писанные имъ въ срединѣ столѣтія — и желавшаго, въ двадцатыхъ годахъ еще, отпустить своихъ мужичковъ на волю. Тогда это было рѣдкою новостью. Между прочимъ, заѣхавъ въ деревню, онъ завелъ въ ней школу и началъ учить крестьянскихъ дѣтей хоровому церковному пѣнію. Сосѣдъ помѣщикъ, завернувъ къ нему и послушавъ хоръ, сказалъ: «это вы хорошо придумали; вотъ вы теперь ихъ обучите и навѣрно найдете покупщика на весь хоръ. Это любятъ, вамъ хорошія деньги за хоръ дадутъ». Значитъ, когда еще можно было продавать «на свозъ» хоры малыхъ ребятишекъ отъ отцовъ и матерей, то, стало быть, отпускъ на волю крестьянъ былъ еще мудреной диковиной въ русской землѣ. Вотъ онъ и сталъ мужичкамъ говорить объ этой диковинкѣ; тѣ выслушали, задивились, перепугались, долго межъ собой переговаривались, вотъ и приходятъ къ нему: «Ну, а земля?» — «А земля моя; вамъ избы, усадьбы, а землю вы мнѣ ежегодно убирайте изъ полу». — Тѣ почесали головы: «Нѣтъ, ужь лучше по старому: мы ваши, а земля наша». Конечно, это удивило помѣщика: дикій, дескать, народъ; свободы даже не хотятъ въ нравственномъ паденіи своемъ, свободы — сего перваго блага людей и т. д., и т. д. Впослѣдствіи эта поговорка, или, вѣрнѣе, формула: «мы ваши, а земля наша» — стала всѣмъ извѣстною и никого уже не дивила. Но, однако-же, важнѣе всего: откудова могло появиться такое «неестественное и ни на что непохожее» пониманіе всемірной исторіи, если только сравнить съ Европой? И, замѣтьте, именно въ это-то время и свирѣпствовала у насъ наиболѣе война между нашими умниками о томъ: «есть или нѣтъ у насъ, въ самомъ дѣлѣ, какія-то тамъ народныя начала, которыя-бы стоили вниманія людей образованныхъ?» «Нѣтъ-съ, позвольте: значитъ, русскій человѣкъ съ самаго начала и никогда не могъ и представить себя безъ земли. Ужь когда свободы безъ земли не хотѣлъ принять, значитъ, земля у него прежде всего, въ основаніи всего, земля — все, а ужь изъ земли у него и все остальное, то есть, и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и дѣтишки, и порядокъ, и церковь — однимъ словомъ, все, что есть драгоцѣннаго. Вотъ изъ-за формулы-то этой онъ и такую вещь, какъ община, удержалъ...

Digitized by Google

V.

Оригинальное для Россіи лѣто.

На другой день я сказалъ моему чудаку:—А вотъ вы все объ дѣтяхъ толкуете, а я только что прочелъ въ курзалѣ, въ русскихъ газетахъ, около которыхъ, замѣчу вамъ, всѣ здѣшніе русскіе теперь толпятся — прочелъ въ одной корреспонденціи объ одной матери, Болгаркѣ, тамъ у нихъ въ Болгаріи, гдѣ цѣлыми уѣздами истреблялись люди. Она старуха, уцѣлѣла въ одной деревнѣ и бродитъ, обезумѣвшая, по своему пепелищу. Когда-же ее начинаютъ распрашивать какъ было дѣло, то она не говоритъ обыкновенными словами, а тотчасъ прикладываетъ правую руку къ щекѣ и начинаетъ пѣть, и напѣвомъ разсказываетъ, въ импровизированныхъ стихахъ, о томъ, какъ у ней были домъ и семья, былъ мужъ, были дѣти, шестеро дѣтей, а у дѣтокъ, у старшихъ, были тоже дѣточки, маленькіе внуки ея. И пришли мучители и сожгли у стѣны ея старика, перерѣзали соколовъ ея дѣтей, изнасиловали малую дѣвочку, увели съ собой другую, красавицу, а младенчикамъ вспороли всѣмъ ятаганами животики, а потомъ зажгли домъ и пошвыряли ихъ всѣхъ въ лютое пламя, и все это она видѣла и крики дѣточекъ слышала.

— Да, я тоже читалъ, отвѣтилъ мой чудакъ,—замѣчательно, замѣчательно. Главное, въ стихахъ. А у насъ, наша русская критика хоть и хвалила иногда стишки, но всегда, однако, наклоннѣе была полагать, что они болѣе для баловства устроены. Любопытно прослѣдить натуральный эпосъ въ его, такъ сказать, стихійномъ зачатіи. Вопросъ искусства.

— Ну, полноте, не притворяйтесь. Впрочемъ, я замѣтилъ, вы не очень-то любите разговаривать о восточномъ вопросѣ.

— Нѣтъ, я тоже пожертвовалъ. Я, если хотите, дѣйствительно кое-что не жалую въ восточномъ вопросѣ.

— Что именно?

— Ну, хоть любвеобильность.

— И, полноте, я увѣренъ...

— Знаю, знаю, не договаривайте, и вы совершенно правы. Ктому-же, я пожертвовалъ въ самомъ даже началѣ. Видите-ли, восточный вопросъ, дѣйствительно, былъ у насъ до сихъ поръ, так сказать, лишь вопросомъ любви и выходилъ отъ славянофиловъ

Digitized by Google

Дѣйствительно на любвеобильности многіе выѣхали, особенно прошлой зимой съ герцеговинцами; составилось даже нѣсколько любвеобильныхъ карьеръ. Замѣтьте, я вѣдь ничего не говорю; ктому-же, любвеобильность сама въ себѣ вещь превосходнѣйшая, но вѣдь можно и заѣздить клячу,—вотъ, вотъ этого-то я и боялся еще съ весны, а потому и не вѣрилъ. Потомъ я и лѣтомъ даже еще здѣсь боялся, чтобъ съ насъ все это братство вдругъ какъ нибудь не соскочило. Но теперь, — теперь даже ужь и я не боюсь; да и русская ужь кровь пролита, а пролитая кровь важная вещь, соединительная вещь!

— А неужели вы въ самомъ дѣлѣ думали, что братство наше соскочитъ?

— Грѣшный человѣкъ, полагалъ. Да какъ и не предположить. Но теперь ужь не предполагаю. Видите-ли, даже здѣсь въ Эмсѣ, въ десяти верстахъ отъ Рейна, получались извѣстія изъ самаго, такъ сказать, Бѣлграда. Являлись путешественники, которые сами слышали какъ въ Бѣлградѣ винятъ Россію. Съ другой стороны, я самъ читалъ въ «Temps» и въ «Debats», какъ въ Бѣлградѣ, послѣ того какъ прорвались въ Сербію турки, кричали: «Долой Черняева!» Другіе-же корреспонденты и другіе очевидцы увѣряютъ, напротивъ, что все это вздоръ, и что сербы только и дѣлаютъ, что обожаютъ Россію и ждутъ всего отъ Черняева. Знаете: я и тѣмъ, и другимъ извѣстіямъ вѣрю. И тѣ и другіе крики были навѣрно, да и не могли не быть: нація молодая, солдатовъ нѣтъ, воевать не умѣютъ, великодушія пропасть, дѣловитости никакой. Черняевъ тамъ принужденъ былъ армію создавать, а вѣдь они, я увѣренъ, въ огромномъ большинствѣ, не могутъ понять какая это задача армію создать въ такой срокъ и при такихъ обстоятельствахъ; потомъ поймутъ, но тогда ужь наступитъ всемірная исторія. Кромѣ того, я увѣренъ, что даже изъ самыхъ крѣпкихъ и, такъ сказать, министерскихъ ихнихъ головъ найдутся такія, которыя убѣждены, что Россія спитъ и видитъ, какъ-бы ихъ въ свою власть захватить и ими безмѣрно усилиться политически. Ну, такъ вотъ я и боялся, чтобъ на наше русское братолюбіе все это не подѣйствовало холодной водой. Но оказалось напротивъ, — до того напротивъ, что для многихъ даже и русскихъ неожиданно. Вся земля русская вдругъ заговорила и вдругъ свое главное слово сказала. Солдатъ, купецъ, профессоръ, старушка Божія—всѣ въ одно слово. И ни одного звука, замѣтьте, объ захватѣ, а вотъ, дескать: «на православное дѣло». Да и не то, что гроши на православное дѣло, а хоть сейчасъ сами готовы нести свои головы. И опять-таки, замѣтьте, что эти два слова: «на православное дѣло» — это чрезвычайно, чрезвычайно важная политическая формула и теперь, и въ будущемъ. Даже

Digitized by Google

можно такъ сказать, что это формула нашего будущаго. А то, что объ «захватѣ» ни откуда ни звука, то это ужасно оригинально. Европа никакъ и ни за что не могла-бы повѣрить тому, потому что сама-бы дѣйствовала не иначе, какъ съ захватомъ, а потому ее даже и винить нельзя за ея крикъ противъ насъ, въ строгомъ смыслѣ, знаете-ли вы это? Однимъ словомъ, въ этотъ разъ началось наше окончательное столкновеніе съ Европой и... развѣ оно могло начаться иначе, какъ съ недоумѣнія? Для Европы Россія— недоумѣніе, и всякое дѣйствіе ея — недоумѣніе, и такъ будетъ до самаго конца. Да, давно уже не заявляла себя такъ земля русская, такъ сознательно и согласно, и, кромѣ того мы дѣйствительно вѣдь родныхъ и братьевъ нашли и ужь это не высокій лишь слогъ. И ужь не черезъ славянскій лишь комитетъ, а прямо, такъ-таки, всей землей нашли. Вотъ это для меня и неожиданно, вотъ этому-то я-бы никакъ не повѣрилъ. Согласію-то этому нашему, всеобщему и столь, такъ сказать, *внезапному,* трудно-бы было повѣрить, еслибъ даже кто и предсказывалъ. А, межъ тѣмъ, совершившееся совершилось. Вы вотъ про мать-болгарку несчастную разсказали, а я знаю, что и другая мать объявилась нынѣшнимъ лѣтомъ: Мать-Россія новыхъ родныхъ дѣтокъ нашла и раздался ея великій жалобный голосъ объ нихъ. И именно дѣтокъ, и именно материнскій великій плачъ, и опять-таки политическое великое указаніе въ будущемъ, замѣтьте это себѣ: «мать ихъ, а не госпожа!» И хоть-бы даже и случилось такъ, что новыя дѣти, не понимая дѣла, — на одну минутку, впрочемъ, — возроптали-бы на нее: нечего ей этого слушать и на это глядѣть, а продолжать благотворить съ безконечнымъ и терпѣливымъ материнствомъ, какъ и должна поступить всякая истинная мать. Нынѣшнее лѣто, знаете-ли вы, что нынѣшнее лѣто въ нашей исторіи запишется? И сколько недоумѣній русскихъ разомъ разъяснилось, на сколько вопросовъ русскихъ разомъ отвѣтъ полученъ! Для сознанія русскаго это лѣто было почти эпохой.

Post-Scriptum.

Русскій народъ бываетъ иногда ужасно *неправдоподобенъ»* — словцо это удалось мнѣ услышать тоже нынѣшнимъ лѣтомъ и, опять-таки конечно потому, что для произнесшаго это словцо многое, случившееся нынѣшнимъ лѣтомъ, было дѣломъ неожиданнымъ, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ «неправдоподобнымъ Но что-же, однако, случилось такого новаго, и не лежало-ли, н

Digitized by Google

противъ, все, что вышло наружу, давно уже и даже всегда въ сердцѣ народа русскаго?

Поднялась, во первыхъ, народная идея и сказалось народное чувство: чувство—безкорыстной любви къ несчастнымъ и угнетеннымъ братьямъ своимъ, а идея—«Православное дѣло». И дѣйствительно, уже въ этомъ одномъ сказалось нѣчто какъ-бы и неожиданное. Неожиданнаго (впрочемъ, далеко не для всѣхъ) было то, что народъ не забылъ свою великую идею, свое «Православное дѣло»—не забылъ въ теченіе двухвѣковаго рабства, мрачнаго невѣжества, а въ послѣднее время—гнуснаго разврата, матерьялизма, жидовства и сивухи. Во вторыхъ, неожиданнымъ было то, что съ народной идеей, съ «Православнымъ дѣломъ»—соединились вдругъ почти всѣ оттѣнки мнѣній самой высшей интеллигенціи русскаго общества,—вотъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ считали мы уже совсѣмъ оторвавшимися отъ народа. Замѣтьте приэтомъ необычайное у насъ одушевленіе и единодушіе почти всей нашей печати... Старушка Божія подаетъ свою копѣечку на славянъ и прибавляетъ: «на Православное дѣло». Журналистъ подхватываетъ это словцо и передаетъ его въ газетѣ съ благоговѣніемъ истиннымъ и вы видите, что онъ самъ всѣмъ сердцемъ своимъ за тоже самое «Православное дѣло»: вы это чувствуете читая статью. Даже, можетъ быть, и ничему не вѣрующіе поняли теперь у насъ, наконецъ, что значитъ въ сущности, для русскаго народа его Православіе и «Православное дѣло?» Они поняли, что это вовсе не какая нибудь лишь обрядная церковность, а съ другой стороны, вовсе не какой нибудь fanatisme réligieux (какъ уже и начинаютъ выражаться объ этомъ всеобщемъ теперешнемъ движеніи русскомъ въ Европѣ), а что это именно есть прогрессъ человѣческій и всеочеловѣченіе человѣческое, такъ именно понимаемое русскимъ народомъ, ведущимъ все отъ Христа, воплощающимъ все будущее свое во Христѣ и во Христовой истинѣ и немогущимъ и представить себя безъ Христа. Либералы, отрицатели, скептики, равно какъ и проповѣдники соціальныхъ идей — всѣ вдругъ оказываются горячими русскими патріотами, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ. Что-жь, они, стало быть, ими и были; но можемъ-ли мы утверждать, что доселѣ мы про это знали, и не раздавалось-ли до сихъ поръ, напротивъ, чрезвычайно много горькихъ взаимныхъ упрековъ, оказавшихся теперь во многомъ напрасными? Русскихъ, истинныхъ русскихъ, оказалось у насъ вдругъ несравненно болѣе, чѣмъ полагали до сихъ поръ многіе, тоже истинные русскіе. Что-же соединило этихъ людей воедино, или, вѣрнѣе—что указало имъ, что они, во всемъ главномъ и существенномъ, и прежде не разъединялись? Но въ томъ-то и дѣло,

Digitized by Google

что Славянская идея, въ высшемъ смыслѣ ея, перестала быть лишь славянофильскою, а перешла вдругъ, вслѣдствіе напора обстоятельствъ, въ самое сердце русскаго общества, высказалась отчетливо въ общемъ сознаніи, а въ *живомъ* чувствѣ совпала съ движеніемъ народнымъ. Но что-же такое эта «Славянская идея въ высшемъ смыслѣ ея»? Всѣмъ стало ясно, что это такое: это, прежде всего, т. е., прежде всякихъ толкованій историческихъ, политическихъ и проч. — есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьевъ, и чувство добровольнаго долга сильнѣйшему изъ славянскихъ племенъ заступиться за слабаго, съ тѣмъ, чтобъ, уровнявъ его съ собою въ свободѣ и политической независимости, тѣмъ самымъ основать впредь великое всеславянское единеніе во имя Христовой истины, т. е., на пользу, любовь и службу всему человѣчеству, на защиту всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ въ мірѣ. И это вовсе не теорія, напротивъ, въ самомъ теперешнемъ движеніи русскомъ, братскомъ и безкорыстномъ, до сознательной готовности пожертвовать даже самыми важнѣйшими своими интересами, даже хотя-бы миромъ съ Европой, — это обозначилось уже какъ фактъ, а въ дальнѣйшемъ,— всеединеніе славянъ развѣ можетъ произойти съ иною цѣлью, какъ на защиту слабыхъ и на служеніе человѣчеству? Это уже потому такъ должно быть, что славянскія племена, въ большинствѣ своемъ, сами воспитались и развились лишь страданіемъ. Мы вотъ написали выше, что дивимся, какъ русскій народъ не забылъ, въ крѣпостномъ рабствѣ, въ невѣжествѣ и въ угнетеніи, своего великаго «Православнаго дѣла», своей великой православной обязанности, не озвѣрѣлъ окончательно и не сталъ, напротивъ, мрачнымъ замкнувшимся эгоистомъ, заботящимся лишь объ одной собственной выгодѣ? Но, вѣроятно, таково именно свойство его какъ славянина, то есть,—подыматься духомъ въ страданіи, укрѣпляться политически въ угнетеніи и, среди рабства и униженія, соединяться взаимно въ любви и въ Христовой истинѣ.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ, благословляя!

Вотъ потому-то, что народъ русскій самъ былъ угнетенъ и перенесъ многовѣковую крестную ношу,—потому-то онъ и не забыл своего «Православнаго дѣла» и страдающихъ братьевъ своихъ, поднялся духомъ и сердцемъ, съ совершенной готовностью помо всячески угнетеннымъ. Вотъ это-то и поняла высшая интеллиге ція наша и всѣмъ сердцемъ своимъ примкнула къ желанію народ

Digitized by Google

а примкнувъ, вдругъ, всецѣло, ощутила себя въ единеніи съ нимъ. Движеніе, охватившее всѣхъ, было великодушное и гуманное. Всякая высшая и единящая мысль, и всякое вѣрное единящее всѣхъ чувство — есть величайшее счастье въ жизни націй. Это счастье посѣтило насъ. Мы не могли не ощутить всецѣло нашего умножившагося согласія, разъясненія многихъ прежнихъ недоумѣній, усилившагося самосознанія нашего. Обнаружилась вдругъ, ясно сознаваемая обществомъ и народомъ, политическая мысль. Чуткая Европа тотчасъ-же это разглядѣла и слѣдитъ теперь за русскимъ движеніемъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Сознательная политическая мысль въ нашемъ народѣ—для нея совершенная неожиданность. Она предчувствуетъ нѣчто новое, съ чѣмъ надо считаться: въ ея уваженіи мы выросли. Самые слухи и толки о политическомъ и соціальномъ разложеніи русскаго общества, какъ національности, давно уже крѣпившіеся въ Европѣ, несомнѣнно должны получить теперь, въ глазахъ ея, сильное опроверженіе: оказалось, что, когда надо, русскіе умѣютъ и соединяться. Да и самыя разлагающія силы наши,—буде она существованію таковыхъ продолжаетъ вѣрить, естественно должны теперь, въ ея убѣжденіи, принять сами собою другое направленіе и другой исходъ. Да, много взглядовъ съ этой эпохи должно впредь измѣниться. Однимъ словомъ, это всеобщее и согласное русское движеніе свидѣтельствуетъ уже и о зрѣлости національной въ нѣкоторой значительной даже степени и не можетъ не вызывать къ себѣ уваженія.

Русскіе офицеры ѣдутъ въ Сербію и слагаютъ тамъ свои головы. Движеніе русскихъ офицеровъ и отставныхъ русскихъ солдатъ въ армію Черняева все время возрастало и продолжаетъ возрастать прогрессивно. Могутъ сказать: «это потерянные люди, которымъ дома было нечего дѣлать, поѣхавшіе, чтобъ куда-нибудь поѣхать, карьеристы и авантюристы». Но, кромѣ того, что (по многимъ и точнымъ даннымъ) эти «авантюристы» не получили никакихъ денежныхъ выгодъ, а въ большинствѣ даже едва доѣхали, кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ, еще бывшіе на службѣ, несомнѣнно должны были проиграть по службѣ своимъ, хотя-бы и временнымъ, выходомъ въ отставку. Но — кто-бы они ни были, что̀, однако, мы слышимъ и читаемъ объ нихъ? Они умираютъ въ сраженіяхъ десятками и выполняютъ свое дѣло геройски; на нихъ уже начинаетъ твердо опираться юная армія возставшихъ славянъ, созданная Черняевымъ. Они славятъ русское имя въ Европѣ и кровью своею единятъ насъ съ братьями. Эта геройски пролитая ихъ кровь не забудется и зачтется. Нѣтъ, это не авантюристы: они начинаютъ новую эпоху сознательно. Это піонеры русской

Digitized by Google

политической идеи, русскихъ желаній и русской воли, заявленныхъ ими передъ Европою.

Обозначилась и еще одна русская личность, обозначилась строго, спокойно и даже величаво,—это генералъ Черняевъ. Военныя дѣйствія его шли доселѣ съ перемѣннымъ счастьемъ, но въ цѣломъ—до сихъ поръ пока еще съ очевиднымъ перевѣсомъ въ его сторону. Онъ создалъ въ Сербіи армію, онъ выказалъ строгій, твердый, неуклонный характеръ. Кромѣ того, отправляясь въ Сербію, онъ рисковалъ всей своей военной славой, уже пріобрѣтенной въ Россіи, а, стало быть, и своимъ будущимъ. Въ Сербіи, какъ обозначилось лишь недавно, онъ согласился принять начальство лишь надъ отдѣльнымъ отрядомъ и лишь недавно только былъ утвержденъ въ званіи главнокомандующаго. Армія, съ которою онъ выступилъ, состояла изъ милиціи, изъ новобранцевъ, никогда не видавшихъ ружья, изъ мирныхъ гражданъ—прямо отъ сохи. Рискъ былъ чрезвычайный, успѣхъ сомнительный: это была воистину жертва для великой цѣли. Создавъ армію, обучивъ ее, устроивъ и направивъ по возможности, генералъ Черняевъ сталъ оперировать тверже, смѣлѣе. Ему удалось одержать весьма значительную побѣду. Въ послѣднее время онъ долженъ былъ отступить передъ напоромъ втрое сильнѣйшаго непріятеля. Но онъ отступилъ сохранивъ армію, неразбитый, сильный, вовремя, и занялъ крѣпкую позицію, которую не осмѣлились атаковать «побѣдители». Если судить по настоящему, генералъ Черняевъ едва только лишь начинаетъ свои главныя дѣйствія. Армія его, впрочемъ, не можетъ уже болѣе ждать ни откуда поддержки, тогда какъ непріятельская можетъ чрезвычайно еще возрости въ силахъ. Ктому-же, политическія соображенія сербскаго правительства могутъ сильно помѣшать ему довести свое дѣло до конца. Тѣмъ не менѣе, это лицо уже обозначилось твердо и ясно: военный талантъ его безспоренъ, а характеромъ своимъ и высокимъ порывомъ души онъ, безъ сомнѣнія, стоитъ на высотѣ русскихъ стремленій и цѣлей. Но объ генералѣ Черняевѣ еще вся рѣчь впереди. Замѣчательно, что съ отъѣзда своего въ Сербію, онъ въ Россіи пріобрѣлъ чрезвычайную популярность, его имя стало народнымъ. И не мудрено: Россія понимаетъ, что онъ началъ и повелъ дѣло, совпадающее съ самыми лучшими и сердечными ея желаніями,—и поступкомъ своимъ заявилъ ея желанія Европѣ. Что-бы ни вышло потомъ, онъ можетъ уже гордиться своимъ дѣломъ, а Россія не забудетъ его и будетъ любить его.

Digitized by Google

СЕНТЯБРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Piccola bestia.

Лѣтъ семь тому назадъ мнѣ случилось провести все лѣто, вплоть до сентября, во Флоренціи. По мнѣнію итальянцевъ, Флоренція—лѣтомъ самый жаркій, а зимою самый холодный городъ во всей Италіи. Лѣто въ Неаполѣ они считаютъ несравненно болѣе сноснымъ, чѣмъ во Флоренціи. И вотъ, разъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ моей квартирѣ, которую я нанималъ отъ хозяевъ, случился переполохъ,—ко мнѣ вдругъ ворвались, съ криками, двѣ служанки, съ хозяйкой во главѣ: видѣли, какъ сейчасъ только въ мою комнату вбѣжала изъ корридора piccola bestia, и ее надо было сыскать и истребить во что-бы то ни стало. Piccola bestia—это тарантулъ. И вотъ, пустились искать подъ стульями, подъ столами, по всѣмъ угламъ, въ мебели, начали выметать изъ подъ шкаповъ, принялись топать ногами, чтобъ испугать его и тѣмъ выманить; наконецъ бросились въ спальню, начали искать подъ кроватью, въ кровати, въ бѣльѣ и... не нашли. Его сыскали лишь на другой день поутру, когда выметали комнату, и ужь конечно сейчасъ-же казнили, но за то передъ этимъ ночь мнѣ все-таки пришлось провести въ моей постелѣ съ чрезвычайно непріятнымъ сознаніемъ, что въ комнатѣ, вмѣстѣ со мною, ночуетъ и piccola bestia. Укушеніе тарантула, говорятъ, рѣдко бываетъ смертельно, хотя я и зналъ уже одинъ случай, въ мое время въ Семипалатинскѣ, ровно пятнадцать лѣтъ до Флоренціи, когда отъ укушенія тарантула умеръ одинъ линейскій казакъ, несмотря на леченіе. Большею-же частію отдѣлываются горячкой, или просто лихорадочными припадками, а въ Италіи, гдѣ

Digitized by Google

столько лекарей, можетъ быть, и еще легче обходится дѣло; не знаю, я не медикъ, а, все-таки, ночевать было жутко. Сначала я отгонялъ мысль, даже смѣялся, припомнилъ и прочелъ наизусть, засыпая, нравоучительную басню Кузьмы Пруткова: «Кондукторъ и тарантулъ» (верхъ совершенства въ своемъ родѣ), потомъ заснулъ. Но сны были рѣшительно нехорошіе. Тарантулъ не снился вовсе, но снилось что-то другое, пренепріятное, тяжелое, кошмарное, съ частыми пробужденіями, и только поутру, когда встало солнце, я заснулъ лучше. Этотъ маленькій старый анекдотъ знаете почему мнѣ теперь припомнился? По поводу Восточнаго вопроса!.. Впрочемъ, я самъ даже не удивляюсь: вѣдь чего-чего не пишутъ и не говорятъ теперь по поводу Восточнаго вопроса!

Мнѣ кажется вотъ что: съ Восточнымъ вопросомъ забѣжала въ Европу какая-то piccola bestia и мѣшаетъ успокоиться всѣмъ добрымъ людямъ, всѣмъ любящимъ миръ, человѣчество, процвѣтаніе его, всѣмъ, — жаждущимъ той свѣтлой минуты, въ которую кончится, наконецъ-то, *хоть эта* первоначальная, грубая рознь народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вдуматься, то иногда *кажется*, что съ окончательнымъ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса, кончится и всякая прочая политическая рознь въ Европѣ, что въ этой формулѣ: Восточный вопросъ—заключаются, и, можетъ быть, себѣ невѣдомо, и всѣ остальные политическіе вопросы, недоумѣнія и предразсудки Европы. Однимъ словомъ, наступило-бы нѣчто очень новое, а для Россіи такъ совсѣмъ другой фазисъ, ибо слишкомъ ясно ужь теперь, что лишь съ окончательнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса Россія могла-бы, наконецъ, поладить съ Европой въ первый разъ въ своей жизни, и наконецъ-то, стать ей понятной. И вотъ, всему-то этому счастью и мѣшаетъ какая-то piccola bestia. Она и всегда была, но съ Восточнымъ вопросомъ она уже забѣгаетъ въ самыя комнаты. Всѣ ждутъ, всѣ безпокоятся, надъ всѣми какой-то кошмаръ, всѣ видятъ дурные сны. Кто-же или что-же такое эта piccola bestia, которая производитъ такую сумятицу,—это невозможно опредѣлить, потому что наступаетъ какое-то общее безуміе. Всякій представляетъ ее себѣ по своему и никто не понимаетъ другъ друга. И, однако, всѣ какъ будто уже укушены. Укушеніе это производитъ немедленно самые чрезвычайные припадки: всѣ въ Европѣ сейчасъ-же какъ будто перестаютъ понимать другъ друга, какъ при Вавилонской башнѣ; даже всякій про себя перестаетъ понимат чего хочетъ. Въ одномъ лишь всѣ соединяются: всѣ тотчасъ у зываютъ на Россію, всякій увѣренъ, что вредный гадъ каждый ра выбѣгаетъ оттуда. А между тѣмъ въ одной Россіи лишь все свѣт и ясно, кромѣ, разумѣется, великой скорби о восточныхъ слав

Digitized by Google

скихъ братьяхъ ея—скорби, однако-же, освѣщающей душу и возвышающей сердце. Въ Россіи съ Восточнымъ вопросомъ каждый разъ происходитъ нѣчто совершенно обратное, чѣмъ въ Европѣ: всѣ тотчасъ-же начинаютъ понимать другъ друга яснѣе, всякій вѣрно чувствуетъ, чего хочетъ, и всѣ чувствуютъ, что согласны другъ съ другомъ; послѣдній мужикъ понимаетъ, чего надо ему желать, точно также какъ и самый образованный человѣкъ. Всѣхъ немедленно единитъ прекрасное и великодушное чувство безкорыстной и великодушной помощи распинаемымъ на крестѣ своимъ братьямъ. Но Европа не вѣритъ этому, не вѣритъ ни благородству Россіи, ни ея безкорыстію. Вотъ особенно въ этомъ-то «безкорыстіи» и вся неизвѣстность, весь соблазнъ, все главное, сбивающее съ толку обстоятельство, всѣмъ противное, всѣмъ ненавистное обстоятельство, а потому ему никто и не хочетъ вѣрить, всѣхъ какъ-то тянетъ ему не вѣрить. Не будь «безкорыстія»—дѣло мигомъ стало-бы въ десять разъ проще и понятнѣе для Европы, а съ безкорыстіемъ — тьма, неизвѣстность, загадка, тайна! О, въ Европѣ укушенные! И ужь конечно вся эта тайна заключена, по понятію укушенныхъ, въ одной Россіи, которая никому-де однако, ничего не хочетъ открыть, а идетъ къ какой-то своей цѣли, твердо, неустанно, всѣхъ обманывая, коварно и тихомолкомъ. Двѣсти уже лѣтъ живетъ Европа съ Россіей, насильно заставившей принять себя въ европейскій союзъ народовъ, въ цивилизацію; но Европа всегда косилась на нее, предчувствуя недоброе, какъ на роковую загадку, Богъ знаетъ откуда явившуюся и которую надо, однако-же, разрѣшить во что-бы то ни стало. И вотъ, каждый разъ, именно съ Восточнымъ вопросомъ, эта неизвѣстность, это недоумѣніе Европы на счетъ Россіи усиливается до болѣзни, а, между тѣмъ, ничего не разрѣшается: «Кто-же и что-же это, наконецъ, такое и когда мы это, наконецъ, узнаемъ? Кто они, эти русскіе? Азіяты, татары? хорошо, кабы такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло стало-бы ясно; но нѣтъ; то-то и есть, что нѣтъ, то-то и есть, что про себя мы должны сознаться, что нѣтъ. А, между тѣмъ, они такъ съ нами не схожи... И что такое это единеніе славянъ? На что оно, съ какими цѣлями? Что скажетъ, что можетъ сказать намъ новаго это опасное объединеніе»?—Кончаютъ тѣмъ, что разрѣшаютъ на свой аршинъ, по прежнему, по всегдашнему: «Захватъ, дескать, означаетъ, завоеваніе, безчестность, коварство, будущее истребленіе цивилизаціи, объединившаяся орда монгольская, татары»!..

И, однако-же, даже самая ненависть къ Россіи не въ силахъ соединить вполнѣ укушенныхъ: каждый разъ, съ Восточнымъ вопросомъ вся Европа изъ видимаго цѣлаго, тотчасъ-же и слишкомъ

Digitized by Google

ужь явно, начинаетъ распадаться на свои личные, отдѣльно—національные эгоизмы. Все тутъ выходитъ изъ ложной идеи, что кто-то хочетъ что-то захватить и заграбить: «такъ вотъ-бы и мнѣ; а то всѣ тащутъ, а мнѣ ничего!» Такъ что всякій разъ, съ появленіемъ на сценѣ этого роковаго вопроса, разбаливаются и начинаютъ нарывать и всѣ прежнія застарѣлыя политическія распри и боли Европы. А потому всѣмъ естественно хочется затушить вопросъ, хоть на время; главное—затушить въ Россіи, какъ нибудь отвернуть отъ него Россію, какъ нибудь заговорить, заколдовать, запугать ее.

И вотъ, виконтъ Биконсфильдъ, урожденный израиль (né d'Israeli), въ рѣчи своей на одномъ банкетѣ, вдругъ открываетъ Европѣ одну чрезвычайную тайну: всѣ эти русскіе, съ Черняевымъ во главѣ, бросившіеся въ Турцію спасать славянъ, — все это лишь русскіе соціалисты, коммунисты и коммунары,—однимъ словомъ, все, что было разрушительныхъ элементовъ въ Россіи и которыми, будто-бы, начинена Россія. «Мнѣ-то вы можете повѣрить, вѣдь я Биконсфильдъ, премьеръ, какъ называютъ меня въ русскихъ газетахъ, для приданья статьямъ ихъ важности; я первый министръ, у меня секретные документы, стало быть, знаю лучше чѣмъ вы, я очень многое знаю»—вотъ что̀ просвѣчиваетъ въ каждой фразѣ этого Биконсфильда. Я увѣренъ, что онъ самъ себѣ выдумалъ и сочинилъ эту альбомную фамилію, напоминающую нашихъ Ленскихъ и Греминыхъ, когда выпрашивалъ себѣ дворянство у королевы; вѣдь онъ романистъ. Кстати, когда я, нѣсколько строкъ выше, писалъ о таинственной piccola bestia, мнѣ вдругъ подумалось: ну что, если читатель вообразитъ, что я хочу въ этой аллегоріи изобразить виконта Биконсфильда? Но увѣряю, что нѣтъ: piccola bestia — это только идея, а не лицо, да и слишкомъ много было-бы чести господину Биконсфильду, хотя надо признаться, что на piccola bestia онъ очень похожъ. Провозгласивъ въ своей рѣчи, что Сербія, объявивъ войну Турціи, сдѣлала поступокъ безчестный и что война, которую ведетъ теперь Сербія, есть война безчестная, и плюнувъ, такимъ образомъ, почти прямо въ лицо всему русскому движенію, всему русскому одушевленію, жертвамъ, желаніямъ, мольбамъ, которыя не могли-же быть ему неизвѣстны — этотъ израиль, этотъ новый въ Англіи судья чести, продолжаетъ такъ (я передаю не буквально):

«Россія, конечно, рада была сбыть всѣ эти разрушительные свои элементы въ Сербію, хотя упустила изъ вида, что они тамъ сплотятся, сростутся, сговорятся, получатъ организацію, доростутъ до силы... «Эту новую, грозящую силу надо замѣтить Европѣ» на-

Digitized by Google

пираетъ Биконсфильдъ, грозя англійскимъ фермерамъ будущимъ соціализмомъ Россіи и Востока. «Замѣтятъ и въ Россіи эту мою инсинуаціонную фразу о соціализмѣ»—тутъ-же думаетъ онъ, конечно, про себя,—«надо и Россію пугнуть».

Паукъ, паукъ, piccola bestia; дѣйствительно, ужасно похожъ; дѣйствительно маленькая мохнатая bestia! И вѣдь какъ шибко бѣгаетъ! Вѣдь это избіеніе болгаръ—вѣдь это онъ допустилъ, куда—самъ и сочинилъ; вѣдь онъ романистъ и это его chef-d'oeuvre. А вѣдь ему семьдесятъ лѣтъ, вѣдь скоро въ землю—и самъ это знаетъ. И вѣдь какъ обрадовался, должно быть, своему виконтству; непремѣнно всю жизнь мечталъ о немъ, когда еще романы писалъ. Во что̀ эти люди вѣруютъ, какъ они засыпаютъ ночью, какіе имъ сны снятся, что̀ дѣлаютъ они наединѣ съ своею душою? О, души ихъ навѣрно полны изящнаго!.. Сами они кушаютъ ежедневно такіе прелестные обѣды, въ обществѣ такихъ тонкихъ и остроумныхъ собесѣдниковъ, по вечерамъ ихъ ласкаютъ въ самомъ изящнѣйшемъ и въ самомъ высокомъ обществѣ такія прелестныя леди,—о, жизнь ихъ такъ благообразна, пищевареніе ихъ удивительное, сны легки, какъ у младенцевъ. Недавно я читалъ, что баши-бузуки распяли на крестахъ двухъ священниковъ,—и тѣ померли черезъ сутки, въ мукахъ, превосходящихъ всякое воображеніе. Биконсфильдъ хоть и отрицалъ вначалѣ въ парламентѣ всякія муки, даже самыя маленькія, но ужь, конечно, про себя все это знаетъ, даже и объ этихъ двухъ крестахъ, «вѣдь, у него документы». Безо всякаго сомнѣнія, онъ оттоняетъ отъ себя эти пустыя, дрянныя и даже грязныя, неприличныя картины; но эти два черные, скорченные на крестахъ трупа, могутъ, вѣдь, вдругъ вскочить въ голову, въ самое неожиданное время, ну, напримѣръ, когда Биконсфильдъ, въ своей богатой спальнѣ, готовится отойти ко сну, съ ясной улыбкой припоминая только что проведенный блестящій вечеръ, балъ, и всѣ эти прелестныя остроумныя вещи, которыя онъ сказалъ тому-то или той-то.

— Что-же, подумаетъ Биконсфильдъ, эти черные трупы на этихъ крестахъ... гм... оно, конечно... А впрочемъ, «государство не частное лицо; ему нельзя изъ чувствительности жертвовать своими интересами, тѣмъ болѣе, что въ политическихъ дѣлахъ самое великодушіе никогда не бываетъ безкорыстное». «Удивительно, какія прекрасныя бываютъ изрѣченія, думаетъ Биконсфильдъ,—«освѣжающія даже, и главное, такъ складно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь государство... А я лучше, однако-же, лягу... Гм. Ну, и что-же такое эти два священника? Попа? По ихнему это попы, les popes. Вольно-же было подвертываться; ну, спрятались-бы тамъ куда нибудь... подъ диванъ... Mais, avec votre permission, messieurs les deux crucifiés,

Digitized by Google

вы мнѣ нестерпимо надоѣли съ вашимъ глупымъ приключеніемъ et je vous souhaite la bonne nuit à tous les deux».

И Биконсфильдъ засыпаетъ, сладко, нѣжно. Ему все снится, что онъ виконтъ, а кругомъ него розы и ландыши и прелестнѣйшія леди. Вотъ онъ говоритъ прелестнѣйшую рѣчь: какія bonmots! всѣ апплодируютъ, вотъ онъ только что раздавилъ коалицію...

И вотъ всѣ эти наши капитаны и маіоры, старые севастопольцы и кавказцы, въ своихъ измятыхъ, ветхихъ сюртучкахъ, съ бѣлымъ крестикомъ въ петличкѣ (такъ многихъ изъ нихъ описывали)—все это соціалисты! Выпьютъ-то изъ нихъ иные, конечно; мы про это слышали, слабъ на это служивый человѣкъ, но вѣдь это вовсе не соціализмъ. За то посмотрите, какъ онъ умретъ въ сраженіи, какимъ щеголемъ, какимъ героемъ, впереди своего батальона, славя русское имя, и примѣромъ своимъ даже трусовъ-новобранцевъ преобразуя въ героевъ! Такъ это соціалистъ по вашему? Ну, а эти два юноши, которыхъ привела обоихъ за руки мать (былъ, вѣдь, и этотъ случай)—это коммунары? А этотъ старый воинъ съ семью сыновьями,— ну, неужели ему сжечь Тюльери хочется? Эти старые солдатики, эти казаки съ Дона, эти партіи русскихъ, прибывающія съ санитарными отрядами и съ походными церквами, — неужели они спятъ и видятъ, какъ-бы разстрѣлять архіепископа? Эти Кирѣевы, эти Раевскіе,—все это разрушительные элементы наши, которыхъ должна трепетать Европа? А Черняевъ, этотъ наивнѣйшій изъ героевъ, и въ Россіи бывшій издатель «Русскаго Міра» — онъ-то и есть предводитель русскаго соціализма? Тьфу, какъ неправдоподобно! Если-бъ Биконсфильдъ зналъ, какъ это по русски выйдетъ нескладно и... стыдно, то, можетъ быть, не рѣшился-бы ввернуть въ свою рѣчь такое глупое мѣсто.

II.

Слова, слова, слова!

Нѣсколько мнѣній, нашихъ и европейскихъ, о разрѣшеніи Восточнаго вопроса, рѣшительно удивительны. Кстати, въ газетномъ мірѣ есть и у насъ какъ-бы укушенные. О, не буду перебирать всѣхъ моихъ впечатлѣній, устану Одна «административная автономія» способна устроить у васъ параличъ въ мозгу. Видите-ли, если сдѣлать такъ, чтобы дать Болгаріи, Герцеговинѣ, Босніи одинаковыя права съ населеніемъ мусульманскимъ, и тутъ-же найти способъ, какъ-бы

Digitized by Google

или права обезпечить,—«то мы рѣшительно не видимъ, почему-бы не кончиться Восточному вопросу» и т. д., и т. д. Мнѣніе это, какъ извѣстно, пользуется особымъ авторитетомъ въ Европѣ. Однимъ словомъ, представляютъ такую комбинацію, осуществить которую труднѣе, чѣмъ вновь создать всю Европу, или отдѣлить воду отъ земли, или все что угодно, а между тѣмъ думаютъ, что дѣло рѣшили, и спокойны, и довольны. Нѣтъ-съ, Россія согласилась на это лишь *въ принципѣ*, а за исполненіемъ хотѣла сама присмотрѣть, и *по своему*, и ужь конечно не дала-бы вамъ погрѣть руки, г. г. фразеры. «Дать автономію? Найти комбинацію?» — да вѣдь какъ-же это сдѣлать, кто можетъ это дать и сдѣлать? Кто станетъ слушаться и кто заставитъ слушаться? Наконецъ, кто управляетъ Турціей, какія партіи и силы? Есть-ли даже въ Константинополѣ, который все-же *образованнѣе*, чѣмъ остальные турки, хоть единый турокъ, который въ самомъ дѣлѣ, по внутреннему убѣжденію своему, могъ-бы наконецъ признать христіанскую райю до того себѣ равноправною, чтобъ могло выйти изъ этой «автономіи» хоть что нибудь въ самомъ дѣлѣ? Я говорю: «хоть единый человѣкъ»... А если такъ, если нѣтъ даже единаго, то какъ вести съ такимъ народомъ переговоры и договоры? — «Устроить надзоръ, найти комбинацію»—возражаютъ путеводители. А нуте-ка найдите комбинацію! Есть вопросы, имѣющіе уже такое свойство въ себѣ, что ихъ никакъ нельзя разрѣшить именно такъ, какъ непремѣнно тянетъ всѣхъ разрѣшить ихъ въ данный моментъ. Гордіевъ узелъ нельзя было распутать пальцами, а между тѣмъ всѣ ломали голову, какъ-бы его распутать именно пальцами; но пришелъ Александръ—и разсѣкъ узелъ мечомъ, тѣмъ и разрѣшилъ загадку.

Но вотъ еще, напримѣръ, одно газетное мнѣніе; впрочемъ, не одно газетное: это старинное, дипломатическое мнѣніе, а также мнѣніе множества ученыхъ, профессоровъ, фельетонистовъ, публицистовъ, романистовъ, западниковъ, славянофиловъ и проч., и проч., именно: что Константинополь, въ концѣ концовъ, будетъ никому не принадлежать, что это будетъ нѣчто въ родѣ вольнаго города, международнаго, однимъ словомъ, въ родѣ какого-то «общаго мѣста». Охранять-же его будетъ европейское равновѣсіе и т. д. Однимъ словомъ, вмѣсто простаго, прямаго и яснаго рѣшенія, единственно возможнаго, является какая-то сложная и неестественная ученая комбинація. Но спросить только: что такое европейское равновѣсіе? Равновѣсіе это предполагалось до сихъ поръ между нѣсколькими наиболѣе могучими европейскими державами,—ну, пятью напримѣръ, равнаго вѣса (то есть, предполагалось такъ сказать изъ деликатности что они равнаго вѣса). И вотъ, пять волковъ разлягутся кругомъ, а

Digitized by Google

въ срединѣ ихъ лакомый кусокъ (Константинополь) и всѣ пятеро только и дѣлаютъ, что оберегаютъ одинъ отъ другаго добычу. И это называется шедэвромъ, мейстерштюкомъ разрѣшенія вопроса! Но разрѣшаетъ-ли это хоть что-нибудь? Ужь одно то, что все основано на первобытной нелѣпицѣ, на фактѣ фантастическомъ и никогда не существовавшемъ, на фактѣ даже ненатуральномъ—на равновѣсіи. Существовало-ли когда нибудь политическое равновѣсіе на свѣтѣ въ самомъ дѣлѣ? Положительно нѣтъ! Это только хитрая формула, созданная въ свое время хитрыми людьми, чтобъ надувать простячковъ. Россія хоть и не простячокъ, но честный человѣкъ, а потому всѣхъ чаще, кажется, вѣрила въ ненарушимость истинъ и законовъ этого равновѣсія, и много разъ искренно сама исполняла ихъ, и служила имъ охранительницей. Въ этомъ смыслѣ Россію Европа чрезвычайно нагло эксплуатировала. За то, изъ остальныхъ равновѣсящихъ, кажется, никто не думалъ объ этихъ равновѣсныхъ законахъ серьезно, хотя до времени и исполнялъ формалистику, но лишь до времени: когда, по разсчетамъ, выдавался успѣхъ—всякій нарушалъ это равновѣсіе, ни объ чемъ не заботясь. Комичнѣе всего то, что всегда сходило съ рукъ и всегда тотчасъ-же наступало опять «равновѣсіе». Когда-же случалось и Россіи, — не нарушить что-нибудь, а лишь чуть-чуть подумать о своемъ интересѣ, — то тотчасъ-же всѣ остальныя равновѣсія соединялись въ одно и двигались на Россію: «нарушаешь-де равновѣсіе». Ну, вотъ то-же самое будетъ и при международномъ Константинополѣ: будутъ лежать пять волковъ, скаля другъ на друга зубы, и каждый про себя изобрѣтая комбинацію: какъ-бы соединиться съ сосѣдями и какъ-бы, истребивъ остальныхъ волковъ, повыгоднѣе раздѣлить кусокъ. Неужто это есть разрѣшеніе? Между тѣмъ, между волками—охранителями происходятъ тоже своего рода новыя комбинаціи: вдругъ одинъ какой-нибудь изъ пяти волковъ, да еще самый сѣрый, въ одинъ день, въ одинъ часъ, какимъ-нибудь такимъ несчастнымъ для него случаемъ, обращается изъ волка въ крошечную комнатную собаченку, даже совсѣмъ ужь и не лающую. Вотъ ужь и потрясеніе въ равновѣсіи! Мало того, можетъ случиться въ будущемъ Европы, что изъ пяти равновѣсныхъ силъ могутъ образоваться просто на просто только двѣ, и тогда, — гдѣ тогда ваша комбинація, господа мудрецы?.. Кстати, я-бы осмѣлился выговорить одну аксіому: «никогда не будетъ такого момента въ Европѣ, такого въ ней политическаго состоянія вещей, чтобы Константинополь *не былъ чьимъ-нибудь*, т. е. не принадлежалъ-бы кому-нибудь». Вотъ эта аксіома и мне кажется—не возможно, чтобъ было иначе. Если-же позволите мне пошутить, то вѣрнѣе всего развѣ то, что въ самую послѣднюю

Digitized by Google

рѣшительную минуту, Константинополь вдругъ захватятъ англичане, какъ захватили они Гибралтаръ, Мальту и пр. И именно тогда, когда державы будутъ все еще думать о равновѣсіи. Именно эти самые англичане, съ такимъ материнскимъ участіемъ оберегающіе теперь неприкосновенность Турціи, пророчествующіе ей возможность великой будущности, цивилизаціи, вѣрящіе въ ея живыя начала,— именно они-то, когда увидятъ, что дѣло дошло до порога, именно они-то и скушаютъ султана и Константинополь. Это такъ въ ихъ характерѣ, въ ихъ направленіи, такъ сходно съ ихъ всегдашнею наглою дерзостью, съ ихъ насиліемъ, съ ихъ ехидностью! Удержатся-ли въ Константинополѣ, какъ въ Гибралтарѣ, это другой вопросъ! Все это, конечно, теперь только шутка, я и выдаю какъ за шутку, но не худо-бы, однако, эту шутку запомнить: ужасно похожа на правду...

III.

Комбинаціи и комбинаціи.

Итакъ, въ рѣшеніе Восточнаго вопроса допускаются всѣ комбинаціи, кромѣ самой ясной, самой здравой, самой простой и естественной. Даже такъ можно сказать: чѣмъ неестественнѣе предполагается разрѣшеніе, тѣмъ скорѣе и схватится за него общественное и общее мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, еще одна «неестественность»: предполагается, что «если-бы Россія заявила вслухъ о своемъ безкорыстіи на всю Европу, то дѣло было-бы разомъ разрѣшено и покончено». Но—блаженъ кто вѣруетъ! Да если-бъ Россія не только объявила, а и доказала-бы даже, de facto, свое безкорыстіе, то это, можетъ быть, еще пуще смутило-бы Европу. Ну, что-жь такое, что мы ничего не возьмемъ себѣ, «облагодѣтельствуемъ» и уйдемъ назадъ, ничѣмъ не пòпользовавшись, а только лишь доказавъ Европѣ наше безкорыстіе. Да Европѣ это тѣмъ даже хуже: «Чѣмъ безкорыстнѣе ты ихъ облагодѣтельствовала, тѣмъ пуще доказала имъ, что не посягаешь на ихъ независимость; тѣмъ довѣрчивѣе, тѣмъ преданнѣе станутъ они къ тебѣ,—все равно какъ за солнце будутъ впредь почитать тебя, за верхъ, за зенитъ, за Имперію. И что-жь, что они будутъ автономны, а не твоими подданными: за то, въ душѣ признаютъ себя твоими подданными, безсознательно даже признавать будутъ, невольно» Вотъ эта-то неминуемость нравственнаго пріобщенія славянъ къ Россіи, рано-ли, поздно-ли, эта

Digitized by Google

такъ сказать, естественность, законность этого ужаснаго для Европы факта и составляетъ кошмаръ ея, ея главныя опасенія въ будущемъ. Съ ея стороны только силы и комбинаціи, а съ нашей стороны—законъ природы, естественность, родственность, правда; за кѣмъ-же, стало быть, будущее славянскихъ земель?

А, между тѣмъ, есть именно въ Европѣ одна комбинація, основанная на совершенно противуположномъ началѣ и до того *вѣроятная*, что, можетъ быть, будетъ имѣть даже будущность. Эта новая комбинація тоже англійскаго издѣлія; это—такъ сказать, поправка всѣхъ ошибокъ и промаховъ торійской партіи. Основана она на томъ, чтобъ немедленно облагодѣтельствовать славянъ самой Англіей, но съ тѣмъ, однако, чтобъ подѣлать изъ нихъ, навѣки вѣчные, враговъ и ненавистниковъ Россіи. Предполагается отказаться, наконецъ, отъ турокъ, уничтожить турокъ, какъ людей отпѣтыхъ и ни на что неспособныхъ и изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова составить союзъ съ центромъ въ Константинополѣ. Освобожденные и благодарные славяне естественно потянутся къ Англіи, какъ къ своей спасительницѣ и освободительницѣ, а она «откроетъ тогда имъ глаза на Россію»: «Вотъ, дескать, вашъ злѣйшій врагъ; она, подъ видомъ заботъ о васъ, спитъ и видитъ, какъ-бы васъ проглотить и лишить васъ неминуемой, славной политической будущности вашей». Такимъ образомъ, когда славяне увѣрятся въ коварствѣ Россіи, то составятъ тотчасъ-же новый и сильнѣйшій оплотъ противъ нея и—«не видать тогда Россіи Константинополя, не пустятъ они ее туда никогда!»

Хитрѣе и, на первый взглядъ, мѣтче трудно что и придумать. Главное—такъ просто и основано на существующемъ фактѣ. Про фактъ этотъ уже я заговаривалъ прежде, вскользь. Состоитъ онъ въ томъ, что въ части славянской интеллигенціи, въ нѣкоторыхъ высшихъ представителяхъ и предводителяхъ славянъ, существуетъ дѣйствительно затаенная недовѣрчивость къ цѣлямъ Россіи, а потому даже враждебность къ Россіи и русскимъ. О, я не про народъ говорю, не про массу. Для народовъ славянскихъ, для сербовъ, для черногорцевъ—Россія все еще солнце, все еще надежда, все еще другъ, мать и покровительница ихъ, будущая освободительница! Но интеллигенція славянская—дѣло другое. Разумѣется я говорю не про всю интеллигенцію; я не осмѣлюсь и не позволю себѣ сказать про всѣхъ; «но *хоть далеко не всѣ*, но, однако-же, даже изъ самыхъ министерскихъ ихнихъ головъ» (какъ выразился я въ августовскомъ моемъ «Дневникѣ») найдутся такія, которым только и мерещится, что Россія коварна, спитъ и видитъ, какъ-бы

Digitized by Google

ихъ отвоевать и проглотить». Нечего скрывать намъ отъ самихъ себя, что насъ, русскихъ, очень даже многіе изъ образованныхъ славянъ, можетъ быть, даже и вовсе не любятъ. Они, напримѣръ, все еще считаютъ насъ, сравнительно съ собой, необразованными, чуть не варварами. Они далеко не очень интересуются нашими успѣхами гражданской жизни, нашимъ внутреннимъ устройствомъ, нашими реформами, нашей литературой. Развѣ ужь очень ученые изъ нихъ знаютъ про Пушкина, но и изъ знающихъ врядъ-ли найдется ужь очень много такихъ, которые согласятся признать его за великаго славянскаго генія. Очень многіе изъ образованныхъ чеховъ увѣрены, напримѣръ, что у нихъ было уже сорокъ такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ. Кромѣ того, всѣ эти славянскія отдѣльности, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ теперь, — политически самолюбивы и раздражительны, какъ націи неопытныя и жизни незнающія. Между такими англійская комбинація могла-бы имѣть успѣхъ, если-бъ могла пойти въ ходъ. И трудно представить, почему-бы ей не пойти, если-бъ, съ побѣдою въ Англіи виговъ, дошла и до нея очередь. А, между тѣмъ, сколько въ ней искусственности, неестественности, невозможности, лжи!

Во первыхъ, какъ соединить такія несходныя разнородности Балканскаго полуострова, да еще съ центромъ въ Константинополѣ? Тутъ Греки, Славяне, Румыны. Чей будетъ Константинополь? Общій. Вотъ и рознь и свара, хоть у грековъ съ славянами на первый случай (если предположить даже, что славяне будутъ всѣ въ согласіи). Скажутъ: можно поставить главу, основать имперію, — такъ, кажется, и предполагается въ мечтахъ проэкта. Но кто-же императоромъ, — славянинъ, грекъ, ужь не изъ Габсбургскаго-ли дома? Во всякомъ случаѣ, тотчасъ-же начнутся дуализмы, бифуркаціи. Главное, греческій и славянскій элементы не соединимы: оба элемента эти съ огромными, совсѣмъ несоизмѣримыми и фальшивыми мечтами, каждый о предстоящей ему собственной славной политической будущности. Нѣтъ, Англія, если ужь разъ-бы захотѣла рѣшиться оставить турокъ, то устроитъ все это прочнѣе. Вотъ тутъ-то, мнѣ кажется, и могла-бы произойти та комбинація, которую я, выше, назвалъ шуткой, т. е. Англія сама проглотитъ Константинополь «для блага, дескать, славянъ». «Я изъ васъ, славяне, составлю на Сѣверѣ союзъ и оплотъ противъ сѣвернаго колосса, чтобъ не пустить его въ Константинополь, потому что—разъ онъ захватитъ Константинополь, то захватитъ и всѣхъ васъ. Тогда и не будетъ у васъ никакой славной политической будущности. Не безпокойтесь и вы, греки, Константинополь вашъ; я именно хочу, чтобъ онъ былъ вашъ, а для того и занимаю его. Я только,

Digitized by Google

чтобъ его Россіи не дать. Славяне его съ Сѣвера защитятъ, а я съ моря—и никого не пустимъ. Я-же только временно постою въ Константинополѣ, пока вы укрѣпитесь и пока изъ васъ составится уже твердая и зрѣлая союзная имперія. А до тѣхъ поръ я ваша руководительница и оборона. Мало-ли гдѣ я ни стояла, у меня и Гибралтаръ, и Мальта; воротила-же я Іоническіе острова»...

Однимъ словомъ, если это издѣлье виговъ могло-бы получить ходъ, то, повторяю, трудно сомнѣваться въ успѣхѣ, но, конечно, лишь на время. Мало того, это время могло-бы, пожалуй, протянуться и на много лѣтъ, но... тѣмъ неминуемѣе все это и сокрушится, когда придетъ къ тому натуральный предѣлъ, и ужь тогда-то—крушеніе будетъ окончательное, потому что вся эта комбинація основана лишь на клеветѣ и на неестественности.

Ложь въ томъ, что оклеветана Россія. Никакой туманъ не устоитъ противъ лучей правды. Поймутъ когда нибудь даже и народы славянскіе всю правду русскаго безкорыстія, а къ тому времени восполнится и духовное ихъ единеніе съ нами. Вѣдь, дѣятельное единеніе наше съ славянами началось чрезвычайно недавно, но теперь — теперь оно уже никогда не остановится и все будетъ продолжаться болѣе и болѣе. Славяне увѣрятся, наконецъ, если-бъ состоялась даже всевозможная клевета, въ русской родственной любви къ нимъ. На нихъ подѣйствуетъ неотразимое обаяніе великаго и мощнаго русскаго духа, какъ начала имъ родственнаго. Они почувствуютъ, что нельзя имъ развиться духовно въ мелкихъ объединеніяхъ, сварахъ и завистяхъ, а лишь всецѣло, всеславянски. Огромность и могущество русскаго единенія не будутъ уже смущать и пугать ихъ, а, напротивъ, привлекутъ ихъ неотразимо, какъ къ центру, какъ къ началу. Единство вѣры тоже послужитъ чрезвычайною связью. Русская вѣра, русское православіе есть все, что только русскій народъ считаетъ за свою святыню; въ ней его идеалы, вся правда и истина жизни. А славянскіе народы—чѣмъ и единились, чѣмъ и жили, какъ не вѣрой своей, во времена страданій своихъ подъ мусульманскимъ четырехвѣковымъ игомъ? Они столько за нее вынесли мученій, что она ужь этимъ однимъ должна быть имъ дорога. Наконецъ, за Славянъ пролита уже русская кровь, а кровь не забывается никогда. Хитрые люди все это просмотрѣли. Возможность оклеветать славянамъ Россію ободряетъ ихъ успѣхомъ и вѣрой въ крѣпость успѣха. Но такой успѣхъ не вѣковѣченъ. Временно-же, повторяю, онъ могъ-бы осуществиться. Комбинація эта рѣшительно можетъ получить ходъ, если восторжествуютъ виги и это надо-бы имѣть въ виду. Англичане рѣшатся на нее просто чтобъ предупредить Россію, когда

Digitized by Google

прійдетъ крайній срокъ: «сами, дескать, съумѣемъ облагодѣтельствовать».

Кстати, о пролитой крови. А что̀, если наши добровольцы, хоть и безъ объявленія Россіей войны, разобьютъ, наконецъ, турокъ и освободятъ славянъ? Русскихъ добровольцевъ, какъ слышно, столько прибываетъ изъ Россіи, а пожертвованія до того идутъ непрерывно, что, подконецъ, если такъ продолжится, у Черняева, можетъ быть, и впрямь составится цѣлая армія русскихъ. Во всякомъ случаѣ, Европа и ея дипломаты были-бы очень удивлены такимъ результатомъ: «Если ужь одни добровольцы ихъ одолѣли турокъ, что-жь было-бы, если-бъ вся Россія ополчилась?» Безъ такого разсужденія не обошлось-бы въ Европѣ.

Дай Богъ успѣха русскимъ добровольцамъ; а слышно, русскихъ офицеровъ убиваютъ опять въ битвахъ десятками. Милые!

Нелишнее сдѣлать и еще одно маленькое замѣчаньице, и, по моему, довольно настоятельное. Въ нашихъ газетахъ, по мѣрѣ наплыва русскихъ добровольцевъ въ Сербію и многочисленныхъ геройскихъ смертей ихъ въ сраженіяхъ, открыта недавно еще новая рубрика пожертвованій: «*Въ пользу семействъ русскихъ людей, павшихъ на войнѣ съ турками, за освобожденіе балканскихъ славянъ*»—и пожертвованія начали стекаться. Въ «Голосѣ» уже собрано на эту рубрику до трехъ тысячъ рублей, и чѣмъ больше будутъ жертвовать, тѣмъ, конечно, будетъ лучше. Несовсѣмъ хорошо только то, что, по моему, эта формула пожертвованій—составлена не въ достаточной полнотѣ. Вспоможенія собираются лишь для семействъ русскихъ людей, *павшихъ* на войнѣ и т. д. А для семействъ искалѣченныхъ? Неужели этимъ ничего не достанется? А вѣдь этимъ семействамъ, можетъ быть, труднѣе, чѣмъ павшихъ. Павшій ужь палъ и его оплакиваютъ, а этотъ воротился калѣкой, безъ ногъ, безъ рукъ, или такъ израненый, что здоровье его постоянно будетъ требовать съ этой поры и усиленнаго ухода и врачебной помощи. Кромѣ того, хоть и искалѣченный, а, все-таки, онъ ѣстъ и пьетъ, стало быть, прибавился въ бѣдномъ семействѣ лишній ротъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, въ этой рубрикѣ есть и еще одна весьма ошибочная неопредѣленность: «*Въ пользу семействъ русскихъ людей, павшихъ*» и т. д. Но, вѣдь, есть семейства достаточныя или мало нуждающіяся, есть и совсѣмъ бѣдныя, очень нуждающіяся. Если всѣмъ раздавать, то мало останется совсѣмъ уже бѣднымъ; а потому, мнѣ кажется, всю эту рубрику можно-бы было передѣлать хоть такъ: «*Въ пользу нуждающихся семействъ русскихъ людей, павшихъ или искалѣченныхъ въ войнѣ съ турками, за освобожденіе балканскихъ славянъ*». Впрочемъ, я

Digitized by Google

выставляю лишь идею; а если удастся кому нибудь формулировать и еще точнѣе, то тѣмъ, конечно, лучше. Желательно-бы только, чтобъ эта рубрика пожертвованій наполнялась быстрѣе и обильнѣе. Она чрезвычайно полезна, совершенно необходима и можетъ имѣть большое нравственное вліяніе на сражающихся за русскую идею великодушныхъ добровольцевъ нашихъ.

IV.

Халаты и мыло.

Между сужденіями о Восточномъ вопросѣ, я встрѣтилъ одинъ уже совершенный курьезъ. Какъ-то разъ, недавно, въ заграничной прессѣ появилась странная вещь: Въ горячихъ почти фантастическихъ представленіяхъ принялись воображать, что̀ станется со всѣмъ міромъ, если уничтожить Турцію совсѣмъ и выдвинуть ее обратно въ Азію. Выходило, что будетъ бѣда, страшное потрясеніе. Предсказывали даже, что въ Азіи, гдѣ нибудь въ Аравіи, явится новый калифатъ, воскреснетъ вновь фанатизмъ и мусульманскій міръ низринется опять на Европу. Болѣе глубокіе мыслители ограничивались лишь мнѣніемъ, что взять-де и выселить этакъ всю націю изъ Европы въ Азію—вещь невозможная и вообще немыслимая. Когда я читалъ все это, мнѣ почему-то было очень удивительно; но я все еще не догадывался въ чемъ дѣло. И вдругъ понялъ, что всѣ эти дипломаты-мечтатели и въ самомъ дѣлѣ ставятъ вопросъ въ буквальномъ смыслѣ, то есть, что, какъ будто, дѣло идетъ и въ самомъ дѣлѣ о томъ, чтобъ, уничтоживъ Турецкую имперію политически, дѣйствительно, буквально, вещественно взять и перевезти всѣхъ турокъ куда нибудь туда, въ Азію. Какъ могло зародиться такое понятіе—рѣшительно не понимаю; по крайней мѣрѣ, на банкетахъ и митингахъ этимъ несомнѣнно стращали народъ: будетъ-де страшное потрясеніе, бѣда. Между тѣмъ, мнѣ кажется, ровно ничего не могло-бы быть и рѣшительно ни одного таки турка не пришлось-бы переселить въ Азію. У насъ въ Россіи уже разъ случилось нѣчто въ этомъ-же родѣ. Когда кончилась татарская Орда, усилилось вдругъ Казанское царство, и до того наконецъ, что одно время даж трудно-бы было предсказать: за кѣмъ останется русская земля,— за христіанствомъ или мусульманствомъ? Это царство владычеств вало надъ тогдашнимъ Востокомъ Россіи, сносилось съ Астраханы держало въ рукахъ Волгу, а съ боку Россіи объявился у него в

Digitized by Google

ликолѣпный союзникъ, ханъ Крымской орды, страшный разбойникъ и грабитель, отъ котораго много досталось Москвѣ. Дѣло было настоятельное — и молодой царь Иванъ Васильевичъ, тогда еще не Грозный, рѣшилъ кончить съ этимъ тогдашнимъ Восточнымъ вопросомъ и взять Казань.

Осада была ужасная,—и Карамзинъ описалъ ее потомъ чрезвычайно краснорѣчиво. Казанцы защищались какъ отчаянные, превосходно, упорно, устойчиво, выносливо. Но вотъ взорвали подкопы и пустили толпы на приступъ, — взяли Казань! Что-жь, какъ поступилъ царь Иванъ Васильевичъ, войдя въ Казань? Истребилъ-ли ея жителей поголовно, какъ потомъ въ Великомъ Новгородѣ, чтобъ и впредь не мѣшали? Переселилъ-ли казанцевъ куда нибудь въ степь, въ Азію? Ничуть; даже ни одного татарченка не выселилъ, все осталось по прежнему, и геройскіе, столь опасные прежде казанцы, присмирѣли на вѣки. Произошло-же это самымъ простымъ и сообразнымъ образомъ: только что овладѣли городомъ, какъ тотчасъ-же и внесли въ него икону Божьей Матери и отслужили въ Казани молебенъ, въ первый разъ съ ея основанія. Затѣмъ заложили православный храмъ, отобрали тщательно оружіе у жителей, поставили русское правительство, а царя Казанскаго вывезли куда слѣдовало,— вотъ и все; и все это совершилось въ одинъ даже день. Немного спустя—и казанцы начали намъ продавать халаты, еще немного— стали продавать и мыло. (Я думаю, что это произошло именно въ такомъ порядкѣ, т. е. сперва халаты, а потомъ ужь мыло). Тѣмъ дѣло и кончилось. Точь въ точь и точно также дѣло кончилось-бы и въ Турціи, если-бъ пришла благая мысль уничтожить, наконецъ, этотъ калифатъ политически.

Во первыхъ, тотчасъ-же-бы отслужили молебенъ въ Святой Софіи; затѣмъ патріархъ освятилъ-бы вновь Софію; изъ Москвы, я думаю въ тотъ-же день подоспѣлъ-бы колоколъ, султана-бы вывезли куда слѣдуетъ,—и тѣмъ все-бы и кончилось. Правда, есть у турокъ одинъ законъ, почти что догматъ корана, именно: что одинъ только мусульманинъ можетъ и долженъ носить оружіе, а райя нѣтъ. Въ послѣднее время стали позволять они и райѣ имѣть оружіе, но за большую лишь пошлину, такъ что и новый доходъ государственный выдумали — и носящихъ оружіе вышло, всетаки, сравнительно чрезвычайно мало. Ну, такъ вотъ развѣ этотъ только одинъ законъ можно-бы было въ самый первый день, т. е. въ день перваго молебна въ Святой Софіи, измѣнить обратно, въ томъ смыслѣ, что только райя можетъ и долженъ носить оружіе, а мусульманинъ ни за что и даже за пошлину. Ну, вотъ и все обезпеченіе тишины—и увѣряю, что больше ровно ничего и не надо. Про-

Digitized by Google

шло-бы немного — и турки тотчасъ-же принялись-бы намъ продавать халаты, а еще немного—и мыло, и, можетъ быть, даже лучше казанскаго. Что-же до земледѣлія, до табачнаго и виноградного производствъ, то всѣ эти части, при новыхъ порядкахъ и новыхъ законахъ, поднялись-бы, думаю, съ такой быстротой, съ такимъ успѣхомъ, что ужь конечно, мало по малу, выплатили-бы наконецъ даже и неоплатные долги прошлаго турецкаго государства Европѣ. Однимъ словомъ, ровно ничего-бы не вышло, кромѣ самаго хорошаго и самаго подходящаго, ни самомалѣйшаго потрясенія, и, повторяю, ни единаго даже турчонка не пришлось-бы выселить изъ Европы...

И на Востокѣ ничего-бы не произошло. Калифатъ-то, пожалуй, гдѣ нибудь и объявился-бы, гдѣ нибудь въ азіатской степи, въ пескахъ; но, чтобъ низринуться на Европу, въ нашъ вѣкъ потребно столько денегъ, столько орудій новаго образца, столько ружей, заряжающихся съ казенной части, столько обоза, столько предварительныхъ фабрикъ и заводовъ, что не только мусульманскій фанатизмъ, но даже самый англійскій фанатизмъ не въ состояніи былъ-бы ничѣмъ помочь новому калифату. Однимъ словомъ, рѣшительно ничего не будетъ, кромѣ хорошаго. И дай-бы Богъ поскорѣе это хорошее, а то, вѣдь, такъ много дурнаго!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Застарѣлые люди.

Всякая высшая и единящая мысль и всякое вѣрное единящее всѣхъ чувство — есть величайшее счастье въ жизни націй. Это счастье посѣтило насъ. Мы не могли не ощутить всецѣло нашего умножившагося согласія, разъясненія многихъ прежнихъ недоумѣній, усилившагося самосознанія нашего».

Вотъ что высказалъ я въ заключительной статьѣ прошлаго августовскаго моего «Дневника»,—и вѣрую, что не ошибся. Вѣрное единящее чувство въ жизни націй—есть дѣйствительно счастье. Если въ чемъ я и ошибся, такъ это въ томъ, развѣ, что, можетъ быть, нѣсколько преувеличилъ степень нашего «умножившагося согласія и самосознанія». Но и въ этомъ я еще не готовъ уступить. Кто любитъ Россію, у того давно уже болѣло сердце за то разъ-

Digitized by Google

диненіе высшихъ слоевъ русскихъ людей съ низшими, съ народомъ и съ народною жизнью, которое, какъ существующій фактъ, не подвержено теперь ничьему сомнѣнію. Вотъ это-то разъединеніе отчасти подалось и ослабѣло, по моему взгляду, съ настоящимъ всерусскимъ движеніемъ нынѣшняго года по поводу славянскаго дѣла. Конечно, возможности нѣтъ представить себѣ, чтобъ разрывъ нашъ съ народомъ былъ-бы уже совершенно покончен и излеченъ. Онъ продолжается и будетъ долго еще продолжаться, но такія историческія минуты, какъ пережитыя нами въ нынѣшнемъ году, безъ сомнѣнія, способствуютъ и «умножившемуся согласію, и разъясненію недоумѣній», — однимъ словомъ, способствуютъ нашему болѣе ясному пониманію народа и русской жизни—съ одной стороны, а съ другой—болѣе близкому знакомству и самаго народа съ странными, какъ-бы чужими людьми для него, какъ будто и не русскими,—съ «господами», какъ называетъ онъ насъ и доселѣ.

Надо признаться, что народъ и теперь, во всемъ этомъ общерусскомъ движеніи этого года, выказалъ себя съ болѣе здравой, точной и ясной стороны, чѣмъ многіе изъ интеллигентнаго нашего класса. У народа высказалось чувство прямое, простое и сильное, воззрѣніе твердое и — главное, съ удивительною общностью и согласіемъ. Тамъ даже и спора не возникало о томъ: «за что именно помогать славянамъ? Надо-ли помогать? Кому лучше и больше помогать, а кому не помогать совсѣмъ? Не испортимъ-ли мы какимъ нибудь случаемъ нашей нравственности и не повредимъ-ли нашему гражданскому развитію тѣмъ, что слишкомъ ужь будемъ помогать? Съ кѣмъ, наконецъ, намъ воевать, да и нужно-ли воевать?» и пр., и пр. Однимъ словомъ, тысяча недоумѣній, которыя посѣтили, однако-же, нашу интеллигенцію. Особенно въ иныхъ отдѣленіяхъ нашей высшей интеллигенціи, именно тамъ, гдѣ на народъ до сихъ поръ смотрятъ еще свысока, презирая его съ высоты европейскаго образованія (иногда совсѣмъ мнимаго), тамъ, въ этихъ высшихъ «отдѣльностяхъ», обнаружилось довольно чрезвычайныхъ диссонансовъ, нетвердость взгляда, странное непониманіе иногда самыхъ простыхъ вещей, почти смѣшное колебаніе въ томъ, что дѣлать и чего не дѣлать, и пр., и пр. «Помогать или не помогать славянамъ? А если помогать, то за что именно помогать—и за что будетъ нравственнѣе и красивѣе помогать: за то или за это?» Всѣ эти черты, иногда до странности поражавшія, проявились дѣйствительно, слышались въ разговорахъ, выказались въ фактахъ, отразились въ литературѣ. Но ни одной статьи въ этомъ родѣ не читалъ я удивительнѣе статьи «Вѣстника Европы», за сентябрь мѣсяцъ сего года, въ отдѣлѣ «Внутренняго обозрѣнія». Статья именно

Digitized by Google

трактуетъ о настоящемъ текущемъ русскомъ движеніи, по поводу братской помощи угнетеннымъ славянамъ, и тщится бросить на этотъ предметъ взглядъ какъ можно глубокомысленнѣе. Это мѣсто статьи, касающееся русскаго народа и общества невелико—четыре или пять страничекъ, а потому я и позволю себѣ прослѣдить эти странички, такъ сказать, по порядку, разумѣется, не все выписывая. По моему, эти странички чрезвычайно любопытны и составляютъ, такъ сказать, въ своемъ родѣ документъ. Цѣль моего поступка опредѣлится сама собой въ концѣ этой предпринятой мною работы, такъ что, я думаю даже и не надо будетъ выводить особаго нравоученія.

Впрочемъ, въ видѣ самаго краткаго предувѣдомленія замѣчу лишь то, что авторъ статьи принадлежитъ, какъ это слишкомъ ясно, къ тому устарѣвшему теоретическому западничеству, которое, четверть вѣка тому назадъ, составляло въ нашемъ обществѣ, такъ сказать, зенитъ интеллигентныхъ силъ нашихъ; теперь-же до того устарѣло, что въ чистомъ, первобытномъ своемъ состояніи встрѣчается въ видѣ большой уже рѣдкости. Это, такъ сказать, обломки, послѣдніе Могикане теоретическаго, оторвавшагося отъ народа и жизни, русскаго европейничанья, которое, хотя и имѣло, въ свою очередь, когда-то, свою необходимую причинность существованія, тѣмъ не менѣе, оставило по себѣ, мимо однако-же и своего рода пользы, чрезвычайно много самаго вреднаго, предразсудочнаго вздора, продолжающаго вредить и до сихъ поръ. Главная историческая польза этихъ людей была отрицательная и состояла въ крайности ихъ выводовъ и окончательныхъ приговоровъ, (ибо были они столь надменны, что приговаривали не иначе, какъ окончательно), въ тѣхъ послѣднихъ столпахъ, до которыхъ доходили они въ изступленныхъ своихъ теоріяхъ. Эта крайность невольно способствовала отрезвленію умовъ и повороту къ народу, къ соединенію съ народомъ. Теперь, послѣ всей этой четверти вѣка и послѣ множества новыхъ, прежде неслыханныхъ фактовъ, добытыхъ уже практическимъ изученіемъ русской жизни,—эти «послѣдніе Могикане» старыхъ теорій невольно представляются въ комическомъ видѣ, несмотря даже на ихъ усиленно почтенную осанку. Главная-же смѣшная черта ихъ въ томъ, что они все еще продолжаютъ считать себя молодыми и единственными хранителями и, такъ сказать, «носителями указаній» тѣхъ путей, по которымъ слѣдовало-бы, по ихъ мнѣнію, идти настоящей русской жизни. Но отъ жизни этой они до того уже отстали, что рѣшительно перестаютъ узнавать ее; а потому и живутъ въ совершенно фантастическомъ мірѣ. Вотъ почему чрезвычайно любопытно и назидательно, въ минуту какого нибудь сильнаго обще-

Digitized by Google

ственнаго одушевленія, прослѣдить, до какой степени этотъ теоретическій европеизмъ фальшиво разъединился съ народомъ и обществомъ, до какой степени взгляды его и рѣшенія, въ иную чрезвычайную минуту общественной жизни хотя и по прежнему надменны и высокомѣрны, въ сущности—слабы, шатки, темны и ошибочны, сравнительно съ ясными, простыми, твердыми и непоколебимыми выводами народнаго чувства и разума. Но обратимся, однако, къ статьѣ.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость автору статьи; онъ признаетъ, то есть, соглашается признать и народное, и общественное движеніе въ пользу славянъ, признаетъ его даже достаточно искреннимъ. Конечно, еще-бы онъ не призналъ его!.. но, все-же для такого застарѣлаго «европейца», какъ нашъ авторъ, это заслуга немалая. А, между тѣмъ, онъ все какъ-бы чѣмъ-то недоволенъ, ему почему-то не нравится, что это движеніе началось. Правда, онъ прямо не высказывается, что недоволенъ тѣмъ что движеніе началось, но за то брюзжитъ и придирается къ подробностямъ. Мнѣ кажется, Грановскій, одинъ изъ самыхъ чистѣйшихъ и первоначальныхъ представителей теоретическаго западничества нашего, тоже писавшій въ свое время о Восточномъ вопросѣ и о тогдашнемъ, впрочемъ лишь нѣсколько подобномъ настоящему, народномъ движеніи въ войну 54—56 годовъ (см. мою статью о Грановскомъ въ августовскомъ моемъ «Дневникѣ»)—Грановскій, говорю я, мнѣ кажется, былъ-бы тоже недоволенъ нашимъ теперешнимъ народнымъ движеніемъ, и ужь, конечно, предпочелъ-бы видѣть скорѣе народъ нашъ по прежнему въ видѣ неподвижной косной массы, чѣмъ проявляющимся въ такихъ отчасти даже неразвитыхъ и, такъ сказать, первобытныхъ формахъ, не подходящихъ къ нашему европейскому вѣку. И, вообще, всѣ эти прежніе старые теоретики, хоть и любили народъ (хотя, впрочемъ, намъ это не очень извѣстно), но любили его до того лишь въ теоріи, то есть, до того въ тѣхъ мечтательныхъ представленіяхъ и формахъ, въ которыхъ желали-бы его видѣть, что въ сущности, какъ-бы даже и не любили его вовсе. Впрочемъ, въ оправданіе ихъ, надо признаться, что они никогда и не знали народа вовсе, да и не находили нужнымъ знать его и съ нимъ знаться. Они не то что *извращали факты*, а просто не понимали ихъ совсѣмъ, такъ что много, слишкомъ много разъ чистѣйшее золото народнаго духа, смысла и глубокаго, чистѣйшаго чувства причислялось ими прямо къ пошлости, невѣжеству и тупому народному русскому безсмыслію. Проявись народъ передъ ними чуть-чуть не въ тѣхъ видахъ и образахъ, въ которыхъ имъ нравилось, (большею частью, въ видѣ французской парижской черни), и

Digitized by Google

они, можетъ, отказались-бы отъ него вовсе. «Прежде всего надо устранить всякую мысль что война эта священная», восклицаетъ Грановскій въ своей брошюрѣ о Восточномъ вопросѣ, — «нынѣ де на Крестовый походъ никого не подымешь, не тотъ вѣкъ нынче, никто не двинется на освобожденіе гроба Господня» и т. д. и т. д. Точь въ точь и теоретикъ «Вѣстника Европы»: ему тоже не нравятся рубрики, онъ придирается къ нимъ. Ему очень не нравится напримѣръ, что народъ нашъ и общество жертвуютъ не подъ той рубрикой какъ-бы ему хотѣлось. Онъ хочетъ взгляда болѣе, такъ сказать, подходящаго къ нашему вѣку, болѣе просвѣщеннаго. Но мы опять отступили въ сторону.

Пропускаемъ начало этого мѣста статьи о русскомъ движеніи въ пользу славянъ — начало очень характерное въ своемъ родѣ, но мы не можемъ останавливаться на каждой строчкѣ. Вотъ что говоритъ авторъ далѣе.

II.

Кифо-Мокіевщина.

Нельзя, впрочемъ, отрицать, что среди многочисленныхъ заявленій, появлявшихся по этому дѣлу въ нашихъ газетахъ, были нѣкоторыя странныя и безтактныя, не говоря уже о тѣхъ, въ которыхъ виднѣлось желаніе слишкомъ выставить свою личность, такъ какъ это не важно, мы должны указать на тѣ въ которыхъ обнаруживался сыскъ по части чувствъ русскихъ гражданъ невеликоруссовъ. Эта нехорошая привычка, къ сожалѣнію, все еще не оставила насъ, а, по самой сущности дѣла, о которомъ говорилось, требовалась особая осторожность въ отношеніи всѣхъ національностей, входящихъ въ общую русскую народность. Замѣтимъ еще, что вообще движенію въ пользу славянъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ вѣроисповѣдный характеръ, безпрестанно упоминая о „нашихъ единовѣрцахъ". Для возбужденія русскаго общества къ оказанію славянамъ помощи, совершенно достаточны тѣ мотивы, которые могутъ соединять всѣхъ русскихъ гражданъ— и излишни тѣ мотивы, которые могутъ разъединять ихъ. Если мы будемъ объяснять себѣ наше сочувствіе къ славянамъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они наши единовѣрцы, то какъ-же мы должны будемъ относиться къ тѣмъ изъ нашихъ мусульманъ, которые стали-бы собирать пожертвованія въ пользу турокъ или заявили-бы желаніе ѣхать въ турецкую армію... Безпокойство, обнаружившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, должно напомнить намъ, что православный великоруссъ живетъ въ семьѣ, что онъ не единственный, хотя и старшій сынъ Россіи".

Digitized by Google

Довольно было-бы и одного этого мѣста, чтобъ указать, до какого разрыва съ общественнымъ смысломъ и до какой праздной «Кифо-мокіевщины» можетъ договориться въ наше время застарѣлый въ своемъ упорствѣ теоретическій европеизмъ иного прежняго «носителя указаній». Авторъ задаетъ намъ и его самого мучатъ вопросы, удивляющіе своею придуманностью и дѣланностью, самою фантастическою теоретичностью и, главное, совершенною ихъ безцѣльностью. «Если-де мы будемъ жертвовать изъ единовѣрія, то какъ-же мы будемъ относиться къ тѣмъ изъ нашихъ мусульманъ, которые стали-бы собирать пожертвованія въ пользу турокъ или заявили-бы желаніе ѣхать въ турецкую армію?» Ну, возможенъ-ли тутъ какой нибудь вопросъ и возможно-ли тутъ хоть какое нибудь колебаніе въ отвѣтѣ? Всякій простой, неизломаный русскій человѣкъ тотчасъ-же дастъ вамъ самый точный отвѣтъ. Да и не одинъ русскій человѣкъ, а и всякій европеецъ, всякій сѣверо-американецъ вамъ дастъ на это самый ясный отвѣтъ; развѣ, только, что европеецъ оглядитъ васъ, прежде отвѣта, съ крайнимъ удивленіемъ. Замѣтимъ, кстати и вообще, что наше русское западничество, т. е., европейничанье, укрѣпляясь на русской землѣ, принимаетъ, мало по малу, и весьма часто далеко не европейскій оттѣнокъ, такъ что иную европейскую идею, занесенную къ намъ иными «хранителями указаній», иногда даже и узнать нельзя вовсе — до того измѣнится она, перемалываясь въ русскихъ теоріяхъ и въ приложеніи къ русской жизни, которую, вдобавокъ, теоретикъ не знаетъ вовсе, да и знать ее не находитъ нужнымъ. «Какъ будемъ мы, видите-ли, относиться къ тѣмъ изъ нашихъ мусульманъ, которые» и т. д. Да очень просто: во первыхъ, если ужь мы будемъ въ войнѣ съ турками, а наши татары, напримѣръ, начнутъ помогать туркамъ деньгами или пойдутъ въ ихъ ряды, то еще прежде того какъ отнесется къ нимъ общество, само правительство, думаю, отнесется къ нимъ, какъ къ государственнымъ измѣнникамъ, и ужь, конечно, съумѣетъ ихъ остановить вовремя. Во вторыхъ, если война еще не будетъ объявлена, а турки начнутъ рѣзать славянъ, которымъ всѣ русскіе равно сочувствуютъ, то, въ случаѣ, если начались-бы пожертвованія, деньгами или людьми, русскихъ мусульманъ въ пользу турокъ,—неужели вы думаете, что кто-нибудь изъ русскихъ могъ-бы отнестись къ такому факту безъ оскорбленнаго чувства и безъ негодованія?.. По вашему, вся бѣда въ вѣроисповѣдномъ характерѣ пожертвованій, т. е., если ужь русскій сталъ помогать славянину, *какъ единовѣрцу*, то какъ-же можетъ онъ, не нарушая гражданской равноправности и справедливости, запретить такое-же пожертвованіе и русскому татарину въ пользу еди-

Digitized by Google

повѣрца своего—турка? Напротивъ, очень можетъ и имѣетъ на то самое полное право, потому что русскій, помогая славянину противъ турокъ, даже и въ мысли не имѣетъ стать врагомъ татарина и пойти на него войной, тогда какъ татаринъ, помогая туркѣ, разрываетъ съ Россіей, становится измѣнникомъ Россіи, и, становясь въ ряды турокъ, идетъ прямо на нее войной. Кромѣ того, вѣдь если я, русскій, пожертвую въ пользу славянина, воюющаго съ туркомъ, хотя-бы даже и изъ единовѣрія, то, вѣдь, побѣды ему желаю надъ туркомъ вовсе не потому, что тотъ мусульманинъ, а потому лишь что тотъ рѣжетъ славянина, тогда какъ татаринъ, переходя къ туркѣ, можетъ это сдѣлать единственно лишь изъ той причины, что я христіанинъ и что, будто-бы, хочу истребить мусульманство, тогда какъ я вовсе не хочу истреблять мусульманства, а лишь единовѣрца своего защитить... Помогая славянину, я не только не нападаю на вѣру татарина, но мнѣ и до мусульманства-то самого турки нѣтъ дѣла: оставайся онъ мусульманиномъ, сколько хочетъ, лишь-бы славянъ не трогалъ. Тутъ скажутъ, пожалуй: «Если ты помогаешь единовѣрцу противъ турокъ, то ужь тѣмъ самымъ и идешь противъ русскаго татарина и противъ вѣры его, потому что у нихъ шаріатъ, а султанъ есть калифъ всѣхъ мусульманъ. Райя-же, уже по самому корану, не можетъ быть свободенъ и не можетъ быть равноправенъ мусульманину; помогая-же ему стать равноправнымъ, русскій тѣмъ самымъ, въ глазахъ всякаго мусульманина, идетъ уже не на турокъ, а и на все мусульманство». Но, въ такомъ случаѣ, зачинщикъ религіозной войны уже татаринъ, а не я, и, согласитесь, что это уже совсѣмъ другаго рода возраженіе и что тутъ ужь никакими хитростями и никакими рубриками не поможешь... Вы, вотъ, думаете, что вся бѣда отъ единовѣрія, и что если-бъ я скрылъ отъ татарина, что помогаю славянину, какъ единовѣрцу, а, напротивъ, выставилъ-бы на видъ, что помогаю славянину подъ какою-нибудь другою рубрикой, ну, напримѣръ, изъ-за того, что тотъ угнетенъ туркой, лишенъ свободы — «сего перваго блага людей», то татаринъ мнѣ и повѣритъ? Напротивъ, смѣю васъ завѣрить, что въ глазахъ какого-бы то ни было мусульманина, помогать райѣ противъ мусульманъ, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ — есть совершенно все одно, какъ-бы я пошолъ помогать райѣ за вѣру. Неужели вы этого не знали? А, между тѣмъ, вы именно пишете: «Для возбужденія русскаго общества къ оказанію славянамъ помощи совершенно достаточны тѣ мотивы, которые могутъ соединять всѣхъ русскихъ гражданъ, и излишни тѣ мотивы, которые могутъ разъединять ихъ»... Это вы написали именно про единовѣріе, какъ про

Digitized by Google

разъединяющій мотивъ, и про русскихъ мусульманъ—и тутъ-же сейчасъ это и разъяснили. Вы предлагаете «борьбу за свободу», какъ лучшій и высшій предлогъ или «мотивъ», какъ вы выражаетесь, для русскихъ пожертвованій въ пользу славянъ, и, по видимому, совершенно убѣждены, что «борьба славянъ за свободу» очень понравится татарину и въ высшей степени его успокоитъ. Но, опять-таки, увѣряю васъ, что для русскаго мусульманина, если ужь онъ такой, что рѣшится пойти помогать туркамъ—всѣ мотивы равны, и что, подъ какой-бы рубрикой ни началась война, въ его глазахъ она, все-таки, будетъ религіозная. Но вѣдь русскій не виноватъ, что татаринъ такъ понимаетъ...

III.

Продолженіе предъидущаго.

Мнѣ даже очень досадно, что я долженъ былъ такъ распространиться. Если-бъ возможна была когда нибудь война Франціи съ Турціей и приэтомъ заволновались-бы принадлежащіе Франціи мусульмане, алжирскіе арабы, то неужели вы думаете, что французы не усмирили-бы ихъ тотчасъ-же самымъ энергическимъ образомъ? И стали-бы они деликатничать и позорно прятать свои лучшіе и благороднѣйшіе «мотивы», изъ опасенія, чтобъ мусульмане ихъ какъ-нибудь не обидѣлись и не оскорбились! Вы пишете самымъ величавымъ образомъ нравоученіе для всей Россіи: «Безпокойство, обнаружившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа (NB кстати, сами, стало быть, заявляете, что безпокойство было), должно напомнить намъ, что православный великоруссъ живетъ въ семьѣ, что онъ не единственный, хотя и старшій сынъ Россіи». Положимъ, что это величаво сказано, но что-жь, однако, великоруссу-то дѣлать въ томъ случаѣ, если-бъ, дѣйствительно, кавказцы заволновались? Чѣмъ виноватъ этотъ старшій сынъ въ семьѣ, что мусульманинъ-кавказецъ, этотъ младшій сынъ въ семьѣ, такъ воспріимчивъ на счетъ своей вѣры и съ такими понятіями, что, идя противъ турокъ, старшій сынъ идетъ уже и противъ него и всего мусульманства?... Вы тревожитесь, чтобы «старшій братъ въ семьѣ» (великоруссъ) не оскорбилъ какъ нибудь сердца младшаго брата (татарина или кавказца). Какая, въ самомъ дѣлѣ, гуманная и полная просвѣщеннаго взгляда тревога! Вы напираете на то, что православный великоруссъ не «единственный, хотя и старшій—сынъ Россіи». Позвольте,

Digitized by Google

что-жь это такое? Русская земля принадлежитъ русскимъ, *однимъ* русскимъ, и есть земля русская и *ни клочка въ ней нѣтъ татарской земли*. Татары, бывшіе мучители земли русской, на этой землѣ пришлецы. Но, усмиривъ ихъ, отвоевавъ у нихъ назадъ свою землю и завоевавъ ихъ самихъ, русскіе не отомстили татарину за двухвѣковое мучительство, не унизили его, подобно какъ мусульманинъ-турка измучилъ и унизилъ райю, ничѣмъ и прежде его не обидѣвшаго,—а, напротивъ, далъ ему съ собой такое полное гражданское равноправіе, котораго вы, можетъ быть, не встрѣтите въ самыхъ цивилизованныхъ земляхъ столь просвѣщеннаго, по вашему, Запада. Даже, можетъ быть, русскій мусульманинъ пользовался иногда и высшими льготами противъ самого русскаго, противъ самого владѣтеля и хозяина русской земли... Вѣру татарина никогда тоже не унижалъ русскій, никогда не притѣснялъ и не гналъ, и—повѣрьте, что нигдѣ на Западѣ и даже въ цѣломъ мірѣ не найдете вы такой широкой, такой гуманной вѣротерпимости, какъ въ душѣ настоящаго русскаго человѣка. Повѣрьте тоже, что скорѣй ужь татаринъ любитъ сторониться отъ русскаго (именно, вслѣдствіе своего мусульманства), а не русскій отъ татарина. Въ этомъ всякій васъ увѣритъ, кто жилъ подлѣ татаръ. Тѣмъ не менѣе, хозяинъ земли русской — есть одинъ лишь Русскій (великоруссъ, малоруссъ, бѣлоруссъ—это все одно)—и такъ будетъ навсегда, и ужь если православному русскому придетъ нужда воевать съ мусульманами-турками, то вѣрьте, что никогда русскій не позволитъ кому-бы то ни было сказать себѣ на своей землѣ Veto! Деликатничать-же съ татарами до такой степени, что бояться смѣть обнаружить передъ ними самыя великодушныя и невольныя чувства, вовсе никому не обидныя—чувства состраданія къ измученному славянину, хотя-бы какъ и къ единовѣрцу,—кромѣ того, всячески прятать отъ татарина все то, что составляетъ назначеніе, будущность и, главное, задачу русскаго,—вѣдь, это есть требованіе смѣшное и унизительное для русскаго... Чѣмъ я оскорбляю татарина, что сочувствую моей вѣрѣ и единовѣрцамъ, чѣмъ гоню его вѣру? И чѣмъ я виноватъ, что, въ его понятіяхъ, всякая наша война съ турками принимаетъ непремѣнно характеръ вѣроисповѣдный? Не можетъ-же русскій измѣнить основныя понятія всего мусульманства. Вы говорите: «ну, такъ деликатничай, секретничай, старайся не оскорбить»... Но, позвольте, если ужь онъ такъ чувствителенъ, то вѣдь онъ, пожалуй, можетъ вдругъ оскорбиться и тѣмъ, что на той-же улицѣ, гдѣ стоитъ его мечеть, стоитъ и наша православная церковь,—такъ ужь не снести-ли ее съ мѣста, чтобы онъ не оскорбился? Вѣдь не бѣжать-же русскому изъ своей земли? Не залѣзть-же куда-

Digitized by Google

нибудь подъ столъ, чтобъ было не слышно и не видно, изъ за того, что въ русской землѣ младшій братъ—татаринъ живетъ!..

Вы что-то заговорили про «*сыскъ*». «Мы должны-де указать на тѣ (статьи въ русскихъ газетахъ), въ которыхъ обнаружился *сыскъ* по части чувствъ русскихъ гражданъ невеликоруссовъ. Эта нехорошая привычка, къ сожалѣнію, все еще не оставила насъ, а, по самой сущности дѣла, о которомъ говорилось, требовалась особая осторожность въ отношеніи всѣхъ національностей, входящихъ въ общую русскую народность». Какая-же это наша привычка? Смѣю васъ увѣрить, что это лишь фальшивая нота стараго теоретическаго либеральничанья, не умѣющаго и приложить-то съ толкомъ вывезенной изъ Европы либеральной идеи. Нѣтъ-съ, не намъ съ вами учить народъ вѣротерпимости или читать ему лекціи о свободѣ совѣсти. Въ этомъ отношеніи онъ и васъ, и всю Европу поучитъ. Впрочемъ, вы говорите о газетахъ, о русской журналистикѣ. Такъ что-жь это за сыскъ? И какую *нашу привычку*, столь укоренившуюся, вы такъ оплакиваете? Привычку сыска въ нашей литературѣ? Но это тоже фантазія теоретическаго либерализма, неоправдывающаяся дѣйствительностью. Увѣряю васъ, что у насъ никогда и ни на кого не доносили въ литературѣ ни за вѣру, ни даже за какія нибудь мѣстно-патріотическія чувства. Если-же и были когда нибудь частные случаи, то они дотого уединенны и исключительны, что грѣшно и стыдно возводить ихъ въ общее правило: «дескать, привычка эта все еще насъ не оставила». Да и что такое доносъ или сыскъ? Есть факты, про которые ужь нельзя не говорить. Не знаю, про какія статьи вы говорите и на что намекаете. Помню, читалъ я кое-что про волненія начинавшагося фанатизма на Кавказѣ; такъ вѣдь вы и сами сейчасъ-же написали объ этихъ волненіяхъ въ смыслѣ *дѣйствительно совершившагося факта*. Заѣзжали тоже, говорятъ, изъ Турціи, проповѣдники фанатизма и въ Крымъ; но были-ли эти волненія въ самомъ дѣлѣ, или вовсе не были, я, въ настоящемъ случаѣ, разбирать не буду, да, по правдѣ, и самъ не знаю навѣрно. Я только спрошу васъ: неужели-же, если-бъ какая-нибудь изъ газетъ сообщила про подобный слухъ или уже фактъ, такъ ужь это могло-бы назваться «сыскомъ по части чувствъ нашихъ иновѣрцевъ?» Ну, положимъ, что эти факты волненій случились-бы дѣйствительно, какъ-же объ нихъ умолчать, да еще газетѣ, которая и вообще на томъ стоитъ, чтобъ извѣщать о фактахъ? Вѣдь она тѣмъ предупреждаетъ опасность. Вѣдь если молчать и дать развиться дѣлу, то есть фанатизму, то вѣдь пострадаютъ и фанатики, и тѣ изъ русскихъ, которые живутъ подлѣ нихъ. Вотъ если газета *умышленно* приведетъ фальшивые факты, чтобъ

Digitized by Google

донести правительству и возбудить преслѣдованія, то тогда, конечно, былъ-бы сыскъ и доносъ, но вѣдь если факты вѣрны, то объ нихъ молчать, что-ли? Да и кто гналъ у насъ когда инородцевъ за ихъ вѣру и даже за ихъ иныя «вѣроисповѣдныя чувства», или даже просто за чувства, хотя-бы и въ самомъ широкомъ смыслѣ слова? Напротивъ, на этотъ счетъ у насъ почти всегда бывало даже и очень слабенько, совсѣмъ, напримѣръ, не такъ, какъ въ иныхъ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ Европы. Что-же до вѣроисповѣдныхъ чувствъ, то у насъ и раскольниковъ-то ужь теперь почти никто не гонитъ, а не то что инородцевъ, и если было въ послѣднее время нѣсколько рѣдкихъ, совсѣмъ единичныхъ, случаевъ преслѣдованія штундистовъ, то эти случаи тотчасъ-же и рѣзко осуждались всей нашей прессой. Кстати, ужь не согласиться-ли намъ съ иными германскими газетами, обвинявшими насъ и обвиняющими даже теперь, въ томъ, что мы терзаемъ и преслѣдуемъ нашихъ остзейскихъ нѣмцевъ — за ихъ вѣру и *чувства*!.. Очень, очень жаль, что вы не указали статьи и не привели факта, чтобъ ужь было точно извѣстно про какіе именно сыски вы говорите. Надо знать и понимать употребленіе словъ и не шутить такими словами какъ «сыскъ».

Главное, вамъ не нравится эта рубрика: «единовѣріе». Помогай, дескать, изъ другихъ мотивовъ, а не изъ единовѣрія. Но ужь, во первыхъ, то, что это «мотивъ» не сочиненный, не подысканный, а самъ явившійся, самъ сказавшійся и сказавшійся всѣми разомъ. Это мотивъ историческій и *исторія* эта тянется до сихъ поръ. «*Не надо*-де движенію въ пользу славянъ придавать вѣроисповѣдный характеръ, безпрерывно упоминая о «нашихъ единовѣрцахъ»— пишете вы. Но что-же дѣлать съ исторіей и съ живой жизнью: надо или не надо придавать, а оно само собою такъ выходитъ. Сообразите: турокъ рѣжетъ славянина за то, что тотъ, будучи христіаниномъ, райемъ, осмѣливается домогаться съ нимъ равноправія. Перейди болгаринъ въ магометанство—и турокъ тотчасъ-же перестанетъ мучить его, напротивъ, тотчасъ-же признаетъ его за своего, — такъ по Корану. Слѣдственно, если Болгаре терпятъ такія лютыя муки, то ужь, конечно, за свое христіанство, это ясно какъ день. Такъ какже тутъ русскому, жертвуя на славянина, избѣжать «вопроса вѣроисповѣдности»? Да русскому и въ голову не придетъ избѣгать! Да и кромѣ исторической и текущей необходимости, русскій человѣкъ ничего не знаетъ выше христіанства, да и представить не можетъ. Онъ всю землю свою, всю общность, всю Россію назвалъ христіанствомъ, «крестьянствомъ». Вникните въ Православіе: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это жи-

Digitized by Google

вое чувство, обратившееся у народа нашего въ одну изъ тѣхъ основныхъ живыхъ силъ, безъ которыхъ не живутъ націи. Въ русскомъ христіанствѣ, по настоящему, даже и мистицизма нѣтъ вовсе, въ немъ одно человѣколюбіе, одинъ Христовъ образъ,—по крайней мѣрѣ, это главное. Въ Европѣ давно уже и по праву смотрятъ на клерикализмъ и церковность съ опасеніемъ: тамъ они, особенно въ иныхъ мѣстахъ, мѣшаютъ теченію живой жизни, всякому преуспѣянію жизни, и ужь, конечно, мѣшаютъ самой религіи. Но похоже-ли наше тихое, смиренное православіе на предразсудочный, мрачный, заговорный, пронырливый и жестокій клерикализмъ Европы? Какъ-же можетъ оно не быть близкимъ народу? Народныя стремленія создаются всѣмъ народомъ, а не сочиняются въ редакціяхъ журналовъ: «Надо, иль не надо», а будетъ такъ какъ есть въ самомъ дѣлѣ. Вы пишете напримѣръ, далѣе: «Благородное дѣло свободы увидало въ рядахъ своихъ защитниковъ — русскихъ людей. Уже съ этой точки зрѣнія, еще болѣе возвышенной, чѣмъ сочувствіе по единовѣрію и даже единству племени, дѣло славянъ—священное дѣло». Ваша правда, это очень высокій мотивъ, но вѣдь что, однако-же, говоритъ мотивъ единовѣрія? Единовѣріе тутъ именно означаетъ несчастнаго, измученнаго, распятаго на крестѣ и за угнетеніе котораго я возстаю и негодую. Это значитъ: «положи животъ свой за угнетеннаго, за ближняго, выше нѣтъ подвига» — вотъ что говоритъ мотивъ единовѣрія! Кромѣ того, я осмѣлюсь замѣтить, впрочемъ лишь вообще, что искать «рубрикъ» для добрыхъ дѣлъ опасно. Если я, напримѣръ, помогаю славянину, какъ единовѣрцу, то вѣдь это вовсе не рубрика, это только обозначеніе его историческаго положенія въ данный моментъ: «онъ единовѣрецъ, стало быть — христіанинъ, и за это угнетенъ и мучимъ». Но если я скажу, что помогаю изъ-за «благороднаго дѣла свободы», то тѣмъ самымъ, какъ-бы выставляю причину моей помощи. А ужь если искать причину помощи, то Черногорцы, напримѣръ, и Герцеговинцы, выказавшіе всѣхъ больше благороднаго исканія свободы, выйдутъ и всѣхъ достойнѣе помощи; сербы ужь немного поменьше, а болгары и болгарки даже вѣдь совсѣмъ и не подымались за свободу, развѣ гдѣ-нибудь вначалѣ, по горамъ, ничтожными кучками. Они просто выли, когда ихъ маленькимъ ребятишкамъ мучители отрѣзывали въ каждые пять минутъ по пальчику, чтобъ продлить ихъ мученія въ глазахъ отцовъ и матерей, а тѣ и не защищались, а лишь цѣловали, вопя и терзаясь, какъ-бы въ безуміи, ноги мучителямъ, чтобъ они перестали мучить и отдали имъ назадъ бѣдныхъ дѣточекъ. Ну, такъ вѣдь этимъ, пожалуй, пришлось-бы всѣхъ меньше помочь, потому что они всего только

Digitized by Google

страдали, а не возвысились до благороднаго дѣла свободы — «сего перваго блага людей». Положимъ, вы такъ дрянно не помыслите, но сознайтесь, что, вводя причины и «мотивы» для человѣколюбія, почти всегда доходишь до нѣсколько подобныхъ разсужденій и выводовъ. Лучше всего — помогать просто потому, что человѣкъ несчастенъ. Помощь единовѣрцу это именно и означаетъ; повторяю вамъ, у насъ слово «единовѣрецъ» вовсе не клерикальная рубрика, а лишь историческое обозначеніе. Повѣрьте, что и «единовѣріе» слишкомъ любитъ и цѣнитъ благородное и великое дѣло свободы, мало того: умѣетъ и съумѣетъ умереть за него всегда, когда надо будетъ. А теперь я только противъ неправильнаго приложенія европейскихъ идей къ русской дѣйствительности...

IV.

Страхи и опасенія.

Всего забавнѣе то, что почтенный теоретикъ прозрѣваетъ въ современномъ увлеченіи въ пользу славянъ серьозную для насъ опасность и изо всѣхъ силъ спѣшитъ предупредить насъ. Онъ думаетъ, что мы, въ минуту самообольщенія, выдадимъ себѣ «аттестатъ зрѣлости» и полѣземъ спать на печку. Вотъ что онъ пишетъ:

...«Въ этомъ смыслѣ опасны всѣ часто читаемыя нами, по поводу жертвъ въ пользу славянъ, разсужденія на тэму: «факты эти обнаруживаютъ въ русскомъ обществѣ отрадное оживленіе, они доказываютъ, что русское общество дозрѣло до»... и т. д. Склонность любоваться собою въ зеркало по поводу международныхъ вопросовъ и заявленій сочувствія національностямъ, а затѣмъ засыпать сномъ труженика, исполнившаго свой долгъ, въ насъ такъ велика, что всѣ подобныя разсужденія, хотя вѣрныя до извѣстной степени, положительно опасны. Вѣдь мы уже торжествовали свою готовность къ жертвамъ при началѣ крымской войны, праздновали свою общественную зрѣлость по поводу депешъ нашего канцлера въ 1863 году и по поводу сочувственной встрѣчи, оказанной у насъ офицерамъ сѣверо-американскаго броненосца, и по поводу сбора въ пользу кандіотовъ, и по поводу овацій славянскимъ литераторамъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Прочтите, что писалось въ то время газетами, и убѣдитесь, что иныя фразы нынѣ буквально повторяются... Спросимъ себя, что вышло изъ всѣхъ тѣхъ «зрѣлостей», которыя мы

Digitized by Google

по очередно праздновали, и подвинули-ли насъ впередъ тѣ моменты, въ которые мы ихъ праздновали?.. Но мы должны помнить, что, слѣдуя влеченію, мы не вправѣ еще претендовать на выдачу намъ «аттестата зрѣлости»...

Во первыхъ, тутъ все, съ перваго до послѣдняго слова, невѣрно дѣйствительности. «Склонность-де засыпать сномъ труженика, исполнившаго свой долгъ, въ насъ такъ велика» и т. д. Эта «склонность къ засыпанію» есть одно изъ самыхъ предразсудочныхъ и невѣрныхъ обвиненій устарѣлаго теоретизма, очень любившаго много болтать и ничего не дѣлать, именно всегда лежавшаго на печкѣ и читавшаго нравоученія съ печки и именно, въ самоупоеніи своей красотой, безпрерывно заглядывавшаго на себя въ зеркало. Это предразсудочное, а теперь до невѣроятности оказенившееся обвиненіе зародилось именно тогда, когда русскій человѣкъ, если и лежалъ на печи или только и дѣлалъ, что игралъ въ карты, то единственно потому, что ему и не давали ничего дѣлать, не пускали его дѣлать, запрещали ему дѣлать. Но, чуть лишь у насъ раздвинулись заборы, то русскій человѣкъ тотчасъ-же обнаружилъ скорѣе лихорадочное безпокойство и нетерпѣніе въ стремленіи къ дѣлу, и даже неустанность въ дѣлѣ, чѣмъ желаніе лѣзть на печку. Если-же и до сихъ поръ не совсѣмъ ладится дѣло, такъ вѣдь это вовсе не потому, что оно не дѣлается, а потому, что при двухсотлѣтней отвычкѣ отъ всякаго дѣла, нельзя такъ сразу пріобрѣсть способность понимать дѣло, вѣрно подходить къ нему и съумѣть за него взяться. Вамъ-бы только наставленія читать и бранить русскаго человѣка, по старой памяти. Я говорю это старымъ теоретикамъ, никогда не удостоивавшимъ, съ высоты своего величія, вникнуть въ русскую жизнь и хоть что-нибудь изучить въ ней, ну, хоть чтобы провѣрить и поправить свои предразсудочные взгляды старинныхъ давнишнихъ годовъ.

Но опасеніе вполнѣ достойное Кифы Мокіевича—это объ «аттестатѣ зрѣлости». Дескать, выдадимъ себѣ аттестатъ зрѣлости, да и успокоимся, и заснемъ. Напротивъ, это лишь старый теоретизмъ, столь давно уже выдавшій себѣ аттестатъ зрѣлости, наклоненъ къ самоупоенію, къ чтенію наставленій и къ сладкой полудремотѣ, а такія молодыя, прекрасныя, единящія движенія всѣмъ обществомъ, какъ въ нынѣшнемъ году, способны лишь побудить къ дальнѣйшему преуспѣянію и совершенствованію. Такіе моменты оставляютъ лишь благотворный слѣдъ. И откуда только вы могли вывесть, что русское общество такъ склонно къ самокрасованію и къ смотрѣнію на себя въ зеркало? Всѣ факты тому противорѣчатъ. Напротивъ, это самое недовѣрчивое къ себѣ, самое самобичующее обще-

Digitized by Google

ство въ цѣломъ мирѣ!.. Мы не только славянамъ сочувствовали, мы и крестьянъ освободили, а посмотрите, былъ-ли когда въ исторіи русскаго народа болѣе скептическій, болѣе самопровѣряющій себя моментъ, какъ въ эти послѣдніе двадцать лѣтъ русской жизни? Въ недовѣріи къ себѣ мы доходили, въ эти годы, до болѣзненныхъ крайностей, до непозволительной насмѣшки надъ собою, до незаслуженнаго презрѣнія къ себѣ и ужь слишкомъ, слишкомъ далеки были отъ самоупоенія нашими совершенствами. Вы говорите, что мы и критянамъ сочувствовали, и броненосецъ встрѣчали, и каждый разъ писали о своей зрѣлости и что ничего не вышло изъ этой зрѣлости. Да вы даже самыя обыденныя явленія жизни, не только русской, но и всеобщей, перестаете понимать, послѣ этого. Вѣдь если мы и порадовались тогда на себя и на свои успѣхи, съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, то вѣдь это такъ естественно въ молодомъ и стремящемся жить обществѣ, еще слишкомъ вѣрящемъ въ жизнь и смотрящемъ на назначеніе свое серьозно! Это вездѣ, всегда и съ каждымъ народомъ случается. Возьмите какую-нибудь изъ древнѣйшихъ книгъ въ мірѣ—и увидите, что такой точно *первый*, молодой восторгъ надъ своимъ успѣхомъ бывалъ свойственъ даже самымъ древнѣйшимъ народамъ въ мірѣ, а, стало быть, существовалъ съ самаго начала міра, конечно, подъ тѣмъ условіемъ, если эти народы молоды, полны жизни и будущности. У насъ могла быть слишкомъ преждевременная радость на свои успѣхи и на то, что мы вотъ бросили-же, наконецъ, карты и начали тоже заниматься дѣломъ,—но опасно-ли это хоть сколько нибудь, какъ тревожно возвѣщаетъ намъ предостерегатель? Напротивъ, вотъ эти-то люди, принимающіе настоящую живую жизнь серьозно и радостно, съ такимъ чувствомъ и сердцемъ,—вотъ эти-то и не дадутъ себѣ заснуть отъ самовосхваленія. Повѣрьте, что разъ возбужденная и забившая горячимъ ключомъ жизнь не остановится, самоупоеніе пройдетъ мигомъ, и чѣмъ сильнѣе оно было, тѣмъ вѣрнѣе настанетъ спасительное отрезвленіе, съ движеніемъ впередъ и впередъ. Но хоть и отрезвимся, а, все-таки, будемъ уважать спасительный, молодой, благородный и невинный недавній восторгъ нашъ. Вы спрашиваете: А что вышло изъ этихъ «зрѣлостей»? Какъ что: да вотъ нынѣшній моментъ, можетъ быть, вышелъ. А не было-бы одушевленія съ критянами и при пріемѣ славянскихъ гостей—не вышло-бы и теперь ничего. Общество стало серьознѣе, познакомилось съ извѣстнымъ цикломъ идей и воззрѣній. Помилуйте, все дѣлается постепенно на свѣтѣ, да и народы формируются постепенно, а не рождаются такъ прямо маленькими разсудительными педантиками. И на что вы сердитесь: «слишкомъ-де увлекаемся движеніемъ»; но преждевременное

Digitized by Google

благоразуміе, педантизмъ юношей, играющихъ роль стариковъ, опаснѣе. Вы не любите никакого живаго движенія, любите больше резонерство, ну, что-жь—это вашъ вкусъ. О, вы, конечно, ссылаетесь сейчасъ на Европу: «Франція-де и не то сдѣлала для Италіи, что мы, пока, дѣлаемъ для славянъ, но развѣ французское общество, по освобожденіи Италіи, стало считать себя болѣе зрѣлымъ, чѣмъ прежде?» Вотъ что вы пишете. Но это ужь изъ рукъ вонъ! И нашли кого поставить намъ въ примѣръ скромности—Францію? Да когда французъ не смотрѣлъ на себя въ зеркало, не красовался самимъ собою? При Наполеонѣ I, напримѣръ, они возбудили къ себѣ всеобщую европейскую ненависть своимъ нестерпимымъ гордымъ видомъ, своимъ вседовольствомъ и всеблаженствомъ. Таковы-же были они по настоящему и всегда, до самаго 1871 года. Но Франція теперь слишкомъ разъединенная внутренно нація, а потому и наблюдать ее съ этой точки довольно трудно. Но какъ вы скажете, напримѣръ, на счетъ англичанъ, или, особенно, нѣмцевъ? Вотъ ужь не любятъ-то смотрѣть на себя въ зеркало, вотъ ужь не любятъ-то хвалиться, особенно нѣмцы! И какъ вѣрны у васъ историческіе выводы: «Франція-де и не то сдѣлала для Италіи, что мы пока дѣлаемъ для славянъ...» Увѣряю васъ, что собственно сама Франція ровно ничего не сдѣлала для Италіи. Освободилъ сѣверную Италію лишь Наполеонъ III, по своимъ политическимъ соображеніямъ, и вовсе даже неизвѣстно, освободилъ-ли-бы французскій народъ Италію *самъ*, безъ Наполеона III и безъ его политическихъ соображеній. По крайней мѣрѣ, очень трудно рѣшить, произошло-ли-бы это освобожденіе итальянцевъ лишь для ихъ освобожденія, а не для нѣкотораго рода политическаго захвата... Намъ вотъ кажется до сихъ поръ, что и Наполеонъ III, и сама Франція, совсѣмъ-таки безъ большаго восторга взирали потомъ на подвиги нѣсколько обманувшаго ихъ Кавура, а когда раздалось столь громкое: «Jamais!» французскаго правительства на счетъ всякаго дальнѣйшаго поползновенія итальянцевъ на Римъ, то французскій народъ, можетъ быть, даже и сочувственно выслушалъ это jamais. О, конечно правда, что Франція, все-таки, больше сдѣлала для Италіи, чѣмъ пока русскіе для славянъ; дѣло это еще не кончено и дальнѣйшіе результаты его только Богу извѣстны; но трудно, все-же, допустить, чтобы столь искреннее, полное любви и уже подкрѣпленное подвигами высочайшаго самоотверженія, движеніе русскихъ за славянъ нуждалось въ такихъ высшихъ назидательныхъ примѣрахъ доблести какъ освобожденіе Сѣверной Италіи Наполеономъ III... А, впрочемъ, что-жь, вы даже и венгерцевъ ставите русскому народу въ примѣръ великодушія. Особенно теперь красивы и великодушны венгерцы, не

Digitized by Google

правда-ли? Какая узкая въ нихъ ненависть ко всякой мысли объ облегченіи участи славянъ! Какая ненависть къ Россіи! Какъ это вамъ пришолъ на умъ такой примѣръ и такой народъ?..

V.

Post-Scriptum.

Повторяю,—я очень сожалѣю, что такъ распространился, но въ этихъ, впрочемъ, весьма невинныхъ словахъ безспорно умнаго и добраго, но нѣсколько стараго автора, въ этомъ тонѣ, въ которомъ высказаны эти слова, какъ-бы послышались мнѣ голоса, можетъ быть, уже очень близкаго и нехорошаго будущаго, а потому я и не могъ удержаться... О, конечно, эти будущіе и возможные голоса не имѣютъ ничего общаго съ голосомъ изъ «Вѣстника Европы», но они мнѣ почему-то послышались. Въ самомъ дѣлѣ, случись такъ, что все это доброе, благородное русское движеніе въ пользу славянъ, силою обстоятельствъ, обратится ни во что, что не удастся это дѣло, что всѣ воротятся и замолкнутъ—о, какіе мы тогда уже новые крики услышимъ и въ какомъ торжествующемъ и побѣдномъ тонѣ, и уже не невинные, а насмѣшливые, язвительные, побѣду празднующіе! Тогда-то раздадутся въ волю голоса теперь на время было примолкшіе или даже ужь запѣвшіе въ унисонъ «Благородному порыву». Раздастся хохотъ въ глаза этому благородному порыву, и люди благороднаго порыва опять сконфузятся, присмирѣютъ, а очень многіе такъ даже и повѣрятъ: «да, дескать, это надо было предвидѣть», подумаютъ бѣдненькіе. «Ну, что взяли вѣрующіе!» завопятъ побѣдившіе, «что вышло изъ вашего единенія, изъ вашей «единящей мысли?» Остались съ носомъ, богатыри! Умные люди впередъ знали, чѣмъ кончится; развѣ и могло быть что нибудь? Да и дѣло-то выѣденнаго яйца не стоило. Аттестатъ зрѣлости себѣ написали. Зрѣлѣе-ли вы теперь, господа? Нѣтъ, братъ, сторонись въ свой уголъ да хихикай въ руку по прежнему — дѣло складнѣе выйдетъ!» Вотъ что послышится, да и много, много еще другаго, чего не упишешь. И сколько опять, сразу, увидимъ цинизма, сколько опять невѣрія въ свои силы, невѣрія въ самую Россію. Опять начнутъ отпѣвать ее! А сколько явится червонныхъ вилетовъ! А сколько самой чистѣйшей сердцемъ молодежи побѣжитъ опять вонъ изъ общества! Опять разъединеніе, опять шатаніе! Кстати, вѣдь ужь конечно, виконтъ Биконсфильдъ, говоря про наши раз-

Digitized by Google

рушительные элементы, самъ зналъ что лжетъ. Даже предчувствовалъ, можетъ быть, что разрушительные элементы если и есть у насъ, то теперь, съ новымъ порывомъ Россіи, должны будутъ принять направленіе иное, — и ужь, конечно, такое соображеніе было очень досадно виконту тарантулу. Теперь-же, т. е., въ случаѣ неудачи «порыва», тарантулъ очень возрадуется, — онъ ужь знаетъ чему! Но... но развѣ это похоже на правду? Развѣ это сбудется? Какой дурной сонъ! Сонъ и не больше...

Digitized by Google

ОКТЯБРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Простое, но мудреное дѣло.

Пятнадцатаго октября рѣшилось въ судѣ дѣло той мачихи, которая, помните, полгода назадъ, въ маѣ мѣсяцѣ, выбросила изъ окошка, изъ четвертаго этажа, свою маленькую падчерицу, шести лѣтъ, и еще ребенокъ какимъ-то чудомъ остался цѣлъ и здоровъ. Эта мачиха, крестьянка Екатерина Корнилова, двадцати лѣтъ, была за вдовцомъ, который съ нею, по показаніямъ ея, ссорился, не пускалъ ее въ гости къ роднымъ, да и родныхъ ея не принималъ къ себѣ, попрекалъ ее покойной женой своей и тѣмъ, что при той хозяйство у него шло лучше, и т. д., и т. д., словомъ, «довелъ ее до того, что она перестала любить его», и чтобъ отмстить ему, вздумала выкинуть его дочь отъ той прежней жены, которою онъ попрекалъ ее, за окошко, что и исполнила. Однимъ словомъ, исторія,—кромѣ чудеснаго спасенія ребенка,—по видимому представляется довольно простою и ясною исторіей. Съ этой точки, то есть съ точки «простоты», взглянулъ на дѣло и судъ, и тоже самымъ простѣйшимъ образомъ присудилъ Екатерину Корнилову, «имѣвшую при совершеніи преступленія болѣе семнадцати лѣтъ и менѣе двадцати, сослать въ каторжныя работы на два года и восемь мѣсяцевъ, а по окончаніи работъ сослать въ Сибирь навсегда»

И, однако, несмотря на всю простоту и ясность, остается тут какъ-бы нѣчто и несовсѣмъ разъяснившееся. Подсудимая (довольн пріятная лицомъ женщина) судилась въ послѣднемъ періодѣ бере менности, такъ что въ зало засѣданія суда, на всякій случай, был

Digitized by Google

приглашена и акушерка. Еще въ маѣ, когда случилось это преступленіе (и когда, стало быть, подсудимая была на четвертомъ мѣсяцѣ беременности), я записалъ въ моемъ майскомъ «Дневникѣ» (впрочемъ, мелькомъ и мимоходомъ, разсматривая рутинность и казенщину пріемовъ нашей «адвокатуры») слѣдующія слова: «Вотъ это-то и возмутительно... тогда какъ, дѣйствительно, поступокъ этого изверга-мачихи *слишкомъ ужъ страненъ* и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ долженъ потребовать тонкаго и глубокаго разбора, который могъ-бы даже послужить къ облегченію преступницы». Вотъ что я написалъ тогда. Теперь прослѣдите по фактамъ. Во первыхъ, подсудимая сама признала себя виновною, и это сейчасъ послѣ совершенія преступленія, сама-же и донесла на себя. Она разсказала тогда-же, въ участкѣ, что еще наканунѣ думала покончить съ падчерицей, которую возненавидѣла изъ злобы на мужа, но наканунѣ вечеромъ помѣшало присутствіе мужа. На другой-же день, когда тотъ ушелъ на работу, она отворила окно, составила на одну сторону подоконника горшки съ цвѣтами и велѣла дѣвочкѣ влѣзть на подоконникъ и посмотрѣть внизъ, въ окошко. Дѣвочка, разумѣется, полѣзла, можетъ быть, даже съ охотою, думая и Богъ знаетъ что подъ окномъ увидѣть; но какъ только влѣзла, стала на колѣни и заглянула, опершись руками въ окно, то мачиха приподняла ее сзади за ножки и та бултыхнулась въ пространство. Преступница, поглядѣвъ внизъ на слетѣвшаго ребенка (такъ сама разсказываетъ), затворила окошко, одѣлась, заперла комнату и отправилась въ участокъ — доложить о случившемся. Вотъ факты, кажется, чего-бы проще, а, между тѣмъ, сколько тутъ фантастическаго, не правда-ли? Нашихъ присяжныхъ обвиняли до сихъ поръ, и даже нерѣдко, за иныя, дѣйствительно уже фантастическія, оправданія подсудимыхъ. Иногда возмущалось даже нравственное чувство самыхъ, такъ сказать, постороннихъ людей. Мы понимали, что можно жалѣть преступника, но нельзя-же зло называть добромъ въ такомъ важномъ и великомъ дѣлѣ, какъ судъ; между тѣмъ, бывали оправданія почти что въ этомъ родѣ, т. е. зло *почти* что признавалось добромъ, по крайней мѣрѣ, очень немного не доставало къ тому. Являлась или ложная сентиментальность, или непониманіе самаго принципа суда, непониманіе того, что въ судѣ первое дѣло, первый принципъ дѣла состоитъ въ томъ, чтобы зло было опредѣлено по возможности, по возможности указано и названо зломъ всенародно. А тамъ, потомъ, смягченіе участи преступника, забота объ исправленіи его и т. д., и т. д., — это все уже другіе вопросы, весьма глубокіе, огромные, но совершенно различные отъ дѣла судебнаго, а относящіеся совсѣмъ къ другимъ от-

Digitized by Google

дѣламъ жизни общества—отдѣламъ, надо сознаться, еще далеко не опредѣлившимся и даже совсѣмъ у насъ не формулированнымъ, такъ что по этимъ отдѣламъ общественной дѣятельности, можетъ быть, еще и перваго аза не произнесено. А пока въ судахъ нашихъ эти обѣ *разныя идеи* смѣшиваются и выходитъ иногда Богъ знаетъ что. Выходитъ, что преступленіе какъ-бы не признается преступленіемъ вовсе; обществу, напротивъ, какъ-бы возвѣщается, да еще судомъ-же, что совсѣмъ, дескать, и нѣтъ преступленія, что преступленіе, видите-ли, есть только болѣзнь, происходящая отъ ненормальнаго состоянія общества,—мысль до геніальности вѣрная *въ иныхъ* частныхъ примѣненіяхъ и въ извѣстныхъ разрядахъ явленій, но совершенно ошибочная въ примѣненіи къ цѣлому и общему, ибо тутъ есть нѣкоторая черта, которую невозможно переступить, иначе пришлось-бы совершенно обезличить человѣка, отнять у него всякую самость и жизнь, приравнять его къ пушинкѣ, зависящей отъ перваго вѣтра, однимъ словомъ, возвѣстить какъ-бы какую-то новую природу человѣка, теперь только что открытую какой-то новой наукой. Между тѣмъ, этой науки еще нѣтъ и даже не начиналось. Такъ что всѣ эти милостивые приговоры суда присяжныхъ, въ которыхъ иногда ясно доказанное и подкрѣпленное полнымъ сознаніемъ преступника преступленіе, отрицалось прямо: «не виновенъ, не дѣлалъ, не убивалъ», — всѣ эти милостивые приговоры (кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда они были дѣйствительно у мѣста и безошибочны) удивляли народъ, а въ обществѣ возбуждали насмѣшку и недоумѣніе. И что-жь, вотъ теперь, какъ только я прочелъ о рѣшеніи судьбы крестьянки Корниловой (въ каторгу на два года и восемь мѣсяцевъ), мнѣ вдругъ пришло въ голову: вотъ-бы имъ теперь-то оправдать ее, — вотъ-бы теперь сказать: «не было преступленія, не убивала, не вышвыривала изъ окошка». Впрочемъ, не буду пускаться въ какія-нибудь отвлеченности или въ чувства, чтобъ развить мою мысль. Мнѣ *просто* кажется, что тутъ былъ даже какъ-бы наизаконнѣйшій поводъ оправдать подсудимую, — а именно,—ея беременность.

Всѣмъ извѣстно, что женщина во время беременности (да еще первымъ ребенкомъ) бываетъ весьма часто даже подвержена инымъ страннымъ вліяніямъ и впечатлѣніямъ, которымъ странно и фантастично подчиняется ея духъ. Эти вліянія принимаютъ иногда,—хотя, впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, — чрезвычайныя, ненормальныя, почти нелѣпыя формы. Но что въ томъ, что это рѣдко случается (т. е. слишкомъ ужь чрезвычайныя-то явленія)—въ настоящемъ случаѣ слишкомъ довольно и того соображенія для рѣшающихъ судьбу человѣка, что они случаются и даже только могутъ случаться. До-

Digitized by Google

торъ Никитинъ, изслѣдовавшій преступницу (уже послѣ преступленія), заявилъ, что, по его мнѣнію, Корнилова совершила свое преступленіе *сознательно*, хотя можно допустить раздраженіе и аффектъ. Но, во первыхъ, что можетъ означать тутъ слово: *сознательно*? Безсознательно рѣдко что нибудь дѣлается людьми, развѣ въ лунатизмѣ, въ бреду, въ бѣлой горячкѣ. Развѣ не знаетъ, даже хоть и медицина, что можно совершить нѣчто и совершенно сознательно, а, между тѣмъ, невмѣняемо. Да, вотъ, хоть-бы взять сумасшедшихъ: большинство ихъ безумныхъ поступковъ происходитъ совершенно сознательно и они ихъ помнятъ; мало того, дадутъ вамъ въ нихъ отчетъ, будутъ ихъ защищать передъ вами, будутъ изъ-за нихъ съ вами спорить, и, иногда, такъ логично, что, пожалуй, и вы станете въ тупикъ. Я, конечно, не медикъ, но я, напримѣръ, запомнилъ, какъ разсказывали, еще въ дѣтствѣ моемъ, про одну даму въ Москвѣ, которая, каждый разъ, когда бывала беременна и въ извѣстные періоды беременности, получала необычайную, неудержимую страсть къ воровству. Она воровала вещи и деньги у знакомыхъ, къ которымъ ѣздила въ гости, у гостей, которые къ ней ѣздили, даже въ лавкахъ и магазинахъ, куда заѣзжала что-нибудь купить. Потомъ эти краденыя вещи возвращались ея домашними по принадлежности. Между тѣмъ, это была дама слишкомъ не бѣдная, образованная, хорошаго круга; по прошествіи этихъ нѣсколькихъ дней странной страсти, ей и въ голову-бы не могло придти воровать. Всѣми рѣшено было тогда, не исключая и медицины, что это лишь временный аффектъ беременности. Между тѣмъ, ужь конечно, она воровала сознательно и вполнѣ давая себѣ въ этомъ отчетъ. Сознаніе сохранялось вполнѣ, но лишь передъ влеченіемъ она не могла устоять. Надо полагать, что медицинская наука врядъ-ли можетъ сказать и до сихъ поръ, въ подобныхъ явленіяхъ, что-нибудь въ точности, т. е. на счетъ духовной стороны этихъ явленій: по какимъ именно законамъ происходятъ въ душѣ человѣческой такіе переломы, такія подчиненія и вліянія, такія сумасшествія безъ сумасшествія, и что собственно тутъ можетъ значить и какую играетъ роль сознаніе? Довольно того, что возможность вліяній и чрезвычайныхъ подчиненій, во время беременности женщинъ, кажется неоспорима... И что въ томъ, повторяю, что слишкомъ чрезвычайныя вліянія эти слишкомъ рѣдко и встрѣчаются: для совѣсти судящаго достаточно, въ такихъ случаяхъ, лишь соображенія, что они все-же могутъ случиться. Положимъ, скажутъ: не пошла-же она воровать, какъ та дама, или не выдумала-же чего нибудь необыкновеннаго, а, напротивъ, сдѣлала все, именно какъ разъ *относящееся къ дѣлу*, т. е. просто ото-

Digitized by Google

мстила ненавистному мужу убійствомъ его дочери отъ той прежней жены его, которою ее попрекали. Но, воля ваша: хоть тутъ и понятно, но все-же *не просто*; хоть тутъ и логично, но согласитесь, что—не будь она беременна, можетъ быть, этой логики и не произошло-бы вовсе. Произошло-бы, напримѣръ, вотъ что: оставшись одна съ падчерицей, прибитая мужемъ, въ злобѣ на него, она-бы подумала въ горькомъ раздраженіи, про себя: «Вотъ-бы вышвырнуть эту дѣвчонку, ему на зло, за окошко»,—подумала-бы, *да и не сдѣлала*. Согрѣшила-бы мысленно, а не дѣломъ. А теперь, въ беременномъ состояніи, *взяла да и сдѣлала*. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ логика была та-же, но разница-то большая.

По крайней мѣрѣ, присяжные, если-бъ оправдали подсудимую, могли-бы на что нибудь опереться: «хоть и рѣдко-де бываютъ такіе болѣзненные аффекты, но, вѣдь, все-же, бываютъ; ну, такъ что, если и въ настоящемъ случаѣ былъ аффектъ беременности?» Вотъ соображеніе. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ милосердіе было-бы всѣмъ понятно и не возбуждало-бы шатанія мысли. И что въ томъ, что могла выйти ошибка: лучше ужь ошибка въ милосердіи, чѣмъ въ казни, тѣмъ болѣе, что тутъ и провѣрить-то никакъ невозможно. Преступница первая-же считаетъ себя виновною; она сознается сейчасъ-же послѣ преступленія, созналась и черезъ полгода на судѣ. Такъ и въ Сибирь, можетъ быть, пойдетъ, по совѣсти и глубоко въ душѣ считая себя виновною; такъ и умретъ, можетъ быть, каясь въ послѣдній часъ и считая себя душегубкой: и вдомекъ ей не придетъ, да и никому на свѣтѣ, о какомъ-то болѣзненномъ аффектѣ, бывающемъ въ беременномъ состояніи, а онъ-то, можетъ быть, и былъ всему причиной, и не будь она беременна, ничего-бы и не вышло... Нѣтъ, изъ двухъ ошибокъ ужь лучше-бы выбрать ошибку милосердія. Спать было-бы лучше потомъ... А, впрочемъ, что-жь я: занятому человѣку не о спаньѣ думать; у занятаго человѣка сто такихъ дѣлъ и спитъ онъ крѣпко, когда дорвется до постели усталый. Это у празднаго человѣка, у котораго въ цѣлый годъ одно такое дѣло случится, или два,—это у того бываетъ много времени думать. Такому, пожалуй, и начнетъ мерещиться, отъ нечего дѣлать. Однимъ словомъ, праздность есть мать всѣхъ пороковъ.

А кстати, тутъ вѣдь сидѣла акушерка и—посмотрите: осудивъ преступницу, осудили вмѣстѣ съ нею и ея младенца, еще не родившагося,—не правда-ли, какъ это странно? Положимъ, что неправда; но согласитесь, что какъ будто очень похоже на правду, да еще самую полную. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ ужь онъ, еще прежде рожденія своего, осужденъ въ Сибирь вслѣдъ за матерью,

Digitized by Google

которая его вскормить должна. Если-же онъ пойдетъ съ матерью, то отца лишится; если-же обернется какъ нибудь дѣло такъ, что оставитъ его у себя отецъ (не знаю, можетъ-ли онъ теперь это сдѣлать), то лишится матери... Однимъ словомъ, еще до рожденія лишенъ семьи, это во первыхъ, а потомъ онъ выростетъ, узнаетъ все про мать и будетъ... А впрочемъ, мало-ли что будетъ, лучше смотрѣть на дѣло *просто*. Просто посмотрѣть — и исчезнутъ всѣ фантасмагоріи. Такъ и надо въ жизни. Я даже такъ думаю, что всѣ этакія вещи, съ виду столь необыкновенныя, на дѣлѣ всегда обдѣлываются самымъ обыкновеннымъ и до неприличія прозаическимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: этотъ Корниловъ теперь опять вдовецъ—вѣдь онъ тоже теперь свободенъ, бракъ его расторгнутъ ссылкой въ Сибирь его жены; и вотъ его жена — не жена, родитъ ему на дняхъ сына (потому что разродиться-то ей ужь навѣрно дадутъ до дороги), и пока она будетъ больна, въ острожной больницѣ, или тамъ, куда ее на это время положатъ, Корниловъ, бьюсь объ закладъ въ этомъ, будетъ ее навѣщать самымъ прозаическимъ образомъ и, знаете, вѣдь почемъ знать, можетъ быть, съ этой-же дѣвчонкой, за окошко вылетѣвшей, и будутъ они сходиться и говорить все объ дѣлахъ самыхъ простыхъ и насущныхъ, объ какомъ нибудь тамъ мизерномъ холстѣ, объ теплыхъ сапогахъ и валенкахъ ей въ дорогу. Почемъ знать, можетъ быть, самымъ задушевнымъ образомъ сойдутся теперь, когда ихъ развели, а прежде ссорились. И не попрекнутъ, можетъ быть, другъ друга даже и словомъ, а развѣ такъ только поохаютъ на судьбу, другъ дружку и себя жалѣючи. Эта-же вылетѣвшая изъ окна дѣвчонка, повторяю, навѣрно будетъ бѣгать отъ отца каждый день на побѣгушкахъ «къ мамонькѣ», калачи ей носить: «Вотъ, дескать, мамонька, тятенька вамъ чаю съ сахаромъ еще прислали, а завтра сами зайдутъ». Самое трагическое будетъ то, что завоютъ, можетъ быть, въ голосъ, когда будутъ прощаться на желѣзной дорогѣ, въ послѣднюю минуту, между вторымъ и третьимъ звонкомъ; завоетъ тутъ-же и дѣвчонка, разинувъ ротъ до ушей, на нихъ глядя, а они навѣрно поклонятся оба, каждый въ свою очередь, другъ другу въ ноги: «прости, дескать, матушка Катерина Прокофьевна, не помяни лихомъ; а та ему: прости и ты меня, батюшка, Василій Ивановичъ (или тамъ какъ его), виновата я передъ тобой, вина моя великая...» А тутъ еще грудной младенчикъ заголоситъ, который ужь навѣрно тутъ-же будетъ находиться—возьметъ-ли она его съ собой или у отца оставитъ. Однимъ словомъ, съ нашимъ народомъ никогда поэмы не выйдетъ, не правда-ли? Это самый прозаическій народъ въ мірѣ, такъ что почти даже стыдно за него въ

Digitized by Google

этомъ отношеніи становится. Ну, то-ли, напримѣръ, вышло-бы въ Европѣ: какія страсти, какія мщенія и при какомъ достоинствѣ! Ну, попробуйте описать это дѣло въ повѣсти, черту за чертой, начиная съ молодой жены у вдовца до швырка у окна, до той минуты, когда она поглядѣла въ окошко: расшибся-ли ребенокъ,— и тотчасъ въ часть пошла; до той минуты, какъ сидѣла на судѣ съ акушеркой, и вотъ до этихъ послѣднихъ проводиновъ и поклоновъ, и... и представьте, вѣдь я хотѣлъ написать «и ужь, конечно, ничего не выйдетъ», а между тѣмъ вѣдь оно, можетъ, вышло-бы лучше всѣхъ нашихъ поэмъ и романовъ съ героями «съ раздвоенною жизнью и высшимъ прозрѣніемъ». Даже, знаете, вѣдь я просто не понимаю, чего это смотрятъ наши романисты: вѣдь, вотъ-бы имъ сюжетъ, вотъ-бы описать черту за чертой одну правду истинную! А, впрочемъ что-жь я, забылъ старое правило: не въ предметѣ дѣло, а въ глазѣ: есть глазъ—и предметъ найдется, нѣтъ у васъ глаза, слѣпы вы,—и ни въ какомъ предметѣ ничего не отыщете. О, глазъ дѣло важное: что на иной глазъ поэма, то на другой—куча...

А неужели нельзя теперь смягчить какъ нибудь этотъ приговоръ Корниловой? Неужели никакъ нельзя? Право, тутъ могла быть ошибка... Ну, такъ вотъ и мерещится что ошибка!

II.

Нѣсколько замѣтокъ о простотѣ и упрощенности.

Теперь о другомъ. Теперь-бы мнѣ хотѣлось заявить кое-что на счетъ простоты вообще. Мнѣ припомнился одинъ маленькій и старинный со мной анекдотъ. Лѣтъ тринадцать тому назадъ, въ самое «смутное» время наше, на иной взглядъ, и въ самое «прямолинейное»—на другой, разъ, зимой, вечеромъ, я зашелъ въ одну библіотеку для чтенія, въ Мѣщанской (тогда еще) улицѣ, по сосѣдству отъ меня: я надумалъ тогда одну критическую статью и мнѣ понадобился одинъ романъ Тэккерея для выписки изъ него. Въ библіотекѣ меня встрѣтила одна барышня (тогдашняя барышня). Я спросилъ романъ; она выслушала меня съ строгимъ видомъ:

— Мы такого вздора не держимъ, отрѣзала она мнѣ съ невыразимымъ презрѣніемъ, котораго, ей-Богу, я не заслуживалъ.

Я, конечно, не удивился и понялъ въ чемъ дѣло. Тогда мно

Digitized by Google

было подобныхъ явленій и они какъ-то вдругъ тогда начались, съ восторгомъ и внезапностью. Идея попала на улицу и приняла самый уличный видъ. Вотъ тогда-то страшно доставалось Пушкину и вознесены были «сапоги». Однако, я, все-таки, попытался поговорить:

— Неужели вы считаете и Тэккерея вздоромъ? спросилъ я, принимая самый смиренный видъ.

— Къ стыду вашему относится что вы это спрашиваете. Нынче прежнее время прошло, нынче разумный спросъ...

Съ тѣмъ я и ушелъ, оставивъ барышню чрезвычайно довольною прочитаннымъ мнѣ урокомъ. Но простота взгляда поразила меня ужасно, и именно тогда я задумался о *простотѣ* вообще и объ нашей русской стремительности къ обобщенію, въ частности. Эта удовлетворимость наша простѣйшимъ, малымъ и ничтожнымъ, по меньшей мѣрѣ поразительна. Мнѣ скажутъ на это, что случай этотъ маленькій и вздорный, что барышня была неразвитая дурочка и, главное, необразованная, что и вспоминать анекдота не стоило, и что барышнѣ, напримѣръ, ничего не стоило представить себѣ, что вотъ до нея всѣ и вся Россія были дураки, а вотъ теперь вдругъ явились все умники и она въ томъ числѣ. Я это все самъ знаю, знаю тоже, что эта барышня навѣрно только это и умѣла сказать, т. е. объ «разумномъ спросѣ» и объ Тэккереѣ, да и то съ чужаго голоса, и это по лицу ея было видно, но все-же анекдотъ этотъ остался у меня съ тѣхъ поръ въ умѣ, какъ сравненіе, какъ апологъ, даже почти какъ эмблема. Вникните въ теперешнія сужденія, вникните въ теперешній «разумный спросъ» и въ теперешніе приговоры, и не только объ Тэккереѣ, но и обо всемъ народѣ русскомъ: какая иногда *простота!* Какая прямолинейность, какая скорая удовлетворимость мелкимъ и ничтожнымъ на слово, какая всеобщая стремительность поскорѣе успокоиться, произнести приговоръ, чтобъ ужь не заботиться больше и—повѣрьте, это чрезвычайно еще долго у насъ простоитъ. Посмотрите: всѣ теперь вѣрятъ въ искренность и дѣйствительность народнаго движенія въ этомъ году, а между тѣмъ даже вѣра ужь не удовлетворяетъ, требуется еще чего нибудь попроще. При мнѣ разсказывалъ одинъ изъ членовъ одной коммиссіи, что онъ получилъ довольно много писемъ съ такими, напримѣръ, вопросами: «Для чего тутъ непремѣнно славяне? Для чего мы помогаемъ славянамъ, какъ славянамъ? И если-бъ въ такомъ положеніи были скандинавы, то будемъ-ли мы точно также помогать имъ, какъ и славянамъ!» Однимъ словомъ, для чего эта рубрика славянъ (помните заботы о рубрикѣ единовѣрія въ «Вѣстникѣ Европы», о которыхъ я говорилъ въ прошломъ «Дневникѣ» моемъ). Казалось-бы, на первый взглядъ, что тутъ вовсе

Digitized by Google

не простота, не стремленіе упростить, а, напротивъ, въ вопросахъ этихъ слышится безпокойство; но простота въ этомъ случаѣ заключается именно въ желаніи добиться до nihil'я до tabula rasa, — значитъ, тоже въ своемъ родѣ успокоиться. Ибо, что проще и что успокоительнѣе нуля? Замѣтьте тоже, что въ этихъ вопросахъ опять хоть и косвенно заслышался «разумный спросъ» и «къ стыду вашему относится».

Сомнѣнія нѣтъ, что есть очень многіе изъ самыхъ интеллигентныхъ и такъ сказать высшихъ людей нашихъ, которымъ это народное, тихое и смиренное, но твердое и сильное слово въ высшей степени не понравилось — и не потому, что не поняли они его, а напротивъ потому, что слишкомъ поняли, до того, что оно ихъ нѣсколько даже и пріозадачило. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно начинаются теперь признаки сильной реакціи. Я не про тѣ невинные голоса говорю, которые еще и прежде послышались, въ видѣ невольнаго брюзжанія и несогласія изъ за излюбленныхъ старыхъ принциповъ на старыя темы, напримѣръ, на ту, что «не надо-де ужь такъ очень спѣшить и увлекаться такимъ дѣломъ, все-же вѣдь грубымъ и не просвѣщеннымъ, какъ помощь славянамъ, какъ славянамъ, потому, что они какіе-то тамъ наши «братья» и пр. и пр. Нѣтъ, я не про этихъ разумно-либеральныхъ старичковъ говорю, пережевывающихъ старыя фразы, а про настоящую реакцію народному движенію, которая, по всѣмъ признакамъ, очень скоро подыметъ голову. Вотъ эта-то реакція естественно и невольно примыкаетъ къ тѣмъ господамъ, которые, давно уже упростивъ свой взглядъ на Россію до послѣднихъ предѣловъ ясности, готовы сказать: «Взять-бы, дескать, да и запретить все явленіе, чтобы все лежало въ косномъ порядкѣ по прежнему». И представьте, вѣдь этимъ упростителямъ вовсе не по фантастичности своей не нравится это «явленіе», т. е. въ томъ напримѣръ смыслѣ, что вотъ такая до сихъ поръ косная безтолковая простота осмѣлилась вдругъ заговорить, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ нѣчто сознательное и живое. Такой смыслъ былъ-бы понятенъ: просто обидно стало, вотъ и всего. Напротивъ, не понравилось имъ все это явленіе именно за то, что изъ фантастическаго стало оно вдругъ всѣмъ понятно: «какъ смѣло оно стать вдругъ всѣмъ понятнымъ, какъ смѣло получить такой упрощенный и разумный видъ»? Вотъ это-то негодованіе, какъ я сказалъ уже, встрѣтило поддержку себѣ и въ интеллигентныхъ старичкахъ нашихъ, всѣми силами старающихся «упростить» и низвести «явленіе» съ разумнаго на что-то стихійное, первоначальное, хоть и добродушное, но все-же невѣжественное и могущее повредить. Однимъ словомъ, реакція изъ всѣхъ

Digitized by Google

силъ и всѣми путями стремится прежде всего къ упрощенію... А между тѣмъ отъ этой чрезмѣрной упрощенности воззрѣній на иныя явленія иногда вѣдь проигрывается собственное дѣло. Въ иныхъ случаяхъ простота вредитъ самимъ упростителямъ. Простота не мѣняется, простота «прямолинейна», и сверхъ того—высокомѣрна. Простота врагъ анализа. Очень часто кончается вѣдь тѣмъ, что въ простотѣ своей вы начинаете не понимать предмета, даже не видите его вовсе, такъ что происходитъ уже обратное, т. е. вашъ-же взглядъ, изъ простаго самъ собою и невольно переходитъ въ фантастическій. Это именно происходитъ у насъ отъ взаимной, долгой и все болѣе и болѣе возростающей оторванности одной Россіи отъ другой. Наша оторванность именно и началась съ *простоты взгляда одной Россіи на другую*. Началась она ужасно давно, какъ извѣстно, еще въ Петровское время, когда выработалось впервые необычайное упрощеніе взглядовъ высшей Россіи на Россію народную, и съ тѣхъ поръ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, взглядъ этотъ только и дѣлалъ у насъ, что упрощался.

III.

Два самоубійства.

Недавно какъ-то мнѣ случилось говорить съ однимъ изъ нашихъ писателей (большимъ художникомъ) о комизмѣ въ жизни, о трудности опредѣлить явленіе, назвать его настоящимъ словомъ. Я именно замѣтилъ ему передъ этимъ, что я, чуть не сорокъ лѣтъ знающій «Горе отъ ума», только въ этомъ году понялъ какъ слѣдуетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ этой комедіи, Молчалина, и понялъ именно когда онъ-же, т. е. этотъ самый писатель, съ которымъ я говорилъ, разъяснилъ мнѣ Молчалина, вдругъ выведя его въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ очерковъ. (Объ Молчалинѣ я еще когда нибудь поговорю, тема знатная).

— А знаете-ли вы, вдругъ сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, видимо давно уже и глубоко пораженный своей идеей,—знаете-ли, что, что-бы вы ни написали, что-бы ни вывели, что-бы ни отмѣтили въ художественномъ произведеніи,—никогда вы не сравняетесь съ дѣйствительностью. Что-бы вы ни изобразили — все выйдетъ слабѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Вы вотъ думаете, что достигли въ произведеніи самаго комическаго въ извѣстномъ явленіи жизни, поймали самую уродливую его сторону, — ничуть! Дѣйствительность

Digitized by Google

тотчасъ-же представитъ вамъ въ этомъ-же родѣ такой фазисъ, какой вы и еще и не предлагали и превышающій все, что могло создать ваше собственное наблюденіе и воображеніе!..

Это я зналъ еще съ 46-го года, когда началъ писать, а, можетъ быть, и раньше,—и фактъ этотъ не разъ поражалъ меня и ставилъ меня въ недоумѣніе о полезности искусства при такомъ видимомъ его безсиліи. Дѣйствительно, прослѣдите иной, даже вовсе и не такой яркій на первый взглядъ фактъ дѣйствительной жизни—и если только вы въ силахъ и имѣете глазъ, то найдете въ немъ глубину, какой нѣтъ у Шекспира. Но вѣдь въ томъ-то и весь вопросъ: *на чей глазъ и кто въ силахъ*? Вѣдь не только чтобъ создавать и писать художественныя произведенія, но и чтобъ только примѣтить фактъ, нужно тоже въ своемъ родѣ художника. Для инаго наблюдателя всѣ явленія жизни проходятъ въ самой трогательной простотѣ, и до того понятны, что и думать не о чемъ, смотрѣть даже не на что и не стоитъ. Другаго-же наблюдателя тѣ-же самыя явленія до того иной разъ озаботятъ, что (случается даже и нерѣдко) — не въ силахъ наконецъ ихъ обобщить и упростить, вытянуть въ прямую линію и на томъ успокоиться, — онъ прибѣгаетъ къ другаго рода упрощенію и, *просто за просто* сажаетъ себѣ пулю въ лобъ, чтобъ погасить свой измученный умъ вмѣстѣ со всѣми вопросами разомъ. Это только двѣ противуположности, но между ними помѣщается весь наличный смыслъ человѣческій. Но разумѣется, никогда намъ не исчерпать всего явленія, не добраться до конца и начала его. Намъ знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то по наглядкѣ, а концы и начала— это все еще пока для человѣка фантастическое.

Кстати, одинъ изъ уважаемыхъ моихъ корреспондентовъ сообщилъ мнѣ еще лѣтомъ объ одномъ странномъ и неразгаданномъ самоубійствѣ, и я все хотѣлъ говорить о немъ. Въ этомъ самоубійствѣ все, и снаружи и внутри — загадка. Эту загадку я, по свойству человѣческой природы, конечно, постарался какъ нибудь разгадать, чтобъ на чемъ нибудь «остановиться и успокоиться». Самоубійца—молодая дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ не больше, дочь одного слишкомъ извѣстнаго русскаго эмигранта, и родившаяся заграницей, русская по крови, но почти уже совсѣмъ не русская по воспитанію. Въ газетахъ, кажется, смутно упоминалось о ней въ свое время, но очень любопытны подробности: «Она намочила вату хлороформомъ, обвязала себѣ этимъ лицо и легла на кровать... Такъ и умерла. Передъ смертью написала слѣдующую записку:

«Je m'en vais entreprendre un long voyage. Si cela ne réussit

Digitized by Google

pas qu'on se rassemble pour fêter ma ressurection avec du Cliquot. Si cela réussit, je prie qu'on ne me laisse enterrer que tout à fait morte, puisqu'il est très desagréable de se réveiller dans un cercueuil sous terre. Ce n'est pas chique»!

То есть по русски:

Предпринимаю длинное путешествіе. Если самоубійство не удастся, то пусть соберутся всѣ отпраздновать мое воскресеніе изъ мертвыхъ съ бокалами Клико. А если удастся, то я прошу только, чтобъ схоронили меня вполнѣ убѣдясь, что я мертвая, потому что совсѣмъ непріятно проснуться въ гробу подъ землею. *Очень даже не шикарно выйдетъ*!

Въ этомъ гадкомъ, грубомъ шикѣ, по моему, слышится вызовъ, можетъ быть, негодованіе, злоба,—но на что-же? Просто грубыя натуры истребляютъ себя самоубійствомъ лишь отъ матеріальной, видимой, внѣшней причины, а по тону записки видно, что у нея не могло быть такой причины. На что-же могло быть негодованіе?.. на простоту представляющагося, на безсодержательность жизни? Это тѣ, слишкомъ извѣстные, судьи и отрицатели жизни, негодующіе на «глупость» появленія человѣка на землѣ, на безтолковую случайность этого появленія, на тиранію косной причины, съ которою нельзя помириться? Тутъ слышится душа именно возмутившаяся противъ «прямолинейности» явленій, не вынесшая этой прямолинейности, сообщившейся ей въ домѣ отца еще съ дѣтства. И безобразнѣе всего-то, что вѣдь она, конечно, умерла безъ всякаго отчетливаго сомнѣнія. Сознательнаго сомнѣнія, такъ называемыхъ вопросовъ, вѣроятнѣе всего, не было въ душѣ ея; всему она, чему научена была съ дѣтства, вѣрила прямо, на слово, и это вѣрнѣе всего. Значитъ, просто умерла отъ «холоднаго мрака и скуки», съ страданіемъ, такъ сказать, животнымъ и безотчетнымъ, просто стало душно жить, въ родѣ того, какъ-бы воздуху не достало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно, и безотчетно потребовала чего-нибудь болѣе сложнаго...

Съ мѣсяцъ тому назадъ, во всѣхъ петербургскихъ газетахъ появилось нѣсколько коротенькихъ строчекъ мелкимъ шрифтомъ объ одномъ петербургскомъ самоубійствѣ: выбросилась изъ окна, изъ четвертаго этажа, одна бѣдная молодая дѣвушка, швея,—«потому что никакъ не могла пріискать себѣ для пропитанія работы». Прибавлялось, что выбросилась она и упала на землю, *держа въ рукахъ образъ*. Этотъ образъ въ рукахъ—странная и неслыханная еще въ самоубійствѣ черта! Это ужь какое-то кроткое, смиренное самоубійство. Тутъ даже, видимо не было никакого ропота или попрека: просто—стало нельзя жить, «Богъ не захотѣлъ» и—умерла,

Digitized by Google

помолившись. Объ иныхъ вещахъ, какъ онѣ съ виду ни *просты*, долго не перестается думать, какъ-то мерещится, и даже точно вы въ нихъ виноваты. Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучаетъ мысль. Вотъ эта-то смерть и напомнила мнѣ о сообщенномъ мнѣ еще лѣтомъ самоубійствѣ дочери эмигранта. Но какія, однакоже, два разныя созданія, точно обѣ съ двухъ разныхъ планетъ! И какія двѣ разныя смерти! А которая изъ этихъ душъ больше мучилась на землѣ, если только приличенъ и позволителенъ такой праздный вопросъ?

IV.

Приговоръ.

Кстати, вотъ одно разсужденіе одного самоубійцы *отъ скуки*, разумѣется, матерьялиста.

«...Въ самомъ дѣлѣ: какое право имѣла эта природа производить меня на свѣтъ, вслѣдствіе какихъ-то тамъ своихъ вѣчныхъ законовъ? Я созданъ съ сознаніемъ и эту природу *созналъ:* какое право она имѣла производить меня, безъ моей воли на то, сознающаго? Сознающаго, стало быть, страдающаго, но я не хочу страдать—ибо для чего-бы я согласился страдать? Природа, чрезъ сознаніе мое, возвѣщаетъ мнѣ о какой-то гармоніи въ цѣломъ. Человѣческое сознаніе надѣлало изъ этого возвѣщанія религій. Она говоритъ мнѣ, что я, — хоть и знаю вполнѣ, что въ «гармоніи цѣлаго» участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ея вовсе что она такое значитъ,—но что я все-таки долженъ подчиниться этому возвѣщенію, долженъ смириться, принять страданіе въ виду гармоніи въ цѣломъ и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то ужь разумѣется, я скорѣе пожелаю быть счастливымъ лишь въ то мгновеніе пока *я* существую, а до цѣлаго и его гармоніи мнѣ ровно нѣтъ никакого дѣла послѣ того какъ *я* уничтожусь — останется-ли это цѣлое съ гармоніей на свѣтѣ послѣ меня, или уничтожится сейчасъ-же вмѣстѣ со мною. И для чего-бы я долженъ былъ такъ заботиться о его сохраненіи послѣ меня,—вотъ вопросъ? Пусть ужь лучше я былъ-бы созданъ какъ всѣ животныя, т. е. живущимъ но не сознающимъ себя разумно; сознаніе-же мое есть именно не гармонія, а напротивъ дисгармонія, потому что я съ нимъ несчастливъ. Посмотрите, кто счастливъ на свѣтѣ и какіе люди *соглашаются* жить? Какъ разъ тѣ, которые похожи на животныхъ

Digitized by Google

ближе подходятъ подъ ихъ типъ по малому развитію ихъ сознанія. Они соглашаются жить охотно, но именно подъ условіемъ жить какъ животныя, то есть ѣсть, пить, спать, устраивать гнѣздо и выводить дѣтей. Ѣсть, пить и спать, по человѣческому значитъ наживаться и грабить, а устраивать гнѣздо значитъ по преимуществу грабить. Возразятъ мнѣ, пожалуй, что можно устроиться и устроить гнѣздо на основаніяхъ разумныхъ, на научно вѣрныхъ соціальныхъ началахъ, а не грабежомъ какъ было донынѣ. Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устраиваться и употреблять столько стараній устроиться въ обществѣ людей правильно, разумно и нравственно—праведно? На это ужь конечно никто не сможетъ мнѣ дать отвѣта. Все, что мнѣ могли-бы отвѣтить это: «чтобъ получить наслажденіе». Да, еслибъ я былъ цвѣтокъ или корова, я-бы и получилъ наслажденіе. Но, задавая, какъ теперь, себѣ безпрерывно вопросы, я не могу быть счастливъ, даже и при самомъ высшемъ и *непосредственномъ* счастьи любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества, ибо знаю, что завтра-же все это будетъ уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество—обратимся въ ничто, въ прежній хаосъ. А подъ такимъ условіемъ я ни за что не могу принять никакого счастья,—не отъ нежеланія согласиться принять его, не отъ упрямства какого изъ-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастливъ подъ условіемъ грозящаго завтра нуля. Это — чувство, это непосредственное чувство и я не могу побороть его. Ну, пусть-бы я умеръ, а только человѣчество оставалось-бы вмѣсто меня вѣчно, тогда, можетъ быть, я все-же былъ-бы утѣшенъ. Но вѣдь планета наша невѣчна и человѣчеству срокъ—такой-же мигъ какъ и мнѣ. И какъ-бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на землѣ человѣчество, — все это тоже приравняется завтра къ тому-же нулю. И хоть это почему-то тамъ и необходимо, по какимъ-то тамъ всесильнымъ, вѣчнымъ и мертвымъ законамъ природы, но повѣрьте, что въ этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуваженіе къ человѣчеству, глубоко мнѣ оскорбительное, и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго.

И, наконецъ, еслибъ даже предположить эту сказку объ устроенномъ, наконецъ-то, на землѣ человѣкѣ на разумныхъ и научныхъ основаніяхъ—возможною и повѣрить ей, повѣрить грядущему, наконецъ-то, счастью людей,—то ужь одна мысль о томъ, что природѣ необходимо было, по какимъ-то тамъ коснымъ законамъ ея, истязать человѣка тысячелѣтія, прежде чѣмъ довести его до этого счастья, одна мысль объ этомъ уже невыносимо возмутительна. Теперь прибавьте къ тому, что той-же природѣ, допустившей человѣка нако-

Digitized by Google

нецъ-то до счастья, почему-то необходимо обратить все это завтра въ нуль, не смотря на все страданіе, которымъ заплатило человѣчество за это счастье, и главное нисколько не скрывая этого отъ меня и моего сознанья, какъ скрыла она отъ коровы,—то невольно приходитъ въ голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: «ну что, если человѣкъ былъ пущенъ на землю въ видѣ какой-то наглой пробы, чтобъ только посмотрѣть: уживется-ли подобное существо на землѣ или нѣтъ»? Грусть этой мысли, главное—въ томъ, что опять-таки нѣтъ виноватаго, никто пробы не дѣлалъ, некого проклясть, а просто все произошло по мертвымъ законамъ природы, мнѣ совсѣмъ непонятнымъ, съ которыми сознанію моему никакъ нельзя согласиться. Ergo:

Такъ какъ на вопросы мои о счастьи я черезъ мое-же сознаніе получаю отъ природы лишь отвѣтъ, что могу быть счастливъ не иначе, какъ въ гармоніи цѣлаго, которой я не понимаю и, очевидно для меня, и понять никогда не въ силахъ—

Такъ какъ природа не только не признаетъ за мной права спрашивать у нея отчета, но даже и не отвѣчаетъ мнѣ вовсе—и не потому что не хочетъ, а потому что и не можетъ отвѣтить—

Такъ какъ я убѣдился, что природа, что отвѣчать мнѣ на мои вопросы предназначила мнѣ (безсознательно) *меня-же самого*, и отвѣчаетъ мнѣ моимъ-же сознаніемъ (потому что я самъ это все говорю себѣ)—

— Такъ какъ, наконецъ, при такомъ порядкѣ, я принимаю на себя въ одно и тоже время роль истца и отвѣтчика, подсудимаго и судьи и нахожу эту комедію, со стороны природы, совершенно глупою, а переносить эту комедію, съ моей стороны, считаю даже унизительнымъ —

То, въ моемъ несомнѣнномъ качествѣ истца и отвѣтчика, судьи и подсудимаго, я присуждаю эту природу, которая такъ безцеремонно и нагло произвела меня на страданіе—вмѣстѣ со мною къ уничтоженію... А такъ какъ природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного, единственно отъ скуки сносить тиранію, въ которой нѣтъ виноватаго».

N. N.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Новый фазисъ Восточнаго вопроса.

Восточный вопросъ вступилъ въ свой второй періодъ, а первый кончился, — но не разбитіемъ, будто бы, Черняева. Этакъ и Суворовъ былъ разбитъ въ Швейцаріи, такъ какъ принужденъ-же былъ отступить: но развѣ мы можемъ согласиться, что Суворовъ былъ разбитъ? Не виноватъ онъ былъ, что повелъ русскій народъ во Францію при невозможныхъ обстоятельствахъ. Съ Суворовымъ Черняева мы и не сравниваемъ, а хотимъ только сказать, что есть-же обстоятельства, при которыхъ и Суворовы отступаютъ. Правда, теперь въ Петербургѣ иные будущіе полководцы наши громко критикуютъ военныя дѣйствія Черняева, а политики завопили, что онъ именно тѣмъ и виноватъ, что повелъ славянъ и русскій народъ въ бой «при невозможныхъ обстоятельствахъ». Но всѣ эти будущіе полководцы наши пока еще въ Черняевскихъ тискахъ не бывали; это все военные — пока еще штатскіе, и хотятъ порохъ выдумать его не нюхавши; а что до политиковъ, то вспомнили-бы они легенду о Суворовской ямѣ въ Швейцаріи, которую онъ велѣлъ выкопать, вскочилъ въ нее и велѣлъ солдатикамъ его засыпать землей «коли ужь не хотятъ его слушаться и идти за нимъ». Солдатики-то расплакались и его изъ ямы вытащили и пошли за нимъ; ну, а изъ ямы, которую выкопала Черняеву въ Сербіи интрига, видно вытащитъ Черняева весь народъ русскій. Вы забыли, господа, что Черняевъ народный герой, и не вамъ его похоронить въ ямѣ.

Восточный вопросъ вступилъ во второй періодъ свой по громовому слову Царя, отозвавшемуся въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей — благословеніемъ, а въ сердцахъ всѣхъ враговъ Россіи — страхомъ. Порта приникла и приняла ультиматумъ, но что теперь далѣе будетъ—болѣе чѣмъ когда нибудь неизвѣстно. Говорятъ о конференціи въ Константинополѣ (или гдѣ-бы тамъ ни было, вѣдь не все-ли равно), о съѣздѣ дипломатовъ. Стало быть, опять дипломатія, къ радости ея обожателей!

И вотъ послѣ громоваго слова Россіи опять начнетъ чваниться передъ нами Европейская пресса. Вѣдь даже венгерцы писали и

Digitized by Google

печатали про насъ, почти еще за день до ультиматума, что мы ихъ боимся, а потому и виляемъ передъ ними и не смѣемъ объявить нашу волю. Опять будутъ интриговать и указывать намъ Англичане, которые опять будутъ воображать, что ихъ такъ боятся. Даже Франція какая нибудь и та съ гордымъ и напыщеннымъ видомъ заявитъ на конференціи свое слово и «чего она хочетъ или не хочетъ», тогда какъ—что намъ Франція и на кой намъ знать чего она тамъ у себя хочетъ или не хочетъ? Теперь не пятьдесятъ третій годъ, и никогда, можетъ быть, не было момента для Россіи, въ который враги ея были-бы для нея безвреднѣе. Но пусть, пусть опять воцарится дипломатія, къ утѣшенію нашихъ петербургскихъ ея любителей. Но Болгарія, Славяне, что станется съ ними въ эти два мѣсяца, вотъ вопросъ? тутъ вѣдь дѣло насущное, которое не ждетъ ни минуты. Что станется съ ними въ эти два мѣсяца? Опять, можетъ быть, потечетъ болгарская кровь! Вѣдь, надобно-же будетъ Портѣ доказать своимъ софтамъ, что не изъ трусости приняла она ультиматумъ; вотъ и поплатится Болгарія: «знать, не боимся, дескать, русскихъ, коли рѣжемъ болгаръ въ самую конференцію». Ну, что сдѣлаемъ мы въ такомъ случаѣ, который такъ возможенъ? Заявимъ тутъ-же на конференціи наше негодованіе? Но Порта тотчасъ-же отопрется отъ избіенія, свалитъ все на самихъ болгаръ, пожалуй, еще приметъ благородно обиженный видъ и поспѣшно назначитъ слѣдственную коммиссію: «Вотъ, дескать, господа представители Европы, сами видите какъ меня обижаетъ и какъ придирается ко мнѣ Россія»! А болгаръ, между тѣмъ, будутъ все рѣзать да рѣзать, а Европейская пресса такъ, пожалуй, опять поддержитъ баши-бузуковъ, скажетъ, что Россія придирается изъ честолюбія, нарочно интригуетъ противъ конференціи и хочетъ войны, и... И очень можетъ быть, что Европа опять предложитъ миръ еще хуже войны – миръ усиленно-вооруженный, миръ съ безпокойствомъ, и волненіемъ народовъ, съ мрачными ожиданіями, и это, пожалуй, на цѣлый еще годъ! Цѣлый годъ опять неизвѣстности!.. Ну, а черезъ годъ-то ужь конечно, послѣ такого мира, опять начнется война. Надо славянамъ мира, да только не этакого. Да и вовсе не миръ теперь нуженъ, а просто конецъ.

А противъ Черняева раздались-таки голоса, и это только еще первые застрѣльщики. Но подождите дальше, хоръ усилится и окрѣпнетъ. Главное тутъ не въ Черняевѣ, тутъ реакція противъ всего движенія этого года. «Петербургская Газета» въ превосходной статьѣ своей, отвѣчая на нападки противъ Черняева, предсказала «Биржевымъ Вѣдомостямъ», что тѣ потеряютъ подписчиковъ и что публика отъ нихъ отвернется, но—врядъ-ли это теперь

Digitized by Google

уже сбудется: есть очень, очень многіе теперь люди, которымъ «Биржевыя Вѣдомости» прямо попали въ тонъ. Это тѣ самые люди, у которыхъ чрезвычайно много накопилось жолчи за этотъ годъ, люди злые и раздраженные и которые называютъ себя людьми порядка по преимуществу. Для нихъ все движеніе этого года— одинъ лишь безпорядокъ, а Черняевъ лишь безстыдникъ: дескать, генералъ-лейтенантъ, а какъ какой-нибудь Кондотьери полетѣлъ въ приключенія. Но это люди порядка, такъ сказать, бюрократическаго, а есть и другаго рода любители порядка, люди высшей интеллигенціи, смотрящіе съ болью въ сердцѣ, что столько силъ уходитъ на такое средневѣковое такъ сказать дѣло, тогда какъ, напримѣръ, школы» и т. д. и т. д. Нападающіе на Черняева кричатъ, что даромъ пролилась русская кровь *безъ выгоды для Россіи*. «Новое Время» прекрасно отвѣтило о выгодѣ и о томъ, что значитъ выгода, отвѣтило прямо и уже откровенными словами, не устыдясь *идеализма* словъ, чего такъ всѣ стыдятся. Мнѣ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, еще въ началѣ движенія, случилось написать въ «Дневникѣ» о томъ: что такое въ этомъ случаѣ выгода Россіи? Такой высокій организмъ, какъ Россія, долженъ сіять и огромнымъ духовнымъ значеніемъ. Выгода Россіи не въ захватѣ славянскихъ провинцій, а въ искренней и горячей заботѣ о нихъ и покровительствѣ имъ, въ братскомъ единствѣ съ ними и въ сообщеніи имъ духа и взгляда нашего на возсоединеніе Славянскаго міра. Одной матеріальной выгодой, однимъ «хлѣбомъ» — такой высокій организмъ какъ Россія не можетъ удовлетвориться. И это не идеалъ и не фразы: отвѣтъ на то — весь русскій народъ и все движеніе его въ этомъ году. Движеніе почти безпримѣрное въ другихъ народахъ по своему самоотверженію и безкорыстію, по благоговѣйной религіозной жаждѣ *пострадать за правое дѣло*. Такой народъ не можетъ внушать опасенія за порядокъ, это не народъ безпорядка, а народъ твердаго воззрѣнія и уже ничѣмъ непоколебимыхъ правилъ, народъ— любитель жертвъ и ищущій правды и знающій гдѣ она, народъ кроткій, но сильный, честный и чистый сердцемъ, какъ одинъ изъ высокихъ идеаловъ его—богатырь Илья-Муромецъ, чтимый имъ за святаго. Сердце Хранителя такого народа должно радоваться на такой народъ,—и оно радуется, и народъ про то знаетъ! Нѣтъ, тутъ не было безпорядка...

Digitized by Google

II.

Черняевъ.

Черняева даже и защитники его теперь уже считаютъ *не геніемъ*, а лишь доблестнымъ и храбрымъ генераломъ. Но одно уже то, что въ славянскомъ дѣлѣ онъ сталъ во главѣ всего движенія — было уже геніальнымъ прозрѣніемъ; достигать-же такихъ задачъ дается лишь геніальнымъ силамъ. Славянское дѣло, во что-бы то ни стало, должно было, наконецъ, *начаться*, т. е., перейти въ свой дѣятельный фазисъ; а безъ Черняева оно-бы не получило такого развитія. Скажутъ, что въ томъ и бѣда, что онъ подтолкнулъ его, раздулъ его до такихъ размѣровъ, что въ томъ вина его, и что началъ онъ его несвоевременно. Но великая славянская задача не могла быть не поднята и право не знаю можно-ли еще спорить о ея своевременности. Но если ужь началось славянское дѣло, то кто-же какъ не Россія должна была стать во главѣ его, въ томъ назначеніе Россіи — и это понялъ Черняевъ и поднялъ знамя Россіи. Рѣшиться на это, шагнуть этотъ шагъ,—нѣтъ, нѣтъ, это не могъ-бы сдѣлать человѣкъ безъ особенной силы.

Скажутъ, что все это изъ честолюбія, что онъ—искатель приключеній, искалъ отличиться. Но честолюбцы въ такихъ случаяхъ любятъ болѣе бить на вѣрную, а если и рискуютъ, то все-же до извѣстнаго предѣла: при обстоятельствахъ грозящихъ уже вѣрной неудачей они немедленно оставляютъ дѣло. Вѣрную неудачу *немедленнаго* военнаго успѣха, съ одними сербами и безъ помощи русскихъ, давно уже, конечно, предвидѣлъ Черняевъ: теперь ужь слишкомъ многое стало извѣстно, слишкомъ ужь достаточно разъяснено въ этой исторіи, чтобъ сомнѣваться въ этомъ. Но оставить дѣло онъ не могъ, ибо дѣло это не исчерпывается однимъ лишь *немедленнымъ* военнымъ успѣхомъ: въ немъ будущее и Россіи и славянскихъ земель. Надежда-же его даже и на немедленную помощь Россіи во всякомъ случаѣ не была ошибкою, ибо Россія произнесла-же, наконецъ, свое великое рѣшающее слово. Еслибъ это слово было сказано хоть немного раньше, то Черняевъ ни въ чемъ-бы не ошибся. О, многіе на мѣстѣ Черняева не захотѣли-бы ждать так долго, — вотъ именно честолюбцы и карьеристы. Я увѣренъ, что многіе изъ его критиковъ не выдержали-бы и половины того, что онъ вынесъ. Но Черняевъ служилъ огромному дѣлу, а не одно

Digitized by Google

своему честолюбію, и предпочелъ скорѣе пожертвовать всѣмъ, — и судьбой, и славой своей, и карьерой, можетъ быть, даже жизнью, но не оставить дѣла. Это именно потому, что онъ работалъ для чести и *выгоды* Россіи и сознавалъ это. Ибо дѣло славянское есть дѣло русское и должно быть рѣшено *окончательно* лишь одной Россіей и по идеѣ русской. Остался онъ тоже и для добровольцевъ русскихъ, которые всѣ стеклись къ нему, подъ его знамя, стеклись за идею какъ къ представителю идеи. Не могъ-же онъ ихъ покинуть однихъ, и, ужь конечно, въ этомъ тоже есть великодушіе. Сколько, опять-таки, изъ критиковъ его, на его мѣстѣ бросили-бы все и вся,—и идею и Россію и добровольцевъ, сколько ихъ тамъ ни есть! Вѣдь надо-же говорить правду...

Критикуютъ Черняева и съ военной стороны. Но, во первыхъ, и опять-таки, эти военные въ Черняевскихъ тискахъ не были, а во вторыхъ, все-же то, что уже сдѣлалъ Черняевъ «при невозможныхъ обстоятельствахъ» — не смогъ-бы, можетъ быть, сдѣлать никто изъ его критиковъ. Эти «невозможныя обстоятельства», столь вліявшія на военныя обстоятельства, тоже принадлежатъ исторіи; но главныя черты ихъ уже и теперь извѣстны и до того характерны, что ихъ нельзя пройти мимо даже и съ стратегической точки зрѣнія. Если только правда, что интрига противъ Черняева дошла до того, что высшіе чиновники страны, въ мнительной ненависти къ подозрительному имъ русскому генералу, оставляли важнѣйшія просьбы и требованія его для арміи, въ самые критическіе моменты, *безъ отвѣта* и даже наканунѣ послѣднихъ и рѣшающихъ битвъ оставляли его безъ артиллерійскихъ снарядовъ, — то возможна-ли будетъ правильная критика военныхъ дѣйствій безъ разъясненія этого пункта? Всѣ эти интриги и все это раздраженіе даже безпримѣрны: этотъ подозрительный имъ генералъ былъ все-же предводитель ихъ войска и защищалъ входъ въ Сербію—и вотъ, изъ досады и ненависти, они жертвуютъ всѣмъ,—и войскомъ, и даже отечествомъ, только чтобъ уничтожить непріятнаго имъ человѣка. По крайней мѣрѣ такъ по весьма точнымъ свѣдѣніямъ. Про несомнѣнно бывшую интригу свидѣтельствуютъ всѣ корреспонденты и всѣ газеты въ Европѣ; началась она и шла въ Бѣлградѣ все время, съ самаго прибытія Черняева въ Сербію. Интригѣ этой помогали весьма англичане изъ политики, помогали иные и русскіе,— эти ужь неизвѣстно изъ чего. Очень можетъ быть, что Черняевъ чѣмъ-нибудь оскорбилъ вначалѣ самолюбіе сербскихъ чиновниковъ. Но все-же главная причина ихъ мнительнаго и неутолимаго раздраженія противъ него была, безъ сомнѣнія, та-же объ которой мнѣ уже случилось говорить прежде, т. е., предвзятая идея очень мно-

Digitized by Google

гихъ сербовъ, что если и освобождены будутъ русскими славяне, то лишь на пользу одной Россіи, и что Россія ихъ захватитъ и лишитъ «столь славной и несомнѣнной ихъ политической будущности». Войну Турціи они, какъ извѣстно, рѣшились объявить и до пріѣзда Черняева, именно мечтая о томъ, что, ставъ во главѣ славянскаго движенія и одолѣвъ султана, преобразятся въ славянское союзное нѣсколько милліонное сербское королевство «съ столь славною будущностью». Большая и властная у себя партія сербовъ только объ этомъ и мечтала. Однимъ словомъ, это были мечтатели очень похожіе на маленькихъ семилѣтнихъ дѣтей, которые надѣваютъ игрушечные эполеты и воображаютъ себя уже генералами. Черняевъ-же и добровольцы естественно должны были испугать *партію* «вслѣдъ за ними грядущимъ захватомъ Россіи». И ужь, безъ сомнѣнія, теперь у нихъ, послѣ недавнихъ военныхъ несчастій, начнутся и начались уже пререканія усиленныя. Всѣ эти мечтатели, про себя, а, можетъ, и вслухъ, начнутъ теперь бранить русскихъ и утверждать, что черезъ русскихъ-то все несчастье и вышло... Но пройдетъ немного,—и явится спасительная реакція; ибо всѣ эти, мнительные теперь сербы, все-же вѣдь горячіе патріоты. Они вспомнятъ о русскихъ убитыхъ, положившихъ свой животъ за ихъ землю. Русскіе уйдутъ, но великая идея останется. Великій духъ русскій оставитъ слѣды свои въ ихъ душахъ—и изъ русской крови, за нихъ пролитой, выростетъ и ихъ доблесть. Вѣдь убѣдятся-же они когда нибудь, что помощь русская была безкорыстная, и что никто изъ русскихъ, убитыхъ за нихъ, и не думалъ ихъ захватывать!

Но все это не должно насъ разъединять съ славянами. Есть двѣ Сербіи:—Сербія верхняя, горячая и неопытная, еще не жившая и не дѣйствовавшая, но за то страстно мечтающая о будущемъ, и уже съ партіями и съ интригами, которыя доходятъ иногда до такихъ предѣловъ (опять-таки вслѣдствіе горячей неопытности), что не встрѣтишь подобнаго ни въ одной изъ долго жившихъ, безмѣрно большихъ и самостоятельныхъ чѣмъ Сербія, націй. Но рядомъ съ этою верхнею Сербіей, столь спѣшащей жить политически, есть Сербія народная, считающая лишь русскихъ своими спасителями и братьями, а Царя русскаго—за солнце свое, любящая русскихъ и вѣрящая имъ. Невозможно выразиться лучше, какъ сдѣлали это о томъ-же предметѣ «Московскія Вѣдомости», безспорно, лучшая наша политическая газета. Вотъ ея слова:

Мы увѣрены, что чувства русскаго народа къ Сербіи не измѣнятся вслѣдствіе успѣха враждебной обѣимъ сторонамъ интриги... Сербы княжества—народъ земледѣльческій, мирный, успѣвшій въ теченіе долгаго

Digitized by Google

мира забыть свои воинственныя преданія и не успѣвшій, взамѣнъ ихъ, выработать твердаго народнаго сознанія, связующаго всякую историческую націю. Наконецъ, сербы княжества не могутъ и народомъ назваться: это лишь отрывокъ народа, не имѣющій органическаго значенія. Но мы не можемъ забыть, что сербы восторженно и единодушно встали на помощь своимъ единокровнымъ братьямъ, злодѣйски мучимымъ... Русскій народъ не оставитъ сербовъ въ эту грозную для нихъ минуту, и кровь русскихъ людей показала, какъ чисто было ихъ участіе, какъ геройски безкорыстна была ихъ жертва, и какъ безсмысленны вражескіе навѣты что Россія хочетъ извлечь для себя какія-то выгоды изъ положенія Сербіи. Да послужитъ-же память доблестныхъ русскихъ людей павшихъ за Сербію, звеномъ братской любви двухъ народовъ, столь близкихъ по крови и вѣрѣ.

Въ заключеніе скажу: пусть мы, русскіе, въ это лѣто потерпѣли, кромѣ всѣхъ *безпокойствъ* (?), матеріальные даже убытки и уже истратили, можетъ быть, десятки милліоновъ, пошедшихъ, однако, на устройство и подъемъ нашего войска (что, конечно, тоже и хорошо), но ужь одно то, что движеніемъ этого года опредѣлились наши *лучшіе люди*, — ужь одно это есть такой результатъ, который ни съ чѣмъ не сравнится. О, еслибъ всѣ-то народы, даже самые высшіе и интеллигентные въ Европѣ, знали твердо и согласно условились кого считать своими настоящими лучшими людьми, — тотъ-ли видъ имѣла-бы Европа и Европейское человѣчество?

III.

Лучшіе люди.

учшіе люди,—эта тема стоитъ того, чтобъ сказать о ней нѣсколько словъ. Это тѣ люди, безъ которыхъ не живетъ и не стоитъ никакое общество и никакая нація, при самомъ даже широкомъ равенствѣ правъ. *Лучшіе люди* бываютъ естественно двухъ родовъ: 1, передъ которыми и самъ народъ и сама нація добровольно и свободно склоняютъ себя, чтя ихъ истинную доблесть, и 2) передъ которыми всѣ или очень многіе, изъ народа или націи, преклоняютъ себя по нѣкоторому, такъ сказать, уже принужденію и если и считаютъ ихъ «лучшими людьми», то уже нѣсколько условно, а не то чтобы вполнѣ въ самомъ дѣлѣ. На существованіе этого «условнаго» разряда лучшихъ людей, такъ сказать, офиціально признанныхъ лучшими для высшихъ цѣлей порядка и твердости управленія,—роптать нельзя: ибо происходятъ этого сорта «лучшіе люди»

Digitized by Google

по закону историческому и существовали доселѣ во всѣхъ націяхъ и государствахъ съ начала міра, такъ что никакое даже общество не могло устроиться и связать себя въ цѣлое безъ нѣкотораго въ этомъ родѣ добровольнаго надъ собою насилія. Всякому обществу, чтобы держаться и жить, надо кого нибудь и что нибудь уважать непремѣнно, и, главное, всѣмъ обществомъ, а не то чтобы каждому какъ онъ хочетъ про себя. Такъ какъ лучшіе люди перваго разряда, т. е. истинно доблестные и передъ которыми всѣ, или величайшее большинство націи преклоняются сердечно и несомнѣнно— отчасти иногда неуловимы, потому что даже идеальны, подчасъ трудно опредѣлимы, отличаются странностями и своеобразностью, а снаружи такъ и весьма нерѣдко имѣютъ нѣсколько даже неприличный видъ, то взамѣнъ ихъ и устанавливаются лучшіе люди уже *условно*, въ видѣ, такъ сказать, касты лучшихъ людей, подъ офиціальнымъ покровительствомъ: «Вотъ, дескать, сихъ уважайте». Если-же при этомъ эти «условные» и дѣйствительно совпадаютъ съ лучшими людьми перваго разряда, (потому что не всѣ-же и въ первомъ разрядѣ имѣютъ неприличный видъ) и тоже истинно доблестны, то цѣль не только вполнѣ, но и вдвойнѣ достигается. Таковыми лучшими людьми были у насъ съ изначала княжеская дружина, потомъ бояре, священство (но лишь высшее), даже иные именитые купцы, — но послѣднихъ бывало весьма немного. Надо замѣтить, что эти лучшіе люди, и у насъ и вездѣ, т. е. и въ Европѣ, всегда вырабатывали себѣ подконецъ довольно стройный кодексъ правилъ доблести и чести, и хоть этотъ кодексъ въ цѣломъ всегда бывалъ, конечно, довольно условенъ, и съ идеалами народными иногда даже сильно разнился, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ и онъ бывалъ довольно высокъ. «Лучшій» человѣкъ обязательно долженъ былъ умереть, напримѣръ, за отечество, если жертва эта отъ него требовалась, и онъ умиралъ дѣйствительно по долгу чести, «потому-де поруха роду моему будетъ большая»,—и ужь конечно все-таки это было несравненно лучше чѣмъ право на безчестье, при которомъ человѣкъ бросаетъ все и всѣхъ въ минуту опасности и бѣжитъ прятаться: «пропадай, дескать, все на свѣтѣ, былъ-бы я и животы мои цѣлы». Такъ велось у насъ весьма долго, и надо замѣтить еще разъ, что у насъ, въ Россіи, эти условные лучшіе люди, очень и очень часто, и очень во многомъ сходились въ своихъ идеалахъ съ лучшими людьми безусловными, т. е. на родными. Ну, конечно, не во всемъ и даже далеко, но, по крайне мѣрѣ, смѣло можно сказать, что несравненно больше было тогд нравственнаго сближенія между русскими боярами и русскимъ н родомъ, чѣмъ въ Европѣ почти повсемѣстно въ тоже самое вре

Digitized by Google

между побѣдителями тиранами—рыцарями и побѣжденными рабами—народомъ.

Но вдругъ въ организаціи нашихъ лучшихъ людей явилась и у насъ нѣкоторая радикальная даже перемѣна: Лучшіе люди, всѣ, по Государеву указу, разсортированы были на четырнадцать разрядовъ, одинъ другаго выше, въ видѣ какъ-бы лѣстницы, подъ именемъ классовъ, такъ что получилось ровно четырнадцать разрядовъ человѣческой доблести съ нѣмецкими именами. Измѣненіе это въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ отчасти и не достигло первоначальной цѣли съ которою было устроено, ибо прежніе «лучшіе люди» тотчасъ-же сами заняли и наполнили всѣ эти четырнадцать новыхъ разрядовъ, и вмѣсто бояръ стали только называться дворянствомъ, но отчасти измѣненіе это и достигло цѣли, потому что оно, даже и очень сильно, раздвинуло старый заборъ. Явился приливъ новыхъ силъ снизу общества, по нашей терминологіи демократическихъ уже силъ,—и особенно изъ семинаристовъ. Приливъ этотъ привнесъ много живительнаго и плодотворнаго въ отдѣлъ лучшихъ людей, ибо явились люди со способностями и съ новыми воззрѣніями, съ образованіемъ еще неслыханнымъ по тогдашнему времени, хотя въ тоже время и чрезвычайно презиравшіе свое прежнее происхожденіе и съ жадностью спѣшившіе преобразиться, посредствомъ чиновъ, поскорѣе въ чистокровныхъ дворянъ. Надо замѣтить, что кромѣ семинаристовъ, изъ народа и изъ купцовъ напримѣръ, лишь весьма немногіе пробились въ разрядъ «лучшихъ людей», и дворянство продолжало стоять во главѣ націи. Разрядъ этотъ былъ весьма сильно организованъ, и тогда какъ деньги, собственность, золотой мѣшокъ уже царили во всей Европѣ и считались тамъ уже отъ искренняго сердца всѣмъ, что есть доблестнаго, всѣмъ, что есть лучшаго въ людяхъ и между людьми, у насъ въ Россіи,—и это на памяти еще нашей, генералъ, напримѣръ, до того цѣнился, что и самый богатый купецъ считалъ за великую честь залучить его къ себѣ на обѣдъ. Еще недавно я читалъ одинъ анекдотъ, которому-бы не повѣрилъ, еслибъ не зналъ, что онъ совершенная правда, про одну петербургскую даму, изъ верхнекласснаго круга, которая всенародно согнала въ одномъ концертѣ одну десяти-милліонную купчиху съ креселъ и заняла ея мѣсто, да еще выбранила ее публично—и это всего какихъ нибудь тридцать лѣтъ назадъ! Впрочемъ надо сказать и то, что эти «лучшіе» люди, столь окрѣпнувъ на своемъ мѣстѣ, усвоили себѣ и нѣсколько весьма даже хорошихъ правилъ, напримѣръ, почти *обязательность* для себя хоть какого нибудь образованія, такъ что вся эта каста лучшихъ людей была въ тоже время и по преимуществу образованнымъ въ Россіи сословіемъ,

Digitized by Google

хранителемъ и носителемъ русскаго просвѣщенія, каково-бы тамъ оно ни было. Нечего ужь и говорить, что оно было тоже и единственнымъ хранителемъ и носителемъ правилъ чести, но уже совершенно по европейскому шаблону, такъ что буква и форма правилъ совершенно осилили подконецъ искренность содержанія: чести было много, ну, а честныхъ людей подконецъ-то стало ужь и не такъ много. Въ этотъ періодъ и особенно въ концѣ его, сословіе «лучшихъ» очень уже отдалилось отъ народа въ своихъ идеалахъ «лучшаго человѣка», такъ что надъ всѣми почти народными представленіями о «лучшемъ» даже вслухъ смѣялось. Но вдругъ произошелъ одинъ изъ самыхъ колоссальныхъ переворотовъ, которые когда либо переживала Россія: уничтожилось крѣпостное право и произошла глубокая перемѣна во всемъ. Правда, всѣ четырнадцать классовъ остались какъ были, но «лучшіе люди», какъ будто поколебались. Вдругъ какъ-бы утратилось прежнее обаяніе въ массѣ общества, какъ будто измѣнились въ чемъ-то взгляды на «лучшее». Правда, измѣнились частію и не къ лучшему; мало того, началось что-то до крайности уже сбивчивое и неопредѣленное въ пониманіи лучшаго; тѣмъ не менѣе, прежній взглядъ уже не удовлетворялъ, такъ что очень у многихъ начался въ сознаніи чрезвычайно серьезный вопросъ»: «кого-же теперь считать будутъ *лучшими*, и, главное, откуда ихъ ждать, гдѣ взять, кто возьметъ на себя провозгласить ихъ лучшими и на какихъ основаніяхъ? И надобно-ль кому нибудь это брать на себя? Извѣстны-ли, наконецъ, хоть новыя основанія-то эти и кто повѣритъ, что они именно тѣ самыя, на которыхъ надо столь многое вновь воздвигнуть»? Право, эти вопросы начались-было уже очень у многихъ...

IV.

О томъ-же.

Все дѣло заключалось въ томъ, что отъ прежнихъ «лучшихъ людей» какъ-бы удалилось покровительство авторитета, какъ-бы уничтожилась ихъ оффиціальность. Такимъ образомъ, на первый случай, хоть то утѣшало, что прежняя кастовая форма «лучшихъ людей», если и не разрушилась окончательно, то, по крайней мѣрѣ, сильно подалась и раздвинулась, такъ что всякій изъ нихъ, еслибъ пожелалъ удержать за собой прежнее значеніе, то, волей неволей, изъ «условныхъ лучшихъ людей» долженъ былъ перейти

Digitized by Google

въ натуральные. Являлась прекрасная надежда, что «натуральные-то» и займутъ такимъ образомъ, мало по малу, всѣ мѣста прежнихъ «лучшихъ». Но какъ это совершится,—разумѣется, оставалось загадкою. Для многихъ, впрочемъ весьма почтенныхъ людей, но горячихъ и либеральныхъ, тутъ не было никакой загадки. У нихъ все было уже рѣшено какъ по писанному, а иные такъ даже думали, что уже все достигнуто и что «натуральный» человѣкъ, если и не сталъ еще на первое мѣсто сегодня, то завтра, только лишь чуть-чуть разсвѣтетъ, непремѣнно и станетъ... Между тѣмъ, болѣе задумчивые люди не переставали задавать вопросы на прежнюю тему: «да кто они, натуральные-то? знаетъ-ли кто нибудь какъ они теперь называются? Не потерянъ-ли напротивъ у насъ ихъ идеалъ окончательно? Гдѣ теперь общепризнанный «лучшій человѣкъ»? Что и кого чтить всѣмъ обществомъ и кому подражать»?

Все это, можетъ быть, и не раздавалось буквально въ этихъ выраженіяхъ и именно въ формѣ этихъ вопросовъ, но несомнѣнно однако-же, что все это «волненіе» пережилось нашимъ обществомъ въ той или другой формѣ. Люди пламенные и восторженные кричали скептикамъ, что «новый человѣкъ» есть, найденъ, опредѣленъ, данъ. Рѣшили наконецъ, что этотъ новый и «лучшій» человѣкъ есть просто человѣкъ просвѣщенный, «человѣкъ» науки и *безъ прежнихъ предразсудковъ*. Мнѣніе это не могло однако быть принято очень многими по самому простому соображенію: что человѣкъ образованный—не всегда человѣкъ честный, и что наука еще не гарантируетъ въ человѣкѣ доблести. Въ эту минуту общей шатости и неопредѣленности иные попробовали предложить: не обратиться-ли, дескать, къ народу или къ народнымъ началамъ? Но ужь одно слово «народныя начала» ужасно многимъ было давно уже противно и ненавистно; притомъ-же и народъ, по освобожденіи своемъ, какъ-то не особенно поспѣшилъ заявить себя съ своей доблестной стороны, такъ что искать въ немъ разрѣшенія такихъ вопросовъ было уже сомнительно. Напротивъ, доходили слухи о безпорядочности, распущенности, страшной сивухѣ, неудающемся самоуправленіи, о кулакахъ и міроѣдахъ занимающихъ мѣсто прежнихъ помѣщиковъ и наконецъ — о жидѣ. «Умнѣйшіе» даже писатели, провозгласили, что кулакъ и міроѣдъ въ народѣ царствуютъ, да и вдобавокъ самъ народъ принимаетъ ихъ за настоящихъ «лучшихъ» людей своихъ. Явилось наконецъ даже одно, совершенно либеральное въ высшемъ смыслѣ, воззрѣніе, что народъ нашъ даже и *не можетъ быть* теперь компетентенъ въ созданіи идеала лучшаго человѣка, да и не то что самъ компетентенъ, а и участво-

Digitized by Google

вать въ этомъ подвигѣ даже не въ силахъ, что его нужно самого обучить сперва грамотѣ, образить его, развить его, настроить школъ и проч. и проч. Надо признаться, что очень многіе изъ скептиковъ стали втупикъ и не знали что на это отвѣтить...

А между тѣмъ находила новая гроза, наступала новая бѣда,—«золотой мѣшокъ»! На мѣсто прежнихъ «условныхъ» лучшихъ людей являлась новая *условность*, которая почти вдругъ, получила у насъ страшное значеніе. О, конечно, золотой мѣшокъ былъ и прежде: онъ всегда существовалъ въ видѣ прежняго купца-милліонера; но никогда еще не возносился онъ на такое мѣсто и съ такимъ значеніемъ, какъ въ послѣднее наше время. Прежній купецъ нашъ, несмотря на ту роль, которую уже повсемѣстно игралъ въ Европѣ милліонъ и капиталъ,—имѣлъ у насъ, говоря сравнительно, довольно не высокое мѣсто въ общественной іерархіи. Надо правду сказать—онъ и не стоилъ большаго. Оговорюсь впередъ:—я говорю лишь про богатыхъ купцовъ; большинство-же ихъ, не развратившееся еще богатствомъ, жило въ видѣ типовъ Островскаго и, можетъ быть, было очень многихъ не хуже, если только говорить сравнительно, а низшее и самое многочисленное купечество—такъ даже почти вполнѣ совпадало съ народомъ. Но чѣмъ болѣе богатѣлъ прежній купецъ, тѣмъ становился хуже. Въ сущности это былъ тотъ-же мужикъ, но лишь развращенный. Прежніе купцы-милліонеры раздѣлялись на два разряда,—на тѣхъ, которые продолжали носить бороду несмотря на свой милліонъ, и въ огромныхъ собственныхъ домахъ своихъ, несмотря на зеркала и паркетные полы, жили немного по свински, и нравственно и физически. Самое еще лучшее что въ нихъ было—это ихъ любовь къ колоколамъ и къ голосистымъ діаконамъ. Но, несмотря на эту любовь, они уже нравственно совсѣмъ разрывали съ народомъ. Трудно представить себѣ что нибудь менѣе сходящееся нравственно, какъ народъ и иной милліонеръ-фабрикантъ. Овсянниковъ, когда его везли недавно въ Сибирь черезъ Казань, вышвыривалъ, говорятъ, ногами подаянныя копѣйки, которыя ему наивно кидалъ народъ въ экипажъ: это уже послѣдняя степень нравственней разорванности съ народомъ, полная потеря самаго малѣйшаго пониманія народнаго смысла и духа. И никогда народъ не бывалъ въ такой кабалѣ какъ на фабрикахъ у иныхъ изъ этихъ господъ! Другой разрядъ милліонеровъ-купцовъ отличался прежде всего фраками и бритыми подбородками, великолѣпной европейской обстановкой домовъ ихъ, воспитаніемъ дочерей на французскомъ и англійскомъ языкахъ съ фортепіанами, нерѣдко орденомъ за большія пожертвованія, нестерпимымъ чванствомъ надъ всѣмъ, что его пониже, презрѣніемъ къ обыкновенному «обѣден

Digitized by Google

ному» генералу и въ тоже время самою низкою приниженностью передъ высшимъ сановникомъ, особенно если случалось, иногда Богъ знаетъ какими происками и стараніями, залучить такого къ себѣ на балъ или обѣдъ, разумѣется, для него-же и устроенный Эти старанія дать обѣдъ особѣ обращались въ программу жизни. Это жаждалось: почти вѣдь для того и жилъ милліонеръ на свѣтѣ. Само собою, что этотъ прежній богачъ-купецъ молился своему милліону какъ Богу: милліонъ былъ въ глазахъ его все, милліонъ вытащилъ его изъ ничтожества, далъ ему все значеніе. Въ грубой душѣ этого «развращеннаго мужика» (такъ какъ онъ продолжалъ быть имъ, несмотря на всѣ свои фраки) никогда не могло зародиться ни одной мысли и ни одного чувства, которыя хотя-бы на мгновеніе возвысили его въ сознаніи надъ собственнымъ милліономъ. Само собою, несмотря на наружный лоскъ, вся семья такого купца выростала безо всякаго образованія. Милліонъ не только не способствовалъ образованію, но напротивъ бывалъ въ этомъ случаѣ главною причиною невѣжества: станетъ сынъ такого милліонщика учиться въ университетѣ, когда и безо всякаго ученья можно все получить, тѣмъ болѣе, что всѣ эти милліонщики, достигая милліона, весьма часто заручались правами дворянскими. Кромѣ разврата съ самыхъ юныхъ лѣтъ и самыхъ извращенныхъ понятій о мірѣ, отечествѣ, чести, долгѣ, богатство ничего не вносило въ души этого юношества, плотояднаго и наглаго. А извращенность міросозерцанія была чудовищная, ибо надо всѣмъ стояло убѣжденіе, преобразившееся для него въ аксіому: «Деньгами все куплю, всякую почесть, всякую доблесть, всякаго подкуплю и отъ всего откуплюсь». Трудно представить сухость сердца юношей, возроставшихъ въ этихъ богатыхъ домахъ. Изъ чванства и чтобы не отстать отъ другихъ, такой милліонеръ, пожалуй, и жертвовалъ иногда огромныя суммы на отечество, въ случаѣ, напримѣръ, опасности (хотя случай такой былъ лишь разъ въ двѣнадцатомъ году)—но пожертвованія онъ дѣлалъ въ виду наградъ, и всегда готовъ былъ, въ каждую остальную минуту своего существованія, соединиться хоть съ первымъ жидомъ, чтобы предать всѣхъ и все, если того требовалъ его барышъ; патріотизма, чувства гражданскаго почти не бываетъ въ этихъ сердцахъ.

О, разумѣется, я говорю про нашъ русскій торговый милліонъ лишь въ значеніи касты. Исключенія-же бываютъ вездѣ и всегда. Можно указать и у насъ на купцовъ, отличавшихся европейскимъ образованіемъ и доблестными гражданскими подвигами; но изъ милліонеровъ ихъ все-таки было крайне немного, даже всѣ наперечетъ; каста не теряетъ свой характеръ отъ исключеній.

Digitized by Google

И вотъ, прежнія рамки прежняго купца вдругъ страшно раздвигаются въ наше время. Съ нимъ вдругъ роднится европейскій спекулянтъ, на Руси еще прежде невѣдомый, и биржевой игрокъ. Современному купцу уже не надо залучать къ себѣ на обѣдъ «особу» и давать ей балы; онъ уже роднится и братается съ особой на биржѣ, въ акціонерномъ собраніи, въ устроенномъ вмѣстѣ съ особой банкѣ; онъ уже теперь самъ лицо, самъ особа. Главное, онъ вдругъ увидалъ себя рѣшительно на одномъ изъ самыхъ высшихъ мѣстъ въ обществѣ, на томъ самомъ, которое во всей Европѣ давно уже, и оффиціально и искренно, отведено милліону, и—ужь разумѣется не усумнился самъ въ себѣ, что онъ и впрямь достоинъ этого мѣста. Однимъ словомъ, онъ все болѣе и болѣе убѣждается теперь самъ, отъ самаго чистаго сердца, что онъ то и есть теперь «лучшій» человѣкъ на землѣ взамѣнъ даже всѣхъ бывшихъ прежде него. Но грозящая бѣда не въ томъ, что онъ думаетъ такія глупости, а въ томъ, что и другіе (и уже очень многіе), кажется, начинаютъ точно также думать. Мѣшокъ у *страшнаго* большинства несомнѣнно считается теперь за все лучшее. Противъ этого опасенія, конечно, заспорятъ. Но вѣдь фактическое теперешнее преклоненіе предъ мѣшкомъ у насъ не только уже безспорно, но, по внезапнымъ размѣрамъ своимъ, и безпримѣрно. Повторю еще: силу мѣшка понимали всѣ у насъ и прежде, но никогда еще доселѣ въ Россіи не считали мѣшокъ за высшее что есть на землѣ. Въ оффиціальной-же разсортировкѣ русскихъ людей, прежній купеческій мѣшокъ даже чиновника не могъ пересѣсть въ общественной іерархіи. А теперь даже и прежняя іерархія, безъ всякаго даже принужденія со стороны, какъ будто сама собою готова отодвинуться на второй планъ передъ столь любезнымъ и прекраснымъ новымъ «условіемъ» лучшаго человѣка, «столь долго и столь ошибочно не входившаго въ настоящія права свои». Теперешній биржевикъ нанимаетъ для услугъ своихъ литераторовъ, около него увивается адвокатъ: «эта юная школа изворотливости ума и засушенія сердца, школа извращенія всякаго здраваго чувства по мѣрѣ надобности, школа всевозможныхъ посягновеній, безстрашныхъ и безнаказанныхъ, постоянно и неустанно, по мѣрѣ спроса и требованія»—эта юная школа сильно уже попала въ тонъ современному биржевику и запѣла ему хвалебную пѣснь. О, не подумайте, что я намекаю на «дѣло Струсберга»: адвокаты, провозгласившіе въ этомъ дѣлѣ своихъ «попавшихся» кліентовъ идеалами людей, пропѣвшіе имъ гимнъ какъ «лучшимъ людямъ всей Москвы» (именно въ этомъ родѣ) — лишь дали маху. Они показали, что сами-то они,—не только люди безъ малѣйшихъ серьезныхъ убѣжденій, но даже безъ всякой выдержки и безъ чувства мѣры, и если и играютъ

Digitized by Google

у насъ роли «европейскихъ талантовъ», то единственно на безрыбьи. Въ самомъ дѣлѣ, они, какъ дипломаты, запросили сколь возможно больше, чтобъ добиться наибольшаго minimum'а: «не только правы — святы»! Говорятъ, въ публикѣ раздалось даже однажды шиканье. Но адвокатъ, прежде всего не дипломатъ; сравненіе это невѣрно въ самой сущности. Вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе было-бы, указавъ на кліента, спросить по евангельски: «Господа присяжные, кто изъ васъ безъ грѣха»? О, я не противъ приговора говорю: приговоръ правъ—и я преклоняюсь; онъ долженъ былъ быть произнесенъ хотя-бы надъ однимъ только банкомъ. Именно дѣло было такого характера, что осудить «общественною совѣстью» этотъ «попавшійся» несчастный московскій ссудный банкъ,—значило тутъже осудить и всѣ наши банки, и всю биржу, и всѣхъ биржевиковъ, хотя-бы тѣ еще не попались, да вѣдь не все-ли равно? Кто безъ грѣха, безъ того-же самаго грѣха, ну-тка, по совѣсти? Кто-то ужь напечаталъ, что наказали ихъ слабо. Оговорюсь, я не на Ляндау указываю: этотъ виноватъ дѣйствительно въ чемъ-то необыкновенномъ, а я и разбирать-то этого не хочу, но Данила Шумахеръ, приговоренный «за мошенничество», ей Богу наказанъ ужасно. Взглянемъ въ сердца свои: многіе-ли изъ насъ не сдѣлали-бы тогоже самаго? Вслухъ не надо признаваться, а такъ про себя-бы только это подумать. Но да здравствуетъ юстиція, мы ихъ все-таки упекли! «Вотъ, дескать, вамъ за наше биржевое и развращенное время, вотъ вамъ за то, что мы всѣ эгоисты, за то, что мы всѣ такихъ подлыхъ матеріальныхъ понятій о счастьи въ жизни и о ея наслажденіяхъ, за наше сухое и предательское чувство самосохраненія»! Нѣтъ, осудить хоть одинъ банкъ полезно за наши собственные грѣхи...

Но, Боже, куда я забрался? Неужели и я пишу «о дѣлѣ Струсберга»? Довольно, и поспѣшу сократить. Я вѣдь говорилъ про «лучшаго человѣка» и хотѣлъ лишь вывесть, что идеалъ настоящаго лучшаго человѣка, даже «натуральнаго», сильно уже грозилъ у насъ помутиться. Старое разбилось и износилось, новое еще летало въ фантазіяхъ, а въ дѣйствительности и въ очахъ нашихъ появилось нѣчто отвратительное съ неслыханнымъ еще на Руси развитіемъ». Обаяніе, которое придано было этой новой силѣ, золотому мѣшку, начинало зарождать даже страхъ въ иныхъ сердцахъ, слишкомъ мнительныхъ, хотя-бы за народъ, напримѣръ. О, мы, верхнее общество, положимъ хоть и могли-бы соблазниться новымъ идоломъ, но все-же не пропали-бы безслѣдно: не даромъ двѣсти лѣтъ сіялъ надъ нами свѣточъ образованія. Мы во всеоружіи просвѣщенія, мы можемъ отразить чудовище. Въ минуту самаго грязнаго биржеваго

Digitized by Google

разврата упекли-же мы вотъ хоть-бы ссудный московскій банкъ! Но народъ, стомилліонный народъ нашъ, эта «косная, развратная, безчувственная масса», и въ которую уже прорвался жидъ—что онъ противупоставитъ идущему на него чудовищу матеріализма въ видѣ золотаго мѣшка? Свою нужду, свои лохмотья, свои подати и неурожаи, свои пороки, сивуху, порку? Мы боялись, что онъ сразу падетъ передъ выростающимъ въ силѣ золотымъ мѣшкомъ, и что не пройдетъ поколѣнія, какъ закрѣпостится ему весь хуже прежняго. И не только силой подчинится ему, но и нравственно, всей своей волей. Мы именно боялись, что онъ-то и скажетъ прежде всѣхъ: «Вотъ гдѣ главное, вотъ она гдѣ сила, вотъ гдѣ спокой, вотъ гдѣ счастье! Сему поклонюсь и за симъ пойду». Вотъ чего можно было очень и очень опасаться, по крайней мѣрѣ, на долгое время. Многіе задумывались,—и вдругъ...

Но что *вдругъ* случилось нынѣшнимъ лѣтомъ, о томъ рѣчь я оставлю до будущаго «Дневника». Мнѣ хочется поговорить объ этомъ уже безъ «юмора», а отъ всего сердца и *попроще*. Что случилось нынѣшнимъ лѣтомъ, то—до того умилительно и радостно, что даже невѣроятно. Невѣроятно, потому что мы уже махали рукой на этотъ народъ и признавали его грубо-некомпетентнымъ сказать свое слово о томъ: каковъ долженъ быть русскій «лучшій человѣкъ». Мы думали, что весь организмъ этого народа уже зараженъ матеріяльнымъ и духовнымъ развратомъ; мы думали, что народъ уже забылъ свои духовныя начала, не уберегъ ихъ въ сердцѣ своемъ; въ нуждѣ, въ развратѣ потерялъ или исказилъ свои идеалы. И вдругъ, вся эта «единообразная и косная масса» (т. е. на взглядъ иныхъ нашихъ умниковъ, конечно), разлегшаяся въ стомилліонномъ составѣ своемъ на многихъ тысячахъ верстъ, неслышно и бездыханно, въ вѣчномъ зачатіи и въ вѣчномъ признанномъ безсиліи что нибудь сказать или сдѣлать, въ видѣ чего-то вѣчно стихійнаго и послушнаго—вдругъ вся эта Россія просыпается, встаетъ и смиренно но твердо выговариваетъ всенародно прекрасное свое слово... Мало того, русскіе люди берутъ свои посохи и идутъ сотенными толпами, провожаемые тысячами людей, въ какой-то новый крестовый походъ (именно такъ и называютъ уже это движеніе; это англичане первые сравнили это русское движеніе наше съ Крестовымъ походомъ)—въ Сербію, за какихъ-то братьевъ, потому что прослышали, что тѣ тамъ замучены и угнетены. Отецъ, старикъ-солдатъ, чѣмъ-бы жить на спокоѣ, вдругъ ополчается и идетъ пѣшкомъ, спрашивая дорогу, за тысячи верстъ, подраться съ т-

Digitized by Google

комъ за братію, и съ собою ведетъ девятилѣтнюю дочку (это фактъ): «дочку найдутся изъ христіанъ, что поберегутъ пока я хожу», отвѣчаетъ онъ на вопросы, «а ужь я пойду, послужу дѣлу Божію». И идетъ... И этакіе примѣры—тысячами! Ну, скажи кто заранѣе, еще зимой напримѣръ, что это у насъ случится, и мы не повѣрили-бы,—не повѣрили-бы этому «крестовому походу», въявь начавшемуся (но далеко еще не завершившемуся). Даже и теперь, хоть и въявь видишь, но невольно спрашиваешь себя въ иную минуту: «да какже оно могло случиться, какже могло совершиться такое неожиданное никѣмъ дѣло? Заявлено вслухъ землей Русской все, что чтитъ она и чему вѣруетъ, указано ею то, что она считаетъ «лучшимъ» и какихъ людей почитаетъ «лучшими». Вотъ о томъ: «какіе это люди и какіе обозначились идеалы»—я и отлагаю до слѣдующаго «Дневника». Въ сущности, эти идеалы, эти «лучшіе люди» ясны и видны съ перваго взгляда: «лучшій человѣкъ» по представленію народному — это тотъ, который не преклонился передъ матеріальнымъ соблазномъ, тотъ, который ищетъ неустанно работы на дѣло Божіе, любитъ правду и, когда надо, встаетъ служить ей, бросая домъ и семью и жертвуя жизнію. Мнѣ именно хотѣлось-бы вывесть почему мы, образованные, можемъ смѣло и твердо теперь надѣяться, что не только не утерянъ у насъ на Руси образъ «лучшаго человѣка», но напротивъ возсіялъ свѣтлѣе чѣмъ когда-нибудь, и податель его, хранитель и носитель его, есть именно теперь простой народъ Русскій, котораго мы, въ просвѣщенномъ высокомѣріи нашемъ, а вмѣстѣ и въ простодушномъ невѣдѣніи нашемъ, считали столь «некомпетентнымъ». Мнѣ-бы хотѣлось особенно вывесть, какимъ образомъ запросы и требованія нашей «образованности» могли-бы и теперь даже, въ вопросѣ о «лучшемъ человѣкѣ», сойтись вполнѣ съ указаніемъ народнымъ, несмотря даже на столь явно наивныя и простодушныя формы, въ которыхъ народъ «лучшаго человѣка» указываетъ. Важна не форма, а содержаніе ея (хотя и форма прекрасная). Содержаніе-же неоспоримо. Вотъ почему мы можемъ въ радости предаться новой надеждѣ: слишкомъ очистился горизонтъ нашъ, слишкомъ ярко всходитъ новое солнце наше... И если-бъ только возможно было, чтобъ мы всѣ согласились и сошлись съ народомъ въ пониманіи: «кого отселѣ считать человѣкомъ «лучшимъ», то съ нынѣшняго лѣта, можетъ быть, зачался-бы новый періодъ исторіи русской».

Digitized by Google

НОЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КРОТКАЯ.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Отъ Автора.

Я прошу извиненія у моихъ читателей, что, на сей разъ, вмѣсто „Дневника“ въ обычной его формѣ, даю лишь повѣсть. Но я дѣйствительно занятъ былъ этой повѣстью большую часть мѣсяца. Во всякомъ случаѣ прошу снисхожденія читателей.

Теперь о самомъ разсказѣ. Я озаглавилъ его „фантастическимъ“, тогда какъ считаю его самъ въ высшей степени реальнымъ. Но фантастическое тутъ есть дѣйствительно, и именно въ самой формѣ разсказа, что и нахожу нужнымъ пояснить предварительно.

Дѣло въ томъ, что это не разсказъ и не записки. Представьте себѣ мужа, у котораго лежитъ на столѣ жена, самоубійца, нѣсколько часовъ передъ тѣмъ выбросившаяся изъ окошка. Онъ въ смятеніи и еще не успѣлъ собрать своихъ мыслей. Онъ ходитъ по своимъ комнатамъ и старается осмыслить случившееся, „собрать свои мысли въ точку“ Притомъ это закоренѣлый ипохондрикъ, изъ тѣхъ что говорятъ сами съ собою. Вотъ онъ и говоритъ самъ съ собой, разсказываетъ дѣло, *уясняетъ* себѣ его. Не смотря на кажущуюся послѣдовательность рѣчи, онъ нѣсколько разъ противурѣчитъ себѣ, и въ логикѣ и въ чувствахъ. Онъ и оправдываетъ себя, и обвиняетъ ее, и пускается въ постороннія разъясненія: тутъ и грубость мысли и сердца, тутъ и глубокое чувство. Мало по малу онъ дѣйствительно *уясняетъ* себѣ дѣло и собираетъ „мысли въ точку“. Рядъ вызванныхъ имъ воспоминаній неотразимо приводитъ его наконецъ къ *правдѣ*: правда неотразимо возвышаетъ его умъ и сердце. Къ концу даже тонъ разсказа измѣняется сравнительно

Digitized by Google

безпорядочнымъ началомъ его. Истина открывается несчастному довольно ясно и опредѣлительно, по крайней мѣрѣ, для него самого.

Вотъ тема Конечно, процессъ разсказа продолжается нѣсколько часовъ, съ урывками и перемежками, и въ формѣ сбивчивой: то онъ говоритъ самъ себѣ, то обращается какъ-бы къ невидимому слушателю, къ какому-то судьѣ. Да такъ всегда и бываетъ въ дѣйствительности. Еслибъ могъ подслушать его и все записать за нимъ стенографъ, то вышло-бы нѣсколько шаршавѣе, необдѣланнѣе, чѣмъ представлено у меня, но, сколько мнѣ кажется, психологическій порядокъ, можетъ быть, и остался бы тотъ-же самый. Вотъ это предположеніе о записавшемъ все стенографѣ (послѣ котораго я обдѣлалъ-бы записанное) и есть то, что я называю въ этомъ разсказѣ фантастическимъ. Но отчасти подобное уже не разъ допускалось въ искусствѣ: Викторъ Гюго, напримѣръ, въ своемъ шедеврѣ: „Послѣдній день приговореннаго къ смертной казни", употребилъ почти такой-же пріемъ, и хоть и не вывелъ стенографа, но допустилъ еще большую неправдоподобность предположивъ, что приговоренный къ казни можетъ (и имѣетъ время) вести записки не только въ послѣдній день свой, но даже въ послѣдній часъ и, буквально, въ послѣднюю минуту. Но не допусти онъ этой фантазіи, не существовало бы и самаго произведенія, — самаго реальнѣйшаго и самаго правдивѣйшаго произведенія изъ всѣхъ имъ написанныхъ.

I.

Кто былъ я и кто была она.

Вотъ пока она здѣсь, — еще все хорошо; подхожу и смотрю поминутно; а унесутъ завтра и — какже я останусь одинъ? Она теперь въ залѣ на столѣ, составили два ломберныхъ, а гробъ будетъ завтра, бѣлый, бѣлый гроденапль, а впрочемъ не про то... Я все хожу и хочу себѣ уяснить это. Вотъ уже шесть часовъ какъ я хочу уяснить и все не соберу въ точку мыслей. Дѣло въ томъ, что я все хожу, хожу, хожу... Это вотъ какъ было. Я просто разскажу по порядку. (Порядокъ!) Господа, я далеко не литераторъ, и вы это видите, да и пусть, а разскажу какъ самъ понимаю. Въ томъ-то и весь ужасъ мой, что я все понимаю!

Это если хотите знать, т. е., если съ самаго начала брать, то она, просто за просто, приходила ко мнѣ тогда закладывать вещи, чтобъ оплатить публикацію въ «Голосѣ» о томъ, что вотъ дескать такъ и такъ, гувернантка, согласна и въ отъѣздъ, и уроки давать на дому, и пр. и пр. Это было въ самомъ началѣ и я конечно не

Digitized by Google

различалъ ее отъ другихъ: приходитъ какъ всѣ, ну и прочее. А потомъ сталъ различать. Была она такая тоненькая, бѣлокуренькая, средне-высокаго роста, со мной всегда мѣшковата, какъ будто конфузилась (я думаю и со всѣми чужими была такая-же, а я разумѣется ей былъ все равно что тотъ, что другой, т. е. если брать какъ не закладчика, а какъ человѣка). Только что получала деньги, тотчасъ-же повертывалась и уходила. И все молча. Другія такъ спорятъ, просятъ, торгуются чтобъ больше дали; эта нѣтъ, что дадутъ... Мнѣ кажется я все путаюсь... Да; меня прежде всего поразили ея вещи: серебряныя позолоченыя сережечки, дрянненькій медальончикъ,—вещи въ двугривенный. Она и сама знала, что цѣна имъ гривенникъ, но я по лицу видѣлъ что онѣ для нея драгоцѣнность,—и дѣйствительно это все что оставалось у ней отъ папаши и мамаши, послѣ узналъ. Разъ только я позволилъ себѣ усмѣхнуться на ея вещи. То есть, видите-ли, я этого себѣ никогда не позволяю, у меня съ публикой тонъ джентльменскій: мало словъ, вѣжливо и строго. «Строго, строго и строго». Но она вдругъ позволила себѣ принести остатки (т. е. буквально) старой заячьей куцавейки,—и я не удержался и вдругъ сказалъ ей что-то, въ родѣ какъ-бы остроты. Батюшки, какъ вспыхнула! Глаза у ней голубые, большіе, задумчивые, но—какъ загорѣлись! Но ни слова не выронила, взяла свои «остатки» и—вышла. Тутъ-то я и замѣтилъ ее въ первый разъ *особенно* и подумалъ что-то о ней въ этомъ родѣ, т. е. именно что-то въ особенномъ родѣ. Да: помню и еще впечатлѣніе, то есть, если хотите, самое главное впечатлѣніе, синтезъ всего: именно что ужасно молода, такъ молода, что точно четырнадцать лѣтъ. А межъ тѣмъ ей тогда ужь было безъ трехъ мѣсяцевъ шестнадцать. А впрочемъ я не то хотѣлъ сказать, вовсе не въ томъ былъ синтезъ. На завтра опять пришла. Я узналъ потомъ что она у Добронравова и у Мозера съ этой куцавейкой была, но тѣ кромѣ золота — ничего не принимаютъ и говорить не стали. Я-же у ней принялъ однажды камей (такъ дрянненькій)—и, осмысливъ, потомъ удивился: я кромѣ золота и серебра тоже ничего не принимаю, а ей допустилъ камей. Это вторая мысль объ ней тогда была, это я помню.

Въ этотъ разъ, т. е. отъ Мозера она принесла сигарный янтарный мундштукъ—вещица такъ себѣ, любительская, но у насъ опять-таки ничего не стоющая, потому что мы только золото. Так какъ она приходила уже послѣ вчерашняго *бунта*, то я встрѣ тилъ ее строго. Строгость у меня—это сухость. Однако-же, выда вая ей два рубля, я не удержался и сказалъ какъ-бы съ нѣкот рымъ раздраженіемъ: «я вѣдь это только *для васъ*, а такую веш у васъ Мозеръ не приметъ». Слово: *для васъ* я особенно подчер

Digitized by Google

нулъ, и именно въ *нѣкоторомъ смыслѣ*. Золъ былъ. Она опять вспыхнула выслушавъ это: *для васъ*, но смолчала, не бросила денегъ, приняла,—то-то бѣдность! А какъ вспыхнула! Я понялъ что укололъ. А когда она уже вышла, вдругъ спросилъ себя: такъ неужели-же это торжество надъ ней стоитъ двухъ рублей? Хе, хе, хе! Помню, что задалъ именно этотъ вопросъ два раза: «стоитъ-ли? стоитъ-ли?» И смѣясь разрѣшилъ его про себя въ утвердительномъ смыслѣ. Очень ужь я тогда развеселился. Но это было не дурное чувство: я съ умысломъ, съ намѣреніемъ; я ее испытать хотѣлъ, потому что у меня вдругъ забродили нѣкоторыя на ея счетъ мысли. Это была третья *особенная* моя мысль объ ней.

... Ну, вотъ съ тѣхъ поръ все и началось. Разумѣется, я тотчасъ-же постарался разузнать всѣ обстоятельства стороной и ждалъ ея прихода съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Я вѣдь предчувствовалъ что она скоро придетъ. Когда пришла, я вступилъ въ любезный разговоръ съ необычайною вѣжливостью. Я вѣдь недурно воспитанъ и имѣю манеры. Гм. Тутъ-то я догадался, что она добра и кротка. Добрые и кроткіе не долго сопротивляются и хоть вовсе не очень открываются, но отъ разговора увернуться никакъ не умѣютъ: отвѣчаютъ скупо, но отвѣчаютъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, только сами не уставайте если вамъ надо. Разумѣется, она тогда мнѣ сама ничего не объяснила. Это потомъ уже про «Голосъ» и про все я узналъ. Она тогда изъ послѣднихъ силъ публиковалась, сначала, разумѣется, заносчиво: «дескать, гувернантка, согласна въ отъѣздъ, и условія присылать въ пакетахъ», а потомъ: «согласна на все, и учить, и въ компаньонки, и за хозяйствомъ смотрѣть, и за больной ходить, и шить умѣю», и т. д. и т. д., все извѣстное! Разумѣется, все это прибавлялось къ публикаціи въ разные пріемы, а подконецъ, когда къ отчаянію подошло, такъ даже и «безъ жалованья, изъ хлѣба». Нѣтъ, не нашла мѣста! Я рѣшился ее тогда въ послѣдній разъ испытать: вдругъ беру сегодняшній «Голосъ» и показываю ей объявленіе: «Молодая особа, круглая сирота, ищетъ мѣста гувернантки къ малолѣтнимъ дѣтямъ, преимущественно у пожилаго вдовца. Можетъ облегчить въ хозяйствѣ».

— Вотъ видите, эта сегодня утромъ публиковалась, а къ вечеру навѣрно мѣсто нашла. Вотъ какъ надо публиковаться!

Опять вспыхнула, опять глаза загорѣлись, повернулась и тотчасъ ушла. Мнѣ очень понравилось. Впрочемъ, я былъ тогда уже во всемъ увѣренъ и не боялся: мундштуки-то никто принимать не станетъ. А у ней и мундштуки уже вышли. Такъ и есть, на третій день приходитъ, такая блѣдненькая, взволнованная,—я понялъ что у ней что-то вышло дома, и дѣйствительно вышло. Сейчасъ

Digitized by Google

объясню что вышло, но теперь хочу лишь припомнить какъ я вдругъ ей тогда шику задалъ и выросъ въ ея глазахъ. Такое у меня вдругъ явилось намѣреніе. Дѣло въ томъ, что она принесла этотъ образъ (рѣшилась принести)... Ахъ, слушайте! слушайте! Вотъ теперь уже началось, а то я все путался... Дѣло въ томъ, что я теперь все это хочу припомнить, каждую эту мелочь, каждую черточку. Я все хочу въ точку мысли собрать и — не могу, а вотъ эти черточки, черточки...

Образъ Богородицы. Богородица съ младенцемъ, домашній, семейный, старинный, риза серебряная золоченая—стоитъ—ну, рублей шесть стоитъ. Вижу, дорогъ ей образъ, закладываетъ весь образъ, ризы не снимая. Говорю ей: лучше-бы ризу снять, а образъ унесите; а то образъ все-таки какъ-то того.

— А развѣ вамъ запрещено?

Нѣтъ, не то что запрещено, а такъ можетъ быть вамъ самимъ...

— Ну, снимите.

— Знаете что̀, я не буду снимать, а поставлю вонъ туда въ кіотъ,—сказалъ я, подумавъ,—съ другими образами, подъ лампадкой (у меня всегда, какъ открылъ кассу, лампадка горѣла), и просто за просто возьмите десять рублей.

— Мнѣ не надо десяти, дайте мнѣ пять, я непремѣнно выкуплю.

— А десять не хотите? Образъ стоитъ,—прибавилъ я, замѣтивъ, что опять глазки сверкнули. Она смолчала. Я вынесъ ей пять рублей.

— Не презирайте никого, я самъ былъ въ этихъ тискахъ, да еще похуже-съ, и если теперь вы видите меня за такимъ занятіемъ... то вѣдь это, послѣ всего, что я вынесъ...

— Вы мстите обществу? Да? перебила она меня вдругъ съ довольно ѣдкой насмѣшкой, въ которой было, впрочемъ, много невиннаго (т. е. общаго, потому что меня она рѣшительно тогда отъ другихъ не отличала, такъ что почти безобидно сказала). Ага! подумалъ я, вотъ ты какая, характеръ объявляется, новаго направленія.

— Видите, замѣтилъ я тотчасъ-же полушутливо, полутаинственно: «Я—я есмь часть той части цѣлаго, которая хочетъ дѣлать зло, а творитъ добро»...

Она быстро и съ большимъ любопытствомъ, въ которомъ, впрочемъ, было много дѣтскаго, посмотрѣла на меня:

— Постойте... Что это за мысль? Откуда это? Я гдѣ-то слышала...

— Не ломайте головы, въ этихъ выраженіяхъ Мефистофель рекомендуется Фаусту. Фауста читали?

— Не... невнимательно.

Digitized by Google

— Т. е., не читали вовсе. Надо прочесть. А впрочемъ я вижу опять на вашихъ губахъ насмѣшливую складку. Пожалуста не предположите во мнѣ такъ мало вкуса, что я, чтобы закрасить мою роль закладчика, захотѣлъ отрекомендоваться вамъ Мефистофелемъ. Закладчикъ закладчикомъ и останется. Знаемъ-съ.

— Вы какой-то странный... Я вовсе не хотѣла вамъ сказать что нибудь такое...

Ей хотѣлось сказать: Я не ожидала что вы человѣкъ образованный, но она не сказала, за то я зналъ, что она это подумала; ужасно я угодилъ ей.

— Видите, замѣтилъ я, на всякомъ поприщѣ можно дѣлать хорошее. Я конечно не про себя, я кромѣ дурнаго, положимъ, ничего не дѣлаю, но...

— Конечно можно дѣлать и на всякомъ мѣстѣ хорошее, сказала она, быстрымъ и проникнутымъ взглядомъ смотря на меня. «Именно на всякомъ мѣстѣ», вдругъ прибавила она. О, я помню, я всѣ эти мгновенія помню! И еще хочу прибавить, что когда эта молодежь, эта милая молодежь, захочетъ сказать что нибудь такое умное и проникнутое, то вдругъ слишкомъ искренно и наивно покажетъ лицомъ, что: «вотъ дескать я говорю тебѣ теперь умное и проникнутое»—и не то чтобъ изъ тщеславія, какъ нашъ братъ, а такъ и видишь, что она сама ужасно цѣнитъ все это, и вѣруетъ, и уважаетъ, и думаетъ что и вы все это точно также какъ она уважаете. О, искренность! Вотъ тѣмъ-то и побѣждаютъ. А въ ней какъ было прелестно!

Помню, ничего не забылъ! Когда она вышла, я разомъ порѣшилъ. Въ тотъ-же день я пошелъ на послѣдніе поиски и узналъ объ ней всю остальную, уже текущую подноготную; прежнюю подноготную я зналъ уже всю отъ Лукерьи, которая тогда служила у нихъ и которую я уже нѣсколько дней тому подкупилъ. Эта подноготная была такъ ужасна, что я и не понимаю какъ еще можно было смѣяться, какъ она давеча, и любопытствовать о словахъ Мефистофеля, сама будучи подъ такимъ ужасомъ. Но — молодежь! Именно это подумалъ тогда объ ней съ гордостью и съ радостью, потому что тутъ вѣдь и великодушіе: дескать хоть и на краю гибели, а великія слова Гете сіяютъ. Молодость всегда хоть капельку и хоть въ кривую сторону да великодушна. То есть я вѣдь про нее, про нее одну. И главное я тогда смотрѣлъ ужь на нее какъ на *мою*, и не сомнѣвался въ моемъ могуществѣ. Знаете, пресладострастная это мысль, когда ужь не сомнѣваешься-то.

Но что со мной. Если я такъ буду, то когда я соберу все въ точку? Скорѣй, скорѣй—дѣло совсѣмъ не въ томъ, о Боже!

Digitized by Google

II.

Брачное предложеніе.

одноготную», которую я узналъ объ ней, объясню въ одномъ словѣ: отецъ и мать померли, давно уже, три года передъ тѣмъ, а осталась она у безпорядочныхъ тетокъ. То есть ихъ мало назвать безпорядочными. Одна тетка вдова, многосемейная, шесть человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше, другая въ дѣвкахъ, старая, скверная. Обѣ скверныя. Отецъ ея былъ чиновникъ, но изъ писарей, и всего лишь личный дворянинъ—однимъ словомъ: все мнѣ на руку. Я являлся какъ-бы изъ высшаго міра: все-же отставной штабсъ-капитанъ блестящаго полка, родовой дворянинъ, независимъ и проч., а что касса ссудъ, то тетки на это только съ уваженіемъ могли смотрѣть. У тетокъ три года была въ рабствѣ, но все-таки гдѣ-то экзаменъ выдержала, — успѣла выдержать, урвалась выдержать, изъ-подъ поденной безжалостной работы, — а это значило-же что нибудь въ стремленіи къ высшему и благородному съ ея стороны! Я вѣдь для чего хотѣлъ жениться? А впрочемъ обо мнѣ наплевать, это потомъ... И въ этомъ-ли дѣло!—Дѣтей теткиныхъ учила, бѣлье шила, а подконецъ не только бѣлье, а, съ ея грудью, и полы мыла. По просту онѣ даже ее били, попрекали кускомъ. Кончили тѣмъ что намѣревались продать. Тьфу! опускаю грязь подробностей. Потомъ она мнѣ все подробно передала. Все это наблюдалъ цѣлый годъ сосѣдній толстый лавочникъ, но не простой лавочникъ, а съ двумя бакалейными. Онъ ужь двухъ женъ усахарилъ и искалъ третью, вотъ и наглядѣлъ ее: «тихая, дескать, росла въ бѣдности, а я для сиротъ женюсь». Дѣйствительно у него были сироты. Присватался, сталъ сговариваться съ тетками, ктому-же — пятьдесятъ лѣтъ ему; она въ ужасѣ. Вотъ тутъ-то и зачастила ко мнѣ для публикацій въ «Голосѣ». Наконецъ, стала просить тетокъ чтобъ только самую капельку времени дали подумать. Дали ей эту капельку, но только одну, другой не дали, заѣли: «Сами не знаемъ что жрать и безъ лишняго рта». Я ужь это все зналъ, а въ тотъ день послѣ утрешняго и порѣшилъ. Тогда вечеромъ пріѣхалъ купецъ, привезъ изъ лавки фунтъ конфетъ въ полтинникъ; она съ нимъ сидитъ, а я вызвалъ изъ кухни Лукерью и велѣлъ сходить къ ней шепнуть, что я у воротъ и желаю ей что-то сказать въ самомъ неотложномъ видѣ. Я собою остался доволенъ. И вообще я весь тотъ день былъ ужасно доволенъ.

Digitized by Google

Тутъ-же у воротъ, ей, изумленной уже тѣмъ, что я ее вызвалъ, при Лукерьѣ, я объяснилъ, что сочту за счастье и за честь... Во вторыхъ: чтобъ не удивлялась моей манерѣ и что у воротъ: «человѣкъ дескать прямой и изучилъ обстоятельства дѣла». И я не вралъ, что прямой. Ну, наплевать. Говорилъ-же я не только прилично, т. е. выказавъ человѣка съ воспитаніемъ, но и оригинально, а это главное. Чтожь, развѣ въ этомъ грѣшно признаваться? Я хочу себя судить и сужу. Я долженъ говорить pro и contra, и говорю. Я и послѣ вспоминалъ про то съ наслажденіемъ, хоть это и глупо: я прямо объявилъ тогда, безъ всякаго смущенія, что во первыхъ не особенно талантливъ, не особенно уменъ, можетъ быть, даже не особенно добръ, довольно дешевый эгоистъ (я помню это выраженіе, я его дорогой идя тогда сочинилъ и остался доволенъ) и что очень, очень можетъ быть заключаю въ себѣ много непріятнаго и въ другихъ отношеніяхъ. Все это сказано было съ особеннаго рода гордостью, – извѣстно какъ это говорится. Конечно я имѣлъ настолько вкуса, что, объявивъ благородно мои недостатки, не пустился объявлять о достоинствахъ: «но дескать взамѣнъ того имѣю то-то, то-то и это-то». Я видѣлъ, что она пока еще ужасно боится, но я не смягчилъ ничего, мало того, видя что боится нарочно усилилъ: прямо сказалъ, что сыта будетъ, ну а нарядовъ, театровъ, баловъ — этого ничего не будетъ, развѣ впослѣдствіи, когда цѣли достигну. Этотъ строгій тонъ рѣшительно увлекалъ меня. Я прибавилъ, и тоже какъ можно вскользь, что если я и взялъ такое занятіе, т. е. держу эту кассу, то имѣю одну лишь цѣль, есть дескать такое одно обстоятельство... Но вѣдь я имѣлъ право такъ говорить: я дѣйствительно имѣлъ такую цѣль и такое обстоятельство. Постойте, господа, я всю жизнь ненавидѣлъ эту кассу ссудъ первый, но вѣдь въ сущности, хоть и смѣшно говорить самому себѣ таинственными фразами, а я вѣдь «мстилъ-же обществу», дѣйствительно, дѣйствительно, дѣйствительно! Такъ что острота ея утромъ на счетъ того, что я «мщу», была несправедлива. Т. е. видите-ли, скажи я ей прямо словами: «Да, я мщу обществу», и она-бы расхохоталась какъ давеча утромъ, и вышло-бы въ самомъ дѣлѣ смѣшно. Ну, а косвеннымъ намекомъ, пустивъ таинственную фразу, оказалось, что можно подкупить воображеніе. Къ тому-же я тогда уже ничего не боялся: я вѣдь зналъ, что толстый лавочникъ во всякомъ случаѣ ей гаже меня и что я, стоя у воротъ, явлюсь освободителемъ. Понималъ-же вѣдь я это. О, подлости человѣкъ особенно хорошо понимаетъ! Но подлости-ли? Какъ вѣдь тутъ судить человѣка? Развѣ не любилъ я ее даже тогда уже?

Digitized by Google

Постойте: разумѣется, я ей о благодѣяніи тогда ни полслова; напротивъ, о напротивъ: «это *я* дескать остаюсь облагодѣтельствованъ, а не *вы*». Такъ что я это даже словами выразилъ, не удержался, и вышло, можетъ быть, глупо, потому что замѣтилъ бѣглую складку въ лицѣ. Но въ цѣломъ рѣшительно выигралъ. Постойте, если всю эту грязь припоминать, то припомню и послѣднее свинство: я стоялъ, а въ головѣ шевелилось: ты высокъ, строенъ, воспитанъ и—и наконецъ, говоря безъ фанфаронства, ты не дуренъ собой. Вотъ что играло въ моемъ умѣ. Разумѣется, она, тутъ-же у воротъ, сказала мнѣ *да*. Но... но я долженъ прибавить: она тутъ-же у воротъ долго думала, прежде чѣмъ сказала *да*. Такъ задумалась, такъ задумалась, что я уже спросилъ было: «ну что-жь?» — и даже не удержался, съ этакимъ шикомъ спросилъ: «ну что-же-съ?»—съ словоерсомъ.

— Подождите, я думаю.

И такое у ней было серьезное личико, такое—что ужь тогда-бы я могъ прочесть! А я-то обижался: «неужели, думаю, она между мной и купцомъ выбираетъ?» О, тогда я еще не понималъ! Я ничего, ничего еще тогда не понималъ! До сегодня не понималъ! Помню, Лукерья выбѣжала за мною вслѣдъ, когда я уже уходилъ, остановила на дорогѣ и сказала впопыхахъ: «Богъ вамъ заплатитъ, сударь, что нашу барышню милую берете, только вы ей это не говорите, она гордая».

Ну, гордая! Я, дескать, самъ люблю горденькихъ. Гордыя особенно хороши когда... ну когда ужь не сомнѣваешься въ своемъ надъ ними могуществѣ, а? О низкій, неловкій человѣкъ! О какъ я былъ доволенъ! Знаете, вѣдь у ней, когда она тогда у воротъ стояла, задумавшись, чтобъ сказать мнѣ да, а я удивлялся, знаете-ли, что у ней могла быть даже такая мысль: «Если ужь несчастье и тамъ и тутъ, такъ не лучше-ли прямо самое худшее выбрать, т. е. толстаго лавочника, пусть поскорѣй убьетъ пьяный до смерти!» А? Какъ вы думаете, могла быть такая мысль?

Да и теперь не понимаю, и теперь ничего не понимаю! Я сейчасъ только что сказалъ, что она могла имѣть эту мысль: что изъ двухъ несчастій выбрать худшее, т. е. купца? А кто былъ для нея тогда хуже—я, аль купецъ? Купецъ или закладчикъ, цитующій Гете? Это еще вопросъ! Какой вопросъ? И этого не понимаешь: отвѣтъ на столѣ лежитъ, а ты говоришь, вопросъ! Да и наплевать на меня! Не во мнѣ совсѣмъ дѣло... А кстати, что для меня теперь—во мнѣ или не во мнѣ дѣло? Вотъ этого такъ ужь совсѣмъ рѣшить не могу. Лучше-бы спать лечь. Голова болитъ...

Digitized by Google

III.

Благороднѣйшій изъ людей, но самъ-же и не вѣрю.

Не заснулъ. Да и гдѣ-жь, стучитъ какой-то пульсъ въ головѣ. Хочется все это усвоить, всю эту грязь. О, грязь! О, изъ какой грязи я тогда ее вытащилъ! Вѣдь должна-же она была это понимать, оцѣнить мой поступокъ! Нравились мнѣ тоже разныя мысли, напримѣръ, что мнѣ сорокъ одинъ, а ей только что шестнадцать. Это меня плѣняло, это ощущеніе неравенства, очень сладостно это, очень сладостно.

Я, напримѣръ, хотѣлъ сдѣлать свадьбу a l'anglaise, т. е. рѣшительно вдвоемъ, при двухъ развѣ свидѣтеляхъ, изъ коихъ одна Лукерья, и потомъ тотчасъ въ вагонъ, напримѣръ хоть въ Москву (тамъ у меня кстати-же случилось дѣло) въ гостинницу, недѣли на двѣ. Она воспротивилась, она не позволила, и я принужденъ былъ ѣздить къ теткамъ съ почтеніемъ, какъ къ родственницамъ отъ которыхъ беру ее. Я уступилъ, и теткамъ оказано было надлежащее. Я даже подарилъ этимъ тварямъ по сту рублей и еще обѣщалъ, ей разумѣется про то не сказавши, чтобы не огорчить ее низостью обстановки. Тетки тотчасъ-же стали шолковыя. Былъ споръ и о приданомъ: у ней ничего не было, почти буквально, но она ничего и не хотѣла. Мнѣ однако-же удалось доказать ей, что совсѣмъ ничего — нельзя, и приданое сдѣлалъ я, потому что кто-же-бы ей что сдѣлалъ? Ну, да наплевать обо мнѣ. Разныя мои идеи однако-же я ей всетаки успѣлъ тогда передать, чтобы знала, по крайней мѣрѣ. Поспѣшилъ даже можетъ быть. Главное, она съ самаго начала, какъ ни крѣпилась, а бросилась ко мнѣ съ любовью, встрѣчала, когда я пріѣзжалъ по вечерамъ, съ восторгомъ, разсказывала своимъ лепетомъ (очаровательнымъ лепетомъ невинности!) все свое дѣтство, младенчество, про родительскій домъ, про отца и мать. Но я все это упоеніе тутъ-же обдалъ сразу холодной водой. Вотъ въ томъ-то и была моя идея. На восторги я отвѣчалъ молчаніемъ, благосклоннымъ конечно... но все-же она быстро увидала, что и разница и что я—загадка. А я главное и билъ на загадку! Вѣдь для того, чтобы загадать загадку, я, можетъ быть, и всю эту глупость сдѣлалъ! Во первыхъ, строгость,— такъ подъ строгостью и въ домъ ее ввелъ. Однимъ словомъ, тогда, ходя и будучи доволенъ, я создалъ цѣлую систему. О, безъ всякой натуги сама собой вылилась. Да и нельзя было иначе, я дол-

Digitized by Google

женъ былъ создать эту систему по неотразимому обстоятельству,— что-жь я въ самомъ дѣлѣ клевещу-то на себя! Система была истинная. Нѣтъ, послушайте, если ужь судить человѣка, то судить зная дѣло... Слушайте:

Какъ-бы это начать, потому что это очень трудно. Когда начнешь оправдываться — вотъ и трудно. Видите-ли: молодежь презираетъ, напримѣръ, деньги, — я тотчасъ-же налегъ на деньги; я наперъ на деньги. И такъ налегъ, что она все больше и больше начала умолкать. Раскрывала большіе глаза, слушала, смотрѣла и умолкала. Видите-ли: молодежь великодушна, то есть хорошая молодежь, великодушна и порывиста, но мало терпимости, чуть что не такъ и презрѣніе. А я хотѣлъ широкости, я хотѣлъ привить широкость прямо къ сердцу, привить къ сердечному взгляду, не такъ-ли? Возьму пошлый примѣръ: какъ-бы я, напримѣръ, объяснилъ мою кассу ссудъ такому характеру? Разумѣется, я не прямо заговорилъ, иначе вышло-бы что я прошу прощенія за кассу ссудъ, а я такъ сказать дѣйствовалъ гордостью, говорилъ почти молча. А я мастеръ молча говорить, я всю жизнь мою проговорилъ молча, и прожилъ самъ съ собою цѣлыя трагедіи молча. О, вѣдь и я-же былъ несчастливъ! Я былъ выброшенъ всѣми, выброшенъ и забытъ, и никто-то, никто-то этого не знаетъ! И вдругъ эта шестнадцати-лѣтняя нахватала обо мнѣ потомъ подробностей, отъ подлыхъ людей, и думала что все знаетъ, а сокровенное, между тѣмъ, оставалось лишь въ груди этого человѣка! Я все молчалъ, и особенно, особенно съ ней молчалъ, до самаго вчерашняго дня,—почему молчалъ? А какъ гордый человѣкъ. Я хотѣлъ, чтобъ она узнала сама, безъ меня, но уже не по разсказамъ подлецовъ, а чтобы *сама догадалась* объ этомъ человѣкѣ и постигла его! Принимая ее въ домъ свой, я хотѣлъ полнаго уваженія. Я хотѣлъ, чтобъ она стояла предо мной въ мольбѣ за мои страданія — и я стоилъ того. О, я всегда былъ гордъ, я всегда хотѣлъ или всего или ничего! Вотъ именно потому что я не половинщикъ въ счастьи, а всего захотѣлъ—именно потому я и вынужденъ былъ такъ поступить тогда: «дескать, сама догадайся и оцѣни»! Потому что, согласитесь, вѣдь еслибъ, я самъ началъ ей объяснять и подсказывать, вилять и уваженія просить, — такъ вѣдь я все равно, что просилъ-бы милостыни... А впрочемъ... а впрочемъ что-жь я объ этомъ говорю!

Глупо, глупо, глупо и глупо! Я прямо и безжалостно (и я напираю на то, что безжалостно) объяснилъ ей тогда, въ двухъ словахъ, что великодушіе молодежи прелестно, но — гроша не стоитъ. Почему не стоитъ? Потому, что дешево ей достается, получилось не живши, все это, такъ сказать, «первыя впечатлѣнія бытія», а

Digitized by Google

вотъ посмотримъ-ка васъ на трудѣ! Дешевое великодушіе всегда легко, и даже отдать жизнь — и это дешево, потому что тутъ только кровь кипитъ и силъ избытокъ, красоты страстно хочется! Нѣтъ, возьмите-ка подвигъ великодушія трудный, тихій, неслышный, безъ блеску, съ клеветой, гдѣ много жертвы и ни капли славы,—гдѣ вы, сіяющій человѣкъ, предъ всѣми выставлены подлецомъ, тогда какъ вы честнѣе всѣхъ людей на землѣ, — нутка попробуйте-ка этотъ подвигъ, нѣтъ-съ, откажетесь! А я,—я только всю жизнь и дѣлалъ, что носилъ этотъ подвигъ. Сначала спорила, ухъ какъ, а потомъ начала примолкать, совсѣмъ даже, только глаза ужасно открывала слушая, большіе, большіе такіе глаза, внимательные. И... и кромѣ того, я вдругъ увидѣлъ улыбку, недовѣрчивую, молчаливую, нехорошую. Вотъ съ этой-то улыбкой я и ввелъ ее въ мой домъ. Правда и то, что ей ужь некуда было идти...

IV.

Все планы и планы.

Кто у насъ тогда первый началъ?

Никто. Само началось съ перваго шага. Я сказалъ, что я ввелъ ее въ домъ подъ строгостью, однако съ перваго-же шага смягчилъ. Еще невѣстѣ ей было объяснено, что она займется пріемомъ закладовъ и выдачей денегъ и она вѣдь тогда ничего не сказала, (это замѣтьте). Мало того,—принялась за дѣло даже съ усердіемъ. Ну, конечно, квартира, мебель—все осталось по прежнему. Квартира—двѣ комнаты; одна—большая зала, гдѣ отгорожена и касса, а другая тоже большая, наша комната, общая, тутъ и спальня. Мебель у меня скудная; даже у тетокъ была лучше. Кіотъ мой съ лампадкой, это въ залѣ, гдѣ касса; у меня-же въ комнатѣ мой шкафъ и въ немъ нѣсколько книгъ, и укладка, ключи у меня; ну, тамъ постель, столы, стулья. Еще невѣстѣ сказалъ, что на наше содержаніе, то есть на пищу, мнѣ, ей и Лукерьѣ, которую я переманилъ, опредѣляется въ день рубль и не больше: «Мнѣ дескать нужно тридцать тысячъ въ три года, а иначе денегъ не наживешь». Она не препятствовала, но я самъ возвысилъ содержаніе на тридцать копѣекъ. Тоже и театръ. Я сказалъ невѣстѣ, что не будетъ театра и однакожь положилъ разъ въ мѣсяцъ театру быть, и прилично, въ креслахъ. Ходили вмѣстѣ, были три раза, смотрѣли «По-

Digitized by Google

гоню за счастьемъ» и «Птицы пѣвчія» кажется (О, наплевать, наплевать!). Молча ходили и молча возвращались. Почему, почему мы съ самаго начала принялись молчать? Сначала вѣдь ссоръ не было, а тоже молчаніе. Она все какъ-то, помню, тогда изъ-подтишка на меня глядѣла; я какъ замѣтилъ это и усилилъ молчаніе. Правда, это я на молчаніе наперъ, а не она. Съ ея стороны разъ или два были порывы, бросалась обнимать меня; но такъ какъ порывы были болѣзненные, истерическіе, а мнѣ надо было твердаго счастья, съ уваженіемъ отъ нея, то я принялъ холодно. Да и правъ былъ: каждый разъ послѣ порывовъ на другой день была ссора.

То есть ссоръ не было, опять-таки, но было молчаніе и—и все больше и больше дерзкій видъ съ ея стороны. «Бунтъ и независимость»—вотъ что было, только она не умѣла. Да, это кроткое лицо становилось все дерзче и дерзче. Вѣрите-ли, я ей становился поганъ, я вѣдь изучилъ это. А въ томъ, что она выходила порывами изъ себя, въ этомъ не было сомнѣнія. Ну, какъ, напримѣръ, выйдя изъ такой грязи и нищеты, послѣ мытья-то половъ, начать вдругъ фыркать на нашу бѣдность! Видите-съ: была не бѣдность, а была экономія, а въ чемъ надо—такъ и роскошь, въ бѣльѣ, напримѣръ, въ чистотѣ. Я всегда и прежде мечталъ, что чистота въ мужѣ прельщаетъ жену. Впрочемъ, она не на бѣдность, а на мое, будто-бы, скаредство въ экономіи: «цѣли, дескать, имѣетъ, твердый характеръ показываетъ». Отъ театра вдругъ сама отказалась. И все пуще и пуще насмѣшливая складка... а я усиливаю молчаніе, а я усиливаю молчаніе.

Не оправдываться-же? Тутъ, главное, эта касса ссудъ. Позвольте-съ: я зналъ, что женщина, да еще шестнадцати лѣтъ, не можетъ не подчиниться мужчинѣ вполнѣ. Въ женщинахъ нѣтъ оригинальности, это—это аксіома, даже и теперь, даже и теперь для меня аксіома! Чтожь такое, что тамъ въ залѣ лежитъ: истина есть истина, и тутъ самъ Милль ничего не подѣлаетъ! А женщина любящая, о, женщина любящая,—даже пороки, даже злодѣйства любимаго существа обоготворитъ. Онъ самъ не подъищетъ своимъ злодѣйствамъ такихъ оправданій, какія она ему найдетъ. Это великодушно, но не оригинально. Женщинъ погубила одна лишь неоригинальность. И чтожь, повторяю, что вы мнѣ указываете тамъ на столѣ? Да развѣ это оригинально что тамъ на столѣ? О—о!

Слушайте: въ любви ея я былъ тогда увѣренъ. Вѣдь бросалась-же она ко мнѣ и тогда на шею. Любила значитъ, вѣрнѣе—желала любить. Да, вотъ такъ это и было: желала любить, искала любить. А главное вѣдь въ томъ, что тутъ и злодѣйствъ никакихъ такихъ не было, которымъ-бы ей пришлось подыскивать оправда-

Digitized by Google

нія. Вы говорите: закладчикъ, и всѣ говорятъ. А чтожъ что закладчикъ? Значитъ, есть-же причины, коли великодушнѣйшій изъ людей сталъ закладчикомъ. Видите, господа, есть идеи... т. е. видите, если иную идею произнести, выговорить словами, то выйдетъ ужасно глупо. Выйдетъ стыдно самому. А почему? Ни почему. Потому, что мы всѣ дрянь и правды не выносимъ, или ужь я не знаю. Я сказалъ сейчасъ «великодушнѣйшій изъ людей». Это смѣшно, а между тѣмъ вѣдь это такъ и было. Вѣдь это правда, т. е. самая, самая правденская правда! Да, я *имѣлъ право* захотѣть себя тогда обезпечить и открыть эту кассу: «Вы отвергли меня, вы, люди то есть, вы прогнали меня съ презрительнымъ молчаніемъ. На мой страстный порывъ къ вамъ вы отвѣтили мнѣ обидой на всю мою жизнь. Теперь я, стало быть, въ правѣ былъ оградиться отъ васъ стѣной, собрать эти тридцать тысячъ рублей и окончить жизнь гдѣ-нибудь въ Крыму, на Южномъ берегу, въ горахъ и виноградникахъ, въ своемъ имѣніи, купленномъ на эти тридцать тысячъ, а, главное, вдали отъ всѣхъ васъ, но безъ злобы на васъ, съ идеаломъ въ душѣ, съ любимой у сердца женщиной, съ семьей, если Богъ пошлетъ и— помогая окрестнымъ поселянамъ». Разумѣется, хорошо, что я это самъ теперь про себя говорю, а то что могло быть глупѣе, еслибъ я тогда ей это вслухъ расписалъ? Вотъ почему и гордое молчаніе, вотъ почему и сидѣли молча. Потому, что-жь-бы она поняла? Шестнадцать-то лѣтъ, первая-то молодость,—да что могла она понять изъ моихъ оправданій, изъ моихъ страданій? Тутъ прямолинейность, незнаніе жизни, юныя дешевыя убѣжденія, слѣпота куриная «прекрасныхъ сердецъ», а главное тутъ—касса ссудъ и— баста, (а развѣ я былъ злодѣй въ кассѣ ссудъ, развѣ не видѣла она, какъ я поступалъ и бралъ-ли я лишнее?)! О, какъ ужасна правда на землѣ! Эта прелесть, эта кроткая, это небо—она была тиранъ, нестерпимый тиранъ души моей и мучитель! Вѣдь я наклевещу на себя если этого не скажу! Вы думаете, я ее не любилъ? Кто можетъ сказать, что я ее не любилъ? Видите-ли: тутъ иронія, тутъ вышла злая иронія судьбы и природы! Мы проклятъ, жизнь людей проклята вообще! (моя въ частности!). Я вѣдь понимаю-же теперь, что я въ чемъ-то тутъ ошибся! Тутъ что-то вышло не такъ. Все было ясно, планъ мой былъ ясенъ какъ небо: «Суровъ, гордъ и въ нравственныхъ утѣшеніяхъ ни въ чьихъ не нуждается, страдаетъ молча». Такъ оно и было, не лгалъ, не лгалъ! «Увидитъ потомъ сама, что тутъ было великодушіе, но только она не съумѣла замѣтить—и какъ догадается объ этомъ когда-нибудь, то оцѣнитъ вдесятеро и падетъ въ прахъ сложа въ мольбѣ руки». Вотъ планъ. Но тутъ я что-то забылъ или упустилъ изъ виду.

Digitized by Google

Не съумѣлъ я что-то тутъ сдѣлать. Но довольно, довольно! И у кого теперь прощенія просить? Кончено такъ кончено. Смѣлѣй человѣкъ, и будь гордъ! Не ты виноватъ!..

Чтожь, я скажу правду, я не побоюсь стать предъ правдой лицомъ къ лицу: *она* виновата, *она* виновата!..

V.

Кроткая бунтуетъ.

соры начались съ того, что она вдругъ вздумала выдавать деньги по своему, цѣнить вещи выше стоимости и даже раза два удостоила со мной вступить на эту тэму въ споръ. Я не согласился. Но тутъ подвернулась эта капитанша.

Пришла старуха капитанша съ медальономъ—покойнаго мужа подарокъ, ну, извѣстно, сувениръ. Я выдалъ тридцать рублей. Принялась жалобно ныть, просить чтобъ сохранили вещь,—разумѣется, сохранимъ. Ну, однимъ словомъ, вдругъ черезъ пять дней приходитъ обмѣнять на браслетъ, который не стоилъ и восьми рублей; я, разумѣется, отказалъ. Должно быть, она тогда-же угадала что нибудь по глазамъ жены, но только она пришла безъ меня и та обмѣняла ей медальонъ.

Узнавъ въ тотъ-же день, я заговорилъ кротко, но твердо и резонно. Она сидѣла на постели, смотрѣла въ землю, щелкая правымъ носкомъ по коврику (ея жестъ); дурная улыбка стояла на ея губахъ. Тогда я, вовсе не возвышая голоса, объявилъ спокойно, что деньги *мои*, что я имѣю право смотрѣть на жизнь *моими* глазами, и—что когда я приглашалъ ее къ себѣ въ домъ, то вѣдь ничего не скрылъ отъ нея.

Она вдругъ вскочила, вдругъ вся затряслась и — что-бы вы думали — вдругъ затопала на меня ногами; это былъ звѣрь, это былъ припадокъ, это былъ звѣрь въ припадкѣ. Я оцѣпенѣлъ отъ изумленія; такой выходки я никогда не ожидалъ. Но не потерялся, я даже не сдѣлалъ движенія, и опять, прежнимъ спокойнымъ голосомъ прямо объявилъ, что съ сихъ поръ лишаю ее участія въ моихъ занятіяхъ. Она захохотала мнѣ въ лицо и вышла из квартиры.

Дѣло въ томъ, что выходить изъ квартиры она не имѣла права Безъ меня никуда, таковъ былъ уговоръ еще въ невѣстахъ. К вечеру она воротилась; я ни слова.

Digitized by Google

На завтра тоже съ утра ушла, на послѣ завтра опять. Я заперъ кассу и направился къ теткамъ. Съ ними я съ самой свадьбы прервалъ — ни ихъ къ себѣ, ни сами къ нимъ. Теперь оказалось, что она у нихъ не была. Выслушали меня съ любопытствомъ и мнѣ-же насмѣялись въ глаза: «Такъ вамъ, говорятъ, и надо». Но я и ждалъ ихъ смѣха. Тутъ-же, младшую тетку, дѣвицу, за сто рублей подкупилъ и двадцать пять далъ впередъ. Черезъ два дня она приходитъ ко мнѣ: «Тутъ, говоритъ, офицеръ, Ефимовичъ, поручикъ, бывшій вашъ прежній товарищъ въ полку, замѣшанъ». Я былъ очень изумленъ. Этотъ Ефимовичъ болѣе всего зла мнѣ нанесъ въ полку, а съ мѣсяцъ назадъ, разъ и другой, будучи безстыденъ, зашелъ въ кассу подъ видомъ закладовъ, и, помню, съ женой тогда началъ смѣяться. Я тогда-же подошелъ и сказалъ ему, чтобъ онъ не осмѣливался ко мнѣ приходить, вспомня наши отношенія; но и мысли объ чемъ нибудь такомъ у меня въ головѣ не было, а такъ просто подумалъ что нахалъ. Теперь-же вдругъ тетка сообщаетъ, что съ нимъ у ней уже назначено свиданіе и что всѣмъ дѣломъ орудуетъ одна прежняя знакомая тетокъ, Юлія Самсоновна, вдова, да еще полковница,—«къ ней-то дескать ваша супруга и ходитъ теперь».

Эту картину я сокращу. Всего мнѣ стоило это дѣло рублей до трехсотъ, но въ двое сутокъ устроено было такъ, что я буду стоять въ сосѣдней комнатѣ, за притворенными дверями, и слышать первый rendez-vous наединѣ моей жены съ Ефимовичемъ. Въ ожиданіи-же, наканунѣ, произошла у меня съ ней одна краткая, но слишкомъ знаменательная для меня сцена.

Воротилась она передъ вечеромъ, сѣла на постель, смотритъ на меня насмѣшливо и ножкой бьетъ о коврикъ. Мнѣ вдругъ, смотря на нее, влетѣла тогда въ голову идея, что весь этотъ послѣдній мѣсяцъ, или лучше двѣ послѣднія передъ симъ недѣли, она была совсѣмъ не въ своемъ характерѣ, можно даже сказать—въ обратномъ характерѣ: являлось существо буйное, нападающее, не могу сказать безстыдное, но безпорядочное и само ищущее смятенія. Напрашивающееся на смятеніе. Кротость однако-же мѣшала. Когда этакая забуйствуетъ, то хотя-бы и перескочила мѣру, а все видно, что она сама себя только ломитъ, сама себя подгоняетъ, и что съ цѣломудріемъ и стыдомъ своимъ ей самой, первой, справиться невозможно. Оттого-то этакія и выскакиваютъ порой слишкомъ ужь не въ мѣрку, такъ что не вѣришь собственному наблюдающему уму. Привычная-же къ разврату душа напротивъ всегда смягчитъ, сдѣлаетъ гаже, но въ видѣ порядка и приличія, который надъ вами-же имѣетъ претензію превосходствовать.

Digitized by Google

— А правда, что васъ изъ полка выгнали за то, что вы на дуэль выйти струсили? вдругъ спросила она, съ дубу сорвавъ, и глаза ея засверкали.

— Правда; меня, по приговору офицеровъ, попросили изъ полка удалиться, хотя впрочемъ я самъ уже передъ тѣмъ подалъ въ отставку.

— Выгнали какъ труса?

— Да, они присудили какъ труса. Но я отказался отъ дуэли не какъ трусъ, а потому что не захотѣлъ подчиниться ихъ тираническому приговору и вызывать на дуэль когда не находилъ самъ обиды. Знайте,—не удержался я тутъ,—что возстать дѣйствіемъ противъ такой тираніи, и принять всѣ послѣдствія, значило выказать гораздо болѣе мужества, чѣмъ въ какой хотите дуэли.

Я не сдержался, я этой фразой какъ-бы пустился въ оправданіе себя; а ей только этого и надо было, этого новаго моего униженія. Она злобно разсмѣялась.

— А правда, что вы три года потомъ по улицамъ въ Петербургѣ какъ бродяга ходили и по гривеннику просили, и подъ билліярдами ночевали?

— Я и на Сѣнной въ домѣ Вяземскаго ночевывалъ. Да, правда; въ моей жизни было потомъ, послѣ полка, много позора и паденія, но не нравственнаго паденія, потому что я самъ-же, первый, ненавидѣлъ мои поступки даже тогда. Это было лишь паденіе воли моей и ума и было вызвано лишь отчаяніемъ моего положенія. Но это прошло...

— О, теперь вы лицо—финансистъ!

То есть это намекъ на кассу ссудъ. Но я уже успѣлъ сдержать себя. Я видѣлъ, что она жаждетъ унизительныхъ для меня объясненій и—не далъ ихъ. Кстати-же позвонилъ закладчикъ и я вышелъ къ нему въ залу. Послѣ, уже черезъ часъ, когда она вдругъ одѣлась чтобъ выдти, остановилась предо мной и сказала:

— Вы однакожь мнѣ объ этомъ ничего не сказали до свадьбы?

Я не отвѣтилъ и она ушла.

И такъ, на завтра, я стоялъ въ этой комнатѣ за дверями и слушалъ какъ рѣшалась судьба моя, а въ карманѣ моемъ былъ револьверъ. Она была пріодѣта, сидѣла за столомъ, а Ефимовичъ передъ нею ломался. И что-жь: вышло то (я къ чести моей говорю это), вышло точь-въ-точь то, что я предчувствовалъ и предполагалъ, хоть и не сознавая что я предчувствую и предполагаю это. Не знаю, понятно-ли выражаюсь.

Вотъ что вышло. Я слушалъ цѣлый часъ и цѣлый часъ присутствовалъ при поединкѣ женщины, благороднѣйшей и возвышен

Digitized by Google

ной, съ свѣтской, развратной, тупой тварью, съ пресмыкающеюся душой. И откуда, думалъ я, пораженный, откуда эта наивная, эта кроткая, эта малословесная знаетъ все это? Остроумнѣйшій авторъ великосвѣтской комедіи не могъ-бы создать этой сцены насмѣшекъ, наивнѣйшаго хохота и святаго презрѣнія добродѣтели къ пороку. И сколько было блеска въ ея словахъ и маленькихъ словечкахъ; какая острота въ быстрыхъ отвѣтахъ, какая правда въ ея осужденіи. И въ тоже время столько дѣвическаго почти простодушія. Она смѣялась ему въ глаза надъ его объясненіями въ любви, надъ его жестами, надъ его предложеніями. Пріѣхавъ съ грубымъ приступомъ къ дѣлу и не предполагая сопротивленія, онъ вдругъ такъ и осѣлъ. Сначала я-бы могъ подумать, что тутъ у ней просто кокетство—«кокетство хоть и развратнаго, но остроумнаго существа, чтобъ дороже себя выставить». Но нѣтъ, правда засіяла какъ солнце и сомнѣваться было нельзя. Изъ ненависти только ко мнѣ, напускной и порывистой, она, неопытная, могла рѣшиться затѣять это свиданіе, но какъ дошло до дѣла — то у ней тотчасъ открылись глаза. Просто металось существо, чтобы оскорбить меня чѣмъ-бы то ни было, но, рѣшившись на такую грязь, не вынесло безпорядка. И ее-ли, безгрѣшную и чистую, имѣющую идеалъ, могъ прельстить Ефимовичъ или кто хотите изъ этихъ великосвѣтскихъ тварей? Напротивъ, онъ возбудилъ лишь смѣхъ. Вся правда поднялась изъ ея души и негодованіе вызвало изъ сердца сарказмъ. Повторяю, этотъ шутъ подконецъ совсѣмъ осовѣлъ и сидѣлъ нахмурившись, едва отвѣчая, такъ что я даже сталъ бояться чтобъ не рискнулъ оскорбить ее изъ низкаго мщенія. И опять повторяю: къ чести моей, эту сцену я выслушалъ почти безъ изумленія. Я какъ будто встрѣтилъ одно знакомое. Я какъ будто шелъ за тѣмъ, чтобъ это встрѣтить. Я шелъ ничему не вѣря, никакому обвиненію, хотя и взялъ револьверъ въ карманъ,—вотъ правда! И могъ развѣ я вообразить ее другою? Изъ за чего-жь я любилъ, изъ за чего-жь я цѣнилъ ее, изъ за чего-жь женился на ней? О, конечно, я слишкомъ убѣдился въ томъ, сколь она меня тогда ненавидѣла, но убѣдился и въ томъ, сколь она непорочна. Я прекратилъ сцену вдругъ, отворивъ двери. Ефимовичъ вскочилъ, я взялъ ее за руку и пригласилъ со мной выдти. Ефимовичъ нашелся и вдругъ звонко и раскатисто расхохотался:

— О, противъ священныхъ супружескихъ правъ я не возражаю, уводите, уводите! И знаете, крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ,—хоть съ вами и нельзя драться порядочному человѣку, но, изъ уваженія къ вашей дамѣ, я къ вашимъ услугамъ... Если вы, впрочемъ, сами рискнете...

Digitized by Google

— Слышите! остановилъ я ее на секунду на порогѣ.

Затѣмъ всю дорогу до дома ни слова. Я велъ ее за руку и она не сопротивлялась. Напротивъ, она была ужасно поражена, но только до дома. Придя домой, она сѣла на стулъ и уперлась въ меня взглядомъ. Она была чрезвычайно блѣдна; губы хоть и сложились тотчасъ-же въ насмѣшку, но смотрѣла она уже съ торжественнымъ и суровымъ вызовомъ и, кажется, серьозно убѣждена была, въ первыя минуты, что я убью ее изъ револьвера. Но я молча вынулъ револьверъ изъ кармана и положилъ на столъ. Она смотрѣла на меня и на револьверъ. (Замѣтьте: револьверъ этотъ былъ ей уже знакомъ. Заведенъ онъ былъ у меня и заряженъ съ самаго открытія кассы. Открывая кассу, я порѣшилъ не держать ни огромныхъ собакъ, ни сильнаго лакея, какъ, напримѣръ, держитъ Мозеръ. У меня посѣтителямъ отворяетъ кухарка. Но занимающимся нашимъ ремесломъ невозможно лишить себя, на всякій случай, самозащиты и я завелъ заряженный револьверъ. Она, въ первые дни, какъ вошла ко мнѣ въ домъ, очень интересовалась этимъ револьверомъ, разспрашивала и я объяснилъ даже ей устройство и систему, кромѣ того, убѣдилъ разъ выстрѣлить въ цѣль. Замѣтьте все это). Не обращая вниманія на ея испуганный взглядъ, я, полураздѣтый, легъ на постель. Я былъ очень обезсиленъ; было уже около одинадцати часовъ. Она продолжала сидѣть на томъ-же мѣстѣ, не шевелясь, еще около часа, затѣмъ потушила свѣчу и легла, тоже одѣтая, у стѣны, на диванѣ. Въ первый разъ не легла со мной,—это тоже замѣтьте...

VI.

Страшное воспоминаніе.

Теперь это страшное воспоминаніе...

Я проснулся утромъ, я думаю, въ восьмомъ часу и въ комнатѣ было уже почти совсѣмъ свѣтло. Я проснулся разомъ съ полнымъ сознаніемъ и вдругъ открылъ глаза. Она стояла у стола и держала въ рукахъ револьверъ. Она не видѣла, что я проснулся и гляжу. И вдругъ я вижу, что она стала надвигаться ко мнѣ съ револьверомъ въ рукахъ. Я быстро закрылъ глаза и притворился крѣпко спящимъ.

Она дошла до постели и стала надо мной. Я слышалъ все; хоть и настала мертвая тишина, но я слышалъ эту тишину. Тутъ произошло одно судорожное движеніе — и я вдругъ, неудержимо

Digitized by Google

открылъ глаза противъ воли. Она смотрѣла прямо на меня, мнѣ въ глаза, и револьверъ уже былъ у моего виска. Глаза наши встрѣтились. Но мы глядѣли другъ на друга не болѣе мгновенія. Я съ силой закрылъ глаза опять, и въ тоже мгновеніе рѣшилъ изо всей силы моей души, что болѣе уже не шевельнусь и не открою глазъ, чтобы ни ожидало меня.

Въ самомъ дѣлѣ, бываетъ, что и глубоко спящій человѣкъ вдругъ открываетъ глаза, даже приподымаетъ на секунду голову и оглядываетъ комнату, затѣмъ, черезъ мгновеніе, безъ сознанія кладетъ опять голову на подушку и засыпаетъ ничего не помня. Когда я, встрѣтившись съ ея взглядомъ и ощутивъ револьверъ у виска, вдругъ закрылъ опять глаза и не шевельнулся, какъ глубоко спящій,—она рѣшительно могла предположить, что я въ самомъ дѣлѣ сплю и что ничего не видалъ, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ невѣроятно, увидавъ то, что я увидѣлъ, закрыть въ *такое* мгновеніе опять глаза.

Да, невѣроятно. Но она все-таки могла угадать и правду,— это-то и блеснуло въ умѣ моемъ вдругъ, все въ тоже мгновеніе. О, какой вихрь мыслей, ощущеній, пронесся менѣе чѣмъ въ мгновеніе въ умѣ моемъ, и да здравствуетъ электричество человѣческой мысли! Въ такомъ случаѣ, (почувствовалось мнѣ), если она угадала правду и знаетъ, что я не сплю, то я уже раздавилъ ее моею готовностью принять смерть и у ней теперь можетъ дрогнуть рука. Прежняя рѣшимость можетъ разбиться о новое чрезвычайное впечатлѣніе. Говорятъ, что стоящіе на высотѣ какъ-бы тянутся сами книзу, въ бездну. Я думаю много самоубійствъ и убійствъ совершилось потому только, что револьверъ уже былъ взятъ въ руки. Тутъ тоже бездна, тутъ покатость въ сорокъ пять градусовъ, о которую нельзя не скользнуть, и васъ что-то вызываетъ непобѣдимо спустить курокъ. Но сознаніе что я все видѣлъ, все знаю и жду отъ нея смерти молча—могло удержать ее на покатости.

Тишина продолжалась и вдругъ я ощутилъ у виска, у волосъ моихъ, холодное прикосновеніе желѣза. Вы спросите: твердо-ли я надѣялся что спасусь? Отвѣчу вамъ какъ передъ Богомъ: не имѣлъ никакой надежды, кромѣ развѣ одного шанса изъ ста. Для чего-же принималъ смерть? А я спрошу: на что мнѣ была жизнь послѣ револьвера, поднятаго на меня обожаемымъ мною существомъ? Кромѣ того, я зналъ всей силой моего существа, что между нами, въ это самое мгновеніе, идетъ борьба, страшный поединокъ на жизнь и смерть, поединокъ вотъ того самаго вчерашняго труса, выгнаннаго за трусость товарищами. Я зналъ это и она это знала, если только угадала правду, что я не сплю.

Digitized by Google

Можетъ быть, этого и не было, можетъ быть, я этого и не мыслилъ тогда, но это все-же должно было быть, хоть безъ мысли, потому что я только и дѣлалъ, что объ этомъ думалъ потомъ, каждый часъ моей жизни.

Но вы зададите опять вопросъ: зачѣмъ-же ея не спасъ отъ злодѣйства? О, я тысячу разъ задавалъ себѣ потомъ этотъ вопросъ — каждый разъ когда, съ холодомъ въ спинѣ, припоминалъ ту секунду. Но душа моя была тогда въ мрачномъ отчаяніи: я погибалъ, я самъ погибалъ, такъ кого-жь бы я могъ спасти? И почемъ вы знаете, хотѣлъ-ли-бы еще я тогда кого спасти? Почемъ знать что я тогда могъ чувствовать?

Сознаніе однако-жь кипѣло; секунды шли, тишина была мертвая; она все стояла надо мной,—и вдругъ я вздрогнулъ отъ надежды! Я быстро открылъ глаза. Ея уже не было въ комнатѣ. Я всталъ съ постели: я побѣдилъ, — и она была на вѣки побѣждена!

Я вышелъ къ самовару. Самоваръ подавался у насъ всегда въ первой комнатѣ и чай разливала всегда она. Я сѣлъ къ столу молча и принялъ отъ нея стаканъ чая. Минутъ черезъ пять я на нее взглянулъ. Она была страшно блѣдна, еще блѣднѣе вчерашняго, и смотрѣла на меня. И вдругъ—и вдругъ, видя что я смотрю на нее, она блѣдно усмѣхнулась блѣдными губами, съ робкимъ вопросомъ въ глазахъ. «Стало быть, все еще сомнѣвается и спрашиваетъ себя: знаетъ онъ иль не знаетъ, видѣлъ онъ иль не видѣлъ?» Я равнодушно отвелъ глаза. Послѣ чая заперъ кассу, пошелъ на рынокъ и купилъ желѣзную кровать и ширмы. Возвратясь домой, я велѣлъ поставить кровать въ залѣ, а ширмами огородить ее. Это была кровать для нея, но я ей не сказалъ ни слова. И безъ словъ поняла, черезъ эту кровать, что я «все видѣлъ и все знаю», и что сомнѣній уже болѣе нѣтъ. На ночь я оставилъ револьверъ какъ всегда на столѣ. Ночью она молча легла въ эту новую свою постель: бракъ былъ расторгнутъ, «побѣждена, но не прощена». Ночью съ нею сдѣлался бредъ, а на утро горячка. Она пролежала шесть недѣль.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Сонъ гордости.

укерья сейчасъ объявила, что жить у меня не станетъ и, какъ похоронятъ барыню,—сойдетъ. Молился на колѣняхъ пять минутъ, а хотѣлъ молиться часъ, но все думаю—думаю, и все больныя мысли, и больная голова, — чего-жь тутъ молиться — одинъ грѣхъ! Странно тоже что мнѣ спать не хочется: въ большомъ, въ слишкомъ большомъ горѣ, послѣ первыхъ сильнѣйшихъ взрывовъ, всегда спать хочется. Приговоренные къ смертной казни чрезвычайно, говорятъ, крѣпко спятъ въ послѣднюю ночь. Да такъ и надо, это по природѣ, а то силы-бы не вынесли... Я легъ на диванъ, но не заснулъ...

...Шесть недѣль болѣзни мы ходили тогда за ней день и ночь,— я, Лукерья и ученая сидѣлка изъ больницы, которую я нанялъ. Денегъ я не жалѣлъ, и мнѣ даже хотѣлось на нее тратить. Доктора я позвалъ Шредера и платилъ ему по десяти рублей за визитъ. Когда она пришла въ сознаніе я сталъ меньше являться на глаза. А впрочемъ чтожь я описываю. Когда она встала совсѣмъ, то тихо и молча сѣла въ моей комнатѣ за особымъ столомъ, который я тоже купилъ для нея въ это время... Да, это правда, мы совершенно молчали; то есть мы начали даже потомъ говорить, но — все обычное. Я конечно нарочно не распространялся, но я очень хорошо замѣтилъ, что и она какъ-бы рада была не сказать лишняго слова. Мнѣ показалось это совершенно естественнымъ съ ея стороны: «Она слишкомъ потрясена и слишкомъ побѣждена, думалъ я, и ужь конечно ей надо дать позабыть и привыкнуть». Такимъ образомъ мы и молчали, но я каждую минуту приготовлялся про себя къ будущему. Я думалъ, что и она тоже, и для меня было страшно занимательно угадывать: объ чемъ именно она теперь про себя думаетъ?

Еще скажу: О, конечно никто не вѣдаетъ сколько я вынесъ, стеная надъ ней въ ея болѣзни. Но я стеналъ про себя, и стоны давилъ въ груди даже отъ Лукерьи. Я не могъ представить, пред-

Digitized by Google

положить даже не могъ, чтобъ она умерла не узнавъ всего. Когда-же она вышла изъ опасности и здоровье стало возвращаться, я, помню это, быстро и очень успокоился. Мало того, я рѣшилъ *отложить наше будущее* какъ можно на долгое время, а оставить пока все въ настоящемъ видѣ. Да, тогда случилось со мной нѣчто странное и особенное, иначе не умѣю назвать: я восторжествовалъ и одного сознанія о томъ оказалось совершенно для меня довольно. Вотъ такъ и прошла вся зима. О, я былъ доволенъ, какъ никогда не бывалъ, и это всю зиму.

Видите: въ моей жизни было одно страшное внѣшнее обстоятельство, которое до тѣхъ поръ, т. е. до самой катастрофы съ женой, каждый день и каждый часъ давило меня, а именно—потеря репутаціи и тотъ выходъ изъ полка. Въ двухъ словахъ: была тираническая несправедливость противъ меня. Правда, меня не любили товарищи за тяжелый характеръ, и, можетъ быть, за смѣшной характеръ, хотя часто бываетъ вѣдь такъ, что возвышенное для васъ, сокровенное и чтимое вами, въ тоже время смѣшитъ почему-то толпу вашихъ товарищей. О, меня не любили никогда даже въ школѣ. Меня всегда и вездѣ не любили. Меня и Лукерья не можетъ любить. Случай-же въ полку былъ хоть и слѣдствіемъ нелюбви ко мнѣ, но безъ сомнѣнія носилъ случайный характеръ. Я къ тому это, что ничего обиднѣе и несноснѣе какъ погибнуть отъ случая, который могъ быть и не быть, отъ несчастнаго скопленія обстоятельствъ, которыя могли пройти мимо какъ облака. Для интеллигентнаго существа унизительно. Случай былъ слѣдующій:

Въ антрактѣ, въ театрѣ, я вышелъ въ буфетъ. Гусаръ А—въ, вдругъ войдя, громко при всѣхъ бывшихъ тутъ офицерахъ и публикѣ, заговорилъ съ двумя своими-же гусарами, объ томъ, что въ корридорѣ капитанъ нашего полка Безумцевъ сейчасъ только надѣлалъ скандалу «и кажется пьяный». Разговоръ не завязался, да и была ошибка, потому что капитанъ Безумцевъ пьянъ не былъ и скандалъ былъ собственно не скандалъ. Гусары заговорили о другомъ, тѣмъ и кончилось, но на завтра анекдотъ проникъ въ нашъ полкъ и тотчасъ-же у насъ заговорили, что въ буфетѣ изъ нашего полка былъ только я одинъ, и когда гусаръ А—въ дерзко отнесся о капитанѣ Безумцевѣ, то я не подошелъ къ А—ву и не остановилъ его замѣчаніемъ. Но съ какой-же-бы стати? Если онъ имѣлъ зубъ на Безумцева, то дѣло это было ихъ личное и мнѣ чегожь ввязываться? Между тѣмъ офицеры начали находить, что дѣло было не личное, а касалось и полка, а такъ какъ офицеровъ нашего полка тутъ былъ только я, то тѣмъ и доказалъ всѣмъ бывшимъ въ буфетѣ офицерамъ и публикѣ, что въ полку нашемъ могутъ

Digitized by Google

быть офицеры не столь щекотливые на счетъ чести своей и полка. Я не могъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ. Мнѣ дали знать, что я могу еще все поправить, если даже и теперь, хотя и поздно, захочу формально объясниться съ А—мъ. Я этого не захотѣлъ и такъ какъ былъ раздраженъ, то отказался съ гордостью. Затѣмъ тотчасъ-же подалъ въ отставку,—вотъ вся исторія. Я вышелъ гордый, но разбитый духомъ. Я упалъ волей и умомъ. Тутъ какъ разъ подошло что сестринъ мужъ въ Москвѣ промоталъ наше маленькое состояніе и мою въ немъ часть, крошечную часть, но я остался безъ гроша на улицѣ. Я-бы могъ взять частную службу, но я не взялъ: послѣ блестящаго мундира я не могъ пойти куда нибудь на желѣзную дорогу. И такъ — стыдъ такъ стыдъ, позоръ такъ позоръ, паденіе такъ паденіе и чѣмъ хуже тѣмъ лучше,—вотъ что я выбралъ. Тутъ три года мрачныхъ воспоминаній и даже домъ Вяземскаго. Полтора года назадъ умерла въ Москвѣ богатая старуха моя крестная мать и неожиданно, въ числѣ прочихъ, оставила и мнѣ по завѣщанію три тысячи. Я подумалъ, и тогда-же рѣшилъ судьбу свою. Я рѣшился на кассу ссудъ, не прося у людей прощенія: деньги, затѣмъ уголъ и — новая жизнь вдали отъ прежнихъ воспоминаній, вотъ планъ. Тѣмъ не менѣе мрачное прошлое и на вѣки испорченная репутація моей чести томили меня каждый часъ, каждую минуту. Но тутъ я женился. Случайно или нѣтъ— не знаю. Но вводя ее въ домъ, я думалъ что ввожу друга, мнѣ-же слишкомъ былъ надобенъ другъ. Но я видѣлъ ясно, что друга надо было приготовить, додѣлать, и даже побѣдить. И могъ-ли я что нибудь объяснить такъ сразу этой шестнадцатилѣтней и предубѣжденной? Напримѣръ, какъ могъ-бы я, безъ случайной помощи происшедшей страшной катастрофы съ револьверомъ, увѣрить ее, что я не трусъ, и что меня обвинили въ полку какъ труса несправедливо? Но катастрофа подоспѣла кстати. Выдержавъ револьверъ, я отмстилъ всему моему мрачному прошедшему. И хоть никто про то не узналъ, но узнала *она*, а это было все для меня, потому что она сама была все для меня, вся надежда моего будущаго въ мечтахъ моихъ! Она была единственнымъ человѣкомъ котораго я готовилъ себѣ, а другаго и не надо было, — и вотъ она все узнала; она узнала по крайней мѣрѣ, что несправедливо поспѣшила присоединиться къ врагамъ моимъ. Эта мысль восхищала меня. Въ глазахъ ея я уже не могъ быть подлецомъ, а развѣ лишь страннымъ человѣкомъ, но и эта мысль теперь, послѣ всего что произошло, мнѣ вовсе не такъ не нравилась: странность не порокъ, напротивъ иногда завлекаетъ женскій характеръ. Однимъ словомъ, я нарочно отдалилъ развязку: того, что произошло, было слишкомъ пока до-

Digitized by Google

вольно для моего спокойствія и заключало слишкомъ много картинъ и матерьяла для мечтаній моихъ. Въ томъ-то и скверность что я мечтатель: съ меня хватило матерьяла, а объ ней я думалъ что *подождетъ*.

Такъ прошла вся зима, въ какомъ-то ожиданіи чего-то. Я любилъ глядѣть на нее украдкой, когда она сидитъ бывало за своимъ столикомъ. Она занималась работой, бѣльемъ, а по вечерамъ иногда читала книги, которыя брала изъ моего шкафа. Выборъ книгъ въ шкафѣ тоже долженъ былъ свидѣтельствовать въ мою пользу. Не выходила она почти никуда. Передъ сумерками, послѣ обѣда, я выводилъ ее каждый день гулять и мы дѣлали моціонъ, но не совершенно молча какъ прежде. Я именно старался дѣлать видъ, что мы не молчимъ и говоримъ согласно, но, какъ я сказалъ уже, сами мы оба такъ дѣлали, что не распространялись. Я дѣлалъ нарочно, а ей, думалъ я, необходимо «дать время». Конечно странно, что мнѣ ни разу, почти до конца зимы, не пришло въ голову, что я вотъ изъ-подтишка люблю смотрѣть на нее, а ни одного-то ея взгляда за всю зиму я не поймалъ на себѣ! Я думалъ, что въ ней это робость. Къ тому-же она имѣла видъ такой робкой кротости, такого безсилія послѣ болѣзни. Нѣтъ, лучше выжди и — «и она вдругъ сама подойдетъ къ тебѣ...»

Эта мысль восхищала меня неотразимо. Прибавлю одно, иногда я какъ будто нарочно разжигалъ себя самого и дѣйствительно доводилъ свой духъ и умъ до того, что какъ будто впадалъ на нее въ обиду. И такъ продолжалось по нѣскольку времени. Но ненависть моя никогда не могла созрѣть и укрѣпиться въ душѣ моей. Да и самъ я чувствовалъ, что какъ будто это только игра. Да и тогда, хоть и разорвалъ я бракъ — купивъ кровать и ширмы, но никогда, никогда не могъ я видѣть въ ней преступницу. И не потому, что судилъ о преступленіи ея легкомысленно, а потому, что имѣлъ смыслъ совершенно простить ее, съ самаго перваго дня, еще прежде даже чѣмъ купилъ кровать. Однимъ словомъ, это странность съ моей стороны, ибо я нравственно строгъ. Напротивъ, въ моихъ глазахъ она была такъ побѣждена, была такъ унижена, такъ раздавлена, что я мучительно жалѣлъ ее иногда, хотя мнѣ, при всемъ этомъ рѣшительно нравилась иногда идея объ ея униженіи. Идея этого неравенства нашего нравилась...

Мнѣ случилось въ эту зиму нарочно сдѣлать нѣсколько добрыхъ поступковъ. Я простилъ два долга, я далъ одной бѣдной женщинѣ безъ всякаго заклада. И женѣ я не сказалъ про это, и вовсе не для того чтобы она узнала сдѣлалъ; но женщина сама пришла благодарить и чуть не на колѣняхъ. Такимъ образомъ

Digitized by Google

огласилось; мнѣ показалось, что про женщину она дѣйствительно узнала съ удовольствіемъ.

Но надвигалась весна, былъ уже апрѣль въ половинѣ, вынули двойныя рамы и солнце стало яркими пучками освѣщать наши молчаливыя комнаты. Но пелена висѣла передо мною и слѣпила мой умъ. Роковая, страшная пелена! Какъ это случилось, что все это вдругъ упало съ глазъ и я вдругъ прозрѣлъ и все понялъ. Случай-ли это былъ, день-ли пришелъ такой срочный, солнечный-ли лучъ зажегъ въ отупѣвшемъ умѣ моемъ мысль и догадку? Нѣтъ, не мысль и не догадка, были тутъ, а тутъ вдругъ заиграла одна жилка, замертвѣвшая было жилка, затряслась и ожила, и озарила всю отупѣвшую мою душу и бѣсовскую гордость мою. Я тогда точно вскочилъ вдругъ съ мѣста. Да и случилось оно вдругъ и внезапно. Это случилось передъ вечеромъ, часовъ въ пять послѣ обѣда...

II.

Пелена вдругъ упала.

Два слова прежде того. Еще за мѣсяцъ я замѣтилъ въ ней странную задумчивость, не то что молчаніе, а уже задумчивость. Это тоже я замѣтилъ вдругъ. Она тогда сидѣла за работой, наклонивъ голову къ шитью и не видала, что я гляжу на нее. И вдругъ меня тутъ-же поразило, что она такая стала тоненькая, худенькая, лицо блѣдненькое, губы побѣлѣли, — меня все это, въ цѣломъ, вмѣстѣ съ задумчивостью, чрезвычайно и разомъ фраппировало. Я уже и прежде слышалъ маленькій сухой кашель, по ночамъ особенно. Я тотчасъ всталъ и отправился просить ко мнѣ Шредера, ей ничего не сказавши.

Шредеръ прибылъ на другой день. Она была очень удивлена и смотрѣла то на Шредера, то на меня.

— Да я здорова, сказала она, неопредѣленно усмѣхнувшись.

Шредеръ ее не очень осматривалъ (эти медики бываютъ иногда свысока небрежны), а только сказалъ мнѣ въ другой комнатѣ, что это осталось послѣ болѣзни и что съ весной не дурно куда нибудь съѣздить къ морю, или, если нельзя, то просто переселиться на дачу. Однимъ словомъ, ничего не сказалъ, кромѣ того, что есть слабость или тамъ что-то. Когда Шредеръ вышелъ, она вдругъ сказала мнѣ опять, ужасно серьезно смотря на меня:

— Я совсѣмъ, совсѣмъ здорова.

Digitized by Google

Но сказавши тутъ-же вдругъ покраснѣла, видимо отъ стыда. Видимо это былъ стыдъ. О, теперь я понимаю: ей было стыдно, что я еще *мужъ ея*, забочусь объ ней все еще будто-бы настоящій мужъ. Но тогда я не понялъ и краску приписалъ смиренію (Пелена!)

И вотъ, мѣсяцъ послѣ того, въ пятомъ часу, въ апрѣлѣ, въ яркій солнечный день я сидѣлъ у кассы и велъ разсчетъ. Вдругъ слышу, что она, въ нашей комнатѣ, за своимъ столомъ, за работой, тихо-тихо... запѣла. Эта новость произвела на меня потрясающее впечатлѣніе, да и до сихъ поръ я не понимаю его. До тѣхъ поръ я почти никогда не слыхалъ ее поющую, развѣ въ самые первые дни, когда ввелъ ее въ домъ и когда еще могли рѣзвиться, стрѣляя въ цѣль изъ револьвера. Тогда еще голосъ ея былъ довольно сильный, звонкій, хотя не вѣрный но ужазно пріятный, и здоровый. Теперь-же пѣсенка была такая слабенькая, — о, не то, чтобы заунывная (это былъ какой-то романсъ), но какъ будто-бы въ голосѣ было что-то надтреснутое, сломанное, какъ будто голосокъ не могъ справиться, какъ будто сама пѣсенка была больная. Она пѣла вполголоса и вдругъ, поднявшись, голосъ оборвался, — такой бѣдненькій голосокъ, такъ онъ оборвался жалко; она откашлялась и опять тихо-тихо, чуть-чуть, запѣла...

Моимъ волненьямъ засмѣются, но никогда никто не пойметъ, почему я заволновался! Нѣтъ, мнѣ еще не было ее жаль, а это было что-то совсѣмъ еще другое. Сначала, по крайней мѣрѣ, въ первыя минуты, явилось вдругъ недоумѣніе и страшное удивленіе, страшное и странное, болѣзненное и почти что мстительное: «поетъ и при мнѣ! *Забыла она про меня, что-ли?*»

Весь потрясенный, я оставался на мѣстѣ, потомъ вдругъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ какъ-бы не соображая. По крайней мѣрѣ, не знаю зачѣмъ и куда. Лукерья стала подавать пальто.

— Она поетъ? сказалъ я Лукерьѣ невольно. Та не понимала и смотрѣла на меня, продолжая не понимать; впрочемъ я былъ дѣйствительно непонятенъ.

— Это она въ первый разъ поетъ?

— Нѣтъ, безъ васъ иногда поетъ, отвѣтила Лукерья.

Я помню все. Я сошелъ лѣстницу, вышелъ на улицу и пошелъ было куда попало. Я прошелъ до угла и сталъ смотрѣть куда-то. Тутъ проходили, меня толкали, я не чувствовалъ. Я подозвалъ извощика и нанялъ было его къ Полицейскому мосту, не знаю зачѣмъ. Но потомъ вдругъ бросилъ и далъ ему двугривенный:

— Это за то, что тебя потревожилъ, сказалъ я безсмысленно смѣясь ему, но въ сердцѣ вдругъ начался какой-то восторгъ.

Digitized by Google

Я поворотилъ домой учащая шагъ. Надтреснутая, бѣдненькая, порвавшаяся нотка вдругъ опять зазвенѣла въ душѣ моей. Мнѣ духъ захватывало. Падала, падала съ глазъ пелена! Коль запѣла при мнѣ, такъ про меня позабыла,—вотъ что было ясно и страшно. Это сердце чувствовало. Но восторгъ сіялъ въ душѣ моей и пересиливалъ страхъ.

О иронія судьбы! Вѣдь ничего другаго не было и быть не могло въ моей душѣ, всю зиму, кромѣ этого-же восторга, но я самъ-то гдѣ былъ всю зиму? былъ-ли я-то при моей душѣ? Я взбѣжалъ по лѣстницѣ очень спѣша, не знаю робко-ли я вошелъ. Помню только, что весь полъ какъ-бы волновался и я какъ-бы плылъ по рѣкѣ. Я вошелъ въ комнату, она сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, шила, наклонивъ голову, но уже не пѣла. Бѣгло и нелюбопытно глянула было на меня, но не взглядъ это былъ, а такъ только жестъ, обычный и равнодушный, когда въ комнату входитъ кто нибудь.

Я прямо подошелъ и сѣлъ подлѣ на стулъ, вплоть, какъ помѣшанный. Она быстро на меня посмотрѣла, какъ-бы испугавшись: я взялъ ее за руку и не помню что сказалъ ей, т. е. хотѣлъ сказать, потому что я даже и не могъ говорить правильно. Голосъ мой срывался и не слушался. Да я и не зналъ что сказать, а только задыхался.

— Поговоримъ... знаешь... скажи что нибудь!—вдругъ пролепеталъ я что-то глупое, — о, до ума-ли было? Она опять вздрогнула и отшатнулась въ сильномъ испугѣ, глядя на мое лицо, но вдругъ,—*строгое удивленіе* выразилось въ глазахъ ея. Да, удивленіе и *строгое*. Она смотрѣла на меня большими глазами. Эта строгость, это строгое удивленіе разомъ такъ и размозжили меня: «Такъ тебѣ еще любви? любви?» — какъ будто спросилось вдругъ въ этомъ удивленіи, хоть она и молчала. Но я все прочелъ, все. Все во мнѣ сотряслось и я такъ и рухнулъ къ ногамъ ея. Да, я свалился ей въ ноги. Она быстро вскочила, но я съ чрезвычайною силою удержалъ ее за обѣ руки.

И я понималъ вполнѣ мое отчаяніе, о, понималъ! Но вѣрите-ли, восторгъ кипѣлъ въ моемъ сердцѣ до того неудержимо, что я думалъ что я умру. Я цаловалъ ея ноги въ упоеніи и въ счастьи. Да, въ счастьи, безмѣрномъ и безконечномъ, и это при пониманіи-то всего безвыходнаго моего отчаянія! Я плакалъ, говорилъ что-то, но не могъ говорить. Испугъ и удивленіе смѣнились въ ней вдругъ какою-то озабоченною мыслью, чрезвычайнымъ вопросомъ и она странно смотрѣла на меня, дико даже, она хотѣла что-то поскорѣе понять, и улыбнулась. Ей было страшно стыдно что я цалую ея ноги и она отнимала ихъ, но я тутъ-же цаловалъ

Digitized by Google

то мѣсто на полу гдѣ стояла ея нога. Она видѣла это и стала вдругъ смѣяться отъ стыда, (знаете, это когда смѣются отъ стыда). Наступала истерика, я это видѣлъ, руки ея вздрагивали,—я объ этомъ не думалъ и все бормоталъ ей, что я ее люблю, что я не встану, «дай мнѣ цаловать твое платье... такъ всю жизнь на тебя молиться»... Не знаю, не помню,—и вдругъ она зарыдала и затряслась; наступилъ страшный припадокъ истерики. Я испугалъ ее.

Я перенесъ ее на постель. Когда прошелъ припадокъ, то присѣвъ на постели, она, съ страшно-убитымъ видомъ, схватила мои руки и просила меня успокоиться: «Полноте, не мучьте себя, успокойтесь!» и опять начинала плакать. Весь этотъ вечеръ я не отходилъ отъ нея. Я все ей говорилъ что повезу ее въ Булонь купаться въ морѣ, теперь, сейчасъ, черезъ двѣ недѣли, что у ней такой надтреснутый голосокъ, я слышалъ давеча, что я закрою кассу, продамъ Добронравову, что начнется все новое, а главное въ Булонь, въ Булонь! Она слушала и все боялась. Все больше и больше боялась. Но главное для меня было не въ томъ, а въ томъ, что мнѣ все болѣе и неудержимѣе хотѣлось опять лежать у ея ногъ, и опять цаловать, цаловать землю, на которой стоятъ ея ноги и молиться ей и—«больше я ничего, ничего не спрошу у тебя», повторялъ я поминутно,—«не отвѣчай мнѣ ничего, не замѣчай меня вовсе, и только дай изъ угла смотрѣть на тебя, обрати меня въ свою вещь, въ собачонку»... Она плакала.

— *А я думала что вы меня оставите такъ*,—вдругъ вырвалось у ней невольно,—такъ невольно что, можетъ быть, она совсѣмъ и не замѣтила какъ сказала, а между тѣмъ—о, это было самое главное, самое роковое ея слово и самое понятное для меня въ тотъ вечеръ, и какъ будто меня полоснуло отъ него ножомъ по сердцу! Все оно объяснило мнѣ, все, но пока она была подлѣ, передъ моими глазами, я неудержимо надѣялся и былъ страшно счастливъ. О, я страшно утомилъ ее въ тотъ вечеръ, и понималъ это, но безпрерывно думалъ что все сейчасъ-же передѣлаю. Наконецъ, къ ночи, она совсѣмъ обезсилѣла, я уговорилъ ее заснуть и она заснула тотчасъ, крѣпко. Я ждалъ бреда, бредъ былъ, но самый легкій. Я вставалъ ночью почти поминутно, тихонько въ туфляхъ приходилъ смотрѣть на нее. Я ломалъ руки надъ ней, смотря на это больное существо на этой бѣдной коечкѣ, желѣзной кроваткѣ, которую я ей купилъ тогда за три рубля. Я становился на колѣни, но не смѣлъ цаловать ея ногъ у спящей (безъ ея-то воли!) Я становился молиться Богу, но вскакивалъ опять. Лукерья присматривалась ко мнѣ и все выходила изъ кухни. Я вышелъ къ

Digitized by Google

ней и сказалъ, чтобы она ложилась и что завтра начнется «совсѣмъ другое».

И я въ это слѣпо, безумно, ужасно вѣрилъ. О восторгъ, восторгъ заливалъ меня! Я ждалъ только завтрашняго дня. Главное, я не вѣрилъ никакой бѣдѣ, не смотря на симптомы. Смыслъ еще не возвратился весь, не смотря на упавшую пелену и долго, долго не возвращался, — о, до сегодня, до самаго сегодня!! Да и какъ, какъ онъ могъ тогда возвратиться: вѣдь она тогда была еще жива, вѣдь она была тутъ-же передо мной, а я передъ ней: «Она завтра проснется, и я ей все это скажу, и она все увидитъ». Вотъ мое тогдашнее разсужденіе, просто и ясно, потому и восторгъ! Главное, тутъ эта поѣздка въ Булонь. Я почему-то все думалъ, что Булонь—это все, что въ Булони что-то заключается окончательное. «Въ Булонь, въ Булонь»!... Я съ безуміемъ ждалъ утра.

III.

Слишкомъ понимаю.

Вѣдь это было всего только нѣсколько дней назадъ, пять дней, всего только пять дней, въ прошлый вторникъ! Нѣтъ, нѣтъ, еще-бы только немного времени, только-бы капельку подождала и—и я-бы развѣялъ мракъ!—Да развѣ она не успокоилась? Она на другой-же день слушала меня уже съ улыбкою, не смотря на замѣшательство... Главное, все это время, всѣ пять дней, въ ней было замѣшательство, или стыдъ. Боялась тоже, очень боялась. Я не спорю, я не буду противорѣчить, подобно безумному: страхъ былъ, но вѣдь какже было ей не бояться? Вѣдь мы такъ давно стали другъ другу чужды, такъ отучились одинъ отъ другаго, и вдругъ все это... Но я не смотрѣлъ на ея страхъ, сіяло новое!.. Правда, несомнѣнная правда что я сдѣлалъ ошибку. И даже было, можетъ быть, много ошибокъ. Я и какъ проснулись на другой день, еще съ утра (это въ среду было) тотчасъ вдругъ сдѣлалъ ошибку: я вдругъ сдѣлалъ ее моимъ другомъ. Я поспѣшилъ, слишкомъ, слишкомъ, но исповѣдь была нужна, необходима — куда, болѣе чѣмъ исповѣдь! Я не скрылъ даже того что и отъ себя всю жизнь скрывалъ. Я прямо высказалъ, что цѣлую зиму только и дѣлалъ что увѣренъ былъ въ ея любви. Я ей разъяснилъ, что касса ссудъ была лишь паденіемъ моей воли и ума, личная идея самобичеванія

Digitized by Google

и самовосхваленія. Я ей объяснилъ, что я тогда въ буфетѣ дѣйствительно струсилъ, отъ моего характера, отъ мнительности: поразила обстановка, буфетъ поразилъ; поразило то: какъ это я вдругъ выйду, и не выйдетъ-ли глупо? Струсилъ не дуэли, а того что выйдетъ глупо... А потомъ ужь не хотѣлъ сознаться и мучилъ всѣхъ, и ее за то мучилъ, и на ней затѣмъ и женился чтобы ее за то мучить. Вообще я говорилъ большею частью какъ въ горячкѣ. Она сама брала меня за руки и просила перестать: «Вы преувеличиваете... вы себя мучаете»—и опять начинались слезы, опять чуть не припадки! Она все просила, чтобы я ничего этого не говорилъ и не вспоминалъ.

Я не смотрѣлъ на просьбы, или мало смотрѣлъ: весна, Булонь! Тамъ солнце, тамъ новое наше солнце, я только это и говорилъ! Я заперъ кассу, дѣла передалъ Добронравову. Я предложилъ ей вдругъ раздать все бѣднымъ, кромѣ основныхъ трехъ тысячъ, полученныхъ отъ крестной матери, на которыя и съѣздили-бы въ Булонь, а потомъ воротимся и начнемъ новую трудовую жизнь. Такъ и положили, потому что она ничего не сказала... она только улыбнулась. И кажется болѣе изъ деликатности улыбнулась, чтобы меня не огорчить. Я видѣлъ вѣдь что я ей въ тягость, не думайте, что я былъ такъ глупъ и такой эгоистъ, что этого не видѣлъ. Я все видѣлъ, все до послѣдней черты, видѣлъ и зналъ лучше всѣхъ; все мое отчаяніе стояло на виду!

Я ей все про меня и про нее разсказывалъ. И про Лукерью. Я говорилъ, что я плакалъ... О, я вѣдь и перемѣнялъ разговоръ, я тоже старался отнюдь не напоминать про нѣкоторыя вещи. И даже вѣдь она оживилась, разъ или два, вѣдь я помню, помню! Зачѣмъ вы говорите, что я смотрѣлъ и ничего не видѣлъ? И еслибы только *это* не случилось, то все-бы воскресло. Вѣдь разсказывала-же она мнѣ еще третьяго дня, когда разговоръ зашелъ о чтеніи, и о томъ что она въ эту зиму прочитала—вѣдь разсказывала-же она и смѣялась, когда припомнила эту сцену Жиль-Блаза съ архіепископомъ Гренадскимъ. И какимъ дѣтскимъ смѣхомъ, милымъ, точно какъ прежде въ невѣстахъ (мигъ! мигъ!); какъ я былъ радъ! Меня это ужасно поразило, впрочемъ, про архіепископа: вѣдь нашла-же она, стало быть, столько спокойствія духа и счастья чтобы смѣяться шедевру когда сидѣла зимой. Стало быть, уже вполнѣ начала успокоиваться, вполнѣ начала уже вѣрить, что я оставлю ее *такъ*. «Я думала что вы меня оставите *такъ*» — вотъ вѣдь что она произнесла тогда во вторникъ! О, десятилѣтней дѣвочки мысль! И вѣдь вѣрила, вѣрила, что и въ самомъ дѣлѣ все останется *такъ*: она за своимъ столомъ, а я за своимъ, и такъ мы оба, до шести-

Digitized by Google

десяти лѣтъ. И вдругъ — я тутъ подхожу, мужъ, и мужу надо любви! О недоразумѣніе, о слѣпота моя!

Ошибка тоже была, что я на нее смотрѣлъ съ восторгомъ; надо было скрѣпиться, а то восторгъ пугалъ. Но вѣдь и скрѣпился-же я, я не цаловалъ уже болѣе ея ногъ. Я ни разу не показалъ виду, что... ну, что я мужъ,—о, и въ умѣ моемъ этого не было, я только молился! Но вѣдь нельзя-же было совсѣмъ молчать, вѣдь нельзя-же было не говорить вовсе! Я ей вдругъ высказалъ, что наслаждаюсь ея разговоромъ и что считаю ее несравненно, несравненно образованнѣе и развитѣе меня. Она очень покраснѣла и конфузясь сказала, что я преувеличиваю. Тутъ я, съ цуру-то, не сдержавшись, разсказалъ въ какомъ я былъ восторгѣ когда, стоя тогда за дверью, слушалъ ея поединокъ, поединокъ невинности съ той тварью, и какъ наслаждался ея умомъ, блескомъ остроумія и при такомъ дѣтскомъ простодушіи. Она какъ-бы вся вздрогнула, пролепетала было опять, что я преувеличиваю, но вдругъ все лицо ея омрачилось, она закрылась руками и зарыдала... Тутъ ужь и я не выдержалъ: опять упалъ передъ нею, опять сталъ цаловать ея ноги и опять кончилось припадкомъ, также какъ во вторникъ. Это было вчера вечеромъ, а на утро...

На утро?! Безумецъ, да вѣдь это утро было сегодня, еще давеча, только давеча!

Слушайте и вникните: вѣдь когда мы сошлись давеча у самовара (это послѣ вчерашняго-то припадка), то она даже сама поразила меня своимъ спокойствіемъ, вотъ вѣдь что было! А я-то всю ночь трепеталъ отъ страху за вчерашнее. Но вдругъ она подходитъ ко мнѣ, становится сама передо мной и сложивъ руки (давеча, давеча!) начала говорить мнѣ, что она — преступница, что она это знаетъ, что преступленіе ее мучило всю зиму, мучаетъ и теперь... что она слишкомъ цѣнитъ мое великодушіе... «я буду вашей вѣрной женой, я васъ буду уважать...» Тутъ я вскочилъ и какъ безумный обнялъ ее! Я цаловалъ ее, цаловалъ ея лицо, въ губы, какъ мужъ, въ первый разъ послѣ долгой разлуки. И зачѣмъ только я давеча ушелъ, всего только на два часа... наши заграничные паспорты... О Боже! Только-бы пять минутъ, пять минутъ раньше воротиться?.. А тутъ эта толпа въ нашихъ воротахъ, эти взгляды на меня... о Господи!

Лукерья говоритъ (о, я теперь Лукерью ни за что не отпущу, она все знаетъ, она всю зиму была, она мнѣ все разсказывать будетъ) она говоритъ, что когда я вышелъ изъ дому, и всего-то минутъ за двадцать какихъ нибудь до моего прихода,—она вдругъ вошла къ барынѣ въ нашу комнату, что-то спросить, не помню,

Digitized by Google

и увидала, что образъ ея (тотъ самый образъ Богородицы) у ней вынутъ, стоитъ передъ нею на столѣ, а барыня какъ будто сейчасъ только передъ нимъ молилась.—Что вы барыня?—«Ничего, Лукерья, ступай». «Постой, Лукерья», подошла къ ней и поцаловала ее. — Счастливы вы, говорю, барыня? — «Да, Лукерья». — Давно, барыня, слѣдовало-бы барину къ вамъ придти прощенія попросить... Слава Богу что вы помирились. — «Хорошо, говоритъ, Лукерья, уйди, Лукерья», и улыбнулась этакъ, да странно такъ. Такъ странно, что Лукерья вдругъ черезъ десять минутъ воротилась посмотрѣть на нее: «Стоитъ она у стѣны, у самаго окна, руку приложила къ стѣнѣ, а къ рукѣ прижала голову, стоитъ этакъ и думаетъ. И такъ глубоко задумавшись стоитъ, что и не слыхала какъ я стою и смотрю на нее изъ той комнаты. Вижу я какъ будто она улыбается, стоитъ, думаетъ и улыбается. Посмотрѣла я на нее, повернулась тихонько, вышла, а сама про себя думаю, только вдругъ слышу отворили окошко. Я тотчасъ пошла сказать что «свѣжо, барыня, не простудились-бы вы», и вдругъ вижу, она стала на окно и ужь вся стоитъ, во весь ростъ, въ отворенномъ окнѣ, ко мнѣ спиной, въ рукахъ образъ держитъ. Сердце у меня тутъ-же упало, кричу: «барыня, барыня!» Она услышала, двинулась было повернуться ко мнѣ, да не повернулась, а шагнула, образъ прижала къ груди и—бросилась изъ окошка!»

Я только помню, что когда я въ ворота вошелъ, она была еще теплая. Главное, они всѣ глядятъ на меня. Сначала кричали, а тутъ вдругъ замолчали и вдругъ всѣ передо мной разступаются и... и она лежитъ съ образомъ. Я помню, какъ во мракѣ, что я подошелъ молча и долго глядѣлъ. И всѣ обступили и что-то говорятъ мнѣ. Лукерья тутъ была, а я не видалъ. Говоритъ, что говорила со мной. Помню только того мѣщанина: онъ все кричалъ мнѣ что «съ горстку крови изо рта вышло, съ горстку, съ горстку!» и указывалъ мнѣ на кровь тутъ-же на камнѣ. Я, кажется, тронулъ кровь пальцемъ, запачкалъ палецъ, гляжу на палецъ, (это помню), а онъ мнѣ все: «съ горстку, съ горстку!»

— Да что такое съ горстку? завопилъ я, говорятъ, изо всей силы, поднялъ руки и бросился на него...

О дико, дико! Недоразумѣніе! Неправдоподобіе! Невозможность!

Digitized by Google

IV.

Всего только пять минутъ опоздалъ.

А развѣ нѣтъ? Развѣ это правдоподобно? Развѣ можно сказать что это возможно? Для чего, зачѣмъ умерла эта женщина?

О повѣрьте, понимаю; но для чего она умерла—все-таки вопросъ. Испугалась любви моей, спросила себя серіозно: принять или не принять, и не вынесла вопроса, и лучше умерла. Знаю, знаю, нечего голову ломать: обѣщаній слишкомъ много надавала, испугалась что сдержать нельзя,—ясно. Тутъ есть нѣсколько обстоятельствъ совершенно ужасныхъ.

Потому что для чего она умерла? все-таки вопросъ стоитъ. Вопросъ стучитъ, у меня въ мозгу стучитъ. Я-бы и оставилъ ее только *такъ,* еслибъ ей захотѣлось чтобъ осталось *такъ*. Она тому не повѣрила, вотъ что! Нѣтъ—нѣтъ, я вру, вовсе не это. Просто потому что со мной надо было честно, любить такъ всецѣло любить, а не такъ какъ любила-бы купца. А такъ какъ она была слишкомъ цѣломудренна, слишкомъ чиста, чтобъ согласиться на такую любовь какой надо купцу, то и не захотѣла меня обманывать. Не захотѣла обманывать полулюбовью подъ видомъ любви, или четверть любовью. Честны ужь очень, вотъ что-съ! Широкость сердца-то хотѣлъ тогда привить, помните? Странная мысль.

Ужасно любопытно: уважала-ли она меня? Я не знаю, презирала-ли она меня или нѣтъ? Не думаю чтобъ презирала. Странно ужасно: почему мнѣ ни разу не пришло въ голову, во всю зиму, что она меня презираетъ? Я въ высшей степени былъ увѣренъ въ противномъ до самой той минуты, когда она поглядѣла на меня тогда съ *строгимъ удивленіемъ*. Съ *строгимъ*, именно. Тутъ-то я сразу и понялъ что она презираетъ меня. Понялъ безвозвратно, на вѣки! Ахъ пусть, пусть презирала-бы, хоть всю жизнь, но — пусть-бы она жила, жила! Давеча еще ходила, говорила. Совсѣмъ не понимаю какъ она бросилась изъ окошка! И какъ-бы могъ я предположить даже за пять минутъ? Я позвалъ Лукерью. Я теперь Лукерью ни за что не отпущу, ни за что!

О, намъ еще можно было сговориться. Мы только страшно отвыкли въ зиму другъ отъ друга, но развѣ нельзя было опять пріучиться? Почему, почему мы-бы не могли сойтиться и начать опять новую жизнь? Я великодушенъ, она тоже—вотъ и точка соедине-

Digitized by Google

нія! Еще-бы нѣсколько словъ, два дня не больше, и она-бы все поняла.

Главное, обидно то что все это случай,—простой, варварскій, косный случай. Вотъ обида! Пять минутъ, всего, всего только пять минутъ опоздалъ! Приди я за пять минутъ — и мгновеніе пронеслось-бы мимо какъ облако, и ей-бы никогда потомъ не пришло въ голову. И кончилось-бы тѣмъ что она-бы все поняла. А теперь опять пустыя комнаты, опять я одинъ. Вонъ маятникъ стучитъ, ему дѣла нѣтъ, ему ничего не жаль. Нѣтъ никого—вотъ бѣда!

Я хожу, я все хожу. Знаю, знаю, не подсказывайте: вамъ смѣшно что я жалуюсь на случай и на пять минутъ? Но вѣдь тутъ очевидность. Разсудите одно: она даже записки не оставила что вотъ, дескать, «не вините никого въ моей смерти», какъ всѣ оставляютъ. Неужто она не могла разсудить, что могутъ потревожить даже Лукерью: «одна, дескать, съ ней была, такъ ты и толкнула ее». По крайней мѣрѣ, затаскали-бы безъ вины, еслибы только на дворѣ четверо человѣкъ не видали изъ окошекъ изъ флигеля и со двора, какъ стояла съ образомъ въ рукахъ и сама кинулась. Но вѣдь и это тоже случай что люди стояли и видѣли. Нѣтъ, все это — мгновеніе, одно лишь безотчетное мгновеніе. Внезапность и фантазія! Чтожь такое что передъ образомъ молилась? Это не значитъ что передъ смертью. Все мгновеніе продолжалось, можетъ быть, всего только какихъ нибудь десять минутъ, все рѣшеніе — именно когда у стѣны стояла, прислонившись головой къ рукѣ и улыбалась. Влетѣла въ голову мысль, закружилась и—и не могла устоять передъ нею.

Тутъ явное недоразумѣніе, какъ хотите. Со мной еще можно-бы жить. А что если малокровіе? Просто отъ малокровія, отъ истощенія жизненной энергіи? Устала она въ зиму, вотъ что...

Опоздалъ!!!

Какая она тоненькая въ гробу, какъ заострился носикъ! Рѣсницы лежатъ стрѣлками. И вѣдь какъ упала — ничего не размозжила, не сломала! Только одна эта «горстка крови». Дессертная ложка то есть. Внутреннее сотрясеніе. Странная мысль: еслибы можно было не хоронить? Потому что если ее унесутъ, то... о, нѣтъ, унести почти невозможно! О, я вѣдь знаю что ее должны унести, я не безумный, и не брежу вовсе, напротивъ никогда еще такъ умъ не сіялъ,—но какже такъ опять никого въ домѣ, опять двѣ комнаты, и опять я одинъ съ закладами. Бредъ, бредъ, вотъ гдѣ бредъ! Измучилъ я ее вотъ что!

Что мнѣ теперь ваши законы? Къ чему мнѣ ваши обычаи, ваши нравы, ваша жизнь, ваше государство, ваша вѣра? Пусть

Digitized by Google

судитъ меня вашъ судья, пусть приведутъ меня въ судъ, въ вашъ гласный судъ, и я скажу что я не признаю ничего. Судья крикнетъ: «Молчите, офицеръ!» А я закричу ему: гдѣ у тебя теперь такая сила чтобы я послушался? Зачѣмъ мрачная косность разбила то что всего дороже? Зачѣмъ-же мнѣ теперь ваши законы? Я отдѣляюсь». О, мнѣ все равно!

Слѣпая, слѣпая! Мертвая, не слышитъ! Не знаешь ты какимъ-бы раемъ я оградилъ тебя. Рай былъ у меня въ душѣ, я-бы насадилъ его кругомъ тебя! Ну, ты-бы меня не любила,—и пусть, ну что-же? Все и было-бы *такъ*, все-бы и оставалось *такъ*. Разсказывала-бы только мнѣ какъ другу,—вотъ-бы и радовались и смѣялись радостно глядя другъ другу въ глаза. Такъ-бы и жили. И еслибъ и другаго полюбила, — ну и пусть, пусть! Ты-бы шла съ нимъ и смѣялась, а я-бы смотрѣлъ съ другой стороны улицы... О пусть все, только пусть-бы она открыла хоть разъ глаза! На одно мгновеніе, только на одно! взглянула-бы на меня, вотъ какъ давеча, когда стояла передо мной и давала клятву что будетъ вѣрной женой! О, въ одномъ-бы взглядѣ все поняла!

Косность! О, природа! Люди на землѣ одни—вотъ бѣда! «Есть-ли въ полѣ живъ человѣкъ»?—кричитъ русскій богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорятъ, солнце живитъ вселенную. Взойдетъ солнце и — посмотрите на него, развѣ оно не мертвецъ? Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди а кругомъ нихъ молчаніе — вотъ земля! «Люди любите другъ друга»— кто это сказалъ? Чей это завѣтъ? Стучитъ маятникъ безчувственно, противно. Два часа ночи. Ботиночки ея стоятъ у кроватки, точно ждутъ ее... Нѣтъ, серьозно, когда ее завтра унесутъ, чтожь я буду?

Digitized by Google

ДЕКАБРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Опять о простомъ но мудреномъ дѣлѣ.

Ровно два мѣсяца назадъ, въ октябрьскомъ «Дневникѣ» моемъ я сдѣлалъ замѣтку объ одной несчастной преступницѣ, Катеринѣ Прокофьевой Корниловой, — той самой мачихѣ, которая въ маѣ мѣсяцѣ, въ злобѣ на мужа, выбросила изъ окна свою шестилѣтнюю падчерицу. Дѣло это особенно извѣстно тѣмъ, что эта маленькая дѣвочка, падчерица, выброшенная изъ окна четвертаго этажа, не ушиблась, не повредила себѣ ничего и теперь жива и здорова. Не буду припоминать мою октябрьскую статью въ подробности, можетъ быть, читатели ее не забыли. Напомню лишь о цѣли моей статьи: мнѣ сразу показалось все это дѣло слишкомъ необыкновеннымъ, и я тотчасъ-же убѣдился, что на него нельзя смотрѣть *слишкомъ просто*. Несчастная преступница была беременна, была раздражена попреками мужа, тосковала. Но не то, т. е. не желаніе отмстить попрекавшему и огорчавшему ее мужу было причиною преступленія, а «аффектъ беременности». По моему мнѣнію, она переживала въ то время нѣсколько дней или недѣль того особаго, весьма неизслѣдованнаго, но неоспоримо существующаго состоянія иныхъ беременныхъ женщинъ, когда въ душѣ беременной женщины происходятъ странные переломы, странныя подчиненія и вліянія, сумасшествія безъ сумасшествія, и которыя могутъ иногда доходить до слишкомъ сильныхъ уродливостей. Я представилъ примѣръ, извѣстный мнѣ еще съ дѣтства, одной дамы въ Москвѣ, которая каждый разъ въ извѣстный періодъ своей беременности,

Digitized by Google

впадала въ странное желаніе и подчинялась странной прихоти — воровству. Между тѣмъ эта дама ѣздила въ каретѣ и совсѣмъ не нуждалась въ тѣхъ вещахъ, которыя похищала, но ужь конечно воровала сознательно и вполнѣ давая себѣ въ этомъ отчетъ. Сознаніе сохранялось вполнѣ, но лишь передъ страннымъ влеченіемъ своимъ она не могла устоять. Вотъ что я писалъ два мѣсяца назадъ и, признаюсь, писалъ съ самою отдаленною и безнадежною цѣлью: нельзя-ли хоть какъ нибудь и чѣмъ нибудь помочь и облегчить участь несчастной, не смотря на страшный приговоръ уже произнесенный надъ нею. Въ статьѣ моей я не могъ удержаться и не высказать, что если наши присяжные выносили столько разъ совершенно оправдательные приговоры, преимущественно женщинамъ, не смотря на полное ихъ сознаніе въ совершеніи преступленія и на очевидныя доказательства этого преступленія, вполнѣ выясненнаго судомъ, — то, какъ казалось мнѣ, можно-бы было оправдать и Корнилову. (Какъ разъ нѣсколько дней спустя послѣ приговора надъ несчастной беременной Корниловой, осужденной въ каторжную работу и въ Сибирь на вѣки, была совершенно оправдана одна престранная преступница—убійца, Кирилова). Впрочемъ, выпишу, что я написалъ тогда:

„По крайней мѣрѣ, присяжные, еслибъ оправдали подсудимую, могли бы на что-нибудь опереться: „хоть и рѣдко-де бываютъ такіе болѣзненные аффекты, но вѣдь все-же бываютъ; ну, что, если и въ настоящемъ случаѣ былъ аффектъ беременности?“ Вотъ соображеніе. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ милосердіе было-бы всѣмъ понятно и не возбуждало-бы шатанія мысли. И что въ томъ, что могла выйти ошибка: лучше ужь ошибка въ милосердіи, чѣмъ въ казни, тѣмъ болѣе что тутъ и провѣрить-то никакъ невозможно. Преступница первая-же считаетъ себя виновною; она сознается сейчасъ-же послѣ преступленія, созналась и черезъ полгода на судѣ. Такъ и въ Сибирь, можетъ быть, пойдетъ, по совѣсти и глубоко въ душѣ считая себя виновною; такъ и умретъ, можетъ быть, касаясь въ послѣдній часъ и считая себя душегубкой; и вдомекъ ей не придетъ, да и никому на свѣтѣ, о какомъ-то болѣзненномъ аффектѣ, бывающемъ въ беременномъ состояніи, а онъ-то, можетъ быть, и былъ всему причиной, и не будь она беременна, ничего-бы и не вышло.. Нѣтъ, изъ двухъ ошибокъ ужь лучше-бы выбрать ошибку милосердія“.

Написавъ все это тогда, я, увлеченный моей идеей, размечтался и прибавилъ въ статьѣ моей, что вотъ эта бѣдная двадцатилѣтняя преступница, которая на дняхъ должна родить въ тюрьмѣ, можетъ быть, уже сошлась опять съ своимъ мужемъ. Можетъ быть, мужъ (теперь свободный и имѣющій право вновь жениться) ходитъ къ ней въ тюрьму, въ ожиданіи отсылки ея въ каторгу, и оба вмѣ-

Digitized by Google

стѣ плачутъ и горюютъ. Можетъ быть, и потерпѣвшая дѣвочка ходитъ къ «мамонькѣ», забывши все и отъ всей души къ ней ласкаясь. Нарисовалъ даже сцену ихъ прощанія на желѣзной дорогѣ. Всѣ эти «мечты» мои вылились тогда у меня подъ перо не для эффекта и не для картинъ, а мнѣ просто почувствовалась жизненная правда, состоящая тутъ въ томъ, что оба они, и мужъ и жена, хотя и считаютъ,—онъ ее, а она себя—несомнѣнно преступницей, но на дѣлѣ *не могли* не простить другъ друга, не помириться опять,—и не по христіанскому только чувству, а именно по невольному инстинктивному опущенію, что совершонное преступленіе, въ ихъ простыхъ глазахъ столь явное и несомнѣнное,—въ сущности *можетъ быть вовсе не преступленіе*, а что-то такое странно случившееся, странно совершившееся, какъ-бы не по своей волѣ, какъ-бы Божіимъ опредѣленіемъ за грѣхи ихъ обоихъ...

Закончивъ тогдашнюю статью и выдавъ №, я, подъ впечатлѣніемъ того что самъ намечталъ, рѣшилъ постараться изъ всѣхъ силъ повидать Корнилову, пока еще она въ острогѣ. Сознаюсь, что мнѣ очень любопытно было провѣрить: угадалъ-ли я вправду что-нибудь въ томъ что написалъ о Корниловой и о чемъ потомъ размечтался? Какъ разъ случилось одно весьма благопріятное обстоятельство, доставившее мнѣ скорую возможность посѣтить Корнилову и съ ней познакомиться. И вотъ я даже самъ былъ удивленъ, представьте себѣ, что изъ мечтаній моихъ, по крайней мѣрѣ, три четверти оказались истиною: я угадалъ такъ, какъ будто самъ былъ при томъ. Мужъ дѣйствительно приходилъ и приходитъ, дѣйствительно оба плачутъ, горюютъ другъ надъ другомъ, прощаются и прощаютъ. «Дѣвочка пришла-бы»—сказала мнѣ сама Корнилова,—но она теперь въ какой-то школѣ, въ закрытомъ заведеніи. Я жалѣю что не могу передать всего, что узналъ изъ жизни этого разрушеннаго семейства, а тутъ есть черты весьма даже любопытныя, ну, конечно, можетъ быть, въ своемъ родѣ. О, разумѣется, я кое въ чемъ и ошибся, но не въ существенномъ: Корниловъ напримѣръ хоть и крестьянинъ, но ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, гораздо моложе чѣмъ я предполагалъ о немъ, служитъ черпальщикомъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и получаетъ довольно значительное для крестьянина помѣсячное жалованье, стало быть, гораздо богаче, чѣмъ я предполагалъ въ мечтахъ моихъ. Она-же — швея, была швеей и даже и теперь, въ острогѣ, занимается швейной работой по заказу и достаетъ тоже деньги порядочныя. Однимъ словомъ, дѣло идетъ не совсѣмъ «о холстѣ и валенкахъ ей въ дорогу и о чаѣ съ сахаромъ», а тонъ нѣсколько повыше. Когда я пришелъ въ первый разъ, она уже нѣсколько дней какъ родила, и

Digitized by Google

не сына, а дочь, и проч. и проч. Несходства мелкія, но въ главномъ, въ сущности ошибки никакой.

Она была тогда, на время родовъ, въ особомъ помѣщеніи и сидѣла одна; въ углу, рядомъ на кровати, лежала новорожденная, которую наканунѣ лишь окрестили. Ребенокъ, какъ я взошелъ, слабо вскрикнулъ съ тѣмъ особымъ маленькимъ трескомъ въ голосѣ, какой бываетъ у всѣхъ новорожденныхъ. Кстати, эта тюрьма почему-то даже и тюрьмой не называется, а «домомъ предварительнаго содержанія преступниковъ». Въ ней впрочемъ содержится очень много преступниковъ, особенно по инымъ весьма любопытнымъ отдѣламъ преступленій и о которыхъ, когда придетъ время, можетъ быть, я и поговорю. Но прибавлю кстати, что я вынесъ весьма утѣшительное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, въ этомъ женскомъ отдѣленіи тюрьмы, видя несомнѣнную гуманность отношеній надзирательницъ къ преступницамъ. Потомъ я былъ и въ другихъ камерахъ, напримѣръ въ той, гдѣ были соединены преступницы, имѣющія грудныхъ дѣтей. Я самъ видѣлъ заботы, внимательность, уходъ за ними этихъ почтенныхъ ближайшихъ ихъ начальницъ. И хоть не очень долго наблюдалъ, но есть-же такія черты, такія слова, такіе поступки и движенія, которыя разомъ сказываютъ о многомъ. Съ Корниловой я пробылъ въ первый разъ минутъ двадцать: это миловидная, очень молодая женщина, съ взглядомъ интелигентнымъ, но очень даже простодушная. Сначала, минуты двѣ, она была нѣсколько удивлена моимъ приходомъ, но быстро повѣрила что видитъ подлѣ себя *своего*, ей сочувствующаго, какимъ я и отрекомендовался ей при входѣ, и стала со мной совсѣмъ откровенна. Она не изъ очень разговорчивыхъ и не изъ очень находчивыхъ въ разговорѣ, но то что говоритъ, то говоритъ твердо и ясно, видимо правдиво и — всегда ласково, но безъ всякой услащенности, безъ всякой искательности. Она говорила со мной не то что какъ съ ровнымъ, а почти какъ съ своимъ. Тогда еще, вѣроятно, подъ вліяніемъ очень недавнихъ родовъ и воспоминанія о произнесенномъ, тоже столь недавно, надъ нею приговорѣ (въ самые послѣдніе дни беременности), она была нѣсколько возбуждена и даже заплакала, вспомнивъ объ одномъ показаніи, сдѣланномъ противъ нея въ судѣ, о выговоренныхъ будто-бы ею какихъ-то словахъ сейчасъ въ день преступленія и которыхъ она, будто-бы, никогда не говорила. Она очень горевала о несправедливости этого показанія, но поразило меня то, что говорила она вовсе не желчно и всего лишь воскликнула: «значитъ ужь такая была судьба»! Когда я тутъ-же заговорилъ объ ея новорожденной дочкѣ, она тотчасъ-же стала улыбаться: «Вчера дескать окрестили».—Какже зовутъ?—«А какъ меня, Катериной».

Digitized by Google

Эта улыбка приговоренной въ каторгу матери на своего ребенка, родившагося въ острогѣ сейчасъ послѣ приговора, которымъ осужденъ и онъ, еще не бывшій тогда и на свѣтѣ, вмѣстѣ съ матерью,— эта улыбка произвела во мнѣ странное и тяжелое ощущеніе. Когда я сталъ ее разспрашивать осторожно о ея преступленіи, то тонъ ея отвѣтовъ тотчасъ-же мнѣ чрезвычайно понравился. Она отвѣчала на все прямо и ясно, нисколько не уклончиво, такъ что я сейчасъ увидалъ, что никакихъ особенныхъ предосторожностей тутъ не надо. Она вполнѣ сознавалась, что она преступница во всемъ въ чемъ ее обвинили. Сразу поразило меня тоже, что про мужа своего (въ злобѣ на котораго и выбросила въ окно дѣвочку) она не только не сказала мнѣ чего нибудь злобнаго, хоть капельку обвинительнаго, но даже было совсѣмъ напротивъ.—Да какже все это сдѣлалось?—и она прямо разсказала какъ сдѣлалось: «Пожелала злое, только совсѣмъ ужь тутъ не моя какъ-бы воля была, а чья-то чужая». Помню, она прибавила (на мой вопросъ) что хоть и пошла сейчасъ въ участокъ заявить о случившемся, но «идти въ участокъ совсѣмъ не хотѣла, а какъ-то такъ сама пришла туда, не знаю зачѣмъ, и все на себя показала».

Я еще наканунѣ посѣщенія узналъ, что защитникъ ея, господинъ Л. подалъ приговоръ на кассацію; стало быть, все-же оставалась нѣкоторая, хотя и слабая надежда. Но у меня, кромѣ того, была еще въ головѣ и нѣкоторая другая надежда, о которой я впрочемъ теперь умолчу, но о которой тогда-же, подъ конецъ моего посѣщенія, ей сообщилъ. Она выслушала меня безъ большой вѣры въ успѣхъ моихъ мечтаній, но расположенію моему къ ней повѣрила отъ всей души и тутъ-же меня поблагодарила. На мой вопросъ: не могу-ли я ей въ чемъ нибудь сейчасъ быть полезнымъ, она, тотчасъ-же догадавшись объ чемъ я заговариваю, отвѣтила мнѣ, что ни въ чемъ не нуждается, что деньги у ней есть и работа есть. Но въ этихъ словахъ не прозвучало ни малѣйшей обидчивости, такъ что еслибъ у ней не было денегъ, то она, можетъ быть, вовсе не отказалась-бы принять отъ меня небольшое вспоможеніе.

Раза два я потомъ опять заходилъ къ ней. Между прочимъ, я нарочно заговорилъ однажды объ совершенномъ оправданіи убійцы Кириловой, происшедшемъ всего только нѣсколько дней спустя послѣ обвинительнаго приговора надъ ней, Корниловой,—но не замѣтилъ въ ней ни малѣйшей зависти или ропота. Положительно, она наклонна думать о себѣ какъ о чрезвычайной преступницѣ. Присма-

Digitized by Google

триваясь къ ней ближе я невольно замѣтилъ, что въ основѣ этого, довольно любопытнаго женскаго характера лежитъ много ровности, порядка, и, что особенно заинтересовало меня—веселости. Тѣмъ не менѣе ее видимо мучаютъ воспоминанія: она съ глубокимъ искреннимъ горемъ сожалѣетъ о томъ, что была строга къ ребенку, «не взлюбила его», била его, слушая безпрерывные попреки мужа покойной женой и, какъ я догадался, видимо ревнуя его къ этой покойной женѣ. Ее замѣтно смущаетъ между прочимъ мысль, что мужъ ея теперь свободенъ, и даже можетъ жениться, и она съ большимъ удовольствіемъ передала мнѣ однажды, тотчасъ-же какъ я пришелъ къ ней, что недавно приходилъ къ ней мужъ и самъ ей сказалъ, что «до того-ли ему теперь чтобы объ женитьбѣ думать!» — значитъ именно она сама, и первая, заговорила съ нимъ объ этомъ, подумалъ я. Повторю опять, она вполнѣ понимаетъ, что послѣ приговора, надъ нею произнесеннаго, ея мужъ совсѣмъ ужь ей не мужъ и что бракъ ихъ расторгнутъ. Дѣйствительно у нихъ происходятъ, стало быть, прелюбопытныя свиданія и разговоры, подумалось мнѣ тутъ-же.

Въ эти посѣщенія мнѣ случилось говорить объ ней съ нѣсколькими надзирательницами острога и съ г-жей А. П. Б. — помощницей смотрительницы острога. Я подивился той видимой симпатіи, которую въ нихъ во всѣхъ возбудила къ себѣ Корнилова. Г-жа А. П. Б. сообщила мнѣ, между прочимъ, одно любопытное свое наблюденіе, а именно: когда вступила къ нимъ въ острогъ Корнилова (вскорѣ послѣ преступленія), то это было совсѣмъ какъ-бы другое существо, грубое, невѣжливое, злое, скорое на злые отвѣты. Но не прошло двухъ—трехъ недѣль какъ она совсѣмъ и какъ-то вдругъ измѣнилась: явилось существо доброе, простодушное, кроткое «и вотъ такъ и до сихъ поръ». Сообщеніе это показалось мнѣ весьма подходящимъ къ *дѣлу*. Но бѣда была въ томъ, что *дѣло*-то было уже рѣшено и подписано и приговоръ произнесенъ. И вотъ на дняхъ меня извѣстили, что приговоръ суда, поданный на кассацію—кассированъ (вслѣдствіе нарушенія 693 ст. угол. суд.) и поступитъ вновь на разсмотрѣніе другаго отдѣленія суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Такимъ образомъ, теперь въ настоящую минуту Корнилова опять подсудимая, не каторжная, и опять законная жена своего мужа, а онъ ей законный мужъ! Стало быть, опять для нея засіяла надежда. Дай Богъ, чтобъ эту молодую душу, столь много уже перенесшую, не сломило окончательно новымъ обвинительнымъ приговоромъ. Тяжело переносить такія потрясенія душѣ человѣческой: похоже на то какъ-бы приговореннаго къ разстрѣлянію вдругъ отвязать отъ столба, подать ему надежду, снять

Digitized by Google

повязку съ его глазъ, показать ему вновь солнце и,—черезъ пять минутъ вдругъ опять повести его привязывать къ столбу. Въ самомъ дѣлѣ, неужели такъ-таки не будетъ дано ни малѣйшаго вниманія обстоятельству беременности подсудимой во время совершенія злодѣянія? Важнѣйшая часть обвиненія состоитъ, разумѣется, въ томъ, что все-же она совершила преступленіе *сознательно;* но опять таки—что̀ и какую роль играетъ въ этомъ случаѣ сознаніе? Сознаніе могло сохраниться вполнѣ, но противъ сумасшедшаго, извращеннаго болѣзненнымъ афектомъ желанія своего устоять она не могла, не смотря на самое яркое сознаніе. Неужели это кажется столь невозможнымъ? Не будь она беременна, она, въ моментъ своего злобнаго раздраженія, подумала-бы, можетъ быть, такъ: «скверная дѣвчонка, выбросить-бы ее за окно, чтобъ онъ не попрекалъ меня каждый часъ ея матерью», подумала-бы и не сдѣлала-бы; а въ беременномъ состояніи — *не устояла* и сдѣлала. Развѣ это не могло такъ именно случиться? И что въ томъ, что она сама показываетъ на себя, что еще наканунѣ хотѣла выбросить изъ окна ребенка, да мужъ помѣшалъ? Все-же это преступное намѣреніе, такъ логически и твердо задуманное и такъ методически (съ перестановкой горшковъ съ цвѣтами и проч.) на другое утро выполненное — ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести къ обыкновенному разсчетливому злодѣйству: тутъ именно случилось нѣчто неестественное, ненормальное. Подумайте объ одномъ: выбросивъ дѣвочку и заглянувъ въ окно посмотрѣть какъ она упала (дѣвочка въ первую минуту была безъ чувствъ и ее изъ окна конечно можно было почесть за убитую), убійца закрываетъ окно, одѣвается и — идетъ въ участокъ, гдѣ все на себя показываетъ. Но для чего ей показывать на себя, еслибъ она задумала злодѣяніе твердо и спокойно, и съ хладнокровнымъ разсчетомъ? Кто, гдѣ свидѣтели, что это она выбросила ребенка, а не самъ ребенокъ выпалъ по неосторожности? Да она и воротившагося мужа могла-бы тотчасъ-же увѣрить въ томъ, что ребенокъ самъ выпалъ, а она ни въ чемъ не виновата. (такъ что мужу-бы отмстила, а себя оправдала). Да еслибъ она даже убѣдилась тогда-же, выглянувъ въ окно, что ребенокъ не расшибся, а напротивъ живъ и можетъ, стало быть, потомъ дать на нее показаніе,—то и тутъ она могла-бы ничего не бояться: что могло-бы значить въ глазахъ судебнаго слѣдствія показаніе шестилѣтней дѣвочки о томъ, что ее приподняли сзади за ноги и выбросили въ окно? Да всякій экспертъ-докторъ могъ-бы тутъ подтвердить, что ей именно могло показаться (то есть еслибъ даже она и сама упала) въ минуту потери равновѣсія и паденія, что кто-то какъ-бы схватилъ ее сзади за ножки и толкнулъ внизъ. Но

Digitized by Google

если такъ, то для чего-же преступница сама тотчасъ-же отправилась на себя показывать? Отвѣтятъ конечно: «была въ отчаяніи, хотѣла покончить съ собой такъ или этакъ». Дѣйствительно, другаго объясненія и пріискать нельзя, но ужь одно это объясненіе показываетъ въ какомъ душевномъ напряженіи и разстройствѣ была эта *беременная*. Любопытны ея собственныя слова: «я въ участокъ идти не хотѣла, а такъ какъ-то сама пришла». Значитъ дѣйствовала какъ въ бреду, *«не своей какъ-бы волей»*, не смотря на полное сознаніе.

Съ другой стороны, свидѣтельство г-жи А. П. Б. тоже страшно много поясняетъ: «это было совсѣмъ другое существо, грубое, злое, и вдругъ черезъ двѣ-три недѣли совсѣмъ измѣнившееся: явилось существо кроткое, тихое, ласковое». Почему-же такъ? А вотъ именно кончился извѣстный болѣзненный періодъ беременности, — періодъ больной воли и «сумасшествія безъ сумасшествія», съ нимъ прошелъ болѣзненный аффектъ и—явилось существо другое.

Вотъ что: еще разъ вновь осудятъ ее въ каторгу, вновь ее, столь уже пораженную и столь вынесшую, поразятъ и раздавятъ *вторымъ* приговоромъ и, двадцатилѣтнюю, еще почти не начавшую жить, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ ринутъ въ каторгу и — что-же выйдетъ? Много вынесетъ она изъ каторги? Не ожесточится-ли душа, не развратится-ли, не озлобится-ли на вѣки? Кого когда исправила каторга? И главное, — все это при совершенно неразъясненномъ и не опровергнутомъ сомнѣніи о болѣзненномъ аффектѣ тогдашняго беременнаго ея состоянія. Опять повторю какъ два мѣсяца назадъ: «лучше ужь ошибиться въ милосердіи чѣмъ въ казни». Оправдайте несчастную и авось не погибнетъ юная душа, у которой, можетъ быть, столь много еще впереди жизни и столь много добрыхъ для нея зачатковъ. Въ каторгѣ-же навѣрно все погибнетъ, ибо развратится душа, а теперь напротивъ страшный урокъ, уже вынесенный ею, убережетъ ее, можетъ быть, на всю жизнь отъ худаго дѣла; а главное, можетъ быть, сильно поможетъ развернуться и созрѣть тѣмъ сѣменамъ и зачаткамъ хорошаго, которыя видимо и несомнѣнно заключены въ этой юной душѣ. И еслибы даже сердце ея было дѣйствительно черствое и злое, то милосердіе смягчило-бы его навѣрно. Но увѣряю васъ, что оно далеко не черствое и не злое и что объ этомъ не я одинъ свидѣтельствую. Неужели-жь нельзя оправдать, *рискнуть* оправдать?

Digitized by Google

II.

Запоздавшее нравоученіе.

Этотъ октябрьскій № моего «Дневника» надѣлалъ мнѣ и кромѣ того хлопотъ, въ своемъ родѣ конечно. Тамъ есть коротенькая статья: «Приговоръ», оставившая во мнѣ самомъ нѣкотораго рода сомнѣніе. Этотъ «Приговоръ» есть исповѣдь самоубійцы, послѣднее слово самоубійцы, записанное имъ самимъ для оправданія и, можетъ быть, для *назиданія*, передъ самымъ револьверомъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ друзей моихъ, мнѣніемъ которыхъ я дорожу наиболѣе, отнеслись къ статейкѣ этой даже съ похвалой, но тоже подтвердили мои сомнѣнія. Похвалили они то, что дѣйствительно какъ-бы найдена формула этого рода самоубійцъ, ясно выражающая ихъ сущность, но они усомнились: понятна-ли будетъ цѣль статьи для всѣхъ и каждаго изъ читателей? Не произведетъ-ли напротивъ она на кого нибудь совершенно обратнаго впечатлѣнія? Мало того: иные, вотъ тѣ самые, которымъ уже начинали мерещиться еще до того револьверъ или петля, — не соблазнятся-ли даже ею, по прочтеніи ея, и не утвердятся-ли еще болѣе въ своихъ несчастныхъ намѣреніяхъ? Однимъ словомъ, высказаны были сомнѣнія точь въ точь тѣ-же самыя, которыя во мнѣ самомъ уже зародились. Въ результатѣ выводъ: что надо-бы было прямо и просто, въ концѣ статьи, разъяснить ясными словами, отъ автора, цѣль съ которою она написана, и даже прямо приписать нравоученіе.

Я съ этимъ согласился; да я и самъ, когда еще писалъ статью, чувствовалъ, что нравоученіе необходимо; но мнѣ какъ-то совѣстно стало тогда приписать его. Мнѣ показалось стыдно предположить, даже въ самомъ простодушномъ изъ читателей, столько простоты, чтобы онъ самъ не догадался о *подкладкѣ* статьи и цѣли ея, о нравоученіи ея. Для меня самого эта цѣль была столь ясна, что я невольно предполагалъ ее столь-же ясною и для всякаго. Оказалось что я ошибся.

Справедливо замѣчаніе, сдѣланное однимъ писателемъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что признаваться въ непониманіи нѣкотораго рода вещей считалось прежде за стыдъ, потому что прямо свидѣтельствовало о тупости признающагося, о невѣжествѣ его, о скудномъ развитіи его ума и сердца, о слабости умственныхъ спо-

Digitized by Google

собностей. Теперь-же, напротивъ, весьма часто фраза: «я не понимаю этого» выговаривается почти съ гордостью, по меньшей мѣрѣ, съ важностью. Человѣкъ тотчасъ-же какъ-бы ставится этой фразой на пьедесталъ въ глазахъ слушателей и, что еще комичнѣе, въ своихъ собственныхъ, ни мало не стыдясь при этомъ дешевизны пріобрѣтеннаго пьедестала. Нынѣ слова: «Я ничего не понимаю въ Рафаэлѣ» или: «Я нарочно прочелъ всего Шекспира и, признаюсь, ровно ничего не нашелъ въ немъ особеннаго» — слова эти нынѣ могутъ быть даже приняты не только за признакъ глубокаго ума, но даже за что-то доблестное, почти за нравственный подвигъ. Да Шекспиръ-ли одинъ, Рафаэль-ли одинъ подвержены теперь такому суду и сомнѣнію?

Это замѣчаніе о гордыхъ невѣждахъ, которое я передалъ здѣсь своими словами, довольно вѣрно. Дѣйствительно гордость невѣждъ началась непомѣрная. Люди мало развитые и тупые нисколько не стыдятся этихъ несчастныхъ своихъ качествъ, а напротивъ какъ-то такъ сдѣлалось, что это-то имъ и «духу придаетъ». Замѣчалъ я то-же не рѣдко, что въ литературѣ и въ частной жизни наступали великія обособленія и исчезала многосторонность знанія: люди, до пѣны у рта оспаривавшіе своихъ противниковъ, по десятку лѣтъ не читали иногда ни строчки изъ написаннаго ихъ противниками: «Я, дескать, не тѣхъ убѣжденій и не стану читать глупостей». Подлинно, на грошъ амуниціи, а на рубль амбиціи.—Такая крайняя односторонность и замкнутость, обособленность и нетерпимость явились лишь въ наше время, т. е. въ послѣдніе двадцать лѣтъ преимущественно. Явилась при этомъ у очень многихъ какая-то беззастѣнчивая смѣлость: люди познаній ничтожныхъ смѣялись и даже въ глаза людямъ въ десять разъ ихъ болѣе знающимъ и понимающимъ. Но хуже всего, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше воцаряется «прямолинейность»: стало напримѣръ замѣтно теряться чутье къ примѣненію, къ иносказанію, къ аллегоріи. Замѣтно перестали (вообще говоря) понимать шутку, юморъ, а ужь это, по замѣчанію одного германскаго мыслителя, — одинъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ умственнаго и нравственнаго пониженія эпохи. Напротивъ, народились мрачныя тупицы, лбы нахмурились и заострились, — и все прямо и прямо, все въ прямой линіи и въ одну точку. Думаете, что я лишь про молодыхъ и про либераловъ говорю? Увѣряю васъ, что и про старичковъ и про консерваторовъ. Какъ-бы въ подражаніе молодымъ (теперь уже впрочемъ сѣдымъ) еще двадцать лѣтъ тому появились странные прямолинейные консерваторы, раздраженные старички, и ужь ровно ничего не понимавшіе въ текущихъ дѣлахъ, въ новыхъ людяхъ и въ молодомъ поколѣніи. Прямо-

Digitized by Google

линейность ихъ, если хотите, даже иногда была жостче, жесточе и тупѣе прямолинейности «новыхъ людей». О, весьма можетъ быть, что все это у нихъ отъ избытка хорошихъ желаній и отъ великодушнаго, но огорченнаго чувства новѣйшими безразсудствами; но все-же они иногда слѣпѣе даже новѣйшихъ прямолинейниковъ. А впрочемъ, мнѣ кажется я самъ, осуждая прямолинейность, слишкомъ уже заѣхалъ въ сторону.

Только что появилась моя статья, и на письмахъ и лично посыпались мнѣ запросы: что, дескать, значитъ вашъ «Приговоръ»? Что вы хотите этимъ сказать и неужели вы самоубійство оправдываете? Иные-же, показалось мнѣ, были чему-то даже рады. И вотъ на дняхъ присылаетъ мнѣ одинъ авторъ, г. Энпе, свою статейку, учтиво ругательную, напечатанную имъ въ Москвѣ въ еженедѣльномъ журналѣ «Развлеченіе». Я «Развлеченія» не получаю и не думаю, чтобъ мнѣ прислалъ этотъ № издатель его, а потому приписываю эту присылку любезности самого автора статьи. Онъ мою статью осуждаетъ и смѣется надъ ней:

„Получилъ я октябрьскій выпускъ „Дневника писателя", прочиталъ и задумался: много хорошихъ вещей въ этомъ выпускѣ, но много и *странныхъ*. Выскажемъ наше недоумѣніе въ самой сжатой формѣ. Зачѣмъ было, напримѣръ, помѣщать въ этомъ выпускѣ „разсужденіе" одного самоубійцы отъ скуки? Положительно не понимаю зачѣмъ? Это *разсужденіе*, если можно такъ назвать бредъ полусумасшедшаго человѣка, давно извѣстно; разумѣется нѣсколько перефразированное, *всѣмъ тѣмъ, кому о томъ знать и вѣдать надлежитъ*, а потому появленіе его *въ наше время*, въ дневникѣ такого писателя, какъ Ѳ. М. Достоевскій, служитъ смѣшнымъ и жалкимъ анахронизмомъ. Теперь вѣкъ *чугунныхъ понятій*, вѣкъ положительныхъ мнѣній, вѣкъ, держащій знамя: „жить во что бы то ни стало!.." Разумѣется, какъ во всемъ и вездѣ— есть исключенія, есть самоубійства *съ разсужденіемъ* и *безъ разсужденія*, но на это пошлое геройство нынче никто не обращаетъ никакого вниманія: ужь очень оно, это геройство-то, глупо! Было время, когда самоубійство, особенно *съ разсужденіемъ* возводилось на степень величайшаго „сознанія" — только неизвѣстно *чего*? — и героизма, тоже неизвѣстно въ чемъ состоящаго, но это *гнилое* время прошло и прошло безвозвратно, — и слава Богу, жалѣть нечего.

Каждый самоубійца, умирающій съ разсужденіемъ, подобнымъ тому, которое напечатано въ дневникѣ г. Достоевскаго, не заслуживаетъ никакого сожалѣнія; это грубый эгоистъ, честолюбецъ и самый вредный членъ человѣческаго общества. Онъ даже не можетъ сдѣлать своего глупаго дѣла безъ того, чтобы объ немъ не говорили; онъ даже и тутъ не выдерживаетъ своей роли, своего напускнаго характера; онъ пишетъ *разсужденіе*, хотя-бы легко могъ умереть безъ всякаго разсужденія...

О, Фальстафы жизни! Ходульные рыцари!..

Прочитавъ это, я впалъ даже въ уныніе. Господи, да неужели

Digitized by Google

много такихъ у меня читателей и неужели г. Энпе, утверждающій что мой самоубійца не заслуживаетъ никакого сожалѣнія, серьезно подумалъ, что я выставилъ его ему на «сожалѣніе?» Конечно, единичное мнѣніе г. Энпе было-бы не такъ важно. Но дѣло въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ г. Энпе несомнѣнно выражаетъ собою цѣлый типъ, цѣлую коллекцію такихъ-же какъ онъ господъ Энпе, типъ даже отчасти похожій на тотъ беззастѣнчивый типъ, о которомъ я только что говорилъ выше, беззастѣнчивый и прямолинейный,—типъ, ну вотъ тѣхъ самыхъ «чугунныхъ понятій», о которыхъ самъ-же г. Энпе говоритъ въ сдѣланной мною выпискѣ изъ его статьи. Это подозрѣніе о цѣлой коллекціи, ей Богу даже страшно. Конечно, я, можетъ быть, слишкомъ принимаю къ сердцу. Но однако прямо скажу: не смотря на такую мою воспріимчивость я и коллекціи не сталъ-бы отвѣчать, и вовсе не отъ пренебреженія къ ней, — (почему-же не поговорить съ людьми?) — а просто потому что мало въ № мѣста. И такъ, если отвѣчаю теперь, и жертвую мѣстомъ, то отвѣчаю, такъ сказать, на свои собственныя сомнѣнія и, такъ сказать, себѣ самому. Вижу, что къ октябрьской статейкѣ моей надо неотложно приставить нравоученіе, разъяснить и даже разжевать цѣль ея. По крайней мѣрѣ, совѣсть моя будетъ спокойна, вотъ что.

III.

Голословныя утвержденія.

Статья моя «Приговоръ» касается основной и самой высшей идеи человѣческаго бытія — необходимости и неизбѣжности убѣжденія въ безсмертіи души человѣческой. Подкладка этой исповѣди погибающаго «отъ логическаго самоубійства» человѣка — это необходимость тутъ-же, сейчасъ-же вывода: что безъ вѣры въ свою душу и въ ея безсмертіе бытіе человѣка неестественно, немыслимо и невыносимо. И вотъ мнѣ показалось, что я ясно выразилъ формулу логическаго самоубійцы, нашелъ ее. Вѣры въ безсмертіе для него не существуетъ, онъ это объясняетъ въ самомъ началѣ. Мало по малу, мыслью о своей безцѣльности и ненавистью къ безгласію окружающей косности, онъ доходитъ до неминуемаго убѣжденія въ совершенной нелѣпости существованія человѣческаго на землѣ. Для него становится ясно какъ солнце, что *согласиться* жить могутъ лишь тѣ изъ людей, которые похожи на низшихъ жи-

Digitized by Google

вотныхъ и ближе подходятъ подъ ихъ типъ по малому развитію своего сознанія и по силѣ развитія чисто плотскихъ потребностей. Они соглашаются жить именно какъ животныя, то есть, чтобы «ѣсть, пить, спать, устраивать гнѣздо и выводить дѣтей». О, жрать, да спать, да гадить, да сидѣть на мягкомъ—еще слишкомъ долго будетъ привлекать человѣка къ землѣ, но не въ высшихъ типахъ его. Между тѣмъ, высшіе типы вѣдь царятъ на землѣ и, всегда царили, и кончалось всегда тѣмъ, что за ними шли, когда восполнялся срокъ, милліоны людей. Что такое высшее слово и высшая мысль? Это слово, эту мысль (безъ которыхъ не можетъ жить человѣчество) весьма часто произносятъ въ первый разъ люди бѣдные, незамѣтные, не имѣющіе никакого значенія, и даже весьма часто гонимые, умирающіе въ гоненіи и въ неизвѣстности. Но мысль, но произнесенное ими слово не умираютъ и никогда не исчезаютъ безслѣдно, никогда не могутъ исчезнуть лишь-бы только разъ были произнесены, — и это даже поразительно въ человѣчествѣ. Въ слѣдующемъ-же поколѣніи или черезъ два-три десятка лѣтъ мысль генія уже охватываетъ все и всѣхъ, увлекаетъ все и всѣхъ, — и выходитъ, что торжествуютъ не милліоны людей и не матеріальныя силы, повидимому столь страшныя и незыблемыя, не деньги, не мечъ, не могущество, а незамѣтная въ началѣ мысль, и часто какого-нибудь, повидимому, ничтожнѣйшаго изъ людей. Г-нъ Энпе пишетъ, что появленіе такой исповѣди у меня въ «Дневникѣ» «служитъ»—(кому, чему служитъ?)—«смѣшнымъ и жалкимъ анахронизмомъ»... ибо нынѣ «вѣкъ чугунныхъ понятій, вѣкъ положительныхъ мнѣній, вѣкъ, держащій знамя: жить во что-бы то ни стало»!.. (Такъ, такъ! вотъ потому-то, вѣроятно, такъ и усилились въ наше время самоубійства въ классѣ интелигентномъ). Увѣряю почтеннаго г. Энпе и подобныхъ ему, что этотъ «чугунъ» обращается, когда приходитъ срокъ, въ пухъ передъ иной идеей, сколь-бы ни казалась она ничтожною въ началѣ господамъ «чугунныхъ понятій». Для меня-же лично, одно изъ самыхъ ужасныхъ опасеній за наше будущее, и даже за ближайшее будущее, состоитъ именно въ томъ, что, на мой взглядъ, въ весьма уже, въ слишкомъ уже большой части интелигентнаго слоя русскаго, по какому-то особому, странному... ну, хоть, предопредѣленію, все болѣе и болѣе и съ чрезвычайною прогрессивною быстротою, укореняется совершенное невѣріе въ свою душу и въ ея безсмертіе. И мало того, что это невѣріе укореняется убѣжденіемъ (убѣжденій у насъ еще очень мало въ чемъ-бы то ни было), но укореняется и повсемѣстнымъ, страннымъ какимъ-то индиферентизмомъ къ этой высшей идеѣ человѣческаго существованія, — индиферентизмомъ, иногда даже на-

Digitized by Google

смѣшливымъ, Богъ знаетъ откуда и по какимъ законамъ у насъ водворяющимся и не къ одной этой идеѣ, а и ко всему, что жизненно, къ правдѣ жизни, ко всему что даетъ и питаетъ жизнь, даетъ ей здоровье, уничтожаетъ разложеніе и зловоніе. Этотъ индиферентизмъ есть, въ наше время, даже почти русская особенность сравнительно хотя-бы съ другими европейскими націями. Онъ давно уже проникъ и въ русское интелигентное семейство и уже почти-что разрушилъ его. Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человѣкъ, ни нація. А высшая идея на землѣ *лишь одна* и именно—идея о безсмертіи души человѣческой, ибо всѣ остальныя «высшія» идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, *лишь изъ нея одной вытекаютъ*. Въ этомъ могутъ со мной спорить (то есть объ этомъ именно единствѣ источника всего высшаго на землѣ), но я пока въ споръ не вступаю и идею мою выставляю лишь голословно. Разомъ не объяснишь, а исподволь будетъ лучше. Впереди еще будетъ время.

Мой самоубійца есть именно страстный выразитель своей идеи, то есть необходимости самоубійства, а не индиферентный и не чугунный человѣкъ. Онъ дѣйствительно страдаетъ и мучается и ужь кажется я это выразилъ ясно. Для него слишкомъ очевидно, что ему жить нельзя и—онъ слишкомъ знаетъ, что правъ и что опровергнуть его невозможно. Передъ нимъ неотразимо стоятъ самые высшіе, самые первые вопросы: «для чего жить когда уже онъ созналъ, что по животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человѣка? И что можетъ въ такомъ случаѣ удержать его на землѣ?» На вопросы эти разрѣшенія онъ получить не можетъ и знаетъ это, ибо хотя и созналъ, что есть, какъ онъ выражается, «гармонія цѣлаго», но я-то, говоритъ онъ, «ея не понимаю, понять никогда не въ силахъ, а что не буду въ ней самъ участвовать, то это ужь необходимо и само собою выходитъ». Вотъ эта-то ясность и докончила его. Въ чемъ-же бѣда, въ чемъ онъ ошибся? Бѣда единственно лишь въ потерѣ вѣры въ безсмертіе.

Но онъ самъ горячо ищетъ (т. е. искалъ пока жилъ и искалъ съ страданіемъ) примиренія; онъ хотѣлъ найти его въ «любви къ человѣчеству»: «Не я, такъ человѣчество можетъ быть счастливо и когда нибудь достигнетъ гармоніи. Эта мысль могла-бы удержать меня на землѣ», проговаривается онъ. И ужь конечно это великодушная мысль, великодушная и страдальческая. Но неотразимое убѣжденіе въ томъ, что жизнь человѣчества въ сущности такой-же мигъ какъ и его собственная, и что на завтра-же, по достиженіи «гармоніи» (если только вѣрить, что мечта эта достижима) человѣчество обратится въ тотъ-же *нуль* какъ и онъ, силою косныхъ законовъ

Digitized by Google

природы, да еще послѣ столькихъ страданій, вынесенныхъ въ достиженіи этой мечты — эта мысль возмущаетъ его духъ окончательно, именно изъ за любви къ человѣчеству возмущаетъ, оскорбляетъ его за все человѣчество и — по закону отраженія идей— убиваетъ въ немъ даже самую любовь къ человѣчеству. Такъ точно видали не разъ, какъ, въ семьѣ умирающей съ голоду, отецъ или мать, подконецъ, когда страданія дѣтей ихъ становились невыносимыми, начинали ненавидѣть этихъ, столь любимыхъ ими доселѣ дѣтей, именно за *невыносимость* страданій ихъ. Мало того, я утверждаю, что сознаніе своего совершеннаго безсилія помочь, или принести хоть какую нибудь пользу или облегченіе страдающему человѣчеству, въ тоже время при полномъ вашемъ убѣжденіи въ этомъ страданіи человѣчества—можетъ даже *обратить въ сердцѣ вашемъ любовь къ человѣчеству въ ненависть къ нему.* Господа чугунныхъ идей конечно не повѣрятъ тому, да и не поймутъ этого вовсе: для нихъ любовь къ человѣчеству и счастье его — все это такъ дешево, все такъ удобно устроено, такъ давно дано и написано, что и думать объ этомъ не стоитъ. Но я намѣренъ насмѣшить ихъ окончательно: я объявляю (опять-таки *пока* бездоказательно) что любовь къ человѣчеству — даже совсѣмъ немыслима, непонятна и *совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣческой.* Тѣ-же, которые, отнявъ у человѣка вѣру въ его безсмертіе, хотятъ замѣнить эту вѣру, въ смыслѣ высшей цѣли жизни, «любовью къ человѣчеству», тѣ, говорю я, подымаютъ руки на самихъ-же себя; ибо вмѣсто любви къ человѣчеству насаждаютъ въ сердцѣ потерявшаго вѣру, лишь зародышъ ненависти къ человѣчеству. Пусть пожмутъ плечами на такое утвержденіе мое мудрецы чугунныхъ идей. Но мысль эта мудренѣе ихъ мудрости и я несомнѣнно вѣрую, что она станетъ когда нибудь въ человѣчествѣ аксіомой. Хотя опять таки я и это выставлю пока лишь голословно.

Я даже утверждаю и осмѣливаюсь высказать, что любовь къ человѣчеству *вообще* — есть, *какъ идея,* одна изъ самыхъ непостижимыхъ идей для человѣческаго ума. Именно какъ идея. Ее можетъ оправдать лишь одно чувство. Но чувство то возможно именно лишь при совмѣстномъ убѣжденіи въ безсмертіи души человѣческой. (И опять голословно).

Въ результатѣ ясно, что самоубійство, при потерѣ идеи о безсмертіи, становится совершенною и неизбѣжною даже необходимостью для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, безсмертіе, обѣщая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человѣка съ землей. Тутъ каза-

Digitized by Google

лось-бы даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т. е. кромѣ земной и безсмертная, то для чего-бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ, ибо только съ вѣрой въ свое безсмертіе человѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ. Безъ убѣжденія-же въ своемъ безсмертіи, связи человѣка съ землей порываются, становятся тоньше, гнилѣе, а потеря высшаго смысла жизни (ощущаемая хотя-бы лишь въ видѣ самой безсознательной тоски), несомнѣнно ведетъ за собою самоубійство. Отсюда обратно и нравоученіе моей октябрьской статьи: «Если убѣжденіе въ безсмертіи такъ необходимо для бытія человѣческаго, то, стало быть, оно и есть нормальное состояніе человѣчества, а коли такъ, то и самое безсмертіе души человѣческой *существуетъ несомнѣнно*». Словомъ, идея о безсмертіи — это сама жизнь, живая жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ истины и правильнаго сознанія для человѣчества. Вотъ цѣль статьи и я полагалъ, что ее невольно уяснитъ себѣ всякій, прочитавшій ее.

IV.

Кое что о молодежи.

Кстати ужь. Мнѣ, пожалуй, укажутъ, что въ нашъ вѣкъ убиваютъ себя люди и никогда не занимавшіеся никакими высшими вопросами; тѣмъ не менѣе убиваютъ себя загадочно, безо всякой видимой причины. Мы дѣйствительно видимъ очень много (а обиліе это опять-таки своего рода загадка) самоубійствъ, странныхъ и загадочныхъ, сдѣланныхъ вовсе не по нуждѣ, не по обидѣ, безъ всякихъ видимыхъ къ тому причинъ, вовсе не вслѣдствіе матеріальныхъ недостатковъ, оскорбленной любви, ревности, болѣзни, ипохондріи или сумасшествія, а такъ, Богъ знаетъ изъ-за чего совершившихся. Такіе случаи въ нашъ вѣкъ составляютъ большой соблазнъ и такъ какъ совершенно невозможно въ нихъ отрицать эпидемію, то обращаются для многихъ въ самый безпокойный вопросъ. Всѣ эти самоубійства я конечно объяснять не возьмусь, да и разумѣется не могу*), но зато я несомнѣнно убѣжденъ, что въ большинствѣ, въ цѣломъ, прямо или косвенно, эти самоубійцы покончили съ собой изъ за одной и той-же духовной болѣзни—отъ

*) Я получаю очень много писемъ съ изложеніемъ фактовъ самоубійствъ и съ вопросами: какъ и что я объ этихъ самоубійствахъ думаю и чѣмъ ихъ объясняю?

Digitized by Google

отсутствія высшей идеи существованія въ душѣ ихъ. Въ этомъ смыслѣ нашъ индиферентизмъ, какъ современная русская болѣзнь, заѣлъ всѣ души. Право, у насъ теперь иной даже молится и въ церковь ходитъ, а въ безсмертіе своей души не вѣритъ; т. е. не то что не вѣритъ, а просто объ этомъ совсѣмъ никогда не думаетъ. И однако это вовсе иногда не чугунный, не скотскаго, не низшаго типа человѣкъ. А межъ тѣмъ лишь изъ этой одной вѣры, какъ уже и говорилъ я выше, выходитъ весь высшій смыслъ и значеніе жизни, выходитъ желаніе и охота жить. О, повторяю, есть много охотниковъ жить безъ всякихъ идей и безъ всякаго высшаго смысла жизни, жить просто животною жизнью, въ смыслѣ низшаго типа; но есть, и даже слишкомъ ужь многіе, и, что всего любопытнѣе съ виду, можетъ быть, и чрезвычайно грубыя и порочныя натуры, а между тѣмъ природа ихъ, можетъ быть, имъ самимъ невѣдомо, давно уже тоскуетъ по высшимъ цѣлямъ и значенію жизни. Эти ужь не успокоятся на любви къ ѣдѣ, на любви къ кулебякамъ, къ красивымъ рысакамъ, къ разврату, къ чинамъ, къ чиновной власти, къ поклоненію подчиненныхъ, къ швейцарамъ у дверей домовъ ихъ. Этакій застрѣлится именно съ виду *не изъ чего*, а между тѣмъ непремѣнно отъ тоски, хотя и безсознательной, по высшему смыслу жизни не найденному имъ нигдѣ. А иной изъ такихъ вдобавокъ застрѣлится, предварительно выкинувъ какую нибудь скандальную мерзость, скверность, чудовищность. О, глядя на многихъ изъ этакихъ, разумѣется, трудно повѣрить, чтобъ они покончили съ собою изъ за «тоски по высшимъ цѣлямъ жизни»: «Да они ни объ какихъ цѣляхъ совсѣмъ и не думали, они ни объ чемъ такомъ, никогда и не говорили, а только дѣлали «пакости» — вотъ всеобщій голосъ! Но пусть не заботились и дѣлали пакости: высшая тоска эта—знаете-ли вы твердо какими сложными путями, въ жизни общества, передается иногда иной душѣ и заражаетъ ее? Идеи летаютъ въ воздухѣ, но непремѣнно по законамъ; идеи живутъ и распространяются по законамъ слишкомъ трудно для насъ уловимымъ; идеи заразительны, и знаете-ли вы, что въ общемъ настроеніи жизни иная идея, иная забота или тоска, доступная лишь высокообразованному и развитому уму, можетъ вдругъ передаться почти малограмотному существу, грубому и ни объ чемъ никогда не заботившемуся, и вдругъ заразить его душу своимъ вліяніемъ? Укажутъ мнѣ, пожалуй, опять, что въ нашъ вѣкъ умерщвляютъ себя даже дѣти, или такая юная молодежь, которая и не испытала еще жизни. А у меня именно есть таинственное убѣжденіе, что молодежь-то наша и страдаетъ и тоскуетъ у насъ отъ отсутствія высшихъ цѣлей жизни. Въ семьяхъ нашихъ объ высшихъ цѣляхъ жизни почти

Digitized by Google

и не упоминается, а объ идеѣ о безсмертіи не только ужь вовсе не думаютъ, но даже, слишкомъ нерѣдко относятся къ ней сатирически и это при дѣтяхъ, съ самаго ихъ дѣтства, да еще, пожалуй, съ нарочнымъ назиданіемъ.

«Да семейства у насъ вовсе нѣтъ» — замѣтилъ мнѣ недавно, возражая мнѣ, одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ писателей. Что-же, это вѣдь отчасти и правда: при нашемъ всеобщемъ индиферентизмѣ къ высшимъ цѣлямъ жизни, конечно, можетъ быть, уже и расшаталась наша семья въ извѣстныхъ слояхъ націи. Ясно по крайней мѣрѣ, до наглядности то, что наше юное поколѣніе обречено само отыскивать себѣ идеалы и высшій смыслъ жизни. Но это-то отъединеніе ихъ, это-то оставленіе на собственныя силы и ужасно. Это вопросъ слишкомъ, слишкомъ значительный въ теперешній моментъ, въ теперешній мигъ нашей жизни. Наша молодежь такъ поставлена, что рѣшительно нигдѣ не находитъ никакихъ указаній на высшій смыслъ жизни. Отъ нашихъ умныхъ людей и вообще отъ руководителей своихъ, она можетъ заимствовать, въ наше время, повторяю это, скорѣе лишь взглядъ сатирическій, но уже ничего *положительнаго* — т. е. во что вѣрить, что уважать, обожать, къ чему стремиться—а все это такъ нужно, такъ необходимо молодежи, всего этого она жаждетъ и жаждала всегда, во всѣ вѣка и вездѣ! А еслибы и смогли и въ силахъ еще были ей передать что-нибудь изъ правильныхъ указаній въ семьѣ или въ школѣ, то опять-таки и въ семьѣ и въ школѣ, (конечно, не безъ нѣкоторыхъ исключеній), слишкомъ ужь стали къ этому индиферентны за множествомъ иныхъ, болѣе практическихъ и современно-интересныхъ задачъ и цѣлей. Молодежь шестаго декабря на Казанской площади—безъ сомнѣнія лишь «настеганное стадо» въ рукахъ какихъ-то хитрыхъ мошенниковъ, судя, по крайней мѣрѣ, *по фактамъ*, указаннымъ «Московскими Вѣдомостями»; что выйдетъ и что окажется изъ этого дѣла — я далѣе ничего не знаю. Безъ сомнѣнія, тутъ дурь, злостная и безнравственная, обезьянья подражательность съ чужаго голоса, но все-же ихъ могли собрать лишь увѣривъ, что они собраны во имя чего-то высшаго и прекраснаго, во имя какого-то удивительнаго самопожертвованія для величайшихъ цѣлей. Пусть даже это «исканіе своего идеала» слишкомъ въ немногихъ изъ нихъ, но эти немногіе царятъ надъ остальными и ведутъ ихъ за собою,—это-то уже ясно. Что-же, кто виноватъ теперь что ихъ идеалъ такъ уродливъ? Ужь конечно и сами они, но вѣдь и не одни они. О, безъ сомнѣнія, даже и теперешняя окружающая ихъ дѣйствительность могла-бы спасти ихъ отъ ихъ уродливой оторванности отъ всего насущнаго и реальнаго, отъ ихъ гру-

Digitized by Google

бѣйшаго непониманія самыхъ простыхъ вещей, но въ томъ-то и дѣло что наступили, значитъ, такіе сроки, что оторванность отъ почвы и отъ народной правды въ нашемъ юнѣйшемъ поколѣніи должна уже удивить и ужаснуть даже самихъ «отцовъ» ихъ, столь давно уже отъ всего русскаго оторвавшихся и доживающихъ свой вѣкъ въ блаженномъ спокойствіи высшихъ критиковъ земли русской. Ну вотъ и урокъ, — урокъ и семьѣ и школѣ и блаженно-убѣжденнѣйшимъ критикамъ: сами-же они теперь не узнаютъ *своихъ послѣдствій* и отъ нихъ отрекаются, но... но вѣдь и ихъ-то, «отцовъ»-то, развѣ можно, опять-таки винить *окончательно?* Сами-то они не суть-ли продукты и слѣдствія какихъ-то особыхъ роковыхъ законовъ и предопредѣленій, которые стоятъ надъ всѣмъ интелигентнымъ слоемъ русскаго общества уже чуть-ли не два вѣка сряду, почти вплоть до великихъ реформъ нынѣшняго царствованія? Нѣтъ, видно двухсотлѣтняя оторванность отъ почвы и отъ *всякаго дѣла* не спускаются даромъ. Винить недостаточно, надо искать и лекарствъ. По моему, еще есть лекарства: они въ народѣ, въ святыняхъ его и въ нашемъ соединеніи съ нимъ. Но... но объ этомъ еще послѣ. Я и «Дневникъ» предпринималъ отчасти для того, чтобъ объ этихъ лекарствахъ говорить на сколько силъ достанетъ.

V.

О самоубійствѣ и о высокомѣріи.

Но надо кончить съ г. Энпе. Съ нимъ случилось то, что бываетъ со многими изъ его «типа»: для нихъ что ясно и что слишкомъ скоро они могутъ понять, то и глупо. Ясность они гораздо наклоннѣе презирать, чѣмъ хвалить. Другое дѣло что нибудь съ завиткомъ и съ туманомъ: «А, мы этого не понимаемъ, значитъ тутъ глубина».

Онъ говоритъ, что «разсужденіе» моего самоубійцы есть лишь «бредъ полусумасшедшаго человѣка» и „*давно извѣстно*". Я очень наклоненъ думать, что «разсужденіе» это стало ему «извѣстнымъ» лишь по прочтеніи моей статьи. Что-же касается до «бреда полусумасшедшаго» то этотъ бредъ (извѣстно-ли это г-ну Энпе и всей ихъ коллекціи?) — этотъ бредъ, т. е. выводъ необходимости самоубійства, есть для многихъ, даже для слишкомъ уже многихъ въ Европѣ, — какъ-бы послѣднее слово науки. Я въ краткихъ словахъ выразилъ это «послѣднее слово науки» ясно и популярно, и

Digitized by Google

единственно чтобъ его опровергнуть,—и не разсужденіемъ, не логикой, ибо логикой оно неопровержимо (и я вызываю не только г. Энпе, но и кого угодно опровергнуть логически этотъ «бредъ сумасшедшаго»)—но вѣрой, выводомъ необходимости вѣры въ безсмертіе души человѣческой, выводомъ убѣжденія, что вѣра эта есть единственный источникъ живой жизни на землѣ,—жизни, здоровья, здоровыхъ идей и здоровыхъ выводовъ и заключеній...

А въ заключеніе нѣчто совсѣмъ ужь комическое. Въ томъ-же октябрьскомъ № я сообщилъ о самоубійствѣ дочери эмигранта: «она намочила вату хлороформомъ, обвязала себѣ этимъ лицо и легла на кровать. Такъ и умерла. Предъ смертью написала записку: «предпринимаю длинное путешествіе. Если самоубійство не удастся, то пусть соберутся всѣ отпраздновать мое воскресенье изъ мертвыхъ съ бокалами клико. А если удастся, то я прошу только, чтобъ схоронили меня, вполнѣ убѣдясь, что я мертвая, потому что совсѣмъ непріятно проснуться въ гробу подъ землею. Очень даже не шикарно выйдетъ».

Г-нъ Энпе высокомѣрно разсердился на эту «пустенькую» самоубійцу и заключилъ, что поступокъ ея «никакого вниманія не заслуживаетъ». Разсердился и на меня за мой «наивный до крайности» вопросъ о томъ, которая изъ двухъ самоубійцъ больше мучилась на землѣ? Но тутъ вышло нѣчто смѣшное. Онъ вдругъ прибавилъ: «смѣю думать, что человѣкъ, желающій *привѣтствовать* свое возвращеніе къ жизни съ бокалами шампанскаго въ рукахъ» —(разумѣется, въ рукахъ)— «не много *мучился* въ этой жизни—когда опять, съ такимъ торжествомъ вступаетъ въ нее, ни чуть не измѣняя ея условій—и даже не думая о нихъ»...

Какая смѣшная мысль и какое смѣшное соображеніе! Тутъ, главное, соблазнило его шампанское: «кто пьетъ шампанское, тотъ, стало быть, не можетъ мучиться». Да вѣдь еслибъ она такъ любила шампанское, то осталась-бы жить, чтобъ пить его, а вѣдь она написала про шампанское передъ смертью, т. е. передъ серьезною смертью, слишкомъ хорошо зная, что навѣрно умретъ. Шансу очнуться опять она не могла очень вѣрить, да и не представлялъ онъ ей ничего отраднаго, потому что очнуться опять значило для нея, конечно, очнуться для новаго самоубійства. Шампанское, стало быть, тутъ ни при чемъ, т. е. вовсе не для того, чтобъ пить его—и неужели это разъяснять надо? Написала-же она о шампанскомъ изъ желанія сдѣлать, умирая, какой нибудь вывертъ померзче и погрязнѣе. Потому-то и выбрала шампанское, что грязнѣе и мерзче этой картины питія его при своемъ «воскресеніи изъ мертвыхъ» не нашла другой. Нужно-же ей было написать это для того, чтобъ

Digitized by Google

оскорбить этой грязью все, что она оставляла на землѣ, проклясть землю и земную жизнь свою, плюнуть на нее и заявить этотъ плевокъ къ свѣдѣнію тѣхъ близкихъ ей, которыхъ она покидала. Изъ-за чего-же такая злоба въ этой семнадцатилѣтней дѣвочкѣ? (NB. Ей было семнадцать лѣтъ, а не двадцать, я ошибся въ моей статьѣ и меня потомъ поправили знавшіе это дѣло лучше). И на кого злоба? Ее никто не обижалъ, она ни въ чемъ не нуждалась, она умерла, повидимому, тоже совсѣмъ безъ причины. Но именно эта-то записка, именно то, что она такъ *интересовалась* въ такой часъ сдѣлать такой грязный и злобный вывертъ (что очевидно) именно это и наводитъ на мысль, что жизнь ея была безмѣрно чище этого грязнаго выверта и что злоба, что безмѣрное озлобленіе этого выверта — и свидѣтельствуетъ, напротивъ, о страдальческомъ мучительномъ настроеніи ея духа, о ея отчаяніи въ послѣднюю минуту жизни. Еслибъ она умерла отъ какой нибудь апатичной скуки, не зная за чѣмъ, то не сдѣлала-бы этого выверта. Къ такому состоянію духа надо относиться человѣколюбивѣе. Страданіе тутъ очевидное и умерла она непремѣнно отъ духовной тоски и много мучившись. Чѣмъ она успѣла такъ измучиться въ 17 лѣтъ? Но въ этомъ-то и страшный вопросъ вѣка. Я выразилъ предположеніе, что умерла она отъ тоски (слишкомъ ранней тоски) и безцѣльности жизни—лишь вслѣдствіе своего извращеннаго теоріей воспитанія въ родительскомъ домѣ, воспитанія съ ошибочнымъ понятіемъ о высшемъ смыслѣ и цѣляхъ жизни, съ намѣреннымъ истребленіемъ въ душѣ ея всякой вѣры въ ея безсмертіе. Пусть это лишь мое предположеніе, но вѣдь не для того-же, въ самомъ дѣлѣ, умерла она, чтобъ оставить лишь послѣ себя подлую записку — на удивленіе, какъ кажется и предполагаетъ г. Энпе? «Никто-же плоть свою возненавиде». Истребленіе себя есть вещь серьезная, несмотря на какой-бы тамъ ни было шикъ, а эпидемическое истребленіе себя, возрастающее въ интелигентныхъ классахъ, есть слишкомъ серьезная вещь, стоящая неустаннаго наблюденія и изученія. Года полтора назадъ мнѣ показывалъ одинъ высокоталантливый и компетентный въ нашемъ судебномъ вѣдомствѣ человѣкъ пачку собранныхъ имъ писемъ и записокъ самоубійцъ, собственноручныхъ, писанныхъ ими передъ самою смертію, то есть за пять минутъ до смерти. Помню двѣ строчки одной пятнадцатилѣтней дѣвочки, помню тоже каракули карандашемъ, писанныя въ ѣхавшей каретѣ, въ которой тутъ-же и застрѣлился самоубійца, не доѣхавъ куда везли его. Я думаю, еслибъ даже и г. Энпе переглядѣлъ эту интереснѣйшую пачку, то и въ его душѣ, можетъ быть, совершился-бы нѣкоторый переворотъ и въ спокойное сердце его проникло-бы смятеніе. Но

Digitized by Google

не знаю. Во всякомъ случаѣ къ этимъ фактамъ надо относиться человѣколюбивѣе, и отнюдь не такъ высокомѣрно. Въ фактахъ этихъ, можетъ быть, мы и сами всѣ виноваты и никакой чугунъ не спасетъ насъ потомъ отъ бѣдственныхъ послѣдствій нашего спокойствія и высокомѣрія, когда восполнятся сроки и придетъ время этихъ послѣдствій.

Но довольно. Я не одному г. Энпе, а многимъ господамъ Энпе отвѣтилъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Анекдотъ изъ дѣтской жизни.

Разскажу чтобъ не забыть.

Живутъ на краю Петербурга, и даже подальше чѣмъ на краю, одна мать съ двѣнадцатилѣтней дочкой. Семья не богатая, но мать имѣетъ занятіе и добываетъ средства трудомъ, а дочка посѣщаетъ въ Петербургѣ школу, и каждый разъ когда уѣзжаетъ въ школу или возвращается изъ школы домой,—ѣздитъ въ общественной каретѣ, отправляющейся отъ Гостинаго двора до того мѣста, гдѣ онѣ живутъ и обратно по нѣскольку разъ въ день, въ извѣстные сроки.

И вотъ однажды, недавно, мѣсяца два назадъ, какъ разъ когда у насъ вдругъ и такъ быстро установилась зима и начался первопутъ съ цѣлой недѣлей тихихъ, свѣтлыхъ дней, въ два-три градуса морозу—однажды вечеромъ мать, смотря на дочку, сказала ей: «Саша, я вижу ты никакихъ уроковъ не твердишь, вотъ столько уже вечеровъ замѣчаю. Знаешь-ли ты уроки-то?

— Ахъ, мамочка, не безпокойся, я все приготовила; на всю даже недѣлю впередъ приготовила.

— Хорошо коли такъ.

На завтра отправилась Саша въ школу, а въ шестомъ часу кондукторъ общественной кареты, въ которой должна была воротиться Саша, соскочивъ мимоѣздомъ у ихъ воротъ, подалъ «мамочкѣ» отъ нея записку слѣдующаго содержанія:

«Милая мамочка, я всю недѣлю была очень дурной дѣвочкой. Я получила три нуля и все тебя обманывала. Воротиться мнѣ къ тебѣ стыдно и я ужь больше къ тебѣ не вернусь. Прощай милая мамочка, прости меня, твоя Саша».

Digitized by Google

Можно представить, что сталось съ матерью. Разумѣется, тотчасъ-же хотѣла бросить занятія и летѣть въ городъ разыскивать Сашу хоть по какимъ-нибудь слѣдамъ. Но гдѣ? Какъ? Случился тутъ одинъ близкій знакомый, принявшій горячее участіе и вызвавшійся тотчасъ-же отправиться въ Петербургъ и тамъ, справившись въ школѣ, искать и искать, по всѣмъ знакомымъ и хоть цѣлую ночь. Главное, представившееся соображеніе, что Саша можетъ воротиться тѣмъ временамъ сама, раскаявшись въ прежнемъ рѣшеніи, и если матери дома не застанетъ, то, пожалуй, опять уйдетъ,—заставило мать остаться и довѣриться горячему участію добраго человѣка. Въ случаѣ-же, если Саша не отыщется къ утру, положили чѣмъ свѣтъ заявить полиціи. Оставшись дома мать провела нѣсколько тяжелыхъ часовъ и я ихъ не описываю, такъ какъ можно и такъ понять.

И вотъ, разсказываетъ мать,—уже около десяти часовъ вдругъ слышу знакомые, маленькіе скорые шаги во дворѣ по снѣгу и потомъ по лѣсенкѣ. Отворяется дверь и—вотъ Саша.

— Мамочка, ахъ, мамочка, какъ я рада что пришла къ тебѣ, ахъ!

Сложила руки передъ собой ладошками, потомъ закрыла себѣ ими лицо и сѣла на кровать. Такая усталая, измученная. Ну, тутъ, разумѣется, первыя восклицанія, первые вопросы; мать осторожна, упрекать пока не смѣетъ.

— Ахъ мамочка, какъ только я вчера тебѣ солгала про уроки, такъ вчера-же и рѣшилась: въ школу больше не ходить и къ тебѣ не возвращаться; потому что какъ-же я въ школу ходить не буду, а тебя каждый день буду обманывать что хожу?

— Да какъ-же ты съ собой-то быть хотѣла? Коль не въ школѣ и не у меня, такъ гдѣ-же?

— А я думала что на улицѣ. Какъ день, я-бы все по улицамъ ходила. Шубка на мнѣ теплая, а прозябну — въ Пассажъ зайду; а вмѣсто обѣда каждый день по булкѣ покупать, ну а пить такъ какъ ужь нибудь, теперь снѣгъ. Одной булки мнѣ довольно. У меня 15 копѣекъ, по три копѣйки на булку, вотъ и пять дней.

— А тамъ?

— А тамъ не знаю, дальше я не подумала.

— Ну, а ночевать-то, ночевать-то гдѣ?

— А ночевать, я это обдумала. Какъ ужь темно и какъ ужь поздно я думала всякій день ходить на желѣзную дорогу, туда дальше, за воксалъ, гдѣ никого ужь нѣтъ, и гдѣ ужасно много вагоновъ стоитъ. Влѣзть въ какой нибудь этотъ вагонъ, который ужь видно что не пойдетъ, и ночевать до утра. Я и пошла. И далеко зашла, туда за воксалъ, и никого тамъ нѣтъ, и вижу совсѣмъ

Digitized by Google

въ сторонѣ вагоны стоятъ и совсѣмъ не такіе въ которыхъ всѣ ѣздятъ. Вотъ думаю, влѣзу въ какой нибудь этотъ вагонъ и никто не увидитъ. Только я начала влѣзать, а вдругъ сторожъ мнѣ и закричалъ:

— Куда лѣзешь? Въ этихъ вагонахъ мертвыхъ возятъ.

Услышала я это, соскочила, а онъ ужь вижу ко мнѣ подходитъ: «Вамъ чего, говоритъ, здѣсь надо?» Я отъ него бѣжать, бѣжать, онъ что-то закричалъ, только я убѣжала. Иду я, такъ испугалась. Воротилась на улицы, хожу и вдругъ вижу домъ, большой домъ, каменный, строится, еще только кирпичный, стеколъ дверей нѣтъ и забиты досками, а кругомъ заборъ. Вотъ, думаю, еслибъ пройти какъ нибудь туда въ домъ, то тамъ вѣдь никто не увидитъ, темно. Зашла я съ переулка и сыскала такое мѣсто, что хоть и заколочено досками, а можно пролѣзть. Я и пролѣзла, прямо какъ въ яму, тамъ еще земля; я пошла ощупью по стѣнѣ въ уголъ, а въ углу доски, кирпичи. Вотъ, думаю, тутъ и ночую на доскахъ. Такъ и легла. Только вдругъ слышу точно кто тихо очень говоритъ. Я приподнялась, а въ самомъ углу слышу говорятъ, тихо, и точно на меня оттуда глаза смотрятъ. Тутъ я ужь очень испугалась, побѣжала какъ разъ въ ту самую дверь опять на улицу, а они меня слышу зовутъ. Успѣла выскочить. А я-то думала что домъ пустой.

Тутъ какъ вышла я опять, то очень вдругъ устала. Такъ устала, такъ устала. Иду по улицамъ, народъ ходитъ, который часъ не знаю. Вышла я на Невскій проспектъ, иду около Гостинаго и совсѣмъ плачу. «Вотъ думаю, прошелъ-бы какой добрый человѣкъ, пожалѣлъ-бы бѣдную дѣвочку, которой ночевать негдѣ. Я ужь призналась-бы ему а онъ-бы мнѣ сказалъ: пойдемте къ намъ ночевать». Думаю я все объ этомъ, иду и — вдругъ гляжу, стоитъ нашъ дилижансъ и послѣдній разъ сюда отправляться хочетъ, а я-то думала что онъ уже давно ушелъ. «Ахъ, думаю, поѣду къ мамѣ!» Сѣла я, и такъ теперь мамочка рада что къ тебѣ воротилась! Никогда я тебя больше обманывать не буду и учиться буду хорошо, ахъ мамочка! ахъ мамочка!

Спрашиваю ее, разсказываетъ мать дальше: Саша, да неужель ты все это сама выдумала — и въ школу чтобъ не ходить и на улицѣ жить?

— Видишь, мамочка, тутъ я давно уже познакомилась съ одной дѣвочкой, такая-же какъ и я, только она въ другую школу ходитъ. Только вѣришь-ли, она никогда почти не ходитъ, а дома всѣмъ говоритъ каждый день что ходитъ. А мнѣ она сказала, что учиться ей скучно, а на улицѣ очень весело. «Я, говоритъ, какъ

Digitized by Google

выйду изъ дому, все хожу, все хожу, а въ школу вотъ уже двѣ недѣли не показывалась, въ окна въ магазины смотрю, въ пассажѣ хожу, булку съѣмъ — до самого вечера какъ домой идти». Я какъ узнала про это отъ нея, тогда-же подумала: «вотъ-бы мнѣ также», и стало мнѣ скучно въ школѣ. Только я и намѣренія не имѣла до самого вчерашняго дня, а вчера какъ солгала тебѣ и рѣшилась»...

Анекдотъ этотъ—правда. Теперь ужь, разумѣется, матерью приняты мѣры. Когда мнѣ разсказали его, я подумалъ что очень не лишнее напечатать его въ «Дневникѣ». Мнѣ позволили, конечно съ полнымъ incognito. Мнѣ, разумѣется, возразятъ сейчасъ-же: «Единичный случай, и просто потому что дѣвочка очень глупа». Но я знаю навѣрно, что дѣвочка очень не глупа. Знаю тоже, что въ этихъ юныхъ душахъ, уже вышедшихъ изъ перваго дѣтства, но еще далеко не дозрѣвшихъ до какой-нибудь хоть самой первоначальной возмужалости, могутъ порою зарождаться удивительныя фантастическія представленія, мечты и рѣшенія. Этотъ возрастъ (двѣнадцати или тринадцатилѣтній) необычайно интересенъ, въ дѣвочкѣ еще больше чѣмъ въ мальчикѣ. Кстати о мальчикахъ: помните вы года четыре назадъ напечатанное въ газетахъ извѣстіе о томъ, какъ изъ одной гимназіи бѣжали три чрезвычайно юные гимназиста въ Америку и что ихъ поймали уже довольно далеко отъ ихъ города, а вмѣстѣ захватили и бывшій съ ними пистолетъ. Вообще и прежде, поколѣніе или два назадъ, въ головахъ этого очень юнаго народа тоже могли бродить мечты и фантазіи, совершенно такъ-же какъ у теперешнихъ, но теперешній юный народъ какъ-то рѣшительнѣе и гораздо короче на сомнѣнія и размышленія. Прежніе, надумавъ проэктъ (ну хоть бѣжать въ Венецію, начитавшись о Венеціи въ повѣстяхъ Гофмана и Жоржъ Занда, — я зналъ одного такого) — все-же проэктовъ своихъ не исполняли и много что повѣряли ихъ подъ клятвою какому нибудь товарищу, а теперешніе надумаютъ да и выполнятъ. Впрочемъ, прежнихъ связывало и чувство ихъ долга, ощущеніе обязанности,— къ отцамъ, къ матерямъ, къ извѣстнымъ вѣрованіямъ и принципамъ. Ныньче-же, безспорно, связи эти и ощущенія стали нѣсколько слабѣе. Меньше удержу и внѣшняго и внутренняго, въ себѣ самомъ заключающагося. Оттого, можетъ быть, одностороннѣе и голова работаетъ, и ужь разумѣется все это отъ чего нибудь.

А главное, это вовсе не единичные случаи, происходящіе отъ глупости. Повторяю, этотъ чрезвычайно интересный возрастъ вполнѣ нуждается въ особенномъ вниманіи столь занятыхъ у насъ педагогіей педагоговъ и столь занятыхъ теперь «дѣлами» и не дѣлами

Digitized by Google

родителей. И какъ легко можетъ все это случиться, т. е. все самое ужасное, да еще съ кѣмъ: съ нашими родными дѣтьми! Подумать только о томъ мѣстѣ, въ этомъ разсказѣ матери, когда дѣвочка «*вдругъ устала*, идетъ и плачетъ и мечтаетъ что встрѣтится добрый человѣкъ, сжалится что бѣдной дѣвочкѣ негдѣ ночевать и пригласитъ ее съ собою». Подумать, что вѣдь это желаніе ея, свидѣтельствующее о ея столь младенческой невинности и незрѣлости, такъ легко могло тутъ-же сбыться и что у насъ вездѣ, и на улицѣ и въ богатѣйшихъ домахъ, такъ и кишитъ вотъ именно этими «добрыми человѣчками!» Ну, а потомъ, на утро? Или прорубь, или *стыдъ признаться*, а за стыдомъ признаться и грядущая способность, все затаивъ про себя, *съ воспоминаніемъ ужиться*, а потомъ объ немъ задуматься уже съ другой точки зрѣнія, и все думать и думать, но уже съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ представленій, и все это мало по малу и само собой; ну, а подъ конецъ—пожалуй, и желаніе повторить случай, а за тѣмъ и все остальное. И это съ двѣнадцати-то лѣтъ! И все шито—крыто. Вѣдь шито—крыто въ полномъ смыслѣ слова! А эта другая дѣвочка, которая вмѣсто школы въ магазины заглядываетъ и въ пассажъ заходитъ, и нашу дѣвочку научила? Я прежде слыхивалъ въ этомъ родѣ про мальчиковъ, которымъ учиться скучно, а *бродяжить* весело. (NB. Бродяжничество есть привычка, болѣзненная и отчасти наша національная, одно изъ различій нашихъ съ Европой,—привычка, обращающаяся потомъ въ болѣзненную страсть и весьма нерѣдко зарождающаяся съ самаго дѣтства. Объ этой національной страсти нашей я потомъ непремѣнно поговорю). Но вотъ, стало быть, возможны и *бродячія* дѣвочки. И, положимъ, тутъ полная пока *невинность;* но будь невинна какъ самое первобытное существо въ раю, а все не избѣгнетъ «познанія добра и зла», ну хоть съ краюшку, хоть въ воображеніи только, мечтательно. Улица вѣдь такая бойкая школа. А главное, повторяю еще и еще: тутъ—этотъ интереснѣйшій возрастъ, возрастъ, вполнѣ еще сохранившій самую младенческую, трогательную невинность и незрѣлость съ одной стороны, а съ другой—уже пріобрѣвшій скорую до жадности способность воспріятія и быстраго ознакомленія съ такими идеями и представленіями, о которыхъ, по убѣжденію чрезвычайно многихъ родителей и педагоговъ, этотъ возрастъ даже и представить себѣ будто-бы ничего еще не можетъ. Это-то вотъ раздвоеніе, эти-то двѣ, столь несходныя половины юнаго существа, въ своемъ соединеніи представляютъ чрезвычайно много опаснаго и критическаго въ жизни этихъ юныхъ существъ.

Digitized by Google

II.

Разъясненіе объ участіи моемъ въ изданіи будущаго журнала „Свѣтъ“.

Въ «Дневникѣ Писателя» (и опять въ томъ-же октябрьскомъ №)—было мною помѣщено объявленіе объ изданіи въ 1877 году новаго журнала «Свѣтъ» профессоромъ Н. П. Вагнеромъ. И вотъ, только что появилось это объявленіе, какъ стали меня разспрашивать о будущемъ журналѣ и о будущемъ моемъ въ немъ участіи. Я отвѣчалъ всѣмъ кому могъ отвѣтить, что въ журналѣ «Свѣтъ» я, по приглашенію Н. П. Вагнера, обѣщалъ помѣстить лишь разсказъ и что въ этомъ и будетъ состоять *все* мое въ немъ участіе. Но теперь вижу необходимость оговорить это даже печатно, ибо съ вопросами не перестаютъ; я получаю каждый день письма отъ моихъ читателей и ясно вижу изъ этихъ писемъ, что читатели мои почему-то вдругъ убѣдились, что участіе мое въ журналѣ «Свѣтъ» будетъ несравненно обширнѣе, чѣмъ упомянуто о немъ въ объявленіи профессора Вагнера, т. е. что я почти *перехожу* въ «Свѣтъ», начинаю новую дѣятельность, расширяю прежнюю, и что если я и не соучастникъ въ изданіи или редактированіи будущаго журнала, то уже непремѣнно участникъ въ его идеѣ, въ замыслѣ, въ планѣ и проч. и проч.

На это и заявляю теперь, что въ будущемъ 1877 году буду издавать лишь «Дневникъ Писателя» и что «Дневнику» и будетъ принадлежать, по примѣру прошлаго года, *вся* моя авторская дѣятельность. Что-же до новаго изданія «Свѣтъ», то ни въ замыслѣ, ни въ планѣ, ни въ соредактированіи его не участвую. Даже самая идея будущаго журнала мнѣ еще совсѣмъ неизвѣстна и я жду появленія его перваго № чтобъ въ первый разъ съ нею познакомиться. Полагаю, что особую близость мою къ журналу «Свѣтъ» вывели изъ того лишь, что въ «Дневникѣ Писателя» напечатано было о немъ самое первое объявленіе, а потомъ, какъ-то такъ почему-то случилось, что это объявленіе довольно долгое время не повторялось ни въ одной газетѣ. Во всякомъ случаѣ, обѣщать дать разсказъ въ другое изданіе еще не значитъ бросить свое и перейти въ то изданіе, а искреннѣйшее мое желаніе успѣха предпріятію уважаемаго Н. П. Вагнера основано всего лишь только на личной моей надеждѣ и даже на убѣжденіи встрѣтить въ его жур

Digitized by Google

налѣ нѣчто новое, оригинальное и полезное,—но далѣе и подробнѣе я ничего о журналѣ «Свѣтъ» не знаю. Изданіе это мнѣ чужое и пока столько-же мнѣ извѣстное, сколько и всякому, прочитавшему о немъ газетное объявленіе.

III.

На какой теперь точкѣ дѣло.

Годъ кончился, а этимъ двѣнадцатымъ выпускомъ заканчивается первый годъ изданія «Дневника Писателя». Отъ читателей моихъ я встрѣтилъ весьма лестное мнѣ сочувствіе, а между тѣмъ и сотой доли не сказалъ того, что намѣревался высказать, а изъ высказаннаго, вижу теперь, многое не съумѣлъ выразить ясно съ перваго разу и даже бывалъ понятъ превратно, въ чемъ конечно виню наиболѣе себя. Но хоть и мало успѣлъ сказать, а все-же надѣюсь, что читатели мои уже и изъ высказаннаго въ этомъ году поймутъ характеръ и направленіе «Дневника» въ будущемъ году. Главная цѣль «Дневника» пока состояла въ томъ, чтобы по возможности разъяснять идею о нашей національной духовной самостоятельности и указывать ее, по возможности, въ текущихъ представляющихся фактахъ. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, «Дневникъ» довольно много говорилъ о нашемъ внезапномъ національномъ и народномъ движеніи нынѣшняго года въ такъ называемомъ «Славянскомъ дѣлѣ». Выскажемъ впередъ: «Дневникъ» не претендуетъ представлять ежемѣсячно политическія статьи; но онъ всегда будетъ стараться отыскать и указать, по возможности, нашу національную и народную точку зрѣнія и въ текущихъ политическихъ событіяхъ. Напримѣръ, изъ нашихъ статей о «Славянскомъ движеніи» нынѣшняго года, читатели, можетъ быть, уже уяснили себѣ, что «Дневникъ» желалъ лишь выяснить сущность и значеніе этого движенія собственно и, главное, относительно насъ, русскихъ; указать, что дѣло для насъ состоитъ не въ одномъ Славизмѣ и не въ политической лишь постановкѣ вопроса въ современномъ смыслѣ его. Славизмъ, т. е. единеніе всѣхъ Славянъ съ народомъ Русскимъ и между собою, и политическая сторона Вопроса, т. е. вопросы о границахъ, окраинахъ, моряхъ и проливахъ, о Константинополѣ и пр. и пр.,—все это вопросы, хотя, безъ сомнѣнія, самой первостепенной важности для Россіи и будущихъ судебъ ея, но не ими лишь исчерпывается сущность Восточнаго

Digitized by Google

вопроса для насъ, т. е. въ смыслѣ разрѣшенія его въ народномъ духѣ нашемъ. Въ этомъ смыслѣ эти первостепенной важности вопросы отступаютъ уже на второй планъ. Ибо главная сущность всего дѣла, по народному пониманію, заключается несомнѣнно и всецѣло лишь въ судьбахъ Восточнаго Христіанства, т. е. Православія. Народъ нашъ не знаетъ ни Сербовъ, ни Болгаръ; онъ помогаетъ, и грошами своими и добровольцами, не Славянамъ и не для Славизма, а прослышалъ лишь о томъ, что страдаютъ Православные Христіане, братья наши, за вѣру Христову отъ Турокъ, отъ «безбожныхъ Агарянъ»; вотъ почему, и единственно поэтому, обнаружилось все движеніе народное этого года. Въ судьбахъ настоящихъ и въ судьбахъ будущихъ Православнаго Христіанства,— въ томъ заключена вся идея народа Русскаго, въ томъ его служеніе Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и не переставаемая въ народѣ нашемъ съ древнѣйшихъ временъ, непрестанная, можетъ быть, никогда и,—это чрезвычайно важный фактъ въ характеристикѣ народа нашего и государства нашего. Московскіе Старообрядцы снарядили и пожертвовали отъ себя цѣлый (и превосходный) санитарный отрядъ и послали его въ Сербію; и однако они отлично знали, что сербы не старообрядцы, а такіе-же какъ и мы, съ которыми они въ дѣлѣ вѣры не сообщаются. Тутъ высказалась именно идея о дальнѣйшихъ, окончательныхъ судьбахъ православнаго христіанства, хотя-бы и въ отдаленныхъ временахъ и срокахъ и надежда будущаго единенія всѣхъ восточныхъ христіанъ воедино; и, помогая христіанамъ противъ турокъ, притѣснителей христіанства, они, стало быть, сочли сербовъ такими-же настоящими христіанами какъ и сами, не смотря на временныя различія, и даже хотя-бы только въ будущемъ. Въ этомъ смыслѣ пожертвованіе это имѣетъ даже историческое значеніе, наводитъ на отрадныя мысли и подтверждаетъ отчасти наше указаніе о томъ, что въ судьбахъ христіанства и заключается вся цѣль народа русскаго, хотя-бы даже и разъединеннаго временно иными фиктивными различіями въ вѣроисповѣданіи. Въ народѣ безспорно сложилось и укрѣпилось даже такое понятіе, что вся Россія для того только и живетъ, чтобы служить Христу и оберегать отъ невѣрныхъ *все* вселенское Православіе. Если не прямо выскажетъ вамъ эту мысль всякій изъ народа, то я утверждаю, что выскажутъ ее вполнѣ сознательно уже весьма многіе изъ народа, а эти очень многіе имѣютъ, безспорно, вліяніе и на весь остальной народъ. Такъ что прямо можно сказать, что эта мысль уже во всемъ народѣ нашемъ почти *сознательная*, а не то что таится лишь въ чувствѣ народномъ. Итакъ въ этомъ лишь еди-

Digitized by Google

номъ смыслѣ Восточный вопросъ и доступенъ народу Русскому. Вотъ главный фактъ.

Но если такъ, то взглядъ на Восточный вопросъ долженъ принять несравненно болѣе опредѣленный видъ и для всѣхъ насъ. Россія сильна народомъ своимъ и духомъ его, а не то что лишь образованіемъ, напримѣръ, своимъ, богатствами, просвѣщеніемъ и проч., какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, ставшихъ, за дряхлостью и потерею живой національной идеи, совсѣмъ искуственными и какъ-бы даже не натуральными. Думаю, что такъ еще долго будетъ. Но если народъ понимаетъ славянскій и вообще Восточный вопросъ лишь въ значеніи судебъ Православія, то отсюда ясно, что дѣло это уже не случайное, не временное, и не внѣшнее лишь политическое, а касается самой сущности русскаго народа, стало быть, вѣчное и всегдашнее до самаго конечнаго своего разрѣшенія. Россія уже не можетъ отказаться отъ движенія своего на Востокъ въ этомъ смыслѣ и не можетъ измѣнить его цѣли, ибо она отказалась-бы тогда отъ самой себя. И если временно, параллельно съ обстоятельствами, вопросъ этотъ и могъ, и несомнѣнно *долженъ* былъ принимать иногда направленіе иное, если даже и хотѣли и должны были мы уступать иногда обстоятельствамъ, сдерживать наши стремленія, то все-же, въ цѣломъ, вопросъ этотъ, какъ сущность самой жизни народа Русскаго, непремѣнно долженъ достигнуть когда нибудь необходимо главной цѣли своей, т. е., соединенія всѣхъ православныхъ племенъ во Христѣ и въ братствѣ, и уже безъ различія Славянъ съ другими остальными православными народностями. Это единеніе можетъ быть даже вовсе не политическимъ. Собственно-же славянскій, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и политическій, въ тѣсномъ значеніи (т. е. моря, проливы, Константинополь и проч.) вопросы разрѣшатся при этомъ, конечно, сами собою въ томъ смыслѣ, въ которомъ они будутъ наименѣе противурѣчить рѣшенію главной и основной задачи. Такимъ образомъ, повторяемъ съ этой народной точки весь этотъ Вопросъ принимаетъ видъ незыблемый и всегдашній.

Въ этомъ отношеніи Европа, не совсѣмъ понимая наши національные идеалы, т. е., мѣряя ихъ на свой аршинъ и приписывая намъ лишь жажду захвата, насилія, покоренія земель,—въ тоже время очень хорошо понимаетъ насущный смыслъ дѣла.

Не въ томъ для нея вовсе дѣло, что мы теперь не захватимъ земель и обѣщаемся ничего не завоевывать: для нея гораздо важнѣе то, что мы, все еще по прежнему и по всегдашнему, неуклонны въ своемъ намѣреніи помогать славянамъ и никогда отъ этой помощи не намѣрены отказаться. Если-же и теперь это совершится

Digitized by Google

и мы славянамъ поможемъ, то мы, въ глазахъ Европы, приложимъ-де новый камень къ той крѣпости, которую постепенно воздвигаемъ на Востокѣ, какъ убѣждена вся Европа, — противъ нея. Ибо, помогая славянамъ, мы тѣмъ самымъ продолжаемъ укоренять и укрѣплять вѣру въ славянахъ въ Россію и въ ея могущество, и все болѣе и болѣе пріучаемъ ихъ смотрѣть на Россію какъ на ихъ солнце, какъ на центръ всего славянства и даже всего Востока. А это укрѣпленіе идеи стоитъ въ глазахъ Европы завоеваній, не смотря даже на всѣ уступки, которыя готова сдѣлать Россія, честно и вѣрно, для успокоенія Европы. Европа слишкомъ хорошо понимаетъ, что въ этомъ *насажденіи идеи* и заключается пока вся главная сущность дѣла, а не въ однихъ только вещественныхъ пріобрѣтеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Понимаетъ тоже Европа, что и русская политика великолѣпно сознаетъ про всю эту сущкость своей задачи. А если такъ, то какже не бояться ей, Европѣ? Вотъ почему Европа всѣми средствами желала-бы взять себѣ въ опеку славянъ, такъ сказать похитить ихъ у насъ и, буде возможно, возстановить ихъ на вѣки противъ Россіи и русскихъ. Вотъ почему она-бы и желала, чтобъ Парижскій трактатъ продолжался сколь возможно долѣе; вотъ откуда происходятъ тоже и всѣ эти проекты о бельгійцахъ, о европейской жандармеріи и пр., и пр. О, все только-бы не русскіе, только-бы какъ нибудь отдалить Россію отъ взоровъ и помышленій славянъ, изгладить ее даже изъ ихъ памяти! И вотъ на какой теперь точкѣ дѣло.

IV.

Словечко объ „ободнявшемъ Петрѣ“.

Въ послѣднее время многіе говорили о томъ, что въ интелигентныхъ слояхъ нашихъ, послѣ лѣтнихъ восторговъ, явилось охлажденіе, невѣріе, цинизмъ и даже озлобленіе. Кромѣ нѣкоторыхъ, весьма серьезныхъ нелюбителей славянскаго движенія нашего, всѣхъ остальныхъ, мнѣ кажется, можно-бы подвести подъ двѣ общія рубрики. Первая рубрика—это такъ сказать *жидовствующіе*. Тутъ стучатъ про вредъ войны въ отношеніи экономическомъ, пугаютъ крахами банковъ, паденіемъ курсовъ, застоемъ торговли, даже нашимъ военнымъ безсиліемъ не только передъ Европой, но и перед турками, забывая, что турецкій баши-бузукъ, мучитель безоружных и беззащитныхъ, отрѣзыватель мертвыхъ головъ, по русской по

Digitized by Google

словицѣ — «молодецъ противъ овецъ, а противъ молодца и самъ овца», что навѣрно и окажется. Чего-же собственно хотятъ жидовствующіе? Отвѣтъ ясенъ: во первыхъ, и главное, имъ помѣшали сидѣть на мягкомъ; но не вдаваясь въ эту нравственную сторону дѣла, замѣчаемъ во вторыхъ: чрезвычайную ничтожность историческаго и національнаго пониманія въ предстоящей задачѣ. Дѣло прямо понимается ими какъ-бы за мимолетный какой-то капризикъ, который можно прекратить когда угодно: «порѣзвились, дескать, и довольно, а теперь-бы и опять за дѣла»—биржевыя, разумѣется.

Вторая рубрика это—*европействующіе*, застарѣлое наше европейничаніе. Съ этой стороны раздаются до сихъ поръ вопросы самые «радикальные»: «Къ чему славяне и зачѣмъ намъ любить славянъ? Зачѣмъ намъ за нихъ воевать? Не повредимъ-ли, гоняясь за безполезнымъ, собственному развитію, школамъ? Гоняясь за національностью, не повредимъ-ли общечеловѣчности? Не вызовемъ-ли наконецъ у насъ религіозный фанатизмъ»? И проч. и проч. Словомъ, вопросы хоть и радикальные, но страшно какъ давно износившіеся. Тутъ главное,—давнишній, старинный, старческій и историческій уже испугъ нашъ передъ дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности. Прежде, когда-то, все это были либералы и прогрессисты и таковыми почитались; но историческое ихъ время прошло и теперь трудно представить себѣ что нибудь ихъ ретроградѣе. Между тѣмъ, въ блаженномъ застоѣ своемъ на идеяхъ сороковыхъ и тридцатыхъ годовъ, они все еще себя считаютъ передовыми. Прежде они считались демократами, теперь-же нельзя себѣ представить болѣе брезгливыхъ аристократовъ въ отношеніи къ народу. Скажутъ, что они обличали въ нашемъ народѣ лишь темныя стороны; но дѣло въ томъ, что, обличая темное, они осмѣяли и все свѣтлое, и даже такъ можно сказать, что въ свѣтломъ-то они и усмотрѣли темное. Не разглядѣли они тутъ что свѣтло что темно! И дѣйствительно, если разобрать всѣ воззрѣнія нашей европействующей интелигенціи, то ничего болѣе враждебнаго здоровому, правильному и самостоятельному развитію русскаго народа нельзя и придумать.

И все это въ самой полной сердечной невинности. О, вѣдь и они любятъ народъ, но... по своему. И что въ томъ, что все это у насъ когда нибудь соединится и разъяснится? Тѣмъ временемъ могутъ наступить великіе факты и застать наши интелигентныя силы въ расплохъ. Тогда не будетъ-ли поздно? Пословица говоритъ: «Лови Петра съ утра, а ободняетъ такъ провоняетъ». Пословица рѣзкая и выражена не изящно, но—правдиво. Не случилось-бы и съ русскимъ европействующимъ человѣкомъ того-же, что съ обод-

Digitized by Google

нявшимъ Петромъ? Не ободнялъ-ли слишкомъ и онъ? Въ томъ-то и дѣло, что, кажется, уже начало что-то въ этомъ родѣ случаться...

А между тѣмъ, для меня почти аксіома, что всѣ наши русскія разъединенія и обособленія основались, съ самаго ихъ начала, на однихъ лишь недоумѣніяхъ и даже самыхъ грубѣйшихъ, и что въ нихъ нѣтъ ничего существеннаго. Горше всего то, что это еще долго не уяснится для всѣхъ и каждаго. И это тоже одна изъ самыхъ любопытнѣйшихъ нашихъ темъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАНИЦЫ.

ЯНВАРЬ.

Глава первая. I. Вмѣсто предисловія о Большой и Малой Медвѣдицахъ, о молитвѣ великаго Гете и вообще о дурныхъ привычкахъ. II. Будущій романъ. Опять „Случайное семейство". III. Елка въ клубѣ художниковъ. Дѣти мыслящія и дѣти облегчаемыя. „Обжорливая младость". Вуйки. Толкающіеся подростки. Поторопившійся московскій капитанъ. IV. Золотой вѣкъ въ карманѣ. . . . . 5—14

Глава вторая. I. Мальчикъ съ ручкой. II. Мальчикъ у Христа на елкѣ. III. Колонія малолѣтнихъ преступниковъ. Мрачныя особи людей. Передѣлка порочныхъ душъ въ непорочныя. Средства къ тому признанныя наилучшими. Маленькіе и дерзкіе друзья человѣчества . . . 14—29

Глава третья. I. Россійское общество покровительства животнымъ. Фельдъегерь. Зелено-вино. Зудъ разврата и Воробьевъ. Съ конца или съ начала? II. Спиритизмъ. Нѣчто о чертяхъ. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти. III. Одно слово по поводу моей біографіи. . . . . 29—43

ФЕВРАЛЬ.

Глава первая. I. О томъ, что всѣ мы хорошіе люди. Сходство русскаго общества съ маршаломъ Макъ-Магономъ. II. О любви къ народу. Необходимый контрактъ съ народомъ. III. Мужикъ Марей. . . . 44—66

Глава вторая. I. По поводу дѣла Кронеберга. II. Нѣчто объ адвокатахъ вообще. Мои наивныя и необразованныя предположенія. Нѣчто о талантахъ вообще и въ особенности. III. Рѣчь г. Спасовича. Ловкіе пріемы. IV. Ягодки. V. Геркулесовы столпы. . . . . 57—84

МАРТЪ.

Глава первая. I. Вѣрна-ли мысль, что „пусть лучше идеалы будутъ дурны, да дѣйствительность хороша"? II. Столѣтняя. III. „Обособленіе". IV. Мечты о Европѣ. V. Сила мертвая и силы грядущія . . . . . 85—105

Глава вторая. I. Донъ-Карлосъ и сэръ Уаткинъ. Опять признаки „начала конца". II. Лордъ Редстокъ. III. Словцо объ отчетѣ ученой коммисіи о спиритическихъ явленіяхъ. IV. Единичныя явленія. V. О Юріѣ Самаринѣ. . . . . 106—120

АПРѢЛЬ.

Глава первая. I. Идеалисты растительной стоячей жизни. Кулаки и міроѣды. Высшіе господа подгоняющіе Россію. II. Культурные типики. Повредившіеся люди. III. Сбивчивость и неточность спорныхъ пунктовъ. IV. Благодѣтельный швейцаръ освобождающій русскаго мужика. 121—140

Глава вторая. I. Нѣчто о политическихъ вопросахъ. II. Парадоксалистъ. III. Опять только одно словцо о спиритизмѣ. IV. За умершаго. 141—159

Digitized by Google

МАЙ.

Глава первая. I. Изъ частнаго письма. II. Областное новое слово. II. Судъ и г-жа Каирова. IV. Г-нъ защитникъ и Каирова. V. Г-нъ защитникъ и Великанова . . . . . 160—178

Глава вторая. I. Нѣчто объ одномъ зданіи. Соотвѣтственныя мысли. II. Одна несоотвѣтственная идея. III. Несомнѣнный демократизмъ. Женщины . . . . . 178—189

ІЮНЬ.

Глава первая. I. Смерть Жоржъ-Занда. Нѣсколько словъ о Жоржъ-Зандѣ . . . . . 190—199

Глава вторая. I. Мой парадоксъ. II. Выводъ изъ парадокса. III. Восточный вопросъ. IV. Утопическое пониманіе исторіи. V. Опять о женщинахъ . . . . . 199—217

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

Глава первая. I. Выѣздъ за границу. Нѣчто о русскихъ въ вагонахъ. II. О воинственности нѣмцевъ. III. Самое послѣднее слово цивилизаціи. 218—227

Глава вторая. I. Идеалисты-циники. II. Постыдно-ли быть идеалистомъ? Нѣмцы и трудъ. Непостижимые фокусы. Объ остроуміи . . . 228—244

Глава третья. I. Русскій или французскій языкъ? II. На какомъ языкѣ говорить будущему столпу своей родины? . . . . . 244—252

Глава четвертая. I. Что на водахъ помогаетъ: воды или хорошій тонъ? II. Одинъ изъ облагодѣтельствованныхъ современной женщиной. III. Дѣтскіе секреты. IV. Земля и дѣти. V. Оригинальное для Россіи лѣто. 252—270

Post-Scriptum. . . . . 270—274

СЕНТЯБРЬ.

Глава первая. I. Piccola bestia. II. Слова, слова, слова! III. Комбинаціи и комбинаціи. IV. Халаты и мыло. . . . . 275—290

Глава вторая. I. Застарѣлые люди. II. Кифо-Мокіевщина. III. Продолженіе предъидущаго. IV. Страхи и опасенія. V. Post-Scriptum . . . 290—307

ОКТЯБРЬ.

Глава первая. I. Простое, но мудреное дѣло. II. Нѣсколько замѣтокъ о простотѣ и упрощенности. III. Два самоубійства. IV. Приговоръ. 308—322

Глава вторая. I. Новый фазисъ Восточнаго вопроса. II. Черняевъ. III. Лучшіе люди. IV. О томъ-же . . . . . 323—339

НОЯБРЬ.

Глава первая. КРОТКАЯ. Фантастическій разсказъ. Отъ автора. I. Кто былъ я и кто была она. II. Брачное предложеніе. III. Благороднѣйшій изъ людей, но самъ-же и не вѣрю. IV. Все планы и планы. V. Кроткая бунтуетъ. VI. Страшное воспоминаніе . . . . . 340—360

Глава вторая. I. Сонъ гордости. II. Пелена вдругъ упала. III. Слишкомъ понимаю. IV. Всего только пять минутъ опоздалъ! . . . . . 361—375

ДЕКАБРЬ.

Глава первая. I. Опять о простомъ но мудреномъ дѣлѣ. II. Запоздавшее нравоученіе. III. Голословныя утвержденія. IV. Кое что о молодежи. V. О самоубійствѣ и о высокомѣріи . . . . . 376—3[illegible]

Глава вторая. I. Анекдотъ изъ дѣтской жизни. II. Разъясненіе объ участіи моемъ въ изданіи будущаго журнала „Свѣтъ". III. На какой теперь точкѣ дѣло. IV. Словечко объ „ободнявшемъ Петрѣ" . . . . . 397—4[illegible]

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Повѣсти и разсказы. — Краткая біографія Ѳ. М. Достоевскаго, съ приложеніемъ портрета.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».—Повѣсти и разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».—Разсказъ «Вѣчный мужъ».

ПЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Идіотъ».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Бѣсы».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1873 г.—Критическія статьи.—Политическія статьи.

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы».

Цѣна за всѣ **двѣнадцать** томовъ—**десять** рублей, съ пересылкою—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. № 11, кв. № 5.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ 2 руб., и ежемѣсячно по рублю до выплаты подписной суммы.

Гг. служащіе могутъ подписываться съ разсрочкою платежа по 1 р. въ мѣсяцъ, при ручательствѣ Гг. Казначеевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google